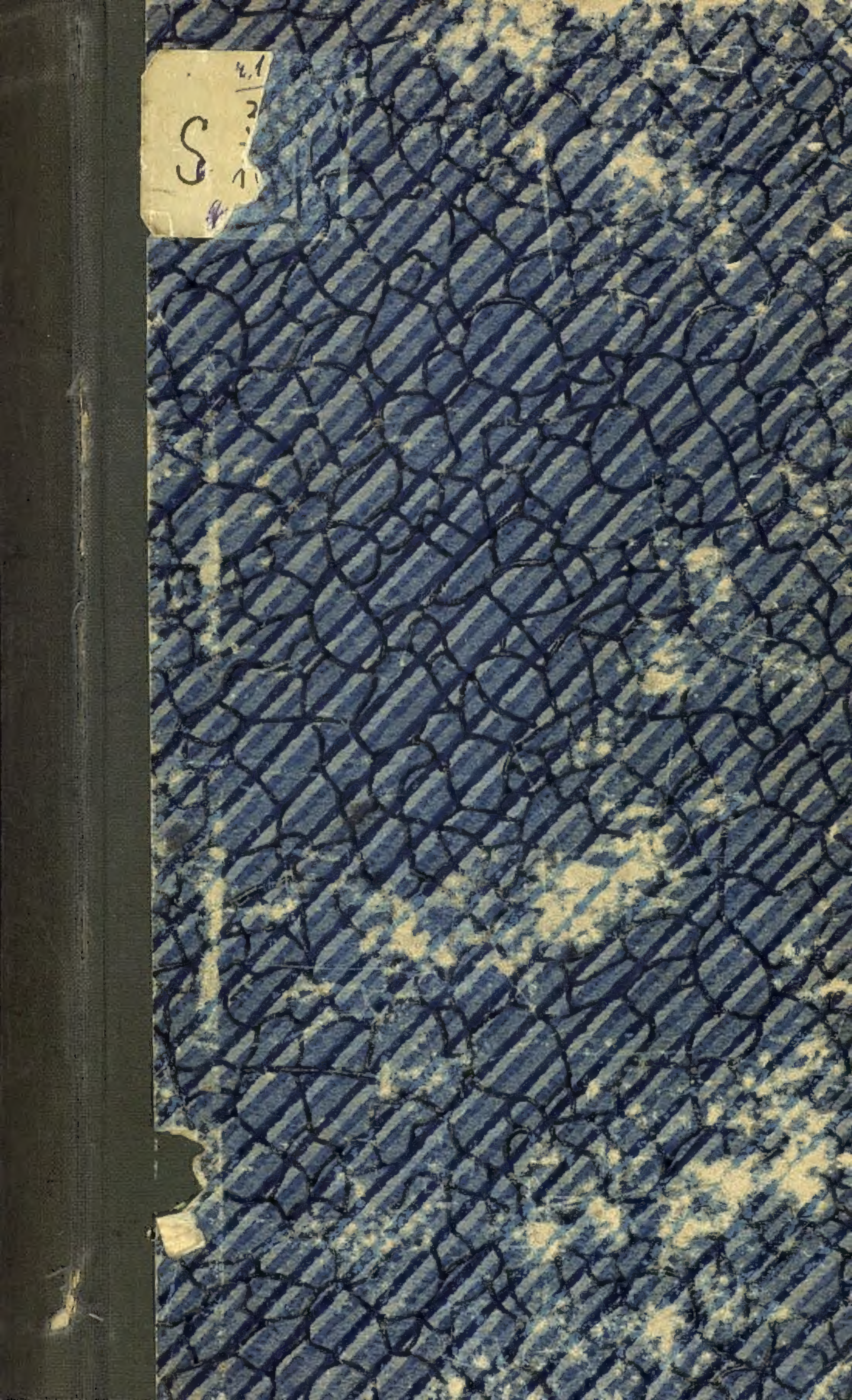


МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

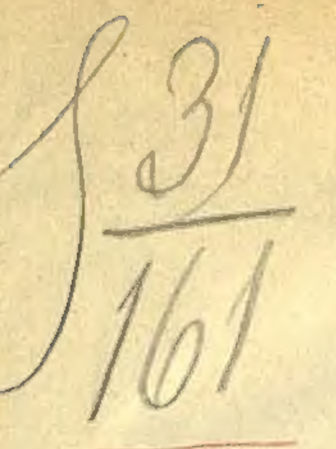
ВЪ РОССІИ

(1086—1856).

Е. Лихачевой.

Удостоено Императорскою Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1899.



МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1086—1856).

Е. Лихачевой.

Удостоено Императорскою Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1899.

2717

ОТЪ АВТОРА.

До восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія мы, въ отношеніи женскаго образованія, средняго и высшаго, стояли впереди всѣхъ европейскихъ государствъ. Этимъ Россія обязана Императрицѣ Екатеринѣ II, которая сто двадцать пять лѣтъ назадъ положила прочное основаніе среднему образованію русскихъ женщинъ, а также продолжательницѣ ея дѣла, Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ [1]).

Понятно, что за болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе женскихъ учебныхъ заведеній, притомъ правительственныхъ, у нихъ должна была сложиться своя исторія, которой, однако, мы до сихъ поръ не знаемъ и даже отдѣльныхъ монографій по отдѣльнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, за весьма небольшими исключеніями, не имѣемъ.

Кромѣ правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, женское образованіе существовало у насъ и само по себѣ; оно существовало и раньше появленія женскихъ учебныхъ заведеній и, потомъ, рядомъ съ ними. У него также должна быть своя исторія, которая тоже до сихъ поръ остается намъ неизвѣстною.

А между тѣмъ матеріаловъ для исторіи женскаго образованія накопилось очень много. Касающійся правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній—въ изобиліи лежитъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій. Относящійся къ женскому образованію вообще — напечатанъ въ видѣ мелкихъ, отрывочныхъ

---

[1]) По случайному совпаденію, не только обѣ Императрицы, Екатерина и Марія, но и Александра Ѳедоровна управляли женскими Институтами по 32 года каждая: Екатерина съ 1764 по 1796 г., Марія Ѳедоровна съ 1796 по 1828 г., Александра Ѳедоровна съ 1828 по 1860 г.

извѣстій и фактовъ, разсѣянныхъ во множествѣ разнообразныхъ литературныхъ произведеній. Эти извѣстія и факты никогда еще не были у насъ сгруппированы и представлены хотя бы въ нѣкоторой между собою связи.

Задача настоящаго труда, и притомъ единственная его задача, на что̀ указываетъ и самое его заглавіе, въ томъ и заключается, чтобы, насколько возможно, собрать разбросанные въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ отдѣльные факты, имѣющіе отношеніе къ женскому образованію, и представить ихъ въ нѣкоторой связи одни съ другими; а также сдѣлать извѣстными хотя часть нигдѣ еще не напечатанныхъ матеріаловъ, которые могли быть получены изъ Архивовъ: Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода.

Само собою разумѣется, что, предпринимая такую работу, я и не задавалась мыслью собрать *весь* имѣющійся по вопросу матеріалъ. Это было бы и невозможно въ трудѣ, представляющемъ лишь первую попытку привести въ нѣкоторый порядокъ накоплявшійся въ теченіе столѣтій и никогда еще не подвергавшійся не только критической, но и какой бы то ни было разработкѣ, матеріалъ.

Въ настоящемъ трудѣ заканчиваются матеріалы для исторіи женскаго дореформеннаго образованія, сосредоточивавшагося почти исключительно въ институтахъ.

Каковы бы ни были, признанные всѣми, недостатки этого образованія, оно, тѣмъ не менѣе, имѣло свое значеніе въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; институты въ извѣстной степени исполнили предначертанную имъ Императрицею Екатериною миссію: они содѣйствовали смягченію нравовъ русскаго общества и внесли нѣкоторую культуру въ русскую жизнь; они же доставили женскимъ училищамъ новаго типа контингентъ учительницъ, и этимъ облегчили осуществленіе реформы женскаго образованія.

Съ учрежденіемъ въ 1856 году открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, начинается новая эпоха: образованіе, до тѣхъ поръ доступное лишь небольшому числу дѣвушекъ и притомъ,

преимущественно, дворянскаго сословія, дѣлается доступнымъ для большинства, оно становится всесословнымъ и постепенно распространяется по всей Россіи.

Подъ вліяніемъ духа времени измѣняются и взгляды русскаго общества на пригодность закрытой системы женскаго воспитанія; институты подвергаются преобразованіямъ, сближающимъ ихъ съ жизнью, и продержавшаяся у насъ почти сто лѣтъ, строго замкнутая система утрачиваетъ свое преобладающее значеніе.

Е. Лихачева.

преимущественно литературные сборники [illegible], посвященные [illegible], оно стремится [illegible] и [illegible] распространяется по всей России.

После [illegible] изменяются в [illegible] [illegible] [illegible] институты [illegible] преобразованием, объединившие [illegible] [illegible] в [illegible] у [illegible], [illegible] свое [illegible].

Е. Пикалева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1086—1796.

СТР.

Отъ автора . . . . III—V

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первое женское училище въ Россіи. — Почему нельзя безусловно отрицать его существованія. — Положеніе женщины на Руси до введенія христіанства.—Взглядъ на женщинъ въ княжеской семьѣ. — Цѣль ученія при Владимірѣ и Ярославѣ.— Княжна Янка основательница перваго женскаго училища при Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. — Грамотныя женщины въ древней Руси.—Первыя школы при церквахъ.—Частныя домашнія школы.— Мастера.—Мастерицы.—Евфросинія Полоцкая (XII в.). — Обученіе женщинъ грамотѣ въ основанномъ ею женскомъ монастырѣ.—Древніе монастыри.—Въ какомъ смыслѣ можно понимать училище „для 300 дѣвушекъ“ княжны Янки, если допустить, что оно было первымъ женскимъ училищемъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ.— Обученіе женщинъ на западѣ въ школахъ и монастыряхъ . . . . 1— 12

ГЛАВА ВТОРАЯ. Состояніе образованности и положеніе женщинъ въ средніе вѣка на западѣ.—Суды любви.—Проектъ Дюбуа.— Западная литература о женскомъ образованіи.—Положеніе русской женщины въ XII в.—Житія святыхъ женщинъ.—Женское училище Евфросиньи Суздальской въ началѣ XIII в.—Житіе Евфросиньи Суздальской.—Извѣстіе объ ея образованности.—Состояніе образованности русскаго общества со второй половины XIII до второй половины XVII в.—Женскіе монастыри и терема.—Польза и вредъ затворничества женщинъ.—Обученіе женщинъ высшихъ классовъ общества въ XV в.—Отношеніе женщинъ къ образованію и отношеніе къ нимъ образованныхъ людей.—Положительныя свѣдѣнія объ обученіи царевенъ въ XVII в. — Царевна Софья. — Выводъ изъ единичныхъ примѣровъ грамотныхъ и, по своему времени, образованныхъ женщинъ о ходѣ просвѣщенія среди женщинъ до Петра. — Чѣмъ объясняется скудость въ нашей древней письменной литературѣ извѣстій о женщинахъ, а равно отсутствіе въ ней какихъ-либо литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ женщинами.—Участіе женщинъ до-петровскаго времени въ общемъ просвѣщеніи страны. . . . . 13— 40

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первое въ Россіи учебное заведеніе для высшаго образованія. Изъ него фактичечки исключены женщины. — Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обнаружи-

стр.

вается рѣзче при Петрѣ. — Его заботы объ образованіи элементарномъ и высшемъ. — Указы 1721 и 1724 года о малыхъ народныхъ школахъ.—Отношеніе Петра къ женскому образованію.—Посѣщеніе Петромъ Сен-Сира въ 1717 году.—Вліяніе реформы Петра на образованіе женщинъ.—Ассамблеи въ Москвѣ (1722).—Бергхольцъ о русскихъ женщинахъ. — Обученіе женщинъ иностраннымъ языкамъ.—Обученіе дочерей царицы Прасковьи; также царевенъ Елизаветы и Анны.—Прогрессъ въ положеніи женщинъ при дворѣ Петра.—Предполагаемый кругъ знаній, которымъ обучали женщинъ высшаго круга при Петрѣ.—Бергхольцъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія и взгляды на него русскихъ и иностранцевъ.—Грубость нравовъ и вкусовъ у принцессъ, дочерей царицы Прасковьи. — Заботы о манерахъ и обученіе имъ. — „Юности честное зерцало". — Гувернантки царевенъ.—Состояніе образованности при Петрѣ. — Школы въ остзейскихъ провинціяхъ.—Иноземная школа въ Москвѣ.—Училище св. Петра въ Петербургѣ.—Обученіе письму при Петрѣ.—Частныя русскія школы.—Учащіяся женскаго пола.—Указъ Петра о монастыряхъ. — Возложеніе на монахинь обязанности воспитывать и обучать дѣтей.—Стремленіе западной католической церкви къ дѣятельному милосердію, въ томъ числѣ и къ воспитанію и обученію бѣдныхъ и сиротъ обоего пола.—Учрежденіе Екатериною I ордена св. Екатерины.—Женскіе учительскіе ордена на западѣ.—Обученіе у насъ въ монастыряхъ.—Указъ о вольныхъ нищихъ 1729 г.—Указы Имп. Елизаветы 1743 и 1754 гг. (послѣдній о повивальныхъ бабкахъ).—Частные пансіоны при Имп. Елизаветѣ.—Успѣхи въ домашнемъ образованіи женщинъ высшихъ классовъ при Елизаветѣ . . 41— 70

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло женскаго воспитанія и образованія на западѣ ко времени вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ.—Теоріи воспитанія и обученія вообще, выработанныя на западѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.—Теоріи женскаго образованія и воспитанія въ частности.—Женское образованіе на западѣ въ XVI в. —Вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи въ западной литературѣ. — Сочиненіе картезіанца де-ла-Барръ. — Программа женскаго образованія аббата Флери. — Сочиненіе Фенелона: „Education des filles".—Сен-Сиръ.—Попытки подражать ему послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ.—Аббатъ де Сен-Пьеръ и его проектъ. . . . . 71— 95

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отношеніе русскаго общества въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія къ вопросамъ воспитанія и образованія вообще.—Взглядъ на науку.—Указъ 1755 г. объ учрежденіи Московскаго университета. — Вопросъ о воспитаніи и образованіи въ русской литературѣ.—Ежемѣсячныя сочиненія. — Рѣчь Барсова. — Собственноручныя замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны объ учрежденіи въ Россіи женскаго учебнаго заведенія на подобіе Сен-Сира.—Записка Теплова о воспитательныхъ Академіяхъ.—Генеральный планъ Московскаго Воспитательнаго Дома.—Докладъ Бецкаго; Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола. —Общія черты Уставовъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на началахъ Генеральнаго Учрежденія.—Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.—Условія, при которыхъ основывалась система

СТРАН.

воспитанія русскаго юношества при Екатеринѣ.—Ея задачи и цѣли при воспитательныхъ реформахъ.—Образованіе и воспитаніе Екатерины.—Значеніе, которое она придавала чтенію книгъ.—Сходство ея взглядовъ со взглядами Монтэня.—Взглядъ Екатерины на образованіе женщинъ.—Различіе между Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ и Сен-Сиромъ.—Объясненіе нѣкотораго сходства въ правилахъ обоихъ заведеній.—Главныя цѣли воспитанія и образованія всего русскаго юношества.—Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.—Достоинства Устава и его недостатки.—Одна изъ причинъ его неосуществимости.—Значеніе дѣла Императрицы Екатерины для женскаго образованія . . . . 96—136

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Указъ 5 мая 1764 года объ основаніи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Воскресенскій Новодѣвичій монастырь.—Сумма на первые расходы и по устройству Воспитательнаго Общества.—Указъ 19 мая 1766 года о пожалованіи Обществу Императрицею Екатериною капитала въ 2.500.000 рублей.—Управленіе дѣлами Общества.—Учительницы и учителя.—Организація быта воспитанницъ.—Сравненіе Устава Воспитательнаго Общества съ правилами г-жи Мэнтенонъ.—Первые члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Первая Начальница, княжна А. С. Долгорукова.—Правительница С. де-Лафонъ.—Первыя учительницы-иностранки.—Первый пріемъ на благородной половинѣ.—Причины медленности, съ которою набирались первыя воспитанницы на благородной половинѣ.—Первыя дѣйствія Совѣта.—Учрежденіе Особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ.—Указъ 31 января 1765 года.—Первый пріемъ на мѣщанской половинѣ.—Программа ученія.—Деньги на приданое.—Привилегія о вольности, данная мѣщанскимъ воспитанницамъ.—Цѣль Екатерины при основаніи отдѣльнаго училища для мѣщанскихъ дѣтей.—Сравненіе ихъ программы съ программою питомицъ Воспитательнаго Дома.—Второй пріемъ на мѣщанской и благородной половинахъ.—Взглядъ Совѣта на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.—Пенсіонерки Императрицы Екатерины.—Плата за нихъ.—Пенсіонерки Бецкаго и баронессы Штакельбергъ.—Признаніе Императрицею и Сенатомъ заслугъ Бецкаго.—Докладъ Бецкаго о пенсіонеркахъ.—Пенсіонерки великаго князя и частныхъ лицъ.—Своекоштныя пенсіонерки.—Общее число пенсіонерокъ.—Отступленія отъ правилъ пріема.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Мотивы Совѣта.—Послѣдній пріемъ при Екатеринѣ (1794 г.).—Число всѣхъ воспитанницъ въ годъ ея смерти (1796 г.).—Равнодушіе русскаго общества и въ концѣ царствованія Екатерины къ женскому образованію.—Причины изобилія отдаваемыхъ дворянами въ Общество дѣтей.—Число всѣхъ получившихъ, за время Екатерины, воспитаніе въ Обществѣ.—Число окончившихъ въ немъ курсъ . . . . 137—171

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Первые годы внутренней жизни въ Смольномъ.—Записки Гл. Ив. Ржевской.—Отношеніе Екатерины къ воспитанницамъ.—Первое ея посѣщеніе Смольнаго.—Письма Екатерины

СТРАН.

къ воспитанницамъ. — Любовь ея къ нимъ.—Письма Екатерины къ Вольтеру о смолянкахъ. — Забота о театральныхъ представленіяхъ въ Смольномъ.—Гулянье воспитанницъ въ Лѣтнемъ саду.—Сужденіе о нихъ публики и литературы.—Стихи въ честь смолянокъ.—Взгляды и ожиданія общества отъ „новаго воспитанія". — Характеръ переписки Екатерины съ воспитанницами.—Письма къ нимъ Бецкаго и шведскаго короля.—Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ.—Характеръ воспитанія въ Смольномъ. — Матеріальная обстановка воспитанницъ.—Дневникъ гр. Бобринскаго.—Танцы и ассамблеи въ Смольномъ.—Столъ для нищихъ. — Постановленія Совѣта объ экзаменахъ и присужденіе наградъ воспитанницамъ. — Чему онѣ учились.—Награды имъ. — Церемонія перваго выпуска изъ Смольнаго (1776).—Пожалованіе Екатериною капитала въ 100.000 рублей для раздачи при выпускѣ изъ процентовъ на приданое неимущимъ и наиболѣе отличившимся воспитанницамъ.—Раздача денегъ мѣщанкамъ.—Скудость свѣдѣній о мѣщанскихъ воспитанницахъ. — Заботы Совѣта объ имуществѣ воспитанницъ. — Отношеніе Совѣта къ мѣщанкамъ.—Подтвержденіе дарованной имъ Императрицею Екатериною привилегіи.—Взятыя ко двору воспитанницы перваго выпуска съ благородной половины. — Портреты ихъ.—Лица, оставленныя „на житье" въ Смольномъ. — Члены Совѣта въ первыя 12 лѣтъ существованія Воспитательнаго Общества . . . . 172—205

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Внутренняя жизнь въ Смольномъ въ слѣдующія семь лѣтъ, до 1783 года. — Перемѣны по учебной части. — Постановленія Совѣта объ экзаменахъ воспитанницъ. — Аттестаты благороднымъ и свидѣтельства мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ 1782 г.—Сокращеніе суммы на приданое мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ.—Прекращеніе отсылки Совѣтомъ въ Банкъ положенной для нихъ „Учрежденіемъ" суммы.—Трудность пріискать Правительницу.—Вознагражденіе надзирательницъ и учительницъ.—Выпуски 1779 и 1782 г. — Пожалованныя Екатериною деньги пенсіонеркамъ. — Ея отношеніе къ воспитанницамъ.—Оставшіяся въ Смольномъ послѣ выпуска. — Письмо отца одной изъ воспитанницъ передъ ея выпускомъ.—Свѣдѣнія о выпущенныхъ въ 1782 г.—Первый примѣръ отдачи роднымъ воспитанницы до окончанія 12-ти лѣтняго срока пребыванія въ Обществѣ. — Разсказъ очевидца. — Коммиссія народныхъ училищъ въ Смольномъ (1783).—Произведенное ею изслѣдованіе о состояніи учебной части въ Обществѣ.—Устраненіе учительницъ иностранокъ и назначеніе учителей.—Новая программа и новый способъ преподаванія, предписанные Коммиссіей.—„Расположеніе ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи". — Цѣль, поставленная Коммиссіею воспитанію дѣвицъ.—Плата учительницамъ и учителямъ. —Публичный экзаменъ, назначенный Коммиссіею.—Награда Янковичу и учителямъ.—Указъ 7 февраля 1785 года съ выраженіемъ Коммиссіи удовольствія Императрицы за введенный ею новый способъ ученія.—Желаніе Екатерины самой раздать награды при выпускѣ 1785 г.—Нѣкоторыя особенности указа 7 февраля.—Письменныя сви-

СТРАН.

дѣтельства учителей, представленныя Императрицѣ по ея повелѣнію. —Характеристики воспитанницъ, представленныя Императрицѣ Начальницею и инспектрисами. — Рѣчь воспитанницы въ присутствіи Императрицы.—Аттестаты по пяти формамъ.—Конецъ перваго, блестящаго періода Общества. — Охлажденіе Императрицы къ Смольному.—Устраненіе Бецкаго отъ участія въ дѣлахъ Общества. — Неисполненіе предписаній Коммиссіи.—Причины этого.—Какъ велось преподаваніе въ Смольномъ послѣ преобразованій Коммиссіи.—Критическія замѣчанія на „Расположеніе“ Коммиссіи.—Докладъ Совѣта Императрицѣ о финансовомъ положеніи Общества и просьба о прибавкѣ суммы на содержаніе его.—Расходы по Обществу. —Расходы на учебную часть.—Повелѣніе Екатерины Завадовскому выдать Совѣту 100.000 р. на покрытіе части долга Общества.—Послѣднее засѣданіе Совѣта при Екатеринѣ.—Послѣднія ея распоряженія. . . 206—236

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Сужденіе кн. Щербатова о Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.—Задача Екатерины при его основаніи.—Почему эта задача не могла быть достигнута вполнѣ.—Результаты воспитанія и образованія въ Смольномъ.—Свидѣтельство Ржевской.—Письмо сенатора Соймонова. — Свидѣтельство кн. Ив. Мих. Долгорукова о смолянкахъ. —Выводъ изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ о смолянкахъ Екатерининскаго времени. — Почему онѣ не могли удовлетворять требованіямъ тогдашняго русскаго общества.—Неприготовленность смолянокъ къ практической жизни и къ жизни „въ обществѣ“.—Свидѣтельство Н. Греча о смолянкахъ первыхъ выпусковъ.—Взглядъ самихъ женщинъ и русскаго общества на женское образованіе. —Отношеніе литературы Екатерининскаго времени къ образованію и воспитанію женщинъ. —Отношеніе къ нему людей ученыхъ.—Рѣчь профессора Десницкаго. —Домашнее воспитаніе женщинъ во второй половинѣ XVIII в.—Свидѣтельство А. Болотова.—„Живописецъ“ Новикова.—Провинціальные нравы въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка.—Свидѣтельство Белькура о русскихъ дамахъ —Способы къ образованію, существовавшіе для женщинъ при Екатеринѣ. —Типы Бригадирши и Совѣтницы.—Частные женскіе пансіоны при Екатеринѣ.—Прогрессъ въ женскомъ образованіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. — Сегюръ и Кларкъ объ образованіи русскихъ женщинъ. — Двѣ женщины—самые образованные люди въ Россіи при Екатеринѣ.—Женщины, читающія журналы.—Женщины-писательницы при Екатеринѣ. — Отношеніе къ нимъ современныхъ имъ писателей.—Отношеніе къ нимъ Екатерины.—Почему ни одна изъ женщинъ-писательницъ ея времени не могла стать на ряду съ лучшими тогдашними писателями. — Отношеніе къ женскому научному образованію образованныхъ, современныхъ имъ, людей науки.—Требованія образованнаго русскаго общества отъ образованныхъ женщинъ.—Отношеніе къ женщинамъ поэтовъ. — Равнодушіе общества и литературы къ женскому образованію въ концѣ царствованія Екатерины.—Карамзинъ—выразитель взглядовъ русскаго общества на задачу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Пропущенныя имъ стороны воспитанія въ Воспитательномъ

СТРАН.

Обществѣ.—Позднѣйшія сужденія о немъ.—Пророческія слова Бецкаго.—Назначеніе кн. Дашковой Президентомъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи . . . . 237—279

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Заслуги Императрицы по народному образованію женщинъ.—Указъ 7-го ноября 1776 года о заведеніи народныхъ училищъ въ Россіи.—Почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были предназначены для дѣтей обоего пола.—Учащіяся дѣвочки въ Исаакіевскомъ, первомъ народномъ училищѣ въ Россіи. — Число учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи. — Общественное мнѣніе относительно обученія дѣвочекъ, выразившееся въ наказахъ депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.—Наказъ Малороссійскому депутату Натальину.—Ученіе дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Донесеніе директора Курскихъ народныхъ училищъ объ училищѣ для женскаго пола и объ обученіи дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Предубѣжденіе родителей и общества противъ ученія въ народныхъ училищахъ вообще, и въ особенности для дѣвушекъ.—Допущеніе дѣвочекъ и въ Главныя народныя училища. — Курсъ Главныхъ народныхъ училищъ. — Число учащихся дѣвочекъ въ Главныхъ народныхъ училищахъ разныхъ губерній.—Единственная, неудовлетворенная Екатериною сторона женскаго образованія.—Отстраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ училищахъ. — Предполагаемыя причины этого. — Итоги женскаго образованія за все время царствованія Императрицы Екатерины II. — Значеніе ея заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще . . . . 280—290

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1796—1828 гг.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Указъ Императора Павла I Императрицѣ Маріи начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ.—Пожертвованіе Императрицы Обществу. — Пожертвованія великихъ княгинь и княженъ.—Первыя распоряженія Императрицы по Обществу.—Приведеніе въ порядокъ хозяйственной части.—Увеличеніе средствъ на его содержаніе.—Инструкція должностнымъ лицамъ.—Приготовленія къ первому при Императрицѣ пріему въ Общество.—Предложеніе Совѣта сократить число воспитанницъ.—Проектъ Императрицы о переустройствѣ всей организаціи Общества. — Увеличеніе числа вакансій на благородной половинѣ для дворянскихъ дѣтей и уменьшеніе числа мѣщанскихъ. — Указъ Императора Павла и ассигнованіе имъ суммы на содержаніе прежняго числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Измѣненіе системы Императрицы Екатерины II по женскому образованію.—Личныя свойства характера Императрицы Маріи.—Ея молодость, воспитаніе и образованіе.—Объясненіе характера реформъ, предпринятыхъ Императрицею Маріею въ женскомъ образованіи и воспитаніи.—Выдѣленіе женскаго образованія изъ общей системы воспитанія и образованія русскаго юношества въ отдѣльную часть.—Первый выпускъ изъ Общества при Императрицѣ Маріи.—Награды воспитанницамъ.—Смерть Делафонъ.—Новая начальница Пальменбахъ.—Члены Совѣта.—Составленныя Императрицею правила пріема въ Общество.—Измѣненіе первоначальной цѣли его учрежденія.—Стоимость содержанія воспитанницы на благородной и на мѣщанской половинахъ.—Пенсіонерки особъ царской фамиліи и частныя.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Кассетная сумма.—Добавленіе отпускаемой изъ государственнаго казначейства суммы на содержаніе Общества.—Нарушеніе правилъ пріема, предписанныхъ Императрицею Маріею.—Дочери купца на благородной половинѣ по повелѣнію Императора Павла. — Классныя Дамы . . . . 1 — 20

ГЛАВА ВТОРАЯ. Указъ Императора Павла о начальствованіи Императрицы Маріи надъ Воспитательными Домами въ Петербургѣ и Москвѣ. — Пожертвованіе имъ Императрицы.—Цѣль учрежденія этихъ Домовъ и ихъ устройство.—Смертность среди при-

СТРАН.

носимыхъ дѣтей.—Безпорядки въ администраціи.—Планъ Императрицы переустройства Домовъ.—Ограниченіе числа питомцевъ и питомицъ.—Программа ихъ обученія.—Характеръ реформъ Императрицы.—Отмѣна дарованной Екатериною питомцамъ и питомицамъ Домовъ привилегіи.—Отраженіе этой мѣры на мѣщанскихъ воспитанницахъ Общества.—Основаніе Сиротскаго училища (Маріинскій институтъ) для сорока бѣдныхъ сиротъ на личныя средства Императрицы.—Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ.—Докладъ князя Куракина.—Обязанности кавалерственныхъ Дамъ ордена св. Екатерины.—Пожертвованія Императрицы, великихъ княгинь и княженъ на училище для бѣдныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.—Его доходы.—Дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, основанное Императоромъ Павломъ (Павловскій институтъ).—Положеніе о немъ.—Права воспитанницъ по окончаніи курса.—Измѣненіе характера отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ сословій.—Взносъ въ кассу училища восьмой части получаемаго бывшими его воспитанницами жалованья.—Примѣненіе этого правила къ Воспитательнымъ Домамъ.—Обезпеченіе судьбы воспитанницъ всѣхъ заведеній.—Практическій Акушерскій институтъ въ Москвѣ.—Училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ; его цѣль и средства.—Гатчинскій сельскій Воспитательный Домъ.—Проектъ Императрицы учредить пять женскихъ училищъ въ губерніяхъ.—Александровское училище въ Москвѣ; его средства.—Принятіе Императрицею Маріею въ свое вѣдѣніе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома.—Прежняя его организація.—Суммы на его содержаніе.—Данныя ему Императрицею „Учрежденія".—Основаніе французскихъ классовъ въ Воспитательныхъ Домахъ.—Повивальный институтъ въ Петербургѣ.—Измѣненіе правилъ пріема на мѣщанскую половину Общества.—Военное отдѣленіе.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Увеличеніе вакансій во всѣхъ заведеніяхъ для дочерей военнаго дворянства.—Пріемный возрастъ воспитанницъ.—Принятіе Императрицею подъ свое покровительство харьковскаго института.—Училище для солдатскихъ дочерей.—„Учрежденіе" для дочерей черноморскаго флота.—Положеніе, данное имъ Императоромъ Николаемъ.—Тѣлесныя наказанія.—Раздѣленіе женскихъ учебныхъ заведеній на категоріи по происхожденію воспитанницъ.—Новыя правила пріема на мѣщанскую половину Общества.—Денежныя средства женскихъ учебныхъ заведеній.—Пожертвованныя Императрицею Маріею суммы.—Пенсіонные капиталы.—Пожертвованія разныхъ лицъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ и на содержаніе пенсіонерокъ.—Награды воспитанницамъ.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Итоги суммъ, отпускавшихся при Императрицѣ Маріи разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ изъ государственнаго казначейства.—Итоги денежныхъ пожертвованій самой Императрицы . . . . 21 — 69

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Уставъ 1804 года.—Отношеніе къ женскому образованію Императора Александра I.—Пожертвованія на муж-

СТРАН.

скія и женскія учебныя заведенія. — Пожертвованіе тверского дворянства на женское учебное заведеніе. — Указъ Императора Александра о благотворительности. — Частная благотворительность. — Пожертвованіе камергера Свистунова. — Домъ Трудолюбія въ Петербургѣ (Елизаветинское училище). — „Положеніе“, ему данное. — Измѣненіе цѣли его основанія; его средства. — Принятіе Дома подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны. — Харьковское Общество благотворенія. — Харьковскій институтъ. — Уставъ харьковскаго института и его отличіе отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ Императрицы Маріи правилъ. — Доходы института. — Бытъ воспитанницъ. — Отчеты объ институтѣ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“. — Посѣщеніе института великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. — Посѣщеніе государя. — Принятіе института подъ покровительство Императрицы Маріи. — Торжественное открытіе харьковскаго института. — Отношеніе къ нему харьковскаго общества. — Пожертвованія. — Награды воспитанницамъ. — Измѣненіе программы ученія. — Средства. — Измѣненіе устава. — Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ. — Назначеніе учителямъ жалованья. — Расширеніе института. — Высочайшее повелѣніе приказамъ общественнаго призрѣнія о суммахъ на содержаніе института. — Завѣщанный ему Императрицею Маріею капиталъ. — Петербургское Патріотическое Общество Дамъ. — Пожалованіе ему 50.000 р. ежегодно Императоромъ Александромъ. — Пожертвованія особъ царской фамиліи. Указъ объ оставленіи Общества подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны. — Совѣтъ. — Женскія Патріотическія Общества въ Рязани и въ Москвѣ. — Средства Общества. — Училище для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей въ войну 1812 года (Патріотическій институтъ). — Частныя школы Патріотическаго Общества. — Принятіе Патріотическаго института подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны. — Положеніе и штатъ 1827 года. — Суммы, опредѣленныя Императоромъ Николаемъ на содержаніе института. — Полтавскій институтъ. — Сравненіе его устава съ уставомъ харьковскаго. — Отношеніе полтавскаго дворянства къ институту. — Первый выпускъ. — Средства на содержаніе института. — Записка князя Репнина В. П. Кочубею о положеніи института. — Мнѣніе государя. — Суммы на содержаніе института изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и изъ государственнаго казначейства. — Дозволеніе принимать въ институтъ дочерей купцовъ 1-ой и 2-ой гильдіи. — Положеніе 1828 года. — Дома Трудолюбія въ Симбирскѣ (Елизаветинское училище) и Москвѣ (Елизаветинское училище). — Положеніе 1825 года. — Пожертвованіе московскому Дому Трудолюбія. — Пожертвованіе помѣщицы М. Н. Родіоновой на учрежденіе института въ Казани. — Одесскій институтъ и его уставъ . . . . 70—126

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Отношеніе Императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ. — Ея переписка съ начальницами. — Отношеніе Императрицы къ воспитанницамъ. — Ея напутствія выпускнымъ. — Характеръ ея наставленій воспитанницамъ. —

СТРАН.

Улучшеніе матеріальнаго быта начальницъ и классныхъ дамъ.— Инструкція начальницѣ Воспитательнаго Общества.— Отношеніе Императрицы къ родителямъ воспитанницъ.— Заботы о больныхъ воспитанницахъ.— Письма Императрицы о пищѣ воспитанницъ.— Тоска по дому у нихъ.— Отношеніе начальницъ и классныхъ дамъ къ воспитанницамъ.— Условія институтской жизни.— Донесенія начальницъ.— Вѣра Императрицы въ достоинства институтскаго воспитанія.— Помѣщеніе въ женскія учебныя заведенія, какъ награда за заслуги родителей.— Устройство судьбы воспитанницъ.— Разсказъ Императрицы Александры Ѳедоровны.— Любовь воспитанницъ къ Императрицѣ Маріи.—Закрытая система воспитанія.— Собранія.— Приготовленія къ пріему гостей, пріѣзжавшихъ въ институты.— Сужденія объ институтскомъ воспитаніи.—Выпускные экзамены.— Заботы о внѣшности воспитанницъ.— Балетъ въ Воспитательномъ Обществѣ.— Инструкціи Императрицы начальницамъ.— Ея взглядъ на внѣшніе знаки отличія для воспитанницъ.— Тѣлесныя наказанія въ институтахъ.— Занятія воспитанницъ хозяйствомъ.— Книга „Отеческіе совѣты моей дочери“.— „Правоученіе“ протоіерея Воскресенскаго.— Внутренняя жизнь институтовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны . . . . 127—184

ГЛАВА ПЯТАЯ. Взглядъ Императрицы Маріи на образованіе.—Начертанный ею планъ ученія въ Обществѣ.—Сравненіе программы плана съ программою Коммиссіи народныхъ училищъ.— Учителя и ихъ жалованье.— Записка инспектора объ учителяхъ.— Программа ученія въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины.— Программа мѣщанскихъ училищъ.— Планъ ученія для дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома.— Затрудненія при введеніи плана Императрицы.— Донесенія инспектора классовъ.— Преподаваніе физики и учителя.— Требованія Императрицы отъ учителя физики.— Взглядъ инспектора на обученіе мѣщанокъ.— Предметы, преподававшіеся на иностранныхъ языкахъ.— Повышеніе требованій при помѣщеніи воспитанницъ въ институты.— Инспекторъ классовъ Лодій.— Его докладъ Императрицѣ.— Его поиски учителя физики на французскомъ языкѣ.— Учебныя руководства въ женскихъ заведеніяхъ.— Печатаніе фамилій учителей въ Адресъ-календарѣ.— Третные рапорты учителей.—Отмѣтки воспитанницамъ.— Учебный планъ Лодія.— Повышеніе программы мѣщанскаго училища.— Знанія воспитанницъ.— Заботы Императрицы объ ученіи.— Присылаемыя ею книги.— Инспекторъ классовъ Германъ.— Его донесенія.— Приглашеніе лучшихъ учителей.— Комитетъ по учебной части.— Отмѣна экзаменовъ при переводѣ изъ одного класса въ другой.— Табель о жалованьѣ учителей.— Правила о наградахъ и пенсіяхъ имъ.— Особенныя требованія отъ учителей для женскихъ учебныхъ заведеній.— Программа курса для пепиньерокъ.— Сочиненія воспитанницъ.— Отраженіе на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по мужскому образованію.— Цѣль учрежденія Комитета по

СТРАН.

учебной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Учебный Комитетъ при главномъ правленіи училищъ. — Руководство по исторіи. — Диктованіе въ классахъ. — Беседы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Библіотека Общества.—Самостоятельное отношеніе Императрицы Маріи къ мѣрамъ правительства по мужскому образованію. — Положеніе учебнаго дѣла въ Патріотическомъ институтѣ и петербургскомъ Домѣ Трудолюбія.—Программа полтавскаго института.—Донесеніе Гулакъ-Артемовскаго объ ученіи въ этомъ институтѣ . . . . 185 — 220

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отношеніе литературы къ образованію въ институтахъ. — Сужденія о воспитанницахъ нихъ.—Требованія общества отъ образованія вообще и въ частности отъ воспитанія и образованія женщинъ. — А. Никитенко объ образованіи институтокъ. — Условія, предъявлявшіяся къ преподаванію въ институтахъ.—Возрастъ, въ которомъ институтки кончали свое образованіе. — Знанія, съ какими онѣ выходили изъ заведенія. — Метода Песталоцци. — Показная сторона институтскаго образованія. — „Сѣверный Вѣстникъ" о знаніяхъ воспитанницъ. — Стихотворныя сочиненія ихъ.—Рецензія П. Калайдовича.—Письма бывшихъ воспитанницъ.—Начало педагогическаго образованія женщинъ.—Пепиньерки.—Приготовленіе гувернантокъ въ бѣлорусскія губерніи. —Императрица объ ученіи пепиньерокъ. — Курсъ пепиньерскихъ классовъ. — Классы наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ.— Планъ ихъ ученія, начертанный Императрицею.—Помѣщеніе наставницъ на мѣста. — Программа инспектора классовъ Фусса.— Музыкальные классы при Воспитательныхъ Домахъ. — Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи въ дѣлѣ женскаго образованія.— Ея заслуги по обезпеченію судьбы воспитанницъ.—Отношеніе къ ней бывшихъ воспитанницъ. — Цѣль большинства родителей при отдачѣ въ женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы. — Награды воспитанницамъ при выпускахъ.—Форма свидѣтельствъ . . . . 221 — 249

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Образованіе женщинъ въ первой трети нашего столѣтія.—Частные женскіе пансіоны.—Женское училище въ Харьковѣ на общественныя средства. — Женскія училища.— Пансіонъ графини Чернышевой.—Женское образованіе въ западномъ краѣ.—Дѣятельность Эдукаціонной коммиссіи по женскому образованію.—Генеральныя визитаторки.—Проектъ женской учительской семинаріи въ Кременцѣ.—Система кн. Чарторыйскаго.— Институтъ для приготовленія гувернантокъ.—Народныя училища въ западномъ краѣ. — Училища по уставу 1804 года.—Число учащихся дѣвушекъ въ народныхъ школахъ. — Общее число ихъ въ имперіи въ 1824 году.—Домашнее воспитаніе и образованіе женщинъ.—Вопросъ объ образованіи въ литературѣ.—Сословность въ дѣлѣ образованія.—Отношеніе журналовъ первыхъ годовъ нашего столѣтія къ женщинамъ и ихъ образованію.—Участіе женщинъ въ литературѣ.—Образованіе женщинъ высшихъ классовъ общества.—

СТРАН.

Ученая женщина.—Отношеніе Карамзина къ женщинамъ и ожидаемая имъ польза отъ ихъ участія въ литературѣ.—Пріемы журналовъ по отношенію къ писательницамъ. — „Московскій Телеграфъ“ и его отношеніе къ нимъ. — Вопросъ о женскомъ образованіи въ рѣчахъ профессоровъ. — Публичныя лекціи въ московскомъ университетѣ.—Женщины на лекціяхъ профессоровъ.—Участіе женщинъ въ обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи.—Образованіе женщинъ среднихъ классовъ общества. — „Дамскій Журналъ“.—„Московскій Телеграфъ“ о журналѣ для женщинъ.—Число писательницъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ. — Нравы тогдашняго общества.—Сужденія иностранцевъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія о немъ русскаго общества. . . . . 250 — 301

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1828—1856 гг.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Поступленіе женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство Императрицы Александры Θеодоровны. — Учрежденіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Завѣщаніе Императрицы Маріи.—Учрежденіе Маріинскаго знака отличія.—Измѣненіе порядка управленія женскими учебными заведеніями.—Увеличеніе числа ихъ.—Положеніе 1827 года.—Одесскій институтъ.—Пожертвованіе Курта. — Сиротскіе институты. — Институты: кіевскій, тамбовскій, керченскій, астраханскій, владимірскій, казанскій, нижегородскій, саратовскій.—Пожертвованія Брехова и Кушникова. — Женскія учебныя заведенія въ западномъ краѣ.—Генеральная Визитаторка высшихъ учебныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ.—Образцовые пансіоны.— Институты: закавказскій, восточной Сибири, донской. — Первое женское учебное заведеніе въ Сибири. — Дѣвичьи училища: одесское, кіевское, оренбургское. — Тобольская школа. — Институты: могилевскій, орловскій. — Проектъ костромскаго „Романовскаго“ института. — Пожертвованіе ярославскаго дворянства. — Частныя преобразованія по отдѣльнымъ заведеніямъ.—Дома Трудолюбія.— Повышеніе должности начальницъ. — Комитетъ 1844 года.—Цѣль, поставленная государемъ женскому воспитанію. — Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Раздѣленіе заведеній на разряды.— Образцовыя кухни.—Введеніе гимнастики. — Учрежденіе главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. — Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.—Измѣненіе правилъ пріема, публичныхъ испытаній и наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. — Учрежденіе должности почетныхъ попечительницъ. — Общій уставъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Обозрѣніе учрежденій съ 1828 по 1853 гг.— Число заведеній и учащихся. — Средства. — Пожертвованія. — Маріинскій институтъ . . . . 1—96

ГЛАВА ВТОРАЯ. Отношеніе императрицы Александры Θеодоровны къ воспитанницамъ. — Перемѣна сношеній ея съ институтами.—Улучшеніе положенія должностныхъ лицъ женскаго пола.—

Стран.

Прекращеніе переписки императрицы съ начальницами. — Донесенія начальницъ.— Собственноручныя резолюціи государя на докладахъ статсъ-секретарей.— Осмотры заведеній.— Отчеты Вонлярлярскаго, Лонгинова, Попова.—Предполагаемыя мѣры. — Образцовыя кухни.—Характеристика институтокъ. — Подчиненіе умственнаго воспитанія нравственному.—Мѣры поощренія и наказанія.— Власть начальницъ.—Столкновеніе ихъ съ генералъ-губернаторомъ и членами Совѣтовъ.—Мѣры главнаго Совѣта.—Инструкціи начальницамъ и класснымъ дамамъ.— Бытъ воспитанницъ.—Балы.—Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ. — Занятія хозяйствомъ. — Пища. — Повелѣніе государя относительно пищи воспитанницъ.— Измѣненіе распредѣленія дня въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Принцъ П. Г. Ольденбургскій . . . . 61—86

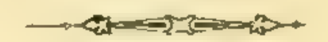
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первыя мѣры Императрицы Александры Өедоровны по учебной части женскихъ заведеній. — Сокращеніе курса.—Дарованіе правъ воспитанницамъ на полученіе званія домашней учительницы.—Положеніе 1834 года.—Учебный комитетъ при IV отдѣленіи.—Инспектора и учителя женскихъ заведеній.— Ешевскій, Шульгинъ, Бунге, Гоголь.—Отношеніе Гоголя къ своимъ занятіямъ въ патріотическомъ институтѣ.—Правила для испытанія учителей по министерству народнаго просвѣщенія.— Отступленія отъ нихъ для учителей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Плата учителямъ.—Знанія воспитанницъ. — Отчеты Вонлярлярскаго и замѣчанія на нихъ императора Николая. — Сочиненія воспитанницъ.— Особенности учебнаго курса Маріинскаго института. — Записка князя В. Ө. Одоевскаго.— Власть начальницъ по учебной части институтовъ. — Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ о преподаваніи въ институтахъ. — Новые учебные планы.— Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ.— Учебныя руководства и пособія. — Спеціальные классы при Александровскихъ училищахъ.—Преобразованіе курса сиротскихъ институтовъ.—Музыкальные классы.—„Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній". — Примѣненіе къ нему программъ этихъ заведеній . . . . 87—146

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Женскія духовныя училища. — Епархіальныя училища. — Училища для спеціальнаго образованія женщинъ.—Община сестеръ милосердія. — Дѣтскіе пріюты. — Кавказскія училища.—Училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій.— Архангельское женское училище. — Число учащихся женщинъ. — Проектъ высшаго женскаго училища для приходящихъ. — Начальное народное образованіе. — Женскія, отдѣльныя отъ приходскихъ, училища. — Плата въ женскихъ училищахъ. — Учащіяся въ городскихъ приходскихъ училищахъ дѣвочки. — Сельскія приходскія женскія училища —Временное увеличеніе числа учащихся въ нихъ дѣвочекъ.—Московское Общество сельскихъ хозяевъ.—Женская крестьянская школа Стремоухова. — Проектъ непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, о женскихъ кре-

Стран.

стьянскихъ школахъ.—Его книга: *о всенародномъ распространеніи грамматности въ Россіи.* — Открытіе женскихъ крестьянскихъ школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, удѣльныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ частныхъ лицъ.—Письма и отзывы на брошюру Маслова.—Заботы объ эстетическомъ образованіи крестьянокъ.—Отношеніе къ проекту Маслова нашихъ журналовъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.—Приготовленіе наставницъ въ женскія крестьянскія школы.—Частныя школы грамотности.—Число учащихся въ женскихъ частныхъ пансіонахъ и школахъ.—Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ — Рѣчь профессора Фишера по поводу Положенія о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ.—Число учительницъ, учителей и наставниковъ.—Частные женскіе пансіоны.—Училище принцессы Терезіи Ольденбургской.—Частные женскіе пансіоны въ западномъ краѣ.—Число женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ 1834 году.—Число ихъ въ 1856 году . . . . 147—216

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отношеніе общества къ институтскому образованію.—Отношеніе къ нему самихъ институтокъ.—Отношеніе къ нему литературы.—Отношеніе общества къ женскому образованію вообще.—Отношеніе къ нему литературы.—Ея требованія относительно образованія женщинъ.—Особые курсы наукъ для женщинъ.—Движеніе идей въ пользу улучшенія женскаго образованія.—Отношеніе женщинъ къ вопросу.—Новые женскіе типы въ литературѣ.—Образованіе женщинъ въ различныхъ слояхъ общества въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Отношеніе писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Отношеніе литературы къ женщинамъ-писательницамъ.—Положеніе ихъ въ обществѣ.—Отношеніе литературы къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ.—Женщины-писательницы до-гоголевскаго періода.—Измѣнившіяся въ концѣ 40-хъ годовъ требованія критики отъ литературныхъ произведеній.—Удовлетворяли ли имъ женщины-писательницы 40-хъ и начала 50-хъ годовъ?—Характеръ ихъ литературныхъ произведеній.—Отношеніе этихъ писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Причины пассивнаго отношенія женщинъ къ нему.—Условія ихъ жизни въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Ихъ роль въ движеніи на пользу женскаго образованія.—Слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны отряда сестеръ милосердія. . . . . 217—267



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1086—1796 гг.

Не отъ наукъ, а отъ невѣжества въ наукахъ. *Карамзинъ.*

Право пріобрѣтать знанія принадлежитъ всему человѣчеству. *Козодавлевъ* (Планъ учрежденія университетовъ въ Россіи. 1787).

I.

Первое женское училище въ Россіи. — Почему нельзя безусловно отрицать его существованія.—Положеніе женщины на Руси до введенія христіанства.— Взглядъ на женщинъ въ княжеской семьѣ. — Цѣль ученія при Владимірѣ и Ярославѣ. — Княжна Янка основательница перваго женскаго училища при Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. — Грамотныя женщины въ древней Руси. —Первыя школы при церквахъ. — Частныя домашнія школы. — Мастера.— Мастерицы.—Евфросинія Полоцкая (XII в.).—Обученіе женщинъ грамотѣ въ основанномъ ею женскомъ монастырѣ. — Древніе монастыри. — Въ какомъ смыслѣ можно понимать училище „для 300 дѣвушекъ“ княжны Янки, если допустить что оно было первымъ женскимъ училищемъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. — Обученіе женщинъ на западѣ въ школахъ и монастыряхъ.

Исторію женскаго образованія въ Россіи слѣдуетъ начинать, какъ это и дѣлаютъ весьма рѣдкіе еще у насъ собиратели матеріаловъ по этой исторіи и вообще рѣдкія лица, интересующіяся ею, съ 1764-го года, т.-е. года, въ которомъ императрица Екатерина II основала Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и этимъ положила начало общественному образованію русскихъ женщинъ. Но и до того времени женщины у насъ учились и даже учили; онѣ учились и учили въ частныхъ пансіонахъ, въ семьяхъ, еще раньше—въ теремахъ и монастыряхъ.

Первое женское училище въ Россіи было основано, по свидѣтельству Татищева, въ 1086-мъ году въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодовною [1]) Это

[1]) *Татищевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 1773 г. Кн. 2, стр. 138.—*Макарій.* Исторія русской церкви. 1868. Т. II, стр. 93.

было первое въ Россіи училище послѣ новгородскаго, учрежденнаго, по словамъ лѣтописи, Ярославомъ для 300 дѣтей въ 1025-мъ году; стало быть въ томъ же вѣкѣ, лишь шестидесятью годами раньше.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени достовѣрности обоихъ извѣстій, приводимыхъ лишь нѣкоторыми изъ лѣтописей, нельзя безусловно и отрицать существованія женскаго училища княжны Янки.

Въ первое время принятія Русью христіанства и вмѣстѣ съ нимъ просвѣщенія, какое существовало у грековъ, это послѣднее, по мысли Владиміра, должно было распространяться черезъ людей знатныхъ и бояръ, которыхъ онъ и приказалъ учить. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, распоряженіе Владиміра, а также позднѣйшее, Ярослава, слѣдуетъ понимать такъ, что дѣти (нѣкоторые думаютъ что и взрослые), раздавались въ ученіе пришедшимъ съ Владиміромъ изъ Византіи грекамъ, а впослѣдствіи нашимъ священникамъ. Это были маленькія, частныя школы. Кого и чему въ нихъ учили—на это нѣтъ точныхъ указаній. Но Голубинскій, въ своей „Исторіи русской церкви“ [1]), высказывая предположеніе, что цѣль Владиміра при введеніи у насъ христіанства заключалась не въ перенесеніи къ намъ простой грамотности, которая и раньше его на Руси существовала, а всей греческой образованности, —говоритъ, что предназначенное для принятія ея сословіе знатныхъ и бояръ не обнаружило ни способности, ни желанія перенять образованіе у греческихъ учителей, что періодъ существованія у насъ дѣйствительнаго просвѣщенія хотя и былъ, но продержался очень недолго и исчезъ съ первымъ же поколѣніемъ учившихся у грековъ русскихъ дѣтей. Научное образованіе совсѣмъ къ намъ не привилось, но небольшое число образованныхъ, по тогдашнему, русскихъ людей этого поколѣнія получило образованіе церковное, т.-е. начитанность въ священныхъ книгахъ. Къ этому небольшому числу принадлежала и княжеская семья, съ которой, естественно, должно было начаться просвѣщеніе.

Дѣти и внуки Владиміра были грамотными, а Ярославъ былъ страстнымъ любителемъ чтенія божественныхъ книгъ, которыя самъ даже переписывалъ. Сынъ его, Всеволодъ, отецъ Янки, былъ не только грамотнымъ, но по тому времени образованнымъ, ибо зналъ пять иностранныхъ языковъ, которые, по словамъ Мономаха (сына Всеволода), изучилъ „сидя дома“ [2]). Возможность для рус-

---

[1]) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Москва. 1881.

[2]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. III, стр. 87.

скаго князя изучить въ то время иностранные языки не выѣзжая изъ Россіи, можетъ быть объяснена тѣмъ, что при дворѣ Ярослава нерѣдко живали иностранные государи и князья, по какимъ-либо обстоятельствамъ вынужденные удалиться изъ отечества и искавшіе защиты у русскаго великаго князя. Кромѣ того, съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи дѣвушки княжескаго рода выдавались замужъ за иностранныхъ князей, которые иногда сами пріѣзжали за ними въ Россію. Ярославъ былъ женатъ на шведской принцессѣ, а три его дочери были выданы замужъ: одна, Елизавета, за норвежскаго короля Гаральда, который прежде чѣмъ женился (въ 1045 г.), служилъ нѣсколько лѣтъ Ярославу; вторая, Анна [1]), вышла за французскаго короля Генриха I (1048) и третья, Анастасія, за короля венгерскаго Андрея I-го. Сыновья и внуки Ярослава также женились на иностранныхъ принцессахъ, которыя оставались съ мужьями въ Россіи [2]). Такимъ образомъ изученіе иностранныхъ языковъ въ княжеской семьѣ должно было совершаться легко, практически, и, понятно, что оно сообщалось какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ этой семьи. А изъ того, что сестра Ярослава, Предслава, переписывалась съ братомъ [3]), стало быть была грамотна, можно заключить, что вообще образованіе, дававшееся дѣтямъ при дворахъ Владиміра и Ярослава, распространялось и на женщинъ. Вѣдь тогда византійскій взглядъ на нихъ—какъ на начало грѣха „и того вси умираемъ“—еще не укрѣпился у насъ окончательно; женскаго затворничества въ XI-мъ вѣкѣ еще не было; напротивъ, непосредственно передъ принятіемъ христіанства и первое время послѣ него женщины играли иногда видную роль въ русской жизни. Онѣ владѣли волостями, набирали дружину, пировали съ князьями, которые нерѣдко и совѣтовались съ ними о своихъ дѣлахъ; кромѣ того, женщины отличались хитростью, что̀ тогда считалось мудростью; онѣ обладали и чародѣйствомъ, а это придавало имъ силу нравственную и цѣнилось высоко. Конечно, въ массѣ, женщины были физически слабѣе мужчинъ, и при господствѣ въ обществѣ грубой матеріальной силы должны были считаться существами низшими. Но въ княжескомъ быту такой взглядъ заслонялся другимъ. Владиміръ имѣлъ передъ глазами свою бабку Ольгу, „мудрѣйшую всѣхъ людей“, а по принятіи христіанства женился на греческой царевнѣ, стоявшей по просвѣщенію выше его, что̀ онъ и признавалъ, ибо совѣтовался съ

[1]) О ней см. *Guizot*. Histoire de France. T. I, p. 298.

[2]) *Карамзинъ*. Исторія государства россійскаго. Т. II, стр. 20.

[3]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. I, стр. 271.

нею о церковномъ уставѣ [1]). Къ тому же главная цѣль, съ которою Владимиръ вводилъ въ Россіи просвѣщеніе, заключалась все-таки въ томъ, чтобы утвердить народъ въ православной вѣрѣ; для достиженія этой цѣли онъ и повелѣлъ „взимать у нарочитыхъ людей младыя *дѣти* и учити ихъ книжному писанію". Такъ какъ никакой другой спеціальной цѣли, которая была бы недоступною для женщинъ, при этомъ не было указано, то нѣтъ никакого основанія думать, что слово: „дѣти", въ распоряженіи Владиміра, относилось къ дѣтямъ только мужскаго пола. Напротивъ, сообщенное польскимъ историкомъ Стрыйковскимъ извѣстіе, будто Леонтій, второй всероссійскій митрополитъ, совѣтовалъ Владиміру учредить два училищныхъ монастыря, одинъ мужской, а другой женскій, для обученія дѣтей чтенію и письму [2]), указываетъ на то, что по мысли Владиміра, просвѣщеніе должно было распространяться на всѣхъ дѣтей изъ сословія бояръ безъ различія пола. Ярославъ продолжалъ дѣло Владиміра и, „собравъ отъ старостъ и отъ пресвитеровъ *дѣтей* 300, повелѣ учити книгамъ" [3]). Это извѣстіе, приведенное въ Никоновской лѣтописи и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ, Карамзинъ истолковалъ такъ, что Ярославъ, „заведя въ Новгородѣ училище для 300 *отроковъ*" хотѣлъ, чтобы дѣти пресвитеровъ и старшинъ „пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ" [4]). Съ его словъ и другіе, писавшіе послѣ него, русскіе историки, кромѣ Соловьева [5]), сообщая извѣстіе объ учрежденномъ Ярославомъ училищѣ, прибавляли, что цѣль ученія въ немъ была—исключительно приготовленіе въ священники. Женщины не могли быть священниками, и еслибы дѣйствительно новгородское училище было основано съ такою исключительною цѣлью, то надо было бы понимать подъ словомъ „дѣти" только дѣтей мужскаго пола. Но если уже при Ярославѣ обнаружилась, какъ говоритъ Голубинскій, неудача попытки Владиміра перенести къ намъ греческое просвѣщеніе во всей его полнотѣ, то все же, рядомъ съ спеціальной цѣлью ученія, при Ярославѣ продолжала существовать и другая, общая: „чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали и поганскія вѣры не держали и не

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. I, стр. 271.

[2]) *В. Аскоченскій*. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—Академіею.

[3]) *Карамзинъ*. Исторія гос. росс. Прим. 54 въ тому II.

[4]) *Карамзинъ*. Т. II, стр. 23.

[5]) *Соловьевъ*. Т. I, стр. 283: „при Владимірѣ и Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ граждан, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры".

имѣли бы" [1]). Подобная цѣль не исключала участія женщинъ въ просвѣщеніи, которое впрочемъ уже при Ярославѣ свелось почти къ одной грамотности.

Все это даетъ поводъ думать, что у насъ въ первый вѣкъ христіанства, если не на дѣлѣ, то по мысли законодателей, женское образованіе не выдѣлялось изъ общаго для всѣхъ дѣтей, какого бы пола они ни были. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что княжна Янка, сама грамотная и по тогдашнему образованная, постригшись въ выстроенномъ для нея отцомъ монастырѣ, завела въ немъ училище для дѣвушекъ, которыхъ сама и учила чтенію, письму, пѣнію и рукодѣлію. Въ этомъ Янка, внука Ярослава, явилась бы только продолжательницею дѣла, начатаго ея дѣдомъ. Но если и буквально держаться словъ всѣхъ почти безъ исключенія лѣтописей, говорящихъ, что Янка въ своемъ монастырѣ „совокупиши черноризицы многи, пребываша съ ними по манастырьскому чину", то и тогда надо допустить, что въ ея монастырѣ было обученіе монахинь предметамъ, составлявшимъ тогда весь кругъ какъ мужскаго такъ и женскаго ученія.

Знаніе и обученіе грамотѣ если и не предписывалось нашимъ монастырямъ, какъ это дѣлалось на западѣ, то оно рекомендовалось и должно было естественно входить въ кругъ монастырскихъ занятій; ибо чтеніе божественныхъ книгъ считалось средствомъ спасти душу. Такимъ же душеспасительнымъ и богоугоднымъ дѣломъ было въ то время переписываніе книгъ; тогда оно еще не выдѣлилось въ особое ремесло, и этотъ трудъ исполнялся нерѣдко по обѣту. Янка, бывшая свидѣтельницею заботъ Ярослава о собираніи и размноженіи священныхъ книгъ, которыя могли быть тогда только писанными и въ которыхъ была большая потребность, должна была имѣть это въ виду и съ такою цѣлью ввести въ одномъ изъ первыхъ великокняжескихъ монастырей обученіе письму. Пѣніе требовалось при отправленіи богослуженія, а рукодѣліе монахинь можетъ быть и не служило въ монастырѣ Янки источникомъ средствъ, какъ въ другихъ монастыряхъ впослѣдствіи; но занятіе рукодѣліемъ искони считалось неизбѣжной принадлежностью женщинъ и особенно въ монастырѣ могло примѣняться даже въ педагогическихъ цѣляхъ— чтобы монахини не оставались праздными и черезъ это не впадали бы во грѣхъ. Такимъ образомъ вся программа ученія, какую Татищевъ приписываетъ училищу княжны Янки, могла вы-

[1]) Новгородскія лѣтописи. Изданіе Археографической Коммиссіи. 1879. Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божьимъ. Стр. 180.

полняться въ ея монастырѣ даже и тогда, еслибы училища, въ томъ смыслѣ какъ мы его теперь понимаемъ, совсѣмъ при монастырѣ не было.

Несомнѣнно однако что обученіе женщинъ, въ какой бы то ни было формѣ, существовало на Руси съ самаго начала нашей исторіи просвѣщенія, т.-е. съ принятія Русью христіанства, ибо не смотря на отсутствіе какихъ бы то ни было школъ для женщинъ, у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, были грамотныя женщины, учившія и другихъ. Свидѣтельство объ этомъ мы имѣемъ въ томъ довѣріи, съ какимъ нашъ народъ, который, какъ извѣстно, строго придерживается обычаевъ старины и не легко принимаетъ всякія новшества, всегда относился къ ученію у вдовъ священниковъ, дьячихъ и другихъ лицъ женскаго пола духовнаго званія. Въ раскольничьемъ быту, гдѣ сохранились до сихъ поръ во всей неприкосновенности староотеческія преданія, гдѣ вся жизнь построена на свято-чтимомъ законѣ предковъ, малѣйшее отступленіе отъ котораго считается дѣломъ противнымъ Богу, мы видимъ мастерицъ, учительницъ, канонницъ, читалокъ, уставщицъ, келейницъ, разныхъ бѣлицъ и старицъ — вообще грамотныхъ женщинъ подъ различными наименованіями. Онѣ читаютъ въ церкви, въ скитахъ за трапезой; посылаются въ дома читать по покойникамъ, учатъ дѣтей; все это совершается по изстари установленнымъ правиламъ и сопровождается извѣстными, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе, обрядами, по которымъ можно воспроизвести всю нашу древнюю общинную жизнь, какъ она велась на Руси споконъ вѣковъ. И вотъ, въ этой жизни по старинѣ, мы встрѣчаемъ среди раскольниковъ обычай отдавать дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ только имъ минетъ семь лѣтъ, т.-е. по наступленіи срока „вдавати отрочатъ въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія“ въ скитъ къ родственницѣ или знакомой матушкѣ-игуменьѣ, на выучку. Въ скитѣ учили грамотѣ, письму уставомъ и писать иконы; ученики и ученицы красиво переписывали разные „Сборники“, „Цвѣтники“ и дарили ихъ родителямъ и благодѣтелямъ. Дѣвочекъ учили и скитскимъ рукодѣліямъ. Мастерицы иногда учили и внѣ скита; онѣ рѣдко ходили по домамъ, развѣ къ очень богатымъ людямъ, но собирали дѣтей обоего пола у себя на дому, большей частью въ избушкѣ, подаренной какимъ-нибудь христолюбивымъ дателемъ.

Плату за ученіе брали „книжной дачей“, т.-е. кромѣ платы съѣстными припасами и одеждой, при каждомъ переходѣ къ новой книгѣ, отъ азбуки къ Часослову и отъ Часослова къ Псалтырю, ученикъ или ученица обязаны были принести мастерицѣ завязан-

ный въ платокъ горшокъ молочной каши и полтину денегъ. Иногда учительницы брали плату и отдѣльно за каждый предметъ ученія: за азбуку, Часословъ или Псалтырь. Объ этихъ старинныхъ обычаяхъ упоминается еще въ XV вѣкѣ [1]), и до сихъ поръ онъ ведется въ Малороссіи и у раскольниковъ. Можно навѣрное сказать, что они не сами завели ихъ въ XVII вѣкѣ, а что существованіе этихъ обычаевъ, также какъ и мастерицъ, учительницъ, вообще грамотныхъ женщинъ, имѣло мѣсто въ глубокой древности [2]).

Конечно, грамотныя женщины составляли незначительное меньшинство въ массѣ русскихъ женщинъ, а эта масса, обоего впрочемъ пола и во всѣхъ слояхъ общества, была невѣжественна; но тѣ немногія, которыя знали грамотѣ и передавали ее другимъ, должны же были гдѣ нибудь выучиться ей.

Голубинскій, Лавровскій [3]) и другіе высказываютъ правдоподобное предположеніе, что послѣ ученыхъ грековъ, приведенныхъ Владиміромъ и учившихъ только въ Кіевѣ, стали учить въ другихъ городахъ священники; они учили грамотѣ въ открываемыхъ ими при церквахъ частныхъ школахъ и училищахъ не однихъ боярскихъ дѣтей, но и всѣхъ желающихъ. Такъ какъ никакого надзора надъ ученіемъ и учителями не было, то мало-по-малу стали учить и міряне. Одни открывали на домахъ у себя школы съ благочестивою цѣлью—обученіемъ другихъ способствовать распространенію почитанія божественныхъ книгъ; другіе сдѣлали себѣ изъ этого занятія ремесло, отчего впослѣдствіи ихъ стали называть „мастерами". О „мастерицахъ" Голубинскій не говоритъ; но что „мастерицы" въ древней Руси были—это не подлежитъ сомнѣнію, ибо въ XVII вѣкѣ онѣ уже входили въ штатъ царскаго двора, гдѣ обучали царевенъ грамотѣ. При дворѣ были также казначеи, чтицы, псаломщицы, и всѣ эти женскіе придворные чины считались низшими чинами дворцоваго штата. Стало быть это были не знатныя боярыни, а женщины попроще, изъ чего можно заключить, что въ старину грамотѣ учились женщины не только княжескаго или знатнаго рода, но и другихъ сословій. Еслибы появленіе женщинъ-учительницъ было въ XVII вѣкѣ дѣломъ новымъ, то навѣрное не стали бы испытывать ихъ способности и умѣнье учить на царскихъ дѣтяхъ.

Что начало установленія „мастерицъ" должно быть отнесено къ самому древнему времени, на это указываетъ и программа,

---

[1]) На горахъ. Разсказано *Андреемъ Печерскимъ*. 1880. Ч. I, стр. 38.

[2]) *Лешковъ*. Русскій народъ и государство, стр. 427.

[3]) *Лавровскій*. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854.

если можно такъ выразиться, по которой онѣ воспитывали своихъ учениковъ и учениц. Правилами святыхъ отцовъ предписывалось „безстрастіе тѣлесное имѣти, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе немятежно; при старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе". Дѣвицамъ, кромѣ того, „стыдѣніемъ украшатися", и также, какъ мужчинамъ „долу очи имѣти, а душю горѣ", и пр. Такое же наставленіе при ученіи дѣтей приписываютъ Ярославу; оно повторялось и въ „Поученіи Владиміра Мономаха", въ „Словѣ отца къ сыну" безъименнаго автора XII-го вѣка, и другихъ произведеніяхъ подобнаго характера.

Такъ же учила во второй половинѣ XII-го вѣка въ своемъ монастырѣ дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича, Евфросинья. Въ ея „Житіи" [1]) говорится, что Евфросинья (въ мірѣ Предслава) очень рано выучилась читать и писать и отказавшись отъ замужества, 12-ти лѣтъ, противъ воли родителей, ушла въ монастырь къ своей теткѣ-игуменьѣ, женѣ князя Романа Всеславича. Здѣсь Евфросинья постриглась и, намѣреваясь основать свой монастырь, задумала прежде составить для него библіотеку [2]). Для этого она, съ разрѣшенія полоцкаго епископа, поселилась въ голубцѣ при соборной церкви и тамъ переписывала книги. По словамъ Соловьева [3]), она ихъ продавала и выручаемыя деньги отдавала нищимъ. Открывъ свой монастырь, Евфросинья собрала вокругъ себя сестеръ, родственницъ и знакомыхъ и стала учить ихъ грамотѣ, рукодѣлію, а также „воздержанію и терпѣнію, юные же душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смирену, слову благочинну, ядѣнію и питію безмолвну, при старѣйшихъ молчати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти" [4]).

Ясно что такой кодексъ воспитанія, носящій на себѣ отпечатокъ византійскаго происхожденія, установился у насъ еще въ

---

[1]) „Житіе преподобныя Евфросиньи Полоцкой". *Макарій.* Исторія русской церкви. Т. III, стр. 68.—Житіе и хожденіе святыя Евфросиньи. *Филаретъ.* Обзоръ р. дух. лит. 1859. № 40. — Повѣсть житія и преставленія Евфросиньи Полоцкой. *Костомаровъ.* Памятники стар. р. литературы. 1860. — Житіе препод. матери нашей Евфросиніи дѣвицы. Кіевъ.

[2]) *Голубинскій.* Т. I. 2-я половина.

[3]) *Соловьевъ.* Исторія Р. Т. III, стр. 76.

[4]) Степенная книга царскаго родословія, содержащая исторію россійсвую съ начала оныя до времени Государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана и Макарія. А напечатанная подъ смотрѣніемъ Кол. Сов. и Имп. Академіи Наукъ также и разныхъ иностранныхъ академій и Вольнаго Экономическаго, и Россійскаго Вольнаго жъ Собранія члена Герарда Фридерика Миллера. Въ Москвѣ. 1775. Ч. I, стр. 278.

первые вѣка христіанства и передавался неизмѣннымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но если грамотность могла распространяться въ народѣ и черезъ міряиъ обоего пола, то для женщинъ обученіе ей должно было очень рано и по естественному ходу вещей сосредоточиться преимущественно въ монастыряхъ. Уже съ XI-го вѣка въ древнемъ русскомъ обществѣ стало проявляться стремленіе къ монастырской жизни. Въ монастыряхъ жили и мужчины, и женщины, и жили по различнымъ побужденіямъ, въ первое время чисто и высоко религіознымъ. Но скоро туда стало манить людей и желаніе покоя и тишины, которыхъ трудно было найти живя въ міру. Если этого искали мужчины, то для женщины удаленіе отъ свѣта скоро стало необходимостью, ибо по мѣрѣ того какъ аскетическая идея все сильнѣе и сильнѣе проникала въ русскую жизнь, нравы становились грубѣе и женщинамъ не находилось болѣе мѣста въ ней. Въ древнее время однако и монастыри были не такими, какими мы ихъ видимъ теперь. Тогда они не были разобщены съ міромъ; наши первые князья часто пріѣзжали совѣтоваться съ игуменами, приглашали къ себѣ монаховъ и даже монахинь на пиры. Въ монастыряхъ постоянно жили родственники и родственницы монаховъ и монахинь, жили подолгу міряне цѣлыми семьями. Впослѣдствіи это повело къ разнаго рода злоупотребленіямъ, на которыя указывалъ Стоглавый соборъ; но въ первое время учрежденія монастырей это дозволялось. Даже въ общинножительныхъ женскихъ монастыряхъ конца XI-го и XII-го вѣка, устроенныхъ по образцу и на основаніи устава, даннаго женою императора Алексія Комнена, Ириною, учрежденному ею въ Константинополѣ строго закрытому женскому монастырю Богородицы Обрадованной, родственницамъ позволялось навѣщать монахинь и жить въ монастырскихъ гостинницахъ [1]). Но большинство монастырей до-монгольскаго періода были не-общинножительные; были, кромѣ того, бродячіе монахи и монахини; они селились обыкновенно въ слободкахъ около монастыря и переходили съ одного мѣста на другое. Были и такъ-называемые „двойные“ — мужско-женскіе монастыри; иногда во главѣ такого монастыря стоялъ игуменъ, а иногда игуменья, какъ это было съ основанными княжною Евфросиньею Полоцкою двумя, мужскимъ и женскимъ, монастырями, которыми она управляла 40 лѣтъ. Уходя въ Іерусалимъ, Евфросинья оставила обоимъ монастырямъ по-

---

[1]) *Голубинскій.* Т. I (2-я половина), стр. 590.

дробный уставъ [1]) и передала управленіе ими сестрѣ своей Евдокіи [2]).

Даже и тогда, когда вслѣдствіе распущенности монастырской жизни уменьшилось въ народѣ уваженіе къ монашескому чину, монастыри все-таки сохраняли свое обаяніе, особенно для женщинъ. Не только обрекавшія себя на монашество удалялись въ нихъ, какъ въ тихую и безопасную обитель, но и остававшіяся въ міру тяготѣли къ монастырю, ибо въ немъ онѣ могли не только удовлетворить религіозной своей потребности, послушать душеспасительную бесѣду или проповѣдь, но, благодаря характеру тогдашнихъ монастырей и легкому доступу къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и поговорить, посовѣтоваться о своихъ мірскихъ дѣлахъ, услышать слово утѣшенія въ своихъ горяхъ; однимъ словомъ, отвести душу съ такими же обездоленными существами, какими были онѣ сами.

Къ тому же поставленныя еще Ярославомъ подъ покровительство церкви, женщины тѣмъ ближе должны были становиться къ ней въ такомъ дѣлѣ, какъ обученіе дѣтей церковной грамотѣ; ибо главнымъ убѣжищемъ послѣдней все-таки были монастыри, откуда черпались тѣ познанія, которыя передавались другимъ. Пріютившись если не въ самомъ монастырѣ, то гдѣ-нибудь возлѣ, въ какой-нибудь слободкѣ или отдѣльной избушкѣ, мастерицы собирали къ себѣ дѣтей и учили ихъ тому, чему въ стѣнахъ монастыря учили монахини тѣхъ, кто обрекалъ себя на монашескую жизнь. Въ этомъ смыслѣ и могло существовать при Андреевскомъ монастырѣ обученіе дѣвушекъ, о которыхъ говоритъ Татищевъ и которыя могли быть ученицами приходящими, случайными.

Только представляя себѣ въ такомъ видѣ училище княжны Янки для „300 дѣвушекъ“, какъ позднѣе передавалось нѣкоторыми авторами извѣстіе, первоначально сообщенное Татищевымъ, и только при такихъ условіяхъ допуская существованіе такого обширнаго училища при женскомъ монастырѣ, можно согласиться съ Хмыровымъ [3]), что оно было не только первымъ женскимъ училищемъ въ Россіи, но и въ Европѣ [4]).

Иначе, въ какой бы формѣ ни происходило обученіе женщинъ въ нашемъ монастырѣ: давалось ли оно молодымъ монахинямъ, или готовившимся поступить въ монахини, или, наконецъ,

---

¹) *Макарій*. Т. III, стр. 70.

²) *Голубинскій*, стр. 495.

³) *Хмыровъ* (М. Д.). Училища и образованность на Руси до-Петровской (Народная школа. 1869).

⁴) Тамъ же, № 5, стр. 64.

вмѣстѣ съ послѣдними въ монастырь принимались ученицы только на время, все это гораздо ранѣе существовало на западѣ. Тамъ еще при первыхъ Меровингахъ были публичныя и частныя школы, замѣнившіяся въ VI вѣкѣ монастырскими, или епископскими, которыя получили особое развитіе при Карлѣ Великомъ. При немъ школы были открыты даже въ маленькихъ мѣстечкахъ для того, чтобы дѣти свободныхъ состояній могли безплатно обучаться въ нихъ чтенію, Псалтыри, пѣнію, счету и грамматикѣ. Очевидно, это были школы смѣшанныя, ибо уже въ концѣ IX вѣка епископы стали запрещать священникамъ учить мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Но въ женскихъ монастыряхъ еще ранѣе IX вѣка существовалъ обычай обучать дѣвушекъ, не предназначавшихъ себя даже къ монастырской жизни. Противъ такого обычая возсталъ въ VI вѣкѣ епископъ Арльскій, который, основывая въ городѣ женскій монастырь, запретилъ ему принимать дѣтей моложе 6 лѣтъ и молодыхъ дѣвушекъ какъ благороднаго, такъ и простаго происхожденія, которыя явились бы туда въ качествѣ пансіонерокъ или ученицъ.

Запрещеніе это и вызвано было тѣмъ, что такъ какъ на западѣ испоконъ вѣковъ поступленіе въ монастырь было обусловлено извѣстнымъ минимумомъ знаній и монастырскія правила предписывали настоятельницамъ съ помощью болѣе знающихъ монахинь доставлять вступающимъ въ монастырь неграмотными недостающія имъ свѣдѣнія, то мало-по-малу вмѣстѣ съ обрекшими себя на монашество, женскіе монастыри стали принимать и такихъ, бо̀льшею частью знатныхъ дѣвушекъ, которыя намѣревались впослѣдствіи возвратиться въ свѣтъ. Сначала тѣхъ и другихъ учили вмѣстѣ, но потомъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ стали устраивать отдѣльные классы: одинъ для монахинь, другой для свѣтскихъ дѣвушекъ, и для обученія послѣднихъ приглашались иногда извѣстные своею ученостью преподаватели мужчины [1]). Свѣтскихъ дѣвушекъ обучали нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ грамматики, реторики, логики, ариѳметики, геометріи, астрономіи, все сведенное къ теологіи и ей подчиненное; также хирургіи и медицинѣ, „потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять врачей“ [2]). Собственно монастырская наука ограничивалась для монахинь чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, пѣніемъ, грамматикой, изученіемъ твореній отцовъ церкви и духовныхъ писателей; къ этому также присоединялись элементарныя свѣдѣнія изъ медицины и хирургіи,

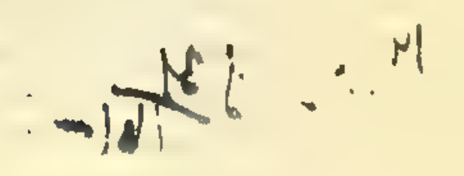
---

[1]) *Paul Rousselot.* Histoire de l'éducation des femmes en France. Paris. 1883

[2]) *Шлоссеръ.* Всемірная исторія. Т. VI, стр. 352.

но съ цѣлью избавить монахинь отъ необходимости, въ случаѣ болѣзни, обращаться къ врачамъ-мужчинамъ. Кромѣ того монахинь обучали живописи и рисованію, ибо однимъ изъ обычныхъ ихъ занятій было списываніе и раскрашиваніе рукописей. Рядомъ съ этимъ въ западныхъ женскихъ монастыряхъ поощрялись занятія монахинь поэзіею, какъ средствомъ наполнить остающееся празднымъ время. „Молись, пиши, читай, слагай стихи, бери темой тексты священнаго писанія и чтобъ избавиться отъ суетныхъ мыслей, говори о Господѣ“, писалъ французскій аббатъ обратившейся къ нему за совѣтомъ монахинѣ [1]). Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ занимались поэзіею не съ такой только цѣлью; въ концѣ X вѣка германскій императоръ Оттонъ II поручилъ саксонской монахинѣ, ученой Росвитѣ, описать царствованіе своего предшественника, Оттона I, и она исполнила это въ стихахъ [2]).

Такимъ образомъ обученіе въ монастыряхъ даже свѣтскихъ дѣвушекъ существовало на западѣ до начала не только нашего просвѣщенія, но и самой нашей исторіи.



[1]) Hist. de l'éduc. des f. en Fr. T. I, p. 31.
[2]) *Шлоссеръ*. Всем. Исторія. Т. VI, стр. 173.

II.

Состояніе образованности и положеніе женщинъ въ средніе вѣка на западѣ.—Суды любви.—Проектъ Дюбуа.—Западная литература о женскомъ образованіи.—Положеніе русской женщины въ XII в.—Житія святыхъ женщинъ.—Женское училище Евфросиньи Суздальской въ началѣ XIII в.—Житіе Евфросиньи Суздальской.—Извѣстіе объ ея образованности.—Состояніе образованности русскаго общества со второй половины XIII до второй половины XVII в.—Женскіе монастыри и терема.—Польза и вредъ затворничества женщинъ.—Обученіе женщинъ высшихъ классовъ общества въ XV в.—Отношеніе женщинъ къ образованію и отношеніе къ нимъ образованныхъ людей.—Положительныя свѣдѣнія объ обученіи царевенъ въ XVII в.—Царевна Софья.—Выводъ изъ единичныхъ примѣровъ грамотныхъ и по своему времени образованныхъ женщинъ о ходѣ просвѣщенія среди женщинъ до Петра.—Чѣмъ объясняется скудость въ нашей древней письменной литературѣ извѣстій о женщинахъ, а равно отсутствіе въ ней какихъ-либо литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ женщинами.—Участіе женщинъ до-петровскаго времени въ общемъ просвѣщеніи страны.

Характеризуя положеніе женщинъ въ средніе вѣка, Мишле говоритъ: „въ эту странную эпоху женщина, обоготворяемая, идеально обожаемая, въ дѣйствительности была жертвой этого міра; на нее рушились всѣ бѣды, ей выпалъ адъ уже на землѣ“ [1]).

На этотъ разъ Мишле нельзя упрекнуть въ преувеличеніи, хотя именно въ средніе вѣка западная женщина, впрочемъ однихъ только высшихъ классовъ и въ одной только сферѣ, была поставлена на такую высоту, какой никогда потомъ не достигала.

Съ самаго начала среднихъ вѣковъ въ Германіи, при Оттонахъ, женщины императорской семьи отличались научною и литературною образованностью болѣе даже чѣмъ мужчины, принадлежавшіе къ этой, славившейся своею любовью къ просвѣщенію, семьѣ. „XI вѣкъ,—говоритъ нѣмецкій ученый Ваттенбахъ [2]),—отмѣченъ именно этой чертою: высокою образованностью знат-

[1]) *Michelet.* Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. 1855. Introduction, p. CVI.

[2]) *Wattenbach.* Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter. I Band, S. 261.

ныхъ женщинъ". Въ Византіи императрица Евдокія превосходила ученостью своего мужа (Константина VIII Дука) и занималась, по словамъ Шлоссера [1]), почти исключительно одпѣми науками. Во Франціи славилась ученостью Элоиза, ученица Абеляра. Вмѣстѣ съ нимъ она основала въ Парижѣ учебное заведеніе [2]), т.-е. сгруппировала вокругъ себя людей, интересовавшихся умственными и научными вопросами, и разъясняла ихъ. Удалившись въ монастырь, она учила сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ; а Абеляръ написалъ для нихъ Гексамеронъ, т.-е. сочиненіе о сотвореніи міра. Въ XII вѣкѣ возникла знаменитая медицинская школа Салерно, и въ ней преподавали нѣкоторыя женщины-врачи. Вообще до паденія республикъ въ Италіи ученыя женщины и поэтессы играли видную роль въ литературѣ и наукѣ, нерѣдко появляясь и на профессорской каѳедрѣ. Но особое значеніе въ сферѣ умственныхъ интересовъ тогдашняго времени женщины пріобрѣли благодаря мистическому и рыцарскому энтузіазму конца XI вѣка, который въ продолженіе XII и XIII вѣковъ выражался культомъ женщины.

Удовлетвореніе умственныхъ интересовъ, въ которыхъ западныя женщины должны были принимать дѣятельное участіе, повлекло за собою нѣкоторое улучшеніе въ ихъ образованіи, преимущественно въ романскихъ государствахъ. Съ конца XII вѣка въ замкахъ рыцарей и богатыхъ горожанъ вошло въ обычай давать дѣвочкамъ воспитаніе не только монастырское, но и свѣтское. Ихъ вмѣстѣ съ мальчиками учили одни и тѣ же учителя, почти однѣмъ и тѣмъ же наукамъ, въ томъ числѣ астрономіи или, лучше сказать, астрологіи. Въ основѣ же женскаго образованія лежало знаніе французскаго языка и французской литературы [3]). Знаніе перваго вызывалось тѣмъ, что въ „судахъ любви" (cours d'amour), учрежденіе которыхъ принадлежитъ женщинамъ, онѣ присуждали награды воспѣвавшимъ ихъ красоту пѣвцамъ и поэтамъ; а для того чтобы рѣшить вопросъ объ относительномъ достоинствѣ произведенія того или другаго рыцаря, требовалось знакомство съ техникой построенія стансовъ и стиховъ. Женщины и сами писали стихи и стансы, образчики которыхъ сохранились въ исторіи западныхъ литературъ. Знаніе литературы требовалось потому, что обычнымъ развлеченіемъ образованныхъ людей феодальнаго обще-

---

[1]) *Шлоссеръ* Т. VI, стр. 224.

[2]) Тамъ же, стр. 352.

[3]) Даже въ англійскихъ школахъ, до конца XIV вѣка, на этомъ языкѣ преподавались предметы, ибо умѣнье говорить и писать по-французски считалось во всей западной Европѣ признакомъ хорошаго воспитанія и благороднаго происхожденія.

ства было обсужденіе и истолкованіе не только любовныхъ, но и философскихъ, также сатирическихъ пѣсенъ и романовъ. Эти произведенія служили предметомъ литературныхъ состязаній, въ которыхъ женщины принимали дѣятельное участіе.

Подъ вліяніемъ духа времени и въ другихъ сферахъ поднялось одно время значеніе западныхъ женщинъ. Былъ даже проектъ серьезной реформы женскаго образованія. Въ началѣ XIV вѣка юристъ Дюбуа представилъ англійскому королю Эдуарду I записку, въ которой предлагалъ уменьшить число женскихъ монастырей, а на мѣсто ихъ устроить такіе, въ которыхъ свѣтскія дѣвушки обучались бы языкамъ: латинскому настолько, чтобы понимать его, греческому, еврейскому и арабскому—чтобы свободно владѣть ими, а также естественнымъ наукамъ, медицинѣ и хирургіи. Воспитанныя такимъ образомъ дѣвушки должны были, по проекту Дюбуа, отправляться на востокъ, въ св. землю; тамъ выходя замужъ за священниковъ греческаго исповѣданія и даже за сарациновъ, онѣ пріобрѣтали бы довѣріе населенія въ качествѣ врачей, а своими добродѣтелями, какъ жены и матери, способствовали бы распространенію христіанской цивилизаціи среди восточныхъ народовъ [1]).

Проектъ Дюбуа такъ и остался проектомъ; но онъ замѣчателенъ по мысли — указать женщинамъ общественную роль въ жизни и къ этой роли направить ихъ образованіе.

Въ средневѣковой западной литературѣ были и другіе трактаты о женскомъ воспитаніи и образованіи. По характеру они представляютъ сходство съ нашимъ Домостроемъ въ томъ смыслѣ что также, какъ послѣдній, служатъ изображеніемъ нравовъ эпохи [2]). Поэтому-то и содержаніе западныхъ произведеній подобнаго рода отлично отъ нашего памятника нравовъ. Западнымъ женщинамъ предлагались правила не только ка̀къ жить дома, но и ка̀къ вести себя въ обществѣ; имъ рекомендовалось быть вѣжливыми въ обращеніи и скромными; но тутъ же, въ предостереженіе отъ порока, этотъ порокъ, согласно духу времени, изображался во всей своей наготѣ и съ такими подробностями, которыя поразили бы теперь даже снисходительнаго моралиста [3]). Женщинъ убѣждали также не объѣдаться и не напиваться, не слѣдовать модѣ, не носить длинныхъ платьевъ, похожихъ на „овечій хвостъ“, или высокихъ прическъ, придающихъ имъ видъ оленя, „боящагося зацѣпиться рогами за дерево“. Но рядомъ съ этимъ выска-

[1]) Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I, p. 41.

[2]) Ménagier de Paris. 1393 (Русская Бесѣда. 1858. Кн. 1).

[3]) Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I. Ch. II.

зывались мысли о необходимости научнаго образованія для женщинъ; и эти мысли принадлежали преимущественно лицамъ духовнымъ, не одобрявшимъ того образованія, какое давалось въ то время женщинамъ Наконецъ, много писали о женскомъ воспитаніи и образованіи и сами женщины, даже, и бо́льшею частью, королевы и принцессы. Но ужъ въ концѣ XIV вѣка проявилась реакція противъ женскаго образованія, отъ котораго будто бы происходитъ все зло въ жизни. и та распущенность нравовъ, которая достигла крайнихъ предѣловъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. Женщинѣ стали напоминать о страхѣ Божіемъ и страхѣ передъ мужемъ, ея господиномъ, всѣ приказанія котораго она должна исполнять безпрекословно и ограничить всю свою дѣятельность семейными обязанностями. Въ числѣ сторонниковъ такого взгляда были и женщины; но изъ ихъ же среды вышла краснорѣчивая и умная защита литературнаго и научнаго образованія женщинъ. Защитницей явилась знаменитая Христина Пизанская, лучшая представительница того образованія, какое она защищала. Имя ея сохранилось въ исторіи литературы и перешло въ потомство вмѣстѣ съ именами нѣсколькихъ другихъ ученыхъ и талантливыхъ писательницъ.

Не смотря однако на блескъ, которымъ окружены были въ западной Европѣ женщины высшаго круга и богатыхъ классовъ въ средніе вѣка; несмотря на то, что для дочерей и мелкой буржуазіи, также ремесленниковъ, съ XIII вѣка существовали въ Брюсселѣ, еще раньше во Франціи, преимущественно въ Парижѣ, а незадолго до реформаціи и въ Германіи, школы не только смѣшанныя, но и отдѣльныя,—средніе вѣка не создали ничего прочнаго для женскаго образованія. Смягчавшіе нравы „суды любви“ продолжали существовать до конца XV вѣка; но рыцарскій духъ уже давно исчезъ, и обѣднѣвшіе рыцари не только не слагали стансовъ, но за безграмотностью могли лишь прикладывать печать, когда требовалась ихъ подпись. Невѣжество женщинъ,—если брать во вниманіе массу, а не исключительные, болѣе или менѣе блестящіе примѣры,—было общимъ явленіемъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, какъ это было и въ началѣ ихъ.

Все же въ эту эпоху въ женской жизни на западѣ былъ просвѣтъ; въ ней были стимулы, будившіе мысль женщинъ и позволявшіе имъ за умственными интересами хоть на время забывать печальную дѣйствительность условій ихъ существованія.

Ничего подобнаго не было въ жизни русской женщины за все это время. Напротивъ того: нравы, само общество, состояніе просвѣщенія, внѣшнія причины—все влекло ее отдалиться отъ міра.

Съ нашествіемъ монголовъ, въ первой половинѣ XIII вѣка, русскіе прервали всякія сношенія съ западными народами, вслѣдствіе чего и безъ того грубые нравы нашихъ предковъ еще болѣе огрубѣли. Насилія, грабежи, убійства на улицахъ, разбойничьи шайки на дорогахъ были обычнымъ явленіемъ русской жизни даже до половины XVIII столѣтія. Но и дома, въ единственной отведенной женщинамъ сферѣ, семьѣ, онѣ не были защищены отъ дикихъ проявленій грубой силы: пьянство, драки, циничныя рѣчи и поступки вошли въ привычку русскихъ людей даже высшихъ сословій. Тѣми же пороками, конечно, были заражены и женщины; но если ихъ свобода съ первыхъ же вѣковъ принятія у насъ христіанства постепенно все болѣе и болѣе съуживалась, то къ XIII вѣку слагавшійся подъ вліяніемъ перенесенной къ намъ изъ Византіи проповѣди аскетизма, подкрѣпляемой библейскими преданіями, византійскій взглядъ на женщину окрѣпъ у насъ окончательно.

Еще въ началѣ XII вѣка Мономахъ въ своемъ „Поученіи дѣтямъ“ даетъ имъ совѣтъ: „женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою воли“ [1]). Въ концѣ того же вѣка появилось „составленное въ подражаніе извѣстному подложному Слову Златоуста на Продіаду и отсюда внесенное въ нашъ древній сборникъ „Пчелу“ [2]) „Слово о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобойныхъ“ Даніила Заточника, которое перешло и въ другія подобныя сочиненія. „Умъ женскій нетвердъ яко храмъ непокровенъ; оплотъ неокопанъ до вѣтра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда... Аще будетъ злообразна, мука ему (мужу) есть, аще ли прекрасна, то вси на ню зрѣти будутъ, мужу же безутѣшная печаль“ [3]). Неудивительно что при такихъ взглядахъ на женщину, она очень скоро утратила въ семьѣ всякую власть и должна была всецѣло покоряться не только отцу и мужу, но даже братьямъ и сыновьямъ. „Покорливость“ жены мужу требовалась въ такой степени, что „если жена была умна хоть въ житейскихъ дѣлахъ, то и тогда, особенно при людяхъ, она не должна выражать мужу ни сужденія, ни умѣнья попи-

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. III, стр. 105.

[2]) *Филаретъ.* Обзоръ русской дух. литер. № 31. Харьковъ. 1859.

[3]) Притча о женской злобѣ. Сказаніе и бесѣда премудра и чадолюбива отца, преданіе и поученіе къ сыну, спискательна отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ и премудраго Соломона, Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женстѣй злобѣ. *Костомаровъ.* Памятники старинной русской литературы. 1860. № 6.

мать дѣло" [1]). Даже въ простыхъ домашнихъ обрядахъ считалось „неприличнымъ", чтобы она выражала свое мнѣніе. „Ино то не женское дѣло кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ безъ людей, съ очи на очи" [2]). Позже, изъ Домостроя, мы узнаемъ, что мужу дозволялось даже плеткой учить жену. Можно себѣ представить, какимъ „адомъ уже на землѣ" должна была тогда быть жизнь русской женщины!

Правда, въ то время, и даже въ XV вѣкѣ, русскія княжны и матерыя вдовы въ боярскомъ и посадскомъ быту хотя и жили въ удаленіи отъ свѣта, но продолжали вліять на дѣла и пользоваться властью, какою пользовались прежде. Ихъ приводили къ крестному цѣлованію, онѣ являлись на вѣче, а при паденіи независимости Новгорода Иванъ Васильевичъ приказалъ приводить къ присягѣ на вѣрность не только мужчинъ, но и женщинъ [3]). Это были случаи исключительные; а внѣ ихъ женщины стояли совсѣмъ отдѣльно отъ общества, въ которомъ имъ не было ни дѣла, ни мѣста. Понятно что онѣ сами желали уйти изъ него; но это было для нихъ возможно лишь совсѣмъ отказавшись отъ міра.

Лѣтопись разсказываетъ о женѣ князя Рюрика Кіевскаго, заключенной въ 1193 году своимъ зятемъ, вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью, въ монастырь, что когда по смерти зятя мужъ ея вышелъ изъ монастыря и предложилъ женѣ послѣдовать его примѣру, она наотрѣзъ отказалась вступить обратно въ міръ. Это примѣръ не единичный. Передъ нашествіемъ монголовъ число женскихъ монастырей было невелико; изъ 68 общаго числа, женскихъ было 12, и то построенныхъ большею частью князьями. Послѣ монголовъ монастырей было 180; сколько изъ нихъ женскихъ—въ точности неизвѣстно; но нѣкоторые женскіе монастыри отличались многолюдствомъ [4]) и въ числѣ основателей новыхъ женскихъ монастырей встрѣчаются княгини, боярыни и даже посадскія жены.

Стремленіе русскихъ женщинъ къ монастырю поддерживалось тогдашнимъ обществомъ и проповѣдовавшимся имъ мужчинами ученіемъ объ иноческой жизни, какъ о высшемъ идеалѣ человѣческаго существованія вообще, и въ особенности для женщинъ; для нихъ,

---

[1]) *Забѣлинъ.* Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ. Р. Вѣстникъ. 1857. Т. IX.

[2]) *Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа. Ч. 2, стр. 114.

[3]) *Костомаровъ.* Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. VIII, стр. 159.

[4]) *Макарій.* Исторія русской церкви. 1866. Т. IV, стр. 209.

будто бы, внѣ монастыря и не можетъ быть спасенія. Если прибавить къ этому, что не только при монголахъ, но въ XVI даже вѣкѣ монастыри имѣли привлекательную силу для лучшихъ, задававшихся высшими вопросами людей, что они служили и для мужчинъ средоточіемъ умственной жизни и интересовъ, то понятно, что для женщинъ въ нихъ почти исключительно должна была сосредоточиваться вся наличная умственная жизнь. Поэтому, касающихся ихъ извѣстій, имѣющихъ малѣйшее отношеніе къ такой жизни и сколько-нибудь возвышающейся надъ обычнымъ уровнемъ, мысли, вплоть до второй половины XVII вѣка надо искать въ монастыряхъ, и притомъ почти исключительно въ средѣ женщинъ княжескаго и знатнаго рода. Такія извѣстія даютъ „Житія святыхъ“ и „Степенная книга“, излагающая событія нашей исторіи съ религіозной точки зрѣнія.

Уже по самому заглавію этихъ источниковъ можно заключить, что въ нихъ главное вниманіе обращено на духовные подвиги, чудеса, святость жизни описываемыхъ святыхъ людей; а все, что не имѣетъ прямого отношенія къ этой сторонѣ ихъ жизни, составляетъ для біографовъ предметъ второстепенный. Но это почти единственные источники, откуда можно почерпнуть хоть какія-нибудь свѣдѣнія о древне-русскихъ женщинахъ. Понятно что извѣстія объ ихъ просвѣщеніи, по цѣли, съ какою житія составлялись, въ нихъ весьма скудны, да и число женскихъ біографій, какъ въ „Житіяхъ“, такъ и въ „Степенной книгѣ“, невелико. Однако рядомъ съ описаніями подвиговъ и чудесъ святыхъ женщинъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ попадаются иногда, особенно въ первоначальныхъ житіяхъ, и нѣкоторыя другія подробности о жизни русскихъ женщинъ въ XIII—XV вѣкахъ. Среди этихъ рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ для насъ подробностей встрѣчаются и указанія на то, что просвѣщеніе или, вѣрнѣе, грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ, сохранялась среди женщинъ въ монастыряхъ; а это подтверждаетъ догадку, что начавшееся при Янкѣ обученіе женщинъ въ монастыряхъ непрерывно продолжалось и послѣ нея.

Еще въ началѣ XIII вѣка, въ періодъ относительнаго благосостоянія восточной Руси, въ Суздалѣ было, по словамъ Костомарова, женское училище, основанное дочерью черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, Евфросиньею, которая сама учила въ немъ грамотѣ, письму и пѣнію [1]). Въ „Исторіи русской

[1]) *Костомаровъ.* Русская Исторія. Т. I, стр. 95. (Источникъ, откуда приведено извѣстіе объ училищѣ въ Суздалѣ, не указанъ.)

церкви“ Макарія, писавшаго объ Евфросиньѣ [1]) на основаніи ея „Житія“, составленнаго инокомъ Спасо-Евфимьевскаго монастыря, Григоріемъ, сказано, что Евфросинья (въ мірѣ Ѳеодосія) съ дѣтства была обучена грамотѣ и книжной мудрости высокообразованнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ, пострадавшимъ потомъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ въ Ордѣ. Молодая княжна была обручена, но женихъ ея умеръ, и она, отказавшись отъ замужества, вступила въ Ризположенскую обитель. Здѣсь она предалась иноческимъ обѣтамъ: по ночамъ читала слово Божіе, въ церкви пѣла и читала такъ, что привлекала богомольцевъ изъ города. Она же, по порученію игуменьи, произносила въ церкви наставленія сестрамъ. „Эти наставленія, также какъ и святость ея жизни, производили“, говоритъ Макарій, „необыкновенное дѣйствіе на присутствовавшихъ; многія вдовы и дѣвицы поступали въ монастырь, чтобы учиться у Евфросиньи благочестію“.

Въ первоначальномъ житіи Евфросиньи Суздальской, котораго, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть въ подлинникѣ [2]), но въ позднѣйшемъ спискѣ, „выписанномъ изъ житія преподобной, хранящагося въ Суздальскомъ ея монастырѣ“ [3]), говорится, что когда отецъ Евфросиньи, Михаилъ Черниговскій, долженъ былъ ѣхать въ Орду, то она умоляла его „въ трогательномъ писаніи не склоняться на волю ханскую“. Приведены также, кромѣ чудесъ, отрывки изъ ея наставленій и отвѣтовъ разнымъ лицамъ. У Шевырева [4]) есть еще слѣдующій отрывокъ изъ этого же стараго „Житія“, прямо касающійся образованности Евфросиньи [5]): „Аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинѣйски премудрости изучи: философію же и риторію и всю грамматикію, числа и круговъ обхожденія и вся премудрости“.

---

[1]) Т. III, стр. 60.

[2]) Его нѣтъ даже въ Публичной библіотекѣ и онъ хранится въ одномъ изъ московскихъ Архивовъ. Въ Отч. Рум. музея Востокова (1842) это „Житіе“ значится подъ №№ 167 и 371: „Черноризца смиреннаго инока григорія суждаля града монастыря спассо-евфимья чюдотворца исповѣданне вкратцѣ житие и жизнь преподобныя благовѣрныя княжны Евфросиніи суждалскія“ (скорописью). — Въ Обзорѣ русской духовной литературы митр. *Филарета*, оно стоитъ подъ № 118.

[3]) Житіе преподобной княжны Евфросиньи Суздальской. Владиміръ, 1879. „Въ дни же царя и благовѣрнаго князя Іоанна Васильевича благочестивый епископъ Суздальскій Варлаамъ, возвращаясь изъ Москвы, обрѣлъ въ обители св. Стефана Махрицкаго Житіе и службы преподобной, давно уже составленнаго инокомъ Григоріемъ Спасо-Суздальскаго монастыря и принесъ его въ обитель преподобной“.

[4]) Исторія русской словесности. Ч. III, 1858.

[5]) Объ ея „образованности“ упоминается и въ „Преставленіи препод. Евфросиньи Сузд.“ *Филарета*. „Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью“. 1885. сентябрь, стр. 224.

Такія обширныя познанія у русской женщины въ XIII вѣкѣ справедливо навели сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія, сообщеннаго составителемъ „Житія“ [1]. Это сомнѣніе какъ бы оправдывается тѣмъ, что „Житіе“ написано монахомъ Григоріемъ въ половинѣ, какъ думаетъ Филаретъ [2], XVI вѣка, стало быть три вѣка спустя послѣ смерти Евфросиньи, хотя и по преданіямъ, какъ сказано въ Житіи, какія авторъ самъ слышалъ отъ инокинь монастыря, въ которомъ Евфросинья была игуменьей [3]. Вообще біографы святыхъ, говоритъ Ключевскій [4], рѣдко имѣли точныя и полныя свѣдѣнія описываемой ими жизни святого. А особенно начиная съ XV вѣка, когда въ „Житіяхъ“ появились новые литературные пріемы, преданіе перестало быть главнымъ источникомъ для біографовъ; на первомъ планѣ у нихъ стала не задача сохранить память описываемаго святого потомству, а другія цѣли. Житіе Евфросиньи Суздальской написано именно въ такое время и это еще болѣе подрываетъ вѣру въ историческую правду сообщеннаго въ немъ извѣстія объ образованности святой. Но въ данномъ случаѣ какія же цѣли могъ имѣть монахъ Спасскаго монастыря въ половинѣ XVI вѣка къ преувеличенію познаній игуменьи, жившей три вѣка тому назадъ? При Грозномъ, которому, по словамъ Шевырева, епископъ Варлаамъ поднесъ найденное имъ „Житіе“ Евфросиньи, составленное Григоріемъ, не было и рѣчи объ образованіи женщинъ, и стало быть не было и нужды придавать Евфросиньѣ характеръ высокой образованности, хотя бы съ цѣлью воздѣйствовать на настоящее примѣромъ изъ далекаго прошлаго. Если же инокъ Григорій описывалъ житіе игуменьи своего монастыря чтобы прославить монастырь, то для этого, въ половинѣ XVI вѣка, совсѣмъ не требовалось изображать описываемаго святого обладавшимъ обширными познаніями, ибо для цѣли, съ какою житія составлялись, т.-е. для прославленія его чудесъ и святости жизни, не было надобности изображать святого образованнымъ. Скорѣе можно было бы допустить, что желая представить Евфросинью не только вдохновенною, но и краснорѣчивою проповѣдницею, авторъ

---

[1]) *Буслаевъ.* Историческіе очерки русск. нар. слов. и искусства. Т. II. 1861, стр. 158.

[2]) Обзоръ р. дух. лит. № 118, стр. 172.—Житіе Евфросиньи, также какъ житія всѣхъ вообще святыхъ, послѣ того какъ они въ первый разъ были составлены, появлялись въ нѣсколькихъ спискахъ и редакціяхъ. Составленное монахомъ Григоріемъ житіе Евфросиньи считается первоначальнымъ спискомъ ея житій.

[3]) „Я удостоился слушать достовѣрное въ г. Суздалѣ отъ повѣдавшихъ мнѣ черноризицъ обители преподобной“. *Филаретъ.* „Житія святыхъ“, сентябрь, стр. 305.

[4]) *Ключевскій.* Древне-русскія Житія святыхъ какъ историческіе источники. Москва. 1871.

„Житія“, монахъ, счелъ нужнымъ усилить въ умахъ читателей достоинства ея проповѣдей, приписавъ ей не только вдохновеніе, но и познанія, и тогда требовавшіяся для того, чтобы рѣчи отличались ораторскимъ искусствомъ. Вѣрнѣе же всего что если, какъ сказано въ „Житіи св. Евфросиньи“, ее училъ книжной мудрости высокообразованный бояринъ, то онъ и передалъ своей ученицѣ-княжнѣ тѣ познанія, которыми обладалъ самъ; въ этомъ не было бы ничего удивительнаго.

Можетъ быть, въ началѣ XIII вѣка у насъ гдѣ-нибудь еще было образованіе въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существовало въ Византіи въ періодъ, когда вмѣстѣ съ христіанствомъ мы заимствовали у нея и просвѣщеніе. Въ такомъ случаѣ въ кругъ высшаго курса ученія и у насъ, въ XII и началѣ XIII вѣковъ, могли входить предметы, составлявшіе курсъ ученія въ византійскихъ школахъ, т.-е. изученіе Ветхаго Завѣта, грамматика съ діалектикою и риторикою, философія, ученіе числамъ, круговъ обхожденія или Пасхалія, т.-е. искусство опредѣлять въ любомъ году день св. Пасхи и другіе церковные праздники [1]). Эти предметы могли изучаться, конечно, очень немногими, поставленными въ исключительныя условія, лицами, ибо общее образованіе во все время нашей древней исторіи сохраняло религіозное направленіе, имѣя въ виду наставлять народъ въ догматахъ вѣры и укрѣплять въ нравственности. Даже самыя слова: „ученіе“ и „просвѣщеніе“ надо понимать, въ большинствѣ случаевъ, какъ „ученіе“ и „просвѣщеніе“ въ вѣрѣ. Такое образованіе, одинаковое для всѣхъ лицъ и сословій, ограничивалось обыкновенно знаніемъ грамоты, дававшей возможность читать божественныя книги, которыя не только читались, но изучивались. Однако, рядомъ съ божественными книгами, начиная съ перваго же періода нашего просвѣщенія, появились у насъ и такія, въ которыхъ помѣщались переведенныя съ греческаго языка статьи, заключавшія въ себѣ и разныя, историческія, географическія и философскія свѣдѣнія. Такою книгой былъ первый, появившійся у насъ еще въ 1073 году, Святославовъ Сборникъ. Въ немъ были преимущественно статьи духовнаго содержанія, но также „историческія (лѣтописецъ вкратцѣ, патріарха Никифора), философскія (о естествѣ, о собствѣ, о количествѣ и качествѣ, о различіи, и пр.), риторическія (о образѣхъ, т.-е. о тропахъ и фигурахъ) и др.“ [2]). Этотъ и подобные ему другіе сборники читались грамотными людьми, и если уже

---

[1]) *Хмыровъ.* Училища и образованность на Руси до-петровской.

[2]) *Галаховъ.* Исторія р. слов. древней и новой. 1863. Ч. I, стр. 46.

одно знаніе грамоты, пѣнія и умѣнье списывать книги считалось тогда за образованіе, то знакомство съ предметами, помѣщавшимися въ такихъ сборникахъ, какъ Святославовъ и другіе, должно было представляться высшимъ образованіемъ. Поэтому еслибы даже знаніе „философіи, риторики" и пр. и не было передано Евфросиньѣ высокообразованнымъ бояриномъ, то она сама могла пріобрѣсти его изъ книгъ. Такимъ образомъ преувеличеніе ея познаній въ „Житіи" заключалось бы только въ высокопарной формѣ, въ какой они были перечислены авторомъ „Житія".

Евфросиньею Суздальскою (ум. около 1250 г.) заканчивается скудный рядъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ образованныхъ, по своему времени, въ до-монгольской Руси женщинахъ. Со второй половины XIII вѣка вообще свѣдѣнія о ходѣ нашего просвѣщенія становятся рѣже и скоро совсѣмъ прекращаются. Иногда только, упоминая имя того или другого, чѣмъ-нибудь отличившагося, князя, лѣтописи даютъ отрывочное извѣстіе, что онъ читалъ божественныя книги и изрѣдка—все рѣже и рѣже—что зналъ греческій языкъ. Объ образованности, даже грамотности бояръ не приводится и такихъ извѣстій. Духовенство и при монголахъ продолжало учить грамотѣ въ школахъ при церквахъ. Оно было единственнымъ обязательно - грамотнымъ сословіемъ во второмъ періодѣ нашей древней исторіи, т.-е. отъ смерти Ярослава до смерти Алексѣя Михайловича (1054—1676). Высшее, по тогдашнему, образованіе, съ половины XIV вѣка и для мужчинъ сосредоточилось въ монастыряхъ. Училища Стоглава предназначались почти исключительно для приготовленія священниковъ. Небогатые и незнатные люди, желавшіе обучить дѣтей грамотѣ для того, чтобы они могли впослѣдствіи заниматься дѣлами, т.-е. быть писцами и подьячими, посылали ихъ къ какому нибудь учителю-грамотѣю. Такъ какъ подобныя занятія считались унизительными для высшихъ сословій, то эти сословія не имѣли возможности, помимо того что среди нихъ, за ничтожными исключеніями, не было и желанія, пріобрѣсть даже элементарныя въ чемъ-нибудь познанія. Вслѣдствіе этого у насъ въ XVI вѣкѣ обнаружилось тò же, чтò двумя вѣками ранѣе было на западѣ среди рыцарей, т.-е. наши бояре и боярскія дѣти не были въ состояніи подписать своего имени на оффиціальномъ документѣ.

Если таково было состояніе просвѣщенія мужской половины русскаго государства, то просвѣщеніе женщинъ, даже простая грамотность среди нихъ, должна бы, казалось, совсѣмъ исчезнуть. Непріуроченныя ни къ какому дѣлу или занятію, непобуждаемыя никакими внѣшними условіями, при отсутствіи въ самомъ обще-

ствѣ сознанія въ пользѣ просвѣщенія и потребности въ ученіи, не имѣющемъ въ виду прямой практической цѣли, женщины, оставаясь въ міру, и сами, конечно, не захотѣли бы учиться, и силою вещей надолго были бы устранены отъ той даже скромной доли участія въ просвѣщеніи, какая выпала имъ въ до-монгольскій періодъ.

Однако слѣды грамотности среди женщинъ сохранялись и при монголахъ. Это видно изъ нѣсколькихъ, разсѣянныхъ въ разныхъ источникахъ, примѣровъ. Въ граматахъ XIV вѣка упоминается, говоритъ Лавровскій [1]), о содержаніи при церквахъ сиротъ и дѣтей (обоего пола), которыхъ, по его предположенію, не только питали, но и учили грамотѣ. Изъ частныхъ извѣстій, касающихся собственно женщинъ, въ Степенной книгѣ [2]) приведенъ разсказъ о женѣ князя Андрея Константиновича, княгинѣ Василисѣ, которая въ ранней молодости выучилась божественному писанію, изучила ветхій и новый завѣтъ и хотѣла постричься въ монахини. Но родители выдали ее замужъ когда ей было 12 лѣтъ. Будучи замужемъ и живя въ міру, Василиса вела монашескую жизнь и даже носила на тѣлѣ власяницу; а когда послѣ 13-ти-лѣтняго супружества ея мужъ передъ смертью принялъ схиму, она роздала все имущество нищимъ, монастырямъ и церквамъ и сама постриглась въ основанномъ ею монастырѣ. Тутъ она жила кормясь рукодѣліемъ, проводя жизнь въ постѣ, молитвѣ и чтеніи священныхъ книгъ. Къ ней присоединились многія дѣвицы, боярыни, княгини, „и бысть ихъ числомъ сто и десять“.

Это и другія, ему подобныя, извѣстія, всѣ, за весьма незначительными измѣненіями въ подробностяхъ, сходныя между собою, и не представляющія ничего особеннаго, выдающагося изъ обычной колеи монастырской жизни и монастырскихъ подвиговъ, именно вслѣдствіе сходства во всѣхъ почти біографіяхъ древне-русскихъ женщинъ, имѣютъ извѣстное значеніе. Двѣнадцати лѣтъ онѣ, одна какъ другая, выходили замужъ, въ ранней юности учились грамотѣ и божественному писанію, потомъ поступали въ монастырь, и пр. Такія общія всѣмъ черты могутъ быть сочтены за прибавленія позднѣйшихъ авторовъ жизнеописаній женщинъ княжескаго рода или просто за біографическія гипотезы; но тѣ же

---

[1]) О древне-русскихъ училищахъ.

[2]) Гл. II, стр. 486: „О блаженной супружницѣ князя Андрея Константиновича Нижеградскаго, княгинѣ Василисѣ, въ инокиняхъ Θеодорѣ“.—Полное Собр. р. лѣтописей, II, 219.

черты находятся въ „Житіи“ св. Евфросиньи Полоцкой [1]), жившей въ XII вѣкѣ, а это Житіе признается „если не по языку и редакціи, то по содержанію несомнѣнно древняго происхожденія“ [2]). Такимъ образомъ, по этимъ біографическимъ указаніямъ мы можемъ заключать, что обычай обучать женщинъ въ княжескихъ семьяхъ продолжалъ существовать и въ самое глухое для нашего просвѣщенія время. Въ это время всѣ женщины княжескаго и знатнаго рода жили если не въ монастыряхъ, то въ теремахъ, служившихъ, какъ это видно и изъ приведеннаго выше примѣра княгини Василисы, тѣмъ же монастыремъ для женщинъ, не желавшихъ или не имѣвшихъ возможности идти въ монастырь.

Съ теченіемъ времени обычай удаляться въ монастырь постоянно усиливался и переходилъ изъ высшихъ классовъ сначала въ средніе, а въ XVI вѣкѣ и въ низшіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ установился и другой, особенно часто примѣнявшійся при Грозномъ— насильно постригать людей, отъ которыхъ почему-либо царь или вліятельныя лица хотѣли избавиться. Насильственное постриженіе примѣнялось и къ женщинамъ, даже царицамъ, которыхъ заключали въ монастырь иногда въ видѣ наказанія, иногда съ разными другими, въ томъ числѣ и политическими, цѣлями, иногда же съ цѣлью охранить ихъ отъ обидъ и опасностей, которымъ онѣ могли на каждомъ шагу подвергаться въ тогдашнемъ обществѣ.

Въ монастырѣ, какъ и въ теремѣ, женщины, волей или неволей, должны были наполнять свой день, кромѣ рукодѣлія, и другими занятіями. Женскіе монастыри большей частью были монастырями общинножительными, а во всѣхъ такихъ монастыряхъ были одни и тѣ же или весьма сходные между собою уставы и правила; въ эти правила включалось и чтеніе книгъ въ келіяхъ. Тѣже уставы полагались и на волю женскихъ монастырей [3]).

Точно также и въ теремахъ „набожность,—говоритъ Забѣлинъ [4]),—наполняла день, ибо Уставъ каждодневной жизни требовалъ чтенія какъ душеспасительнаго подвига. Читались: Житія святыхъ, поученія на каждый день, и пр. Оттого знаніе священ-

---

[1]) Житіе и хожденіе святыя Евфросиньи † 1173. Пергаментная рукопись XIV вѣка найдена Срезневскимъ въ Львовскомъ монастырѣ. *Филаретъ*. Обзоръ русск. дух. литературы № 40.—Повѣсть житія и преставленія Евфросинья Полоцкой. Изъ Сборника XVI вѣка Троицкой Лавры. *Костомаровъ*. Пам. стар. р. лит. и др.—Опис. рук. Румянц. музея. Л. 136, стр. 221.—*Макарій*. Т. III, стр. 68.

[2]) *Голубинскій*. Томъ I, 2-я половина, стр. 493. Прим.

[3]) *Макарій* Ист. р. церкви. Т. VII, стр. 83: „вся елика суть о инокахъ речена, тожде преданіе и симъ (инокинямъ) есть“.

[4]) *Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царицъ.

ной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено несравненно болѣе, чѣмъ всякое другое. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или Устава, это была единственная наука того времени, то самое, что̀ мы теперь понимаемъ подъ словомъ образованность. Въ особенности въ замкнутомъ теремѣ женщины, лишенныя участія даже мыслью и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ, управлялись и направлялись въ нравственныхъ и умственныхъ интересахъ".

Если это было такъ, то слѣдовало бы признать, что затворничество женщинъ, такъ вредно отразившееся на всемъ складѣ русской жизни, принесшее впослѣдствіи столько зла и горя самимъ женщинамъ, было для нихъ не только спасеніемъ во второмъ періодѣ нашей древней исторіи, но оно сослужило имъ и другую службу, не допустивъ ихъ до полнаго отчужденія отъ просвѣщенія страны. Соловьевъ справедливо говоритъ: „Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: „что̀ бы сталось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема"? [1]) Но онъ тутъ же признаетъ, что это спасительное въ то время средство—удаленіе женщины изъ общества—было для него вредно, ибо содѣйствовало еще большему огрубѣнію его нравовъ.

Обычай затворничества женщинъ просуществовалъ у насъ долго, до Петра. Въ XVII вѣкѣ онъ былъ, по словамъ Соловьева, дѣломъ приличія для женщинъ высшихъ и достаточныхъ классовъ. Это и понятно, если вспомнить свидѣтельство Олеарія о нравахъ, привычкахъ и разговорахъ русскихъ людей XVII вѣка [2]), причемъ, надо замѣтить, женщины не огражденныя стѣнами монастыря или терема, какъ это видно изъ разсказовъ Флетчера [3]), Олеарія и другихъ, стояли на одномъ уровнѣ нравственности, весьма низкомъ, съ мужчинами.

Въ половинѣ XVII вѣка появился памятникъ нашего древняго домашняго быта—Домострой. Въ послѣдней его главѣ сказано: „Что̀ самъ дѣлаешь, тому жену учи; всякому страху Божью, всякому знанію и промыслу" [4]). Но такъ какъ въ Домостроѣ знаніе грамоты признается нужнымъ только для духовныхъ и приказныхъ, то очевидно что для мужчинъ всѣхъ другихъ сосло-

---

[1]) *Соловьевъ.* Исторія Р. Т. IV, стр. 341.

[2]) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ (Чт. Общ. ист. и др. 1868, кн. III, стр. 175—182.).

[3]) О Государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны (1591). Изд. 1867, стр. 112.

[4]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. VII, стр. 238.

вій оно не считалась нужнымъ, а слѣдовательно слова: „всякому знанію"—не имѣли никакого отношенія къ ученію. Однако съ конца еще XV вѣка обычай обучать грамотѣ женщинъ княжескихъ семей можно прослѣдить даже внѣ монастырскихъ преданій. Съ этого времени наша исторія сосредоточивается главнымъ образомъ вокругъ одного лица, великаго князя и царя, и почти всякій разъ какъ историку приходится упомянуть о той и другой женщинѣ, имѣющей какое-либо касательство къ этому лицу, эти женщины отмѣчаются по крайней мѣрѣ грамотными [1]). У Костомарова [2]) цѣликомъ приведено письмо Елены, дочери Ивана Васильевича III, бывшей замужемъ за литовскимъ княземъ Александромъ. Въ этомъ письмѣ русская княжна рисуется не только грамотною и умною, но и обладавшею тѣмъ, что̀ мы теперь назвали бы развитіемъ. Елена осмѣливается „имѣть свое сужденіе" даже о государственныхъ дѣлахъ. Убѣждая отца прекратить войну съ Литвою, Елена пишетъ: „оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую самъ записалъ ему своимъ крѣпкимъ словомъ въ докончальныхъ граматахъ, чтобъ отъ вашей нелюбви не лилась кровь христіанская и поганство бы не смѣялось", и пр. Въ другомъ мѣстѣ Елена говоритъ отцу, что она отослала свою московскую прислугу и боярынь, потому что онѣ не умѣютъ держать себя прилично. Хотя есть основаніе подозрѣвать, что это письмо писано не самою Еленою, а лишь отъ ея имени [3]), но изъ другихъ сохранившихся ея писемъ къ отцу и брату Бестужевъ-Рюминъ заключаетъ, что она „отличалась и тактомъ, и достаточной энергіей" [4]).

О царевнѣ Ксеніи Годуновой сохранились отзывы какъ о женщинѣ образованной и искусной въ списываніи книгъ. Борисъ Годуновъ, по словамъ Соловьева, первый изъ московскихъ царей далъ своему сыну образованіе выше того, какое до тѣхъ поръ давалось русскимъ людямъ. Вѣроятно онъ при этомъ приложилъ заботы и объ образованіи дочери. Грамотною была и мать царя Михаила Ѳедоровича, царица-инокиня Марѳа, въ міру Ксенія Ивановна. Она переписывалась съ патріархомъ Филаретомъ и

---

[1]) Указаніе на это есть, между прочимъ, и въ Русской Исторіи *К. Бестужева-Рюмина.* Т. I, стр. 78—79.

[2]) Русская Исторія, стр. 302.

[3]) Ист. борьбы Моск. гос. съ польско-лит. *Карпова* (Чт. Общ. ист. и др. 1866, кн. IV стр. 102—105).

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Р. Исторія. Т. II, 1885, стр. 184.

читала, какъ видно изъ случайно сохранившагося извѣстія, „книгу печатную въ десть, Василія Кесарійскаго, да Псалтырь“ [1]).

Судя по примѣрамъ Ксеніи Годуновой и Ксеніи Шестовой (инокини Мароы), также Евдокіи Лопухиной [2]) (впослѣдствіи царицы), можно думать, что въ XVI и XVII вѣкахъ дочерей учили не въ однихъ царскихъ, но иногда и въ боярскихъ, даже незнатныхъ (родъ Шестовыхъ былъ изъ незнатныхъ) семьяхъ. Въ то же время изъ „Житія св. Іуліаніи Лазаревской“ видно, что особенно въ деревняхъ въ XVII вѣкѣ были такія боярскія дочери, которыя, „окруженныя раболѣпной челядью, выростали не учась грамотѣ; въ теченіе многихъ лѣтъ не бывали въ Божьемъ храмѣ, ни отъ кого не слышали наставительнаго слова о христіанскихъ обязанностяхъ“ [3]).

Характерны для сужденія о взглядахъ въ XVII вѣкѣ на цѣль образованія, слова автора житія Іуліаніи, ея сына, бывшаго губнымъ старостою въ Муромѣ [4]). „Только смысломъ благимъ, пишетъ онъ о матери, Іуліанія была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ великій Антоній: имѣющимъ цѣлъ умъ не требовати писанія. Слово это блаженная собою исправила; и не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и какъ бисеръ многоцѣнный свѣтилась среди тины“ [5]).

Отношеніе женщинъ къ образованію вообще, также и отношеніе къ нимъ образованныхъ людей ихъ времени начинаютъ нѣсколько опредѣленнѣе выясняться въ XVII вѣкѣ изъ біографій разныхъ лицъ и другихъ случайныхъ извѣстій. Изъ біографіи князя Василія Васильевича Голицына мы узнаемъ, что отецъ его, служившій при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, умеръ не успѣвъ образовать сына. Но мать его, Ульяна Ивановна, „находясь въ верховыхъ боярыняхъ“, занялась его воспитаніемъ; его обучали греческому, латинскому языкамъ [6]).

Взглядъ на женщину какъ на лицо, на которое возлагалась обязанность заботиться объ образованіи дѣтей, выразился при поднесеніи царицѣ Натальѣ Кириловнѣ букваря, составленнаго іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ. Въ посвященіи букваря онъ

---

[1]) *Хрущовъ.* Ксенія Ивановна Романова (Древняя и новая Россія. 1866, № 12).

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Р. Ист. Т. I, стр. 78.

[3]) *Буслаевъ.* Идеальные женскіе типы въ древней Руси. Р. Вѣстникъ. 1858.

[4]) *Филаретъ.* Обзоръ р. дух. литературы, № 205.

[5]) *Буслаевъ.* Идеальные типы.

[6]) *Сахаровъ.* Зап. Андр. Артам. Матвѣева. Прим. 25. Записки русскихъ людей. 1841.

говоритъ царицѣ Натальѣ: „Да яко же ты, государыня благочестивая царица, внука твоего, благороднѣйшаго государя нашего Алексія Петровича любиши такожде въ возрастъ временно пріятный пришедши, христіанскому благочестію и благородному праву и письменныя науки научитиимаши“, и пр. [1]) Другой списокъ букваря Истоминъ поднесъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ „по изволенію и повелѣнію ея“; „вѣроятно“, говоритъ Пекарскій, „для обученія дочерей царицы“ [2]).

Такія подношенія женщинамъ дѣлались и раньше. Симеонъ Полоцкій поднесъ царевнѣ Софіи свой „Вѣнецъ Вѣры“, при стихахъ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

„Ты церковныя книги обыкла читати.
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати“ [3]).

Эти и подобныя имъ извѣстія, какъ бы они сами по себѣ ни были мелки и незначительны, свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о томъ, что въ царскихъ семьяхъ, также какъ въ монастыряхъ, и въ концѣ древняго періода нашей исторіи, какъ это было въ началѣ его, сосредоточивалось для женщинъ то общее „просвѣщеніе“, какое существовало у насъ до Петра. Признавъ это, нужно допустить, что по мѣрѣ того, какъ кругъ такого просвѣщенія или, вѣрнѣе сказать, грамотности, расширялся вообще, онъ расширялся и среди женщинъ; что кромѣ божественныхъ, онѣ читали и другія книги, изъ которыхъ знакомились съ міромъ, природой, внѣшними, земными предметами, что онѣ читали и сказки, и вообще пользовались всѣмъ, что̀ представляла современная имъ литература. Нѣкоторый намекъ на это можно видѣть въ случайно найденной надписи на одной изъ рукописей сборника XVII вѣка: „сия книга, глаголемая собраніе историовъ возпесенскаго монастыря монахини Любови Степановой, которую подарилъ Чудова монастыря монах іерей Каріонъ Істоминъ“. Надпись эта сдѣлана на оборотѣ послѣдняго листа: „Сказанія о некоем славном богатыре Уруслапѣ Залазаревиче“, составлявшемъ нѣкогда часть большого сборника повѣстей [4]).

Хотя Котошихинъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ и говоритъ: „московскаго государства женскій полъ не ученъ, и не обычай тому есть“, но это очевидно относится къ народу вообще, а не къ высшимъ его слоямъ, ибо съ XVII вѣка у насъ появляются, напротивъ,

[1]) *Пекарскій.* Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 173.
[2]) Тамъ же (выноска).
[3]) *Тихонравовъ.* Лѣтописи русской литературы. Ч. 3, стр. 86.
[4]) *Тихонравовъ.* Лѣтописи. Т. II, Сказка объ Уруславѣ, стр. 100.

положительныя и подробныя извѣстія даже о томъ, какъ, чему и кто училъ царевенъ. Забѣлинъ говоритъ, что ихъ, также какъ царевичей, начинали учить чтенію съ пятилѣтняго возраста, а письму съ семи лѣтъ. Предметы ученія: букварь, часословъ, псалтырь, Евангеліе (только царскихъ дѣтей), церковное пѣніе преподавались царевнамъ въ томъ же объемѣ и порядкѣ, какъ и царевичамъ, съ тою лишь разницею, что послѣднихъ учили дьяки, а царевенъ учительницы-мастерицы [1]). Сохранились даже имена учительницъ царевны Татьяны Михайловны и такія подробности, что онѣ получали за свой трудъ восемь рублей въ годъ жалованья и кормовыхъ по шести денегъ въ день. Переходъ въ обученіи царевны отъ одной книги къ другой сопровождался также извѣстными обрядами. Шестилѣтней царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, которую впослѣдствіи современники называли „мудрою и начетчицею книгъ“ [2]) царь Михаилъ Ѳедоровичъ подарилъ (въ 1634 г.) турскій кафтанъ, когда она начала учить часы, т.-е. Часословъ. Точно также царевнамъ, какъ и царевичамъ, доставлялись въ хоромы „потѣшные листы“, т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, по которымъ Морозовъ училъ царя Алексѣя Михайловича; также и потѣшныя книги, т.-е. повѣсти о рыцаряхъ, ихъ похожденіяхъ и пр., которыми зачитывались у насъ во второй половинѣ XVII вѣка грамотные люди высшаго общества. Эти книги въ началѣ ихъ появленія у насъ были дороги и рѣдки, но для царской семьи ихъ переписывали во дворцѣ, а иконописцы рисовали картинки.

Судя по тому, что всѣ приведенныя выше извѣстія объ обученіи царевенъ относятся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳедоровича, когда въ русскомъ обществѣ еще не обозначился поворотъ къ новымъ идеямъ такъ рѣзко, какъ это проявилось во второй половинѣ XVII вѣка, можно предполагать, что и раньше, обученіе царевенъ и молодыхъ боярынь шло въ уровень съ обученіемъ царевичей и боярскихъ дѣтей мужскаго пола. Науки въ собственномъ смыслѣ слова вѣдь тогда еще не было, и до начала XVIII вѣка полный курсъ начальнаго обученія, такъ-называемаго домашняго, былъ одинъ для всѣхъ сословій московскаго государства. Весь этотъ курсъ, т.-е. чтеніе, письмо, пѣніе, преподавался и женщинамъ, которыя, какъ и всѣ любознательные люди того времени, могли пополнять свои знанія чтеніемъ. Такихъ людей впрочемъ и въ XVII вѣкѣ было немного,

---

[1]) *Забѣлинъ.* Домашній бытъ русскихъ царей. Ст. 7-я. (Отеч. Зап. 1854 г. Т. XCVII, стр. 105).

[2]) *Н. А. Полевой.* Историческія справки. Р. Вѣстникъ 1841. Т. III.

но къ этимъ немногимъ принадлежали шесть дочерей царя Алексѣя Михайловича и въ особенности младшая изъ нихъ, знаменитая царевна Софья. Ее, по свидѣтельству Соловьева, даже врагъ называетъ „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ [1]).

Софья, кромѣ церковной начитанности, которую она, также какъ и ея сестры, пріобрѣла въ терему, имѣла возможность развить свой умъ и знанія подъ вліяніемъ и руководствомъ ученаго Симеона Полоцкаго, приглашеннаго въ 1664 г. учить старшаго царевича Алексѣя и его брата Ѳедора. Онъ училъ ихъ не грамотѣ, а высшимъ наукамъ [2]): латинскому языку, піитикѣ, риторикѣ, и пр., и по обыкновенію тогдашнихъ западно-русскихъ учителей, долженъ былъ удовлетворять предъявляемымъ къ такимъ учителямъ русскими людьми требованіямъ, т.-е. передавать дѣтямъ какъ можно больше и разнаго рода знанія въ легкой, удобопонятной формѣ. Надо думать, что такую науку онъ передалъ и Софьѣ, ибо въ своихъ проповѣдяхъ Симеонъ Полоцкій проводилъ мысль, что учить надо всѣхъ: и монаховъ, и мірянъ, и мужчинъ, и женщинъ, ибо всѣмъ полезно чтеніе божественныхъ писаній [3]). Но „Вѣнецъ Вѣры“ былъ такимъ сочиненіемъ, въ которомъ, на ряду съ изъясненіемъ христіанскихъ догматовъ, сообщались и разныя научныя свѣдѣнія; его Симеонъ Полоцкій далъ прочесть Софьѣ сначала въ черновомъ видѣ, и только когда она его одобрила, посвятилъ „Вѣнецъ Вѣры“ ей [4]). Софья читала и по-польски, умѣла говорить рѣчи народу, и одну изъ такихъ рѣчей Соловьевъ называетъ прекрасною [5]). По нѣкоторымъ извѣстіямъ Софья занималась литературою и перевела комедію Мольера: „Le médecin malgré lui“ [6]). Сестра Петра, Наталья Алексѣевна, также знала нѣсколько иностранныхъ языковъ и сочиняла „комедіанскія дѣйствія“ [7]).

Какимъ образомъ могли царевны, особенно Софья, выроставшая въ то время, когда у насъ не допускались учителя-иностранцы, пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ—это неизвѣстно; можетъ быть онѣ учились имъ у представителей кіевской учености,

---

[1]) Исторія Россіи. Т. XIII, стр. 229.

[2]) *Л. Н. Майковъ.* Симеонъ Полоцкій. Др. и Н. Р. 1875, стр. 117, 119.

[3]) *Галаховъ.* Ист. р. слов. Т. I, стр. 226.

[4]) Врученіе книги „Вѣнецъ Вѣры“ благовѣрной царевнѣ и вел. княгинѣ Софіи Алексѣевнѣ. *Тихонравовъ.* Лѣтописи. Т. III, стр. 86.

[5]) *Соловьевъ.* Т. XIV, стр. 129.

[6]) *Карамзинъ,* въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ говоритъ, что онъ читалъ въ рукописи одну піесу Софьи.

[7]) *Забѣлинъ.* Домашній бытъ р. царицъ.

которые имѣли при дворѣ Алексѣя Михайловича большое вліяніе. Во всякомъ случаѣ иностранцы были у насъ со временъ Іоанна Грознаго и особенно Бориса Годунова, любившаго западныхъ людей, при дворѣ послами, въ войскѣ, въ средѣ торговыхъ людей, были лекаря, мастера и пр. Особенно при Софьѣ въ Москвѣ было много поляковъ, у которыхъ она и могла выучиться по-французски. Какъ бы то ни было, если въ XVII вѣкѣ была какая-нибудь возможность обучаться русскимъ людямъ иностраннымъ языкамъ, то этой возможностью, какъ видно изъ примѣровъ царевенъ, пользовались для ихъ обученія.

Правда, при Алексѣѣ Михайловичѣ въ русской жизни проявилось много новаго, совершенно до тѣхъ поръ невиданнаго. Къ этимъ новизнамъ относится появленіе царицы въ комедіяхъ, на охотѣ съ царемъ. По смерти Алексѣя Михайловича царица и царевны ужъ сами вышли изъ терема, публично показывались народу, говорили ему рѣчи, участвовали въ церемоніяхъ и выходахъ, спорили и разсуждали съ раскольниками. Все это было необычайнымъ, выходящимъ изъ ряда, явленіемъ, какимъ было и все короткое правленіе царевны Софьи. Но было бы ошибкой причислять къ нововведеніямъ второй половины XVII в. то образованіе, которое обнаружила Софья при своемъ выступленіи изъ терема. Явленіе образованной царевны объясняется другими, могущими быть легко провѣренными, причинами.

Большинство нашихъ изслѣдователей согласно въ томъ, что до Петра у насъ не было ни настоящей науки, ни научнаго образованія, но была грамотность, была наука церковная и церковное образованіе. Это и составляло то̀, что̀ считалось тогда просвѣщеніемъ. До Петра у насъ не было и узаконеній, касающихся народнаго образованія вообще. Въ два первые вѣка нашей исторіи князья, заботясь объ ученіи народа въ видахъ укрѣпленія въ немъ христіанской вѣры, не сдѣлали и, можетъ быть, не успѣли сдѣлать никакихъ, относительно его ученія, постановленій. При Московскомъ государствѣ опредѣленныя Стоглавымъ соборомъ училища, а также открытыя въ XVII вѣкѣ школы: патріаршая въ Чудовѣ и Спасская въ Москвѣ, были учрежденіями спеціальными. Послѣдняя предназначалась для приготовленія служителей Тайнаго Приказа. Эти школы существовали недолго, да и возникли онѣ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Такимъ образомъ заботясь объ образованіи духовенства и приказныхъ, правительство, до Петра, не проявляло заботъ объ *общемъ* образованіи народа или даже отдѣльныхъ его классовъ; но оно и не регламентировало его. Могли учиться всѣ, кто чему

и какъ хотѣлъ, безъ всякихъ опредѣленій и ограниченій званіемъ, поломъ и даже возрастомъ. Съ самаго начала просвѣщеніе шло у насъ сверху и очень медленно распространялось въ народѣ. Такъ было и относительно женщинъ. Женщины высшихъ классовъ общества, не связанныя никакимъ обязательнымъ дѣломъ или занятіемъ, могли и даже должны были побуждаться, если не любознательностью, то въ силу условій своей жизни въ монастыряхъ и теремахъ, къ пріобрѣтенію наличныхъ въ то время знаній и расширенію ихъ. Въ этомъ никто ихъ не поощрялъ, но никто и не мѣшалъ имъ. Такъ было всегда, съ самаго начала нашей исторіи вплоть до второй половины XVIII вѣка, и если, для доказательства того, что женщины всегда пользовались возможностью учиться и просвѣщаться, намъ пришлось нанизывать единичные примѣры, да еще чуть ли не по одному на цѣлый вѣкъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ дѣйствительности только и была одна, во всемъ столѣтіи, грамотная или сколько-нибудь просвѣщенная княгиня, княжна или боярыня. Это было бы равносильно признанію факта—полнаго отсутствія просвѣщенія среди женщинъ.

Но, при извѣстныхъ условіяхъ, и единичные факты получаютъ значеніе. Такъ и въ данномъ случаѣ, и по весьма разнообразнымъ причинамъ. Вся наша древняя исторія заключается въ лѣтописяхъ, образцомъ которымъ послужили византійскія хроники и характеръ которыхъ сложился подъ вліяніемъ перенесенныхъ къ намъ изъ Византіи идеаловъ и литературы. Одного этого было бы уже достаточно для объясненія скудости въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстій о женщинахъ и вообще отсутствія къ нимъ, говоря словами автора „Историческихъ очерковъ“, вниманія со стороны нашихъ старинныхъ грамотниковъ. Къ тому же, съ самаго появленія у насъ лѣтописи, въ нее заносились преимущественно событія внѣшней стороны русской жизни, а не внутренней, въ которой только и могла проявить себя древне-русская женщина. Надо имѣть также въ виду, что до насъ дошли далеко не всѣ письменные памятники нашей древности; многіе изъ нихъ, именно того времени, когда женщина еще не была окончательно закрѣпощена, погибли при татарахъ, раззорявшихъ церкви и монастыри, гдѣ велись лѣтописи и хранились эти памятники. Да и тѣ, которые остались, дошли къ намъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ. Начальная наша лѣтопись, доведенная до XII вѣка, неизвѣстна намъ, какъ это положительно доказано, въ подлинникѣ, а лишь во множествѣ списковъ, съ дополненіями, выпусками и вообще измѣненіями, какія находили нужнымъ дѣлать въ ней позднѣйшіе переписчики и продолжатели, руководствуясь

своими личными взглядами, господствующимъ направленіемъ времени когда они писали и вообще разными посторонними побужденіями. Самый древній изъ дошедшихъ до насъ списковъ—Лаврентьевскій—составленъ, какъ это признано всѣми изслѣдователями нашей старины, не ранѣе XIV вѣка. Въ это время русская женщина уже совсѣмъ была отдѣлена отъ общества. Не только всякое ея дѣйствіе, но и всякое ея слово должно было оставаться въ тѣни, и особенно въ глазахъ монаха-лѣтописца было бы даже „зазорно" выводить ее на свѣтъ, хотя бы и не физически а духовно. „Только ореоломъ своей святости,—говоритъ Буслаевъ [1]),—женщина могла примирить съ собою стыдливую и робкую фантазію древне-русскаго грамотника". Но и въ этомъ отношеніи женщинамъ не посчастливилось, ибо, по словамъ того же автора [2]), только шесть древне-русскихъ женщинъ „удостоились сіянія святости". А въ страстности подвижничества и религіозной ревности женщины навѣрное не уступали мужчинамъ.

Почему же такъ мало русскихъ женскихъ именъ занесено даже въ списки святыхъ, хотя „въ мѣстныхъ преданіяхъ, — говоритъ Буслаевъ,—сохранилась память о многихъ достойныхъ уваженія женщинахъ древней Руси"? Очень можетъ быть, что такъ какъ русскія женщины, особенно со второй половины нашего древняго періода, мало дѣйствовали и выступали открыто, то о нихъ слагалось и меньше устныхъ преданій, изъ которыхъ впослѣдствіи обыкновенно составлялись житія разныхъ святыхъ. Но еще вѣроятнѣе что если въ данной мѣстности и были устныя преданія о прославившейся святостью жизни или проповѣдями монахинѣ, и даже въ стѣнахъ монастыря, гдѣ она жила, существовали и письменныя о ней записи, то такія записи могли лежать въ монастырской кладовой безконечно долгое время и никогда не послужить литературнымъ матеріаломъ для ея біографіи.

Еще отъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи сохранились, кромѣ житія святыхъ, нѣсколько и другихъ извѣстій о древне-русскихъ женщинахъ. И въ самыхъ житіяхъ этого времени встрѣчаются подробности, по которымъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о личности самой святой и объ отношеніи къ ней современниковъ. Въ упомянутомъ нами раньше, древнемъ житіи Евфросиньи Полоцкой (ум. 1173 г.) сказано, что она „толма бысть любящи ученіе, якоже чудитися отцу ея о томъ. Вѣсти же, расшедшіяся по всѣмъ градамъ о мудрости ея и о блазѣмъ

[1]) Идеальные женскіе характеры древней Руси (Историческіе очерки р. нар. словесности и искуства. Т. II, стр. 252).

[2]) Тамъ же, стр. 240.

ученіи и о тѣлесней утвари—бѣ бо лѣпа лицемъ“, и пр. [1]) Точно также въ первоначальномъ ея „Житіи“ и во всѣхъ его позднѣйшихъ редакціяхъ упоминается о томъ, что передъ уходомъ въ Іерусалимъ Евфросинья оставила своему монастырю уставъ. Но о содержаніи этого устава нигдѣ ничего не сказано и этимъ въ „Житіи“ опущена имѣющая общее значеніе подробность, ибо уставъ Евфросиньи Полоцкой долженъ, казалось бы, представлять для ея біографа тѣмъ бо́льшій интересъ, что это былъ если не первый, то одинъ изъ самыхъ первыхъ уставовъ русскихъ монастырей, притомъ еще двойного.

Въ лѣтописяхъ упомянуто о томъ, что княжна Янка ходила въ Константинополь и привела оттуда митрополита Іоанна. Тамъ же, иногда, рядомъ съ именемъ того или другого князя, вскользь, бо́льшей частью безъ всякихъ подробностей, приводится и имя его „княгини“; также отмѣчено, что у такого-то князя родилась дочь, или умерла жена. Извѣстія о княгиняхъ, независимо отъ князя, чаще всего ограничиваются сообщеніемъ, что та или другая построила церковь или основала монастырь, гдѣ и постриглась. Иногда въ лѣтописяхъ попадается женское и не княжеское имя [2]); но оно также упоминается мимоходомъ, чтобы сказать, что у такой-то въ домѣ былъ пожаръ или происходилъ пиръ, или такая-то заявила о бывшемъ ей видѣніи. Въ Степенной книгѣ, составленной изъ лѣтописей и отдѣльныхъ сказаній, есть нѣсколько эпизодовъ благочестія и цѣломудрія княгинь; но эти извѣстія являются въ позднѣйшей переработкѣ первоначальныхъ преданій.

Съ XIV вѣка лѣтописи получаютъ характеръ оффиціальныхъ, правительственныхъ актовъ и въ нихъ, понятно, удѣляется еще менѣе мѣста извѣстіямъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ государственнымъ событіямъ. Въ это же время начинаетъ изсякать и другой источникъ свѣдѣній о женщинахъ. Житія святыхъ являются въ переработанномъ видѣ и вслѣдствіе пренебреженія къ первоначальнымъ преданіямъ, бо́льшая часть старыхъ свитковъ погибаетъ, вытѣсненная изъ письменнаго обращенія новыми, искусственно изложенными житіями [3]). Эти послѣднія составляются большей частью по распоряженіямъ митрополитовъ, или по заказу почитателей святого или учениками его. Сами митрополиты и высшія ду́ховныя особы иногда писали, или же поручали дру-

[1]) См. также: *Сахаровъ*. Легенда о путешествіи игуменьи Евфросиньи Полоцкой (Сказанія русскаго народа. Т. II).

[2]) См. П. С. Р. Л. Томы III и IV.

[3]) *Ключевскій*. Древне-русскія житія.

гимъ составлять житія умершихъ высшихъ особъ церкви или чѣмъ-либо прославившихъ родину знаменитыхъ личностей, съ цѣлью оставить потомству память о нихъ. Понятно что тутъ еще рѣже могли встрѣчаться женскія имена. Чѣмъ могла тогда прославить родину женщина? „Подвигъ ея на землѣ не громокъ,—говоритъ Буслаевъ [1]),—она только страдала отъ пагубнаго зла".

Внѣ монастыря, въ міру, даже идеаломъ благочестія — высшимъ идеаломъ древней Руси,—женщина быть не могла. „Имѣетъ ли право женщина не монахиня, а супруга и мать, на общую извѣстность, если только она не отмѣчена въ лѣтописяхъ высокимъ саномъ?... Наша старина рѣшилась бы дать отрицательный отвѣтъ", говоритъ тотъ же авторъ [2]). Но не только живя въ кругу семьи, а даже тамъ, гдѣ женщина выступала на общественное поприще, играла политическую роль, ея имя, если и заносилось въ лѣтописи, то безъ всякихъ подробностей о ней самой. О Маѳѣ Борецкой такъ мало извѣстно изъ нашихъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, что ея личность такъ и осталась невыясненною для потомства.

Интересно, что какъ бы въ противоположность книжникамъ, относившимся съ такимъ пренебреженіемъ къ женщинѣ, она въ народномъ представленіи всегда играла большую роль. Рядомъ съ занесеннымъ къ намъ изъ Византіи образомъ злой жены [3]), передѣланной потомъ въ русскую бабу-ягу, женщина, въ народныхъ повѣстяхъ и легендахъ, является мудрою, мужественною, разумною (Повѣсть объ Иверской царицѣ Динарѣ), представительницею равенства и любви (Легенда о Маѳѣ и Маріи), вѣщею, обладающею тайными силами, которыя она употребляетъ для блага человѣка (Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи) [4]).

По всѣмъ приведеннымъ нами выше причинамъ мы считаемъ себя въ правѣ, основываясь на извѣстныхъ, немногихъ даже, примѣрахъ женщинъ грамотныхъ и по своему времени просвѣщенныхъ, видѣть въ нихъ не одни исключенія, а изъ этихъ примѣровъ сдѣлать выводъ, что женщины не были изъяты изъ общаго образованія, постольку конечно, поскольку оно существовало на Руси до Петра. Этому не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что въ

---

[1]) Идеальные женскіе характеры древней Руси (Истор. очерки, Т. II, стр. 251).

[2]) *Буслаевъ.* Ид. ж. хар., стр. 268.

[3]) См. Русскія народныя картинки *Д. Ровинскаго.* Кн. V, стр. 37 (Сб. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXVII). О томъ же см. *Буслаевъ.* Мои досуги. 1886.

[4]) *Костомаровъ.* Памятники стар. р. лит.—*Буслаевъ.* Историч. очерки. Т. II (Повѣсть о Маѳѣ и Маріи, стр. 245).

нашей древней письменности не сохранилось ни одного литературнаго памятника, оставленнаго женщиною. Правда, мы не можемъ указать ни одного такого женскаго сочиненія, какъ „Слово о благодати“ митрополита Иларіона, или лѣтопись Нестора и т. п. Но вѣдь такихъ писателей какъ Несторъ, и проповѣдниковъ какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій и др. было очень немного. Большинство же произведеній нашей древней духовной литературы, по словамъ компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, не отличается ни ученостью, ни особеннымъ талантомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ авторы рѣдко вдавались въ догматическія тонкости; они спорили о буквѣ и обрядахъ, обличали нарушенія ихъ, полемизировали съ ересями и свои проповѣди и обличенія подкрѣпляли выписками изъ священнаго писанія или ссылками на восточныхъ отцовъ церкви, которые были переведены у насъ на церковно-славянскій языкъ [1]). Для этого требовалась начитанность, которая была доступна и женщинамъ столько же, сколько и мужчинамъ. Что же касается поэтическихъ и риторическихъ украшеній, бывшихъ въ ходу у тогдашнихъ проповѣдниковъ и церковныхъ писателей, то и въ этомъ женщины, особенно воодушевленныя религіознымъ энтузіазмомъ, не должны были уступать проповѣдникамъ, и вѣроятно этими качествами отличались двѣ Евфросиньи, проповѣдуя въ монастырѣ.

Но то, что мы не знаемъ ни одного письменнаго памятника, оставленнаго потомству лицомъ женскаго пола, еще не можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что женщины въ монастыряхъ никогда и не писали сочиненій въ разъясненіе церковныхъ догматовъ или въ доказательство превосходства христіанской вѣры передъ всѣми другими; что онѣ не перелагали церковныхъ пѣсенъ и стихиръ, не писали и не произносили поученій для народа, не сочиняли домостроевъ, поученій къ дѣтямъ и пр. Въ Степенной книгѣ помѣщено одно, довольно длинное „Поученіе“ [2]) великой княгини Маріи, жены Всеволода Георгіевича, къ сыновьямъ (въ началѣ XIII вѣка). Трудно предположить, что только одна изъ всѣхъ княгинь, уходя передъ смертью въ монастырь и прощаясь съ дѣтьми, прибѣгла къ этому, употребительному въ то время, способу разставанія съ

---

[1]) *Щаповъ*. Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. 1870, стр. 14, 25 и др.

[2]) Стр. 290. О благодарномъ терпѣніи Великія Княгини Маріи Всеволожи и о монастыри ея.

міромъ. А вѣдь всякое поученіе, какъ и проповѣдь, были вѣроятно сначала сказаны, а потомъ записаны кѣмъ-нибудь или даже самимъ авторомъ, и только такимъ путемъ могли переходить въ лѣтопись. Но въ ней не приводится женскихъ поученій, которыя, какъ и все, касающееся ихъ самихъ, оставляется безъ вниманія.

Точно также, если игуменьи управляли монастырями, то вѣроятно и между ними были такія, которыя отмѣчали событія монастырской жизни, дѣлали записи и пр. [1]) Мы понимаемъ, что при болѣе позднемъ вступленіи нашемъ на путь цивилизаціи, чѣмъ западная Европа, у насъ не могло быть такихъ ученыхъ монахинь, какъ саксонская Росвита или Элоиза, слѣдовательно наши монахини и не могли писать ученыхъ трактатовъ, какія писали монахини на западѣ. Но среди духовныхъ писательницъ на западѣ сохранились имена не однѣхъ Росвитъ и Элоизъ, а и многихъ другихъ, второстепенныхъ, совсѣмъ мало извѣстныхъ, о существованіи которыхъ впервые узнаешь, читая древнія хроники или выписки изъ нихъ [2]). Есть нѣкоторые намеки на то, что и въ нашихъ женскихъ монастыряхъ сохранились старинные акты, относящіеся къ исторіи обители, также къ исторіи другихъ женскихъ монастырей, акты хозяйственные [3]). Поэтому мы думаемъ, что при болѣе тщательной разработкѣ нашихъ монастырскихъ архивныхъ матеріаловъ, особенно еслибы она началась своевременно, какъ это было на западѣ, и до насъ, быть можетъ, дошли бы труды монахинь не въ видѣ только рукодѣльныхъ церковныхъ украшеній, а и письменные. Но въ свое время неотмѣченные, они могли легко исчезнуть безслѣдно навсегда.

Отчасти это слѣдуетъ приписать особеннымъ, неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыя съ самаго начала нашей исторіи были поставлены русскія женщины, ибо вѣдь не всѣ попадавшіяся подъ руку лѣтописцу сочиненія передавались имъ потомству. Для этого выбирались преимущественно такія, которыя принадлежали лицамъ, занимавшимъ видное мѣсто въ гражданской или духовной іерархіи, или пользовавшимся вліяніемъ на современниковъ, или, наконецъ, сочиненія, казавшіяся интересными самому лѣтописцу.

---

[1]) См. „Житіе препод. княжны Евфр.Užд.“ Владиміръ. 1879. „Тамъ уже давно“, (прежде чѣмъ составленное въ XVI в. Житіе было принесено въ обитель) записывали чудеса, истекавшія отъ ея гроба“.

[2]) См. *Ampère.* Histoire littéraire de la France avant Charlemagne.

[3]) Чт. О. ист. и др. 1866 кн. IV. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ монастыряхъ и церквахъ Калужской епархіи.

Женщины ни въ какомъ положеніи не имѣли вліянія въ мірской жизни. Въ стѣнахъ монастыря игуменья могла вѣдать и мірскія дѣла, т.-е. управлять монастырскими крестьянами, могла издавать правила для своего монастыря. Монахини могли произносить краснорѣчивѣйшія проповѣди въ монастырской церкви, могли записывать событія своего монастыря, вообще писать что имъ угодно, но все это не должно было видѣть свѣта. Да и при той роли, какую женщины занимали въ жизни,—все это не представлялось важнымъ или заслуживающимъ вниманія.

Привести положительныя доказательства за или противъ всего сказаннаго невозможно, потому что для этого не существуетъ никакихъ данныхъ даже въ первоначальныхъ нашихъ источникахъ. Поэтому по неволѣ приходится прибѣгать къ догадкамъ и соображеніямъ, которыя, намъ кажется, скорѣе говорятъ въ пользу того вывода, къ какому пришелъ и Лешковъ, основываясь на извѣстныхъ, хотя и немногихъ, историческихъ фактахъ, т.-е. что въ древности „образованіе мужскаго и женскаго пола шло у насъ болѣе или менѣе объ руку“ [1]. На такихъ же вѣдь догадкахъ и соображеніяхъ основывается у насъ начало исторіи и мужскаго, вообще народнаго образованія, ибо это начало, особенно въ далекія времена нашей древности, не можетъ быть прослѣжено и обставлено положительными доказательствами.

Конечно мы далеки отъ мысли утверждать, что просвѣщеніе среди женщинъ шло у насъ въ уровень, количественно и качественно, съ просвѣщеніемъ мужчинъ. Такую мысль исключаетъ уже тотъ фактъ, что если не съ самаго введенія его на Руси, то сначала наряду съ общимъ просвѣщеніемъ, а потомъ и исключительно, имѣлись въ виду цѣли спеціальныя. Женщины не могли быть ни священниками, ни подъячими, ни приказными, и уже поэтому число даже просто грамотныхъ между ними должно было быть меньше. Но въ такомъ же положеніи находился весь остальной народъ, а вѣдь было бы несогласно съ истиною утверждать, что кромѣ священниковъ и подъячихъ, въ Россіи до Петра, не было грамотныхъ и конечно, по понятіямъ времени, просвѣщенныхъ людей. Такъ говорить можно только противополагая наши теперешнія представленія о просвѣщеніи тому, какое было въ древней Руси. Мы хотимъ лишь сказать, что въ этой категоріи грамотныхъ и образованныхъ русскихъ людей до-петровскаго времени, какъ бы она ни была малочисленна, и на какомъ бы низкомъ

---

[1]) *Лешковъ*. Русскій народъ и государство, стр. 436.

уровнѣ ни стояло у насъ тогда *общее* просвѣщеніе, женщины, по отношенію къ этому общему просвѣщенію, находились совершенно въ такихъ же условіяхъ, какъ мужчины. Для нихъ существовали тѣ же способы пріобрѣтенія и расширенія знаній, какія находились въ распоряженіи у всего русскаго народа. Этими способами русскія женщины и пользовались во все продолженіе древняго періода нашей исторіи.

III.

Первое въ Россіи учебное заведеніе для высшаго образованія. Изъ него фактически исключены женщины.—Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обнаруживается рѣзче при Петрѣ. — Его заботы объ образованіи элементарномъ и высшемъ. — Указы 1721 и 1724 года о малыхъ народныхъ школахъ.—Отношеніе Петра къ женскому образованію.—Посѣщеніе Петромъ С. Сира въ 1717 году. — Вліяніе реформы Петра на образованіе женщинъ.— Ассамблеи въ Москвѣ (1722).—Берхгольцъ о русскихъ женщинахъ.—Обученіе женщинъ иностраннымъ языкамъ.—Обученіе дочерей царицы Прасковьи; также царевенъ Елизаветы и Анны.—Прогрессъ въ положеніи женщинъ при дворѣ Петра.—Предполагаемый кругъ знаній, которымъ обучали женщинъ высшаго круга при Петрѣ.—Берхгольцъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія и взгляды на него русскихъ и иностранцевъ.—Грубость нравовъ и вкусовъ у принцессъ, дочерей царицы Прасковьи.—Заботы о манерахъ и обученіе имъ.— „Юности честное зерцало".—Гувернантки царевенъ.—Состояніе образованности при Петрѣ. — Школы въ остзейскихъ провинціяхъ. — Иноземная школа въ Москвѣ.—Училище св. Петра въ Петербургѣ.—Обученіе письму при Петрѣ.— Частныя русскія школы.—Учащіяся женскаго пола.—Указъ Петра о монастыряхъ.—Возложеніе на монахинь обязанности воспитывать и обучать дѣтей.— Стремленіе западной католической церкви къ дѣятельному милосердію, въ томъ числѣ и къ воспитанію и обученію бѣдныхъ и сиротъ обоего пола.—Учрежденіе Екатериною I ордена св. Екатерины.—Женскіе учительскіе ордена на западѣ.—Обученіе у насъ въ монастыряхъ.—Указъ о вольныхъ нищихъ 1719 г.— Указы имп. Елизаветы 1743 и 1754 гг. (послѣдній о повивальныхъ бабкахъ).— Частные пансіоны при имп. Елизаветѣ. — Успѣхи въ домашнемъ образованіи женщинъ высшихъ классовъ при Елизаветѣ.

До тѣхъ поръ, пока образованіе русскаго человѣка, за весьма немногими исключеніями, стояло на уровнѣ элементарнаго, направленнаго главнымъ образомъ къ удовлетворенію религіозныхъ его потребностей, оно было общимъ для всѣхъ сословій и однороднымъ. Какъ ни скудно было наше просвѣщеніе, какъ ни рѣдки были у насъ даже только грамотные люди, но способы выучиться грамотѣ существовали. Знатные бояре и боярыни могли учиться у дьяковъ и учительницъ-мастерицъ, а съ XVII вѣка—у западно-русскихъ учителей; люди простаго класса—у мастеровъ и мастерицъ. Потомъ, чтеніемъ, люди всѣхъ классовъ и обоего пола

могли пріобрѣтать тѣ познанія въ св. писаніи, церковной исторіи и церковныхъ догматахъ, которыя составляли кругъ нашей образованности до конца XVII вѣка.

Передъ самой эпохою Петра была основана славяно-греко-латинская Академія съ высшимъ курсомъ наукъ, притомъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Въ ней преподавались семь свободныхъ мудростей и на первомъ планѣ грамматика, о которой еще Максимъ Грекъ отзывался какъ о наукѣ очень трудной, доступной весьма немногимъ.

По мысли царя Ѳедора Алексѣевича предположенная имъ къ учрежденію Академія была предназначена къ тому, чтобы „сѣять сѣмена мудрости“ [1]); стало быть не имѣла прямой практической цѣли. На дѣлѣ же она была спеціальной высшеѣ школой преимущественно съ церковнымъ характеромъ, служившей главнымъ образомъ для людей, приготовлявшихся къ духовному званію. Тѣмъ не менѣе, хотя бы и по мысли только основателя, славяно-греко-латинская Академія была первымъ въ Россіи заведеніемъ для высшаго *общаго* образованія, и изъ него фактически были исключены женщины.

Иначе оно и быть не могло, если вспомнить что въ то время, когда Академія была задумана, женщины были еще въ терему и не играли никакой роли въ общественной жизни. Какъ бы то ни было однако, тутъ впервые обозначилось различіе въ дѣлѣ *общаго* образованія между мужскимъ и женскимъ.

При Петрѣ это различіе легло глубже. Озабоченный созданіемъ нужныхъ государству людей, образованныхъ въ различныхъ спеціальныхъ отрасляхъ государственнаго, практическаго знанія, Петръ естественно обращалъ все свое вниманіе на образованіе мужчинъ, изъ которыхъ только и могли явиться нужные ему моряки, техники, полководцы, вообще военные и гражданскіе чиновники и пр. Но при геніальномъ своемъ умѣ Петръ не могъ не сознавать громаднаго значенія для вновь созидаемаго имъ государства общаго образованія, какъ элементарнаго, такъ и высшаго. Для удовлетворенія первой цѣли онъ приказалъ завести цыфирныя или ариѳметическія школы. По идеѣ ихъ учрежденія эти школы должны были быть народными для дѣтей всѣхъ состояній. Но такъ какъ никто не хотѣлъ посылать туда своихъ дѣтей, то постепенно пришлось освободить отъ обязательнаго посѣщенія школъ сначала дѣтей дворянскихъ, потомъ купеческихъ, а наконецъ и духовенства. Обязательность осталась лишь для

---

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XIII, стр. 326.

дѣтей приказныхъ, которыхъ и учили съ цѣлью приготовленія ихъ къ службѣ. Другая мысль Петра, объ учрежденіи малыхъ народныхъ школъ, гдѣ должны были учить только читать, писать и ариѳметикѣ (въ цыфирныхъ учили и начальнымъ основаніямъ геометріи) еще яснѣе выражаетъ заботу его объ общемъ элементарномъ образованіи народа. Указъ о заведеніи „во всѣхъ городахъ" малыхъ народныхъ школъ былъ изданъ въ 1721 году [1]) и подтвержденъ въ 1724 году [2]), но остался неисполненнымъ.

Въ этихъ указахъ, также какъ и въ указѣ о цыфирныхъ школахъ, нигдѣ не говорится объ исключеніи изъ нихъ дѣвочекъ; но также, какъ во времена Владиміра и Ярослава, вездѣ упоминается о „малолѣтнихъ" и „дѣтяхъ". Практическая цѣль цыфирныхъ школъ указывала на то, что онѣ назначаются только для мальчиковъ. Но малыя школы по всей вѣроятности имѣли въ виду всѣхъ дѣтей, безотносительно къ ихъ полу. Въ нихъ давалось самое элементарное общее обученіе, и ему не ставилось никакой практической цѣли. Трудно допустить мысль, чтобы Петръ не желалъ распространенія грамотности во всемъ народѣ, а лишь въ одной его половинѣ.

Для высшаго научнаго образованія Петръ, за годъ до своей смерти, издалъ указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ Академіи, которая должна была совмѣщать въ себѣ три учрежденія: собственно Академію, университетъ и гимназію [3]). Ученымъ академикамъ предписывалось „науки производить", а также публично обучать молодыхъ людей и нѣкоторыхъ изъ нихъ „обучать при себѣ" для того, чтобы они могли въ свою очередь передавать другимъ „первые фундаменты всѣхъ наукъ".

Понятно что тутъ о женщинахъ, ни въ качествѣ учащихъ, ни учащихся, не могло быть и рѣчи, хотя въ началѣ XVIII вѣка на западѣ пользовались извѣстностью ученыя женщины, — преимущественно въ Италіи, гдѣ онѣ читали публичныя лекціи, получали ученыя степени и пр. Двадцать-пять лѣтъ спустя послѣ смерти Петра папа Бенедиктъ XIV, приглашая одну изъ такихъ женщинъ (г-жу Аньези) въ Болонскій университетъ на каѳедру математики, при посылкѣ ей диплома писалъ: „Болонья *съ давнихъ поръ* привыкла видѣть на каѳедрѣ особъ Вашего пола, пуб-

---

[1]) П. Собраніе Зак. Т. VI, ст. 3708. Регламентъ или Уставъ Гл. Магистратамъ. Глава XXI. О школахъ.

[2]) П. С. З. Т. VII. Ст. 4624.

[3]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. XVIII, стр. 192.

лично преподающихъ науку" [1]). Конечно, такія женщины были рѣдкимъ явленіемъ и на западѣ; Петръ могъ и не знать о нихъ. Женщинъ-художницъ онъ зналъ, и въ утвержденномъ имъ въ 1724 г. уставѣ Академіи Наукъ, одобрилъ распоряженіе президента ея, Блюментроста, которымъ предписывалось Шумахеру „пріискать двухъ мальчиковъ и отдать ихъ малярицѣ" [2]). Эта малярица была дочь извѣстной въ свое время художницы Маріи Сивиллы Маріанъ; она вышла замужъ за швейцарскаго художника Кселля, вызваннаго Петромъ въ Россію послѣ 1717 года, и осталась послѣ смерти мужа при библіотекѣ и кунсткамерѣ Академіи, занимаясь, какъ о ней значилось уже въ 1741 г., „списываніемъ травъ и цвѣтовъ" [3]). Если Петръ не нашелъ страннымъ пригласить женщину-художницу къ преподаванію русскимъ мальчикамъ искусства, то по всей вѣроятности онъ также безъ предразсудковъ отнесся бы и къ женщинѣ ученой, еслибы она нашлась въ Россіи. Но такихъ женщинъ не было, а Петру не могла и придти въ голову мысль привлечь къ наукѣ или искусству русскую женщину, только-что выходящую изъ терема, гдѣ она провела нѣсколько столѣтій вдали отъ дѣятельной жизни, среди узкаго мірка домашнихъ заботъ и интересовъ, окруженная ханжами, карлами, дурами, юродивыми. Такая женщина могла быть и грамотною, и начитанною въ божественныхъ книгахъ, и, по старинному, образованною, но уровень ея мысли, при всей обстановкѣ ея теремной жизни, никакъ уже не могъ быть выше уровня мужской половины грамотнаго даже общества ея времени. А и мужчины этого общества бѣжали отъ науки какъ отъ огня, не уважали ея, не видѣли въ ней нужды. На ученыхъ это общество смотрѣло свысока, какъ на людей низшей породы, и относилось къ нимъ съ пренебреженіемъ. Мальчиковъ брали въ ученье неволею, но дѣвочекъ оставляли въ покоѣ; а кто изъ родителей добровольно отдалъ бы своего ребенка, тѣмъ болѣе дочь, въ Академическую гимназію? И какая женщина согласилась бы идти въ публичную школу, сѣсть на скамью рядомъ съ школьниками, привлеченными туда силою, которыхъ били [4]), плохо кормили, заставляли учиться на непонятномъ языкѣ и, по общему мнѣнію, невѣдомо чему?

---

[1]) Р. Мысль. 1883. Октябрь. „Женщины-профессора въ Болонскомъ университетѣ.

[2]) *Пекарскій.* Наука и литература при Петрѣ. Т. I, стр. 61.

[3]) Тамъ же.

[4]) Въ „Регламентѣ или Указѣ Его Цесарскаго всероссійскаго Величества Како содержать себя чинно и послушно всегда въ Академіи, школьникамъ", напечатанномъ въ 1716 году, въ § 8 собственноручная резолюція Петра: „Для унятія крика и без-

По поставленной себѣ цѣли, по складу своего ума, по личнымъ взглядамъ и вкусамъ, Петръ долженъ былъ желать, чтобы и женщины учились; но принуждать ихъ къ тому силою, бороться и противъ этой вѣковой рутины въ то время, когда ему на каждомъ шагу предстояла борьба со всевозможными препятствіями, Петръ и не начиналъ, и оставилъ женщинамъ, чуть ли не однѣмъ въ цѣломъ государствѣ, да развѣ еще крестьянамъ, привиллегію учиться или не учиться по своей охотѣ.

Такое рѣшеніе, можетъ быть, пришло Петру не сразу. Будучи въ 1717 году въ Парижѣ, онъ посѣтилъ заведеніе г-жи Мэнтенонъ, знаменитый С.-Сиръ. По словамъ сопровождавшаго его туда лица, Петръ „приказалъ себѣ показать пять степеней возраста воспитывавшихся благородныхъ дѣвицъ, каждый въ своемъ отдѣленіи, и похвалилъ всѣ учрежденія, въ пользу ихъ употребляемыя“ [1]). Вотъ все, что сообщаетъ нашъ соотечественникъ. По словамъ же французскаго автора книги о г-жѣ Мэнтенонъ [2]), Петръ прійдя въ классы воспитанницъ С.-Сира, встрѣтившихъ его въ парадныхъ платьяхъ, удивился какъ мало между ними красивыхъ лицъ, забавлялся ихъ играми и велѣлъ снять планъ дома [3]).

Впрочемъ если послѣднее извѣстіе и вѣрно, то едва ли Петръ, осматривая С.-Сиръ, имѣлъ въ виду завести что-либо подобное въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Среднее учебное заведеніе для дѣвочекъ, стоющее очень дорого, не приносящее немедленной практической пользы государству, не могло входить въ его планы. Но еслибъ это и было такъ, то С.-Сиръ въ 1717 году не могъ понравиться Петру. Первые годы опыта, когда воспитаніе въ С.-Сирѣ было направлено къ развитію въ дѣвушкахъ вкуса къ литературѣ, поэзіи, вообще къ развитію ума и внѣшности, то блестящее время, когда Расинъ нарочно для воспитанницъ писалъ „Esther“ и „Athalie“, которыя разыгрывались ими при роскошной обстановкѣ въ присутствіи короля; когда Фенелонъ развивалъ въ воспитанницахъ утонченную, изысканную набожность, чуждую однако всякаго ханжества, — этотъ золотой вѣкъ С.-Сира давно мино-

чинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить несмотря какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“ *Пекарскій*. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, стр. 362.

[1]) Р. Вѣстникъ., 1841 г. Т. II. Ежедневный журналъ пребыванія въ Парижѣ Государя Императора Петра Алексѣевича.

[2]) *Labeaumelle*. Mémoires pour servir à l'histoire de m-e de Maintenon et à celle du siècle passé. 1752.

[3]) *Labeaumelle*. T. V, p. 327. 1757, 8-e édition.

валъ. Приходилъ къ концу и второй періодъ—солиднаго образованія, дававшагося воспитанницамъ С.-Сира. При мимолетномъ посѣщеніи, этого образованія и замѣтить было нельзя; а то̀, что̀ бросалось въ глаза, не давало понятія о внутреннихъ достоинствахъ заведенія.

Еще при жизни короля г-жа Мэнтенонъ круто измѣнила прежнюю, свѣтскую систему воспитанія въ С.-Сирѣ. Она строго предписала воспитательницамъ „прятать дѣвушекъ, не показывать ихъ даже черезъ рѣшетку мужчинамъ, ни богатымъ, ни бѣднымъ, ни старымъ ни молодымъ, даже святымъ, еслибы такіе нашлись на землѣ“ [1]). Воспитательницами могли быть только монахини, которымъ Мэнтенонъ совѣтовала находить даже пріятнымъ то̀, что ихъ будутъ называть не „Dames de St. Louis“ какъ прежде, а „Filles de St. Louis“ [2]). Воспитанницамъ прежде всего внушали смиреніе и отреченіе отъ свѣта. „Еслибы вы знали свѣтъ“, писала Мэнтенонъ взрослымъ дѣвушкамъ старшаго класса, „вы бы возненавидѣли его“. По ея приказанію въ заведеніе не должны были доходить никакія извѣстія изъ міра; всѣ дни были похожи одинъ на другой; въ домѣ царило однообразіе, строгій во всемъ, разъ установленный, порядокъ, неподвижность и скука. Все это мало-по-малу превратило С. Сиръ въ монастырь. Такимъ и увидѣлъ его Петръ. Понятно что такой идеалъ женскаго воспитанія не могъ отвѣчать его вкусамъ; типъ смиренницъ и постницъ былъ ему ненавистенъ и слишкомъ хорошо знакомъ по русскимъ образцамъ.

Такимъ образомъ Петръ не сдѣлалъ ничего въ прямомъ смыслѣ для женскаго образованія. Но вся его реформа должна была сильно повліять на него. Отмѣна затворничества повела къ уничтоженію многихъ патріархальныхъ обычаевъ; а поощреніе браковъ съ иностранцами и, главное, любовь Петра къ образованнымъ людямъ, отразились и на образованіи женщинъ. Вступленіе ихъ въ общество само по себѣ не могло въ этомъ смыслѣ имѣть прямого значенія, ибо въ самомъ обществѣ, какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ дворянскомъ кругу, женщины не встрѣтили ничего такого, что̀ побуждало бы ихъ искать образованія. Это общество само стояло на такомъ уровнѣ образованности, при которомъ женщины не выдѣлялись изъ него невыгоднымъ для себя образомъ. Но въ немъ при Петрѣ было ужъ много иностранцевъ, при свѣтскихъ сношеніяхъ съ которыми женщины, по крайней

---

[1]) Lettres sur l'éducation des filles, par m-e de Maintenon. 1854.

[2]) Тамъ же.

мѣрѣ придворнаго круга, должны были стараться найти способъ чтобы какъ-нибудь понимать другъ друга. Описывая ассамблеи въ 1722 году, Берхгольцъ жалуется на то, что съ русскими дамами на придворныхъ празднествахъ очень трудно говорить. „Тѣ, которыя мало знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ“, говоритъ онъ, „не отвѣчаютъ ничего, кромѣ: не знаю; а къ тѣмъ, которыя хорошо говорятъ по-нѣмецки, нѣтъ доступа за толпящимися вокругъ нихъ вельможами и императорскими камеръ-юнкерами“ [1]). На купеческихъ же ассамблеяхъ въ Москвѣ дамы, по словамъ Берхгольца, сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, и разговаривать съ ними невозможно; когда не танцуютъ, то всѣ сидятъ какъ нѣмыя и только смотрятъ другъ на друга [2]). Однако онъ называетъ нѣсколькихъ женщинъ, хорошо, по его мнѣнію, образованныхъ, „прекрасно играющихъ на лютнѣ, отлично танцующихъ“.

Во всякомъ случаѣ, сначала практически вѣроятно, а потомъ путемъ ученія, женщины при Петрѣ стали пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ. А это знаніе, если выдѣлить немногихъ людей петровскаго общества, по принужденію или по своей волѣ обладавшихъ хотя нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ, и составляло тогда отличіе человѣка образованнаго отъ невѣжды. „Въ первой половинѣ XVIII вѣка,—говоритъ Пекарскій [3]),—даже у небогатыхъ людей было стремленіе воспитывать дѣтей по-европейски; но образованіе понимали по своему. Науки стояли на второмъ планѣ, между дѣломъ. Важнѣе считалось знаніе иностранныхъ языковъ, умѣнье говорить и писать на нихъ какъ на собственномъ. Это едва ли было не единственнымъ желаніемъ родителей, готовившихъ дѣтей къ блестящей карьерѣ или въ свѣтъ“. При Петрѣ, въ отношеніи иностранныхъ языковъ, одни и тѣ же требованія предъявлялись къ мужчинамъ и къ женщинамъ, и повидимому, судя по обнаружившимся уже позже фактамъ, съ Петра началъ устанавливаться въ домахъ достаточныхъ родителей обычай, приглашая къ дѣтямъ учителей, обучать иностраннымъ языкамъ дочерей вмѣстѣ съ сыновьями.

Примѣръ конечно шелъ сверху. Еще до рожденія дочерей Петра, царевенъ Анны и Елизаветы, царица Прасковья Ѳедоровна, вдова царя Ивана, женщина вполнѣ стараго закала по воспитанію и по симпатіямъ, но всячески старавшаяся угодить Петру, единственно изъ этого побужденія дала своимъ тремъ

[1]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721 по 1725 г. Ч. 2-я, 1722, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

[3]) Русскіе мемуары XVIII вѣка (Современникъ. 1855. Т. I.).

дочерямъ такое образованіе, какое нравилось ему. Она пригласила къ нимъ учителей: барона Гюйссена [1]), учившаго царевича Алексѣя, нѣмца Остермана, брата знаменитаго впослѣдствіи канцлера, и француза Рамбурха—учителя „танцовальнаго искусства и поступи, нѣмецкихъ учтивствъ, также французскимъ и нѣмецкимъ комплиментамъ" въ московской гимназіи пастора Глюка. Въ этомъ, какъ мы сказали, царица Прасковья сдѣлала уступку вкусамъ Петра. Сама же она до конца жизни держалась взгляда на пригодность для дѣвушки того образованія, какое давалось имъ въ старину. Незадолго до своей смерти (1723) она писала дочери, Екатеринѣ Ивановнѣ, герцогинѣ Мекленбургской, что держитъ у себя дѣвушку, которая „грамотѣ умѣетъ, чтобы та внучку (будущую правительницу Анну Леопольдовну) выучила русской грамотѣ" [2]).

Рамбурхъ училъ французскому языку и танцамъ и царевенъ Анну и Елизавету; онѣ знали и нѣмецкій языкъ. Судя по тому, что̀ разсказывала впослѣдствіи Елизавета Петровна, Петръ одобрялъ обученіе своихъ дочерей. Однажды заставъ ее и царевну Анну за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: „Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!" [3])

Воспитаніе Елизаветы, по словамъ Ешевскаго, было довольно небрежно, но она хорошо знала языки, кромѣ русскаго, французскій, нѣмецкій и шведскій [4]). Повидимому все вниманіе при ея образованіи было обращено на иностранные языки и преимущественно на французскій. По крайней мѣрѣ всѣ свидѣтельства современниковъ объ образованіи Елизаветы выставляютъ на первый планъ обладаніе ею знаніемъ этого языка. Въ депешѣ къ аббату Дюбуа французскій консулъ Лави передаетъ сообщенное ему гувернанткой Делонуа извѣстіе, что царица просила Елизавету учиться прилежно и усовершенствоваться особенно во французскомъ языкѣ, говоря, что для этого она имѣетъ важныя причины [5]). На знаніе принцессами иностранныхъ языковъ обращалъ вниманіе французскаго посла Кампредона и Меньшиковъ, когда велъ съ нимъ переговоры о бракѣ принцессы Елизаветы съ французскимъ королемъ или по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ французскихъ принцевъ. При этомъ говоря вообще о воспитаніи царевенъ, Меньшиковъ признался, что „личности, которымъ ввѣрено

---

[1]) Энциклопедическій словарь. 1862. Т. IV. Стат. *Пекарскаго*: Анна Іоанновна.

[2]) *М. Семевскій.* Царица Прасковья. 1861, стр. 61.

[3]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XIV, стр. 113.

[4]) *Ешевскій.* Сочиненія. Т. II. Очеркъ исторіи царствованія Елизаветы Петровны.

[5]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. XL. Депеша Лави къ аббату Дюбуа. № 15. 1719 г.

было ихъ воспитаніе, были мало образованы; но благодаря большимъ дарованіямъ обѣихъ принцессъ, онѣ сдѣлали такіе успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что говорятъ и пишутъ на нихъ очень хорошо" [1]).

Впрочемъ французскій языкъ при Петрѣ еще не былъ распространенъ въ русскомъ обществѣ. Петръ не любилъ Францію и французовъ [2]) и самъ по-французски не говорилъ. Но Екатерина I знала этотъ языкъ и должно быть умѣла на немъ изъясняться, судя по тому, что Кампредонъ, сообщая кардиналу Дюбуа о частной аудіенціи, которую онъ имѣлъ у царя, говоритъ, что переводчицей между ними была Екатерина [3]).

Царевна Наталья Алексѣевна, внучка Петра (умершая 14-ти лѣтъ въ 1728 году), отличалась, по свидѣтельству испанскаго посла, дюка де-Лирія, превосходнымъ образованіемъ, ловкостью, свободно говорила по-французски и по-нѣмецки" [4]). Знаніемъ иностранныхъ языковъ обладали не однѣ царевны, но и знатныя дамы.

Вообще образованіе женщинъ въ томъ, въ чемъ оно среди нихъ могло проявляться при Петрѣ, подвинулось впередъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. При Петрѣ иностранные послы представлялись не только царю, но и царицѣ, и даже царевнамъ. Это былъ большой шагъ впередъ, сдѣланный женщинами, если вспомнить что не прошло и 50-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по словамъ Котошихина, къ царицѣ не допускали иностранныхъ пословъ изъ опасенія, что она „отвѣту не учинила бы никакого, и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ" [5]). Описывая свою аудіенцію у принцессъ, дюкъ де-Лирія говоритъ, что на произнесенную имъ по-французски рѣчь, ему отвѣчали по-французски же не сами принцессы, а, по порученію Елизаветы, ея статсъ-дама графиня Салтыкова, и Остерманъ по порученію Натальи Алексѣевны [6]).

По свидѣтельству Берхгольца [7]), довольно многіе изъ русскихъ, мужчины и женщины, даже средняго круга, говорили по-нѣмецки. Еще въ 1705 году Меньшиковъ писалъ Арсеньевой, чтобы она

---

[1]) Сб. рус. ист. общ. Т. LVIII. Кампредонъ кардиналу Дюбуа. № 24. 1725.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XV, стр. 75.

[3]) Сб. р. и. о. Т. LII. Письмо французскаго посла Кампредона къ кардиналу Дюбуа. № 10, 19 марта 1723.

[4]) Осмнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева. Кн. 2. Письма о Россіи въ Испанію дука де-Лирія.

[5]) *Котошихинъ.* О Россіи. Изд. 3. 1884, стр. 63.

[6]) Письма о Россіи въ Испанію, стр. 30. (Осмнадц. вѣкъ. Кн. 2).

[7]) Дневникъ.

принуждала его сестру „непремѣнно учиться какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученію, чтобы даромъ время не пропадало“ [1]).

М. Д. Хмыровъ, говоря о воспитаніи графини Головкиной, прибавляетъ: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княжна, какъ и всѣ, или почти всѣ, тогдашнія аристократки, говорила по-нѣмецки, училась, понимала и *можетъ быть* говорила по-французски“ [2]).

Кромѣ обученія языкамъ, женщинъ при Петрѣ учили и наукамъ. Въ чемъ заключался тогдашній курсъ женскаго образованія—объ этомъ, какъ и обо всемъ что касается женщинъ, даже аристократокъ, въ нашихъ источникахъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. О немногихъ женщинахъ, упомянутыхъ въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго [3]), онъ ограничивается общимъ выраженіемъ: „была отлично воспитана“. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметьева (род. 1714 г.), оставившая записки о своей несчастной жизни, разсказываетъ, что росла при матери (урожд. Салтыковой, по первому браку Нарышкиной), которая старалась объ ея воспитаніи, „чтобы ничего не упустить въ наукахъ“ [4]).

Что это были за науки которымъ учили женщинъ при Петрѣ, этого съ точностью опредѣлить нельзя. Тутъ возможны только предположенія. Въ біографіи графини Е. И. Головкиной, о которой и Бантышъ-Каменскій говоритъ что она получила „отличное воспитаніе“, М. Д. Хмыровъ дѣлаетъ такія предположенія о кругѣ знаній, который могъ входить въ воспитаніе аристократки временъ Петра: авторъ біографіи думаетъ, что образованіе ея должно было начинаться съ Букваря, затѣмъ перейти къ изученію письма по „Букварю словено-россійскихъ письменъ“ (изд. 1694 г.). Курсъ русскаго языка „для избранницъ“, говоритъ М. Д. Хмыровъ, оканчивался „грамматикою россійскою, съ руководствомъ къ грамматикѣ словенской“ Лудольфа (изд. оксфордское 1696 г.). Руководствомъ при обученіи дѣвицъ ариѳметикѣ могло служить „Краткое и полезное руковеденіе въ Арифметику“ Копіевскаго (изд. 1699 г.). Свѣдѣнія изъ исторіи могли почерпаться изъ переведеннаго съ греческаго и изданнаго въ 1701 году „Ѳеатръ или зерцало монарховъ“, также изъ перевода съ греческаго „Исторіи о Александрѣ,

---

[1]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. XVI. стр. 70.

[2]) *М. Д. Хмыровъ*. „Графиня Екатерина Ивановна Головкина“. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ. 1867.

[3]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1847.

[4]) Записки кн. Нат. Бор. Долгоруковой. стр. 7. Р. Архивъ. 1867.

царѣ Македонскомъ“ (изд. 1709 г.) и „Исторіи раззоренія Трои, столичнаго города фригійскаго царства“ (изд. 1709 г.). По географіи было руководство „Краткое земнаго круга описаніе“. Были книги, которыя могли читать молодыя дѣвушки, въ родѣ „Зрѣлище житія человѣческаго, различныхъ животныхъ и старожитныхъ людей, примѣрами всякому добрыхъ нравовъ въ поученіе представленное“ (изд. 1712 г.) и другія. Къ этому надо прибавить неподлежащее сомнѣнію, по словамъ М. Д. Хмырова, умѣнье всѣхъ почти тогдашнихъ аристократокъ говорить по-нѣмецки, а *можетъ быть* и по-французски; также обученіе дѣвицъ игрѣ на лютнѣ, клавесинѣ и танцамъ.

Если такое образованіе дѣйствительно давалось дѣвушкамъ при Петрѣ, то оно было совершенно новымъ и блестящимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое существовало до него. Иниціатива въ такомъ случаѣ, конечно, должна была принадлежать не родителямъ дѣтей, а Петру, какъ это можно заключить изъ примѣра княжны Ромодановской, впослѣдствіи графини Головкиной. Она родилась въ 1701 г.; мать ея была родною сестрою царицы Прасковьи, а дѣдъ — знаменитый князь-кесарь Ромодановскій. Всѣ члены семьи Ромодановскихъ были заклятыми приверженцами старины; но въ дѣлѣ воспитанія дочери и внучки подчинились волѣ Петра.

То же должно было имѣть мѣсто и въ другихъ аристократическихъ семьяхъ. Берхгольцъ, восхищаясь маленькою княжною Черкасскою, говоритъ что это „не единственный ребенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще надо отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей“ [1]). Правда, изъ дальнѣйшихъ словъ Берхгольца видно, что его особенно плѣняла въ упоминаемыхъ имъ русскихъ женщинахъ пріятность обращенія, умѣнье вести разговоръ и тому подобныя свѣтскія качества; а также, — обидная для нашего самолюбія похвала, — что онѣ „мало уступаютъ нѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, и даже иногда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, имѣютъ передъ ними преимущество“.

Такія же похвалы русскимъ женщинамъ встрѣчаются и у иностранныхъ пословъ того времени. При переговорахъ о замужествѣ принцессы Елизаветы съ герцогомъ Шартрскимъ (ей было тогда всего 13 лѣтъ) Кампредонъ, хваля принцессу, говоритъ о ней: „она красавица, прелестно сложена, умница, ни нравомъ ни манерами

---

[1]) Дневникъ. Ч. 1-я. 1721, стр. 101.

не похожа на русскую" [1]). Тоже и о графинѣ Румянцевой, урожденной Матвѣевой, которая, по словамъ Кампредона и Берхгольца, „очень образована и по манерамъ совсѣмъ не напоминаетъ русскихъ дамъ" [2]). О второй женѣ графа Ягужинскаго, урожденной Головкиной, Берхгольцъ отзывается какъ объ одной изъ самыхъ пріятныхъ и образованныхъ дамъ въ Россіи, хорошо говорящей по французски, въ совершенствѣ по-нѣмецки, „искуснѣйшей танцовщицѣ" [3]). Онъ же, говоря о княгинѣ Валахской (Кантемиръ) и сестрѣ ея княгинѣ Трубецкой, какъ объ очень любезныхъ хозяйкахъ дома, прибавляетъ: „онѣ провели много лѣтъ за границей, считаютъ себя образованными и умѣющими жить" [4]). И Меньшиковъ, въ приведенномъ уже выше разговорѣ съ Кампредономъ о воспитаніи принцессъ Анны и Елизаветы, выставляетъ на видъ, что у нихъ „прекрасныя манеры, умѣнье вести разговоръ и держать себя въ обществѣ" [5]).

Изъ приведенныхъ сужденій о русскихъ женщинахъ видно, что въ образованіи ихъ всего больше цѣнились, какъ иностранцами, такъ и русскими людьми, хорошія манеры, умѣнье танцовать, ловкость въ обращеніи, иностранные языки. И дѣйствительно это были своего рода науки въ то время, когда „общество" въ смыслѣ сношенія людей между собою еще только зарождалось. Оно и понятно, если вспомнить, что русское общество при Петрѣ находилось въ положеніи ребенка, начинающаго ходить и еще не умѣющаго управлять своими движеніями. Каждому шагу его надо учить для того, чтобы одно движеніе не мѣшало другому и чтобы ребенокъ не упалъ. Учить этому общество было еще необходимѣе потому, что при Петрѣ какъ мужчины, такъ и женщины, были грубы и не привыкли стѣсняться другъ передъ другомъ.

Женщины, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, охотно вышли изъ терема и вступили въ свѣтъ. Но скоро освоившись съ внѣшними пріемами свѣтской жизни, онѣ не могли такъ же скоро измѣнить свой внутренній строй и привычки. Царевна Екатерина Алексѣевна искала клады; вообще она и ея сестры, въ тѣхъ немногихъ даже чертахъ, которыя проскальзываютъ о нихъ въ

---

[1]) Сб. рус. ист. общ. Т. XLIX, стр. 324. Письмо Кампредона кардиналу Дюбуа. № 18. 1723.

[2]) Сб. р. и. о. Т. XL. Письмо Кампредона Дюбуа. 1721. № 106.—Дневникъ. Ч. 2-я, стр. 101. 1722.

[3]) Дневникъ. Ч. 4-я, стр. 145, 1725.

[4]) Тоже. Ч. 2-я, стр. 93, 1722.

[5]) Сб. р. и. о. Т. LVIII, стр. 113. Письмо Кампредона Дюбуа. № 21. 1725.

исторіи, являются грубыми, исполненными суевѣрія, съ дикими инстинктами существами, какими были вѣроятно и въ замкнутомъ быту терема. Только теперь эти черты проявляются рѣзче на просторѣ. Царица Прасковья, не уступая въ жестокости любому мужчинѣ, сама, своею рукою, поджигаетъ бороду провинившемуся передъ нею служителю [1]). Ея дочь, герцогиня Мекленбургская, приводитъ въ изумленіе Берхгольца, когда, принимая его и желая вѣроятно доставить ему и другимъ гостямъ удовольствіе, она „заставила полуслѣпого, грязнаго, страшно воняющаго чеснокомъ бандуриста играть и пѣть передъ ними свои и своей сестры любимыя пѣсни", которыя, прибавляетъ Берхгольцъ, „кажется, всѣ были сальны, потому что принцесса Прасковья уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда онъ оканчивалъ" [2]). Другое развлеченіе, которое герцогиня доставила своимъ гостямъ, такъ грубо и въ такомъ некрасивомъ свѣтѣ рисуетъ ея вкусы, что желающіе убѣдиться въ этомъ могутъ прочесть у Берхгольца разсказъ объ его посѣщеніи герцогини [3]). Обуздать хотя бы внѣшнія проявленія такой дикости нравовъ, царившей въ средѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, было необходимо, и вотъ почему заботы „о манерахъ" считались при Петрѣ важнымъ дѣломъ. По его повелѣнію было напечатано переведенное, какъ думаетъ Пекарскій, съ нѣмецкаго, сочиненіе: „Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію" (Собранное отъ разныхъ авторовъ. Напечатася повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санктъпітербурхѣ Лѣта Господня 1717, февраля 4 дня) [4]). Въ этой книгѣ давались наставленія о томъ, что слѣдуетъ соблюдать чистоту рукъ, лица, не слѣдуетъ громко сморкаться, чихать, плевать и пр. Также „младымъ отрокамъ" предписывалось „всегда между собою говорить на иностранныхъ языкахъ какъ для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ навыкъ, такъ и съ тѣмъ, чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать" [5]). Книга эта была два раза издана при Петрѣ, и послѣ него было еще два изданія. Татищевъ въ своей „Духовной" рекомендовалъ „Юности честныя зерцало" сыну [6]).

Въ аристократическихъ домахъ для обученія манерамъ, а

---

[1]) *М. Семевскій.* Царица Прасковья.

[2]) Дневникъ. Ч. 2, стр. 301.

[3]) Тамъ же.

[4]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. Т. II, стр. 383.

[5]) Тамъ же.

[6]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики. 1882, стр. 73.

также необходимому ихъ признаку, французскому языку, приглашались иностранцы-гувернеры и гувернантки. У принцессы Елизаветы гувернанткой была жена высланнаго Петру изъ Парижа Зотовымъ, француженка Делонуа. У Натальи Борисовны Шереметевой (Долгоруковой) была учительница „мамзель" нѣмка Штауденъ, поѣхавшая съ нею въ ссылку [1]). Предпочтеніе отдавалось гувернанткамъ-француженкамъ и основывалось вѣроятно на свидѣтельствахъ нашихъ пословъ при французскомъ дворѣ, ослѣпленныхъ блескомъ этого двора при Людовикѣ XIV и герцогѣ Орлеанскомъ. Графъ Матвѣевъ приходилъ въ изумленіе отъ значенія, какимъ во Франціи пользовались женщины, восхищался ихъ манерами, обхожденіемъ, предупредительностью, вѣжливостью [2]).

У принцессы Анны Леопольдовны гувернанткой была вдова прусскаго генерала Адеркасъ; она сопровождала мужа во Францію, Германію, Испанію, и, по словамъ лэди Рондо, писавшей о ней въ 1737 году, „обогатила умъ чтеніемъ, развила умственныя способности и сужденіе". „Разговоръ ея", говоритъ лэди Рондо, „можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца" [3]). Всѣ эти качества воспитательницы Анны Леопольдовны ничѣмъ не отразились однако на ея воспитанницѣ. Только у герцогини Курляндской, Анны Ивановны, главной воспитательницей была русская, графиня Матвѣева, жена сына знаменитаго боярина Матвѣева, въ домѣ котораго воспиталась мать Петра, царица Наталья Кириловна. Самъ человѣкъ образованный и цѣнившій образованіе, Матвѣевъ заботился о томъ, чтобы и сынъ былъ въ этомъ похожъ на него. „Онъ первый изъ русскихъ людей"—говоритъ Соловьевъ—„рушилъ преграду, отдѣлявшую семью хозяина отъ гостей, и собиралъ у себя общество для умной бесѣды, въ которой принимала участіе и его жена" [4]). Судя по этому, слѣдовало бы ожидать, что графиня Матвѣева могла бы имѣть воспитательное вліяніе на свою ученицу; но она имъ не воспользовалась, какъ это можно заключить изъ того, что̀ мы знаемъ объ Аннѣ Ивановнѣ, привычки и вкусы которой не разнились отъ привычекъ и вкусовъ ея сестеръ.

Вообще надо сказать, что хотя между женщинами и были при Петрѣ знающія иностранные языки, но въ этомъ и заключалось всѐ ихъ образованіе. Только объ одной Натальѣ Алексѣевнѣ, внучкѣ Петра, современники говорятъ что она любила чтеніе. Это не по-

[1]) Записки Нат. Бор. Долгоруковой (Р. Архивъ. 1867, стр. 7).
[2]) *Пекарскій.* Наука и литература. Т. I, стр. 154.
[3]) Записки лэди Рондо. Стр. 127.
[4]) *Соловьевъ.* Сочиненія, стр. 86.

мѣшало однако Шафирову, автору книги: „Разсужденіе какія законныя причины его ц. величество Петръ первый къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго въ 1700 году имѣлъ“, писать: „Хотя прежде сего, кромѣ россійскаго языка книгъ чтанія и письма никто изъ россійскаго народа не умѣлъ, и болѣ то въ зазоръ нежели за искусство почитано, по нынѣ видимъ и самого Его Величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужска и женска пола, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и галанскаго, и такого притомъ обхожденія, что непостыдно могутъ равняться со всѣми другими европейскими народами, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества напечатаны и еще печати предаются“ [1]).

Въ этомъ изображеніи успѣховъ нашего просвѣщенія много преувеличеннаго. „Петръ Великій“ — говоритъ Пекарскій [2]) — „сознавалъ силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ, и сознавая вліяніе, которое имѣли на него въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разныя политическія изданія [3]), желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т.-е. они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что напротивъ тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые всѣ безъ исключенія отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди“ и т. д.

Въ дѣйствительности же, какъ это теперь извѣстно, книги хотя и печатались при Петрѣ, но кругъ читателей при немъ былъ такъ ограниченъ, что даже „немногія печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта, и послѣ Петра въ конторахъ московской и петербургской синодальныхъ типографій накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное

[1]) *Морозовъ*. Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. 1880, стр. 179. Книга Шафирова вышла въ 1717 году, со многими вставками и дополненіями самого государя.

[2]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 90.

[3]) Первыя политическія газеты явились въ 1710 г. въ Англіи, и тогда печать въ первый разъ во всемірной исторіи сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія. *Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I, ч. 1, стр. 491.

начальство три раза дѣлало распоряженіе о продажѣ ихъ на бумажныя фабрики или объ употребленіи на обертки вновь выходящихъ книгъ" [1]). Стало быть и среди мужчинъ число читателей было невелико.

То же можно сказать относительно иностранныхъ языковъ. Едва ли при Петрѣ были „тысячи" русскихъ, знавшихъ итальянскій, англійскій и другіе языки. Такихъ людей было напротивъ очень мало. И учителя даже латинскаго и греческаго были такъ рѣдки, что князь Дмитрій Кантемиръ жаловался Петру на то, что привезеннаго имъ изъ Молдавіи для обученія своихъ дѣтей учителя итальянскаго, латинскаго и греческихъ языковъ у него взяли въ духовную коллегію, а другого, знающаго эти языки, въ Петербургѣ найти невозможно" [2]).

Конечно одно умѣнье говорить хотя бы на всѣхъ европейскихъ языкахъ теперь, съ нашей точки зрѣнія, не есть доказательство образованности человѣка. Но если вспомнить, что безъ изученія ихъ невозможно было бы и впослѣдствіи знакомство съ наукою, существовавшею только на западѣ, то надо признать, что въ сравненіи съ тѣмъ что было прежде, такое даже знаніе, въ какихъ бы уродливыхъ формахъ оно на первыхъ порахъ ни проявлялось, было въ просвѣщеніи русскаго общества шагомъ впередъ. При Петрѣ этимъ и ограничивалось наше „общее" просвѣщеніе. Академія Наукъ открылась уже послѣ него. Но въ первые годы ея существованія у профессоровъ, по словамъ Миллера, не было слушателей. „Еще въ гимназію",—пишетъ онъ,— „родители изъ порядочныхъ семействъ отдавали своихъ дѣтей для изученія новыхъ языковъ. Что же касается до высшаго образованія, то Академія не знала бы что ей и дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно университетскій курсъ [3]). И въ гимназіи ученики проходили не полный курсъ назначенныхъ къ ученію предметовъ, а сами гимназисты или ихъ родители выбирали предметы, которые они считали для себя нужными или полезными, и какъ это обнаружилось гораздо позже изъ донесенія инспектора гимназіи Модераха (въ 1750 г.), почти втрое большее число учениковъ поступало только для изученія какого-либо языка" [4]).

---

[1]) Наука и литература. Предисловіе. Т. I, стр. I и II.

[2]) Тамъ же. Приложеніе IX, стр. 573. Прошеніе Дм. Кантемира къ Петру Великому.

[3]) *Гр. Д. А. Толстой.* Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи., стр. 7. (Зап. Имп. Ак. Наукъ. Т. 51.)

[4]) *Гр. Д. А. Толстой.* Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, стр. 22.

Изъ этого можно заключить, что пока дѣло просвѣщенія стояло у насъ въ такомъ положеніи, женщины не отставали въ образованіи отъ мужчинъ. Но по мѣрѣ того какъ подвигалось наше знакомство съ европейскою наукою, русскія женщины все болѣе и болѣе оставались позади въ общемъ просвѣщеніи страны. Для нихъ знаніе иностранныхъ языковъ не послужило средствомъ къ дальнѣйшему образованію; оно надолго осталось главною, почти единственною цѣлью ихъ обученія и даже заслонило собою изученіе русскаго языка и всякой другой науки; это, естественно, отразилось невыгодно на общемъ развитіи ихъ мысли. Случилось это опять-таки не вслѣдствіе какого-либо опредѣленнаго распоряженія правительства, которое, и при Петрѣ, не запрещало имъ учиться, а просто игнорировало ихъ. Мальчиковъ, путемъ принудительныхъ, часто даже крутыхъ мѣръ, но также и путемъ поощреній всякаго рода, оно заставляло учиться, основывало для нихъ учебныя заведенія и школы, посылало за границу, гдѣ они входили въ общеніе съ учеными и образованными людьми другихъ странъ. Поѣздки за границу вообще имѣли весьма важное вліяніе на распространеніе просвѣщенія среди русскихъ людей. Конечно и при Петрѣ были вѣроятно типы молодыхъ людей, похожіе на изображенныхъ позже Фонвизинымъ въ лицѣ бригадирскаго сына Иванушки; но были хоть и немногіе, правда, такіе, которые, возвратясь изъ заграницы въ Россію, привезли съ собою не одно умѣнье говорить на иностранныхъ языкахъ, а болѣе серьезные интересы, для удовлетворенія которыхъ старались найти подходящее себѣ общество любознательныхъ людей. Такихъ интересовъ для женщинъ ни во внѣшней, ни во внутренней обстановкѣ ихъ жизни не было. Единственнымъ стимуломъ и поприщемъ для изученія иностранныхъ языковъ имъ служитъ „свѣтъ“ и „общество“; для этого онѣ и учились, а въ „свѣтѣ“ и „обществѣ“, какое онѣ посѣщали, не было запроса на какое-либо другое знаніе.

Кромѣ того на западѣ, откуда и послѣ Петра мы продолжали заимствовать образцы нужныхъ намъ учрежденій, и откуда при немъ взяли образецъ учебнаго заведенія для средняго мужскаго образованія, гимназіи, для женщинъ не нашлось ничего подходящаго. Сен-Сиръ, скоро послѣ смерти г-жи Ментэнонъ, (1719) пересталъ существовать какъ учебное заведеніе, и хотя былъ окончательно разрушенъ только въ 1793 году [1]), но за-

[1]) Интересно, что въ 1694 году г-жа Ментэнонъ въ письмѣ къ начальницѣ С.-Сира говоритъ: „Если Богъ въ своихъ вѣчныхъ велѣніяхъ положилъ что домъ Св Людовика долженъ быть разрушенъ черезъ сто лѣтъ“ и пр. (Entretiens sur l'éduca-

долго до того представлялъ лишь „развалину королевскаго величія". Во Франціи, правда, не прерывалась традиція женщинъ-писательницъ, также литературно и даже научно образованныхъ; въ теченіе всего XVIII вѣка до самой революціи ихъ вліяніе на литературу и языкъ страны было еще сильнѣе чѣмъ въ прежніе вѣка [1]); но французскія женщины высшихъ классовъ получали образованіе дома или въ монастыряхъ; общественнаго для нихъ не существовало.

У насъ было то же самое: но у насъ не только дѣвочки, но и мальчики въ аристократическихъ семьяхъ учились дома; даже въ концѣ XVIII вѣка ученіе обыкновенно начиналось еще со славянской азбуки, чтенія Часослова, Псалтыри и молитвъ. Впрочемъ иногда обучали и наукамъ, также, конечно, иностраннымъ языкамъ. Этому учили и дочерей [2]). Для среднихъ и низшихъ классовъ у насъ были школы, и даже отдѣльныя для дѣвочекъ; но такія школы были нерусскія, и большая часть ихъ находилась въ отвоеванныхъ Петромъ остзейскихъ провинціяхъ: въ Дерптѣ была городская дѣвичья школа (Stadt-Töchterschule съ 1555 г.), въ Митавѣ нѣмецкое приходское училище (съ 1605 г.), въ Ревелѣ большое дѣвичье училище (съ 1641 г.) [3]). И въ самой Россіи были школы, но „иноземныя". Въ Москвѣ существовала при лютеранской церкви въ нѣмецкой слободѣ школа для дѣтей обоего пола" [4]). Въ ней обучали русскому, нѣмецкому, французскому, латинскому языкамъ, исторіи, географіи, чистой математикѣ, логикѣ, христіанскому закону. Въ этой школѣ были и русскія дѣти; протестантскіе помѣщики отдавали туда, по словамъ Д. Цвѣтаева [5]), своихъ крѣпостныхъ; военные—татарскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ. Дѣтей приготовляли также въ „комедіанты для царскаго театра въ Преображенскомъ". Съ 1703

tion des filles. Recueil de réponses aux dames de St. Louis par M-me de Maintenon). T. I, p. 148.

¹) *Brunetière.* Chronique littéraire (Revue des deux mondes. 1-er novembre 1886).

²) *Соловьевъ.* Благодарное воспоминаніе о Ив. Пв. Шуваловѣ (Журналъ Мин—ва Нар. Просв. 1855).

³) *Кеппенъ.* Хронологическій списокъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Нар. Просв. съ 1424 г. по 1826 г.—*Krusenstern*, Précis du système des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. 1837.

⁴) Архивъ М—ва Нар Просв.—Дѣла Главнаго Правленія училищъ. Здѣсь эта школа показана существующею съ 1691 года и переданною, въ числѣ другихъ школъ, Московскому университету изъ Дирекціи училищъ. Въ 1804 году, когда передача совершилась, въ школѣ показано 44 ученика и 24 ученицы. Сколько бывало раньше, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній.

⁵) *Д. Цвѣтаевъ.* Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра (Ж. М. Н. Пр. 1883, октябрь, стр. 199).

года и въ Петербургѣ была евангелическо-лютеранская школа при церкви св. Петра; въ нее принимались дѣти обоего пола; дѣвочекъ, кромѣ общаго съ мальчиками курса наукъ, жена учителя обучала, за особую плату, и рукодѣлію. Нѣмецкія школы существовали и въ другихъ остзейскихъ городахъ: Нарвѣ, Ригѣ; но за время Петра о нихъ не сохранилось свѣдѣній. Кромѣ того при Петрѣ были частныя, для дѣтей обоего пола, школы, въ которыхъ учили читать, „а писать,—говоритъ Вороновъ [1]),—обучали только дѣвушекъ, и то про себя“. Приводя это извѣстіе безъ указанія на источникъ, изъ котораго оно взято, Вороновъ основывался вѣроятно на какихъ-нибудь оффиціальныхъ данныхъ; въ томъ что дѣвушекъ учили писать „про себя“ онъ видитъ доказательство, „что тогда не считали нужнымъ учить дѣвицъ съ такою основательностью, какъ мальчиковъ, и что ихъ учили письму для домашняго, такъ сказать, обихода“.

Обученіе письму и при Петрѣ не считалось у насъ обязательнымъ при обученіи грамотѣ вообще, а обыденное приложеніе къ дѣлу умѣнья писать подвергалось всякаго рода ограниченіямъ, особенно по отношенію къ учащимся. Въ Инструкціи, данной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ основанной имъ при Александро-невской лаврѣ школѣ, ученикамъ запрещалось писать письма: „если кто и доброе чтò напишетъ, будетъ наказанъ какъ бездѣльникъ“ [2]). При учрежденіи Александро-невскаго монастыря Петръ велѣлъ составить уставъ монашескаго житія, который и былъ напечатанъ въ 1723 г. Въ § 5 Устава было сказано: „а писемъ никакихъ по кельямъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ безъ собственнаго вѣдѣнія Настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать и грамотокъ не принимать, кромѣ вѣдѣнія Настоятеля по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ, чернилъ и бумаги не держать кромѣ тѣхъ, которымъ собственно отъ Настоятеля для общей духовной пользы позволится... А ежели которому брату чтò потребно писать, въ трапезѣ общею чернилицею и на бумагѣ общей, за собственнымъ Настоятеля позволеніемъ да пишетъ“ [3]).

---

[1]) *Вороновъ* Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Пет. учеб. окр. Т. Сов М. Н. Мусина-Пушкина 1849. Стр. 5.

[2]) *Сухомлиновъ.* Исторія русской Академіи. Вып. 3-й (Біографія Котельникова, стр. 3. Сборникъ отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. 16-й).

[3]) Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга отъ начала заведенія его съ 1703 г. по 1751 г, сочиненное г. Богдановымъ, со многими

Вообще при обученіи грамотѣ въ частныхъ школахъ письмо, какъ въ старину, такъ и при Петрѣ, считалось роскошью, за которую къ тому же надо было платить особо. Кто хотѣлъ выучиться письму для какой-либо практической цѣли, тотъ шелъ въ школу, гдѣ этому обучали болѣе искусные люди, нежели простые грамотѣи и церковники. Для женщинъ такихъ практическихъ цѣлей быть не могло; поэтому имъ не требовалось спеціальнаго обученія письму, которому онѣ могли научиться у перваго попавшагося грамотника, умѣющаго кое-какъ выводить каракули. Въ этомъ смыслѣ, намъ кажется, и слѣдуетъ понимать выраженіе, что женщинъ учили писать „только про себя".

О частныхъ русскихъ школахъ, существовавшихъ при Петрѣ, дошло до насъ мало свѣдѣній. Нѣкоторое понятіе о нихъ даютъ извѣстія, полученныя уже въ нашемъ столѣтіи, когда въ концѣ 50-хъ годовъ правительство, озабочиваясь вопросомъ о народномъ образованіи, собрало данныя о положеніи его въ разныхъ губерніяхъ [1]). По оффиціальнымъ изслѣдованіямъ оказалось, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи были школы, возникшія вѣроятно гораздо раньше XVIII вѣка. Расколъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ поддерживалъ и распространялъ у насъ грамотность въ народѣ. Поэтому и большинство существовавшихъ при Петрѣ въ губерніяхъ частныхъ школъ были раскольничьи. Въ началѣ XVIII вѣка на сѣверо-востокѣ Россіи была Лексинская обитель, служившая разсадникомъ и женскаго образованія по старинѣ. Раскольницы, также какъ и раскольники, разъѣзжали по Россіи въ качествѣ проповѣдницъ и учительницъ народа. Обучали онѣ чтенію, письму, пѣнію и распространяли свое ученіе, нерѣдко подвергаясь за это жестокимъ наказаніямъ [2]). Въ раскольничьихъ, даже ничтожныхъ, скитахъ были „грамотни", гдѣ учили преимущественно женщины-мастерицы мальчиковъ и дѣвочекъ одинаково. Какъ ни преслѣдовало правительство такія школы, но онѣ держались, и народъ имъ вѣрилъ. Даже въ Варшавскомъ округѣ, въ городѣ Сувалкахъ, гдѣ въ разное время, особенно при Петрѣ, еще селились раскольники, мастера и мастерицы учили дѣтей по старымъ книгамъ и приготовляли начетчиковъ и начетчицъ [3]).

изображеніями первыхъ зданій и нынѣ дополненное и изданное Надв. Сов., правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими училищами... Васильемъ Рубаномъ. 1779. Изд. 1-е, стр. 337.

[1]) Эти свѣдѣнія напечатаны въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія разныхъ годовъ.

[2]) *Есиповъ.* Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. 1863. Т. II.

[3]) Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1864 г. (Журналъ М. Н. Пр. 1875).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Черниговской губерніи, по словамъ М. Сухомлинова [1]), было 370 школъ, возникшихъ не вслѣдствіе принужденія или вліянія извнѣ, а по потребности въ нихъ мѣстнаго населенія. Въ 1726 году, въ Арзамасѣ, воевода Стольникъ князь Добринскій открылъ на свой счетъ школу, въ которой самъ училъ безплатно до 1730 года, т.-е. до восшествія на престолъ Анны Ивановны. Арзамасская школа закрылась въ 1732 году по случаю смерти дочери князя Добринскаго, и тогда за обученіе взялись мастерицы, бравшія по 2 и по 3 коп. за обученіе одного листочка Часослова [2]).

Вездѣ въ то время, когда производилась ревизія школъ [3]), число учениць было гораздо меньше числа учениковъ, но какъ было въ старину, объ этомъ можно судить по немногимъ, отрывочнымъ даннымъ. По донесенію смотрителя Нѣжинской городской школы, въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ осмотрѣнныхъ имъ дьячковскихъ школахъ, учащихся было: у соборнаго дьячка 30; у пономаря 7 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ; у дьячихи 5 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; у старовѣрческаго майстера 6 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, да кромѣ того учили монахи и монахини, вдовы казачки и пр. [4]). Дьячекъ Московской церкви Адріана и Наталіи, показывая въ 1749 году въ консисторіи, что дочь обвинителя училась у его жены словесной грамотѣ и письму, сказалъ, что у его жены обучалось ежегодно по 20-ти и болѣе дѣтей [5]). На распространеніе грамотности въ народѣ среди женщинъ вліяли такія случайныя причины, какъ напримѣръ въ селѣ Бетькахъ, Казанской губерніи, гдѣ помѣщики налагали на замужнихъ крестьянокъ урокъ вдвое большій, чѣмъ на дѣвушекъ; поэтому дѣвушки старались не выходить замужъ, и, не обремененныя слишкомъ тяжелыми работами, свободное время отдавали изученію грамоты. Такъ явились первыя грамотницы въ Бетьковскомъ помѣщичьемъ приходѣ [6]). Въ деревняхъ не помѣщичьихъ ихъ не было.

Кромѣ такихъ школъ, въ разныхъ губерніяхъ были еще школы,

---

[1]) *М. Сухомлиновъ.* Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи (Журналъ М. Н. Пр. 1864).

[2]) Журналъ М. Н. Пр. 1849 г.

[3]) Ревизія производилась въ губерніяхъ: Владимірской (1860 г.), Черниговской (1860 и 1862), Вологодской (1865), Оренбургской (1875). Были и другія въ разное время.

[4]) *М. Сухомлиновъ.* Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи.

[5]) *Владимірскій-Будановъ.* Государство и народное образованіе въ Россіи.

[6]) Журналъ М. Н. Пр. 1869 О состояніи грамотности въ селѣ Бетькахъ (Казанскія Губ. Вѣд. 1868. № 26).

въ томъ числѣ и женскія, при церквахъ, монастыряхъ и общинахъ.

Въ числѣ указовъ Петра по народному образованію есть одинъ, прямо касающійся женскаго обученія при монастыряхъ. Этотъ указъ—отъ 24 января 1724 года [1]). Имъ опредѣляются двѣ цѣли для монашества. Одна изъ нихъ—служеніе страждущему человѣчеству—предписана и монахинямъ. Онѣ должны были служить нищимъ, престарѣлымъ и больнымъ своего пола, а также воспитывать сиротъ обоихъ половъ. Мальчиковъ и дѣвочекъ монахини должны были кормить до 5-ти-лѣтняго возраста, а съ 5 лѣтъ обучать ихъ грамотѣ. Но мальчики, по указу Петра, могли оставаться въ женскомъ монастырѣ лишь до 7 лѣтъ [2]), послѣ чего ихъ слѣдовало отсылать въ опредѣленныя, въ выведенныхъ для того особыхъ монастыряхъ, школы; а дѣвочекъ кромѣ грамоты монахини обязывались обучать разнымъ мастерствамъ: пряжѣ, шитью, плетенію кружевъ [3]).

Зная, что преобразовывая монашество, Петръ имѣлъ въ виду дать практическую цѣль монастырямъ, какъ мужскимъ, такъ и женскимъ, можно думать что ему естественно пришла мысль обязать монахинь воспитывать и быть первыми учительницами дѣтей-сиротъ. Въ такомъ случаѣ Петръ, издавая указъ 1724 г., только узаконилъ бы древне-русскій обычай. Поэтому нѣтъ нужды предполагать что и въ этомъ онъ взялъ образецъ съ запада. Но мысль Петра—сдѣлать духовенство дѣятельнымъ, дать ему общественную цѣль на пользу и въ помощь человѣчеству, это та же мысль, изъ которой, вслѣдствіе сильнаго стремленія католической западной церкви возвратить себѣ прежній, поколебленный реформаціею, авторитетъ, скоро послѣ нея въ католическихъ странахъ

---

[1]) Полное Собр. № 4450.

[2]) По позднѣйшему указу 1738 года срокъ этотъ продленъ до 10-ти-лѣтняго возраста. *Владимірскій-Будановъ.* Гос. и нар. образ.

[3]) Мысль объ отдачѣ „нищенскихъ“ дѣтей женскаго пола въ монастыри „для ученія“ была высказана еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, въ проектѣ къ дополненію его указа 1682 года объ общественномъ призрѣніи. Самый указъ не былъ приведенъ въ исполненіе за смертью царя, послѣдовавшей въ томъ же году. Поэтому вѣроятно онъ не вошелъ и въ полное собраніе законовъ, а найденъ въ рукописи между старыми дѣлами и помѣщенъ въ сочиненіи бывшаго директора хозяйственнаго департамента министерства полиціи, *Стогова:* „О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія“. Въ проектѣ дополненія къ означенному указу приводятся, между прочимъ, образцы устройства „нищенскихъ дѣтей, робятъ и дѣвокъ, которые по улицамъ бродятъ милостыни просить“ на западѣ, гдѣ, говорится въ проектѣ, для нихъ построены „дворы, въ которыхъ перво изуча ихъ грамотѣ, научаютъ ремеслу, какому кто похочетъ, а дѣвокъ отдаютъ по монастыремъ для ученія-жъ“.

Европы возникъ цѣлый рядъ учрежденій, проникнутыхъ духомъ милосердія и желаніемъ облегчить страданія, тѣлесныя и душевныя. Выкупъ плѣнныхъ, заботы о больныхъ, голодныхъ, сиротахъ, просвѣщеніе невѣжественныхъ массъ бѣднаго люда на томъ основаніи, что „хорошее воспитаніе равносильно постоянной милостынѣ" [1]),—эти цѣли были поставлены западною церковью на первый планъ, и дѣятельными помощницами въ этомъ дѣлѣ явились женщины.

У насъ нѣчто подобное, но въ гораздо болѣе узкихъ рамкахъ, выразилось при учрежденіи императрицею Екатериною I ордена св. Екатерины, такъ-называемаго „о освобожденіи", въ память „знатной и кровавой баталіи Прутской также и въ память всѣхъ прочихъ освобожденій предшествующихъ предсимъ". Въ Уставѣ 1713 года [2]) объ учрежденіи ордена Екатерина говоритъ, что учреждаемый ею „орденъ кавалеріи будетъ сочиненъ изъ дамъ честныхъ и богобоязненныхъ, замужнихъ и безъ замужнихъ", и далѣе: „Въ знакъ любви и почтенія къ царю, ему вручаю". Обязанности, возлагаемыя уставомъ 1713 года на дамъ, были слѣдующія: 1) благодарить Бога по вся дни за милостивое освобожденіе, которое онъ донынѣ даровалъ Его Царскому Величеству, моему Государю; 2) молить Бога по вся дни о соблюденіи его освященной особы, о здравіи его и всей царской фамиліи; 3) по вся воскресные дни проговаривать трижды: „Отче нашъ" въ честь св. Троицы; 4) трудиться сколько возможно о превращеніи нѣсколькихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ нашей, употребляя къ тому добропорядочные способы и увѣщанія, а отнюдь никакимъ угрожденіемъ ниже понужденіемъ; 5) освободить одного христіанина изъ порабощенія варварскаго, выкупая за свои деньги. Сверхъ того каждая дама должна была дать торжественное обѣщаніе „пребыть вѣрной Его Царскому Величеству и въ томъ, что никогда она не сообщится ни въ какой умыселъ противъ его особы, ни противъ его власти Самодержавной".

Впослѣдствіи, уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка, изъ этого

[1]) *Paul Rousselot*. Histoire de l'éducation des femmes en France. T. I. Remontrances à M. M. les Prévosts des marchands Echevins et principaux habitants de la ville de Lyon. Pp. 318—319.

[2]) Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи. При печатномъ уставѣ 1713 г. ордена св. Екатерины находится слѣдующее указаніе: „Изъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 1775. Семенъ Салтыковъ графамъ Андрею Ивановичу и Алексѣю Михайловичу". „Сего 25 апрѣля Синоду приказалъ отыскать богословскую книгу, имѣющуюся въ Спасскомъ монастырѣ. Она письменная на латинскомъ языкѣ. Тамъ копія съ печатнаго Устава 1713 г. объ учрежденіи ордена св. Екатерины".

учрежденія ордена св. Екатерины возникли въ Россіи женскія учебныя заведенія и къ обязанностямъ кавалерственныхъ дамъ была прибавлена забота и попеченіе объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ первоначальномъ уставѣ въ кругъ дѣятельности дамъ не входило призрѣніе и воспитаніе бѣдныхъ и сиротъ. Между тѣмъ на западѣ просвѣщеніе именно бѣдныхъ дѣвушекъ было одною изъ главныхъ формъ дѣятельнаго милосердія, и забота объ этомъ породила учительныя конгрегаціи, преимущественно женскія [1]). Съ самыхъ послѣднихъ годовъ XVI вѣка на западѣ стали возникать женскіе ордена: въ Миланѣ—Урсулинокъ; нѣсколько позже, въ Вогезахъ—Августинокъ; еще позже, на югѣ Франціи—Визитинокъ и много другихъ подъ различными наименованіями. Основатели и основательницы женскихъ учительныхъ орденовъ настояли, чтобы монахиня прежде всего была воспитательницей и учительницей, и чтобы вновь основанные монастыри существовали при школахъ, а не школы при монастыряхъ, какъ это было въ средніе вѣка. Поэтому учредители упомянутыхъ женскихъ орденовъ ревностно заботились объ образованіи изъ монахинь хорошихъ учительницъ, и прежде чѣмъ поручать имъ обученіе дѣтей, обучали ихъ самихъ [2]).

У насъ, при изданіи указа 1724 года о воспитаніи и обученіи сиротъ при женскихъ монастыряхъ, имѣлось въ виду не доставленіе дѣвушкамъ бѣднаго класса возможности получить хорошее воспитаніе и обученіе, а то, чтобы дать монахинямъ полезное для общества назначеніе. Поэтому у насъ ни правительство, ни церковь не заботились о томъ, въ состояніи ли наши монахини исполнить эту задачу. Знаніе грамоты у нихъ очевидно предполагалось, а родители изъ небогатыхъ и незнатныхъ дворянъ

---

[1]) Если хорошее наставленіе (instruction) необходимо для бѣдныхъ мальчиковъ, оно также, для славы Божьей и общаго блага, необходимо дѣвушкамъ, поль которыхъ еще больше нуждается въ поддержкѣ добродѣтелью, ибо онъ слабѣе, и отъ хорошаго ихъ начала зависитъ счастливый ихъ конецъ" (Remontrances à M. M. les Prévosts и пр. Hist. de l'éduc. des femmes en France, pp. 318—319).

[2]) Августинокъ обучали по программѣ, начертанной основателемъ ордена (Фурье) слѣдующимъ предметамъ: катехизису, любви и добродѣтели, добрымъ дѣламъ, христіанскимъ нравамъ, вѣжливости и приличію; чтенію, письму, ариѳметикѣ, шитью и рукодѣліямъ, которыя могли бы служить и средствомъ для поддержки существованія въ случаѣ нужды. Рядомъ съ этимъ августинокъ учили составлять формы разныхъ квитанцій и счетовъ, также писать дѣловыя письма, воззванія къ добрымъ дѣламъ и предпріятіямъ, утѣшительныя посланія и пр.—все это въ видѣ сочиненій на разные благочестивые сюжеты. Ихъ пріучали также говорить народнымъ мѣстнымъ языкомъ. Монахини содержали и публичныя школы, куда принимались всѣ дѣвушки безплатно; но преимущественное вниманіе обращалось на бѣдныхъ, какъ на „вѣроятныхъ наслѣдницъ царствія небеснаго". Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I, p. 326.

охотно отдавали дѣтей въ женскіе монастыри для обученія. Какъ и чему учили наши монахини и вообще какое образованіе давали дѣвушкамъ средняго класса въ XVIII вѣкѣ, объ этомъ у насъ есть положительныя свѣдѣнія въ запискахъ русскихъ людей.

Даниловъ (род. въ 1722 г.) сынъ дворянина, выучился азбукѣ семи „или болѣе“ лѣтъ у сельскаго пономаря и продолжалъ ученіе въ домѣ своей родственницы, вдовы, Матрены Петровны, вмѣстѣ съ ея племянникомъ. Матрена Петровна жила близъ Тулы, сама грамоты не знала, но любила, разложивъ передъ собою на столѣ большую книгу, водить по ея страницамъ пальцемъ, произнося при этомъ наизусть псаломъ [1]). О развитіи Матрены Петровны можно судить по тому, что, какъ говоритъ Даниловъ, въ ея домѣ всякій день была драка; какъ только подавали на столъ любимыя вдовою щи, приводили готовившую ихъ кухарку и сѣкли ее все время пока вдова ѣла. Ученіе Данилова заключалось въ чтеніи Часослова и Псалтыри. У Матрены Петровны въ домѣ учились и двѣ сестры Данилова; старшая, Анна (род. въ 1710 г.), выучилась читать, писать, россійской грамматикѣ и, по словамъ Данилова, читала много церковныхъ книгъ и исторій, „почему и знала многое, касающееся до закона“.

Бибиковъ (род. въ 1729 г.) учился у бабки и тетки, монахинь Зачатейскаго монастыря, которыя заботились о томъ, чтобы дать ему наилучшее воспитаніе и образованіе. Живя у нихъ, Бибиковъ выучился и французскому языку [2]).

Но всего болѣе подробностей касательно обученія въ женскомъ монастырѣ и вообще монахинями сообщаетъ А. И. Тимковскій [3]). Хотя его свѣдѣнія относятся уже ко второй половинѣ XVIII столѣтія, но они рисуютъ старые, издавна установившіеся педагогическіе пріемы монахинь.

Тимковскій былъ сынъ полковаго есаула въ Переяславскомъ полку. Грамотѣ (церковно-славянской) выучила его мать, а потомъ, вмѣстѣ съ старшею сестрою, двоюроднымъ братомъ и двоюродною сестрою которая ужъ знала грамоту, его отдали, по общему семейному совѣту, въ ученіе за десять верстъ въ Золотоношскій женскій монастырь, гдѣ у монахини Варсонофіи былъ родъ пансіона. Варсонофія была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса. Но она только наблюдала за ученіемъ, а учила ея племянница, монахиня Ипполита, 28 лѣтъ. Объ ея знаніяхъ и о ней

[1]) Записки артиллеріи-маіора *М. В. Данилова*, написанныя имъ въ 1771 г. Изд. П. М. Строевымъ. 1842, стр. 42.

[2]) Записки о жизни и службѣ Ал. Ив. Бибикова.—*А. А. Бибиковъ*. 1865.

[3]) Мое опредѣленіе въ службу (Москвитянинъ. 1852. Т. V).

самой Тимковскій сообщаетъ только, что она была клирошанкой, гладко читала проповѣди и особенно искусно „выбивала подъ звонъ неровными молоточками въ висящую въ колокольнѣ на столбахъ, на двухъ цѣпяхъ, концами книзу, бронзовую полукруглую доску". Это особенно нравилось въ ней дѣтямъ. Какъ шло ученіе въ пансіонѣ Варсонофіи, Тимковскій не сообщаетъ; но дѣтей скоро отъ нея взяли и отдали „въ науку чтенія" къ дальней свойственницѣ дяди Тимковскаго, пріѣхавшей изъ Кіева монахинѣ Іорданскаго монастыря, Анфисѣ, которая сама вызвалась учить дѣтей. Анфиса была изъ учениць Флоровскаго монастыря, 36 лѣтъ. Это была учительница строгая. Она разсказывала дѣтямъ библейскія повѣсти и лежа на постели пѣла духовные распѣвы, которые дѣти, по ея приказанію, должны были за нею повторять. Въ это время Анфиса водила рукою въ тактъ и на такомъ занятіи обыкновенно засыпала. По субботамъ она ходила съ дѣтьми въ церковь, гдѣ двоюродная сестра Тимковскаго, Софья, читала передъ обѣдней паракластъ, а дѣти пѣли „аллилуйя". Анфиса и лечила: отъ испуга она велѣла перевернуть Елисею (двоюродному брату Тимковскаго) рубаху напзнанку и пазухой назадъ; такъ онъ долженъ былъ ходить три дня. Весной съ Анфисой оставались однѣ дѣвочки, которыхъ она учила по молитвеннику съ канонами, также шитью. Должно быть обученіе даже простой грамотѣ при такомъ способѣ ученія, недалеко ушедшемъ отъ „курлы́-мурлы́" и „дьявола съ хвостомъ" раскольничьихъ мастерицъ, подвигалось плохо, ибо мальчиковъ взяли у Анфисы и отдали одного въ домъ къ знакомымъ, а другого къ дьячку для изученія Часослова.

Но какъ бы то ни было, однако женскіе монастыри, вмѣстѣ съ раскольничьими частными школами, были у насъ единственными непрерывными проводниками грамотности среди женскаго населенія. Они были и единственными воспитательными для женщинъ заведеніями, о которыхъ въ теченіе всей нашей исторіи, до Императрицы Екатерины II, было упомянуто въ законодательномъ актѣ.

Впрочемъ былъ еще указъ, въ которомъ упоминается о школахъ для женщинъ. Это указъ 25 іюля 1729 года, о вольныхъ нищихъ [1]). Имъ предписывается бѣглыхъ помѣщичьихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, пойманныхъ въ Петербургѣ во время ненахожденія тамъ помѣщика, отдавать на время сношенія съ нимъ въ школу, а по заявленіи помѣщика брать обратно со взысканіемъ съ него

[1]) Полное Собр. З. № 5450.

истраченныхъ на содержаніе дѣтей казною денегъ. Очевидно тутъ относительно дѣвочекъ подразумѣвались тѣ же такъ называвшіяся „сиротскія“ школы при монастыряхъ, ибо къ частнымъ школамъ такое распоряженіе не могло относиться, а правительственныхъ, для дѣвочекъ, не было.

Кромѣ этихъ указовъ, уже при императрицѣ Елизаветѣ, въ 1743 году состоялся указъ [1]), которымъ повелѣвалось „дворянамъ и вольнымъ людямъ обучать дѣтей своихъ прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ“. Повидимому при изданіи этого указа, Елизавета не имѣла въ виду женщинъ, такъ какъ, послѣ приведенныхъ нами словъ, въ указѣ прибавлено, что за необученіе означеннымъ предметамъ родителей будутъ штрафовать, а дѣтей „не повышать въ чины“. Но двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія указа 1743 года, на него ссылались какъ на обязательный для дѣтей обоего пола, и въ этомъ смыслѣ высказался Сенатъ [2]). При Елизаветѣ же послѣдовалъ и другой указъ, касающійся спеціальнаго образованія женщинъ. Указъ этотъ 1754 г. [3]) былъ вызванъ предложеніемъ лейбъ-медика Кондоиди объ учрежденіи въ Москвѣ и Петербургѣ по одной школѣ для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ. Предполагалось обучать на первый разъ въ Москвѣ 15 учениць, и въ Петербургѣ 10; а потомъ учредить по одной такой школѣ въ губернскихъ городахъ и позже въ провинціяхъ [4]).

Въ нашемъ законодательствѣ упоминается о повивальныхъ бабкахъ и раньше. Въ 1689—1699 г. было постановлено „казнить смертью повивальныхъ бабокъ за умерщвленіе младенцевъ, родившихся уродами“ [5]), но объ обученіи ихъ не думали, и повивальныя бабки всегда отправляли свое ремесло навыкомъ, какъ это дѣлается и теперь въ деревняхъ. Указомъ 1754 года положено было обучать ихъ повивальному искусству и для этой цѣли опредѣлить въ проектированныя для повивальныхъ бабокъ

---

[1]) Полное Собр. З. № 8727.

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XXVI, стр. 322.

[3]) Полное Собр. З. № 10214.

[4]) *Гр. Дм. А. Толстой*. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. 1883.—П. С. З. № 10214.

[5]) П. С. З. Т. III, ст. 1964.

школы акушеровъ [1]), или, какъ ихъ тогда называли, „докторовъ бабичьяго дѣла“ [2]).

Этими четырьмя указами исчерпывается все наше законодательство по женскому образованію за первыя 900 лѣтъ нашей исторіи.

Но уже при Елизаветѣ Петровнѣ появились частные пансіоны, большинство которыхъ содержали иностранцы и преимущественно французы и француженки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учились и даже содержались мальчики и дѣвочки вмѣстѣ; другіе были для дѣтей какого-нибудь одного пола. Отдѣльные пансіоны для мальчиковъ или для дѣвочекъ появились позже, а сначала заводились общіе. Въ нихъ принимались дѣти и взрослые; опредѣленнаго, систематическаго курса не было, ученики и ученицы оставались большею частью лишь нѣкоторое время, приходили и уходили, когда имъ вздумается. Объ одномъ изъ такихъ пансіоновъ, считавшемся въ 1749 году лучшимъ въ Петербургѣ, разсказываетъ Болотовъ [3]), который самъ учился въ этомъ пансіонѣ, содержавшемся кадетскимъ учителемъ Ферре. Между приходившими въ пансіонъ учиться была одна „нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маіорши“. „Помню“,—говоритъ Болотовъ,—„что она при мнѣ недолго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали“. Большинство пансіоновъ находилось въ столицахъ, но были и въ другихъ городахъ. Державинъ въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка учился въ пансіонѣ, который содержалъ въ Оренбургѣ нѣмецъ Розе, со-

---

[1]) Интересно, что этотъ законъ вышелъ у насъ въ то время, когда на западѣ въ медицинскомъ мірѣ произошла маленькая революція, вызванная появленіемъ акушеровъ въ профессіи, которая до конца XVII вѣка считалась принадлежностью женщинъ. Врачи раздѣлились въ мнѣніяхъ на этотъ вопросъ и одна изъ знаменитостей того времени во Франціи, Филиппъ Геке (Hecquet) счелъ себя, по своему положенію въ медицинскомъ мірѣ, обязаннымъ высказаться, что̀ онъ и сдѣлалъ въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: De l'indécence aux hommes d'accoucher les femmes. Ouvrage dans lequel on fait voir par des raisons de physique, de morale et de médecine que les mères n'exposeraient ni leurs vies ni celles de leurs enfants en se passant ordinairement d'accoucheurs et de nourrices“ (О неприличіи мужчинамъ оказывать женщинамъ помощь при родахъ. Сочиненіе, въ которомъ доказывается доводами физики, морали и медицины что матери не подвергали бы опасности свою жизнь, а равно и жизнь своихъ дѣтей, еслибы обыкновенно обходились безъ акушеровъ и кормилицъ). Сочиненіе это въ первый разъ появилось около половины XVIII вѣка и потомъ выдержало нѣсколько изданій. Послѣднее изданіе было въ 1881 году въ Брюсселѣ (Le Livre. 1881).

[2]) *Чистовичъ*. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. 1883, стр. 198, 317.

[3]) Жизнь и приключенія *Андрея Болотова*, описанныя самимъ имъ, для своихъ потомковъ. 1738—1793. Т. I. Письма 10 и 11, стр. 104—105.

сланный туда въ каторжную работу. Въ этомъ пансіонѣ учились дѣти обоего пола и притомъ, по словамъ Державина, „лучшихъ благородныхъ людей“ [1]). О томъ каково было ученіе у Розе, можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующей характеристики учителя. „Сей наставникъ“—говоритъ Державинъ—„кромѣ того, что нравовъ былъ развращенныхъ, былъ и жестокъ; онъ наказывалъ своихъ учениковъ не только самыми мучительными, но и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно“. Ко всему этому Розе, по свидѣтельству Державина, былъ и невѣжда.

Судить о томъ, чему учили дѣвушекъ въ пансіонахъ, можно изъ слѣдующихъ объявленій о нихъ [2]): „1757 г. Г. де-Лаваль съ женою беретъ дѣвицъ для обученія французскому языку, географіи, исторіи, рисованію, ариѳметикѣ.—1758 г. Двѣ француженки открыли французскую школу для женщинъ, которыхъ будутъ обучать: нравоученію, исторіи, географіи, кто пожелаетъ ариѳметикѣ, музыкѣ, танцамъ, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ.—Француженка Ришаръ будетъ обучать французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и прочему, что касается до добраго воспитанія.—Мадамъ де-Мога (въ Москвѣ) объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ.—1760 г. Мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ“.

Для вопроса о женскомъ образованіи не лишено нѣкотораго значенія то еще, что при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, цесаревна Елизавета Петровна и ея фрейлина (впослѣдствіи статсъ-дама, вышедшая замужъ за П. Шувалова) Мавра Егоровна Шепелева занимались литературою. Цесаревна писала стихи и слагала народныя пѣсни [3]), а Шепелева написала большую комедію на малороссійскомъ языкѣ [4]).

---

[1]) Записки *Г. Державина* (Соч. съ примѣчаніями Я. Грота. Т. VI, стр. 415).

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XXVI, стр. 320—321.

[3]) Пѣсни собр. *В. П. Кирѣевскимъ*, изд. Общ. люб. росс. слов. подъ ред. и съ дополн. П. А. Безсонова. Вып. 9, стр. 197, 204.

[4]) Р. Архивъ, 1865, стр. 343. Черты изъ жизни императрицы Елизаветы Петровны.

При Елизаветѣ нѣкоторые родители, правда немногіе, стали проявлять дѣйствительную заботливость о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ возможно лучшее образованіе; оно должно было, по ихъ мнѣнію, заключаться преимущественно въ обученіи дѣтей иностраннымъ языкамъ и сообщеніи имъ вкуса къ чтенію книгъ. Такое образованіе давалось въ семьѣ канцлера Воронцова, гдѣ вмѣстѣ съ его дочерью (впослѣдствіи графинею Строгановою) воспитывалась и его племянница, княгиня Е. Р. Дашкова (въ замужествѣ). По ея словамъ, дядя ничего не щадилъ, чтобы доставить имъ лучшихъ учителей. „И согласно съ тѣмъ временемъ"—говоритъ Дашкова [1])—„мы были воспитаны превосходно. Насъ учили четыремъ языкамъ, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а Бехтеевъ давалъ уроки русскаго, какъ мы плохо ни занимались имъ. Въ танцахъ мы оказали большіе успѣхи, и нѣсколько умѣли рисовать. Съ такими претензіями и наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ, кто могъ упрекнуть наше воспитаніе въ недостаткахъ?... Но что̀ было сдѣлано для образованія характера и умственнаго развитія?"—спрашиваетъ Дашкова. Впрочемъ она воспользовалась знаніемъ иностранныхъ языковъ для довершенія своего образованія и еще въ молодости стала читать серьезныя книги. Въ этомъ княгиня Дашкова представляла исключеніе не только среди женщинъ, но и среди мужчинъ Елизаветинскаго времени. Вообще она была первою, и въ продолженіе очень долгихъ лѣтъ оставалась единственною русскою женщиною, образованною въ европейскомъ смыслѣ.

Въ такомъ положеніи находилось у насъ женское образованіе передъ самымъ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II.

---

[1]) Записки княгини *Е. Р. Дашковой*, писанныя ею самой. Пер. съ англ. 1859, стр. 7.

IV.

Дѣло женскаго воспитанія и образованія на западѣ ко времени вступленія императрицы Екатерины II на престолъ. — Теоріи воспитанія и обученія вообще, выработанныя на западѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.—Теоріи женскаго образованія и воспитанія въ частности. — Женское образованіе на западѣ въ XVI вѣкѣ.—Вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи въ западной литературѣ.—Сочиненіе картезіанца де-ла-Барръ.—Программа женскаго образованія аббата Флери.—Сочиненіе Фенелона: „Education des filles.—Сен-Сиръ. — Попытки подражать ему послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ.—Аббатъ де С. Пьеръ и его проектъ.

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ дѣло императрицы Екатерины II по отношенію къ образованію русскихъ женщинъ, необходимо взглянуть: въ какомъ положеніи находилось это дѣло на западѣ ко времени ея вступленія на престолъ; были ли тамъ выработаны какія-либо теоріи женскаго воспитанія, были ли образцы, которые императрица могла имѣть въ виду, основывая въ Россіи на государственныя средства учебное заведеніе для средняго образованія русскихъ женщинъ.

Относительно теорій воспитанія и обученія вообще, ко второй половинѣ XVIII вѣка, передовыми мыслителями всѣхъ почти націй на западѣ съ эпохи Возрожденія, т.-е. съ XV-го вѣка, стали устанавливаться новые идеалы. Голландецъ Эразмъ Ротердамскій (XV—XVI в.), французъ Монтэнь (XVI в.), нѣмецъ Амосъ Коменскій (XVII), англичанинъ Локкъ (XVII в.) и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ швейцарецъ Руссо, „Эмиль“ котораго вышелъ въ годъ воцаренія императрицы Екатерины, не упоминая о другихъ, менѣе выдающихся, преемственно трудились надъ педагогическими вопросами и, сходясь каждый въ общей идеѣ со своимъ предшественникомъ, развивали и дополняли ее новыми сторонами.

Такъ были выработаны въ западной литературѣ слѣдующіе педагогическіе принципы: цѣлью воспитанія и обученія должно быть образованіе характера въ человѣкѣ, направленіе его къ

добродѣтели, къ нравственности; нравственность выше учености; воспитаніе должно быть основано на разумѣ, на пониманіи дѣтской природы и личности; воспитаніе и обученіе должны быть естественны и реальны; обученіе должно быть подчинено воспитанію, оно должно служить лишь воспитательнымъ средствомъ, „которымъ надо пользоваться умѣючи" (Локкъ). Задача обученія состоитъ не въ сообщеніи ребенку извѣстнаго количества знаній, а въ возбужденіи въ немъ самостоятельности; поэтому обученіе должно быть нагляднымъ; лучше обходиться безъ книгъ, „безъ грамматикъ и правилъ, безъ розогъ и слезъ" (Монтэнь). Ученіе надо дѣлать пріятнымъ, чтобы оно казалось ребенку отдыхомъ, а не трудною работою; не принуждать къ нему силою, предоставлять въ этомъ отношеніи свободу дѣтямъ и не стѣснять ихъ независимости; дисциплина при воспитаніи должна не подавлять и уничтожать личность ребенка, а напротивъ, возбуждать и возвышать ее; дисциплинарными средствами должны быть: похвала, особенно въ присутствіи другихъ, и порицаніе наединѣ; воспитывать должно собственнымъ примѣромъ, любя дѣтей; показывать имъ, что въ предъявляемыхъ къ нимъ требованіяхъ старшіе руководствуются не прихотью и произволомъ, а разумностью и доброжелательствомъ; воспитаніе должно начинаться съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка, чтобы не дать времени пороку укорениться въ немъ; надо удалять дѣтей отъ дурнаго общества, въ которомъ они могутъ заразиться.

Наконецъ, въ XVII вѣкѣ былъ провозглашенъ Локкомъ принципъ, на который еще раньше указывали Эразмъ и Монтэнь: важность физическаго воспитанія, высшею цѣлью котораго Локкъ поставилъ образовать „здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ". Для физическаго воспитанія необходимы тѣлесныя упражненія: гимнастика, игры, бѣганье и пр., которыя, кромѣ того, служатъ хорошими воспитательными средствами и потому имъ слѣдуетъ удѣлять много мѣста въ жизни ребенка и юноши.

Всѣ эти принципы, выработанные въ теоріи и признанные лучшими западными людьми, еще нигдѣ ко времени императрицы Екатерины не были примѣнены на практикѣ, по крайней мѣрѣ во всей ихъ совокупности.

Что же касается собственно женскаго воспитанія и ученія, то начиная съ XV же вѣка нѣкоторые педагоги пытались осуществить принципъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Такой принципъ вводилъ въ Италіи Витторино-да-Фельтре [1].

---

[1]) *А. Трачевскій.* Историческія основы воспитанія. (Наблюдатель 1889, февр.).

Незадолго до реформаціи въ Любекѣ и Нюрнбергѣ существовали отдѣльныя городскія школы для дѣвочекъ. Въ XVII вѣкѣ въ Германіи же педагогъ Ратихъ пытался ввести новую, изобрѣтенную имъ, систему обученія, примѣняя ее одинаково какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ. У піэтистовъ дѣвочки учились въ народныхъ школахъ отдѣльно отъ мальчиковъ, а въ знаменитомъ Франковскомъ заведеніи (основанномъ въ 1695 г.) приготовлялись и учительницы [1]).

Но изъ всѣхъ реформаторовъ дѣла, только двое: Эразмъ Ротердамскій и Амосъ Коменскій, обратили вниманіе на образованіе и воспитаніе женщинъ и высказались о немъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Амосъ Коменскій доказывая необходимость образованія для людей всѣхъ званій, состояній, половъ и возрастовъ, мотивировалъ ее для женщинъ тѣмъ, что ихъ надо образовывать для добродѣтели и общаго благосостоянія. „Нѣтъ никакого основанія“, прибавляетъ онъ, „отстранять женскій полъ отъ ученія, происходитъ ли оно на народномъ нарѣчіи или на латинскомъ языкѣ; женщины такія же Божія созданія и часто болѣе насъ одарены умственными способностями и воспріимчивостью къ образованію; за что же оставлять ихъ на азбукѣ и вырывать у нихъ книги изъ рукъ? Опасаемся ли мы легкомыслія? Но чѣмъ болѣе вложимъ мы въ нихъ мыслей, тѣмъ менѣе мѣста останется для легкомыслія; оно происходитъ отъ умственной пустоты“ [2]).

Еще ранѣе XVII вѣка, въ лицѣ Эразма, эпоха Возрожденія выставила цѣлую доктрину женскаго образованія. Авторитетный представитель реакціи противъ средневѣковой системы аскетическаго воспитанія и формальнаго обученія, Эразмъ, „Вольтеръ XVI вѣка“, требовалъ умственной культуры и для женщины. Возлагая на мать обязанности кормленія и физическаго воспитанія дѣтей, онъ видѣлъ въ ней и первую наставницу ихъ. Но не въ этихъ только интересахъ молодаго поколѣнія Эразмъ полагалъ необходимымъ давать женщинамъ образованіе. Онъ его требовалъ во имя самихъ женщинъ... „Супруги должны не только любить, но и уважать другъ друга. А какъ уважать женщину невѣжественную, праздную, лѣнивую? [3])... Обучать женщину рукодѣ-

---

[1]) *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 1874. Ч. 1.

[2]) *Гр. Д. А. Толстой.* Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. стр. 73. (Прил. къ LIV тому Зап. Имп. Ак. Наукъ. № 1.) 1886.

[3]) Почти полтора вѣка спустя, ту же мысль выразилъ Мольеръ въ Ecole des femmes:

„Oultre qu'il est assez ennuyeux, que je croi,
D'avoir toute sa vie une bête avec soi“.

(Ec. d. f. Acte 1. Scène 1. Oeuvres. 1799. T. II).

ліямъ недостаточно; эти занятія нужны и полезны; но умъ въ нихъ не участвуетъ. Знаніе — вотъ лучшая гарантія нравственности и счастія, лучшее предохранительное средство отъ ошибокъ. Въ знаніи женщина найдетъ не только защиту отъ праздности, но въ немъ мы имѣемъ орудіе провести въ душу молодой дѣвушки правила добродѣтели... Наука трезва и скромна" [1]).

Кладя въ основу образованія женщинъ классическое изученіе греческой и латинской литературы, желая чтобы онѣ обучались и краснорѣчію, Эразмъ не полагалъ предѣловъ ихъ образованію [2]).

Проповѣдь эта не прошла безъ вліянія на современное ей общество. Въ XVI вѣкѣ, когда огромная масса женщинъ оставалась въ полномъ невѣжествѣ, было особенно много ученыхъ и литературно-образованныхъ женщинъ въ средѣ, конечно исключительно, высшихъ и богатыхъ классовъ, которыхъ однѣхъ и имѣлъ въ виду Эразмъ. Не только во Франціи и Италіи, но и въ другихъ странахъ, даже въ Германіи, между женщинами было очень распространено знаніе древнихъ языковъ и литературы [3]). „Міръ перевернулся" —писалъ Эразмъ— „монахи не умѣютъ читать, а женщины читаютъ со страстью". Онѣ не только читали, но писали и проповѣдывали по-латыни въ пользу своего дѣла [4]).

Гдѣ же, однако, могли западныя женщины пріобрѣтать свои знанія? Вѣдь учебныхъ заведеній, даже частныхъ, въ XVI вѣкѣ для нихъ не было, а въ монастыряхъ, гдѣ воспитывались знатныя дѣвушки, свѣтская наука въ XVI вѣкѣ считалась, больше чѣмъ когда-либо, ересью. Но за то въ мірскомъ обществѣ эта наука въ эпоху Возрожденія получила особое распространеніе, благодаря литературному движенію, начавшемуся въ Италіи и охватившему всѣ цивилизованныя страны. Путемъ общаго всѣмъ латинскаго языка, черезъ посредство ученыхъ, поэтовъ, художниковъ всѣхъ національностей, идеи и нравы одной быстро передавались другимъ. Эти представители умственной жизни своего времени, „всемірные граждане" были въ эпоху Возрожденія тѣмъ же, чѣмъ были пѣвцы въ средніе вѣка; только они держали себя

---

[1]) Dialogues. (Ed. des f. en Fr. T. I, p. 152).

[2]) L'abbé et la femme instruite. (Ed. d. f. en Fr. T. I, p. 157).

[3]) *С. Н. Середонинъ.* Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. (Журналъ М. Н. Пр. 1885, дек., стр. 125).—*Модзалевскій.* Очерки в. и обуч. съ др. времени. Ч. I, стр. 493.—*С. Трачевскій.* Историческія основы воспитанія (Наблюдатель 1889 г., февраль).

[4]) Марія Стюартъ произнесла въ присутствіи короля латинскую рѣчь о способности женщинъ къ наукѣ (Educ. d. f. en Fr. T. I, p. 180).

съ бо́льшимъ достоинствомъ и пользовались бо́льшимъ уваженіемъ и почетомъ въ обществѣ. Коронованныя и знатныя лица старались привлечь ихъ къ себѣ и считали за честь назвать ихъ друзьями дома. Переѣзжая отъ одного двора къ другому или живя подолгу при одномъ дворѣ, представители науки и литературы сообщали окружающимъ культъ ихъ. Женщины не остались въ сторонѣ отъ этого вліянія; напротивъ, группируя вокругъ себя выдающихся людей [1]), и находя въ общеніи съ ними лучшую для себя школу, онѣ, въ свою очередь, вліяли на нихъ. Этому-то вліянію и общенію женщинъ съ избранными умами эпохи и слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что на западѣ съ XVI вѣка литература поставила цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся женщинъ, въ томъ числѣ о женскомъ воспитаніи и образованіи; она же взяла на себя и разработку ихъ. Ниже ли женщина мужчины, или они равны, или она выше его? Какова природа женщинъ и въ чемъ ихъ назначеніе? Способны ли онѣ къ наукѣ? Нужно ли давать имъ образованіе? Что̀ онѣ должны знать? Какъ ихъ слѣдуетъ воспитывать? Вотъ суть множества сочиненій, появившихся сначала въ популярной литературѣ [2]) XVI вѣка, а потомъ, ужъ въ XVII, въ научной и серьезной формѣ [3]). Большинство такихъ сочиненій появилось во Франціи какъ потому, что Парижъ былъ средоточіемъ умственной жизни въ Европѣ и тамъ печаталась бо́льшая часть литературныхъ и научныхъ изданій, такъ и потому, что Франція, если не по времени (ее опередила Италія), то по интересу, съ которымъ она относилась къ женскому вопросу, благодаря въ значительной степени вліянію, образованности, энергіи французскихъ женщинъ, всегда шла впереди движенія въ пользу ихъ образованія. Но всѣ писавшіе о немъ французы были писателями второстепенными. Изъ первоклассныхъ можно назвать только Мольера, который осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ крайности увлеченія литературной модой, педантство и вообще смѣшныя стороны претендовавшихъ на ученость женщинъ, пренебрегавшихъ, ради занятій ею, всѣми другими своими обязанностями. Рядомъ съ этими типами, однако, Мольеръ выставлялъ

[1]) Первый литературный „салонъ“ былъ основанъ въ Ліонѣ извѣстною въ свое время поэтессой Луизою Лабэ около половины XVI вѣка. *Sainte-Beuve.* Nouveaux Lundis. T. IV, p. 301; также его Portraits contemporains. T. V. 1871.

[2]) Сочиненія такого рода смотрѣли, большею частью, на дѣло слегка и относились къ нему игриво, съ традиціонными насмѣшками. Это видно изъ самыхъ заглавій ихъ. См. Educ. d. f. en Fr. T. I, p. 257.

[3]) Первый философъ, писавшій по вопросу въ XVII вѣкѣ, былъ Мальбраншъ; онъ высказался не въ пользу женщинъ, но призналъ, что между ними есть блестящія исключенія. Ed. d. f. en Fr. T. 1, p. 254–255.

и другіе, воплощавшіе его идеи о женскомъ образованіи. Это были тѣ же идеи, которыя раньше его формулировала г-жа Скюдери [1]), и послѣ Мольера развивала въ своихъ письмахъ [2]) другая талантливая французская писательница, г-жа Севинье: „женщина не должна быть ни педанткой ни невѣждой" (ni pédante ni sotte).

Въ средѣ писателей были и горячіе защитники вопроса, на два вѣка опередившіе самыхъ крайнихъ сторонниковъ его въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія. Бельгійскій пасторъ, картезіанецъ, де-ла-Барръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „De l'égalité des deux sexes", доказывалъ что мужчины и женщины равны, что анатомія не показываетъ никакого различія въ строеніи мозга обоихъ половъ, что поэтому женщины способны къ изученію всѣхъ наукъ, доступныхъ мужчинѣ [3]). „Такъ какъ", писалъ онъ, „хорошо исполнять свои обязанности можно лишь тогда, когда мы ихъ знаемъ и понимаемъ, то просвѣщеніе ума есть необходимое условіе нравственности. Къ тому же всѣ люди имѣютъ право на счастіе, основою котораго есть познаніе истины. Поэтому было бы несправедливо отстранять женщинъ отъ науки и образованія". Въ заключеніе де-ла-Барръ говоритъ: „конечно, намъ показалось бы теперь страннымъ видѣть женщину на каѳедрѣ читающею медицину, или въ судѣ произносящею рѣчь въ качествѣ адвоката, или засѣдающею въ парламентѣ, или командующею арміей, или въ качествѣ посланника обращающеюся съ рѣчью къ государямъ и республикамъ. Но это удивило бы насъ только потому, что представлялось бы необычнымъ. А еслибы при образованіи государствъ, когда учреждались различныя должности, къ ихъ отправленію были бы призваны и женщины, то мы также привыкли бы видѣть ихъ во всѣхъ мужскихъ должностяхъ, какъ онѣ привыкли видѣть въ нихъ насъ" [4]).

Руссо, изъ книги котораго приведены эти выдержки, говоритъ, что сочиненіе де-ла-Барра обратило на себя мало вни-

---

[1]) Въ романѣ „Artamène ou le Grand Cyrus". 1650.

[2]) Lettres de *M-me Sévigné.* 1863.

[3]) Свои „Principes de philosophie", написанные по-латыни, Декартъ, основатель картезіанской философіи, посвятилъ Елизаветѣ княжнѣ Пфальцской. Въ предисловіи Декартъ говоритъ, что посвящаетъ свой трудъ ей потому, что „никто не въ состояніи лучше ея цѣнить и понимать его философію". Елизавета была ученицей Декарта и потомъ долго переписывалась съ нимъ. Она изучала также его Алгебраическій анализъ (Отеч. Зап. 1847. Т. LIII. 1 мѣсь. Изъ книги: Женщины-математики).

[4]) *Poullain de la Barre.* De l'égalité des deux sexes. Discours physique et moral où l'on voit l'importance de se défaire des préjugés 1673. P. Rousselot. T. I, p. 266.

нанія современнаго общества, хотя и выдержало два изданія. Если это и такъ, то все же за нимъ, какъ и вообще за всѣми, хотя бы и второстепенными, писателями, занимавшимися въ XVII вѣкѣ разработкою вопроса о женскомъ образованіи, остается заслуга, что они требовали его не для однѣхъ только знатныхъ и богатыхъ женщинъ, а для всѣхъ. Кромѣ того, подвергая критикѣ (это дѣлалъ и Эразмъ Ротердамскій) тогдашнее воспитаніе и образованіе женщинъ, они своими сочиненіями поддерживали интересъ къ вопросу и явились непосредственными предшественниками аббата Флёри, Фенелона, Роллена и другихъ. Благодаря этому, въ XVII вѣкѣ право женщинъ на образованіе не только было признано западной литературой въ теоріи, но въ ней появились опредѣленныя программы его.

Первымъ, нѣсколько ясно формулировавшимъ такую программу, былъ французскій аббатъ Флёри, наставникъ принцевъ королевскаго дома. Онъ изложилъ ее въ одной изъ главъ своего сочиненія: „Traité du choix et de la méthode des études". Флёри полагалъ обучать женщинъ религіи, главнымъ образомъ внушая имъ правила христіанской нравственности, какъ можно раньше упражнять ихъ умъ въ логическомъ мышленіи и для этого сообщать имъ основныя начала логики; грамматикѣ обучать настолько, чтобы онѣ могли правильно читать, писать и составлять письма, записки; ариѳметику преподавать практически, также какъ и экономію, т.-е. знаніе предметовъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни.

Кромѣ того, по мнѣнію Флёри, женщинъ надо знакомить съ простѣйшими лекарствами, чтобы онѣ могли сами приготовлять ихъ дома, а также научить уходу за больными; равно необходимо сообщать имъ нѣкоторыя понятія изъ юриспруденціи, т.-е. обычные термины, употребляемые въ дѣлахъ, также главныя положенія науки права. Это, говоритъ Флёри, нужно женщинамъ потому, что имъ часто приходится не только принимать участіе во внѣшнихъ семейныхъ дѣлахъ, но и всецѣло управлять ими, а также съ тою цѣлью, чтобы онѣ были способны понимать даваемые имъ совѣты. Что касается остальныхъ наукъ: математики, литературы, исторіи, и даже языковъ, то безъ этого— Флёри полагалъ—женщины могутъ обойтись, ибо имъ не предстоятъ въ жизни обязанности, для исполненія которыхъ такія знанія могли бы понадобиться, да и обладаніе такими знаніями, пожалуй, сдѣлало бы женщинъ тщеславными. Однако Флёри предпочитаетъ чтобы онѣ уже лучше употребляли свое время на изу-

ченіе этихъ запретныхъ предметовъ, чѣмъ на чтеніе романовъ, „злословіе и разговоры объ юбкахъ и лентахъ“ [1]).

Сочиненіе Флёри напечатано въ 1686 году, а въ слѣдующемъ, во Франціи же, появилось другое, составляющее эпоху въ исторіи женскаго воспитанія и образованія. Сочиненіе это, „l'Education des filles“ аббата Фенелона [2]), имѣетъ большое для женщинъ значеніе во многихъ отношеніяхъ. Фенелонъ первый указалъ на связь между зависящими отъ женщинъ благосостояніемъ или разрушеніемъ семьи и благосостояніемъ или разрушеніемъ цѣлаго государства. Поэтому обязанностямъ женщинъ въ семьѣ онъ придавалъ значеніе соціальное, а основательное образованіе, конечно по тогдашнимъ воззрѣніямъ, считалъ необходимымъ для того, чтобы женщины могли какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности, „служащія основою человѣческой жизни“. Въ Education des filles Фенелонъ также впервые примѣнилъ къ женскому воспитанію и обученію педагогическіе принципы, до него выработанные другими, и, что̀ особенно важно, бо̀льшая часть этихъ принциповъ была (еще при жизни Фенелона) приложена на практикѣ, притомъ въ государственномъ среднеучебномъ заведеніи. Это заведеніе, знаменитый Сен-Сиръ, было первымъ по времени общественнымъ средне-учебнымъ заведеніемъ, содержимымъ на государственныя средства [3]), и оно было предназначено для женщинъ. Прямыхъ указаній на то, что самое возникновеніе Сен-Сира вызвано Фенелономъ, нѣтъ; но г-жа Мэнтенонъ высоко цѣнила педагогическіе принципы, изложенные въ его сочиненіи, которое въ первую эпоху существованія Сен-Сира она постоянно рекомендовала воспитательницамъ. Самъ Фенелонъ принималъ большое участіе при устройствѣ заведенія, много писалъ для него въ первые годы, проповѣдывалъ и давалъ наставленія какъ учащимъ, такъ и воспитанницамъ.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ Фенелонъ стоялъ во главѣ сначала женской общины св. Магдалины, а потомъ Ново-католической, гдѣ воспитывались молодыя дѣвушки протестантскихъ семей, обращенныя въ католичество. Тутъ, при тонкомъ умѣ и наблюдательности, онъ могъ изучить женскую природу и различныя проявленія души молодыхъ воспитанницъ. Плодомъ этихъ наблюденій и было его сочиненіе. Еще раньше Фенелона, его довольно многочисленные въ XVII вѣкѣ пред-

[1]) Hist. de l'éduc. d. f. en Fr. T. I, p. 277.

[2]) Education des filles par Monsieur l'abbé de Fenélon. A Paris. MDCLXXXVII. Avec Privilège du Roy.

[3]) P. Rousselot. Hist. de l'éduc. d. f. en Fr. T. II, p. 58.

шественники указывали на то, что причину споконъ вѣку приписываемыхъ женщинамъ недостатковъ слѣдуетъ искать не въ природѣ женщинъ, а въ плохомъ воспитаніи, какое имъ всегда давалось. Фенелонъ повторяетъ это, но съ бóльшею еще силою приписываетъ эти недостатки невѣжеству женщинъ. Благодаря этому невѣжеству, говоритъ онъ [1]), все серьезное кажется имъ скучнымъ, все требующее вниманія утомительнымъ... Изнѣженность, вѣчная праздность, въ связи съ невѣжествомъ, побуждаютъ ихъ къ постоянной погонѣ за развлеченіями и удовольствіями и вызываютъ нескромное, ненасытное любопытство. Ихъ страсти живы, а знанія ограничены; онѣ не разсуждаютъ и не обдумываютъ своихъ дѣйствій и положенія; вотъ почему для достиженія своихъ цѣлей женщины не гнушаются ничѣмъ и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, къ которымъ никогда не прибѣгнетъ порядочный человѣкъ. Такъ какъ женщинамъ закрыты всѣ пути, приводящіе мужчинъ къ власти и славѣ, то онѣ стараются выдвинуться внѣшними сторонами ума и тѣла; онѣ умѣютъ сдѣлать свой разговоръ пріятнымъ и вкрадчивымъ, а стремленіе украсить себя доходитъ у нихъ до страсти; та или другая прическа, выше или ниже поднятая прядь волосъ, тотъ или другой цвѣтъ ленты и платья, составляютъ для нихъ дѣло первой важности [2]).

Признавая эти и другіе женскіе недостатки, Фенелонъ тѣмъ болѣе желаетъ ослабить ихъ и для этого считаетъ пригоднымъ все, что должно „возвышать умъ и облагороживать душу". Во время Фенелона еще не додумались да сознанія, что женщина сама по себѣ представляетъ человѣческую личность. Что не всѣ женщины выходятъ замужъ, это, конечно, знали; но для такихъ неудачницъ предназначали монастырь. Поэтому всѣ женскія обязанности Фенелонъ сводитъ исключительно къ семьѣ: дѣлать счастливымъ мужа, воспитывать дѣтей, вести хозяйство. Эти обязанности онъ считаетъ не менѣе важными для человѣчества, чѣмъ всякія мужскія, но къ нимъ однѣмъ и пріурочиваетъ все женское воспитаніе [3]).

При обученіи онъ признаетъ необходимымъ сдѣлать женщинъ грамотными въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е чтобы онѣ не только умѣли читать и писать, но писать правильно, для чего и совѣтуетъ преподавать имъ грамматику; затѣмъ четыре дѣйствія ариѳметики и нѣкоторыя понятія обычнаго

[1]) Educ. d. filles. Chap. II. Inconvéniens des Educations ordinaires.
[2]) Ch. IX. Remarques sur plusieurs défauts des filles.
[3]) Ch. I. De l'importance de l'éducation des filles.

права составляютъ, по программѣ Фенелона, фундаментъ женскаго образованія [1]). Остальное, то, что̀ должно вести къ возвышенію ума и облагороженію души, слѣдуетъ, по его мнѣнію, сообщать женщинамъ съ большою осторожностью, чтобы не развить въ дѣвушкѣ того, что̀ тогда понималось подъ господствовавшимъ въ обществѣ „bel esprit", т.-е. стремленія говорить обо всемъ, рѣшать о литературныхъ произведеніяхъ, часто недоступныхъ ихъ пониманію, афектаціи, и пр. Сюда относятся небезполезныя, по словамъ Фенелона, знанія: литературы, исторіи Франціи и сосѣднихъ странъ, латинскаго языка, музыки, рисованія. Чтеніе свѣтскихъ книгъ съ выборомъ, т.-е. такихъ, которыя не слишкомъ сильно дѣйствуютъ на безъ того уже горячее у женщинъ воображеніе, онъ признаетъ полезнымъ и видитъ въ этомъ средство отвратить ихъ отъ чтенія комедій и романовъ. Тоже самое и въ отношеніи поэтовъ и ораторовъ, „если умъ дѣвушки достаточно развитъ, чтобы вѣрно понимать ихъ". Искусство, исключивъ изъ него то, что не ведетъ къ истинной его цѣли, заключающейся въ пробужденіи въ душѣ человѣка высокихъ и горячихъ помысловъ, Фенелонъ включаетъ въ програму образованія женщинъ; но такъ какъ поэзія и въ особенности музыка, по его мнѣнію, изнѣживаютъ душу и опьяняютъ чувства, то онъ совѣтуетъ стараться внушить молодой дѣвушкѣ вкусъ къ музыкѣ духовной. Если же это не удастся, говоритъ онъ, то противодѣйствовать ея музыкальнымъ влеченіямъ не слѣдуетъ, да и безполезно. Обученіе рисованію должно быть примѣнено къ практическимъ работамъ по части женскихъ рукодѣлій, которыя только при этомъ условіи могутъ быть дѣйствительно хороши.

Но въ искусствѣ Фенелонъ видѣлъ и моральное средство дѣйствовать на человѣка. Поэтому онъ хотѣлъ чтобы дѣвушкамъ показывали статуи и другія изображенія греческой и римской женщины „въ ихъ благородной простотѣ, съ небрежно завязанными назадъ волосами и падающимъ широкими и полными складками одѣяніемъ". Фенелонъ мотивировалъ это необходимостью искоренить въ дѣвушкахъ испорченный вкусъ къ тогдашнимъ модамъ; но высказывая желаніе, чтобы имъ доставляли случаи слышать сужденіе художниковъ и истинныхъ цѣнителей о произведеніяхъ искусства, онъ этимъ выражалъ и желаніе сдѣлать женщинъ способными наслаждаться произведеніями античной скульптуры и живописи и понимать ихъ [2]).

---

[1]) Chap. XII. Suite des devoirs des femmes.

[2]) Ch. X. La vanité de la beauté et des ajustemens.

Для религіознаго образованія, которое Фенелонъ считаетъ существеннѣйшею частью воспитанія какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, онъ указываетъ въ своемъ сочиненіи методъ преподаванія этого предмета. Идеямъ о Богѣ, духѣ, душѣ, и пр., онъ старается придать въ представленіи ребенка, „призывая воображеніе на помощь разсудку", осязательную, чувственную форму [1]). Религія, согласно Фенелону, должна подкрѣплять въ женщинѣ мужество, содѣйствовать образованію твердаго характера. Поэтому, говоритъ Фенелонъ, она не должна быть дѣломъ памяти, не должна выражаться въ „аффектированныхъ словахъ"; напротивъ, надо пріучать дѣвушекъ относиться съ недовѣріемъ къ разнымъ непровѣреннымъ исторіямъ, не привязываться къ обрядностямъ, вводимымъ слишкомъ большимъ рвеніемъ набожныхъ людей и не одобреннымъ церковью [2]). Для того, чтобы истины религіи запечатлѣлись въ душѣ ребенка, нужно, говоритъ Фенелонъ, употребить все, что̀ можетъ заставить его полюбить религію, и съ этою цѣлью рекомендуетъ знакомить съ нею дѣтей разсказами не печальнаго или суроваго характера, а мягкаго и величественнаго. Противъ суевѣрія Фенелонъ считалъ могущественнѣйшимъ средствомъ солидное образованіе, „заключенное въ должныя рамки".

Методъ, рекомендованный Фенелономъ для обученія дѣтей, тотъ же, какой цѣлымъ столѣтіемъ раньше его указывалъ Монтэнь, т.-е. ученіе надо сдѣлать пріятнымъ и легкимъ, надо увеселять его [3]). Въ живыхъ разговорахъ Фенелонъ, какъ и Монтэнь, видитъ лучшее средство передавать дѣтямъ множество полезныхъ знаній не только изъ сферы вещественнаго, но и нравственнаго міра. Напримѣръ, при обученіи дѣвушекъ „экономіи", которой Фенелонъ придавалъ самый широкій смыслъ, слѣдуетъ, говоритъ онъ, „поручая дѣвушкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ управленіе какою-либо частью домашняго хозяйства, тогда же научить ее наукѣ пользоваться услугами другихъ", внушить ей, что если въ жизни люди раздѣляются на прислуживающихъ другимъ и на принимающихъ эти услуги, то это существуетъ вопреки естественному равенству всѣхъ людей и что пользуясь чужими услугами, надо дѣлать все для облегченія этой несправедливости [4]).

Точно также, совѣтуя при обученіи дѣвушекъ сообщать имъ понятія изъ обычнаго права, онъ находитъ необходимымъ, чтобъ

---

[1]) Ch. VI. De l'Usage des histoires pour les Enfans.—Ch. VII. Comment il faut faire entrer dans l'esprit des Enfans les premiers principes de la religion.

[2]) Ch. VII.

[3]) Ch. V. Instructions indirectes. Il ne faut pas presser les Enfans.

[4]) Ch. XI. Instruction des femmes sur leurs devoirs.

имъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняли, какъ эти понятія темны, сбивчивы, какъ правосудіе измѣнчиво, а процедура его изворотлива, какъ достойны сожалѣнія тѣ, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло, какъ адвокаты, прокуроры и другія лица судебнаго персонала стремятся обогатиться насчетъ тяжущихся, и пр. Признавая также нужнымъ, чтобы знатныхъ и богатыхъ дѣвушекъ знакомили съ искусствомъ управлять помѣстіями, Фенелонъ требуетъ, чтобы имъ сообщали не только понятія обо всемъ, что̀ можетъ касаться помѣщичьяго управленія, но чтобы отъ нихъ не скрывали неурядицъ и злоупотребленій, неизбѣжно встрѣчающихся въ деревняхъ. Въ число обязанностей помѣщика онъ включаетъ и заведеніе въ деревняхъ маленькихъ школъ и благотворительныхъ обществъ для помощи бѣднымъ и больнымъ [1]).

На воспитаніе Фенелонъ смотрѣлъ также, какъ Локкъ, сочиненіе котораго: „Нѣсколько мыслей о воспитаніи“ (Some Thoughts concerning Education), вышло болѣе нежели шестью годами позже (оно вышло послѣ 1692 года), чѣмъ „Education des filles“: человѣкъ рождается ни хорошимъ, ни дурнымъ, но можетъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, смотря по тому, какъ сложится его воспитаніе и какіе примѣры онъ будетъ имѣть передъ собою. Поэтому Фенелонъ считаетъ существенно важнымъ, чтобы воспитаніе ребенка начиналось съ колыбели, и чтобы съ момента, когда начнутъ обнаруживаться первыя проявленія дѣтской души, обнаруживаемая имъ способность любить направлялась на любовь къ хорошему и доброму, а способность чувствовать отвращеніе — на отвращеніе отъ дурного и порочнаго. Точно также при обученіи Фенелонъ совѣтовалъ пользоваться свойственною дѣтямъ любознательностью, „идущею какъ бы на встрѣчу обученію“. Въ этомъ слѣдованіи натурѣ ребенка и помощи ей Фенелонъ видѣлъ весь секретъ воспитанія. „Часто“, говоритъ онъ, „все дѣло воспитанія зависитъ отъ того, чтобы не торопиться съ нимъ, какъ можно ближе и больше быть съ дѣтьми, наблюдать ихъ, внушать имъ къ себѣ довѣріе, никогда и ни въ чемъ ихъ не обманывать, а ясно и разумно отвѣчать на всѣ ихъ вопросы, какъ бы они ни были незначущи, давать свободу дѣтской натурѣ для того, между прочимъ, чтобы легче узнать ее и, въ случаѣ ошибокъ или проступковъ со стороны дѣтей, исправлять ихъ съ терпѣніемъ [2]).

Эти мысли раньше Фенелона развивалъ Монтэнь [3]); онъ же на-

---

[1]) Ch. XII.

[2]) Ch. III. Quels sont les premiers fondemens à l'Education.

[3]) Essais. 1871. T. I. Ch. XIX, XXIV, XXV.

ставалъ на важности физическаго воспитанія и на необходимости во всемъ обращаться къ разуму ребенка на томъ основаніи, что человѣкъ существо разумное. Если прибавить къ этому принципъ Фенелона, что дѣвушку надо воспитывать сообразно съ ея состояніемъ, мѣстомъ гдѣ ей придется жить, и профессіей, какую, повидимому, ей придется избрать [1]), то всѣ принципы, изложенные въ „Education des filles“, были примѣнены г-жею Мэнтенонъ къ Сен-Сиру. Ими она руководствовалась и послѣ того, какъ уже разошлась съ Фенелономъ.

Сен-Сиръ былъ основанъ въ 1686 году; но онъ возникъ не сразу, а сначала (въ 1680 году) г-жа Мэнтенонъ поддерживала своими средствами маленькую школу въ Монморанси, переведенную потомъ въ Рюэль. Тутъ въ 1684 году воспитывались 60 дворянокъ, бывшихъ пенсіонерками, и, кромѣ того, допускались приходящими ученицами мѣщанки. Средства школы были очень скудны и г-жа Мэнтенонъ обратилась за помощью къ королю, который подарилъ ей для помѣщенія школы замокъ въ Нуази и опредѣлилъ сумму на содержаніе въ ней ста пенсіонерокъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ. Скоро помѣщеніе и въ Нуази оказалось тѣснымъ; тогда король велѣлъ купить въ деревнѣ Сен-Сиръ землю съ тѣмъ, чтобы на ней было выстроено новое зданіе для помѣщенія женскаго учебнаго заведенія, которое съ тѣхъ поръ и стало называться Сен-Сиромъ. Число воспитанницъ со ста было увеличено до 250; всѣ воспитывались на счетъ короля; но допускались только такія, которыя могли доказать свое дворянское происхожденіе четырьмя поколѣніями съ отцовской стороны. На содержаніе Сен-Сира король предоставилъ доходы съ аббатства Сен-Дени, составлявшіе около 200.000 ливровъ въ годъ и кромѣ того приказалъ впослѣдствіи отчислять еще по 20.000 червонцевъ ежегодно для составленія капитала, изъ котораго выдавалось бы по 1.000 червонцевъ на приданое каждой воспитанницѣ, выходящей, по окончаніи курса, изъ Сен-Сира. Отстроенное по планамъ извѣстнаго французскаго архитектора, Мансара, зданіе было окончено въ 1686 году и тогда же въ него переведено женское учебное заведеніе изъ Нуази. Одновременно съ начатіемъ постройки въ Сен-Сирѣ, Людовикъ XIV поручилъ г-жѣ Мэнтенонъ, вмѣстѣ съ начальницею школы въ Нуази, составить „Учрежденія“ (Constitutions) для „Института дамъ св. Людовика“, орденъ котораго только-что былъ имъ учрежденъ. „Учрежденія дома св. Людовика“, просмотрѣнныя епископомъ Шартрскимъ и духовни-

[1]) Educ. des filles. Ch. XII. Suite des devoirs des femmes.

комъ короля, отцомъ Лашэзомъ, проредактированныя Расиномъ и Буало [1]), были затѣмъ представлены королю, который самъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія.

Намѣреніе короля, при основаніи Сен-Сира, было создать не монастырь, а „общину набожныхъ и благоразумныхъ сестеръ, способныхъ воспитывать дѣвицъ въ страхѣ Божіемъ и дать имъ приличное ихъ полу образованіе". Къ этому дамы св. Людовика обязывались простыми обѣтами: бѣдности, цѣломудрія, послушанія, и четвертымъ—воспитывать и обучать дѣвицъ. Послѣдній былъ поставленъ главнымъ, и въ этомъ состояло отличіе „дома св. Людовика" отъ другихъ монастырей. „Сен-Сиръ былъ созданъ для дѣвицъ, а васъ", писала г-жа Мэнтенонъ одной изъ дамъ св. Людовика, „присоединили къ нему лишь изъ необходимости обезпечить дѣвицамъ матерей и учительницъ" [2]). Эти обязанности г-жа Мэнтенонъ понимала очень глубоко: „Вы должны", писала она наставницѣ, „пригибаться, съеживаться, чтобы стать ближе къ дѣтямъ. Не глядите съ отвращеніемъ или презрѣніемъ на ихъ грязь, болѣзни, грубость... Надо ихъ согрѣть, когда они дрожатъ отъ холода, надо обтереть съ ихъ тѣла потъ, когда они въ испаринѣ, надо всюду быть съ ними, еслибы это даже стоило вамъ жизни; вы должны запереться съ ними въ случаѣ если они заболѣютъ какою-нибудь заразительною болѣзнью" [3]).

Дамы св. Людовика носили однообразную, но не монашескую одежду; ихъ не называли „сестра" или „мать", а какъ велѣлъ король: „madame". Вообще, по опредѣленію отца Лашэза, цѣль основанія Сен-Сира заключалась не въ увеличеніи числа монастырей, которые сами собою достаточно размножаются, а въ томъ, чтобы дать государству хорошо образованныхъ женщинъ [4]).

„Учрежденія", данныя королемъ Сен-Сиру, не касались внутренняго быта воспитанницъ, и организація этого дѣла всецѣло была предоставлена г-жѣ Мэнтенонъ. Еще въ Нуази она раздѣлила воспитанницъ на четыре класса, различавшихся между собою цвѣтомъ ленты: голубой, желтой, зеленой и красной, которую онѣ носили на черномъ платьѣ. Въ Сен-Сиръ принимались дѣвочки не моложе 7-ми и не старше 12-ти лѣтъ; выходили 20-ти и, слѣдовательно, должны были оставаться въ заведеніи три-

---

[1]) Histoire de la maison Royale de St. Cyr par *Th. Lavallée.* 1853.

[2]) Lettres historiques et édifiantes adressées aux Dames de St. Louis par M-me de Maintenon. Publiées pour la première fois sur les manuscrits authentiques avec des notes par M. Th. Lavallée Paris. 1856. T. I. p. 119. Lettre à m-me du Pérou.

[3]) Lettres historiques. T. II, p. 55, 56.

[4]) *P. Rousselot.* T. II. p. 11.

надцать и не меньше восьми лѣтъ; во все это время никогда и никуда не выходили; съ родителями видѣлись лишь четыре раза въ годъ, въ парлуарѣ, въ присутствіи дамъ. Такая система замкнутаго и продолжительнаго воспитанія объяснялась желаніемъ г-жи Мэнтенонъ удержать молодыхъ дѣвушекъ въ стѣнахъ заведенія до того возраста, когда у нихъ окрѣпнетъ разумъ и пройдутъ самые опасные, какъ тогда думали, годы.

Съ первыхъ же лѣтъ основанія Сен-Сира г-жа Мэнтенонъ старалась осуществить въ немъ свой идеалъ воспитанія на подобіе большой семьи, въ которой у каждаго есть свои обязанности. Каждый классъ раздѣлялся на группы изъ 8—10 дѣвушекъ; во главѣ такой группы стояла „мать семейства", выбиравшаяся изъ воспитанницъ же, и къ ней двѣ помощницы. Изъ двухъ старшихъ классовъ поочереди выбирались восемь или десять дѣвицъ, которыя должны были помогать дамамъ въ ихъ занятіяхъ съ двумя младшими классами, и кромѣ того, двадцать другихъ изъ старшихъ классовъ исполняли тѣ-же обязанности помощницъ дамъ во всѣхъ классахъ; онѣ же отправляли различныя службы въ домѣ. День воспитанницъ долженъ былъ проходить въ строгомъ, заранѣе опредѣленномъ г-жею Мэнтенонъ порядкѣ. Въ письмѣ къ начальницѣ отъ сентября 1686 года [1]) она сообщаетъ, что восемь воспитанницъ голубого класса должны ходить къ церковнымъ службамъ утромъ и вечеромъ; другія восемь будутъ по очереди на недѣлѣ помогать маленькимъ одѣваться и раздѣваться; шесть воспитанницъ того же голубого класса должны по субботамъ помогать прачкѣ складывать бѣлье; кромѣ того, каждый день по нѣскольку дѣвицъ слѣдуетъ назначать для мытья посуды и метенія столовой. Во внѣшней обстановкѣ воспитанницъ не допускалось никакой роскоши; но проявлялась забота объ ихъ здоровьѣ. Пища полагалась въ изобиліи, но простая. „Когда пшеница дорога", писала г-жа Мэнтенонъ, „пусть ѣдятъ ситній хлѣбъ; когда цѣна понизится, надо опять давать бѣлый". Постели и вся мебель были жесткія, безъ спинокъ. Зимой топили мало; воспитанницы должны были согрѣваться движеніемъ и работой, убирая дортуары, лазаретъ, кухню и проч. Даже самыя маленькія пріучались помогать въ хозяйствѣ; онѣ ощипывали листья цвѣтовъ для приготовленія сироповъ, собирали плоды, чистили овощи и пр.

Въ установленіи такихъ правилъ жизни въ Сен-Сирѣ г-жа Мэнтенонъ руководствовалась цѣлью пріучить воспитанницъ къ исполненію обязанностей практической жизни, а также желаніемъ „по-

---

[1]) Lettres historiques. 34. A m-me de Brinon.

низить гордость молодыхъ дѣвушекъ, считавшихъ себя слишкомъ высоко поставленными по рожденію чтобы снисходить къ такимъ вульгарнымъ занятіямъ, которыя, однако, полезны и сдѣлаютъ ихъ самихъ болѣе сильными, болѣе ловкими и болѣе скромными“ [1]). „Пусть кто хочетъ придетъ въ Сен-Сиръ“, писала она воспитанницамъ, „и застанетъ васъ съ метлой въ рукахъ; это никому не покажется страннымъ. Мы всѣ рождены дворянками, но бѣдными дворянками“ [2]).

Вѣрная принципу Фенелона, г-жа Мэнтенонъ хотѣла чтобы и при образованіи въ С.-Сирѣ не обращалось вниманія на внѣшнія украшенія ума воспитанницъ: „знаніе иностранныхъ языковъ и тысячи другихъ талантовъ, которыми“,—писала она,— „требуется украшать дѣвицъ благороднаго происхожденія, имѣютъ свои неудобства: воспитанницы св. Людовика не должны быть такъ воспитаны, еслибъ даже была къ тому возможность, ибо не имѣя состоянія, имъ не годится возвышать свой умъ и сердце способомъ, столь мало пригоднымъ къ ихъ положенію“. Это письмо отъ 1 августа 1686 года [3]), т.-е. оно писано черезъ два мѣсяца послѣ открытія Сен-Сира. Но на первыхъ же порахъ г-жѣ Мэнтенонъ пришлось отступить отъ такой программы. Отчасти изъ уступчивости вкусамъ Людовика XIV, находившаго удовольствіе бывать въ Сен-Сирѣ и присутствовать на театральныхъ представленіяхъ, которыя воспитанницы исполняли въ богатыхъ костюмахъ и подъ руководствомъ искусныхъ учителей, отчасти увлекаясь традиціями XVII вѣка, въ которыхъ она сама была воспитана и среди которыхъ провела бо́льшую часть своей жизни, г-жа Мэнтенонъ допустила, что съ первыхъ же лѣтъ главное вниманіе при воспитаніи въ Сен-Сирѣ обращено было именно на внѣшнюю его сторону. Въ воспитанницахъ поощрялась наклонность къ разсужденіямъ, изысканному фразерству, остроумному, насмѣшливому, но пріятному тону разговора, т.-е. именно къ тому, что называлось „bel esprit“ и противъ чего предостерегалъ Фенелонъ. Отъ наставницъ требовалось даже краснорѣчіе при преподаваніи.

Въ каждомъ классѣ было по четыре наставницы, кромѣ помощницъ, назначаемыхъ изъ воспитанницъ, и одна главная наставница, направлявшая все ученіе, программа котораго состояла въ обученіи религіи, чтенію и письму, счету, французскому языку и грамматикѣ, свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи и миѳологіи, танцамъ, рукодѣлію, хозяйственнымъ занятіямъ. Воспитанницы

[1]) Entretiens sur l'education des filles par Mad. de Maintenon. 1853.

[2]) Lettres et entretiens. T. I, p. 349.

[3]) Lettres sur l'éducation des filles. Aux dames de St. Louis. 1854. Письмо 16

сами сочиняли піесы для сцены, вообще въ нихъ развивали страсть къ сочинительству всякаго рода. Для чтенія, г-жа Скюдери, по просьбѣ своей пріятельницы г-жи Мэнтенонъ, написала для Сен-Сира „Conversations“. Вообще весь характеръ воспитанія, манеры, разговоръ, были свѣтскіе; декламація, пѣніе, заботы о туалетѣ для театральныхъ представленій, занимали воспитанницъ гораздо болѣе чѣмъ ожидала г-жа Мэнтенонъ. Сен-Сиръ былъ въ модѣ; частыя посѣщенія короля съ блестящей свитой и другой избранной публики, лесть и комплименты, расточавшіеся воспитанницамъ, все это не осталось безъ вліянія на нихъ. „Богъ знаетъ, что я хотѣла водворить въ Сен-Сирѣ добродѣтель“,—писала г-жа Мэнтенонъ [1]),—„но строила на пескѣ... Положеніе Сен-Сира при дворѣ, величіе дома, его богатство, ласки великаго монарха, заботы особы, пользующейся его милостями, примѣры тщеславія и свѣтскихъ маноръ,—все это вошло въ привычку, породило гордость у молодыхъ дѣвушекъ, которыя“,—говоритъ она въ другомъ письмѣ“,—еще наканунѣ своего вступленія въ Сен-Сиръ нуждались чтобы имъ подарили юбку; здѣсь онѣ забыли о своей бѣдности, о нуждѣ своихъ семействъ“ и пр. Замѣтивъ это, г-жа Мэнтенонъ нашла нужнымъ преобразовать Сен-Сиръ въ монастырь. На ея просьбы объ этомъ, король долго не соглашался, но наконецъ уступилъ, и въ 1692 году, послѣ шестилѣтняго блестящаго періода, „Институтъ дамъ св. Людовика“ сдѣлался монастыремъ св. Августина.

Совершивъ такую коренную реформу въ жизни Сен-Сира, г-жа Мэнтенонъ нѣкоторое время выдерживала совсѣмъ противоположную систему воспитанія, „болѣе соотвѣтствующую положенію бѣдныхъ дѣвушекъ“. Все, что̀ могло развивать въ воспитанницахъ гордость, самомнѣніе, было уничтожено; театральныя представленія продолжались, но на нихъ присутствовалъ одинъ король безъ свиты; все, что̀ хотя издали носило характеръ „bel esprit“, писательство во всѣхъ его видахъ—все это было изгнано навсегда. Но такая строгая система, почти исключавшая образованіе, продержалась недолго. „Мы всѣ рождены дворянками, но бѣдными дворянками“, часто повторяла г-жа Мэнтенонъ въ своихъ письмахъ; а хотя и для бѣдныхъ, но все-таки дворянокъ, образованіе она считала необходимымъ. Поэтому послѣ отмѣны прежнихъ порядковъ въ Сен-Сирѣ, г-жа Мэнтенонъ еще болѣе стала заботиться о томъ, чтобы изъ воспитанницъ вышли не только хорошія христіанки, но чтобы онѣ удовлетворяли главному своему

[1]) Lettres sur l'éduc. des filles. A m-me de Fontanes. 20 septembre, 1691.

назначенію — жить въ свѣтѣ, и были бы способны хорошо исполнять всѣ предстоящія имъ обязанности не только въ семьѣ, но и въ обществѣ. Требуя чтобы воспитанницы имѣли вѣрное понятіе обо всемъ, что̀ входитъ въ область практической, обыденной жизни, чтобы онѣ мыли полы, носили дрова и пр., она требовала также, чтобы онѣ говорили хорошимъ языкомъ, въ которомъ видѣла ору̀діе разума; чтобы умъ ихъ былъ способенъ не только понимать обыденныя вещи, но и возвышаться надъ ними.

Преподаваніе велось, согласно Фенелону, практически, путемъ живого слова и бесѣдъ самой г-жи Мэнтенонъ, или черезъ передачу имъ наставницами составленной ею бесѣды. Но при чтеніи ли книгъ, или при бесѣдахъ, главное вниманіе г-жи Мэнтенонъ обращалось на то, чтобы излагаемое воспитанницамъ въ классѣ было не только понято ими, но усвоено и отражалось въ ихъ словахъ, характерѣ и поступкахъ. Благодаря превосходному методу, веденному ею, воспитанницы, „не учась многому, не зная азбуки многихъ наукъ“, привыкали думать и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ [1]).

Разумъ лежалъ въ основѣ всей системы какъ обученія, такъ и воспитанія этого второго періода Сен-Сира. Этому доминирующему принципу заведенія должны были служить даже игры, которыя всячески поощрялись г-жею Мэнтенонъ.

Ру̀ководствъ въ то время почти не было. При преподаваніи исторіи г-жа Мэнтенонъ сама составляла для воспитанницъ Сен-Сира небольшіе разсказы, мастерски очерчивавшіе главнымъ образомъ современныхъ или ближайшей эпохи дѣятелей Франціи [2]). При этомъ, какъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, она, конечно, старалась внушить воспитанницамъ любовь къ королю и поставленнымъ имъ властямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя указаніямъ Фенелона, знакомила ихъ съ такими сторонами государственной жизни, которыя, по принятому обычаю, не должны были касаться женщинъ и никогда, ни до, ни послѣ нея, не входили въ программу женскаго учебнаго заведенія. Она предупреждала, напримѣръ, воспитанницъ, что имъ придется узнать или увидѣть людей, считающихъ позволительнымъ обкрадывать казну, уклоняясь подъ всякими предлогами отъ платежа налоговъ. Такіе поступки г-жа Мэнтенонъ объясняла отчасти незнаніемъ многими людьми сво-

---

[1]) *P. Rousselot*. T. II, p. 64.

[2]) Преподаваніе исторіи такъ понималось даже въ нашемъ вѣкѣ; особенно „для дѣвицъ“ оно рекомендовалось не какъ нѣчто цѣльное, уясняющее смыслъ событій, а какъ рядъ отдѣльныхъ біографій, преимущественно королей, полководцевъ и др.

ихъ гражданскихъ обязанностей. Поэтому она считала нужнымъ знакомить съ послѣдними воспитанницъ старшаго класса и въ этихъ видахъ прибѣгала къ обычному способу, къ которому обращалась каждый разъ, когда хотѣла передать имъ понятіе о какихъ-либо серьезныхъ вещахъ, въ легкой, доступной 18-ти-лѣтнимъ дѣвушкамъ формѣ. Способъ этотъ заключался въ разыгрываніи воспитанницами написанныхъ г-жею Мэнтенонъ піесъ, (Conversations, Proverbes и пр.), гдѣ въ разговорной формѣ, при сценической обстановкѣ, онѣ обсуждали съ различныхъ сторонъ предметы, съ которыми г-жа Мэнтенонъ желала познакомить ихъ. Въ одной изъ такихъ піесъ: „Sur les discours populaires", она затронула занимавшіе тогда общественное мнѣніе вопросы о покровительственной системѣ, торговыхъ и промышленныхъ привилегіяхъ, свободномъ обмѣнѣ, системѣ податей, правительственной отвѣтственности и т. п. Дѣйствующія въ піесѣ „Sur les discours populaires" лица, каждое защищаетъ какое-либо изъ существовавшихъ тогда въ обществѣ мнѣній по приведеннымъ вопросамъ. Одно излагаетъ идеи Кольбера, другое критикуетъ ихъ, третье возмущается тѣмъ, что налоги всею своею тяжестью падаютъ на бѣдныхъ и т. д. Въ концѣ піесы, конечно „благоразумныя" одерживаютъ верхъ, хотя и такими аргументами, что человѣческія дѣйствія вообще несовершенны, что лучшее изъ правительствъ то, при которомъ совершается возможно меньше несправедливостей; но совсѣмъ избѣжать ихъ однако нельзя [1]).

Такія же бесѣды г-жа Мэнтенонъ вела съ воспитанницами и на другія темы, нравственнаго порядка: „о заблужденіяхъ ума въ дѣлѣ набожности", „о томъ, какъ мы понимаемъ удовольствіе" и др. [2]). Желая чтобы онѣ вступили въ свѣтъ подготовленными къ различнымъ случайностямъ жизни, она не стѣснялась раскрывать передъ ними мрачныя ея стороны, и не боясь затрогивала при этомъ самые щекотливые вопросы. Одна изъ такихъ бесѣдъ, написанныхъ г-жею Мэнтенонъ, касалась „Опасности случаевъ", о которыхъ она предупреждала воспитанницъ ничего не скрывая, но старалась вызвать въ нихъ чувство чести и собственнаго достоинства, указывая въ этомъ вѣрнѣйшее для нихъ средство избѣжать такой опасности. Точно также о бракѣ она говорила имъ съ полною откровенностью и безъ всякихъ иллюзій. Узнавъ, что одна изъ маленькихъ воспитанницъ шокировалась однажды тѣмъ, что ея отецъ упомянулъ при ней о своихъ пан-

[1]) Conseils aux jeunes filles qui entrent dans le monde, par m-me de Maintenon. —*P. Rousselot.* Hist. de l'éduc. d. femmes en Fr. T. II, 56.

[2]) Lettres historiques. Recueil des réponses, pp. 71. 120.

талонахъ; что другая, перечисляя таинства, запнулась передъ словомъ „бракъ“, что воспитанницы говорятъ другъ другу на ухо, не рѣшаясь вслухъ произнести слово „беременность“, г-жа Мэнтенонъ возмутилась этою „нескромностью“ и потребовала отъ наставницъ чтобы онѣ при случаѣ знакомили воспитанницъ съ обязанностями брака. „Когда онѣ выйдутъ замужъ“, писала она главной наставницѣ [1]), „то увидятъ, что въ бракѣ ничего нѣтъ такого, что̀ вызывало бы смѣхъ. Надо пріучать воспитанницъ смотрѣть на него очень серьезно и даже печально, ибо ни въ какомъ другомъ состояніи не приходится испытывать столько скорби, какъ въ бракѣ, даже лучшемъ“.

Такая система воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, основанная исключительно на разумѣ, во имя котораго устранялась всякая поэзія, всякій идеалъ, имѣла и свои дурныя стороны; „но если“, говоритъ Русcло, „цѣлью воспитанія ставить, какъ это дѣлала г-жа Мэнтенонъ, приготовленіе къ практической жизни, то система второго періода Сен-Сира должна была достигать цѣли“. И дѣйствительно, успѣхъ Сен-Сира въ первыхъ годахъ XVIII вѣка былъ огромный; воспитанницы его приглашались наставницами ко двору и въ знатные дома. Лучшія аристократическія, даже королевскія семьи старались помѣстить своихъ дочерей въ Сен-Сиръ.

Принявъ, въ видѣ исключенія, и то на время, герцогиню Бургонскую, г-жа Мэнтенонъ ни за что не соглашалась преступить основного правила учрежденія, предназначеннаго для воспитанія исключительно бѣдныхъ дворянокъ; но она всячески помогала возникновенію частныхъ заведеній (все монастырскихъ) на подобіе Сен-Сира, надѣясь этимъ путемъ распространить даваемое въ немъ воспитаніе во всѣ достаточныя семьи. Для такихъ заведеній она реко̀мендовала бывшихъ воспитанницъ Сен-Сира въ качествѣ наставницъ, давала имъ совѣты, писала инструкціи, составляла программы по образцу Сен-Сира, но съ измѣненіями сообразно съ мѣстными условіями проектируемыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ монастыри не могли удерживать воспитанницъ до 20-ти-лѣтняго возраста, какъ въ Сен-Сирѣ, и въ нихъ принимались не однѣ дворянки, но и дѣти другихъ сословій, то и образованіе въ монастыряхъ, по мнѣнію г-жи Мэнтенонъ, должно было завершаться скорѣе и разниться по происхожденію дѣвицъ. „Воспитывайте мѣщанокъ мѣщанками“, писала она [2]): „нѣтъ надобности украшать ихъ умъ; надо научить ихъ чтенію, письму,

[1]) Lettres sur l'éducation des filles: à m-me du Tour. 9 juillet 1694; à m-me du Péron. 1697.

[2]) Lettres et entretiens sur l'éducation des filles. T. II, 296.

ариѳметикѣ, а главное нужно пріучить ихъ къ исполненію семейныхъ обязанностей: послушанію мужу, заботамъ о дѣтяхъ, умѣнью обращаться съ прислугою, также хожденію по воскресеньямъ въ церковь, скромности въ отношеніяхъ съ покупщиками, честности въ торговлѣ". По воззрѣніямъ г-жи Мэнтенонъ было бы противно Божьимъ установленіямъ выводить людей изъ состоянія, въ которомъ они родились. Даже разумъ, совѣтывала она, надо проповѣдывать соображаясь съ состояніемъ воспитываемыхъ. „Если въ заведеніи никогда не будетъ проявляться презрѣнія къ мѣщанкѣ или крестьянкѣ, то онѣ не будутъ страдать отъ того, что съ ними обращаются не какъ съ барышнями. Если взрослая барышня будетъ убирать волосы маленькой мѣщанкѣ, или будетъ учить ее читать, то мѣщанка сама захочетъ чѣмъ-нибудь услужить ей". Въ этомъ смыслѣ и понимала г-жа Мэнтенонъ роль разума, примѣняемаго къ состоянію воспитываемыхъ. Но отказывая мѣщанкамъ въ умственной культурѣ, она настаивала на томъ, чтобы имъ прочно прививали тѣ, „что имъ всегда пригодится", т.-е. религію, разумъ, истину.

Вообще какъ съ дворянками, такъ и съ мѣщанками, она совѣтывала держаться слѣдующихъ правилъ, въ которыхъ заключалось послѣднее слово ея педагогической системы: всегда говорить дѣтямъ правду „безъ утонченностей, безъ увертокъ", одинаково какъ большимъ, такъ и маленькимъ съ минуты когда послѣднія будутъ въ состояніи понимать тѣ, что имъ говорятъ, ибо „правда обладаетъ притягательной силой, существенно отличающеюся отъ тонкостей и изворотливостей свѣтскаго ума" [1]).

Послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ (въ 1719 г.) въ Парижѣ явилось учрежденіе, подобное Сен-Сиру. Это былъ Институтъ Младенца Іисуса, принятый впослѣдствіи подъ покровительство королевы Маріи Лещинской, для 40 бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ, которыхъ воспитывали даромъ. Такія же попытки подражанія Сен-Сиру въ XVIII вѣкѣ дѣлались въ Германіи, Швеціи, Даніи, Польшѣ, но ни одна изъ нихъ не удалась [2]). И въ самомъ Сен-Сирѣ, послѣ смерти его основательницы, не нашлось среди образованныхъ г-жею Мэнтенонъ и помогавшихъ ей наставницъ ни одной, которая могла бы продолжать дѣло. Очевидно что Сен-Сиръ держался только одною личностью г-жи Мэнтенонъ, которая была душою его не по своему положенію всесильной особы, близкой королю, а какъ идеальная наставница по

[1]) *P. Rousselot.* T. II, p. 90.
[2]) Тамъ же.

призванію, такая, о какой мечталъ Фенелонъ [1]). Она обладала, по выраженію Руссело, всѣми качествами такой наставницы: „тонкою наблюдательностью, разумомъ, умѣющимъ пользоваться ея выводами, организаторскимъ духомъ порядка, импонирующимъ авторитетомъ, нѣжностью, вызывающею къ себѣ привязанность" [2]), Г-жа Мэнтенонъ была, кромѣ того, и главной исполнительницею различныхъ функцій организованнаго ею заведенія. Она изо дня въ день слѣдила за воспитанницами, проводила съ ними нерѣдко цѣлые дни, лично исполняла при нихъ обязанности начальницы, классной дамы, наставницы, даже экономки. Ни въ уставѣ (Constitutions) Сен-Сира, ни въ его программахъ, не было ничего опредѣляющаго внутренній строй Института; все это заключалось въ письмахъ, инструкціяхъ, бесѣдахъ г-жи Мэнтенонъ съ воспитанницами и наставницами, образованіе которыхъ было главною ея заботою. По отношенію къ нимъ она была чѣмъ-то въ родѣ директрисы нормальной школы, и въ ея письмахъ заключается, говоритъ Руссело, цѣлый педагогическій курсъ для наставницъ. Но при жизни г-жи Мэнтенонъ эти письма хранились у дамъ св. Людовика, и хотя она соглашалась (еще въ 1698 г.), чтобы они были тогда же напечатаны, „если епископъ Шартрскій это одобритъ" [3]), но потомъ было рѣшено, чтобы письма оставались попрежнему въ рукописяхъ и только часть ихъ, притомъ съ искаженнымъ текстомъ, была въ первый разъ издана въ 1752 году [4]).

Послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ и послѣдовавшей за четыре года передъ нею (въ 1715 г.) смерти Фенелона, во Франціи появился цѣлый рядъ сочиненій о женскомъ воспитаніи и образованіи, носящихъ явные слѣды его идей. При этомъ повторилось то же, что было до Фенелона: первостепенные писатели или игнорировали вопросъ, или высказывались противъ него (Монтескьё, Дидро). Второстепенные (Роллэнъ, аббатъ Сен-Пьерръ, Бернарденъ де-Сен-Пьерръ) придавали ему большое значеніе и много занимались имъ. Французскія женщины также участвовали въ разработкѣ вопроса объ улучшеніи женскаго образованія.

[1]) Education des filles. Ch. XIII. Des gouvernantes.

[2]) *P. Rousselot.* T. II, p. 83.

[3]) Lettres historiques, etc., p. 35.

[4]) *Labeaumelle.* Mémoires pour servir à l'histoire de m-me de Maintenon et celle du siècle passé. Второе изданіе этого сочиненія появилось въ 1757 г. (Nouvelle édition augmentée des remarques critiques de M-r. de Voltaire tirées de son Essai sur l'histoire générale. Paris). Потомъ, уже въ XIX столѣтіи, письма г-жи Мэнтенонъ издавались отдѣльными частями въ разное время; но полный и провѣренный по подлинникамъ ихъ текстъ вышелъ лишь въ 1856 году, подъ заглавіемъ: Lettres historiques, и пр., изданный Лавалле.

Начиная съ непосредственной преемницы Фенелона, маркизы Ламберъ, въ салонѣ которой вопросъ о воспитаніи и образованіи женщинъ, среди другихъ серьезныхъ вопросовъ, вызывалъ диспуты, веденные по всѣмъ правиламъ академическихъ преній, и возбуждалъ живѣйшій интересъ [1]), она и всѣ такіе писатели послѣдовательно расширяли программу Фенелона, включая въ нее не одну литературу, но и науки, въ томъ числѣ естественныя, которыми еще съ начала XVII вѣка [2]), и особенно во второй половинѣ XVIII-го, увлекалось современное общество.

Французскія женщины наравнѣ съ мужчинами посѣщали публичныя засѣданія Академіи Наукъ, слушали лекціи въ Collége de France, конкурировали даже на академическія преміи. Въ Италіи женщины продолжали заниматься науками и участвовали въ ученыхъ диспутахъ. Въ Германіи научное движеніе среди женщинъ въ XVIII вѣкѣ было слабѣе нежели въ другихъ государствахъ; но, должно быть, и тамъ оно было замѣтно, судя потому, что въ Германіи въ это время писались брошюры, направленныя противъ умственныхъ занятій женщинъ [3]). Ученыя женщины были, конечно, и въ концѣ XVIII-го вѣка явленіемъ необычнымъ. На нихъ смотрѣли скорѣе какъ на диковину; пріѣзжіе, въ числѣ достопримѣчательностей города, считали нужнымъ видѣть ученыхъ женщинъ и не только на кафедрѣ, а и лично побесѣдовать съ ними. О нихъ говорили и писали. Въ этомъ сказывалось, конечно, отличавшее XVIII-й вѣкъ уваженіе къ наукѣ вообще, но это уваженіе распространялось и на ученыхъ женщинъ, къ которымъ такъ относились и коронованныя лица [4]).

Такимъ образомъ, если къ половинѣ XVIII вѣка нигдѣ въ Европѣ не было ни одного, кромѣ Сен-Сира, средне учебнаго заведенія для женщинъ, то къ этому времени всѣми образованными людьми на западѣ была признана несостоятельность какъ семейнаго, такъ и монастырскаго воспитанія и образованія женщинъ, и дѣлались попытки улучшить его.

Тоже самое было и относительно мужскаго образованія. Реакція,

---

[1]) *Gérard*. L'éducation des femmes par les femmes. Etudes et portraits. Paris. 1887.

[2]) Англійскія аристократки пріѣзжали въ каретахъ шестерней слушать лекціи и приходили въ восторгъ отъ свойствъ магнита и отъ микроскопа (*Трачевскій*. Ист. основы воспитанія. 67).

[3]) *Alberti*. „О безплодіи тѣла въ женщинахъ плодовитаго ума“. Галле, 1743. Книга написана по-латыни.

[4]) Русская Мысль. 1883, октябрь и ноябрь. *С. Никитенко*. Женщины-профессора въ Болонскомъ университетѣ.

начавшаяся въ XV вѣкѣ противъ господствовавшей предъ тѣмъ системы, заключавшейся въ сообщеніи юношеству множества голыхъ, въ весьма ограниченной сферѣ науки, формальныхъ знаній, а равно и въ полномъ пренебреженіи къ нравственному и физическому воспитанію, переходила иногда въ противоположную крайность. Науку считали дѣломъ второстепеннымъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ жизни; за ней не признавалось воспитательнаго вліянія на характеръ человѣка и на укрѣпленіе въ немъ нравственныхъ началъ. Напротивъ думали, что эти два фактора взаимно исключаютъ другъ друга. За то въ воспитаніи видѣли чуть ли не единственное средство излечить общество отъ золъ и пороковъ, которые и приписывали главнымъ образомъ неудовлетворительности тогдашняго частнаго и семейнаго воспитанія. Поэтому, напряженно слѣдя за педагогическими вопросами и вѣря что усовершенствованные педагогическіе пріемы могутъ улучшить и даже совершенно измѣнить человѣческій родъ, лучшіе и наиболѣе просвѣщенные западные люди возлагали заботу о народномъ воспитаніи и образованіи на государство. Въ XVII вѣкѣ эту мысль высказалъ Мильтонъ [1]), а въ XVIII-мъ повторилъ и развилъ ее аббатъ Сен-Пьерръ, который въ 1730 году, составилъ даже проектъ учрежденія „постояннаго бюро для улучшенія публичнаго воспитанія дѣтей обоего пола въ коллегіяхъ и монастыряхъ“.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія народной пользы, счастья отдѣльной личности и благосостоянія государственнаго, Сен-Пьерръ настаивалъ на одинаковой важности въ этихъ видахъ воспитанія дѣвочекъ, также какъ и мальчиковъ. Онъ предлагалъ постепенно открывать мужскія и женскія коллегіи, послѣднія по образцу преобразованнаго въ свѣтское учрежденіе и значительно расширеннаго Сен-Сира [2]). Ни одному изъ многочисленныхъ проектовъ реформатора-утописта, какъ принято называть Сен-Пьерра, не суждено было осуществиться [3]), но брошенная имъ во Франціи идея о возложеніи на государство заботъ о воспитаніи и образованіи какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нашедшая себѣ позже поддержку въ ученіи физіократовъ, вошла въ половинѣ XVIII-го вѣка въ общественное сознаніе на западѣ.

---

[1]) *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія. Ч. I. стр. 509.

[2]) *P. Rousselot.* T. II. p. 124.

[3]) Аббатъ Сен-Пьерръ самъ приготовилъ изданіе своихъ сочиненій въ 1735 — 1741 г. г. (Ouvrages de politique et de morale). Впослѣдствіи одно изъ нихъ, „Annales“, нашлось въ дорожной библіотекѣ Императрицы Екатерины съ собственноручною ея отмѣткою: „Лѣтопись аббата С. Пьерра, два небольшихъ тома — прекрасная книжечка“ (Р. Старина 1874, январь).

Въ такомъ положеніи стоялъ вопросъ о воспитаніи и образованіи молодого поколѣнія на западѣ, когда императрица Екатерина выростала (она родилась въ 1729 году) и, какъ большинство коронованныхъ особъ и принадлежавшихъ къ нимъ лицъ, воспитывалась подъ вліяніемъ французскихъ идей, при посредствѣ французскихъ воспитательницъ и воспитателей. Конечно она не могла еще тогда интересоваться педагогическими вопросами; но по всей вѣроятности, привыкнувъ съ дѣтства смотрѣть безъ предубѣжденія на женщинъ, не только обладавшихъ литературнымъ и салоннымъ образованіемъ, но и занимавшихся науками, она съ такими взглядами и пріѣхала пятнадцатилѣтнею дѣвушкою въ Россію.

V.

Отношеніе русскаго общества въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія къ вопросамъ воспитанія и образованія вообще.—Взглядъ на науку.—Указъ 1755 г. объ учрежденіи Московскаго университета. — Вопросъ о воспитаніи и образованіи въ русской литературѣ —Ежемѣсячныя Сочиненія.—Рѣчь Барсова.—Собственноручныя замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны объ учрежденіи въ Россіи женскаго учебнаго заведенія на подобіе Сен-Сира.—Записка Теплова о воспитательныхъ Академіяхъ.—Генеральный планъ Московскаго Воспитательнаго Дома. — Докладъ Бецкаго: Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола.—Общія черты Уставовъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на началахъ Генеральнаго Учрежденія. — Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.—Условія, при которыхъ основывалась система воспитанія русскаго юношества при Екатеринѣ.—Ея задачи и цѣли при воспитательныхъ реформахъ.—Образованіе и воспитаніе Екатерины.—Значеніе, которое она придавала чтенію книгъ.—Сходство ея взглядовъ со взглядами Монтэня. — Взглядъ Екатерины на образованіе женщинъ.—Различіе между Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ и Сен-Сиромъ.—Объясненіе нѣкотораго сходства въ правилахъ обоихъ заведеній.—Главныя цѣли воспитанія и образованія женщинъ тѣ же, какія Екатерина имѣла въ виду при воспитаніи и образованіи всего русскаго юношества.—Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ. — Достоинства Устава и его недостатки. — Одна изъ причинъ его неосуществимости. — Значеніе дѣла Императрицы Екатерины для женскаго образованія.

Въ сороковыхъ годахъ XVIII-го вѣка, когда Екатерина пріѣхала въ Россію (въ 1744 г.), русское общество оставалось равнодушнымъ къ вопросамъ, занимавшимъ образованныхъ людей на западѣ. Большинство относилось къ наукѣ даже враждебно. Молодые люди, посланные еще при Петрѣ учиться за границу, возвратились оттуда съ нѣкоторымъ запасомъ знаній; но бо́льшая часть побывавшихъ за границей русскихъ усвоили себѣ лишь внѣшній лоскъ европейскаго образованія и, вернувшись въ отечество, внесли въ русскую жизнь новый элементъ—свѣтскую пустоту, самомнѣніе, презрительное отношеніе ко всему русскому. Эти пороки мало-по-малу стали проникать въ среду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и Сумароковъ обличалъ ихъ въ своихъ первыхъ ко-

медіяхъ (Чудовищи, Пустая ссора, Мать—совмѣстительница дочери).

Число истинно просвѣщенныхъ людей было у насъ ничтожно; но эти немногіе просвѣщенные люди, вглядываясь въ недостатки и пороки своего времени, пришли къ сознанію, что одно практическое знаніе безъ нравственнаго воспитанія безсильно противодѣйствовать злу, и поэтому, защищая науку, въ то же время ставили ей уже не ту цѣль, какая была при Петрѣ, а другую. Они требовали, чтобы наука вліяла на нравственный строй человѣка и чтобы не ученіе, а воспитаніе стояло на первомъ планѣ. Эту мысль за двадцать лѣтъ до того, какъ сочиненіе Локка „Мысли о воспитаніи“ стало извѣстно русскому образованному меньшинству въ переводѣ профессора Поповскаго, выразилъ Кантемиръ [1]. Горячій защитникъ просвѣщенія, другъ Ѳеофана Прокоповича, едва ли не образованнѣйшій человѣкъ своего времени, онъ въ сатирѣ „О воспитаніи“ [2], появившейся въ 1739 году, такъ опредѣлилъ роль науки по отношенію къ воспитанію:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенчее зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.

Мало-по-малу однако, къ концу царствованія императрицы Елизаветы, и въ русскомъ обществѣ стало замѣчаться пробужденіе умственной дѣятельности. Явились немногіе еще, правда, русскіе ученые и просто образованные люди, стремившіеся къ просвѣщенію, знавшіе иностранные языки и, благодаря имъ, познакомившіеся съ литературою, преимущественно французскою, которая господствовала тогда во всемъ образованномъ мірѣ.

Такіе люди были проникнуты сознаніемъ необходимости просвѣщенія для русскаго народа и это сознаніе выразилось даже въ законодательномъ актѣ, которымъ учреждался первый русскій университетъ, въ Москвѣ, въ 1755 году. Въ Именномъ указѣ Елизаветы объ учрежденіи университета [3] прямо сказано: „Наше желаніе и воля въ произведеніи народнаго благополучія; но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напро-

---

[1]) Кантемиръ учился за границей и прожилъ потомъ шесть лѣтъ въ Лондонѣ, гдѣ вѣроятно и познакомился съ сочиненіями Локка.

[2]) Сатира VII. Къ князю Н. Ю. Трубецкому. Сочиненія, письма и переводы кн. А. Д. Кантемира. Ред. П. А. Ефремова, 1867, стр. 152.

[3]) П. Собр. Т. XIV, ст. 10346.

тивъ того зло искореняется, то, слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастить въ пространствѣ Имперіи Нашей всякое полезное знаніе".

Подъ „полезнымъ" знаніемъ понималось не одно практическое, а наука вообще; это видно изъ самой программы нашего перваго университета [1]). Но необходимость именно такого знанія сознавалась весьма немногими. Большинство, даже считавшихся образованными, людей, вѣря въ безусловную силу воспитанія, относились съ недовѣріемъ ко всякому иному знанію, кромѣ такого, какое могло пригодиться для службы или иной практической цѣли, или же требовалось напоказъ, какъ украшеніе. Вообще же боязнь просвѣщенія и вражда къ нему даже во второй половинѣ XVIII-го вѣка продолжали существовать, и въ нѣкоторой части общества доходили до того, что Ломоносовъ счелъ нужнымъ включить въ привилегіи проектируемаго имъ въ 1760 году Петербургскаго университета ту, чтобы „обязать духовенство не ругать наукъ въ проповѣдяхъ" [2]).

Помимо вліянія извнѣ, страхъ передъ водвореніемъ у насъ науки вызывался еще и тѣмъ, что первыя проявленія учености на русской почвѣ при господствовавшей во всемъ обществѣ грубости и непониманіи значенія истиннаго просвѣщенія, сопровождались несимпатичными чертами въ лицѣ отечественныхъ и иностранныхъ представителей этой учености. Не мудрено поэтому, что въ такомъ же смыслѣ стала высказываться и наша литература. Еще въ первомъ изъ русскихъ литературныхъ журналовъ „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія", издававшемся съ января 1755 года въ С.-Петербургѣ при Академіи Наукъ, въ одной изъ первыхъ книжекъ (майской) доказывается родителямъ необходимость „стараться объ обученіи дѣтей своихъ по достатку пристойныхъ наукъ" [3]). Но и въ ней воспитаніе выдвигается на первый планъ. При этомъ обнаруживается замѣчательное смѣшеніе самыхъ послѣднихъ гуманныхъ западныхъ педагогическихъ принциповъ съ старыми пріемами русскаго воспитанія. Рядомъ съ внушеніями обращаться съ дѣтьми ласково,

[1]) Въ немъ предполагалось три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Въ послѣдній, кромѣ преподаванія философіи, которая обнимала логику, метафизику и нравоученіе, включалась физика экспериментальная и теоретическая, краснорѣчіе (ораторія и стихотворство), исторія всеобщая и русская съ вспомогательными науками: древностями и геральдикою.—Исторія Моск. университета. *С. Шевырева*, стр. 13.

[2]) *Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Ж. М. Нар. Просв. 1865, октябрь), стр. 42.

[3]) Статья „Правила воспитанія дѣтей", пер. Ѳ. П.

съ довѣріемъ, и даже вступать съ ними въ разговоры и совѣтываться о дѣлахъ, въ той же статьѣ говорится, что „въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ суровый видъ и малая розга могутъ болѣе сдѣлать, какъ напослѣдокъ наибольшія наказанія... За ложь, упрямство и всякую умышленную злобу наказывать наижесточайше и въ семъ никогда не упускать“. Тутъ же дается курьезный совѣтъ внушать дѣтямъ „понятіе о низменности сего свѣта и пріятное воображеніе смерти“.

Предостереженіе противъ увлеченія наукою высказывалось и въ рѣчахъ профессоровъ, за исключеніемъ одного Ломоносова. Московскій профессоръ Барсовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Елизаветинскаго времени, въ рѣчи „О цѣли ученія“, произнесенной въ 1760 году въ Московскомъ университетѣ [1]), перефразируя мысли Монтэня, опредѣлилъ роль ученія такъ: „Конецъ и намѣреніе ученія есть знаніе. Но знаніе подобно оружію: и во благо, и во зло употребить его можно... Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ знаніемъ сердце, а въ немъ добродѣтель... Честное сердце предпочитается великому разуму“ [2]).

Въ это время, когда объ образованіи женщинъ никто въ Россіи не обмолвился ни единымъ словомъ, Екатерина, будучи еще великой княгинею, въ собственноручныхъ замѣткахъ писала: „Учрежденіе С.-Сира. Лучшимъ и болѣе удобнымъ средствомъ подражать ему съ пользою было бы вызвать наставницу классовъ и получить уставы и журналы заведенія непосредственно отъ французскаго двора, такъ какъ дамы св. Людовика обязаны держать ихъ въ тайнѣ. Домъ найти не трудно, также какъ и средства. А чтобы помѣшать невѣждамъ кричать о монахинѣ француженкѣ и ея ереси, надо, подъ видомъ частнаго воспитанія, поручить ей сначала одну или двухъ сиротъ, которыя впослѣдствіи могли бы быть наставницами въ заведеніи; и такимъ путемъ, когда изъ года въ годъ приготовлялось бы достаточное число русскихъ наставницъ, можно было бы обходиться безъ помощи француженокъ. Это тѣмъ легче, что въ С.-Сирѣ принято за правило поручать болѣе юнымъ пансіонеркамъ обучать другъ друга тому, въ чемъ одна болѣе свѣдуща передъ другою“ [3]).

[1]) Ист. Имп. Моск. унив. *С. Шевырева*, стр. 67.

[2]) „Or, il ne faut pas attacher le sçavoir à l'âme, il l'y fault incorporer; il ne l'en fault pas arrouser, il l'en fault teindre; et, s'il ne la change et méliore son estat imparfaict, certainement il vault beacoup mieulx le laisser là: c'est un dangereux glaive, et qui empesche et offense son maistre s'il est en main faible, et qui n'en sçache l'usage... Toute aultre science est dommageable à celuy qui n'a la science de la bonté“. *Montaigne*. Essais. T. I, pp. 107—108.

[3]) Сб. р. ист. о. Т. XVII, стр. 82. Замѣтки писаны между 1761—1762 годами.

Писавъ это, Екатерина была едва ли не единственнымъ, кромѣ развѣ еще Бецкаго, человѣкомъ въ Россіи, думавшимъ въ то время о воспитаніи и образованіи женщинъ. Какимъ образомъ она пришла къ этой мысли, мы не знаемъ; о существованіи Сен-Сира Екатерина могла слышать еще живя въ Германіи, а потомъ изъ разсказовъ Бецкаго, который нѣсколько разъ въ царствованіе Елизаветы ѣздилъ за границу и осматривалъ различныя благотворительныя и воспитательныя учрежденія. Неизвѣстно также были ли доставлены Екатеринѣ уставы и журналы Сен-Сира. Но беря его за образецъ женскаго учебнаго заведенія, о которомъ она очевидно думала прежде еще своего вступленія на престолъ, Екатерина, какъ это обнаружилось впослѣдствіи, ставила дѣло шире: она не ограничивалась цѣлью Сен-Сира давать государству образованныхъ женщинъ, а хотѣла ввести женское образованіе въ общую систему воспитанія русскаго юношества, руководствуясь при этомъ вполнѣ государственной задачею—путемъ гуманнаго и раціональнаго воспитанія и образованія молодаго поколѣнія обоего пола, улучшить породу русскихъ „отцовъ и матерей", доставить счастье отдѣльной личности и этимъ поднять благосостояніе всего государства.

Такое намѣреніе обнаружилось тотчасъ же по вступленіи ея на престолъ. По воцареніи, одною изъ первыхъ мыслей Екатерины было учредить во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ „пенсіонные дома" или „воспитательныя Академіи", составленіе плана которыхъ она поручила нѣсколькимъ лицамъ и въ томъ числѣ Теплову, одному изъ умнѣйшихъ и наиболѣе образованныхъ людей того времени.

Тепловъ, воспитавшійся въ Александро-Невской школѣ Ѳеофана Прокоповича и потомъ проведшій нѣсколько лѣтъ за границею въ качествѣ наставника графа Кир. Гр. Разумовскаго, возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Россію въ 1746 году.

Представленная имъ Императрицѣ Екатеринѣ записка [1]) о воспитательныхъ Академіяхъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ автора съ самыми передовыми западными педагогическими идеями. Тутъ есть и воспитаніе главнымъ образомъ примѣромъ, ежеминутное наблюденіе и пребываніе воспитателей съ дѣтьми, „отеческое" отношеніе къ нимъ, дружескій, пріятный, шутливый раз-

---

[1]) Мнѣніе о провинціальныхъ школахъ, представленное Императрицѣ Екатеринѣ II Т. Сов. Тепловымъ (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1844, іюнь. Отдѣлъ V). Годъ записки не обозначенъ, но повидимому она была составлена одновременно или даже предшествовала составленію Генеральнаго Плана Моск. Восп. Дома, утвержденнаго Императрицею въ 1763 году.

говоръ съ ними, совѣтъ въ случаѣ крайней необходимости наказанія дѣлать это съ „холодной кровью“ и безъ гнѣва (Локкъ). Самая внѣшняя обстановка „Академій“ должна быть, по проекту Теплова, такова, чтобы житье въ нихъ казалось дѣтямъ „не темницей, но мѣстомъ пріятнымъ, ибо бѣдное через-чуръ содержаніе мертвитъ духъ и мысли“. Поэтому же надо въ Академіяхъ ввести въ обыкновеніе пристойныя по лѣтамъ забавы и веселости и даже въ соблюденіи установленнаго въ домѣ порядка распредѣленія дня не слѣдуетъ проявлять излишнюю строгость, чтобы не стѣснять вольность духа у дѣтей (Мнѣніе, § 14).

Но въ отношеніи обученія Тепловъ пошелъ даже дальше своихъ западныхъ учителей XVI [1]) и XVII вѣка. Онъ полагалъ, что первое поколѣніе будущихъ воспитанниковъ Академій совсѣмъ не надо обучать, а только воспитывать. Да и къ воспитанію Тепловъ совѣтуетъ приступать съ крайнею осторожностью: брать дѣтей обоего пола прямо отъ груди, ибо „предоставленный на свою волю ребенокъ уже на 3-мъ или 4-мъ году окажется необузданною фуріею“; предпочитать дѣтей „лучше рожденныхъ происшедшимъ отъ злонравныхъ родителей“ и изъ первыхъ выбирать такихъ, которые соединяютъ „съ тихимъ нравомъ веселость духа“. Этому Тепловъ придавалъ такую важность, что боясь какъ бы не ошибиться въ наличности у будущаго питомца всѣхъ требуемыхъ качествъ, онъ совѣтовалъ не полагаться на свидѣтельство и одобреніе родителей и свойственниковъ; не вѣрить также „физіогноміи“ ребенка, „хотя“ — говоритъ Тепловъ — „ученые думаютъ, что всякая страсть отражается на лицѣ, которая ежели часто притворяется, то она будто оставляетъ нѣкоторые слѣды на сердцѣ и на лицѣ“. Чтобы избѣжать могущей быть ошибки, Тепловъ рекомендуетъ брать сначала дѣтей на полгода, для опыта, „ибо въ этотъ срокъ“ — говоритъ онъ — „можно будетъ имѣть много случаевъ чтобы по поступкамъ ребенка высмотрѣть внутренность его сердца“ (Мн., § 7). И вотъ когда отъ этихъ, съ такимъ тщаніемъ выбранныхъ и воспитанныхъ на новыхъ началахъ отцовъ и матерей, произойдетъ вполнѣ благовоспитан-

[1]) Вооружаясь противъ учености своего времени, Монтэнь разумѣлъ главнымъ образомъ такую, которая заключалась въ „искусствѣ измышлять разныя діалектическія тонкости, составлять апелляціонные отзывы, прописывать пилюли“ (Essais. T. I, p 116). Но онъ не отрицалъ пользы науки и признавая полезнымъ прежде всего познакомить воспитанника съ самимъ собою, сдѣлать его лучшимъ и мудрымъ при посредствѣ философіи и исторіи, полагалъ затѣмъ обучать его и другимъ наукамъ: логикѣ, физикѣ, геометріи, риторикѣ, говоря, что разъ способность сужденія развита въ юношѣ, онъ легко можетъ овладѣть всѣми науками (Essais. T. I, p. 126).

ное и благоправное потомство, то это второе или даже третье „порожденіе“ можно будетъ уже обучать и наукамъ: „философіи нравоучительной, Богословіи Естественной [1]), математическимъ и физическимъ въ теоріи, иностраннымъ языкамъ и словеснымъ наукамъ для изощренія памяти и разума и какъ дѣлающимъ человѣка способнымъ къ службѣ“. Необходимость обучать наукамъ Тепловъ счелъ нужнымъ мотивировать и указалъ при этомъ, что если потратить трудъ на воспитаніе только благоправныхъ и добродѣтельныхъ людей, то „придется ихъ за одну диковинку или рѣдкость показывать другимъ, ибо ни къ какому дѣлу употребить ихъ будетъ невозможно и ихъ добродѣтель не принесетъ пользы ни Государю, ни обществу“ (Мн., § 6).

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ запискѣ Теплова мыслей вошли въ докладъ Бецкаго „Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола“, конфирмованный Императрицею 12 марта 1764 года [2]). Но еще раньше Бецкій формулировалъ свои мысли въ „Генеральномъ Планѣ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома и госпиталя“, конфирмованномъ Екатериною 26 августа 1763 года. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Бецкій, „справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе, что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худаго воспитанія“ [3]). Признавая такое важное значеніе перваго воспитанія, Бецкій намѣчаетъ въ появившейся тогда первой лишь части Генеральнаго Плана тѣ качества, которыя должны преимущественно развиваться въ питомцахъ обоего пола для того, чтобы они, ставъ взрослыми, служили примѣромъ для другихъ и такъ же воспитали своихъ дѣтей, „вслѣдствіе чего“, говорится въ Планѣ, „можетъ со временемъ послѣдовать щастливая перемѣна въ нравахъ и склонностяхъ всей той части народа, къ которой они принадлежать будутъ“. На первомъ мѣстѣ такого воспитанія Бецкій ставитъ гу-

[1]) Въ Планѣ университетовъ, составленномъ въ 1787 году Коммиссіею народныхъ училищъ, предметъ „естественной богословіи“ объясняется такъ: „когда учащійся пріобрѣлъ понятія о Богѣ, о собственномъ назначеніи, о добродѣтели и злѣ, ему показывается теперь согласіе этого ученія съ здравымъ разсудкомъ, подкрѣпляемое естественными (въ противоположность сверхъестественнымъ) доказательствами. Это составляетъ предметъ естественной богословіи, содержащейся въ метафизикѣ и нравственной философіи“. *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Журн. М. Нар. Просв. 1865. Октябрь.

[2]) Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола, во удовольствіе Общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ. 1774. Т. II.

[3]) Тамъ же. Т. I. Предъувѣдомленіе къ читателямъ. Генер. Планъ. Ч. 1-я.

манность въ обращеніи съ дѣтьми. Такъ какъ все воспитаніе должно было заключаться въ примѣрахъ, какіе они будутъ имѣть передъ собою, то чтобы не пріучить ихъ къ суровости, запрещались въ Воспитательномъ Домѣ побои и вообще всякія тѣлесныя наказанія даже по отношенію къ служащимъ (Генер. Пл., гл. 5, § 10). Исправлять дѣтей предписывалось увѣщаніями, а въ случаѣ необходимости наказать ребенка, наблюдать чтобы „жестокостью не привести его къ упорству и безчувствію" (гл. 5, § 11).

Однако однимъ только воспитаніемъ, какъ бы оно хорошо ни было, Бецкій очевидно не считалъ возможнымъ достигнуть цѣли, указанной самою Императрицею въ Манифестѣ „о заведеніи и построеніи" Воспитательнаго Дома; а цѣль эта, какъ сказано въ Манифестѣ, заключалась въ двухъ „верьховныхъ должностяхъ и добродѣтеляхъ каждаго боголюбиваго Владѣтеля: призрѣніи бѣдныхъ и попеченіи о умноженіи полезныхъ обществу жителей [1]). Въ послѣднихъ видахъ, рядомъ съ обязанностью воспитывать, Генеральный Планъ предписываетъ и учить питомцевъ, начиная съ 7-го года: закону Божію, чтенію, письму, цыфири. А когда они подростутъ настолько, что будутъ обнаруживать свои склонности, то такихъ, которые окажутъ „дарованіе къ понятію вышнихъ наукъ и художествъ и изученіемъ ихъ могутъ принести государству больше пользы чѣмъ изученіемъ какого-нибудь грубаго мастерства", обучать еще „рисованію, чтенію иностранныхъ книгъ и писанію на иностранномъ языкѣ, чтобы черезъ чтеніе книгъ они могли всѣми новыми изобрѣтеніями пользоваться". При этомъ Бецкій два раза считаетъ нужнымъ оговорить, что „изъ сего толь преполезнаго основанія въ наученіи не выключается и женскъ полъ" (Ген. Пл. Предъувѣдомленіе, стр. 23.— Гл. 2-я, § 11).

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ обнародованія первой части Генеральнаго Плана, Бецкій представилъ Императрицѣ другой свой докладъ — „Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества", положенный въ основу правительственной системы воспитанія при Екатеринѣ. Въ этомъ докладѣ уже прямо сказано: „Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естьли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены" (п. 5). Признавая это неоспоримымъ, Генеральное Учреж-

---

[1]) Манифестъ 1 сентября 1763 г. (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 13).

деніе видитъ одно средство достигнуть цѣли, а именно: произвести новую породу отцовъ и матерей путемъ заведенія особыхъ воспитательныхъ училищъ для дѣтей обоего пола. Въ такія училища дѣтей слѣдуетъ принимать не старѣе какъ 4—5-лѣтнихъ ибо въ такіе годы дитя „начинаетъ приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія“ и позже уже нельзя поправить худой нравъ ребенка, если онъ заразился дурными примѣрами въ окружавшей его до тѣхъ поръ средѣ. А чтобы устранить такіе примѣры на все время пока дитя будетъ воспитываться, Генеральное Учрежденіе предписываетъ оставлять дѣтей въ училищѣ до 18-ти или 20-ти-лѣтняго возраста, и во все это время имъ не сообщаться даже съ родителями иначе, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи начальниковъ (п. 9).

Въ училищѣ воспитаніе должно было совершаться постоянно имѣющимися передъ дѣтьми образцами добродѣтелей. Прежде всего Генеральное Учрежденіе предписываетъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать его къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію каждаго правиламъ; возбуждать въ дѣтяхъ охоту къ трудолюбію и чтобы страшились праздности какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; „однимъ словомъ“, сказано въ п. 10 Учрежденія, „ко всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшеніемъ“. „Просвѣщая притомъ“—сказано дальше (п. 11)—ихъ разумъ науками и художествами „по природѣ, полу и склонности“ каждаго, надо, разсмотрѣвъ его склонности и охоту, предоставить выборъ той или другой (науки или художества) ему самому, ибо „давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилѣжать поневолѣ, а не по своему желанію“.

Въ Генеральномъ Учрежденіи указывается необходимость обращать вниманіе и на то̀, что̀ къ жизни, „цѣлости здравія и крѣпости сложенія“ дѣтей служить можетъ, и въ числѣ такихъ мѣръ признается необходимымъ увеселять юношество невинными забавами и играми, чтобы „чрезъ то мысли его приводить всегда въ

ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ" (п. 12). Въ заключеніе Бецкій говоритъ, что Императрица уже поручила ему представить ей регламенты и инструкціи для предполагаемыхъ ею къ основанію на началахъ Генеральнаго Учрежденія воспитательныхъ училищъ: 1) въ С.-Петербургѣ, при Академіи Художествъ; 2) во всѣхъ губернскихъ городахъ, и 3) для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, для которыхъ, прибавляетъ Бецкій, уже назначено Императрицею и зданіе, построенное Елизаветою Петровною. „Это зданіе", говоритъ онъ, „яко монументъ Ея набожности и благочестія, обращенное въ воспитательное училище для дѣвицъ, соединитъ Ея намѣренія и пользу государства".

Узаконенныя Генеральнымъ Учрежденіемъ правила воспитанія русскаго юношества легли въ основу Уставовъ: Воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ (2 мая 1764 года), Академіи Художествъ съ воспитательнымъ при ней училищемъ (октябрь, 1764 г.), Особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанское, января 31-го, 1765 г.), Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго корпуса (сентября 11-го, 1766 г.) и, наконецъ, 2-й и 3-й частей Генеральнаго Плана Московскаго Воспитательнаго Дома (13-го августа 1767 года). Правила, изложенныя въ послѣднихъ, тогда же по повелѣнію Императрицы, должны были быть примѣнены къ основанному раньше Училищу мѣщанскихъ дѣвушекъ.

Стало быть одна и та же система была положена во всѣ Уставы отдѣльныхъ заведеній, которыя, какъ сказано въ Манифестѣ, приложенномъ къ Уставу Кадетскаго Корпуса [1]), должны были „взаимною помощью каждое изъ нихъ одно другому новую придавать силу"... и „всѣ части государственной твердости стекаться въ одно общее благо". Такимъ образомъ относительно всего, касающагося собственно воспитанія, все русское юношество было подчинено однимъ и тѣмъ же правиламъ.

Поэтому во всѣхъ Уставахъ встрѣчаются одинаковыя для всѣхъ, часто даже однѣми и тѣми же словами выраженныя предписанія относительно воспитанія согласно главному, 10-му, пункту Генеральнаго Учрежденія. Кротость, благопристойность, учтивость, благоразуміе, справедливость, а также непритворная веселость, отсутствіе лишней важности и строгости въ обращеніи съ дѣтьми требуются какъ отъ Начальницы Воспитательнаго Общества благо-

---

[1]) Учрежденія и Уставы. Т. II.

родныхъ дѣвицъ и ея помощницъ, такъ и отъ Генералъ-директора, цензора, подполковника, вообще всѣхъ военныхъ лицъ, приставленныхъ къ воспитанію кадетъ; тоже и въ Академіи по отношенію къ воспитанникамъ, а равно отъ главной надзирательницы надъ питомцами Воспитательнаго Дома. Кромѣ поименованныхъ качествъ, которыя предъявлялись къ воспитателямъ въ тѣхъ видахъ, чтобы они перешли къ дѣтямъ, въ разныхъ Уставахъ, по отношенію къ воспитываемымъ замѣчаются нѣкоторые оттѣнки въ правилахъ ихъ воспитанія. Въ програмы всѣхъ учебныхъ заведеній включены какъ особый предметъ „Правила благонравія". Но согласно господствовавшему тогда духу времени, сословности, эти правила различались между собою тонкою, не сразу уловимою чертою сообразно „съ состояніемъ воспитываемыхъ" (Генер. Учр., п. 10).

Въ программѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (§ 2) заключаются: „всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости". Въ Академіи Художествъ въ программѣ ученія 1-го возраста (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) п. 2: всѣ части дѣтскаго воспитанія, а въ отроческомъ (отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ) сказано просто: краткія правила благонравія (п. 4). Въ Учрежденіи для малолѣтнихъ дѣвушекъ: въ 1-мъ возрастѣ: всѣ правила воспитанія, благонравія, обхожденія и чистоты. Въ Уставѣ Кадетскаго корпуса во 2-мъ возрастѣ, въ п. 9 программы: учтивство и долгъ пристойности. Только въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго дома не включенъ особый предметъ, подобный тѣмъ, какіе приведены нами изъ другихъ Уставовъ, но въ разныхъ мѣстахъ Плана, въ разъясненіяхъ его программы безпрестанно напоминается о необходимости воспитывать въ питомцахъ обоего пола учтивость, справедливость, пріятное обхожденіе, также „быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться", какъ способы къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума. (Ч. 3-я, гл. IX, п. 4). За то въ числѣ предметовъ ученія, въ программѣ Воспитательнаго Дома есть такой: „Правила гражданской жизни управляемой законами Отечества". Еще общая черта всѣхъ, кромѣ Академіи Художествъ, Уставовъ—обученіе дѣтей домостроительству. Въ Уставѣ кадетскаго корпуса (Разсужденія о установленіи Кадетскаго корпуса, § 8) особо поясняется, что „г. Локкъ то присовѣтываетъ въ книгѣ „о воспитаніи благороднаго человѣка, дабы оный могъ управлять своимъ домомъ и жить порядкомъ". Съ этою цѣлью кадетъ, также какъ и обоего пола питомцевъ

Воспитательнаго Дома, признается необходимымъ обучать умѣнью вести приходо-расходныя книги.

Представляя Императрицѣ 2-ю и 3-ю части Генеральнаго Плана, уже въ 1767 году, Бецкій повторяетъ еще разъ высказанную въ Генеральномъ Учрежденіи мысль, говоря, что хотя Воспитательный Домъ—„этотъ драгоцѣнный залогъ человѣколюбія Вашего“—уже „снабдѣнъ приличными для воспитанія законами, но сего недовольно: Ваше Императорское Величество хощете, чтобы съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединялось сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ, украшаетъ оныя, а не составляетъ“ [1]).

Различіе, полагаемое п. 11-мъ Генеральнаго Учрежденія „по природѣ, полу и склонности“ каждаго воспитываемаго, должно было полнѣе выразиться собственно въ ученіи, и сравнивая программы различныхъ учебныхъ заведеній, нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ намѣреніи съ которымъ группировались тѣ или другіе предметы въ программахъ перваго возраста Академіи Художествъ и Училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ. Тутъ для дѣвочекъ, какъ и для мальчиковъ, полагаются одни и тѣже предметы ученія: законъ Божій, чтеніе и письмо на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, рисованіе и первыя основанія ариѳметики. Кромѣ того дѣвочки должны были обучаться еще танцованію, женскимъ рукодѣліямъ, а способныя изъ нихъ, „по разсмотрѣніи ихъ дарованій и склонностей“, еще „голосной и инструментальной“ музыкѣ. Тоже самое въ первомъ возрастѣ полагалось и для благородныхъ дѣвицъ съ тою разницею, что обученіе языкамъ не ограничивалось однимъ чтеніемъ и письмомъ на этихъ языкахъ. Въ Кадетскомъ корпусѣ программа перваго возраста была уже чѣмъ для благородныхъ дѣвицъ, такъ какъ въ ней, кромѣ: познанія вѣры, русскаго и иностранныхъ языковъ, рисованія и танцевъ, полагалось лишь обученіе цыфири, и то въ послѣднемъ году изъ трехъ лѣтъ этого возраста, а обученіе собственно ариѳметикѣ начиналось со 2-го только возраста.

Въ Училищѣ для мѣщанскихъ дѣвушекъ предметами перваго возраста исчерпывалось все ученіе и въ остальныя девять лѣтъ эти предметы должны были повторяться. Но программа ученія благородныхъ дѣвицъ слѣдующихъ трехъ возрастовъ была, относительно предметовъ общаго образованія, основательнѣе даже нежели для кадетъ, хотя число предметовъ въ корпусѣ было больше.

Со 2-го возраста, т.-е. отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ кадетъ учили,

---

[1]) Учрежденія и Уставы. Т. I, стр 58.

кромѣ началъ славянскаго языка, еще географіи, хронологіи, исторіи, миѳологіи, ариѳметикѣ, геометріи; но всѣ эти предметы „въ сокращеніи“. Въ 3-мъ возрастѣ: совершеніе славянскаго языка, основанія воинской и гражданской архитектуры и бухгалтерство, а для желающихъ и латинскій языкъ. Съ 4-го возраста для кадетъ, которые оставались въ корпусѣ не 12-ть лѣтъ, какъ воспитанницы Общества благородныхъ дѣвицъ, а 15-ть, начиналось раздѣленіе „на воинское и гражданское званіе“ и число предметовъ увеличивалось до 22-хъ, „всѣми гражданскими и полезными“ науками. Въ разъясненіяхъ этой обширной программы, въ Уставѣ корпуса предписано: „для пользы воспитываемыхъ наблюдать, чтобы прилежаніе къ наукамъ было умѣренное“ (гл. 2-я, § 6), и чтобы кадетъ обучали не такъ, какъ въ университетахъ и другихъ училищахъ, а „самымъ дѣломъ, слышаніемъ и видѣніемъ“ (Разсужденія о установленіи Кад. корпуса, гл. VI, п. 10).

Программа обученія благородныхъ дѣвицъ со 2-го возраста увеличивалась только географіей и исторіей; но эти предметы должны были преподаваться не сокращенно. Въ 3-мъ возрастѣ къ этимъ наукамъ присоединялись еще „науки словесныя, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ“, также часть архитектуры и геральдики. Въ разъясненіи подробностей программы (Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, гл. 2, § 6) сказано, что россійскому и чужестраннымъ языкамъ обучать надо такъ, чтобы на нихъ исправно читать, писать и говорить умѣли; также чтобы дѣвицы обучались стихотворству, „а въ художествахъ не только рисованію, но и миніатюрѣ“. Въ 4-мъ же, послѣднемъ, возрастѣ, кромѣ занятій хозяйствомъ и рукодѣліемъ (шитье платьевъ, вязанье чулокъ и пр.) ежедневно по двѣ воспитанницы этого возраста должны были обучать дѣвочекъ первыхъ двухъ классовъ (гл. 2, § 8).

Хотя и при обученіи благородныхъ дѣвицъ предписывается соблюдать общія для всѣхъ правила: чтобы учителя и учительницы не заставляли дѣтей много учить наизусть, „чтобы не отягощали незрѣлый умъ излишними понятіями“, не принуждали къ ученію съ жестокостью, чтобы оно „въ самомъ началѣ не показалось имъ горестью и не поселилось бы къ нему отвращенія“, чтобы разбирали „сложеніе ребенка: скоропонятенъ ли онъ или медлителенъ въ понятіяхъ“ и пр. (гл. I, § 8, разд. 5), но нигдѣ въ Уставѣ Воспитательнаго Общества не говорится ничего подобнаго тому, что̀ сказано въ Уставѣ Кадетскаго корпуса. Напротивъ, учительницамъ предписывается „стараніемъ, искусствомъ и трудами нечувствительно достигнуть до того, отъ чего

прямо происходитъ, что та или другая въ наукѣ не поспѣваетъ": въ случаѣ же нежеланія учиться или упрямства дѣвицы, учительница должна „тотъ часъ употреблять пристойные способы къ отвращенію онаго... но безъ пристрастія и не для посторонней какой-либо причины" (§ 9). Учительницы должны были наблюдать успѣхи каждой дѣвицы, „прилежаніе ихъ или лѣность, и употреблять разные способы для возбужденія въ нихъ вящшей къ обученію ревности" (§ 10). Въ числѣ способовъ обученія наибольшую важность Уставъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ придаетъ „приваживанію дѣвицъ къ чтенію книгъ" и возлагаетъ на учительницъ „вперять въ нихъ охоту къ книгамъ" (§ 5).

Пріученіе дѣтей къ чтенію книгъ рекомендуется во всѣхъ уставахъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Екатериною. Въ Уставѣ Академіи Художествъ и въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго Дома это мотивируется тѣмъ, что если питомцы и питомки не будутъ разумѣть иностранныхъ книгъ, въ которыхъ „всегда изобилуютъ новыя изобрѣтенія по художествамъ, то весь свой вѣкъ останутся посредственными художниками" (Ч. I, гл. 2, § 11). Стало быть въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ практическая цѣль при возбужденіи въ воспитанникахъ охоты къ чтенію книгъ. Тоже самое и въ Кадетскомъ корпусѣ; для кадетъ необходимость чтенія обусловливается тѣмъ, чтобы они въ корпусѣ получили охоту къ чтенію „о дѣлахъ славныхъ военныхъ людей". (Разс. о устан. Кад. корп., гл. I, § 13). Съ этой цѣлью Уставъ предписываетъ имѣть при корпусѣ „благоразумно собранную библіотеку не токмо для употребленія кадетамъ, но и самимъ офицерамъ, учителямъ и къ воспитанію благороднаго юношества опредѣляемымъ людямъ" (О нѣкоторыхъ заведеніяхъ для корпуса, V, § 1). Въ Воспитательномъ Обществѣ предписывается „паче всего возбуждать въ воспитанницахъ охоту къ чтенію книгъ какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы". При немъ также полагается имѣть библіотеку, какъ для упомянутой цѣли, такъ и для словесныхъ наукъ, (гл. I, разд. 6, § 11). Чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ включено, какъ уже выше сказано, и въ самую программу ученія благородныхъ дѣвицъ, начиная съ 3-го возраста.

Для того чтобы понять настоящій смыслъ вообще ученія, положеннаго для учебныхъ заведеній, основанныхъ Екатериною въ первые годы ея царствованія, и въ особенности для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, необходимо вникнуть

въ обстоятельства, при которыхъ оно предъявлялось русскому обществу, и вспомнить какой образецъ былъ тогда у всѣхъ передъ глазами. Первая часть Генеральнаго Плана была составлена Ив. Ив. Бецкимъ, а 2-я и 3-я его части профессоромъ Барсовымъ по матеріаламъ, доставленнымъ ему Бецкимъ и по мысли послѣдняго. Но мысли Бецкаго были мысли самой Императрицы. „Не знаю", говоритъ онъ въ Генер. Учрежденіи [1]), „изъяснилъ ли я слабымъ моимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, тщательно стараясь изобразить точно, слово отъ слова, всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини какъ слѣдуетъ".

Европейски образованный, проникнутый тѣми же умственными и нравственными интересами, какими была проникнута Екатерина, гуманный и добрый человѣкъ, Бецкій былъ драгоцѣннымъ ея сотрудникомъ; но влiять и руководить ею онъ могъ лишь въ томъ, что̀ отвѣчало ея вкусамъ, мыслямъ, желаніямъ и цѣлямъ, которыхъ онъ и былъ ревностнымъ исполнителемъ. Его идеалъ человѣка былъ—добрый [2]), благовоспитанный, свѣтски образованный. Эти качества нравились и Екатеринѣ; но она понимала значеніе и науки, и истиннаго, а не внѣшняго только образованія. Благовоспитанный, свѣтскій невѣжда былъ ей и въ личныхъ сношеніяхъ такъ же невыносимъ, какъ грубый, неотесанный педантъ. Науку и истинную ученость она уважала [3]), а умъ, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, не только уважала, но и любила. Педагогическія ея убѣжденія сложились, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ писателей, Монтэня и Локка, преимущественно Монтэня. Мысли послѣдняго пришлись ей особенно по душѣ; онѣ отвѣчали ея природѣ, складу ея ума; она ихъ не только усвоила, но провѣрила на себѣ, и къ почерпнутымъ изъ „Essais" Монтэня взглядамъ присоединила свои собственные, сложившіеся у нея изъ продолжительныхъ наблюденій и размышленій, чтенія и—что̀ особенно важно—изъ собственнаго опыта.

[1]) Учр. и Уставы. Т. II. Генер. Учрежденіе, стр. 2.

[2]) „Наименованіе „добраго" есть лучшимъ въ свѣтѣ для человѣка удовольствіемъ". Слова Бецкаго въ письмѣ къ Демидову. 2 сентября 1771 г. (Учр. и Уставы. Т. I. Достопамятныя дѣла и происшествія по Имп. Моск. Восп. Дому со времени учрежденія онаго).

[3]) Многочисленныя и несомнѣнныя доказательства такого ея отношенія къ ученымъ и даже просто талантливымъ людямъ можно найти въ ея письмахъ къ Гримму (См. Сб. р. ист. общ. Т. XXIII).

Найдя нужнымъ перевоспитать свой народъ, создать новую породу людей, Екатерина поставила себѣ цѣлью „достигнуть самыхъ истинныхъ и прочныхъ причинъ благополучія россійскаго рода". Такъ опредѣлена эта цѣль въ „Генеральномъ Учрежденіи" (п. 15). Въ частности намѣреніе Императрицы заключалось въ томъ, чтобы люди новой породы были „по своему состоянію полезны себѣ и обществу", безъ чего, какъ сказано въ „Предварительномъ объясненіи предметовъ Воспитательнаго Дома" (Генер. Пл., ч. 1) всякій человѣкъ тщетное бремя на землѣ". Изъ Наказа и другихъ источниковъ мы знаемъ, что Екатерина хотѣла воспитать не только полезныхъ, но и такихъ членовъ общества, которые служили бы ему украшеніемъ" [1]). А изъ частныхъ писемъ Императрицы видно, что она задалась еще мыслью сдѣлать своихъ подданныхъ и счастливыми" [2]). Всѣ эти задачи, взятыя въ совокупности, не могли быть достигнуты однимъ только воспитаніемъ въ добрыхъ нравахъ. Тутъ требовалось и образованіе, и не только оно, а по выраженію г-жи Мэнтенонъ — „еще тысячи другихъ вещей".

Что таковъ былъ взглядъ Екатерины на воспитаніе, это видно изъ многихъ ея сочиненій и, между прочимъ, изъ Инструкціи князю Салтыкову [3]), гдѣ она говоритъ: „замыкается же оное (воспитаніе) въ четырехъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивости, 3) въ добромъ поведеніи, 4) въ знаніи". Таже мысль выражена и въ составленномъ Императрицею „Гражданскомъ начальномъ ученіи" [4]): § 145 „Знанія къ мудрости столь же нужны, какъ зрѣніе здравію".

Когда Бецкій писалъ свой докладъ, онъ руководствовался лучшими педагогическими идеями, выработанными на западѣ; но кромѣ того онъ долженъ былъ имѣть въ виду взгляды и вкусы Императрицы, а сама она должна была невольно являться ему живымъ образцомъ того идеала образованія, какого она желала для своихъ подданныхъ и какое считала для нихъ возможнымъ, а также и тѣхъ способовъ, какими этотъ идеалъ могъ быть достигнутымъ. Его ошибка, а также ошибка Екатерины, заключа-

---

[1]) Наказъ Ея Имп. Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійскія, данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. С.-Петербургъ при Имп. Ак. Наукъ. 1770 года. Гл. XIV „О воспитаніи", § 356.

[2]) Письмо къ Циммерману.—Также Сб. р. ист. общ. XXIII, стр. 77. Примѣчаніе. Эпитафія Екатерины, написанная ею самою въ 1778 году.—Планъ Коммерческаго Воспитательнаго училища (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 186).

[3]) Инструкція кн. Ник. Ив. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Соч. Имп. Ек. II. Изд. А. Смирдина. С.-Петерб. 1849. Т. I.

[4]) Тамъ же.

лась въ томъ, что они забывали, что не всѣ дѣти родятся съ такими способностями какъ Императрица и не всѣ люди бываютъ геніальными.

Екатерина получила самое поверхностное образованіе; на это есть много подробныхъ указаній въ ея письмахъ къ Гримму [1]). У нея была учительница француженка, мамзель Кардель. Пасторъ Вагнеръ училъ ее нѣмецкому языку, а m-r Laurent писать по-французски. Обоихъ Екатерина считала глупыми. Объ образованіи дѣвицы Кардель она прямо не говоритъ, но обыкновенно отзывалась о ней въ шутливомъ тонѣ. По словамъ Екатерины, Кардель могла по пальцамъ перечесть всѣ существовавшія въ ея время комедіи и трагедіи и оттуда, полагаетъ Екатерина, извлекала свои правила воспитанія. Она требовала чтобы Екатерина всегда въ разговорѣ прибавляла слово „monsieur", заставляла ее много читать Мольера. Кардель „и сама по себѣ была очень забавна", прибавляетъ Екатерина [2]). Не смотря однако на эти смѣшныя стороны своей воспитательницы, Императрица всегда отзывалась о ней какъ объ „умной дѣвицѣ, знавшей почти все ничему не учившись—почти также, какъ ея ученица", замѣчаетъ она.

И свое воспитаніе Екатерина не считала дурнымъ [3]). „Тогда", говоритъ она, „воспитаніе не было такимъ процѣженнымъ (épurée), какъ теперь, когда, какъ мнѣ сказала великая княгиня [4]), чтеніе и представленіе комедій Мольера противно добрымъ правамъ; это жаль, до сихъ поръ я находила его очень хорошимъ" [5]). Въ другомъ своемъ письмѣ Екатерина противопоставляетъ свое воспитаніе позднѣйшему, представительницею котораго очевидно подразумѣваетъ великую княгиню Марію Ѳедоровну. „Хуже всѣхъ" (внучекъ), пишетъ она Гримму, „будетъ Екатерина: ея имя сдѣлаетъ то, что у ней будетъ больше причудъ, чѣмъ у сестеръ... Будь ихъ десять, я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой Дѣвы Маріи; тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей тальѣ и цвѣтѣ лица, ѣли бы за четверыхъ, съ осторожностью выбирали бы себѣ чтеніе и, наконецъ, достигли бы того,

---

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII.

[2]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 18.

[3]) Въ письмѣ къ г-жѣ Біелке отъ 30 апр. 1766 г. Екатерина, прося ее пріискать даму для фрейлинъ, говоритъ: „вы лучше чѣмъ кто-либо знаете, въ какомъ духѣ я была воспитана, и стало быть то, что мнѣ нужно". Сб. р. ист. общ. Т. X.

[4]) Марія Ѳедоровна.

[5]) Сб. р. ист. общ. XXIII, стр. 111. Письмо отъ 19 ноября 1778.

что вездѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, ихъ называли бы превосходными гражданками" [1]).

И дѣйствительно, съ такой ученицей какою была Екатерина, воспитаніе, данное ей дѣвицею Кардель, имѣло свои хорошія стороны, въ чемъ, быть можетъ, всего меньше была повинна сама воспитательница. „Учить нетрудно", писала Екатерина, „но надо, по моему, подождать чтобы голова и свойства головы ребенка развились прежде чѣмъ отуманивать ее всякимъ хламомъ прошедшихъ временъ. Да и изъ этого хлама надо выбирать то̀, что̀ слѣдуетъ ей предлагать; а чего нѣтъ въ природѣ, того не дастъ никакое ученіе. Между тѣмъ оно часто заглушаетъ природную остроту и нѣтъ ничего хуже какъ люди, по выраженію г-жи Жоффренъ, натертые умомъ и знаніемъ" [2]). Вотъ на такую систему и напала случайно, сама того вѣроятно не подозрѣвая, и не понимая съ какою ученицею имѣетъ дѣло, г-жа Кардель. Она называла умъ своей ученицы „неповоротливымъ", потому что та думала обо всемъ по своему. А что она думала, это видно изъ того, что во время урока пастора Вагнера Екатеринѣ, по ея разсказамъ, приходили въ голову такія мысли: „чтобы быть чѣмъ нибудь на этомъ свѣтѣ, надо имѣть для этого чего нибудь должныя качества; посмотримъ въ себя: есть ли они у насъ? а если нѣтъ, то образуемъ ихъ" [3]).

Уже одинъ этотъ примѣръ показываетъ какъ сильно у Екатерины было развито мышленіе, когда она была еще ребенкомъ. Рядомъ съ этимъ, обладаніе здравымъ смысломъ, о которомъ ей постоянно твердила Кардель, умѣнье владѣть собою, на что есть много указаній въ отрывочныхъ разсказахъ Екатерины о своемъ дѣтствѣ [4]), вмѣстѣ съ стремленіемъ отыскивать всюду „лучшее" (das Beste), которое ей Кардель и Вагнеръ, „люди XVII вѣка" постоянно проповѣдывали—вотъ плоды, какіе вынесла Екатерина

---

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 92. 1778. 8 іюня. Въ другомъ, болѣе раннемъ письмѣ (отъ 24 авг. 1777 г.) Екатерина говоритъ Гримму, что Эйлеръ предсказываетъ конецъ міра, ибо появятся двѣ кометы, которыя столкнутся съ Сатурномъ. „Великая княгиня", прибавляетъ Екатерина, „совѣтуетъ мнѣ ничему этому не вѣрить, ибо еще не исполнились пророчества Евангелія и Апокалипсиса и не объединились всѣ вѣрованія. Первому я отвѣчаю: „да благословитъ васъ Богъ", а другой: „поди спать". Стр. 62.

[2]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 147.

[3]) Тамъ же, стр. 12.

[4]) Въ письмѣ къ Гримму 16 октября 1779 г. она говоритъ: „я никогда не поддаюсь первымъ искушеніямъ, противъ которыхъ, думаю, дѣвица Кардель и пасторъ Вагнеръ такъ закалили меня, что только послѣдующія могутъ заставить меня уступить (Сб. р. и. о. Т. XXIII, стр. 162).

изъ своего воспитанія. „Къ несчастію“, пишетъ она Гримму [1]), „бездѣлушки не входили у насъ въ это „Beste“. Рафаэль и пр. были бы оставлены безъ вниманія, еслибы нашлось что-нибудь лучшее“. Такія привычки и вкусы навсегда запечатлѣлись въ умѣ и характерѣ Императрицы Екатерины. Поэзія и музыка никогда не давались ей, но „самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія“ [2]), т.-е. любовь къ чтенію и привычка размышлять по поводу того, что̀ ей давали книги [3]), замѣнили для нея правильное, систематическое образованіе и сдѣлали изъ нея высокообразованнаго человѣка, притомъ разносторонне-образованнаго, которому доступны были всѣ сферы человѣческаго знанія, начиная отъ философіи и кончая архитектурой.

Это „самостоятельное образованіе путемъ упражненія“ Екатерина и разумѣла, когда въ данномъ ею „Наставленіи великимъ княгинямъ россійскимъ“ (1773 г., § 11) предписывала имъ чтеніе книгъ, которое „образуетъ вкусъ, сердце, умъ“ [4]). Въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“ § 97 гласитъ: „на часъ увѣщевать человѣка языкомъ, на вѣкъ книгою“ [5]). Съ тѣмъ же намѣреніемъ, думаемъ мы, уставами различныхъ учебныхъ воспитательныхъ заведеній предписывалось: „внушать паче всего юношеству вкусъ къ чтенію книгъ“. Чтеніе должно было служить ключомъ къ образованію, которое однако само по себѣ не ставилось цѣлью предположенной Екатериною реформы воспитанія, а должно было служить лишь средствомъ къ достиженію другихъ, главныхъ ея цѣлей. Въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“ такъ опредѣлены самою Императрицею гражданскія обязанности человѣка [6]): „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностью всѣ гражданскія обязательства, домашнія: яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя: яко въ обществѣ живущій, и дружескія: яко другъ и яко добрый сосѣдъ“ (§ 88).

Научить этимъ обязанностямъ считалось возможнымъ путемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 212.

[2]) Слова Инструкціи Имп. Ек. князю Н. Салтыкову.

[3]) По поводу записокъ Блэкстона (проф. гражд. и полит. правъ въ Оксфордѣ) Екатерина пишетъ Гримму: „я неразлучна съ его комментаріями; это неисчерпаемый поставщикъ фактовъ и идей; я ни въ чемъ не слѣдую тому, что онъ говоритъ въ своей книгѣ, но по своему развертываю мой мотокъ нитокъ“. Сб. р. и. о. T. XXIII, стр. 52.

[4]) Сб. р. и. о. T. XIII, стр. 335.

[5]) Соч. Ек. II. T. I.

[6]) Тамъ же, стр. 176.

преподаванія извѣстнымъ способомъ закона Божія, законовъ гражданскихъ, правоученія. Образовать полезнаго и пріятнаго обществу члена думали сообщеніемъ ему техническихъ пріемовъ того или другого дѣла или свѣдѣній, также нѣкоторыхъ поверхностныхъ знаній. Но для достиженія послѣдней изъ главныхъ цѣлей Екатерины—сдѣлать людей счастливыми—существенное значеніе въ ея мысляхъ должно было имѣть привитіе имъ привычки и вкуса къ чтенію книгъ, т.-е. къ умственнымъ занятіямъ. Въ этомъ Екатерина могла руководствоваться собственнымъ опытомъ, а для Бецкаго—опять служить живымъ примѣромъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Циммерману Екатерина говоритъ: „родъ человѣческій вообще склоненъ къ неразумію и несправедливости, а съ этимъ нельзя быть счастливымъ. Еслибы онъ слушался разума и справедливости, то *въ насъ* не было бы нужды“ [1]). Такъ думала Екатерина уже въ старости, но ея взглядъ на счастье былъ одинъ и тотъ же втеченіе всей ея жизни. Она его полагала не въ матеріальныхъ или внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ довольствѣ человѣка, въ умѣньи стать выше обстоятельствъ жизни, найти въ себѣ опору противъ всевозможныхъ ея невзгодъ. Все это она вынесла изъ собственнаго опыта и притомъ въ ранней молодости. Скоро послѣ выхода замужъ (16-ти лѣтъ), увидѣвъ себя несчастною, Екатерина огорчилась и возмутилась этою мыслью; ея уязвленная гордость подсказала ей рѣшимость не давать воли своему горю и противодѣйствовать ему всѣми силами. Она сказала себѣ: „счастье и несчастье въ сердцѣ и душѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь себя несчастною, стань выше этого и сдѣлай такъ, чтобы твое счастье не зависѣло ни отъ какого внѣшняго обстоятельства“ [2]). Ей удалось этого достигнуть благодаря, въ значительной по крайней мѣрѣ степени, серьезному, „возвышающему душу“ чтенію. Къ этому средству она прибѣгла по совѣту шведскаго посланника, стараго знакомаго ея матери, графа Гилленбурга. По его указаніямъ она, до вступленія своего на престолъ, прочла „Жизнь знаменитыхъ людей, Плутарха“, „Жизнь Цицерона“, „Исторію и причины величія и упадка римской республики“, Монтескьё и много другихъ историческихъ и философскихъ книгъ [3]). Такимъ образомъ Екатерина съ полнымъ основаніемъ могла впослѣдствіи сказать, что у нея „были хорошіе учителя: несчастіе съ уединеніемъ“ [4]).

---

[1]) Соч. Имп. Ек. II. Т. III. Письмо къ Циммерману отъ 29-го ноября 1789 г.

[2]) Mémoires de Catherine II, p. 330.

[3]) Тамъ же, стр. 29.

[4]) Сб. р. и. о. Т. XXIII, стр. 77.

Въ это же время она, можетъ быть, познакомилась и съ Монтэнемъ [1]), который въ основу своей системы воспитанія кладетъ философію и исторію. Эти двѣ науки, по взгляду Монтэня, должны служить важнымъ воспитательнымъ средствомъ и способствовать развитію мышленія и сужденій. Поэтому подъ философіей онъ разумѣетъ не ту философію, которая служила бы источникомъ, откуда можно заимствовать и при случаѣ блеснуть знаніемъ того, „какъ думалъ Платонъ или что сказалъ Аристотель“ [2]), а какъ источникъ мыслей „великихъ умовъ лучшихъ вѣковъ“. Эти мысли должны служить матеріаломъ для собственныхъ размышленій и сужденій ученика, которому Монтэнь совѣтуетъ какъ можно скорѣе забыть даже, откуда у него развилось то или другое убѣжденіе: почерпнулъ ли онъ первоначальную мысль у Платона, Аристотеля или эпикурейцевъ [3]). Исторію онъ понималъ не какъ собраніе фактовъ и чиселъ, а какъ „общеніе съ людьми умершими, живущими лишь въ книгахъ“. Съ этой цѣлью и Монтэнь рекомендуетъ читать Плутарха и Цицерона.

Именно такъ и читала Екатерина; въ ея запискахъ и письмахъ никогда не видно признаковъ учености, но она была настоящимъ философомъ въ томъ смыслѣ, что философскія сочиненія, которыя она читала, были для нея, какъ говоритъ Монтэнь, „анатоміей философіи, при посредствѣ которой мы можемъ проникать въ глубочайшія части нашей природы“. Такая философія, которую онъ называетъ святою [4]), ибо она дѣлаетъ насъ мудрыми, научая насъ познавать себя, „хорошо жить и хорошо умереть“ [5]), сдѣлала и Екатерину мудрою. По крайней мѣрѣ половина этого девиза Монтэня была и ея девизомъ.

Тождество въ идеяхъ ея и Монтэня отражалось даже во внѣшности Екатерины. „Мудрость, какъ надлунный міръ“, говоритъ Монтэнь, „всегда ясна“... Душа, вмѣщающая ее въ себѣ, своимъ здоровьемъ должна оздоровить и тѣло... Ея покой и довольство должны сіять и отражаться во внѣшности, сообщать ей

---

[1]) Изъ двухъ томовъ [Essais *Монтэня*, вопросамъ воспитанія посвящены три главы: IX—Que philosopher c'est apprendre à mourir; XXIV—Du pédantisme; и XXV—De l'institution des enfants. T. I. Nouvelle édition avec des notes choisies dans tous les commentateurs et la traduction de toutes les citations que renferme le texte, par M. *J. V. Leclerc*. Paris. 1874.

[2]) Essais. T. I, p. 104.

[3]) Essais. T. I, p. 118.

[4]) Тамъ же, 50.

[5]) Тамъ же. 125.

граціозное достоинство, дѣятельную, живую, дышащую привѣтливостью осанку“ [1]).

Еслибы мы не знали, что Монтэнь писалъ свои Essais почти за полтораста лѣтъ до рожденія Екатерины, можно было бы подумать что онъ имѣлъ ее передъ собою, когда изображалъ вліяніе философіи на внѣшность проникнутаго ею человѣка. Нелѣпо было бы думать, конечно, что чтеніе и изученіе Монтэня само по себѣ наложило печать на внѣшній обликъ Императрицы; но что мысли Монтэня отвѣчали существу ея природы—это представляется несомнѣннымъ: онѣ навсегда запечатлѣлись въ ея душѣ, можетъ быть даже сложились у нея раньше еще чѣмъ она прочла ихъ формулированными Монтэнемъ.

Такая философія, усвоенная въ молодости, помогла ей узнать самое себя [2]), выработать въ себѣ характеръ, взглядъ на людей и жизнь, умѣнье овладѣть собою и разобраться въ очень трудныхъ обстоятельствахъ жизни, выйти изъ нихъ побѣдительницею. И впослѣдствіи, до самой смерти, Екатерина всегда искала въ самой себѣ и въ умственныхъ занятіяхъ спасенія отъ горя и всевозможныхъ непріятностей и всегда его находила въ нихъ [3]).

Въ этой независимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ она видѣла счастье, которое, казалось ей, въ рукахъ каждаго; только надо указать пути, какими оно достигается, а этотъ путь извѣстенъ ей былъ по опыту.

Если вспомнить, что новая система воспитанія въ Россіи вводилась исключительно по волѣ самой Императрицы и подъ непосредственнымъ ея руководствомъ; если взять также во вниманіе, что чтеніе книгъ въ умѣ Екатерины должно было служить ключомъ къ образованію и къ счастью, то станетъ понятнымъ важное значеніе, какое придавалось этому въ ученіи русскаго юношества. Подъ скромнымъ требованіемъ „паче же всего возбу-

---

[1]) T. I, p. 128.

[2]) Будучи еще 15-ти лѣтъ, Екатерина изобразила себя въ письмѣ къ гр. Гилленбургу такою, какою сама себя знала. Это описаніе озаглавленное ею тогда: Portrait d'un philosophe de quinze ans“ она перечитала когда ей было ужъ 29-ть лѣтъ и сама удивилась глубинѣ и вѣрности своихъ сужденій о себѣ (Mémoires, p. 29—30).

[3]) Прочитавъ книгу Циммермана „о уединеніи“ Екатерина писала ему: „Сначала я боялась раскрыть вашу книгу потому что судя по ея названію опасалась чтобы она не усилила во мнѣ ипохондрію къ которой я и безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность; но сія книга болѣе нежели что другое остановила и потомъ уменьшила дѣйствія оныя. Въ сей книгѣ есть сила и величіе, и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ“ (Соч. Имп. Ек. II. T. III. Письмо отъ 22-го февраля, 1785 г.).

ждать охоту къ чтенію“ подразумѣвалась такимъ образомъ весьма обширная программа.

Слѣды личности Императрицы должны были отразиться также въ нѣкоторыхъ особенностяхъ системы собственно воспитанія. Тепловъ, Бецкій и другіе, составлявшіе, по ея порученію, проекты новыхъ правилъ воспитанія, брали образцы, какъ извѣстно, съ запада. Тамъ принципы гуманности къ дѣтямъ, вниманіе къ ихъ природѣ, желаніе до крайнихъ предѣловъ облегчить имъ трудности ученія, и пр., хотя и были окончательно признаны всѣми, но дальше теоріи дѣло не пошло. На практикѣ не было и случаевъ примѣнить точныя и подробныя предписанія относительно внѣшнихъ даже формъ, въ которыхъ должны были проявляться новыя педагогическія начала.

Эти подробности впервые вырабатывались у насъ, но въ примѣненіи ихъ къ дѣлу, у насъ въ систему новаго воспитанія были включены нѣкоторыя особенныя требованія, ни откуда не заимствованныя, хотя и представляющія дальнѣйшее развитіе тѣхъ же западныхъ началъ. Такъ и въ „Генеральномъ Учрежденіи“ и во всѣхъ его примѣненіяхъ къ Уставамъ различныхъ заведеній безпрестанно повторяется требованіе не только чтобы у дѣтей былъ бодрый видъ, веселость, „вольныя дѣйствія души“, и пр., но воспитателямъ и воспитательницамъ вмѣняется даже въ обязанность, чтобы всѣ ихъ дѣйствія были не только „благоразумны и искусны“, но и соединены съ кротостью, а „паипаче съ непринужденною веселостью“. Для того, чтобы не привести дѣтей въ уныніе, приставленныя къ нимъ лица должны были даже „скрывать отъ нихъ свои огорченія“ [1]).

Это считалось очевидно весьма важной стороной воспитанія, ибо для предотвращенія унылаго и грустнаго вида у ребенка Бецкій даетъ самые разнообразные совѣты, и въ составленномъ имъ „Краткомъ наставленіи о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества“ [2]) есть особый отдѣлъ: „о темпераментѣ или свойствѣ человѣческомъ“. Тутъ родителямъ и воспитателямъ указываются способы, какъ по внѣшнему виду ребенка распознавать его наклонности, которыя должны вполнѣ обнаружиться къ 15-ти годамъ, и „свойства сложенія, которое будетъ владычествовать въ человѣкѣ“. Самымъ лучшимъ „сложеніемъ“ признается многокровный или сангвиникъ. Его „знаки“: „свѣжій и румяный цвѣтъ

---

[1]) Уставъ восп. двухсотъ бл. дѣв. Гл. I, разд. 5, § 9.

[2]) Краткое наставленіе выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества. С.-Петербургъ. 1768 г. (Учр. и Уставы. Т. II).

лица, непостояненъ, веселъ, малымъ доволенъ, непопечителенъ, любитъ смѣхъ, шутливъ безъ обиды другихъ, и пр. Флегматикъ: тихъ, нѣженъ, вида пріятнаго, не имѣетъ бѣглаго разума, лѣнивъ, тупъ и неспособенъ къ вымысламъ, но способенъ къ точному познанію наукъ; столь любопытнымъ бываетъ фисикомъ, что одно крыло бабочкино цѣлый день разсматривать въ состояніи; любитъ жалкую и унылую музыку, стихотворство пастушье, и пр. Вспыльчивый—имѣетъ взоръ быстрый, блестящій, чувствителенъ и скоръ къ гнѣву, разсуждаетъ немедлительно, твердо и основательно; мысли у него изобильныя, любитъ горячо и въ ненависти непримиримъ... Въ трудахъ, въ великихъ работахъ терпѣливъ и ревнителенъ, чрезвычайно любитъ хитрости и удивительно производитъ оныя; любовникъ страстный и замысловатый, другъ искренній и живой, любитъ упражняться въ наукахъ, и пр. (Такому дается совѣтъ воздерживаться отъ вина и крѣпкихъ напитковъ.) Подробнѣе всѣхъ описывается четвертый типъ—меланхолика или „Задумчиваго". Его знаки: „лицо худощавое, кожа присохлая къ костямъ и горячая, волосы черные и жесткіе, по большей части лицомъ не пригожъ, хотя и бываетъ хорошъ въ ребячествѣ; глаза малы и нѣсколько суровы, видъ угрюмый, мысли изобильныя, память твердая, разсужденіе скорое и острое, много разума, но часто употребляемъ бываетъ на осужденіе людскихъ недостатковъ; способенъ къ наукамъ самымъ высшимъ; любовникъ чувствительный, готовъ умертвить себя за невѣрную женщину; скука, уныніе, праздность и уединеніе суть лучшія его забавы; желанія превосходятъ силы". Противъ такого „сложенія" особенно предостерегаетъ „Краткое Наставленіе" и совѣтуетъ „всячески, но безъ принужденія и *не говоря о болѣзни*, развеселять и разбивать задумчивыя мысли юноши, удалять отъ людей печальныхъ, вывозить на увеселительныя позорища, а не на трагедію, всего же лучше быть ему въ путешествіяхъ".

Въ своихъ сочиненіяхъ, легкихъ и серьезныхъ, Екатерина, хотя большею частью въ отрицательной формѣ и не говоря прямо отъ себя, такъ много высказывалась, что всякому, знакомому съ ея трудами, легко догадаться, который изъ этихъ типовъ ей нравился, и какой, напротивъ, былъ ей непріятенъ. Въ „Краткомъ Наставленіи" типъ меланхолика признается даже ненормальнымъ; ему Бецкій приписываетъ тѣ черты, противъ которыхъ предостерегаетъ и въ своемъ докладѣ [1]). „Лѣность",

[1]) Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества. Съ прочими въ пользу Общества установленіями. 1789. Т. I. Предварительное объясненіе предметовъ Восп. Дома.

говоритъ онъ, „уныніе и грусть—предшественники дурныхъ нравовъ“. Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ мысли Монтэня: „сумрачный, печальный видъ у человѣка прямо свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ его душѣ философіи“ [1]).

Особо важное значеніе, которое въ новой системѣ воспитанія у насъ придавалось привитію дѣтямъ бодрости, веселости и пр., можно конечно объяснить тѣмъ, что сама Императрица была веселаго характера и любила веселіе. Но такое объясненіе было бы не полно. Екатерина была слишкомъ умна и справедлива, чтобы одобрять и предписывать другимъ все, что было въ ней самой или что ей нравилось. Музыка и поэзія [2]) были ей не по вкусу, она была къ нимъ неспособна; это не помѣшало однако включенію въ программы учебныхъ заведеній для благороднаго юношества обученія вокальной и инструментальной музыкѣ, также и стихотворству. Слѣдовательно тутъ, какъ во всемъ, что предпринимала Екатерина, надо искать болѣе серьезную причину.

Объясненіе этому дастъ сама Императрица въ своихъ письмахъ. „Надо быть веселою“,—говоритъ она г-жѣ Біельке [3]), — „только при этомъ условіи можно преодолѣть все. Говорю по опыту, ибо мнѣ пришлось преодолѣвать и переносить многое въ жизни. Я однако смѣялась когда могла“... Изъ этихъ словъ можно заключить, что бодрость и веселость, въ умѣ Екатерины, помимо другихъ своихъ хорошихъ сторонъ, представлялись ей и средствомъ облегчающимъ жизнь. Кромѣ того что веселіе она справедливо считала потребностью нашей природы [4]), веселость характера помогаетъ также сближенію людей между собою, а жизнь „въ обществѣ“ Екатерина считала не только средствомъ

[1]) Философію, такую какъ ее понималъ Монтэнь, онъ изображаетъ „веселою, ясною, говорящею о вѣчномъ праздникѣ и ясной свѣтлой погодѣ“; онъ считаетъ ее доступною даже дѣтямъ, „ибо“, говоритъ онъ, „у нея есть слова для человѣка при вступленіи его въ жизнь, точно также какъ и при концѣ ея“. Essais. T. I, pp. 127, 128, 130.

[2]) Изъ всѣхъ наукъ, которымъ Монтэнь полагалъ обучать юношу, предварительно развивъ въ немъ способность самостоятельнаго сужденія, онъ совершенно исключалъ изученіе лирической поэзіи, подтверждая свой взглядъ на нее словами Цицерона: „еслибъ мнѣ суждено было жить два вѣка, я и тогда не захотѣлъ бы изучать лирическихъ поэтовъ“. Essais. T. I, p. 130.

[3]) Сб. р. ист. общ. Т. X, стр. 102. Письмо отъ 26 августа 1766 года.

[4]) Въ томъ же письмѣ къ Біельке Екатерина говоритъ: „Божусь вамъ, что и теперь, при всѣхъ заботахъ моего званія, я охотно играю при всякомъ случаѣ по вечерамъ въ жмурки съ сыномъ, а очень часто и безъ него. Мы это оправдываемъ говоря, что такъ поступаемъ ради здоровья, но, по правдѣ, между нами, намъ просто хочется поребячиться“.

пріятно проводить время, но дѣломъ [1]). Самое широкое обращеніе съ людьми, жизнь въ свѣтѣ, въ обществѣ, путешествія горячо рекомендуетъ и Монтэнь, какъ средство „потереть и обточить нашъ мозгъ о мозги другихъ" [2]) и удивительно проясняющее нашъ взглядъ на самихъ себя. Къ тому же бодрый видъ у человѣка служилъ, по мнѣнію Екатерины, отраженіемъ его характера и внутренняго настроенія и содержанія [3]). Такой видъ производитъ и пріятное впечатлѣніе въ обществѣ, а эта сторона не была забыта въ системѣ воспитанія Екатерины и Бецкаго. Все, что̀ могло служить украшеніемъ обществу, было принято ими во вниманіе [4]).

Но заботы о внѣшности, въ смыслѣ излишнихъ заботъ о туалетѣ или прическѣ по модѣ, не стояли при этомъ у Екатерины на первомъ планѣ. Сама она и воспитаніемъ повидимому не была къ нимъ пріучена. Въ письмѣ къ г-жѣ Біельке Екатерина вспоминаетъ о графинѣ Вахтмейстеръ, которая, говоритъ она. „22 года тому назадъ бранила меня въ Гамбургѣ за то, что я не завивала волосъ" [5]). И хотя въ найденной между ея бумагами французской запискѣ о воспитаніи дѣтей, составленной Екатериною въ концѣ 1777 года, собственноручно и переписано ею наставленіе прусскаго короля о воспитаніи кронпринца, гдѣ приведены слова Фридриха Вильгельма I: „по старинному правилу тотъ дрянь человѣкъ, который неряшливъ и пренебрегаетъ своею наружностью" [6]), однако въ Уставъ Кадетскаго корпуса включено было запрещеніе кадетамъ „завиваніе, пудры, помады и всѣ не кстатѣ уборы" (Разс. объ устан. кад. корп., Заключеніе). Благородная же осанка, вѣжливость, привѣтливость, какъ внѣшніе знаки взаимнаго расположенія людей, имѣли въ глазахъ Екатерины значеніе.

[1]) Отвѣтъ Екатерины Фон-Визину на его вопросъ (12-й): „Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?" — Сіе не ясно, — отвѣчаетъ Екатерина, — стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего" (Соч. Ф.-Визина, ред. П. А. Ефремова, стр. 203).

[2]) Essais, T. I, p. 119.

[3]) Отвѣтъ Екатерины на 13-й вопросъ Ф.-Визина: „Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства?"—„Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка, и пр., то уже оказываютъ".

[4]) Монтэнь, не придавая большаго значенія знаніямъ, служащимъ лишь для „украшенія" человѣка, не отвергаетъ ихъ однако безусловно. Напримѣръ, умѣнье хорошо говорить онъ считаетъ желательнымъ для своего воспитанника; но думаетъ, что оно явится само собою у того, кто имѣетъ въ головѣ достаточный запасъ мыслей

[5]) Сб. р. ист. общ. Т. X, стр. 106. Письмо отъ 26 авг. 1766 года.

[6]) Сб. р. ист. общ. Т. XXVII, стр. 143.

Въ число предписываемыхъ ею въ этихъ видахъ мѣръ входили: опрятность и чистота [1]). „Благопристойность, учтивство и честь столь неразрывно сопряжены съ сею добродѣтелью (если можно такъ ее назвать), что отъ недостатка чистоты воспитаніе не можетъ быть въ совершенствѣ“ [2]). Той же цѣли должны были служить и танцы, обученіе которымъ и при Екатеринѣ признавалось нужнымъ всѣмъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, какъ благороднымъ, такъ и мѣщанскимъ дѣтямъ, за исключеніемъ лишь питомцевъ (обоего пола) воспитательнаго дома. Но и на танцы у Екатерины былъ свой взглядъ, отличавшійся отъ предшествовавшихъ ей.

Обученіе танцамъ, начавшееся у насъ при Петрѣ, продолжалось непрерывно и послѣ него. Необходимость такого обученія признавали даже академики, и въ числѣ нихъ Ломоносовъ, смотрѣвшій на танцы какъ на средство „пріучить къ общежитію“, къ „пристойному обхожденію“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія академикъ Фишеръ ставилъ поднятіе въ обществѣ уваженія къ ученымъ и даже къ наукѣ въ зависимость отъ обученія танцамъ студентовъ академической гимназіи. „И о самыхъ ученыхъ людяхъ“ — писалъ онъ въ рапортѣ о состояніи гимназіи — „худо говорятъ, что они не по модѣ поступаютъ и никогда хорошенько поклона отдать не умѣютъ, буде когда къ какому знатному господину, къ какой госпожѣ или въ какое честное собраніе придутъ. Оттого презираютъ сперва ученыхъ, а потомъ и самыя науки, понеже наукамъ въ порокъ ставятъ угрюмство и не модное обращеніе ученыхъ. Хотя бы другой причины къ принятію танцмейстера въ гимназію не было, кромѣ сей токмо, чтобъ онъ своихъ учениковъ училъ комплиментамъ, весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться, однако сего довольно, что танцмейстера должно принять и содержать“ [3]). Десятью годами позже Державинъ, описывая преподаваніе въ Казанской гимназіи (въ 1758 г.), говоритъ, что хотя питомцы выходили изъ гимназіи „въ наукахъ неискусными, но обученіе танцамъ, фехтованію, произношенію рѣчей въ торжественныхъ

---

[1]) У Монтэня есть также намекъ на необходимость опрятности и чистоты: „Карнеадъ“ — говоритъ онъ — „за занятіями забывалъ о своей бородѣ и ногтяхъ“. Essais. T. I, p. 131.

[2]) Краткое наставленіе. Глава: о чистотѣ. § 119.

[3]) *Сухомлиновъ.* Исторія россійской Академіи. Вып. 2-й, стр. 33 (Сб. отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. наукъ. Т. XIV).

собраніяхъ, доставило воспитанникамъ людскость и розвязь въ обращеніи" [1]).

Въ Инструкціи кн. Салтыкову, въ главѣ „касательно учтивости и того, что потому отъ дѣтей требуется", сказано: „учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, и пр.; доброй походкѣ и наружности ничѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцованіемъ". Но всякая искусственность: комплименты, присѣданія, и т. п., не облегчаютъ, а напротивъ, затрудняютъ сношенія между людьми. Танцы же, не усложняемые ничѣмъ другимъ, должны были способствовать естественности, ловкости въ движеніяхъ, а это дѣлало человѣка свободнымъ въ обществѣ и помогало сближенію людей между собой. „Благородная, а не принужденная учтивость" [2]) должна была воспитываться въ дѣтяхъ новой породы. Поэтому, хотя при Екатеринѣ танцы и включались въ программы всѣхъ почти новыхъ заведеній, но въ дополненіи къ 3-й части „Генеральнаго Плана", въ особой главѣ: „о надобности воспитанія сходственнаго съ заведеніемъ", высказывается порицаніе взгляду на танцы какъ на искусственное обученіе манерамъ.

Если прибавить ко всему сказанному заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, которое впервые при Екатеринѣ вводилось въ систему общаго воспитанія русскаго юношества и правила котораго были разработаны въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ Бецкимъ, то всякому будетъ ясно, что воспитаніе Екатерина понимала въ самомъ обширномъ смыслѣ. Образованіе, въ видѣ сообщенія дѣтямъ научныхъ свѣдѣній, было подчинено въ ея системѣ воспитанію; но оно входило въ него какъ неотъемлемая составная часть; а въ совокупности, то и другое имѣли предметомъ всего человѣка, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго.

Вся система Екатерины и Бецкаго была строго обдумана. Они раздѣляли воззрѣнія Фенелона и Локка, и думали что человѣкъ рождается ни дурнымъ, ни хорошимъ, и что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ него все [3]). Поэтому въ основу ихъ системы были положены самые гуманные принципы, которые должны были прививаться дѣтямъ примѣрами окружающихъ ихъ лицъ, любовью

[1]) Соч. *Державина*. Т. VI. Записки, стр. 420.

[2]) Уставъ восп. двухсотъ благ. дѣвицъ. Разд. 6, § 3.

[3]) „Нѣтъ врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ,—говоритъ Бецкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ,—но дурные примѣры ихъ внушаютъ" (Собр. учр. и предпис. касательно восп. въ Россіи обоего пола юношества. Т. I).

и лаской, а не розгами и побоями [1]). Императрица понимала, что успѣхъ такой системы всецѣло зависитъ отъ лицъ, которымъ придется примѣнять ее на дѣлѣ, и зная умственное и нравственное состояніе семейной и общественной среды своего времени, не рѣшилась положиться въ этомъ на семью, вредное вліяніе которой должно было сразу парализовать ея благія намѣренія. Она взяла все дѣло въ свои руки, предоставивъ себѣ приставить къ нему избранныхъ ею самою лицъ, а отъ семьи потребовала даже совершеннаго отреченія отъ дѣтей на все время, пока они будутъ воспитываться. Екатерина и Бецкій думали, что отторгая на время дѣтей отъ родной семьи и возвращая ихъ ей, а также и всему обществу, лучшими нежели они были, именно черезъ этихъ усовершенствованныхъ воспитаніемъ его членовъ, плоды полученнаго ими воспитанія распространятся на все общество и улучшатъ его.

Поставивъ общею цѣлью своихъ реформъ гражданское благоденствіе своихъ подданныхъ, путемъ воспитанія сдѣлавъ каждаго изъ нихъ хорошимъ человѣкомъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ членомъ общества, и кромѣ того способнымъ быть счастливымъ, Екатерина въ частностяхъ допускала различіе въ образованіи, смотря по полу и званію тѣхъ, кому оно дается. Но отличая образованіе мужское отъ женскаго, она признавала одинаковую важность обоихъ для общаго благоденствія и въ смыслѣ всесторонняго развитія человѣческой личности. Въ этомъ она существенно расходилась съ Монтэнемъ, сходство взглядовъ съ которымъ простиралось у нея до того, что до сихъ поръ, рядомъ съ тѣмъ или другимъ, ея или Бецкаго, взглядомъ, можно было почти постоянно указывать на соотвѣтствующій ему взглядъ Монтэня, и такую параллель можно было бы провести гораздо полнѣе, чѣмъ это требовалось для нашей цѣли. Но подойдя непосредственно къ вопросу о женскомъ образованіи, возможность такой параллели прекращается. Въ трехъ главахъ своихъ Essais, посвященныхъ воспитанію, Монтэнь только одинъ разъ упоминаетъ о женщинахъ и то для того, чтобы согласиться съ мнѣніемъ герцога Бретанскаго, что „женщина достаточно учена, если умѣетъ отличить рубашку отъ фуфайки своего мужа“ [1]).

---

[1]) „Я нарисовалъ бы въ школѣ“—говоритъ Монтэнь—„Радость, Веселіе, Флору, Грацій“. Essais. T. I, p. 132.

[2]) T. I, p. 108. „Comme on lui parla de son mariage avec Isabeau, fille d'Ecosse, et qu'on luy adjousta qu'elle avait esté nourrie simplement et sans aulcune instruction de lettres, respondit: „qu'il l'en aymait mieulx, et qu'une femme estait asse

Если судить по оффиціальнымъ источникамъ о мотивахъ, побуждавшихъ Екатерину въ частности, независимо отъ общаго, изложеннаго въ „Генер. Учрежденіи" ея плана, образовывать женщинъ, то въ конфирмованномъ Императрицею 22 марта 1764 г., докладѣ графовъ Н. И. и П. И. Паниныхъ: „О планѣ роздачи въ Новороссійской губерніи казенныхъ земель къ ихъ заселенію", въ главѣ VIII: „о школахъ" (§ 2), говорится объ учрежденіи для дѣвочекъ „такого же какъ для мальчиковъ воспитательнаго дома". „Изъ сего послѣдуетъ", сказано въ докладѣ, „немалое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобы женщины съ младенчества обучались и привыкали къ домостроительству и всякой приличной работѣ" [1]). Въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго Дома (ч. 3), въ особой главѣ (VI): „*Надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано?*" послѣ утвердительнаго отвѣта на поставленный вопросъ слѣдуетъ: „Мы всѣмъ одолжены женщинамъ. Но мы, мужчины, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ полу, которому за все одолжены... за первое предводительство оказанное намъ какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся"... Кромѣ этого мотива, въ той же главѣ приводится и другой, относящійся спеціально къ питомцамъ и питомицамъ Воспитательнаго Дома, а именно вредъ, который произойдетъ для дворянскихъ дѣтей отъ сообщества съ крѣпостными. „Тотъ самой крѣпостной, котораго ты" — обращается авторъ Плана къ дворянину — „столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну... Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперстникъ или наперстница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей... Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣд-

sçavante quand elle sçavait mettre différence entre la chemise et le pourpoint de son mary".

[1]) П. С. З. Т. XVI, ст. 12099: „брать всѣхъ малолѣтнихъ, обучать грамотѣ, читать, писать, ариометикѣ, закону; а способныхъ или желающихъ иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; неимущихъ и сиротъ на казенномъ коштѣ; достаточнымъ же за содержаніе въ казну платить, а за науку ни съ кого ничего не требовать. Для женскаго пола такой же воспитательный домъ учредить".

ствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ *рабами*". „Понявъ это", продолжаетъ авторъ Плана, „не сыщется еще такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго, и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями для гражданской жизни полезными. Будучи матерями, лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей; будучи въ супружествѣ, прилежнѣе исполнятъ свою должность; будучи кормилицами или няньками, не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено". Еслибы воспитанницы Воспитательнаго Дома предназначались быть крестьянками, то не слѣдовало бы, по мнѣнію автора Плана, и упоминать объ ихъ обученіи. Но онѣ „назначены учиться кромѣ предметовъ, указанныхъ въ первой части Генер. Плана, еще искусствамъ жизни человѣческой и гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечества и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а наипаче ихъ полу принадлежащія части домостроительства, разумѣть подробности онаго, знать какъ въ казначействѣ поступать и проч.".

Вотъ какія разнообразныя и важныя цѣли ставились образованію женщинъ „третьяго чина", задуманнаго къ учрежденію впервые въ Россіи Екатериною. Что касается образованія благородныхъ дѣвицъ, то разсматривавшіе, по повелѣнію Императрицы, составленный Бецкимъ проектъ Устава „воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ" „всеподданнѣйшіе рабы: кн. Як. Шаховской, Н. Панинъ, Гр. Э. Минихъ, кн. С. Гагаринъ, Гр. Г. Орловъ и кн. А. Голицынъ, признали въ немъ „истинную государственную пользу соединенную съ христіанскимъ человѣколюбіемъ", и благодарили Императрицу „за особливое призрѣніе столь важной части всего общества" [1]).

Собственно въ Уставѣ главными цѣлями женскаго воспитанія и образованія, какъ это несомнѣнно изъ него явствуетъ, поставляются тѣ же, какія имѣла Екатерина при воспитаніи и образованіи всего юношества. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія

---

[1]) Учр. и Уставы. Т. II. Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ учрежденнаго въ Санктпетербургѣ 1764 г.

Уставъ представляется совсѣмъ не случайнымъ подборомъ правилъ и учебныхъ предметовъ, какимъ онъ кажется при первомъ поверхностномъ на него взглядѣ и особенно съ нашей нынѣшней точки зрѣнія. Напротивъ, вся программа ученія Воспитательнаго Общества была приноровлена къ различнымъ, указаннымъ уже нами, цѣлямъ, общимъ для всего юношества. Личные взгляды и желанія Екатерины могли быть проведены ею даже полнѣе и ярче въ женскомъ воспитаніи, ибо въ мужскомъ надо было имѣть въ виду требованія и нужды государственной службы: кадетъ надо было воспитывать не только хорошими гражданами, но и хорошими солдатами, а воспитанниковъ Академіи художествъ—художниками. Женщины не имѣли никакого спеціальнаго назначенія въ жизни и все воспитаніе ихъ могло быть направлено къ тому, чтобы изъ воспитанницъ вышли хорошіе люди, которые „по состоянію" были бы полезными себѣ и обществу, служили бы ему украшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы впослѣдствіи быть счастливыми—все это разумѣя въ томъ смыслѣ, какъ понимала Екатерина.

Для того чтобы сдѣлать изъ воспитанницъ хорошихъ людей въ Уставѣ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, кромѣ примѣровъ, которые во всѣ 12 лѣтъ своего пребыванія въ Воспитательномъ Обществѣ онѣ должны были видѣть вокругъ себя, предназначалось „яко первое всему основаніе" наставленіе въ законѣ Божіемъ. Уставъ такъ строго относится къ религіозному воспитанію дѣвицъ, что при всей гуманности его правилъ „за малѣйшее во время молитвы или службы Божіей преступленіе" предписываетъ „строго поступать по возвращеніи въ покои, въ присутствіи всего того класса или при собраніи воспитываемаго общества, дабы стыдъ одной служилъ навсегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ" (гл. 2, § 4). Сюда же относятся и свѣтскія добродѣтели, которыя должны были воспитываться въ дѣвицахъ: „повиновеніе начальствующимъ, взаимная учтивость, кротость, воздержаніе, равенственное въ благонравіи поведеніе, чистое, къ добру склонное и праводушное сердце, а напослѣдокъ благороднымъ особамъ приличная склонность и великодушіе, однимъ словомъ удаленіе отъ всего того, что̀ гордостью и самолюбіемъ назваться можетъ" (гл. 2, § 2).

Чтобы воспитанницы Смольнаго могли быть впослѣдствіи полезными себѣ и обществу, онѣ, начиная съ 4-го, т.-е. старшаго, возраста, должны были поочередно, по двѣ каждый день, обучать въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ; это предписывалось какъ для того, чтобы „возбудить въ дѣвицахъ

прочихъ трехъ классовъ похвальную ревность", такъ и для заблаговременнаго навыка, „какъ имъ будучи матерями обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найти себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось" (гл. 2, § 8). Кромѣ того онѣ должны были пріучаться къ „содержанію въ добромъ порядкѣ домашней экономіи" (гл. 1, разд. 6, § 6) и для этого обучаться ариѳметикѣ. Занятія хозяйствомъ предполагались Уставомъ не для формы только, а серьезно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ его повторяется о необходимости, чтобы воспитанницы по дежурству назначались въ „поварни", а въ 4-мъ возрастѣ онѣ должны были „вести записку расходамъ, какіе бы ни были, донося объ оныхъ г-жѣ начальницѣ; договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать разсчетъ и при себѣ платежъ производить; опредѣлять цѣну всякому товару по качеству онаго; а наипаче смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенной порядокъ и чистота" (гл. 2, § 8). Точно также и рукодѣліямъ онѣ должны были обучаться такъ, чтобы съ 3-го возраста могли сами шить себѣ платья, также носить собственной работы чулки и „прочей уборъ" (гл. 2, § 7).

Стихотворство, геральдика (оба эти предмета преподавались и въ университетѣ), архитектура, музыка, пѣніе, рисованіе, искусство представлять „нѣкоторыя драматическія сочиненія", должны были способствовать тому, чтобы сдѣлать воспитанницъ пріятными членами общества, котораго онѣ служили бы украшеніемъ.

Такъ какъ воспитанницы Смольнаго монастыря, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, предназначались для жизни въ свѣтскомъ обществѣ, то на нихъ свѣтское воспитаніе обращено большое вниманіе въ Уставѣ. Прежде всего Уставъ настоятельно требуетъ отъ воспитательницъ привитія дѣвицамъ двухъ качествъ, отсутствіемъ которыхъ страдало тогдашнее русское общество: опрятности и учтивости. Объ учтивости „благородной, а не принужденной", и притомъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними „какого бы званія кто ни былъ" (гл. 2, § 10), безпрестанно напоминаетъ Уставъ. Рядомъ съ этимъ стоитъ пріученіе воспитанницъ къ „пристойной и благородной скромности въ поведеніи, осанкахъ пріятныхъ, разговорахъ вѣжливыхъ и разумныхъ, въ ласковыхъ поступкахъ". Для этого учительницамъ, въ числѣ другихъ мѣръ, предписывается, какъ только воспитанницы начнутъ понимать и говорить на иностранныхъ языкахъ, по окончаніи классовъ, вступать съ ними въ разговоры, позволяя каждой высказывать и объяснять свои мысли „съ пристойною вольностью",

поощрять чтобы и между собою онѣ разговаривали, причемъ должно было поощряться въ нихъ и остроуміе, ибо „изрядно и къ статѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію“ (Гл. 2, § 14).

Собственный взглядъ Екатерины на свѣтское обхожденіе выраженъ въ „Инструкціи князю Салтыкову“. „Знать обращеніе въ свѣтѣ“ —говоритъ она— „и обхожденіе сходственное рожденію Ихъ Высочествъ и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ“... „Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ есть тотъ, чтобы знать свѣтъ“ [1]). Послѣдняго знанія, понятно, никакими способами нельзя было сообщить 16-ти-лѣтнимъ дѣвицамъ еслибы даже онѣ воспитывались и не въ закрытомъ заведеніи; но такъ какъ свѣтское ихъ воспитаніе должно было окончиться раньше чѣмъ онѣ вступятъ въ свѣтъ, то въ стѣнахъ заведенія старались практически приготовить воспитанницъ къ ожидавшей ихъ въ обществѣ роли. Съ этою цѣлью Уставомъ предписывались въ Воспитательномъ Обществѣ [2]) (также и въ кадетскомъ корпусѣ), по праздникамъ и воскреснымъ днямъ собранія для „пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей“. Одно собраніе назначалось для концерта, даваемаго воспитанницами; другое для спектакля „драматической или пасторальной игры“, ими же исполняемой, и третье для обыкновенныхъ собраній. На всѣхъ этихъ собраніяхъ воспитанницы двухъ старшихъ возрастовъ должны были играть роль хозяекъ, „быть украшеніемъ и пріятностью оныхъ, дабы“, какъ сказано въ Уставѣ, „чрезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особливо приличествуетъ, то-есть, не имѣть застенчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться“ (§ 11).

Нравственное, свѣтское, а также физическое воспитаніе дѣвицъ должно было завершаться до выхода ихъ изъ Смольнаго монастыря. Все что касается физическаго воспитанія обдумано и изложено въ Уставѣ съ большими подробностями. „Всякая излишняя нѣга вовсе изгнана быть долженствуетъ“ —говорится въ § 18. Пища предписывается здоровая и обильная; платье, для 1-го возраста цвѣта кофейнаго, 2-го—голубаго, 3-го—сѣраго и 4-го—бѣлаго, въ обыкновенные дни полагалось камлотное, а для воскресеній и праздниковъ шелковое. Воспитанницы должны были гу-

---

[1]) Инструкція. Литера Е. Наставленіе касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

[2]) Гл. 2, § 11.

лять въ хорошую погоду въ садахъ, а въ дурную—въ особо для того устроенныхъ мѣстахъ (Гл. 2 § 21). Въ спальняхъ долженъ былъ провѣтриваться воздухъ; топить печи предписывалось „съ умѣренностью и по термометру“ (§ 28). Время сна было опредѣлено смотря по возрасту дѣтей; пользованіе банями признано нужнымъ, а надлежащее ихъ употребленіе должно было зависѣть отъ указаній доктора. Всякія игры „по склонностямъ и времени“ также признавались очень важными для дѣвицъ; вообще Уставъ предписываетъ „паче всего стараться все Общество содержать въ забавахъ“ (§ 24). Въ случаѣ болѣзни, воспитанницы должны были помѣщаться въ особо устроенномъ мѣстѣ „близъ сада или имѣющемъ положеніе къ какому-либо другому увеселительному виду“ (§ 33).

Въ образованіи, какое полагалось Уставомъ для воспитанницъ Смольнаго монастыря, замѣтны двѣ цѣли: одна внѣшняя, которая должна была достигаться обученіемъ воспитанницъ иностраннымъ языкамъ такъ, чтобы онѣ умѣли не только хорошо читать и писать на нихъ, но и говорить. Отчасти ради этой внѣшней цѣли предписывалось учительницамъ заставлять дѣвицъ съ первыхъ же лѣтъ заучивать наизустъ „краткія исторіи и нравоучительныя рѣчи искусныхъ мужей, дабы время отъ времени пріятнымъ обхожденіемъ пріобрѣтая бо̀льшее познаніе, въ состояніи были уподобляться или равняться съ тѣми, кои бо̀льшее уже знаніе въ чемъ-либо имѣютъ“ (Гл. 1 Разд. 6. § 12). Это же должно было служить отчасти и для внутренней цѣли ученія, т.-е. давать воспитанницамъ матеріалъ для развитія самостоятельнаго мышленія и быть орудіемъ для расширенія дальнѣйшихъ ихъ познаній.

Такимъ знаніямъ только полагалось основаніе въ стѣнахъ заведенія.

Взглядъ самой Императрицы на знанія вообще—выраженъ ею въ „Инструкціи князю Салтыкову“ (Литера Е.). „Языки и знанія“—говоритъ она—„суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ... Исторію россійскую имъ знать нужно... Познаніе человѣка еще нужнѣе“... Но далѣе, какъ заключеніе, въ „Инструкціи“ сказано: „не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить его“. Вотъ внушеніе этой любви и охоты къ пріобрѣтенію знаній и имѣлось въ виду при обученіи „словеснымъ наукамъ, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ“, которое, по программѣ Устава, должно было начинаться съ третьяго возраста (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ).

Если вспомнить значеніе, какое придавала Екатерина чтенію

книгъ, то подъ этимъ слѣдуетъ понимать подготовленіе воспитанницъ Смольнаго монастыря къ самому широкому образованію, безъ ограниченія его какими-либо предѣлами „женскаго“ ума или „женскихъ“ силъ и способностей.

Въ тоже время этимъ удовлетворялась и другая желанная цѣль Екатерины—сдѣлать людей, а въ данномъ случаѣ воспитанницъ Смольнаго, счастливыми; ибо получивъ въ своемъ первомъ образованіи орудіе къ дальнѣйшему просвѣщенію своего разума, онѣ въ этомъ, согласно убѣжденію Екатерины, могли впослѣдствіи обрѣсть способъ быть счастливыми.

Подтвержденіемъ того, что полагаемое Уставомъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ образованіе имѣло характеръ именно подготовительнаго, въ смыслѣ развитія въ воспитанницахъ способности къ воспріятію впослѣдствіи знаній, и что программа ихъ образованія не исчерпывалась тѣми предметами, которые предписывались Уставомъ, служитъ § 10 этого Устава (Гл. 2); въ немъ сказано, что въ четвертомъ, послѣднемъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ), воспитанницы „въ разсужденіи мыслей, честнаго поведенія и благонравія почти все то уже пріобрѣли, что отъ добраго воспитанія зависитъ... благоразумными же въ семъ возрастѣ размышленіями, воспитаніемъ подкрѣпляемыми, получаютъ себѣ для переду *какъ въ наукахъ*, такъ и въ честномъ обхожденіи руководства“.

Въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, также какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, въ послѣднемъ возрастѣ только повторялись предметы, пройденные въ предшествовавшихъ, предписывается и кадетамъ „зрѣло разсуждать какое для себя избрать состояніе въ обществѣ, на великомъ театрѣ свѣта“. (Уст. Кад. корп. X, п. 4). Но въ корпусѣ совершенно заканчивалось образованіе кадетъ и въ послѣдніе три года наставникамъ предписывалось внушать имъ, чтобы „просвѣщаясь наиболѣе собственнымъ разсудкомъ“, кадеты старались при выпускѣ получить „честь и славу“, и выдти съ такими свидѣтельствами отъ Совѣта, „съ которыми бы можно было благонадежно показать себя свѣту“.

Это различіе въ конечной цѣли образованія мужскаго и женскаго „благороднаго“ юношества обусловливалось различіемъ предстоящей имъ сферы дѣятельности по выходѣ изъ учебнаго заведенія. Но оно служитъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Екатерина хотѣла давать женщинамъ не только воспитаніе, но и образованіе, и притомъ общее, а не пріуроченное къ какимъ-нибудь спеціальнымъ „женскимъ“ цѣлямъ.

Ея идеалъ человѣка вообще — извѣстенъ. Что касается соб-

ственно женскаго, если можно такъ выразиться, ея идеала, то въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г-жѣ Біельке (19-го ноября 1765 г.) она высказываетъ какія качества могли ей нравиться въ женщинѣ. „Главное,—пишетъ Екатерина Біельке, которую проситъ пріискать воспитательницу для своихъ фрейлинъ,—чтобы она была добронравна, и отнюдь не сплетница; была бы чувствительна и сообщала это окружающимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тиха, умна, благоразумна, образована, любила бы чтеніе, пріятна“ [1]. Такихъ женщинъ вокругъ Екатерины тогда не было; она сама называетъ ихъ „чудомъ“ и признается Біельке, что во всемъ свѣтѣ есть только двѣ женщины, съ которыми она можетъ говорить полчаса сряду [2]. Одною изъ этихъ двухъ женщинъ была княгиня Дашкова, которая въ своихъ запискахъ подтверждаетъ, что въ ту эпоху, когда она подружилась съ Екатериной, навѣрное можно сказать, во всей Россіи нельзя было найти и двухъ женщинъ, которыя, подобно ей и Екатеринѣ, серьезно занимались бы чтеніемъ. Къ этому Дашкова прибавляетъ: „отсюда, между прочимъ, и возродилась наша взаимная привязанность“ [3].

Изъ того, что Екатерина сблизилась съ Дашковой, тогда еще 15-ти-лѣтней женщиной потому, что она была образована и интересовалась умственными вопросами, позволительно вывести заключеніе, что Екатерина высоко цѣнила въ женщинѣ образованіе. Поэтому основывая первое женское учебное заведеніе въ Россіи, она, надо думать, отводила въ немъ широкое мѣсто образованію, хотя пока воспитанницы Смольнаго монастыря оставались въ стѣнахъ заведенія, главное вниманіе, согласно господствовавшимъ тогда воззрѣніямъ, должно было обращаться на ихъ воспитаніе, безъ котораго образованіе, и въ глазахъ Екатерины, не имѣло цѣны.

Благодаря тому, что при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины русское общество, въ отношеніи къ женскому воспитанію и образованію, представляло почти непочатую почву, Императрицѣ, создававшей по одной своей волѣ новое, небывалое еще даже въ Европѣ, учрежденіе, не пришлось ничего ни реформировать, ни ломать, такъ какъ собственно говоря ничего для воспитанія и образованія женщинъ у насъ до нея не существовало, а то незначительное, что было, не возбуждало въ обществѣ ни вниманія, ни критики. Стало быть и бороться было не съ чѣмъ. Въ этомъ Императрица Екатерина была счастливѣе своего вели-

[1]) Сб. р. и. о. Т. X, стр. 47.

[2]) Сб. р. ист. об. Т. X, стр. 105. Письмо 26-го авг. 1766 г.

[3]) Записки княгини Дашковой, стр. 13.

каго предшественника Петра. Большимъ благомъ для русскихъ женщинъ было то, что лицо, по мановенію руки котораго онѣ, безъ всякихъ съ своей стороны усилій, даже безъ желаній, ибо и думать ни о чемъ подобномъ имъ до тѣхъ поръ не приходилось, получили благо, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тщетно добивались западныя женщины и ихъ сторонники; что лицо это, говоримъ мы, олицетворявшее собою тогда все государство, было просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи; что это была женщина, и женщина геніальная, глубоко проникнутая идеями, если можно такъ выразиться носившимися тогда въ воздухѣ на западѣ, понимавшая важную роль женщинъ въ дѣлѣ осуществленія этихъ идей въ жизни. Благодаря Екатеринѣ мы воспользовались плодами движенія, въ которомъ сами не принимали никакого участія и о которомъ даже не подозрѣвали.

У насъ и теперь остается принятымъ мнѣніе, что Смольный монастырь или, какъ онъ былъ названъ при основаніи, „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ", былъ не болѣе какъ копіей Сен-Сира. Но такое мнѣніе ошибочно. Кромѣ различія въ цѣли основанія обоихъ женскихъ учебныхъ заведеній, между ними и въ другихъ отношеніяхъ съ самаго начала была большая разница. Взявъ за образецъ для Воспитательнаго Общества внѣшнюю организацію Сен-Сира, Екатерина создала, какъ Вольтеръ называлъ Воспитательное Общество, „plus que St.-Cyr" [1]). Нѣкоторое же сходство, замѣчаемое въ правилахъ Устава Воспитательнаго Общества съ правилами, которыя г-жа Мэнтенонъ сама лично примѣняла къ воспитанію въ Сен-Сирѣ, объясняется не подражаніемъ со стороны Екатерины, а скорѣе нѣкоторымъ сходствомъ въ ея идеяхъ съ идеями г-жи Мэнтенонъ, почерпнутыхъ обѣими изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Точно также и различіе между Воспитательнымъ Обществомъ и Сен-Сиромъ обусловливалось отчасти болѣе нежели полувѣковымъ разстояніемъ во времени основанія обоихъ, а главнымъ образомъ различіемъ въ характерѣ, взглядахъ и вкусахъ Императрицы Екатерины и г-жи Мэнтенонъ. Обѣ наложили печать своей сильной личности на основанные ими Институты. Только, благодаря непосредственному, личному вліянію г-жи Мэнтенонъ на воспитаніе въ Сен-Сирѣ, ей онъ былъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ былъ при ея жизни, и примѣняя сюда извѣстное изреченіе Людовика XIV: „государство— это я", можно сказать о Сен-Сирѣ: „Сен-Сиръ—это г-жа Мэн-

---

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. 1821. T. XLII. Correspondance avec les souverains. Письмо Вольтера Екатеринѣ отъ 12-го декабря 1772 г.

теновъ". Тоже можно было бы сказать объ Императрицѣ Екатеринѣ по отношенію къ Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ, еслибы она могла лично направлять воспитаніе въ немъ сообразно съ духомъ намѣреній, изложенныхъ въ его Уставѣ. Но это было невозможно ужъ по самому положенію Екатерины какъ Императрицы, и можетъ быть отчасти вслѣдствіе этого, не говоря о многихъ другихъ причинахъ, благія ея намѣренія на практикѣ не получили должнаго осуществленія.

Но это не умаляетъ значенія дѣла Императрицы, и какъ бы ни казались намъ теперь мелочны, несущественны, неправильны и подчасъ даже смѣшны нѣкоторыя стороны того, что при Екатеринѣ входило въ понятіе о добромъ „совершенномъ" воспитаніи дѣвушки, но читая Уставъ, правила котораго положены Императрицею въ основу женскаго общественнаго воспитанія и образованія, нельзя не проникнуться глубокимъ благоговѣніемъ къ великой его основательницѣ и ея исполнителю, Бецкому. Весь Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ дышетъ такою гуманностью, сердечною любовью къ дѣтямъ, уваженіемъ къ ихъ природѣ, боязнью въ чемъ-нибудь помѣшать правильному и свободному ея развитію, что передъ этимъ всѣ заблужденія и ошибки, обусловленныя иными временами и иными взглядами на воспитаніе, исчезаютъ безслѣдно. Еслибы даже теперь, когда, сравнительно съ временемъ Екатерины и Бецкаго, мы такъ далеко ушли въ педагогикѣ, нашлись такіе исполнители духа Устава, какихъ Екатерина и Бецкій думали создать путемъ особо составленныхъ Наставленій и Инструкцій, то идеалы Екатерины и Бецкаго, ихъ педагогическіе пріемы и принципы не потеряли бы и для насъ своей цѣны. Но и теперь, какъ сто двадцать пять лѣтъ назадъ, воспитатели, даже самые лучшіе изъ нихъ, все-таки остаются людьми, а Уставъ Бецкаго, для полнаго своего осуществленія, требовалъ ангеловъ.

Впрочемъ и самъ Бецкій не былъ вполнѣ увѣренъ, что найдутся удовлетворяющіе новымъ требованіямъ, т.-е. способные не только преподавать научные предметы, но и наставлять дѣтей собственнымъ примѣромъ, разговорами и пр., воспитатели и учители. „Есть ли"—говоритъ онъ въ „Разсужденіяхъ объ установленіи Кадетскаго корпуса"—„найдутся подобные учители, то объ успѣхахъ и о благосостояніи онаго сомнѣваться не можно; буде же по несчастію такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ" [1]).

[1]) Учрежд. и Уставы. Т. II. Уставъ Шл. Сух. к. корп. Ч. 1, стр. 119.

Такихъ людей не нашлось, а при самомъ введеніи новой системы воспитанія, пришлось выбирать и для Воспитательнаго Общества наставницъ изъ тѣхъ, которыя были на лицо, или искать ихъ на западѣ, между наставницами Сен-Сира, какъ это и предполагала, еще будучи великою княгинею, Екатерина.

Но, какъ уже было нами сказано, ни къ одной изъ наставницъ, даже еще при жизни г-жи Мэнтенонъ, не перешли тѣ качества, которыми она отличалась, и благодаря которымъ только и могло успѣвать подобное Сен-Сиру учебное заведеніе. Тѣмъ труднѣе было найти такихъ наставницъ 45 лѣтъ спустя послѣ смерти его основательницы, когда выросло новое поколѣніе, не имѣвшее даже передъ собою живого источника, изъ котораго можно было черпать то, что требовалось для успѣшнаго веденія дѣла.

У насъ же, несмотря на изданный Императрицею Елизаветою въ 1755 году указъ, запрещавшій обучать и воспитывать русскихъ дѣтей иностранцамъ предварительно не выдержавшимъ экзамена въ Академіи Наукъ и не представившимъ свидѣтельства о своей личности, и въ 1757 году были такіе наставники и наставницы. Составъ ихъ даже въ столицѣ былъ таковъ, что французскій посланникъ, только что тогда пріѣхавшій въ Россію, счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе русскаго правительства. По словамъ секретаря французскаго посольства, Ла-Мессельера, большинство цѣлыми массами являвшихся въ посольство французовъ и французенокъ, взявшихся въ Россіи за воспитаніе юношества, были „бѣжавшіе изъ Франціи и скрывавшіеся отъ полиціи дезертиры, банкроты, развратники обоего пола“, вообще, какъ выразился Ла-Мессельеръ, „пѣна Франціи“ [1]). Эта „пѣна“ продолжала свое учительское ремесло и при Екатеринѣ. Ив. Ив. Шуваловъ, основатель Московскаго университета, разсказывалъ, что онъ выписалъ для Кадетскаго корпуса восемь французовъ-лакеевъ и всѣ они разошлись учителями по домамъ [2]). Можно себѣ представить какъ трудно было выбрать изъ подобныхъ людей хорошихъ наставниковъ, а въ особенности, хорошихъ наставницъ для вновь учреждавшагося Воспитательнаго Общества.

Какъ бы то ни было, но уже самое учрежденіе такого учебнаго заведенія, какъ Воспитательное Общество, было для женскаго образованія и воспитанія шагомъ огромной важности. Учрежде-

---

[1]) Записки Ла-Мессельера о пребываніи въ Россіи съ мая 1757 г. по мартъ 1759 г. (Р. Архивъ. 1874. Тетр. 4-я, стр. 973).

[2]) *Тимковскій.* Мое опредѣленіе въ службу.

ніемъ этого Общества женское образованіе впервые, со времени существованія русскаго государства, узаконялось, и признанное важною отраслью государственнаго благосостоянія, поставленное подъ непосредственное покровительство Императрицы, снабженное средствами изъ государственной казны, отнынѣ вводилось въ общій строй нашей государственной жизни и управленія.

Учрежденіемъ же Воспитательнаго Общества Екатерина опередила Европу въ дѣлѣ женскаго образованія, и до самаго послѣдняго времени мы, въ этомъ отношеніи, стояли во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ.

VI.

Указъ 5 мая 1764 года объ основаніи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Воскресенскій Новодѣвичій монастырь.—Сумма на первые расходы и по устройству Воспитательнаго Общества. — Указъ 19 мая 1764 года о пожалованіи Обществу Императрицею Екатериною капитала въ 2,500,000 рублей. —Управленіе дѣлами Общества.—Учительницы и учителя.—Организація быта воспитанницъ.—Сравненіе Устава Воспитательнаго Общества съ правилами г-жи Мэнтенонъ.—Первые члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Первая Начальница, княжна А. С. Долгорукова.—Правительница С. де-Лафонъ.—Первыя учительницы-иностранки.—Первый пріемъ на благородной половинѣ.—Причины медленности съ которою набирались первыя воспитанницы на благородной половинѣ. — Первыя дѣйствія Совѣта. — Учрежденіе Особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ.—Указъ 31 января 1765 г.—Первый пріемъ на мѣщанской половинѣ.—Программа ученія.—Деньги на приданое.—Привилегія о вольности данная мѣщанскимъ воспитанницамъ.—Цѣль Екатерины при основаніи отдѣльнаго училища для мѣщанскихъ дѣтей. — Сравненіе ихъ программы съ программою питомицъ Воспитательнаго Дома. — Второй пріемъ на мѣщанской и благородной половинахъ. — Взглядъ Совѣта на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.—Пенсіонерки Императрицы Екатерины.—Плата за нихъ.—Пенсіонерки Бецкаго и баронессы Штакельбергъ.—Признаніе Императрицею и Сенатомъ заслугъ Бецкаго.—Докладъ Бецкаго о пенсіонеркахъ.—Пенсіонерки великаго князя и частныхъ лицъ.—Своекоштныя пенсіонерки.—Общее число пенсіонерокъ. — Отступленія отъ правилъ пріема. — Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ. — Мотивы Совѣта. — Послѣдній пріемъ при Екатеринѣ (1794 г.).—Число всѣхъ воспитанницъ въ годъ ея смерти (1796 г.).—Равнодушіе русскаго общества и въ концѣ царствованія Екатерины къ женскому образованію.—Причины изобилія отдаваемыхъ дворянами въ Общество дѣтей.—Число всѣхъ получившихъ, за время Екатерины, воспитаніе въ Обществѣ.—Число окончившихъ въ немъ курсъ.

5-го мая 1764 года былъ объявленъ именной указъ Императрицы Екатерины „о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ“ [1]). Къ указу былъ приложенъ Уставъ и штатъ „сего Воспитательнаго Общества“. Въ указѣ было сказано: „Для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества: равное

[1]) П. Собр. З. Т. XVI, ст. 12154.

имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли Мы учредить такое жъ воспитаніе; и потому назнача въ С.-Петербургѣ новостроющійся Воскресенскій монастырь, въ коемъ бы содержалось завсегда до двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, повелѣли сочинить на то Уставъ, и особой Коммиссіи препоручили разсмотрѣніе, которое съ приложеннымъ докладомъ оной Намъ и представлено. Мы, находя всѣ постановленныя въ томъ Уставѣ учрежденія полезными, утвердили его Высочайшимъ своимъ подписаніемъ и при семъ повелѣваемъ Сенату, напечатавъ сей Уставъ, разослать его по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, которое при освященіи монастыря, дѣломъ самымъ начнется будущаго іюня 28-го дня сего года, каждый изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ въ младыхъ лѣтахъ препоручать сему отъ Насъ учрежденному воспитанію такъ, какъ въ Уставѣ предписано. Начальницею же къ сему воспитанію опредѣлена уже Нами княжна Анна Долгорукова, а Правительницею умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника де-Лафона жена, вдова Софья де-Лафонъ".

Упомянутый въ указѣ Воскресенскій монастырь, въ которомъ должно было помѣщаться первое государственное женское учебное заведеніе, находился за городомъ, на мѣстѣ гдѣ при шведскомъ владычествѣ было урочище—Смоляной дворъ. По завоеваніи мѣстности Петромъ, тутъ былъ построенъ для царевны Наталіи Алексѣевны дворецъ, перешедшій при дѣлежѣ наслѣдства царевны къ Екатеринѣ I, а послѣ ея смерти къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Тутъ же рядомъ, на мѣстѣ Спасскаго села, завѣдывавшій матеріальными складами флота, адмиралтеецъ Ал. Вас. Кикинъ, построилъ себѣ каменный домъ, дивившій всѣхъ, по словамъ современниковъ, громадностью размѣровъ и роскошью отдѣлки. Послѣ арестованія Кикина по дѣлу царевича Алексѣя, его домъ былъ взятъ въ казну и Петръ помѣстилъ въ немъ натуральный кабинетъ или Кунсткамеру [1]), а по перенесеніи ея въ Кикины палаты, здѣсь былъ выстроенъ загородный дворецъ для великой княжны Елизаветы Петровны (въ 1720 году), который и былъ названъ Смольнымъ, по мѣсту бывшаго тутъ прежде Смольнаго двора. Этотъ дворецъ былъ истребленъ пожаромъ уже послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, которая въ 1744 г. велѣла строить на его мѣстѣ иноческую женскую обитель, гдѣ, по преданію, хотѣла, передавъ правленіе своему племяннику,

¹) Исторія Санкт-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городскаго управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ. 1703—1782. Соч. *П. Н. Петрова.* 1885. Стр. 112.

Петру III, кончить свои дни. Планъ задуманной въ грандіозныхъ размѣрахъ постройки будущаго монастыря, названнаго Императрицею Воскресенскимъ Новодѣвичьимъ, Елизавета поручила Растрелли. Въ 1748 г. совершена была, при торжественной церемоніи въ присутствіи Императрицы, закладка храма монастыря, а въ 1751 г. уже отдѣлывались для монахинь 111 келій. Зданіе монастыря было отстроено вчернѣ въ 1759 году; семилѣтняя война невыгодно повліяла на окончаніе работъ по постройкѣ, особенно же собора, который такъ и оставался недостроеннымъ до 1764 года [1].

Уже при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1764 году, три мѣсяца спустя послѣ открытія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ монастырскомъ зданіи, сюда же были переведены изъ находившагося на Васильевскомъ островѣ Воскресенскаго монастыря 18 монахинь. На нихъ, по Уставу Воспитательнаго Общества, возлагались обязанности: составлять церковный клиросъ въ двухъ церквахъ новаго монастыря, обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными [2].

На первые расходы по устройству новаго учебнаго заведенія была опредѣлена сумма въ 60.000 рублей, изъ которыхъ 40.000 (20.000 серебромъ, а 20.000 мѣдною монетою), еще 18-го ноября 1763 года, т.-е. до изданія указа объ основаніи Воспитательнаго Общества, были даны изъ комнатныхъ, частныхъ суммъ Императрицы, а 20.000 изъ конторы коллегіи экономіи [3]. Но уже въ 1766 году, послѣ того какъ за годъ передъ тѣмъ было открыто при томъ же Воскресенскомъ монастырѣ училище и для мѣщанскихъ дѣвушекъ, Совѣтъ Попечителей Воспитательнаго Общества представилъ Императрицѣ докладъ, въ которомъ просилъ ее ассигновать на содержаніе опредѣленныхъ Уставомъ 200 благородныхъ дѣвицъ и 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, по ста тысячъ рублей въ годъ въ теченіе 25 лѣтъ [4].

---

[1]) *Петровъ.* Прим. стр. 74, § 672. Приведенныя нами свѣдѣнія взяты, кромѣ сочиненія Петрова, изъ различныхъ актовъ (Дѣла Гос. Архива), а также Указовъ Императрицы Елизаветы Петровны (Арх. Канцеляріи Совѣта Восп. Общ. бл. дѣвицъ).

[2]) Уставъ воспитанія двухсотъ благ. дѣвицъ. Генеральный штатъ Воспитательнаго Общества. (Учрежденія и Уставы касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола во удовольствіе Общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ. 1774 г. Т. II, стр. 37).

[3]) Протоколы Совѣта Восп. Общества (Арх. Канцеляріи Восп. Общ.).

[4]) Именные указы и конфирмованные доклады по Восп. Обществу съ 1766 по 1776 г. (Арх. Канц. Восп. Общ.). Совѣтъ полагалъ на содержаніе перваго пріема благородныхъ дѣвицъ (50) 25.000 руб. въ годъ, мѣщанскихъ (60) 7 000 р. При второмъ пріемѣ 1767 г., на благородныхъ, которыхъ будетъ уже 100—35.000 р., мѣщан-

Въ своемъ докладѣ Совѣтъ дѣлалъ такой разсчетъ, что въ первыя 9-ть лѣтъ, когда еще не будетъ полнаго числа воспитанницъ, отъ ежегодно отпускаемыхъ ста тысячъ рублей будутъ остатки. При помѣщеніи этихъ остатковъ на проценты въ дворянскій банкъ и присоединяя къ капитальной суммѣ проценты на проценты (по 6 на 100), эта сумма черезъ 25-ть лѣтъ достигнетъ такихъ размѣровъ, что нужные на ежегодное содержаніе Общества 100.000 рублей будутъ составляться изъ процентовъ на нее [1]).

На это послѣдовалъ сенатскій указъ (отъ 19 мая 1766 г.), въ которомъ объявлялось „во всенародное извѣстіе", что Ея Императорское Величество имѣя милосердное попеченіе о воспитаніи юношества какъ изъ дворянъ, такъ и мѣщанъ обоего пола, нынѣ новый опытъ Своего щедраго на оныя призрѣнія оказать соизволила Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ въ сроки, для воспитуемыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, суммы состоящей въ 2.500,000 рублей съ тѣмъ, чтобы оное воспитаніе производимо было получаемыми уже съ той суммы процентами". „Таковая Ея Императорскаго Величества изліянная вновь щедрота", говорилось далѣе въ сенатскомъ указѣ, „приводящая симъ благополучнымъ пріуготовленіемъ юношество обоего пола къ добродѣтели и утверждающая въ оныхъ просвѣщеніе, умножаетъ очевидно общее благополучіе и воспаляетъ сердца наши новою къ Ея Императорскому Величеству и безконечною благодарностью и обязываетъ Правительствующій Сенатъ сообщить и сію Императорскаго Величества новую щедроту для свѣдѣнія, будучи твердо увѣренными, что всѣ вообще, наслаждаясь толикимъ благоденствіемъ, изъявятъ истинной Матери отечества и благодѣтельницѣ въ сердцахъ своихъ за всѣ Ея Императорскаго Вели-

скихъ (120)—13.000 р. При 3-мъ пріемѣ въ 1770 году, на 150 благородныхъ 55.000 р. въ годъ, мѣщанскихъ (180)—19.000 р. И наконецъ въ 1773 году, когда будетъ принято полное число воспитанницъ, на 200 благ.—70.000 р. въ годъ, а на 240 мѣщ.—24.450 р. Да на содержаніе строеній, садовъ, скотнаго и птичьяго двора, и прочаго для обученія, экономіи и другихъ необходимыхъ надобностей, коихъ нынѣ предвидѣть не можно—5.500 р. въ годъ.

[1]) Капиталъ Общества оставался въ дворянскомъ банкѣ до 1775 года, когда именнымъ Указомъ Императрицы повелѣно было передать его въ Московскій Воспит. Домъ, при которомъ тогда учреждались вдовья, ссудная и сохранная казны. Моск. Восп. Домъ отказался было выплачивать Обществу по 6%, и удерживалъ себѣ 1% „подаяніемъ въ свой доходъ"; но Императрица велѣла ему отпускать всю сумму „включая въ нее и получаемый шестой процентъ, яко на дѣло богоугодное и равно полезное, какъ и прочія воспитательнаго дома заведенія въ пользу коихъ такое подаяніе обращается" (Им. Указъ 3-го августа 1792 г.).

чества милосерднѣйшія попеченія и щедроты наичувствительнѣйшую благодарность и, вкореня оную въ потомство, Всевышнему о вожделѣнномъ и долголѣтнѣйшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи неумолкаемыя принесутъ молитвы" [1]).

Въ такихъ же прочувствованныхъ и запутанныхъ выраженіяхъ благодарилъ Императрицу Совѣтъ Воспитательнаго Общества. „Сей Совѣтъ"—говорилъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ—„живѣйшимъ образомъ чувствуетъ, что гласъ Милосердія къ опекунству младенчества благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ воспитанія и училищъ никакъ не вкоторыя веки не только симъ младенцамъ, но всему россійскому дворянству и мѣщанству достаточно Ваше Императорское Величество возблагодарить и прославить того невозможно". Подписались подъ докладомъ „всеподданнѣйшіе рабы: княжна Анна Долгорукова, Петръ Панинъ, Иванъ Бецкой, князь Петръ Трубецкой, Сергѣй Козминъ" [2]).

Управленіе дѣлами Воспитательнаго Общества по Уставу (Гл. 1, Разд. 1) возлагалось на Совѣтъ Попечителей „четырехъ знатныхъ особъ, господъ сенаторовъ или другихъ именитыхъ чиновъ", назначаемыхъ самою Императрицею. Они обязывались Уставомъ отправлять свою должность попеременно, изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи какъ для совѣта и свидѣтельства дворянства молодыхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи. Главнымъ же, почти полновластнымъ лицомъ по управленію, надзору и по всѣмъ распоряженіямъ относительно воспитанія, обученія и хозяйства, поставлена была Начальница. Послѣ удостовѣренія Совѣтомъ свидѣтельствъ дворянства представляемыхъ къ пріему воспитанницъ, она принимала ихъ; при переходѣ изъ одного класса въ другой ей поручалась Уставомъ раздача воспитанницамъ наградъ, а также свидѣтельствъ при выпускѣ. Начальницѣ предоставлялось назначеніе и увольненіе служащихъ; она принимала отчеты отъ эконома, который не смѣлъ сдѣлать никакого чрезвычайнаго расхода безъ ея особаго приказанія; вообще Начальница должна была входить во всѣ подробности всѣхъ частей управленія. Ей давалось даже право „промышлять о всемъ томъ, что̀ по собственному ея изобрѣтенію за лучшее и полезнѣйшее для порядку, успѣха, благосостоянія, а наипаче для воспитанія молодыхъ дѣвицъ признано будетъ, которыя, яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества залогъ, ввѣрены благо-

[1]) П. Собр. Т. XVII, ст. 12652.

[2]) Им. Указы и конфирм. доклады по Восп. Общ. съ 1766 по 1776 г. Докладъ Совѣта 25-го мая 1766 года (Арх. Канц. В. О. благ. дѣв.).

разумному ся попеченію“ [1]). Но за то отъ Начальницы — „яко важнѣйшей и передъ всѣми прочими преимущественной“ — требовались особенныя качества: она должна была быть всѣми, не только воспитанницами, но и принадлежащими къ Воспитательному Обществу, любимой и почитаемой; собственнымъ примѣромъ ободрять всѣхъ прочихъ, возбуждать ласковымъ обращеніемъ съ воспитанницами желаніе въ нихъ быть съ нею, благоразуміе и искусство въ „поступкахъ“ соединять съ кротостью, а наипаче съ непринужденною веселостью, чтобы „симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что̀ скукою, грустію или задумчивостію назваться можетъ“ [2]).

Въ помощь Начальницѣ опредѣлялась Правительница, на особомъ попеченіи которой лежало наблюденіе за надзирательницами и учительницами, а также (Гл. 1, Разд. 4, § 4) „крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости“, ибо „нерадѣніе въ семъ пунктѣ ни по какой мѣрѣ терпимо быть не можетъ“.

Для ближайшаго надзора за воспитанницами полагалось четыре надзирательницы, по одной на каждый классъ. Онѣ должны были постоянно быть при дѣтяхъ, помогать учительницамъ и въ случаѣ надобности замѣнять ихъ. На обязанности надзирательницъ лежало также попеченіе о платьѣ и бѣльѣ воспитанницъ. Онѣ должны были наблюдать за тѣмъ, благопристойно ли ведутъ себя воспитанницы во время стола, „съ благородною ли и приличною осанкою и опрятно ли кушаютъ, словомъ, такъ ли поступаютъ, какъ благороднымъ и хорошо воспитаннымъ дѣвицамъ надлежитъ“ (Уст., Гл. 1, Разд. 5, § 6). Надзирательницы, какъ сказано въ Уставѣ (Гл. 1, Разд. 5, § 3), имѣютъ преимущество надъ учительницами, но ограниченное“. Въ числѣ другихъ указаній о гуманности въ своихъ отношеніяхъ съ дѣтьми, надзирательницамъ предписывалось Уставомъ [3]) „не одумавшись сердце свое не изъявлять надъ молодою дѣвицею („что весьма часто случается у большей части безразсудныхъ учителей и учительницъ“), а также „собственныхъ или домашнихъ своихъ огорченій воспитываемымъ дѣтямъ отнюдь не показывать, но всячески оныя отъ нихъ скрывать“ (§ 9)

Обученіе воспитанницъ ввѣрялось 12-ти учительницамъ, кромѣ монахинь, которыя должны были обучать лишь грамотѣ самыхъ маленькихъ. Учительницы, также какъ и надзирательницы, должны были быть постоянно съ дѣтьми. Во время обѣда воспи-

---

[1]) Уст. восп. двухсотъ благ. д. Гл. 1, Разд. 3. §§ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12.

[2]) Уст. Гл. 1, Разд. 3, § 5, 6, 11.

[3]) Гл. 1, разд. 5, § 8.

таницъ каждой изъ учительницъ ввѣрялся отдѣльный столъ, а каждые четыре стола—одной изъ надзирательницъ. Главный пунктъ, упущеніе по которому учительницею, какъ сказано въ § 15 (Гл. 1, Разд. 6) Устава, прощаемо быть не можетъ, это — чистота и учтивость. Учительницамъ предписывалось также „благоразумными и искусно къ слову приведенными разговорами, при всякомъ случаѣ удобнѣе въ мысли молодыхъ дѣвицъ вперять благонравіе и вкоренять оное въ нѣжныя ихъ сердца; а всякій пунктъ наставленія, о чемъ бы ни былъ, довольный способъ къ нравоученію подать можетъ“ [1]). На ихъ обязанности лежало также стараніе, чтобы дѣвицы „не привыкали излишне важничать, а потомъ и унылый видъ являть“.

Учительницы должны были обучать не только иностраннымъ языкамъ, но и всѣмъ предметамъ и только въ крайнемъ случаѣ, „ежели въ какихъ наукахъ учительницъ не сыщется“, то вмѣсто нихъ опредѣлялись учителя или „мастера“ (Уст. Гл. 1, Разд. 6, § 16). Послѣднимъ, въ особомъ параграфѣ (18) Устава, внушалось, чтобы они „вели себя весьма благопристойно съ дѣвицами со всякою учтивостью, должною ихъ полу и породѣ, такъ что еслибы случилось имъ (что либо?) и представлять, то въ пристойныхъ, а отнюдь не подлыхъ или грубыхъ изображеніяхъ“. По штату же полагалось при Воспитательномъ Обществѣ 12 учительницъ и 17 учителей: 2—россійскаго языка, 3—иностранныхъ языковъ, 2 — танцмейстера, 3 — рисовальныхъ мастера, 2 — музыки вокальной, 2—музыки инструментальной, 2—географіи, исторіи и геральдики, 1—для показанія нѣкоторыхъ правилъ архитектуры [2]).

Внѣшняя организація быта воспитанницъ была взята изъ Сен-Сира. Также какъ тамъ, онѣ раздѣлялись на четыре возраста, причемъ каждый отличался отъ другого цвѣтомъ платья (въ Сен-Сирѣ цвѣтомъ ленты на одинаковомъ для всѣхъ черномъ платьѣ). Но у насъ пріемный возрастъ былъ опредѣленъ въ 5—6 лѣтъ, воспитанницы должны были оставаться въ Обществѣ 12-ть лѣтъ и выходили изъ него не старше 18-ти.

Важнѣе было различіе между обоими учрежденіями въ характерѣ даваемаго дѣвицамъ воспитанія. Хотя и у насъ при пріемѣ въ Воспитательное Общество требовалось отъ родителей дѣвицы, или ея родственниковъ, обязательство въ томъ, что они „по собственному своему произволенію и видя будущую дочерямъ ихъ отъ сего воспитанія пользу, препоручаютъ въ опеку совер-

---

[1]) Уст. восп. двухсотъ благ. дѣв. Гл. 1, Разд. 6, § 2.

[2]) Уст. восп. двухсотъ благ. дѣв. Генеральный штатъ Воспитательнаго Общества.

шенно до 18-лѣтняго возраста, такъ что до исходу того 12-лѣтняго времени ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ихъ не станутъ" (Гл. 1, Разд. 1, § 9) и „черезъ все время пребыванія ихъ дочерей въ Воспитательномъ Обществѣ отъ всякаго попеченія о нихъ свободны" (Гл. 2, § 25), но родителямъ и родственникамъ позволялось навѣщать дѣтей въ опредѣленные для этого дни, въ присутствіи Начальницы или кого-либо изъ подчиненныхъ ей (§ 26). Кромѣ того Уставъ даже предписывалъ въ стѣнахъ самого заведенія устраивать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей.

Вообще нашъ Уставъ повидимому взялъ за образецъ первый, блестящій, періодъ Сен-Сира; онъ былъ составленъ въ гораздо болѣе аристократическомъ духѣ, нежели правила г-жи Мэнтенонъ. Въ немъ безпрестанно упоминается о „благородномъ происхожденіи", „породѣ", воспитанницъ. Только съ двѣнадцатилѣтняго возраста онѣ должны были начинать сами одѣваться и убирать себѣ голову. Правда, съ 12-ти же лѣтъ онѣ должны были вязать себѣ чулки и шить платья, но ни о метеніи половъ, какъ въ Сен-Сирѣ, ни о какой другой черной работѣ въ Уставѣ Воспитательнаго Общества не говорится. Въ содержаніи воспитанницъ у насъ допускалась даже нѣкоторая роскошь: столовое бѣлье должно было мѣняться ежедневно для всѣхъ, а для двухъ старшихъ классовъ и къ обѣду, и къ ужину (Гл. 2, § 17). Тоже и въ одеждѣ воспитанницъ: кромѣ обыкновеннаго, для учебныхъ дней, камлотоваго платья, полагались и шелковыя, для воскресныхъ и праздничныхъ (Гл. 2, § 20).

Что касается программы ученія, то въ Воспитательномъ Обществѣ съ перваго же, самаго младшаго класса (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ), кромѣ отечественнаго, должны были преподаваться и иностранные языки, также ариѳметика; затѣмъ еще рисованіе, танцы, музыка и рукодѣлія. Во 2-мъ возрастѣ (отъ 9-ти до 12-ти л.), кромѣ указанныхъ предметовъ, обучали географіи и исторіи. Въ 3-мъ (отъ 12-ти до 15-ти л.) присоединялось обученіе „словеснымъ наукамъ, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и правоучительныхъ книгъ", часть архитектуры и геральдики. Наконецъ, въ 4-мъ (отъ 15-ти до 18-ти л.) полагалось Уставомъ: 1) знаніе совершенное закона; 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости; 3) повтореніе всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ, и 4) во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ по очереди (Гл. 1, Разд. 2).

Сравнивая нашу программу съ программой Сен-Сира, первая

представляется гораздо обширнѣе; но, въ примѣненіи, программа г-жи Мэнтенонъ, какъ было нами раньше указано, была шире своей формулы, а наша, какъ оказалось впослѣдствіи, въ дѣйствительности не выполнялась и на половину.

На первые два года членами Совѣта Воспитательнаго Общества были назначены Императрицею слѣдующія лица: сенаторъ, генералъ-поручикъ Ив. Ив. Бецкій, сенаторъ, генералъ-аншефъ (а съ 1767 года графъ) Н. Ив. Панинъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, князь Н. Трубецкой и секретарь Императрицы Сергѣй Козминъ. Кромѣ этихъ четырехъ лицъ, въ Совѣтѣ должна была засѣдать и Начальница Воспитательнаго Общества, княжна Анна Сергѣевна Долгорукова.

Она была дочерью князя Сергѣя Петровича (1697—1761) и княжны Ирины Петровны, рожденной Голицыной (1700—1751) Долгоруковыхъ [1]). Отецъ Анны Сергѣевны, сосланный при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ другими членами семьи Долгоруковыхъ, по дѣлу о составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени Императора Петра II, при Императрицѣ Елизаветѣ былъ возвращенъ изъ ссылки и состоялъ посланникомъ въ Константинополѣ. Мать княжны Анны Долгоруковой извѣстна тѣмъ, что оставшись въ Голландіи, когда ея мужъ, въ 1727 году, былъ вызванъ братьями въ Россію, приняла тамъ католичество. Она умерла въ Россіи въ 1751 г. До своего назначенія Начальницей Воспитательнаго Общества, княжна Анна Сергѣевна (род. въ 1719 г.) [2]) состояла камеръ-фрейлиною при дворѣ Екатерины, а при назначеніи ея Начальницею (ей было тогда 45 л.) она была сдѣлана статсъ-дамою и ей пожалованъ портретъ Императрицы, осыпанный бриліантами [3]). Княжна Долгорукова пробыла Начальницей Воспитательнаго Общества недолго и, при увольненіи ея въ 1768 году „за слабостью здоровья“ по ея прошенію, Екатерина назначила ей тысячу рублей ежегодной пенсіи изъ суммъ Общества [4]).

Кромѣ этихъ свѣдѣній о личности первой Начальницы перваго женскаго общественнаго учебнаго заведенія, другихъ нѣтъ и неизвѣстно, почему выборъ Екатерины палъ именно на нее. Повидимому, княжна Долгорукова ничѣмъ до тѣхъ поръ не выдавалась ни при дворѣ, ни въ обществѣ, и даже въ высшемъ кругу была

---

[1]) Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. 1854. Ч. I, стр. 92.

[2]) Росс. род. кн. Ч. I, стр. 96.

[3]) Русскій дворъ въ XVIII столѣтіи. *Карабановъ* (Р. Старина 1871. I и II).

[4]) Им. указы и конф. докл. по В. Общ.

мало извѣстна [1]). Поэтому можно вѣрить объясненію этого назначенія, сдѣланному бывшею воспитанницею Воспитательнаго Общества перваго пріема, Ржевскою, которая оставила записки, касающіяся и подробностей первыхъ годовъ жизни въ Смольномъ монастырѣ [2]). Ржевская говоритъ, что во главѣ новаго учебнаго заведенія поставили знатную, титулованную особу для того, чтобы внушить къ нему болѣе довѣрія. Долгорукову Ржевская рисуетъ неспособною, гордою, кичившеюся знатностью и богатствомъ, остроумною, но ханжею, суевѣрною и „недостаточно умною“, прибавляетъ Ржевская, „чтобы быть выше предразсудковъ, которые рѣшено было изгнать изъ нашего мирнаго пріюта. Ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться отъ должности“ [3]).

Правительницей была опредѣлена съ самаго начала вдова д. ст. сов. де-Лафонъ, которая, по увольненіи княжны Долгоруковой, исполняла обязанности Начальницы до 1773 года и утвержденная въ должности оставалась въ этомъ званіи тридцать лѣтъ.

Семейство де-Лафонъ, по словамъ Ржевской, поселилось въ Россіи, оставивъ Францію вслѣдствіе религіозныхъ тамъ раздоровъ. Отецъ Софьи де-Лафонъ былъ виноторговецъ и продолжалъ эту торговлю въ Петербургѣ. Здѣсь же онъ съ женою открылъ первую гостиницу, которую посѣщала знать. Наживъ такимъ путемъ состояніе, родители Софьи дали хорошее образованіе своей красивой дочери и выдали ее замужъ, когда ей минуло 15 лѣтъ, за француза де-Лафонъ, генерала русской службы. Это замужество не было счастливо. Де-Лафонъ растратилъ состояніе жены, сошелъ съ ума и умеръ за границей. Оставшись послѣ его смерти въ Парижѣ и желая вернуться въ Россію, чтобы собрать деньги, данныя ея отцомъ взаймы разнымъ лицамъ, Софья де-Лафонъ обратилась за помощью въ русское посольство. Тутъ съ нею познакомился бывшій тогда въ Парижѣ Бецкій и потомъ указалъ на нее Императрицѣ, какъ на лицо, способное исполнять обязанности Начальницы Воспитательнаго Общества.

Повидимому, Лафонъ вполнѣ отвѣчала требованіямъ Екатерины отъ воспитательницы, выраженнымъ ею въ письмѣ къ г-жѣ Біельке: „не молода, не католичка, все равно какого званія, но лучше изъ знатныхъ. Особа не титулованная, безъ должности,

---

[1]) Извѣщая графиню Строганову объ учрежденіи Восп. Общ., П. Бакунинъ (членъ иностранной коллегіи), принадлежавшій къ высшему кругу, писалъ, что Начальницею будетъ „une princesse Dolgorouky“ (Арх. кн. Воронцова. Т. 34, стр. 329).

[2]) Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской (Р. Архивъ. 1871. № 1).

[3]) Зап. Ржевской, стр. 7.

независимая, будетъ для меня превосходна" [1]). По словамъ Ржевской, Лафонъ была кротка, умна, веселая и съ знаніями. Воспитанницы ее любили и были откровенны съ нею, а она—по крайней мѣрѣ такъ было съ Ржевской если вѣрить ея словамъ—платила имъ тѣмъ же, и даже, вопреки предписанію Устава служащимъ скрывать свои огорченія отъ воспитанницъ, повѣряла нѣкоторымъ изъ нихъ свое горе [2]). Ржевская, вообще скорѣе пристрастная къ Лафонъ, обвиняетъ однако ее въ томъ, что она во всемъ помогала Бецкому, и даже въ вещахъ недостойныхъ, если вѣрить правдивости автора Записокъ.

Надзирательницы, также какъ и учительницы, въ первое время все были иностранки. Екатерина поручила генералъ-маіору Бюлау пріискивать за границей гувернантокъ и гувернеровъ для дѣтей обоего пола, которыхъ, говоря ея словами, „она воспитываетъ" [3]). При этомъ, какъ видно изъ письма Вольтера къ князю Д. Голицыну, женевскій магистратъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, не разрѣшилъ приглашеннымъ Бюлау, въ Женевскомъ и Ваатландскомъ кантонахъ, учительницамъ ѣхать въ Россію. Неизвѣстно откуда онѣ были набраны, но въ числѣ учительницъ перваго времени, имена которыхъ упоминаются въ протоколахъ Совѣта Воспитательнаго Общества, не встрѣчается ни одной русской фамиліи, а изъ иностранныхъ преимущественно французскія: Парлсъ, Бернаръ, Вотрепь, Берже, Буржуа и др.; Нико, Эркенсъ, Дюнанъ были англичанки [4]). Только въ 1772 году въ первый разъ упоминается фамилія учителя и притомъ русскаго, „студента не у дѣлъ"—Матвѣя Пахомова, опредѣленнаго Совѣтомъ для „производства письменныхъ дѣлъ въ должность секретаря Совѣта, также и для обученія благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ" [5]).

28-го іюня 1764 года начался пріемъ въ Воспитательное Общество, а 7-го августа открылись засѣданія Совѣта. По Уставу дворянство каждой представляемой дѣвицы должно было доказываться „настоящими дипломами и справками изъ герольдіи"; также дозволялось принимать „и офицерскихъ дѣтей". Но на первыхъ же порахъ оказалось невозможнымъ строго соблюсти эти предписанія. Желающихъ отдать въ Общество своихъ дѣтей, изъ дворянъ явилось такъ мало, что Совѣтъ положилъ: „о дворян-

[1]) Сб. р. и. общ. Т. X, стр. 47.
[2]) Зап. Гл. И. Ржевской, стр. 10.
[3]) Письмо Ек. къ Біельке отъ февраля 1766 г. (Сб. р. и. о. Т. X).
[4]) Протоколы В. О. благ. дѣв. 1764—1772.
[5]) Протоколъ 25-то марта 1772 г.

скихъ фамиліяхъ утверждаться на томъ, когда можетъ быть засвидѣтельствовано, что за родными дѣдами по мужнему колѣну представленной дѣвицы состояли недвижимыя имѣнія. Относительно офицерскихъ дѣтей, принимать безъ доказательствъ о настоящемъ дворянствѣ лишь штабъ-офицерскихъ дѣтей, кои не при отставкѣ штабъ-офицерами, а дѣйствительно штабъ-офицерами служили". Другое послабленіе, допущенное Совѣтомъ, касалось возраста принимаемыхъ дѣтей. По Уставу должны были приниматься 5-ти и не старше 6-ти лѣтъ. Совѣтъ рѣшилъ, не допуская тѣхъ, которыя старше 6-ти лѣтъ хотя бы всего на 2 мѣсяца, принимать 4-лѣтнихъ и „хотя бы только нѣсколькими мѣсяцами болѣе 4-хъ лѣтъ, ибо въ три года всего одинъ пріемъ въ теченіи цѣлаго года, а стало быть 4-лѣтнія почти достигнутъ 5-ти лѣтъ". Дѣлая эти отступленія отъ Устава, Совѣтъ оговаривался, что „какъ о превосходствѣ и недостаткѣ положенныхъ лѣтъ, такъ и объ штабъ-офицерскихъ дѣтяхъ безъ доказательства дворянства, онъ полагаетъ лишь для перваго случая при недовольномъ еще состояніи представляющихся дѣвицъ, а когда ихъ будетъ довольно, то поступать по точной силѣ Устава" [1]).

Дѣйствительно, судя по протоколамъ Совѣта, пріемъ въ Воспитательное Общество шелъ медленно, вслѣдствіе недостатка представляемыхъ къ первому пріему родителями дѣтей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо съ увѣренностью можно сказать, что при учрежденіи Общества, кромѣ Императрицы и Бецкаго, едва ли нашелся бы еще десятокъ лицъ во всей Россіи, которыя понимали бы цѣль, съ какою оно основывалось, и еще менѣе такихъ, которыя сочувствовали бы этой цѣли. Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знатныхъ дѣвушекъ не встрѣтило, особенно вначалѣ, сочувствія, а вызвало скорѣе изумленіе, преимущественно въ высшихъ кругахъ общества. Во всѣхъ семействахъ, принадлежавшихъ къ этимъ кругамъ, были гувернантки-иностранки, учившія дѣвушекъ, и это считалось достаточнымъ. Самая же идея общественнаго воспитанія ихъ, и не могла въ то время быть принята сочувственно въ высшихъ кругахъ если вспомнить, что предубѣжденіе въ этомъ смыслѣ существуетъ и теперь, болѣе чѣмъ сто лѣтъ послѣ учрежденія такого воспитанія [2]). О томъ, что такое предубѣжденіе проявилось при самомъ

---

[1]) Архивъ Восп. О. благ. дѣв.—Протоколъ Совѣта отъ 7-го августа 1764 г.

[2]) Впослѣдствіи, когда выяснилось отношеніе Императрицы къ Обществу, измѣнился и взглядъ на него въ высшихъ кругахъ. По дѣлу о разводѣ супруговъ Сиверсъ, третейскій судъ рѣшилъ пристроить дочерей въ „благопристойное" мѣсто. „А какъ кромѣ Новодѣвичьяго монастыря", говорится въ его постановленіи по этому дѣлу,

основанія Общества, притомъ даже не только въ высшихъ, но и въ среднихъ дворянскихъ кругахъ тогдашняго общества, говоритъ и Ржевская (урожденная Алымова), встрѣтившая его въ собственной семьѣ.

Если не всѣ, богатые и бѣдные, дворяне-помѣщики смотрѣли на образованіе своихъ дочерей такъ, какъ Чудихина или Христина въ комедіи Екатерины „О время!“ [1]), то можно навѣрное сказать, что никто изъ нихъ не ощущалъ въ немъ потребности и не признавалъ его значенія. Во многихъ семействахъ среднихъ дворянскихъ круговъ, дочерей въ столицахъ отдавали въ пансіоны, содержимые иностранцами и иностранками; понемногу и въ эти круги стала переходитъ мода приглашать или, какъ тогда обыкновенно выражались, нанимать „мадамъ“ или „мамзель“ къ дочери. Это дѣлалось отчасти чтобы не отстать отъ другихъ, а отчасти потому, что „мамзель“, кромѣ обученія дочери манерамъ и говорить по-французски, представляла еще и другія удобства: она мыла кружева хозяйки, шила ей чепчики и этому же выучивала свою воспитанницу [2]). Но въ Воспитательное Общество принимали дѣтей не только для обученія ихъ, а и на полное содержаніе. Эта сторона новаго учрежденія придавала ему въ глазахъ большинства характеръ благотворительный и она-то, можно думать, привлекла къ нему тѣхъ немногихъ родителей, которые отдали своихъ дѣтей въ Общество въ первый же годъ его открытія.

„трудно пріискать такое мѣсто, которое было бы равно пристойно какъ для родителей, такъ и для дѣтей, то“ и пр. (Архивъ кн. Воронцова, кн. 26).

[1]) Чудихина говоритъ: „Быть добру! нынче, сказываютъ, и дѣвокъ въ Питерѣ учатъ“... „Кабы у меня была дочь, меньше бы и я имѣла заботы“.

Христина говоритъ бабушкѣ: „Какъ не смѣяться! 18-ти лѣтъ парень Часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать“ (Соч. Имп. Ек. II. Изд. Смирдина. 1849. Т. II).

[2]) Характеризуя воспитаніе дѣвушекъ своего времени, неизвѣстный авторъ статьи „О смыслѣ слова воспитаніе“ въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова разсказываетъ: „Нерѣдко случалось слышать въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: что ты, матушка, своей мамзели даешь?—Дарага, проклятая, дарага! да что дѣлать, хочется воспитать дѣтей благородно! 180 р. деньгами, да сахару по 5 ф. и чаю по 1 фунту на мѣсяцъ ей даю.—И, матушка, я своей больше плачу; 250 р. въ годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ довольное число. За то она уже моетъ кружево мое и чепчики мнѣ шьетъ, да и Танюшу выучила ихъ дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдать коли по-французски она говорить не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя. Да я и сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ“ (Соб. л. росс. слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей. 1783 года. Ч. 2, стр. 12).

Среди послѣднихъ, „знатныхъ“ дѣвушекъ было сначала немного. Къ первому засѣданію Совѣта, т.-е. къ 7-му августа, было представлено всего 16 дѣвочекъ, изъ которыхъ 5-ти было отказано, а 11 принято. Между ними была всего одна титулованная, и то съ иностранной фамиліей, графиня фонъ-Вальштейнъ. Она была принята несмотря на то, что ей было уже больше шести лѣтъ. Между привезенными къ пріему дѣвочками была одна—моложе даже четырехъ лѣтъ; ей Совѣтъ отказалъ по малолѣтству [1]).

Первый пріемъ продолжался болѣе чѣмъ цѣлый годъ, ибо только 9-го іюля 1765 г. была принята послѣдняя дѣвочка, дочь князя Щербатова, и Совѣтъ постановилъ поднести Императрицѣ списокъ 50-ти принятыхъ въ Общество воспитанницъ. Къ этому времени выяснилось, что съ 28-го іюня 1764 года по 9-е іюля 1765 г. было представлено къ пріему всего 71 дѣвочка. Изъ 50-ти принятыхъ было 7 титулованныхъ (въ числѣ непринятыхъ не было ни одной титулованной) и нѣсколько дочерей низшихъ придворныхъ служителей: камеръ-фурьера, каморъ-цалмейстера, тафель-декера. Нѣкоторымъ изъ родителей, дочерямъ которыхъ было отказано въ пріемѣ, Совѣтъ выдалъ на покрытіе расходовъ по привозу и увозу обратно дѣтей по 25-ти и 10-ти рублей. Кромѣ того, въ февралѣ 1765 года были уже возвращены родителямъ 4, принятыя въ 1764 году, дѣвочки, оказавшіяся, по заявленію княжны Долгоруковой, „къ наукамъ совсѣмъ неспособными“. Сверхъ комплекта и внѣ правилъ, въ первый пріемъ, по повелѣнію Императрицы, была принята всего одна—дочь генералъ-аншефа, бѣлорусскаго генералъ-губернатора, Пассекъ, „хотя и не въ указныхъ лѣтахъ“ [2]).

Въ числѣ причинъ непринятія Совѣтомъ представленныхъ къ первому пріему дѣтей, было нѣсколько случаевъ отказовъ „за болѣзнью“. Этотъ пунктъ, повидимому, очень затруднялъ на первыхъ порахъ Совѣтъ. Такъ какъ Уставомъ предписывалось принимать здоровыхъ, „а этого“, рѣшилъ Совѣтъ, „узнать нельзя“, то онъ и постановилъ принимать всѣхъ, но если у кого-нибудь изъ принятыхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ окажутся болѣзни въ такихъ припадкахъ, съ какими по § 8, Р. 1. Устава принимать не велѣно, то такихъ отдавать назадъ родителямъ. При этомъ Совѣтъ, какъ выражено въ протоколѣ 7-го марта 1765 г., „имѣлъ политическое разсужденіе о деликатности того, чтобы о случающихся болѣзненныхъ припадкахъ благородныхъ и мѣщан-

[1]) Протоколъ Совѣта Восп. Общ. 7-го авг. 1764 года.

[2]) Протоколъ 7-го марта 1765 г.

скихъ дочерей содержать всегда въ секретѣ и никому о тѣхъ болѣзняхъ ни чрезъ кого никакого увѣдомленія, кромѣ г-жи Начальницы, отнюдь не было". Докторъ, служащій при Обществѣ, и „медицинскіе служителя" обязывались подпиской, что даже въ медицинскую коллегію они подъ присягой никакихъ разглашеній дѣлать не будутъ.

Кромѣ этихъ мѣръ, Совѣтъ, заботясь о внѣшнемъ декорумѣ ввѣреннаго ему учрежденія, предписалъ канцеляристу, „въ разсужденіи достоинствъ сего Воспитательнаго Общества и учрежденнаго для него Совѣта", носить шпагу, „яко и тѣ, состоящіе при ономъ Обществѣ, чужестранныхъ націй служители шпаги имѣютъ". Дѣйствительно, большинство даже низшихъ служителей въ Обществѣ были иностранцы: экономъ былъ итальянецъ—Мерелло, бухгалтеръ—Циммерманнъ, швейцаръ—Препейнъ.

Этими мѣрами ограничились дѣйствія Совѣта въ первые мѣсяцы существованія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Съ небольшимъ черезъ полгода послѣ открытія пріема въ Общество, Бецкій, въ засѣданіи 10-го января 1765 года, передалъ Совѣту письменное повелѣніе Императрицы о томъ, чтобы пока не конфирмуется новое учрежденіе „о воспитаніи малолѣтныхъ дѣвушекъ, на основаніи Устава Академіи Художествъ, такого-жъ званія, какъ тамъ мальчики, публиковать печатными листами отъ Совѣта для приводу оныхъ и, до постройки отдѣльнаго строенія, помѣстить въ Воскресенскомъ монастырѣ въ особливомъ мѣстѣ". Совѣтъ рѣшилъ напечатать 600 экземпляровъ объявленій о вновь открывающемся училищѣ, также сообщить въ Сенатъ и Синодъ, а для распубликованія разослать въ канцеляріи: главную полиціймейстерскую, конюшенную, лейбъ-гвардіи въ полковыя и главную артиллерійскую „по препорціи" [1]. Три недѣли спустя, а именно 31-го января 1765 года, было объявлено указомъ [2]) объ учрежденіи „особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтныхъ дѣвушекъ". Указомъ 31-го января 1765 г. объявлялось, что, въ „конфирмованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ Генеральномъ Учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества, повелѣно во всѣхъ губерніяхъ заводить воспитательныя училища. Вслѣдствіе чего въ С.-Петербургѣ для благородныхъ дѣвицъ въ

---

[1]) Протоколъ 10-го января 1765 г.

[2]) Полн. Собр. Т. XVII, ст. 12323.

Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а для мѣщанскихъ мальчиковъ при Академіи Художествъ оныя уже дѣйствительно начало свое восприяли; но для пользы Общества не меньше требуется, чтобъ всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ доброправіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ; чего ради при ономъ же Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо опредѣленномъ строеніи учредить должно училище и для малолѣтнихъ дѣвушекъ, которымъ равномѣрно быть подъ управленіемъ госпожи Главной Начальницы и Правительницы; а казнѣ и экономіи состоять въ вѣдомствѣ Совѣта господъ Попечителей, по тому же какъ предписано въ Уставѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ".

Цѣль, съ которою учреждалось училище для мѣщанскихъ или, какъ онѣ были сначала названы, „малолѣтныхъ" дѣвушекъ, въ „Учрежденіи особливаго училища" для нихъ, поясняется тѣмъ, „чтобы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, вслѣдствіе Высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества" [1]).

Къ первому пріему назначено было допустить 60 мѣщанскихъ дѣвушекъ, а полный комплектъ долженъ былъ состоять изъ 240. „Учрежденіе" предписывало раздѣлить ихъ на четыре возраста, отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ, такъ какъ онѣ „по состоянію своему съ воспитываемыми при Академіи Художествъ мальчиками одинаки".

Ученіе въ 1-мъ возрастѣ должно было заключаться въ поученіи по лѣтамъ Закона Божія, всѣхъ правилъ воспитанія, благонравія, обхожденія и чистоты, россійскаго и иностраннаго языка (читать и писать), рисованія, ариѳметики, танцованія. Къ этому присоединялось обученіе „надлежащимъ, особливо женскому полу, упражненіямъ и рукодѣліямъ, а при томъ, разсмотря природное дарованіе и склонность каждой, пріучать ихъ къ голосной и инструментальной музыкѣ" [2]). Стало быть, изъ наукъ преподавались мѣщанскимъ дѣвушкамъ только русскій и иностранный языки и ариѳметика. Во 2-мъ возрастѣ, съ 9-ти до 12-ти лѣтъ, присоединялось лишь „пріученіе къ домостроительству". Но съ этого возраста предписывалось, также какъ и въ Академіи Художествъ,

---

[1]) Учрежденіе особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтныхъ дѣвушекъ. § 2. (Учрежденія и Уставы. Т. II, стр. 69).

[2]) Учрежденіе особл. уч., § 4.

„разсматривать у каждой природную склонность, понятіе и успѣхи, и по экзаменѣ таковыхъ отмѣчать въ журналахъ, дабы въ 3-мъ возрастѣ (12—15 лѣтъ), продолжая все прежнее, особливо тѣмъ, которыя по такомъ испытаніи окажутъ себя во всемъ отмѣнными, преподавать въ томъ и наставленіе, а прочихъ пріучать, чтобъ при выпускѣ въ 4-й возрастъ дѣйствительно могли употребляемы быть ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять“. Наконецъ, въ 4-мъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ), продолжая все прежнее, упражнять каждую въ томъ искусствѣ, художествѣ или знаніи, къ которому оказала она наибольшую способность, а прочихъ употреблять въ дѣйствительныя работы для совершенной выучки. Причемъ, сказано въ § 4 „Учрежденія“, „паче всего слѣдовать должно во все время сего воспитанія правиламъ физическихъ примѣчаній и наблюдать неотмѣнно чистоту, учтивость и благопристойность въ поведеніи“.

При вступленіи каждой мѣщанской дѣвушки, ей опредѣлялось 50 рублей (§ 5), которые должны были быть положены въ банкъ и тамъ храниться во все время ея пребыванія въ училищѣ; а при выпускѣ эта сумма, вмѣстѣ съ наросшими на нее въ теченіе 12-ти лѣтъ процентами, должна была дѣлиться поровну между оставшимися до выпуска отъ даннаго пріема дѣвушками и отдавалась имъ въ приданое. Кромѣ того, всѣ сработанныя во время пребыванія въ училищѣ дѣвушкою вещи, должны были продаваться въ ея пользу и вырученныя деньги отдавались ей также при выходѣ изъ училища. Для этого „Учрежденіе“ предписывало Начальству училища вести „вѣрную“ записку, кѣмъ именно какая вещь, „до простого рукодѣлія или до художества касающаяся, сдѣлана“. Точно также на Совѣтъ возлагалась обязанность, какъ и относительно благородныхъ, принимать отъ родителей мѣщанскихъ дѣвушекъ, если они пожелаютъ дать, деньги, которыя и выдавать имъ при выпускѣ вмѣстѣ съ наросшими на нихъ въ банкѣ процентами.

По окончаніи 12-ти-лѣтняго пребыванія въ училищѣ, мѣщанскія дѣвушки, какъ сказано въ „Учрежденіи“ (§ 8), „могутъ быть выпускаемы въ замужество за достойныхъ по нихъ состоянію жениховъ; другія, по желаніямъ своимъ, вступаютъ на урочные годы въ службу съ договоромъ и заплатою при училищѣ благородныхъ дѣвицъ; прочія же, кои не имѣвъ достойныхъ жениховъ и въ

[1]) Учр. ос. уч. для мал. дѣв. § 6.

службу вышеписаннаго Общества вступить не похотятъ, могутъ еще остаться три года не въ числѣ классныхъ, а для отвращенія праздности, получать имъ отъ училища только покой, дрова и свѣчи; въ прочемъ довольствовать за плату изъ прибыли отъ продажи собственныхъ ихъ трудовъ, которой инако пріобрѣсть не могутъ, какъ трудолюбіемъ, искусствомъ и вкорененною въ нихъ съ юныхъ ихъ лѣтъ добродѣтелью". По прошествіи трехъ лѣтъ, дѣвушка, которой уже будетъ 21 годъ, выпускается, какъ сказано въ „Учрежденіи", „на волю" съ атестатомъ, предоставляющимъ ей тѣ же вольности и преимущества, которыми пользовались, въ силу пожалованной имъ привилегіи, воспитанники Академіи Художествъ. Но и потомъ „въ каковыхъ либо обидахъ и притѣсненіяхъ, бывшія воспитанницы мѣщанскаго училища всегда подъ опекою Совѣта Попечителей благородныхъ дѣвицъ состоять имѣютъ" (§ 9 „Учрежденія").

Въ упомянутой привилегіи дарованной Академіи Художествъ при ея преобразованіи 14-го ноября 1764 года[1]), распространяемой и на мѣщанскихъ дѣвушекъ, было сказано: „Наистрожайше запрещаемъ всѣмъ и каждому какова бъ кто званія ни былъ, изъ сихъ художниковъ, мастеровъ, дѣтей ихъ и потомковъ въ крѣпостные себѣ люди записывать и утверждать какимъ бы то ни было образомъ; а хотя бы паче чаянія сіе обманомъ учинилося, или и самъ таковый по уговору и доброй волѣ у кого-нибудь крѣпостнымъ записался, либо на крѣпостной дѣвкѣ или вдовѣ женился, то однако оное не токмо кабальнымъ его не дѣлаетъ, но и вступившая съ нимъ въ бракъ и рожденныя отъ нихъ дѣти отъ того часа имѣютъ быть вольными жъ".

Мысль Екатерины—обучать и воспитывать мѣщанскихъ дѣвушекъ въ особо съ этой цѣлью основанномъ для нихъ училищѣ—не покажется странною если вспомнить, что Императрица поставила себѣ задачею перевоспитать весь свой народъ, создать новую породу отцовъ и матерей. Кромѣ того, взявъ во вниманіе то презрѣніе, съ какимъ русское общество относилось тогда къ наукѣ, ученымъ и учителямъ, будетъ и безъ всякихъ объясненій понятно, что возможность учиться, и притомъ еще въ общественномъ заведеніи, не казалась привилегіей, а напротивъ, къ этому считали предназначенными людей, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ Общества. Профессоръ исторіи и правовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, Дильтей, предлагалъ даже (въ 1766 г.)

[1]) Привиллегія и Уставъ Имп. Ак. трехъ знатнѣйшихъ художествъ, живописи, скульптуры и архитектуры съ воспитательнымъ при оной Академіи училищемъ (Учрежденія и Уставы. 1774. Т. II, стр. 5).

Императрицѣ, въ составленномъ имъ проектѣ, учредить особыя „рабскія“ школы, для образованія учителей изъ крѣпостныхъ людей [1]). Но на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что Екатерина, проводившая во всѣхъ реформахъ идею сословности, провозгласившая (въ Инструкціи князю Салтыкову), что „всякое воспитаніе учреждено быть должно смотря на того, кому оное дается“, отступила отъ этого принципа при устройствѣ учебной части въ мѣщанскомъ училищѣ. Въ програму его были включены и дворянскія науки: одинъ изъ иностранныхъ языковъ, танцы а для способныхъ еще и пѣніе, также музыка. При сравненіи этой программы съ программою воспитанницъ Воспитательнаго Дома [2]), назначеніе которыхъ имѣло нѣкоторое сходство съ назначеніемъ мѣщанскихъ дѣвушекъ, оказывается большое различіе въ обѣихъ программахъ. Питомицъ Воспитательнаго Дома обучали географіи и исторіи, чего въ программѣ мѣщанскихъ дѣвушекъ не полагалось; но за то имъ не преподавался ни одинъ изъ иностранныхъ языковъ, а относительно танцевъ въ Генеральномъ Планѣ прямо выражено, что „въ подобныхъ сему заведеніяхъ не нужны танцмейстеры и пр.; также не нужны дѣвочкамъ учительницы для показанія модъ, безполезныхъ способовъ обхожденія и множества подобныхъ сему вредныхъ и гнусныхъ излишествъ, кои произошли отъ одной роскоши и нынѣ у праздныхъ людей въ большихъ городахъ обыкновенно бываютъ“ [3]).

Поэтому надо предполагать, что кромѣ общей цѣли—перевоспитать весь народъ, у Екатерины, при основаніи мѣщанскаго училища, была и частная, и можетъ быть именно та, на которую было указано въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома: мѣщанскія дѣвушки, также какъ и крѣпостныя, къ которымъ прямо относятся слова Плана, „будутъ первыми наперстницами дочерей дворянина“ [4]). На такую мысль наводитъ то, что когда нѣсколько позже, при Шляхетскомъ Кадетскомъ корпусѣ было учреждено, по мысли Бецкаго, „заведеніе воспитанія мѣщанскихъ дѣтей“, то „причиной“ его Бецкій указалъ на необходимость имѣть собственныхъ, для корпуса, учителей. Ради этого Бецкій также поступилъ вопреки господствовавшаго духа того времени—

---

[1]) Педагогія прошлаго вѣка. *А. И. Кирпичникова* (Историческій Вѣстникъ. 1885, августъ, Т. XXI, стр. 440).

[2]) Генеральный Планъ Воспитательнаго Дома. Ч. III. (Учрежденія и Уставы. Т. I, стр. 86.) Показаніе чему учиться питомцамъ обоего пола.

[3]) Ген. Планъ. Ч. III. О надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ Домъ Воспитательный.

[4]) Тамъ же. Ч. III. § VI. (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 93).

сословности, предложивъ Императрицѣ чтобы въ Кадетскій корпусъ принимались мѣщанскіе мальчики совершенно на одинаковыхъ съ кадетами условіяхъ какъ относительно воспитанія, такъ и обученія. При этомъ Бецкій опредѣленно высказалъ, что это слѣдуетъ сдѣлать не ради экономическихъ разсчетовъ, а ради воспитательныхъ и нравственныхъ цѣлей. „Черезъ такое ежедневное общеніе", говорилъ онъ въ своемъ докладѣ [1]), „кадеты привыкнутъ заблаговременно не пренебрегать тѣми, кои законами общества опредѣлены къ низшему противъ ихъ состоянію, научатся исподволь судить о людяхъ по прямымъ достоинствамъ, а не по дѣламъ нимало отъ нихъ независящимъ". Мѣщанскихъ мальчиковъ, также какъ и кадетъ, посылали по окончаніи совершенно одинаковаго съ кадетами курса за границу и внутрь Россіи, выдавали имъ тѣже свидѣтельства, что и кадетамъ, и даже не требовали, чтобы они непремѣнно, по выпускѣ, остались на службѣ въ корпусѣ, а полагали, что они „вѣрно сами захотятъ" остаться въ немъ.

Основывая мѣщанскую половину Воспитательнаго Общества, Екатерина, очевидно, не имѣла въ виду приготовлять изъ мѣщанскихъ дѣвушекъ учительницъ для благородныхъ. На это нѣтъ и намека и въ „Учрежденіи особливаго училища", и напротивъ есть большое различіе въ программѣ обученія тѣхъ и другихъ. Мѣщанокъ полагалось обучать лишь самымъ элементарнымъ знаніямъ, въ отдѣльномъ отъ благородныхъ дѣвицъ, училищѣ. Повидимому ихъ считали нужнымъ воспитывать и обучать ради нихъ самихъ. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему въ программу ихъ обученія были включены предметы, не входившіе въ программу питомицъ Воспитательнаго Дома. Трудно предположить чтобы эта программа была случайна; и какъ во всемъ, что предпринимала Екатерина, она и при этомъ должна была имѣть какія-нибудь серьезныя основанія, которыя приходится искать въ условіяхъ жизни тогдашняго времени.

Еще задолго до Екатерины, когда дворяне и не думали объ обученіи своихъ дѣтей въ пансіонахъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, они иногда отдавали въ ученіе дѣтей своей прислуги, не исключая и женскаго пола. Иногда дѣвушекъ учили только читать, а не писать, изъ опасенія чтобы онѣ не стали потомъ писать любовныя письма; иногда же такого ограниченія не дѣлалось. Цѣль, съ которою отдавали въ ученіе, заключалась въ томъ, чтобы крѣпостной или крѣпостная впослѣдствіи могли на-

[1]) Заведеніе воспитанія мѣщанскихъ дѣтей при Имп. Шляхетномъ Сухоп. Корпусѣ. Причины къ заведенію этого воспитанія. (Учрежд. и Уставы. Т. II, стр. 162.)

учить грамотѣ дѣтей своихъ господъ. Прислугу часто заставляли учиться также пѣнію, музыкѣ и танцамъ. Это дѣлалось дворянами съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы имѣть артистовъ и артистокъ для домашняго господскаго театра и вообще въ видахъ увеселенія господъ. Такимъ образомъ обычай обучать дѣвушекъ простаго класса, существуя съ относительно давняго времени, могъ утвердиться и стать дѣломъ неновымъ.

Но со времени царицы Прасковьи, державшей у себя грамотную дѣвку, которая должна была научить грамотѣ ея внучку, прошло много времени и, какъ можно судить по комедіямъ Екатерининскаго времени и ея самой, роль грамотной дѣвки въ господской семьѣ при Екатеринѣ не ограничивалась болѣе обученіемъ дочерей грамотѣ, а пріобрѣла извѣстное, опредѣленное значеніе. Въ комедіяхъ самой Императрицы, также и Сумарокова, роль разумнаго и, относительно говоря, просвѣщеннаго лица принадлежитъ почти вездѣ прислугѣ и преимущественно женской. Въ комедіи „О время!“ служанка Мавра говоритъ, что ея барыня называетъ ее бусурманкой за то, что она „читаетъ Ежемѣсячныя сочиненія а иногда и Клевеланда“. Внучка Мавриной госпожи, Христина, по словамъ Мавры „ничему не учена и грамотѣ украдкой,—говоритъ Мавра,—у меня училась для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобы она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ“. Сама Христина проситъ Мавру почаще читать ей „Памелу“, чтобы она могла „перенять какъ съ людьми говорить“. Мавра порицаетъ языкъ тогдашнихъ модныхъ барынь и барышенъ: „болванчикъ“, „махаться“ и пр. и говоритъ, что не разумѣетъ этого языка „хотя весьма долго въ домѣ новомодной француженки служила“. Въ комедіи „Недоразумѣнія“ служанка, опять Мавра, говоритъ: „родившись въ сиротствѣ, я выросла, воспитана и жила въ домахъ разныхъ; въ оныхъ видѣла и слышала, что въ свѣтѣ водится“.

Первая комедія Императрицы „О время!“ написана въ 1772 г., т.-е. семь лѣтъ спустя послѣ учрежденія училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ и пять лѣтъ послѣ основанія Воспитательнаго Дома. Можно было бы подумать, что изображая эти типы прислуги, Екатерина брала за образецъ новыхъ, воспитавшихся въ этихъ учрежденіяхъ, лицъ; но въ 1772 году не было еще ни въ одномъ изъ нихъ выпуска. Поэтому намъ кажется вѣрнѣе предположеніе, что рисуя благоразумныхъ, опытныхъ, нѣсколько просвѣщенныхъ служанокъ, Императрица выражала не то, что въ дѣйствительности существовало, а тѣ предполагаемые плоды, которые она ожидала отъ новаго воспитанія дѣвушекъ простаго

класса, и ту пользу, какую такія „подруги и наперстницы“ могутъ впослѣдствіи принести, хотя бы только молодому поколѣнію дворянскихъ семей.

Такимъ образомъ учреждая училище для воспитанія мѣщанскихъ дѣвушекъ, какъ отдѣльнаго класса общества, кромѣ общей цѣли воспитанія всего народа, Екатерина могла въ частности имѣть при этомъ въ виду воспитать ихъ для домашняго, семейнаго обихода дворянскихъ семей, и тогда включеніе въ программу мѣщанскаго училища изученія иностраннаго языка имѣло бы и для насъ теперь нѣкоторый смыслъ.

Какъ и изъ кого составился первый пріемъ мѣщанокъ, объ этомъ въ протоколахъ Совѣта Воспитательнаго Общества нѣтъ никакихъ подробностей; но повидимому онъ совершился легко, ибо въ протоколѣ Совѣта, отъ 1-го марта 1765 года, т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія о вновь открывающемся училищѣ, коротко сказано, что пріемъ на мѣщанскую половину Общества конченъ и что приняты 60 дѣвушекъ, т.-е. опредѣленный „Учрежденіемъ“ комплектъ перваго пріема. Но черезъ три года, при второмъ пріемѣ, въ 1767 году, и въ отношеніи мѣщанскихъ родителей обнаружилось то-же недовѣріе къ основанному для ихъ дѣтей училищу, какое имѣло мѣсто на благородной половинѣ Общества.

Пріемъ этотъ для мѣщанокъ долженъ былъ производиться въ московской губерніи. Основываясь, вѣроятно, на легкости, съ какою удалось набрать въ Петербургѣ 60 мѣщанскихъ дѣвочекъ, Совѣтъ Общества въ засѣданіи 17-го октября 1766 года, т.-е. за 8 мѣсяцевъ до начала пріема, просилъ Опекунскій Совѣтъ московскаго Воспитательнаго Дома свидѣтельствовать представляемыхъ къ пріему дѣтей, „чтобы излишнимъ привозомъ ихъ не затруднять родителей“. Петербургскій Совѣтъ распорядился, чтобы были напечатаны въ Москвѣ и розданы при церквахъ и прочихъ мѣстахъ „гдѣ надлежитъ“, объявленія о предстоящемъ пріемѣ, чтобы такія же объявленія были разосланы и въ другіе города Московской губерніи. При этомъ петербургскій Совѣтъ предупреждалъ московскій, что хотя, при представленіи дѣтей, родители и сообщаютъ ихъ года, но эти сообщенія большею частью бываютъ невѣрны. Для избѣжанія ошибокъ петербургскій Совѣтъ указывалъ московскому на необходимость принять слѣдующія мѣры: „сыскать двухъ дѣвушекъ, одну по 5-му году повыше, а другую пониже ростомъ, которыя вѣроятно Совѣту извѣстны, между нихъ становить представляемую, и выше большей, а ниже меньшей, не принимать“. „И темъ, мнится“, писалъ Совѣтъ, „лехче избегнуть

можно ошибки въ лѣтахъ такой, въ чемъ вся важность состоитъ“ [1]). Точно также, опасаясь очевидно обмана со стороны родителей представляемыхъ дѣтей при освидѣтельствованіи ихъ докторомъ, петербургскій Совѣтъ рекомендовалъ московскому при „записи въ реэстръ годныхъ къ пріему дѣвочекъ, отрѣзывать у нихъ нѣсколько волосовъ съ головы и припечатывать вреэстрѣ противъ ее імени“ [2]). Затѣмъ взявъ отъ родителей подписку въ добровольномъ отданіи дочери въ училище, скрѣплять ихъ подпись подписью одного изъ опекуновъ и съ этимъ препровождать принятыхъ дѣвочекъ въ петербургскій Совѣтъ.

Но опасенія послѣдняго въ излишнемъ привозѣ мѣщанскихъ дѣтей изъ московской губерніи оказались напрасными. Хотя послѣдній срокъ пріема былъ назначенъ 1-го февраля 1767 года, но и 24-го марта во всей московской губерніи, не исключая и самой Москвы, не нашлось болѣе пяти годныхъ къ пріему мѣщанскихъ дѣвочекъ. Сообщая объ этомъ, Московскій Опекунскій Совѣтъ прибавлялъ, что больше пяти и не будетъ. Тогда петербургскій Совѣтъ рѣшилъ публиковать въ Петербургѣ, что принимаются дѣти „какого бы званія ни были“, не старѣе 5-ти—6-ти лѣтъ, за исключеніемъ лишь крѣпостныхъ, не имѣющихъ отъ своихъ господъ вѣчнаго увольненія [3]). По словамъ Георги [4]), въ числѣ набранныхъ такимъ способомъ дѣтей были и солдатскія дочери.

Второй пріемъ и на благородной половинѣ прошелъ также туго, какъ и первый. Всего, судя по протоколамъ Совѣта, представлено было родителями 64 дѣвочки, изъ которыхъ принято 51, а 13-ти отказано [5]). Но въ этомъ пріемѣ среди представленныхъ дѣтей было уже гораздо болѣе чѣмъ въ первомъ, знатныхъ и титулованныхъ, а изъ послѣднихъ, троимъ даже было отказано. Не смущаясь недостаточнымъ количествомъ представляемыхъ родителями дѣтей, Императрица при второмъ пріемѣ подтвердила Совѣту, чтобы онъ „наистрожайше при пріемѣ благородныхъ и мѣщанокъ наблюдалъ точность положенныхъ лѣтъ и росту“, также чтобы изъ двухъ сестеръ принималъ лишь одну.

Повидимому Екатерина вообще намѣревалась, по крайней мѣрѣ вначалѣ, твердо противодѣйствовать взгляду русскаго об-

---

[1]) Протоколъ Совѣта В. О. благ. дѣв. отъ 17-го октября 1766 г. (Архивъ В. Общ. благ. дѣв.).

[2]) Тамъ же.

[3]) Протоколъ Совѣта В. О. благ. д. 24-го марта 1767 г.

[4]) Описаніе Имнер. россійскаго столичнаго города Санкт-Петербурга. 1794. Ч. II, стр. 393.

[5]) Протоколъ Совѣта 12-го апрѣля 1767 года.

щества на Смольный, какъ на благотворительное заведеніе или пріютъ, куда родители могли бы помѣщать дѣтей, отъ которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, они хотѣли освободиться. Противодѣйствовать такому взгляду было тѣмъ необходимѣе, что и Совѣтъ Воспитательнаго Общества раздѣлялъ его. Передъ пріемомъ 1767 года, когда Императрица была въ Москвѣ, Совѣтъ представилъ ей докладъ, къ которому было приложено поступившее въ числѣ другихъ прошеній „объявленіе отъ генералъ-маіора, князя Щербатова". Онъ писалъ, что желаетъ „препоручить свою дочь Дарью въ благородное воспитаніе, но такъ какъ жена его, по волѣ своей матери, будучи еще беременною, отошла отъ него къ ней въ домъ, гдѣ умерла черезъ годъ послѣ родовъ, и ему не только не дали знать о рожденіи дочери, но и до сихъ поръ не допускаютъ его къ свиданію съ нею (дочерью), и дочь ево должна неинако какъ развращенно, и во всегдашней противъ отца злобѣ быть воспитана", то „находя себя въ такомъ случаѣ собою исполнить не въ состояніи", онъ проситъ Совѣтъ взять его дочь отъ дѣда ея, князя Черкасскаго, живущаго въ Москвѣ, и помѣстить въ Общество. Представляя эту просьбу Императрицѣ, Совѣтъ прибавлялъ, что „видя такое жалости достойное обстоятельство, и на основаніи изданнаго объ учрежденіи сего Общества Устава и Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества „о призреніи благородныхъ дѣвицъ" намѣренія, онъ проситъ Императрицу Высочайшимъ указомъ повелѣть „о взятіи той княжны Щербатовой", для которой до полученія резолюціи будетъ оставлено въ Обществѣ мѣсто [1]). Но Екатерина не согласилась съ Совѣтомъ и 10-го марта 1767 года положила слѣдующую резолюцію: „Какъ я въ партикулярныя ссоры и хлопоты не вступаюсь, а еще меньше желаю Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ отяготить могущими чрезъ то произойти тяжбами, то не могу и по прозбѣ князя Щербатова здѣлать, тѣмъ наипаче, что дѣло его и давнишныя ссоры принадлежатъ до разобранія въ учрежденныхъ на то правительствахъ" [2]).

Несмотря однако на то, что дворяне, особенно изъ провинцій, неохотно отдавали своихъ дѣтей въ Общество, комплектъ каждаго пріема не только пополнялся сиротами (ихъ присылали и изъ провинцій), также дочерьми столичныхъ жителей, военныхъ, служащихъ въ гвардіи, равно и лицъ, состоявшихъ

[1]) Протоколъ Совѣта отъ 1-го февраля 1767 года.

[2]) Имен. указы и конфирмованные доклады по Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ съ 1766 по 1776 годъ (Арх. Восп. Общ. благ. дѣв.).

при дворѣ, но съ третьяго же года основанія Общества, Императрица стала помѣщать въ него и своихъ пенсіонерокъ, которыхъ при открывавшихся потомъ вакансіяхъ обыкновенно зачисляли въ казенныя воспитанницы. Такихъ пенсіонерокъ съ 1766 года было три на благородной половинѣ и три на мѣщанской. Плата за нихъ не была опредѣлена и за всѣхъ была разная; за каждую изъ благородныхъ Кабинетъ выдавалъ Обществу по 324 р. 71 к. въ годъ, а на всѣхъ (3-хъ) мѣщанскихъ 431 р. 70 к.: на содержаніе еще 2-хъ пенсіонерокъ Екатерины, ея крестницъ-турчанокъ, отпускалось въ 1770 году всего 100 рублей въ годъ на обѣихъ [1]). Объявляя въ 1767 году княжнѣ Долгоруковой о повелѣніи Императрицы принять пенсіонеркой на ея счетъ одну дѣвочку, Бецкій сообщилъ, что на ея содержаніе назначено изъ Кабинета по 400 р. въ годъ, но если княжна Долгорукова найдетъ эту сумму недостаточной, то пусть объ этомъ заявитъ.

Кромѣ пенсіонерокъ Императрицы, число которыхъ къ 1770 году увеличилось до двѣнадцати только на одной благородной половинѣ, съ 1769 года были десять пенсіонерокъ Бецкаго на мѣщанской. На содержаніе ихъ получалось изъ банка въ видѣ процентовъ съ капитала въ 50.170 р. [2]), нарочно съ этою цѣлью положеннаго Бецкимъ, по 100 р. въ годъ на каждую; съ 1773 г. прибавилось 5 его же пенсіонерокъ „изъ бѣднаго дворянства“ на благородной половинѣ. Прося Императрицу о дозволеніи ему содержать на свой счетъ 20 пенсіонерокъ (по 5-ти въ каждомъ возрастѣ) благородныхъ и 40 (по 10-ти въ каждомъ возрастѣ) мѣщанокъ, Бецкій упомянулъ о томъ, что „сему достохвальному примѣру“ (примѣру Екатерины, которая первая стала помѣщать своихъ пенсіонерокъ въ Общество), „уже послѣдовала бывшая ея гофмейстерина, Екатерина Карловна Штакельбергъ, урожденная Арнандрова“. Въ оставленномъ ею и конфирмованномъ Императрицею завѣщаніи, Штакельбергъ изъявила волю, чтобы изъ оставшагося послѣ нея имѣнія былъ опредѣленъ капиталъ „въ вѣчныя времена для воспитанія нѣкотораго числа малолѣтнихъ дѣвицъ изъ бѣднаго лифляндскаго дворянства“. Къ этому Бецкій, на котораго Штакельбергъ возложила исполненіе ея посмертной воли, прибавилъ, что съ 1770 года уже воспитываются на проценты съ капитала Штакельбергъ по пяти въ каждомъ возрастѣ

[1]) При помѣщеніи ихъ въ Общество, Императрица велѣла положить въ банкъ по тысячѣ рублей на каждую.

[2]) Указъ 19-го января 1770 года. (Им. указы и конфирмованные доклады по Восп. Общ. благ. дѣвицъ съ 1766 по 1776 г.)

благородныхъ дѣвицъ лифляндскаго происхожденія [1]). Отчисленный для этой цѣли капиталъ, первоначально составлялъ, какъ передалъ Бецкій Совѣту Воспитательнаго Общества, 10.000 р. ассигнаціями [2]). Въ 1775 году выяснилась покупная цѣна имѣнія Штакельбергъ въ суммѣ 39.855 р., но въ 1777 году оно было продано графу Гр. Орлову за 35.060 р. 31¼ к. [3]). На проценты съ этого капитала [4]), извѣстнаго подъ названіемъ „Арнандерскаго заведенія", выдавались на воспитаніе каждой изъ 20-ти пенсіонерокъ по 198 р. въ годъ и кромѣ того, при каждомъ выпускѣ, изъ процентовъ же выдавалось пяти выпускнымъ пенсіонеркамъ на приданое 1.880 рублей на всѣхъ.

На содержаніе новыхъ своихъ пенсіонерокъ 20-ти на благородной и 30-ти (кромѣ 10-ти бывшихъ ранѣе) на мѣщанской половинахъ, также какъ и на пенсіонеровъ (20 въ Шляхетномъ корпусѣ и 50 въ Академіи Художествъ), Бецкій не положилъ особаго капитала, и въ прошеніи, обращенномъ по этому поводу къ Императрицѣ, просилъ ее дозволить ему впослѣдствіи, или говоря его словами, „въ жизни моей что-либо учинить въ отмѣну вышеписаннаго по случающимся мнѣ надобностямъ" [5]). Но онъ внесъ тогда же (въ 1770 году) 1.694 р. 90 к. на содержаніе благородныхъ, и 2.893 р. на мѣщанскихъ воспитанницъ, сдѣлавъ соотвѣтствующее распоряженіе въ своей духовной, переданной имъ С.-Петербургскому Опекунскому Совѣту. Распоряженіе это оставалось въ силѣ до 1787 г., т.-е. въ теченіе 16-ти лѣтъ, или шести пріемовъ. Въ этомъ году Бецкій сообщилъ Совѣту Воспитательнаго Общества, также и Сухопутнаго корпуса и Академіи Художествъ, что за „умаленіемъ доходовъ по уменьшенію процентовъ съ капиталовъ въ силу Государственнаго постановленія", онъ не можетъ „поддерживать предпріятаго". Послѣднія его пенсіонерки были приняты въ Общество въ 1785 году и на ихъ содержаніе до выпуска въ 1797 г. Бецкій, въ сдѣланномъ имъ за годъ до своей смерти завѣщаніи, назначилъ 38.999 р. 70 к. [6]).

Крупныя денежныя пожертвованія Бецкаго, его труды, за-

[1]) О воспитаніи извѣстнаго числа какъ благородныхъ, такъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ на вѣчномъ иждивеніи Д. Т. Сов. и Кавалера Ив. Ив. Бецкаго. (Учр. и Уставы. Т. II, стр. 165).

[2]) Протоколъ Совѣта 4-го февраля 1770 года.

[3]) Протоколъ Совѣта 1777 г. 28-го августа.

[4]) Почти черезъ сто лѣтъ, въ смѣтѣ вѣдомства учрежденій Имп. Маріи на 1867 годъ, этотъ капиталъ значился въ суммѣ 38.662 р. *серебромъ* (стр 52).

[5]) О воспитаніи извѣстнаго числа и пр. (Учр. и Уст. Т. II, стр. 166)

[6]) Чт. О. ист. и др. росс. 1863. Кн. 4, стр. 148. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ.

боты, попеченіе о воспитаніи русскаго юношества, были оцѣнены Екатериною, которая еще въ 1772 году повелѣла Сенату сдѣлать „на сей случай“ медаль. Исполненіе этого повелѣнія Сенатъ возложилъ на генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, который и представилъ ему три рисунка, сдѣланные особымъ, учрежденнымъ „для медаллической исторіи“ Комитетомъ. Утвержденный Сенатомъ рисунокъ изображалъ „на наличной сторонѣ портретъ Бецкаго, на оборотной, вдали, зданіе Воспитательнаго училища, а напереди Человѣколюбіе въ видѣ жены, которая съ благопріятнымъ взоромъ единою рукою объемлетъ младенцевъ, а другою показываетъ на объявленное зданіе и ведя ихъ туда, яко бы сіи слова къ нимъ речетъ: Воспитаетъ и научитъ“ [1]). Только надпись Сенатъ измѣнилъ и вмѣсто послѣднихъ словъ велѣлъ вырѣзать: „снабдѣваетъ и воспитаетъ“. Замѣна однихъ словъ другими имѣетъ свое значеніе, какъ указаніе на то, что и Сенатъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, ставилъ призрѣніе и воспитаніе дѣтей выше просвѣщенія ихъ. Такая медаль была уже вырѣзана, но Императрица одобрила рисунокъ, предложенный членомъ Монетнаго Департамента Нартовымъ. Эта медаль [2]) и была торжественно, въ полномъ собраніи Сената, поднесена Бецкому 18 декабря 1773 г. Привѣтствуя его отъ Сената, князь Вяземскій сказалъ, что подвиги, труды и матеріальныя пожертвованія Бецкаго по воспитанію русскаго юношества заслуживаютъ благодарности еще и потому, что они „возбуждаютъ другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ“. Эту мысль князь Вяземскій два раза повторилъ въ своей короткой рѣчи, которую онъ и закончилъ словами, что изъявляя Бецкому свою благодарность медалью, Сенатъ надѣется „побудить и прочихъ согражданъ своихъ къ ревнованію объ общемъ благѣ“ [3]).

Но такой взглядъ на дѣло Бецкаго, также какъ и признаніе его заслугъ, явились у Сената не сразу; можно даже думать, что это случилось лишь тогда, когда ему сталъ извѣстенъ

[1]) Чт. О. ист. и др. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. (Выписка изъ дѣлъ Прав. Сената), стр. 131.

[2]) На ней было изображено зданіе Воспитательнаго Дома, передъ которымъ поставленъ въ честь Бецкаго монументъ, къ которому юноши прибиваютъ съ украшеніемъ щитъ, на коемъ начертаны двѣ литеры: „И. Б.“; подлѣ сего монумента изображена сидящая Благодарность и при ней два юноши, означающіе съ вышеписанными всѣ четыре возраста, за нею птица Аистъ, знакъ ей принадлежащій, надпись кругомъ: „За любовь къ отечеству“, внизу: „Отъ Сената“. (Мат. объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 134.)

[3]) Журналъ Прав. Сената 1773 г., 18 дек. (Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 135).

взглядъ Екатерины на дѣятельность Бецкаго. Это можно вывести изъ того, что въ первомъ своемъ опредѣленіи, 1772 г., 19-го сентября, когда былъ полученъ Сенатомъ конфирмованный Императрицею докладъ Бецкаго о дозволеніи ему содержать пенсіонеровъ и пенсіонерокъ, Сенатъ отнесся къ его поступку совершенно равнодушно и сдѣлалъ обычное въ этихъ случаяхъ постановленіе: списать копію съ конфирмованнаго доклада, подлинный возвратить Бецкому, напечатать для свѣдѣнія публики отъ Академіи въ газетахъ, дать знать указами въ столичныя присутственныя мѣста, въ губерніи, провинціи и города, и пр. [1]); но черезъ мѣсяцъ, въ засѣданіи 22 октября, какъ сказано въ журналѣ 1-го департамента, „имѣли разсужденіе, что въ Вѣдомостяхъ Академіи Наукъ конфирмованный докладъ Бецкаго напечатанъ безъ всякаго о семъ достохвальномъ его поступкѣ къ публикѣ отзыва", и приказали: „Академіи Наукъ дать знать, чтобъ въ слѣдующихъ Вѣдомостяхъ, для поощренія къ таковому-жъ благотворенію протчихъ, припечатано было, что правительство приняло сіе съ крайнимъ удовольствіемъ и уваженіемъ, надѣясь притомъ, что каждый истинный сынъ отечества не оставитъ приписать ему (Бецкому) за то достойной похвалы, которую онъ по справедливости заслуживаетъ", и пр. [2]).

Въ промежутокъ времени между этимъ постановленіемъ Сената и поднесеніемъ медали, Бецкій, по изъявленной ему Императрицею волѣ, представилъ на ея утвержденіе въ маѣ 1773 года докладъ „о принятіи въ воспитательныя училища тѣхъ дѣтей, которыя представлены будутъ отъ кого-либо на временный или вѣчный собственный ихъ капиталъ" [3]). Отданный сначала, по повелѣнію Императрицы, на разсмотрѣніе графа Н. Панина, гр. Э. Миниха, кн. А. Голицына, гр. И. Чернышева и Григ. Теплова, докладъ Бецкаго былъ конфирмованъ Екатериною 24-го мая 1773 г. Съ этого года учрежденіе пенсіонерокъ въ Обществѣ было узаконено и оформлено. Утвержденными Императрицею правилами опредѣлялась разъ навсегда и одинаковая для всѣхъ плата. Этими правилами предоставлялось на волю каждаго, желающаго помѣстить на свой счетъ воспитанницу, внести разомъ капиталъ, проценты съ котораго (6%) равнялись бы опредѣленной за годовое содержаніе пенсіонерки суммѣ, или вносить за нее плату ежегодно. Плата за каждую воспитанницу на благородной половинѣ была назначена въ 198 р. въ годъ (въ Кадетскомъ корпусѣ 240 р.),

[1]) Чт. Общ. ист. и др. 1863, кн. 4. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 131.
[2]) Тамъ же, стр. 137.
[3]) Учрежденія и Уставы. Т. II, стр. 171.

на мѣщанской—120 р. (въ Академіи Художествъ 180 р.). Единовременный взносъ за все время пребыванія пенсіонерки въ учебномъ заведеніи полагался: въ Воспитательномъ Обществѣ за 12-ти лѣтнее содержаніе на благородной половинѣ 3.300 р., на мѣщанской 2.000 р. По выбытіи пенсіонерки изъ Общества, положенный на ея содержаніе капиталъ могъ быть, по желанію вкладчика, взятъ обратно или оставленъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него въ Обществѣ постоянно воспитывалась пенсіонерка. Вкладчиковъ вѣчнаго капитала предлагалось въ докладѣ Бецкаго (§ 5) „почтить какъ даваемымъ отъ Совѣта благодарственнымъ свидѣтельствомъ, такъ и для соблюденія въ вѣчныя времена того ихъ добродѣтельнаго поступка, оставить на волю имъ самимъ, буде бы пожелали, и нѣкоторую малую отмѣну сдѣлать на принятыхъ своихъ воспитанницахъ съ согласія Совѣтовъ [1]), дабы самое то благотвореніе по ихъ желанію было видимо и потомкамъ ихъ на память оставалось“ [2]).

Въ докладѣ Бецкаго опредѣлялось и число пенсіонерокъ, могущихъ быть отнынѣ помѣщаемыми въ Общество. „А дабы“, сказано въ 6 § доклада, „отъ опредѣленнаго числа принимаемыхъ сверхъ штата на временномъ или вѣчномъ капиталѣ питомцовъ, состоящіе на штатномъ положеніи стѣснены не были (чего безъ уваженія оставить не должно), то по нынѣшнему размѣрному положенію, въ Общество благородныхъ дѣвицъ сверхъ комплекта, по усмотрѣнію Совѣтомъ выгоды и свободности въ помѣщеніи, дозволяется принимать еще до сорока, что съ прежними учинитъ сто; сіе же разумѣется и о мѣщанскихъ дѣвушкахъ“.

Совѣтъ, въ первомъ же своемъ засѣданіи послѣ утвержденія правилъ о пенсіонеркахъ, постановилъ чтобы желающіе помѣщать ихъ въ Общество представляли вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣту и трехъ поручителей, которые должны были давать письменное обязательство въ исправномъ платежѣ слѣдуемыхъ за пенсіонерку денегъ.

Въ первый годъ явилось 22 пенсіонерки, почти всѣ на благородной половинѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ прислалъ, какъ сказано въ протоколѣ Совѣта отъ 12-го іюля 1773 года, „семь дѣвочекъ и ассигнацію при томъ“. Графъ Гр. Орловъ изъявилъ желаніе имѣть десять пенсіонерокъ на благородной половинѣ и внесъ за нихъ 1.980 р. Демидовъ взялъ на свое со-

---

[1]) Докладомъ Бецкаго „О принятіи извѣстнаго числа“, и пр., установлялись правила какъ для пенсіонерокъ Воспитательнаго Общества, такъ и для пенсіонеровъ Шляхетнаго корпуса и Академіи Художествъ.

[2]) О принятіи (Учр. и Уст., стр. 171).

держаніе трехъ воспитанницъ также на благородной половинѣ, за которыхъ и внесъ 1.188 р. на два года. Явились и двѣ частныя пенсіонерки изъ высшаго круга общества: графъ Апраксинъ и Салтыковъ [1]) помѣстили своихъ дочерей въ Общество. Но изъ средняго дворянства, если не допускать мысли что Совѣтъ заносилъ въ свои протоколы лишь пенсіонерокъ знатныхъ и привилегированныхъ лицъ, не нашлось никого, кто пожелалъ бы содержать на свой счетъ чужихъ дѣтей, или даже отдать на собственныя средства своихъ. Въ послѣдующіе за 1777 годомъ пріемы, и среди знатныхъ явилось очень немного такихъ, которые пожелали содержать на свой счетъ пенсіонерокъ въ Обществѣ.

Частныхъ пенсіонерокъ до 1791 года было двѣ, кромѣ помѣщенныхъ въ 1773 году Апраксиной и Салтыковой. Одна изъ новыхъ пенсіонерокъ была помѣщена матерью, вдовою, и одна (Сухтеленъ)—отцомъ. Можетъ быть потому, что всѣ переименованныя лица принадлежали къ высшимъ кругамъ и были, вѣроятно, извѣстны Императрицѣ, имъ предоставлялось самимъ назначать плату, также помѣщать своихъ пенсіонерокъ между пріемами и на неопредѣленные сроки. Кн. Голицынъ платилъ за одну изъ своихъ пенсіонерокъ 500 р. [2]) въ годъ, за другую 700 р. Салтыковъ и Сухтеленъ—по 250 р. за своихъ дочерей. Пенсіонерки великаго князя Павла Петровича отличались отъ другихъ голубою лентою, которую онѣ носили на шеѣ. Бецкаго—зеленою, Демидова—померанцевою. Салтыкова—малиновою.

Относительно пенсіонерокъ Императрицы, въ докладѣ Бецкаго есть особое постановленіе, утвержденное Екатериною. Въ § 7 сказано, что разъ установленное для всѣхъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ положеніе должно быть строго соблюдаемо. „Сему слѣдуя правилу“, говорится дальше, „ни для кого и ни подъ какимъ видомъ въ противность онаго не поступать; а для нерушимости сего положенія, отъ сего времени въ тѣ самыя училища и отъ Вашего Величества на пенсіонъ посылаемы и отдаваемы уже болѣе не будутъ. Равнымъ образомъ, еслибъ какое повелѣніе въ чемъ-либо съ сими уставами несходственное послѣдовало, то для непоколебимости онаго законоположенія Всемилостивѣйше снисходя повелѣваете, чтобъ не исполняя представить о томъ Вашему Величеству“ [3]).

---

[1]) Помѣщеніе Салтыковой князь Ив. Мих. Долгорукій объясняетъ нелюбовью къ ней отца, желавшаго удалить отъ себя дочь. См. Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. кн. И. М. Долгорукова, стр. 314 (Чт. О. ист. и др. росс., 1872 и 1873).

[2]) Протоколъ Сов. В. О. б. д. 28-го августа 1777 г.

[3]) О принятіи въ восп. училища тѣхъ дѣтей, и пр. (Учр. и уставъ т. II, стр. 172).

До 1773 года, т.-е. до утвержденія Императрицею доклада Бецкаго о пенсіонеркахъ, пенсіонерокъ Императрицы на благородной половинѣ было, какъ мы уже сказали, 12, да на мѣщанской неопредѣленное число. По ея повелѣнію отъ 4-го августа 1770 года, отпускалось изъ Кабинета по 300 р. на каждую благородную и по 100 р. на мѣщанскую воспитанницу. Но въ пріемъ 1773 года, бывшій уже послѣ утвержденія правилъ о пенсіонеркахъ, приняты однако новыя пенсіонерки Императрицы, а въ 1788 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе правилъ, онѣ значились уже не пенсіонерками, а сверхштатными и за нихъ вносилась изъ Кабинета та же сумма, по 300 рублей на каждую благородную воспитанницу.

Въ первые годы существованія Общества, когда съ трудомъ набирался комплектъ воспитанницъ, особенно на благородную половину, Императрица присылала иногда Совѣту дѣтей, которыхъ онъ и помѣщалъ, несмотря на то, что ихъ года не подходили къ требованіямъ Устава. Принимались дѣвочки разныхъ возрастовъ, трехъ, четырехъ, девяти лѣтъ; а въ 1772 году были приняты „на время, по исключенію", разомъ двѣ сестры, изъ которыхъ одной было два, а другой всего одинъ годъ. Присылались дѣти до пріема и въ промежутки между пріемами. Допущенныя въ первое время, вслѣдствіе особенныхъ тогдашнихъ условій, отступленія отъ правилъ пріема – стали впослѣдствіи, начиная съ 1770 г., повторяться все чаще и чаще. Въ 1785 году были сразу приняты четыре сестры, сначала пенсіонерками, а потомъ три изъ нихъ зачислены казенными воспитанницами. Мѣщанскихъ дѣвушекъ при полученіи ихъ родителями штабъ-офицеркаго чина, переводили среди курса на благородную половину, и даже въ 4-й, старшій, возрастъ. „Таковое снисхожденіе", по словамъ Совѣта, „оказываемо было по просьбѣ самихъ родителей" [1]). Съ 1790 г. принимались, по повелѣнію Императрицы, и 10-ти-лѣтнія, прямо въ возрастъ „по приличности лѣтъ" [2]). По повелѣнію же Екатерины, на мѣщанскую половину были взяты двѣ дочери умершаго оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара, изъ которыхъ младшей было 2 года. Съ 1789 года о лѣтахъ присылаемыхъ дѣтей часто и совсѣмъ не сообщалось. Повелѣнія Императрицы принять ту или другую дѣвочку просто передавались Совѣту черезъ его члена, Завадовскаго, и въ послѣдній годъ ея жизни эти повелѣнія передавались

[1]) Протоколъ 30-го сентября 1785 г.

[2]) Дочь Суворова принята 11-ти лѣтъ по повелѣнію Екатерины, въ 1786 году. (Р. Арх. 1866, стр. 932. Письма и записки кн. Итал., гр. Суворова-Рымникскаго 1787—1800. Предисловіе П. Б.).

почти въ каждомъ засѣданіи Совѣта. Обыкновенно Екатерина приказывала принять пенсіонеркой ту или другую дѣвочку „пока“, т.-е. до зачисленія въ казенныя воспитанницы.

Всѣ подобныя отступленія отъ правилъ Устава имѣли, въ большинствѣ случаевъ, источникомъ желаніе Екатерины доставить возможно бо̀льшему числу дѣтей случай получить воспитаніе въ Обществѣ, а также помочь заслуженнымъ въ ея глазахъ родителямъ во время трудныхъ ихъ семейныхъ обстоятельствъ. Такъ, когда нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Обресковъ, былъ заточенъ турками въ башню, Екатерина писала гр. Н. Панину, чтобъ онъ обнадежилъ ея именемъ Обрескова въ томъ, что его дѣти не будутъ ею оставлены. „Я ихъ тотчасъ роздамъ“, пишетъ Екатерина, „дѣвокъ въ дѣвичей монастырь, а мальчиковъ въ Кадетской корпусъ, какъ наилучшіе училища, и то еще такія, гдѣ я сама часто бываю, очевидной свидѣтель успѣховъ сихъ питомцевъ“ [1]).

Вслѣдствіе такихъ отступленій отъ установленныхъ правилъ, къ концу царствованія Императрицы Екатерины всѣ порядки пріема и выпуска въ Обществѣ перепутались. Принимаемыя во всякое время, на неопредѣленные сроки, за различную плату, различныхъ возрастовъ, воспитанницы оставались иногда въ Обществѣ лишь 2—3 года, а иногда 14—16 лѣтъ, и выходили изъ него не 18-ти лѣтъ, какъ полагалось Уставомъ, а нѣкоторыя 14-ти, другія 20-ти. Графиня Ефимовская, пенсіонерка князя Голицына, была помѣщена имъ въ 1780 году (не въ пріемъ) когда ей было 16 лѣтъ, всего на 2 года. По смерти кн. Голицына Ефимовская оставалась еще 2 года на казенный счетъ, а при приближеніи срока ея выпуска, мать ея, въ совершенно безграмотномъ письмѣ Совѣту, просила оставить ея дочь „и напредь“. Совѣтъ почти всегда снисходилъ къ такимъ просьбамъ. Салтыкова, принятая въ Общество въ 1773 году пенсіонеркой отца, оставалась тамъ и въ 1790 году, стало быть жила уже 17-й годъ, согласно постановленію Совѣта „чтобы родители ея вносили столько, сколь долго вышеписанная дочь жить будетъ“ [2]).

Помѣщая своими пенсіонерками тѣхъ, кого нельзя было принять въ комплектъ штатныхъ воспитанницъ, Екатерина поступала такъ по отношенію не только къ дворянскимъ дѣтямъ, но и къ мѣщанскимъ. О послѣднихъ вообще очень мало свѣдѣній въ протоколахъ Общества, но и изъ нихъ видно, что на мѣщанской

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. X, стр. 336. Записка гр. П. Панину отъ 8-го мая 1769 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 3-го сентября 1790 года.

половинѣ постоянно были пенсіонерки Императрицы. Кромѣ того были, хотя и немного, пенсіонерки частныхъ лицъ, кромѣ сорока Бецкаго; только своекоштныхъ, т.-е. воспитывавшихся на счетъ родителей, кажется, не было ни одной. Но въ 1791 году была допущена крупная относительно мѣщанскихъ дѣтей несправедливость.

Въ пріемѣ этого года дворяне привезли изъ провинцій, какъ сказано въ докладѣ Совѣта уже Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ [1]), нѣсколько сотъ дѣтей. „Убѣдительные отзывы", говоритъ Совѣтъ, „что отцы служили Отечеству въ тогдашнихъ войнахъ и дальнее разстояніе возвращать ихъ при крайней нищетѣ, преклонили Императрицу Екатерину и по ея волѣ принято больше на благородную половину. Тогда, чтобы воспитанницъ не было болѣе положеннаго числа и не было, слѣдовательно, болѣе расходу", Совѣтъ постановилъ, чтобы „изъ мѣщанокъ 4-го возраста по представленію Начальницы, Надзирательницы и учителей, 34 дѣвушки оказавшихся упорными и къ наукамъ неспособными" исключить сообщивъ о томъ Опекунскому Совѣту Петербургскаго Воспитательнаго Дома, откуда онѣ вступили. А взамѣнъ ихъ, при пріемѣ въ первый возрастъ на мѣщанскую половину Совѣтъ предоставилъ Начальницѣ „по выбору" принимать имѣющихъ и дворянское достоинство, если родители того пожелаютъ" [2]). Мотивировалъ тогда же свое рѣшеніе Совѣтъ тѣмъ, что „по опыту зная, что мѣщанки, принимаемы будучи изъ низкаго состоянія людей, по выпускѣ не приносятъ предполагаемыя пользы Обществу", а дворянство не можетъ по крайней бѣдности воспитать прилично своихъ дѣтей [3]).

Къ этому Георги прибавляетъ еще другую причину рѣшенія Совѣта. Онъ говоритъ, что, окончивъ воспитаніе, тѣ мѣщанскія дѣвушки, которыя не помѣщались въ услуженіе, „принуждены были возвратиться къ бѣднымъ своимъ родственникамъ, коихъ родъ жизни имъ уже совсѣмъ не приличествовалъ". „По сей причинѣ", продолжаетъ Георги [4]), „были послѣ того одни только дѣти довольно достаточныхъ мѣщанъ и неимущихъ дворянъ; изъ сихъ послѣднихъ въ послѣднемъ пріемѣ было около половины". Руководствуясь такими соображеніями въ пріемѣ 1791 года,

---

[1]) Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи. Бумаги по Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Рапортъ о причинахъ, приведшихъ хозяйство Общества въ тяжелое положеніе. 1796.

[2]) Протоколъ Совѣта, іюнь, 1791 г.

[3]) Докладъ Совѣта Имп. Маріи Θед. 20-го декабря, 1796. Причины настоящаго худаго положенія Общества (Арх. Канц. В. О. бл. дѣвицъ).

[4]) Описаніе Имп. росс. стол. города. 1794. Ч. II, стр. 393, § 669.

на благородную половину было принято 88 дѣвочекъ вмѣсто 50, а въ слѣдующемъ, 1794 году, Совѣтъ, удовлетворяя, по его словамъ, просьбѣ родителей, дѣти которыхъ не попали на благородную половину, помѣстить ихъ на мѣщанскую, разрѣшилъ это Начальницѣ. Такимъ образомъ были приняты 16 благородныхъ дѣвочекъ на мѣщанскую половину; а для того, чтобы „не могли быть лишены удовольствія и изъ просителей разнаго состоянія люди, подавшіе объявленіе о принятіи ихъ дѣтей на мѣщанскую половину", Совѣтъ предоставилъ Начальницѣ право отдать до выпуска изъ 4-го возраста мѣщанскихъ дѣвушекъ тѣмъ родителямъ, которые „уже просятъ" о томъ. Выдавъ этимъ дѣвушкамъ обыкновенное свидѣтельство, на ихъ мѣсто должны были быть приняты столько же въ первый возрастъ [1]).

При этомъ Совѣтъ допустилъ еще большую несправедливость по отношенію къ мѣщанскимъ воспитанницамъ, ибо, помѣщая вмѣстѣ съ ними благородныхъ, онъ постановилъ, „чтобы онѣ были отличены отъ мѣщанскихъ воспитанницъ и считались наравнѣ съ прочими благородными". „Поэтому", сказано въ протоколѣ Совѣта, „и во время бываемыхъ собраній благородныхъ дѣвицъ выводить тѣхъ вмѣстѣ, а при выпускѣ дать аттестатъ какъ благороднымъ".

Пріемъ 1794 года былъ послѣднимъ при Екатеринѣ, и результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій было то, что по ея смерти, въ ноябрѣ 1796 года, всѣхъ воспитанницъ въ Обществѣ оказалось 503. Изъ нихъ 318 благородныхъ на благородной половинѣ и 50 благородныхъ же на мѣщанской. Стало быть, вмѣсто положенныхъ Уставомъ 200 благородныхъ ихъ было 368. За то на мѣщанской вмѣсто положенныхъ „Учрежденіемъ особливаго училища" 240 мѣщанокъ ихъ было всего 135. Въ этомъ перечисленіи воспитанницъ Совѣтъ показалъ 45 пенсіонерокъ на обѣихъ половинахъ: 39 на благородной и 6 на мѣщанской. Включивъ 20 пенсіонерокъ Штакельбергъ въ комплектъ воспитанницъ на благородной половинѣ, Совѣтъ очевидно въ числѣ 45 (43?) пенсіонерокъ считалъ 5 пенсіонерокъ Бецкаго на благородной [2]) и 10 на мѣщанской. Кромѣ того, съ 1791 года, судя по протоколамъ Совѣта, было помѣщено особами императорской фамиліи 8 пенсіонерокъ, не считая прежнихъ, помѣщенныхъ раньше. Если вычесть изъ 45, показанныхъ Совѣтомъ пенсіонерокъ, 23 перечисленныхъ выше, то своекоштныхъ могло быть не болѣе, а

[1]) Протоколъ Совѣта 7-го іюля 1794 г.

[2]) Эти пенсіонерки были приняты въ 1785 году и должны были выйти лишь въ 1797 году. Объ этомъ Бецкій упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи 1794 года.

скорѣе менѣе 20-ти на обѣихъ половинахъ и во всѣхъ возрастахъ воспитанницъ.

Въ 1796 году Бецкаго уже не было въ живыхъ (онъ умеръ 31-го августа 1795 г.), а за десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ ослѣпъ и незадолго до смерти впалъ въ дѣтство. Къ тому же съ 1785 года Екатерина къ нему охладѣла, и хотя до 1791 года онъ еще подписывалъ свое имя подъ бумагами Совѣта, но уже не принималъ участія въ дѣлахъ Общества. Изъ лицъ, бывшихъ въ одно съ нимъ время членами Совѣта, въ 1796 году никого, кромѣ Начальницы, въ немъ не было. Поэтому немудрено, что составленныя Бецкимъ въ 1773 году правила о пенсіонеркахъ и всѣ его разсчеты были забыты. Когда Совѣтъ тотчасъ по смерти Екатерины представилъ свой докладъ о состояніи Общества Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, она, а за нею всѣ, ужаснулись, найдя цыфру воспитанницъ громадною. Самъ Совѣтъ представлялъ, что въ числѣ 503 — „лишнихъ“ 43, и никто изъ бывшихъ тогда дѣятельными въ Обществѣ лицъ не обратилъ вниманіе Императрицы на то, что, напротивъ, эта цифра на 37 меньше той, какую, по самому скромному толкованію доклада Бецкаго 1773 года о пенсіонеркахъ и его разсчетовъ, ожидалъ онъ самъ и которая была разрѣшена Императрицею Екатериною. Вмѣсто предположенныхъ докладомъ Бецкаго ста пенсіонерокъ, въ 1796 году, т.-е. черезъ 23 года послѣ изданія правилъ, во всемъ Обществѣ было ихъ менѣе половины этого числа, а число своекоштныхъ было совсѣмъ ничтожно.

Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о равнодушіи, съ какимъ и въ концѣ царствованія Екатерины продолжало относиться къ женскому образованію русское общество. Правда, съ 1791 года къ пріемамъ въ Воспитательное Общество привозили дѣтей „въ изобиліи“, какъ выражался Совѣтъ, но всѣ стремились помѣстить ихъ на казенный счетъ, зная что Общество не только будетъ содержать дѣтей въ теченіе 12-ти лѣтъ, но еще обезпечитъ участь нѣкоторыхъ, наиболѣе счастливыхъ, на всю жизнь, и во всякомъ случаѣ многимъ облегчитъ положеніе хоть на первое время по ихъ выходѣ изъ учебнаго заведенія.

Всего за время Императрицы Екатерины получили въ Обществѣ воспитаніе 1316 [1]) дѣвушекъ. При 11-ти пріемахъ и 7-ми выпускахъ (съ 1764 по 1794) окончили курсъ 850 дѣвицъ: 440 на благородной половинѣ и 410 на мѣщанской [2]).

¹) *Георги.* Описаніе. Ч. II, §§ 671 и 672.

²) *Гр. Д. А. Толстой.* Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года.

VII.

Первые годы внутренней жизни въ Смольномъ.—Записки Гл. Ив. Ржевской.—Отношеніе Екатерины къ воспитанницамъ.—Первое ея посѣщеніе Смольнаго.—Письма Екатерины къ воспитанницамъ.—Любовь ея къ нимъ.—Письма Екатерины къ Вольтеру о смолянкахъ.—Забота о театральныхъ представленіяхъ въ Смольномъ.—Гулянье воспитанницъ въ Лѣтнемъ саду.—Сужденіе о нихъ публики и литературы.—Стихи въ честь смолянокъ.—Взгляды и ожиданія общества отъ „новаго воспитанія".—Характеръ переписки Екатерины съ воспитанницами.—Письма къ нимъ Бецкаго и шведскаго короля.—Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ.—Характеръ воспитанія въ Смольномъ.—Матеріальная обстановка воспитанницъ.—Дневникъ гр. Бобринскаго.—Танцы и ассамблеи въ Смольномъ.—Столъ для нищихъ.—Постановленія Совѣта объ экзаменахъ и присужденіе наградъ воспитанницамъ.—Чему онѣ учились.—Награды имъ.—Церемонія перваго выпуска изъ Смольнаго (1776).—Пожалованіе Екатериною капитала въ 100.000 рублей для раздачи при выпускѣ изъ процентовъ на приданое неимущимъ и наиболѣе отличившимся воспитанницамъ.—Раздача денегъ мѣщанкамъ.—Скудость свѣдѣній о мѣщанскихъ воспитанницахъ.—Заботы Совѣта объ имуществѣ воспитанницъ.—Отношеніе Совѣта къ мѣщанкамъ.—Подтвержденіе дарованной имъ Императрицею Екатериною привилегіи.—Взятыя ко двору воспитанницы перваго выпуска съ благородной половины.—Портреты ихъ. Лица, оставленныя „на житье" въ Смольномъ.—Члены Совѣта въ первыя 12 лѣтъ существованія Воспитательнаго Общества.

О первыхъ годахъ внутренней жизни въ Смольномъ монастырѣ сохранился едва ли не единственный источникъ свѣдѣній въ запискахъ, оставленныхъ Ржевскою [1]). Она писала ихъ, какъ сама говоритъ, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, стало быть, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ вышла изъ Воспитательнаго Общества, и писала, по ея словамъ, для самой себя, не имѣя въ виду какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Тогда уже не было въ живыхъ ни Императрицы Екатерины, ни вообще кого-либо изъ дѣйствовавшихъ въ то время, когда Ржевская воспитывалась въ Смольномъ, лицъ. Основываясь на этомъ, можно вѣрить тому, что̀ она

---

[1]) Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольнаго монастыря. Р. Арх. 1871. № 1.

говоритъ о своемъ воспитаніи и вообще о воспитаніи, которое при ней давалось въ Обществѣ.

По словамъ Ржевской, основою воспитанія въ Смольномъ въ ея время служило совершенное равенство всѣхъ воспитанницъ; „это" —говоритъ она— „была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ, общимъ для всѣхъ, правиламъ; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты". Въ воспитанницахъ развивали природныя дарованія, а также мышленіе, благодаря чему она, Ржевская, сдѣлалась очень строга къ себѣ, и чѣмъ болѣе ее отличали (она была первою въ классѣ), тѣмъ старательнѣе она становилась „желая усовершенствоваться и сохранить общее расположеніе". О своемъ пребываніи въ Воспитательномъ Обществѣ Ржевская говоритъ какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Счастье это, по ея словамъ, нельзя сравнить „ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ положеніемъ свѣтскимъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся". Она называетъ Делафонъ умною наставницею, замѣнявшею воспитанницамъ мать, служившею имъ руководительницею и другомъ. Делафонъ предупреждала Ржевскую, что „привычка къ отличію и предпочтенію, которыми она пользовалась въ Обществѣ, какъ первая ученица, можетъ сдѣлать ее гордою и требовательною". Такъ относилась Делафонъ, по словамъ Ржевской, не къ ней одной, а и къ другимъ воспитанницамъ [1]). Всѣ къ ней обращались за совѣтомъ и дорожили ея мнѣніемъ о томъ или другомъ своемъ поступкѣ. Вообще, если вѣрить Ржевской, воспитанницы ея времени были очень скромны, несмотря на полную свободу, которую имъ предоставляли. Большей частью, говоритъ она, это были дѣвушки благонравныя; между ними было очень мало дурныхъ, „и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства... О порокахъ же мы и понятія не имѣли", прибавляетъ Ржевская. О Бецкомъ она отзывается какъ объ „удивительномъ человѣкѣ, почтенномъ старцѣ, котораго воспитанницы уважали какъ отца и защитника, который и самъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ справедливъ безъ малѣйшаго лицепріятія. Такимъ онъ оставался въ стѣнахъ заведенія для всѣхъ воспитанницъ до послѣдней минуты пребыванія Ржевской въ Смольномъ.

[1]) Это подтверждаютъ и другія, знавшія смолянокъ, лица. Князь Ив. Мих. Долгорукій говоритъ что и послѣ выпуска онѣ произносили имя Делафонъ съ благоговѣніемъ. (Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. *кн. И. М. Долгорукаго*, стр. 51.—Чт. Общ. ист. и древн. росс. 1872 и 1873).

Объ отношеніяхъ къ нимъ Императрицы Екатерины, Ржевская выражается, что „скрывая всегда разстояніе, отдѣляющее подданныхъ отъ государыни, мать и покровительница заведенія не могла лишь скрыть отъ воспитанницъ великихъ качествъ ее отличавшихъ"... Допуская короткое обращеніе дѣтей съ собою, она „никогда не роняла своего величія".

Екатерина въ первый разъ посѣтила Смольный черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его открытія, 21-го ноября 1764 года. Это первое знакомство Императрицы съ воспитанницами носило повидимому оффиціальный характеръ. Она пріѣхала со всѣмъ дворомъ въ десять часовъ утра и пробыла въ Обществѣ до часу. Ее встрѣтили четыре Попечителя: Ив. Ив. Бецкій, Н. Панинъ, гр. Чернышевъ, С. Козминъ, а собранныя въ комнату Начальницы воспитанницы и учительницы принесли Императрицѣ поздравленіе, „яко матери и Государынѣ своей". При этомъ одна изъ воспитанницъ, графиня Вальштейнова, произнесла на французскомъ языкѣ краткую привѣтственную рѣчь. Прослушавъ затѣмъ въ церкви обѣдню и осмотрѣвъ различныя работы воспитанницъ, Екатерина пришла въ столовую и, попробовавъ кушанье, смотрѣла какъ обѣдаютъ воспитанницы. Впослѣдствіи Императрица часто пріѣзжала въ Смольный и не только въ торжественные дни, а, по выраженію камеръ-фурьерскаго журнала [1]) „обыденкою"; иногда она пріѣзжала по приглашенію воспитанницъ, которыя приготовляли для нея „сценическіе сюрпризы" разыгрывая разныя французскія и русскія піесы или представляя балеты. Великій князь Павелъ Петровичъ и другіе члены царской семьи также часто посѣщали Смольный, который обыкновенно показывали и пріѣзжимъ иностраннымъ гостямъ. Великая княгиня Наталья Алексѣевна пріѣзжала по два и по три раза въ недѣлю, разговаривала и занималась съ воспитанницами музыкой [2]).

Часто навѣщая и бесѣдуя запросто съ воспитанницами, Екатерина не только знала почти всѣхъ ихъ по именамъ [3]), но и переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сохранившіяся и напечатанныя въ Р. Архивѣ [4]) четыре ея письма къ Левшиной (впослѣдствіи княгинѣ Черкасской) такъ ярко рисуютъ отношенія Императрицы къ воспитанницамъ и къ Смольному, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ. Въ этихъ письмахъ къ тому же

---

[1]) *П. Н. Петровъ*, Исторія Санкт-Петербурга, стр. 793.

[2]) Зап. Гл. Ив. Ржевской. Р. Арх. 1871. № 1, стр. 35.

[3]) Историческій очеркъ столѣтней жизни Имп. Восп. Общ. благ. дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища. Составилъ *В. Н. Лядовъ*. 1864.

[4]) Р. Архивъ, 1870. Кн. 3, стр. 529.

есть и подробности, дающія нѣкоторое понятіе о внутренней жизни и бытѣ первыхъ годовъ Общества.

Въ письмахъ Екатерины, также какъ и въ запискахъ Ржевской, есть намеки на то, что первоначальная мысль Императрицы объ учрежденіи женскаго учебнаго заведенія, изложенная въ собственноручныхъ ея замѣткахъ когда она была еще великой княгинею, и была, при основаніи Воспитательнаго Общества, проведена именно такъ, какъ она это предполагала. Екатерина называетъ воспитанницъ 3-го возраста, носившихъ платье сѣраго цвѣта, „soeurs grises“ (письма писаны по-французски). У Ржевской также встрѣчается выраженіе „община сестеръ“ (вѣроятно въ русскомъ переводѣ записокъ, также написанныхъ по-французски, это передача словъ „communauté des soeurs“). Эти выраженія, принятыя какъ въ Смольномъ, такъ и внѣ его, вошли въ употребленіе, надо полагать, съ перваго же времени существованія Воспитательнаго Общества, которое такъ и сохранило навсегда названіе Смольнаго монастыря.

Первое изъ упомянутыхъ писемъ Екатерины къ воспитанницѣ Левшиной—помѣчено 1770 годомъ. Тогда Левшиной было не болѣе 12-ти лѣтъ [1]. Вотъ это письмо:

„Черномазая Левушка! получивъ ваше милое письмо, мнѣ захотѣлось сѣсть въ коляску и ѣхать прямо въ монастырь, чтобы васъ увидать; но не прогнѣвайтесь, меня удержалъ сильный холодъ. Я рѣзвлюсь немногимъ меньше чѣмъ вы, поэтому нахожу васъ очень любезною; но воздухъ вашихъ большихъ корридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только сильные морозы пройдутъ, я пріѣду какъ-нибудь на все послѣобѣденное время присутствовать при разныхъ вашихъ занятіяхъ, если мои, ибо и у меня они есть, мнѣ это позволятъ. Мой поклонъ всему Обществу; поцѣлуйте пожалуйста отъ меня старѣйшихъ моихъ знакомыхъ—сѣрыхъ сестеръ; скажите имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ всякаго рода успѣхи, это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе; я имъ это докажу, когда пріѣду какъ-нибудь вечеромъ, чтобы вволю поиграть съ Обществомъ. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ, которой вы столькимъ обязаны и которую вы такъ нѣжно любите.

„Екатерина“ [2]).

---

[1]) Левшина была дочь маіора отъ его перваго брака съ княжною Кольцовой-Масальскою. Осиротѣвъ на четвертомъ году, она была принята въ Смольный въ 1764 г., шести лѣтъ отъ роду. (Р. Архивъ. 1870, кн. 3, стр. 687.)

[2]) „Черномазая Левушка! J'aurais voulu monter en carrosse dès que j'ai reçu votre joli lettre pour aller tout droit au Couvent vous voir; mais, ne vous en dé-

Какого содержанія было письмо Левшиной, на которое отвѣчаетъ Императрица, мы не знаемъ. Ея письма, также какъ и другихъ воспитанницъ къ Екатеринѣ, не сохранились; но изъ отвѣтовъ на нихъ Императрицы можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ къ ней относились дѣвочки. Ихъ письма очень нравились Екатеринѣ. Въ запискѣ къ графу Н. И. Панину отъ 21-го іюля 1771 года, она проситъ его передать великому князю „для любопытства письмо рѣзвыя Левшины“... „Я чаю“, прибавляетъ Екатерина, „что на четвертанадцатомъ году не можно болѣе опыта дать живого, веселаго и пріятнаго сложенія“ [1]). О письмахъ смолянокъ Екатерина писала и Вольтеру. „Мнѣ не разъ хотѣлось“, говоритъ она ему въ письмѣ отъ 23 марта 1772 года [2]), „послать вамъ нѣсколько полученныхъ мною отъ нихъ записокъ, которыя навѣрно сочинены не ихъ учителями, ибо въ нихъ очень много дѣтскаго; но ужъ теперь въ каждой строкѣ видна, рядомъ съ невинностью, пріятность и веселость ихъ ума“. Въ одномъ изъ писемъ того же года къ Вольтеру, Екатерина, восхищаясь воспитанницами Смольнаго, высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, говоря что онѣ превзошли всѣ ожиданія, что успѣхи ихъ удивительны; что всѣ находятъ что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными знаніями, полезными для общества; что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обладаютъ безукоризненною нравственностью, однакоже безъ мелочной строгости монахинь“ [3]). Благодаря Вольтера за пожеланіе ей, въ числѣ другихъ благъ, увеличенія радостей, Екатерина говоритъ ему объ „особеннаго рода радости“, очень для ней близкой, въ доставленіи которой Вольтеръ можетъ быть ей полезенъ своимъ совѣтомъ.

Дѣло въ томъ, что въ ряду разныхъ воспитательныхъ средствъ, Екатерина считала однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, театръ,

plaise, le grand froid m'a retenue. Je gambade un peu moins que vous, aussi je vous trouve très aimable; mais l'air de vos grands coridors est trop refraichissant pour moi pendant ce mois-ci. De que les fortes geles serront passées, je viendrai assister pendant une après-midi entière à toutes vos différentes occupations, si le miennes,— car j'en ai aussi, — me le permettent. Mes compliments à toute la communauté; embrassez s'il vous plait de ma part mes plus anciennes connaissances, les soeurs grises; dites leurs, que j'aime à voir leurs progrès de toutes espèces, ca m'est un vrai contentement; je leur marquerai en venant un soir jouer au long avec la communauté. Mes compliment à Madame de la Fond, à la quelle vous tant avez d'obligation et que vous aimez si tendrement.

„Catherine“.

[1]) Чт. Общ. ист. и древн. росс. 1863. Кн. II.

[2]) Сбор. р. ист. общ. Т. XIII, стр. 226.

[3]) Сб. ист. общ. Т. XIII, стр. 212. Письмо къ Вольтеру отъ 30 января 1772 г.

какъ школу добрыхъ нравовъ и хорошихъ маперъ. Театральныя представленія полагались въ обществѣ Уставомъ, но были введены тамъ, какъ сообщаетъ Екатерина Вольтеру [1]), только въ 1770 году. По ея словамъ, воспитанницы исполняли свои роли „лучше настоящихъ здѣшнихъ актеровъ и актрисъ“. Но въ выборѣ піесъ для театра начальство Смольнаго встрѣчало большое затрудненіе, ибо „не хотѣлось“, говоритъ Екатерина, „чтобы воспитанницы играли такія піесы, которыя слишкомъ сильно возбуждаютъ страсти“. Поэтому она и просила Вольтера посовѣтывать ей какъ быть, „ибо“, писала она, „дурными и пошлыми піесами можно испортить вкусъ“, а представлять отдѣльныя сцены не такъ интересно, какъ цѣлыя піесы. Вольтеръ обѣщалъ выписать изъ Парижа трагедіи и комедіи лучшихъ французскихъ авторовъ въ листахъ, велѣть сброшюровать ихъ въ перемежку съ бѣлыми страницами, на которыхъ онъ хотѣлъ вписать сдѣланныя имъ самимъ измѣненія, „нужныя“, какъ выразился Вольтеръ, „для охраненія добродѣтели Вашихъ прелестныхъ дѣвицъ“ [2]). Съ такою же просьбою Екатерина обращалась и къ Дидро въ бытность его въ Петербургѣ въ 1773—1774 году. Вообще театральныя представленія воспитанницъ живо интересовали Императрицу. Въ ожиданіи обѣщанныхъ, спеціально для Смольнаго написанныхъ, піесъ, воспитанницы играли трагедіи и комедіи Вольтера, а изъ отечественныхъ—Сумарокова „Семиру“ и другія. При исполненіи мужскихъ ролей онѣ надѣвали, какъ разсказываетъ Екатерина Вольтеру [3]), нѣчто въ родѣ длиннаго фрака, который, говоритъ она, „мы называемъ моднымъ въ той странѣ“. Самыя трудныя, по ея словамъ, роли и хуже всѣхъ исполнявшіяся, были роли стариковъ: „большой парикъ и палка“, пишетъ Екатерина, „не придаютъ морщинъ молодому лицу“.

Объ этихъ представленіяхъ Екатерина говоритъ во второмъ своемъ письмѣ къ Левшиной и другимъ воспитанницамъ, исполнявшимъ различныя роли въ піесахъ Вольтера и Брюэ. Письмо ея помѣчено также 1770 годомъ.

„Скажите, Левушка“, пишетъ Екатерина, „могу ли я отвѣчать каждой изъ васъ отдѣльно на вашу болтовню? Вы говорите все, что̀ вамъ придетъ въ голову; вы поздравляете меня съ моимъ праздникомъ; вы меня брапите за то, что я поѣхала на дачу, вы приглашаете меня смотрѣть на грязь вашего скверпаго сада, и столько

[1]) Письмо отъ 30 января 1772 г.

[2]) Oeuvres complètes de Voltaire. 1821. T. 42. Correspondance avec les souverains. Письмо 12 марта 1772 г.

[3]) Письмо отъ 23 марта 1773 г. (Сб. р. и. общ. Т. XIII, стр. 227).

еще всякой галиматьи, что понадобилась бы цѣлая десть бумаги чтобы отвѣчать вамъ подробно; поэтому я отказываюсь; но продолжайте, сударыня; ваше перо, вашъ языкъ и ваше сердце превосходны и въ самомъ дѣлѣ я васъ очень люблю.

„Алимушка [1])! съ сердцемъ не той субретки, которая взбѣгаетъ каждый день 221 ступеньку, чтобы издали взглянуть на замокъ, столь ненавидимый Обществомъ. Вы заслуживаете, что я вамъ скажу большое спасибо за прекрасные комплименты, которые вы мнѣ дѣлаете, и за то, что вы обладаете искусствомъ выманивать монахинь изъ ихъ келій вашей веселостью и по разнымъ другимъ еще причинамъ.

Госпожа Крупильякъ [2]), повидимому, бережетъ бумагу для своихъ процессовъ; ея почеркъ мелокъ, слогъ ея комплиментовъ сжатъ; однако она выдерживаетъ характеръ и дразнитъ солнце, которому желаетъ затмѣнія—вотъ что значитъ привычка!

„— Еще Лиза, красавица Лиза, такая кроткая, вмѣсто того чтобы радоваться, что она столько разъ выходила замужъ за Ефима Молчакова, также недовольна, несмотря на ея прекрасное привѣтствіе по поводу моего праздника, тѣмъ, что я живу въ позолоченномъ за́мкѣ.

„— Ефимъ-сынъ, проѣвъ все свое состояніе съ пріятелями, начинаетъ мнѣ говорить о своемъ сердцѣ; я его принимаю на зло Лизѣ и г-жѣ Крупильякъ, которую я въ одинъ прекрасный день выдамъ замужъ за Фрейнфата, чтобы отомстить за мой оскорбленный за́мокъ; и на свадьбѣ, волей-неволей, будетъ танцовать дѣвица Барщова [3]) въ наказаніе за то, что она нашла возможнымъ сравнить петербургскій снѣгъ съ снѣгомъ Царскаго села. Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой, феноменъ, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ, когда этого всего менѣе будутъ ожидать и это можетъ случиться скоро, скоро. Молитесь Богу, чтобы ледъ прошелъ какъ можно скорѣе; въ ожиданіи этого, цѣлую разомъ всѣхъ затѣйщицъ шума и благодарю ихъ за оказываемую мнѣ пріязнь. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ. 1770.

„Екатерина“ [4]).

---

[1]) Такъ называетъ Императрица Алымову, впослѣдствіи Ржевскую, автора Записокъ.

[2]) Эта, какъ и другія, упоминаемыя здѣсь Императрицей, фамиліи и имена, относятся къ дѣйствующимъ лицамъ комедій, которыя исполняли воспитанницы.

[3]) Одна изъ воспитанницъ.

[4]) „Dites, Левушка, votre babil me suffirait-il pour répondre à chacune de vous en particulier le moyen? Vous dites tout ce qui vous vient dans la tête; vous me

Третье письмо Императрицы безъ числа; но оно написано въ 1773 году, за три года до перваго выпуска изъ Смольнаго. Въ этомъ году въ первый разъ съ его основанія, воспитанницъ, по выраженію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1773 года [1]), „предположено было показать публикѣ въ Лѣтнемъ саду“.

Такая ли была въ дѣйствительности цѣль вывоза воспитанницъ, только-что перешедшихъ въ четвертый, т.-е. старшій, возрастъ, неизвѣстно. Но появленіе въ городѣ цѣлаго класса 14—15-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ въ одинаковой праздничной одеждѣ, само по себѣ должно было произвести впечатлѣніе на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что учебное заведеніе, въ которомъ эти дѣвочки воспитывались, пользовалось не только покровительствомъ, но и любовью Императрицы. По всему этому, прогулка воспитанницъ Смольнаго монастыря въ Лѣтнемъ саду была цѣлымъ событіемъ для тогдашняго общества; ее описали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

„20-го мая“, разсказываетъ очевидецъ, „пріѣхало къ Лѣтнему саду много знатнаго дворянства и собралось столько народу, что по

félicitez de ma fête, vous me grondez de ce que je suis allée à la campagne, vous me invitez à voir la boue de votre vilain jardin, et puis tant d'autres galimatias, qu'il faudrait une main de papier pour vous répondre en détail; j'y renonce donc; mais continuez, Mademoiselle, votre plume, votre langue et votre coeur vont à merveille, et en vérité je vous aime beaucoup.

„— Алимушка! au coeur non pas de soubrette, qui monte tous les jours de 221 degrès, pour voir de loin ce chateau tant détesté par la communauté. Vous méritez que je Vous dirai grand merci pour tous les beaux complimens, que vous me faites et parceque vous avez l'art de tirer les religieuses de leurs cellules, par votre gaieté et par beaucoup d'autres raisons encore —La Dame Croupillac menage apparement son papier pour ses procès, son écriture est menue, la tournure de son compliment concise; elle soutient cependant de son caractère et chicane le soleil, auquel elle souhaite une eclipse—voila ce que la coutume.—Lise encore, la belle Lise, si douce au lieu d'être contente d'avoir épousé tant de fois Euphemon Молчаковъ, trouve aussi à redire, malgré son beau compliment sur ma fête, que j'occupe un chateau tout doré.

„— Euphemon fils, après avoir mangé tout son bien avec ses amis, vient me parler de son coeur, je l'accepte en depit de Lise et de la Dame Croupillac, que je marierai à Freinfat un beau jour, pour venger mon chateau offensé, et à la noce dansera malgré elle la Demoiselle Barschoff, pour la punir de ce qu'elle trouva la neige de Petersbourg comparable à celle de Zarskoselo.—L'apparition sur l'horizon de la Demoiselle Nelidoff est un phenomene, que je viendrai observer de près, au moment qu'on s'y attendra le moins, et cela peut être bientot, bientot. Priez Dieu que la glace défile au plutôt; en attendant j'embrasse tous les faiseurs de tapage à la fois, et les remercie de toutes les amitiés qu'elles me temoignent. Mes compliments a M-me de la Fond. L'an 1770.

„Catherine“.

[1]) Прибавленіе къ „С.-Петерб. Вѣдомостямъ“ 1773 г. № 45.

берегу Невы и даже на Миллiонной стояла толпа. Смолянки ѣхали по Невѣ въ шлюпкахъ, въ сопровожденiи Бецкаго, Лафонъ и Надзирательницъ. У пристани, противъ Зимняго дворца, онѣ вышли на берегъ и прошли въ Эрмитажъ, а оттуда пѣшкомъ по Невскому каменному берегу въ садъ"... За ними слѣдовала такая масса народа, что вся улица была запружена и вслѣдствiе этого прiостановлено движенiе экипажей. При входѣ въ Лѣтнiй садъ, воспитанницъ ожидалъ сюрпризъ: графъ Орловъ разставилъ въ закрытой куртинѣ сада роговую музыку. „Сей Его Свѣтлости поступокъ" говорятъ С.-Пет. Вѣдомости „былъ весьма кстатѣ употребленъ, дабы молодыхъ дѣвушекъ, не знающихъ еще свѣта, но хорошо воспитанныхъ, при первомъ шагѣ вступленiя ихъ въ свѣтъ, такимъ прiятнымъ образомъ встрѣтить и привыкшiй ихъ вкусъ къ нѣжности во время гулянья забавлять музыкою". Публика, по словамъ автора описанiя, замѣтила, что воспитанницы съ большимъ вниманiемъ осматривали мраморныя статуи, „дѣлали примѣчанiя и разсуждали знающимъ и похвальнымъ образомъ о скульптурѣ, равно какъ примѣтно было ихъ знанiе изъ разсужденiй о живописи и о исторiяхъ картинъ, которыя онѣ смотрѣли въ Эрмитажѣ и его галлереяхъ". Вообще, если вѣрить С.-Петерб. Вѣдомостямъ, воспитанницы Смольнаго дали публикѣ очень выгодное понятiе о своемъ воспитанiи и знанiяхъ тѣмъ, что „всякiй могъ примѣтить въ нихъ благопристойную смѣлость, благородную незастѣнчивость. Многiе говорили съ ними о разныхъ матерiяхъ и онѣ со всѣми и обо всемъ изъяснялися свободно, непринужденно и съ особливою прiятностью и на всѣ вопросы отвѣчали къ удовольствiю каждаго любопытствующаго узнать о ихъ понятiяхъ и знанiяхъ"... „И народъ", прибавляютъ С.-Пет. Вѣдомости, „выхвалялъ самыми простыми и свойственными ему выраженiями сихъ дѣвицъ и данное имъ воспитанiе". Въ своемъ увлеченiи видѣннымъ и слышаннымъ, С.-Петерб. Вѣдомости, основываясь только на одномъ появленiи благовоспитанныхъ барышень и нѣсколькихъ брошенныхъ ими словъ, пришли къ заключенiю, что „насажденныя Монархинею воспиталища возрастятъ Россiи хорошихъ женъ, попечительныхъ хозяекъ; въ мужскомъ полѣ произведутъ хранящихъ истину судей, остроумныхъ министровъ, славныхъ героевъ, вѣрныхъ друзей и сыновъ, прямо любящихъ свое отечество".

До сихъ поръ о Воспитательномъ Обществѣ говорилось лишь въ указахъ, которыхъ публика не читала, да въ протоколахъ Совѣта, ей недоступныхъ. Теперь, въ первый разъ заговорила о немъ литература и если, показывая воспитанницъ публикѣ, цѣль Екатерины была воочiю показать русскому обществу результаты

9-ти-лѣтняго воспитанія въ Смольномъ, то цѣль ея была достигнута. Не однѣ „С.-Петерб. Вѣдомости", но и „Живописецъ" Новикова заинтересовались имъ, подкупленные пріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ съ перваго же раза воспитанницами. Въ „Живописцѣ" появились стихи „На случай когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по 9-ти-лѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явились въ общество и гуляли въ саду Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дворца 1773 года, мая 20-го" [1]). Неизвѣстный авторъ, восхваляя красоту воспитанницъ, ихъ „пріятности, невинность, превосходные взгляды", упомянувъ о Цитерскихъ граціяхъ, Сиренахъ, Нереидахъ, Нимфахъ, и, конечно, объ Эротѣ, кончаетъ, говоря о волнахъ Невы, по которымъ воспитанницы плыли въ Эрмитажъ:

„И послѣ обратясь свои стремили воды
Чтобы себя скорѣй съ водой морей смѣшать,
И тамо разлившись тещи во всѣ народы,
Имъ о пріятностяхъ узрѣнныхъ возвѣщать.
Да вѣдаютъ враги Россійскіе и други
Сколь важны Бецкова Отечеству заслуги".

Въ томъ же листѣ „Живописца" напечатаны и другіе стихи, приписываемые Сумарокову [2]). Тутъ, рядомъ съ восхищеніемъ красотой и талантами воспитанницъ Смольнаго, говорится и о „мудрости въ ихъ мысляхъ". Взгляды и ожиданія общества отъ новаго воспитанія молодыхъ дѣвушекъ высказаны въ слѣдующихъ строкахъ:

„Ихъ воспитаніемъ исправлены умы
Всѣхъ добродѣтелей примѣры намъ представятъ.
Сердца испорченны и нравы злыхъ исправятъ.
Сколь много должны въ нихъ Екатеринѣ мы!"

Послѣднія строки въ обоихъ стихотвореніяхъ выдаютъ главную, какъ кажется, мысль, которою руководились авторы: восхваляя „новое воспитаніе" они желали восхвалить Императрицу и Бецкаго. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднемъ стихотвореніи вѣрно истолкована цѣль, съ которою Екатерина основала Воспитательное Общество, хотя въ дѣйствительности изображенныя въ немъ надежды и ожиданія едва ли раздѣлялись русскимъ обществомъ, относившимся къ „новому воспитанію" совершенно равнодушно.

---

[1]) Живописецъ. Ч. II. 1773, Л. 24. XXIX.

[2]) Р. Архивъ. 1871, стр. 1706. „Стихи госпожамъ дѣвицамъ перваго возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ саду Лѣтняго Ея Имп. Величества дома сего 1773 года, 20-го числа Маія".

Годомъ позже Сумароковъ выразилъ еще сильнѣе тѣже мысли въ другомъ стихотворенiи, посвященномъ нѣкоторымъ воспитанницамъ Смольнаго:

„Предвозвѣщанiя о васъ мнѣ слышны громки:
Отъ васъ наукѣ ждемъ и вкусу мы наградъ,
И просвѣщенныхъ чадъ.
Предвижу каковы намъ слѣдуютъ потомки“ [1]).

О событiи, обратившемъ на время вниманiе общества на воспитанницъ Смольнаго, говоритъ и Императрица въ третьемъ письмѣ къ Левшиной. Екатерина пишетъ:

„Вотъ мой отвѣтъ на ваши два письма, сударыня; мимоходомъ замѣчу, что первое изъ нихъ написано такъ мелко, что если вы будете продолжать совершенствоваться въ такомъ родѣ писанiя, то введете меня въ расходъ: черезъ шесть мѣсяцевъ я буду принуждена купить себѣ очки, чтобы читать ваши письма; но съ очками или безъ очковъ, они всегда будутъ мнѣ прiятны. Скажите пожалуйста отъ меня г-жѣ Делафонъ, что та большая бѣлая дѣвица съ темноватымъ лицомъ, съ носомъ попугая, которая, бывало, испускала цѣлый магазинъ гласныхъ когда я прiѣзжала или уѣзжала изъ монастыря, пишетъ столь же естественно, сколь ея письма наполнены веселостью; я очень люблю, когда прекрасная природа проявляетъ себя безъ афектацiй и изысканности и нахожу черномазую Левушку съ ея вѣтренностью и остроумными выходками совершенно въ моемъ вкусѣ. Продолжайте, сударыня, продолжайте: черезъ три года я прiѣду взять васъ изъ монастыря, и какъ бы вы ни кричали, ни сердились, ни плакали, волей-неволей вы увидите Царское село, о которомъ вы теперь такого дурного мнѣнiя, и вопреки вашему нраву, такъ какъ вы любите правду, вы принуждены будете согласиться, что это красивое мѣсто, болѣе красивое, нежели тотъ садъ лѣтняго дворца, который украшали собою „бѣлыя“ въ день, когда нѣкiя цесарки тамъ прогуливались и вскружили голову всему городу; но смотрите что натворили эти дѣвицы: съ этого дня городъ наводненъ червями (переводъ французскаго слова — „vers“), но однако не тѣми, которые гложутъ листья у деревьевъ и производятъ такое ужасное разрушенiе здѣсь въ моемъ саду, а тѣми, которые творятъ поэты, когда передъ ними возникаютъ оживляющiе ихъ воображенiе предметы. Я какъ-нибудь прiѣду въ городъ, чтобы посмотрѣть какъ г-жа Делафонъ устраиваетъ всѣ углы и уголки

[1]) Соч. *Сумарокова*. Ч. 9, стр. 161. „Письмо къ дѣвицамъ госпожамъ Нелидовой, Барщовой и другимъ“, игравшимъ въ Смольномъ трагедiи Сумарокова.

мѣщанскаго помѣщенія [1]), о которомъ вы мнѣ говорите. Надѣюсь что ваша мелюзга и впередъ не будетъ мяукать; благодаря вашимъ стараніямъ, какъ видите, я стала употреблять монастырскія, или, по крайней мѣрѣ, ваши выраженія. Не пугайтесь того, что г. Бецкій будетъ настаивать, чтобы вы учились плавать; въ его годы,—это вѣдь упражненіе, для котораго требуется сила и ловкость,—обыкновенно больше шумятъ, чѣмъ дѣлаютъ дѣло. Совѣтую вамъ поймать его на словѣ и онъ окажется въ большемъ чѣмъ вы затрудненіи чтобъ исполнить свое обѣщаніе; увидите что онъ вамъ отвѣтитъ: „прекрасно, прекрасно, сударыня", и отложитъ исполненіе до другого дня. Вы должны также узнать у него, для чего онъ поставилъ въ мою комнату, въ Зимнемъ дворцѣ, турецкую софу? Обыкновенно онъ ставитъ въ мои комнаты все, что хочетъ; только ваше личико работы дѣвицы Молчановой я сама поставила; это вещь любимая, которая не исчезнетъ съ мѣста, мною ей даннаго, лучше сказать, вами самою ей даннаго. Если это вамъ кажется непонятнымъ, то спросите разъясненія у вашихъ начальницъ, онѣ не могутъ этого не знать.—Я нахожу что данная вамъ графомъ Орловымъ серенада придумана очень хорошо; онъ любитъ доставлять вамъ удовольствіе, онъ присутствовалъ при вашемъ рожденіи и привязанъ къ вамъ безконечно. Онъ любитъ благо отечества, а ваше воспитаніе тому содѣйствуетъ. Онъ любитъ васъ особенно, знаете почему? Потому что вы любезны. Ну, мое письмо вѣдь достаточно длинно; однако я должна еще вамъ сказать, чтобы вы поклонились отъ меня мелюзгѣ коричневой, приласкали малютокъ голубыхъ, поцѣловали сѣрыхъ сестеръ, и обвились бы руками вокругъ шеи пилигримокъ бѣлыхъ, моихъ древнѣйшихъ пріятельницъ. Сдѣлайте также очень глубокій реверансъ г-жѣ Делафонъ и въ ту минуту выразите всей вашей особой всѣ чувства, которыя она съумѣла вамъ внушить. Это можетъ лишь доставить ей удовольствіе, это ея вѣдь дѣло. Скажите еще тѣмъ, мужчинамъ или женщинамъ, кому не понравится что я назвала васъ цесарками, что цесарки—это самыя красивыя изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ куръ.

„Екатерина" [2]).

---

[1]) Екатерина говоритъ о перемѣщеніи мѣщанокъ въ перестроенное для нихъ изъ бывшаго подлѣ Смольнаго монастыря запаснаго дворца зданіе, въ которое онѣ и были переведены въ 1773 году.—*Петровъ.* Им. указы и конф. доклады съ 1764 по 1783 г.

[2]) „Voici ma réponse à vos deux lettres, Mademoiselle; soit dit en passant, la première a été écrite d'un caractère si menu, que si vous continuez à perfectionner cette façon d'écrire, vous me mettrez en dépense: dans six moi d'ici je serai obligée

Наконецъ послѣднее письмо Императрицы къ Левшиной написано въ 1775 году, за годъ до перваго выпуска изъ Смольнаго: „Я думаю сударыня“, пишетъ Екатерина, „что мнѣ слѣ-

---

d'acheter des lunettes pour lire vos lettres; mais, avec lunettes ou sans lunettes, elles me seront toujours également agréables.—Dites, s'il vous plait à Mad. de la Fond de ma part que cette grande Demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait autrefois un si grand magazin de voyelles, lorsque jarrivais ou que je partais du couvent, écrit aussi naturellement, que ses lettres sont remplies d'enjouement; j'aime beaucoup que la belle nature aille son train, sans affectation et sans recherche, et je trouve черномазая Левушка avec son étourderie et ses saillies précisement à mon gré. Continuez, Mademoiselle, continuez; dans trois ans d'ici, je viendrai vous enlever du couvent, et vous aurez beau crier, vous demener ou pleurer, vous verrez malgré vous ce Zarskoselo, dont vous avez si mauvaise opinion, et en dépit de votre humeur, car vous aimez la verité, vous serez obligée de convenir, que c'est un bel endroit et plus beau de beaucoup que ce jardin du palais d'été, dont la classe blanche faisait l'ornement le jour que certaines pintades se sont promenées, et qu'elles y ont tourné la tête à toute la ville; mais voyez un peu de quoi ses Demoiselles se mettent: depuis ce jour cette ville est inondée de vers, non pas pourtant de ceux, qui rongent les feuilles des arbres, et qui font un dégat terrible ici dans mon jardin, mais de ceux, que produisent les poëtes lorsqu'ils ont devant eux des objets qui animent leur imagination. Je viendrai en ville un jour pour voir comment Madame de la Fond arrange tous les coins et recoins de cette habitation bourgeoise dont vous me parlez. J'espère que vos marmailes continueront à ne point mioler; grâce à vos soins vous voyez que je me sers des expressions de la communauté, ou du moins des votres. N'ayez pas peur que M-r Betzky s'obstine à vous apprendre à nager; à son âge c'est un exercice, où il faut de la force et de l'adresse, on fait ordinairement plus de bruit que de besoin. Je vous conseille de le prendre au mot, et il serait plus embarassé que vous d'executer sa promesse; vous verrez qu'il vous répondra fort bien, fort bien, Mademoiselle, et il remettra la partie à un autre jour. Vous devez encore vous adresser à lui pour savoir, pourquoi il a placé dans ma chambre, au palais d'hiver, un sopha à la turque. Il met dans mes appartements ordinairement tout ce qu'il veut, il n'y a que votre face travaillée par M-lle Moltschanoff que jai placée moi-même; c'est un meuble d'affection, qui ne quittera point la place que je lui ai donnée; pour mieux dire celle que vous-même lui avez donnée. Si cela vous parait obscure demandez en l'explication à vos supérieures, elles ne sauraient l'ignorer.—Je trouve la sérénade que le prince Orloff vous a donnée très bien imaginée: il aime à vous faire plaisir, il vous a vu naître et vous affectionne infiniment; il aime le bien de la patrie et votre éducation y tend; il vous aime aussi particulièrement, savez-vous pourquoi?—Parceque vous êtes aimables. Eh bien! ma lettre est-elle assez longue: j'ai cependant encore à vous dire: de saluer les marmailles brunes, de caresser les marmots bleux, d'embrasser les soeurs grises, et de jeter les bras au cou de pelerines blanches, mes plus anciennes amies. Faites aussi une très profonde reverence à Mad. de la Fond et mettez dans ce moment dans votre contenance tous les sentimens, qu'elle a su vous inspirer, avec autant de succés que d'aplaudissement; cela ne saurait que lui faire plaisir, c'est son ouvrage. Dites encore à ceux ou celles qui trouveront à redire à ce que je vous ai qualifiées ci-dessus de pintades, que les pintades sont les plus belles poules possibles.

„Catherine“.

дуетъ вывести два заключенія изъ вашего письма: первое — что вы печальны когда меня не видите, и наоборотъ — веселы когда меня видите. И такъ, погода показываетъ теперь къ дождю, къ печали: васъ огорчаетъ путешествіе въ Москву, я ужъ въ послѣдній разъ замѣтила слѣды этого. Я исчезла чтобы не оправдать злую поговорку, что какъ только одна женщина заплачетъ, такъ сейчасъ и другія за нею.... Посмотрите, какъ свѣтъ несправедливъ и какъ легко обращаются съ нашей чувствительностью. Но, сударыня, не плачьте о томъ, что не увидите меня цѣлый годъ, ибо когда я вернусь и когда наступитъ срокъ, я васъ увезу въ одинъ прекрасный день и вы наглядитесь на меня вдоволь, и вы будете трещать какъ придворная сорока. Передайте мой поклонъ г-жѣ Делафонъ; желаю, чтобы ея здоровье поправилось какъ можно скорѣе. Кланяюсь всему Обществу, тѣломъ и духомъ. Замѣтьте, пожалуйста, что хотя я пишу не такъ хорошо какъ вы, но орѳографію соблюдаю лучше.

„Екатерина“ [1]).

Строгій педагогъ найдетъ быть можетъ многое въ письмахъ Императрицы несогласнымъ съ теоріями науки о воспитаніи. Въ третьемъ письмѣ Екатерина обращаетъ вниманіе воспитанницъ на то, что онѣ, при первомъ своемъ появленіи въ публикѣ, вызвали удивленіе и похвалы, что поэты написали въ ихъ честь стихи и пр. Все это, скажетъ онъ, должно было содѣйствовать пробужденію въ молодыхъ дѣвушкахъ тщеславія, которое впослѣдствіи и ставили въ упрекъ воспитанію въ Смольномъ. Но такой взглядъ въ данномъ случаѣ былъ бы не у мѣста. Переписка Императрицы съ воспитанницами Смольнаго была совсѣмъ другого характера чѣмъ переписка г-жи Мэнтенонъ съ воспитан-

---

[1]) „Je pense, Mademoiselle, que je dois tirer deux conclusions de votre lettre: la première que vous êtes triste lorsque vous ne me voyez pas et par contrecoup la seconde, que vous êtes bien gaie quand vous me voyez. Or le temps est disposé à la pluie, à la tristesse: le voyage à Moscou vous afflige: j'en ai vu des traces déjà la dernière fois. Je me suis esquivée pour éviter le méchant proverbe qui dit que quand une femme pleure, toutes les autres le font autant... Voyez un peu comme le monde est injuste et comme on a commode notre sensibilité. Mais enfin, Mademoiselle, ne pleurez pas de ce que vous ne me verrez pas d'un an: car, quand je viendrai et que le terme en sera venu, je vous enleverai un beau jour, et vous me verrez tout à votre aise, et vous grazouillerez en pie de cour. Faites mes complimens à Madame de-Lafond; je souhaite que sa santé se rétablisse au plutot. Je salue la communauté en corps et en esprit. Remarquez s'il vous plait, que quoique j'écrie moins bien que vous, j'observe orthographie mieux cependant.

„Catherine“.

ницами Сен-Сира. Екатерина переписывалась просто, безъ всякой цѣли, для своего и воспитанницъ удовольствія и развлеченія; она любила ихъ и ей было пріятно и весело съ ними разговаривать. Но еслибы допустить, что пиша воспитанницамъ, Екатерина задавалась какою либо педагогическою цѣлью, то зная ея педагогическіе взгляды, можно быть увѣреннымъ, что подчеркивая въ своемъ письмѣ произведенное воспитанницами на публику впечатлѣніе, она сдѣлала это думая тѣмъ поощрить въ нихъ честолюбіе, которое считала могущественнымъ и похвальнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій.

Такъ же поступалъ и Бецкій; онъ горячо былъ преданъ своему дѣлу и искренно любилъ ввѣренныхъ главнымъ образомъ ему Императрицею воспитанницъ. Но какъ у человѣка не столь умнаго какъ она, притомъ человѣка свѣтскаго и придворнаго, какъ въ обращеніи, такъ и въ письмахъ къ воспитанницамъ, выступаетъ дѣйствительно даже нѣсколько странный теперь для насъ тонъ. Въ бумагахъ Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ [1]) сохранились два его письма отъ 1770 года къ „сѣрымъ", т.-е. къ 12-ти-лѣтнимъ дѣвочкамъ.

Первое письмо, отъ 3-го мая, написано по тому случаю, что Императрица, оставшись довольною успѣхами „сѣрыхъ", благодарила Бецкаго въ присутствіи всего двора. Бецкій на другой же день пишетъ воспитанницамъ:

„Вы не можете повѣрить, ни представить себѣ, милостивыя государыни, какое удовольствіе я испыталъ вчера, услыхавъ изъ устъ самой Всемилостивѣйшей нашей Государыни, въ присутствіи всего двора, полныя доброты похвалы, которыя она мнѣ выразила, оставшись довольною вашимъ классомъ. Судите, милостивыя государыни, какое это было для меня безконечное удовольствіе; я думаю, что сообщу его вамъ, передавъ сегодня же о томъ, что̀ было. Все въ васъ понравилось и польстило Ея Императорскому Величеству; ваше чистосердечіе, ваша скромность, ваши манеры, ваши выраженія,—все въ васъ, до мелочей, нашло отголосокъ въ ея благожелательномъ сердцѣ. Таковъ, милостивыя государыни, удѣлъ добродѣтели, таковы плоды хорошаго воспитанія, даваемаго вамъ г-жею Делафонъ, которой вы обязаны всѣмъ. Повторяю еще разъ, какъ сладко слышать такія похвалы изъ самыхъ устъ одной изъ первыхъ Государынь міра; какъ пріятно ихъ заслужить и имѣть возможность получить и въ будущемъ знаки Ея покровительства, которыми Она Всемилостивѣйше со-

[1]) Архивъ Канцеляріи Восп. Общ. благ. дѣвицъ.

изволяетъ почтить васъ. Я не имѣю времени бесѣдовать съ вами, чтò было бы такъ лестно для меня; какъ вы любезны, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и остаюсь съ искреннею и безграничною привязанностью, которая вамъ давно извѣстна, вашъ, милостивыя государыни, нижайшій и покорнѣйшій слуга.

„И. Бецкій“ [1]).

Во второмъ письмѣ, отъ 30-го декабря, Бецкій передаетъ „сѣрымъ“, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, удовольствіе Императрицы по поводу публичнаго экзамена и кончаетъ свое письмо сообщеніемъ, что „удовольствіе публики невыразимо“ [2]).

Характерно также письмо къ воспитанницамъ, только что перешедшимъ въ старшій возрастъ (лѣтъ 15—16), шведскаго короля Густава, написанное нѣсколько позже (въ 1778 году) въ отвѣтъ на ихъ письмо, въ которомъ онѣ благодарили короля за присланный имъ изъ Швеціи свой портретъ Обществу. Король, путешествовавшій подъ именемъ графа Готландскаго, познакомился съ Смольнымъ въ 1777 году, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ. Письмо написано собственноручно по-французски и помѣчено 6-мъ февраля 1778 года [3]).

---

[1]) „Vous ne sauriez Croire n'y vous Imaginer Mesdemoiselles dans quelle satisfaction que je me trouvais hier, Aprenant de la Bouche même de Notre Gratieuse Souveraine Enprésence de toute la cour, Les Elloges remplie de Bonté qu'elle m'a temoigné de Son Contentement pour Votre Classe. Jugez Mesdemoiselles du plaisir infini qu'il m'a causée; Je croi vous enprocurer beaucoup aussi en vous l'aprenant aujourd'hui. Tout en Vous a plus, à flaté Sa Majesté Impériale, Votre candeur, Votre Modestie, Votre Maintien, Vos Expressions, jusqu'au moindre de Vos actions ont trouvé Chacune leur places dans son Coeur bienfaisant. Tel est Mesdemoiselles, l'Apanage de la Vertu, tel est le fruit de la bonne Education que Madame delafont vous inspire et a qui vous devez tout. Je le repete qu'il est Beaux d'entendre de telles Elloges sortir de la Bouche d'une des premières Souveraine du Monde, qu'il est Doux de les Meriter et d'Etre à Même de Vous atirer de Nouvelles Marques de Sa protection dont Elle vous honore si Gratieusement. Le tems me manque pour m'entretenir avec Vous, un Objet aussi flatteur; que Vous Aites Aimables, Je baise vos Mains Mille fois et suis avec l'atachement sincère et sans bornes, dont je Vous ai voué, et qui Vous sont connue depuis longtems; Mesdemoiselles le très Obeissant Serviteur.

„J. Betzkj“.

[2]) „...le contentement et la satisfaction du Public est Inexprimable“.

[3]) Оно также находится въ бумагахъ Восп. Об. благ. дѣв. и хранится въ Архивѣ Совѣта по особому сдѣланному тогда же Совѣтомъ постановленію, въ которомъ сказано: „Уважая столь знаменитаго гостя посѣщеніе и оказанное усердіе къ сему Обществу, которыя достойны суть переданы быть послѣдующимъ родамъ въ незабвенное напоминаніе, постановилъ: записать сія происшествія въ протоколъ и письмо Его Величества хранить въ Архивѣ Совѣта“.

„Милостивыя государыни“, пишетъ Густавъ, „князь Меншиковъ передалъ мнѣ ваше письмо; я былъ очень польщенъ вашею памятью обо мнѣ; въ ваши года и обладая, какъ вы, талантами и искусствомъ нравиться, можно съ увѣренностью разсчитывать на то, что сдѣлаешь многихъ счастливыми; вы позволили мнѣ испытать это чувство; я приписалъ знаки вашей памяти своей личности, а не моему сану, и въ первый разъ почувствовалъ удовольствіе быть любимымъ для себя; если это заблужденіе съ моей стороны, прошу васъ мнѣ его оставить, оно вамъ не дѣлаетъ зла, а мнѣ приноситъ добро; впрочемъ невинность, свобода и чистосердечіе, въ которыхъ вы воспитаны, служатъ извиненіемъ моей ошибки; я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать зрѣлище, которое вы и ваша Августѣйшая Основательница мнѣ доставили; это, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, быть можетъ будетъ нѣкогда причислено къ наиболѣе славнымъ дѣяніямъ Екатерины, за которое справедливое и безпристрастное потомство будетъ во всѣ вѣка прославлять ея память. Я замѣчаю немножко поздно, что говорю съ вами слишкомъ серьезнымъ для вашихъ лѣтъ языкомъ; но онъ понятенъ такимъ чувствительнымъ сердцамъ, какъ ваши. Остаюсь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ къ вамъ, милостивыя государыни, очень благорасположенный.

„Густавъ“ [1]).

Подъ словомъ „зрѣлище“, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ король, онъ очевидно разумѣетъ не театральное представленіе, на которомъ присутствовалъ въ Смольномъ, а все, что онъ тамъ видѣлъ.

Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ была неподдѣльная и

[1]) Mesdemoiselles. Le Prince Mentzikoff m'a remis votre lettres j'ai été très flatte de votre souvenire, quand on est de votre agée et quand on possede autant que Vous des talens et l'art de plaire on est sure de faire des heureux vous m'avees fait eprouver ce sentiment j'ai atribuée les marques de votre souvenire a ma personne et non a mon rang et j'ai senti pour la première fois le plaisire d'etre aime pour moi si c'est une erreur je vous prie demela laisser elle ne vous fait pas de mal et elle me fait beaucoup de bien; dailleurs l'innossence la libertes et la candeur ou vous ettes elevees ferront l'excuses de mon erreur, je me rapellerres toujours avec attendrissement le spectacle que vous et votre auguste fondatrice m'ont donne ce spectacle unique dans son espece est peut etre une des choses qui honnoreront le plus un jour la memoire de Catherine II et qui ferront benire par une posterité juste et impartial Sa memoire dans tous les siecles. Je m'aperçois un peu tard que je vous parle un langage bien serieux pour votre age mais il est fait pour des coeurs aussi sensible que le votre. Je suis avec la plus parfaite consideration Mesdemoiselles Votre très affectionné.

„Gustave“.

горячо проявлялась всякій разъ, какъ къ тому представлялся случай. Когда она, проведя около года въ Москвѣ, въ концѣ 1775 года возвратилась въ Петербургъ, то первый ея выѣздъ былъ въ Смольный, гдѣ по этому случаю былъ спектакль. Воспитанницы играли „L'ambitieux" и комическую оперу „Le jardinier supposé". Послѣ представленія онѣ бросились къ Екатеринѣ съ такою горячностью, „что чувства ихъ къ ней, яко къ матери превозмогли почтеніе къ своей государынѣ" [1]).

Свидѣтелемъ проявленія любви воспитанницъ къ Императрицѣ былъ и шведскій король во время одного изъ своихъ посѣщеній Смольнаго. Объ этихъ посѣщеніяхъ въ протоколѣ Совѣта Воспитательнаго Общества отъ 28-го августа 1777 года сказано, что по случаю пріѣзда высокаго гостя были представлены „различныя вещи, показующія успѣхъ благородныхъ дѣвицъ въ наукахъ и художествахъ, также и многія рукодѣлія". 16-го іюня Густавъ былъ въ Смольномъ при раздачѣ наградъ воспитанницамъ, переходившимъ изъ 3-го въ 4-й возрастъ, а 24-го, въ день имянинъ Бецкаго, праздновавшихся въ Смольномъ, присутствовалъ на театральномъ представленіи, которое воспитанницы исполняли то въ комнатахъ, то въ саду, и ужинала съ ними. Одна изъ нихъ, Хрущова, изображала „безобразнаго Азора" въ извѣстной тогда оперѣ „Земира и Азоръ" и, по ходу піесы, должна была преобразиться въ настоящій свой видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины. Въ этотъ моментъ, произнося стихи въ честь Императрицы, Хрущова невольно заплакала [2]). Это, по всей вѣроятности, и произвело на Густава то дѣйствіе, которое онъ называетъ „единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, за которое потомство будетъ вѣчно благодарить память Екатерины". Густавъ подарилъ Хрущовой брилліантовое сердечко „изъ отмѣннаго своего", какъ сказано въ постановленіи Совѣта по этому случаю, „къ воспитывающимся усердію".

Ужъ одно то, что коронованныя и высокопоставленныя лица такъ относились къ воспитанницамъ Смольнаго, что писали имъ, а еще болѣе тонъ и содержаніе этихъ писемъ, показываютъ, что воспитаніе въ Смольномъ имѣло аристократическій и, преимущественно, свѣтскій характеръ. Екатерина, описывая Вольтеру воспитаніе Смольнаго, говоритъ: „не знаю выйдутъ ли изъ этого, какъ вы выражаетесь, батальона дѣвицъ амазонки; но мы

---

[1]) Соч. *Державина*. Т. II, стр. 81. Примѣчаніе Я. К. Грота. (Собраніе новостей, январь 1776 г.)

[2]) Екатерина II и Густавъ III. Статья *Я. К. Грота*. Зап. Ак. Наукъ. Т. XXX кн. II, стр. 26.

далеки отъ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ монашенокъ и вогнать ихъ въ чахотку, заставляя по ночамъ горланить въ церкви, какъ это практикуется въ Сен-Сирѣ. Мы ихъ воспитываемъ, напротивъ, для того, чтобы онѣ были отрадой семействъ, въ которыя вступятъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ" [1]). Въ письмѣ къ Гримму она высказывается противъ того, что у нѣмцевъ называется „Naseweis", по нашему „умничанье", которое, по мнѣнію Екатерины, „непремѣнно должно проявляться у западныхъ женщинъ „при томъ воспитаніи, какое имъ дается въ Европѣ" [2]).

Трудно указать, что̀ именно предпринималось въ Смольномъ для того, чтобы сдѣлать воспитанницъ „отрадою семействъ" и въ особенности „способными воспитать своихъ дѣтей". Для того, чтобы онѣ могли вести свой домъ, разумѣя подъ этимъ хозяйство, однимъ изъ первыхъ постановленій Совѣта, какъ только воспитанницы перваго пріема перешли въ старшій возрастъ, было то, чтобы „онѣ обучались домостроительству, чтобы сами договаривались о цѣнахъ съ поставщиками припасовъ и плату имъ производили" [3]). Но жизнь воспитанницъ первыхъ пріемовъ, особенно самаго перваго, сложилась такъ, что едва ли у нихъ доставало и времени на сколько-нибудь серьезныя занятія чѣмъ бы то ни было. Главная цѣль основанія Общества—смягченіе нравовъ, развитіе гуманности въ отношеніяхъ между людьми путемъ просвѣщенія ума и сердца, что̀ должно было отражаться и во внѣшнихъ проявленіяхъ у воспитанницъ, — эта цѣль дѣйствительно преслѣдовалась въ стѣнахъ заведенія. Но—и можетъ быть въ этомъ нельзя винить исключительно лицъ, стоявшихъ во главѣ воспитанія въ Смольномъ, а столько же и духъ того времени—вторая половина дѣла, та, которая должна была являться естественнымъ результатомъ первой, была поставлена въ Смольномъ главною. Къ выработкѣ внѣшности у воспитанницъ, начальствующія въ Обществѣ лица прилагали гораздо больше стараній, нежели къ просвѣщенію ихъ ума, хотя во всемъ, что̀ касается собственно воспитанія, эти лица съ перваго же начала старались дѣйствовать въ духѣ Устава.

Относительно обученія, можно сказать что изъ всѣхъ наукъ,

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. Corr. avec les souverains. Письмо 23 марта 1772 года.

[2]) Сб. р. и. о.—Т. XXIII, стр. 121. Письмо Екатерины къ Гримму отъ 25 декабря 1778 года.

[3]) Протоколъ Совѣта 19 марта 1773 года.

только на одну было обращено серьезное вниманіе въ Смольномъ. Эта наука, считавшаяся едва ли не самою важною изъ всѣхъ въ глазахъ тогдашняго общества, которой обучали вездѣ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, такъ и въ частныхъ пансіонахъ и при домашнемъ воспитаніи, заключалась въ сообщеніи воспитывающимся умѣнья обращаться и держать себя въ свѣтѣ, въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе въ Смольномъ было обставлено какъ нельзя лучше. Все вокругъ воспитанницъ должно было помогать этой задачѣ воспитанія. Общество людей, въ которомъ онѣ вращались, было избранное; разговоръ и переписка велись преимущественно на французскомъ языкѣ, который употреблялся не только при дворѣ и въ высшемъ, но и во всякомъ, претендовавшемъ только на названіе „порядочнаго" обществѣ. Кругомъ себя воспитанницы должны были видѣть людей ласковыхъ, учтивыхъ, пріятныхъ и благовоспитанныхъ. Уставъ предписывалъ учительницамъ не выпускать воспитанницъ изъ глазъ, „дабы онѣ поколику возможно не оставались однѣ со служанками, съ которыми и разговоровъ имѣть не должно" [1]). Даже отъ швейцара, Совѣтъ, въ особо составленной инструкціи, требовалъ „учтивости, пріятности, благопристойности, правды и совѣстныхъ поступковъ, какъ потому, что швейцаръ Общества имѣетъ двора Ея Императорскаго Величества камерлакейскую ливрею, которая уже показываетъ его въ достоинствѣ офицера, а сверхъ того чинъ и званіе привратника неминуемо требуютъ такихъ качествъ дабы поведеніемъ своимъ оказывать ихъ всякому безъ изъятія" [2]). Во время публичныхъ собраній въ Обществѣ швейцаръ не долженъ былъ пропускать никого ниже офицерскаго чина.

Если въ матеріальной обстановкѣ воспитанницъ, въ ихъ дортуарахъ и столѣ, не было роскоши, то она допускалась въ ихъ туалетѣ. Кромѣ предписанныхъ Уставомъ (Гл. II, § 20) шелковыхъ платьевъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, воспитанницамъ (всѣмъ 200-мъ, стало быть и младшихъ классовъ), какъ благороднымъ, такъ и мѣщанскимъ, выдавались не только шпильки, булавки, гребни и пр., но и пудра, перчатки—благороднымъ двухъ сортовъ: однѣ желтыя кожаныя, по три пары въ годъ, другія бѣлыя лайковыя для ассамблей (по парѣ на три года), а мѣщанскимъ замшевыя. Кромѣ того благороднымъ давались шелковые пояса къ праздничнымъ платьямъ (одинъ на три

[1]) Уставъ восп. двухсотъ благ. дѣвицъ. Гл. I, Разд. 6, § 7.

[2]) Протоколъ Совѣта 24 окт. 1769 г.

года), лайковые башмаки для ассамблей (по двѣ пары въ годъ), рубашки съ батистовыми манжетами и воротничками (по четыре въ годъ) [1]).

Начиная съ третьяго возраста, воспитанницъ практически знакомили съ „свѣтомъ". Въ особой, составленной въ 1773 году Совѣтомъ, инструкціи Начальницѣ и Правительницѣ, въ числѣ разныхъ указаній, предписывается (§ 12) приглашать къ своему столу вмѣстѣ съ воспитанницами и постороннихъ особъ для „приобученія первыхъ къ обхожденію въ обществѣ". А цѣль ассамблей, концертовъ и пр., устраиваемыхъ въ Смольномъ, объясняется въ инструкціи тѣмъ, что во время ихъ воспитанницы „могутъ пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для ея познаній и для истиннаго воспитанія". Воспитанницы старшихъ двухъ возрастовъ ѣздили въ сопровожденіи Начальницы ко двору, играли въ Эрмитажѣ, обѣдали и бывали на вечерахъ у Бецкаго и у генералъ-директора Шляхетскаго корпуса Пурпура. Въ дневникѣ графа Бобринскаго [2]) много объ этомъ подробностей, показывающихъ, что живя въ монастырѣ, воспитанницы Смольнаго считались въ свѣтѣ ужъ взрослыми дѣвушками. Въ Смольномъ давались балы, на которые приглашались, въ числѣ другихъ лицъ, и кадеты. Послѣ бала обыкновенно бывалъ ужинъ, за которымъ дѣвицы сидѣли вмѣстѣ съ гостями. Къ этому времени, т.-е., когда имъ было приблизительно 14—15 лѣтъ, и когда ихъ начинали вывозить, онѣ хорошо говорили по-французски, знали музыку, нѣкоторыя пѣли, почти всѣ прекрасно танцовали и хорошо исполняли разныя роли на домашней сценѣ. Однимъ словомъ, въ 15 лѣтъ онѣ считались совсѣмъ „приготовленными для свѣта", выражаясь языкомъ того времени. Театральныя представленія были тогда въ большой модѣ при дворѣ, у вельможъ и во всѣхъ „благородныхъ" домахъ. Умѣнье исполнять роли открывало входъ въ эти дома, и даже люди ученые подвизались на этомъ поприщѣ [3]). Въ Смольномъ, театральныя представленія давались очень часто, и въ нихъ кадеты Шляхетскаго корпуса, какъ это видно

---

[1]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 мая 1793 года. (Архивъ канц. Восп. Об. благ. дѣв.).

[2]) Дневникъ графа Бобринскаго. (Р. Архивъ. 1877. № 10).

[3]) Профессоръ физики въ Московскомъ университетѣ, бывшій одно время ректоромъ, Страховъ, такъ отличался въ этомъ искусствѣ, что его приглашали для совѣта, когда встрѣчались какія-либо затрудненія въ устройствѣ домашняго театра.— *И. М. Долгорукій*. Капище, стр. 91.

изъ дневника гр. Бобринскаго, участвовали вмѣстѣ съ воспитанницами.

Чтобы дать понятіе о характерѣ этой стороны жизни въ Смольномъ, мы приводимъ изъ дневника гр. Бобринскаго выписки, въ которыхъ онъ говоритъ о немъ:

„23-го декабря 1781 г. На вечерѣ (у генерала Пурпура) были три дѣвицы изъ монастыря съ Лафоншею: г-жа Толстая съ матерью, дѣвица Крузе и Беклемишева. Изъ мужчинъ были многіе кадеты, маіоръ Бороздинъ, Окуловъ, любовникъ г-жи Глинской, и потомъ обыкновенные гости его превосходительства: Бутурлинъ, Рибасъ, Третьяковскій, Беклемишевъ и пр.

„29-го декабря. Мы ѣздили въ Смольный на репетицію „Трехъ женщинъ“ и еще другой маленькой піесы. Слишкомъ полтора часа мы дожидались Бецкаго, который, наконецъ, появился, и начали съ маленькой піесы. Тамъ мы узнали, что дѣвица Звѣрева получила отъ Государыни въ подарокъ много платьевъ съ богатымъ шитьемъ. Дѣвица Лафонъ (дочь Начальницы) опять со мной говорила и также плакала какъ и у генерала Пурпуры. Всѣ Смольнянки замѣтили это, стали между собою перешептываться... Какъ я ни упрашивалъ въ Смольномъ чтобы дали балъ, но все понапрасну.

„31-го декабря. Бѣлыя Смольнянки, какъ и во всѣ годы, провели канунъ новаго года у Бецкаго. Мы тамъ не были.

„3-го января 1782. Мы поѣхали въ монастырь, на балъ къ Смольнянкамъ, но тамъ ничего не было. Дѣвицы 3-го возраста играли маленькую піесу, потомъ шла опера „Три фермера“, а потомъ ассамблея для собравшихся родныхъ.

„6-го января. Государыня приказала выдать дѣвицѣ Звѣревой 3.000 рублей.

„7-го января. Лафонша, дочь ея, мадамъ Вотренъ (Надзирательница Смольнаго) ходили смотрѣть комнаты невѣсты, убирали всѣмъ нужнымъ и оставались тамъ очень долго.

„9-го января. Свадьба Звѣревой съ Фромандье будетъ при дворѣ... Когда Звѣрева поѣхала въ Эрмитажъ къ бракосочетанію, со всѣми монастырками дѣлалось дурно.

„10-го января. Въ Смольномъ былъ балъ по случаю свадьбы Звѣревой. Было очень скучно. На этомъ балу не чувствовалось оживленія какъ на прежнихъ... Въ Смольномъ оставались до 11½... За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ дѣвицы Цитиной. Много шутили на счетъ того, что я не такъ веселъ, какъ прошлые разы.

„11-го января. По словамъ служанокъ Звѣревой, въ Смольномъ много смѣялись надъ дѣвицею Рашевой, называя ее Бобринскою.

„17-го января. Въ Смольномъ былъ спектакль „Молодая Канадка“ и потомъ опера „Служанка-госпожа“, музыка Перголезе. Мы играли безъ приготовленія, стало быть акомпанировали почти à livre ouvert. Затѣмъ было многолюдное собраніе.

„31-го января. Меня послали къ Лафоншѣ узнать о здоровьѣ и сказать ей, что такъ какъ въ Смольномъ хотѣли дать спектакль, то нельзя ли устроить его на этой недѣлѣ. Я видѣлъ дѣвицъ Зыкову, Архарову, Мещерскую, Барыкову, Шереметеву.

„6-го февраля. Я былъ въ Смольномъ, гдѣ мнѣ было очень весело. Я видѣлъ все, что̀ хотѣлъ, и говорилъ что̀ хотѣлъ говорить, слѣдовательно я былъ доволенъ и удовлетворенъ. Я ужиналъ съ нею. Дѣвица Лафонъ глядѣла такъ глупо, что всякій разъ, когда я на нее смотрѣлъ, насилу удерживался, чтобъ не захохотать“ [1]).

Вообще воспитанницамъ жилось хорошо и весело. Для нихъ Екатерина съ 1770 года ввела катанье въ придворныхъ экипажахъ по улицамъ Петербурга, на качели, устраиваемыя на Святой и около горъ на масляницѣ. Кромѣ баловъ и спектаклей, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ послѣ обѣда онѣ танцовали въ присутствіи публики и родителей. Это были цѣлые балеты, которымъ обучалъ въ Смольномъ (также и въ Шляхетскомъ корпусѣ) знаменитый еще со времени Императрицы Елизаветы, балетмейстеръ Ланде, а потомъ одна изъ первыхъ танцовщицъ въ Европѣ, Лантини. Нѣкоторыя воспитанницы, и между ними извѣстная впослѣдствіи Нелидова, отличались необыкновеннымъ искусствомъ въ танцахъ. На нихъ танцы пріѣзжали смотрѣть и иностранные гости Императрицы. Екатерина писала Вольтеру о гостившемъ въ 1772 году въ Петербургѣ калгѣ-султанѣ, братѣ крымскаго хана, что онъ „по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда въ Смольный допускаются на одинъ часъ посторонніе, отправляется въ монастырь смотрѣть на танцы воспитанницъ“.—„Вы скажете“, прибавляетъ она, „что это значитъ пускать волка въ овчарню, но не пугайтесь: вотъ какъ это происходитъ. Въ очень большой залѣ поставлена двойная балюстрада, дѣти танцуютъ внутри, посѣтители размѣщаются вокругъ балюстрадъ, и это единственный случай, когда родители могутъ видѣть нашихъ дѣвицъ, которымъ не дозволяется выѣзжать“ [2]).

Кромѣ этихъ собраній, въ Смольномъ ежегодно, 20 апрѣля, наканунѣ рожденія Императрицы, происходило собраніе совсѣмъ

[1]) Въ 1782 году гр. Бобринскій вышелъ изъ корпуса и уѣхалъ путешествовать.

[2]) Сб. р. и. общ. Т. XIII, стр. 227. Письмо Ек. къ Вольтеру отъ 23 марта 1772 года.

другого рода. По предложенію Делафонъ, съ 1768 года положено было устраивать столъ для ста нищихъ женскаго пола, и воспитанницы, какъ благородныя, такъ и мѣщанскія, должны были имъ прислуживать „въ знакъ человѣколюбія къ ближнему и благодѣянія къ бѣднымъ, дабы чрезъ то каждая воспитываемая болѣе усерднаго попеченія о бѣдныхъ имѣла“ [1]). На это отпускалось по 50 рублей въ годъ изъ положенной на содержаніе Общества суммы.

Впослѣдствіи Коммиссіею народныхъ училищъ было обнаружено, что разучиваніе ролей и балетовъ, также приготовленія къ пріемамъ знатныхъ посѣтителей, которымъ обыкновенно показывали Смольный, сильно мѣшали правильному ходу учебныхъ занятій съ воспитанницами. Но до 1783 года, когда Коммиссія приняла въ свое завѣдываніе учебную часть Общества, Совѣтъ, согласно предписаніямъ Устава, аккуратно производилъ каждый годъ экзамены воспитанницамъ 3-го и 4-го возрастовъ и въ своихъ постановленіяхъ сообщалъ объ ихъ знаніяхъ и успѣхахъ. Эти постановленія Совѣта служатъ единственнымъ источникомъ свѣденій о томъ, какъ велось учебное дѣло въ Смольномъ и чему обучали воспитанницъ. Они представляютъ также интересъ, какъ образчикъ отношеній Совѣта къ воспитанницамъ.

Первый экзаменъ 3-му возрасту (4-го тогда еще не было), былъ произведенъ въ 1771 году, т.-е. на седьмомъ году пребыванія въ Смольномъ воспитанницъ перваго, съ основанія Общества, пріема. По этому случаю состоялось слѣдующее постановленіе Совѣта [2]). „Помышляя заблаговременно о произведеніи въ дѣйствіе предписаній Устава въ разсужденіи дѣвицъ двухъ послѣднихъ возрастовъ, Совѣтъ почелъ за нужное по мѣрѣ того какъ съ пріумноженіемъ лѣтъ пріумножаются изо дня въ день и успѣхи ученія ихъ и воспитанія, обратить нынѣ за особое примѣчаніе свое на третій классъ: толь наипаче, что какъ ужъ начинаетъ оной выходить изъ дѣтскихъ лѣтъ, то и о знаніяхъ, нравахъ и поведеніи точнѣйшее свѣденіе признается нынѣ быть необходимо нужнымъ. Сихъ ради причинъ по мѣрѣ положено и учинено слѣдующее: 1) Разсматриваны предложенныя Совѣту за руками Ея Превосходительства г-жи Правительницы и Надзирательницы, и притомъ отъ первой изустно засвидѣтельствованныя описанія персональнаго характера и способности каждой дѣвицы онаго возраста. Усмотрѣны изъ оныхъ съ великимъ удо-

---

[1]) Протоколъ Совѣта 4 сентября 1768 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 14 марта 1771 года.

вольствіемъ приписуемыя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, множайшему ихъ числу похвалы и подаваемая впредь къ тому же хорошая и о прочихъ надежда; 2) въ неоднократныя Совѣта собранія въ присутствіи г-жи Правительницы, Надзирательницы, учителей и учительницъ свидѣтельствованы онѣ въ чтеніи и въ писаніи россійскомъ и французскомъ, нѣкоторыя же на обоихъ сихъ языкахъ сочиненіи; въ первыхъ частяхъ ариѳметики, въ исторіи, въ географіи и въ изъясненіи на глобусѣ, принадлежащихъ къ практическому знанію, разныхъ задачъ; въ рисованіи, просто съ представленныхъ образцовъ, а нѣкоторыя въ родѣ цвѣтовъ и по собственному вымыслу своему; въ черченіи архитектурныхъ рисунковъ, въ музыкѣ вокальной и инструментальной, въ скульптурномъ и токарномъ художествахъ, въ разныхъ женскому полу свойственныхъ рукодѣліяхъ, во всѣхъ частяхъ домостроительства, а сверьхъ того наипаче Троицко-Сергіевской пустыни отцомъ Архимандритомъ Іосифомъ самимъ катихизованы въ догматахъ православія греко-россійской вѣры. И хотя по истинѣ, награжденія по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію опредѣленнаго для сего возраста, признаваетъ Совѣтъ быть достойными (слѣдуетъ перечисленіе 12-ти воспитанницъ) однакожъ нѣтъ столькихъ наградъ, ихъ каждый годъ по четыре, которыя и даны четыремъ воспитанницамъ“ [1])...

Упомянутыя здѣсь награды, по переданному черезъ Бецкаго повелѣнію Императрицы, назначались изъ ленты сѣраго цвѣта съ серебромъ для 3-го возраста и бѣлаго цвѣта съ золотомъ для 4-го.

Въ слѣдующемъ году, по окончаніи экзамена тому же классу, Совѣтъ нашелъ, что „не только къ пріобрѣтенію благонравія, качествъ и успѣховъ въ преподаваемомъ ученіи не ослабѣваетъ почти всѣхъ общая ревность, нѣкоторыя же послушливостью и подражаніемъ отъ времени до времени болѣе исправляются; но есть и такія, которыя достоинства свои и заслуженныя ужъ похвалы нынѣ еще новыми приумножили“. „Безъ обремененія совѣсти своей“, говоритъ Совѣтъ, онъ „прибѣгнулъ къ жребію между тремя совершеннаго равенства“, ибо „не нашли по долгомъ размышленіи иного средства выйтить изъ сего затрудненія“ [2]). Въ этотъ разъ кромѣ 8-ми наградъ были выданы еще двѣ похвалы. „А за ними“, постановилъ Совѣтъ, „вмѣстить въ число достой-

---

[1]) Такъ какъ экзамены производились каждый годъ, и воспитанницы, получившія награду въ предшествовавшемъ году, могли заслужить ее и въ будущихъ, то онѣ имъ и выдавались; это называлось вторымъ и третьимъ награжденіемъ. Кромѣ того полагалось каждый годъ по четыре награды на классъ.

[2]) Протоколъ 10 октября 1772 г.

ныхъ сего: сначала одну для того, что съ отмѣнностью превзошла она слѣдующихъ за симъ подругъ своихъ, а потомъ еще семерыхъ".

Изъ протокола Совѣта 1771 года можно заключить, что воспитанницамъ преподавались всѣ, положенные Уставомъ, научные предметы. Въ немъ прямо не упомянуто о „словесныхъ наукахъ" и о геральдикѣ, которыя полагалось (Гл. 1. Р. 2.) начинать съ третьяго возраста; но эти науки Совѣтъ могъ включить въ экзаменъ изъ исторіи, о которой говорится въ протоколѣ. А изъ искусствъ преподавались даже лишнія, не предписанныя Уставомъ, „скульптурное и токарное художество". Въ 1776 году въ третьемъ возрастѣ обучали уже, какъ видно изъ протокола Совѣта 30 апрѣля этого года, четыремъ языкамъ: „чтеніи и писаніи на россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, нѣкоторыя даже въ переводахъ, въ письменныхъ, а особливо на двухъ первыхъ сочиненіяхъ". Сверхъ предметовъ, изъ которыхъ воспитанницы экзаменовались въ предшествовавшіе годы, причемъ изъ исторіи „древней и новѣйшихъ временъ", въ 1776 году онѣ экзаменовались еще изъ геометріи и миѳологіи, т.-е. предметовъ, не положенныхъ Уставомъ. И повидимому всѣ эти знанія оказались у воспитанницъ, ибо Совѣтъ нашелъ опять, что „множественное число достойно награжденія"; но въ виду недостаточнаго числа наградъ, онъ присудилъ „какъ съ общимъ согласіемъ, иныя-жъ и посредствомъ жребія" 12-ть наградъ третьему возрасту: 4 шифра, т.-е. вензелевыхъ изображенія имени Императрицы, прикрѣпленныхъ на сѣрой лентѣ съ тремя серебряными полосками, т.-е. третье награжденіе, 4 съ двумя полосками (второе награжденіе) и 4 съ одной полоской. Кромѣ того онъ выдалъ девять похвалъ.

Въ третьемъ возрастѣ заканчивалось образованіе воспитанницъ, такъ какъ въ четвертомъ, Уставомъ полагалось лишь повторять все прежнее, „въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ". Вѣроятно поэтому въ постановленіи Совѣта объ экзаменахъ этого возраста, предназначеннаго уже къ выпуску въ томъ же 1776 году, совсѣмъ не упоминается объ ихъ знаніяхъ. Но нѣкоторое понятіе о томъ, съ какими знаніями должны были выйти воспитанницы этого перваго выпуска, можно получить изъ того, что во все время ихъ пребыванія въ Смольномъ, преподаваніе велось учительницами-иностранками, число которыхъ даже начало убавляться съ 1770 года и вмѣсто двѣнадцати ихъ было въ этомъ году уже только девять. Одна изъ нихъ умерла, а двѣ оставили Общество, и имъ Совѣтъ, согласно уговору, выдалъ каждой по

200 рублей на возвращеніе въ отечество [1]). Только за четыре года до выпуска, въ 1772 году, въ первый, судя по протоколамъ Совѣта, разъ, былъ приглашенъ русскій учитель, который долженъ былъ обучать благородныхъ и мѣщанскихъ воспитанницъ „правописанію россійскому, переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго, и ариѳметикѣ [2]).

Еще въ 1771 году, слѣдовательно за пять лѣтъ до выпуска, при переходѣ воспитанницъ перваго пріема въ третій возрастъ, Императрица, черезъ Бецкаго, передала Совѣту повелѣніе раздавать послѣ экзамена воспитанницамъ этого возраста награды Ея именемъ, „въ силу Устава Императорскаго Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса", т.-е. раздачу производить съ „приличною важностью при собраніи особъ первенствующихъ чиновъ обоего пола. Раздавать Именемъ нашимъ, сказано въ Уставѣ Кадетскаго корпуса (Гл. 6. § 3), присутствующему тутъ старшему члену Совѣта" Такъ до 1776 года и производилась раздача наградъ въ Смольномъ. Но въ этомъ году, по случаю выпуска какъ съ благородной, такъ и съ мѣщанской половинъ, торжество раздачи наградъ сопровождалось особенною церемоніею. Императрица не присутствовала на ней по причинѣ, какъ это полагали, смерти великой княгини Натальи Алексѣевны; но она утвердила представленный ей докладъ, въ которомъ Совѣтъ [3]) просилъ установить навсегда раздачу по шести шифровъ при каждомъ выпускѣ. Только „въ первомъ семъ разѣ" Совѣтъ просилъ позволенія раздать не шесть, а восемь шифровъ „изъ уваженія, что они (т.-е. воспитанницы перваго пріема) первыя открыли дорогу къ достиженію всѣхъ тѣхъ полезныхъ знаній, каковыя удобнѣе уже могутъ пріобрѣтать за ними слѣдующія подражательницы ихъ примѣру".

Очевидецъ церемоніи этого перваго выпуска изъ Смольнаго разсказываетъ [4]), что хотя начало церемоніи назначено было въ пять часовъ, но уже въ четыре, зала заведенія была наполнена почетными гостями обоего пола до такой степени, что пріѣхав-

[1]) Протоколъ Совѣта 4 августа 1770 года.

[2]) Онъ же былъ и секретаремъ Совѣта и за все ему назначено было жалованья 500 р. въ годъ, квартира въ Смольномъ, дрова и свѣчи. (Протоколъ Совѣта 25 марта 1772 года.) Учительницы получали по 250 р. въ годъ и полное содержаніе въ Обществѣ.

[3]) Въ 1777 году членами Совѣта состояли: Начальница, которая подписывалась подъ протоколами первая и писала свою фамилію по-французски, графъ Минихъ, Ив. Бецкій, М. Соймоновъ, П. Завадовскій. (Именные указы и конфирм. доклады по В. О. бл. дѣв. съ 1764 по 1785 гг.)

[4]) *В. Лядовъ*. Истор. очеркъ 100-лѣтней жизни Восп. Общ. благ. дѣв. Стр. 12.

шимъ позже — трудно было найти мѣсто. „Ровно въ пять часовъ", говоритъ онъ, „были введены въ зало мѣщанскія дѣвушки первыхъ трехъ возрастовъ. Секретарь Совѣта прочелъ опредѣленіе о награжденіяхъ, которыя и были розданы Начальницею. Затѣмъ мѣщанскія дѣвушки оставили зало, а на мѣсто ихъ явились благородныя первыхъ трехъ возрастовъ и имъ были розданы подарки, состоявшіе изъ перочинныхъ ножей, наперстковъ, серебряныхъ игольниковъ, такихъ же чернильницъ и табакерокъ, оправленныхъ въ золото [1]). Лучшія воспитанницы третьяго возраста благородныхъ получили въ награду шифры, которые были приколоты самою Начальницею. Потомъ вошли въ зало воспитанницы, окончившія курсъ, и церемонія выпуска началась чтеніемъ опредѣленія Совѣта слѣдующаго содержанія: „1776 года, апрѣля 30-го дня, Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ по окончаніи, благостью Всевышняго и монаршимъ попеченіемъ Великія Екатерины Вторыя, двѣнадцатилѣтняго, совершившагося при семъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ, воспитанія, при обыкновенномъ пребываніи ихъ эксаменѣ, входя, по долгу своему, обще съ госпожею Начальницею, въ изслѣдованіе пріобрѣтенныхъ ими душевныхъ дарованій, изобилуемыхъ въ добромъ нравѣ и поведеніи, яко главнѣйшихъ почитаемыхъ быть воспитанія качествахъ; и разсмотря слѣдуемыя потомъ каждой особенно способности въ наученіяхъ различнаго рода знаніяхъ и художествахъ съ прочими женскому полу рукодѣліями и подлежащими всѣми частьми домоводства или экономіи, яко всемъ томъ за обыкновенномъ упражненіи и наполняемымъ достаткомъ душевныхъ украшеній, находитъ, къ великому своему удовольствію, по всѣмъ видимымъ успѣхамъ, что прилагаемый трудъ не напрасенъ, и прилагаемыя старанія не тщетны, но съ желаемымъ исполненіемъ по возможности каждой своея способности. И для того Совѣтъ за долгъ поставляетъ: за успѣхи, доброе поведеніе, приличные поступки, пристойное благородновоспитаннымъ обхожденіе и за повиновеніе начальствуемымъ (?), яко чувственно отъ того нынѣ ощущаемую въ свое пріобрѣтеніе пользу, чистосердечное свое объявить признаніе, какъ всѣмъ вообще, такъ и каждой особенно, послѣдуя установленію воспитанія и соизволенію волѣ промышляющей о подданныхъ своихъ всемилостивѣйшей Государынѣ" [2]). Въ заключеніе Совѣтъ повторилъ

[1]) Подарки мѣщанскимъ дѣвушкамъ были проще; нѣкоторыя получили однако золотыя серьги.

[2]) Постановленіе Совѣта 30 апрѣля 1776 года. — Истор. очеркъ *В. Лядова.* Стр. 13.

свою обычную въ такихъ случаяхъ фразу, что „хотя по истинѣ множественное число изъ тѣхъ награжденія, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію опредѣленнаго для сего возраста, признаетъ Совѣтъ быть достойными, но какъ число оныхъ ограничено“, и пр., то онъ, „къ полученію знаковъ награжденія признаетъ: золотой медали [1]) первой величины (стоимостью въ 141 р. 60 к.) пятерыхъ (первая изъ нихъ Алымовой, впослѣдствіи Ржевской, а остальныя: Молчановой, Левшиной, Рубановской и Барщовой, т.-е. тѣмъ, о которыхъ, за исключеніемъ Рубановской, Императрица упоминала въ своихъ письмахъ къ Левшиной); второй величины (стоимостью въ 85 р.) тремъ (и въ ихъ числѣ Нелидовой), и наконецъ третьей величины (стоимостью въ 59 р. 12 к.) четверымъ“. Первыя восемь изъ получившихъ золотыя медали получили кромѣ того и шифры, отличавшіеся отъ розданныхъ воспитанницамъ третьяго возраста, цвѣтомъ ленты, которая для выпускныхъ была не сѣраго, а бѣлаго цвѣта, и не съ серебряными, а съ золотыми полосками, по три на лентахъ первыхъ пятерыхъ, получившихъ шифры, и по двѣ на трехъ послѣднихъ. Эти „знаки отмѣны“, сказано въ протоколѣ Совѣта 30 апрѣля 1776 года, „отличившимся почтительными талантами къ вящшему уваженію ихъ въ гражданскомъ обществѣ“ повелѣно было носить „на груди навсегда“. Кромѣ переименованныхъ выше наградъ, розданы были еще двѣнадцати воспитанницамъ серебрянныя медали разной величины (стоимостью въ 22 р. 13 к. и 8 р. 17 к.), и еще двѣнадцать воспитанницъ объявлены достойными награжденія.

Такимъ образомъ, изъ 51 воспитанницы, подлежавшихъ къ выпуску, 8 получили шифры и золотыя медали, 4 — только золотыя медали, 12 — серебряныя медали, 12 — похвалу, и только 15 не получили ничего. „По окончаніи раздачи наградъ“, продолжаетъ очевидецъ церемоніи, „три выпускныя воспитанницы: Алымова, Рубановская и Нелидова, произнесли благодарственныя рѣчи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“.

Торжество окончилось прочтеніемъ письма Императрицы на имя Бецкаго, написаннаго ею еще 16 января, т.-е. за три мѣсяца до выпуска. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Иванъ Ивановичъ! При наступленіи выпуска благородныхъ дѣвицъ, совершившихъ свое воспитаніе въ учрежденномъ Обществѣ, гдѣ трудъ и попеченіе любовь вашу къ отечеству вѣчно

---

[1]) На одной сторонѣ медали было изображеніе Императрицы, на другой—надпись: „тако созрѣваютъ“.

прославляютъ, Я, оказывая съ одной стороны, мое удовольство, съ другой то матернее призрѣніе, которое простирается на лучшей жребій всей ихъ жизни, и симъ чувствомъ уваживъ тутъ состояніе безродныхъ и таковыхъ, коихъ родители, или свойственники, не имѣютъ достатка, чтобы дать имъ приличное содержаніе, Всемилостивѣйше жалуемъ изъ Нашего Кабинета сто тысячъ рублей, желая, чтобы вы сію сумму обратили въ капиталъ содержанія и снабдѣнія приданымъ изъ сихъ дѣвицъ тѣхъ, которые сей помощи по выходѣ изъ монастыря, а паче когда посягнутъ въ супружество, по бѣдности ихъ родившихъ, ниоткуда не могутъ имѣть. Я желаю, чтобы учрежденіе, которое вы по сему здѣлаете, поднесено было къ Моей аппробаціи, и тутъ же хощу, дабы распредѣленіе и самаго приданаго каждой дѣвицѣ количествомъ своимъ показывало воздаяніе пріобрѣтеннымъ ими достоинствомъ при воспитаніи, и послужило бы къ вящшему поощренію дарованій и въ другихъ еще воспитывающихся. Я пребываю впрочемъ вамъ благожелательна" [1]).

„Екатерина".

Генваря, 16-го дня, 1776 года.
Въ Санктпетербургѣ.

На слѣдующій день былъ, по словамъ очевидца, „обѣденный столъ для выпускныхъ, а черезъ три дня послѣ торжества, воспитанницы простились съ мѣстомъ своего воспитанія".

Сто тысячъ, подаренныя Екатериною воспитанницамъ, были положены Бецкимъ въ сохранную казну Воспитательнаго Дома на 6%. Изъ нихъ опредѣлено было особымъ указомъ [1]) 18 мая 1776 г. раздавать ежегодно по смерть самымъ бѣднымъ воспитанницамъ, на всѣхъ 1.775 рублей. Остальные 4.225 руб. (ежегодно получалось процентовъ 6.000 руб.) распредѣлялись такъ: получившимъ первые пять шифровъ по 250 р. каждой, также ежегодно и по смерть; получившимъ три слѣдующіе шифра по 225 р.; четверымъ получившимъ слѣдующія награды по 200 р., и еще 12-ти по „достоинству": 4-мъ по 150 р., 4-мъ по 125 р. и 4-мъ по 100 р. Одной и той же дѣвицѣ, если она подходила подъ обѣ категоріи „бѣдности" и „по достоинству", разрѣшалось выдавать двѣ суммы. Послѣ смерти получавшей пенсію, приходившаяся на ея долю сумма должна была возвращаться въ капиталъ. 1775 рублей, предназначенные для бѣднѣйшихъ воспитанницъ, были роз-

---

[1]) Чтенія общ. ист. и древностей. 1863. Кн. IV. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Стр. 92.

[2]) Имен. указы и конф. доклады по Восп. Общ. благ. дѣвицъ.

даны Совѣтомъ девятнадцати выпускнымъ: тремъ по 50 р., тремъ по 75 р., одиннадцати по 100 р., и двумъ по 150 рублей. Кромѣ этихъ денегъ, нѣкоторымъ изъ воспитанницъ, сверхъ полученной ими пенсіи, были при выпускѣ отданы подаренные имъ раньше Императрицею и хранившіеся въ банкѣ, по тысячѣ рублей каждой. Нелидовой былъ выданъ и бриллiантовый перстень, также подаренный ей Екатериною и хранившійся въ московскомъ отдѣленіи Воспитательнаго Дома.

Кромѣ щедрыхъ подарковъ Императрицы, нѣкоторыя изъ выпускныхъ воспитанницъ получили положенныя раньше въ банкъ на ихъ имя разными лицами деньги. Вдова егермейстера М. П. Нарышкина внесла на имя одной такой воспитанницы двѣ тысячи рублей и назначила ей по выпускѣ 200 р. ежегодно въ видѣ пенсіи.

Мѣщанскимъ воспитанницамъ также были розданы при выпускѣ деньги, положенныя, согласно „Учрежденію", по 50 рублей на каждую, въ банкъ, при пріемѣ ихъ въ Общество. Къ первому выпуску было прислано такихъ денегъ изъ банка 5.879 р., и на долю каждой выпускной воспитанницы пришлось по 124 р. Но Совѣтъ рѣшилъ употребить изъ этихъ денегъ по 23 р. 84 к. на то, чтобы сдѣлать каждой изъ воспитанницъ платье и бѣлье, а остальную сумму, причитавшуюся на долю каждой изъ нихъ, выдать лишь тѣмъ, которыя замужъ выходятъ, и одной такой, при выпускѣ же, отданъ весь ея капиталъ, а остальнымъ только проценты съ него. При этомъ Совѣтъ постановилъ, что каждая воспитанница мѣщанскаго училища имѣетъ право завѣщать, на случай своей смерти, причитающіяся ей по окончаніи курса деньги другимъ [1]). Кромѣ этихъ денегъ мѣщанскимъ выпускнымъ воспитанницамъ были распредѣлены и деньги вырученныя отъ продажи ихъ рукодѣлій, которыя продавались въ „Парлуарѣ".

Вотъ единственная подробность касающаяся жизни мѣщанскихъ воспитанницъ, встрѣтившаяся въ протоколахъ Совѣта за время первыхъ двѣнадцати лѣтъ ихъ пребыванія въ Обществѣ. Неизвѣстно, поэтому, ничего о томъ, какъ ихъ воспитывали и чему учили. Гораздо позже, уже подъ конецъ царствованія Императрицы Екатерины и послѣ реформы, произведенной Коммиссіею народныхъ училищъ, нѣкоторыя изъ мѣщанскихъ воспитанницъ, по словамъ Георги [2]), при выпускѣ „превосходили въ знаніяхъ многихъ изъ пріѣхавшихъ сюда француженокъ" и, гово-

[1]) Протоколъ Совѣта 28 августа 1777 года.

[2]) Описаніе Имп. росс. ст. г. Спб. Ч. II, стр. 393, § 669.

ритъ онъ, „соразмѣрно съ оными и помѣщаются. Однако же многія поступаютъ въ услуженіе въ званіи горничнъ“. Вообще же, если вѣрить Георги, мѣщанскихъ воспитанницъ обучали болѣе рукодѣліямъ, но содержаніе ихъ, пища и платье, было лишь немногимъ проще, чѣмъ на благородной половинѣ.

Впрочемъ, Совѣтъ относительно всѣхъ воспитанницъ, какъ благородныхъ такъ и мѣщанскихъ, бралъ на себя заботу о томъ, чтобы полученныя ими по наслѣдству или инымъ путемъ деньги, или имѣніе были охранены, чтобы при раздѣлѣ имѣнія воспитанницы не были обижены и пр. Для этого онъ обращался въ присутственныя мѣста, велъ дѣла противъ родственниковъ, захватившихъ имѣніе, принадлежавшее воспитанницамъ, назначалъ имъ опекуновъ. Но такъ какъ подобнаго рода заботы съ его стороны рѣдко требовались для мѣщанскихъ воспитанницъ, то его попеченія о нихъ въ этомъ отношеніи заключались всего чаще въ опекѣ надъ ними самими и въ контролѣ надъ способомъ употребленія ими принадлежавшихъ имъ денегъ. Бывали случаи что Совѣтъ, вѣроятно по какимъ-нибудь извѣстнымъ ему основаніямъ, отказывалъ въ выдачѣ мѣщанской воспитанницѣ внесенныхъ даже ея родителями денегъ, не только при выпускѣ ея изъ Общества, но и много лѣтъ спустя, и даже по выходѣ ея замужъ. Въ протоколахъ Совѣта встрѣчается нѣсколько такихъ постановленій, которыя рисуютъ его отношеніе къ мѣщанскимъ дѣвушкамъ. На просьбу одной изъ нихъ, бывшей уже замужемъ, выдать ей сто рублей съ процентами, которые были внесены ея матерью при помѣщеніи просительницы въ Общество, Совѣтъ не отрицая того, что капиталъ, о которомъ она проситъ, принадлежитъ ей, но „поелику Совѣтъ всегда имѣетъ подъ опекою своихъ воспитанницъ, и по выходѣ ихъ изъ Общества, то въ семъ случаѣ наблюдая пользу просительницы, дабы слѣдующія ей деньги употреблены не были на безнужныя издержки“, положилъ выдать ей не всѣ даже проценты, а лишь часть ихъ. Изъ 185 р. 57 к. Совѣтъ выдалъ только 35 р. 57 к. и извѣстилъ просительницу, что капиталъ выдастъ ей лишь тогда, „когда по разсмотрѣнію Совѣта воспослѣдуетъ ей въ деньгахъ необходимая надобность“ [1]).

Бывали однако болѣе серьезные случаи, когда Совѣтъ могъ оказать мѣщанскимъ воспитанницамъ дѣйствительную помощь. Дарованная имъ привилегія, по которой крѣпостной, женившійся на бывшей мѣщанской воспитанницѣ, становился вольнымъ, не

---

[1]) Протоколъ Совѣта 23 сентября 1791 года.

всегда признавалась на дѣлѣ, и въ этихъ случаяхъ бывшія воспитанницы обращались къ Совѣту, прося его заступничества за ихъ права. Какъ при Екатеринѣ поступалъ Совѣтъ съ подобными просьбами, не видно изъ его протоколовъ; но въ бумагахъ его сохранились самыя просьбы нѣкоторыхъ изъ бывшихъ мѣщанскихъ воспитанницъ. По этому поводу возникали цѣлыя дѣла, длившіяся годами, и только въ 1805 году, уже при Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, ею предписано Совѣту „извѣстить Министра Юстиціи, что дарованныя воспитанницамъ мѣщанскаго училища при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Бозѣ почившею Императрицею Екатериною Алексѣевною января 31-го, 1765 года, привиллегіи, Его Величествомъ (Императоромъ Александромъ I) совершенно утверждаются и существовать имъ въ полной силѣ; Этимъ впредь и руководствоваться Совѣту“ [1]).

Изъ перваго выпуска, пятерыхъ съ благородной половины Императрица взяла ко двору. Она такъ любила этихъ воспитанницъ, что заказала художнику Левицкому портреты четырехъ изъ нихъ, за занятіемъ тѣмъ искусствомъ, въ которомъ онѣ особенно отличались въ Смольномъ. Такимъ образомъ Левшина (впослѣдствіи кн. Черкасская) изображала собою живопись; Барщова (впослѣдствіи Мусинъ-Пушкина, а во второмъ бракѣ Ховенъ) —музыку; Алымова (впослѣдствіи Ржевская и во второмъ бракѣ Масклэ) — танцы; Молчанова (впослѣдствіи Олсуфьева) — декламацію [2]). Портретъ пятой воспитанницы, взятой ко двору, Нелидовой, былъ сдѣланъ также Левицкимъ, но еще за три года до выпуска [3]).

Большинство остальныхъ воспитанницъ были взяты родителями или родственниками. Но при разсылкѣ послѣднимъ черезъ губернскія правленія, также при публикаціяхъ „по Москвѣ или другіе города“ въ управу благочинія, по городамъ и городничимъ, и въ нижніе земскіе суды, объявленія о томъ, чтобы они брали своихъ дѣтей изъ Общества, Совѣтъ упомянулъ, что родители, родственники или свойственники, имѣющіе „къ принятію дѣвицы въ свое содержаніе ближайшій долгъ“, могутъ это сдѣлать „по согласію“ на то дѣвицы. Въ случаѣ же совершеннаго сиротства послѣдней, Совѣтъ просилъ ея знакомыхъ сообщить ему о томъ.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 25 іюня 1805 г. (Архивъ Восп. О. бл. дѣв.)

[2]) Портреты написаны во весь ростъ и находились въ Петергофскомъ дворцѣ, а потомъ были перенесены въ Эрмитажъ. Р. Архивъ 1870, стр. 688. *М. Лонгиновъ*: „Нѣсколько замѣчаній о письмахъ Екатерины II къ княгинѣ Черкасской“.

[3]) Р. Архивъ 1873, № 11, стр. 2161. „Е. И. Нелидова“. Біографическій очеркъ.

Изъ перваго выпуска, очень немногія, по крайней мѣрѣ изъ воспитанницъ благородной половины, остались въ Смольномъ; но установившійся впослѣдствіи обычай поселять въ „монастырь", „на житье", разныхъ, постороннихъ даже Обществу, лицъ женскаго пола, получилъ свое начало еще съ 1768 года, когда племянницѣ первой Начальницы Воспитательнаго Общества, княжнѣ Долгоруковой, при выходѣ ея изъ Общества, было разрѣшено остаться жить въ Смольномъ, причемъ Совѣтъ опредѣлилъ на ея содержаніе особую сумму кромѣ квартиры, стола, свѣчей и дровъ [1]).

Членами Совѣта за все двѣнадцатилѣтнее время съ основанія Общества, кромѣ Начальницъ: до 1768 года кн. Долгоруковой, а потомъ де-Лафонъ [2]) и И. Бецкаго, были: гр. П. Панинъ, кн. П. Трубецкой, С. Козминъ, Ив. Глѣбовъ (полный генералъ и сенаторъ), П. Еропкинъ (генералъ-поручикъ и сенаторъ), кн. А. Голицынъ (вице-канцлеръ), Адамъ Олсуфьевъ (статсъ-секретарь Императрицы), гр. Э. Минихъ, Мих. Соймоновъ и П. Завадовскій [3]). Нѣкоторые изъ нихъ назначались Екатериною по нѣсколько лѣтъ сряду, другіе—всего на одинъ годъ.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 23 апрѣля 1768 года.

[2]) Во время ея болѣзни, въ 1775 году, обязанности Начальницы исполняла надзирательница, англичанка Дюнанъ.

[3]) Именные указы и конфирмованные доклады по В. О. бл. д. съ 1764 по 1785 годы.

VIII.

Внутренняя жизнь въ Смольномъ въ слѣдующія семь лѣтъ, до 1783 года. — Перемѣны по учебной части. — Постановленія Совѣта объ экзаменахъ воспитанницъ. —Аттестаты благороднымъ и свидѣтельства мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ 1782 г.—Сокращеніе суммы на приданое мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ.—Прекращеніе отсылки Совѣтомъ въ Банкъ положенной для нихъ „Учрежденіемъ" суммы.—Трудность пріискать Правительницу. —Вознагражденіе надзирательницъ и учительницъ —Выпуски 1779 и 1782 г.—Пожалованныя Екатериною деньги пенсіонеркамъ.—Ея отношеніе къ воспитанницамъ.—Оставшіяся въ Смольномъ послѣ выпуска. — Письмо отца одной изъ воспитанницъ передъ ея выпускомъ. -Свѣденія о выпущенныхъ въ 1782 г. —Первый примѣръ отдачи роднымъ воспитанницы до окончанія 12-ти-лѣтняго срока пребыванія въ Обществѣ.—Разсказъ очевидца.—Коммиссія народныхъ училищъ въ Смольномъ (1783).—Произведенное ею изслѣдованіе о состояніи учебной части въ Обществѣ.—Устраненіе учительницъ иностранокъ и назначеніе учителей.—Новая программа и новый способъ преподаванія, предписанные Коммиссіей.—„Расположеніе ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ россійской Имперіи".—Цѣль, поставленная Коммиссіею воспитанію дѣвицъ.—Плата учительницамъ и учителямъ.—Публичный экзаменъ, назначенный Коммиссіею.—Награда Янковичу и учителямъ.—Указъ 7 февраля 1785 года съ выраженіемъ Коммиссіи удовольствія Императрицы за введенный ею „новый способъ" ученія. -Желаніе Екатерины самой раздать награды при выпускѣ 1785 г.—Нѣкоторыя особенности указа 7 февраля.—Письменныя свидѣтельства учителей, представленныя Императрицѣ по ея повелѣнію —Характеристики воспитанницъ, представленныя Императрицѣ Начальницею и Инспектрисами.—Рѣчь воспитанницы въ присутствіи Императрицы. — Аттестаты по пяти формамъ.—Конецъ перваго, блестящаго періода Общества.—Охлажденіе Императрицы къ Смольному.—Устраненіе Бецкаго отъ участія въ дѣлахъ Общества.—Неисполненіе предписаній Коммиссіи.—Причины этого. — Какъ велось преподаваніе въ Смольномъ послѣ преобразованій Коммиссіи. — Критическія замѣчанія на „Расположеніе" Коммиссіи. — Докладъ Совѣта Императрицѣ о финансовомъ положеніи Общества и просьба о прибавкѣ суммы на содержаніе его.—Расходы по Обществу.—Повелѣніе Екатерины Завадовскому выдать Совѣту 100.000 р. на покрытіе части долга Общества — Послѣднее засѣданіе Совѣта при Екатеринѣ. — Послѣднія ея распоряженія.

Въ слѣдующіе семь лѣтъ, съ 1775 по 1783 годъ, жизнь въ Обществѣ шла безъ всякихъ, повидимому, измѣненій. Впро-

чемъ по учебной части произошли небольшія перемѣны. Кромѣ Пахомова, былъ назначенъ въ 1776 году, уже послѣ выпуска, еще одинъ учитель „по прошенію“, бывшій въ ревизіонной конторѣ канцеляристъ Канторъ. Его, также какъ и Пахомова, опредѣлили, „для исправленія письменныхъ дѣлъ по Совѣту и для обученія воспитанницъ россійскому правописанію“. Но онъ пробылъ недолго, и въ 1779 году былъ уволенъ „за неблагопристойное поведеніе“ [1]). На Пахомова, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые онъ преподавалъ раньше, возложено было преподаваніе географіи и исторіи; такимъ образомъ, онъ обучалъ благородныхъ и мѣщанскихъ воспитанницъ почти всѣмъ наукамъ, положеннымъ Уставомъ и Учрежденіемъ.

Совѣтъ производилъ, по обыкновенію, каждый годъ экзамены, присуждалъ награды и составлялъ постановленія, почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Форма ихъ однако нѣсколько измѣнилась сравнительно съ прежними; она стала еще болѣе мягкою, даже трогательною, а выраженія еще болѣе витіеватыми. Это, какъ кажется, слѣдуетъ приписать Завадовскому, который, оставаясь постояннымъ, съ 1776 года, членомъ Совѣта по назначенію Императрицы, съ 1779 года сталъ принимать особенно дѣятельное участіе въ дѣлахъ Общества.

Присуждая награды третьему выпуску, стало быть уже въ 1782 году, Совѣтъ говорилъ въ своемъ постановленіи: „Какъ по засвидѣтельствованіямъ, такъ и по собственному вприсутствіи Совѣта мѣжду техъ дѣвицъ балотированію, употребляя для разсмотрѣнія совсевозможною строгостью вначалѣ познанія закона, нравовъ ихъ и поведенія, яко главныхъ украшеній истинныхъ гражданокъ споспешествующихъ благоденствію обществъ, а потомъ ихъ успѣхи въ знаніи наукъ, художествъ, спротчими женскому полу свойственными рукодѣліями и подлежащими частьми домоводства Совѣтъ нашелъ что многія изъ оныхъ благородныхъ воспитанницъ возмогутъ предъ очами общества предстать таковыми, каковыми уготовляютъ ихъ премудрыя учрежденія всемилостивѣйшей Монархини. Ахотя можетъ быть въ иныхъ наружность невинности, неимѣющая еще той блистательности которая пріобретается сильнымъ обращеніемъ вболшомъ свете, и не будетъ сходствовать съ желаніемъ оное многому предпочитающихъ, но Совѣтъ, взирая на существенное удостояетъ предпочитающихъ онымъ должнаго по справедливости награжденія узаконеннаго при выпускахъ ихъ, да возмогутъ они по симъ отлич-

[1]) Протоколъ Совѣта 23 февраля 1779 года.

постямъ, помня чего были достойны, имѣть всегда душевное побужденіе, нетолко не помрачить пріобретеннаго, но паче старатся удостоится заслужить почтенія вобществѣ и темъ более доказать свою благодарность имѣвшимъ попечительное раченіе посредствомъ воспитанія, вразсужденіи чего соразмерно ихъ успѣхамъ и поведенію и опредѣлилъ" (слѣдуетъ перечисленіе наградъ).

„Впротчемъ Совѣтъ задолгъ почитаетъ всехъ въобще повидимому во время ихъ присемъ Обществѣ пребываніи достойными устроеннаго къ ихъ воспитанію попѣченія почему надеется помѣре исъ полненія преподанныхъ имъ наставленій желаемой быть отъ оныхъ пользы общественной, и заслуживаемой любви отъ своихъ родителей свечною благодарностью виновницѣ ихъ благоденствія".

Къ этому на подлинной черновой, другою рукою и почеркомъ, очень сходнымъ съ почеркомъ Завадовскаго, прибавлено: „А єсли нѣкоторыхъ изъ нихъ природныя дарованія и не могли возвысить ихъ до степени ихъ сверстницъ, однакожъ не должно отчаяваться чтобъ современемъ ихъ медленно открывающіеся таланты имъ препятствовали и онѣ возмогутъ вступя въ общество неутомимымъ по мѣрѣ силъ своихъ подражаніемъ похвальнымъ примѣрамъ исправить то, чего воспитаніе одолѣть не могло" [1]).

При выпускѣ 1782 г., и мѣщанскимъ воспитанницамъ были выданы за подписью Начальницы свидѣтельства такого содержанія: „Изъ Общества благородныхъ дѣвицъ симъ свидѣтельствую что воспитавшаяся при учрежденномъ Мѣщанскомъ Обществѣ дѣвица NN какъ видимыя во время 12-лѣтняго своего при ономъ пребываніи, добропорядочные поступки и честное поведеніе, такъ и за пріобрѣтенныя по возможности ея силъ сходственныя съ ея состояніемъ знанія и искусства въ разныхъ рукодѣліяхъ и домоводствѣ, заслужила тому соразмѣрную похвалу и принадлежащею свободою со всѣми пожалованными отъ Ея Императорскаго Величества привиллегіями, каковыя подлежатъ по предписаніямъ Устава о воспитаніи Благовоспитанныхъ награждается. Апрѣля 30-го, 1782 [2]).

„Управляющая симъ Обществомъ Начальница

„S. de-Lafont".

При выпускѣ 1779 года всѣмъ мѣщанскимъ воспитанницамъ были выданы на руки деньги на приданое; но при слѣдующемъ выпускѣ, въ 1782 году, Совѣтъ опять постановилъ выдать „смотря

[1]) Протоколъ Совѣта: Присужденіе наградъ 3-му выпуску отъ Совѣта. 1782 г.

[2]) Архивъ Совѣта Восп. Общ. благ. дѣв.

по случаю отъѣздовъ въ другіе города или же на доброе состояніе ихъ родителей, а протчимъ при точномъ выходѣ ихъ замужъ". При этомъ сумма выдачи была менѣе предшествовавшихъ годовъ и опредѣлена въ круглой цыфрѣ по 100 рублей каждой воспитанницѣ [1]). Какъ обнаружилось впослѣдствіи, уже при Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, Совѣтъ съ 1780 года не отсылалъ болѣе въ Банкъ трехъ тысячъ рублей, положенныхъ „Учрежденіемъ" на приданое, по 50-ти рублей каждой изъ 60-ти мѣщанскихъ воспитанницъ, при вступленіи ихъ въ Общество. Мотивировалъ это Совѣтъ тѣмъ, что „сумма въ 50 рублей на приданое оказалась недостаточною" [2]). Тогда же Совѣтъ представилъ Императрицѣ докладъ о томъ, что въ 1780 году минуло двѣнадцать лѣтъ какъ Начальница де-Лафонъ не имѣетъ помощницы (т.-е. Правительницы), и что она во все время не получила ни одной награды. Поэтому Совѣтъ полагалъ выдать ей 13.000 рублей, которые составили бы то, что должна была получать Правительница [3]).

Дѣйствительно, какъ кажется, Совѣту очень трудно было пріискать Правительницу. Исполнявшая въ 1775 году обязанности де-Лафонъ, Дюнанъ, отказалась черезъ восемь мѣсяцевъ, а приглашенная Совѣтомъ, въ 1779 году, вдова ландрата Лиліенфельдъ пробыла всего одинъ мѣсяцъ и уволена по прошенію „за болѣзнью". Какъ видно по фамиліямъ обѣихъ дамъ, это были иностранки. Изъ русскихъ или не находилось такой, которая удовлетворяла бы желаніямъ Совѣта, или онъ самъ хотѣлъ назначить Правительницей непремѣнно иностранку. Нужно впрочемъ сказать, что Совѣтъ не поощрялъ и иностранокъ, служившихъ въ Обществѣ надзирательницами и учительницами. Онѣ получали по 250 рублей въ годъ жалованья и только при выпускѣ 1782 года въ первый разъ нѣкоторымъ изъ нихъ „за долговременную службу" было назначено въ награду 400 р. на всѣхъ. Между тѣмъ учителю музыки (итальянцу)—одному дали 300 рублей.

Ни на одномъ изъ выпусковъ, 1779 и 1782 года, Императрица не присутствовала и награды раздавалъ Совѣтъ. На торжествѣ выпусковъ кромѣ рѣчей, произнесенныхъ воспитанницами по-французски и по-русски, онѣ и танцовали при публикѣ, чего на первомъ выпускѣ не было.

Одиннадцать своихъ пенсіонерокъ (бо̀льшею частью дочерей малороссовъ и разныхъ инородцевъ), при выпускѣ 1779 года,

---

[1]) Протоколъ Совѣта 30 іюня 1783 года.

[2]) Протоколъ 25 іюля 1805 года.

[3]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 декабря 1780 года.

Екатерина велѣла отдать родителямъ; въ 1782 году она, именнымъ указомъ, повелѣла положить въ Банкъ семерымъ своимъ пенсіонеркамъ по двѣ тысячи рублей каждой на приданое съ тѣмъ, чтобы проценты па нихъ выдавались имъ до замужества, а послѣ него весь капиталъ былъ отданъ въ ихъ распоряженіе. Отношеніе ея къ воспитанницамъ вообще оставалось хорошимъ и теплымъ; она часто пріѣзжала на театральныя представленія, дававшіяся въ Смольномъ, и внушала воспитанницамъ такія же горячія чувства любви, какъ это было прежде; но повидимому у нея болѣе не было среди нихъ такихъ любимицъ, какъ въ первомъ выпускѣ. Изъ выпущенныхъ въ 1782 году только двѣ были взяты ко двору. Три изъ ея пенсіонерокъ благородныхъ и три мѣщанскихъ по малолѣтству были оставлены еще на три года въ Обществѣ. Кромѣ нихъ осталась еще съ 1779 г. одна изъ благородныхъ воспитанницъ, та самая Хрущова, которой шведскій король подарилъ бриллiантовое сердечко. За ея содержаніе обязался платить по 400 рублей въ годъ Бецкій. При слѣдующемъ же выпускѣ остались въ Обществѣ уже девять воспитанницъ; нѣкоторыя по просьбѣ родителей и съ обязательствомъ вносить па ихъ содержаніе по 200 рублей въ годъ; другія—на такихъ же условіяхъ, съ платою за нихъ разныхъ лицъ, а одна—потому, что сама не пожелала жить ни у брата, ни въ домѣ, куда онъ хотѣлъ ее помѣстить. Одну воспитанницу Совѣтъ самъ помѣстилъ, съ ея согласія, въ домъ жены генералъ-поручика Бороздиной, гдѣ она, по свидѣтельству знавшаго ее Ив. Мих. Долгорукова, жила „въ барышняхъ“ [1]). Отецъ этой дѣвушки, „порутчикъ Львовъ“ передъ выпускомъ писалъ Совѣту что у него „всего 16 душъ крестьянъ“, что онъ „раненъ 17 разъ, старъ и боленъ“. „Зная участь“, писалъ Львовъ, „въ которую она войтить по бѣдности моей должна, боюся я чтобы образованная благовоспитаніемъ душа ея не повергла ее въ отчаяніе, которое часто, въ недостаткѣ нужнаго, и меня самого терзаетъ“. Поэтому онъ просилъ Совѣтъ оставить его дочь въ монастырѣ, „въ пользу того же воспитанія, коимъ будучи одарена осталась бы она бедственно и безполезно въ бѣдности нашей“ [2]).

Вообще свѣдѣнія о выпускѣ 1782 года полнѣе предыдущихъ. Изъ 52-хъ воспитанницъ этого выпуска 25 взяты родителями, 15—родственниками, 9 остались въ Обществѣ, 2 взяты ко двору.

Въ 1782 же году былъ первый примѣръ того, что одну изъ

[1]) Капище. См.: Львова.

[2]) Архивъ Совѣта Восп. Общ. благ. дѣв.

воспитанницъ отдали роднымъ прежде истеченія обязательныхъ 12-ти лѣтъ пребыванія ея въ Обществѣ. Объ этомъ, небываломъ еще съ его основанія случаѣ, сохранился разсказъ, записанный со словъ близкихъ къ Екатеринѣ людей, Пав. Ив. Сумароковымъ [1]). Приводимъ его здѣсь какъ рисующій отношеніе Ив. Ив. Бецкаго къ родителямъ воспитанницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающій, какія ненормальныя отношенія могли устанавливаться между родителями и дѣтьми, благодаря закрытой системѣ воспитанія.

„Одна госпожа, имѣвъ мужа и двухъ дочерей, отдала одну изъ сихъ въ Смольный монастырь. Протекло 8 лѣтъ, что она не видала той, а въ сіе время мужъ и другая дочь умерли. Оставшись сиротствующею какъ въ выморочномъ домѣ, рѣшилась она ѣхать въ Петербургъ и просить о выдачѣ ей дочери, прежде опредѣленнаго срока. Является къ Ивану Ивановичу Бецкому, начальнику того заведенія, описываетъ ему свое несчастное положеніе, а онъ представляетъ ей, что то есть дѣло небывалое, невозможное, и что тѣмъ нарушился бы порядокъ. „Для горестей нѣтъ правилъ, порядка, говорила злополучная мать, я теперь одна, сердце мое пусто, нѣтъ никого вокругъ меня, сжальтесь надо мною“.—Г. Бецкой возражалъ, что онъ самъ того разрѣшить не можетъ, доложитъ Императрицѣ; но и она на подобную отмѣну конечно не согласится.—„Или Императрица не мать также сама? Или не имѣетъ она сострáданія, человѣколюбивыхъ чувствъ“,—продолжала госпожа.—„Хорошо, сударыня, я доложу, пожалуйте ко мнѣ завтра, въ первомъ часу“. Опечаленная обѣщанною неудачею является на другой день и г. Бецкой къ ней выходитъ. —„Что, ваше высокопревосходительство, милость или слезы возвѣстите вы мнѣ?—„Сожалѣю, сударыня, что долженъ сообщить вамъ непріятное: Императрица того не позволяетъ“.—Госпожа зарыдала, произносила упреки жестокости и, отходя, просила увидѣть по крайней мѣрѣ свою дочь.—Г. Бецкой, утѣшая, уговорилъ ее обѣдать у него. Она осталась; пошли къ столу и смущенная гостья сѣла подлѣ хозяина. Въ отдаленіи отъ себя, увидѣла она статную, ловкую молодую дѣвушку, съ которой окружающія барыни разговаривали выхваляя ея таланты. Госпожа сказала тогда: „Какъ мила эта дѣвица, я завидую ея матери; моя дочь такого же возраста, и я очень бы желала, чтобъ она на эту походила“. Лишь выговорила она сіи слова, какъ вдругъ г. Бецкой встаетъ, беретъ госпожу за руку и, приближась къ той дѣвицѣ, говоритъ:

[1]) Черты Екатерины Великой. Р. Архивъ, 1870, стр. 2111.

„Такъ обоймитежъ выхваляемую: она дочь ваша, и Государыня ее вамъ возвращаетъ“.

Въ протоколѣ Совѣта 1782 года сказано, что воспитанницу, княжну Оболенскую, отдали матери „по болѣзни“. Это былъ единственный случай такого нарушенія Устава при Бецкомъ, а во все царствованіе Екатерины, кромѣ этого, былъ еще одинъ примѣръ, когда были отданы матери двѣ ея дочери, помѣщенныя ихъ отцомъ. Но онѣ были своекоштными пенсіонерками и приняты прямо во 2-й возрастъ. Поэтому Совѣтъ въ своемъ рѣшеніи мотивировалъ согласіе на ихъ отдачу до выпуска тѣмъ, что онѣ приняты не на урочныя по Уставу лѣта, и потому, что „г-жа Начальница дѣйствительно свидѣтельствуетъ слабое ихъ здоровье, почему не успѣваютъ въ наукахъ“ [1]). Это случилось уже за четыре мѣсяца до смерти Екатерины и тогда, когда Бецкаго не было въ живыхъ.

Вліяніе его на дѣла Общества стало ослабѣвать съ 1782 года, и повелѣнія Императрицы съ этого года шли черезъ Завадовскаго.

Въ одномъ изъ засѣданій, 2-го мая 1783 года [2]). Ив. Ив. Бецкій сообщилъ Совѣту полученное имъ 18 апрѣля письмо Завадовскаго, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ его, что Императрица „собственнымъ Ея Величества надписаніемъ утвердила сочиненное Коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ распоряженіе и новый образъ преподаванія наукъ въ Обществѣ“, что она повелѣла, чтобы одинъ изъ членовъ Коммиссіи посѣщалъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю учебные классы для надзиранія, такъ ли исполняется Уставъ Коммиссіи, которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено избрать и опредѣлить классныхъ учителей; „почему-де, ради обученія словеснымъ наукамъ“, писалъ Завадовскій, „и не будутъ больше нужны иностранки, носившія на себѣ доселѣ имя учительницъ, ибо за полезнѣйшее сочтено преподавать всѣ науки словесныя на природномъ языкѣ, потому что предубѣжденіе къ французскому довело до того, что свой россійскій языкъ дѣлается для дѣвицъ чужимъ“ [3]). Извѣщая объ этомъ Бецкаго, для сообщенія Совѣту Общества, Завадовскій увѣдомлялъ и о томъ, что Коммиссія „нынѣ же“ приступитъ къ исполненію возложеннаго на нее дѣла.

Именной указъ Т. Сов. Завадовскому, Д. Т. Сов. Эпинусу

---

[1]) Протоколъ Совѣта 7 іюня 1796 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 2 мая 1783 г.

[3]) Копія съ письма Завадовскаго къ Бецкому 18-го апрѣля 1783 года (Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

и Пастухову объ учрежденіи Коммиссіи для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ „подъ собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ“, былъ изданъ Екатериною 7 сентября 1782 года [1]), а 28 марта 1783 года Завадовскій передалъ Коммиссіи Высочайшее повелѣніе о „расположеніи ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ, по примѣру народныхъ училищъ и о избраніи потребныхъ для сего учителей подъ наблюденіемъ Коммиссіи съ порученіемъ одному изъ благонадежнѣйшихъ учителей надзора за успѣхами дѣвицъ въ ученіи съ вмѣненіемъ ему въ обязанность доносить о томъ Коммиссіи“. Коммиссія тогда же постановила, „заведя и тотъ же способъ ученія, расположить науки къ преподаванію тутъ (въ Обществѣ) предписанныя, по образцу народныхъ училищъ, а также еженедѣльно одному изъ членовъ Коммиссіи посѣщать ученіе сего Общества; но прежде всего разсмотрѣть состояніе нынѣшняго ученія въ Обществѣ, качества настоящихъ учителей, свойства книгъ, расположеніе часовъ“. [2]).

Коммиссія немедленно приступила къ этой послѣдней задачѣ и свое изслѣдованіе объ учебной части Общества озаглавила такъ: „Препятствія къ достиженію дѣвицами тѣхъ совершенствъ, кои составляютъ корень сего Воспитательнаго Общества и предметъ превосходныхъ правилъ, содержащихся въ уставахъ о воспитаніи“ [3]).

Изслѣдованіе обнаружило: 1) Вмѣсто того, чтобы, какъ требуется Уставомъ Общества, преподаваніе наукъ шло постепенно, и въ первомъ возрастѣ преподавались бы: катехизисъ, языки иностранные и русскій, ариѳметика, а во второмъ, кромѣ этихъ предметовъ, еще исторія и географія, въ дѣйствительности преподаваніе катехизиса, исторіи и географіи, а также русскаго языка, начинается только въ третьемъ возрастѣ, а ариѳметики—въ четвертомъ, „т.-е.“, говоритъ Коммиссія, „начинаютъ тогда, когда преподаваніе уже должно кончаться“. „Поелику“, объясняетъ она, „благовременно въ разсудокъ и сердце насажденные сѣмена просвѣщенія и добродѣтели и тщательно назираемые, непремѣнно долженствуютъ произрастить плодъ совершенный, но позднѣе подлежащаго посѣянные не достигаютъ своея зрѣлости“, то въ этомъ и видитъ Коммиссія первое препятствіе успѣхамъ воспитанія въ Обществѣ. 2) Въ четвертомъ возрастѣ дѣвицъ вдругъ „отягчаютъ многими другими ученіями: языками нѣмецкимъ и итальянскимъ,

[1]) Полное Собр., ст. 16507.
[2]) Журналъ Ком. о нар. уч. 28 марта 1783 г. (Дѣла Деп. М. Н. Просв.).
[3]) Журн. Ком. 1 апрѣля 1783 г.

физикою, естественной исторіею, многоразличными женскими рукодѣліями и прочими подобными вещами. Отъ сего непріобученныя къ удобному дѣйствованію душевныя ихъ силы не могутъ скоропостижно распространиться и объять всѣхъ предлагаемыхъ предметовъ". Главнѣйшимъ же препятствіемъ Коммиссія сочла то, что дѣвицы „несовершенно знаютъ языки, на которыхъ имъ преподаютъ науки, а особливо языкъ россійскій". По ея словамъ, къ третьему возрасту „и то знаніе русскаго языка, съ которымъ онѣ вступили въ Общество, становится имъ почти неизвѣстнымъ".

Кромѣ этого Коммиссія обнаружила слѣдующіе непорядки въ ученіи: въ одной комнатѣ два или три учителя или учительницы преподаютъ въ одно время свои наставленія; дѣвицъ одного и того же класса раздѣляютъ на два или на три въ такихъ наукахъ, „кои могутъ всѣмъ купно преподаваться. Напримѣръ, исторію", говоритъ Коммиссія, „съ такимъ же удобствомъ можно преподавать десяти воспитанницамъ, какъ и пятидесяти, ибо здѣсь требуется лишь безмолвіе и вниманіе". Другой, указанный Коммиссіею, „обычай", вредящій успѣхамъ ученія тотъ, что дѣвицъ „берутъ у одного учителя прежде окончанія часовъ имъ предлагаемаго ученія и отсылаютъ къ другому". Дѣвицы часто и сами уходятъ изъ класса учителя, которые вообще, говоритъ Коммиссія, „не умѣютъ ни влiять, ни увлечь ихъ". Учительницы и надзирательницы также не требуютъ повиновенія отъ воспитанницъ, сами разговариваютъ съ ними и заставляютъ учителя ждать въ классѣ. Начальствующія, среди класса, велятъ дѣвицамъ отходить отъ ученія или для театральныхъ представленій, или для другихъ подобныхъ упражненій, на что не опредѣлено извѣстное время. Въ числѣ препятствій къ успѣшному ходу учебныхъ занятій въ Обществѣ, Коммиссія указала и на недостатокъ книгъ для чтенія, особенно на россійскомъ языкѣ, также учебныхъ и „для исправленія сердца служащихъ". „Все это", говоритъ она въ заключеніе, „рождаетъ въ ученіи крайній непорядокъ и замѣшательство, погашаетъ ревность наставляющихъ, приводитъ мысль наставляемыхъ въ разсѣянность, вдыхаетъ въ нихъ отъ наукъ отвращеніе и вмѣсто просвѣщенія разума омрачаетъ оный".

Въ результатѣ Коммиссія удостовѣряла, что кончившія 12-тилѣтній срокъ ученія воспитанницы имѣютъ такъ мало познаній въ языкахъ, „наипаче въ россійскомъ", что едва могутъ изъясняться вразумительно о вещахъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ, а бо́льшая часть мѣщанокъ не умѣютъ даже написать правильно свое имя. Какъ неизбѣжное слѣдствіе такихъ поряд-

ковъ ученія, Коммиссія признала то, что „во время неподготовленнымъ къ пониманію наукъ въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ дѣвицамъ не могутъ уже быть читаемы тѣ науки, которыя просвѣщаютъ разумъ и усовершаютъ сердце; поэтому", говоритъ она, „оставлены двѣ главныя душевныя силы безъ благоустроенія, и дѣвицы, такимъ образомъ пренебреженныя, не оказываютъ желаемаго успѣха въ благовоспитаніи, не изобилуютъ познаніемъ вещей различныхъ, образующихъ благородную душу, ниже украшаютъ свое сердце собраніемъ изящныхъ добродѣтелей". Во всемъ этомъ Коммиссія винитъ „несовершенство приставницъ, учителей и учительницъ", изъ которыхъ многія, по ея словамъ, выучились преподавать языкъ только навыкомъ; „а приставницы, учителя и учительницы", прибавляетъ Коммиссія, „суть такой образъ, коему младыя воспитанницы тщатся быть подобными" [1]). Коммиссія обвинила учителей даже въ томъ, что въ Обществѣ нѣтъ учебныхъ книгъ, ибо, говоритъ она, „учитель, основательно знающій свой предметъ, можетъ самъ составить книгу. ...Но Общество, не имѣло и не имѣетъ такихъ учителей, а если и имѣло и имѣетъ, то не знало обращать въ пользу ихъ дарованій". Признавъ такимъ образомъ, что успѣхи воспитанницъ затрудняются тѣмъ, что 1) бо́льшая часть наукъ преподается на иностранномъ языкѣ, коего дѣвицы довольно къ тому не разумѣютъ; 2) языкамъ французскому и нѣмецкому, какъ и нѣкоторымъ изъ наукъ, обучаютъ однѣ и тѣ же учительницы, которыя основательно оныхъ сами не знаютъ, умалчивая уже о методѣ преподаванія, и 3) класса, т.-е. ученія нѣтъ расположенія, по которому бы ученіе преподавалось въ каждомъ возрастѣ безъ помѣшательствъ отъ одного къ другому, Коммиссія положила [2]): 1) всѣ науки преподавать въ Обществѣ, какъ въ народныхъ училищахъ, на россійскомъ языкѣ; 2) вмѣсто неспособныхъ учительницъ избрать искуснѣйшихъ учителей, которыхъ освидѣтельствовать директору Янковичу въ ихъ знаніи; 3) пока найдутся способные учителя, сочинить Янковичу расположеніе классовъ какъ ради Общества благородныхъ, такъ и училища мѣщанскихъ, во всѣхъ 4-хъ возрастахъ; въ помощь ему назначить секретаря Общества и учителя Пахомова; 4) соединить въ одномъ учителѣ наиболѣе соединенныя между собою науки для избѣжанія пріема и содержанія излишнихъ, а способъ преподаванія во всемъ

[1]) Показаніе главнѣйшихъ причинъ, препятствовавшихъ по сіе время благороднымъ и мѣщанскимъ воспитанницамъ достигнуть тѣхъ совершенствъ, и пр. (Дѣла Деп. М. Нар. Просв.).

[2]) Журналъ Ком. 1 апр. 1783 г.

установить какъ въ народныхъ училищахъ. Для этого Янковичъ долженъ составить краткое начертаніе для учителей Общества, въ которомъ слѣдуетъ изобразить: „въ чемъ оный способъ состоитъ, его выгоды, а потомъ, какъ каждому изъ нихъ оный при преподаваніи употреблять, доколѣ Коммиссія будетъ имѣть время снабдить не токмо учителей нижнихъ классовъ печатающимся уже руководствомъ, но и высшимъ пространнѣйшимъ наставленіемъ". При этомъ Коммиссіею были высказаны желанія: 1) „чтобы какъ только дѣвицы выучатся читать, въ классахъ всѣхъ 4-хъ возрастовъ читались бы хорошія книги [1]), образующія разумъ и сердце; 2) чтобы при каждомъ возрастѣ находилось по одной учительницѣ, основательно знающей русскій языкъ; она должна разговаривать съ воспитанницами по-русски и исправлять ихъ погрѣшности въ разговорѣ, и 3) сочинить для Общества учебныя книги методомъ, основаннымъ на благоразумныхъ Уставахъ о воспитаніи и соотвѣтствующимъ понятію сего пола". Кромѣ того, Коммиссія постановила за правило: не слишкомъ много учить дѣвицъ и давать имъ свободные часы для повторенія слышаннаго и для надлежащаго размышленія о томъ, „однако, подъ присмотромъ учительницъ".

„Наставленіе", о которомъ говоритъ здѣсь Коммиссія, было готово и подписано Императрицею 8 апрѣля, а 18-го Завадовскій сообщилъ обо всемъ Бецкому.

По программѣ, составленной Коммиссіею, въ первомъ возрастѣ должны были преподаваться: краткій катехизисъ, чтеніе и письмо на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На первые два предмета полагалось по семи часовъ въ недѣлю въ первые два года и по шести съ половиною въ третій годъ; на нѣмецкій языкъ четыре часа; на катехизисъ (только въ послѣдній годъ) 2 часа и на рисованіе 2. Всего учебныхъ часовъ въ первомъ возрастѣ назначалось 21 въ первые два года и 22 въ третій. Во второмъ возрастѣ: законъ Божій — 2 урока въ недѣлю, русскій языкъ — 5, французскій — 3, нѣмецкій — 5, чистописаніе — 2, исторія, географія, хронологія и миѳологія — 3, ариѳметика — 3 и рисованіе — 2. Всѣхъ уроковъ въ этомъ возрастѣ 25 въ недѣлю. Въ третьемъ возрастѣ положено было 23 урока и, кромѣ того, четыре урока музыки и два танцевъ. Изъ 23-хъ уроковъ, по одному въ недѣлю назначалось на физику и естественную исторію; на нѣмецкій языкъ 6 уроковъ, на исторію — 3, географію

[1]) Одна изъ такихъ, сочиненныхъ Коммиссіею, книгъ: „О должностяхъ человѣка и гражданина", была прислана въ Общество по повелѣнію Екатерины еще 21 января 1783 г.

—3, русскій языкъ—1, французскій—1. Остальные семь уроковъ распредѣлялись между закономъ Божіимъ, ариѳметикой, чистописаніемъ и рисованіемъ. Въ четвертомъ возрастѣ—24 урока; кромѣ предметовъ третьяго возраста преподавалась еще геометрія и архитектура; господствующимъ предметомъ былъ нѣмецкій языкъ. На рукодѣлія, занятія хозяйствомъ, музыку и танцы отводилось свободное отъ занятій время. Почти такая же программа была составлена Коммиссіею и для мѣщанскихъ воспитанницъ съ тою разницею, что въ четвертомъ возрастѣ главное вниманіе было обращено на русскій языкъ, для котораго назначалось по пяти уроковъ недѣлю. Суббота была назначена во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ старшаго, и на обѣихъ половинахъ, для повторенія пройденнаго въ теченіе недѣли.

Получивъ новую программу, Совѣтъ постановилъ: „всѣ присланныя Высочайшія повелѣнія, *яко превосходный и непремѣнный законъ премудрыя законодательницы*, хранить въ архивѣ Совѣта, поступая по оному съ надлежащею точностью, и для исполненія объявить всѣмъ, кому вѣдать должно“ [1]).

Вмѣстѣ съ программою Коммиссія подробно изложила и способъ преподаванія. Онъ долженъ былъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать въ нихъ память, вниманіе, разсудокъ и даже волю. Для изощренія первыхъ двухъ способностей должны были служить изображенія цѣлой рѣчи через начальныя буквы каждаго слова, а также таблицы, въ которыхъ „связь между частями всякой науки подъ знаками скобокъ, буквъ, чиселъ и чертъ, чувственно запечатлѣвается въ памяти“ [2]). „Это“—сказано въ „Расположеніи“, составленномъ Коммиссіею—„подкрѣпляемо будучи помощью чувствъ, привлекаетъ вниманіе дѣвицъ съ нѣкоторою пріятностью и утверждаетъ оное“. Таблицы же, по мнѣнію Коммиссіи, должны содѣйствовать порядку, „ибо“—говорится въ „Расположеніи“ — „учитель черезъ оныя при предложеніяхъ своихъ содержится въ надлежащихъ предѣлахъ и не можетъ прервать порядка науки“. Онѣ должны „содѣйствовать и разсудку“ воспитанницъ, ибо, „привыкнувъ къ такому ученію, дѣти пріучаются и сами поступать также“. Кромѣ того, разсудокъ и воля должны были, по „Расположенію“, „исправляться вопрошеніемъ, ибо когда дѣти черезъ вопросы полезные предметы совершенно поняли, тогда преклоняется къ онымъ

---

[1]) Историческій очеркъ *В. Лядова*, стр. 23.

[2]) Расположеніе ученія въ Обществѣ благ. дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи примѣру (Архивъ IV Отд. Собств. Его И. Вел. Канцеляріи).

руководствомъ искусснаго учителя любовь дѣтей и желаніе достигнуть оныхъ".

Для учителей, Коммиссія указала напечатанный въ книгѣ „Руководство учителямъ перваго и второго народнаго училища россійской Имперіи" порядокъ субботнихъ повтореній съ воспитанницами пройденнаго ими въ теченіе недѣли. Для этого всѣ учителя должны были собираться вмѣстѣ и разговаривать съ воспитанницами, каждый о своемъ предметѣ, по слѣдующему, изложенному въ „Расположеніи", образцу. „Напримѣръ, учитель Катехизиса спрашиваетъ воспитанницу: Какое существо называемъ мы Богомъ? кто создалъ міръ?—Географическій (учитель), услышавъ о мірѣ, предлагаетъ вопросъ: Какъ раздѣляется міръ сей на глобусѣ? — Геометрическій—предлагаетъ изслѣдовать фигуру міра, спрашиваетъ, какъ найти его центръ, вычислить его поверхность? — Историческій: Кто описалъ созданіе міра, когда жилъ святой историкъ Моисей, какія писалъ онъ книги, какіе народы и государства въ его вѣкъ были? и пр. — Физическій, услышавъ что произрастенія свои земля дала въ третій день, задаетъ вопросы: къ которому царству природы они принадлежатъ, что способствуетъ произрастенію плодовъ земныхъ, отчего бываютъ дожди, къ чему служатъ рѣки? и пр.—Географическій: бываютъ ли на рѣкахъ острова гдѣ имѣются таковые, живутъ ли на оныхъ?—Архитектурный: строятся ли на островахъ дома, изъ чего они строятся, какіе ордены строенія, въ чемъ состоитъ орденъ Дорическій, Тосканскій? и пр. Обучающіе грамматикѣ и сочиненіямъ, также французскому и нѣмецкому языкамъ, могутъ заставлять учениц разсказываемое вышереченнымъ учителемъ на русскомъ языкѣ переводить на француской и нѣмецкій по правиламъ грамматики и сочиненій, и умѣть объяснить почему". Къ этому въ „Расположеніи" сдѣлано примѣчаніе, что надо наблюдать, чтобы одинъ учитель давалъ знать другому, когда есть ему случай начать или продолжать повтореніе своей науки „по связи матеріи". Такой способъ полезенъ, по мнѣнію Коммиссіи тѣмъ, что онъ возбуждаетъ соревнованіе въ учителяхъ, „да и надзиратель видитъ всякую субботу прилежаніе каждаго учителя".

Въ „Расположеніи" Коммиссія высказала свой взглядъ на нѣкоторыя науки, признаваемыя ею полезными для благородныхъ дѣвицъ. Въ число ихъ она включила и миѳологію, по прибавивъ, что „сія наука сколь пріятная, столь и полезная въ словесности, была бы еще привлекательнѣе еслибы при краткомъ руководствѣ имѣла въ большомъ форматѣ эстампы на главные предметы оной". Всѣ науки: физику, геометрію, архитектуру, воспитанницы

должны были читать по таблицамъ „также какъ и прочія къ чтенію опредѣленныя книги", а учитель тщательно изъяснять все ими читаемое, „болѣе видимыми нежели отвлеченными доказательствами". Относительно преподаванія музыки, Коммиссія обнаружила совершенное незнакомство съ пріемами преподаванія этого искусства. Она предписала, „подобно тому какъ танцованію обучаются обыкновенно вмѣстѣ, такъ можно обучать и музыкѣ если найдется достаточное число инструментовъ".

Въ заключеніе Коммиссія опредѣлила цѣль, къ которой должно быть направлено воспитаніе дѣвицъ. Эта цѣль не имѣлась въ виду при основаніи Общества; но впослѣдствіи, послѣ смерти Екатерины, она была принята руководящею при воспитаніи и образованіи женщинъ, и благодаря этому, первоначальная идея общечеловѣческаго, всесторонняго развитія умственныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ силъ женщинъ, также какъ и мужчинъ, была впервые съужена и спеціализирована Коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ въ чисто женскую. „Такъ какъ намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ", сказано въ „Расположеніи", „состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями, то нужно сочинить для того такую книжку, по которой бы онѣ, читая ее подъ присмотромъ надзирательницъ своихъ, наставляемы быть могли: А) въ правилахъ какъ въ супружескомъ состояніи въ разсужденіи мужа поступать. Б) Какъ вести себя, какъ матери въ разсужденіи дѣтей: 1) во время беременности, 2) грудо-кормленія, 3) во время младенчества дѣтей и ихъ отрочества, когда начнутъ ужъ обучаться и 4) при выборѣ учителей и учительницъ и въ обхожденіи своемъ съ ними. В) Въ правилахъ домоводства: 1) общія правила домоводства находятся въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина", 2) домоводство по городамъ въ благородныхъ домахъ, 3) знаніе цѣны вещей къ домоводству принадлежащихъ, 4) сельское домоводство, 5) садовыя заведенія и 6) веденіе прихода и расхода".

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ постановленій Коммиссіи относительно учебной части въ Обществѣ, Совѣту его былъ предъявленъ полученный Бецкимъ списокъ назначаемыхъ Коммиссіею учителей и составленное ею „Наставленіе" учителямъ французскаго и нѣмецкаго языковъ [1]). Всѣ учителя, кромѣ послѣднихъ, были русскіе: Березайскій (учитель низшихъ классовъ Исакіевскаго народнаго училища), Малоземовъ (Вознесенскаго народнаго

[1]) Протоколъ Совѣта 18 сентября 1783 года.

училища), Артамоновъ (Исакіевскаго и Вознесенскаго) Головинъ (Академіи Наукъ адъюнктъ), Федоровскій, Карандашевъ, Киріакъ (бывшій Академіи переводчикъ). Между ними были распредѣлены слѣдующіе предметы: русскій языкъ, ариѳметика, нѣмецкій языкъ (чтеніе, письмо и краткая грамматика), исторія и географія, физика и естественная исторія, начальныя основанія геометріи (эти три предмета Уставомъ Общества не полагались), начальныя основанія архитектуры. Французскій и нѣмецкій языки должны были преподавать иностранцы Леліо и Гаррахъ. Всѣхъ вновь назначенныхъ Коммиссіею учителей было 14, а изъ прежнихъ она оставила лишь троихъ. При этомъ преподаваніе русскаго языка было распредѣлено между нѣсколькими учителями, обучавшими и другимъ предметамъ; въ томъ числѣ ему долженъ былъ обучать и учитель физики и естественной исторіи. Плата учителямъ была различная: за 20 часовъ и даже за 23 часа въ недѣлю тремъ учителямъ Коммиссія назначила по 200 рублей въ годъ; преподавателю Катехизиса также 200 р. кромѣ ста, которые онъ получалъ изъ главной дворцовой канцеляріи. Особенно рекомендованный Коммиссіею, „ради его особливаго искусства и дарованій въ преподаваніи, усмотрѣнныхъ при ученіи его въ народныхъ школахъ“, Артамоновъ — получалъ за обученіе ариѳметики въ старшихъ классахъ, благородныхъ и мѣщанскихъ, всего 180 р. въ годъ, но за нимъ посылался экипажъ. Самое большое жалованье, 500 р., квартиру, дрова, свѣчи и столъ, получалъ французъ Леліо, обучавшій въ младшихъ классахъ; по 300 р. было назначено учителю физики, естественной исторіи и русскаго языка и нѣмцу Гарраху; первому полагался и казенный экипажъ для пріѣздовъ въ Общество. Учитель исторіи и географіи, Киріакъ получалъ за преподаваніе этихъ предметовъ также 300 р., квартиру, дрова, свѣчи и столъ. Два учителя рисованія получали по 100 р., музыки — 500 р. на трехъ, танцевъ по 200 рублей. Но для танцевъ кромѣ того приглашался какой-нибудь извѣстный учитель или учительница, которымъ платили 1.100 р. въ годъ. Точно также и учителю пѣнія платили 500 р. и болѣе.

Надзоръ за классами и учителями, Коммиссія возложила на Пахомова, обязавъ его еженедѣльно представлять ей отчетъ; онъ же обучалъ воспитанницъ переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій и ариѳметикѣ, и былъ секретаремъ Совѣта. За всѣ эти обязанности, до назначенія Коммиссіи, онъ получалъ 500 рублей въ годъ, квартиру, дрова и свѣчи; а за надзоръ, Коммиссія ему прибавила еще 300 р. въ годъ. Сообщая Совѣту Общества списокъ учителей и назначеннаго имъ жалованья,

Коммиссія какъ будто сочла долгомъ оправдаться въ томъ, что это жалованье велико. „Чтожъ подлежитъ“—говоритъ она [1])—„до положеннаго здѣсь учителямъ жалованья, то оно положено самое соразмѣрное множеству времени и трудовъ, кои учители имѣть должны будутъ въ наставленіи столь великаго числа воспитанницъ“.

Кромѣ учителей, Коммиссія оставила по двѣ учительницы при первомъ и второмъ возрастахъ и по три при третьемъ и четвертомъ—для благородныхъ; тоже число и для мѣщанскихъ воспитанницъ. Кромѣ нихъ, она опредѣлила двухъ надзирательницъ (одну на благородной и одну на мѣщанской половинахъ) на всѣ четыре возраста, между тѣмъ прежде ихъ было на благородной по одной на каждый возрастъ. Всего же, изъ бывшихъ до того 39-ти надзирательницъ и учительницъ на обѣихъ половинахъ, Коммиссіею оставлены 22. Онѣ ужъ не должны были болѣе обучать воспитанницъ, такъ какъ для „словесныхъ наукъ“ были назначены учителя; но на учительницъ было возложено обученіе воспитанницъ рукодѣлію и обязанность читать съ ними книги подъ руководствомъ учителей. Жалованье учительницамъ сохранено было прежнее, „или“, писала Коммиссія, „если не согласятся, то съ нѣкоторымъ смотря по искусству ихъ прибавленіемъ“.

Организовавъ учебную часть въ Обществѣ, Коммиссія назначила 16 марта 1784 года публичный экзаменъ для ознакомленія публики съ новымъ способомъ ученія, который, какъ видно изъ донесенія въ Коммиссію надзирателя Пахомова отъ 27-го ноября по 3-е декабря 1783 года, тогда же былъ приведенъ въ дѣйствіе [2]).

На экзаменѣ присутствовали члены Совѣта и Коммиссіи, родители и „сродники“ воспитанницъ. Послѣ него Императрица дала Янковичу „за труды по Обществу“ орденъ св. Владиміра 4-го класса, Головину (учителю физики, естеств. исторіи и русскаго языка) золотую табакерку, а для распредѣленія между прочими учителями 1000 рублей [3]).

Черезъ годъ предстоялъ выпускъ (4-й съ основанія Общества) воспитанницъ, которыя большую часть своего пребыванія въ Смольномъ учились по старому способу, и только два послѣдніе года—по новому. За два мѣсяца до выпуска, Императрица, въ особомъ указѣ отъ

---

[1]) Журналъ Коммиссіи 1 апрѣля 1783 года.
[2]) Р. Старина 1878 г., октябрь 316—318.
[3]) Журналъ Коммиссіи 26 марта 1784 года.

7 февраля 1785 года выразила Коммиссіи свое удовольствіе [1]). „Не можемъ“—говорилось въ указѣ—„оставить безъ изъявленія удовольствія Нашего что введенный по повелѣнію Нашему Коммиссіею учрежденій народныхъ училищъ въ сіе Общество образъ ученія, въ краткое время произвелъ толикіе успѣхи и пользу, подтверждаемъ чтобы таковое ученіе въ семъ Обществѣ сохранено было и повелѣваемъ Совѣту въ назначеніи благородныхъ дѣвицъ какъ въ положенномъ по штату числѣ состоявшихъ, такъ и пенсіонеркамъ, знаковъ отличія поступить съ должнымъ уваженіемъ, какъ на добрыя нравы кои одну изъ главнѣйшихъ частей воспитанія составляютъ, такъ и на успѣхи въ наукахъ пріобрѣтенные по свидѣтельству учащихъ и по усмотрѣнію Членовъ Совѣта; и понеже Мы изъ особливаго Нашего благоволенія къ сему Обществу предположили сами роздать таковые знаки отличія, для того Совѣтъ поспѣшитъ съ представленіемъ Намъ мнѣнія съ росписью кому сіи знаки слѣдуютъ и съ пріобщеніемъ свидѣтельствъ учащихъ и присмотръ за воспитаніемъ имѣющихъ“.

До сихъ поръ Императрица ни разу сама не раздавала наградъ при выпускахъ; выраженное ею въ только что приведенномъ указѣ желаніе самой раздать ихъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ удовольствія по поводу результатовъ новаго „образа“ ученія, введеннаго Коммиссіею, показываютъ, что она придавала значеніе не только воспитанію, но и образованію воспитанницъ. Мы не знаемъ какое дѣйствіе произвело на Екатерину изслѣдованіе учебной части Общества Коммиссіею, но думаемъ, что, не желая сдѣлать изъ воспитанницъ ученыхъ или, чего она особенно не любила, „умничающихъ“ барышень, она хотѣла, чтобы онѣ были не только воспитанными, но и образованными. Поэтому, надо полагать, обнаруженное Коммиссіею отсутствіе въ Смольномъ всякаго ученія, должно было быть ей непріятно и еще болѣе усилило ея охлажденіе къ Бецкому, которому она до тѣхъ поръ ввѣряла веденіе всего дѣла въ Обществѣ.

Въ указѣ 7 февраля есть незначительная на первый взглядъ подробность, но, какъ намъ кажется, имѣющая значеніе. До сихъ поръ въ постановленіяхъ Совѣта при назначеніи наградъ воспитанницамъ, всегда выставлялись на первый планъ нравы и поведеніе, „яко главнѣйшія“ части воспитанія; въ указѣ 7 февраля употреблено выраженіе: „одну изъ главнѣйшихъ“ частей воспитанія. Кромѣ того Императрица потребовала, чтобы ей были представлены письменныя свидѣ-

[1]) Имен. указы и конф. доклады.

тельства какъ учителей, такъ и воспитательницъ, чего до сихъ поръ не дѣлалось, ибо Совѣтъ довольствовался устными. 17 февраля эти свидѣтельства были представлены, причемъ всѣ учителя подписали подъ ними свою фамилію по-русски. Свидѣтельства были слѣдующаго содержанія [1]): „Мы нижеподписавшіеся свидѣтельствуемъ симъ по самой справедливости, что въ преподаваемыхъ нами наукахъ 4-у возрасту благородныхъ дѣвицъ со времени введеннаго Коммиссіею объ установленіи народныхъ училищъ новаго образа ученія, нижеслѣдующія изъ оныхъ оказали предъ протчими отмѣнные успѣхи и приобрѣли въ нихъ такія знанія, о какихъ по то время не многіе между ними весьма малое, а другія и совсемъ никакого не имѣли понятія“. О назначенной къ полученію 1-го шифра воспитанницѣ, въ свидѣтельствѣ было сказано: „Превосходно успѣла въ физикѣ, отмѣнно въ россійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ исторіи, географіи, ариѳметикѣ и рисованіи, хорошо дѣлаетъ малыя сочиненія, довольное снискала познаніе въ начальныхъ основаніяхъ архитектуры“. О знаніяхъ нѣкоторыхъ другихъ говорилось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ архитектурѣ и рисованіи почитается первою изъ всѣхъ“, или „снискала понятіе о физикѣ“, „неуспѣла вархитектурѣ“, „успѣла во всемъ въ такой степени вкакой оне по порядку вразсужденіи протчихъ здесь находятся“ (это о назначенныхъ къ полученію 13-й и 14-й награды, т.-е. большихъ серебряныхъ медалей). Знанія слѣдующей затѣмъ воспитанницы, достойной, по свидѣтельству учителей, 15-й награды, опредѣлялись такъ: „посредственно знаетъ физику, россійской и французскій языкъ, слабѣе предъидущихъ въ сочиненіи, въ ариѳметикѣ почитается 16-ю, въ исторіи и географіи 15-ю, рисуетъ посредственно, но не успѣла въ архитектурѣ“.

Общій уровень знаній воспитанницъ виденъ изъ того, что признаны были достойными медалей такія, о которыхъ учителя свидѣтельствовали: „имѣетъ посредственныя способности къ наукамъ и успѣла въ нихъ посредственно; въ знаніи ариѳметики почитается 13-ю, слаба въ сочиненіяхъ и въ архитектурѣ, некоторые сдѣлала успѣхи въ россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но бо̂льшіе во французскомъ“. Или: „въ знаніи исторіи, географіи почитается 14-ю, слаба въ физикѣ, не тверда въ россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и сочиненіяхъ, лутче разумѣетъ языкъ французскій, посредственна въ архитектурѣ, рисуетъ на-

---

[1]) Представленіе Совѣта Императрицѣ 17 февраля 1785 г. (Архивъ Канц. В. О. б. д.).

рочито". Объ 11-ти изъ неполучающихъ наградъ было сказано: „нѣсколько успѣла въ катехизисѣ, въ протчихъ наукахъ крайне слаба", „слаба во всѣхъ наукахъ", „въ разсужденіи приобрѣтеннаго познанія почитается изъ слабѣйшихъ лучшею". И только объ одной: „по нерадѣнію своему и неспособности ни въ чемъ не оказала даже и посредственныхъ успѣховъ".

Повидимому, физика шла лучше всѣхъ наукъ; но можно себѣ представить, каковы должны были быть эти знанія у воспитанницъ изъ того, что когда назначенный Коммиссіею учитель физики представилъ Совѣту реэстръ необходимыхъ для преподаванія ея „инструментовъ", Совѣтъ отвѣчалъ, что „надо выписать ихъ изъ Англіи ибо здѣсь не достать и сдѣлать невозможно" [1]).

Къ свидѣтельству учителей было приложено особое свидѣтельство священника, который удостовѣрялъ успѣхи воспитанницъ не только въ преподаваемомъ имъ предметѣ, но и въ томъ, что „во все время нашего въ наукахъ наставленія онѣ изъявляли всегда приличнѣйшее благовоспитаннымъ добронравіе, должную послушность, усердное желаніе къ просвѣщенію своего разума и къ устроенію сердца, яко къ единственнымъ средствамъ достигнуть истиннаго благополучія. Словомъ, со стороны своего благоведенія во время учебное достойны суть толикія себѣ похвалы, каковую и за успѣхи въ наукахъ заслуживаютъ. Протчія девицы хотя и снискали нѣкоторое въ наукахъ познаніе, однако съ предреченными (т.-е. признанными достойными награды) никоимъ образомъ сравняться не могутъ какъ то изъ описанія знаній нижеслѣдующихъ некоторыхъ девицъ ясно усмотрѣть можно ибо успѣхи ихъ незаслуживаютъ отменнаго вниманія".

Свидѣтельства эти подписали:

Преподаватель катехизиса священникъ Сидоровскій.

Академіи наукъ адъюнктъ и учитель физики Мих. Головинъ.

Учитель исторіи и географіи Тим. Киріакъ.

Учитель гражданской архитектуры Ив. Федоровскій.

Учитель нѣмецкаго языка Іос. Гаррахъ.

Учитель рисованія Ринальдо Фіорри.

Учитель ариѳметики Кир. Артамоновъ.

Учитель французскаго языка Ив. Леліо.

Надзиратель и учитель сочиненій и переводовъ Матвѣй Пахомовъ.

Свидѣтельства Начальницы, инспектрисъ и классныхъ дамъ были написаны по-французски и озаглавлены: „Замѣтки о ха-

[1]) Протоколъ Совѣта 9 апрѣля 1785 г.

рактерахъ благородныхъ дѣвицъ четвертаго класса" [1]). Между характеристиками воспитанницъ встрѣчаются нѣкоторыя, кажущіяся теперь намъ странными, но онѣ показываютъ, какія качества тогда цѣнились въ воспитанницахъ. „Смѣю утверждать", говорилось о первой ученицѣ, представленной къ шифру, „что ея характеръ такъ окрѣпъ, что ничто не будетъ въ состояніи разрушить честныя чувства, ею усвоенныя. Тѣ, кто видятъ ее рѣдко, могутъ найти въ ней недостатокъ слишкомъ большой холодности и сдержанности". О другой: „чувствительна, услужлива, способна привязаться и быть благодарной, однако имѣя столько данныхъ, чтобы нравиться, при такихъ вѣжливыхъ манерахъ, это ей не всегда удается. Это происходитъ оттого, что въ ея внѣшности есть какая-то важность и вслѣдствіе того кажется, будто она слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія". Или: „минутами она способна на самыя лучшія чувства; по временамъ было видно, что она искренно рѣшается исправиться, но ея *низкія* наклонности постоянно разрушали всѣ ея намѣренія... Невозможно къ ней привязаться, ибо все, что могли ей говорить, производило лишь весьма слабое дѣйствіе. Впрочемъ она не глупа".—„Въ этомъ году она продолжала надъ собою усилія исправиться отъ застѣнчивости. Ея разговоръ веселъ и оживленъ".—„Она любезна и была бы еще любезнѣе, еслибы была менѣе застѣнчива. —„Она застѣнчива, но обращеніе въ свѣтѣ легко исправитъ ее отъ этого, единственнаго, замѣченнаго въ ней недостатка".— „Она серьезна, *но* умна".—„Правда, что ея чрезмѣрная живость была помѣхой успѣхамъ ея умственной культуры, но что касается характера, мы убѣждены, что онъ съ каждымъ днемъ будетъ только улучшаться, ибо она даетъ ежедневныя доказательства чувствительности".

Характеристика отдѣльныхъ воспитанницъ, признанныхъ достойными награды, оканчивалась общимъ отзывомъ обо всѣхъ: ...„смѣю сказать съ увѣренностью, что не только эти, но всѣ вообще обладаютъ добрымъ сердцемъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать судя по обнаруживаемой ими чувствительности при разсказахъ, которыя ихъ трогаютъ, по горячей привязанности, которую онѣ имѣютъ къ своимъ начальницамъ, и по участію, съ какимъ онѣ относятся къ подругамъ, раздѣляя ихъ радости или огорченія. Испытавъ уже пріятное удовольствіе видѣть, что тѣ чувства, которыя старались имъ внушить, пустили корни въ ихъ сердцахъ, можно льстить себя надеждою, что съ годами и при

[1]) Observations sur les caractères des demoiselles Nobles de la quatrième classe.

помощи разсудка онѣ все болѣе и болѣе будутъ дѣлать честь полученному ими воспитанію“ [1]). Подписали:

Sophie de Lafont.
Catherine Rostock. Inspectrice.
Elisabeth Silbereisen. Inspectrice.
Anne Rostock.
Susanne Constance Willamow.
C. Lehmann.
C. Fordel.

25 февраля Императрица присутствовала при выпускѣ, сама раздавала награды, и одна изъ воспитанницъ сказала ей рѣчь, вѣроятно сочиненную не ею самою: „Заведеніе сего Общества“, сказала она, „преимущественно свидѣтельствуетъ о подвигахъ Монархини, народъ свой любящей: ибо полъ нашъ, лишавшійся въ Отечествѣ тѣхъ преполезныхъ знаній, кои украшаютъ умъ и вмѣстѣ исправляютъ сердце, въ дни преславнаго Царствованія Вашего и сихъ безцѣнныхъ даровъ сподобился“ [2]).

---

[1]) „J'ose assurer que son caractère est si formé que rien ne pourra détruire les sentiments honnêtes qu'elle a adopté. Ceux qui la voient rarement peuvent peut être lui trouver le défaut d'être trop froide et trop reservée“. „Sensible, complaisante, capable d'attachement et de reconnaissance et cependant avec tant de raisons pour plaire avec des manières polies elle n'y réussit pas toujours. La cause de cela est, qu'ayant quelque chose d'important dans son abord, on la croit trop prévenue en sa faveur“. „Elle est capable par moments des meilleurs sentiments; on lui voyait prendre des résolutions sincères de se corriger mais ses inclinations *basses* ont renversé constamment tous ses projets... Il est impossible de s'y attacher car tout ce qu'on a pu lui dire n'a produit que peu d'effet. Elle a *d'ailleurs* de l'intelligence“. „Elle a continué cette année faire des efforts pour se corriger de sa timidité. Sa conversation est gaye et enjouée“. -„Elle est aimable et le serait encore plus si elle était moins timide et avait plus de vivacité“.—„Son extérieur est timide, mais un peu d'usage du monde la corrigera facilement de ce léger défaut, le seul qu'on lui connaisse“.—„Son esprit est sérieux, *mais* intelligent“.—„Il est vrai que sa grande vivacité a été un obstacle aux progrès de la culture de son esprit, mais pour son caractère on est convaincu qu'il ne peut que devenir toujours meilleur puisque journellement elle donne des marques de sensibilité“. „J'ose dire avec assurance que non seulement celles-ci mais en général, elles ont le coeur bon, on le remarque du moins par la sensibilité qu'elles font paraître, lorsque l'on leur fait des récits qui peuvent les toucher, par l'attachement vif, qu'elles portent à leurs supérieurs et par l'intérêt qu'elles prennent à tout ce qui concerne leurs compagnes soit en partageant leur satisfaction, soit en prenant part à leurs peines. Ayant déjà eu la douce satisfaction de voir que les sentiments qu'on a cherché à leur inspirer avaient porté germe dans leurs coeurs on a tout lieu de se flatter qu'avec l'âge et la raison elles feront de plus en plus honneur à l'éducation qu'elles ont reçues“. (Архивъ Канц. Совѣта В. О. бл. дѣв.).

[2]) Арх. Канц. В. О. б. д.).

Всѣхъ выпускныхъ въ 1785 году было 89 (при пріемѣ въ 1773 году ихъ было 64), съ благородной половины и 58 съ мѣщанской (при пріемѣ ихъ было 74). Имъ были выданы свидѣтельства по пяти формамъ, выработаннымъ окончательно и на будущее время Совѣтомъ. Выраженія этихъ атестатовъ уже гораздо оффиціальнѣе прежнихъ; въ нихъ не стоятъ на первомъ планѣ „нравы и поведеніе". Въ атестатѣ по первой формѣ, на пергаментѣ съ тремя, двумя и одной, золотыми полосками, лучшимъ воспитанницамъ, получавшимъ шифры, Совѣтъ свидѣтельствовалъ, что „пребывшая въ домѣ Общества на двѣнадцатилѣтнемъ воспитаніи благородная дѣвица NN какъ въ поведеніи, приличномъ Благовоспитаннымъ и въ пріобрѣтеніи знаній, наукъ и рукодѣлій съ соотвѣтственнымъ ея полу, съ касающимися до нужнаго домоводства упражненіями, своимъ вниманіемъ и прилѣжаніемъ достигла до отмѣннаго успѣха и прилагаемымъ о томъ попеченіемъ во время своего пребыванія достойно воспользовалася, въ разсужденіи чего и удостоена при публичномъ собраніи бывшемъ 1785 года 25-го февраля Всемилостивѣйшаго назначенія отъ Ея Императорскаго Величества знака отмѣны въ обществѣ, изображаемаго золотымъ вензелевымъ имянемъ Ея Величества съ дозволеніемъ навсегда оной носить на бѣлой лентѣ съ тремя золотыми полосками въ память пріобрѣтеннаго чрезъ воспитаніе его достоинства. Что собственноручнымъ Совѣта Общества благородныхъ дѣвицъ, г. Начальницы и членовъ подписаніемъ утверждается и съ приложеніемъ большія сего Общества печати при ономъ же Совѣтѣ сіе дано въ С.-Петербургѣ, 26-го февраля 1785 года. Подписали: S. de Lafont, гр. Э. Минихъ, Ив. Бецкій, П. Завадовскій, П. Соймоновъ".

О получавшихъ похвалы, Совѣтъ выразился: „удостоена по признаваемой Совѣтомъ обязанности". Худшимъ воспитанницамъ, по пятой формѣ, выдано было свидѣтельство, что NN „вниманіемъ и прилѣжаніемъ по мѣрѣ силъ своихъ прилагаемымъ попеченіемъ воспользовалася, а особливо жъ въ удостовѣреніе объ ея при семъ воспитывающемся (?) Обществѣ пребываніи".

Послѣ выпуска 1785 года нѣкоторымъ изъ пенсіонерокъ Императрицы были выданы по 2.000 рублей, кромѣ денегъ, распредѣленныхъ между выпускными съ благородной половины изъ процентовъ со 100.000 рублей, пожалованныхъ Екатериною на приданое. Три изъ выпускныхъ были взяты ко двору.

Этимъ выпускомъ закончился первый, блестящій періодъ Общества. Послѣ него Императрица уже не такъ часто, какъ прежде, пріѣзжала въ Смольный; Бецкій почти совсѣмъ былъ устраненъ

отъ участія въ дѣлахъ и Совѣта, и Общества; Коммиссія народныхъ училищъ ограничила, повидимому, свое наблюденіе надъ учебною частью тѣмъ, что одинъ изъ ея членовъ, Завадовскій, состоялъ и членомъ Совѣта.

На другой же годъ послѣ того, какъ введена была Коммиссіею новая учебная система, составъ опредѣленныхъ въ Общество учителей началъ измѣняться и впослѣдствіи мѣнялся часто. При отказѣ назначеннаго Коммиссіею учителя, она публиковала въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, приглашая желающихъ занять вакантное мѣсто явиться въ Главное народное училище, откуда ихъ препровождали съ свидѣтельствами въ Коммиссію „по предварительному сихъ свидѣтельствъ осмотрѣнію отъ г. Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Янковича“. Вмѣстѣ съ новыми учителями мѣнялось и распредѣленіе предметовъ между ними. Физика и естественная исторія скоро стали преподаваться отдѣльно, особымъ для каждой науки учителемъ. Такимъ образомъ новая программа, также и новый методъ преподаванія, предписанные Коммиссіею, не выполнялись, и рядомъ съ новою системою ученія продолжала существовать старая.

Объясненіе причинъ, почему въ Обществѣ не соблюдался введенный Коммиссіею народныхъ училищъ новый способъ ученія, а также подробности, касающіяся хода учебнаго дѣла въ Смольномъ послѣ преобразованія его Коммиссіею, мы нашли въ „Примѣчаніяхъ“, представленныхъ Инспекторомъ надъ классами въ Воспитательномъ Обществѣ, Киріакомъ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ два мѣсяца спустя послѣ смерти Императрицы Екатерины [1]). Такъ какъ въ этихъ Примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ параллельно къ отдѣльнымъ статьямъ „Расположенія“ Коммиссіи, излагается и тотъ способъ, какой употреблялся на дѣлѣ при преподаваніи въ Обществѣ, то въ нихъ мы имѣемъ не только полный, но, можно сказать, единственный источникъ свѣдѣній, чему и какъ учили воспитанницъ Смольнаго въ послѣдніе 13 лѣтъ его существованія (съ 1783 по 1796 г.) при Екатеринѣ. Мы приводимъ и нѣкоторыя изъ изложенныхъ Инспекторомъ [1]) взглядовъ на

[1]) Примѣчанія къ „Расположенію“ написаны Инспекторомъ по поводу составленія Императрицею Маріею Ѳеодоровною, для доклада Императору Павлу, 14 января 1797 года, „Плана о новомъ образованіи пріема и ученія въ предметахъ, Высочайше предписанныхъ“. (Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.)

[2]) Киріакъ былъ назначенъ въ 1783 году, въ числѣ другихъ учителей, Коммиссіею, для преподаванія исторіи и географіи воспитанницамъ; въ 1792 году онъ занялъ мѣсто уволеннаго „по просьбѣ“ Надзирателя Пахомова, причемъ названіе „Надзирателя“ было переименовано въ „Инспектора надъ классами“.

преподаваемые предметы, ибо эти взгляды несомнѣнно должны были примѣняться на дѣлѣ при обученіи той или другой наукѣ.

Въ Примѣчаніяхъ къ преподаванію всѣхъ наукъ по таблицамъ, какъ это предписала Коммиссія, Киріакъ говоритъ, что это было оставлено какъ требующее отъ учителя много времени и затрудняющее малыхъ дѣтей. Относительно „вопрошеній" онъ признаетъ, что они способствуютъ къ исправленію разсудка; „но какъ оными", замѣчаетъ Киріакъ, „исправляется воля, того не разумѣю". Къ субботнимъ повтореніямъ при собраніи всѣхъ учителей онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Сколь способъ сей полезенъ, легокъ и пріятенъ (слова „Расположенія"), видно изъ того, что онъ презрѣнъ и брошенъ при самомъ началѣ. Здравомыслящія особы тогда же видѣли, что сей способъ собесѣдованія представляетъ больше комическое зрѣлище чѣмъ учительскую бесѣду и опасаясь чтобы иногда между ревностными учителями не произошла и трагикомическая сцена, тогда же оставили безъ исполненія". Говоря вообще о способѣ, какимъ преподавались науки въ Обществѣ, Киріакъ замѣчаетъ, что „никто изъ учителей не отвергаетъ съ разумомъ сходнаго и прямо полезнаго, каковы суть: вопрошенія, различнымъ образомъ перемѣняемыя, всевозможныя изъясненія всѣхъ словъ и вещей, примѣры и грамматическія правила, совокупное чтеніе. Всѣ же малости", прибавляетъ онъ, „не есть ли, такъ сказать смѣю, нелѣпости въ образѣ ученія предписанныя, какъ ничего существеннаго въ себѣ не заключающія и съ самаго начала оставлены безъ всякаго вниманія". О преподаваніи исторіи и географіи Киріакъ говоритъ, что воспитанницы начинаютъ проходить эти науки гораздо сокращеннѣе чѣмъ предписано Коммиссіею, но по мѣрѣ успѣховъ и распространенія ихъ понятій, исторія предлагается имъ гораздо пространнѣе ибо кромѣ „сокращенной всемірной исторіи", изданной въ пользу народныхъ училищъ, имъ читаются, сколько позволяетъ время, *на французскомъ языкѣ* лучшіе по сей части классическіе писатели.

Два съ половиною часа въ недѣлю, назначенные Коммиссіею на преподаваніе исторіи, онъ находитъ недостаточнымъ, и такое преподаваніе, по его мнѣнію, не можетъ принести пользы, если учащіяся не будутъ сами читать лучшихъ историковъ, замѣчая и дѣлая выписки. О преподаваніи физики по способу Коммиссіи, т.-е. по таблицамъ, Киріакъ говоритъ, что она преподается въ Обществѣ „какъ въ каждомъ другомъ училищѣ, безъ всякаго учебнаго способа. Учитель велитъ изъ книги прочитать какое-нибудь предложеніе, сдѣлаетъ опытъ и велитъ его пересказать

воспитанницѣ. Чтò касается спрашиванія дѣвицъ, какъ онѣ доказываютъ истину въ физикѣ, то само собою разумѣется все сіе и всегда было въ употребленіи, слѣдовательно присвоять старое новому учебному способу кажется несправедливо и несвойственно". Признавая физику одною изъ полезнѣйшихъ наукъ для юношества, ибо „она разсѣваетъ въ немъ пустые страхи, предохраняетъ отъ суевѣрія и придаетъ нѣкоторую крѣпость и основательность", онъ думаетъ однако, что было бы довольно преподавать ее воспитанницамъ лишь въ послѣднемъ возрастѣ. Преподаваніе естественныхъ наукъ по способу Коммиссіи, т.-е. показывая предметы и ведя урокъ въ образѣ разговора, Киріакъ находитъ ненужнымъ. Книга, для прохожденія сихъ наукъ опредѣленная, въ двухъ томахъ изданная для народныхъ училищъ, признана имъ слишкомъ пространною, и „по моему мнѣнію", говоритъ Киріакъ „несоотвѣтственна цѣли ученія благородныхъ дѣвицъ. Зоологія, да и самая ботаника должны ограничиться тѣмъ, чтобы воспитанницы знали только различать животныхъ и растенія по классамъ, именовать ихъ по наружному виду, замѣчая особливо растенія и животныя своего отечества и приносящія существенную какую пользу". Подробныя описанія всѣхъ ихъ признаковъ и свойствъ слѣдуетъ, говоритъ Киріакъ, оставить. По его мнѣнію, „было бы достаточно снабдить Библіотеку Общества хорошими по сей части твореніями съ изображеніемъ животныхъ и растеній, и послѣ краткихъ учительскихъ изъясненій, воспитанницы, разсматривая ихъ въ свободное отъ ученія время, довольно бы пріобрѣли о сихъ предметахъ понятіе. Это тѣмъ полезнѣе, что такое занятіе могло бы служить невинною для нихъ забавою". Минералогію Киріакъ признаетъ совсѣмъ „нѣжному полу" несвойственною и безполезною: во-первыхъ потому, что „весьма рѣдко встрѣчается ему имѣть дѣло въ общественной жизни съ минералами, стало быть все изъ памяти истребляется и, во-вторыхъ, потому, что минералогія безъ химическихъ опытовъ весьма ненадежна и неосновательна, а химическіе опыты, даже самые простые, производятся всегда опасными для здоровья составами, коихъ одно неосторожное прикосновеніе можетъ иногда имѣть вредныя слѣдствія". Довольно было бы для воспитанницъ, говоритъ Киріакъ, еслибы имъ, послѣ краткаго систематическаго изъясненія науки, показать неоднократно, подъ руководствомъ учителя, хорошій минералогическій кабинетъ, объясняя вещи, заслуживающія особаго вниманія и любопытства.

Точно также не преподавалась, какъ видно изъ Примѣчаній Киріака, включенная Коммиссіею въ число учебныхъ предметовъ

Общества, геометрія. Но, говоритъ Киріакъ, прежде вовсе оставленную, геометрію опять стали преподавать воспитанницамъ, и преподаютъ ее „какъ всегда и вездѣ; учитель предлагаетъ на доскѣ задачу, изъясняетъ ее всему классу, потомъ заставляетъ ту или другую дѣвицу повторить ее... Геометрію почитаю не только нужною, но необходимою въ воспитаніи юношества, ибо сія наука, будучи основана на твердыхъ и незыблемыхъ началахъ и сохраняя всегда въ доказательствахъ своихъ непрерывный порядокъ, пріучаетъ умъ къ основательнымъ размышленіямъ и заключеніямъ непогрѣшительнымъ. Она есть самая естественная и самая лучшая логика къ образованію разсудка. Сверхъ того служитъ основаніемъ во многихъ полезныхъ знаніяхъ общественной жизни, какъ-то: къ измѣренію полей, разумѣнію машинъ, также къ понятію архитектуры, физики и математической географіи, безъ которой сія послѣдняя есть только одно механическое употребленіе шара. Но какъ главная цѣль, при воспитаніи благородныхъ дѣвицъ“—заключаетъ Киріакъ—„состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ учеными, но чтобы посредствомъ наукъ подать имъ о вещахъ правильное и основательное понятіе для просвѣщеннаго разума, то на сей конецъ кажется мнѣ нужно бы было нарочно сочинить предполагаемой цѣли соотвѣтственную геометрію и употреблять ее“.

Правила архитектуры, по словамъ Киріака, изъяснялись обыкновенно воспитанницамъ при черченіи плановъ. Рисованію онѣ обучались „безъ всякаго заботливаго руководства; его нѣтъ, да и никакія теоретическія правила недостаточны безъ практическихъ упражненій и дарованія учащихся“. Наконецъ, о преподаваніи закона Божія, Киріакъ дѣлаетъ примѣчаніе, что „съ вѣрою христіанскою должно быть соединено и всеобщее нравоученіе, которое могъ бы преподавать и другой учитель, почерпая оныя изъ Геллерта [1]) и другихъ подобныхъ нравоучителей“.

Кончая свой критическій отзывъ о способѣ ученія, предложенномъ Коммиссіею, Киріакъ говоритъ о немъ: „Весь предлагаемый здѣсь учебный способъ ничего кажется не представляетъ кромѣ словъ мало даже въ себѣ заключающихъ. Не бывъ никогда завистливымъ хулителемъ полезнаго и поставляя себѣ правиломъ чтить съ благодарностью полезные труды человѣческіе, о семъ смѣю думать, что оно есть самое бѣдное не ума, но полу-

---

[1]) Извѣстный въ свое время (1716—1769) нѣмецкій писатель, читавшій въ Лейпцигѣ публичныя лекціи и имѣвшій большое вліяніе на молодое поколѣніе.

ченнаго тщеславія произведеніе, отверженное и погребенное въ пыли Архива при самомъ своемъ началѣ не токмо въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, но и въ самихъ Главныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ обучающееся юношество поступая отъ грамоты къ вышнимъ наукамъ и начиная уже созрѣвать разсудкомъ, познаетъ само странность и тщету онаго: ибо искусства и благоразумія учительскаго никакимъ учебнымъ способомъ замѣнить не можно". При этомъ Киріакъ ссылается „на судъ всякаго читателя, имѣющаго вкусъ и просвѣщеніе".

Кромѣ отступленій отъ плана Коммиссіи, указанныхъ въ „Примѣчаніяхъ", по болѣе раннимъ донесеніямъ ей Киріака видно, что въ 1793 году воспитанницъ обучали по прежнему не только нѣмецкому и французскому, но еще и итальянскому языку. Точно также не исполнялось ея постановленіе относительно учительницъ. Только за годъ до смерти Екатерины была уволена учительница Делюсто, обучавшая мѣщанскихъ воспитанницъ не одному рукодѣлію, какъ опредѣлила Коммиссія, а и французскому чтенію и правописанію, и на ея мѣсто была назначена русская учительница, дѣвица Климова. Но послѣдней поручено было обучать лишь французскому чтенію, а для правописанія былъ приглашенъ Совѣтомъ русскій, обучавшій и нѣмецкому языку въ нижнемъ классѣ, Карандашевъ; въ помощь ему было опредѣлено дать „одну изъ достойныхъ мѣщанскихъ дѣвицъ" и Начальница назначила дѣвицу Крепейнъ, которой Совѣтъ положилъ за это 75 рублей въ годъ „до усмотрѣнія способности и трудовъ ея" [1]). Это былъ первый случай назначенія мѣщанской воспитанницы учительницею; раньше, многія изъ нихъ оставлялись послѣ выпуска „въ службѣ" Обществу. Изъ благородныхъ одна, выпущенная въ 1785 году, по ея просьбѣ была назначена „классной гувернанткою" за 250 рублей въ годъ жалованья.

Оставленныя Коммиссіею немногія надзирательницы и учительницы-иностранки мало-по-малу выбывали изъ Общества и съ 1785 года Совѣтъ постановилъ удовлетворить прошеніе „нынѣ состоящихъ надзирательницами при благородныхъ дѣвицахъ когда кто изъ нихъ за болѣзнью или старостью не будетъ въ состояніи продолжать службу, выдавать имъ денежное вознагражденіе по трудамъ и заслугамъ". Но вознагражденіе это было далеко не щедрое, какъ видно изъ того, что въ томъ же году, уволенной по болѣзни надзирательницѣ на мѣщанской половинѣ, за 16-ти-лѣтнюю службу въ Обществѣ, было дано всего 250 р.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 31 декабря 1795 г.

награды. На мѣста выбывавшихъ назначались опять бо́льшею частью иностранки же, такъ что и съ этой стороны планъ Коммиссіи не исполнялся въ точности.

Незадолго до смерти Екатерины, въ 1793 году, Совѣтъ представилъ ей докладъ, въ которомъ просилъ Императрицу прибавить къ годовой суммѣ на содержаніе Общества, 100.000 р., еще 40.000 „для поддержанія такого знаменитаго мѣста, дабы не уронить установленнаго въ немъ порядка ученія и воспитанія“ [1]). Повторяя эту просьбу и въ слѣдующемъ году, Совѣтъ представилъ новый, обстоятельный докладъ [2]), въ которомъ говорилъ, что онъ принужденъ былъ задерживать жалованье служащимъ и учителямъ. „Такъ что“, говорилось въ докладѣ, „многіе выходятъ ради малаго получаемаго жалованья, сискивая въ частныхъ домахъ несравненно бо́льшую плату, и остаются нѣкоторые только по личной привязанности къ мѣсту и въ надеждѣ получить впредь воздаяніе“. При этомъ Совѣтъ представилъ сравненіе цѣнъ на съѣстные припасы въ первый годъ основанія Общества, т.-е. въ 1764 году, и въ 1794 [3]), также подробнѣйшую вѣдомость по всѣмъ частямъ содержанія его.

Изъ общей суммы расхода, 140.531 р. 23½ к. въ годъ, тратилось на учебную часть 9.892 рубля; но изъ нихъ 800 р. употреблялись на покупку классныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и рукодѣльныхъ матерьяловъ; 150 р. жалованья смотрителю за книгами и ему же за чинку перьевъ и карандашей, да 472 р. учительницамъ вышиванія на обѣихъ половинахъ.

Собственно же учителямъ и учительницамъ платилось 8.942

---

[1]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 мая 1793 г. (Архивъ Канц. В. О. 6. д.).

[2]) Докладъ 29 марта 1794 г.

[3]) Помѣщенныя въ докладѣ цѣны показываютъ, какъ дешева была тогда жизнь.

	въ 1764 г.	въ 1794 г.
	ассигнаціями	
Пудъ говядины стопл.	1 р. 20 к.	2 р. 80 к.
„ баранины	1 „ 20 „	3 „ 20 „
„ телятины.	3 „ — „	5 „ 20 „
Ведро молока	— „ 30 „	— „ 68 „
Тысяча яицъ	4 „ 60 „	13 „ — „
Куль ржаной муки	3 „ — „	6 „ — „
„ крупитчатой	— „ 90 „	2 „ 20 „
Пудъ чухонскаго масла. . . .	3 „ 20 „	6 „ 50 „
„ русскаго масла	2 „ 60 „	6 „ — „
„ сальныхъ свѣчей	3 „ — „	5 „ 50 „
Сажень дровъ березовыхъ однополѣнныхъ.	1 „ 10 „	2 „ 50 „

рубля, изъ которыхъ почти половина распредѣлялась между учителями искусствъ: четыремъ учителямъ живописи и рисованія 875 рублей; одному танцевъ 1.100 р., четыремъ музыки 1.572 р. и одному пѣнія 800 р. Такимъ образомъ на преподаваніе научныхъ предметовъ оставалось всего 4.595 рублей, т.-е. немного болѣе трехъ процентовъ со всей суммы расходовъ по Обществу. Изъ 4.595 рублей; учитель исторіи, географіи, французской грамматики и вмѣстѣ съ тѣмъ за надзоръ надъ классами получалъ 900 рублей въ годъ; учитель физики 300 рублей; натуральной исторіи 200 р., французскаго языка 600 р., нѣмецкаго 300 р. Двумъ учителямъ россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ платилось 350 р., еще двумъ россійскаго чтенія, письма и ариѳметики 650 р., двумъ учительницамъ для обученія первыхъ двухъ возрастовъ на благородной и мѣщанской половинахъ россійскому и французскому чтенію и письму 275 р.; учителю чистотѣ россійскаго слога и переводамъ 500 р., геометріи и архитектуры 70 р., преподавателю закона Божія 200 р. и лютеранскому пастору 250 р.

Изъ другихъ расходовъ по содержанію Общества, столъ Начальницы съ помощницею и нѣкоторыми пенсіонерками обходился по 300 рублей въ мѣсяцъ; на столъ воспитанницъ, общій съ ихъ приставницами и служащими, отпускалось на благородной половинѣ по 30 к. въ день, что̀ составляло 109 р. 50 к. въ годъ на каждую. На одежду благородной воспитанницы назначалось 47 р. 21 к. въ годъ, на обувь 20 р. и на бѣлье 17 р. 95 к., такъ что содержаніе одной такой воспитанницы обходилось въ 194 р. 66 коп. въ годъ. Мѣщанскимъ воспитанницамъ отпускалось, каждой: на столъ (также общій съ ихъ приставницами и служащими) по 20 к. въ день, т.-е. 73 р. въ годъ; на одежду 17 р. 70 к., обувь 3 р. 15 к., бѣлье 8 р. 31 к., а все содержаніе обходилось въ 102 р. 16 к. въ годъ. Собственно на содержаніе всѣхъ 200 дѣвицъ на благородной половинѣ тратилось 38.932 р., а 240 на мѣщанской, 26.918 р. 40 к. въ годъ.

Начальница получала 2.000 р. въ годъ жалованья; ея Помощница 600 р., четыре надзирательницы на благородной половинѣ (какъ видно и тутъ все осталось по прежнему, а не такъ, какъ постановила Коммиссія, ибо ихъ въ 1794 году было по одной при каждомъ возрастѣ, а не одна на всѣ четыре) 1.573 р. въ годъ; 16-ти приставницамъ на благородной половинѣ 4.676 р. (получали отъ 186 до 336 р. въ годъ) и 10 на мѣщанской 830 р. (отъ 136 р. до 236). Распредѣляя всю сумму годового расхода по Обществу со включеніемъ освѣщенія,

отопленія, содержанія лошадей, экипажей, скота, также медикаментовъ, содержанія лазаретовъ и пр. на 440 штатныхъ воспитанницъ, на каждую изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ по 319 р. $38^3/_4$ к. въ годъ.

Такъ какъ назначенная на содержаніе Общества сумма въ теченіе тридцати лѣтъ оставалась безъ измѣненія, а цѣны на всѣ предметы потребленія увеличились болѣе чѣмъ въ два раза противъ бывшихъ при основаніи Общества, то у него образовался долгъ, который къ 1794 году возросъ до 124.780 р. $63^1/_2$ к. и въ томъ числѣ жалованье Начальницѣ, де-Лафонъ, которое Совѣтъ высчитывалъ въ 13.000 р., а также 2.031 р. 11 к. Коммиссіи народныхъ училищъ „за набранныя изъ ея книжной лавки съ іюня 1788 года по декабрь 1794 книги, прописи, таблицы, ландкарты и фигуры къ естественной исторіи“.

Прося Императрицу увеличить сумму на содержаніе Общества еще на 40.000 р. въ годъ, Совѣтъ писалъ во второмъ своемъ докладѣ: „Сіе въ своемъ родѣ единое заведеніе, для нѣжнаго пола устроенное, по нынѣшней дороговизнѣ существовать не можетъ, ибо содержаніе въ пищѣ, одеждѣ и во многомъ прочемъ преимущественною противъ мужскаго пола быть долженствуетъ. Да и самые опыты доказали, что по уваженію таковыхъ же надобностей кадетскимъ корпусамъ въ подобномъ испрошеніи Ваше Императорское Величество милосердіе свое оказать благоволили“.

Въ промежутокъ между первымъ своимъ докладомъ и вторымъ, Совѣтъ, ради экономіи, рѣшился на мѣру, бывшую ему, повидимому, очень тягостною. Онъ согласился на предложеніе де-Лафонъ отмѣнить положенныя Уставомъ для ассамблей и праздничныхъ дней, шелковыя платья для благородныхъ воспитанницъ, и вмѣсто нихъ дѣлать имъ бѣлыя миткалевыя или канифасныя, съ отличіемъ лишь въ поясахъ разнаго цвѣта. Уступая необходимости, Совѣтъ сдѣлалъ оговорку, что соглашается на предложеніе Начальницы „не съ тѣмъ, однакожъ, основаніемъ, дабы сдѣлать отмѣну шелковыхъ платьевъ, а единственно ради экономіи по крайнимъ нынѣ недостаткамъ положенной на расходы суммы“ [1]).

Только 5-го іюля 1795 года Завадовскій представилъ Совѣту копію съ письма къ нему Императрицы отъ 14 мая, въ которомъ она „отлагая до другого удобнѣйшаго времени прибавку годовой суммы на содержаніе Воспитательнаго Общества, вслѣдствіе доклада Совѣта“, повелѣвала Завадовскому „на заплату

---

[1]) Протоколъ Совѣта 31 января 1794 г.

долговъ и на нужные извороты взять 100.000 рублей изъ экономіи Государственнаго Заемнаго Банка суммъ" [1]).

Послѣднее засѣданіе Совѣта при Императрицѣ Екатеринѣ было 31 октября 1796 года.

За послѣдніе годы жизни Императрицы, всѣ распоряженія ея по Обществу касались почти исключительно помѣщенія въ Смольный той или другой воспитанницы, или принятія на житье разныхъ лицъ женскаго пола. Такъ были ею помѣщены: дочь умершаго генералъ-поручика Рославлева, фрейлины Шкурина и Нелидова. Имъ Общество отводило квартиру, давало столъ, дрова, свѣчи, прислугу, а нѣкоторымъ и экипажъ. За все платилось разно: 400, 500 и 600 рублей въ годъ. Иногда Совѣтъ, по желанію кого-нибудь изъ членовъ Императорской семьи, оставлялъ на житье и воспитанницъ, которымъ некуда было идти, или „по сиротству и неимуществу". За нихъ вносилось по 300 р. въ годъ.

Такимъ образомъ Смольный оправдывалъ свое названіе монастыря, ибо въ немъ давалось воспитаніе начинающимъ жизнь и пріютъ кончающимъ или желающимъ отдохнуть отъ нея.

---

[1]) Протоколъ 5 іюля 1795 г.

IX.

Сужденіе кн. Щербатова о Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.— Задача Екатерины при его основаніи.—Почему эта задача не могла быть достигнута вполнѣ.—Результаты воспитанія и образованія въ Смольномъ.—Свидѣтельство Ржевской. — Письмо сенатора Соймонова. — Свидѣтельство кн. Ив. Мих. Долгорукаго о смолянкахъ. — Выводъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о смолянкахъ Екатерининскаго времени.—Почему онѣ не могли удовлетворять требованіямъ тогдашняго русскаго общества.—Неприготовленность смолянокъ къ практической жизни и къ жизни „въ обществѣ".—Свидѣтельство Н. Греча о смолянкахъ первыхъ выпусковъ.—Взглядъ самихъ женщинъ и русскаго общества на женское образованіе.—Отношеніе литературы Екатерининскаго времени къ образованію и воспитанію женщинъ. — Отношеніе къ нему людей ученыхъ. — Рѣчь профессора Десницкаго. — Домашнее воспитаніе женщинъ во второй половинѣ XVIII в. — Свидѣтельство А. Болотова. — „Живописецъ" Новикова. — Провинціальные нравы въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка.— Свидѣтельство Белькура о русскихъ дамахъ.—Способы къ образованію, существовавшіе для женщинъ при Екатеринѣ.—Типы Бригадирши и Совѣтницы.— Частные женскіе пансіоны при Екатеринѣ.—Прогрессъ въ женскомъ образованіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.—Сегюръ и Кларкъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Двѣ женщины—самые образованные люди въ Россіи при Екатеринѣ.—Женщины, читающія журналы.—Женщины-писательницы при Екатеринѣ.—Отношеніе къ нимъ современныхъ имъ писателей.— Отношеніе къ нимъ Екатерины.—Почему ни одна изъ женщинъ писательницъ ея времени не могла стать на ряду съ лучшими тогдашними писателями.— Требованія образованнаго русскаго общества отъ образованныхъ женщинъ.— Отношеніе къ женщинамъ поэтовъ.—Равнодушіе общества и литературы къ женскому образованію въ концѣ царствованія Екатерины.—Карамзинъ—выразитель взглядовъ русскаго общества на задачу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. — Пропущенныя имъ стороны воспитанія въ Воспитательномъ Обществѣ. — Позднѣйшія сужденія о немъ.—Неправильность ихъ.—Пророческія слова Бецкаго.—Назначеніе Дашковой Президентомъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи.

Въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" [1]), князь Щербатовъ говоритъ, что изъ Воспитательнаго Общества не вышло „ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, какъ толико

[1]) Русская Старина, 1871, іюнь, стр. 684.

поколику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе ихъ болѣе состояло играть комедіи, нежели серце. нравы и разумъ исправлять". Сочиненіе это написано около 1788—1789 года [1]), т.-е. когда было уже пять выпусковъ изъ Смольнаго и прошло пять лѣтъ со времени разоблаченій, сдѣланныхъ Коммиссіею народныхъ училищъ относительно ученія и воспитанія въ Обществѣ. Разоблаченія эти какъ бы подверждаютъ справедливость суроваго приговора князя Щербатова, тѣмъ болѣе, что и потомъ, введенныя Коммиссіею улучшенія въ Смольномъ, не были примѣнены какъ слѣдуетъ. Поставленная же Коммиссіею отъ себя и обусловленная ея желаніемъ придать ученію въ Воспитательномъ Обществѣ практическое приложеніе къ жизни, новая цѣль воспитанія и образованія, не входившая въ намѣренія Екатерины при основаніи Общества, не только тогда, но и никогда и нигдѣ не могла быть достигнута, ибо никакія книги, никакіе методы преподаванія не могутъ научить дѣвушку быть впослѣдствіи вѣрной супругой и попечительной матерью. „Возможны ли на всѣ случаи жизни правила? Умъ человѣческій просвѣщаемый ученіемъ и сердце образованное добрымъ воспитаніемъ должны быть путеводителями въ жизни человѣческой, а не частныя правила". Это справедливое осужденіе поставленной Коммиссіею народныхъ училищъ точки зрѣнія на ученіе въ Воспитательномъ Обществѣ было высказано тотчасъ послѣ смерти Екатерины, Инспекторомъ классовъ Киріакомъ въ 1797 году [2]).

Екатерина, вводя новую систему воспитанія русскаго юношества, мужскаго и женскаго, не имѣла въ виду создавать или умножить въ Россіи число ученыхъ. Особенно при женскомъ воспитаніи и образованіи, одна изъ главнѣйшихъ ея цѣлей заключалась въ томъ, чтобы способомъ воспитанія, совершенно отличнаго отъ того, какое было до нея, содѣйствовать смягченію грубыхъ нравовъ русскаго общества. Приставленныя Императрицею къ дѣлу женскаго воспитанія лица, и во главѣ ихъ Совѣтъ Воспитательнаго Общества, отнеслись къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно; но они были частью того же общества, которое Екатерина считала нужнымъ перевоспитать, и, призванныя къ совершенно новому для нихъ дѣлу, не могли даже вполнѣ понять чего отъ нихъ требовали. Поэтому они исполняли внѣшнія предписанія Устава: относились къ дѣтямъ ласково, съ любовью,

[1]) Тамъ же, стр. 688.

[2]) Расположеніе ученія въ Общ. благ. дѣв. по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи примѣру съ примѣчаніями на него. (Архивъ IV отд. Собств. Ея Имп. Вел. Канцеляріи.)

гуманно; но этого было недостаточно, и результаты получились не совсѣмъ тѣ, какихъ ожидала Екатерина.

Однако отсюда нельзя заключать, что всѣ ихъ старанія пропали даромъ и что цѣль Екатерины совсѣмъ не была достигнута. Уже одно то, что сотни дѣтей провели свое дѣтство и юность окруженныя атмосферой гуманности, а не побоевъ и брани, должно было пріучить ихъ самихъ къ такимъ же отношеніямъ съ другими людьми. Еслибы тогда же, по окончаніи своего воспитанія въ Смольномъ, молодыя дѣвушки возвращались въ среду, проникнутую тѣми же началами, то послѣднія укрѣпились бы въ воспитанницахъ окончательно, и онѣ, въ свою очередь, способствовали бы развитію ихъ въ слѣдующемъ поколѣніи, т.-е. случилось бы то, чего хотѣли Екатерина и Бецкій и что впослѣдствіи оправдалось на дѣлѣ.

Провѣрить результаты воспитанія въ Смольномъ за время Екатерины, трудно. Бывшія воспитанницы сами высказывались о немъ мало. Только одна, Ржевская, оставила записки, по которымъ можно судить о характерѣ воспитанія, дававшагося въ Обществѣ. Она говоритъ, что въ ея время между воспитанницами было обоюдное уваженіе, которое онѣ цѣнили „болѣе милостей Начальницъ". „Мы никогда не прибѣгали", говоритъ Ржевская, „къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами". Говоря о себѣ, Ржевская сознаетъ, что, подъ вліяніемъ Лафонъ и Бецкаго, она привыкла думать и разсуждать. Если это такъ было въ дѣйствительности, то всякій согласится, что воспитаніе въ Смольномъ было хорошее, и въ такомъ случаѣ Совѣтъ Воспитательнаго Общества былъ правъ, когда, представляя Императрицѣ Екатеринѣ свой докладъ по поводу предстоявшаго тогда перваго выпуска, къ которому принадлежала и Ржевская, съ гордостью писалъ: „Зрите уже созрѣлый плодъ учрежденій Вашихъ; онѣ (т.-е. воспитанницы) отдаются Отечеству чтобы качествами черезъ воспитаніе пріобрѣтенными оному полезными быть и отъ года въ годъ передать заимствованную добродѣтель, прославляя Матерь и Государыню, даровавшую имъ наивысшее благо—просвѣщеніе ума и устроеніе сердца" [1]).

Сенаторъ Соймоновъ, принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ Екатерининскаго времени, бывшій съ 1775 г. членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества, прося Императрицу принять его дочь въ Смольный, писалъ Екатеринѣ: „Я по долгу отца

[1]) Им. указы и конф. доклады съ 1765 по 1783 г.

паче всего стараясь образовать ея сердце, прошу принять въ Общество, гдѣ подъ матернимъ попеченіемъ Вашимъ единственно только можетъ она получить совершенное воспитаніе, какъ въ разсужденіи наученія, такъ и въ усовершествованіи ея нравственности"[1]).

Въ прошломъ вѣкѣ еще не знали, что въ 17—18 лѣтъ умъ начинаетъ только развиваться, и подъ его вліяніемъ слагаются и крѣпнутъ нравственныя убѣжденія. Тогда думали, что въ этомъ возрастѣ нравственное воспитаніе можетъ считаться уже законченнымъ. Раздѣляя этотъ взглядъ своего времени, и Ржевская наивно думала, что она и ея подруги выходили изъ Смольнаго уже тогда, когда „вполнѣ развитой разумъ и твердо вкоренившіяся въ сердце нравственныя начала способны будутъ охранить ихъ отъ дурныхъ примѣровъ". И въ подтвержденіе своихъ словъ она приводитъ, какъ фактъ, что характеры бывшихъ воспитанницъ Смольнаго рѣзко выдавались потомъ въ свѣтѣ. „Каждая изъ нихъ", говоритъ Ржевская, „имѣетъ свой личный характеръ. Такъ называемая оригинальность ихъ, которую осмѣивали многіе, имѣла весьма хорошія стороны. Изъ нихъ вышли прекрасныя супруги. Имъ приходилось бороться противъ существовавшихъ предубѣжденій на счетъ институтскаго воспитанія, встрѣчаемыхъ даже въ собственной семьѣ, и противъ общаго нерасположенія. Во всѣхъ испытаніяхъ онѣ дѣйствовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногія изъ нихъ отступили отъ даннаго имъ хорошаго направленія". Объ одной изъ своихъ бывшихъ подругъ, съ которой она сохранила дружбу въ продолженіе всей жизни, Ржевская отзывается слѣдующими словами: „искусное перо могло бы написать цѣлую книгу о ея добродѣтеляхъ, несчастіяхъ и твердости духа, которая послужила бы къ назиданію многихъ".

Если и не вполнѣ полагаться на вѣрность сужденій Ржевской, которая, какъ справедливо замѣтилъ помѣстившій ея записки редакторъ Русскаго Архива, „въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ представляетъ типъ монастырки добраго стараго времени"; а равно если единичные примѣры могутъ имѣть значеніе для оцѣнки такого сложнаго вопроса, какъ результаты воспитанія въ цѣломъ учебномъ заведеніи, то мы имѣемъ возможность провѣрить справедливость словъ Ржевской свидѣтельствами другихъ лицъ. Въ числѣ весьма немногихъ матеріаловъ оставленныхъ

---

[1]) Письмо Сенатора, Д. Т. С Соймонова. 1779. (Архивъ IV отд. С. Е. В. К. Бумаги по Общ. бл. дѣв.)

современниками о воспитанницахъ Смольнаго за время Императрицы Екатерины, есть свидѣтельство князя Ив. Мих. Долгорукаго (поэта и автора нѣсколькихъ сочиненій, въ томъ числѣ и путешествій), подкрѣпляемое его другомъ и біографомъ М. А. Дмитріевымъ [1]).

Князь Долгорукой былъ два раза женатъ на „монастыркахъ“ или, какъ тогда уже называли воспитанницъ Общества, „смолянкахъ“. Обѣ онѣ были выпущены изъ Смольнаго въ 1785 году, стало быть девятью годами позже Ржевской, и отзывы кн. Долгорукаго касаются воспитанницъ какъ того періода Воспитательнаго Общества, о которомъ говоритъ она, такъ и болѣе поздняго. Кн. Долгорукой писалъ свой словарь, или, какъ онъ его назвалъ, „бытіе“ или „Капище моего сердца“ [2]), будучи уже въ зрѣлыхъ годахъ, послѣ смерти своей первой жены, которая умерла въ 1804 г. еще нестарою. Вотъ какъ онъ, человѣкъ по своему времени образованный, о ней отзывается: „Она занимала мой разумъ“, пишетъ онъ [3]), „украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе и останавливала нерѣдко на скользкомъ пути заблужденій, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостью стоическою иго моей бѣдности, она безъ ропоту сносила мои недостатки, плакала со мной о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною моею неосторожностью... Любовь моя къ ней навсегда и вездѣ въ одинаковой мѣрѣ сохранится. Въ этомъ ручаются мнѣ мои годы и внутреннія достоинства ея, столь близкія къ понятію, которое я имѣю объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ, нравственномъ смыслѣ“ [4]). И въ самомъ дѣлѣ то, что кн. Долгорукой (а также М. А. Дмитріевъ) разсказываетъ о своей первой женѣ, несомнѣнно говоритъ въ ея пользу. Изъ многихъ фактовъ ея жизни, показывающихъ благородство ея души, мы приведемъ одинъ, свидѣтельствующій о томъ, что „устроеніе сердца“ не отсутствовало при воспитаніи въ Смольномъ. Бѣдная, незнатная дѣвочка, по фамиліи Смирная, отецъ которой былъ убитъ Пугачевымъ, была взята четырехъ лѣтъ отъ роду у матери, владѣлицы 17-ти душъ, великою княгинею Натальею Алек-

[1]) Князь Ив. Мих. Долгорукой и его сочиненія. Соч. *М. А. Дмитріева.* Изд. 2-е. Москва. 1863.

[2]) Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. кн. *Ив. Мих. Долгорукаго.* (Чтенія Общ. Ист. и древн. росс. 1872 и 1873.)

[3]) Кн. Ив. Мих. Долг. и его соч. Стр. 151.

[4]) Капище, стр. 369.

сѣевною, и послѣ ея смерти помѣщена въ Смольный. Оттуда великая княгиня Марія Ѳедоровна взяла Смирную опять ко двору, гдѣ она оставалась до замужества. По воспитанію, вполнѣ свѣтскому, какое она получила въ Смольномъ и при дворѣ, между ею и матерью, которой она совсѣмъ и не знала, и которая была женщина простая, неграмотная и безъ всякаго воспитанія, ничего, казалось, не было общаго. Но очень скоро по выходѣ изъ Смольнаго сдѣлавшись княгинею, она тотчасъ же послѣ свадьбы поѣхала съ мужемъ къ матери въ ея деревушку, и между ними установились самыя теплыя отношенія, сохранившіяся до конца жизни.

Дмитріевъ, лично знавшій княгиню Долгорукову, отзывается о ней какъ о женщинѣ обладавшей душевной красотой „кроткой и добродѣтельной, умирявшей душу своего мужа"; но изъ его же разсказовъ видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была женщина и чуткая и энергичная [1]). Память своей жены кн. Долгорукой увѣковѣчилъ тѣмъ, что послѣ ея смерти, онъ, бывшій тогда губернаторомъ во Владимірѣ, отдалъ свой домъ подъ гимназію, которой пожертвовалъ и всѣ свои сочиненія „бытія и будущія"; но при этомъ поставилъ условіемъ, чтобы доходъ отъ его сочиненій былъ обращенъ на составленіе гимназической библіотеки, которая должна быть помѣщена въ той комнатѣ, гдѣ его жена скончалась. Университетъ, принявъ пожертвованіе, постановилъ: оставить эту комнату въ томъ видѣ, въ какомъ она была при жизни покойной, поставить въ ней бюсты князя и княгини Долгорукихъ, сдѣлать ковчегъ для храненія въ немъ акта, которымъ князь укрѣплялъ за гимназіею свое пожертвованіе, а самый ковчегъ украсить приличною надписью съ краткою біографіею покойной княгини „въ память ея рѣдкихъ достоинствъ душевныхъ". Такъ это, по словамъ М. Дмитріева, и было исполнено. Надпись на ковчегѣ была сочинена самимъ княземъ Долгорукимъ. Вотъ эта надпись:

Евгенія была изящность естества;
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души зрѣлъ образъ божества [2]).

Примѣръ жены князя Долгорукаго не единственный въ его „Капищѣ". Кромѣ того, что князь лично зналъ многихъ смолянокъ—подругъ своихъ двухъ женъ, онъ встрѣчался въ свѣтѣ со

---

[1]) *М. А. Дмитріевъ.* Ив. Мих. Долгорукой, стр. 39.
[2]) *М. А. Дмитріевъ*, стр. 69.

многими изъ нихъ благодаря тому, что въ молодости отличался искусствомъ въ театральныхъ представленіяхъ, въ которыхъ отличались и воспитанницы Смольнаго. Это давало ему случай играть съ ними и при дворѣ, и въ аристократическихъ, и просто дворянскихъ домахъ, гдѣ домашніе спектакли въ то время были въ разгарѣ моды. Впослѣдствіи, будучи два раза губернаторомъ въ Пензѣ и Владимірѣ, кн. Долгорукой видѣлъ и зналъ нѣкоторыхъ монастырокъ жившихъ въ провинціи. Стало быть онъ могъ наблюдать ихъ въ различной обстановкѣ и различныхъ положеніяхъ въ обществѣ. А такъ какъ онъ писалъ свои замѣтки безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, то его отзывы о смолянкахъ чрезвычайно для насъ цѣнны. Только объ одной изъ нихъ, бывшей уже замужемъ за симбирскимъ помѣщикомъ когда кн. Долгорукой съ ней познакомился, онъ разсказываетъ такія вещи, которыя противорѣчатъ самымъ элементарнымъ понятіямъ о нравственности [1]). О большинствѣ же знакомыхъ ему монастырокъ онъ отзывается какъ о „любезныхъ", „добронравныхъ", „милыхъ", „веселыхъ" и „хорошихъ" дѣвушкахъ. Почти всѣ онѣ отлично говорили по-французски, хорошо танцовали, и почти каждая обладала какимъ-нибудь талантомъ: или знала музыку, или пѣла, или отличалась на театрѣ. Но о нѣкоторыхъ, кн. Долгорукой говоритъ даже съ благоговѣніемъ, и то, что онъ о нихъ разсказываетъ, свидѣтельствуетъ, что это дѣйствительно были женщины выдѣлявшіяся по своимъ нравственнымъ качествамъ изъ общаго уровня современнаго имъ общества [2]).

Къ числу такихъ смолянокъ принадлежала и Нелидова, о которой кн. Долгорукой упоминаетъ только вскользь; но другой ея біографъ [3]), подтверждая слова Долгорукаго о необыкновенномъ ея умѣ и любезности, заставлявшихъ забывать ея некрасивое лицо, говоритъ, что Нелидова съ самаго начала умѣла создать себѣ самостоятельное положеніе при дворѣ великаго князя, такъ, что „можно было подумать, что она предварительно изучила предстоявшую ей роль". „Нельзя указать", прибавляетъ онъ, „на другое лицо въ придворной жизни, вліяніе котораго было бы такъ благотворно и въ особенности такъ безкорыстно, какъ ея вліяніе на Павла въ первую половину его царствованія"... Своимъ огромнымъ вліяніемъ Нелидова пользовалась „во благо императора и не разъ спасала невинныхъ людей отъ его гнѣва... Отъ нея, конечно, зависѣло воспользоваться такимъ положеніемъ и извлечь для себя и своихъ

[1]) Капище, стр. 171.

[2]) Капище. См. стр. 253 (Ланская), 298 (Щербатова), 314 (Салтыковъ).

[3]) *Е. И. Нелидова*. Р. Архивъ 1873. № 11.

всякаго рода выгоды, какъ и дѣлали многія до и послѣ нея. Но она отличалась образцовымъ безкорыстіемъ и ей случалось много разъ отвергать или умалять щедрыя милости, коими хотѣлъ наградить ее Императоръ Павелъ“.

Въ то время все общество относилось къ учителямъ съ презрѣніемъ. „Un valet de chambre, perruquier, est cent fois mieux traité, au moins dans la plus grande partie de nos maisons russes que les outchitels“ [1]), писала княгиня Дашкова своему брату гр. А. Р. Воронцову. А изъ разсказовъ Ив. Мих. Долгорукаго видно, что монастырки, и послѣ выпуска изъ Смольнаго, сохраняли хорошія отношенія не только съ Бецкимъ и Начальницею, но и съ учителями [2]). Такимъ образомъ и позднѣйшія, дошедшія до насъ, свидѣтельства о монастыркахъ Екатерининскаго времени, подтверждаютъ справедливость словъ Ржевской. На этомъ основаніи мы имѣемъ право сказать, что воспитаніе въ Смольномъ было во всякомъ случаѣ выше того, какое до тѣхъ поръ давалось дѣвушкамъ въ частныхъ домахъ и пансіонахъ, и что воспитанницы Смольнаго, несмотря на аристократическій духъ заведенія, выходили изъ него болѣе человѣчными, болѣе развитыми и менѣе зараженными предразсудками, нежели другія дѣвушки.

Но эти качества мало цѣнились тогда обществомъ. Даже при дворѣ, гдѣ сосредоточивалось почти все, что̀ носило характеръ просвѣщенности, развѣ одна Императрица обращала вниманіе какъ на умъ и таланты всякаго рода, такъ и, рядомъ съ этими качествами, на внутреннее содержаніе человѣка. Въ высшихъ аристократическихъ и дворянскихъ кругахъ придавали значеніе почти исключительно внѣшнему лоску. Главными условіями хорошаго воспитанія считалось то, что называется „savoir-vivre“ въ формальномъ значеніи слова, и выше всѣхъ наукъ ставилась все та же наука, знаніе свѣта. „Видѣлъ и знаетъ свѣтъ“ — это считалось чуть ли не главнымъ критеріемъ при сужденіи о достоинствѣ человѣка, какъ мужчины такъ и женщины; и не только надо было видѣть и знать, но и умѣть показать это знаніе. Всѣ журналы того времени предъявляли такія требованія къ хорошему воспитанію и, возводя „познаніе свѣта“ въ науку, опредѣляли ее очень темно и замысловато. „Познаніе свѣта“, говорилось въ „Полезномъ съ пріятнымъ“, весьма трудно, съ которой бы сто-

---

[1]) „Съ лакеемъ, съ парикмахеромъ, въ тысячу разъ лучше обходятся въ большинствѣ нашихъ русскихъ семействъ, чѣмъ съ учителемъ“ (Архивъ кн. Воронцова. Т. 12).

[2]) Капище, стр. 101. Киріяковъ.

ропы на него ни взирать. Зрѣлище свѣта не дозволяетъ спускать съ себя глазъ, дабы предаться разсужденію. Кто захочетъ раздѣлить время свое съ свѣтомъ и уединеніемъ, тотъ будетъ колебленъ на единѣ, не привлеченъ къ обществу, и для того нигдѣ не успѣетъ. Надлежало бы раздѣлить жизнь свою такъ, чтобы половину оной проводить въ наблюденіи свѣта, а другую употребить на размышленіе; но сіе почти невозможно" [1]).

Если сама Екатерина всякій разъ, какъ ей приходилось говорить о Смольномъ, пользовалась случаемъ сказать, что при воспитаніи дѣвицъ, рядомъ съ развитіемъ въ нихъ ума и сердца, стараются о томъ, чтобы при выпускѣ онѣ не были столь неловки, какъ обыкновенно бываютъ во Франціи и въ иныхъ странахъ дѣвушки, выпущенныя изъ монастырей [2]), то въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова", журналѣ, издававшемся въ 1783 году княгинею Дашковою, при дѣятельномъ участіи самой Императрицы, въ статьѣ: „О смыслѣ слова воспитаніе" уже опредѣленно было сказано: „оканчиваетъ же воспитаніе свѣтское обращеніе; испытаніе насъ сильнѣе убѣждаетъ, нежели какія предписанія или книги насъ увѣрить удобны" [3]). Только въ „Живописцѣ" Новикова позволяли себѣ иронически относиться къ этой „добродѣтели".

Въ Смольномъ, хотя и обучали воспитанницъ умѣнью держать себя въ обществѣ, но понятно, что ни знанія свѣта, ни житейскаго опыта, нельзя было привить молодымъ 17—18-ти лѣтнимъ дѣвушкамъ, особенно въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Поэтому, вопреки всѣмъ стараніямъ наставницъ, воспитанницы Смольнаго выходили въ свѣтъ и жизнь совсѣмъ неприготовленными къ нимъ. Ржевская въ своихъ запискахъ говоритъ: „Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя намъ невинныя радости, насъ пріучали довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ. Увѣренная въ покровительствѣ Божіемъ я не вѣдала о могуществѣ людей и навѣки бы въ немъ сомнѣвалась еслибы опытъ не доказалъ мнѣ, что упованіе на Бога не охраняетъ насъ отъ ихъ злобы".

Дѣйствительно, какъ и слѣдовало ожидать, двѣнадцатилѣт-

---

[1]) Полезное съ пріятнымъ. Полумѣсячное упражненіе на 1769 годъ. При Императорскомъ Сухопутномъ Шляхетскомъ Кадетскомъ корпусѣ. XLIII. „О познаніи свѣта".

[2]) Антидотъ. Полемическое сочиненіе Государыни Императрицы Екатерины Второй. Стр. 393. (Осьмнадцатый вѣкъ. Кн. 4-я.)

[3]) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей. 1783. Ч. II, стр. 27.

нее пребываніе въ закрытомъ заведеніи налагало совсѣмъ особый отпечатокъ на воспитанницъ. Искусственно воспитанныя, онѣ вылились въ искусственную, заученную форму. Въ обращеніи съ людьми онѣ были незастѣнчивы, ловки, любезны, и ихъ любезность имѣла источникомъ добродушное, или, лучше сказать, безразличное отношеніе, одинаковое ко всѣмъ людямъ, основанное на неумѣньи различать ихъ. Во всемъ же, что касалось дѣйствительной жизни, онѣ проявляли такое незнакомство съ самыми обыденными ея явленіями, такое ложное представленіе обо всемъ окружающемъ и такую наивность во взглядахъ на людей и на вещи, что эта наивность граничила иногда съ глупостью. Недаромъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Екатерины, Сперанскій писалъ дочери: „По счастью ты не монастырка и отъ младенчества видѣла свѣтъ не черезъ волшебное стекло“ [1]). Невѣроятный почти образчикъ наивности монастырокъ — приводитъ въ своихъ запискахъ М. С. Муханова [2]). У ея дѣда было семь сыновей и всѣ они служили при Екатеринѣ въ конной гвардіи. „Воспитанницы Смольнаго монастыря“, говоритъ Муханова, „признавались впослѣдствіи, что онѣ, по своей наивности, думали, что всѣ конногвардейскіе офицеры назывались Мухановыми“. Н. И. Гречъ разсказываетъ [3]), что смолянки первыхъ выпусковъ были „набиты ученостью“, но вовсе не знали свѣта и забавляли публику своими наивностями, спрашивая напримѣръ: „гдѣ то дерево, на которомъ растетъ бѣлый хлѣбъ“? Онъ приводитъ и стихи, которые по этому поводу были сочинены къ портрету Бецкаго:

Иванъ Иванычъ Бецкій
Человѣкъ Нѣмецкій
Носилъ мундиръ Шведскій,
Воспитатель дѣтскій,
Въ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ,
Набитыхъ дуръ.

Въ томъ возрастѣ, когда Гречъ былъ въ состояніи судить о людяхъ (онъ родился въ 1787 г.), смолянки первыхъ выпусковъ, которыхъ онъ могъ знать, были женщинами зрѣлыхъ лѣтъ, а нѣкоторыя почти старыми. Понятно, что наивность монастырокъ, пока она проявлялась у совсѣмъ молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ, забавляла и даже восхищала многихъ. Но когда эти

[1]) Р. Архивъ 1868. № 1. Письма Сперанскаго къ дочери.

[2]) Изъ записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой. (Р. Архивъ, 1878. № 3.)

[3]) Записки Н. И. Греча. (Р. Архивъ 1873. № 3.)

дѣвушки становились взрослыми женщинами, и во всѣхъ случаяхъ своей жизни оставались тѣми же наивными существами, какими вышли изъ Смольнаго, это осмѣивали и осуждали, справедливо приписывая искусственному, оторванному отъ жизни, воспитанію, которое имъ было дано.

Непрактичность монастырокъ, ихъ неумѣнье, а можетъ быть иногда и нежеланіе, быть полезной въ обыденныхъ, простыхъ занятіяхъ по дому, къ которымъ онѣ съ дѣтства не были пріучены, считались даже порокомъ, и въ то же время, нѣкоторыя хорошія стороны ихъ воспитанія были совсѣмъ уже не у мѣста въ тогдашнихъ среднихъ, а тѣмъ болѣе, низшихъ дворянскихъ семьяхъ, гдѣ все держалось на предразсудкахъ и гдѣ былъ твердо установленъ разъ навсегда извѣстный кодексъ женской морали. По этому кодексу бойкая, развязная, умѣющая вести разговоръ, и особенно позволяющая себѣ разговаривать съ мужчинами дѣвушка—рисковала навлечь на себя обвиненіе даже въ безнравственности. „Честной“ дѣвушкою считалась та, которая въ присутствіи мужчины молчитъ, или на его вопросы отвѣчаетъ односложными словами: да, нѣтъ. Ей позволялось заглядывать въ щелку двери на чужаго человѣка, но она должна была отворачиваться и краснѣть даже передъ женихомъ, когда онъ съ нею заговаривалъ. Въ одной изъ комедій того времени [1]) дѣвушка протестуетъ противъ запрещенія ей отцомъ разговаривать съ женихомъ, говоря, что если она не будетъ отвѣчать на его вопросы и уйдетъ отъ него, какъ ей велитъ отецъ, то женихъ подумаетъ, что она дура.

— „Хоть дура, да смирна“, отвѣчаетъ ей отецъ.

Такимъ образомъ, кромѣ развѣ двора Екатерины, гдѣ былъ запросъ, по крайней мѣрѣ съ ея стороны, и на умъ, и на образованность, и на внутреннія, рядомъ съ внѣшними, качества, воспитанницы Смольнаго не отвѣчали требованіямъ общества въ томъ, что касается воспитанія дѣвицъ.

Относительно ихъ образованія, если вѣрить приведеннымъ нами словамъ Н. И. Греча, то ихъ считали „набитыми ученостью“, а это въ то время никому не нравилось, особенно въ женщинѣ. „Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины“, говоритъ Щеголиха въ „Живописцѣ“ [2]), „а наши сестры ученыя—о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотой лица; не для математики дала намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи

[1]) „Подражатель“ 1779 г.

[2]) Живописецъ. 1772—1773. Изд. 7-е. Ефремова. 1864. Л. 4.

награждены мы плѣняющимъ голосомъ, не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца... Ученая женщина!—фуй, какъ это неловко. Въ словѣ „умѣть нравиться“ всѣ наши заключаются науки“.

Эта сатира на взгляды большинства женщинъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на то, въ чемъ должно заключаться ихъ образованіе, не преувеличена. Нѣчто подобное, но не въ сатирической формѣ, а серьезно, было четырьмя годами раньше „Живописца“ высказано въ формѣ письма одной матери, озабоченной воспитаніемъ дочери, къ редактору „Полезнаго съ пріятнымъ“ [1]. „Въ разсужденіи того“, говорилось въ письмѣ, „что любовь есть главный предметъ всѣхъ стараній, попеченій и удовольствій нашего пола, кажется мнѣ, справедливость требуетъ, чтобы мы были порядочнымъ образомъ обучаемы разсуждать о семъ, прежде нежели почувствуемъ сію страсть, которой гоненія бываютъ скоры, сильны и жестоки... Я не могу сказать, къ чему собственно принадлежитъ то, чего я желаю, къ учености или домашнимъ упражненіямъ; но изъ вышеписанныхъ основаній кажется мнѣ, что мы должны дочерямъ нашимъ, выключая тѣхъ, 'кои опредѣлены къ монашеству, преподавать *науку любить* такъ, какъ приобучаемъ мы ихъ къ домостроительству... И такъ, сверхъ обыкновеннаго добраго воспитанія можно подать женщинѣ наставленіе: 1) какъ она должна поступать будучи повелительницею, невѣстою, супругою, хозяйкою и пріятельницею чтобы сдѣлаться достойною любви; 2) какъ между тысячью воздыхателей, ее обожающихъ, выбрать единый предметъ достойный всей ея любви и почтенія; 3) какъ взаимную любовь содержать вѣчно и въ надлежащемъ союзѣ“. Письмо, очевидно переведенное съ французскаго, кончается однако слѣдующими словами, которыя переводчица, подписавшаяся „Ураніею“, говоритъ ужъ отъ себя: „Мы обѣ (т.-е. она и ея дочь) читаемъ ваши листки и естьли вы о сей матеріи что либо сообщите, то мы обѣ будемъ вами обязаны“.

Что касается наивнаго недоразумѣнія относительно учености смолянокъ, то оно, по всей вѣроятности, основывалось на знакомствѣ публики только съ программою Воспитательнаго Общества, въ которую включена была даже физика, а эта наука и въ мужскомъ образованіи составляла тогда предметъ совсѣмъ новый. Высшія требованія русскаго общества, какія только могли въ то время предъявляться къ женскому образованію даже считавшими себя образованными людьми, очень близко подходятъ

---

[1]) XXXVIII Письмо (изъ книги подъ названіемъ Улей).

къ программѣ, изложенной въ вышедшемъ у насъ въ 1778 году переводѣ сочиненія одной француженки: „Опытъ о воспитаніи благородныхъ“ [1]). Въ „Опытѣ“ не только приведена программа тѣхъ наукъ, которыя необходимы, по мнѣнію автора, каждой образованной женщинѣ, но даже мотивы, почему именно нужна ей та или другая наука.

„Съ семи до двѣнадцати лѣтъ“, говоритъ авторъ „Опыта“, „дѣвочку слѣдуетъ учить читать, писать, катехизису и священной исторіи, ариѳметикѣ и геометріи, а также пѣнію, танцамъ, музыкѣ и рукодѣлію. Всему этому могутъ обучать и учителя; но съ десяти лѣтъ дѣвочку никогда не надо оставлять одну, а съ 12-ти учить дѣвицъ должны только учительницы, изъ опасенія, чтобы молодые учителя не стали имъ предлагать чего-нибудь непристойнаго“. Ариѳметика нужна дѣвицамъ для управленія домомъ, а о геометріи, въ „Опытѣ“, сказано просто, что знать ее дѣвицѣ „и надо, и полезно“. Съ 12-ти же лѣтъ учительницы должны обучать дѣвочку исторіи, географіи, грамматикѣ и рисованію. Изъ первыхъ двухъ предметовъ надо давать только начальныя свѣдѣнія „настолько, чтобы дѣвица не скучала, слыша о нихъ разговоры, и не дѣлала бы глупыхъ вопросовъ, надъ которыми смѣяться станутъ“. Грамматикѣ дѣвицы должны учиться для того, чтобы чисто говорить на природномъ языкѣ и правильно на немъ писать. Для чтенія рекомендуется имъ Геральдика, ибо „весьма не худо дѣвицѣ знать какъ дѣлать гербы и оные различать“. Но при этомъ авторъ замѣчаетъ, что „сіе знаніе весьма легкое и притомъ такое, которое весьма скоро позабыть можно; для сего“, говоритъ онъ, „я не совѣтую обучать оной молодыхъ дѣвицъ въ юности, ибо онѣ прежде могутъ ее позабыть нежели будутъ имѣть случай оную употреблять“. Кромѣ того надо дать понятіе дѣвицѣ о миѳологіи, „дабы она прямо разумѣть могла стихотворенія и божества язычниковъ и не почла бы ихъ за истинныя“. По физикѣ авторъ совѣтуетъ сдѣлать для дѣвицъ „выметку или сокращеніе“. Физику онъ рекомендуетъ изучать дѣвицамъ не какъ науку, а какъ „убѣжище отъ скуки въ деревнѣ для женщины и для пользы въ земледѣліи, которое теперь столь въ почтеніи“. Женщины должны обучаться физикѣ еще и потому, что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ охота къ физикѣ была столь сильна, что дама какъ будто бы ничего не имѣла хорошаго въ себѣ, если не имѣла

---

[1]) Опытъ о воспитаніи благородныхъ. 1778. Пер. съ французскаго М. Семичевскій.

понятія о физикѣ". Вообще о физикѣ, миѳологіи и геральдикѣ авторъ говоритъ, что это „будутъ науки увеселительныя, болѣе забавою, нежели ученіемъ". Въ заключеніе, онъ выражаетъ желаніе, чтобы „какой нибудь юристъ, хотя малый любитель женскаго пола, издалъ сочиненіе, въ которомъ бы никакихъ сомнѣній и затрудненій законовъ не было, и изъ коего можно было бы познать то, чтò называется дѣлами, и какія точно взять мѣры въ томъ или другомъ обстоятельствѣ... Говорятъ, что для сего есть стряпчіе и опекуны. Но много есть провинцій, гдѣ ихъ нѣтъ; кромѣ того, жадность сихъ людей часто побуждаетъ насъ вступать не только въ сомнительныя, но и несправедливыя дѣла". Общей же цѣлью такого образованія дѣвицы—авторъ „Опыта" поставляетъ „успѣхъ обращаясь въ свѣтѣ".

Всѣмъ этимъ знаніемъ, за исключеніемъ началъ юриспруденціи, обладали воспитанницы Смольнаго и именно, какъ кажется, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намѣтилъ авторъ французскаго сочиненія, и которые Коммиссія народныхъ училищъ нашла недостаточными. Но наше общество и такія знанія приняло за ученость, хотя при основаніи Воспитательнаго Общества, единственный впрочемъ, кажется, журналъ „Доброе намѣреніе", выражая сочувствіе мѣрамъ Екатерины по образованію женщинъ [1]), вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ и желаніе, чтобы женское образованіе стояло на одной степени съ мужскимъ. Желаніе это было выражено самимъ издателемъ въ слѣдующихъ стихахъ [2]):

Хотя довольныя и днесь мѣста имѣемъ,
Въ которыхъ будучи разсудкомъ богатѣемъ,
Но мужескій лишь полъ то можетъ получать;
Не должно-ль и дѣвицъ подобно обучать?

Потомъ, наша литература очень мало занималась вопросомъ объ образованіи женщинъ. О ихъ воспитаніи, еще до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, начали говорить въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" и при этомъ былъ высказанъ взглядъ на необходимость „дочерей воспитывать съ такимъ же рачительнымъ смотрѣніемъ, какъ и сыновей, ибо отъ хорошаго ихъ поведенія, а особливо когда они сами матерями будутъ, произойдетъ обществу столько же пользы, какъ вреда отъ худаго". Когда съ 70-хъ годовъ появились сатирическіе журналы, то въ нихъ довольно часто помѣщались статьи, въ которыхъ осмѣивалось модное тогда воспитаніе, мужское и женское, но въ поло-

---

[1]) Доброе намѣреніе 1764 г. издавалось въ Москвѣ Санковскимъ. Іюнь.

[2]) Р. Архивъ 1879. № 9. „Уединенный Пошехонецъ". Статья Л. Н. Трефолева.

жительномъ смыслѣ—о послѣднемъ говорили только мимоходомъ, а если и останавливались на немъ, то болѣе, кажется, для того, чтобы воспользоваться случаемъ косвенно восхвалить Императрицу.

Образчикомъ подобныхъ статей и тона, которымъ говорила литература о предметѣ, можетъ служить статья „Преимущественныя дарованія женщинъ для воспитанія дѣтей", помѣщенная въ журналѣ „Полезное съ пріятнымъ" [1]. „Что женскій полъ", говорится въ статьѣ, „имѣетъ разумъ, способный къ произведенію въ дѣйство величайшихъ намѣреній и къ управленію государствъ, то доказано многими примѣрами, какъ и то несомнительно, что женщины могутъ съ отмѣннымъ успѣхомъ дѣтей воспитывать. Къ тому и другому потребны почти одинакія дарованія. Ибо мать, въ разсужденіи своихъ дѣтей подобна владѣтелю въ разсужденіи его подданныхъ. Она отъ нихъ отличается и должна поведеніемъ своимъ возбудить въ ея подчиненныхъ любовь, почтеніе и послушаніе. (Слѣдуютъ примѣры матерей великихъ людей.) Приведенные здѣсь примѣры довольно доказываютъ способность женщинъ къ воспитанію, для коего требуется просвѣщенный и твердый разумъ, и притомъ великая кротость. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный полъ можетъ вникнуть въ важнѣйшія науки, и ко всему себя употреблять; будучи одарены быстрымъ воображеніемъ, просто и нѣжно изъясняютъ свои мысли, имѣютъ искусство привлекать всѣхъ къ своимъ мнѣніямъ и суть неоспоримые судьи во всемъ касающемся до благопристойности, вкуса и пріятства". Въ концѣ статьи говорится: „Словомъ, какъ пишетъ г-жа де-Ламбертъ, мущины говорятъ разуму, а женщины сердцу, что весьма нужно для привлеченія каждаго къ должности".

Въ немногочисленной, въ первые годы царствованія Екатерины, средѣ ученыхъ людей, къ образованію женщинъ относились безразлично. Среда эта, въ большинствѣ своихъ членовъ, не отличалась общею развитостью; это были, бо́льшей частью, спеціалисты, каждый по своему предмету; но въ то время въ русскомъ обществѣ было еще такъ мало спроса на науку и такъ мало являлось желавшихъ заниматься ею, что распредѣлять науки, кромѣ, разумѣется, спеціальныхъ: военныхъ, морскихъ, и пр., на мужскія и женскія, не было нужды. Надо было прежде всего заохотить къ нимъ публику, и съ этою цѣлью профессора университета устраивали обыкновенно публичныя лекціи, на которыя приглашали желающихъ, и бо́льшею частью „лицъ обоего пола". Въ 1772 году профессоръ Ростъ приглашалъ на лекціи физики.

---

[1]) XXXV. 22.

кромѣ студентовъ, и „всѣхъ постороннихъ всякаго званія и обоего пола любителей и рачителей наукъ, къ слушанію лекцій и смотрѣнію чинимыхъ физическихъ опытовъ". Лекціи читались по-латыни и студенты объясняли ихъ публикѣ по-русски [1]). „Судя по продолжительности этого курса", говоритъ Шевыревъ, „онъ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ", и вѣроятно среди нея были женщины, ибо на лекціяхъ показывались опыты.

Но въ кружкѣ русскихъ профессоровъ изрѣдка встрѣчались и люди, по взглядамъ и развитію стоявшіе впереди общества. Они высказывали свои взгляды въ рѣчахъ, которыя произносили въ собраніяхъ московскаго университета и которыя имѣли въ то время большое значеніе. „Въ восемнадцатомъ столѣтіи", говоритъ М. Сухомлиновъ [2]), „рѣчи, произнесенныя съ университетской каѳедры, представляли въ большинствѣ случаевъ несомнѣнный интересъ для современнаго имъ общества, отличаясь дѣльностью содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами". Однимъ изъ наиболѣе искусныхъ ораторовъ былъ С. Десницкій, докторъ правъ и профессоръ юриспруденціи въ московскомъ университетѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета 30-го іюня 1775 г. [3]), Десницкій, по словамъ Сухомлинова [4]), „проводитъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ и въ сознаніи этой равноправности видитъ одно изъ яркихъ доказательствъ превосходства новой цивилизаціи въ сравненіи съ бытомъ древнихъ временъ". Въ числѣ разныхъ аргументовъ въ пользу этой мысли, Десницкій указывалъ на то, что „драгоцѣнное сокровище, которое нынѣ толикимъ служитъ украшеніемъ женамъ, то есть воспитаніе ихъ и дарованіе, подобно какъ металлъ въ землѣ, погребено было у первоначальныхъ народовъ въ нищетѣ и непомышленіи. Напротивъ того, въ наши времена первое о воспитаніи ихъ всѣми прилагается стараніе и съ толикимъ успѣхомъ, что многія къ безсмертной славѣ своего пола, нимало мужскому неуступающими въ наукахъ доказали себя передъ всѣмъ ученымъ

---

[1]) Исторія Моск. унив., стр. 191.

[2]) Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ пятый, стр. 3. (Записки Имп. Ак. Наукъ. Т. 38. Кн. 1.)

[3]) О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи. Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими. (Ист. Рос. Акад., стр. 298.)

[4]) Тамъ же, стр. 7.

свѣтомъ". Въ числѣ „другихъ премногихъ" такихъ женщинъ, Десницкій называетъ г-жу Дасье [1]) во Франціи и лэди Уорсли-Монтэгю [2]) въ Англіи.

Десницкій вынесъ такіе взгляды изъ Англіи, гдѣ онъ учился и гдѣ, какъ и вообще на западѣ, образованіе женщинъ продолжало развиваться тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, т.-е. онѣ учились дома, у своихъ отцовъ и братьевъ, или ученыхъ, друзей дома, и иногда опережали знаніями своихъ учителей.

У насъ ничего подобнаго быть не могло, потому что образованные отцы и братья были рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ въ русской семьѣ второй даже половины XVIII вѣка. Хорошо еще если между ними встрѣчались хоть такіе, которые, не обладая сами образованіемъ, признавали его нужнымъ для дочерей и сестеръ. Поэтому въ началѣ царствованія Екатерины въ провинціи, въ глуши, даже только грамотныхъ дѣвушекъ средне-дворянскаго круга было мало. Тамъ на образованіе вообще, а въ особенности по отношенію къ женщинамъ, не было и запроса. Въ своихъ запискахъ Болотовъ разсказываетъ, что его свадьба чуть не разошлась изъ-за того, что его представили невѣстѣ и ея матери колдуномъ и чернокнижникомъ потому, что онъ любитъ книги читать, и что невѣста, повѣривъ этому, принялась плакать [3]). Въ поискахъ за невѣстой, которая, въ числѣ другихъ условій, умѣла бы читать и писать, Болотовъ пересмотрѣлъ много предлагаемыхъ ему сватами и свахами дѣвушекъ, и остановившись на одной изъ нихъ, просилъ сваху „пораспровѣдать, умѣетъ ли

---

[1]) Дочь и жена двухъ извѣстныхъ въ XVII—XVIII вѣкахъ ученыхъ, она затмила ученостью обоихъ (ея переводы классическихъ греческихъ и римскихъ писателей долго считались лучшими изъ всѣхъ), и была избрана членомъ Падуанской Академіи. За ней было заранѣе укрѣплено, въ случаѣ смерти ея мужа, занимаемое имъ мѣсто библіотекаря короля. Но она умерла раньше его, въ 1720 г. (Dictionnaire de la conversation et de la lecture, etc., par une société de savants et de gens de lettres. 2-e édit. 1857.)

[2]) Извѣстна, между прочимъ, своими письмами изъ разныхъ странъ и въ томъ числѣ изъ Турціи, которую она серьезно изучила. Ея письма нѣкоторые ставили даже выше писемъ г-жи Севиньѣ. По этому поводу біографъ лэди Уорсли замѣчаетъ: „кому бы изъ нихъ ни отдать предпочтеніе, надо помнить, что у двухъ самыхъ цивилизованныхъ націй міра, двѣ женщины, каждая на своемъ языкѣ, оставили лучшіе образцы эпистолярнаго стиля". Лэди Уорсли первая сообщила свѣдѣнія о способахъ прививанія оспы, которыя сама наблюдала въ Константинополѣ и пропагандировала въ Европѣ. Въ теченіе 20-ти лѣтъ она собирала вокругъ себя лучшее образованное общество, въ которомъ занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Умерла въ 1762 г. (Dict. de la conversation.)

[3]) Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ. Т. 2. Письмо 112-е, стр. 491—492.

она по крайней мѣрѣ читать и писать и не охотница ли читать книги"? Сваха принесла ему отвѣтъ, что невѣста „грамотѣ мастерица, читать и писать умѣетъ и когда заставляетъ ее матушка, то читаетъ и книги". Женившись, Болотову пришлось, однако, разочароваться Жена его и послѣ свадьбы оказалась, по его выраженію, „несмѣяна, несловоохотна, незнающею ничего и неимѣющею ни малѣйшей склонности къ чтенію, характера самаго хладнокровнѣйшаго и до того нечувствительною, что даже въ самый прошпективическій ящикъ съ картинками, производящій всѣмъ невидавшимъ его еще никогда, толь великое удовольствіе, не смотря на всю молодость, смотрѣла съ совершеннымъ хладнокровіемъ, нимало не веселясь и безъ любопытства". Это было въ 1764 году.

Восемь лѣтъ спустя „Живописецъ", въ цѣломъ рядѣ юмористическихъ писемъ, изображалъ взгляды мелкихъ уѣздныхъ дворянъ на реформы Екатерины, имѣя, между прочимъ, въ виду ту же цѣль, какъ и другіе журналы его времени, т.-е. косвенно похвалить Императрицу сравнивая настоящее время съ недавнимъ прошлымъ. У него представительница идей стараго, до-Екатерининскаго времени, богатая помѣщица говоритъ: „въ нашемъ отечествѣ изстари положено для дворянина шпага, для стряпчаго перо, а грамота для поповъ". Она предлагаетъ автору письма въ „Живописцѣ" [1]), „дворянину съ одной душою" на выборъ: „невѣсту, ея дочь, съ 200 душъ и себя вмѣсто матери"; при этомъ обѣщаетъ открыть ему въ своей деревнѣ „новый ученый свѣтъ, какъ-де за сохою ходить и какъ изъ каждыя души золото дѣлать... „Но", прибавляетъ она, „чтобъ у тебя ни одной книги не видала". Рядомъ съ этимъ типомъ „Живописецъ" изображалъ другой, также деревенскій, въ лицѣ уѣзднаго дворянина, который пишетъ сыну своему Ѳалалею, что его сестра, Варя, „посажена за грамоту; батька Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло 15 лѣтъ; пора, другъ мой, объ этомъ подумать; вѣдь ужъ скоро и женихи стануть свататься, а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится; и указа самой прочесть нельзя" [2]). Въ другомъ письмѣ отецъ говоритъ сыну, что пріискалъ ему невѣсту, „дѣвушку неубогую, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка" [3]).

Но и Болотовъ, принадлежавшій къ наиболѣе любознательнымъ и образованнымъ помѣщикамъ, желая дать своимъ доче-

---

[1]) Л. 25. XLIX, стр. 156.

[2]) Л. 15. XXIV, стр. 93.

[3]) Л. 23. XLV.

рамъ образованіе, довольствовался тѣмъ, что предоставилъ бабушкѣ обучить свою дочь грамотѣ, за которую ее и засадилъ съ пятилѣтняго возраста. „А по выучкѣ грамотѣ“, говоритъ Болотовъ, „занималась она наиболѣе уже своими женскими рукодѣліями при матери“. Впрочемъ онъ, по крайней мѣрѣ, считалъ нужнымъ „съ своей стороны обработывать ея младой умъ и вперять въ него обо всемъ, что можно было, нужныя знанія и понятія“. Кромѣ грамоты, онъ желалъ бы обучать дочь и иностраннымъ языкамъ, но въ деревенскомъ пансіонѣ, гдѣ учился его сынъ, „одной ей съ мальчиками учиться не годилось“, а держать для нея одной у себя какую-нибудь француженку или мадамъ не было средствъ; „да и какъ-то мы“, говоритъ онъ, „къ тому не имѣли и дальней охоты, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была бы только не испорчена въ своемъ нравѣ и поведеніи“ [1]). Болотовъ училъ однако самъ, своихъ племянницъ и другихъ родственницъ, ариѳметикѣ и рисованію, но для обученія своихъ дочерей танцамъ возилъ ихъ въ Москву и не жалѣлъ платить за это деньги.

Впрочемъ въ семидесятыхъ годахъ и въ деревенской глуши встрѣчались иногда дворянскія дочери, которыя, выучившись читать и писать у крѣпостныхъ людей, пристращались потомъ къ чтенію. Но это было очевидно рѣдкостью, ибо одинъ изъ деревенскихъ пріятелей Болотова, желая женить его на своей сестрѣ, соблазнялъ его тѣмъ, что она любитъ читать „Гофманово сочиненіе о спокойствіи и удовольствіи“ и другія подобныя книги, которыя любилъ читать самъ Болотовъ. Послѣдній усомнился однако въ этомъ, и оказался правъ. Женщины читали едва ли не исключительно романы, преимущественно переводные, а иногда и въ оригиналѣ, французскіе. Понятно, что такое чтеніе, безъ всякаго выбора, не мѣняло ихъ вкусовъ и привычекъ, и если „Живописецъ“ и другіе сатирическіе журналы, рисуя нравы тогдашняго общества, сгущали иногда краски изображаемыхъ ими картинъ, то все-таки возможно допустить существованіе такихъ „образованныхъ“ помѣщицъ, о которыхъ разсказывалъ „одинъ господчикъ“ въ „Живописцѣ“ относя, конечно, свой разсказъ къ прошедшему, до-Екатерининскому времени. Когда ему было 13-ть лѣтъ, „то мать“, разсказываетъ авторъ статьи „Слѣдствія худаго воспитанія“ [2]), „пришедъ изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, любовную

[1]) Жизнь и приключенія: Ч. 20-я, стр. 919. 1780 годъ.
[2]) Л. 18. XXXIII.

французскую книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ". Такіе нравы могли быть занесены въ деревенскую глушь изъ столицъ, гдѣ образованіе среди женщинъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было еще такъ незамѣтно, что „Живописецъ" и не надѣялся скоро увидѣть образованныхъ женщинъ. „О женщинахъ нечего и говорить", писалъ онъ въ 1772 году [1]), „онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобы привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану".

Отъ того же времени сохранилось свидѣтельство и иностранца [2]) о московскихъ дамахъ, которыхъ Белькуръ, капитанъ французскихъ войскъ, имѣлъ случай наблюдать въ Москвѣ зимой 1773—1774 года. „Русскія дамы", говоритъ онъ, „побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ petites maitresses и привезли его съ собою въ Россію. Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли и весьма далеки отъ этого какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ; онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки и много пьютъ ихъ подобно своимъ мужьямъ; какъ мужчины, такъ и дамы очень жестоки со своими рабами".

Если дѣйствительно таково было умственное и нравственное состояніе женской части русскаго общества въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, то удивляться этому нельзя; было бы, напротивъ, удивительно еслибы женщины выдѣлялись умственными и нравственными качествами изъ окружавшей ихъ среды. Какъ ни велико было въ то время невѣжество среди мужчинъ, оно было, и должно было быть, еще больше среди женщинъ. Въ первую половину царствованія Екатерины для нихъ только и существовало одно учебное заведеніе, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ при немъ училищемъ. Тѣмъ, кто туда не попадалъ, оставались тѣже пути къ образованію, какіе были для мужчинъ, не попадавшихъ въ казенныя, гораздо болѣе впрочемъ многочисленныя, училища, т.-е. воспитываться дома по старымъ обычаямъ, или подъ руководствомъ французскихъ воспита-

---

[1]) Живописецъ. I. 26.

[2]) Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relegué en Sibérie. Amsterdam. 1776. (Древняя и Новая Россія. 1875. № 11, стр. 279.)

тельницъ и гувернантокъ, или же въ пансіонахъ подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ. Немудрено поэтому, что женщины увлекались общимъ направленіемъ, господствовавшимъ въ то время въ общественной и семейной средѣ, которому онѣ и подчинялись. Французскія моды, „флеръ, крепъ, лино, цвѣты", французскій разговоръ, французскіе романы, французская внѣшность, однимъ словомъ все, что давалось легко и бросалось въ глаза, привлекало ихъ; къ этому онѣ и тянулись.

Надо вспомнить, что французское вліяніе, господствовавшее тогда во всей Европѣ, началось у насъ лѣтъ за двадцать до воцаренія Екатерины. Стало быть, молодое поколѣніе Екатерининскаго времени выростало тогда, когда эти идеи были еще новыми и считались въ нѣкоторомъ родѣ прогрессомъ въ сравненіи съ существовавшими до тѣхъ поръ въ русскомъ обществѣ взглядами на воспитаніе. Въ 1750 году Сумароковъ первый началъ осмѣивать ложный путь, какой приняло тогдашнее образованіе молодаго поколѣнія обоего пола. Въ его комедіи „Чудовищи" изображенъ петиметръ Дюлижъ; но въ комедіяхъ „Пустая ссора" и „Мать — совмѣстительница дочери" [1]), рядомъ съ петиметрами являются и петиметерки. Фон-Визинскій „Бригадиръ" написанъ въ 1766 году и типъ Совѣтницы еще былъ сравнительно новымъ. Н. И. Панинъ, сказавъ Фон-Визину, что „никто сказать не можетъ что такую же Акулину Тимоѳеевну (Бригадиршу) не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу", не могъ отнести Совѣтницу къ тому же поколѣнію. Этотъ типъ если еще не вытѣснялъ при Екатеринѣ типа Бригадирши, то, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, дѣйствовалъ рядомъ съ нимъ въ первую половину ея царствованія. Понятно, что у такихъ матерей должны были и дочери воспитываться въ томъ же духѣ, тѣмъ болѣе, что и отцы раздѣляли такой взглядъ на воспитаніе дѣтей.

О частныхъ женскихъ пансіонахъ Екатерининскаго времени мы можемъ судить уже не по однимъ только объявленіямъ о нихъ, какъ это было при Елизаветѣ, а имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія въ донесеніяхъ членовъ Коммиссіи народныхъ училищъ. Изъ произведеннаго въ 1784 году членами Коммиссіи, Крейдеманномъ и Козодавлевымъ, осмотра 14-ти полныхъ пансіоновъ и 5-ти съ приходящими учениками и ученицами оказалось, что большинство содержателей и содержательницъ частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ были нѣмцы и нѣмки (9), а въ числѣ пан-

---

[1]) Соч. Сумарокова. ЧЧ. V и VI.

сіоновъ съ приходящими—былъ одинъ содержимый русскимъ мѣщаниномъ [1]). Общее число всѣхъ иностранныхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ доходило въ 1784 году до 26-ти, а въ Москвѣ ихъ было всего 10, включая сюда и нѣмецкія училища въ обѣихъ столицахъ [2]), Кромѣ того въ Москвѣ былъ одинъ, а въ Петербургѣ 17 русскихъ пансіоновъ или школъ.

Учащіяся дѣвочки во всѣхъ какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ иностранныхъ пансіонахъ и школахъ, составляли лишь одну пятую часть общаго числа учащихся, а это число и само по себѣ было невелико: въ Петербургѣ всѣхъ учащихся въ 1780 г. было 500; изъ нихъ до 200 русскихъ, остальные иностранцы. Въ 1780 году, въ существовавшихъ тогда 23-хъ пансіонахъ, изъ 72-хъ учителей и учительницъ въ Петербургѣ, было лишь 20 русскихъ; но и изъ нихъ половину составляли учителя танцевъ и рисованія, а остальные преподавали русскій языкъ и ариѳметику [3]).

Бо̀льшую часть иностранныхъ частныхъ пансіоновъ и школъ Коммиссія признала въ 1784 году удовлетворительными, хотя почти ни въ одномъ изъ нихъ не преподавался русскій языкъ.

Лучшимъ изъ такихъ пансіоновъ было петербургское нѣмецкое училище св. Петра, гдѣ съ самаго его основанія всегда, по словамъ Георги [4]),—учились въ отдѣльныхъ отъ мальчиковъ классахъ,—и дѣвочки, причемъ русскія дѣти обыкновенно составляли одну четвертую часть общаго числа учащихся. Для ученицъ было всего 3 класса (для мальчиковъ 6), въ которыхъ имъ преподавали: языки нѣмецкій, россійскій, французскій. законъ Вѣры, ариѳметику, географію, исторію, начальныя основанія естественной исторіи и физики; „притомъ", говоритъ Георги, „упражняли ихъ въ собственныхъ письменныхъ сочиненіяхъ". Съ 1770 года и въ отдѣленіе для дѣвочекъ было введено преподаваніе латинскаго языка. Кромѣ

---

[1]) Архивъ Деп. Нар Просвѣщенія.

[2]) Въ старѣйшемъ изъ такихъ училищъ, Анненской школѣ (основана въ 1736 г.) до 1780 года дѣвочки учились вмѣстѣ съ мальчиками. Предметы преподаванія были слѣдующіе: законъ Божій, латинскій, французскій, нѣмецкій языки, ариѳметика, геометрія, исторія, географія, логика, чистописаніе. За особую плату преподавались: русскій языкъ, музыка и рисованіе. (Zur Jubelfeier des 150-jährigen Bestehens der St. Annen-Schule am 3. Januar 1889. St.-Petersburg. 1889.)

[3]) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника М. П. Мусина-Пушкина, *А. Вороновымъ*. 1849, стр. 6.

[4]) Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города Санкт-Петербурга. 1794. Ч. II, стр. 401.

того, дѣвочекъ, какъ и мальчиковъ, обучали за особую плату танцамъ и рисованію. Но хотя число предметовъ для дѣвочекъ было меньше чѣмъ для мальчиковъ, для первыхъ плата вообще была выше чѣмъ для послѣднихъ. Дѣвочки должны были платить за ученіе въ первомъ классѣ по 20 рублей въ годъ, а въ двухъ слѣдующихъ по 24 рубля, между тѣмъ какъ мальчики платили въ первомъ классѣ по 12-ти р. въ годъ, а въ слѣдующихъ пяти по 16-ти. Въ это училище, по словамъ Георги, во второй половинѣ царствованія Императрицы Екатерины, начиная съ 1788 г., поступало въ сложности каждый годъ по 40 мальчиковъ и 30 дѣвочекъ [1]).

Въ 17-ти русскихъ частныхъ школахъ, съ 519-ю учащихся обоего пола вѣроятно, учили лишь чтенію, письму и элементарнымъ свѣдѣніямъ изъ ариѳметики. Но всѣ эти школы оказались такъ плохи, что Коммиссія ихъ закрыла какъ совершенно безполезныя въ дѣлѣ ученія [2]). Изъ иностранныхъ пансіоновъ былъ закрытъ всего одинъ; но объ ученіи въ нѣкоторыхъ изъ оставленныхъ Коммиссіею женскихъ французскихъ пансіонахъ, члены Коммиссіи представили ей слѣдующія свѣдѣнія: въ одномъ изъ нихъ „ученіе въ исторіи производится по книжкѣ „Etudes des demoiselles par questions". „Географію", говорятъ они [3]), „можно почесть однимъ спискомъ географическихъ названій". Учитель ариѳметики учитъ два раза въ недѣлю; самъ ничего не знаетъ, а преподаетъ „свои собственные вымыслы". Грамматику преподаетъ г-жа Горнъ также по „собственному вымыслу". Для чтенія и переводовъ употребляется книга „Дѣтскій Магазинъ" г-жи де-Бомонъ. Кромѣ этихъ предметовъ преподавались во французскомъ пансіонѣ еще русскій и нѣмецкій языки. Этотъ пансіонъ члены Коммиссіи признали хорошимъ для французскаго языка

О другомъ пансіонѣ, содержательницею котораго была француженка, г-жа Кокъ, Крейдеманнъ и Козодавлевъ отозвались какъ о заслуживавшемъ довѣрія родителей. Но вотъ въ какомъ состояніи находилась тамъ учебная часть: географію, исторію, французскій и нѣмецкій языки преподавала сама содержательница. При ней была помощница, г-жа Тиллигъ, англичанка, дочь умершаго машиниста, служившаго тридцать лѣтъ при Императрицѣ Екатеринѣ. Г-жа Тиллигъ была прежде учительницею дѣтей гр. Разумовскаго, потомъ въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ училищѣ св. Петра. Объ ея знаніяхъ члены

[1]) Описаніе росс. стол. города С.-Пет. Ч. II, § 686.

[2]) *Вороновъ*. Историко-статист. обозр. Т. I, стр. 36.

[3]) Архивъ Деп. Нар. Просвѣщенія. Журналы Ком. Нар. уч.

Коммиссіи выразились, что „она можетъ хорошо сочинить нѣмецкое письмо, выключая малыя ошибки въ правописаніи". Вообще всѣ науки въ иностранныхъ пансіонахъ преподавались на французскомъ языкѣ, котораго учащіеся не понимали [1]). На этомъ же языкѣ, по свидѣтельству Болотова, въ пансіонахъ заставляли дѣтей заучивать наизусть исторію и географію.

Въ Москвѣ, при освидѣтельствованіи по указу Императрицы Екатерины 7 октября 1785 года частныхъ учебныхъ заведеній, ихъ оказалось всего 11 съ 394 учащимися, изъ которыхъ русскихъ было 284, а иностранцевъ 110. Въ числѣ 394 было: 41 русская дѣвочка и 24 иностранки. Въ одномъ изъ пансіоновъ дѣвочки даже помѣщались вмѣстѣ съ мальчиками [2]).

Частные пансіоны были и въ нѣкоторыхъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ, а иногда и въ мѣстечкахъ. Князь И. М. Долгорукой упоминаетъ въ „Капищѣ" объ Ярославскомъ женскомъ пансіонѣ, а изъ разсказа Болотова о томъ, какъ при немъ устроился пансіонъ въ мѣстечкѣ Богородицкѣ, можно заключить что учрежденіе пансіоновъ въ провинціи зависѣло отъ случая. Попадалъ въ какой-либо городъ французъ или нѣмецъ и объявляли о своемъ намѣреніи открыть пансіонъ. За отсутствіемъ въ городѣ всякихъ способовъ, для небогатыхъ помѣщиковъ или служащихъ людей, обучать своихъ дѣтей, они были рады представлявшемуся случаю отдать ихъ въ пансіонъ. Но по бо̀льшей части такіе пансіоны существовали недолго, ибо утвердившись на мѣстѣ, содержатель пансіона очень скоро переставалъ стѣсняться и давалъ просторъ своей страсти къ вину, картамъ или кутежамъ, а иногда просто принималъ болѣе выгодное для него приглашеніе въ домъ къ богатому человѣку, и пансіонъ исчезалъ такъ же внезапно, какъ появился.

Вообще порядочные учителя и порядочные пансіоны встрѣчались въ провинціи еще рѣже, чѣмъ въ Петербургѣ. Не даромъ Державинъ, опровергая направленное противъ его жены обвиненіе въ томъ, что она въ домѣ одного тамбовскаго помѣщика била и выгнала вонъ жену предсѣдателя тамбовской Гражданской Палаты, писалъ: „Я не буду въ защищеніе говорить того, что жена моя воспитана въ Петербургѣ" [3]).

Во время своего губернаторства въ Тамбовѣ (1786—1788) Державинъ устроилъ въ своемъ домѣ классы для юношества

[1]) *Вороновъ*. Истор. стат. обозр. 7.

[2]) *М. Лонгиновъ*. Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. (Р. Вѣстникъ 1858.)

[3]) Соч. Державина. Т. V. Письмо къ графу А. А. Безбородко, 3 іюля 1788 г.

обоего пола. Кромѣ уроковъ танцевъ, для которыхъ онъ нарочно выписалъ изъ столицы танцмейстера съ дочерью, Державинъ пригласилъ учителей изъ недавно передъ тѣмъ открытыхъ въ губерніи народныхъ училищъ, „у которыхъ", говоритъ онъ [1]), „считалось за непристойное брать уроки дѣвицамъ въ публичной школѣ" и эти учителя должны были обучать дѣвицъ въ домѣ Державина грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи „за умѣренныя цѣны". Въ его домѣ бывали и литературныя собранія, въ которыхъ принимали участіе и женщины; вообще у него собирались до 150-ти „прекрасныхъ и недурныхъ, богатыхъ и неубогихъ" дѣвицъ, изъ которыхъ онъ предлагалъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, Аверьянову [2]), выбрать себѣ невѣсту „съ небольшою деревенькою". Конечно такое обиліе ученицъ, собиравшихся въ классахъ, устроенныхъ Державинымъ, нельзя объяснить стремленіемъ тамбовскихъ барышень къ образованію, а скорѣе тѣмъ, что въ губернаторскомъ домѣ было весело, устраивались танцы и домашніе спектакли, да кромѣ того, какъ видно изъ письма Державина Аверьянову, представлялась возможность скорѣе найти себѣ жениха.

Должно быть, въ отношеніи образованія, и при домашнемъ воспитаніи дѣло было поставлено такъ же, какъ въ пансіонахъ. Конечно, между наставниками и наставницами не все же были невѣжественные или развращенные люди; попадались между ними и знающіе, и порядочные. Но требованія общества и родителей стояли, какъ справедливо замѣчаетъ Вороновъ [3]), далеко ниже идеала Екатерины и дѣлали возможнымъ существованіе плохихъ пансіоновъ, лишь бы въ нихъ дѣтей обучали французскому языку и танцамъ. Ив. Мих. Долгорукой упоминаетъ, въ своихъ запискахъ и словарѣ, имена нѣсколькихъ воспитательницъ, обучавшихъ его самого въ дѣтствѣ, или жившихъ потомъ въ его домѣ при дѣтяхъ. Тѣхъ, о которыхъ онъ отзывается хорошо и считаетъ образованными, онъ хвалитъ преимущественно за „благородное обращеніе въ свѣтѣ", за умѣнье привить воспитанникамъ и воспитанницамъ „тѣ наружныя преимущества, которыя обезпечиваютъ успѣхи въ обществѣ".

Несмотря однако на всѣ эти неблагопріятныя условія для женскаго образованія, оно, хотя медленно и въ узкомъ, поверхностномъ смыслѣ слова, но подвигалось впередъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ

---

[1]) Записки Державина, стр. 579. (Соч. Т. VI.)

[2]) Соч. Державина. Т. V, стр. 644. Письмо отъ декабря 1786 г.

[3]) *Вороновъ.* Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ, де-Миріево. 1858.

прошлаго столѣтія женщины, по словамъ французскаго посла, графа Сегюра [1]), опередили даже мужчинъ въ образованіи. „Въ обществѣ“, говоритъ онъ, „можно встрѣтить много нарядныхъ дамъ и дѣвицъ, говорящихъ на 4—5 языкахъ, умѣющихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ писателей Франціи, Италіи и Англіи... Мужчины, исключая сотни придворныхъ, каковы: Разумовскіе, Румянцевъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Голицынъ, Долгоруковъ, бо̀льшей частью необщительны и молчаливы, важны и холодно вѣжливы и, повидимому, мало знаютъ о томъ, что̀ происходитъ за предѣлами ихъ отечества“. Еще десятью годами позже (въ 1800 г.), уже послѣ смерти Екатерины, но говоря о женщинахъ, воспитавшихся при ней, англійскій путешественникъ Кларкъ вынесъ такое же впечатлѣніе о русскихъ женщинахъ. „Dans la classe des nobles“, писалъ онъ [2]), „les femmes paraissent de beaucoup supérieures aux hommes; elles sont douces, sensibles, *souvent fort instruites*, belles, accomplies“ [3]).

Здѣсь кстати напомнить, что во все время царствованія Екатерины, самыми образованными людьми во всей Россіи были двѣ женщины: сама Императрица и княгиня Дашкова. А между тѣмъ ни та, ни другая, не прошли въ молодости систематическаго курса ученія, и хотя обѣ, по тогдашнему состоянію науки, могли считаться не только образованными, но даже учеными, — онѣ не выставляли напоказъ своей учености и не были педантками. „Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ“! сказала однажды Екатерина Сегюру [4]): „они не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ: „не знаю“, которыя для насъ, простыхъ невѣждъ, такъ легки“. Такъ смотрѣла Екатерина на свою ученость. Она, какъ и Дашкова, образовалась сама, „чтеніемъ и упражненіемъ“, какъ выражалась Императрица. Вѣроятно этимъ же путемъ, слѣдуя ихъ примѣру, образовывались и тѣ женщины, о которыхъ Кларкъ отозвался какъ объ очень образованныхъ. Стало быть, усилія Екатерины привить русскому обществу вкусъ къ чтенію—не остались совсѣмъ безъ результатовъ и по отношенію къ женщинамъ.

Сама Екатерина не только примѣромъ, но и лично, при вся-

---

[1]) Ségur. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 1827. T. II, p. 228.

[2]) Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie par M. Edouard Clarke. 1813. T. I, p. 111.

[3]) Въ классѣ дворянъ, женщины гораздо выше мужчинъ; онѣ кротки, чувствительны, часто весьма образованы, прекрасны, обладаютъ всѣми совершенствами“.

[4]) Ségur. Mémoires etc. T. III, p. 33.

комъ представлявшемся ей случаѣ, поощряла ихъ къ самообразованію и даже къ литературнымъ занятіямъ. Въ концѣ ея царствованія женщины читали не только переводные романы: Ричардсона—„Клариссу“, „Памелу“, аббата Прэво, госпожу Жанлисъ, Руссо и др., но онѣ читали и отечественныхъ писателей: Карамзина, Сумарокова, стихи котораго нѣкоторыя знали наизусть. Были между ними и такія, которыя читали и серьезныя книги. Фон-Визинъ счелъ нужнымъ заставить Софью [1]) читать Фенелона „Education des filles“, а незадолго до своей смерти, узнавъ о сдѣланномъ двумя сестрами, княжнами Волконскими, переводѣ „весьма полезной для натуральной исторіи книги“ [2]), выразилъ, по словамъ Макарова, одному изъ своихъ пріятелей сожалѣніе, что при „изображеніи своей послѣдней Софьи задалъ ей еще весьма мало учености“ [3]).

Прогрессъ въ образованіи женщинъ, между началомъ и концомъ царствованія Екатерины, сказался и въ другомъ. За двадцать лѣтъ до появленія русскихъ сатирическихъ журналовъ, дѣвицъ считали нужнымъ обучать въ пансіонахъ, какъ особому предмету, „чтенію вѣдомостей“ [4]). Съ появленіемъ этихъ журналовъ въ 1769 году, женщины, увлекаемыя вѣроятно примѣромъ Императрицы, стали не только ихъ читать, но и писать въ журналахъ. Издатель „Живописца“, извѣстный Новиковъ, понималъ важное вліяніе образованныхъ женщинъ на общество, и, какъ говоритъ Макаровъ [5]), „каждой дамѣ и дѣвицѣ, занимавшейся чтеніемъ книгъ, былъ всегда и другомъ, и покровителемъ, охотно предавая тисненію всѣ ихъ сочиненія и переводы“. Цѣня ихъ сотрудничество [6]) въ видахъ заохоченія ихъ къ литературнымъ занятіямъ, Новиковъ помѣщалъ въ своихъ журналахъ всѣ произведенія женщинъ, какъ бы они ни были плохи.

Должно быть, сначала, читающія журналы женщины были явленіемъ столь новымъ, что на это, въ обычномъ Екатерининскимъ журналамъ ироническомъ тонѣ, сочла нужнымъ указать двадцатилѣтняя сотрудница „Живописца“ М. С. (Марія Сушкова). Въ письмѣ къ „Живописцу“, подписанномъ: „ваша доброжелательная

---

[1]) Недоросль. Дѣйствіе 4-е, явленіе II.

[2]) „Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ“, въ 2-хъ частяхъ. 1792.

[3]) *Макаровъ.* Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ. (Дамскій журналъ. 1830. Мартъ. № 13, § 19.)

[4]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XXIII, стр. 344.

[5]) Матер. для ист. р. ж. авторовъ. (Дамскій Журналъ. 1830. № 10, § 12.)

[6]) *Лонгиновъ.* Новиковъ и мартинисты. 1867. Стр. 333.

ненавистница“, она жалуется на то, что и „дѣвицы стали не дѣвицами отъ чтенія „Живописца“... „сидитъ, какъ неодушевленная статуя, боится изо рта выпустить слово, а какъ въ модномъ свѣтѣ обращаться, того головой не смыслитъ“ [1]). И гораздо позже, въ 1783 году, въ другомъ журналѣ, высказывалось еще въ видѣ мечты, что настанетъ время, когда число читателей журнала такъ умножится, что и женщины „въ мѣсто, чтобы въ карты загадывать или по рядамъ безъ нужды ходить, за чтеніе „Собесѣдника“ примутся“ [2]).

Если такъ мало было сначала охотницъ читать журналы, то еще менѣе должно было встрѣчаться среди женщинъ, желающихъ писать въ нихъ. И дѣйствительно такія женщины составляли вначалѣ рѣдкія исключенія. Къ нимъ принадлежала Сушкова, урожденная Храповицкая, сестра бывшаго потомъ секретаря Императрицы, который въ то время, когда издавался „Живописецъ“, и самъ занимался литературою [3]). Сушкова, подобно своимъ братьямъ, говоритъ М. Лонгиновъ [4]), получила блестящее образованіе и знала языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Но за то она не знала отечественнаго, и братъ, по ея просьбѣ, показывалъ ей грамматическія правила русскаго языка. Онъ же обратилъ ея вниманіе на поэзію, которою она занялась со страстью. По разсказу Макарова [5]), когда графъ К. Гр. Разумовскій донесъ Императрицѣ, что его землячка, Храповицкая, „запѣлась въ виршахъ“, то этого было довольно, чтобы Екатерина пригласила Храповицкую ко двору, стала поощрять ее писать стихи, заставляла переводить и печатать свои произведенія въ современныхъ журналахъ.

Такъ же относилась Екатерина и къ другимъ женщинамъ, рѣшавшимся выступать на литературное поприще. По разсказамъ Макарова, слышавшаго передаваемыя имъ извѣстія отъ современниковъ Екатерины, она всегда интересовалась литературными произведеніями женщинъ.

Первою русскою женщиной—писательницею, въ настоящемъ, литературномъ смыслѣ, была дочь Сумарокова, вышедшая потомъ

---

[1]) Живописецъ. Л. II. XIII.

[2]) Собес. люб. р. слова. Письмо изъ Звенигорода къ гг. издателямъ отъ 20 іюня 1783 г. Ч. II.

[3]) *Бантышъ-Каменскій.* Т. III, стр. 504.

[4]) Библіографическія записки XLII. Современникъ. 1856. Т. LXIII.

[5]) Матеріалы. (Дам. Журн. 1830, февраль № 7). Сушкова была дочь лейбъ-кампанца, впослѣдствіи генералъ-аншефа. Родилась въ 1752. (Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Жур. М—ва Нар. Пр. 1889. Мартъ.)

замужъ за извѣстнаго драматическаго писателя Княжнина. Она еще при Императрицѣ Елизаветѣ была извѣстна [1]) какъ пламенная любительница музъ, какъ дѣвица-поэтъ, съ которою, „по тогдашнему образу мыслей, большая часть ея современницъ, предупрежденныхъ не въ пользу наукъ для женщинъ, боялись сказать лишнее слово“. Но за то, прибавляетъ Макаровъ, съ ней говаривали Шуваловъ и Ломоносовъ, который, не терпя Сумарокова, „благоговѣйно, какъ говорятъ, подходилъ къ ручкѣ Катерины Александровны, привѣтствовалъ ее иногда стихами и публично говорилъ: „вотъ умница барышня; въ кого такая родилась“! А современники о ней говорили: „за кого ей идти кромѣ Якова Борисовича (Княжнина); на такой барышнѣ люди простые не женятся, да и сама она за простаго не пойдетъ“. Сумароковъ самъ училъ дочерей писать, грамматикѣ и поэзіи; онъ гордился своею дочерью-поэтомъ; но любя, чтобы его дочери занимались литературою и особенно поэзіею, считалъ неприличнымъ, чтобы стихи, а въ особенности такія, въ которыхъ говорилось о любви, были писаны отъ лица женщины. „Къ дѣвицамъ это нейдетъ“, говорилъ Сумароковъ, какъ передаетъ Макаровъ со словъ современника Сумарокова, графа Хвостова, „благовоспитанная стихотворица-дѣвица должна только думать о мастерствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ полюбовныхъ“ [2]). Этимъ объясняется, что, повинуясь приказаніямъ отца, Сумарокова писала свои стихи отъ лица мужчины, а нѣкоторыя она писала единственно по заказу отца. Первое ея стихотвореніе за подписью „Катерина Сумарокова“ было напечатано въ журналѣ, издававшемся Сумароковымъ „Трудолюбивая Пчела“ 1759 года. Это была элегія, въ которой авторъ изображалъ, говоря отъ лица мужчины, свои страданія вслѣдствіе разлуки съ покинувшей его женщиною [3]). Потомъ, она писала, по словамъ Новикова, „весьма изрядныя стихотворенія“ [4]).

При Екатеринѣ, первою по времени писательницею была Ал. Ѳед. Ржевская, сестра фельдмаршала, графа Каменскаго. О ней Новиковъ говоритъ, что она любила науки и художества, упражнялась въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ, имѣла ве-

---

[1]) *Макаровъ*. Матеріалы. (Дам. Журн. 1830. Январь. № 1.)

[2]) Д. журналъ. 1830. Іюль. № 29, стр. 2. 2-е Дополненіе къ матеріаламъ.

[3]) Словарь русскихъ писательницъ 1759—1789. Составилъ Николай Княжнинъ. (Р. Арх. 1865, стр. 1426).

[4]) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій собралъ Николай Новиковъ. С.-Пет. 1772. (Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. 1867, стр. 59.)

лкую охоту къ чтенію книгъ, искусна была во французскомъ, итальянскомъ и своемъ природномъ языкѣ [1]). Въ числѣ разныхъ сочиненій, оставленныхъ Ржевскою (умершею 29-ти лѣтъ въ 1769 году), Новиковъ особенно хвалитъ романъ „Кабардинскія письма", который, по словамъ Макарова, въ рукописи читался при дворѣ Екатерины [2]). Затѣмъ, другихъ писательницъ, кромѣ Дашковой, которая „упражнялась во всѣхъ родахъ литературы", писала стихи „нѣкоторыя весьма изрядныя, и въ протчемъ", какъ о ней выразился Новиковъ, почиталась „за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ" [3]), до появленія сатирическихъ журналовъ, т.-е. до 1769 года, была только одна еще женщина-писательница, поэтесса и переводчица. По поводу переведеннаго ею съ французскаго, сочиненія прусскаго короля Фридриха II [4]), Екатерина, какъ разсказывалъ Макарову ея современникъ, канцлеръ гр. Остерманъ, сказала Дидро: „вотъ у меня перевели и Фридриха; и кто же, думаете вы?—молодая, пригожая дѣвушка" [5])! Съ 1769 года стало увеличиваться число женщинъ писательницъ; но оно было невелико во все царствованіе Екатерины. Большею частью онѣ принадлежали къ сословію знатныхъ по происхожденію или по своему положенію въ служебномъ мірѣ и, по обычаю тогдашнихъ литераторовъ, не подписывались въ журналахъ; по впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ стали издавать свои сочиненія отдѣльно и подъ полнымъ своимъ именемъ.

Что именно женщины писали, и какого качества были ихъ литературныя произведенія, въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; эти произведенія были не лучше и не хуже большинства другихъ, появлявшихся тогда въ печати. Мы приводимъ нѣкоторыя о нихъ подробности лишь потому, что эти подробности показываютъ, какъ къ участію женщинъ въ литературѣ относилась Императрица, а также нѣкоторые изъ тогдашнихъ писателей и избранныхъ людей. Не лишено также интереса отношеніе самихъ женщинъ къ своимъ литературнымъ упражненіямъ, и цѣли, какими онѣ иногда руководствовались, при выборѣ того или другого сюжета. Въ этомъ смыслѣ характерны два дошедшія

[1]) Опытъ, стр. 93.

[2]) Д. журналъ. 1830. Январь, § 2.

[3]) Опытъ стр. 31.

[4]) Исторія Бранденбургская съ тремя разсужденіями о правахъ, обычаяхъ и успѣхахъ человѣческаго разума, о суевѣріи и законѣ, о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ. 4 ч.

[5]) Вельяшева-Волынцева, дочь артиллеріи генерала. (Дамскій Журналъ. 1830. Январь, № 3.)

до насъ письма, въ видѣ посвященія переводовъ, сдѣланныхъ женщинами-авторами.

Первое изъ нихъ принадлежитъ княгинѣ К. А. Меншиковой, которая въ 1780 г. перевела съ французскаго эпизодъ изъ Тасса подъ заглавіемъ „Олендъ и Софронія, ироическая драма“ и посвятила его митрополиту Гавріилу. Въ посвященіи она пишетъ: „Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Милостивый Государь мой и Архипастырь! Невмѣстимымъ показаться можетъ, что мой оеатральнаго дѣйствія переводъ посвящаю Вашему Выс—ву; но какъ намѣреніе сего сочиненія не иное что, какъ отмѣнная ревность къ христіанской вѣрѣ во время побѣды Магомета области Іерусалимской до пришествія Годефрида Булліонскаго и крестовой войны, почему и разсудила, что оный переводъ никому приличнѣе отнестись не можетъ, какъ Вашему Выс—ву, ревнителю закона, проповѣднику истинной православной Вѣры и насадителю въ сердце человѣческомъ корня благодати“ [1]. Митрополитъ, по словамъ Макарова, съ чувствомъ особенной признательности къ почтенной переводчицѣ, принявъ ея труды, отдалъ имъ совершенную справедливость.

Другое письмо написано княгинею Варварою Голицыною, урожденною Энгельгардъ, племянницею Потемкина, бывшею въ то время (въ 1790 г.) матерью семерыхъ сыновей.

Посвящая мужу, бывшему тогда въ арміи, свой переводъ французскаго романа, „Заблужденія отъ любви или письма отъ Фанеліи къ Мильфорту“, кн. Голицына пишетъ: „Любезный другъ! Увидя друга своего издателемъ сей книги, не удивляйся тому, ибо выпустить въ свѣтъ сей слабый мой переводъ я дерзнула не съ намѣреніемъ тщеславія, или желанія угодить тому же самому свѣту, но побудительною сего причиною было то, что я увѣрена, сколь для тебя лестно бываетъ, когда я занимаюсь чѣмъ нибудь полезнымъ и къ просвѣщенію ведущимъ. Не упрекай меня за содержаніе перевода, которое само по себѣ дурно; я разсуждаю, что мы не отъ однихъ хорошихъ примѣровъ получаемъ пользу, но равно, кажется, ежели не бо́льшую, то вѣрно и не меньшую, и отъ худыхъ... Несчастіе болѣе просвѣщаетъ и научаетъ человѣка, нежели его непрерывное и постоянное благополучіе; примѣръ гнуснаго порока столько же насъ отвращаетъ отъ зла, какъ и примѣръ рѣдкой добродѣтели, и я надѣюсь, что слезный конецъ жизни описываемаго въ сей книгѣ Мильфорта возбудитъ всякаго по путямъ заблужденій ходящаго и къ разсудку приве-

---

[1]) Д. Журн. 1830. № 29. Іюль. 2-е доп. къ Мат. д. ист. р. ж. авторовъ.

детъ. И такъ, принявъ сей трудъ для одного тебя, мой другъ, твоей ко мнѣ горячности его и посвящаю. Прими его, дражайшій супругъ, какъ новый знакъ любви, которую я къ тебѣ ощущаю, и скажи въ себѣ: хотя изданіе сіе и недостаточно, но посвященіе онаго для меня совершенно и всего драгоцѣннѣе. Такая мзда будетъ мною болѣе всего уважена и иной награды я не желаю. Съ симъ заключая навсегда образъ твой въ сердцѣ моемъ, умоляю Всевышняго, да содержитъ онъ тебя подъ покровомъ своимъ и да сохранитъ тебя невредимо для благополучія и счастливыхъ дней искренняго твоего друга

Варвары княгини Голицыной" [1]).

Посылая Хераскову переводъ княгини Голицыной, жившей въ то время въ Тамбовѣ, Державинъ, гордившійся, по словамъ современниковъ, успѣхами своихъ тамбовскихъ литераторовъ, писалъ: „У насъ и Талія, и Мельпомена, свои Ѳеокриты, свои Сафо, все, все... Прочтите нашъ новый романъ; да послужитъ онъ для многихъ изъ вашихъ указкою и по выбору, и по слогу. Въ столицахъ не всѣ такъ переводятъ" [2]). Въ числѣ женщинъ, упражнявшихся въ писательствѣ „подъ диктатурою", какъ тогда выражались, Державина, была Нилова, которая, по его совѣту, перевела философскій романъ „Графъ Вальмонтъ или Заблужденія разсудка" въ семи частяхъ. Но этотъ переводъ, какъ и вообще переводы въ то время, когда нашъ языкъ былъ еще не выработанъ, представлялъ особенныя затрудненія для русской переводчицы, которой, говоритъ Макаровъ [3]), надо было самой сотворить ученый романическій слогъ на русскомъ языкѣ. Нилова все преодолѣла, но „при довершеніи своего гигантскаго предпріятія", разсказываетъ Макаровъ, за отъѣздомъ изъ Тамбова Державина, она была бы поставлена въ большое затрудненіе, еслибъ ей не помогли совѣтомъ учитель Тамбовскаго народнаго училища Ромейковъ и П. Чичеринъ, директоръ училищъ. „Переводъ Ниловой", прибавляетъ Макаровъ, „доставилъ ей извѣстность не только въ Россіи и ученомъ мірѣ, но и въ другихъ земляхъ".

По поводу упомянутаго нами уже перевода княженъ Волконскихъ, Макаровъ говоритъ, что „профессоръ Озерецковскій и многіе другіе изъ нашихъ ученыхъ естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость выбору переводчицъ и хвалили переводъ, не затрудненный даже и при техническихъ выраженіяхъ

---

1) *М. Лонгиновъ.* Библіогр. Зап. IV. (Совр. 1856. Т. LVII.)

2) Д. Журн. 1830, мартъ, № 13

3) Тамъ же, апрѣль, § 21.

науки, столь много замѣчательной, въ особенности подъ перомъ женщинъ" [1]). Княгиня Дашкова передала этотъ переводъ Екатеринѣ, которая велѣла представить себѣ переводчицъ и въ маскарадѣ приласкала юныхъ княженъ передъ всей публикой [2]).

Позже, когда племянница Хераскова, Ал. Петр. Хвостова, написала „Образцовыя сочиненія двухъ романическихъ отрывковъ: „Каминъ" и „Ручеекъ", ея дядя и Карамзинъ „были приведены въ пріятное удивленіе симъ новымъ явленіемъ, и „Каминъ", прежде чѣмъ появился въ печати, читался въ рукописи во всѣхъ ученыхъ кабинетахъ, во всѣхъ будуарахъ. Напечатанный сначала въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени", а потомъ въ 1796 году особой книжкой въ 2.400 экземплярахъ, онъ весь разошелся въ одинъ годъ [3]), что́ для того времени было большою рѣдкостью.

Сумароковъ, какъ мы уже сказали, одобрялъ занятія женщинъ литературою и особенно поэзіею [4]). Онъ считалъ почетнымъ для женщины принадлежать хотя косвенно къ литературному міру. Поздравляя стихами Хераскову съ ея бракомъ, Сумароковъ ей говорилъ, что для женщины нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ быть женою ученаго, что вмѣстѣ съ славою мужа никогда не умретъ и ея память и въ самыхъ позднихъ вѣкахъ прочтутъ еще: „а супруга такого-то была такая-то" [5]).

Такимъ образомъ, почти всѣ крупные писатели Екатерининскаго времени относились сочувственно къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ и къ ихъ авторамъ. Это, конечно, не оставалось безъ вліянія на женщинъ; но такое вліяніе могло распространяться лишь на очень небольшой кружокъ, въ средѣ литературнаго и ученаго міра, и за 34 года царствованія Екатерины, число всѣхъ женщинъ-писательницъ не превысило 70 [6]).

Первое мѣсто между ними занимаютъ поэтессы, о которыхъ авторъ стиховъ къ Новиковскому „Опыту" упомянулъ, говоря, что въ Россіи Сафо есть, и Сафо не одна" [7]). Обо всѣхъ почти поэтессахъ, которыхъ зналъ Новиковъ, онъ отзывается съ похвалою за „чистоту слога, нѣжность и пріятность изображенія".

---

[1]) Д. Журн. 1830, мартъ, § 19.

[2]) Д. Журн. 1830, май, № 21.

[3]) Тамъ же, апрѣль.

[4]) См. также: Переписка Сумарокова съ разными лицами.—*Тихонравовъ*. Лѣтописи р. ц. и лит. Т. III, стр. 63.

[5]) *Макаровъ*. Д. Журн. 1830, февраль, № 7.

[6]) *Кн. Н. Н. Голицынъ*. Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. Ж. М. Нар. Просв. августъ, декабрь 1888 г., январь, апрѣль 1889 г.

[7]) *Ефремовъ*. Матеріалы, стр. 96.

Между ними въ его время славились двѣ: княжна Урусова и Хераскова. Когда появилась поэма кн. Урусовой „Поліонъ или Просвѣтившійся Нелюдимъ", то въ Москвѣ и въ Петербургѣ зашумѣли, говоритъ Макаровъ, „о такомъ необыкновенномъ трудѣ женщины, обратившемъ на себя особенное вниманіе современныхъ ей писателей и Екатерины; а Поповскій и Барсовъ, ученѣйшіе профессоры тогдашняго времени, не утерпѣли, какъ говоритъ преданіе, чтобы не отписать другъ другу" [1]). О Херасковой Новиковъ говоритъ какъ о „любительницѣ наукъ, одаренной острымъ и проницательнымъ разумомъ и великими способностями къ стихотворству". Она сочиняла, говоритъ онъ [2]), „героиды, елегіи, еклоги, анакреонтическія оды и многія другія стихотворенія и прозаическія сочиненія; вообще всѣ много похваляются учеными и знающими людьми... Слогъ ея чистъ, текущъ, пріятенъ и заключаетъ въ себѣ особливыя красоты". Г. Сумароковъ, прибавляетъ Новиковъ, „приписалъ ей притчу и оду, анакреонтическимъ сложеніемъ писанную, въ которыхъ съ обыкновенною пріятностью въ слогѣ дѣлаетъ онъ ей наставленіе и поощряетъ къ стихотворству, изъ чего заключить можно, какой похвалы достойна сія особа и что имя россійской де-ла-Сюзы [3]) ей приписываемое, забвенно не будетъ". О Херасковой упомянуто и въ стихахъ къ „Опыту историческаго словаря":

„Коль хочешь чувствовать любви златыя узы,
Старайся слышать слогъ россійской де-ла-Сюзы" [4]).

За поэтессами слѣдуютъ переводчицы со всевозможныхъ языковъ, даже съ армянскаго. Потомъ идутъ драматическія писательницы, оригинальныя и переводчицы. Нѣкоторыя изъ такихъ произведеній женщинъ игрались на театральной сценѣ и въ ихъ числѣ одно, носящее странное, особенно для автора-дѣвицы (впрочемъ, анонимнаго), заглавіе: „Трактиръ, комедія, или питейный домъ, веселое игрище, переводила на россійскій языкъ дѣвица NN, пребывающая въ одномъ изъ Украинскихъ городовъ, гдѣ и комедія сія на тамошнемъ ѳеатрѣ нѣсколько разъ представлена была" (С.-Пет. 1777 г. [5]).

Въ числѣ литературныхъ произведеній женщинъ есть и по отдѣлу „изящной словесности", также педагогическаго и даже на-

---

1) *Макаровъ*. Д. Ж. 1830, февраль, № 7.

2) *Ефремовъ*. Матеріалы, стр. 114.

3) Французская поэтесса и писательница XVII-го вѣка, графиня де-ла-Сюзъ.

4) „Опытъ", стр. 96.—*Ефремовъ*. Матеріалы.

5) Словарь р. писательницъ, 1441.

учнаго характера. О послѣднихъ мы можемъ судить только по ихъ заглавіямъ. Одно носило длинное названіе: „Историческая и хронологическая поколѣнная роспись всѣхъ въ Россіи владѣтельныхъ великихъ Князей, Царей, Императоровъ и Императрицъ, съ показаніемъ ихъ супругъ, потомковъ и свойствъ съ прочими Европейскими домами, служащая къ введенію въ Россійскую Исторію. Отчасти изъ Россійской Исторіи писателей выбрано, а отчасти изъ французскаго на Россійскій языкъ переведено Елизаветою Кушелевою подъ руководствомъ ея учителя Өедора Габлицеля" [1]). Другое, также по исторіи, принадлежало женщинѣ только отчасти, ибо, по словамъ Руссова [2]), Ал. Винтербергова „участвовала" въ сочиненіи Исторіи Бессарабской области. „Словари же", прибавляетъ Руссовъ, „при оной исторіи находящіеся, всѣ ея трудовъ, но они еще въ рукописяхъ".

Женщины писали и по предметамъ хозяйства. Если прибавить нѣкоторыхъ сотрудницъ журналовъ. и отнести ихъ къ публицистамъ, то окажется, что женщины упражнялись при Екатеринѣ во всѣхъ отрасляхъ литературы.

При этомъ невольно рождается вопросъ: почему же тогда, при Екатеринѣ, когда женщинамъ былъ открытъ свободный путь на поприщѣ литературы, когда сама Императрица своимъ примѣромъ поощряла ихъ на этомъ пути, когда образованіе среди мужчинъ было развито еще такъ слабо, что за исключеніемъ спеціальныхъ отраслей научнаго знанія, женское образованіе могло идти почти въ уровень съ нимъ, когда число русскихъ писателей съ именемъ было еще невелико, почему, говоримъ мы, изъ писательницъ Екатерининскаго времени ни одна не создала себѣ имени, которое перешло бы въ исторію нашей литературы? Почему, въ преобладавшемъ даже тогда литературномъ родѣ, поэзіи, ни Хераскова, „россійская де-ла-Сюзъ", ни княжна Урусова, которую Державинъ называлъ „славной стихотворницею", не сравнялись съ нимъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, но именно потому, что слишкомъ много было причинъ, мѣшавшихъ женщинамъ занять сразу видное мѣсто, рядомъ съ первоклассными писателями того даже времени. Укажемъ сначала на ближайшія.

При Екатеринѣ женское образованіе только возникало, женщины впервые получили возможность пользоваться имъ, и эта

---

[1]) Словарь р. писательницъ, стр. 1434.

[2]) *Руссовъ*. Библіографическій каталогъ россійскимъ писательницамъ. 1826. стр. 10.

возможность существовала для большинства ихъ болѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности.

Для образованія мужчинъ былъ Московскій университетъ, профессора котораго не только руководили занятіями студентовъ, но и старались привлечь ихъ къ наукѣ, заинтересовать умственными, нравственными и литературными вопросами. Кромѣ того, для мужчинъ существовали частные литературные кружки и Общества (Собраніе университетскихъ питомцевъ, основанное Шварцемъ въ 1781 г., Дружеское общество и др.), привлекавшіе даровитыхъ молодыхъ людей и поощрявшіе ихъ къ литературному труду. Эти общества и кружки представляли молодымъ людямъ случай не только расширить свои знанія, но и кругъ нравственныхъ идей, благодаря общенію съ людьми, стоявшими въ этомъ отношеніи выше ихъ. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ Россіи уже были для мужчинъ центры, гдѣ господствовало уваженіе къ наукѣ и высшимъ умственнымъ интересамъ. Обаяніе такой среды начинало оказывать свое вліяніе въ такіе годы, когда оно всего нужнѣе и плодотворнѣе, когда у человѣка складываются вкусы и привычки. Но оно не прекращалось и по выходѣ студентовъ изъ университета, ибо установившіяся связи съ просвѣщенными и проникнутыми высоко нравственными идеалами людьми, каковы были Новиковъ, Шварцъ, Барсовъ, Шаденъ, Херасковъ и др., основанныя на умственныхъ и духовныхъ интересахъ, только могли крѣпнуть и расширяться, когда юноши становились зрѣлыми людьми.

При этомъ могли оказывать благопріятное на развитіе мужскаго таланта дѣйствіе и внѣшнія побужденія. Хотя уваженіе къ наукѣ и литературѣ существовало тогда въ небольшомъ кружкѣ людей, но тѣмъ почетнѣе было принадлежать къ этимъ избраннымъ и доказать это на дѣлѣ. Подъ такими условіями таланту было легче и проявить себя. Къ тому же молодыхъ людей часто посылали, послѣ окончанія ими университетскаго курса, за границу, и вообще жизнь, открытая настежъ для мужчины, тогда еще раньше, чѣмъ это бываетъ теперь, пробуждала въ нихъ сознательное къ ней отношеніе и, не стѣсняемая безчисленными условными рамками, давала просторъ мысли, расширяла умственный кругозоръ. Всѣ эти условія существовали только для мужчинъ и существовали уже давно, постепенно, съ каждымъ столѣтіемъ нашей исторіи, все болѣе и болѣе расширяясь.

Къ числу важнѣйшихъ, благопріятно вліявшихъ на развитіе мужской мысли и талантовъ, условій, надо присоединить и то, что какъ ни медленно и скудно у насъ разливалось просвѣщеніе

до основанія Московскаго университета, однако способы упражнять свою мысль на болѣе или менѣе серьезныхъ предметахъ, какъ бы ни безплодны нѣкоторые изъ нихъ намъ теперь казались, всегда, съ самаго начала нашего просвѣщенія, т.-е. съ конца X вѣка, существовали для мужчинъ, которые, по собственному ли желанію, или по неволѣ, должны были ими пользоваться. Такимъ же центромъ умственныхъ интересовъ, какимъ въ XVIII вѣкѣ былъ для нихъ Московскій университетъ, въ XVI была Кіевская Духовная Академія. Благодаря этому, создавалась преемственность, дѣйствіе которой должно было къ концу XVIII вѣка отразиться на мужской мысли.

Преемственность противоположнаго свойства, слагавшаяся для русскихъ женщинъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, вѣками, должна была сказаться именно тогда, когда имъ, какъ это случилось при Екатеринѣ II, въ первый разъ представилась возможность проявить свою мысль и таланты. Даже еслибы тогда женщинамъ предоставлены были тѣ же способы къ образованію, какіе существовали для мужчинъ, еслибы имъ открыты были тѣ же пути къ развитію талантовъ и обмѣну мыслей, еслибы онѣ могли такъ же широко наблюдать жизнь, еслибы вѣками слагавшееся общественное мнѣніе не стѣсняло ихъ твердо установленными рамками, однимъ словомъ, еслибы женщины были поставлены совершенно и во всемъ въ равныя съ мужчинами условія, и тогда онѣ не были бы въ состояніи сразу стать въ уровень съ ними. Скорѣе удивительно, что, при окружавшихъ ихъ условіяхъ, женщины не утратили окончательно воспріимчивости къ умственнымъ и возвышеннымъ интересамъ, и при Екатеринѣ вездѣ, гдѣ мало-мальски благопріятствовала имъ въ этомъ отношеніи среда, принимали участіе въ такомъ движеніи.

Жены поэтовъ, Державина и Хераскова, вращаясь въ обществѣ друзей своихъ мужей, отличались, по словамъ всѣхъ, знавшихъ ихъ, „любовью ко всему прекрасному и отвращеніемъ отъ всего низкаго“ [1]). Онѣ развили свои вкусы къ поэзіи, выработали себѣ правильное сужденіе о ней. Державина (первая жена) сама издавала сочиненія своего мужа. Она, по словамъ Д. Б. Мертваго [2]), „не родилась обыкновенною женщиною: пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ великодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная любовь ея къ мужу и еще болѣе

[1]) Взглядъ на мою жизнь. Записки Д. Т. Сов. *Ив. Ив. Дмитріева.*

[2]) Записки *Дм. Бор. Мертваго.* 1760—1824, стр. 67.

къ его славѣ, возвышала душу Державина". Хераскова, по свидѣтельству знавшаго ее Ив. Ив. Дмитріева [1]), „была лучшимъ совѣтникомъ своего мужа по кабинетскимъ занятіямъ и душою вечернихъ бесѣдъ въ кругу ихъ друзей и знакомыхъ". Тимковскій разсказываетъ [2]), что въ 1782 году онъ познакомился въ домѣ профессора Шадена съ двумя молодыми женщинами, образованными, любознательными, читавшими серьезныя книги и разборчивыми въ выборѣ ихъ. Жена директора Московскаго университета, А. И. Приклонскаго, по словамъ князя Вяземскаго [3]), была женщина „съ отличнымъ умомъ, начитанностью, склонностью къ литературѣ, отмѣннымъ даромъ слова и прекраснымъ органомъ". Въ нашей біографической литературѣ можно найти свѣдѣнія еще о нѣсколькихъ отдѣльныхъ, образованныхъ и начитанныхъ женщинахъ, а кн. Ив. Мих. Долгорукой о нѣкоторыхъ изъ встрѣчавшихся ему въ жизни женщинахъ говоритъ, что онѣ обладали и познаніями.

Вообще формула: „обладала познаніями" —начинаетъ встрѣчаться сравнительно довольно часто въ сужденіяхъ современниковъ о женщинахъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины; она замѣнила въ концѣ XVIII-го вѣка ту, которая употреблялась при сужденіяхъ объ образованности женщинъ петровскаго времени: „была прекрасно воспитана". Назвать женщину „ученою" и тогда не было бы похвалою ей, да такихъ женщинъ при Екатеринѣ и не было; но, судя по приведеннымъ нами примѣрамъ, отношенія очень рѣдкихъ у насъ въ первые годы ея царствованія, истинно образованныхъ людей къ женскому образованію, можно думать, что, будь тогдашнее общество сколько нибудь благопріятно къ явленію женщинъ ученыхъ, такія женщины явились бы и, вѣроятно, встрѣтили бы содѣйствіе со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ людей науки.

О томъ, что такое направленіе въ средѣ профессоровъ существовало въ началѣ царствованія Екатерины, можно думать, кромѣ приведеннаго уже нами примѣра профессора Десницкаго, еще и потому, что извѣстный историкъ Шлецеръ, поступившій учителемъ къ дѣтямъ исторіографа Миллера и пробывшій въ Россіи семь лѣтъ, желая доказать способность женщинъ къ высшему образованію, добился (за границей), что его дочь выдержала экзаменъ на доктора математики" [4]). Шлецеръ, еще въ бытность свою

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 80.

[2]) Мое опредѣленіе въ службу.

[3]) *Кн. П. Вяземскій.* Фон-Визинъ. 1848, стр. 244.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики, стр. 203.

въ Россіи, написалъ въ 1769 году для женщинъ книгу „Tableau de l'histoire de Russie", которая потомъ два раза была переведена на русскій языкъ [1]).

Но у насъ требованія отъ женщинъ были иныя; не только не ученость, но даже и не истинная образованность цѣнились въ нихъ, за весьма небольшими исключеніями, большинствомъ принадлежавшихъ къ образованному кругу людей, искавшихъ общества женщинъ, которыхъ они сами считали образованными. Такое общество было имъ нужно какъ школа хорошаго тона, какъ арена для проявленія блестящихъ сторонъ своего ума, разговора, утонченнаго, свѣтскаго обращенія и, наконецъ, игры въ чувства, что также входило въ кругъ науки „жить въ свѣтѣ" и способствовало усовершенствованію свѣтскаго человѣка.

Все это они и находили въ женщинахъ не только столицы, но и самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Отзывчивыя въ особенности къ поэзіи, женщины, какъ разсказываютъ современники, и въ томъ числѣ Ив. Мих. Долгорукой, спѣшили даже изъ какой-нибудь деревенской глуши заявлять лично незнакомому имъ автору — свое сочувствіе его стихамъ; иногда женщины отвѣчали стихами же на привлекшее ихъ вниманіе поэтическое произведеніе и печатали свой отвѣтъ въ томъ же журналѣ, гдѣ было напечатано понравившееся имъ стихотвореніе, а иногда и прямо вступали съ авторомъ въ переписку.

Наши поэты, какъ бы они ни относились въ дѣйствительной жизни къ женщинамъ, воспѣвали, идеализировали и поклонялись имъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, а въ самомъ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, когда появилась „Бѣдная Лиза" Карамзина (въ 1792 г.), это поклоненіе перешло и у нашихъ писателей въ подобіе культа женщины, какъ олицетворенія всего чувствительнаго, нѣжнаго, вообще прекрасныхъ чувствъ.

Но внѣшнее сходство этого періода нашей жизни съ тѣмъ, что было въ средніе вѣка на западѣ, этимъ и ограничилось. Вліяніе женщинъ Екатерининскаго времени не могло въ концѣ прошлаго вѣка замѣтно отразиться на нашемъ языкѣ или литературѣ, какъ оно отразилось во Франціи, ибо еслибы даже русскія женщины были способны играть ту роль, какую играли француженки со временъ эпохи рыцарства, то нравы, также условія нашей жизни и образованности не доставили бы имъ нужной для этого среды. Въ высшихъ классахъ, при дворѣ и въ университетскомъ кругу,

---

[1]) *Митрополитъ Евгеній.* Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Москва. 1845.

у насъ были образованныя женщины, это несомнѣнно; но или онѣ не умѣли группировать вокругъ себя образованныхъ людей, а скорѣе сами примыкали къ нимъ, или такіе люди не искали такого женскаго общества, гдѣ бы на первомъ планѣ стояли какіе-нибудь умственные интересы.

Князь Вяземскій упоминаетъ [1]), впрочемъ, о домѣ г-жи Мятлевой, въ Петербургѣ, гдѣ по вечерамъ собирались литераторы: Херасковъ, Майковъ, Богдановичъ, Фон-Визинъ, гдѣ бывали и женщины; но это былъ единственный, кажется, тогда домъ, гдѣ „просвѣщенная хозяйка", а не „хозяинъ" группировала литературное общество. Въ другихъ столичныхъ свѣтскихъ домахъ собиралась свѣтская молодежь; но, за весьма небольшими исключеніями, эта молодежь прежде всего искала веселія; иногда, собравшись вмѣстѣ, молодые люди обоего пола читали стихи или сочиняли ихъ, но это дѣлалось скорѣе ради забавы, нежели для удовлетворенія умственной потребности.

Вообще надо сказать, что если, въ началѣ и въ первой половинѣ царствованія Императрицы Екатерины, общество и литература выказывали мало интереса къ образованію женщинъ, то, съ прекращеніемъ сатирическихъ журналовъ, они совсѣмъ, даже косвенно, перестали заниматься имъ. Сама Императрица подъ конецъ своего царствованія также не проявляла уже такого горячаго интереса къ основанному ею женскому учебному заведенію, какъ прежде. Пять лѣтъ спустя послѣ ея смерти, взгляды лучшей и наиболѣе просвѣщенной части общества на образованіе женщинъ, были вѣрно формулированы Карамзинымъ въ „похвальномъ словѣ Екатеринѣ" [2]).

Хваля Императрицу за то, что она основала Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Карамзинъ говоритъ: „Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала подъ собственнымъ Ея надзираніемъ Домъ для воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцомъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей, тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтаютъ въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ;

---

[1]) Фон-Визинъ, стр. 243.

[2]) Полное собраніе сочиненій Карамзина. Изданіе Смирдина. Т. I. Ч. 3, стр. 351.

но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестью свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей".

И такъ, послѣ 37-лѣтняго существованія женскаго учебнаго заведенія, учрежденнаго на началахъ, въ основу которыхъ было положено желаніе, путемъ просвѣщенія ума, облагороженія сердца и развитія тѣлесныхъ силъ, однимъ словомъ развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, воспитать изъ молодыхъ дѣвушекъ хорошихъ людей, которые оказались бы потомъ такими же хорошими исполнителями всѣхъ, выпавшихъ на ихъ долю, обязанностей въ жизни, наше тогдашнее общество устами одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и лучшихъ его представителей, только и оцѣнило въ женскомъ образованіи тѣ, что ему самому было по плечу. Оно до конца дней Екатерины не понимало главной цѣли вообще всѣхъ ея воспитательныхъ реформъ. Серьезныя стороны ея намѣреній при воспитаніи и образованіи женщинъ, не были имъ замѣчены и прошли для него безслѣдно.

Вѣрно опредѣливъ намѣреніе Екатерины при основаніи Воспитательнаго Общества, Карамзинъ просмотрѣлъ главное въ воспитаніи, какое должно было даваться въ Смольномъ. Онъ не упомянулъ о томъ, — какъ отразилось это воспитаніе на самихъ воспитанницахъ, возвратились ли онѣ въ общество менѣе грубыми, болѣе просвѣщенными или покрайней мѣрѣ цивилизованными, чѣмъ было оно само, и тѣмъ самымъ способствовали ли смягченію его нравовъ.

На основаніи даже немногихъ, приведенныхъ нами свидѣтельствъ современниковъ, лично знавшихъ монастырокъ времени Екатерины, на это можно отвѣтить утвердительно, не говоря о томъ, что при всѣхъ недостаткахъ собственно образованія въ Смольномъ, воспитанницы и по знаніямъ стояли выше большинства дѣвушекъ, получавшихъ образованіе дома или въ пансіонахъ.

Но высказанный Карамзинымъ взглядъ на Воспитательное Общество былъ еще слишкомъ высокъ сравнительно съ тѣмъ, какой установился впослѣдствіи въ нашемъ обществѣ при сужденіяхъ объ образованіи смолянокъ при Екатеринѣ. Сведя результаты ихъ образованія къ тому, что воспитанницамъ сообщали знанія и идеи, нужныя для того, чтобы онѣ могли быть прелестью свѣта и сокровищемъ супруга,—что дозволяетъ предполагать довольно разнообразныя знанія и идеи, ибо каждый супругъ по своему понимаетъ, что для него составляетъ сокровище—Карамзинъ, кромѣ того, призналъ въ образованіи, какое давали въ

Смольномъ, и подготовку воспитанницъ къ исполненію серьезной обязанности—давать первое наставленіе дѣтямъ. Впослѣдствіи и это, въ сужденіяхъ о Воспитательномъ Обществѣ Екатерининскаго времени, было отброшено; установилась, и теперь встрѣчается всякій разъ когда говорятъ о немъ, манера относиться къ тогдашнему воспитанію въ Смольномъ съ ироніей, точно будто воспитанницъ въ самомъ дѣлѣ только и учили танцовать балеты, играть комедіи, пріучали къ нарядамъ и къ милому наивничанію.

Невольно при этомъ приходятъ на мысль обращенныя къ Екатеринѣ слова Бецкаго, какъ бы предвидѣвшаго то, что случилось: „Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается вся потомству“ [1]).

Справедливость этихъ словъ начала оказываться еще при жизни Екатерины. Она могла сама убѣдиться какъ трудно передѣлать то, что слагалось вѣками. Вслѣдствіе такого убѣжденія, можетъ быть, она и охладѣла въ послѣдніе годы жизни къ своимъ воспитательнымъ реформамъ, не исключая и касавшихся женскаго образованія. Но и охладѣвъ къ нему, Екатерина не измѣнила своему первоначальному взгляду на него, и не усомнилась въ вѣрности началъ, положенныхъ въ его основу.

Уже во вторую половину своего царствованія, Екатерина назначила княгиню Дашкову Президентомъ Академіи Наукъ (1782), а два года спустя (1784)—Президентомъ вновь учрежденной Россійской Академіи. Сама Дашкова, въ числѣ доводовъ своего отказа принять эти высокія обязанности, ссылалась на то, что она женщина, что такое, небывалое еще въ исторіи явленіе женщины-директора высшаго ученаго учрежденія въ Имперіи, навлечетъ на Императрицу осужденіе со стороны ея подданныхъ; но Екатерина хотѣла чтобы на такомъ посту стоялъ человѣкъ высоко образованный; такого человѣка она видѣла въ Дашковой и ей было безразлично къ какому полу онъ принадлежалъ. Поэтому она настояла на своемъ выборѣ, не сомнѣваясь что Дашкова оправдаетъ его.

Усомниться въ вѣрности началъ, на которыхъ Екатерина основывала всѣ свои реформы, она не могла уже потому, что, предпринимая ихъ, руководствовалась принципомъ, формулированнымъ Карамзинымъ [2]) слѣдующими словами: „Екатерина уважала въ

---

[1]) Генеральное Учрежденіе.

[2]) Сочиненія. Изд. А. Смирдина. 1848. Похвальное слово Ек. II. Т. I, стр. 302.

подданном санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни". Этимъ же принципомъ она руководствовалась въ реформѣ и воспитанія юношества обоего пола, и лучшимъ доказательствомъ прочности и вѣрности началъ, положенныхъ Екатериною въ основу этой реформы служитъ то, что во всемъ, что въ нихъ есть существеннаго, вѣчнаго, не обусловленнаго временемъ когда они были провозглашены, эти начала и теперь составляютъ недосягаемый идеалъ и неосуществленную до сихъ поръ мечту всѣхъ желающихъ блага человѣчеству.

Что касается женскаго образованія, то отбросивъ изъ Устава о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ нѣкоторыя мелочныя подробности, кажущіяся намъ теперь лишними, но въ то время когда онѣ предписывались имѣвшія смыслъ, теперь для насъ непонятный, внимательно вникнувъ въ духъ Устава, мы несомнѣнно должны убѣдиться въ томъ, что при основаніи Воспитательнаго Общества Екатерина желала не только воспитать дѣвицъ, но и сдѣлать ихъ людьми просвѣщенными; а это необходимо предполагаетъ и воспитаніе, и образованіе.

X.

Заслуги Императрицы Екатерины по народному образованію женщинъ. — Указъ 7 ноября 1776 года о заведеніи народныхъ училищъ въ Россіи.—Почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были предназначены для дѣтей обоего пола. — Учащіяся дѣвочки въ Исакіевскомъ, первомъ народномъ училищѣ въ Россіи.—Число учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи. — Общественное мнѣніе относительно обученія дѣвочекъ, выразившееся въ наказахъ депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.—Наказъ Малороссійскому депутату Натальину.—Ученіе дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Донесеніе директора Курскихъ народныхъ училищъ объ училищѣ для женскаго пола и объ обученіи дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Предубѣжденіе родителей и общества противъ ученія въ народныхъ училищахъ вообще, и въ особенности для дѣвушекъ. — Допущеніе дѣвочекъ и въ Главныя народныя училища.—Курсъ Главныхъ народныхъ училищъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ Главныхъ народныхъ училищахъ разныхъ губерній.—Единственная, неудовлетворенная Екатериною сторона женскаго образованія.—Отстраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ училищахъ.—Предполагаемыя причины этого.—Итоги женскаго образованія за все время царствованія Императрицы Екатерины II.—Значеніе ея заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще.

Заслуги Императрицы Екатерины II въ дѣлѣ женскаго образованія не исчерпываются основаніемъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ. Въ началѣ своего царствованія она намѣревалась учредить по всей Имперіи воспитательныя училища для дѣтей обоего пола; но потомъ, убѣдившись вѣроятно въ трудности, почти невозможности, осуществить такое намѣреніе, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ и, можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія въ русскомъ обществѣ воспитательныхъ силъ, Екатерина рѣшилась ограничиться заведеніемъ „по всѣмъ городамъ и многолюднымъ селеніямъ“ простыхъ училищъ „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ“ [1]).

---

[1]) Полное Собр. Учрежденіе о губерніяхъ 7 ноября 1776 г., ст. 384.—Городскія Начальныя училища въ царствованіе Екатерины II, графа *Д. А. Толстаго.* 1886, стр. 2. (Приложеніе къ LIV тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ № 1.)

Если раньше, при изданіи указа Петра I 1724 года о заведеніи магистратами малыхъ училищъ и указа Елизаветы 1743 г. [1]), можно было относить слово „дѣти“ только къ мальчикамъ, то, при изданіи указа Екатерины 1776 года, толковать его въ такомъ смыслѣ было невозможно. Въ „Генеральномъ Учрежденіи“, на основаніяхъ котораго должны были открываться училища, прямо говорилось о дѣтяхъ „обоего пола“. Кромѣ того, учрежденіе самою Императрицею учебныхъ заведеній спеціально для женщинъ—было совершившимся фактомъ, игнорировать который было нельзя. Поэтому Сенатъ, еще въ 1764 году, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ Синода объ исполненіи Елизаветинскаго указа 1743 года, въ числѣ другихъ, только что учрежденныхъ тогда воспитательныхъ училищъ, по образцу которыхъ должны быть открываемы училища въ губерніяхъ, упомянулъ и о женскомъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [2]).

Годомъ позже, архангельскій гражданинъ Крестининъ, уполномоченный архангельскимъ губернскимъ магистратомъ наблюдать за исполненіемъ указа Елизаветы, представилъ магистрату о заведеніи въ Архангельскѣ малыхъ школъ „для дѣтей обоего пола“. Сенатъ, согласившись съ предложеніемъ Крестинина, рѣшилъ представить Императрицѣ докладъ объ учрежденіи такихъ малыхъ школъ, какія предлагалъ Крестининъ, сначала въ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ, публиковать объ этомъ съ пристойной похвалою архангельскому магистрату и Крестинину, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены [3]).

Неизвѣстно, были ли тогда же заведены малыя школы; точно также сохранилось очень мало извѣстій объ училищахъ, которыя должны были открывать Приказы Общественнаго Призрѣнія на основаніи указа Екатерины 7 ноября 1776 года, и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, были ли въ этихъ училищахъ дѣвочки. Но когда, въ 1781 году, Императрица основала въ Петербургѣ на счетъ собственнаго Кабинета Исакіевское училище, и по ея примѣру, въ томъ же году были открыты въ Петербургѣ еще шесть такихъ училищъ, то въ числѣ учащихся были и дѣвочки. Правда, онѣ составляли всего 12-ую часть общаго числа (486) учащихся [4]), и ихъ число постоянно уменьшалось. Къ 1786 году, когда эти училища были преобразованы Коммиссіею объ учрежденіи на-

[1]) П. Собр., ст. 8727.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XXVI, стр. 322.

[3]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XXVI, стр. 323.

[4]) *Вороновъ.* Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно. 1849, стр. 11.

родныхъ училищъ по выработанному ею, общему для всѣхъ, плану, учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи было всего 209 изъ 1491, т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ 7% общаго числа.

Впрочемъ, число учащихся дѣвочекъ постоянно колебалось, и судить о немъ на основаніи даже оффиціальныхъ источниковъ трудно, ибо хотя Коммиссія, въ наказѣ, данномъ директору народныхъ училищъ Козодавлеву, при порученіи ему въ 1788 году осмотра училищъ въ десяти губерніяхъ, гдѣ они тогда были, предписала, чтобы во всѣхъ нихъ велись списки и объ ученицахъ [1]), но въ большинствѣ отчетовъ изъ провинцій обыкновенно показывалось общее число учащихся, безъ обозначенія ихъ пола [2]).

По всей вѣроятности, однако, число учащихся дѣвочекъ всегда было значительно меньше числа мальчиковъ. Русское общество съ самаго начала не сочувствовало мѣрамъ Екатерины по народному образованію вообще, а къ образованію женщинъ, особенно въ публичныхъ школахъ, оно относилось просто съ недоумѣніемъ. Мы имѣемъ положительное тому доказательство въ документахъ Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія 1767 года [3]).

Коммиссія эта была созвана Императрицею Екатериною, какъ извѣстно, для того, чтобы все населеніе Россіи могло высказать ей свои нужды, руководствуясь при этомъ сочиненнымъ самою Екатериною Наказомъ. Въ числѣ статей Наказа особая глава [4]) была посвящена „воспитанію", о которомъ, слѣдовательно, также предстояло населенію высказаться, что оно и могло сдѣлать въ особыхъ наказахъ, данныхъ депутатамъ разными учрежденіями и сословіями.

Въ большинствѣ депутатскихъ наказовъ, этотъ пунктъ о воспитаніи совсѣмъ обойденъ молчаніемъ; въ немногихъ, гдѣ о немъ упомянуто, говорится о желательности заведенія школъ и училищъ, для воспитанія „дѣтей и юношества"; но почти во всѣхъ такихъ дворянскихъ наказахъ, это желаніе мотивируется труд-

[1]) *Сухомлиновъ.* Исторія Росс. Академіи, вып. 6, стр. 43. (Зап. Акад. Наукъ. Т. 31).

[2]) Архивъ Деп. Нар. Просв. Вѣдомости установленнымъ по Государству Главнымъ Нар. училищамъ, и разведеннымъ отъ оныхъ приказами Общественнаго Призрѣнія, малымъ народнымъ училищамъ, съ показаніемъ числа учителей и учащихся, также нѣкоторыхъ домашнихъ и другихъ училищъ. 1788.

[3]) Сб. р. ист. о. Томы: 4, 8, 14, 32, 36, 43.

[4]) Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійской, данный Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Изд. 1770 г. Гл. XIV, § 347.

ностью для дворянъ отдаленныхъ губерній возить въ столичныя учебныя заведенія „дѣтей“, которыя черезъ это могутъ оказаться впослѣдствіи неудовлетворяющими требованіямъ государственной службы и сами потерпѣть отъ того. Ясно, что подъ „дѣтьми“ и „юношествомъ“ уполномочивавшіе, давая наказъ своему депутату, подразумѣвали исключительно мальчиковъ и юношей, и это казалось имъ до того всѣмъ понятнымъ, что они и не считали нужнымъ пояснять свою мысль. Въ трехъ наказахъ [1]) отъ шляхетствъ Малороссійской губерніи—высказана мысль, что и „женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи“, и шляхетства просятъ Императрицу „устроить на казенный счетъ гдѣ покажется за благо особливый домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго“. А въ наказѣ, данномъ Малороссійскою коллегіею депутату Натальину [2]), признается нужнымъ „для воспитанія и ученія обоего пола благородныхъ и для такого же обоего пола сирыхъ обратить по одному монастырю мужскому и дѣвичьему“ и даже указано какіе именно монастыри были бы для этого пригоднѣе. Указаніе на монастыри, какъ на наиболѣе подходящее мѣсто для воспитанія и ученія, которыя Малороссійская коллегія, какъ и вся въ Россіи, связывала съ „призрѣніемъ“ и видѣла въ немъ дѣло „богоугодное и христіанолюбивое“ [3]), отвѣчало исконии сложившемуся у насъ взгляду, въ особенности по отношенію къ воспитанію и ученію дѣвушекъ.

О томъ, въ какихъ именно монастыряхъ, сколько и чему въ нихъ тогда учили дѣвушекъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; но уже въ 1790 году, стало быть черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ указа Екатерины о заведеніи Приказами Общественнаго Призрѣнія школъ, директоръ Курскихъ народныхъ училищъ, подполковникъ Арсеньевъ, въ рапортѣ „Главному Правительству народныхъ училищъ“, донося о томъ, что губернаторъ учредилъ въ Курскѣ училище для женскаго пола, говоритъ, что „успѣхи еще не велики, учениц мало, понеже въ дѣвичьемъ монастырѣ монахини обучаютъ оныхъ по часовнику“. „Однако“, прибавляетъ Арсеньевъ, „и сіе малое количество въ диковинку и когда попривыкнутъ къ сей новости,

---

[1]) Въ Сб. р. и. о., томахъ: IV, VIII, XIV и LXVIII напечатаны 142 депутатскихъ наказа.

[2]) Наставленіе выбранному отъ Малороссійской Коллегіи депутатомъ въ коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія господину коллежскому совѣтнику и члену той коллегіи Натальину. Сб. р. ист. общ. Т. XLIII, стр. 218.—Чт. Общ. Ист. и древн. 1858. Кн. III, стр. 51.

[3]) Наставленіе выбранному и пр. Сб. р. ист. общ. XLIII, стр. 230.

то уповать должно, что число умножится“ [1]). Въ этомъ же рапортѣ директоръ сообщалъ, что видя „упорство и неохотность родителей отдавать дѣвицъ въ народное училище, губернаторъ опредѣлилъ женщинъ для обученія женскаго пола въ открытомъ имъ особомъ для него училищѣ“.

Предубѣжденіе, со стороны родителей и общества, противъ народныхъ училищъ—существовало относительно дворянскихъ дѣтей вообще, обоего пола; но неохота родителей посылать въ такія школы дочерей—была еще сильнѣе; это считалось даже „непристойнымъ“, какъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ запискахъ Державинъ. Поэтому въ губерніяхъ, при открытіи малыхъ народныхъ училищъ, число дѣвочекъ было совсѣмъ ничтожно. Въ Олонецкой дирекціи на 181 мальчика было представлено въ 1787 г. всего 8 дѣвочекъ; въ 1789 г. 77 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ; въ 1790—90 м. и 5 дѣв.; въ 1791—81 м. и 7 дѣв.; въ 1792—63 м. и 6 дѣв.; въ 1793—155 м. и 9 дѣв.; въ 1794—142 м. и 1 дѣв. [2]). Въ Вятской губерніи, когда отъ обывателей требовались записки: кто пожелаетъ отдать въ училище своихъ дѣтей, не оказалось никого, кто бы захотѣлъ отдать туда дѣвочку, и училище открылось при составѣ однихъ только учениковъ [3]).

Но это было дѣло уже самихъ родителей и самого общества. Еслибы они относились иначе, то ничто не мѣшало бы имъ отдавать дѣвочекъ учиться не только въ малыя и среднія [4]), но и въ Главныя училища, въ курсъ которыхъ, кромѣ предметовъ, преподававшихся въ трехъ классахъ среднихъ школъ (грамота, пространный катехизисъ съ доказательствами, чтеніе и изъясненіе Евангелія, ариѳметика, 1-я и 2-я части, русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи, исторія и географія, чистописаніе), входили еще: математическая географія съ разъясненіями на глобусѣ, русская грамматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ общежитіи, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры, рисованіе, и два иностранныхъ языка: латинскій и одинъ изъ сосѣднихъ иностранныхъ [5]).

---

[1]) Архивъ Деп. М—ва Нар. Просвѣщенія.

[2]) Ж. М. Нар. Просв. 1865.

[3]) Столѣтіе Вятской губерніи. 1780—1880. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Изд. Вятск. Губ. Статист. Комитета. Вятка. 1880.

[4]) Эти школы были переходными и существовали недолго. *Вороновъ*. Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево или народныя училища въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. 1858, стр. 91.

[5]) *Вороновъ*. Ист.-стат. обозрѣніе, стр. 46.

И такія исключенія встрѣчались, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ отчетовъ по Главнымъ народнымъ училищамъ. Въ 1790 г. въ Петербургскомъ Главномъ народномъ училищѣ дѣвочекъ было 48 изъ 334 учащихся. Въ провинціальныхъ Главныхъ училищахъ, дѣвочекъ было: въ Пермскомъ 7 изъ 172 учащихся; въ Ревельскомъ 8 изъ 48; въ Рижскомъ 12 изъ 71, въ Полоцкомъ 27 изъ 119, въ Могилевскомъ 12 изъ 151, въ Черниговскомъ 11 изъ 160, въ Новгородъ-Сѣверскомъ 5 изъ 171, въ Кіевскомъ 64 изъ 224, въ Астраханскомъ 8 изъ 263, въ Харьковскомъ 11 изъ 127 [1]). Замѣчательно, что въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ всего труднѣе прививалось женское образованіе вообще, а особенно въ народныхъ школахъ. Во всей московской губерніи въ 1794 году не было ни одной учащейся дѣвочки въ народныхъ училищахъ, и даже въ частныхъ пансіонахъ и школахъ изъ 3061 учащихся, на всю губернію приходилось только 113 дѣвушекъ. Въ новгородской губерніи изъ 418 учащихся въ народныхъ училищахъ, дѣвочекъ было 18, а въ тверской, въ числѣ 319 учащихся въ 11 школахъ, не было ни одной дѣвочки. Въ этихъ двухъ губерніяхъ не было учащихся дѣвочекъ и въ частныхъ школахъ. Въ тверской губерніи женское образованіе совсѣмъ не существовало; оно отсутствовало и въ смоленской губерніи, гдѣ на 374 учащихся въ народныхъ училищахъ, не было ни одной дѣвочки. Въ тульской губерніи показаны учащимися—дѣвушки—только въ домашнихъ школахъ, у пономаря и дьячка [2]).

Впрочемъ, относительно Главныхъ народныхъ училищъ, учащіеся и мужскаго пола, особенно въ старшихъ классахъ, составляли очень малый процентъ даже общаго числа учащихся. Вообще, какъ показано въ рапортахъ директоровъ народныхъ училищъ, большинство учащихся въ нихъ дѣтей, составляли господскіе слуги, которыхъ помѣщики посылали въ школу для того, чтобы они научились читать и писать; дворянскихъ дѣтей мало поступало въ эти училища. Представляя Коммиссіи отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1788 году училищахъ въ 10-ти губерніяхъ [3]), Козодавлевъ нашелъ, что во всѣхъ Главныхъ народныхъ училищахъ учащихся въ 3-мъ и 4-мъ классахъ очень мало; онъ объяснилъ при этомъ, что сами ученики обыкновенно не желаютъ

[1]) Архивъ Деп. М-ва Нар. Просв. Реэстръ съ показаніемъ въ каждомъ намѣстничествѣ училищъ, учителей и учениковъ за 1790 годъ.

[2]) Архивъ Деп. Нар. Пр. Реэстръ съ показаніемъ въ каждомъ намѣстничествѣ училищъ, учителей и учениковъ за 1794 г.

[3]) Новгородской, тверской, московской, калужской, тульской, рязанской, владимірской, тамбовской, ярославской и вологодской.

продолжать ученія далѣе 2-го класса. „Сіе потому", писалъ Козадавлевъ, „что родители не видятъ цѣли ученія въ высшихъ классахъ даваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ нужны лишь предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки не нужны" [1]).

Если такъ было относительно мальчиковъ, которыхъ въ тамбовской губерніи, по распоряженію Державина, забирали въ Главное народное училище насильно, черезъ полицію [2]), то надо думать, хотя прямыхъ доказательствъ тому нѣтъ, что и дѣвочки не проходили всего курса главныхъ народныхъ училищъ, а лишь два низшихъ ихъ класса, т.-е. онѣ ограничивались курсомъ малыхъ училищъ. Но въ уставѣ Коммиссіи народныхъ училищъ никакихъ въ этомъ смыслѣ ограниченій нѣтъ, и такъ какъ окончаніе курса въ народномъ училищѣ не давало учащимся никакихъ привилегій и льготъ, которыми обыкновенно въ такихъ случаяхъ могли пользоваться только учащіеся мужскаго пола, то можно сказать, что въ принципѣ народное женское образованіе было поставлено при Екатеринѣ совершенно въ одинакія съ мужскимъ условія.

Въ одномъ только отношеніи, Екатериною не было сдѣлано того, что̀ могло бы принести, хотя впослѣдствіи, пользу, какъ самимъ женщинамъ, такъ и всему дѣлу народнаго образованія. При самомъ началѣ своихъ дѣйствій, Коммиссія народныхъ училищъ встрѣтила препятствіе, съ которымъ она, во все время своего существованія, и послѣ нея правительство, должны были постоянно бороться—именно, отсутствіе сколько-нибудь подготовленныхъ учителей, которыхъ не находилось сначала даже для малыхъ школъ.

На первыхъ порахъ, Коммиссія постановила приготовлять послѣднихъ, также для двухъ старшихъ классовъ Главныхъ училищъ, при С.-Петербургскомъ Главномъ народномъ училищѣ и, послѣ испытанія въ знаніяхъ, опредѣлять ихъ по мѣстамъ, сообразно способности ихъ къ обученію другихъ. Съ этою цѣлію, кромѣ вольнообучающихся, въ Главномъ Петербургскомъ народномъ училищѣ было положено содержать и обучать на казенный счетъ сто человѣкъ изъ самыхъ бѣдныхъ людей. Кромѣ преподаванія опредѣленныхъ въ старшихъ классахъ наукъ, ихъ предполагали упражнять главнымъ образомъ въ „способахъ ученія". Потомъ, въ 1787 году, была учреждена при Петербургскомъ

[1]) *Сухомлиновъ*. Ист. Р. Ак., в. 6, стр. 43.

[2]) Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія *Н. Н. Дубасовъ*. (Древняя и Новая Россія. 1878. № 12.)

Главномъ народномъ училищѣ Учительская Семинарія, приготовлявшая учителей для старшихъ классовъ Главныхъ училищъ. При первыхъ же шагахъ на этомъ пути, Коммиссіи пришлось испытать много затрудненій. Большая часть присланныхъ, по ея требованію, изъ разныхъ семинарій, а также изъ Московскаго университета, студентовъ, оказывались непригодными: одни по низкому уровню знаній, едва достигавшему тѣхъ, которыя требовались для продолженія курса начатаго въ малыхъ училищахъ; другіе — по нежеланію подчиниться директору Учительской Семинаріи, Янковичу; третьи—по вынесеннымъ ими изъ духовныхъ семинарій привычкамъ къ буйству и пьянству. Но и тѣ, которыхъ Янковичу удалось приготовить для занятій учительскихъ мѣстъ въ старшихъ даже классахъ Главныхъ народныхъ училищъ, зачастую оставались недолго въ учительской должности и подъ разными предлогами переходили на другія, менѣе тяжелыя и лучше оплачиваемыя. Всѣ мѣры, какія принимала Коммиссія чтобы помѣшать этому, не достигали цѣли [1]).

А между тѣмъ, курсъ двухъ старшихъ классовъ Главныхъ народныхъ училищъ, за исключеніемъ одного предмета, механики (латинскій языкъ полагался лишь для желающихъ поступить въ гимназію и университетъ), былъ тотъ же самый, какой Коммиссія установила въ Смольномъ монастырѣ какъ для благородныхъ, такъ и для мѣщанскихъ воспитанницъ. Тѣ же предметы, только болѣе подробно, преподавались и въ Учительской Семинаріи, задача которой состояла главнымъ образомъ въ обученіи воспитанниковъ новымъ методамъ преподаванія. Уровень знаній, съ какими они принимались въ Главное народное училище, былъ такъ низокъ, что по признанію самой Коммиссіи, за исключеніемъ закона Божія, латинскаго языка и россійской грамматики, въ которыхъ, представленные въ Петербургское Главное народное училище, семинаристы оказались „искусными довольно", въ прочихъ наукахъ, положенныхъ къ преподаванію въ училищахъ народныхъ, въ классахъ третьемъ и четвертомъ, „объ оныхъ они имѣютъ понятіе весьма малое, а нѣкоторые и вовсе никакого; потому кромѣ классовъ перваго и второго (т.-е. низшихъ), да и то только чтенію, письму и катехизису, ничему другому сами обучать не въ состояніи, ибо и въ ариѳметикѣ неимѣютъ многіе и самыхъ начальныхъ основаній" [2]).

---

[1]) Свѣдѣнія о городскихъ училищахъ при Императрицѣ Екатеринѣ взяты изъ сочиненій: графа *Д. А. Толстаго*: „Городскія училища и пр." и *Воронова*: „Историко-статист. обозрѣніе"; также его: Ѳ. Ив. Янковичъ-де-Миріево".

[2]) Городскія училища, стр. 38.

Если взять все это во вниманіе, и вспомнить, что для нашего народа явленіе женщины-учительницы было явленіемъ привычнымъ, а также что, при Екатеринѣ, женщины-учительницы не скрывались только въ монастыряхъ, какъ это было при Петрѣ, а были на виду у всѣхъ, и что имъ разрѣшалось открывать пансіоны и частныя школы, то, повидимому, были на лицо всѣ условія, чтобы привлечь женщинъ къ обученію хотя бы въ малыхъ школахъ. Мѣщанскія воспитанницы Смольнаго монастыря, казалось бы, представляли по выпускѣ готовый контингентъ такихъ учительницъ, которыя, по уровню знаній, могли бы оказаться не ниже первыхъ учителей изъ семинаристовъ, а ладить съ ними было бы легче, чѣмъ съ „буйными учениками" Учительской Семинаріи, невозможность справиться съ которыми, по предположенію гр. Д. А. Толстаго, была причиной увольненія Янковича въ 1785 году отъ должности директора этой Семинаріи. Да и внѣ мѣщанскаго училища, нашлись бы въ Россіи женщины, способныя понять и усвоить новый способъ преподаванія по методѣ Янковича, и обучать дѣтей элементарному курсу малыхъ училищъ. Можно думать, что въ этомъ Янковичъ не встрѣтилъ бы препятствія со стороны Екатерины, ибо уже послѣ удаленія Коммиссіей народныхъ училищъ изъ Смольнаго учительницъ-иностранокъ, туда была назначена одна русская, бывшая воспитанница мѣщанскаго училища, для обученія въ низшихъ классахъ обѣихъ половинъ Смольнаго.

По всему этому, устраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ школахъ слѣдуетъ объяснить прежде всего тѣмъ, что новая система народнаго образованія была взята Екатериною изъ Австріи, а тамъ учительскія семинаріи предназначались только для мужчинъ. Однако въ нашей системѣ было сдѣлано, единственное впрочемъ, отступленіе отъ австрійской; оно заключалось въ запрещеніи всякихъ тѣлесныхъ наказаній „какого бы рода они ни были" [1]) въ нашихъ училищахъ, между тѣмъ какъ, по австрійскому общему училищному уставу (1774 г.), такія наказанія допускались: для учениковъ малолѣтнихъ и средняго возраста розга, а для взрослыхъ—хлыстъ [2]). Но разъ было сдѣлано отступленіе, обусловленное конечно гуманными началами, положенными Екатериною въ основу воспитанія русскаго юношества, могли бы быть сдѣланы и другія. Поэтому надо думать, что была и другая при-

[1]) Руководство учителямъ 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи, изданное по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. 1783. (Гор. училища, стр. 56.)

[2]) Городскія училища, стр. 24.

чина по которой женщины не были допущены къ учительскимъ занятіямъ въ народныхъ школахъ. Можетъ быть этому мѣшало и то обстоятельство, что еслибы привлечь и женщинъ къ такимъ занятіямъ, то пришлось бы учредить двѣ, а не одну учительскую семинарію, а семинарія была закрытымъ учебнымъ заведеніемъ и въ ней не могли жить учащіеся обоего пола вмѣстѣ. Учрежденіе же двухъ семинарій потребовало бы удвоенныхъ расходовъ, а средства, отпускавшіяся при Екатеринѣ на народное образованіе, и безъ того оказывались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ.

Какъ бы то ни было, но для педагогическаго образованія женщинъ ничего не было сдѣлано при Екатеринѣ и это составляетъ единственную, неудовлетворенную ею сторону женскаго образованія.

Подводя ему итоги за все время царствованія Императрицы Екатерины II, получается слѣдующій результатъ: при вступленіи ея на престолъ, въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ, частныхъ пансіоновъ. Въ годъ ея смерти, кромѣ Воспитательнаго Общества для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, не считая своекоштныхъ воспитанницъ, которыхъ при Екатеринѣ было немного, были еще 1.121 учащихся дѣвочекъ, въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній [1]). За все же время существованія училищъ въ столицѣ (съ 1781 г.), и по губерніямъ (съ 1786 г.), всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ, показано за всѣ 16 лѣтъ, 12.595; число это болѣе чѣмъ въ 13 разъ меньше числа, показанныхъ за то же время учившимися, мальчиковъ (164.135).

Изъ 1.121 учащихся дѣвушекъ, въ годъ смерти Екатерины, 759 приходилось на одну петербургскую губернію [2]), стало быть во всѣхъ остальныхъ 36-ти, ихъ было всего 362. По отношенію къ суммѣ народонаселенія всей Имперіи, въ которой въ 1790 г. считалось 26 милліоновъ душъ [3]), причемъ, какъ говоритъ Вороновъ [4]), по ревизіямъ показывалось число жителей только мужскаго пола, учащіяся дѣвочки составляли такой ничтожный процентъ общей суммы народонаселенія, что его и опредѣлить трудно.

---

[1]) Архивъ Деп. Нар. Просв. Вѣдомость о числѣ учащихся въ 1799 г. (Съ 1782 по 1800 годъ).

[2]) *Вороновъ.* Ист.-стат. обозрѣніе, стр. 72.

[3]) Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи. Академика *К. И. Арсеньева*, стр. 27. Прим.

[4]) *Вороновъ.* Ист.-стат. обозр., стр. 72.

Какъ бы ни незначительны были эти итоги женскаго народнаго образованія при Екатеринѣ, важно уже то, что при ней, женщины всѣхъ сословій получили доступъ къ нему, и будь отношеніе родителей и общества иное, чѣмъ оно было въ прошломъ столѣтіи, для женщинъ были мѣста, гдѣ онѣ могли учиться. Кромѣ того, заслугой Императрицы Екатерины передъ русскимъ обществомъ, слѣдуетъ считать и то, что она съ самаго начала взглянула на дѣло общаго образованія русскаго народа вѣрно и широко, признавъ это образованіе, одинаково для лицъ обоего пола, дѣломъ государственнымъ.

Положивъ ему начало, она пригласила воспользоваться имъ всѣхъ, безъ различія пола и званія, понимая, что такимъ путемъ, образованіе можетъ, хотя бы впослѣдствіи, доставить благоденствіе всему народу, что всегда составляло конечную цѣль всѣхъ ея реформъ и начинаній.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1796—1828 гг.

I.

Указъ Императора Павла I Императрицѣ Маріи начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ. — Пожертвованіе Императрицы Обществу. — Пожертвованія великихъ княгинь и княженъ. — Первыя распоряженія Императрицы по Обществу. — Приведеніе въ порядокъ хозяйственной части. — Увеличеніе средствъ на его содержаніе. — Инструкція должностнымъ лицамъ. — Приготовленія къ первому при Императрицѣ пріему въ Общество. — Предложеніе Совѣта сократить число воспитанницъ. — Проектъ Императрицы о переустройствѣ всей организаціи Общества. — Увеличеніе числа вакансій на благородной половинѣ для дворянскихъ дѣтей и уменьшеніе числа мѣщанскихъ. — Указъ Императора Павла и ассигнованіе имъ суммы на содержаніе прежняго числа мѣщанскихъ воспитанницъ. — Измѣненіе системы Императрицы Екатерины II по женскому образованію. — Личныя свойства характера Императрицы Маріи. — Ея молодость, воспитаніе и образованіе. — Объясненіе характера реформъ, предпринятыхъ Императрицею Маріею въ женскомъ образованіи и воспитаніи. — Выдѣленіе женскаго образованія изъ общей системы воспитанія и образованія русскаго юношества въ отдѣльную часть. — Первый выпускъ изъ Общества при Императрицѣ Маріи. — Награды воспитанницамъ. — Смерть Делафонъ. — Новая начальница Пальменбахъ. — Члены Совѣта. — Составленныя Императрицею правила пріема въ Общество. — Измѣненіе первоначальной цѣли его учрежденія. — Стоимость содержанія воспитанницы на благородной и на мѣщанской половинахъ. — Пенсіонерки особъ царской фамиліи и частныя. — Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ. — Кассовая сумма. — Добавленіе отпускаемой изъ государственнаго казначейства суммы на содержаніе Общества. — Нарушеніе правилъ пріема предписанныхъ Императрицею Маріею. — Дочери купца на благородной половинѣ по повелѣнію Императора Павла. — Классныя дамы.

Императрица Екатерина II умерла въ 1796 году, 6-го ноября, а 12-го, т.-е. шесть дней спустя, послѣдовало собственноручное повелѣніе Императора Павла Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ „начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ“ [1]).

[1]) П. Собр., XXIV, 17543.

При жизни Екатерины, Марія Θеодоровна не принимала участія въ дѣлахъ Общества и, кажется, даже не посѣщала его. Но на другой же день послѣ указа, которымъ Общество ввѣрялось ей, Императрица Марія выразила ему свое сочувствіе, приславъ Совѣту, за собственноручною подписью, увѣдомленіе о томъ, что она „жалуетъ черезъ сіе Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15-ти тысячъ рублей ежегодно, а именно по пяти тысячъ каждую треть, для употребленія по предписаніямъ Ея Величества, да сверхъ того для раздачи воспитанницамъ сего Общества, которыя при выпускѣ изъ онаго будутъ имѣть нужду въ таковой помощи“ [1]). Вслѣдъ затѣмъ въ Совѣтъ поступили письменныя извѣщенія отъ великихъ княгинь: Елизаветы Алексѣевны и Анны Θеодоровны и великихъ княженъ: Александры, Елены, Маріи, Екатерины и Анны Павловенъ, что онѣ на такихъ же основаніяхъ, какъ Императрица, жалуютъ Обществу: первая по шести тысячъ рублей ежегодно, вторая по четыре, а другія по три тысячи каждая [2]). Эти суммы, также какъ и 15 тысячъ, пожертвованныя Императрицею Маріею, должны были состоять въ вѣдѣніи одного изъ членовъ Совѣта и послужили основаніемъ къ такъ называемому „кассетному“ капиталу Общества [3]).

Ознаменовавъ свое вступленіе въ управленіе Обществомъ щедрою благотворительностью по отношенію къ воспитанницамъ, Императрица Марія немедленно приступила къ личному, непосредственному ознакомленію съ дѣлами Общества и сразу проявила необычайную дѣятельность. Она не только сама вошла въ мельчайшія подробности хозяйства, но пригласила къ тому и великихъ княженъ, поручивъ каждой изъ нихъ завѣдываніе разными частями классовъ, о состояніи которыхъ онѣ должны были представлять ей „рапорты“. Въ первые мѣсяцы не проходило дня, чтобы Совѣтъ не получалъ отъ Императрицы повелѣнія, а иногда ихъ бывало и по нѣскольку въ день. Въ нихъ она входила во всѣ мелочи хозяйства; по ея распоряженію никто изъ служащихъ въ Обществѣ не могъ быть принятъ или уволенъ безъ ея вѣдома и позволенія; она приказала, чтобы съ поставщиками были за-

[1]) *Лядовъ.* Историческій очеркъ столѣтней жизни Имп. Восп. Общ. бл. дѣвицъ и С.-Петерб. Александровскаго училища. 1864, стр. 24.

[2]) Архивъ IV отд. Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи.

[3]) Этотъ капиталъ, увеличиваясь ежегодными взносами особъ императорской фамиліи и частныхъ лицъ, 32 года спустя послѣ его основанія, въ годъ смерти Императрицы Маріи (въ 1828 г.) составлялъ 1.289.315 р. асс. (50-лѣтіе IV отд. Собств. Его И. Вел. Канц. Хроника вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ. По порученію начальства составилъ Н. Селезневъ. С.-Петербургъ, MDCCCLXXVIII, стр. 8).

ключены контракты на болѣе выгодныхъ условіяхъ, „о которыхъ —сказано въ повелѣніи Императрицы отъ 28-го декабря—и съ другими въ присутствіи первыхъ изъясниться и если такія условія не будутъ приняты нынѣшними поставщиками, то объявить имъ, что по окончаніи срока, контрактъ съ ними не будетъ возобновленъ". Повелѣнія Императрицы касались такихъ даже мелочей, какъ открыванія форточекъ въ спальняхъ воспитанницъ, исправленія матрацовъ, замѣны веревочныхъ переплетовъ въ кроватяхъ досками, замѣны въ лазаретахъ каменныхъ половъ деревянными, отдѣленія больничнаго бѣлья и всѣхъ лазаретныхъ принадлежностей отъ бѣлья и принадлежностей здоровыхъ воспитанницъ и т. п. Императрица сама осмотрѣла тюфяки и бѣлье мѣщанскихъ воспитанницъ, велѣла его пополнить и предупредила, что сама позаботится о бѣльѣ для старшихъ воспитанницъ благородной половины [1]).

Бывшій при Екатеринѣ театръ Императрица Марія велѣла передѣлать въ спальни и увеличила число классныхъ комнатъ двумя новыми.

Послѣ смерти Екатерины обнаружились въ Обществѣ безпорядки, особенно по хозяйственной части. Сумма долговъ его простиралась до 72.611 рублей: обнаружилась и растрата лицомъ, бывшимъ въ одно время кассиромъ, экономомъ и секретаремъ Общества. Растраченную сумму Императрица покрыла изъ своихъ средствъ, но велѣла раздѣлить эти три должности такъ, чтобы каждую исполняло особое лицо, и всѣ трое представляли бы ежемѣсячные подробные отчеты правительницѣ, которая вносила ихъ въ Совѣтъ, а Совѣтъ долженъ былъ представлять ихъ самой Императрицѣ, „безъ точнаго повелѣнія которой—сказано въ протоколѣ Совѣта [2])—эконому не производить чрезвычайныхъ расходовъ". Денежныя суммы должны были храниться экономомъ, кассиромъ и секретаремъ, за печатью каждаго изъ нихъ, приходныя деньги вноситься въ кассу, а расходныя выписываться „въприсутствіи всѣхъ трехъ". Императрица сама назначила экономомъ Муравьева, которому „по особливой къ нему довѣренности Императрицы" казначей и секретарь Совѣта должны были—какъ сказано въ протоколѣ 2-го декабря 1796 г.—„оказывать приличное его чину и званію почтеніе, а въ дѣлахъ и повиновеніе". Всѣмъ остальнымъ, находящимся при Обществѣ чинамъ, Импе-

1) Протоколы Совѣта 22, 27 и 28 ноября, 2, 20 и 30 декабря 1796 (Арх. В. О. бл. д.).

2) 27 ноября 1796 г.

ратрица объявила, что „хотя она совершенно довольна ихъ усердіемъ, ревностью и исправностью, но, до полученія точныхъ свѣдѣній о хозяйствѣ и другихъ частяхъ, не можетъ одобрить состоянія помянутыхъ чиновъ, а сдѣлаетъ это черезъ годъ, когда увидитъ такое же съ ихъ стороны рвеніе къ должности".

Ознакомившись съ хозяйственною частью Общества, Императрица сообщила Совѣту, что „по ея мнѣнію" (въ такой формѣ она дѣлала всѣ свои указанія), „основанному на примѣченныхъ разныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, открывшихся въ Обществѣ, оно легко, по прекращеніи оныхъ, можетъ содержаться настоящими своими доходами, съ прибавкой къ нимъ 22-хъ тысячъ вмѣсто 44-хъ, о которыхъ поднесенъ былъ Совѣтомъ докладъ Императрицѣ Екатеринѣ"; если же черезъ годъ окажется, что 22-хъ тысячъ мало, то тогда, а не прежде, Императрица будетъ ходатайствовать у государя, „котораго—сказано въ сообщенномъ Совѣту мнѣніи Императрицы—достаточное къ сему Обществу благоволеніе доказано уже назначеніемъ Ея Величества Главною Общества Начальницею... Совѣтъ — говорится дальше — конечно удостовѣрится, что и во всей суммѣ не будетъ отказа, если о томъ учинится вторичное представленіе. Но Ея Императорское Величество уклоняется отъ онаго единственно по той причинѣ, чтобы не подать повода другимъ, таковымъ же учрежденіямъ, равное съ Обществомъ на благотвореніе Его Императорскаго Величества право имѣющимъ, представлять лишнія и для государства тягостныя прошенія" [1]).

Эти 22 тысячи рублей ежегодной прибавки на содержаніе Общества были даны Императоромъ Павломъ въ томъ же 1796 году [2]), и кромѣ того, по докладу же Императрицы Маріи отъ 19-го декабря 1796 г., Павелъ велѣлъ уплатить изъ государственнаго казначейства долги Общества въ суммѣ 73.215 р. 68½ к. [3]).

Приводя въ порядокъ хозяйственную часть, Императрица Марія въ то же время давала инструкціи Совѣту и по учебной и воспитательной. Одною изъ первыхъ ея заботъ былъ выборъ надзирательницъ, классныхъ дамъ и учителей. „Такъ какъ главный успѣхъ въ преподаваніи юношеству воспитанія — сказано въ инструкціи 1796 года—зависитъ отъ строгаго, порядочнаго и безпристрастнаго выбора особъ обоего пола", то Императрица предписала Совѣту дѣйствовать при этомъ съ особой осторожностью.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 27-го ноября 1796 г.

[2]) П. Собр. Т. XXIV, 17679.

[3]) *Лядовъ*. Историч. очеркъ, стр. 25.

Желающія поступить надзирательницами и классными дамами должны были, согласно инструкціи, лично представить начальницѣ „ясныя и ни малѣйшему сомнѣнію не подверженныя“ доказательства о своемъ званіи, поведеніи и способности къ исполненію этихъ обязанностей. Начальницѣ предписывалось разсматривать эти доказательства въ присутствіи нѣкоторыхъ дамъ при Обществѣ находящихся и пользующихся ея довѣріемъ; „купно“ съ ними начальница должна была собрать всѣ нужныя о кандидаткѣ свѣдѣнія и справки и если они окажутся въ ея пользу, то призвать кандидатку къ себѣ и въ присутствіи тѣхъ же дамъ „учинить ей разные, до воспитанія дѣвицъ и до пригодныхъ имъ знаній, относящіеся вопросы и пригласить ее являться къ себѣ чаще, дабы въ короткомъ обращеніи и въ разговорахъ съ начальницею и съ прочими дамами лучше узнать ея нравъ, образъ мыслей и способности“. По окончаніи такого испытанія начальница должна была представить Совѣту, подписанное ею и всѣми дамами, удостовѣреніе въ томъ, что онѣ признали кандидатку способною занять желаемое ею мѣсто. По полученіи такого удостовѣренія, Совѣтъ обязанъ былъ самъ собрать о кандидаткѣ справки и, „хотя бы онѣ оказались несогласными съ отзывомъ начальницы и классныхъ дамъ“, представить обо всемъ Императрицѣ.

Точно также предписывалось инспектору поступать при назначеніи учителей, приглашая къ участію въ выборѣ кандидатовъ нѣкоторыхъ изъ состоявшихъ уже на службѣ Обществу и пользовавшихся довѣріемъ инспектора учителей.

Въ слѣдующемъ, 1797, году предстоялъ выпускъ воспитанницъ, поступившихъ въ 1785 году и пріемъ новыхъ. Заявленій отъ желающихъ отдать дѣтей въ Смольный было уже въ 1796 г. такъ много, что Императрица заранѣе поручила члену Совѣта, Завадовскому, „придумать какъ поступить при наборѣ въ разсужденіи настоящихъ тѣсныхъ Дома обстоятельствъ и большого числа сверхкомплектныхъ воспитанницъ“. По этому поводу Совѣтъ представилъ Императрицѣ подробный докладъ [1]), въ которомъ излагалъ, что число всѣхъ воспитанницъ доходитъ до 503; изъ нихъ на благородной половинѣ 318 и дворянскихъ же на мѣщанской — 50; мѣщанокъ — 135. Въ этомъ числѣ показано пенсіонерокъ 39 на благородной и 6 на мѣщанской половинѣ. Совѣтъ предлагалъ принять въ 1797 году только однѣхъ благородныхъ воспитан-

---

[1]) О причинахъ, приведшихъ хозяйство Общества въ тяжелое положеніе (Арх. IV отд. С. Е. В. Канц.—Учрежденія Восп. О. 1797—1820. XII). Протоколъ Сов. 20-го декабря 1796 (Арх. В. О. бл. дѣв.).

ницъ, и то не 50, а 45, ибо пять уже приняты по повелѣнію Екатерины и по просьбамъ разныхъ лицъ. Кромѣ того Совѣтъ полагалъ принимать на будущее время не по пяти пенсіонерокъ Штакельбергъ, а по три, такъ какъ процентовъ съ ея капитала недостаточно на содержаніе прежняго числа. „Тогда,—говорилъ Совѣтъ, — вмѣстѣ съ вновопринятыми, во всемъ Обществѣ будетъ 425 комплектныхъ воспитанницъ, ибо 72 изъ 503 будутъ выпущены въ мартѣ 1797 года“.

Такимъ образомъ вмѣсто 440, опредѣленныхъ Уставомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Учрежденіемъ особливаго училища, да 20 пенсіонерокъ Штакельбергъ, Совѣтъ предполагалъ сократить при будущемъ пріемѣ число комплектныхъ воспитанницъ до 425, а пенсіонерокъ Штакельбергъ—до 12. Изъ первыхъ, по его предположенію, было бы 290 дворянскихъ и 135 мѣщанскихъ воспитанницъ. „Да изъ нихъ—писалъ Совѣтъ о мѣщанскихъ—въ третьемъ возрастѣ есть такія, которыхъ по лѣтамъ прилично бы выпустить въ будущемъ году“. Тогда, вмѣстѣ съ пенсіонерками, за которыхъ платили изъ Кабинета и изъ кассетной суммы по 300 р. въ годъ за каждую, во всемъ Обществѣ, послѣ пріема въ 1797 году, было бы, по разсчету Совѣта, 466 воспитанницъ, „т.-е. 6 лишнихъ“.

Отлагая преобразованіе воспитательной части Общества и быта воспитанницъ до предстоявшаго въ 1797 году новаго пріема, Императрица еще до наступленія его сдѣлала распоряженіе, въ которомъ намѣтила нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ будущихъ своихъ преобразованій. „По участію пріемлемомъ мною—писала она Совѣту 30-го декабря 1796 года—въ жребіи всѣхъ воспитанницъ безъ изъятія, Обществу благородныхъ дѣвицъ принадлежащихъ, желаю, чтобы отъ Совѣта подносимы были мнѣ списки сиротамъ, съ показаніемъ ихъ имѣнія и у кого оно подъ опекою“. Она велѣла тогда же Совѣту сообщить списки вновь принятыхъ благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, съ показаніемъ имени, отчества, чина, званія, мѣста пребыванія ихъ родителей, инспектриссамъ и классныиъ дамамъ, „дабы въ разговорахъ съ воспитанницами онѣ могли преподать имъ нужныя свѣдѣнія объ ихъ семействахъ и нечувствительнымъ образомъ приготовить къ ожидающему ихъ послѣ выпуска жребію“ [1]). Такъ поступать должны были инспектриссы и классныя дамы по отношенію и къ находившимся уже въ Обществѣ воспитанницамъ.

Результатомъ двухмѣсячнаго ознакомленія Императрицы Маріи

[1]) Протоколъ 30-го декабря 1796 г.

со всѣми частями Общества былъ присланный ею 4-го января 1797 года на разсмотрѣніе Совѣта, составленный ею самою, проектъ переустройства всей организаціи Общества. Посылая Совѣту свой проектъ при письмѣ, написанномъ по-французски [1]), Императрица высказывала въ послѣднемъ свой взглядъ на воспитаніе, какое должно даваться въ Обществѣ, на цѣль, которой оно должно служить, на способы осуществленія этой цѣли.

„Движимая горячимъ желаніемъ отвѣчать благодѣтельнымъ намѣреніямъ Императора,—пишетъ она Совѣту,—я развила въ настоящемъ письмѣ мои мысли, которыя отдаю на ваше сужденіе и приму съ благодарностью всякое данное вами указаніе; ибо предлагаю вамъ эти измѣненія не изъ пустого самолюбія, но единственно изъ желанія добра и ради исправленія злоупотребленій, по различнымъ обстоятельствамъ вкравшихся въ Домъ, а равно изъ желанія усугубить пользу, которая можетъ быть извлечена изъ этого прекраснаго учрежденія. Я держусь своихъ мыслей и дорожу ими лишь постольку, поскольку надѣюсь путемъ ихъ достигнуть такой цѣли; но всякое указаніе, всякое размышленіе съ вашей стороны, которое могло бы вести къ еще бо̀льшему благу, будетъ принято съ истиннымъ чувствомъ признательности.

„Прежде всего я предлагаю измѣнить пріемный возрастъ дѣтей, какъ благородныхъ, такъ и мѣщанскихъ. Мы принимаемъ ихъ пяти лѣтъ; въ этомъ нѣжномъ возрастѣ главнымъ образомъ нуженъ физическій уходъ, а въ большомъ заведеніи нельзя доставить каждому ребенку такой уходъ, какой у него былъ бы въ родительскомъ домѣ, даже изъ самыхъ бѣдныхъ: ибо мать, старшая сестра, прислуга, присматривали бы за нимъ однимъ, а живя у насъ, въ Обществѣ, на долю каждаго изъ дѣтей приходится лишь его часть изъ общихъ заботъ и ухода. Переходы по корридорамъ въ различное время дня даже опасны зимою для маленькихъ дѣтей. Это я вижу на опытѣ, ибо въ послѣдніе дни почти цѣлый классъ заболѣлъ и четверо или пятеро были даже въ лазаретѣ. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что пятилѣтній ребенокъ не можетъ извлечь никакой пользы отъ ученія; опасно, скажу даже, жестоко требовать хоть какого-нибудь прилежанія отъ этихъ малютокъ въ столь нѣжномъ возрастѣ, когда ихъ физическій организмъ долженъ слагаться и когда, муча ребенка ученіемъ, нельзя достигнуть въ мѣсяцъ того, что съ нимъ же, когда ему будетъ восемь лѣтъ, можно сдѣлать въ одинъ день.

---

[1]) Учрежденія В. Общ. 1797—1820. XII (Арх. IV отд.).—*Лядовъ*. Истор. очеркъ. Приложеніе.

Но еще болѣе важная причина побуждаетъ меня къ такимъ перемѣнамъ; вотъ она: принимая дѣтей пяти лѣтъ и отдаляя ихъ отъ родителей, они не сохраняютъ никакого воспоминанія о тѣхъ, кому обязаны жизнью. Уваженіе, дочерняя любовь—эти чувства имъ неизвѣстны и впослѣдствіи они становятся чувствами привитыми. Поэтому возвращеніе въ родительскій домъ, вмѣсто того, чтобы быть желаннымъ и счастливымъ, для такого ребенка страшно, ибо онъ не могъ сохранить никакого воспоминанія о счастіи и наслажденіяхъ, даваемыхъ родительскими ласками; если же, напротивъ, мы будемъ брать ребенка восьми или девяти лѣтъ, то воспоминаніе о родительскомъ домѣ никогда уже не изгладится изъ его памяти и онъ будетъ сердечно желать возвращенія къ родителямъ. Беря ребенка восьми и девяти лѣтъ и проводя его черезъ три класса, стало быть посвящая ему девять лѣтъ заботъ, его воспитаніе, казалось бы, должно вполнѣ закончиться. Что касается мѣщанокъ, я предлагаю оставлять ихъ въ Домѣ всего шесть лѣтъ, принимать 11-ти, проводить черезъ два всего класса и выпускать ихъ 17-ти лѣтъ. Мнѣ кажется, что этого времени достаточно для воспитанія мѣщанокъ; въ немъ слѣдуетъ ограничиться сообщеніемъ имъ основательнаго знанія нашего языка, хорошо на немъ выражаться, правильно писать, дать имъ совершенное познаніе религіи, обучить ихъ ариѳметикѣ, чтобы онѣ могли вести приходо-расходныя книги по своему хозяйству, выучить ихъ всѣмъ возможнымъ рукодѣліямъ и дать имъ свѣдѣнія по хозяйству; таково, мнѣ кажется, должно быть воспитаніе мѣщанокъ вообще. Но еслибы нѣкоторыя изъ нихъ обнаружили такое расположеніе, которое давало бы надежду на то, что онѣ способны принести Дому больше пользы пріобрѣтеніемъ познаній, съ которыми могли бы поступить потомъ въ классныя дамы, то этимъ немногимъ избраннымъ мѣщанкамъ я предложу позволить присутствовать въ классахъ благородныхъ дѣвицъ для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ познаній, и этихъ можно бы оставлять въ Домѣ даже послѣ выпуска, чтобы онѣ имѣли возможность еще болѣе приготовиться къ предназначаемому мною имъ положенію. Я оставляю всего два класса для мѣщанокъ, считая это достаточнымъ для предполагаемой цѣли, и перехожу къ классамъ благородныхъ дѣвицъ. Полагая принимать ихъ девяти лѣтъ, я совершенно уничтожаю кофейный классъ, состоявшій всего изъ пяти—восьми-лѣтнихъ дѣтей: такимъ образомъ я пріобрѣтаю одинъ классъ на благородной и два на мѣщанской. Я говорю въ прилагаемой къ моему письму запискѣ, какое я думаю сдѣлать употребленіе изъ этихъ трехъ классовъ; поэтому

здѣсь я только разовью причины, по которымъ считаю столь важнымъ отдѣлить благородныхъ дѣвицъ отъ мѣщанскихъ, и затѣмъ коснусь подробностей той разницы, какую такое измѣненіе должно произвести въ расходахъ и въ помѣщеніи.

„Признаюсь, что вижу большія неудобства въ смѣшеніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими, ибо несомнѣнно, что обязанности и назначеніе послѣднихъ во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ обязанностей и назначенія благородныхъ дѣвицъ; поэтому смѣшивать ихъ въ воспитаніи значитъ вредить обѣимъ; ихъ отношенія совершенно различны и пріобрѣтеніе талантовъ и пріятныхъ для общества искусствъ, которое существенно въ воспитаніи благородной дѣвицы, становится не только вреднымъ, но пагубнымъ для мѣщанки, ибо это ставитъ ее внѣ своего круга и заставляетъ искать опаснаго для ея добродѣтели общества. Если же, напротивъ, воспитаніе благородныхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ мѣщанскими приноровить къ ограниченному плану, необходимому для послѣднихъ, то потеря для первыхъ становится очевидною.

„Стало быть, непремѣнно надо ихъ раздѣлить. Дворянство и мѣщанство оба имѣютъ одинаковое священное право на благодѣянія Монарха, на заботы, которыя мы къ нимъ прилагаемъ, но каждое въ своей сферѣ. Предлагаемымъ мною планомъ, не увеличивая количества дѣтей, опредѣленнаго узаконеніями Дома, я однако удвояю пользу института, принимая и выпуская сто благородныхъ дѣвицъ, и остаюсь въ предѣлахъ узаконеній Дома, оставляя пріемы и выпуски для 50 мѣщанокъ.

„Я опредѣляю число благородныхъ дѣвицъ въ 300 (теперь ихъ 300, включая сюда 50, воспитывающихся съ мѣщанками), а мѣщанокъ въ 100. Слѣдовательно, всѣхъ дѣтей будетъ только 400. Узаконенія дозволяютъ намъ 440, но я оставляю 40 мѣстъ открытыми для пенсіонерокъ, которыя даже полезны Дому. Разница въ расходѣ будетъ состоять лишь въ содержаніи 50-ти благородныхъ дѣвицъ, воспитывающихся съ мѣщанками; теперь онѣ будутъ содержаться какъ и другія благородныя дѣвицы; также въ увеличеніи числа классныхъ дамъ, что, очевидно, необходимо. На первый взглядъ Муравьевъ полагаетъ нужнымъ увеличеніе расходовъ на 8—10 тысячъ рублей. Хорошее состояніе Дома, всѣ долги котораго будутъ уплачены, запасы бѣлья, одежды и пр. (на что будутъ употреблены деньги, данныя на уплату украденныхъ Боголюбовымъ) будутъ сдѣланы въ самомъ непродолжительномъ времени; доходы, благодаря милости Государя, увеличились на 22.000 рублей, экономія, которая будетъ введена въ совершенствѣ, все это позволяетъ предполагать, что опредѣленные для

Дома доходы могутъ быть достаточными для покрытія этихъ чрезвычайныхъ расходовъ; но въ противномъ случаѣ, особая касса, которую наши дѣти и я основали, доплатитъ излишекъ расходовъ. Хотя я вполнѣ признаю, что дворянство имѣетъ первое право на благодѣянія Государя и что увеличить число благородныхъ воспитанницъ значитъ существенно споспѣшествовать благу государства, сознаюсь, однако, что я упрекала бы себя въ ограниченіи числа мѣщанскихъ, еслибы не имѣла намѣренія основать сиротскій институтъ, хотя, впрочемъ, несомнѣнно также, что возвращая родителямъ каждые три года по 50 мѣщанскихъ воспитанницъ, государство ничего не теряетъ отъ моихъ распоряженій".

Письмо Императрицы Совѣту оканчивалось слѣдующими словами: „Если вы одобрите мой планъ, то я представлю его на одобреніе и рѣшеніе Государя, и послѣ того мы поступимъ согласно его священной волѣ. Мои желанія будутъ исполнены, если мнѣ удастся при всякомъ случаѣ доказывать чувства послушанія Его Величеству Государю и матерней привязанности, которую я питаю къ его подданнымъ, и сколько я постоянно буду счастлива, если мнѣ удастся содѣйствовать благу государства, которому я обязана своимъ счастіемъ!"

Въ своемъ докладѣ государю, Императрица Марія мотивировала необходимость принимать дѣтей въ болѣе позднемъ возрастѣ, нежели тотъ, въ которомъ ихъ до того принимали, тѣмъ, что „нравственное воспитаніе не будетъ подвергаться всѣмъ опасностямъ и неудобствамъ, происходящимъ отъ пріема ихъ въ Общество въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Нравственность въ нихъ утвердится, ибо, оставляя позже родительскій домъ, привязанность къ оному успѣетъ вкорениться навсегда въ нѣжныя сердца ихъ". Необходимость увеличить число благородныхъ воспитанницъ Императрица доказывала тѣмъ, что пріемъ каждые три года лишь по 50-ти благородныхъ дѣвицъ не соотвѣтствуетъ многочисленности россійскаго дворянства; что умножившіяся просьбы со стороны дворянъ о пріемѣ ихъ дѣтей въ Общество и были причиною того, что Совѣтъ въ послѣдніе годы принялъ много сверхкомплектныхъ и, кромѣ того, помѣстилъ 50 благородныхъ дѣвицъ на мѣщанскую половину. „Справедливость требуетъ,—писала Императрица въ докладѣ Павлу [1]), — чтобы число мѣщанокъ, которыхъ по Уставу положено болѣе, нежели благородныхъ, было ограничено, ибо Общество учреждено преимущественно для дворянокъ... Убѣ-

[1]) Докладъ Императрицы Маріи Ѳедоровны. 1797 (Учрежденія В. Общ. б. дѣв. 1797—1820, XII).

жденіе въ сей истинѣ и денежныя затрудненія побудили Совѣтъ предложить мнѣ, чтобы при первомъ наборѣ совсѣмъ не принимались мѣщанки. Но такъ какъ Вы недавно заплатили долги Дома и прибавили сумму на его ежегодные расходы, и прискорбно сердцу моему было бы лишить даже и на сей разъ мѣщанокъ выгоды, то, надѣясь, что хозяйство впредь будетъ ведено лучше и, стало быть, можно будетъ содержать еще нѣсколько мѣщанокъ, я рѣшилась предложить, чтобы теперь принять ихъ двадцать, а не пятьдесятъ".

Предложенныя Императрицею измѣненія въ Обществѣ заключались въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) принимать благородныхъ дѣвицъ 8-ми и 9-ти лѣтъ, мѣщанскихъ — 11-ти и 12-ти; первыхъ оставлять въ Обществѣ 9, вторыхъ — 6 лѣтъ; 2) при предстоящемъ пріемѣ принять благородныхъ дѣвицъ 50, мѣщанскихъ 20; 3) благородныхъ дѣвицъ раздѣлить на три, мѣщанскихъ на два возраста, а каждый возрастъ на два отдѣленія; 4) черезъ три года „и такъ впредь" принимать по 100 благородныхъ и по 50 мѣщанскихъ воспитанницъ. „Тогда черезъ 9 лѣтъ — писала Императрица — сверхкомплектныя дѣвицы выйдутъ и въ каждомъ возрастѣ будетъ по 100 благородныхъ, а всего въ трехъ возрастахъ ихъ будетъ 300; въ каждомъ возрастѣ мѣщанскихъ дѣвицъ будетъ по 50, а въ обоихъ возрастахъ ихъ будетъ 100. Всего же въ Обществѣ будетъ 400 воспитанницъ; остающіяся 40 мѣстъ будутъ предоставлены для пенсіонерокъ благородныхъ и мѣщанскихъ.

Такимъ образомъ, по новому плану Императрицы Маріи, дворянству предоставлялось—вмѣсто прежнихъ 50-ти вакансій при каждомъ пріемѣ—100; кромѣ того, „число ихъ—говорилось въ докладѣ Императрицы — чрезъ то еще умножится, что выпуски будутъ каждыя 9 лѣтъ, а не 12... Для мѣщанокъ — прибавляла она—я намѣрена завести особливое учрежденіе и съ этой стороны мѣщанство обезпечится".

Павелъ утвердилъ докладъ Императрицы 11 января 1797 г.; но онъ не согласился на такое уменьшеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ, какое предлагалось въ докладѣ, и выразилъ волю, чтобы ихъ было не 100, а 200. На содержаніе прибавленныхъ имъ 100 мѣщанокъ Императоръ велѣлъ ежегодно выдавать изъ государственнаго казначейства сумму, которую Совѣтъ опредѣлилъ въ 16.769 р. 80 к.

Сообщая объ этомъ Совѣту [1]), Императрица писала, что

[1]) Протоколъ 15 января 1797.

„такъ какъ теперь мѣщанокъ 121 [1]), то она предложила государю только въ нынѣшній пріемъ принять 50, а потомъ каждые три года принимать ихъ по 100".

Измѣненія въ устройствѣ Общества, введенныя новымъ планомъ Императрицы Маріи, касались не однѣхъ внѣшнихъ его сторонъ; они въ существѣ измѣняли систему, которою Екатерина руководствовалась при учрежденіи воспитанія всего русскаго юношества. Задача Екатерины заключалась въ томъ, чтобы перевоспитать весь народъ на началахъ, ею самою начертанныхъ. Эту задачу она возложила на государство, понимая, что какъ бы ни была сильна верховная власть, она не можетъ предписать родителямъ воспитывать своихъ дѣтей именно такъ, а не иначе, и, тѣмъ менѣе, услѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ предписаній въ семьяхъ. Руководствуясь такою общею, государственною идеею, было цѣлесообразно, чтобы воспитаніе дѣтей начиналось съ возможно ранняго возраста. Тридцатидвухлѣтній опытъ обнаружилъ невыполнимость такого воспитанія въ большомъ учебномъ заведеніи, и очень можетъ быть, что еслибы Екатерина прожила дольше, то она сама нашла бы нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ выполненія своей системы. Хотя русское общество въ 34 года царствованія Екатерины сдѣлало значительные успѣхи въ просвѣщеніи, но сознаніе въ необходимости и пользѣ послѣдняго проникло далеко не во всѣ слои общества, которое, говоря вообще, еще нуждалось въ руководительствѣ и поощреніи къ образованію.

Сдѣлавшись Императрицею, Марія Ѳедоровна не призвана была управлять государствомъ; ей не было и поводовъ проводить въ своихъ начинаніяхъ государственныя цѣли. Но и по своимъ личнымъ качествамъ и наклонностямъ, по складу своего ума, она не была способна къ общимъ, широкимъ полетамъ мысли. Въ этомъ она представляла совершенную противоположность Екатеринѣ. За то она обладала качествами, отсутствовавшими у послѣдней, отсутствіе, впрочемъ, которыхъ у самодержавной императрицы, какою была Екатерина, не составляло недостатка, а скорѣе было достоинствомъ. Отличительными чертами Императрицы Маріи были: добросовѣстное вниканіе въ мельчайшія подробности даннаго дѣла, аккуратность, любовь и способность къ водворенію во всемъ порядка и экономіи, привычка къ личному, неустанному труду. Не задаваясь широкими планами, она, въ предѣлахъ пря-

[1]) Какимъ образомъ случилось, что число мѣщанскихъ воспитанницъ ко дню доклада, когда еще не было выпуска, уменьшилось съ 135, показанныхъ Совѣтомъ въ декабрѣ 1796 г., до 121, изъ протоколовъ его не видно.

мой, ближайшей цѣли того дѣла, которое брала на себя, была въ высшей степени способна обезпечить ему успѣхъ.

Эту способность она проявила и въ дѣлѣ женскаго воспитанія и образованія съ первой, можно сказать, минуты, какъ оно ей было ввѣрено. Но именно въ такомъ дѣлѣ и должны были наиболѣе проявиться ея личные вкусы и взгляды, отвѣчавшіе врожденнымъ ея даннымъ, развитымъ и укрѣпленнымъ всею ея жизнью, обстановкою и воспитаніемъ, до пріѣзда въ Россію.

Выроставшая при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ, среди многочисленной семьи, всѣ члены которой были связаны между собою теплыми чувствами взаимной привязанности, воспитанная матерью въ сантиментальномъ духѣ Руссо и въ строгихъ нравственныхъ правилахъ, съ дѣтства пріученная къ повиновенію и точному исполненію семейныхъ обязанностей, порядку, бережливости, а также къ соблюденію внѣшнихъ правилъ строгаго этикета, котораго особенно придерживалась ея мать, Марія Өедоровна привыкла выше всего ставить семейныя начала; привитые ей въ семьѣ принципы и взгляды, закрѣпленные въ ея душѣ авторитетомъ родительской власти, навсегда запечатлѣлись въ ея умѣ и характерѣ; они отразились и на всей послѣдующей общественной ея дѣятельности въ Россіи.

Образованіе, которое она получила, было гораздо основательнѣе того, какое было дано Екатеринѣ. Мать Маріи Өедоровны была женщина просвѣщенная; но какъ послѣдовательница Руссо и притомъ еще нѣмка, она, давая образованіе дочери, придерживалась взгляда, что развитіе сердца и семейныхъ добродѣтелей должно занимать въ воспитаніи женщины первое мѣсто [1]). Въ тетради, куда она заносила свои и чужія мысли, на первомъ листѣ стояло слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное: „Philosophie des femmes“:

„Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu'une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfants,
Faire aller son ménage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie“ [2]).

---

[1]) Свѣдѣнія, касающіяся дѣтства и воспитанія Маріи Өедоровны, взяты, главнымъ образомъ, изъ ея біографіи, составленной Е. С. Шумигорскимъ (Р. Арх. 1889, № 9, стр. 5—59).

[2]) Нехорошо, и по многимъ причинамъ, чтобы женщина изучала и пріобрѣтала слишкомъ обширныя познанія. Воспитывать въ добрыхъ нравахъ дѣтей, вести хозяйство, имѣть наблюденіе за прислугой, блюсти въ расходахъ бережливость—вотъ въ чемъ должно состоять ея ученіе и философія (Е. С. Шумигорскій, стр. 9).

Марію Өедоровну обучали французскому и нѣмецкому языкамъ, ариөметикѣ, закону Божію, исторіи, географіи, геометріи, и впослѣдствіи миөологіи [1]. Всѣ эти предметы преподавались ей, согласно принятому въ то время въ высшихъ кругахъ обычаю, на французскомъ языкѣ [2], и судя по отчетамъ, которые въ своихъ письмахъ къ родителямъ Марія Өедоровна, будучи еще дѣвочкой, давала имъ о своихъ урокахъ и занятіяхъ, науки преподавались ей такъ, что онѣ не могли способствовать развитію ума и самостоятельнаго мышленія въ ученицѣ, которая отличалась и тутъ, какъ во всемъ, что она дѣлала, самымъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ урокамъ. Въ курсъ ученія входило также преподаваніе морали. Гувернантка Маріи Өедоровны, г-жа Боркъ, писала для нея „прелестныя"—какъ выражалась Марія Өедоровна въ одномъ изъ своихъ писемъ къ родителямъ—наставленія, которыя она должна была переводить на французскій языкъ... „Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я — говоритъ Марія Өедоровна — переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ" [3].

Сравнивая эти строки съ тѣмъ, какъ Екатерина, по ея разсказамъ, относилась къ урокамъ пастора Вагнера и о чемъ думала во время его уроковъ, ярко обрисовывается разница въ свойствахъ ума обѣихъ ученицъ: самостоятельность мысли и ума Екатерины, пассивная методичность у Маріи Өедоровны.

Въ эти же ранніе годы она привыкла и къ упражненіямъ въ благотворительности. Подруга ея ранней молодости, г-жа Оберкирхъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: „сколько разъ я видѣла, какъ молодыя принцессы отказывались отъ какой-либо прихоти, чтобы помочь бѣдному семейству" [4]. Марія Өедоровна, по словамъ Оберкирхъ, всюду сопровождала свою мать и, какъ справедливо думаетъ Шумигорскій, вѣроятно оказывала вниманіе только-что тогда учрежденному въ „Эгюпѣ" (монбельярскомъ имѣніи родителей Маріи Өедоровны, гдѣ она жила передъ своимъ отъѣздомъ въ Россію) сиротскому дому, въ которомъ воспитывались 12 дѣвочекъ [5], и которому ея отецъ и мать покровительствовали.

Всѣ эти подробности до извѣстной степени объясняютъ ха-

[1] Шумигорскій. Р. Арх. 9, стр. 49.
[2] Тамъ же, стр. 37.
[3] Тамъ же, стр. 39.
[4] Тамъ же, стр. 51.
[5] Тамъ же, стр. 52.

рактеръ реформъ, которыя Императрица Марія ввела на первыхъ же порахъ своего начальствованія надъ Обществомъ. Ранній пріемный возрастъ дѣтей лишалъ ихъ родительской ласки и ухода, семейныхъ радостей и привязанностей. Она предложила принимать ихъ не пяти и шести лѣтъ, какъ было до нея, а восьми и девяти. Но она не отмѣнила закрытую систему воспитанія въ Обществѣ, и въ сущности измѣненіе пріемнаго возраста дѣтей, остававшихся девять лѣтъ вдали отъ своихъ родителей и семействъ, мало помогало сохраненію въ нихъ семейныхъ воспоминаній; дѣти все-таки становились чуждыми людямъ и средѣ, въ которой имъ потомъ приходилось жить.

Разстройство денежныхъ дѣлъ Общества и безпорядки въ его хозяйствѣ должны были также поразить Императрицу, привыкшую соблюдать во всемъ порядокъ и экономію; это было вторымъ мотивомъ къ переустройству Общества, выставленнымъ въ ея докладѣ Императору Павлу.

Третій мотивъ—неудобство, проистекающее, по мнѣнію Императрицы, отъ смѣшенія въ воспитаніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими,—исходилъ, можетъ быть, столько же изъ внутреннихъ ея побужденій, сколько изъ внѣшнихъ; методическому уму Маріи Ѳедоровны непріятно было видѣть этотъ „непорядокъ“ въ устройствѣ Общества.

Екатерина, не менѣе чѣмъ Марія Ѳедоровна, любила дворянство и неоднократно въ теченіе своего царствованія доказала эту любовь. Но, обладая въ высшей степени искусствомъ соблюдать достоинство своего сана и любя такое качество въ другихъ, она была человѣкомъ-философомъ и очень мѣтко объяснила причину своего „аристократизма“ графу Сегюру. Прощаясь съ нимъ передъ его отъѣздомъ во Францію въ 1789 году, она ему сказала: „что до меня касается, я останусь аристократкой, это уже мое ремесло“ [1]). Она и во всѣхъ своихъ реформахъ держалась господствовавшаго въ ея время принципа сословности, но иногда отступала отъ него, особенно въ дѣлѣ образованія, думая, вѣроятно, что оно не можетъ кому бы то ни было принести вреда. При ней дѣти мѣщанскаго происхожденія воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ даже вмѣстѣ, при совершенно и во всемъ одинаковыхъ условіяхъ съ кадетами, большинство которыхъ принадлежало къ самымъ знатнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Точно также она одобрила преобразованіе, сдѣланное въ Обществѣ коммиссіею народныхъ училищъ, которая почти во всемъ

---

¹) Р. Арх. 1866, стр. 1597. М. Ѳ. Шугуровъ. О запискахъ графа Сегюра.

сравняла програму ученія на благородной половинѣ съ мѣщанскою.

Очевидно, Екатерина, отличая дворянство отъ другихъ сословій, какъ привилегированное въ служебномъ и общественномъ положеніи, не считала нужнымъ рѣзко ставить грани въ томъ, что касалось внутренняго міра человѣка, и думала, что чѣмъ ея подданные всѣхъ сословій будутъ образованнѣе и воспитаннѣе, тѣмъ больше пользы отъ этого будетъ государству.

При всей добротѣ своего сердца, Марія Ѳедоровна по своему характеру [1]) и отчасти вслѣдствіе усвоенныхъ ею въ дѣтствѣ привычекъ оставалась неизмѣнно вѣрна тому кодексу понятій, въ которомъ была воспитана и даже въ мысляхъ не допускала уклоненій отъ него. Предлагая государю сократить число мѣщанскихъ воспитанницъ болѣе чѣмъ на половину противъ положеннаго Екатериною, она высказала намѣреніе вознаградить мѣщанство устройствомъ для него сиротскаго дома. Но дѣлая исключеніе для тѣхъ изъ мѣщанскихъ воспитанницъ, которыя оказались бы способными къ наукамъ, она заранѣе опредѣляетъ въ письмѣ къ Совѣту, что это будутъ „немногія“ и „избранныя“. И для этихъ избранныхъ она ставитъ особую служебную практическую цѣль ихъ образованія—готовиться въ классныя дамы для Общества.

Новымъ планомъ Императрицы Маріи воспитаніе и образованіе русскихъ женщинъ было поставлено на практическую почву и въ прямомъ, тѣсномъ смыслѣ отъ этого выиграло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выдѣлилось изъ общей для всего русскаго юношества системы воспитанія и образованія въ особую, совершенно отдѣльную, съ особыми, спеціальными женскими цѣлями часть, не стоявшую въ связи съ общими задачами государства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Въ февралѣ 1797 года предстоялъ выпускъ 68-ми благородныхъ и 13-ти мѣщанскихъ воспитанницъ, а лѣтомъ—пріемъ по новымъ уже правиламъ. По видимому этотъ первый, при Императрицѣ Маріи, выпускъ прошелъ по обычной программѣ; въ протоколахъ Совѣта не сохранилось никакихъ о немъ подробностей кромѣ постановленія о присужденіи наградъ благороднымъ воспитанницамъ и о выпускѣ изъ третьяго мѣщанскаго возраста (тогда всѣхъ возрастовъ было еще четыре), т.-е. не подлежавшаго выпуску, 10-ти воспитанницъ „въ разсужденіи ихъ лѣтъ“, при чемъ Совѣтъ поста-

[1]) Бывшій личный секретарь Императрицы Маріи, баронъ А. Николаи, говоритъ о ней: „она требовательна, несносна, несправедлива, иногда даже высокомѣрна, какъ вы не можете себѣ представить“ (*Е. М. Гаршинъ.* Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія. „Истор. Вѣстникъ“, 1882, апрѣль, стр. 135).

новилъ, что тѣ изъ мѣщанокъ, у которыхъ „родители далеко или сироты, могутъ быть опредѣлены въ службу Общества“ [1]). При выпускѣ 1797 года было выдано всего 18 наградъ и 27 похвальныхъ листовъ. По повелѣнію Императора Павла, послѣдовавшему черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Екатерины, шифры должны были впредь выдаваться съ вензелемъ Императрицы, а на медаляхъ изображенъ портретъ Императора на одной сторонѣ, а на другой надпись: „посѣти виноградъ сей“ вмѣсто бывшей при Екатеринѣ: „тако созрѣваютъ“ [2]). Кромѣ знаковъ отличія, 22-мъ воспитанницамъ благороднымъ и одной мѣщанской было дано и денежное вознагражденіе, всѣмъ поровну, по 500 р. каждой.

Щедрыя награды были даны при этомъ выпускѣ четыремъ инспектриссамъ, прослужившимъ въ Обществѣ 30 лѣтъ; имъ, еще до выпуска, по указу Павла вслѣдствіе доклада Императрицы, было дано по 200 душъ крестьянъ съ землею и предоставлено право, если пожелаютъ, жить въ зданіи Общества на полномъ его содержаніи [3]). Кромѣ того имъ были пожалованы при выпускѣ знаки отличія—банты съ надписью „за труды“ для ношенія ихъ на лѣвой сторонѣ груди; этимъ знакамъ, учрежденнымъ впервые Императрицею Маріею, была присвоена пенсія въ 300 руб. въ годъ [4]). Всѣ четыре инспектриссы были иностранки: одна француженка, Дешанъ, и три нѣмки: Роштокъ и двѣ сестры Зильберъейзенъ. Изъ классныхъ дамъ были также награждены тѣ, которыя оставляли службу въ Обществѣ; имъ назначили ежегодную пенсію въ 100 рублей каждой, „изъ чрезвычайной, учрежденной Императрицею Маріею“, суммы. Учителямъ было увеличено жалованье, въ видѣ столовыхъ денегъ, по 240 р. въ годъ каждому.

Бывшая съ основанія Общества сначала правительницею, а съ 1766 года начальницею, Делафонъ, еще 22-го ноября 1796 г. была пожалована Павломъ въ статсъ-дамы, а въ день его коронаціи, 5-го апрѣля 1797 г., получила малый крестъ св. Екатерины; она умерла 11-го августа того же года, 80-ти лѣтъ отъ роду [5]); на ея мѣсто Павелъ, именнымъ указомъ 11-го августа, назначилъ исправлявшую обязанности помощницы начальницы, полковницу Пальменбахъ (урожденную баронессу Черкасову), „съ присвоеніемъ ей по сему мѣсту титула превосходительства“.

---

[1]) Протоколы Совѣта 22 и 24 февраля 1797 г.

[2]) Протоколъ 2 декабря 1796 г.

[3]) Протоколъ 30 января 1797 г.

[4]) Протоколъ 27 февраля 1797 г.

[5]) *П. Ѳ. Карабановъ.* Статсъ-дамы русскаго двора въ XVIII столѣтіи („Р. Стар.“, 1871, январь).

Членами Совѣта, по назначенію Павла тотчасъ же послѣ смерти Екатерины, были: генералъ-адъютантъ С. Плещеевъ, Завадовскій, Соймоновъ, Храповицкій; четверо послѣднихъ были въ Совѣтѣ и раньше и только одинъ, Плещеевъ, былъ назначенъ Павломъ.

Немедленно послѣ выпуска начались приготовленія къ пріему. Императрица собственноручно написала правила, въ которыхъ главными пунктами были слѣдующіе: „1) чтобы принимаемыя въ сіе Общество были изъ родовъ дворянскихъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей, *ибо главный предметъ при учрежденіи сего Общества состоялъ въ томъ, чтобы доставить настоящему бѣдному россійскому дворянству способы къ воспитанію дѣтей своихъ и къ облегченію черезъ то своего состоянія*"; 2) при разбирательствѣ поданныхъ прошеній не взирать ни на какую просьбу или одобреніе, а держаться твердо и непоколебимо сего предписанія; 3) обязать родителей взять назадъ своихъ дѣтей по окончаніи курса, ибо случается, что родители не являются за ними [1]).

Мотивы, приведенные Императрицею къ первому пункту этихъ правилъ, служатъ яснымъ подтвержденіемъ того, что цѣль Екатерины при основаніи Общества—смягченіе нравовъ путемъ воспитанія и образованія русскаго юношества—была оставлена тотчасъ послѣ ея смерти, а государственная, общественная идея, руководившая Екатериною, была замѣнена цѣлями сословными и благотворительными.

Прошеній о пріемѣ дочерей со стороны дворянъ поступило 324; но, по повелѣнію Императрицы, 16 вакансій были заранѣе предназначены для „отличившихся высшихъ чиновниковъ"; остальныхъ велѣно было баллотировать, при чемъ Совѣтъ самъ постановилъ держаться правила „не принимать двухъ сестеръ заразъ или только-что выпущенныхъ".

Мѣщанскихъ прошеній было подано, по донесенію Совѣта Императрицѣ, меньше 50-ти и Совѣтъ просилъ ея разрѣшенія принять „наравнѣ съ мѣщанствомъ и разныхъ званій нижнихъ служителей придворной службы".

Въ „Учрежденіи особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ" не были съ точностью опредѣлены чины родителей, дочери которыхъ имѣли право поступать въ училище. Такъ какъ со втораго же пріема, въ 1767 году, не оказалось достаточнаго числа воспитанницъ изъ мѣщанскаго сословія, то Совѣтъ положилъ тогда

---

[1]) Протоколъ Совѣта, 9 іюня 1797 г.

принимать дѣтей „разнаго званія“. Изъ какихъ именно слоевъ общества набирались при Екатеринѣ воспитанницы на мѣщанскую половину — на это въ протоколахъ Совѣта нѣтъ указаній. Но передъ пріемомъ 1797 года, при Императрицѣ Маріи, Совѣтъ представилъ ей списокъ чиновъ, дочери которыхъ принимались въ мѣщанское училище. Въ спискѣ были офицеры „статской и придворной службы, не происходившіе изъ родовъ дворянскихъ, купцы, священники, медики, лекаря, учителя, художники“. Императрица велѣла принимать только дочерей мѣщанъ, купцовъ и художниковъ. Когда же такихъ явилось къ пріему всего 29, то она согласилась на предложеніе Совѣта принять въ число 50-ти — и дочерей „священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, регистраторовъ, протоколистовъ, канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копіистовъ, коммиссаровъ, сержантовъ, магазинныхъ вахтеровъ, архиваріусовъ, актуаріусовъ, бухгалтеровъ, капраловъ и придворныхъ нижнихъ служителей“ [1]). Подходящихъ подъ эти требованія явилось 131, и Совѣтъ выбралъ изъ нихъ „по лѣтамъ и докторскому осмотру“ 54, которыхъ и подвергъ баллотировкѣ. Принятіе каждой воспитанницы подписывалось самою Императрицею, по повелѣнію которой сорокъ благородныхъ воспитанницъ, остававшихся на мѣщанской половинѣ отъ прежнихъ пріемовъ, были переведены на благородную, и кромѣ того девять мѣщанскихъ „больныхъ и слабыхъ“ исключены изъ Общества [2]).

По разсчету Совѣта, стоимость каждой воспитанницы, считая не только ея содержаніе, но и вензеля, аттестаты при выпускѣ, содержаніе экипажей, кухонной посуды и пр., была въ 1797 году опредѣлена: на благородной половинѣ въ первомъ, младшемъ возрастѣ, по 218 р. въ годъ, во второмъ—въ 220 р., третьемъ—234 р. и четвертомъ—272 р. На мѣщанской—100 и 104 рубля. За пенсіонерокъ особъ царской фамиліи выдавали изъ Кабинета и изъ „Комнаты“ по 300 р. на каждую, а частныя и въ 1797 году, какъ было при Екатеринѣ, платили различно и принимались во всякое время въ возрастѣ „по лѣтамъ“. Съ 1798 года Высочайшимъ повелѣніемъ была уравнена и возвышена на обѣихъ половинахъ плата, одинаковая для всѣхъ воспитанницъ, комплектныхъ и пенсіонерокъ — до 503 р. $16^3/_4$ коп. на благородной половинѣ и до 203 р. $78^1/_4$ коп. на мѣщанской [3]). Для покрытія отчасти и этого расхода на своихъ пенсіонерокъ, Императрица велѣла члену Совѣта, Плещееву, отпускать изъ ввѣрен-

[1]) Протоколъ Совѣта 4 іюля 1797 г.

[2]) Протоколъ 4 ноября 1797 г.

[3]) Протоколъ 8 марта 1798 г.

ной ему „кассетной“ суммы, вдобавокъ къ суммѣ на содержаніе Общества, еще по 10.000 р. въ годъ, да на прибавку жалованья служащимъ по 6.635 р. ежегодно.

Средства Общества увеличились еще тѣмъ, что, по докладу Императрицы, Императоръ Павелъ повелѣлъ въ 1798 году „вдобавокъ къ прошлаго года пожалованнымъ 22 тысячамъ рублей отпускать изъ остаточнаго казначейства остатокъ въ 22 тысячи ежегодно, а изъ Кабинета—за содержаніе воспитывающихся благородныхъ и мѣщанскихъ—5.086 рублей“.

При размѣщеніи воспитанницъ по ихъ происхожденію на разныя половины Общества, Императрица строго держалась предписанныхъ ею правилъ и безпрестанно подтверждала Совѣту, чтобы онъ допускалъ на благородную половину лишь дочерей „родовъ безпрекословно дворянскихъ“.

Въ первые два года нарушеній этого правила не было; но въ 1798 году Императоръ Павелъ изъявилъ волю, чтобы три дочери умершаго купца Филатьева были переведены съ мѣщанской половины изъ старшаго возраста и среди курса на благородную [1]). Это былъ первый и единственный, съ основанія Общества, примѣръ, что дочери купца были допущены на благородную половину; этимъ нарушалось и другое правило—не принимать въ Общество заразъ двухъ сестеръ, и даже тѣхъ, сестры которыхъ только-что изъ него выпущены.

Составъ классныхъ дамъ при Императрицѣ Маріи также измѣнился. При Екатеринѣ, какъ начальница, такъ и большинство классныхъ дамъ—были француженки. Теперь стали приглашать преимущественно нѣмокъ: Фриштъ, Эйлеръ, Нейдгардъ, Шликъ, Штревге, Одевальдъ, Надервальдъ, Винклеръ, Эллерманъ, Киль, Гитербокъ и др.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 8 марта 1798 г.

II.

Указъ Императора Павла о начальствованіи Императрицы Маріи надъ Воспитательными Домами въ Петербургѣ и Москвѣ.—Пожертвованіе имъ Императрицы.—Цѣль учрежденія этихъ Домовъ и ихъ устройство.—Смертность среди приносимыхъ дѣтей. — Безпорядки въ администраціи. — Планъ Императрицы переустройства Домовъ.—Ограниченіе числа питомцевъ и питомицъ.—Программа ихъ обученія.—Характеръ реформъ Императрицы.—Отмѣна дарованной Екатериною питомцамъ и питомицамъ Домовъ привилегіи.—Отраженіе этой мѣры на мѣщанскихъ воспитанницахъ Общества. — Основаніе Сиротскаго училища (Маріинскій институтъ) для сорока бѣдныхъ сиротъ на личныя средства Императрицы.—Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ.—Докладъ князя Куракина. — Обязанности кавалерственныхъ Дамъ ордена св. Екатерины. — Пожертвованія Императрицы, великихъ княгинь и княжонъ на училище для бѣдныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.—Его доходы.—Дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, основанное Императоромъ Павломъ (Павловскій институтъ).—Положеніе о немъ.—Права воспитанницъ по окончаніи курса.—Измѣненіе характера отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ сословій. — Взносъ въ кассу училища восьмой части получаемаго бывшими его воспитанницами жалованья.—Примѣненіе этого правила къ Воспитательнымъ Домамъ.—Обезпеченіе судьбы воспитанницъ всѣхъ заведеній.—Практическій Акушерскій институтъ въ Москвѣ.—Училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ; его цѣль и средства.—Гатчинскій сельскій Воспитательный Домъ. — Проектъ Императрицы учредить пять женскихъ училищъ въ губерніяхъ.—Александровское училище въ Москвѣ, его средства.—Принятіе Императрицею Маріею въ свое вѣдѣніе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома.—Прежняя его организація.—Суммы на его содержаніе.—Данныя ему Императрицею „Учрежденія".—Основаніе французскихъ классовъ въ Воспитательныхъ Домахъ. — Повивальный институтъ въ Петербургѣ.—Измѣненіе правилъ пріема на мѣщанскую половину Общества.—Военное отдѣленіе.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Увеличеніе вакансій во всѣхъ заведеніяхъ для дочерей военнаго дворянства.—Пріемный возрастъ воспитанницъ.—Принятіе Императрицею подъ свое покровительство харьковскаго института. — Училище для солдатскихъ дочерей. — „Учрежденіе" для нихъ.—Училища для дочерей черноморскаго флота.—Положеніе, данное имъ Императоромъ Николаемъ.— Тѣлесныя наказанія.—Раздѣленіе женскихъ учебныхъ заведеній на категоріи по происхожденію воспитанницъ.—Новыя правила пріема на мѣщанскую половину Общества.—Денежныя сред-

ства женскихъ учебныхъ заведеній.—Пожертвованныя Императрицею Маріею суммы. — Пенсіонные капиталы. — Пожертвованія разныхъ лицъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ и на содержаніе пенсіонерокъ.—Награды воспитанницамъ.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Итоги суммъ, отпускавшихся при Императрицѣ Маріи разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ изъ государственнаго казначейства. — Итоги денежныхъ пожертвованій самой Императрицы.

Преобразовывая Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Императрица Марія въ то же время была занята переустройствомъ и другого, ввѣреннаго ей, заведенія. 2-го мая 1797 г. Императоръ Павелъ именнымъ указомъ Сенату объявилъ: „Какъ по волѣ Нашей, Ея Императорское Величество, Наша любезнѣйшая супруга, изъ человѣколюбія, сроднаго Ей, и желая споспѣшествовать общему добру, пріемлетъ на Себя главное начальство надъ Воспитательными Домами, въ обоихъ престольныхъ городахъ Нашихъ учрежденными, со всѣми принадлежащими къ нимъ заведеніями, то вслѣдствіе сего и повелѣваемъ: попечителю оныхъ относиться, въ чемъ надлежитъ, къ Ея Величеству: впрочемъ, что касается до Опекунскихъ Совѣтовъ и до употребленія капиталовъ на пользу сего заведенія, поступать по изданнымъ о томъ установленіямъ“ [1]).

Императрица Марія начала свое управленіе и тутъ, какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, тѣмъ, что на другой же день послѣ указа пожертвовала „изъ собственныхъ доходовъ 9,000 рублей въ пользу дѣтей у кормилицъ находящихся“ [2]) и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же приступила къ преобразованію Воспитательныхъ Домовъ.

Цѣль ихъ учрежденія Екатериною заключалась въ призрѣніи незаконпорожденныхъ дѣтей, которыя по генеральному плану Воспитательнаго Дома предназначались для образованія изъ нихъ въ будущемъ „третьяго чина“ или средняго сословія въ Россіи, т.-е. изъ нихъ должны были образовываться ученые, художники, ремесленники, актеры. Съ первыхъ же лѣтъ учрежденія Воспитательнаго Дома обнаружилось важное препятствіе къ осуществленію главной его цѣли — огромная смертность среди приносимыхъ дѣтей, обусловленная какъ тѣмъ, что между дѣтьми были такія, которыя доставлялись въ Домъ уже слабыми, такъ и

---

[1]) П. Собр. Т. XXIV, 17952.

[2]) Монографіи учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи. Приложеніе къ изданію: „Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1828—1878“. MDCCCLXXX, стр. 208. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ.

главнымъ образомъ трудностью пріискать кормилицъ для такого большого количества дѣтей и организовать хорошій уходъ за ними. Для противодѣйствія злу, во все время царствованія Екатерины принимались различныя мѣры; но количество умиравшихъ дѣтей все-таки было очень велико [1]. Тѣхъ, которыя выживали, воспитывали въ Домѣ до возраста, когда ихъ можно было обучать ремесламъ и художествамъ, которымъ ихъ и обучали или въ самомъ Домѣ, или отдавая въ ученіе къ искуснымъ мастерамъ. Въ это же время они учились чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики и закону Божію. Такое обученіе давалось одинаково, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ; послѣднихъ учили женскимъ рукодѣліямъ и мастерствамъ до 19-ти-лѣтняго возраста, послѣ чего онѣ поступали или въ услуженіе къ частнымъ лицамъ, или отпускались на собственное пропитаніе [2].

Въ 1794 году, еще при Екатеринѣ, велѣно было „преподавать наученіе повивальному искусству двѣнадцати выбраннымъ изъ здѣшняго (петербургскаго) Дома воспитанницамъ“ въ родильномъ госпиталѣ, при которомъ, въ 1784 году, на средства Ив. Ив. Бецкаго, было учреждено училище повивальнаго искусства и операторства [3].

Вступивъ въ управленіе Воспитательными Домами, Императрица Марія прежде всего обратила вниманіе на громадную смертность среди приносимыхъ дѣтей, на „неудовлетворительность даваемаго питомцамъ воспитанія и образованія, поразительныя злоупотребленія въ администраціи и въ распоряженіи капиталами“ и 17-го декабря 1797 года представила на утвержденіе Императора Павла новый планъ организаціи Дома и воспитанія питомцевъ. „Хотя въ Планѣ Воспитательныхъ Домовъ — говорила она въ своемъ докладѣ—число приносимыхъ младенцевъ не ограничено, ниже науки и художества, къ усовершенствованію ихъ опредѣленныя, но тѣмъ не менѣе такая неограниченность составляетъ одну изъ причинъ какъ большихъ денежныхъ затратъ, такъ и незначительности успѣховъ питомцевъ въ наукахъ. При множествѣ наукъ не могло быть достаточно присмотра за занятіями питомцевъ, а потому и не замѣчено, чтобы кто-либо изъ питомцевъ

---

[1]) Въ годъ основанія Восп. Дома было принято 523 дѣтей, изъ которыхъ умерло 424, т.-е. 81,07%. Въ 1796 году, годъ смерти Екатерины, дѣтей было доставлено 1763; изъ нихъ умерло 210, т.-е. 11,91%. Монографія. Приложеніе, стр. 28—29.

[2]) Монографія. Приложеніе, стр. 4.

[3]) Учрежденія С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ Домовъ. 1797—1803. VI. Именной списокъ благотворителямъ, оказавшимъ усердіе подаяніемъ къ Воспитательному Дому (Арх. IV отд. С. Е. В. канц.).

по наукамъ, художествамъ и ремесламъ сдѣлался извѣстнымъ" [1]). Поэтому она предлагала: ограничить число обоего пола воспитывающихся въ Домѣ 500-ми въ каждой изъ столицъ; остальныхъ приносимыхъ въ Домъ младенцевъ отдавать въ казенныя государевы деревни благонадежнымъ и добраго поведенія крестьянамъ на воспитаніе, съ цѣлью пріучить питомцевъ правиламъ сельскаго домоводства; мальчиковъ оставлять у крестьянъ до 18-ти-лѣтняго возраста, дѣвочекъ—до 15-ти лѣтъ. Въ Домѣ должны были воспитываться лишь совершенно слабыя дѣти, требовавшія непрестаннаго ухода. По достиженіи такими дѣтьми шести лѣтъ, ихъ предписывалось обучать: отъ шести до девяти лѣтъ—чтенію, писанію на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, катехизису, рукодѣліямъ. „Отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ дѣти—сказано въ „Планѣ для воспитанія 500 младенцевъ въ каждой столицѣ, на пять возрастовъ раздѣленныхъ" [2]),—усовершаются въ языкахъ, продолжаютъ катехизисъ и начинаютъ обучаться ариѳметикѣ и россійской географіи; они упражняются и въ разныхъ рукодѣліяхъ и ремеслахъ. Въ четвертомъ возрастѣ, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, ихъ обучаютъ познанію закона Божія и нравоученію; они продолжаютъ ученіе ариѳметики, языковъ, географіи, рисованію—поколику сіе нужно для разныхъ рукодѣлій и вышиванія. Наконецъ, въ пятомъ возрастѣ, отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, продолжаютъ ученіе закона Божія и нравоученіе, усовершаются въ хирургіи, ариѳметикѣ, географіи и рисованіи, а равномѣрно въ начатыхъ ремеслахъ, какъ воспитанники, такъ и воспитанницы".

Докладъ Императрицы былъ утвержденъ Императоромъ Павломъ 24-го декабря 1797 года.

Въ этомъ планѣ преобразованія Воспитательныхъ Домовъ выступаютъ тѣ же преобладающія черты характера Императрицы Маріи, которыя она проявила при преобразованіи и Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. „Образованіе изъ питомцевъ городского сословія не соотвѣтствовало уже болѣе видамъ правительства", говорится въ Монографіи учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи [3]). Измѣняя первоначальную цѣль Воспитательныхъ Домовъ, Императрица Марія прежде всего имѣла въ виду: поставить воспитаніе и образованіе питомцевъ на практическую почву, обезпечить будущность питомцевъ и сократить расходы по Домамъ. Въ ея докладѣ государю было сказано, что дѣти отнынѣ будутъ воспитываться единственно съ цѣлью обра-

[1]) Установленіе по Восп. Домамъ. § 2 (Арх. IV отд.).

[2]) Установленіе по Восп. Домамъ. Монографія. Приложеніе, стр. 212—213.

[3]) Приложеніе, стр. 53.

зовать изъ нихъ ремесленниковъ, полезныхъ государству; но если бы среди нихъ оказался такой, который „былъ бы рожденъ счастливѣе другихъ, и коего геній показывалъ бы намѣреніе возвыситься надъ обыкновеннымъ уровнемъ", такихъ Императрица предлагала помѣщать въ одну изъ академій, „дабы онъ имѣлъ возможность развить талантъ или науку, къ которой у него проявится призваніе" [1]). Эти слова относятся очевидно къ мальчикамъ; о судьбѣ дѣвочки, у которой проявился бы талантъ или способности къ наукѣ, въ докладѣ ничего не сказано. О воспитаніи вообще въ Воспитательныхъ Домахъ, Императрица Марія говоритъ: „Я откинула отъ этого воспитанія все, что клонится лишь къ блеску. Я направила его единственно къ основательности, къ совершенному знанію нашей религіи, къ нравственности и къ наукамъ, необходимымъ для ремесленника". Она далѣе перечисляетъ и выгоды, которыя должны произойти отъ воспитанія большей части дѣтей въ деревняхъ: „Эта выгода — сказано въ докладѣ—будетъ рости больше и больше, и будетъ дѣйствительною, потому въ особенности, что наши питомцы, сдѣлавшись хорошими земледѣльцами (людьми, въ коихъ имперія нуждается), обработаютъ земли, остающіяся пустыми, усилятъ доходность этихъ земель, станутъ чрезъ то истинно полезными отечеству и вознаградятъ своими трудами за все, чѣмъ они обязаны государству". Въ заключеніе доклада Императрица говорила: „Съ помощію предлагаемыхъ преобразованій можно надѣяться, что это учрежденіе процвѣтетъ и принесетъ пользу государству, для котораго до сего времени составляло только прибавленіе тягостей".

Въ числѣ предложенныхъ Императрицею мѣръ по Воспитательному Дому утверждена Императоромъ Павломъ и отмѣна одной изъ важнѣйшихъ привилегій, дарованныхъ Екатериною воспитанницамъ. Въ состоявшемся, вслѣдствіе доклада Императрицы Маріи, 23-го декабря 1797 года „Установленіи по Воспитательнымъ Домамъ" сказано (п. е.): „по существу Воспитательныхъ Домовъ всякая воспитанница, выходящая замужъ за крѣпостного, приносила мужу и дѣтямъ своимъ отъ крѣпости свободу; но поелику время доказало, что таковая привилегія была поводомъ различнымъ спорамъ и тяжбамъ между помѣщиками и освободившимися такимъ побочнымъ образомъ людьми, нерѣдко доставляя крѣпостнымъ вящія выгоды, виновницъ оной повергая въ нищету и презрѣніе и не только затруд-

[1]) Пятидесятилѣтіе IV отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Хроника вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, стр. 14.

няло, но и препятствовало замужеству ихъ, въ отвращеніе такого злоупотребленія хотя выходъ въ замужество воспитанницамъ за крѣпостныхъ людей и не запрещается, но свобода сохранится лично ей одной, при всегдашнемъ со стороны Воспитательнаго Дома ей покровительствѣ. Мужъ же ея свободою не пользуется, а остается по прежнему крѣпостнымъ тому, кому принадлежитъ, а по немъ и дѣти не выходятъ изъ собственности того помѣщика" [1]).

Хотя это постановленіе касалось Воспитательныхъ Домовъ, но оно отразилось и на воспитанницахъ мѣщанскаго училища, къ которымъ стали его произвольно примѣнять, что впослѣдствіи повело за собою ограниченіе и имъ данной Екатериною привилегіи [2]).

Не довольствуясь двумя ввѣренными ей заведеніями, Императрица Марія 26-го іюня 1797 года открыла на свои средства Сиротское училище для сорока бѣдныхъ сиротъ, дочерей купцовъ и ремесленниковъ, вообще мѣщанъ, священниковъ, нижнихъ служителей канцелярскихъ и придворныхъ, за исключеніемъ дѣтей военныхъ, имѣющихъ офицерскій чинъ. Кромѣ сорока штатныхъ воспитанницъ, полагалось десять пенсіонерокъ Императрицы (по 250 р. за каждую), по ея назначенію, „преимущественно изъ дочерей своихъ придворныхъ лакеевъ и другихъ придворныхъ служителей, не имѣющихъ офицерскаго чина, даже еслибы эти не были сиротами" [4]). Это училище въ 1800 году переименовано въ Маріинскій институтъ [5]). Оно было первымъ, осно-

[1]) Им. указъ 23-го декабря 1797 г.

[2]) Въ 1806 году такое примѣненіе было запрещено именнымъ указомъ Сенату (П. Собр. Т. XXIX, 22004), но въ 1808 году состоялся другой указъ (П. Собр. Т. XXX, 22830), которымъ „въ предупрежденіе на будущее время всякихъ споровъ и недоразумѣній" предписывались слѣдующія общія правила: 1) если въ данномъ крѣпостному человѣку отъ помѣщика на женитьбу дозволеніи именно и точно не будетъ означено, что вступленіе въ бракъ съ воспитанницею мѣщанскаго училища ему дозволяется, тогда женитьба его, хотя бы бракъ совершенъ былъ въ установленномъ порядкѣ, не даетъ женившемуся никакого права на свободу, а оставаться ему въ прежнемъ его состояніи и укрѣпленіи; вышедшей же за него воспитанницѣ пользоваться только личною ея свободою, не сообщая оной ни мужу, ни дѣтямъ; 2) но если крѣпостной человѣкъ представитъ данное ему отъ помѣщика точное и ясное дозволеніе женитьбы не только на вольной вообще, но именно на воспитанницѣ мѣщанскаго училища, то по женитьбѣ дѣлать его отъ помѣщичьяго владѣнія свободнымъ и обязывать избрать родъ жизни.

[3]) Уставъ Маріинскаго Института 1811 г., § 3 (Архивъ управленія заведеніями, состоящими подъ покровительствомъ государыни великой княгини Елены Павловны. № А. 32).

[4]) П. Собр. Т. XXVI, 19654.

ваннымъ самою Императрицею Маріею, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ.

5-го апрѣля 1797 года утверждено Императоромъ Павломъ „Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ“ [1]). Въ немъ (ст. 29-я) сказано: „Долгъ всѣхъ въ обще и каждаго особо члена Кавалерскаго Общества въ томъ состоитъ, чтобъ свято хранить и исполнять обязанности вѣры Христіанской; а какъ любовь къ ближнему есть одна изъ верховнѣйшихъ сихъ обязанностей, то и возлагается на кавалеровъ попеченіе о разныхъ Богу угодныхъ и обществу полезныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ именуются главнѣйшія: воспитательные домы въ Москвѣ и въ Санктъ-Петербургѣ, Московскій Инвалидный домъ съ Екатерининскою больницею; заведеніе въ обѣихъ столицахъ пристанищъ для бѣдныхъ обоего пола особъ; попеченіе и надзираніе въ столицахъ за всѣми полезными заведеніями для призрѣнія неимущихъ, за исключеніемъ военныхъ и морскихъ госпиталей, сохраняя каждому изъ сихъ заведеній опредѣленные имъ доходы и присвоенныя имъ права и преимущества и раздѣливъ оныя по названіямъ классовъ орденскихъ, причислить по тѣмъ къ церквамъ ихъ, выставя на нихъ и знаки оныхъ наименованій“ [2]).

Для составленія командорственныхъ имѣній, которыя должны были раздаваться кавалерамъ россійскихъ орденовъ, Императоръ Павелъ велѣлъ отдѣлить изъ государственныхъ экономическихъ имѣній 50.000 душъ крестьянъ и отпускать по 54.000 р. ежегодно изъ государственныхъ доходовъ [3]). Ордену св. Великомученицы Екатерины, учрежденному Императрицею Екатериною I [4]), было назначено 3.400 душъ для раздачи кавалерамъ большого креста, и 3.000 душъ — малаго.

Въ октябрѣ того же года Павелъ утвердилъ представленный

---

[1]) П. Собр. Т. XXIV, 17908.

[2]) Включеніе въ кругъ обязанностей кавалеровъ россійскихъ орденовъ попеченія о богоугодныхъ заведеніяхъ, къ числу которыхъ принадлежали тогда и учебныя, было впервые сдѣлано Петромъ I въ проектѣ Устава ордена св. Андрея Первозваннаго. 1720 г. Въ § 1 сказано: „А какъ университеты, гимназіи и училища почитаются вертоградомъ Церкви и гражданства, то и кавалерамъ надлежитъ помогать Нашему доброму намѣренію и смотрѣть, дабы оныя были учреждены какъ можно лучше и по инструкціи Нашей содержаны и управляемы съ хорошимъ успѣхомъ“. (Историческій очеркъ россійскихъ орденовъ и сборникъ основныхъ орденскихъ статутовъ. Составлено по порученію Его Сіят. Канцлера росс. имп. и царскихъ орденовъ, Ген.-Адъют., Графа И. И. Воронцова-Дашкова. Спб. 1891, отд. 2. стр. 11).

[3]) П. Собр. Т. XXIV, 17908, 17925.

[4]) См. *Е. Лихачева.* Мат. для ист. женск. образ. въ Р. 1086—1796, стр. 63.

ему генералъ-прокуроромъ и казначеемъ Ордена Всероссійскаго, княземъ Куракинымъ, докладъ, въ которомъ опредѣлялись обязанности кавалеровъ, и повелѣлъ „по всѣмъ имѣніямъ, въ командорства розданнымъ, учредить поземельный денежный зборъ, который могъ бы равняться съ половиною оброчнаго дохода отъ того имѣнія, каждому командору въ полученіе дозволеннаго". При этомъ было предписано, чтобы взносъ отъ командоровъ производился изъ дозволенныхъ имъ доходовъ, а „не особо полагать на души въ командорства отданныя" [1]).

Относительно обязанностей дамъ ордена св. Екатерины князь Куракинъ говорилъ: „не отчуждая Дамъ и кавалерственныхъ Дамъ ордена именованія св. Екатерины отъ христіанскихъ подвиговъ, волею Монарха и собственными состраданіями предписываемыхъ, не счелъ, однако, я нужнымъ вводить ихъ во всѣ общественныя съ другими Кавалерами обязанности; но приличнѣе быть ввѣренну ихъ попеченію особому заведенію и для того обязанностію класса сего наименованія считаю удобнымъ учрежденіе пристанища благороднымъ дѣвицамъ, безъ родни, имѣнія и призрѣнія, нерѣдко въ жертву пороковъ остающимся. Должностью Дамъ и кавалерственныхъ Дамъ класса сего наименованія св. Екатерины по сему случаю будетъ наблюденіе за исполненіемъ учрежденія, опредѣленнаго попеченію ихъ установленія. Главнѣйшія же онаго правила состоять должны въ томъ, чтобы 1) пріемъ дѣвицъ назначить съ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ правила ихъ коловратною нравственностью испорчены бы быть не могли; 2) учредить упражненіе ихъ къ той цѣли, чтобы служить онѣ могли къ собственному и всегдашнему ихъ во всякой перемѣнѣ состоянія благополучію; 3) устроить правила о приданномъ награжденіи для тѣхъ, кои поведеніемъ своимъ сдѣлаются того достойными".

На первоначальное устройство „пристанищъ" князь Куракинъ предложилъ брать въ кавалерское общество единовременно со всѣхъ кавалеровъ „отъ времени вступленія на престолъ Императора Павла донынѣ и впредь получающихъ ордена": по 400 р. съ Андреевскихъ, по 300 р. съ Екатерининскихъ 1-го класса, и по 200 р. 2-го, по 200 р. съ Александровскихъ, по 100 р. съ Анненскихъ 1-й степени и по 60 р. — 2-й. „А на ежегодное содержаніе пристанищъ — писалъ онъ — всеконечно не будетъ отяготительно, но паче съ Монаршею Вашего Императорскаго Величества волею и съ сострадательными сердцами отличныхъ людей сообразно и согласно, есть ли каждый получившій и впредь

[1]) Им. указъ 27 окт. 1797 г. П. Собр. Т. XXIV, 18225.

получить имѣющій командорственное имѣніе, часть изъ доходовъ онаго назначить и удѣлить заблагоразсудитъ". Въ заключеніе князь Куракинъ говорилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что кавалеры и до водаренія Павла пожалованные „не возжелали бы соревновать толь похвальнымъ подвигамъ своихъ сотоварищей"; а потому онъ полагалъ предоставить каждому опредѣлить какую кто единовременную или ежегодную сумму дать можетъ. Въ надзираніи за богоугодными и обществу полезными заведеніями должны были участвовать всѣ кавалеры, изъ среды которыхъ каждые четыре года выбиралось бы для этого нѣсколько человѣкъ.

Первою на этотъ призывъ откликнулась Императрица Марія. 8-го ноября, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ утвержденія Императоромъ Павломъ доклада князя Куракина, она извѣстила послѣдняго, что „въ силу Высочайше конфирмованныхъ постановленій, до Богоугодныхъ заведеній относящихся, россійскаго ордена 2-го класса или наименованія св. Великомученицы Екатерины кавалерственныя Дамы должны заниматься воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ. Я, какъ Гроссъ-мейстерина сего ордена, почитаю долгомъ моимъ показать примѣръ въ подвигахъ столь похвальныхъ и отечеству полезныхъ, а потому для вящаго въ оныхъ успѣха опредѣляю на училище для таковыхъ дѣвицъ учреждаемое изъ собственныхъ моихъ доходовъ по 4.500 рублей ежегодно".

Въ тотъ же день подобныя извѣщенія были присланы: отъ великой княгини Елизаветы Алексѣевны, которая, по званію діакониссы ордена, опредѣлила свой ежегодный взносъ въ 5.500 рублей; великой княгини Анны Θедоровны и великихъ княженъ: Александры, Елены, Маріи, Екатерины и Анны Павловенъ, которыя по званію кавалерственныхъ дамъ обязались вносить по тысячѣ рублей въ годъ каждая.

На эти средства и было открыто 25-го мая 1798 года, въ Петербургѣ, училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, на 60 воспитанницъ, принятыхъ по представленіямъ кавалерственныхъ дамъ, и наименованное училищемъ ордена св. Екатерины [1]. Въ концѣ года, въ виду выяснявшейся недостаточности 16.000 р. въ годъ на его содержаніе, Императоръ Павелъ, именнымъ указомъ 4-го октября 1798 года, повелѣлъ отпускать ему изъ доходовъ, со всѣхъ командорствъ собираемыхъ, по 8.000 р. ежегодно, „такъ какъ—сказано въ указѣ—орденъ св. Екатерины не въ состояніи содержать институтъ доходами, собираемыми съ командорственныхъ имѣній своего ордена по причинѣ малаго числа оныхъ" [2].

---

[1]) Учрежденія училища ордена св. Екатерины, XXIII (Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. Т. XXV, 18687.

Такимъ образомъ въ первый же годъ царствованія Императора Павла число женскихъ учебныхъ заведеній увеличилось двумя институтами. Въ 1798 году къ нимъ прибавился третій, основанный Императоромъ сначала, какъ отдѣленіе Императорскаго военно-сиротскаго Дома, а впослѣдствіи какъ особый институтъ, наименованный въ 1829 году Павловскимъ. Это учрежденіе было вызвано докладомъ особой, образованной при военной коллегіи, по повелѣнію Императора, коммиссіи о положеніи солдатскихъ школъ при гарнизонныхъ полкахъ въ 1797 году. 23-го декабря 1798 года Императоръ утвердилъ докладъ, представленный ему коммиссіею, состоявшею изъ Наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, генерала отъ инфантеріи Ламба, генерала отъ кавалеріи Палена и генералъ-лейтенанта барона Аракчеева [1]).

По „Положенію о военно-сиротскомъ Домѣ“, воспитываемое въ немъ „юношество“ раздѣлялось на два отдѣленія: 1-е—для благородныхъ дѣтей, 2-е—для дѣтей солдатскихъ и въ каждомъ изъ отдѣленій должны были воспитываться отдѣльно другъ отъ друга мальчики и дѣвочки. Число дѣтей въ Домѣ полагалось неограниченное, безъ различія вѣроисповѣданій; пріемный возрастъ для всѣхъ дѣтей въ оба отдѣленія и обоего пола опредѣлялся одинаковый, не старѣе 11-ти лѣтъ.

Въ 1-е отдѣленіе принимались дѣти „по достаточнымъ доказательствамъ о дворянствѣ и неимуществѣ“ какъ дворянъ, такъ и штабъ и оберъ-офицеровъ. Предметы обученія, за исключеніемъ геометріи и военныхъ наукъ, которыя должны были преподаваться только мальчикамъ, были одни и тѣ же на мужской и женской половинахъ: законъ Божій „по рожденію родителей“, русскій и нѣмецкій языки, на которыхъ дѣти должны были умѣть не только читать и писать, но и говорить, грамматика и переводы съ обоихъ языковъ, ариѳметика, исторія, географія, рисованіе. Мальчикамъ эти предметы положено было преподавать „не въ такомъ видѣ, чтобы другихъ обучать могли, но чтобы сами познаніями пользоваться умѣли“. Для дѣвочекъ такого ограниченія не было сдѣлано и, напротивъ, въ § 14 „Положенія“ сказано: „для поощренія въ прилежности къ наукамъ, оказывающія успѣхи могутъ употребляемы быть къ наставленію въ своихъ познаніяхъ прочихъ дѣвицъ, въ случаѣ неприсутствія или болѣзни учителя въ классахъ, и таковымъ предъ прочими оказывать особливое уваженіе“ [2]).

[1]) П. Собр. Т. XXV, 18793.

[2]) На мужской половинѣ, очевидно по образцу Сухопутнаго кадетскаго корпуса, Положеніемъ (§ 5) дозволялось выбирать 50 изъ лучшихъ воспитанниковъ 2-го отдѣ-

Учебная програма женскаго 2-го отдѣленія была шире мужской программы того же отдѣленія. Воспитанницы должны были обучаться: закону Божію, русскому языку, чтенію, письму и грамматикѣ (на мужской половинѣ только чтенію и письму), ариѳметикѣ (на мужской половинѣ лишь „сколько нужно, чтобы умѣть обыкновенныя дѣлать выкладки") и рисованію (на мужской не полагалось)—сколько нужно „рукодѣльницамъ, преимущественно же рукодѣліямъ и искусствамъ полу ихъ приличнымъ". Обученіе рукодѣліямъ входило въ програму и 1-го отдѣленія, но тамъ воспитанницъ должны были обучать этому учителя или „мастера"; а солдатскихъ дочерей предписывалось отдавать „для окончательной выучки въ ученіе, съ пользой Императорскому военно-сиротскому Дому". Воспитанницы 2-го отдѣленія должны были, кромѣ того, обучаться съ 12-ти лѣтъ „подъ присмотромъ назначаемаго директоромъ человѣка, на поварнѣ ко всѣмъ работамъ"; также предписывалось пріучать ихъ къ разнымъ подробностямъ домашней экономіи (§ 15 Положенія).

По достиженіи воспитанницами обоихъ отдѣленій 16-ти лѣтъ, родители могли брать ихъ къ себѣ, но лишь въ томъ случаѣ, „буде содержать ихъ могутъ благопристойно". Если же—сказано въ § 16—родители окажутся не въ состояніи дать содержаніе своей дочери („что и предполагать должно о многихъ, поелику Домъ сей учреждается для бѣдныхъ и сиротъ"), тогда она остается въ вѣдомствѣ Императорскаго военно-сиротскаго Дома и, получая годовые паспорты отъ начальства, вступаетъ съ оными по желанію своему въ услуженіе въ партикулярный извѣстный домъ на урочное время съ договоромъ, а изъ условленнаго жалованья обращаетъ восьмую часть въ пользу Императорскаго военно-сиротскаго Дома".

Въ случаѣ еслибы воспитанницѣ представилась, по окончаніи курса ученія, возможность выйти замужъ „за достойнаго по своему состоянію жениха, то чинить сіе—сказано въ Положеніи—съ вѣдома главнаго Дому начальства, отъ котораго получать о честномъ поведеніи и знаніяхъ аттестатъ, съ изображеніемъ въономъ для каждаго отдѣленія особо преимуществъ, каковыми за благо усмотрѣно будетъ предоставить имъ пользоваться, и по разсмотрѣніи главнаго начальства опредѣлять денежное приданое

ленія и обучать ихъ въ однихъ классахъ съ благородными дѣтьми тѣмъ наукамъ, „къ которымъ имѣютъ способность". Эти 50 солдатскихъ воспитанниковъ предназначались къ занятію впослѣдствіи мѣстъ—сначала помощниковъ учителей, а потомъ, „когда въ наукахъ утвердятся", на учительскія вакансіи какъ въ самомъ Домѣ, такъ и при гарнизонныхъ училищахъ.

изъ экономическихъ суммъ Дома и тогда уже дѣвица становится отъ сего Дома отдѣленною и независимою".

Наконецъ, тѣхъ воспитанницъ, которыя „оказали бы особливыя въ познаніяхъ или рукодѣліяхъ способности", Положеніемъ (§ 18) разрѣшалось оставлять въ Домѣ для присмотра за дѣтьми или „для обученія оныхъ въ пріобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ въ званіи учительницъ, съ полученіемъ жалованья, которое уже остается въ полномъ ихъ распоряженіи".

Въ Положеніи о военно-сиротскомъ Домѣ узаконены новыя для воспитанія дѣвицъ цѣли, а также введено новое начало, существенно измѣнявшее характеръ отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ классовъ общества. При Екатеринѣ образованіе и воспитаніе во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ давалось дѣтямъ и юношеству даромъ, безъ всякаго съ ихъ стороны впослѣдствіи возврата хотя бы части истраченныхъ государствомъ на ихъ воспитаніе денегъ. Это и понятно, если имѣть въ виду цѣль, съ которою тогда воспитывалось и образовывалось юношество. Послѣ смерти Екатерины, взамѣнъ этой, общей, государственной цѣли, была поставлена личная, въ интересахъ самихъ воспитываемыхъ, которымъ получаемое ими воспитаніе и образованіе должно было обезпечивать средства къ существованію; тогда должно было измѣниться и отношеніе къ нимъ правительства. Поэтому „Положеніемъ" (§ 16) воспитанницы военно-сиротскаго Дома обязывались по поступленіи на мѣсто въ частный домъ отдавать восьмую часть своего жалованья въ пользу заведенія, въ которомъ онѣ получили воспитаніе.

Примѣненіе этого начала было сдѣлано Императрицею Маріею по отношенію и къ Воспитательнымъ Домамъ. По поводу нѣкоторыхъ измѣненій, которыя она признала нужнымъ сдѣлать въ утвержденномъ Императоромъ Павломъ въ декабрѣ 1797 года ея планѣ преобразованія Домовъ, она, въ новомъ докладѣ, указала на то, что до сихъ поръ всѣ работы питомцевъ обоего пола продавались въ ихъ пользу, безъ всякой прибыли Дому, „хотя питомцы снабжены отъ Дома всѣмъ необходимымъ", и предложила, чтобы съ 1-го января 1799 года „изъ вырученныхъ питомцами обоего пола работъ составлять основной капиталъ и вносить въ сохранную казну на приращеніе въ пользу Воспитательнаго Дома, дабы вѣрно знать, сколь далеко такая прибыль простираться можетъ, и замѣнитъ ли со временемъ издержки, на воспитаніе дѣтей чинимыя" [1]).

[1]) П. Собр. Т. XXV, 18804.

Назначеніе бывшихъ воспитанницъ Смольнаго на мѣста учительницъ примѣнялось еще при Екатеринѣ, но такія назначенія были случайными; теперь для воспитанницъ военно-сиротскаго Дома обезпечивалась законодательствомъ профессія учительницы, хотя и въ ограниченномъ кругѣ того заведенія, въ которомъ онѣ сами получили воспитаніе.

Обнаружившееся съ перваго же года управленія Императрицы Маріи женскими учебными заведеніями стремленіе дать практическое направленіе ученію и воспитанію въ нихъ—причемъ рядомъ съ общественною пользою, и даже на первомъ планѣ, стояло желаніе обезпечить будущую судьбу воспитанницъ—проявилось и при учрежденіи ею цѣлаго ряда институтовъ и училищъ. Строго придерживаясь началъ сословности, съ мельчайшимъ раздробленіемъ вновь основываемыхъ женскихъ учебныхъ заведеній по категоріямъ происхожденія и званія воспитанницъ, Императрица, послѣ основанія сиротскаго училища для дочерей мѣщанъ и придворныхъ служителей, и училища ордена св. Екатерины для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, почти каждый затѣмъ годъ открывала новые женскіе институты и училища, или преобразовывала и расширяла основанные ранѣе.

Съ 1785 года существовалъ въ Петербургѣ, при родильномъ госпиталѣ, Акушерскій институтъ, состоявшій въ вѣдѣніи Опекунскаго Совѣта подъ названіемъ „училище для акушерокъ" [1]). Въ немъ еще при Екатеринѣ, съ 1794 года, обучались акушерству, какъ уже выше было сказано, двѣнадцать воспитанницъ изъ питомицъ петербургскаго Воспитательнаго Дома и, кромѣ того, допускались посторонпія лица обоего пола [2]). Въ 1800 году Императрица Марія поручила экстраординарному профессору акушерства при московскомъ университетѣ, Рихтеру, составить проектъ „Практическаго Акушерскаго Института" въ Москвѣ. Медицинская коллегія не одобрила проекта Рихтера, который полагалъ сохранить существовавшій въ петербургскомъ училищѣ порядокъ обученія въ будущемъ институтѣ какъ акушерокъ, такъ и медицинскихъ студентовъ. Коллегія нашла, что пребываніе подъ одною кровлею, хотя и въ отдѣльныхъ комнатахъ, студентовъ и большого числа лицъ женскаго пола, въ томъ числѣ и ученицъ, „предо-

---

[1]) *Чистовичъ*. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. 1883, стр. 521.

[2]) Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 1794 года записано, что, по повелѣнію Императрицы, въ московскомъ и петербургскомъ родильныхъ госпиталяхъ должны были обучаться повивальному искусству по два человѣка студентовъ изъ лѣкарскихъ школъ, находящихся при госпиталяхъ (Монографіи. Приложеніе, стр. 235).

судительно, ненадежно и соблазнительно"[1]). Рихтеръ исключилъ изъ проекта все, что касалось сближенія половъ, и тогда Императрица Марія назначила его директоромъ института; но она не согласилась даже на его просьбу позволить ему обучать новыхъ воспитанницъ у себя на дому два раза по два часа въ недѣлю, вмѣстѣ съ ввѣренными ему медицинскою коллегіею для обученія „бабушками" и, напротивъ, предписала „отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не обучать воспитанницъ новаго заведенія съ прочими воспитанницами въ Домѣ, отъ коихъ онѣ совершенно должны быть отдѣлены"[2]). Въ институтъ должны были приниматься воспитанницы не моложе 16-ти лѣтъ, умѣющія по крайней мѣрѣ читать и писать на родномъ языкѣ.

Практическій институтъ въ Москвѣ былъ открытъ для десяти штатныхъ воспитанницъ 1-го января 1801 года на 20.000 р., пожертвованныхъ въ 1771 году Демидовымъ петербургскому родильному госпиталю и переведенныхъ, по распоряженію Императрицы Маріи, въ московскій Воспитательный Домъ „для заведенія при ономъ института Повивальнаго искусства"[3]).

Въ слѣдующемъ году Императрица Марія собственноручно составила планъ (на французскомъ языкѣ) училища ордена св. Екатерины въ Москвѣ на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовало петербургское училище того же ордена. Въ рескриптѣ отъ 24-го апрѣля 1802 года на имя оберъ-камергера князя Голицына, котораго она назначала членомъ Совѣта будущаго училища, Императрица писала: „Симъ выборомъ, уповаю, сдѣлала я удовольствіе всему московскому дворянству, въ пользу коего въ особенности сіе училище заводится"[4]).

Въ данномъ ею Совѣту будущаго училища указѣ, Императрица опредѣлила цѣль его учрежденія такъ: „первый и главный предметъ есть распространеніе способовъ къ хорошему воспитанію между недостаточнымъ россійскимъ дворянствомъ". Поэтому

---

[1]) *Чистовичъ*. Приложеніе, CCLXXXII.

[2]) Учрежденія Моск. Восп. Дома, 1797—1826, IX. О практическомъ институтѣ для повивальнаго искусства при Имп. Восп. Домѣ учреждаемомъ. § 5. (Арх. IV отд.).

[3]) Рескриптъ Баранову 24 іюля 1800 г. Распоряженіе о переводѣ этихъ денегъ въ Москву тамошнему родильному госпиталю было сдѣлано еще въ 1784 году Бецкимъ, который взамѣнъ пожертвованныхъ Демидовымъ 20.000 р. внесъ такую же сумму изъ собственныхъ средствъ на содержаніе петербургскаго родильнаго госпиталя, о чемъ упомянуто и въ рескриптѣ Императрицы Баранову.

[4]) Историческая записка о московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ. Составлена по имѣющимся въ канцеляріи мѣстнаго Совѣта документамъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ члена онаго по хозяйственной части. Москва. 1875, стр. 13.

Совѣту было предписано принимать дочерей дворянскихъ или такихъ родителей, чины которыхъ даютъ и дѣтямъ дворянское достоинство. „Бѣдность — сказано въ указѣ — даетъ первѣйшее право на призрѣніе при пріемѣ. Особенно бездостаточныя сироты, отца или матери лишенныя". Пріемный возрастъ былъ опредѣленъ сначала отъ десяти до одиннадцати, а потомъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Московское училище ордена св. Екатерины было основано, по примѣру петербургскаго, на 60 штатныхъ воспитанницъ, дочерей оберъ-офицерскаго званія, на средства, дарованныя Императоромъ Александромъ I, который назначилъ училищу по 18.000 р. ежегодно и 3.000 р. единовременно, на первоначальные расходы, изъ государственнаго казначейства; кромѣ того Императрица и другіе члены императорской семьи назначили отъ себя, для ежегоднаго взноса училищу, сумму, составившую въ общей сложности 17.000 р., что вмѣстѣ съ 18.000 р., пожалованными государемъ, обезпечивало училищу 35.000 р. ежегоднаго дохода [1]). Для помѣщенія его Императрица подарила московскому училищу еще раньше ею пріобрѣтенный бывшій Инвалидный домъ [2]). Училище было открыто 10-го февраля 1803 года.

Въ 1802 же году Императрица, желая улучшить воспитаніе принесенныхъ въ Воспитательный Домъ и розданныхъ по деревнямъ дѣтей, учрежденіемъ „такихъ мѣстъ, гдѣ бы ихъ порядочно воспитывали и обучали элементарнымъ предметамъ", открыла на свой счетъ въ Гатчинѣ Сельскій Воспитательный Домъ на 700 „и болѣе" младенцевъ обоего пола отъ двухъ до десяти лѣтъ [3]).

Въ этихъ пяти существовавшихъ лишь въ столицахъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ могли получать образованіе 600 штатныхъ воспитанницъ и кромѣ того допускались пенсіонерки.

Еще въ 1802 году Императрица, въ собственноручно написанномъ планѣ будущаго училища въ Москвѣ, говорила государю:

---

[1]) Императрица Марія перечисляетъ, въ представленномъ ею на утвержденіе Императора Александра планѣ, пожертвованныя императорскою семьею суммы. „Вы позволили, любезный сынъ, — говоритъ она въ „Планѣ" — поставить Васъ во главѣ жертвователей—18.000 р. Ваша супруга, моя любезная невѣстка, одушевленная, какъ и Вы, усердіемъ къ общему благу, и желая содѣйствовать ему, назначаетъ 2.000 р. Ваши добрыя сестры, Марія, Екатерина и Анна, желая также участвовать въ общеполезномъ дѣлѣ, жертвуютъ по тысячѣ рублей каждая, всего 3.000 р. Вашъ братъ Константинъ, проникнутый такимъ же усердіемъ, жертвуетъ 3.000 р. Ваши братья Николай и Михаилъ пожертвовали по тысячѣ рублей каждый—2.000 р. Что касается меня, то я назначаю 6.000 р." (Истор. зап. стр. 5 и 6).

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Монографія. Приложеніе, стр. 240.

„Множество просьбъ объ опредѣленіи дѣтей въ Общество благородныхъ дѣвицъ и въ Институтъ св. Екатерины служитъ доказательствомъ, что не смотря на благодѣянія покойнаго Императора, который пріемъ дѣвицъ въ Общество увеличилъ вдвое, назначивъ вмѣсто 50-ти принимать 100 благородныхъ дѣвицъ, и вмѣсто 50-ти мѣщанскихъ дѣвицъ также 100, и учредилъ Институтъ св. Екатерины для 60-ти дѣвицъ съ дозволеніемъ сверхъ того принимать и пенсіонерокъ, — всѣ эти заведенія не удовлетворяютъ потребностямъ недостаточнаго дворянства обширной Имперіи, находящагося не въ состояніи давать своимъ дѣтямъ надлежащее воспитаніе, которое впослѣдствіи должно составлять ихъ богатство и приданое. Ваше столь живое, столь глубокое желаніе составить счастіе народа, который Васъ любитъ въ настоящемъ и надѣется получить все, чего имѣетъ столько права ожидать отъ Васъ въ будущемъ, обязываютъ меня предложить Вамъ и представить на Ваше рѣшеніе планъ воспитательнаго заведенія для малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, которое будетъ отдѣленіемъ здѣшняго Института св. Екатерины и точною его копіей во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи, учрежденномъ единственно для недостаточнаго дворянства, ученіе и всѣ занятія дѣвицъ, какъ Вы сами видѣли, приноровлены къ ихъ будущему положенію, такъ какъ большая часть изъ нихъ, при недостаткѣ родителей, должны будутъ въ самихъ себѣ находить всѣ средства къ существованію собственными трудами, или къ оказанію помощи родителямъ, занимаясь воспитаніемъ своихъ младшихъ сестеръ. Учрежденіемъ, по моему предложенію, Института въ Москвѣ, Вы, любезнѣйшій сынъ, приблизитесь еще на шагъ къ одному изъ тѣхъ предметовъ общаго блага, которое имѣется въ виду, и Вы облегчите способы къ распространенію воспитанія, и, можетъ быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ представится возможность заняться учрежденіемъ подобнаго заведенія въ одной изъ Вашихъ губерній; такимъ образомъ, увеличивая число заведеній всегда по одному и тому же плану, Вы будете имѣть счастіе осуществить и развить благотворные виды Вашей бабки и Вашего родителя“ [1])...

Мысль объ учрежденіи женскихъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ по видимому тогда уже занимала Императрицу Марію и возможность осуществить эту мысль казалась ей близкой. 18-го ноября 1803 года Императрица писала неизвѣстному лицу: „такъ какъ вы извѣщены, любезный графъ, о проектѣ основать институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ“... Въ этомъ письмѣ она

[1]) Истор. зап., стр. 3 и 4.

просила графа справиться о помѣщеніи будущаго института, „разсчитаннаго на 60 воспитанницъ", также пріискать директриссу, классныхъ дамъ и „вообще все что нужно" [1]). При этомъ она говорила, что помѣщеніе института должно быть на столько велико, чтобы можно было сразу принимать и пенсіонерокъ, такъ чтобы общее число воспитанницъ простиралось до восьмидесяти.

Въ 1804 году Императрица представила государю записку, въ которой предлагала учредить „постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пять училищъ для женскаго пола: три для благородныхъ и два для мѣщанокъ". Первыя три Императрица полагала учредить въ Казани, Кіевѣ и „впредь назначенномъ городѣ", а послѣднія два—въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Посылая копію своей записки Совѣту Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Императрица извѣщала его, что государь выразилъ ей изустно согласіе на осуществленіе ея намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ волю, чтобы „тѣмъ скорѣе сдѣлать сему первое начало немедленно въ Москвѣ" [2]). Вслѣдствіе этого Императрица сообщила государю свои соображенія „о производствѣ въ дѣйствіе послѣдняго (т.-е. училища для мѣщанокъ въ Москвѣ), которое послужитъ правиломъ для всѣхъ прочихъ". На ежегодное содержаніе училища, полагая въ немъ 80—90 воспитанницъ, Императрица, „основываясь на опытѣ", назначала 24 тыс. рублей. „А такъ какъ—писала она—эта сумма составляетъ 6% съ капитала въ 400.000 рублей, то лучшимъ средствомъ обезпеченія навсегда сего заведенія въ вѣрности дохода, безъ дальнѣйшаго отягощенія государственнаго казначейства, было бы внести единожды капиталъ въ 400.000 рублей на вѣчное время въ сохранную казну Воспитательнаго Дома, которая съ него и будетъ производить училищу по 6%". Для облегченія же казначейства во взносѣ „столь знатнаго" капитала, Императрица просила государя повелѣть министру финансовъ занять 400.000 р. изъ сохранныхъ казенъ обоихъ воспитательныхъ домовъ поровну, на восемь лѣтъ на обыкновенныхъ условіяхъ и присвояя капиталъ училищу, оставить его въ сохранной казнѣ на вѣчное обращеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица сообщала Совѣту Общества, что управленіе вновь учреждаемымъ училищемъ будетъ ввѣрено Совѣту московскаго училища ордена св. Екатерины, а предполагаемыя три училища для благородныхъ и одно мѣщанское будутъ состоять въ вѣдомствѣ Совѣта Общества благородныхъ дѣвицъ.

---

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1803 (Арх. IV отд.).

[2]) Протоколъ Совѣта 29 янв. 1804 г.

Перестройка дома, назначеннаго для помѣщенія будущаго мѣщанскаго училища въ Москвѣ, нѣсколько замедлила его открытіе, которое совершилось лишь въ 1805 году, 30-го августа [1]). Новое училище, согласно предписаннымъ 12-го іюня 1805 года Императрицею правиламъ, назначалось для: а) такихъ изъ офицерскихъ по воинской, статской или придворной службѣ дочерей, которыя по чину родителей не могутъ поступить въ Екатерининскія училища; б) дочерей мѣщанъ, записанныхъ въ гильдіи котораго либо города; в) дочерей священниковъ и г) дочерей медиковъ и лѣкарей, не имѣющихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ; позднѣйшимъ повелѣніемъ 28-го іюля того же года, допускались еще дочери учителей и художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина [2]). Въ 1807 году это училище было переименовано въ Александровское; повелѣніе объ этомъ было дано 12-го декабря, „яко дня рожденія Его Императорскаго Величества".

Изъ предположенныхъ Императрицею пяти училищъ было учреждено лишь одно, хотя Императрица велѣла уже купить въ Казани для будущаго института мѣсто на такъ называемомъ Арскомъ полѣ [3]) и пріискивала для него классныхъ дамъ [4]). Тогда же былъ составленъ проектъ общаго для всѣхъ институтовъ плана [5]).

Почему не были открыты другія проектированныя женскія учебныя заведенія—неизвѣстно. Но въ 1807 году Императрица Марія взяла подъ свое начальство женскую половину военно-сиротскаго Дома, отдѣленную отъ мужской въ особое училище подъ названіемъ „дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома" [6]). До этого времени обѣ половины, мужская и женская, помѣщались въ одномъ зданіи, подаренномъ графомъ Воронцовымъ, и состояли подъ общимъ для всего Дома управленіемъ директора, подполковника Гена, въ лицѣ котораго въ военно-сиротскомъ Домѣ сосредоточивались тѣ обязанности, которыя въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ лежали на Совѣтѣ. Церковь, классы и столовыя были общіе для мальчиковъ и дѣвочекъ; въ классахъ послѣднія сидѣли на переднихъ скамейкахъ, а мальчики—на заднихъ [7]).

[1]) Истор. зап., стр. 169. Александровское училище.

[2]) Тамъ же, стр. 159. 172.

[3]) Докладъ Императрицы 8 февраля 1828 (Арх. IV отд. Докладной реэстръ. 1828).

[4]) Переписка по Екат. инст. 1805 (Арх. IV отд.).

[5]) Черновой его сохранился въ бумагахъ IV отд.

[6]) Им. указъ 11 апрѣля 1807 (П. Собр. XXX, 22509).

[7]) Изъ воспоминаній о прожитомъ И. Р. Тимченко-Рубана („Историч. Вѣстникъ", 1890, май).

Въ 1804 году былъ первый выпускъ воспитанницъ перваго пріема; ихъ выпускали въ разное время, ибо по Положенію 1798 года воспитанницы должны были оставаться въ Домѣ до 16-ти лѣтъ. При выпускѣ имъ выдавались свидѣтельства [1]); въ нихъ отмѣчались сдѣланные ими успѣхи въ наукахъ, программа которыхъ была расширена въ 1802 году введеніемъ въ нее французскаго языка [2]).

Однако, по словамъ Императрицы Маріи въ представленной ею въ 1807 году государю запискѣ [3]), воспитаніе, какое до тѣхъ поръ давалось въ женскомъ отдѣленіи, было „по видимому совершенно пренебрежено... Взрослыя дѣвицы — писала Императрица—совершенно ничего не знаютъ, и даже въ рукодѣліяхъ, женщинамъ свойственныхъ, лишь немного... Учителя ходятъ неправильно, священника не было пять послѣднихъ мѣсяцевъ... Можно было, сказавшись родственникомъ, взять воспитанницу на неопредѣленное время, и потомъ привезти ее обратно. Воспитанницъ никуда не могли помѣщать, ибо онѣ ничего не знаютъ и по причинѣ ихъ „mauvaise tenue“. Поэтому многія изъ взрослыхъ остаются въ Институтѣ“.

Еще до принятія начальствованія надъ женскимъ отдѣленіемъ военно-сиротскаго Дома, Императрица поручила начальницамъ Смольнаго монастыря и училища ордена св. Екатерины, г-жамъ Адлербергъ и Брейткопфъ, вмѣстѣ съ инспектриссами отправиться въ военно-сиротское женское отдѣленіе экзаменовать четырнадцать воспитанницъ, назначенныхъ ею для помѣщенія въ пепиньеръ Общества. Впечатлѣніе, вынесенное начальницами о воспитанницахъ отдѣленія, было не въ пользу ихъ воспитанія. „Не только потому, что у нихъ дурныя манеры (mauvaise tournure), и даже не потому, что у нихъ мало познаній (peu de connaissances), мы

---

[1]) Въ выданномъ 31 декабря 1804 г. свидѣтельствѣ было сказано: „отъ Императорскаго Военно-сиротскаго дома находившейся въ ономъ въ числѣ благородныхъ воспитанницъ отставного подпоручика Лошкарева дочерѣ дѣвицѣ Прасковьѣ въ томъ, что будучи еще опредѣленною 1797 г. февраля 12 дня въ сей домъ, обучалась закону Божію, россійскому, нѣмецкому и французскому чтенію и Письму, граматикѣ, исторіи, географіи и Рисовать такъ же Вышивать разными шелками и золотомъ и при хорошемъ поведѣніи оказывала во всемъ томъ желаемый успѣхъ“. Подписалъ: Директоръ Государственной Военной Коллегіи ея Експедиціи о военно-сиротскихъ учрежденіяхъ членъ отъ Арміи Генералъ-Маіоръ, орденовъ... кавалеръ Веймарнъ (Переписка по дѣвичьему училищу военно-сиротскаго Дома. Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. XXVII, 20131.

[3]) Sur l'Institut des Orphelines de Militaires. Записка, представленная Императрицею государю и одобренная имъ 17 февраля 1807 г. (Учрежденія Павловскаго Института, 1807—1855, XVIII, Арх. IV отд.).

принуждены—писала Брейткопфъ Императрицѣ—умолять Ваше Величество не давать ихъ намъ; но главнымъ образомъ то воспитаніе, которое онѣ получили, приводитъ насъ въ трепетъ при мысли, что мы смѣшаемъ ихъ съ нашими ангелами, ибо такъ слѣдуетъ назвать нашихъ воспитанницъ въ сравненіи съ тѣми... Да и сами онѣ, по видимому, не пожелаютъ идти въ наши Дома, правила которыхъ имъ покажутся слишкомъ строгими, а удовольствія, доставляющія нашимъ воспитанницамъ столько счастія, скучными въ сравненіи съ тѣми, которыми онѣ прежде пользовались у себя и пользуются теперь у своихъ родителей, у которыхъ проводятъ дни, недѣли и мѣсяцы" [1]). Адлербергъ также нашла, что у воспитанницъ военно-сиротскаго Дома „нѣтъ женственности и нравственности" [2]).

Вообще, объ этомъ времени, до 1807 года, между начальствующими лицами „дѣвичьяго училища" сохранилось печальное воспоминаніе; въ ихъ сообщеніяхъ Императрицѣ о прошломъ училища безпрестанно употребляются выраженія: „le temps malheureux", „les mauvaises impressions du temps passé". Директрисса, иностранка Васмутъ, оставленная Императрицею въ этой должности, доносила ей, что прежде цѣлыми годами въ отдѣленіи совсѣмъ не бывало уроковъ и жаловалась на то, что воспитанницы говорятъ между собою по-русски. „Надѣюсь — писала она [3]),—что въ будущемъ году мнѣ удастся совершенно искоренить въ нихъ дурную привычку говорить между собою по-русски, и что я буду имѣть удовольствіе слышать ихъ говорящими по-французски". Сама Васмутъ плохо писала по-русски, какъ это видно изъ представляемыхъ ею Императрицѣ „щетовъ въ гардиропъ Его Императорскаго Величества военно-сиротскаго дома дѣвичьяго отдѣленія отъ Директризы Елизаветы Антоновны Васмутъ" [4]).

Принимая отдѣленіе подъ свое начальство, Императрица, въ запискѣ государю отъ 17-го февраля 1807 года, просила его: 1) назначить для содержанія училища по 25.000 р. въ годъ, кромѣ провіанта и одежды воспитанницамъ, отпускавшимся прежде изъ военной Коллегіи; 2) выдавать изъ Кабинета вдобавокъ къ получаемымъ изъ военно-сиротскаго Дома 200 р. на приданое воспитанницамъ: перваго отдѣленія по 300 р., а второго—по 200 р.

---

[1]) Письмо Брейткопфъ Императрицѣ Маріи 19 апрѣля 1806 г. (Переписка по Ек. Инст. Арх. IV отд.).

[2]) Переписка по Восп. Общ. бл. дѣв. 1806 (Арх. IV отд.).

[3]) Переписка по дѣв. уч. в.-сир. Дома. Письмо Васмутъ 31 декабря 1807 года.

[4]) Переписка. Письмо 30 окт. 1807.

„ибо—писала Императрица—съ тѣхъ поръ какъ дѣвичье училище отдѣлено отъ Дома, ему прекращена выдача суммы на приданое воспитанницамъ, которымъ прежде отпускалась изъ капитала въ 150.000 р. сберегательной кассы Дома" и 3) разрѣшить заемъ изъ сохранной казны Воспитательнаго Дома 25.000 рублей для покупки смежнаго съ училищемъ дома. Всѣ эти предложенія были одобрены Императоромъ Александромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Императрицы, а для покупки дома государь разрѣшилъ сдѣлать заемъ въ 30.000 р. подъ обязательство министра финансовъ на счетъ государственнаго казначейства [1]).

Вслѣдъ затѣмъ были утверждены представленныя Императрицею „Учрежденія дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома" и штатъ его. Согласно новому „Учрежденію", училище предназначалось исключительно для „законныхъ дочерей военной службы недостаточныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ до подполковничьяго чина включительно и нижнихъ, чиновъ, за исключеніемъ всякаго другого состоянія" [2]). Преимущественно должны были приниматься сироты и тѣ, у отцовъ которыхъ нѣтъ иного достатка, кромѣ жалованья, „а особливо коихъ отцы убиты въ сраженіяхъ". Воспитанницы по прежнему дѣлились на два отдѣленія, по 50-ти въ каждомъ. Первое — для благородныхъ, штабъ и оберъ-офицерскихъ дочерей или и нижнихъ служителей, но изъ дворянъ. Второе—для военныхъ, морскихъ и сухопутныхъ, нижнихъ служителей не изъ дворянъ. Пріемный возрастъ опредѣлялся — не моложе семи и не старше одиннадцати лѣтъ.

Въ постоянныхъ заботахъ о воспитанницахъ ввѣренныхъ ей заведеній Императрица Марія, Высочайшимъ повелѣніемъ Опекунскимъ Совѣтамъ, 29-го декабря 1808 года, объявила: „Имѣя непрестанно въ виду лучшее устроеніе будущаго жребія воспитанницъ и изысканіе средствъ соединить ихъ благосостояніе съ пользою общею, Я между прочимъ обратила вниманіе свое на недостатокъ, ощущаемый внутри государства, особливо родителями посредственнаго состоянія, въ хорошихъ наставницахъ для воспитанія дѣтей и вознамѣрилась по возможности отвратить сей недостатокъ, или сдѣлать оный меньше чувствительнымъ, посредствомъ приготовленія къ сему званію нарочитаго числа воспитанницъ обоихъ Домовъ. Для достиженія сего предмета надобно способнѣйшимъ изъ нихъ дать лучшее въ отношеніи къ наукамъ и художествамъ воспитаніе, нежели какое теперь получаютъ, и снабдить

---

[1]) 22 марта 1807 г. Учрежденія Павловскаго Института.

[2]) П. Собр. Т. XXX, 22512.

ихъ познаніями и талантами, почитаемыми нынѣ необходимо нужными для благовоспитанія дѣвицы. А какъ тѣмъ самымъ открывается воспитанницамъ путь къ устроенію будущаго ихъ счастія, то излишнія на сей предметъ издержки достаточно вознаградятся успѣхомъ сего новаго постановленія. Основываясь на этихъ разсужденіяхъ, повелѣваю: 1) учредить постепенно въ обоихъ Воспитательныхъ Домахъ по два отдѣльныхъ класса, каждый изъ 25-ти дѣвицъ; сверхъ закона Божія, ариѳметики, россійскаго и нѣмецкаго языковъ, чистописанія и рисованія, преподавать имъ еще французскій языкъ, исторію, географію, музыку, танцы и рукодѣлія такъ, чтобы не только сами во всѣхъ знаніяхъ и рукодѣліяхъ были свѣдущи, но и могли обучать ввѣренныхъ имъ дѣтей; 2) немедленно пріискать хорошихъ учителей во всѣхъ предметахъ; 3) младшіе классы устроить изъ способнѣйшихъ воспитанницъ одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, чтобы знали читать и нарочито писать по-русски и по-нѣмецки и первыя четыре правила ариѳметики; въ эти классы не брать пенсіонерокъ извѣстныхъ родителей или родственниковъ имѣющихъ, ибо они неохотно оставятъ столицы; 4) эти 25 воспитанницъ будутъ въ первомъ классѣ три года; 5) послѣ публичнаго экзамена ихъ перевесть во второй классъ и вмѣсто нихъ принять въ первый новыхъ 25; 6) во второмъ классѣ первые два года должны продолжаться лекціи, а третій годъ — для повторенія всего, чтобы воспитанницы пріучились сами объяснять, что знаютъ, и послѣ того дѣлать публичный экзаменъ для обоихъ классовъ, каковый потомъ уже каждые три года возобновлять; 7) назначенныя къ выпуску 25 дѣвицъ могутъ оставаться еще одинъ годъ въ Домѣ; онѣ раздѣляются по возрастамъ, однѣ для обученія младшихъ воспитанницъ, другія опредѣляются для повторенія уроковъ, или упражненія въ музыкѣ или танцованіи; 8) послѣ экзамена публиковать въ вѣдомостяхъ о выпускѣ 25-ти дѣвицъ для опредѣленія въ наставницы, затѣмъ пріискивать имъ мѣста, разсматривая предложенія родителей, и когда найдутся мѣста хорошія и надежныя, условія выгодныя, представлять мнѣ объ отдачѣ такой воспитанницы и по моемъ утвержденіи ей выдавать вѣчноувольнительное свидѣтельство; такая воспитанница первые пять лѣтъ состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ Опекунскаго Совѣта и можетъ всегда просить его заступленія, но она не можетъ въ теченіе пяти лѣтъ перемѣнить мѣста безъ вѣдома Совѣта; 9) надзоръ за ученіемъ сихъ 50-ти отдѣльныхъ воспитанницъ въ Петербургѣ поручается инспектору надъ классами, а въ московскомъ Домѣ—надзира-

телю при латинскихъ классахъ, впредь до опредѣленія инспектора" [1]).

Эти классы были названы французскими, можетъ быть въ отличіе отъ нѣмецкихъ, въ которыхъ воспитанницы Воспитательныхъ Домовъ приготовлялись въ няньки и повивальныя бабки.

Еще въ 1805 году, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, государь разрѣшилъ отпустить изъ суммъ, на строеніе по государству опредѣленныхъ, 13.355 рублей по смѣтѣ, представленной Императрицею Маріею „на отстройку при одномъ изъ флигелей Воспитательнаго Дома для Повивальнаго института и ежегодной, по распоряженію Ея Величества, суммы на содержаніе его изъ суммъ медицинскихъ" [2]). Въ 1811 году въ этомъ флигелѣ Императрица открыла повивальный институтъ на средства, составившіяся изъ капитала Бецкаго въ 20.000 р., пожертвованныхъ имъ петербургскому родильному госпиталю и обращавшемуся въ сохранной казнѣ, и другого имъ же пожертвованнаго отъ имени „неизвѣстнаго" [3]) капитала въ 36.115 рублей на „основаніе вѣчнаго заведенія училища искусству повивальныхъ бабокъ и акушерству" [4]). Оба капитала, обращавшіеся въ сохранной казнѣ, составляли въ 1811 году сумму въ 60.793 р. Изъ нея и должно было содержаться въ Петербургѣ повивальное училище, основанное на двѣнадцать воспитанницъ за счетъ Воспитательнаго Дома, увеличенное въ 1816 г. еще восемнадцатью воспитанницами на средства министерства полиціи [5]). Ихъ назначали изъ непричисленныхъ къ классамъ питомицъ Воспитательныхъ Домовъ по выбору акушера и съ собственнаго согласія, и обучали нѣмецкому языку для того, чтобы онѣ могли поступать въ повивальный институтъ [6]).

Въ 1814 году измѣнены правила пріема на мѣщанскую половину Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и основано,

---

[1]) Латинскіе классы были открыты при Воспитательныхъ Домахъ въ 1806 году, для лучшихъ питомцевъ, которые освобождались отъ обученія ремесламъ и должны были обучаться наукамъ, съ цѣлію поступленія впослѣдствіи въ медицинскую Академію (Учрежденія Пет. и Моск. Восп. Домовъ 1804—1817, VII).

[2]) П. Собр. Т. XXVIII, 21.659.

[3]) Въ именномъ спискѣ благотворителей, оказавшихъ усердіе подаяніемъ къ воспитательному дому, значится: „1784 г. мая 2-го 20.000 р. Демидовымъ, что велѣно перевести въ Москву, а въ Петербургѣ содержать на иждивеніи неизвѣстнаго, на что и сумма назначена 20.000. 29 октября. Отъ неизвѣстнаго 36.115 р. Обѣ сіи суммы зачтены изъ капитала Его Высокопревосходительства при жизни его, Марта. 1794 г." (Учрежд. Пет. и М. В. Д. 1797—1803, VI).

[4]) Монографіи. Приложеніе. 234.

[5]) Тамъ же, 235.

[6]) Начало Спб. Сиротскаго института (Арх. IV отд.).

какъ особенное на этой половинѣ, отдѣленіе—военное. Это преобразованіе было вызвано тѣмъ, что послѣ войны „умножилось число воинскихъ чиновниковъ, нуждающихся въ пособіи къ воспитанію дочерей“. Поэтому Императрица предложила государю свой планъ, который и былъ имъ одобренъ 28-го августа 1814 года [1]). Предложеніе Императрицы состояло въ томъ, чтобы на предстоящій въ 1815 году наборъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ мѣщанскомъ училищѣ, „въ которомъ—писала она государю—принимаются также дочери оберъ-офицеровъ, которые не изъ дворянъ, половина штатныхъ 100 мѣстъ въ каждое изъ сихъ заведеніе составляющихъ, предоставить исключительно дочерямъ военныхъ чиновниковъ сухопутныхъ и морскихъ, какъ въ дѣйствительной службѣ находящихся, такъ и отставныхъ, и симъ способомъ въ пріемъ 1815 года можно будетъ призрѣть до 100 такихъ дѣвицъ“. А какъ — говорится далѣе въ запискѣ Императрицы — въ такъ называемомъ мѣщанскомъ училищѣ дочери военныхъ чиновниковъ не изъ дворянъ принимаются теперь лишь до капитанскаго чина отцовъ, а дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, простирающее пріемъ до подполковничья чина, не довольно обширно для умноженія числа дѣвицъ, увеличеніе же онаго влекло бы за собою немаловажныя издержки: поэтому почитаю я удобнѣе вмѣсто того пріемъ въ мѣщанское училище распространить до полковничьяго чина, составляя изъ дочерей военныхъ чиновниковъ, впредь въ сіе училище поступающихъ, особливое Отдѣленіе, подъ названіемъ Военнаго, которое отъ прочихъ мѣщанскаго училища воспитанницъ отличено будетъ цвѣтомъ платья и прибавленіемъ танцованія къ предметамъ ученія. Но такая перемѣна одежды, требуя ежегодной постройки новаго платья, вмѣсто заведеннаго для прочихъ мѣщанскихъ воспитанницъ хозяйственнаго употребленія остающейся отъ благородныхъ дѣвицъ одежды и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ танцованіемъ увеличится нѣсколько расходъ сего заведенія, сей прибавочный расходъ легко замѣненъ быть можетъ, еслибы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть отпускать въ Общество благородныхъ дѣвицъ изъ военнаго вѣдомства провіантъ натурою на 100 человѣкъ на томъ основаніи, какъ отпускается для дѣвичьяго отдѣленія Военно-сиротскаго дома“. Такое же постановленіе было утверждено государемъ и по петербургскому училищу ордена св. Екатерины, въ которомъ половина всѣхъ штатныхъ мѣстъ, т.-е. 15 при каждомъ наборѣ, была предостав-

[1]) П. Собр. Т. XXXII, 25662.

лена дочерямъ военныхъ чиновниковъ. На подлинномъ докладѣ Императрицы, Императоръ Александръ сдѣлалъ надпись: „съ чувствительною признательностью пріемлю сіи новыя, столь полезныя распоряженія Вашего Императорскаго Величества".

Тогда же были утверждены и новыя правила пріема въ Общество, мѣщанское училище и петербургское училище ордена св. Екатерины. Въ первомъ 50 мѣстъ, въ томъ числѣ считая три для финляндскихъ дворянъ, должны были при каждомъ пріемѣ замѣщаться исключительно дочерьми военныхъ чиновниковъ, которые либо изъ дворянъ, или чиномъ не ниже полковника; а другія 50 (въ томъ числѣ также три для Финляндіи)—дочерьми другихъ дворянъ или чиновниковъ по гражданской службѣ, чины не ниже пятаго класса имѣющихъ.

На мѣщанской половинѣ Общества должны были оставлять при каждомъ пріемѣ 50 мѣстъ для дочерей военныхъ чиновниковъ не изъ дворянъ, имѣющихъ чины отъ прапорщика до подполковника включительно, а 50 мѣстъ—для дочерей гражданской и придворной службы чиновниковъ, въ классныхъ чинахъ, ниже восьмого класса состоящихъ, со включеніемъ камердинеровъ императорской фамиліи, штабъ-офицерскаго чина не имѣющихъ, также дочерей учителей, лѣкарей, аптекарей и художниковъ, чиновъ не имѣющихъ или состоящихъ въ чинахъ ниже восьмого класса, для дочерей священниковъ и дьяконовъ, купцовъ, записанныхъ въ гильдіи и мѣщанъ.

Если отецъ поступившей въ военное отдѣленіе дѣвицы имѣлъ при ея пріемѣ чинъ подполковника, а потомъ былъ произведенъ въ полковники, то новыми правилами разрѣшалось переводить его дочь въ Общество благородныхъ дѣвицъ, если тамъ будетъ вакансія, соотвѣтственная ея возрасту.

Въ училищѣ ордена св. Екатерины—15 мѣстъ, изъ которыхъ одно предоставлялось для Финляндіи, при каждомъ пріемѣ должны были замѣщаться „единственно дочерьми военныхъ чиновниковъ не ниже арміи капитана, а 15—дочерьми другихъ дворянъ или чиновниковъ по гражданской службѣ, состоящихъ въ классныхъ чинахъ не ниже восьмого класса". Изъ 100 штатныхъ мѣстъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, также изъ 100 въ мѣщанскомъ училищѣ, предписывалось замѣщать по баллотировкѣ лишь по 90 въ каждомъ, баллотируя отдѣльно дочерей военныхъ и дочерей гражданскихъ родителей. А по десяти мѣстъ въ каждомъ изъ заведеній, и именно по пяти каждаго „разбора", слѣдовало оставлять вакантными, для замѣщенія ихъ „по встрѣчающимся въ трехлѣтіе между наборами чрезвычайнымъ

случаямъ, заслуживающимъ особеннаго уваженія". Точно также, еслибы не оказалось 45 воспитанницъ при пріемѣ въ военное отдѣленіе, то незанятыя вакансіи должны были оставляться „для встрѣчающихся случаевъ".

Пріемный возрастъ былъ оставленъ прежній, т.-е. въ Общество могли поступать тѣ, которыя ко времени пріема имѣли не менѣе восьми лѣтъ, а также недостигшія десяти; тотъ же возрастъ полагался для военнаго отдѣленія, а для мѣщанскаго училища—не моложе одиннадцати и не старше двѣнадцати лѣтъ. Но Императрица предоставила себѣ право „при каждомъ пріемѣ въ пользу дочерей военныхъ чиновниковъ распространять нѣсколько предѣлъ узаконеннаго возраста, если число мѣстъ, въ сравненіи съ числомъ представленныхъ къ пріему дѣтей, то позволитъ" [1]).

Кромѣ открытыхъ самою Императрицею Маріею или отданныхъ въ ея управленіе женскихъ учебныхъ заведеній, она приняла подъ свое покровительство харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, основанный въ 1817 году.

По мысли же Императрицы Маріи возникли въ 1820 году два училища для солдатскихъ дочерей при гвардейскихъ полкахъ. Въ „Учрежденіи" такихъ училищъ, одобренномъ Императоромъ Александромъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Императрицы 19-го марта 1820 г. [2]), она объясняла, что о судьбѣ солдатскихъ сыновей заботится самъ государь, а „на участь дочерей еще не обращено вниманія", ибо въ военно-сиротскомъ отдѣленіи воспитывается всего лишь 50 дочерей нижнихъ чиновъ. Поэтому Императрица полагала нужнымъ открыть нѣсколько училищъ, „каждое по близости двухъ или болѣе полковъ Петербургскаго гарнизона" и постепенно открывать ихъ до тѣхъ поръ, пока весь петербургскій гарнизонъ будетъ раздѣленъ на округи и въ каждомъ округѣ будетъ по училищу. Въ послѣднихъ дѣти не должны были жить, а только приходить для ученія и работъ. Всѣ заботы объ этомъ возлагались „Учрежденіемъ" на администрацію училища, а родители должны были пещись объ одеждѣ, пищѣ и чистотѣ посылаемыхъ въ школу дѣтей. „За симъ послѣднимъ предметомъ— сказано въ § 2 Учрежденія—надзирать будутъ и въ училищѣ и коль скоро дѣвушка придетъ неумытая, нечесанная и неопрятная, о томъ сдѣлано будетъ родителямъ замѣчаніе, а въ случаѣ повторенія дано будетъ знать начальнику". Въ училищѣ дѣти должны были обучаться: элементарнымъ предметомъ по ланкастерской

---

[1]) П. С. XXXII, 25662.
[2]) П. С. XXXVII, 28207.

методѣ, обученіе которой ввѣрялось одной изъ питомицъ Воспитательнаго Дома [1]). Все бѣлье и чулки для полковъ округа должны были со временемъ, когда ученицы школъ научатся работать, изготовляться ими за плату по заранѣе опредѣленной цѣнѣ.

Солдатскія дочери принимались въ училища отъ пяти до шестилѣтняго возраста и выпускались лишь по достиженіи восемнадцати лѣтъ; тѣмъ изъ нихъ, родители которыхъ по уважительнымъ причинамъ не могли взять къ себѣ дочь, или которымъ, по признанному начальствомъ училища неодобрительному ихъ поведенію, дочь не могла быть ввѣрена, начальство было обязано пріискать приличное мѣсто. Но и по достиженіи восемнадцати лѣтъ дозволялось тѣмъ, кто изъ выпускаемыхъ пожелалъ бы продолжать ученіе, приходить въ училище.

Всѣ училища с.-петербургскаго гарнизона поручались Комитету Правленія, составленнаго изъ назначенныхъ государемъ женъ генераловъ. Назначеніе лица, которому было бы ввѣрено главное начальство надъ всѣми заведеніями, Императрица, собственноручно составившая „Учрежденіе“ для училищъ солдатскихъ дочерей, предоставила государю, а онъ просилъ Императрицу взять эту обязанность на себя. Въ Комитетѣ долженъ былъ присутствовать также генералъ-инспекторъ всѣхъ училищъ, назначаемый государемъ. Ближайшій надзоръ за училищемъ возлагался на смотрительницу — „женщину пожилыхъ лѣтъ, почтеннаго поведенія, свѣдущую въ женскихъ рукодѣліяхъ“; въ помощницы ей назначались двѣ питомицы Воспитательнаго Дома, „искусныхъ въ Ланкастерскомъ методѣ преподаванія, отличныхъ въ женскихъ рукодѣліяхъ, а особливо поведеніемъ“.

Забота обо всемъ относящемся до училищъ возлагалась главнымъ образомъ на генералъ-инспектора; а полки, составляющіе округъ и „пользующіеся благодѣяніемъ училища“, должны были поручать выбранному ими чиновнику снабженіе училища всѣмъ нужнымъ для его содержанія, т.-е. квартирой въ казенномъ домѣ или, за неимѣніемъ таковой, въ наемной, отопленіемъ, освѣщеніемъ, матеріалами для рукодѣлій, также суммой для жалованья смотрительницѣ, священнику и прислугѣ. Онъ же долженъ былъ вести всю отчетность по училищу для представленія ея Коми-

[1]) Ланкастерская метода была введена съ 1819 года въ особыхъ школахъ при Воспитательныхъ Домахъ и кромѣ того въ Петербургѣ существовали двѣ школы для взаимнаго обученія, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. Эти школы пользовались покровительствомъ и значительной денежной поддержкой со стороны правительства. (П. С. XXXVIII, 29211. 29308).

тету, а послѣдній былъ обязанъ ежемѣсячно представлять Императрицѣ.

При выпускѣ, ученицамъ должны были выдаваться награды, или „въ платьяхъ состоящія, или убора, книги и другой полезной вещи“, или денежныя, изъ особой для того назначенной суммы и часть выручки отъ продажи изготовленныхъ ученицами во время ихъ пребыванія въ училищѣ работъ. Двѣ другія части назначались: одна въ пользу училища, а другая—на покупку матеріала для будущихъ работъ. Цѣль, съ которою основывались училища солдатскихъ дочерей, опредѣлялась въ „Учрежденіи“ такъ: „сдѣлать изъ ученицъ добрыхъ хозяекъ и работницъ, честныхъ, добродѣтельныхъ и трудолюбивыхъ, способныхъ ко всякимъ домашнимъ услугамъ и упражненіямъ“.

На первый разъ Императрица предлагала государю открыть училище для полковъ лейбъ-гвардіи семеновскаго, егерскаго и московскаго, въ которыхъ число всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста простиралось до 190. Оно и было открыто въ 1820 г.; тремя годами позже было открыто второе училище, а въ 1826 г. —еще два, для дочерей черноморскаго флота, въ Севастополѣ и Николаевѣ. Послѣднія учреждены уже при Императорѣ Николаѣ, почти на такихъ же началахъ, какъ и петербургскія, съ тою разницею, что управленіе ими сосредоточивалось въ лицѣ главнаго командира черноморскаго флота и двухъ Комитетовъ, состоящихъ также изъ женъ служащихъ въ портѣ, но съ утвержденія Императрицы. Въ каждомъ изъ этихъ училищъ полагалось по 100 дѣвочекъ не старше десяти и не моложе шести лѣтъ Въ изданномъ для нихъ „Положеніи“ почти буквально повторено „Учрежденіе“ Императрицы Маріи; но есть нѣкоторыя отступленія отъ послѣдняго. Въ § 16 „Положенія“ сказано: „въ крайнихъ случаяхъ нельзя не допустить, по сущей необходимости, тѣлесныхъ исправительныхъ средствъ, именно розгою. Но употребленіе сего средства должно быть дѣлаемо съ строгою осмотрительностью въ необходимости онаго. А потому и дѣлать оное не иначе какъ съ согласія одной дамы, члена Комитета и черезъ старшую смотрительницу училища съ сохраненіемъ всевозможной благопристойности и умѣренности“. Лучшихъ и наиболѣе нуждающихся ученицъ училищъ черноморскаго флота „Положеніе“ разрѣшало оставлять въ заведеніи помощницами смотрительницъ, съ обязательствомъ прослужить въ немъ десять лѣтъ, „исключая случаевъ замужества“.

Изъ приведеннаго здѣсь перечня женскихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Императрицею Маріею, или принятыхъ ею подъ

свое покровительство, можно убѣдиться, какъ обширна была ея дѣятельность по женскому образованію. Для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія, занимаемаго родителями дѣвочки, Императрица учреждала особыя заведенія съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія и особымъ устройствомъ.

Но принадлежность къ тому или другому сословію не была единственнымъ условіемъ помѣщенія дочерей въ любое, предназначенное для дворянъ или мѣщанъ, учебное заведеніе. Такъ какъ общественное положеніе не всѣхъ дворянъ одинаково, а также и между лицами мѣщанскаго происхожденія могли быть заслуженные люди, чинъ которыхъ обусловливалъ имъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ, нежели простыхъ мѣщанъ, то предназначенныя для этихъ сословій женскія учебныя заведенія подраздѣлялись на мельчайшія категоріи, съ подробнымъ перечисленіемъ тѣхъ, кто не только по происхожденію, но по чину, профессіи и общественному положенію имѣлъ право помѣщать въ нихъ своихъ дочерей.

Для „родовыхъ дворянъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей“ первоначально предназначалось Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ [1]). Въ 1803 году Императрица предложила государю принимать на благородную половину и дочерей полковниковъ и статскихъ совѣтниковъ, хотя бы они были и не изъ природныхъ дворянъ. Это было узаконено въ 1814 году, когда было разрѣшено помѣщать туда и дочерей чиновниковъ, которые „хотя не изъ дворянъ, но имѣютъ чины по военной службѣ не ниже полковника, а гражданской или придворной—не ниже пятаго класса, т.-е. статскаго совѣтника“ [2]). Съ 1827 года, при Императорѣ Николаѣ было снова постановлено принимать только изъ „природныхъ дворянскихъ родовъ, отцы которыхъ, не имѣя чиновъ полковника или статскаго совѣтника, записаны въ 1-ю, 2-ю и 3-ю части родословной книги“ [3]). Штатныхъ вакансій въ Обществѣ полагалось 300, изъ

---

[1]) Правила пріема въ Общество, собственноручно начертанныя Императрицею Маріею Ѳедоровною. 1797 (Учр. Общ. бл. дѣв. 1767—1820, XII).

[2]) П. Собр. Т. XXXII, 25662.

[3]) Арх. IV отд. Бумаги по Восп. Общ. 1827. — Родословная книга россійскаго дворянства распредѣлена по 6-ти ступенямъ: въ 1-ю часть книги, по дворянской грамотѣ, включены всѣ пожалованные въ дворянское достоинство „дипломомъ, гербомъ и печатью“, а также тѣ роды, которые могутъ доказать свое дворянство до 100 лѣтъ; во 2-ю — военное дворянство по оберъ-офицерскому чину; въ 3-ю — восьмиклассное дворянство по чинамъ; въ 4-ю—иностранное дворянство; въ 5-ю—титулованные роды княжескіе, графскіе, баронскіе или иные; въ 6-ю — древніе, настоящіе благородные

которыхъ 150 съ 1814 года принадлежало исключительно военному дворянству.

Въ училище ордена св. Екатерины могли быть помѣщаемы дочери „бѣдныхъ, природныхъ дворянъ какихъ бы чиновъ они ни были, или чины которыхъ даютъ дѣтямъ дворянское достоинство, т.-е. до капитана арміи включительно и восьмого класса службы гражданской“ [1]). Штатныхъ вакансій въ каждомъ изъ училищъ было по 60-ти; но въ петербургскомъ 30 изъ нихъ предназначалось съ 1814 года исключительно для военнаго дворянства. Для военнаго же дворянства и вообще военныхъ чиновъ было тогда основано особое отдѣленіе при мѣщанскомъ училищѣ и отведена половина всѣхъ вакансій на благородной половинѣ Общества и въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины; для военныхъ же чиновъ исключительно назначалось и дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, на 100 воспитанницъ, изъ которыхъ 50 мѣстъ принадлежали военному дворянству.

Всего для дворянъ, родовыхъ или выслуженныхъ, въ четырехъ предназначенныхъ имъ столичныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было 470 штатныхъ вакансій, изъ которыхъ 230 принадлежали военному дворянству, имѣвшему, кромѣ того, право наравнѣ съ другими дворянами помѣщать своихъ дочерей на общихъ основаніяхъ въ Общество и оба училища св. Екатерины.

Для лицъ недворянскаго происхожденія существовали: мѣщанская половина Воспитательнаго Общества, отдѣленіе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома, Маріинскій институтъ и Александровское московское училище. Первое, при самомъ своемъ учрежденіи въ 1765 году подъ названіемъ училища „для малолѣтнихъ дѣвушекъ“, со второго же пріема въ 1767 году утратило первоначальный характеръ своего назначенія. Въ 1800 году Совѣтъ, вѣроятно желая удовлетворить достаточно къ этому времени выяснившимся желаніямъ Императрицы, предложилъ ей принимать дочерей „офицеровъ статской и придворной службы, кои, не происходя изъ родовъ дворянскихъ, состоятъ по воинской службѣ въ чинахъ оберъ-офицерскихъ до капитана, а въ статской и придворной до восьмого класса, также дочерей купцовъ, священниковъ, медиковъ, лѣкарей, учителей, художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина“ [2]). На этомъ до-

---

роды, коихъ доказательства дворянскаго достоинства за 100 лѣтъ и выше восходятъ; благородное же ихъ начало покрыто неизвѣстностью.

[1]) Повелѣнія Имп. Маріи Совѣту петерб. уч. орд. св. Екат. 14 іюля и 8 авг. 1802. (Арх. IV отд. Переписка по Ек. уч.—Истор. зап. о моск. уч., стр. 19).

[2]) Докладъ Совѣта 12 авг. 1802 г. (Арх. IV отд.).

кладѣ Совѣта Императрица собственноручно сдѣлала приписку: „и дочерей камердинеровъ, выслужившихся до капитанскаго чина, докторскихъ, лѣкарскихъ, профессорскихъ состояній“; а потомъ, по ея же повелѣнію, 50 мѣстъ изъ ста были назначены для дочерей „придворныхъ гофъ-фурьеровъ, камердинеровъ, метрдотелей, малыхъ офицеровъ до капитанскаго чина, докторскихъ, лѣкарскихъ, профессорскихъ, а другія 50—для мѣщанскихъ дочерей“. Первымъ перечисленнымъ въ этомъ повелѣніи званіямъ было сдѣлано облегченіе и относительно возраста дѣтей разрѣшеніемъ „допустить въ мѣщанское училище и меньше на полгода чѣмъ одиннадцать лѣтъ только дочерей чиновныхъ, т.-е. имѣющихъ чины“. На этотъ разъ, какъ нарочно, мѣщанскихъ дочерей было представлено къ пріему 208, т.-е. въ четыре раза болѣе положеннаго штатнаго числа, а чиновныхъ, которыхъ Совѣтъ долженъ былъ и баллотировать отдѣльно отъ мѣщанскихъ, всего 47. Поэтому Совѣтъ писалъ Императрицѣ: „неравенство таковое не понравится публикѣ и выйдутъ тутъ многіе толки и негодованія. Не смѣшать ли на сей разъ всѣхъ и баллотировать не различая состояній? Щастіе опредѣлитъ каждому его жребій[1]). Тогда, послѣ тщательной сортировки, были исключены: „арапка, которой чернота лица показываетъ происхожденіе отъ негра“, другая дѣвочка „изъ роду армянъ, которые никогда еще не были принимаемы въ Общество“, еще одна „за дурное поведеніе отца“. Кромѣ того были исключены, на основаніи общаго и для благородной половины правила, сестры тѣхъ, которыя уже воспитываются въ Обществѣ „яко хотящія Монаршею милостью сугубо пользоваться, заграждая путь еще неучаствовавшимъ“, также такія, „коихъ ростъ даже доказываетъ девять лѣтъ“, и наконецъ одна, уже внесенная въ списокъ принятыхъ, Марія Фарафонтьева „за обманъ матери ея да и въ предосторожность прочимъ не отваживаться впредь на таковое предпріятіе, которая по докторскому осмотру оказалась очень слаба“[2]). Но и за всѣми исключеніями этотъ пріемъ на мѣщанской половинѣ состоялся не изъ однородныхъ сословій, къ чему такъ стремилась Императрица; въ числѣ принятыхъ были дочери придворныхъ лакеевъ, унтеръ-мастеровъ, служителей Воспитательнаго Дома — и штабъ-лекаря; башмачниковъ, портныхъ, конюховъ — и протопоповъ; подмастерьевъ — и учителей; почтальоновъ — и подпоручиковъ, нотаріусовъ и т. д.

---

[1]) Донесеніе Совѣта Императрицѣ (Арх. IV отд.).

[2]) Донесеніе Совѣта 23 авг. 1800 г. (Арх. IV отд.). На донесеніи собственноручная надпись Императрицы: „совершенно справедливо и апробовано“.

Дочерей профессоровъ совсѣмъ не было представлено къ пріему 1800 года.

Передъ пріемомъ 1806 года были изданы новыя правила для помѣщенія въ мѣщанское училище; должны были приниматься: 1) такія изъ офицерской по воинской, статской или придворной службѣ дочерей, которыя по чину родителей не могутъ поступить въ Екатерининскія училища; 2) дочери мѣщанъ, записанныхъ въ гильдіи котораго либо города; 3) дочери священниковъ и 4) дочери медиковъ и лекарей, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина [1]). Въ этомъ пріемѣ изъ 112 представленныхъ дѣтей по баллотировкѣ было принято 88, въ числѣ которыхъ было всего девять собственно мѣщанскихъ дочерей; остальныя принадлежали къ низшему выслуженному дворянству и чиновничеству. Кромѣ того, по повелѣнію Императрицы, съ 1806 года должны были безъ баллотировки приниматься на обѣ половины Общества, также и въ другія женскія учебныя заведенія, дочери вдовъ, живущихъ во вдовьихъ домахъ, только-что тогда учрежденныхъ [2]).

Съ 1809 года въ пріемѣ на мѣщанскую половину Общества произошла новая перемѣна. Въ одномъ изъ предшествовавшихъ этому пріему писемъ къ начальницѣ Общества, Адлербергъ, Императрица высказала неудовольствіе на то, что одна изъ бывшихъ воспитанницъ мѣщанскаго училища, по выходѣ изъ него, поступила въ театральную школу, сдѣлалась танцовщицей и танцовала въ Павловскѣ. „Вотъ прекрасные плоды воспитанія,—пишетъ Императрица,—надо строже выбирать воспитанницъ и надѣяться, что родители принятыхъ будутъ лучше выбирать поприща для блага своихъ дѣтей“ [3]). Въ другомъ письмѣ она высказываетъ Адлербергъ желаніе, чтобы при баллотировкѣ на мѣщанскую половину былъ доступъ „только лучшимъ классамъ“, и выражаетъ удовольствіе, что „у дѣтей и у привезшихъ ихъ родственниковъ и родителей приличный видъ“. Съ 1812 года пріемъ на мѣщанскую половину сталъ производиться строже. Изъ 258 представленныхъ дѣтей было допущено къ баллотировкѣ лишь 142. Такъ какъ явилось очень много желавшихъ помѣ-

[1]) Начертаніе правилъ для училища мѣщанскихъ дѣвицъ. 12 іюля 1805 (Учрежденія Общ. благор. дѣв., 1767—1820. XII).

[2]) Вдовьи Дома были учреждены „отъ Воспитательныхъ Домовъ“; туда имѣли право поступать, кромѣ вдовъ офицеровъ, и „всякая женщина или дѣвица, прослужившая при Обществѣ и другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ безпорочно 20 лѣтъ и болѣе въ званіи классной дамы; также тѣ, кто по выслугѣ классною дамою 10 или болѣе лѣтъ, уволены съ пенсіею, составляющею не менѣе 150 р., т.-е. платы за содержаніе во Вдовьемъ Домѣ“ (Протоколъ Совѣта, 20 авг. 1809 г.).

[3]) Арх. IV отд. Переписка по Общ. бл. дѣв. 1809.

стить своихъ дочерей, то было отказано всѣмъ, кто хоть однимъ днемъ былъ моложе одиннадцати или старше двѣнадцати лѣтъ; также не велѣно было принимать дочерей дьяконовъ, канцеляристовъ, подмастерьевъ и т. п., потому „что они не въ офицерскихъ чинахъ"; а съ 1814 года, когда при мѣщанскомъ училищѣ было образовано военное отдѣленіе, большинство воспитанницъ училища стало составляться изъ дочерей низшихъ чиновниковъ военной и гражданской службы, или личныхъ дворянъ [1]).

Такимъ образомъ училище, при основаніи названное мѣщанскимъ, мало-по-малу превратилось въ учебное заведеніе для низшаго дворянства и чиновничества. Положенное Екатериною штатное число воспитанницъ, 240, предназначавшееся для мѣщанскихъ дочерей, уменьшилось при Императрицѣ Маріи до 100, и то съ натяжкою, ибо въ число 50-ти мѣстъ при каждомъ пріемѣ, оставленныхъ ею для мѣщанъ, въ большинствѣ и преимущественно, принимались дочери не мѣщанъ, а низшихъ чиновниковъ. Этимъ осуществилось то, что Императрица Марія предлагала Императору Павлу въ 1797 году и на что онъ тогда не далъ своего согласія.

На основаніи правилъ 1805 года для мѣщанскаго училища при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ было учреждено и московское Александровское училище, на 80 воспитанницъ. Такъ какъ второе отдѣленіе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома было преобразовано Императрицею Маріею въ исключительно военное, то собственно для мѣщанъ существовало при ней лишь одно женское учебное заведеніе—Маріинскій институтъ на 40 штатныхъ воспитанницъ.

Императрица Марія придавала такое большое значеніе самому точному распредѣленію воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній по чинамъ ихъ отцовъ, что, желая устранить малѣйшія въ этомъ отношеніи ошибки, обдумывала заранѣе способы предупредить могущія быть недоразумѣнія. Въ 1802 году Совѣтъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины донесъ ей, что при пріемѣ въ это училище онъ отказалъ двадцати одной изъ представленныхъ дѣвочекъ, „отцы которыхъ имѣютъ степени статской службы, приносящія имъ только личное дворянство, а на происхожденіе отъ благороднаго колѣна не предъявили никакихъ доказательствъ...; нельзя—писалъ Совѣтъ—принимать за удостовѣреніе того, что они носятъ названіе благородныхъ фамилій, ибо нерѣдко простолюдины называются знатнымъ родомъ". Въ отвѣтъ на это доне-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Совѣта В. О. бл. дѣв. 1842 (Арх. IV отд.).

сеніе Императрица написала члену Совѣта, Завадовскому, письмо слѣдующаго содержанія: „Нахожу нужнымъ, между нами, въ особливой откровенности, объясниться, что я по содержанію онаго (донесенія Совѣта) совѣтовалась съ государемъ, и между нами положено: лучше принимать только до капитанскаго по арміи чина... Въ указѣ Императора Петра I сказано: всѣ дослужившіеся въ арміи оберъ-офицерскихъ чиновъ, суть дворяне; также и дѣти ихъ, рожденныя въ сихъ чинахъ... Слѣдовательно подлежало бы подробному разбирательству, а иногда и великому сомнѣнію: дѣйствительно ли онѣ родились когда отцы ихъ имѣли оберъ-офицерскіе чины? Тоже и капитанскія дѣти; но съ ними легче избѣгнуть тѣ неудобства, весьма важныя, которыя предстоятъ съ нижними. Въ теченіе опредѣленнаго къ воспитанію времени родственники капитанскаго чина поступаютъ въ высшіе и пріобрѣтаютъ состояніе болѣе и болѣе сближающееся съ родомъ ихъ воспитанія. Напротивъ, низшіе капитанскаго чина въ столь бѣдномъ вообще находятся положеніи и столь долго должны ожидать ощутительнаго поправленія онаго многими одно за другими слѣдующими повышеніями, что тоже воспитаніе, вмѣсто пользы, нанесетъ имъ одно огорченіе, а дѣтямъ ихъ обратится въ сущее несчастіе по совершенной несходственности между воспитаніемъ дѣтей и состояніемъ родственниковъ. Я увѣрена, что вы все сіе найдете основательнымъ и въ прямомъ смыслѣ благотворенія“ [1]).

Во все время своего управленія женскими учебными заведеніями, Императрица строго наблюдала за исполненіемъ предписанныхъ ею правилъ размѣщенія воспитанницъ по разнымъ институтамъ. На благородную половину Воспитательнаго Общества не принимали дѣтей, отцы которыхъ хотя и были записаны въ третью часть родословной книги, но по профессіи не подходили подъ требованія этой половины. Объ одной изъ такихъ дѣвочекъ Совѣтъ донесъ Императрицѣ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что ея отецъ „скульпторъ, слѣдовательно художникъ“, а поэтому нельзя помѣстить его дочь вмѣстѣ съ благородными. При пріемѣ въ петербургское училище ордена св. Екатерины 1802 года Императрица велѣла вычеркнуть изъ списковъ дочь „нѣмецкаго комедіанта, который намѣренъ опять вступить въ нѣмецкую труппу“. Дочерей докторовъ, хотя бы они были изъ дворянъ, помѣщали на мѣщанскую, а не на благородную половину, и только за годъ до

---

[1]) Письмо Императрицы Маріи графу Завадовскому 8-го августа 1802. Переписка по Екат. инст. 1802 (Арх. IV отд.).

смерти Императрицы, въ прiемъ 1827 года, было разрѣшено принимать дочерей докторовъ медицины въ училище ордена св. Екатерины, на томъ основанiи, что „по Уставу медицинской Академiи 1808 года докторъ медицины состоитъ въ 8-мъ классѣ“.

Такъ же строго оберегали дворянскихъ дочерей отъ поступленiя въ несоотвѣтствующее званiю и положенiю ихъ родителей заведенiе. На просьбу одного дворянина помѣстить его дочь въ Воспитательный Домъ, Императрица приказала отвѣтить, что припятiе въ Воспитательный Домъ дѣтей, „коихъ дворянскiй родъ извѣстенъ, не соотвѣтствуетъ ни предмету сего заведенiя, ниже должному дворянскому достоинству уваженiю. Хотя тамъ, можетъ быть, и есть дворянскiя дѣти, по бѣдности туда отданныя, но это происхожденiе ихъ неизвѣстно; для дворянъ же назначено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и училище ордена св. Екатерины“ [1]). Отецъ воспитанницы Общества на благородной половинѣ просилъ, по своимъ измѣнившимся денежнымъ обстоятельствамъ, перемѣстить дочь въ училище ордена св. Екатерины или въ военное отдѣленiе; Совѣтъ соглашался исполнить эту просьбу, но Императрица не согласилась, „потому что въ военное отдѣленiе нельзя помѣщать дѣтей, дворянство которыхъ доказано“. Тѣмъ не менѣе избѣжать ошибокъ въ этомъ отношенiи было невозможно,—и на благородную даже половину, какъ это обнаружилось гораздо позже, попадали солдатскiя дочери; Совѣтъ отказывалъ баллотировать туда дочерей записанныхъ во вторую часть родословной книги отцовъ, а допускалъ записанныхъ въ первую только по ордену св. Анны 3-й степени [2]).

Изъ переименованныхъ здѣсь женскихъ учебныхъ заведенiй только Воспитательное Общество, существовавшее уже 32 года до того, какъ оно поступило въ управленiе Императрицы Марiи, имѣло свой капиталъ, данный ему Екатериною; но еще при ея жизни обнаружилось, что процентовъ съ этого капитала недостаточно для покрытiя всѣхъ расходовъ по Обществу, и за годъ до своей смерти Императрица Екатерина пожаловала 100.000 рублей для уплаты лежавшихъ на немъ долговъ. Послѣ ея смерти проценты съ капитала, уменьшившагося съ двухъ съ половиною миллiоновъ до 1.589.800 р. 88½ к., составляли неполные 100.000 р. [3]). Въ 32-лѣтнее управленiе Императрицы Марiи Обществу были

[1]) Переписка по Общ. бл. дѣв. 1803 (Арх. IV отд.).

[2]) Письмо Вилламову Правителя канцелярiи Совѣта Общ. бл. дѣв., Камовскаго 1827 (Арх. IV отд.).

[3]) Учр. по В. О. бл. д. 1796—1820, XII. Штатъ В. О. бл. д. 1802 (Арх. IV отд.).

даны въ разное время и изъ разныхъ источниковъ значительныя суммы. Изъ государственнаго казначейства ему было выдано единовременно 529.190 р. $68^1/_2$ к. [1]), и увеличено ежегодное содержаніе на 259.064 р. [2]); кромѣ того ему пожалована земля въ 30.770 кв. саженъ [3]). Обществу принадлежалъ и кассетный капиталъ, изъ котораго по повелѣніямъ Императрицы Маріи выдавались суммы для покрытія не только чрезвычайныхъ, но и нѣкоторыхъ текущихъ расходовъ. Кассетный капиталъ, основанный Императрицею въ 1796 году, въ 1820 году возросъ уже до такихъ размѣровъ, что проценты съ него превышали сумму ежегодныхъ взносовъ Императрицы и членовъ ея семьи [4]). Въ эту сумму собственно отъ Императрицы, вносившей по 15.000 р. въ годъ, поступило въ теченіе 32-хъ лѣтъ 480.000 р.; 5.000 р. единовременно внесены Императоромъ Павломъ. Изъ кассетнаго капитала производилась плата за пенсіонерокъ Императрицы не только въ Обществѣ, но и въ другихъ институтахъ, а въ 1817 г. былъ выдѣленъ изъ общей суммы и внесенъ въ государственную коммиссію погашенія долговъ капиталъ въ 412.500 р. асс. въ видѣ запаснаго капитала Общества, обращеннаго въ безсрочный долгъ въ суммѣ 500.000 р. [5]). Согласно распоряженію Императрицы, этотъ капиталъ долженъ былъ пополняться ежегоднымъ отчисленіемъ въ сохранную казну части экономическихъ остатковъ Общества; но, какъ обнаружилось уже послѣ ея смерти, Совѣтъ не только не могъ этого исполнять, а истратилъ еще къ 1828 году изъ прежде сбереженныхъ денегъ 200.000 р., такъ что въ годъ смерти Императрицы Маріи запасный капиталъ Общества составлялъ всего 224.872 р. [6]). Изъ кассетнаго же капитала, повелѣніемъ Императрицы 14-го іюля 1824 года, 100.000 р. асс. были отчислены въ пенсіонный капиталъ для служащихъ въ Обществѣ чиновниковъ, въ дополненіе къ 20.000 р., еще ранѣе съ этой цѣлью обращавшихся въ сохранной казнѣ, и 30.000 р. отчислен-

[1]) Въ этой суммѣ 70.000 р. были даны въ 1803 г. на исправленіе стараго монастырскаго зданія, признаннаго медиками вреднымъ для здоровья воспитанницъ (Прот. Сов. 13-го апр. 1809) и 330.266 р. на поправленіе дома для мѣщанскаго училища въ 1820 г. (Бумаги по Восп. Общ. 1821), а 128.924 р. въ 1796 и 1811 гг. на уплату долговъ и передержекъ (Докладъ Имп. Маріи 1811. Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. 17679.—Учр. В. О. бл. д. 1796—1820.—П. Собр. XXXII, 25362.—Прот. Сов. 25-го сент. 1816.—Выс. пов. 1820. — Вѣдомость о суммахъ. В. О. бл. д. 1840 (Арх. IV отд.).

[3]) Выс. пов. 8-го окт. 1814 (Прот. Сов. В. О.).

[4]) Прот. Сов. 6-го марта 1820.

[5]) Прот. Сов. В. О. 1817.

[6]) Учр. В. О. бл. д. 1820—1841. XIII. Бумаги по Общ. 1839.

ныхъ изъ остатковъ по экономіи отъ 1823 года. Хотя проценты съ этихъ 150.000 р. составляли 7.500 р. въ годъ и кромѣ того 8.000 р. ежегодно еще ранѣе были опредѣлены для раздачи пенсій [1]), но незадолго до своей смерти Императрица велѣла отчислить въ пенсіонный капиталъ еще 50.000 р. асс. [2]). Изъ кассетнаго же капитала, по Высочайшему повелѣнію, отчислено 30.000 р. въ пенсіонный капиталъ для вдовъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ Обществу.

Кромѣ того, Обществу принадлежали другіе капиталы, пожертвованные ему разными лицами съ опредѣленнымъ назначеніемъ—на содержаніе пенсіонерокъ, на выдачу наградъ воспитанницамъ, а также подаренные Обществу Императрицею изъ пожертвованныхъ ей на состоявшія подъ ея покровительствомъ заведенія. При Екатеринѣ на содержаніе пенсіонерокъ въ Обществѣ имѣлся только одинъ капиталъ, гофмейстерины Штакельбергъ, составлявшій въ 1795 году около 75.899 р. 65 к. Такъ какъ при Императрицѣ Маріи, вслѣдствіе возвышенія платы съ пенсіонерокъ, число пенсіонерокъ Штакельбергъ было сокращено съ 20-ти до 7-ми, а излишекъ накопившихся процентовъ присоединялся къ капиталу, то послѣдній къ 1830 году возросъ до 111.713 р. 20½ коп. [3]). Въ 1816 году вдова графа И. А. Безбородко пожертвовала Обществу 100.000 р. съ тѣмъ, чтобы половина этой суммы употреблялась на образованіе сиротъ или дочерей недостаточныхъ военныхъ чиновниковъ, а другая — на образованіе дочерей недостаточныхъ дворянъ по ея назначенію, а послѣ ея смерти „и на будущее время всегда по назначенію старшаго въ родѣ графа Кушелева-Безбородко". По распоряженію Императрицы Маріи извѣстная часть суммы ежегодныхъ процентовъ должна была отчисляться на выдачу при выпускахъ наградъ пенсіонеркамъ, которыхъ повелѣно называть пенсіонерками гр. Безбородко [4]). По назначенію же Императрицы Маріи въ Обществѣ должны были воспитываться три пенсіонерки на благородной и три на мѣщанской половинахъ изъ процентовъ на внесенный въ 1808 году Императрицею Елизаветою Алексѣевною въ с.-петербургскую сохранную казну капиталъ въ 108.285 р. асс. на содержаніе пенсіонерокъ имени умершей ея дочери, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; этимъ шести пенсіонеркамъ въ Об-

---

[1]) Учр. В. О. бл. д. 1820—1841. XIII.

[2]) Прот. Сов. 25-го сент. 1828.

[3]) Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Спб. 1884. Т. I, стр. 127.

[4]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, 137.

ществѣ должны были, изъ остатковъ отъ процентовъ, выдаваться и награды при выпускахъ: благороднымъ по 500 р., мѣщанскимъ по 100. Изъ 150.000 рублей, пожертвованныхъ въ 1820 году въ пользу состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы заведеній гофмейстериною А. Н. Нарышкиною, Императрица отдѣлила Обществу 35.000 рублей; на нихъ должны были содержаться двѣ пенсіонерки имени Нарышкиной на благородной половинѣ и имъ выдаваться при выпускѣ по 500 рублей [1]).

Собственно мѣщанскому училищу было сдѣлано въ 1807 году пожертвованіе въ 20.000 р. (ассигнаціями) митрополитомъ римско-католическихъ церквей, Сестренцевичемъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала нѣсколько воспитанницъ приготовлялись въ гувернантки для опредѣленія въ частные дома бѣлорусскихъ губерній [2]). По приказанію Императрицы Маріи въ этомъ училищѣ должна была воспитываться и пенсіонерка тульскаго купеческаго общества, которое, пожелавъ „ознаменовать событіе, вызвавшее восторгъ неописанный“, т.-е. рожденіе великой княжны Елизаветы Александровны, „призрило супружествомъ двадцать неимущихъ дѣвицъ, наградивъ ихъ 50-ю рублями, искупило содержавшихся подъ стражею сочленовъ своихъ и опредѣлило 350 р. въ годъ на воспитаніе благорожденной сироты“, назначеніе которой предоставило Императрицѣ [3]). Точно также вслѣдствіе недостаточности опредѣленной г-жею Баскаковою суммы, 300 р. въ годъ „на содержаніе неимущей благородной дѣвицы по Всемилостивѣйшему соизволенію Императрицы Маріи Ѳедоровны“, для содержанія на благородной половинѣ, ее было положено содержать на мѣщанской, съ выдачею ей при выпускѣ 300 рублей [4]).

Награды воспитанницамъ при выпускахъ изъ Общества выдавались при Императрицѣ Маріи изъ процентовъ со 100.000 рублей, подаренныхъ ему съ этой цѣлью Екатериною. Кромѣ того, по повелѣнію Императрицы Маріи, изъ кассеты отчислялись каждые три года по 10.000 р. для наградъ выпускаемымъ съ благородной половины и по 1.000 р. для мѣщанскихъ воспитанницъ, и получалось для первыхъ по 5.000 руб., а для послѣднихъ по 3.000 р. отъ государя. Къ этимъ суммамъ присоединены пожертвованные въ 1805 году капитуломъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 2.000 р. „для раздачи при выпускахъ четыремъ луч-

---

[1]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, 138.

[2]) Тамъ же, 150.

[3]) Прот. Сов. 16 дек. 1806.

[4]) Сб. свѣд. Т. I, 151.

шимъ и бѣднѣйшимъ воспитанницамъ [1]), 8.000 р., пожертвованныхъ графомъ Н. П. Шереметевымъ „на награду или приданое бѣднымъ дѣвицамъ, выпускаемымъ изъ Общества и обоихъ училищъ ордена св. Екатерины“ [2]), и капиталъ дѣвицъ Еропкиныхъ, завѣщанный въ 1812 г. на выдачу при выпускахъ изъ Общества по 300 р. на одежду сиротамъ или совершенно бѣднымъ дѣвицамъ [3]). На содержаніе своихъ 50-ти пенсіонерокъ и пенсіонеровъ въ десяти разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Императрица Марія завѣщала капиталъ въ 429.388 р. 62 к. асс., предоставивъ выборъ пенсіонерокъ Совѣту Воспитательнаго Общества [4]).

При вступленіи Императрицы Маріи въ управленіе Обществомъ пенсіонерная плата равнялась 300 рублямъ на благородной половинѣ и 198 р. на мѣщанской; въ послѣднее десятилѣтіе ея управленія, съ 1821 года на благородной половинѣ платили по 1.100 р. за пенсіонерку, на мѣщанской—по 600 р.; стало быть, при ней эта плата увеличилась болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза и еще въ 1803 г. Императрица велѣла Совѣту покрывать „лишніе расходы изъ суммъ, получаемыхъ съ пенсіонерокъ“ [5]). Въ приходѣ на 1821 годъ разсчитывали на 150 пенсіонерокъ царской фамиліи и разныхъ особъ на благородной половинѣ и на 50 на мѣщанской; съ нихъ должна была получиться сумма въ 145.000 р., а всего прихода въ этомъ году предполагалось 475.683 руб. 80 коп. [6]). Такимъ образомъ къ концу жизни Императрицы Маріи пенсіонерная плата составляла нѣсколько менѣе одной трети всей суммы прихода. Сколько въ общемъ числѣ пенсіонерокъ за все время управленія Императрицы было своекоштныхъ, на это мы не встрѣтили въ имѣвшихся у насъ документахъ точныхъ данныхъ; по всей вѣроятности частныя пенсіонерки были включаемы въ общую группу пенсіонерокъ „разныхъ особъ“.

Доходы Общества, составлявшіе въ 1802 году 192.127 руб. 13 коп. [7]), въ годъ смерти Императрицы Маріи достигли до 960.868 р. [8]).

Основанный Императрицею Маріею, подъ названіемъ сиротскаго училища, Маріинскій институтъ все время при ея жизни

---

[1]) Прот. Сов. 25 іюля, 1805.
[2]) Сб. свѣд. Т. I. 136.
[3]) Тамъ же, 139. Выдача этихъ денегъ началась лишь съ 1828 г.
[4]) Тамъ же, 140.
[5]) Прот. Сов. 7-го іюля 1803.
[6]) Учр. В. О. 1820—1841. XIII. О прибавкѣ суммы Восп. Общ. бл. дѣв.
[7]) Учр. В. О. 1796—1820.
[8]) Прот. Сов. 25-го сент. 1828.

существовалъ на собственныя средства Императрицы. На его содержаніе выдавалось сначала по 18.000 рублей, а потомъ по 23.350 р. въ годъ и кромѣ того по 3.000 р. ежегодно на составленіе со временемъ капитала, на проценты съ котораго долженъ былъ содержаться институтъ. Послѣ смерти Императрицы, согласно выраженному ею въ духовномъ завѣщаніи желанію, институтъ, Высочайшимъ указомъ 6-го декабря 1828 года, былъ признанъ учрежденіемъ, принадлежащимъ государству [1]), а на его содержаніе Императрица завѣщала обращавшійся въ сохранной казнѣ капиталъ въ 804.469 р. 60 к. асс. [2]).

С.-петербургское училище ордена св. Екатерины, открытое 25-го мая 1798 года въ наемномъ помѣщеніи, мѣсяцъ спустя имѣло обезпеченный доходъ. Ему принадлежали доходы съ командорствъ ордена, въ московской губерніи съ 2.300 душъ — 5.175 р., въ петербургской съ 4.400 душъ—8.800 р. и кромѣ того 8.000 р. ежегодно отъ другихъ командорствъ [3]). Въ 1800 г. училище было переведено въ подаренный Императоромъ Павломъ Воспитательному Дому „итальянскій дворецъ", а въ 1806 году перешло въ собственный, нарочно для него выстроенный, обширный домъ. Главный источникъ дохода училища составляла пенсіонерная плата. Такъ какъ въ первые годы его существованія всѣ дамы ордена считали своею обязанностью имѣть своихъ пенсіонерокъ, то число послѣднихъ постоянно было велико и только въ 1820 г. былъ опредѣленъ ихъ комплектъ въ 223 пенсіонерки. Въ этомъ числѣ на средства капитула россійскихъ орденовъ воспитывалось съ 1803 года восемь пенсіонерокъ, „дочерей такихъ кавалеровъ, кои за собою имѣютъ не болѣе 100 душъ крестьянъ"; за нихъ капитулъ платилъ высшую, нежели вообще положенная въ училищѣ плата, а именно 650 рублей въ годъ вмѣсто 550 (въ 1810 г.) [4]).

Не смотря на постоянно полный комплектъ пенсіонерокъ въ училищѣ и на то, что первоначальная за нихъ плата по 441 р. 85 к. за каждую, постоянно увеличиваясь, къ 1824 году дошла до 900 р., средствъ училища недоставало для покрытія всѣхъ его расходовъ. Поэтому, ему было дано по докладамъ Императрицы изъ государственнаго казначейства 25.425 р. 77 к. единовре-

---

[1]) П. собр. 2-е. 2491.

[2]) Памятная книжка Мар. инст. въ С.-Петербургѣ, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Имп. Выс. гос. вел. кн. Екатерины Михаиловны. С.-Пет. 1890.

[3]) Выс. указъ Имп. Павла. 4-го окт. 1798.

[4]) Для пенсіонерокъ капитула Императрица сдѣлала льготу, допустивъ ихъ къ пріему не отъ 10 до 12 л., какъ полагалось правилами училища, а отъ 8 до 14 лѣтъ.

менно на уплату долговъ и изъ того же источника на содержаніе по 27.000 р. ежегодно [1]). Въ 1820 г. Императрица отдѣлила училищу 10.000 р. изъ пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ въ пользу ея благотворительныхъ заведеній 30.000 р. [2]). Въ годъ смерти Императрицы училищу принадлежалъ капиталъ, изъ пожалованныхъ ею суммъ, въ 32.752 р. 97 к. сер. [3]).

Пожертвованныхъ училищу на содержаніе пенсіонерокъ капиталовъ было четыре: статсъ-дамы Головкиной въ 1803 г. 12.790 р. 75 к. [4]), князя Куракина въ 1807 г. 10.000 р., на содержаніе пенсіонерки имени барона Сердобина и выдачу ей 400 р. при выпускѣ [5]), отъ статсъ-дамы графини А. Браницкой въ 1821 г. 350.000 р. на содержаніе семи пенсіонерокъ по выбору Императрицы и выдачу имъ приданаго и отъ г-жи Жуковой 35.000 р. „на воспитаніе бѣдныхъ дѣвицъ въ училищѣ ордена св. Екатерины или въ Воспитательномъ Обществѣ“ и выдачу имъ приданаго.

Свое пожертвованіе графиня Браницкая представила Императрицѣ при письмѣ отъ 21-го апрѣля 1821 года. Въ немъ она между прочимъ говорила, что дѣлаетъ это „въ знакъ благодарности за безчисленныя благодѣянія, полученныя отъ благотворительницы ея, блаженныя памяти покойной Императрицы Екатерины Алексѣевны“. Предоставляя Императрицѣ Маріи выборъ пенсіонерокъ, графиня Браницкая изложила въ письмѣ желаніе, чтобы въ числѣ семи были три пенсіонерки „изъ Смоленской губерніи, фамилій Энгельгардтовъ и Потемкиныхъ), чтобы онѣ молились Всевышнему за покойную благотворительницу, которой симъ обязаны будутъ“, чтобы оставались въ училищѣ не менѣе семи лѣтъ, „для того, чтобы болѣе успѣть въ наукахъ, что можетъ служить въ собственную ихъ пользу“ [7]). Извѣщенная, по приказу Императрицы Маріи, о томъ, что—въ случаѣ возвышенія пенсіонерной платы—процентовъ съ 300.000 рублей окажется недостаточно для содержанія въ училищѣ семи пенсіонерокъ, гра-

[1]) П. собр. XXXII, 25312.—Переписка по уч. орд. св. Екатерины 1815 (Арх. IV отд.).—Журналы Сов. Екатерин. уч. (тамъ же).

[2]) Истор. зап. моск. уч., 187.

[3]) Сб. свѣд., 176.

[4]) Прот. Сов. В. О. и уч. орд. св. Ек. 21 апр. 1803.

[5]) Сб. свѣд., 164.

[6]) Графиня Александра Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, была племянница Потемкина.

[7]) Учр. С. Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII. Копія письма гр. Браницкой.

фиія Браницкая прибавила къ пожертвованному ею капиталу еще 50.000 р. асс. [1]).

Жукова также изъявила желаніе, чтобы пенсіонерки на жертвуемый ею капиталъ выбирались „преимущественно изъ рода Жуковыхъ и Энгельгардтовъ и не иначе, какъ по свидѣтельствамъ, даннымъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ томъ, что родители ихъ были и нынѣ есть, но воспитаніе и содержаніе дать имъ не въ силахъ“ [2]).

По распоряженіямъ Императрицы Маріи, въ училищѣ должны были содержаться три пенсіонерки имени великой княжны Елизаветы Александровны съ выдачею имъ при выпускѣ по 400 р.; отчислены 32.000 р. асс. изъ капитала А. Нарышкиной на содержаніе двухъ пенсіонерокъ ея имени и съ выдачею имъ при выпускѣ по 500 р. каждой. Изъ завѣщаннаго Императрицею на содержаніе своихъ пенсіонерокъ капитала должны были содержаться ея пенсіонерки и въ училищѣ.

На награды воспитанницамъ при выпускахъ получалось каждые три года отъ государя 4.000 р., изъ кассеты 3.000 р. и положенные по штату 3.000, всего 10.000 р.; на пенсіонерокъ капитула выдавалось изъ особаго капитала „кавалерскихъ дочерей“ [3]). Кромѣ того, награды выдавались изъ 8.000 р., пожертвованныхъ училищу вмѣстѣ съ Обществомъ, графомъ Шереметевымъ, и изъ 5.000 р., подаренныхъ училищу въ 1810 г. княгинею Щербатовою.

Московское училище ордена св. Екатерины было гораздо богаче петербургскаго. При его открытіи въ 1802 г. въ подаренномъ ему Императрицею домѣ, на перестройку этого дома и на первоначальные расходы было дано изъ государственнаго казначейства 30.000 р. единовременно и повелѣно выдавать ежегодно по 18.000 р. [4]), что вмѣстѣ съ 16.000 р. ежегодныхъ взносовъ Императрицы и членовъ ея семьи обезпечивало училищу доходъ въ 34.000 р. въ годъ. Такъ какъ по составленному Императрицею плану на содержаніе училища требовалось всего 28.000 р. въ годъ, то жертвуемые ею самою 6.000 р. Императрица назначила на составленіе запаснаго капитала училища. До 1826 года число пенсіонерокъ не было опредѣлено, но плата съ нихъ, по 438 р. 33 к. за каждую, въ 1806 году уже составляла болѣе половины всего дохода училища, а именно 47.000 р. Въ эту

---

[1]) Учр. С. Пет. уч. орд. св. Екат. XXIII.

[2]) Сб. свѣд., 172.

[3]) П. С. XXVIII, 21193.

[4]) Истор. зап. о моск. уч., 12, 15.

сумму входилъ взносъ отъ капитула россійскихъ орденовъ за 14 пенсіонерокъ.

Не смотря на постоянное возвышеніе пенсіонерной платы, дошедшей въ 1815 году до 700 рублей, доходовъ училища недоставало на его содержаніе, и по ходатайству Императрицы ему было назначено въ 1816 году пособіе изъ казны въ 3.4000 р. въ годъ [1]), а тремя годами позже, въ 1819 году, изъ казны же, по Высочайшему повелѣнію, выданы единовременно 30.000 р. на покупку смежной съ училищемъ дачи [2]). Наконецъ, уже при Императорѣ Николаѣ, въ 1826 году, было повелѣно выдать изъ казны 600.000 р. на постройку зданій для двухъ московскихъ училищъ [3]). Такимъ образомъ, кромѣ этой суммы, данной обоимъ училищамъ, московскому Екатерининскому было дано при Императрицѣ Маріи изъ государственнаго казначейства 60.000 р. единовременно и съ 1816 года выдавалось ежегодно по 52.000 р. [4]). Въ годъ смерти Императрицы училищу принадлежалъ капиталъ въ 485.761 р. 99½ к.; ежегодный доходъ его простирался до 215.928 р. 32¼ к., а расходъ—до 173.455 р. 10 к. [5]). По духовному завѣщанію Императрицы, училищу оставлены два капитала: одинъ въ 18.190 р. асс., другой въ 37.200 р. сер., „какъ даръ, въ вѣчную собственность, для употребленія процентовъ съ онаго на содержаніе сего училища и изъ нихъ по 1.000 р. въ годъ на составленіе резервнаго капитала“ [6]).

„На содержаніе одной, но бѣдной дворянки“ было сдѣлано единственное пожертвованіе въ 8.766 р. училищу въ 1810 г. княгинею Дашковою [7]). Императрица предоставила ему 10.000 р. изъ 30.000, пожертвованныхъ ей графомъ Шереметевымъ [8]), и двѣ трети продажной суммы завѣщаннаго также въ пользу благотворительныхъ ея заведеній имѣнія г-жи Хитрово [9]). По назначенію Императрицы, въ училищѣ должны были содержаться двѣ пенсіонерки на капиталъ Императрицы Елизаветы, съ выдачею имъ по 400 р. при выпускахъ, и двѣ имени А. Нарышкиной на 32.000 р., отдѣленныхъ съ этою цѣлью изъ общаго пожерт-

[1]) Истор. зап. о моск. уч., 70.

[2]) Тамъ же, 67.

[3]) Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Féodorowna aux tuteurs honoraires et aux supérieures des Instituts de Moscou. 2-e livraison. Lettres de Sa Majesté au Prince S. M. Galitzine, Moscou. 1885. Письмо 23 окт. 1826.

[4]) Выс. указы 27 окт. 1829 (Арх. IV отд.).

[5]) Ист. зап. о моск. уч., 69.

[6]) Сб. свѣд., 268.

[7]) Сб. свѣд., 267.

[8]) Истор. зап., 187.

[9]) Тамъ же, 66.

вованнаго Нарышкиною капитала съ выдачею этимъ пенсіонеркамъ по 500 р. при выпускахъ [1]). Кромѣ того еще въ 1807 году Императрица опредѣлила воспитывать въ училищѣ шесть сиротъ дворянокъ на завѣщанный въ 1798 г. графомъ Шереметевымъ капиталъ въ 200.000 р. на заведеніе „подъ управленіемъ московскаго опекунскаго Совѣта пристанища бѣднымъ и сиротамъ, отцовъ, матерей или благотворителей лишившихся и никакого пособія не имѣющимъ“ [2]). На оставленный Императрицею капиталъ должны были содержаться ея пенсіонерки и въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ.

Точно также не было пожертвованій училищу на выдачу наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. Награды выдавались имъ изъ 3.000 р., отпускавшихся съ 1802 года съ этою цѣлью изъ государственнаго казначейства, изъ суммъ экономическихъ и изъ кассеты. На выдачу наградъ были обращены, повелѣніемъ Императрицы, проценты съ 8.000 р., пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ для раздачи приданаго бѣднымъ дѣвицамъ [3]), а также завѣщанные еще въ 1797 году игуменомъ Симонтовскимъ 3.000 р. асс. „на выдачу 21-го апрѣля, яко день основанія Воспитательнаго Дома, при выходѣ въ замужство дворянокъ, сиротствующихъ дѣвицъ“ [4]). Изъ этого капитала, возросшаго за девять лѣтъ до 4.484 р., Императрица велѣла выдавать ежегодно 21-го апрѣля бѣднымъ дѣвицамъ дворянскимъ, а въ годы выпусковъ изъ московскаго училища ордена св. Екатерины „бѣднѣйшимъ изъ выпускаемыхъ дѣвицъ“, на томъ основаніи, что, „по смыслу завѣщанія, эта награда должна быть выдаваема какъ природнымъ дворянкамъ, такъ и тѣмъ, которыя по чину отца имѣютъ наслѣдственное дворянство“, и что „таковыхъ точно званій принимаются дѣвицы въ Екатерининское училище, да притомъ бѣдность придаетъ особливое право къ принятію въ оное“ [5]).

При учрежденіи московскаго Александровскаго училища, въ 1804 году, ему былъ данъ изъ суммъ государственнаго казначейства капиталъ въ 400.000 р., на проценты съ котораго оно должно было содержаться. Училище было открыто въ подаренномъ ему государемъ домѣ [6]) на перестройку котораго было прибавлено къ собственнымъ средствамъ училища 9.000 р. Съ

---

[1]) Сб. свѣд., 264, 268.

[2]) Истор. зап. о моск. уч., 30.

[3]) Тамъ же, 48,

[4]) Тамъ же.

[5]) Сб. свѣд. Т. I, 262.

[6]) Истор. зап., 167.

1812 года училище было переведено въ другой домъ, выстроенный на средства Воспитательныхъ Домовъ для московскаго вдовьяго Дома; постройка этого Дома обошлась въ 335.100 р., кромѣ стоимости земли, въ количествѣ 10.453 кв. саженъ [1]). На проценты съ своего капитала, 24.000 р., и на плату съ пенсіонерокъ по 225 р. за каждую, училище существовало до 1809 года, когда Совѣтъ, въ виду недостаточности этой суммы на покрытіе всѣхъ расходовъ и небольшого числа пенсіонерокъ, представилъ Императрицѣ объ уменьшеніи комплекта воспитанницъ съ 80-ти до 60-ти. Императрица не согласилась на это и прибавила изъ своихъ доходовъ по 1.000 р. въ годъ на содержаніе училища; она не согласилась также и на увеличеніе платы съ пенсіонерокъ. Въ слѣдующемъ году Императоръ Александръ назначилъ въ пособіе училищу по 3.000 р. ежегодно; затѣмъ въ 1811 году была увеличена пенсіонерная плата до 350 р., а въ 1815 году до 500 р. [2]). Не смотря на это, въ 1816 году, вѣроятно по ходатайству Императрицы, училищу было назначено ежегодное пособіе изъ государственнаго казначейства въ 27.000 р. [3]). Такимъ образомъ при Императрицѣ Маріи было дано училищу изъ казны единовременно 409.000 р. и ежегодно выдавалось по 27.000 р. Въ годъ смерти Императрицы расходъ училища равнялся 87.453 р. 83½ к., а доходъ—117.671 р. 10½ к. Кромѣ вѣчнаго капитала въ 400.000 р., ему принадлежалъ еще, обращавшійся въ сохранной казнѣ съ опредѣленнымъ назначеніемъ, капиталъ въ 68.835 р. 94 к. асс. [4]).

По духовному завѣщанію Императрицы, училищу оставлены капиталы въ 2.801 р. 44¾ к. и 3.000 р. „какъ даръ, въ вѣчную собственность"; изъ процентовъ, назначенныхъ на содержаніе училища, 500 р. должны были, согласно волѣ Императрицы, ежегодно отчисляться въ резервный его капиталъ [5]).

Пожертвованій московскому Александровскому училищу было одно, въ 3.000 р. отъ графини Головкиной, „на содержаніе училища" [6]). Императрица предоставила ему одну треть продажной суммы за имѣнія Хитрово и 10.000 р. изъ 30.000, пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ на ея благотворительныя заведенія вообще. На содержаніе пенсіонерокъ купецъ Гусевъ съ сыновьями обязался вносить, съ 1805 года въ теченіе десяти лѣтъ,

---

[1]) Истор. зап., 171.
[2]) Тамъ же, 176.
[3]) Тамъ же, 186.
[4]) Тамъ же, 187.
[5]) Сб. свѣд., 290.
[6]) Истор. зап., 187.

по 3.000 р. ежегодно. Эти пенсіонерки, по распоряженію Императрицы, должны были назначаться изъ „сиротъ изъ купеческихъ или мѣщанскихъ дочерей, о выборѣ которыхъ сноситься съ думою“ [1]). По назначенію Императрицы, въ училищѣ должны были воспитываться двѣ пенсіонерки на 10.000 р., пожертвованныхъ въ 1808 году въ пользу ея благотворительныхъ заведеній камергеромъ Свиступовымъ [2]), шесть пенсіонерокъ на капиталъ М. Шереметевой, двѣ пенсіонерки имени великой княжны Елизаветы Александровны, съ выдачею имъ при выпускахъ по 200 р. каждой. Изъ оставленнаго Императрицею на своихъ пенсіонерокъ капитала, въ училищѣ также должны были содержаться ея пенсіонерки.

На награды воспитанницамъ Императрица опредѣлила въ 1808 году изъ своихъ доходовъ по 1.500 р. въ годъ.

Дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома помѣщалось въ зданіи Воспитательнаго Дома; съ поступленіемъ его подъ покровительство Императрицы, этотъ домъ былъ проданъ за 225.000 р. [3]), а на покупку смежнаго съ нимъ мѣста было дано „подъ обязательство министра финансовъ на счетъ государственнаго казначейства“ 30.000 р. Училище содержалось на 25.000 р., отпускавшихся изъ военной коллегіи, и на 3.000 р., назначенныхъ Императрицею отъ себя. Кромѣ того военная коллегія давала училищу десятую часть экономическаго провіанта [4]). На эти средства, съ прибавкой 7.000 р., назначенныхъ государемъ въ 1816 г. къ ежегодной выдачѣ изъ государственнаго казначейства [5]), и платы съ пенсіонерокъ, существовало училище все время при Императрицѣ Маріи. Всего при ней ему было дано изъ казны 30.000 р. единовременно, и выдавалось ежегодно по 32.000 р. Первоначальная плата съ пенсіонерокъ — по 300 р. въ годъ въ первомъ отдѣленіи и по 250 р. во второмъ — была увеличена съ 1820 года до 450 и 350-ти рублей.

Награды воспитанницамъ, съ отдѣленіемъ дѣвичьяго училища отъ военно-сиротскаго Дома, выдавались отъ него по 200 и по 150 рублей, и кромѣ того изъ Кабинета государя по 300 р. воспитанницамъ перваго отдѣленія.

---

[1]) За это пожертвованіе Гусевъ получилъ отъ государя золотую медаль, а отъ Императрицы Маріи перстень, осыпанный бриліантами, и отзывъ, въ которомъ было сказано, что, „въ соотвѣтствіе его, Гусева, благотворительнаго намѣренія, капиталы сіи отдадутся для приращенія въ сохранную казну и будутъ называться „вкладомъ Гусевыхъ“ („Сѣв. Вѣстникъ“, 1805. Ч. VIII).

[2]) Ист. зап., 135.

[3]) Учр. Павл. И. 1807—1855. XVIII (Арх. IV отд.).

[4]) П. Собр. XXIX, 22509.

[5]) Письмо Имп. Маріи 18 сент. 1816 (Учр. Павл. И. 1807—1855).

На содержаніе пенсіонерокъ князь Долгорукій пожертвовалъ въ 1805 году 2.000 червонцевъ или 8.400 р. Изъ этой суммы должны были содержаться по одной пенсіонеркѣ въ каждомъ отдѣленіи. На 10 000 р., пожертвованныхъ княземъ Куракинымъ въ 1825 г., въ первомъ отдѣленіи было положено воспитывать одну пенсіонерку, съ выдачею ей награды при выпускѣ. Крупное пожертвованіе въ 50.000 р. было сдѣлано училищу въ 1826 г. графомъ Аракчеевымъ на содержаніе въ первомъ отдѣленіи пяти пенсіонерокъ, „дочерей чиновниковъ, служащихъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда, а за неимѣніемъ оныхъ, новгородскихъ дворянъ, разумѣя изъ военныхъ же чиновниковъ“ [1]).

Пожертвованіе графа Аракчеева сопровождалось слѣдующимъ письмомъ его, отъ 17-го апрѣля 1826 г., Императрицѣ Маріи:

„Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Марія Θеодоровна! По крайнѣ разстроенному моему здоровью, послѣдуя совѣту врачей, я долженъ былъ просить Всемилостивѣйшаго Государя Императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ. Его Величество Всемилостивѣйше снисходя на прозьбу мою изволилъ облагодѣтельствовать меня пожаловавъ 50 000 рублей на дорожныя мои издержки.

„Всемилостивѣйшая Государыня! я не имѣлъ еще ни время, ни случая заслужить сіе монаршее Благодѣяніе:—Оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу. моему отцу и благодѣтелю.

„Обезпечивъ ужъ издержки предпринимаемаго мною пути продажею бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилостивѣйше пожалованною мнѣ суммою.

„Я предназначаю сію сумму на доброе христіанское дѣло и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе святого имени и Благоговѣйное почитаніе памяти того, кто и за гробомъ чрезъ Августѣйшаго Брата, Благодѣтельствуетъ слугѣ Его вѣрному—Императора Александра Благословеннаго“.

Переименовавъ далѣе, изъ кого должны набираться пять пенсіонерокъ на проценты съ жертвуемыхъ имъ 50.000 рублей, графъ Аракчеевъ изъявлялъ желаніе, чтобы онѣ именовались пенсіонерками Императора Александра Благословеннаго. „Милостивое Вашего Императорскаго Величества Благоснисхожденіе—продолжалъ онъ далѣе—на всеподданнѣйшее прошеніе мое хотя нѣсколько усла-

[1]) Сб. свѣд., т. I, 210.

дитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣвшіяся въ моемъ сердцѣ—кончиною обожаемаго мною Государя, отца и Благодѣтеля. Праведная душа Александра Благословеннаго по благочестивой здѣсь жизни навѣрное предстоитъ нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей. Она подкрѣпляетъ всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи, здравіи и спокойствіи вашего Императорскаго Величества, только драгоцѣнныхъ для удовольствія и облегченія Государственнаго Бремяни Царствующаго Императора. Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни вѣрноподданный графъ Аракчеевъ" [1]).

Желаніе жертвователя было исполнено, но въ Высочайшемъ повелѣніи 21-го апрѣля 1826 г. не сказано, чтобы пенсіонерки на капиталъ графа Аракчеева назывались пенсіонерками „Александра Благословеннаго" [2]).

Кромѣ этихъ пожертвованій на содержаніе пенсіонерокъ, Императрица Марія отдѣлила дѣвичьему училищу 22.000 р. изъ 150.000 капитала А. Нарышкиной, на содержаніе въ немъ двухъ пенсіонерокъ ея имени и выдачу имъ при выпускѣ по 500 р. каждой [3]).

По духовному завѣщанію Императрицы Маріи, изъ процентовъ съ оставленнаго ею капитала, въ дѣвичьемъ училищѣ должны были содержаться пенсіонерки въ каждомъ изъ его отдѣленій. Кромѣ того ею дано училищу 13.600 р. сер. [4]).

Подводя итогъ болѣе крупнымъ суммамъ, отпущеннымъ при Императрицѣ Маріи изъ государственнаго казначейства, а равно пожертвованныхъ самою ею и частными лицами пяти столичнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ ея покровительствомъ, оказывается, что, за 32 года ея управленія ими, было выдано изъ казны единовременно 1.653.616 р. асс. и выдавалось ежегодно по 537.064 р., включая сюда 140.000 р. асс., назначенные Императоромъ Александромъ въ 1816 году къ ежегодной выдачѣ на прибавку жалованья и пенсій начальствующимъ лицамъ всѣхъ пяти учебныхъ заведеній [5]).

Пожертвованій частныхъ лицъ было приблизительно на сумму 630.956 р., а съ присоединеніемъ капитала Императрицы Елизаветы Алексѣевны—739.241 р. Кромѣ того 180.000 р. были по-

[1]) Учрежд. Павл. И. 1807—1855.
[2]) Сб. свѣд., т. I, 210.
[3]) Сб. свѣд., т. I, 211.
[4]) Тамъ же, 221.
[5]) П. Собр. XXXIII, 26429.

жертвованы самой Императрицѣ Маріи въ пользу ея учрежденій, и ею распредѣлены между женскими учебными заведеніями.

Пожертвованныя самою Императрицею этимъ заведеніямъ суммы, включая сюда и завѣщанные имъ капиталы, составляютъ болѣе двухъ милліоновъ рублей, не считая кассетнаго капитала, въ которомъ ея взносы равны болѣе нежели трети всей его суммы. Кромѣ того Императрица давала изъ своихъ средствъ, различными на каждое изъ пяти столичныхъ заведеній суммами, въ общей сложности до 50.000 р. въ годъ, не считая платы за содержаніе ея пенсіонерокъ [1]).

---

[1]) Приведенныя цифры, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, представляютъ минимумъ дѣйствительно поступавшихъ при Императрицѣ Маріи суммъ. Точныя свѣдѣнія о денежномъ положеніи женскихъ учебныхъ заведеній стали возможны лишь со времени введенія по учрежденіямъ вѣдомства смѣтной системы въ 1865 году. Хотя съ этого года въ смѣтахъ и показаны нѣкоторыя изъ суммъ, ассигнованныхъ или пожертвованныхъ и при Императрицѣ Маріи, но эти суммы переведены на серебро, а главное, въ смѣтахъ не показаны отпускавшіяся при ней изъ казны суммы, ибо, тотчасъ послѣ смерти Императрицы, отпускъ ихъ былъ прекращенъ повелѣніемъ Императора Николая.

III.

Уставъ 1804 года. — Отношеніе къ женскому образованію Императора Александра I.—Пожертвованія на мужскія и женскія учебныя заведенія. — Пожертвованіе тверскаго дворянства на женское учебное заведеніе.—Указъ Императора Александра о благотворительности.—Частная благотворительность.—Пожертвованіе камергера Свистунова. — Домъ Трудолюбія въ Петербургѣ (Елизаветинское училище). — „Положеніе", ему данное. — Измѣненіе цѣли его основанія; его средства.—Принятіе Дома подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Харьковское Общество благотворенія.—Харьковскій институтъ.—Уставы женскихъ институтовъ.—Уставъ харьковскаго института и его отличіе отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ Императрицы Маріи правилъ.—Доходы института.—Бытъ воспитанницъ.—Отчеты объ институтѣ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ".—Посѣщеніе института великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. — Посѣщеніе государя. — Принятіе института подъ покровительство Императрицы Маріи.—Торжественное открытіе харьковскаго института. — Отношеніе къ нему харьковскаго общества.—Пожертвованія.—Награды воспитанницамъ.—Измѣненіе программы ученія.—Средства.—Измѣненіе устава.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Назначеніе учителямъ жалованья.—Расширеніе института.—Высочайшее повелѣніе приказамъ общественнаго призрѣнія о суммахъ на содержаніе института. — Завѣщанная ему Императрицею Маріею сумма. — Петербургское Патріотическое Общество Дамъ. — Пожалованіе ему 500.000 р. ежегодно Императоромъ Александромъ.—Пожертвованія особъ царской фамиліи.—Указъ объ оставленіи Общества подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Совѣтъ.—Женскія Патріотическія Общества въ Рязани и Москвѣ.—Средства Общества.—Училище для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей въ войну 1812 года (Патріотическій институтъ).—Частныя школы Патріотическаго Общества.—Принятіе Патріотическаго института подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны.—Положеніе и штатъ 1827 года.—Суммы, опредѣленныя Императоромъ Николаемъ на содержаніе института.—Полтавскій институтъ.—Сравненіе его устава съ уставомъ харьковскаго. — Отношеніе полтавскаго дворянства къ институту.—Первый выпускъ.—Средства на содержаніе института.—Записка князя Репнина В. П. Кочубею о положеніи института.—Мнѣніе государя. — Суммы на содержаніе института изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и изъ государственнаго казначейства.—Дозволеніе принимать въ институтъ дочерей купцовъ 1-ой и 2-ой гильдій.—Положеніе 1828 года.—Дома Трудолюбія въ

Симбирскѣ (Елизаветинское училище) и Москвѣ (Елизаветинское училище).— Положеніе 1825 года. — Пожертвованія московскому Дому Трудолюбія. — Пожертвованіе помѣщицы М. П. Родіоновой на учрежденіе института въ Казани.—Одесскій институтъ и его уставъ.

Въ 1804 году утвержденъ Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ. Этимъ уставомъ всѣ учебныя заведенія имперіи раздѣлялись на три рода училищъ: гимназіи, уѣздныя училища и приходскія: всѣ они, а также „и другіе, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, училища и пансіоны, находящіеся въ губерніяхъ“, должны были состоять въ вѣдомствѣ и подъ управленіемъ университетовъ [1]. „Изъ сего исключаются— сказано въ § 2 устава—училища, состоящія въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, и тѣ, которыя по особливымъ обстоятельствамъ Высочайше ввѣрены иному Начальству“. Къ числу послѣднихъ принадлежали и женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ и, въ большинствѣ случаевъ, подъ личнымъ управленіемъ Императрицы Маріи. Такимъ образомъ женское образованіе не должно было входить въ кругъ дѣйствій правительства, заботы котораго въ этомъ отношеніи, особенно по высшему и среднему образованію, были обращены исключительно на организацію мужскаго. Только относительно низшаго, новымъ уставомъ не дѣлалось такого разграниченія, ибо въ приходскія училища допускались „всякаго состоянія дѣти, безъ разбору пола и лѣтъ“.

Такая постановка дѣла въ уставѣ можетъ быть и обусловливалась тѣмъ, что женское образованіе еще ранѣе 1804 года фактически выдѣлилось въ особую часть, и благодаря горячимъ заботамъ о немъ Императрицы, ея личному въ немъ участію, умѣнью организовать его, ея матеріальной поддержкѣ и усиленнымъ стараніямъ доставить управляемымъ ею женскимъ учебнымъ заведеніямъ обильныя денежныя средства, было поставлено въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ въ самыя благопріятныя для его развитія условія. Поэтому, можетъ быть, Императоръ Александръ I не принималъ въ этомъ дѣлѣ такого непосредственнаго участія, какое проявляли къ нему, не говоря уже объ Императрицѣ Екатеринѣ, даже Императоръ Павелъ. Александръ I не отказывалъ Императрицѣ въ щедрыхъ назначеніяхъ денежныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства, давалъ и лично отъ себя на устройство и нужды женскихъ институтовъ, но этимъ и ограничивалось его участіе въ дѣлѣ женскаго образованія.

Къ мужскому образованію Александръ I относился иначе. Когда

[1]) П. Собр. XXVIII. 21501.

тульское дворянство, поощряемое примѣромъ правительства, просило о разрѣшеніи устроить на свои средства „училище для воспитанія неимущихъ дворянъ", государь выразилъ свое одобреніе дворянству, написавъ: „ни съ чѣмъ не сравню Я удовольствія видѣть въ самомъ началѣ Царствованія Моего, что вмѣсто тщетныхъ и разорительныхъ издержекъ, пышности и роскоши, обращаются избытки имуществъ на столь полезные предметы" [1]). Онъ назначилъ училищу по 6.000 р. въ годъ изъ Кабинета и, соглашаясь чтобы новое училище было названо „Александровскимъ", прибавилъ: „хотя не мыслю Я, чтобъ въ дѣлѣ общей пользы имя могло присоединить новое достоинство, но чтобы показать сколь много уважаю Я подвигъ дворянства къ сему заведенію" [2]).

Такое отношеніе государя къ дѣлу образованія вызвало среди русскаго общества желаніе содѣйствовать ему щедрыми пожертвованіями, преимущественно на мужское образованіе. Примѣръ Императрицы Маріи вліялъ въ такомъ же духѣ въ интересахъ и женскаго; но пожертвованія на него всегда были значительно меньше тѣхъ, какія дѣлались въ пользу мужскаго.

Первое крупное пожертвованіе на женское образованіе было сдѣлано тверскимъ дворянствомъ. Въ 1805 году губернскій предводитель дворянства тверской губерніи представилъ министру внутреннихъ дѣлъ единогласное постановленіе тверскаго дворянства учредить въ Твери институтъ благородныхъ дѣвицъ. На устройство и содержаніе института дворянство просило разрѣшенія взять 80.000 рублей изъ 84.000 рублей дворянской суммы, обращавшейся въ тверскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія [3]), и 47.210 рублей, оставшихся отъ строенія казармы [4]), всего 127.210 рублей. Въ своемъ представленіи министру, предводитель говорилъ, что дворянство тверской губерніи, весьма многочисленное, „недостаточно, въ сравненіи съ другими, и, не взирая на то, весьма дѣятельно печется о воспитаніи дѣтей своихъ прилично ихъ званію". Онъ прибавлялъ, что общественное постановленіе объ учрежденіи института „дополнили дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ тѣмъ, что если назначаемой суммы на заведеніе и содержаніе института мало, то всякій, по возможности, сдѣлаетъ

---

[1]) П. Собр., XXVI, 19984.

[2]) П. Собр., 20015.

[3]) Въ этой суммѣ—50.000 р. составляла возвращенную дворянству въ 1784 году Императрицею Екатериною сумму, истраченную имъ на устройство мужскаго училища для благородныхъ дѣтей. (П. Собр. Т. XXVIII, 21691).

[4]) Эта сумма также была возвращена дворянству Высочайшимъ повелѣніемъ 1801 года.

нужное пособіе". Предводитель сообщалъ и о томъ, что дворянство нашло уже помѣщеніе для будущаго института, признавъ всего удобнѣе и приличнѣе помѣстить его въ тверскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, игуменья котораго, „изъ усердія къ сему благоугодному намѣренію, жертвуетъ, какъ землею (9 десятинъ пашенной земли, удобной для строенія), такъ и новой церковью надъ святыми вратами, и вновь сооруженными каменными кельями, оставляя сіи послѣднія въ пользу института пока не выстроются нужныя для онаго зданія". Кромѣ того монахини изъявили желаніе „посвятить себя такому при институтѣ служенію, какое возложено быть можетъ на нихъ въ содѣйствіе къ пользѣ общественной". За все это онѣ испрашивали, чтобы институтъ былъ принятъ подъ покровительство и состоялъ подъ „собственнымъ начальствомъ Императрицы Маріи Ѳедоровны". Въ заключеніе предводитель дворянства выражалъ надежду, что „когда въ Твери учредится военное училище, на 120.000 р. на оное назначенныхъ и Институтъ на 127.210 р., тогда воспитаніе благородныхъ дѣтей обоего пола, равно для пользы общей важное, приведено будетъ въ справедливое уравненіе". Въ случаѣ Высочайшаго утвержденія предположеній тверскаго дворянства объ учрежденіи института, назначенная на него сумма должна была поступить въ полное распоряженіе Императрицы [1]).

Это предположеніе не осуществилось въ томъ видѣ, какъ желало тверское дворянство. Хотя опредѣленная имъ на институтъ сумма впослѣдствіи увеличилась и къ 1807 году составляла 146.067 р., но она показалась недостаточною на устройство и содержаніе цѣлаго института, и онъ въ Твери не былъ учрежденъ; а на проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала въ 1807 году открыто особое отдѣленіе, названное тверскимъ, для двадцати бѣдныхъ дворянокъ тверской губерніи, при московскомъ Екатерининскомъ училищѣ [2]).

Примѣръ, даваемый сверху, вліялъ на русское общество и въ другомъ отношеніи.

Гуманность и человѣколюбіе, проявленныя Императоромъ Александромъ I въ первые же годы вступленія на престолъ, его заботы о просвѣщеніи всѣхъ слоевъ русскаго народа, его филантропическія идеи и стремленія, вызвали въ средѣ русскаго общества желаніе содѣйствовать государю и въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ общей пользѣ, также къ облегченію страданій ближ-

---

[1]) П. Собр. XXVII, 21691.

[2]) Истор. зап. о моск. уч., 27.

няго. Такія стремленія Александръ I опредѣленно выразилъ при учрежденіи Человѣколюбиваго Общества въ указѣ 1802 года, которымъ общественная благотворительность, какъ особая вѣтвь государственнаго управленія, ввѣрялась камергеру Витовтову. „Чтобы показать,—сказано въ указѣ,—какъ близки къ сердцу Моему жертвы ожесточеннаго рока, Я беру подъ особливое и непосредственное покровительство Свое какъ вновь учреждаемое въ здѣшней столицѣ благодѣтельное Общество, такъ и всѣ другія, которыя, безъ сомнѣнія, по примѣру онаго размножатся между народомъ толико для Меня любезнымъ, на котораго природа изліяла всѣ земныя свои сокровища и одарила всѣми добродѣтелями, а особливо симъ небеснымъ вдохновеніемъ—помогать ближнему" [1]).

Поощряемыя государемъ, стали возникать, рядомъ съ правительственными, общественныя и частныя благотворительныя учрежденія; усилилась и частная благотворительность. Послѣдняя проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ очень наивныхъ формахъ. Въ „Вѣстникѣ Европы", издававшемся Карамзинымъ, въ 1803 году было напечатано предложеніе „одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ согражданъ", заключавшееся въ томъ, чтобы, по случаю столѣтней годовщины основанія Петербурга, учредить пріютъ „для злощастныхъ, кои въ молодыхъ лѣтахъ чрезмѣрными страстьми по физическимъ какимъ причинамъ или по вреднымъ навыкамъ вовлечены будучи въ гнусные пороки, сколь въ обществѣ дѣлаются нетерпимы, столь и самимъ себѣ пагубны". Такое заведеніе авторъ предлагалъ назвать „праволечебнымъ" или „гостинницею Петровой... Соберемся,—писалъ онъ—изберемъ повѣренныхъ для сочиненія плана и штата для поднесенія государю" [2]). Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1805 года помѣщено письмо женщины, которая предлагала обложить сборомъ въ пять процентовъ „всѣхъ, получающихъ жалованье", въ пользу вдовъ и сиротъ [3]).

Съ учрежденіемъ Человѣколюбиваго Общества и попечительныхъ при немъ Комитетовъ о бѣдныхъ, пожертвованія стали стекаться въ эти Комитеты и дѣлались они съ самыми разнообразными цѣлями.

Камергеръ Свистуновъ, принося въ даръ Комитету свой домъ, обставилъ это пожертвованіе слѣдующими условіями. „Многочисленныя благотворенія—писалъ онъ—изливаемыя отъ щедротъ

[1]) П. С. XXVII, 20266.

[2]) „В. Европы", 1803, № 7. Письмо къ издателю изъ Петербурга.

[3]) „Сѣв. Вѣстн.", 1805, ч. V.

Монарха на бѣдныхъ, требующихъ различнаго рода помощи, должны возбудить въ каждомъ изъ его подданныхъ чувство благодарности и ревность содѣйствовать щедролюбивымъ Его намѣреніямъ. Нижеподписавшійся, преисполненъ будучи симъ чувствомъ, внимая побужденіямъ сердца своего съ полною довѣренностію обращается къ Попечительному Комитету всегда движимому духомъ Человѣколюбія и неусыпно пекущемуся объ участи нещастныхъ, обращается въ той надеждѣ, что искреннее приношеніе нѣкотораго достоянія его въ помощь бѣдности и въ награду добродѣтели, будетъ благосклонно принято и удостоится одобренія отъ сего благотворительнаго Общества... Нижеподписавшійся имѣетъ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ съ двумя садами на Васильевскомъ острову между 13 и 14 линіями, въ немъ жилъ до кончины своей почтенный Старецъ Отецъ, бывшій въ жизни своей примѣрно почтительнымъ Сыномъ къ своей матери... Нижеподписавшійся, съ благоговѣніемъ воспоминая отличныя Добродѣтели Отца своего, желалъ бы, чтобъ благочестивое жилище его пребыло навсегда обителію благотворенія; а цѣна сего дома возмездіемъ добрыхъ дѣтей средняго или бѣднаго состоянія, почитающихъ престарелыхъ своихъ родителей и пекущихся о нихъ привсѣмъ своемъ недостаткѣ; и для того проситъ Попечительный Комитетъ покровительствовать сему его намѣренію, взявъ Домъ сей въ свое вѣдомство и употребя его для какого-либо благотворительнаго заведенія... Нижеподписавшійся предлагаетъ означенный свой Домъ въ отдачу, слѣдовательно и въ полной распорядокъ Попечительнаго Комитета на слѣдующемъ Положеніи, а имянно: чтобъ въ теченіи 12-ти лѣтъ, щитая отъ времени врученія крѣпости Дома Попечительному Комитету, каждый годъ сумма одна тысяча рублей раздѣлена будучи на четыре участка, по разсмотренію Комитета выдаваема была добрымъ Сыновьямъ и дочерямъ недостаточнаго состоянія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ почтительнымъ обращеніемъ съ своими Родителями и попеченіемъ о ихъ старости заслужившимъ сію награду: которая въ то же время для нихъ будетъ поощреніемъ и подастъ нѣкоторое срѣдство пребывать въ сей добродѣтели. Кромѣ сего Нижеподписавшійся желая имѣть самъ нѣкоторое участіе въ семъ благотвореніи проситъ Попечительный Комитетъ позволить ему съ своей стороны, буде найдетъ достойныхъ дѣтей, представлять оныхъ для полученія опредѣляемой награды, которою по разсмотреніи Господами Членами Комитета представляемыхъ и удовлетворять" [1])...

[1]) Арх. Патріотическаго Института. Елизаветинское училище. I, 1, 3, 1810.

Этотъ домъ былъ принятъ Попечительнымъ Комитетомъ, который тогда же постановилъ: поправивъ домъ, отдать его для помѣщенія состоявшаго съ 1807 года въ вѣдѣніи Комитета Дома Трудолюбія. Выраженное Свистуновымъ желаніе, чтобы изъ доходовъ съ дома ежегодно, въ теченіи 12-ти лѣтъ, отдѣлялась тысяча рублей для наградъ двумъ добрымъ сыновьямъ и двумъ добрымъ дочерямъ, Комитетъ, относительно послѣднихъ, выполнялъ выдавая иногда наградную сумму бывшимъ воспитанницамъ Дома Трудолюбія [1]). Въ журналѣ Комитета 1814 года 8-го августа записано: „по представленію попечителя Политковскаго дѣвицамъ Екатеринѣ и Маріи Бахтинымъ, дочерямъ Надворнаго Совѣтника, съ престарѣлымъ Отцомъ во уваженіе почтительнаго обращенія ихъ съ своимъ родителемъ и попеченія о Его старости по 250 р. каждой изъ тысячи рублевой суммы ежегодно отдѣляемой на таковое вспоможеніе въ слѣдствіе положенія Комитета отъ 18-го мая 1810 года“.

Домъ Трудолюбія былъ основанъ въ Петербургѣ въ 1806 году подполковницею Гавриловой для 50-ти воспитанницъ, дочерей бѣдныхъ благородныхъ родителей. Эти 50 воспитанницъ были доставлены ей камергеромъ Витовтовымъ [2]), участіе котораго въ этомъ дѣлѣ указываетъ, что учрежденіе Дома Трудолюбія было задумано на началахъ благотворительности. Въ первый годъ Гаврилова дѣйствительно содержала Домъ на средства отъ продажи работъ воспитанницъ и на частныя пожертвованія. Но въ слѣдующемъ же году она обратилась съ просьбой о вспомоществованіи къ государю, который велѣлъ бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, князю Куракину, осмотрѣть заведеніе и, послѣ доклада князя, приказалъ выдать Гавриловой изъ Кабинета 3.000 р.; Императрица Елизавета Алексѣевна также пожертвовала 2.000 р. Но этихъ суммъ было недостаточно для содержанія Дома, такъ какъ частныхъ пожертвованій поступало очень мало, а за работы воспитанницъ въ два съ половиною года было выручено всего 5.070 р. Въ 1808 году, по новому докладу князя Куракина, государь велѣлъ заплатить изъ государственнаго казначейства долги Гавриловой и составить Положеніе для Дома Трудолюбія, который, какъ говорится въ докладѣ князя Куракина государю, „служитъ умноженіемъ числа благотворительныхъ Вашего Императорскаго Величества въ пользу юношества учрежденій“.

---

[1]) Арх. Патр. няст. Елизавет. училище. Выписки изъ журналовъ Попеч. Ком. 12 сент. 1810 и 8 августа 1814 г.

[2]) П. Собр. XXX, 23346.

Согласно новому Положенію, Домъ Трудолюбія предназначался для воспитанія 50-ти дѣвицъ, оставшихся въ бѣдности послѣ отцовъ штабъ и оберъ-офицерскаго чина. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы доставить возможность дѣвицамъ содержать себя трудами; поэтому обученіе должно было ограничиваться главнымъ образомъ женскими рукодѣліями. Но,—сказано въ § 3 положенія—„дабы не лишить ихъ и необходимо нужной степени просвѣщенія“, обучать: закону Божію, россійскому чтенію и письму, начальнымъ правиламъ ариѳметики и рисованію. Воспитанницы должны были поступать не моложе десяти и не старше пятнадцати лѣтъ; онѣ выпускались лишь по достиженіи 24-хъ-лѣтняго возраста. Положеніемъ допускались и пенсіонерки съ платою по 250 р. въ годъ.

Какъ учрежденіе благотворительное, Домъ Трудолюбія долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи Попечительнаго Комитета, входившаго въ составъ Человѣколюбиваго Общества и подъ главнымъ управленіемъ избираемаго Комитетомъ попечителя. На содержаніе Дома государь назначилъ 13.020 р., которые должны были ежегодно выдаваться изъ с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія, также изъ выручки отъ работъ воспитанницъ. Эта выручка должна была дѣлиться на двѣнадцать частей, изъ которыхъ двѣ назначались начальницѣ, одна—ея помощницѣ, пять—на содержаніе Дома, четыре—должны были вноситься въ банкъ на проценты и выдаваться воспитанницамъ при выпускѣ. Выручка отъ работъ пенсіонерокъ и остатокъ отъ ихъ платы должны были присоединяться къ суммѣ на содержаніе Дома Трудолюбія [1]).

Домъ Трудолюбія состоялъ въ вѣдѣніи Попечительнаго Комитета до конца 1816 года, когда онъ былъ переданъ въ вѣдомство организовавшагося въ концѣ 1812 года „Петербургскаго Патріотическаго Общества Дамъ“ [2]), состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны. „Сословію Патріотическихъ Дамъ“, какъ выразился въ письмѣ къ предсѣдательницѣ Общества, княгинѣ В. Репниной, предсѣдатель Попечительнаго Комитета, высокопреподобнѣйшій Криницкій, и былъ переданъ Домъ Трудолюбія 2-го августа 1816 года. Хотя характеръ этого заведенія долженъ былъ оставаться по прежнему благотворительнымъ, ибо по первоначальному, неосуществившемуся впрочемъ, плану, съ учрежденіемъ въ 1816 году Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, къ нему предполагалось присоединить и женское патріотическое Общество, но съ переходомъ

[1]) Указъ дек. 21, 1808 г. (Арх. Патр. инст., № 46).

[2]) Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго института. Составилъ П. Макѣевъ, 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріот. института.

Дома Трудолюбія въ вѣдомство послѣдняго, характеръ этого учебнаго заведенія сталъ измѣняться. Въ 1817 году воспитанницъ обучали не однимъ элементарнымъ предметамъ, но и географіи, россійской грамматикѣ и исторіи [1]); начальница была нѣмка и говорила съ ними по-нѣмецки [2]).

За годъ до перехода въ вѣдѣніе женскаго патріотическаго Общества, кромѣ 50-ти штатныхъ воспитанницъ „благороднаго званія бѣдныхъ дѣвицъ" въ Домѣ Трудолюбія было 24 пенсіонерки (изъ нихъ 7 своекоштныхъ), платившихъ по 250 р. въ годъ [3]), и не смотря на то, что эта плата, постоянно возвышаясь, дошла въ 1825 году до 450 р., въ этомъ году было 80 пенсіонерокъ. Плата съ нихъ покрывала двѣ трети всего расхода на содержаніе Дома; а такъ какъ получалось еще 13.020 р., отпускавшихся съ 1823 года изъ Кабинета, да отъ продажи работъ воспитанницъ выручалась извѣстная сумма, что въ сложности составило къ 1825 году 55.486 р. 61½ к. [4]), то содержаніе Дома Трудолюбія не требовало отъ женскаго патріотическаго Общества никакихъ расходовъ.

До 1822 года Общество поручало управленіе Домомъ одной изъ своихъ дамъ; въ этомъ году Императрица Елизавета Алексѣевна взяла его въ свое управленіе. Извѣщая объ этомъ предсѣдательницу Общества, Императрица писала, что „права патріотическихъ дамъ къ этимъ заведеніямъ (к Патріотическому институту) остаются тѣ же, а всякая особенная перемѣна или важное обстоятельство будутъ доводимы до ихъ свѣдѣнія.. Поручаю Вамъ—прибавляла Императрица—увѣрить въ томъ сіе сословіе" [5]).

Первоначальное назначеніе Дома Трудолюбія съ теченіемъ времени измѣнилось. Въ 1825 году въ немъ воспитывались не дѣти штабъ и оберъ-офицерскаго чина, какъ это было по Положенію 1808 года, а „дѣвицы разночиннаго состоянія" [6]). Ихъ обучали элементарнымъ предметамъ и нѣмецкому языку, а пенсіонерокъ, по желанію, и французскому.

Пожертвованій Дому Трудолюбія поступало мало. Въ 1815 году бригадиръ князь Несвицкій завѣщалъ двадцати двумъ бѣднѣйшимъ

---

[1]) Арх. Патр. инст. Елиз. уч., № 11.

[2]) Алабьина. Воспоминанія институтки. Печатано съ Выс. Ея Имп. Вел. соизволенія. С.-Петербургъ, 1834.

[3]) Арх. Патр. и. Ел. уч., № 8.

[4]) Арх. Патр. и. Бюджетъ жен. патр. Общ., № 43.

[5]) Краткій ист. очеркъ образов. Патріот. инст.

[6]) Дѣла жен. патр. Общ. Засѣданіе 30 мая 1825 (Арх. Патр. инст.).

дѣвицамъ при выпускѣ изъ Дома на приданое по 100 р. каждой [1]). Это было единственное, кажется, пожертвованіе сдѣланное собственно Дому Трудолюбія. По назначенію Императрицы Елизаветы, изъ пожертвованныхъ на ея благотворительныя заведенія вообще суммъ, она опредѣлила на содержаніе Дома Трудолюбія 10.000 р., пожертвованныхъ графомъ Шереметьевымъ [2]), и 1.000 р. изъ 2.000 р., пожертвованныхъ бѣлогородскимъ купеческимъ обществомъ по случаю проѣзда Императора Александра и Императрицы Елизаветы черезъ Бѣлгородъ въ 1825 году [3]). Болѣе крупную сумму, 22.000 р., назначила Дому Трудолюбія коммиссія по дѣламъ умершаго оберъ-шенка графа Головина. На проценты съ этого капитала должны были содержаться двѣ воспитанницы по назначенію Императрицы Елизаветы. Извѣщая объ этомъ предсѣдательницу Совѣта патріотическаго Общества, Императрица, въ рескриптѣ отъ 14-го февраля 1825 года, выразила желаніе, чтобы „воспитанницы на счетъ сего капитала были преимущественно благороднаго званія, чтобы онѣ принимались не моложе десяти лѣтъ и оставались въ Домѣ не свыше восьми лѣтъ“ [4]).

Послѣ смерти Императрицы Елизаветы, Императоръ Николай, указомъ 25 апрѣля 1827 года, повелѣлъ городу Петербургу отпускать Дому Трудолюбія по 25.000 рублей (асс.) ежегодно [5]), и отдѣлить изъ принадлежавшихъ Императрицѣ суммъ 10.000 р. на содержаніе одной пенсіонерки ея имени [6]). Кромѣ того была отчислена Дому, по повелѣнію Императора Николая, денежная сумма въ 500.000 р., за бриллiантовыя вещи, принадлежавшія покойной Императрицѣ и взятыя въ Кабинетъ государя [7]).

Впослѣдствіи, уже при Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, Домъ Трудолюбія былъ переименованъ, въ память Императрицы Елизаветы, въ Елизаветинское училище.

Благотворительныя заведенія возникали не въ одной столицѣ, но и въ провинціи. Въ концѣ 1811 года дворянство слободско-украинской губерніи основало въ Харьковѣ Общество благотворенія, членами котораго могли быть дворяне и другихъ губерній „безъ различія пола“. Общество было задумано на началахъ,

---

[1]) Сб. свѣд. о капит. вѣд. учр. Имп. Маріи. Т. I, стр. 193.

[2]) Арх. Патріот. института. Дѣла женскаго патріот. Общества, № 5.

[3]) Сборн. свѣд., т. I, 180.

[4]) Дѣла жен. патр. Общества (Арх. Патр. И.)

[5]) Журналъ Опек. Сов. учр. И. М. по С.-Пет. Присутствію (Арх. IV отд.).

[6]) Сборн. свѣд., т. I, 195.

[7]) Тамъ же, 205. Этихъ вещей по оцѣнкѣ поступило въ Кабинетъ на 1.315.555 р. (стр. 189).

объявленныхъ въ указѣ 16-го мая 1802 г., который и былъ напечатанъ цѣликомъ въ присланномъ издателю „Вѣстника Европы" объявленіи объ учрежденіи Общества [1]). Цѣль послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы, „по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ, дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представится или Обществомъ откроется человѣкъ, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства". Поэтому на вспоможеніе Общества благотворенія имѣли право: „1) лишившіеся имѣнія или потерпѣвшіе ущербъ въономъ отъ случаевъ несчастныхъ; 2) вдовы, имѣющія нужду въ призрѣніи и пропитаніи; 3) сироты, требующія воспитанія, опредѣленія въ службу или наученія какому-либо ремеслу; 4) несчастныя дѣвицы безъ путеводителей и въ бѣдности остающіяся и черезъ то могущія подвергнуться обольщенію и разврату; 5) страждущіе продолжительными болѣзнями и имѣющіе нужду въ присмотрѣ, пропитаніи и лѣченіи и однимъ словомъ всѣ тѣ несчастные, которые не отъ зазорнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи" [2]). Членскій взносъ опредѣлялся не менѣе 25-ти рублей.

При утвержденіи устава Общества 19-го января 1812 года, ему было объявлено Монаршее благоволеніе, а Императрица Марія, въ рескриптѣ на имя губернскаго предводителя дворянства, высказала пожеланіе, чтобы „всѣ начинанія Общества на пользу страждущаго человѣчества увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ" [3]).

Такъ какъ въ понятіе о призрѣніи входило тогда дѣло воспитанія и обученія юношества и въ особенности юношества женскаго пола, то одною изъ первыхъ заботъ новаго Общества, еще до оффиціальнаго его открытія, явилась забота объ удовлетвореніи этой потребности. Оно стало опредѣлять на свой счетъ мальчиковъ въ существовавшій тогда въ Харьковѣ при губернской гимназіи пансіонъ; но для дѣвочекъ не только въ Харьковѣ, а и въ сосѣднихъ съ нимъ губерніяхъ, не было въ то время ни одного общественнаго учебнаго заведенія [4]). На это обратилъ вниманіе одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества благотворенія, извѣстный впослѣдствіи малороссійскій писатель и общественный дѣятель, Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко. По его предложенію, Общество сначала открыло въ своемъ помѣщеніи школу, въ которую набирали дѣвочекъ „прямо съ моекъ и съ улицы";

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1812, январь.

[2]) „Вѣстн. Европы", 1811, декабрь.

[3]) „Украинскій Вѣстникъ" на 1816 г. Харьковъ. Ч. I.

[4]) *Щелковъ.* Историко-статистическій опытъ. Харьковъ. 1881, стр. 44.

ихъ безплатно обучалъ учитель гимназіи. Скоро стали поступать въ Общество просьбы бѣдныхъ дворянъ о принятіи ихъ дочерей въ школу. Тогда она была переведена въ особый домъ, на которомъ сдѣлали надпись: „Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ Общества благотворенія" [1]).

Общество было оффиціально открыто лишь 29-го апрѣля 1812 года, и въ первомъ же своемъ засѣданіи объявило, что, „сверхъ другихъ распоряженій къ облегченію участи неимущихъ, оно обратило вниманіе и на дѣвицъ благородныхъ фамилій, по бѣдности лишенныхъ способовъ къ полученію образованія, приличнаго званію ихъ. Посему, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, и рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый случай двадцати дѣвицъ дворянскихъ фамилій изъ бѣднаго состоянія" [3]).

Сначала предполагалось воспитывать по двѣ дѣвицы изъ каждаго уѣзда харьковской губерніи. Съ этою цѣлью была открыта между дворянами подписка, по которой собрано 7.000 р.; этими деньгами Квитка и разсчитывалъ покрыть первоначальные расходы по институту. Тогда же было испрошено Высочайшее соизволеніе на его учрежденіе и на назначеніе Совѣта для управленія имъ. Самый актъ открытія института былъ подписанъ 27-го іюля 1812 года, въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи [3]).

Основывая женскіе институты, Императрица Марія не давала имъ уставовъ, предполагая, вѣроятно, что предназначенные для дворянъ должны быть устроены по образцу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а для мѣщанъ—по образцу мѣщанскаго училища при Обществѣ. Но харьковское Общество благотворенія составило для своего института и уставъ. Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся, чуть ли не въ первый разъ съ основанія русскаго государства, съ инціативой самого русскаго общества въ дѣлѣ женскаго образованія, и изъ составленнаго Обществомъ благотворенія устава знакомимся съ взглядами тогдашнихъ наиболѣе образованныхъ людей на воспитаніе и обученіе, какое должна получать женщина, на отрасли дѣятельности, какія признавались въ то время ей доступными, а также на отношеніе къ ней самого общества.

Мѣстами, главнымъ образомъ въ томъ, что касается правилъ воспитанія, уставъ харьковскаго Общества цѣликомъ взятъ изъ

---

[1]) *Щелковъ*, стр. 45.

[2]) Уставъ Института, учрежденнаго въ 1812 г. Совѣтомъ харьковскаго Общества благотворенія для воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣвицъ (Арх. IV отд.).

[3]) *Щелковъ*, 47.

устава Бецкаго; но въ немъ есть и отступленія отъ послѣдняго.

Харьковскій институтъ предназначался преимущественно для дворянъ, но въ него могли поступать и оберъ-офицерскія дѣти. Воспитанницы должны были оставаться въ институтѣ до замужества или „по полученіи достаточнаго образованія отпускаться въ благородные домы для обученія дѣтей, или къ родителямъ“. Общія распоряженія по институту были возложены на Совѣтъ; „но поелику—сказано въ уставѣ—правилами Общества предписано Совѣту имѣть свои засѣданія только разъ въ недѣлю“, то для непосредственнаго управленія институтомъ полагались попечитель и главная начальница; первому ввѣрялась хозяйственная и учебная часть, послѣдней — внутреннія распоряженія. Попечитель и главная начальница избирались Обществомъ и должны были засѣдать въ Совѣтѣ; поэтому, какъ члены Совѣта, они не получали жалованья. Каждый мѣсяцъ одинъ изъ членовъ Совѣта „по сношеніи въ томъ съ начальницею и попечителемъ“, долженъ былъ осматривать институтъ и доносить обо всемъ Совѣту, ибо Совѣтъ, „имѣя главное управленіе по дѣламъ Общества, обязанъ оному отчетомъ“ (§ 4). Отъ Совѣта зависѣло опредѣленіе и увольненіе служащихъ, которыхъ главная начальница и попечитель могли представлять ему, но „изъясняя при этомъ мотивы къ ихъ назначенію“. Кромѣ главной начальницы была еще другая начальница, служившая за вознагражденіе (1.000 р. асс. въ годъ).

Отличіе харьковскаго устава отъ устава Бецкаго относительно управленія институтомъ выразилось въ томъ, что не начальница, даже главная, была поставлена во главѣ заведенія, какъ это было во всѣхъ институтахъ, а напротивъ, ея роль была ограничена лишь внутренними распоряженіями; она не должна была вѣдать ни хозяйственной, ни учебной части заведенія; эти части были ввѣрены попечителю, избираемому Обществомъ.

Другое отличіе харьковскаго устава отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ, основанныхъ Императрицею Маріею правилъ, заключалось въ способѣ удостовѣренія въ правѣ на помѣщеніе той или другой дѣвочки. Въ столичные институты дѣти принимались по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ предводителями дворянства губерній. По харьковскому уставу (§ 2), на томъ основаніи, что институтъ предназначенъ для бѣдныхъ, „особые господа корреспонденты должны съ величайшею точностью освѣдомляться о состояніи тѣхъ, которые желаютъ быть помѣщены“; они же должны были выдавать свидѣтельства по установленной формѣ. Только тамъ, гдѣ у Общества благотворенія не было корреспондента,

свидѣтельства могли выдаваться предводителями дворянства того уѣзда, въ которомъ жили родители дѣвочки.

Число воспитанницъ въ уставѣ не было опредѣлено, а должно было зависѣть отъ Совѣта „сообразно суммѣ и обстоятельствамъ". Дѣти принимались не моложе семи и не старше десяти лѣтъ.

Кромѣ даровыхъ воспитанницъ, содержимыхъ Обществомъ благотворенія, уставомъ допускались не только пенсіонерки, но— „дабы заведеніе сіе сдѣлать болѣе общественнымъ и облегчить способы къ содержанію института"—и полупенсіонерки, и даже приходящія. Это было существеннымъ отступленіемъ отъ принятой въ институтахъ, при ихъ основаніи, строго закрытой системы воспитанія, существовавшей уже почти полстолѣтія. Плата за пенсіонерку полагалась 500 р. въ годъ и кромѣ того каждая пенсіонерка должна была принести съ собою „запасъ бѣлья, платья, зимняго и лѣтняго, постель, книги, карандаши, матеріалы для рукодѣлія, серебряную ложку, пару ножей, 6 салфетокъ и къ тому еще чѣмъ заблагоразсудятъ родственники снабдить ее" [1]). Все это при выпускѣ воспитанницы возвращалось ей обратно.

Плата за полупенсіонерку не опредѣлялась уставомъ, а полагалась „по состоянію поручающихъ". Съ желающихъ обѣдать уставъ назначалъ „кромѣ за ученье еще 100 р. въ годъ... Въ великой бѣдности позволяетъ Совѣтъ приходить для ученья даромъ".

Очень важное отступленіе отъ существовавшихъ во всѣхъ институтахъ правилъ заключалось и въ допущеніи харьковскимъ уставомъ пенсіонерками и полупенсіонерками дочерей „и изъ купечества и другихъ званій кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго происхожденія" (Прим. къ § 6). Изъ того, что въ харьковскій институтъ допускались полупенсіонерки и даже приходящія, видно, что, по намѣреніямъ дворянства, институтъ долженъ былъ быть заведеніемъ не вполнѣ закрытымъ; но родители штатныхъ воспитанницъ обязывались уставомъ давать удостовѣреніе не только въ томъ, что они, отдавая свою дочь по доброй волѣ, „видя будущую дочерямъ пользу", ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ее, до окончанія наукъ, не будутъ; но, по желанію, они могли „препоручать дочерей въ Опеку Совѣта на всегда".

Система воспитанія харьковскаго устава ближе подходила къ системѣ Бецкаго, нежели къ той, какая постепенно установилась въ институтахъ, основанныхъ Императрицею Маріею. Въ обращеніи съ дѣтьми начальствующимъ лицамъ предписывалось, часто

---

[1]) Уставъ харьковскаго института, глава: Пенсіонерки.

въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ уставѣ Бецкаго, соблюдать кротость, благоразуміе и пр. Однакожъ харьковскій уставъ допускалъ и наказанія: лишать провинившихся прогулокъ съ другими воспитанницами, ставить въ уголъ и на колѣни, за особымъ столомъ, одѣвать въ штрафное платье. Правда, кромѣ этихъ, перечисленныхъ въ уставѣ, наказаній, другихъ, при обыкновенныхъ винахъ не полагалось и это даже прямо выражено: „больше сего нельзя безъ позволенія начальницы"; но допускалась другая, рѣшительная мѣра—исключеніе изъ института, „буде въ теченіе времени усмотрѣно будетъ, что которая нибудь изъ воспитанницъ, по тупости ума и понятію, окажется неспособною къ ученію наукамъ и рукодѣліямъ, или, что болѣе всего, не будетъ благонравна". Исключеніе изъ института предоставлялось Совѣту „по совершенномъ удостовѣреніи" въ томъ, что представленіе начальницы о такихъ свойствахъ той или другой воспитанницы справедливо.

Сношенія и даже разговоры съ служащими, также какъ и въ уставѣ Бецкаго, запрещались харьковскимъ уставомъ; но въ послѣднемъ, къ мотивамъ такого запрещенія, „что служащіе всегда бываютъ люди необразованные и грубые", прибавлено, что надо дѣйствовать съ воспитанницами осторожно, „чтобы не поселить въ нихъ унижающихъ человѣка мыслей. Должно поселить въ нихъ о семъ понятіе справедливое, т.-е. что отъ обращенія съ ними (служащими) непримѣтнымъ образомъ займутъ у нихъ пріемы въ выговорѣ и обращеніи, которое отъ необразованности ихъ весьма несходно съ благовоспитанными людьми и потому неприлично и нетерпимо въ обществѣ, для котораго онѣ приготовляются". Рядомъ съ этимъ, уставъ предписываетъ внушать воспитанницамъ, что „служители отъ вольнаго съ ними обращенія теряютъ къ намъ уваженіе, дѣлаются непослушны, а симъ заставляютъ насъ иногда терять терпѣніе и раздражаютъ насъ противъ себя". Смотрительницамъ предписывалось не только не бранить служащихъ, но и не дѣлать имъ выговора при дѣтяхъ, „чтобы не пріучить ихъ къ грубому обращенію съ подчиненными".

Вотъ какая путаница во взглядахъ на отношенія къ служащимъ, обусловленная вѣковою привычкой крѣпостного права, существовала тогда у лучшихъ даже людей, къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ Квитка. Такимъ образомъ, высказываясь противъ сословности и противъ строго закрытой системы воспитанія, харьковское дворянское общество отступало отчасти и отъ строго гуманныхъ началъ, положенныхъ Екатериною въ основаніе воспитанія русскаго юношества, и въ этомъ придерживалось той системы, которая во-

дворилась послѣ смерти Екатерины не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Образованіе воспитанницъ института было обусловлено въ уставѣ цѣлью, для которой онѣ предназначались; эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы дѣвицамъ „дать образованіе и нужныя въ обществѣ познанія, посредствомъ коихъ, по выпускѣ изъ института, могли бы онѣ опредѣлятъся въ домы помѣщиковъ учительницами къ дочерямъ ихъ и въ случаѣ необходимости собственными трудами доставлять себѣ пропитаніе“ [1]). Нужныя, по мнѣнію составителей устава, для этой цѣли науки были слѣдующія: законъ Божій, грамматическое знаніе русскаго языка въ чтеніи и письмѣ; ариѳметика, нужныя свѣдѣнія изъ географіи, исторіи, священной, всеобщей, отечественной и естественной; часть риторики. При преподаваніи закона Божія предписывалось „воздерживаться отъ всякихъ тонкихъ изслѣдованій о догматахъ... Въ нравоученіи — сказано въ уставѣ — покажетъ священникъ общія должности человѣка и въ особенности должность женскаго пола во всѣхъ его отношеніяхъ“. Ариѳметика должна была преподаваться преимущественно исчисленіями „въ головѣ“, на примѣрахъ изъ „ежедневно случающихся въ жизни“. Правила грамматики должны были изучаться практически при правописаніи. „Изъ географіи—сказано въ уставѣ —кромѣ русской, не будетъ особо преподаваться; но прежде чѣмъ начать исторію, слѣдуетъ дать понятіе о земномъ шарѣ и границахъ главнѣйшихъ городовъ, о горахъ и рѣкахъ разныхъ государствъ“. Естественная исторія и физика „открываютъ величество и премудрость Творца и избавляютъ умъ человѣческій отъ суевѣрія; поэтому надо стараться, чтобы посредствомъ ихъ дѣвицы пріобрѣли достаточныя свѣдѣнія о всѣхъ естественныхъ дѣйствіяхъ: громѣ, молніи, дождѣ и пр.“.

Достойно вниманія, что иностранные языки, которые въ образованіи женщины играли первенствующую роль при Императрицѣ Маріи, еще пожалуй болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ, не входили въ програму, составленную харьковскимъ дворянствомъ для института. Эти языки, сказано въ уставѣ, „не назначаются... но еслибы замѣчена была у какой-нибудь воспитанницы склонность къ языкамъ иностраннымъ, то преподаваніе ихъ также необходимо для цѣли ихъ воспитанія“.

Относительно ученія вообще, харьковское дворянство, раздѣляя взглядъ Екатерины, что въ воспитанницахъ „надо посе-

[1]) Уставъ харьк. и. Часть 2-я. О воспитаніи вообще.

лить любовь къ ученію“, къ этому прибавило: „и понятіе, что успѣхи въ ономъ суть единственные способы къ основанію и утвержденію ихъ благосостоянія“.

Изъ искусствъ воспитанницы харьковскаго института должны были обучаться: рисованію, преимущественно узоровъ, и „на женскихъ рукодѣліяхъ“, музыкѣ и танцамъ. Необходимость двухъ послѣднихъ въ уставѣ объяснена тѣмъ, что „во многихъ отношеніяхъ правильное познаніе сихъ есть необходимость для дѣвицъ и сообразно цѣли ихъ воспитанія“.

Рукодѣлія признаны нужными для воспитанницъ и въ тѣхъ видахъ, что „бездѣйствіе и неохотность къ рукодѣліямъ рождаетъ многія и великія зла для женскаго пола“. Кромѣ того, работы воспитанницъ — при чемъ дозволялось брать и заказы — должны были продаваться „съ аукціона во время Крещенской и Успенской ярмарокъ“. Часть выручки поступала въ капиталъ Общества благотворенія.

Закону Божію долженъ былъ обучать священникъ, а наукамъ, искусствамъ, рукодѣліямъ и „внутреннему“ хозяйству—учительницы, и только въ случаѣ если таковыхъ „для наукъ и искусствъ неудобно будетъ отыскать“, то будутъ приглашаемы учителя, „извѣстно нравственные и способные для такого образованія“. Въ примѣчаніи къ этому параграфу устава сказано, что „надо стараться, чтобы учительницами были воспитанницы Общества, за жалованіе и содержаніе съ ихъ согласія и опредѣленія на сколько времени намѣрены пробыть въ должности. Сіе должно разумѣть о такихъ воспитанницахъ, коимъ не представится случай опредѣлиться въ домъ или выйти замужъ“.

Въ уставѣ харьковскаго Общества не забыта и наука, продолжавшая существовать, и даже развиваться, въ женскихъ институтахъ и послѣ Екатерины, именно „развязность въ обращеніи“. Чтобы придать воспитанницамъ такую развязность, въ уставѣ указывалось то же средство, какое было при Екатеринѣ и послѣ нея—„праздничныя собранія для пріѣзжихъ почтенныхъ особъ. Кромѣ танцевъ, могутъ быть разыгрываемы драматическія піесы, приличныя полу и возрасту“.

Полагались также каждый мѣсяцъ испытанія, при чемъ успѣхи воспитанницы должны были обозначаться числомъ полученныхъ ею шаровъ, особо „на каждую науку, для благонравія и успѣха въ рукодѣліяхъ“, и кромѣ того ежегодныя публичныя испытанія при „почтенныхъ особахъ въ городѣ“. Награды отъ Совѣта—и „могутъ быть отъ благотворителей“—полагались: одинъ серебряный знакъ съ надписью: „за прилежность“; этотъ знакъ—сказано въ

уставѣ—„носится всегда въ институтѣ и въ публикѣ“, книги, похвальные листы, ноты, картины и пр. Раздача ихъ должна была происходить при торжественномъ собраніи Общества благотворенія. Воспитанницы, „получившія отличія и черезъ то должное почтеніе отъ своихъ подругъ“, должны были „и отъ начальницъ своихъ отличаемы въ обращеніи“. Это уставъ признаетъ „весьма справедливымъ“.

Физическое воспитаніе въ будущемъ институтѣ предполагалось въ томъ, что „всякая излишняя нѣга должна быть изгнана“. Пища полагалась простая, но сытная; одежда воспитанницъ должна была состоять изъ двухъ вседневныхъ платьевъ и одного воскреснаго, собственной работы, также какъ чулки и бѣлье. Уставомъ „строжайше запрещались узкія платья и обувь, тугія завязки и шнурованье, какъ весьма вредныя“. Предписывались также увеселенія и вообще требовалось отъ начальствующихъ лицъ „не допускать, чтобы воспитанницы являли унылый видъ (признакъ меланхолическаго сложенія) съ угрюмымъ молчаніемъ и задумчивостью“. Въ числѣ мѣръ для физическаго воспитанія и чистоты уставъ счелъ нужнымъ высказать требованіе, чтобы воспитанницы „мыли руки до локтей, головы чесали“ и т. п.

Предоставляя на волю родителей отдать Обществу благотворенія свою дочь *навсегда*, оно черезъ Совѣтъ института брало на себя заботу о будущности такихъ дѣвицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полную опеку надъ ними. Самою желанною цѣлью при этомъ у Совѣта, какъ и у родителей, было—выражаясь тогдашнимъ языкомъ—„вступленіе въ супружество“. Этому предмету посвящена въ харьковскомъ уставѣ особая глава [1]). Желающій жениться на воспитанницѣ долженъ былъ подать прошеніе институтскому Совѣту, который, „вникнувъ въ состояніе и разсмотрѣвъ нравственность и положеніе дѣлъ его, даетъ свое согласіе“. Если бы даже предложеніе бывшей воспитанницѣ института выйти замужъ было сдѣлано уже тогда, когда она помѣщена Совѣтомъ въ помѣщичій домъ, то „содержащіе ее увѣдомляютъ Совѣтъ съ своимъ удостовѣреніемъ о состояніи, нравственности и обстоятельствахъ жениха“. Если женихъ признанъ Совѣтомъ подходящимъ, то невѣстѣ, по уставу, назначается и приданое: три сорочки, чулки, башмаки, шинель, платки, платья, носимыя въ институтѣ и подаренныя благотворителями въ институтѣ вещи. „Можетъ быть и денежное вознагражденіе — прибавляетъ уставъ, — если сумма Общества благотворенія будетъ достаточна“. Воспитанницѣ пре-

---

[1]) Гл. XIV: О воспитанницахъ, выходящихъ въ замужество.

доставлялось на выборъ оставить деньги Совѣту для приращенія ихъ процентами (по 10%) или „и вовсе въ пользу Общества". При отпускѣ изъ института, воспитанницамъ должны были выдаваться Совѣтомъ свидѣтельства, „дабы въ нещастныхъ случаяхъ (отъ которыхъ да сохранитъ Богъ каждую воспитанницу Общества!) Совѣтъ, яко попечитель всѣхъ бѣдныхъ, прибѣгающихъ подъ покровительство его, а тѣмъ болѣе обязанный вспомоществовать сиротамъ имъ призрѣваемымъ, могъ давать ей пособіе, если только она благонравнымъ и добрымъ поведеніемъ будетъ заслуживать вниманіе онаго".

Кромѣ выдачи замужъ, Совѣтъ бралъ на себя попеченіе о томъ, чтобы пристроить воспитанницъ послѣ окончанія ими институтскаго курса. Въ то время единственнымъ поприщемъ для воспитанной и образованной дѣвушки было воспитаніе дѣтей, т.-е. она могла идти въ гувернантки. На это и были направлены заботы Совѣта, тѣмъ болѣе, что это поприще гувернантки въ помѣщичьихъ домахъ, въ видахъ обоюдной выгоды сторонъ, составляло одну изъ главныхъ цѣлей учрежденія института. Поэтому въ его уставѣ подробно изложено все относящееся къ этой обязанности Совѣта. Имъ предписывалось [1]) объявлять заблаговременно черезъ гг. корреспондентовъ о срокѣ выпуска, а желающіе пригласить воспитанницу въ свой домъ должны были за мѣсяцъ до его наступленія присылать Совѣту свои заявленія. Уставъ давалъ послѣднему такое неограниченное право опеки надъ воспитанницами, что Совѣтъ могъ не отпустить дочь въ домъ даже такихъ родителей, которые при отдачѣ ея заявили Совѣту, что по окончаніи курса возьмутъ дочь къ себѣ. „Ибо — сказано въ уставѣ—нерѣдко бываетъ, что поведеніе родителей, и всего болѣе по причинѣ бѣдности не имѣвшихъ правильнаго понятія о благонравіи, служитъ поводомъ къ развращенію молодой и неопытной дѣвицы".

При помѣщеніи воспитанницы въ чужой домъ, уставъ обязывалъ Совѣтъ относиться къ своимъ дѣйствіямъ еще строже. „Члены Совѣта, принявшіе на себя попеченіе объ устроеніи судьбы и щастія воспитанницъ сиротъ и въ исполненіе сего обязанные дать отчетъ Богу, человѣчеству, обществу и совѣсти своей, имѣютъ неограниченное право согласиться на желаніе просящихъ къ себѣ въ домъ воспитанницу или и вовсе отказать не объясняя никому причинъ, которыхъ никто и требовать не можетъ". Разсмотрѣвъ просьбу желающаго взять къ себѣ въ домъ воспитан-

---

[1]) Уставъ: О воспитанницахъ, выпускаемыхъ въ домы помѣщиковъ.

ницу „непремѣнно при главной начальницѣ, корреспондентахъ, въ Харьковѣ находящихся, и кого еще Совѣтъ пригласитъ“, онъ заключалъ и условія, въ которыхъ опредѣлялось: на сколько лѣтъ поступаетъ воспитанница, для какихъ именно занятій, „потому что—говорится въ уставѣ—цѣль, для которой воспитаны дѣвицы въ институтѣ, есть ученіе и образованіе“, плата ей слѣдуемая и даже „обращеніе, на которое имѣетъ право всякая благородная дѣвица“. Въ числѣ условій, на которыхъ долженъ былъ настаивать Совѣтъ, было то, чтобы воспитанница имѣла общій столъ „съ господами“ и была достаточно снабжена ими платьемъ и бѣльемъ. Вещи воспитанницы по ея выпускѣ должны были оставаться въ институтѣ, а берущіе ее къ себѣ въ домъ были обязаны снабдить ее платьемъ и „всѣмъ на первый разъ нужнымъ“. Еслибы взявшіе къ себѣ воспитанницу стали притѣснять ее, то она имѣла право обратиться за защитою къ главной начальницѣ института или къ одному изъ членовъ Совѣта. Въ случаѣ же еслибы ею были недовольны, то пригласившіе къ себѣ воспитанницу „увѣщеваютъ ее и имѣютъ право отнестись въ Совѣтъ или къ корреспонденту того уѣзда; если и это не поможетъ, то корреспондентъ доноситъ Совѣту, который назначаетъ время для исправленія и снова печется объ устроеніи ея. Если же она окажется неисправимою, тогда Совѣтъ исключаетъ ее изъ имѣющихъ право на попеченіе и призрѣніе Общества... Но да не накажетъ Богъ — прибавляетъ уставъ — таковымъ ожесточеніемъ ни одной изъ сиротъ, воспитанныхъ Обществомъ въ страхѣ Божіемъ, благонравіи и скромности!“

Все содержаніе института, по приложенному къ уставу штату, должно было обходиться въ 14.104 рублей въ годъ. Начальницѣ назначалось годовое жалованье 800 руб. и 200 р. на столъ; смотрительницѣ—500 р. жалованья и 100 р. на столъ. Учителей полагалось пять: одинъ—закона Божія и священной исторіи; одинъ—всеобщей исторіи и географіи; одинъ—россійской словесности; одинъ—ариѳметики и одинъ—рисованія. На вознагражденіе всѣхъ пятерыхъ было опредѣлено 1.000 р. въ годъ. На столъ воспитанницамъ было положено по 25 коп. въ день на каждую; на одежду—по 29 руб. 50 к. въ годъ, кромѣ бѣлья, корсетовъ и обуви.

Передъ самымъ открытіемъ института, въ Харьковъ пришло извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву; не смотря на это, институтъ былъ открытъ 10-го августа 1812 года.

Средства Общества благотворенія вообще были не блестящи. Хотя при его основаніи записались членами очень многіе дворяне не только харьковской, а и другихъ губерній, но членскіе

взносы поступали неисправно и съ перваго же года за многими накопилась недоимка. Какъ ни старались предводители дворянства разныхъ губерній привлечь въ члены Общества возможно большее число лицъ, и не смотря на то, что въ числѣ корреспондентовъ были и вице-губернаторы, приглашавшіе дворянъ къ пожертвованіямъ въ пользу Общества, у него въ 1816 г. было всего 49 членовъ, вносившихъ по 25 рублей въ годъ. Изъ нихъ только пять приходилось на харьковскую губернію, тридцать было въ черниговской, семь въ екатеринославской и пять въ разныхъ другихъ [1]). За то были члены, вносившіе по 300 и по 500 р. въ годъ; въ числѣ этихъ „именитыхъ" членовъ былъ графъ Каменскій, портретъ котораго, вмѣстѣ съ портретомъ Демидова, вносившаго за своихъ пенсіонерокъ по 1.000 р. въ годъ, былъ поставленъ въ залѣ собранія. Въ числѣ членовъ Общества былъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Репнинъ и его жена, бывшая предсѣдательница женскаго патріотическаго Общества въ Петербургѣ; они вносили вмѣстѣ 350 р. въ годъ. Весь доходъ собственно Общества въ 1816 году составлялъ 4.355 рублей.

Но у института, кромѣ пособія отъ Общества, были и свои источники доходовъ, составлявшіеся изъ платы за пенсіонерокъ и отъ продажи работъ воспитанницъ; всѣхъ этихъ средствъ было однако такъ мало, что существованіе института казалось на первыхъ же порахъ невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ держался пять лѣтъ, благодаря тому, что профессора университета и учителя гимназіи преподавали даромъ, а нужныя для покрытія неотложныхъ издержекъ суммы—Квитка, которому съ самаго начала было ввѣрено главное управленіе институтомъ, давалъ изъ своихъ средствъ, истративъ на это почти все свое состояніе [2]).

Главною начальницею была избрана жена богатаго харьковскаго помѣщика, Щербинина, а смотрительницею приглашена одна изъ надзирательницъ московскаго Воспитательнаго Дома. Членъ Совѣта, протоіерей Башинскій, завѣдывалъ учебной частью и преподавалъ Законъ Божій; въ числѣ учителей были студенты харьковскаго университета; они, какъ и другіе учителя, преподавали даромъ, о чемъ Совѣтъ института просилъ Правленіе университета довести до свѣдѣнія управляющаго министерствомъ на-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ отчетовъ харьковскаго Общества благотворенія, печатавшихся въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", однимъ изъ издателей котораго, до 1817 г., былъ Квитка, бывшій въ то же время правителемъ дѣлъ Общества.

[2]) *Щелковъ.* 48. — *Бѣликовъ.* Біографія Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко. „Харьковскія Губернскія Вѣдомости": Столѣтній юбилей 18 ноября 1878 г.

роднаго просвѣщенія; но за то учителя посвящали институту лишь свободное отъ другихъ занятій время.

Въ отчетахъ, которые харьковское Общество представляло министерству полиціи и печатало не только въ мѣстныхъ, но и въ столичныхъ изданіяхъ, „Сынѣ Отечества" и „Вѣстникѣ Европы", Квитка всячески старался заинтересовать русское общество судьбою института. Въ этихъ видахъ онъ помѣщалъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" извѣстія, касавшіяся внутренней жизни института и однажды, въ видѣ примѣра искренности и добродушія воспитанницъ, напечаталъ цѣликомъ записку, которую одна изъ нихъ, будучи дежурною, представила смотрительницѣ: „обѣдъ — писала дежурная — состоялъ по обыкновенію изъ трехъ блюдъ: борщу, каши и жаркого; но хорошо ли было кушанье изготовлено, или въ чемъ былъ недостатокъ, не могу здѣлать своихъ замѣчаній, потому что, за слабое знаніе урока, была я въ тотъ день безъ обѣда". Къ этому Квитка отъ себя прибавляетъ: „вообще сіи записки отличаются точностію, желаніемъ вникать во все и успѣть въ правильномъ изложеніи своихъ мыслей" [1]. Кромѣ хозяйства, старшихъ воспитанницъ пріучали и къ уходу въ лазаретѣ за больными, „дабы пріучить ихъ къ состраданію и Евангельской Добродѣтели помощи болящимъ".

Въ 1816 году былъ первый выпускъ воспитанницъ изъ харьковскаго института. Обыкновенно публичный экзаменъ происходилъ въ іюнѣ; но, по случаю выпуска, экзаменъ 1816 года былъ отложенъ до осени, когда съ наступленіемъ ярмарки въ Харьковъ съѣзжалось дворянство губерніи и въ это же время бывало общее собраніе Общества благотворенія. Экзаменъ 1816 года былъ обставленъ большою торжественностью; на него былъ приглашенъ губернаторъ, также квартировавшіе въ городѣ генералы съ женами и другія городскія дамы. До открытія Собранія посѣтителямъ показывали рисунки, прописи и рукодѣлія воспитанницъ. Собраніе открылось симфоніею, во время которой вошли въ залу воспитанницы. Одна изъ нихъ произнесла рѣчь съ изъявленіемъ благодарности Обществу; затѣмъ, при звукѣ трубъ и литавръ, были розданы воспитанницамъ награды, а смотрительницѣ врученъ подписанный членами Общества листъ съ благодарностью за ея труды по институту. Послѣ того начался, какъ это бывало и въ прежніе годы, аукціонъ рукодѣлій воспитанницъ; за вещь, объявленная цѣна которой была лишь пять рублей, платили по

---

[1]) „Укр. В.", мартъ, 1816.

100 и по 200 рублей; всего было выручено 2.024 р. Торжество закончилось баломъ для воспитанницъ.

Въ этомъ первомъ выпускѣ кончили курсъ всего три воспитанницы. Свѣдѣнія о нихъ были напечатаны въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ еще въ маѣ. Рядомъ съ фамиліею каждой были помѣщены сообщенія о томъ, какія имъ были даны „за успѣхи въ наукахъ, кротость и отличное благонравіе“ награды и въ предшествовавшіе года. О первой было сказано, что въ 1813 году она получила въ награду званіе воспитанницы Демидова, въ 1814 г.—серебряный знакъ отличія, въ 1815 г.—такой же знакъ и 50 рублей. Вторая получила въ 1814 году книгу, а въ 1815—золотой, въ два червонца, знакъ отличія съ надписью: „за прилежаніе“; третья, въ 1814—книгу, въ 1815—50 рублей. Вмѣстѣ съ объявленіемъ о выпускаемыхъ воспитанницахъ, было напечатано и приглашеніе желающимъ взять ихъ къ себѣ въ домъ; „всѣ три—сказано въ приглашеніи—обучены и могутъ обучать закону Божію, священной исторіи, россійской грамматикѣ, ариѳметикѣ, всеобщей и россійской географіи, также риторикѣ, рисованію, особенно разнаго рода женскимъ искусствамъ и рукодѣліямъ, и, наконецъ, танцованію“.

Въ своемъ желаніи какъ можно лучше устроить первыхъ выпускаемыхъ изъ института воспитанницъ, Квитка напечаталъ отъ редакціи „Украинскаго Вѣстника“ большую статью, въ которой доказывалъ богатымъ помѣщикамъ, какъ имъ самимъ выгодно взять къ себѣ въ домъ именно такую воспитанницу и „пристроить ее потомъ къ приличному мѣсту“.—„Часто случается—говорилъ онъ [1]), —что такъ называемыя любимицы-воспитанницы въ какомъ-нибудь домѣ берутся изъ низкаго состоянія и даже изъ собственныхъ крестьянъ. Онѣ не всегда, во-первыхъ, отвѣчаютъ своими успѣхами тѣмъ попеченіямъ, каковыя употребляются для нихъ, потому что ихъ природа, сколь бы ни была она гибка и удобообразуема, всегда оставляетъ слѣды прежней своей низкой участи... Во вторыхъ, нерѣдки случаи, какой въ „Вѣстникѣ Европы“ 1809 года подъ названіемъ *Печальное происшествіе* описанъ“. Сославшись также на помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ другую замѣтку, „весьма справедливую“, Г. Ж. о фаворитахъ, гдѣ говорится о томъ, „зачѣмъ показывать цѣну благополучія образованія, когда нѣтъ возможности дать имъ наслаждаться“, Квитка продолжаетъ: „Воспитанница, по происхожденію благородная, по бѣдности, въ которой она прежде находилась, только можетъ быть ограничила

[1]) „Укр. Вѣстн.“, 1816, май.

и, такъ сказать, стѣснила чувство ея благородства, а не истребила; слѣдовательно какое бы состояніе по своему достатку ни избрала для нея благодѣтельница, она не испортитъ низостью чувствъ, а возвыситъ и украситъ его собою".

Всего за первые четыре года, съ 1812 по 1816, въ институтѣ, кромѣ 20-ти штатныхъ воспитанницъ, было еще 40 пенсіонерокъ, изъ которыхъ 28 на полномъ содержаніи, 6 полупенсіонерокъ и 6 приходящихъ. Полученная отъ нихъ плата составляла 4.145 р.; все содержаніе института обошлось въ послѣдній, 1816 годъ, когда въ первый разъ было полное число воспитанницъ, въ 11.000 рублей.

Послѣ перваго выпуска многіе родители заявили желаніе отдать своихъ дочерей въ институтъ, не смотря на то, что съ 1816 г. плата за пенсіонерокъ была повышена съ 250 до 300 рублей въ годъ. Но по тѣснотѣ помѣщенія можно было принять только 15. Сообщая объ этомъ въ отчетѣ, напечатанномъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" [1]), Квитка извѣщалъ, что съ нынѣшняго (1816) года, вслѣдствіе повышенія платы за наемъ помѣщенія для института, онъ присмотрѣлъ подходящій недорогой домъ, на покупку котораго уже сталъ собирать по подпискѣ деньги. Хотя къ 1816 году у института былъ капиталъ въ 21.273 р. 99 к.; но изъ него 8.766 р. были даны въ ссуду и въ срокъ не возвращены; 3.000 р. также были отданы въ заемъ подъ залогъ ручныхъ вещей, а 9.429 р. $25^1/_2$ к. пришлось употребить на текущіе расходы по институту.

Въ концѣ года Совѣтъ купилъ землю и рѣшилъ съ будущей весны приступить къ постройкѣ на ней каменнаго зданія для института, ибо число своекоштныхъ воспитанницъ постоянно увеличивалось. Въ числѣ доводовъ въ пользу необходимости собственнаго для института дома Квитка указывалъ на то, что „выданная въ замужество одна изъ воспитанницъ въ теченіи одного мѣсяца имѣетъ уже довольно много ученицъ, обучаетъ ихъ всему, чему ее учили въ институтѣ, и Общество скоро будетъ имѣть удовольствіе видѣть, что воспитанница его приноситъ уже общую, предположенную пользу женскаго въ среднемъ состояніи пола" [2]).

Пожертвованій на домъ поступало мало; для этой цѣли и вообще для увеличенія средствъ института, Совѣтъ прибѣгалъ и къ такимъ средствамъ, какъ устройство любительскихъ концертовъ, продажа жертвуемыхъ сочиненій и т. п. Главную же свою

---

[1]) „Укр. В.", 1816, сентябрь.

[2]) „Укр. В.", 1816, декабрь.

надежду онъ возлагалъ на то, что „человѣколюбивый Монархъ, при первомъ дошедшемъ до него свѣдѣніи, дастъ институту способы умножить число воспитанницъ" [1]).

Эта надежда была, по всей вѣроятности, вызвана тѣмъ, что въ іюнѣ 1816 года, проѣздомъ черезъ Харьковъ, посѣтилъ институтъ великій князь Николай Павловичъ. Подробности этого посѣщенія были помѣщены въ отчетѣ харьковскаго Общества и прочитаны на публичномъ собраніи членовъ его. По словамъ отчета, великій князь, осмотрѣвъ институтъ и принявъ поднесенный ему уставъ Общества, сказалъ: „подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ предѣлахъ пространной Россіи я не находилъ еще" [2]). Совѣтъ воспользовался посѣщеніемъ великаго князя и прибѣгъ къ очень наивному способу высказать ему свою просьбу. Въ числѣ представленныхъ великому князю работъ воспитанницъ была пропись, на которой „въ простосердечныхъ выраженіяхъ изображено было одною изъ воспитанницъ желаніе, дабы и сей институтъ дѣвицъ, какъ всѣ въ обѣихъ столицахъ Россіи существующія подобныя заведенія, былъ принятъ подъ благодѣтельное покровительство Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны Матери всѣхъ Россіянокъ". Прочитавъ эту пропись, великій князь, по словамъ отчета, улыбнулся и сказалъ предсѣдателю Совѣта: „жаль, что Она находится далеко отселѣ; я присовокупилъ бы мою прозьбу и надѣялся бы услышать исполненіе. Впрочемъ, тотчасъ буду писать о семъ".

Обнадеженный этимъ дважды повтореннымъ обѣщаніемъ Николая Павловича, Совѣтъ въ слѣдующемъ году, когда въ Харьковъ ожидали прибытія самого государя, обратился въ своемъ отчетѣ къ нему со словами, въ которыхъ высказывалъ желаніе имѣть возможность сказать ему: „мы насадили вертоградъ, въ коемъ пріуготовляются истинныя христіанки, вѣрныя супруги, чадолюбивыя матери, попечительныя хозяйки и имѣющія всѣ душевныя качества, свойственныя Россіянкамъ, подданнымъ Твоимъ. Призри на него и ощастливь его поруча Высокому покровительству Благословенной въ женахъ Августѣйшей Матери Твоей и довлѣетъ намъ" [3]).

Желаніе Совѣта исполнилось: Александръ I посѣтилъ институтъ и принялъ отъ Совѣта поднесенный ему, вышитый воспитанницами, образъ, который приказалъ послать Императрицѣ

[1]) „Укр. В.", 1816, сентябрь.

[2]) „Укр. В.", 1816, іюнь.

[3]) „Укр. В.", 1817, декабрь.

Маріи. Вмѣстѣ съ образомъ Совѣтъ представилъ ей и отчеты Общества при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „благородныя дѣвицы, въ бѣдности остающіяся, получаютъ черезъ воспитаніе и образованіе, приличное званію ихъ, пи съ чѣмъ несравненное щастіе; въ семъ же заведеніи и самые достаточные родители найдутъ средство образовать дочерей своихъ, какъ должно быть истиннымъ россіянкамъ". Въ отвѣтъ на это Императрица прислала Совѣту рескриптъ, въ которомъ извѣщала его, что „во изъявленіе вниманія къ трудамъ воспитанницъ" она приказала образъ „въ приличной оправѣ" отдать въ церковь петербургскаго училища ордена св. Екатерины. „Желая ознаменовать — сказано далѣе въ рескриптѣ — уваженіе къ человѣколюбивымъ занятіямъ харьковскаго Общества благотворенія и участіе, приемлемое въ благосостояніи учрежденнаго имъ полезнаго заведенія", Императрица поручила Совѣту избрать двухъ „самыхъ бѣдныхъ дѣвицъ, дочерей хорошо служившихъ чиновниковъ, одну— военнаго, другую — гражданскаго, а если такихъ не будетъ, то двухъ дѣвицъ одинаковаго званія"—ея пенсіонерками. Рескриптъ оканчивался словами: „Желая усердно сему полезному заведенію щастливаго успѣха и продолжительнаго благосостоянія, Я молю Всевышняго да благословитъ ревностные труды Совѣта на человѣколюбивые предмѣты всякаго рода обращаемые" [1]).

По полученіи этого рескрипта, Совѣтъ Общества рѣшилъ ходатайствовать передъ Императрицею о томъ, чтобы она приняла институтъ подъ свое покровительство. Отношеніемъ секретаря Императрицы, Вилламова, къ правителю дѣлъ Общества, Квиткѣ, послѣдній извѣщался, что прошеніе Совѣта Императрицѣ можетъ быть представлено лишь послѣ того, какъ Совѣтомъ будутъ приняты слѣдующія условія, на которыхъ Императрица согласится исполнить его просьбу: 1) такъ какъ институтъ „по самому существу не можетъ стоять въ одно время подъ начальствомъ Императрицы и подъ вѣдомствомъ Совѣта Общества благотворенія", то онъ долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ Общества, которое обязано отпускать институту назначенную на его содержаніе сумму; 2) для управленія институтомъ долженъ быть составленъ особый Совѣтъ, „стоящій единственно подъ начальствомъ Императрицы, которой и будетъ докладывать обо всѣхъ дѣлахъ и только отъ нея получать разрѣшенія". Квитка просилъ Вилламова представить на разрѣшеніе Императрицы еще нѣсколько вопросовъ, и 25-го февраля 1818 г. были получены на нихъ черезъ

---

[1]) „Укр. В.", 1817, ноябрь.

Вилламова отвѣты. Квитка спрашивалъ: 1) можно ли дворянству, составляющему Общество благотворенія, назвать институтъ „Маріинскимъ Харьковскимъ“? Отвѣтъ Вилламова: „Усердіе дворянства всегда Ея Величеству пріятно, но имени института мѣнять не надо“; 2) кѣмъ должны быть выбраны члены Совѣта: дворянствомъ или Обществомъ благотворенія, и по выбытіи ихъ должно ли дворянство вновь избирать членовъ, или представлять отъ Совѣта двухъ-трехъ кандидатовъ?—„Пусть дворянство выбираетъ и черезъ Совѣтъ института представляетъ кандидатовъ на Высочайшее утвержденіе“; 3) избрать главную начальницу или ждать назначенія ея Императрицею?—„Теперь главной начальницы быть не можетъ, а можетъ быть только начальница“; 4) такъ какъ институтъ содержится благотвореніемъ и у него нѣтъ еще капитала, на проценты съ котораго было бы можно содержать его, то для умноженія сего капитала и для сбора суммъ на постройку дома нельзя ли имѣть и почетныхъ членовъ Совѣта, утверждаемыхъ Императрицею, съ предоставленіемъ имъ права пользоваться институтскимъ мундиромъ по чинамъ и мѣстамъ, также правомъ голоса въ чрезвычайныхъ собраніяхъ Совѣта?—На это Вилламовъ отвѣтилъ, что, по ходатайству Императрицы, государь разрѣшилъ членамъ Совѣта, также учителямъ, носить мундиръ „по своимъ чинамъ какъ и въ другихъ заведеніяхъ“; Совѣтъ института долженъ состоять изъ председателя, трехъ дѣйствительныхъ членовъ и неопредѣленнаго числа почетныхъ „на такомъ основаніи, какъ университеты имѣютъ оныхъ“; почетными членами могутъ быть лица, сдѣлавшія значительныя пожертвованія институту; ихъ можно приглашать въ чрезвычайныя собранія: при публичныхъ испытаніяхъ, выпускахъ и пр.; но на дарованіе имъ права носить институтскій мундиръ государь не согласился.

По выясненіи всѣхъ подробностей, харьковское Общество благотворенія собралось въ чрезвычайномъ засѣданіи, на которомъ, выслушавъ волю Императрицы, постановило: составить, за подписью губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя Совѣта Общества А. Ѳ. Квитки, прошеніе Императрицѣ, въ которомъ и „повергнуть къ Ея стопамъ, что институтъ отдѣляется отъ Общества благотворенія и предается Высочайшему покровительству и начальству Ея Величества“, а также представить на ея утвержденіе, избранныхъ въ этомъ же чрезвычайномъ засѣданіи, членовъ институтскаго Совѣта. Избраны были по жребію: предсѣдателемъ—харьковскій губернскій предводитель дворянства, подполковникъ А. Ѳ. Квитка, членами: харьковскій уѣздный предводитель дворянства, капитанъ Г. Ѳ. Квитка, совѣстный судья

поручикъ Лосевъ, для завѣдыванія учебной частью титулярный совѣтникъ Зарудный, „бывшій студентъ харьковскаго университета, вступившій въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ дворянъ при ономъ положенныхъ въ 1807 году и находящійся въ отставкѣ“ [1]).

22-го апрѣля 1818 г. Императрица утвердила Совѣтъ въ этомъ составѣ, поручивъ завѣдываніе хозяйственной частью Г. Квиткѣ, а учебною — Зарудному. Вмѣстѣ съ тѣмъ она повелѣла Совѣту еженедѣльно доносить ей объ „упражненіяхъ, прилежаніи и поведеніи воспитанницъ и о благосостояніи института“. Въ своихъ дѣйствіяхъ Совѣту предоставлено было руководствоваться прежнимъ уставомъ.

По полученіи Высочайшихъ повелѣній, Совѣтъ назначилъ торжественное открытіе института на 10-е мая. Были приглашены члены Общества благотворенія, начальство губерніи и всѣ „сословія города“ [2]). Это торжество описано въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“: „Въ 10 часовъ была совершена литургія, а потомъ молебствіе, среди коего Преосвященный, призывая на мѣсто сіе благость Вседержителя, привѣтствовалъ рѣчью членовъ Совѣта и юныхъ дѣвицъ. Изъ церкви, не смотря на дурную погоду, направился крестный ходъ въ институтскій домъ для водосвятія. Потомъ члены Совѣта и начальница собрались въ первое свое засѣданіе, которое предсѣдатель открылъ рѣчью къ посѣтителямъ. Прославляя Императрицу Марію, онъ указалъ на то, что настоящее событіе есть „щастливѣйшая и важнѣйшая эпоха въ существованіи Института“. Обращаясь затѣмъ къ присутствовавшимъ членамъ Общества благотворенія, состоявшимъ въ большинствѣ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдатель сказалъ: „Вы же, присутствуя здѣсь отъ лица всего представляемаго вами благороднаго дворянства нашей губерніи, насладитесь, какъ основатели сего человѣколюбиваго заведенія, сердечнымъ удовольствіемъ видя какіе плоды приносятъ пожертвованія ваши. А мнѣ, какъ представителю вашего знаменитаго, дѣйствительно благороднѣйшаго Дворянства Слободо-Украинской губерніи, позвольте именемъ всего человѣчества изъявить вамъ справедливо заслуженную благодарность за великій вашъ въ пользу его подвигъ“.

Приводя эту рѣчь, редакція „Украинскаго Вѣстника“ прибавляетъ: „а всѣ, смотря на воспитанницъ, думали: сіе-то святилище воспитанія для пола, къ нашему блаженству созданнаго,

---

[1]) „Укр. В.“ 1818, май.

[2]) Тамъ же.

послужитъ примѣромъ и образцомъ для другихъ странъ обширной Россіи... Радость всѣхъ присутствовавшихъ была столь велика, какъ будто бы праздновали они не начало, а полные успѣхи Благотворенія" [1]).

Безъ сомнѣнія, принятіе Императрицею Маріею подъ свое покровительство харьковскаго института было счастливѣйшимъ для него событіемъ; даже болѣе: не случись этого, институтъ пришлось бы закрыть по неимѣнію средствъ для его содержанія; особенно послѣ того, какъ въ 1817 году былъ учрежденъ институтъ въ Полтавѣ, при несравненно болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, нежели институтъ харьковскій, сочувствіе къ послѣднему дворянъ еще умалилось и трудно было ожидать, чтобы они поддержали его. Сознавая это, Совѣтъ Общества благотворенія въ своемъ отчетѣ за 1817 годъ высказалъ мысль, что „въ виду трудности пріискать въ краѣ учебныя пособія и учителей" было бы хорошо, еслибы все малороссійское дворянство соединило свои пожертвованія и основало бы одинъ „Малороссійскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ" [2]). На это послѣдовало возраженіе отъ лица, состоявшаго членомъ обоихъ Обществъ, т.-е. и харьковскаго, и полтавскаго; сравнивая оба института, авторъ напечатанной въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" статьи выразился, что „основаніемъ полтавскаго есть ревность къ просвѣщенію и благотворительности всего полтавскаго дворянства". Основаніе же харьковскаго института было „дѣйствіемъ воспламененныхъ чувствъ къ благотворительности нѣсколькихъ сочленовъ; въ восторгѣ оныхъ всѣ препятствія, всѣ затрудненія сокрыты были отъ нихъ"... Далѣе, противъ харьковскаго института были приведены слѣдующія соображенія: открытый сгоряча, онъ не имѣетъ ничего положительнаго, обезпечивающаго его содержаніе; онъ только называется харьковскимъ, по мѣсту своего нахожденія, а зависитъ отъ благотворенія всей Россіи. „Если — говоритъ авторъ — въ каждой губерніи заведется институтъ, то сборъ пожертвованій черезъ корреспондентовъ изсякнетъ", а безъ этихъ пожертвованій институтъ существовать не можетъ [3]).

При такомъ отношеніи дворянъ къ харьковскому институту, конечно существованіе послѣдняго становилось невозможнымъ. Но лишь только обстоятельства измѣнились, стало мѣняться и отношеніе къ институту общества; явились пожертвованія: отъ NN черезъ сумскаго предводителя дворянства 1.000 р., отъ графа

[1]) „Укр. В." 1818, май.

[2]) „Укр. В." 1817, ноябрь.

[3]) „Укр. В." 1818, январь.

С. М. Каменскаго 1.000 р., отъ Демидова 20.000 р., и другія, болѣе мелкими суммами [1]). Императрица назначила институту отъ себя по 3.000 р. въ годъ „на всегда".

Обо всѣхъ пожертвованіяхъ было сообщено Императрицѣ, отъ которой Совѣтъ получилъ извѣщеніе, что она довела о нихъ до свѣдѣнія государя и поручаетъ Совѣту изъявить жертвователямъ ея благоволеніе. Демидова, съ согласія государя, Императрица назначила почетнымъ членомъ Совѣта, велѣла поставить его портретъ въ залѣ института и предписала „каждый годъ, 15-го января, въ день тезоименитства Демидова, быть воспитанницамъ у обѣдни и на молебнѣ объ его здравіи"; кромѣ того воспитанницею Демидова повелѣно считать одну изъ комплектныхъ воспитанницъ.

Новыя условія отразились и на наградахъ воспитанницамъ при публичномъ испытаніи 28-го іюня 1818 года. Императрица назначила лучшей изъ нихъ „знакъ отличія съ вензелемъ Ея Императорскаго Величества для ношенія на лентѣ всегда"; двумъ слѣдующимъ воспитанницамъ были даны похвальные листы; троимъ книги и десяти—„Высочайшее замѣчаніе въ успѣхахъ, въ наукахъ и въ благонравіи". Учителямъ чистописанія, рисованія, танцевъ и пѣнія было объявлено благоволеніе.

Составъ учителей, или, какъ сказано въ сообщеніи Квитки, „чиновниковъ по учебной части Высочайше утвержденныхъ въ нихъ званіи", былъ слѣдующій: законъ Божій долженъ былъ преподавать протоіерей Башинскій; ариѳметику и математику—адьюнктъ университета Роботъ; россійскую словесность—10-го класса чиновникъ П. Рениольскій; всеобщую и россійскую исторію и географію — профессоръ духовной коллегіи Я. Прожанскій; нѣмецкій языкъ—учитель гимназіи І. Ольденборгеръ; французскій языкъ—вольнослушающій при университетѣ П. Артемовскій-Гулакъ; россійскую грамматику—учитель духовнаго училища Н. Оптовцевъ; чистописаніе—учитель духовнаго училища Т. Лепицкій; рисованіе—учитель духовнаго училища П. Денисовъ; танцы—П. Штейнъ; пѣніе—Д. Носачевъ. Врачемъ при институтѣ назначенъ адьюнктъ хирургіи при университетѣ С. Колумно-Вигура [2]).

Изъ перечня предметовъ, для преподаванія которыхъ были приглашены означенные въ спискѣ учителя, видно, что намѣченная харьковскимъ Обществомъ благотворенія при учрежденіи института программа была замѣнена другою, болѣе обширною и сходною съ программами столичныхъ институтовъ. Но оффиціально

[1]) „Укр. В." 1818, іюль. Статья: „Особы-благотворители вновь Институту явившіе свою добродѣтель".

[2]) „Укр. В." 1818, августъ.

новый уставъ и штатъ харьковскаго института былъ присланъ въ Совѣтъ лишь 26-го октября 1818 года.

Содержаніе института должно было обходиться въ 17.268 р.; по новому штату жалованья учителямъ наукъ не полагалось на томъ основаніи, что „теперешніе учителя не получаютъ жалованья; безъ всякаго сомнѣнія извѣстно—сообщалъ Квитка,—что и впредь опредѣляемые не потребуютъ никакого жалованья“. На учителей искусствъ было назначено 1.500 рублей въ годъ.

Отношеніе институтскаго Совѣта къ Совѣту Общества благотворенія ограничивалось въ новомъ уставѣ тѣмъ, что первый долженъ былъ доставлять Совѣту Общества ежемѣсячныя вѣдомости и годовой отчетъ о состояніи института. Въ вѣдѣніи члена Совѣта по учебной части должны были находиться учителя и инспекторъ классовъ, котораго до тѣхъ поръ въ институтѣ не было. Выборъ инспектора предоставлялся учителямъ и долженъ былъ происходить въ присутствіи и съ утвержденія Совѣта, изъ среды учителей, по большинству голосовъ. Въ остальномъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія въ прежнемъ уставѣ: 20 штатныхъ воспитанницъ могли быть не только изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ, но и оберъ-офицерскихъ дѣтей; принимались не моложе семи и не старше двѣнадцати лѣтъ (въ прежнемъ уставѣ не старше десяти лѣтъ); онѣ должны были умѣть читать и писать по-русски. Срокъ воспитанія назначался отъ шести до десяти лѣтъ, т. е. поступившія двѣнадцати лѣтъ должны были оставаться не менѣе шести, а поступившія семилѣтними — не менѣе десяти лѣтъ. Плата съ пенсіонерокъ назначалась въ 655 р. въ годъ, а не „по состоянію поручающихъ“. За ученіе полупенсіонерокъ плата не была опредѣлена, а полагалась „по условію“ съ Совѣтомъ; за пользованіе столомъ остались тѣ же 100 р. въ годъ. Большія измѣненія были сдѣланы въ программѣ ученія. Новымъ уставомъ вводилось преподаваніе французскаго языка „по причинѣ всеобщаго употребленія нужнаго для благовоспитанной дѣвицы и требуемаго отъ воспитательницы“; прибавлялись предметы: краткое руководство, которое „сопрягается съ изученіемъ языковъ“ къ логикѣ и риторикѣ; чистописаніе, ариѳметика, которая должна была преподаваться „особенно по счетамъ, въ хозяйствѣ и женскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ“; изъ искусствъ: рисованіе, музыка, „какъ предметъ входящій въ составъ хорошаго воспитанія и потому съ удовольствіемъ обрѣтаемый въ воспитательницахъ“, танцы по той же причинѣ и „какъ средство, нужное для образованія наружнаго вида, осанки, пріемовъ и обращенія дѣвицы“, рукодѣлія и домостроительство.

Относительно помѣщенія воспитанницъ въ чужіе дома послѣ выпуска, въ новомъ уставѣ было прибавлено къ занятіямъ мѣстъ учительницъ и воспитательницъ дѣтей, еще „собесѣдницъ госпожи“. При выдачѣ замужъ предписывалось условіе: „согласіе самой дѣвицы“, и кромѣ того прежняя роль Совѣта ограничена. По новому уставу „когда воспитанница вышла изъ института, для пропитанія себя собственными трудами, выходъ ея замужъ не касается Совѣта, если она сама не захочетъ спросить его наставленія“.

Первоначальная цѣль, съ какою институтъ былъ основанъ харьковскимъ дворянствомъ, сохранилась и въ новомъ уставѣ, въ § 53 котораго она выражена такъ, что слѣдуетъ „воспитываемымъ въ немъ бѣднымъ дѣвицамъ дать образованіе и нужныя познанія въ наукахъ и рукодѣліяхъ, посредствомъ которыхъ онѣ, по выпускѣ, могли бы снискивать себѣ пропитаніе обученіемъ дѣтей или трудами рукъ своихъ, умѣя при томъ добрымъ порядкомъ и бережливостью избѣгать недостатка, даже въ самомъ ограниченномъ состояніи“ Но въ дѣйствительности, съ поступленіемъ института подъ покровительство Императрицы, эта цѣль измѣнилась, ибо съ этихъ поръ въ институтъ стали принимать не однѣхъ бѣдныхъ дворянокъ, а и достаточныхъ, „предназначаемыхъ для украшенія лучшихъ обществъ и для семейной жизни, сопровождаемой условіями житейскихъ выгодъ“ [1]). Ихъ принимали пенсіонерками или полу-пенсіонерками; но послѣднія допускались лишь до 1820 года, когда послѣдовало новое измѣненіе институтскаго штата. Вѣроятно это было вызвано желаніемъ Совѣта, чтобы харьковскій институтъ былъ во всемъ сравненъ съ столичными заведеніями Императрицы. Въ этихъ видахъ, а также для увеличенія средствъ института, Совѣтъ въ 1821 году предложилъ возвысить плату съ пенсіонерокъ съ 655 руб. въ годъ до 825, ссылаясь на то, что „въ частныхъ пансіонахъ харьковской и полтавской губерній не берутъ менѣе 1.200 р., кромѣ одежды, обуви, учебныхъ пособій и пр.; а въ полтавскомъ институтѣ, основанномъ только за два года передъ тѣмъ, не смотря на значительныя пособія полтавскаго дворянства, плата за пенсіонерку назначена въ тысячу рублей, кромѣ одежды и пр.“

Возвышеніе платы Совѣтъ мотивировалъ тѣмъ, что тогда онъ будетъ имѣть возможность назначить жалованье учителямъ и умножить ихъ число. При этомъ Совѣтъ повторялъ увѣренность въ томъ, что „многіе изъ гг. учителей предоставлять будутъ въ пользу

---

[1]) *Щелковъ*, стр. 49.

института назначенное имъ жалованье; но Совѣтъ находитъ болѣе удобнымъ имѣть всегда сумму на плату учителямъ, въ случаѣ еслибы кто не захотѣлъ служить безъ заплаты; да и Совѣтъ и всякій изъ гг. учителей, зная назначенное ему по штату жалованье, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ знать какую сумму онъ жертвуетъ институту".

Совѣтъ просилъ Императрицу обязать всѣхъ штатныхъ воспитанницъ оставаться послѣ выпуска въ институтѣ, въ качествѣ помощницъ классныхъ дамъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, „ибо—писалъ Совѣтъ—опытъ показалъ, что воспитанницы охотнѣе поступаютъ учительницами въ частные дома, гдѣ хорошія воспитательницы рѣдки и вознагражденіе лучше, чѣмъ въ институтѣ". Но Императрица на этомъ не согласилась, находя „стѣснительнымъ и могущимъ отклонить родителей отъ института". Она повелѣла учредить, какъ въ другихъ институтахъ, пепиньеръ, въ которомъ воспитанницы, по окончаніи курса, оставались бы еще два года.

Когда, благодаря пожертвованнымъ Демидовымъ 20.000 р., явилась возможность расширить помѣщеніе института, для котораго былъ купленъ просторный домъ, число частныхъ пенсіонерокъ было увеличено до 62-хъ, кромѣ царскихъ.

Бюджетъ института въ 1820 году составлялъ уже 61.234 р., 27¼ копѣекъ (асс.), изъ которыхъ 52.700 рублей должны были покрываться платою съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, 3.000 рублей выдавались изъ Кабинета Императрицы Маріи, 1.000 рублей получались отъ Демидова, до 5.000—отъ Общества благотворенія. Но эти суммы не представляли прочнаго источника доходовъ; пожертвованіе Демидова прекратилось въ 1822 году; въ Общество благотворенія поступало такъ мало пожертвованій, что оно въ 1828 году совсѣмъ перестало принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ института, и двадцать штатныхъ воспитанницъ, которыхъ оно прежде содержало, съ этого года должны были содержаться на счетъ экономіи съ суммъ, поступавшихъ отъ частныхъ пенсіонерокъ, число которыхъ постоянно увеличивалось. Въ 1825 году оно превышало положенное по штату число, доходя до ста и выше; однѣхъ пенсіонерокъ графини Чернышевой было принято разомъ двадцать семь. Явились также пожертвованія частныхъ лицъ, и въ ихъ числѣ помѣщикъ харьковской губерніи Иваненко, который былъ даже утвержденъ въ званіи члена Совѣта за сдѣланныя имъ въ разное время институту пожертвованія и обѣщаніе ежегодно давать ему по 1.000 рублей.

Доходы института постоянно колебались, пока наконецъ, въ 1828 году, 4-го января, не состоялось Высочайшее повелѣніе, ко-

торымъ предписывалось приказамъ общественнаго призрѣнія губерній: слободо-украинской, екатеринославской, курской, орловской и воронежской, вносить ежегодно на содержаніе харьковскаго института по 4.000 р. асс. каждый, съ правомъ помѣщать въ него безплатно по двѣ и по три дѣвицы отъ губерніи.

По духовному завѣщанію Императрица Марія оставила харьковскому институту 13.500 р. сер. и 97 р. 23 к. асс. на его содержаніе, „пока онъ существовать будетъ; а еслибы по какой-либо причинѣ существованіе онаго прекратилось", этотъ капиталъ долженъ былъ перейти къ Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ на содержаніе соразмѣрнаго числа пенсіонерокъ [1]). Изъ завѣщаннаго Императрицею на содержаніе своихъ пенсіонерокъ капитала, должны были воспитываться ея пенсіонерки и въ харьковскомъ институтѣ.

Въ то время, когда еще только-что открывался институтъ харьковскаго Общества благотворенія, въ Петербургѣ организовалось Общество, положившее начало еще одному институту, поставленному подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Необычайный подъемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго во всемъ русскомъ народѣ 1812-мъ годомъ, ознаменовавшимся для Россіи выходящими изъ ряда событіями, и по минованіи опасности потребовалъ крайняго напряженія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ общества для облегченія страданій и участи потерпѣвшихъ отъ войны. Съ этой цѣлью, „вспомоществованія бѣднымъ отъ войны пострадавшимъ", учредилось въ Петербургѣ „Общество дамъ" или женское патріотическое Общество, названное въ указѣ Императора Александра I-го, отъ 29-го декабря 1812 года, „Петербургскимъ Патріотическимъ Обществомъ Дамъ" [2]). При утвержденіи проекта женскаго патріотическаго Общества, 21-го ноября 1812 года, Императоръ назначилъ ему 50.000 р. ежегодно, „доколѣ Общество существовать будетъ" [3]); Императрица Елизавета Алексѣевна опредѣлила отъ себя по 3.000 р. въ годъ; нѣсколько позже Императрица Марія назначила ему еще 3.000 р. въ годъ, а великая княгиня Елена Павловна — по 5.000 р. въ годъ, „пока Общество будетъ преимущественно вспомоществовать разореннымъ отъ не-

---

[1]) Сб. свѣд., стр. 368, 369.

[2]) Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго института. Составилъ Н. Макѣевъ, 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріотическаго Общества.

[3]) Архивъ Патріотическаго института.—Дѣла ж. Патр. Общ.

пріятеля“ [1]). Членскій взнос былъ опредѣленъ въ 200 рублей въ годъ.

Указомъ 29-го декабря 1812 года Общество было поставлено подъ особое покровительство Императрицы Елизаветы и когда четыре года спустя, при учрежденіи Человѣколюбиваго Общества, было предположено присоединить къ нему и женское патріотическое, это не было осуществлено вслѣдствіе просьбы послѣдняго. Въ состоявшемся на имя главнаго попечителя Человѣколюбиваго Общества, князя Голицына, указѣ, было сказано, что женское патріотическое Общество „желаетъ остаться подъ непосредственнымъ покровительствомъ Любезнѣйшей Супруги Нашей, и Ея Величество, снисходя на просьбу онаго, на сіе соизволяетъ; поэтому женское Патріотическое Общество не входитъ въ составъ Человѣколюбиваго Общества, а должно во всемъ относиться къ Ея Величеству и продолжать свои благотворныя упражненія на основаніи тѣхъ правилъ, кои оно подъ Ея руководствомъ само для себя составитъ. Впрочемъ ни отчетовъ, ни какихъ-либо другихъ представленій по дѣламъ сего женскаго Общества на усмотрѣніе Наше не представлять“ [2]).

Для непосредственнаго управленія дѣлами Общества былъ избранъ Совѣтъ изъ дамъ, большинство которыхъ принадлежало къ высшему кругу; при Совѣтѣ находился секретарь или правитель дѣлъ. Доклады Совѣта представлялись Императрицѣ через предсѣдательницу, которою при открытіи Общества была избрана княгиня Варвара Алексѣевна Реппина. Императрица иногда и сама присутствовала въ засѣданіяхъ Совѣта.

Первымъ дѣйствіемъ Совѣта было обращеніе въ разныя мѣста имперіи съ просьбой о содѣйствіи Обществу и вступленіи въ число его членовъ. Губернаторы разослали городничимъ и городскимъ головамъ циркуляры объ открытіи подписки въ пользу Общества. Въ числѣ поступившихъ на это приглашеніе отзывовъ получились: изъ Рязани, отъ княгини Волконской, извѣщавшей, что въ этомъ городѣ, съ 15-го ноября 1812 года, т.-е. лишь тремя днями позже петербургскаго, организовалось женское патріотическое Общество, и съ своей стороны приглашавшей петербургскихъ дамъ въ члены рязанскаго Общества. Изъ Москвы было получено извѣщеніе отъ г-жи Бантышъ-Каменской, что у нихъ также образовалось Общество для пособія бѣднымъ, пострадавшимъ отъ войны. Изъ крупныхъ пожертвованій предложено было

[1]) Тамъ же. Журналы С.-Пет. ж. патр. Общ.: 8 марта, 1813, № 12, и 20 февраля, 1824, № 43.

[2]) П. С. XXXIII, 26521.

петербургскому Обществу одно, через подольскаго гражданскаго губернатора Сен-При, извѣщавшаго, что подольское дворянство жертвует женскому патріотическому Обществу 100.000 рублей; но их, „по нѣкоторым причинам, извѣстным гг. членам Патріотическаго женскаго Общества, единогласно положено: отослать обратно к тамошнему гражданскому губернатору с тѣм, чтобы он приказал возвратить тѣм особам, коими оные внесены“ [1]).

В первые годы существованія Общества число членов его было не велико; со дня его основанія в ноябрѣ 1812 года по 1-е января 1814 года сумма членских взносов составляла всего 6.365 р. [2]). Но впослѣдствіи средства Общества стали пополняться взносами особ императорской фамиліи, частными пожертвованіями, значительными суммами, получавшимися от устраиваемых каждый год Совѣтом концертов и спектаклей, в которых принимали участіе лучшіе артисты русскіе и иностранные [3]).

Открыв свои дѣйствія 12-го ноября 1812 года раздѣленіем Петербурга на двѣнадцать участков по числу членов Совѣта, и наймом дома для помѣщенія в нем бѣдных, Общество, в февралѣ 1813 года, устроило небольшое училище на 80 воспитанниц, сирот покровительствуемых им воинов. Из них 30 предполагалось содержать на средства Общества, а 50 — на суммы, получаемыя от особ императорской фамиліи и частных благотворителей. Новое заведеніе было названо „училище для воспитанія благородных дѣвиц, лишившихся родителей в войну 1812 года“ или, как оно короче называлось, „училище женских сирот 1812 года“. Оно помѣщалось в наемном домѣ и на его содержаніе патріотическое Общество давало сначала по 15.000 р. в год, а с 1816 года по 23.000 р., оговорив, что будет прибавлять по 8.000 р. ежегодно „до тѣх пор, пока у Общества будет свой дом“ [4]). Кромѣ того было постановлено отдѣлять 5% со всѣх поступающих в Общество сумм для составленія постояннаго капитала училищу.

---

[1]) Арх. Патр. и.—Журн. ж. патр. Общ. Засѣданіе 30 іюля 1813, № 12.

[2]) Дѣла С.-Пет. ж. патр. Общ., № 1.

[3]) Приход Общества в 1824 г. состоял: 1) из 18.000 р. от особ императорской фамиліи; 3.400 руб. от дѣйствительных членов; 3) 918 р. 75 к. от разных благотворительных особ; 4) 12.438 р. от концерта 29 марта; 5) 5.198 р. от спектакля 16 мая; 6) пожертвованій 11.429 р. 33 к.; 7) процентов с капитала 2.442 р. (Журналы ж. патр. О., № 43).

[4]) Засѣданіе ж. патр. О. 7 авг. 1816 г. (Арх. Патр. и., № 24).

Лишь семь лѣтъ спустя Общество получило возможность осуществить свое желаніе; въ 1823 году, на занятые изъ государственнаго заемнаго банка 100.000 рублей, оно приступило къ постройкѣ собственнаго дома для училища на пожалованной Обществу государемъ землѣ (200 кв. саж.). Императрица Елизавета подарила на постройку дома 100.000 р. Дамы сами завѣдывали постройкою и распоряжались суммами по работамъ. Въ журналахъ засѣданій 1825 года училище называлось „Институтомъ Патріотическаго Общества", и подъ этимъ названіемъ оно перешло въ 1825 году въ собственный домъ.

Въ эти протекшіе съ основанія училища двѣнадцать лѣтъ, оно, постепенно развиваясь, продолжало существовать до 1824 года на тѣхъ же началахъ, на которыхъ было учреждено. Императрицѣ Елизаветѣ принадлежало главное управленіе училищемъ, также какъ и всѣми другими учрежденіями Общества; но въ 1824 году она приняла на себя „главное попеченіе о ходѣ учебной части въ Институтѣ" [1]), предоставивъ управленіе внутренними его дѣлами Совѣту.

Программа ученія воспитанницъ была обычная для всѣхъ тогдашнихъ институтовъ; она состояла изъ закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ по правиламъ грамматики и риторики, полной ариѳметики, исторіи и географіи вообще, и въ особенности отечественной, рисованія, танцевъ, первыхъ началъ пѣнія и рукодѣлій, „приличныхъ благороднымъ дѣвицамъ". Точно также какъ во всѣхъ институтахъ Императрицы Маріи, и въ институтѣ патріотическаго Общества Императрица Елизавета Высочайшимъ рескриптомъ 25-го апрѣля 1825 года, учредила награды, которыя должны были выдаваться воспитанницамъ при выпускахъ черезъ каждые три года. Въ 1826 году выпуску подлежало пятнадцать воспитанницъ [2]), а наградъ было опредѣлено двѣнадцать. Изъ нихъ первыя три, золотыя медали, назначались Императрицею тѣмъ, кои „постоянно отличались благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ"; вторыя три, серебряныя медали, такимъ, „кои уступая первымъ въ поведеніи и наукахъ, наиболѣе заслужили въ обоихъ отношеніяхъ похвалу передъ прочими"; остальныя шесть серебряныхъ медалей „дѣвицамъ, болѣе обращавшимъ на себя вниманіе успѣхами въ наукахъ при поведеніи довольно одобряемомъ". „Таковымъ различіемъ — сказано въ рескриптѣ Императрицы Елизаветы — я желаю доказать, что сколько вели-

[1]) Журн. ж. патр. О. 1824. № 43. Письмо предсѣдательницы Совѣта Императрицѣ 15 марта 1824.

[2]) Прибавленіе къ „С.-Петерб. Вѣд." 1825, № 18.

кую цѣну вообще имѣютъ познанія, они уступаютъ преимущество нравственнымъ качествамъ, отъ коихъ зависитъ благополучіе цѣлой жизни" [1]).

Желающихъ помѣстить дѣвочекъ въ институтъ патріотическаго Общества всегда было много; но пока онъ помѣщался въ наемномъ домѣ, Совѣту часто приходилось отказывать въ пріемѣ, по недостатку мѣста. Съ переходомъ въ собственный домъ явилась возможность устранить это неудобство, и въ 1825 году Совѣтъ института составилъ новыя правила пріема. Вмѣсто 80-ти воспитанницъ положено было принимать 100; на это Совѣтъ прибавилъ къ отпускаемой Обществомъ суммѣ еще 2.000 рублей ежегодно. Плата съ пенсіонерокъ была повышена съ 700 рублей до 800 и при этомъ постановлено, что пенсіонерки будутъ приниматься не менѣе какъ на три года. Пріемный возрастъ для поступленія въ институтъ былъ опредѣленъ въ десять и не старше двѣнадцати лѣтъ; но срокъ пребыванія въ институтѣ сокращенъ съ восьми на шесть лѣтъ [2]). Эти правила рѣшено было ввести съ 1826 года. Въ концѣ 1825 года Императрица Елизавета уѣхала въ Таганрогъ, поручивъ главное завѣдываніе институтомъ предсѣдательницѣ Общества.

Расходъ послѣдняго къ этому времени по институту простирался до 50.000 руб., а приходъ его составлялъ 65.753 руб. $28^1/_2$ к. [3]); стало быть, оно тратило почти $^3/_4$ своего дохода на институтъ, да кромѣ того устроило въ 1816 году въ разныхъ частяхъ города частныя школы „женскія рабочія для дѣтей беднѣйшаго населенія" [4]), которыхъ и обучали самымъ элементарнымъ предметамъ. Въ 1825 году на содержаніе всѣхъ школъ Общество расходовало 10.320 рублей [5]). Такимъ образомъ дѣятельность женскаго патріотическаго Общества мало-по малу сосредоточилась на одной формѣ благотворительности: „воспитаніи бѣдныхъ дѣвицъ" [6]).

Послѣ смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, 4-го мая 1826 г., институтъ, также какъ и Домъ Трудолюбія, взяла подъ

[1]) Краткій истор. оч., стр. 41.

[2]) Засѣданіе 27 апр. 1825 (Журналы С.-Пет. ж. патр. О.).

[3]) Въ суммѣ 65.753 р. $28^1/_2$ к., составлявшихъ приходъ Общества къ 1825 году, было: 18.000 р. отъ императорской фамиліи, 17.636 р. 40 к. отъ концертовъ и спектаклей; случайныхъ пожертвованій 20.429 р. 33 к., членскихъ взносовъ 2.200 р. и недоимокъ за прежніе годы 6.100 р. (Приб. къ „С.-Пет. Вѣд." 1824, № 56).

[4]) Засѣд. Сов. 1 дек. 1816. (Арх. Патр. и.).

[5]) Въ началѣ 1825 г. всю эту сумму пожертвовала Императрица Елизавета. (Дѣла С.-Пет. ж. патр. Общ., № 47).

[6]) Зас. Сов. ж. патр. О., 30 мая 1825.

свое покровительство Императрица Александра Θедоровна; въ письмѣ къ предсѣдательницѣ Общества она изъявила, что „съ удовольствіемъ беретъ на себя призваніе женскаго Патріотическаго Общества“ [1]). Но въ слѣдующемъ же году былъ изъятъ изъ его вѣдѣнія и совершенно отдѣленъ отъ Общества институтъ, преобразованный въ учрежденіе правительственное; ему были даны Положеніе и штатъ, назначены обезпечивавшія его навсегда средства. Согласно этому Положенію (§ 28) отпускъ 25.000 р. изъ суммъ Общества на воспитаніе въ институтѣ 30-ти дѣвицъ, „коихъ оно по ограниченнымъ способамъ своимъ вполнѣ взносить уже не въ состояніи“, долженъ былъ прекратиться съ 1-го января 1829 года. Но „въ ознаменованіе благодѣтельнаго подвига Патріотическаго Общества, положившаго основаніе сему заведенію“, Обществу было предоставлено „именованіе почетнаго Совѣта института“ [2]), которому съ 1827 года присвоено названіе „Патріотическаго Института Комитета 18-го августа 1814 года“ [3]).

Въ рескриптѣ на имя предсѣдательницы Общества отъ 13-го апрѣля 1827 года, Императрица Александра Θедоровна писала: „ ... благотвореніями къ дѣтямъ заслуженныхъ воиновъ, покровительствуемыхъ Комитетомъ 18-го августа 1814 года, назначеніе его (института) обращается къ первоначальной цѣли Патріотическаго Общества, ознаменовавшаго въ 1812 году признательность свою къ нимъ учрежденіемъ сего заведенія для призрѣнія сиротствующихъ дочерей ихъ“. Будущую дѣятельность Общества Императрица въ томъ же рескриптѣ опредѣлила тѣмъ, что „подвиги его будутъ имѣть тотъ же кругъ дѣйствій, какъ и донынѣ попеченіемъ о частныхъ школахъ, остающихся въ непосредственномъ его вѣдѣніи и приносящихъ ту общественную пользу, что онѣ искореняютъ праздность и всѣ пороки, отъ нея происходящіе, въ дѣтяхъ сословій, наиболѣе заслуживающихъ призрѣнія“ [4]).

Въ 1826 году Императоръ Николай повелѣлъ отчислить институту изъ остатковъ отъ принадлежавшихъ покойной Императрицѣ суммъ 16.000 р. асс. на содержаніе одной пенсіонерки

---

[1]) Зас. Сов. 11 іюня 1826 г.

[2]) Проектъ Положенія и штата Патріот. института 7 апрѣля 1827 г. съ поправками и замѣчаніями собственной руки Его Имп. Велич. Гос. Имп. Николая Павловича. § 30 (Краткій очеркъ образ. Патр. и. Приложеніе I).

[3]) П. Собр. 2-е. 1012.

[4]) Краткій очеркъ образ. Патр. и.

ея имени [1]) и кромѣ того капиталъ въ 800.000 р. асс., заключавшійся въ принадлежавшихъ ей брильянтовыхъ вещахъ, взятыхъ въ Кабинетъ государя [2]). Эти 80.0000 р. были даны на перестройку зданія для института и 5% въ годъ съ этой суммы должны были выдаваться изъ Кабинета.

За все время существованія института патріотическаго Общества, пожертвованій собственно институту почти совсѣмъ не было. При постройкѣ для него дома, кромѣ данныхъ Обществу Императрицею Елизаветою 100.000 рублей, поступило еще около 67.000. Первое и единственное пожертвованіе собственно институту было сдѣлано въ 1824 году княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, которая, прося предсѣдательницу принять отъ нея 5.000 рублей (асс.) въ пользу института, въ память умершей ея дочери Е. А. Чернышевой, выразила желаніе, чтобы это пожертвованіе было передано отъ неизвѣстнаго, чтобы жертвуемый капиталъ оставался всегда неприкосновеннымъ, а употребленіе процентовъ было предоставлено предсѣдательницѣ, княгинѣ Мещерской. По назначенію Императрицы Елизаветы Алексѣевны, па проценты съ пожертвованной суммы, должны были при выпускахъ выдаваться пособія бѣднымъ воспитанницамъ. Изъ единовременныхъ, пожертвованныхъ въ пользу благотворительныхъ заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы суммъ, она назначила Патріотическому институту 1.000 р. изъ 2.000, пожертвованныхъ въ 1825 году бѣлогородскимъ купеческимъ обществомъ [3]).

Кромѣ двухъ столичныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, Дома Трудолюбія и института патріотическаго Общества, подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы состоялъ еще одинъ институтъ въ провинціи — полтавскій, возникшій, какъ можно предполагать, по мысли бывшей предсѣдательницы петербургскаго женскаго патріотическаго Общества княгини В. А. Репниной, мужъ которой въ то время, когда институтъ основывался, былъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. Можетъ быть и посѣщеніе великаго князя Николая Павловича, въ 1816 году, Полтавы, куда онъ пріѣхалъ изъ Харькова, осмотрѣвъ тамъ институтъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на рѣшеніе дворянъ полтавской губерніи основать свой институтъ. Какъ бы то ни было, но въ началѣ 1817 года была прислана губернскому маршалу (предводителю дворянства) полтавской губерніи отъ неизвѣстнаго лица

[1]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, стр. 182.
[2]) Сб. свѣд. Т. I, стр. 189.
[3]) Сб. свѣд. Т. I, стр. 179, 180.

записка о необходимости учрежденія въ Полтавѣ института, съ приложеніемъ и самаго проекта его [1]). Губернскій маршалъ представилъ эту записку собранію дворянства 17-го января 1817 года, которое было первымъ со времени назначенія князя Репнина малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. Собраніе постановило: 1) принять и утвердить проектъ подписью губернскаго и повѣтовыхъ (уѣздныхъ) маршаловъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями; 2) обязать каждаго землевладѣльца губерніи къ взносу въ теченіе двухъ лѣтъ на содержаніе института по 50 копеекъ съ каждой владѣемой имъ души; 3) просить кавалерственную даму, княгиню В. А. Репнину, предсѣдательницу петербургскаго женскаго патріотическаго Общества, принять на себя предсѣдательство въ Совѣтѣ института съ правомъ избранія двухъ назначенныхъ членовъ, и 4) это положеніе представить на благоусмотрѣніе малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Князь Репнинъ, отнесшійся съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу, 27-го апрѣля сообщилъ, что комитетъ министровъ разрѣшилъ учрежденіе института, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пожертвованія дворянъ кали не па крестьянъ и чтобы за этимъ строго было наблюдено. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Репнинъ извѣстилъ дворянство, что государь изъявилъ согласіе на принятіе Императрицею Елизаветою института подъ свое покровительство „когда Институтъ приметъ начало и содержаніе его обезпечится". Къ концу 1817 года дворянствомъ было собрано 300.000 р. и въ началѣ слѣдующаго составленъ проектъ устава „Института полтавскаго дворянства"; тогда же образованъ Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечительницы института, княгини В. А. Репниной.

Уставъ полтавскаго института, написанный лишь шестью годами позже устава харьковскаго Общества благотворенія, значительно отличается отъ послѣдняго. И полтавскій институтъ названъ „благотворительнымъ" [2]), но въ его уставѣ нѣтъ той непосредственности, теплоты въ отношеніи къ воспитанницамъ, какою отличался харьковскій уставъ; вообще полтавскій носитъ на себѣ уже характеръ оффиціальности.

Главныя его основанія слѣдующія: институтъ, по предположенію полтавскаго дворянства, составится изъ двухъ родовъ воспитанницъ: на общественномъ иждивеніи и пенсіонерокъ. Первыхъ пола-

[1]) Краткая историческая записка о Полтавскомъ институтѣ (Арх. IV отд. Опись дѣламъ, не вошедшимъ въ сдаточныя экспедиціонныя описи. Лит. Б).

[2]) Учрежденіе благотворительнаго для благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ института (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канцеляріи статсъ-секретаря Лонгинова).

гается пятнадцать, по числу повѣтовъ губерніи; число пенсіонерокъ —смотря по помѣщенію института. Содержаніе и обученіе тѣхъ и другихъ одинаковое, но „воспитанницы, будучи избраны изъ дѣвочекъ ничего неимущихъ“, должны пробыть неминуемо полный курсъ, т.-е. девять лѣтъ. Пріемный для нихъ возрастъ назначается отъ семи до десяти лѣтъ. „Главнѣйшая при ихъ воспитаніи цѣль заключается—сказано въ „Учрежденіи“—не въ одномъ только образованіи ихъ самихъ, но въ пріуготовленіи для воспитанія другихъ: ибо не для всякой изъ дѣвицъ, образованныхъ въ семъ институтѣ, могло бы послужить съ пользою воспитаніе, данное ей выше того состоянія, въ которое она, по истеченіи девяти лѣтъ, обратиться должна. Для того, доставивъ воспитанницамъ способности, нужныя къ занятію, по выходѣ изъ Института, должностей Надзирательницъ въ домахъ дворянскихъ, вмѣстѣ съ симъ образованіемъ дастся имъ способъ пріобрѣтать независимое отъ другихъ состояніе и чрезъ то польза сего благотворительнаго учрежденія содѣлается дѣйствительною, не взирая на недостаточное состояніе ихъ“ [1]).

Пенсіонерки должны были приниматься когда позволитъ помѣщеніе, а выпускать ихъ дозволялось „по желанію родителей“; пріемный возрастъ былъ опредѣленъ отъ семи до тринадцати лѣтъ.

Главное управленіе, „такъ какъ и учрежденіе“, института ввѣрялось непосредственно попечительницѣ. Членами Совѣта должны были быть: полтавскіе, губернскій и повѣтовые маршалы, тѣ, которые по выбору дворянства въ сихъ званіяхъ находиться будутъ, два члена изъ числа родителей пенсіонерокъ; кромѣ того попечительницѣ предоставлялось право назначить еще двухъ членовъ по своему выбору.

На обязанности Совѣта лежало попеченіе о благосостояніи воспитанницъ и по выпускѣ „на всю ихъ жизнь“. Исполненіе уже утвержденныхъ Совѣтомъ правилъ, также внутреннія распоряженія относительно воспитанія и порядка въ домѣ, возлагались на попечительницу, которая была обязана только извѣщать Совѣтъ о сдѣланныхъ ею распоряженіяхъ. Все, до воспитанія, обученія, содержанія и хозяйства относящееся, было поручено начальницѣ, т.-е. помощницѣ попечительницы, которая должна была передавать отчеты начальницы, касающіеся общаго хода дѣлъ и порядка, „съ своими распоряженіями или замѣчаніями“ въ Совѣтъ. Воспитаніе дѣвицъ, наблюденіе за ихъ нравственностью и ученіемъ поручалось надзирательницѣ.

---

[1]) Учрежд. благотв. для бл. дѣв. въ Полтавѣ инст., § II.

Въ „Учрежденіи" не была опредѣлена плата съ пенсіонерокъ, не поименованы также предметы ученія; только сказано, что классы должны состоять изъ 15 — 20 дѣвицъ, а объ учителяхъ—что они должны жить внѣ институтскаго зданія.

Пріемъ „общественныхъ" воспитанницъ начался съ 1-го октября 1818 года, а днемъ открытія института былъ назначенъ день рожденія государя, 12-е декабря. Институтъ былъ открытъ въ уступленномъ ему, „пока у института не будетъ своего зданія", С. М. Кочубеемъ деревянномъ домѣ, гдѣ до тѣхъ поръ помѣщался частный женскій пансіонъ француженки Репьи. По всей вѣроятности, этотъ пансіонъ и былъ преобразованъ въ институтъ, ибо Репьи была назначена сначала надзирательницею, а потомъ и директриссою института.

Организовавъ такимъ образомъ внѣшнюю обстановку института, княгиня Репнина, отъ лица дворянства полтавской губерніи, просила Императрицу Елизавету Алексѣевну принять институтъ подъ свое покровительство. Изъявляя свое согласіе, Императрица прислала на имя княгини Репниной рескриптъ, въ которомъ говорила: „Благородное полтавское дворянство не могло оказать болѣе свойственнаго ему усердія къ благосостоянію Отечества и новыхъ опытовъ всегдашняго стремленія своего къ пользѣ общей, какъ учрежденіемъ Института для образованія благородныхъ дѣвицъ... Я не могу не отдать должной справедливости чувствіямъ сословія по званію и дѣятельности почтеннаго, которое щедрыми пожертвованіями своими для предмѣта столь благодѣтельнаго воздвигло себѣ памятникъ достойный подражанія и признательности своихъ согражданъ" [1]). Въ томъ же 1819 году, хотя до выпуска воспитанницъ оставалось девять лѣтъ, Императрица назначила награды, которыя должны были выдаваться имъ каждые три года. Всѣхъ наградъ полагалось шесть: три вензеля, одинъ золотой и два серебряныхъ, и три медали. „Я надѣюсь—писала Императрица въ рескриптѣ на имя княгини Репниной отъ 17 ноября 1819 г.,— что благородное полтавское дворянство въ установленіи сего увидитъ опытъ, сколь великую цѣну въ мнѣніи Моемъ имѣетъ примѣрное его усердіе къ пользѣ Отечественнаго воспитанія".

Отношеніе дворянства полтавской губерніи къ институту, кромѣ участія въ Совѣтѣ предводителей, губернскаго и уѣздныхъ, выражалось еще въ томъ, что ему представлялись отчеты по всѣмъ частямъ института и производились въ его присутствіи, во время выборовъ, экзамены воспитанницъ. Въ 1826 году, т.-е. семь лѣтъ

[1]) Арх. IV отд. Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова.

спустя послѣ открытія института, былъ первый выпускъ пенсіонерокъ, которыя не были обязаны оставаться въ заведеніи девять лѣтъ, какъ „общественныя“ воспитанницы. Къ этому времени въ институтѣ было 83 воспитанницы, изъ которыхъ назначены къ выпуску десять пенсіонерокъ изъ двѣнадцати, вступившихъ при открытіи института. Въ этомъ числѣ были три пенсіонерки Императрицы Елизаветы; за каждую платили по 1.000 рублей (асс.) въ годъ.

Въ отчетѣ дворянству за 1826 годъ, Совѣтъ говорилъ: „Воспитанницы Института, содержимыя благотвореніемъ почтеннаго дворянства Полтавской губерніи, продолжаютъ благонравіемъ своимъ утѣшать пекущихся о нихъ и, доканчивая съ успѣхомъ образованіе свое въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ, подаютъ уже вѣрную надежду, что онѣ вскорѣ въ состояніи будутъ принесть дань благодарности благотворившему ихъ дворянству, распространеніемъ познаній имъ преподаваемымъ, между другими“. Пенсіонеркамъ Совѣтъ объявлялъ „вообще благодарность, какъ за благонравіе и прилежаніе, такъ въ особенности за приверженность и любовь, которую онѣ оказываютъ пекущимся о ихъ воспитаніи“ [1]).

По поводу того, что пенсіонерка попечительницы послѣ выпуска поступаетъ въ учительницы, въ отчетѣ сказано: „сіе есть новое доказательство пользы, которую учрежденіе сіе приноситъ сверхъ образованія врученныхъ дѣвицъ родителями; ибо оно приготовляетъ нужныхъ для ученія юношества, образованныхъ науками и нравственностью наставницъ, и недостаточнымъ изъ числа своихъ воспитанницъ устраиваетъ прочное убѣжище и способъ обратить дарованія свои на пользу другихъ дѣтей“.

На публичномъ экзаменѣ выпускаемыя пенсіонерки экзаменовались изъ множества предметовъ: закона Божія, россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики, географіи россійской, всеобщей и древней, статистики, исторіи россійскаго государства, древней и естественной, физики, начальныхъ познаній астрономіи, миѳологіи, риторики, музыки и пѣнія.

Насколько могли быть свѣдущи во всѣхъ этихъ предметахъ воспитанницы перваго выпуска изъ полтавскаго института, можно было бы удостовѣряться лишь имѣя данныя о томъ, какъ велась учебная часть въ первые шесть лѣтъ въ институтѣ; но въ дѣлахъ этого института за это время намъ не попалось рѣшительно никакихъ на то указаній; опредѣленной программы ученія

---

[1]) Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова.

по видимому и не было; были ли учителя—это также неизвѣстно. Только много лѣтъ спустя, изъ отчета статсъ-секретаря Лонгинова въ 1845 году, учрежденному тогда Главному Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, обнаружилось, что въ эти шесть лѣтъ бо̀льшую часть предметовъ преподавала, вмѣстѣ съ другими женщинами, выписанная изъ Франціи иностранка, „впрочемъ довольно хорошо образованная“ [1]).

Въ эти семь лѣтъ институтъ содержался главнымъ образомъ на сумму, получаемую съ пенсіонерокъ. По 1-е сентября 1823 г. ему было сдѣлано только одно пожертвованіе. Въ годъ открытія института помѣщикъ полтавской губерніи Иваненко сдѣлалъ дарственный актъ, которымъ жертвовалъ „па вѣчныя времена безповоротно“ сумму въ 3.000 р. асс., съ такимъ, при томъ, ограниченіемъ, чтобы „оная сумма отдаваема была въ надежныя руки на процентъ, и сіи процентныя деньги также чтобы были на процентѣ; сколько же симъ порядкомъ таковыхъ процентныхъ денегъ до времени окончанія находящейся нынѣ въ институтѣ Пирятинскаго повѣта дѣвицы, по положенному термину, чрезъ девять лѣтъ, накопится, то оныя при выпускѣ той дѣвицѣ вручить отъ имени моего, ей прямо въ руки въ приданое, равно тому и въ предъидущія времена всѣмъ тѣмъ, кои поступать имутъ въ институтъ съ Пирятинскаго повѣта дѣвицы, а отнюдь не другого повѣта, отдавать однѣ только таковыя процентныя деньги. Капиталъ же, мною пожертвованный, оставаться долженъ безповоротно при институтѣ вѣчнымъ“ [2]). Этотъ капиталъ оставался у Иваненко, который выплачивалъ на него проценты. Съ сентября 1823 года по 1825-й годъ сумма мелкихъ пожертвованій показана въ отчетахъ Совѣта въ 12.677 р. 98½ к., а пенсіонерная плата—въ 86.913 р. 91 к.

Весь приходъ института исчисленъ въ 100.206 р. 54½ к., а расходъ—въ 92.201 р. 55 к. Въ 1825 году пожертвованій поступило только 3.745 р. 1 к., а отъ пенсіонерокъ получилось всего 36.105 р. 80½ к.; расходъ же простирался до 34.919 р. 72½ к. Въ отчетѣ этого года показана недоимка за дворянствомъ, накоплявшаяся нѣсколько лѣтъ и къ 1823 году дошедшая до 83.636 р. 49½ к. Въ общемъ собраніи дворянства полтавской губерніи, 24-го октября 1823 года, оно постановило: предоставить институту 80.000 р. „изъ оставшейся въ недоимкѣ суммы по земскому ополченію 1812 года“. Но изъ этой суммы къ концу 1826 года было вне-

---

[1]) Арх. IV отд. Дѣла Гл. Сов. ж. уч. зав.

[2]) Сб. свѣд. о кап. вѣд. учр. И. М. Т. II, стр. 398.

сено лишь 23.385 р. 12 к.; взысканіе остальныхъ денегъ было пріостановлено по случаю манифеста 22-го августа 1826 г. [1]). Хотя на собраніи 27-го сентября дворянство и опредѣлило обратить въ пользу института суммы изъ другихъ источниковъ [2]), но такъ какъ и за родителями пенсіонерокъ къ этому времени числилась недоимка въ 26.000 р., а доходы института съ каждымъ годомъ уменьшались, вслѣдствіе уменьшенія числа пенсіонерокъ, которыхъ въ 1827 году было всего 42 (въ 1822 — 1823 ихъ было 100), также въ виду того, что у института къ этому году былъ уже долгъ въ 58.000 р., князь Репнинъ счелъ нужнымъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

Изложивъ приведенныя здѣсь причины разстройства денежныхъ средствъ института, князь предложилъ слѣдующія мѣры: внести черезъ министра финансовъ въ комитетъ министровъ свое мнѣніе, что сборъ съ ополченія, „бывъ собственностью дворянскою, не подлежитъ прощенію по манифесту, коимъ слагаются не частныя, а казенныя недоимки"; просить управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представить въ комитетъ министровъ о возложеніи на губернское начальство обязанности взыскивать недоимки съ родителей пенсіонерокъ съ тою строгостью, какія узаконены для взысканія казенныхъ долговъ и оказывать впредь въ подобныхъ случаяхъ такое же содѣйствіе. До того же времени, когда слѣдуемыя институту суммы будутъ взысканы, князь Репнинъ просилъ отпустить институту заимообразно, на одинъ годъ, въ счетъ ихъ, теперь же 50.000 рублей безъ процентовъ. Выставляя уменьшеніе вообще дворянскихъ доходовъ причиною того, что установленная въ институтѣ плата за пенсіонерку, по тысячѣ рублей, сдѣлалась высокою, князь Репнинъ предложилъ уменьшить ее до восьмисотъ рублей и принимать пенсіонерокъ не менѣе чѣмъ на три года, какъ въ Патріотическомъ институтѣ. „Но главнѣйшая и единственно твердая надежда на поддержаніе благосостоянія Института—писалъ князь Репнинъ—есть упованіе на щедроты Всемилостивѣйшаго Государя и Его Августѣйшей фамиліи, порученіемъ полтавскому институту воспитанія нѣкотораго числа пенсіонерокъ".

---

[1]) Записка малоросс. генералъ-губернатора предсѣдателю Гос. Совѣта графу В. П. Кочубею 12-го іюня 1827 года (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канцеляріи ст.-секр. Лонгинова).

[2]) Въ этомъ числѣ были суммы: „изъ поступившей на удовлетвореніе земскихъ повинностей впродолженіи истекшаго трехлѣтія и оставшихся отъ расходовъ по сему предмету суммы, причитающуюся на количество помѣщичьихъ крестьянъ часть, съ присоединеніемъ и числящейся въ недоимкѣ, за отдѣленіемъ изъ суммъ сего рода другимъ состояніямъ принадлежащей".

Для уменьшенія расходовъ по ремонту ветхаго дома, въ которомъ помѣщался институтъ, князь Репнинъ указывалъ, какъ на единственное средство — построить для него каменный домъ. На это потребовалось бы до 200.000 р., которые онъ и просилъ ссудить полтавскому дворянству на десять лѣтъ безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма „уплачивалась ежегодно по ровной части въ казначейство въ томъ же видѣ, какъ суммы на земскія повинности, что по числу помѣщичьихъ крестьянъ въ полтавской губерніи составило бы по 6$^1/_2$ копѣекъ на душу“. Для будущаго обезпеченія института князь Репнинъ полагалъ необходимымъ увеличить число пенсіонерокъ до 65-ти, плата съ которыхъ, по 800 рублей за каждую, покрывала бы почти сполна расходы по содержанію института, исчисленные имъ, по примѣрному штату, въ 52.000 рублей ежегодно. Кромѣ того князь Репнинъ выражалъ надежду, что дворянство удвоитъ число содержимыхъ на его счетъ воспитанницъ, т.-е. вмѣсто пятнадцати ихъ будетъ тридцать, что потребовало бы увеличенія расхода со стороны дворянства на 20.000 рублей въ годъ. „Поэтому—писалъ онъ—дворянство не укоснитъ войти съ просьбою о дозволеніи разложить эти 20.000 р. на число владѣемыхъ имъ душъ съ причисленіемъ къ земскимъ повинностямъ, что составитъ всего по 8 копѣекъ на душу“.

По докладѣ этой записки князя Репнина Императору Николаю, предсѣдатель государственнаго совѣта сообщилъ князю, что государь признаетъ неудобнымъ, чтобы содержаніе института „и изъ малѣйшей суммы обратилось на счетъ земскихъ повинностей... По мнѣнію Его Величества,—передавалъ графъ Кочубей —нѣтъ основанія располагать на души тогда, когда сборъ таковой ни въ какихъ отношеніяхъ не обращается въ пользу платящихъ“. Далѣе, излагая мнѣніе государя, онъ говорилъ, что „если приступить къ добровольной подпискѣ между дворянами, то все-таки не будетъ увѣренности въ порядочномъ взносѣ, чему доказательствомъ служитъ то, что случилось въ Полтавѣ и въ Харьковѣ, а институтъ долженъ имѣть твердое основаніе“. Но такъ какъ государь не хотѣлъ бы, чтобы „сіе, какъ и всякое другое установленіе, для воспитанія уже существующее, рушиться могло“, то Его Величество полагаетъ заимствовать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія полтавскаго, черниговскаго и кіевскаго ежегодно нѣкоторую сумму на опредѣленное число пенсіонерокъ изъ бѣднѣйшаго дворянства и сиротъ ихъ губерній. ...Это, по мнѣнію государя, — писалъ графъ Кочубей — соотвѣтствуетъ прямому назначенію Приказовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ князя Репнина, что государь „для споспѣшествованія сохраненія

полтавскаго института“ охотно обезпечитъ въ немъ содержаніе десяти пенсіонерокъ на всегда. Императрица, какъ полагалъ графъ Кочубей, также будетъ имѣть нѣсколько своихъ пенсіонерокъ. Что касается 200.000 рублей на постройку дома для института, о которыхъ писалъ князь Репнинъ, то государь изъявилъ согласіе, чтобы эта сумма была выдана изъ государственнаго казначейства полтавскому приказу общественнаго призрѣнія въ четыре года, по 50.000 р. въ годъ [1]).

23-го августа 1827 года Императоръ Николай утвердилъ измѣненныя, согласно его указаніямъ, предположенія князя Репнина и графа Кочубея. Число воспитанницъ института должно было простираться до 75-ти казенныхъ и 45-ти пенсіонерокъ; на его содержаніе было опредѣлено 52.500 р. въ годъ. Приказамъ общественнаго призрѣнія полтавскому, черниговскому и кіевскому, которые по отобраннымъ у нихъ справкамъ заявили, что могутъ отпускать на институтъ, первый до 35.000, второй до 53.700 и третій до 43.000 рублей въ годъ, было повелѣно давать каждому по 14.000 рублей въ годъ, „доколѣ Институтъ существовать будетъ“, съ правомъ помѣщать туда 20 своихъ пенсіонерокъ, платя за каждую по 700 рублей въ годъ. За ту же плату положено имѣть въ институтѣ 10 пенсіонерокъ государя со взносомъ за нихъ изъ казны по 7.000 р. въ годъ. Съ частныхъ же пенсіонерокъ, „какъ это дѣлается уже въ с.-петербургскихъ институтахъ“, плата опредѣлена высшая т.-е. по 800 рублей въ годъ, изъ которыхъ 600 должны были употребляться на содержаніе пенсіонерокъ, а 200 рублей вноситься въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія на проценты, для составленія капитала, съ употребленіемъ его по назначенію Императрицы.

Относительно суммъ, отпускаемыхъ институту приказами, 23 августа 1827 года состоялось важное нововведеніе для полтавскаго института. „Такъ какъ капиталы и доходъ приказовъ— сказано въ утвержденномъ государемъ докладѣ графа Кочубея— составились и при пособіи отъ городовъ, то справедливо предоставить, въ числѣ 60-ти воспитанницъ Приказовъ, нѣкоторое число изъ христіанскаго купечества 1-й и 2-й гильдій“. Такихъ воспитанницъ предписывалось брать по три изъ городовъ полтавской и черниговской губерній и по четыре изъ кіевской; остальныя вакансіи приказовъ должны были замѣщаться дочерьми дворянъ [2]). Указъ объ этомъ состоялся 17-го сентября 1827 года.

[1]) Записка графа Кочубея кн. Репнину 22-го іюня 1827 (Арх. IV отд.).

[2]) Докладъ гр. Кочубея государю, утвержденный 23 августа 1827 года (Арх. IV отд.).

Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ избранія воспитанницъ института предписано, чтобы каждому повѣту предоставлялось назначеніе одной дворянской воспитанницы, а остальныя вакансіи въ каждой губерніи были замѣщаемы по представленію губернскаго приказа. Воспитанницы изъ купечества должны были назначаться постоянно изъ губернскихъ городовъ: изъ Кіева по двѣ, Полтавы и Чернигова по одной, а въ правѣ помѣщать остальныхъ двухъ, положенныхъ на каждую губернію, послѣднія должны были чередоваться — одни города для одного пріема, другіе для слѣдующаго и т. д. Городскія общества каждой губерніи могли представлять по три кандидатки; изъ нихъ должны были выбираться для помѣщенія въ институтъ „дѣвицы, отцы которыхъ пріобрѣли уваженіе по службѣ и поведенію".

Въ 1828 году, когда институтъ состоялъ уже подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳедоровны, для него было составлено Положеніе. Хотя полтавское дворянство болѣе не обязано было давать средства на содержаніе института, но „въ ознаменованіе благотворительнаго подвига, отъ котораго оный получилъ свое начало", институту, по Положенію 1828 года, было сохранено названіе „Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ". Въ этомъ году, по повелѣнію Императора Николая, даны были институту изъ суммъ, принадлежавшихъ Императрицѣ Елизаветѣ, 4.957 р. 12 к. асс. [1]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Александра І-го, женское образованіе стало распространяться и въ провинціи. Кромѣ институтовъ харьковскаго и полтавскаго, возникли въ Симбирскѣ и Москвѣ Дома Трудолюбія, на подобіе петербургскаго.

По примѣру женскаго патріотическаго Общества и другихъ благотворительныхъ столичныхъ обществъ, въ 1818 году организовалось въ Симбирскѣ „женское Общество христіанскаго милосердія", членами котораго были преимущественно знатныя провинціальныя дамы, а предсѣдательницею В. Ивашева. Общество было принято подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны, назначившей ему отъ себя по 1.000 р. въ годъ. Въ 1820 году оно учредило Домъ Трудолюбія, „для призрѣнія и воспитанія бѣднѣйшихъ дѣвицъ". На этотъ же предметъ, но именно на воспитаніе „преимущественно сиротъ и бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ", Императрица Елизавета отдѣлила Обществу 5.000 рублей, изъ пожертвованнаго на ея благотворительныя заведенія

---

[1]) Сб. свѣд., стр. 398.

графомъ Шереметевымъ капитала [1]). Правилами Дома, кромѣ десяти воспитанницъ, содержимыхъ на средства Общества, допускались и пенсіонерки съ платою по 300 р. въ годъ.

Въ 1824 году Общество владѣло собственнымъ домомъ и капиталомъ въ 55.671 руб. 80 копѣекъ. Императоръ Александръ назначилъ ему отъ себя по 5.000 рублей ежегодно.

Съ первыхъ же годовъ существованія Дома, была расширена и программа ученія. На публичномъ испытаніи, происходившемъ въ 1825 году, воспитанницы экзаменовались, кромѣ положенныхъ правилами элементарныхъ предметовъ, еще изъ грамматики, россійской исторіи, географіи и обѣихъ частей ариѳметики. „Всѣ сіи науки—сказано въ отчетѣ Общества—наставникъ Дома Трудолюбія, священникъ Лука Крестовскій, при самомъ открытіи Дома сего, съ истинною ревностью пастыря Церкви, вызвался преподавать безъ всякой платы" [2]).

Даже тогда, когда, скоро вслѣдъ за этимъ публичнымъ испытаніемъ, симбирское Общество христіанскаго милосердія прекратило свое существованіе, Домъ Трудолюбія, управляемый бывшею предсѣдательницею Общества, В. Ивашевою, благодаря ея энергіи, продолжалъ развиваться. Въ 1847 году онъ, вмѣстѣ съ петербургскимъ и московскимъ Домами Трудолюбія, по повелѣнію Императрицы Александры Ѳеодоровны, подъ покровительствомъ которой состоялъ и симбирскій Домъ, былъ переименованъ въ Симбирское Елизаветинское училище [3]).

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ Домовъ Трудолюбія былъ московскій, учрежденный въ 1824 году по мысли жены московскаго генералъ-губернатора, княгини Голицыной. При его возникновеніи, Домъ Трудолюбія былъ принятъ подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая, два года спустя, назначила ему отъ себя по тысячѣ рублей, а государь опредѣлилъ на его содержаніе по 13.020 рублей въ годъ [4]). Московское городское общество назначило къ ежегодной выдачѣ Дому по 3.000 р. изъ городскихъ средствъ. Къ 1-му января 1825 года Домъ Трудолюбія имѣлъ капиталъ въ 40.394 руб., образовавшійся изъ пожертвованныхъ ему при учрежденіи суммъ [5]).

Цѣль, съ которою основывался московскій Домъ Трудолюбія,

---

[1]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст. секр. Лонгинова.

[2]) Приб. къ „С.-Пет. Вѣд." 1825. № 17.

[3]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст.-секр. Лонгинова.

[4]) П. Собр. XL, 30220.

[5]) Сб. свѣд., стр. 313.

была опредѣлена въ Высочайше утвержденномъ для него Положеніи „воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, предпочтительно сиротъ свободнаго состоянія,.. чтобы дать имъ возможность со временемъ содержать себя трудами, почему и обученіе ихъ должно состоять преимущественно въ женскихъ рукодѣліяхъ“ [1]). Но онѣ должны были проходить и элементарный курсъ, даже грамматику „съ упражненіями въ письменномъ слогѣ“, а для „необыкновенно способныхъ къ ученію“ Положеніемъ разрѣшалось учредить впослѣдствіи, по мѣрѣ возможности, особые классы для учебныхъ предметовъ.

На первый разъ комплектъ воспитанницъ былъ опредѣленъ въ 24, но это число могло быть увеличиваемо по мѣрѣ возрастанія средствъ Дома. Воспитанницы допускались къ пріему не моложе семи и не старше одиннадцати лѣтъ и должны были оставаться въ Домѣ до 20-ти, послѣ чего онѣ отпускались къ родителямъ или благодѣтелямъ. Въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, начальство заведенія должно было пріискать для нихъ приличное мѣсто. Но еслибы представился случай—и до достиженія воспитанницею 20-лѣтняго возраста—„устроить прочнымъ образомъ ея благосостояніе“, то такую дозволялось увольнять изъ заведенія и раньше.

Главное управленіе Домомъ ввѣрялось Высочайше утверждаемой главной попечительницѣ, которой предоставлялось право пригласить двухъ или трехъ извѣстныхъ дамъ себѣ въ помощницы, а также выбрать „одного чиновника, для храненія суммъ и исправленія письменныхъ дѣлъ“. Всѣ эти лица утверждались Императрицею, которой главная попечительница должна была представлять полугодовые отчеты.

Въ Положеніи 1825 года опредѣлено даже количество блюдъ, которыя должны были получать воспитанницы: въ будни имъ полагалось по три блюда, а въ праздники и воскресенья—по четыре.

Рукодѣлія воспитанницъ предназначались для продажи, при чемъ Дому предоставлялось право принимать и заказы. Чистая прибыль отъ работъ воспитанницъ, черезъ каждые полгода, должна была вноситься въ ломбардъ на проценты и выдаваться имъ при выпускѣ. Пенсіонерки допускались Положеніемъ лишь тогда, когда „явится достаточное число оказывающихъ необыкновенныя способности къ ученію воспитанницъ и увеличится число предметовъ ученія“. Въ Положеніи о московскомъ Домѣ Трудолюбія, заведеніи строго закрытомъ, какъ и другіе Дома, прямо оговорено, что полупенсіонерки, кои жили бы у родителей и приходили бы лишь для ученія, ни въ какомъ случаѣ не будутъ допущены, ибо „сіе можетъ иногда произвести безпорядки“ (§ 43).

[1]) П. Собр. XL. 30205.

Уже послѣ смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Дому Трудолюбія было сдѣлано пожертвованіе въ 10.000 рублей (асс.) на содержаніе въ немъ пенсіонерокъ, кромѣ десяти, за которыхъ еще въ 1826 году д. ст. сов. Глѣбовъ обязался вносить по 4.000 руб. въ годъ [1]). Московскій купецъ Губинъ пожертвовалъ крупную сумму въ 150.000 руб. асс.; изъ нея на проценты со 100.000 рублей должны были содержаться десять пенсіонерокъ „воспитанницъ Губина", а изъ процентовъ съ 50.000 р. этимъ воспитанницамъ назначалось приданое при выходѣ ихъ замужъ [2]).

Московскій Домъ Трудолюбія, также какъ петербургскій и симбирскій, въ 1847 году былъ переименованъ въ Елизаветинское училище, въ память Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Незадолго до смерти Императрицы Маріи, подъ ея покровительство поступили еще два провинціальныхъ института, устройствомъ которыхъ она начала заниматься, но не успѣла довести дѣла до конца. Институты эти: Казанскій и Одесскій.

Еще въ 1805 году, когда государь утвердилъ планъ Императрицы Маріи объ учрежденіи пяти женскихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ этихъ пяти былъ институтъ въ Казани. Императрица велѣла тогда же купить мѣсто на Арскомъ полѣ, гдѣ была обширная роща съ фруктовымъ садомъ, и выразила увѣренность, что дворянство казанской губерніи воспользуется „первымъ благопріятнымъ случаемъ къ учрежденію такого заведенія для образованія и воспитанія своихъ дѣтей" [3]). Но такого случая долго не представлялось и купленное для института мѣсто съ 1809 года было отдано въ пользованіе казанскому дѣвичьему монастырю. Въ концѣ 1823 года, богатая казанская помѣщица, вдова полковника, М. Н. Родіонова, подала на имя Императрицы Маріи прошеніе о принятіи жертвуемаго ею, Родіоновою, для института благопріобрѣтеннаго имѣнія въ казанской губерніи, состоявшаго изъ 414 душъ; доходъ съ имѣнія Родіонова опредѣлила въ суммѣ до 20.000 рублей. При этомъ Родіонова выразила желаніе, чтобы крестьяне оставались „на теперешнемъ пахатномъ положеніи". Императрица изъявила согласіе

---

[1]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст.-секр. Лонгинова.

[2]) Сб. свѣд., стр. 313. По поводу пожертвованія Губина Императрица Марія писала князю Голицыну: „надо смотрѣть лишь на дѣйствіе и быть за него признательнымъ, не углубляясь въ причину его. Увы! что сталось бы со многими добрыми дѣлами бѣдныхъ смертныхъ, еслибы начали слишкомъ точно изслѣдовать ихъ побужденія" (Recueil. 2-e livr. Письмо 23 окт. 1826).

[3]) Арх. IV отд. Журналы Опекунскаго Совѣта учрежденій Имп. Маріи по с.-пет. присутствію. Ходатайство казанскаго дворянства.

на принятіе этого дара и обѣщала свое содѣйствіе, „когда оно потребуется“ [1]). Вскорѣ послѣ того Родіонова прислала Императрицѣ свое завѣщаніе, которымъ отдавала институту и другое имѣніе въ 145 душъ, оставшееся послѣ ея дочери, вдовы штабсъ-капитана Дороповой. Родіонова просила Императрицу приказать „явить это завѣщаніе по ея смерти къ утвержденію“, такъ какъ сама она, „по слабости и старости“, не надѣялась дожить до окончанія дѣла съ родственниками, оспаривавшими ея права распоряжаться имѣніемъ дочери и поручить наблюденіе за этимъ дѣломъ министру юстиціи; она умерла 30-го декабря 1827 года.

Излагая все это въ своемъ докладѣ Императору Николаю, Императрица Марія просила у него разрѣшенія учредить въ Казани Совѣтъ изъ гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства, попечителя казанскаго университета и душеприкащика Родіоновой, для устройства и управленія будущимъ институтомъ. Совѣтъ долженъ былъ принять завѣщанные институту домъ и имѣніе Родіоновой и обратить вниманіе на спорное дѣло съ родственникомъ, которому завѣщала дочь Родіоновой свое имѣніе. Императоръ Николай утвердилъ этотъ докладъ въ томъ же году, за нѣсколько лишь мѣсяцевъ до смерти Императрицы Маріи.

Какими побужденіями руководствовалась Родіонова, отдавая свое имѣніе на устройство института, неизвѣстно. Мысль объ этомъ могла у нея явиться еще въ 1812 году, когда московскіе институты были переведены, на время занятія Москвы французами, въ Казань [2]). Можетъ быть, она воспользовалась представившимся ей случаемъ дать такое назначеніе своему имѣнію съ цѣлью лишить своихъ родственниковъ возможности имъ воспользоваться. По словамъ знавшаго Родіонову и сочувствовавшаго ея намѣренію, извѣстнаго по исторіи съ Магницкимъ, до 1821 года казанскаго профессора, а по увольненіи изъ университета казанскаго губернскаго прокурора, Солнцева [3]). Родіонова, приготовляла своихъ 120 крѣпостныхъ дѣвушекъ для институтскихъ рукодѣлій, обучила одного изъ своихъ дворовыхъ фортепіанному мастерству,

---

[1]) Арх. IV отд. Докладной реестръ, 1828. Докладъ Имп. Маріи Императору Николаю 8-го февраля 1828 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1887, апрѣль. Ст. *Пономарева*: Одна изъ замѣчательныхъ женщинъ.

[3]) По предположенію Пономарева, Солнцевъ интересовался женскимъ вопросомъ, ибо перевелъ съ нѣмецкаго двѣ книги: „Важнѣйшія истины для прекраснаго пола“, въ 1813 г., и „Приданое моей дочери или уроки для благородной дѣвицы“, соч. проф. Гейденрейха, 1838 (*Пономаревъ*: Одна изъ замѣчат. ж.).

предназначая его также для будущаго института, и ради этого не дала ему отпускной, давъ ее его родственникамъ.

Все завѣщанное казанскому институту Родіоновою имѣніе было оцѣнено въ 283.600 р., и хотя Высочайшее повелѣніе объ открытіи института состоялось еще въ 1828 году, но, вслѣдствіе долго тянувшагося процесса съ наслѣдниками Родіоновой, институтъ былъ открытъ лишь 13 лѣтъ спустя послѣ смерти Императрицы Маріи.

Женское учебное заведеніе въ Одессѣ, преобразованное впослѣдствіи въ институтъ, существовало съ 1806 года въ видѣ частнаго „дѣвичьяго пансіона", учрежденнаго вмѣстѣ съ мужскимъ (впослѣдствіи Ришельевской гимназіей) иностранцемъ Вольсеемъ, который былъ директоромъ обоихъ заведеній, имѣвшихъ общую кассу и общихъ учителей [1]). Герцогъ Ришелье, бывшій тогда херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и одесскимъ градоначальникомъ, принялъ оба заведенія подъ свое покровительство и вскорѣ затѣмъ правительство купило ихъ у Вольсея. Для управленія ими былъ учрежденъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Ришелье, который поставилъ во главѣ народнаго просвѣщенія въ Одессѣ аббата Николя. Послѣдній призналъ неудобнымъ совмѣстное существованіе двухъ заведеній, мужского и женскаго, и раздѣлилъ ихъ. Въ 1814 году городъ взялъ на свой счетъ плату за помѣщеніе для женскаго учебнаго заведенія, которое перешло въ вѣдѣніе одесскаго городского начальства. Ришелье далъ, названному имъ „Дѣвичьимъ Институтомъ", пансіону Положеніе и ввѣрилъ управленіе имъ особой комиссіи, состоявшей, подъ его предсѣдательствомъ, изъ семи лицъ по его назначенію.

Непосредственное управленіе институтомъ было поручено директриссѣ и тремъ инспектриссамъ. Всѣхъ воспитанницъ, при отдѣленіи женской половины пансіона подъ особое управленіе, было 80. По новому Положенію, онѣ должны были поступать въ институтъ отъ восьми до десятилѣтняго возраста. Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться шесть лѣтъ, по два года въ каждомъ изъ трехъ классовъ. Программа ученія состояла изъ предметовъ: закона Божія, русскаго, французскаго и итальянскаго языковъ, географіи, исторіи, ариѳметики, музыки, рисованія, танцевъ, рукодѣлія и хозяйства. Комплектъ воспитанницъ не былъ опредѣленъ; Положеніемъ назначалась плата за пенсіонерку по 600 р. асс. въ годъ и кромѣ того родители были обязаны, при помѣщеніи дѣтей въ

---

[1]) Арх. IV отд. Учрежденія Одесскаго института, XXIX, 1824—1862.

институтъ, дать имъ полный гардеробъ и 100 р. единовременно на учебныя пособія [1]).

Институтъ не былъ строго закрытымъ заведеніемъ, ибо воспитанницъ отпускали къ родителямъ и родственникамъ каждые два мѣсяца по воскресеньямъ и въ большіе праздники. Бюджетъ института былъ составленъ въ 25.700 р. асс. въ годъ, не включая платы за помѣщеніе, оплачиваемое городомъ. Могущій быть остатокъ отъ этой суммы предоставлялось въ концѣ года дѣлить между директриссою, которая, подъ наблюденіемъ комиссіи, производила всѣ расходы, и инспекторами [2]).

Послѣ отъѣзда изъ Россіи герцога Ришелье и аббата Николя, обнаружились разные безпорядки, какъ по хозяйственной части, такъ и по управленію институтомъ. Въ началѣ 1820 года онъ имѣлъ всего 16 воспитанницъ, а долгу 17.000 р., въ томъ числѣ значительную часть составляло не доданное служащимъ жалованье. Вступившій на мѣсто Ришелье, графъ Ланжеронъ ревностно принялся за исправленіе разстроенныхъ дѣлъ института, который онъ поставилъ подъ покровительство своей жены, и назначилъ новую директрису, баронессу Шедёверъ. Ему удалось привлечь къ дѣлу дворянство екатеринославской и херсонской губерній, которое обязалось содержать въ институтѣ въ теченіе трехъ лѣтъ первое по шести пенсіонерокъ, второе по восьми. Кромѣ того, графъ Ланжеронъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на помѣщеніе въ одесскій институтъ 16-ти пенсіонерокъ на счетъ казны, изъ дочерей греческихъ эмигрантовъ, съ платою за каждую по 1.000 р. асс. въ годъ. Пріемный возрастъ воспитанницъ былъ измѣненъ: онѣ могли поступать отъ семи до двѣнадцатилѣтняго возраста; плата была повышена съ 600 р. до 1.000 р. въ годъ, но съ обязанностью института давать воспитанницамъ одежду; къ предметамъ ученія былъ прибавленъ нѣмецкій языкъ и—для дочерей греческихъ эмигрантовъ—греческій. Хозяйственная часть института, бюджетъ котораго простирался уже до 53.892 р.,—при чемъ расходъ на каждую воспитанницу былъ опредѣленъ въ 450 р. асс. въ годъ,—была возложена по прежнему на директрису [3]).

Дѣла института начали поправляться въ томъ смыслѣ, что число воспитанницъ въ первые годы новаго управленія увеличилось съ 16-ти до 58-ми, изъ которыхъ за 50 платилось по 1.000 р. въ годъ, за одну 800 р., за двухъ по 600, и пять воспитывались

---

[1]) Краткій историческій очеркъ 50-ти-лѣтія Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Одесса. 1879.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

даромъ. Весь доходъ института достигалъ 52.000 р. въ годъ и, стало быть, для покрытія расходовъ недоставало 1.892 р. въ годъ. Долги института не только не уменьшились, но къ 17-му января 1824 года возросли съ 17.000 до 33.550 рублей. Въ числѣ неуплаченныхъ институту пенсіонерныхъ денегъ былъ долгъ херсонскаго и екатеринославскаго дворянства, которое не внесло полной суммы, слѣдовавшей съ него за первое трехлѣтіе, и отказалось отъ дальнѣйшаго содержанія пенсіонерокъ въ институтѣ.

Съ назначеніемъ графа М. С. Воронцова на должность новороссійскаго генералъ-губернатора, началась новая пора для института. Уѣзжая въ 1823 году въ Одессу, графъ лично обратился къ Императрицѣ Маріи съ просьбою принять подъ свое покровительство одесскій институтъ. Не давая еще своего согласія, Императрица позволила представить ей свѣдѣнія о положеніи института и, лишь получивъ ихъ, передала государю обращенную къ ней графомъ Воронцовымъ просьбу.

Въ письмѣ къ Императрицѣ отъ 25-го января 1824 года [1]), графиня Е. Воронцова сообщала, что къ этому году въ институтѣ было двадцать пенсіонерокъ на счетъ правительства, платившаго за нихъ по 20.000 р. въ годъ, двѣ пенсіонерки Императрицъ Маріи и Елизаветы, своекоштныхъ двадцать; пенсіонерокъ херсонскаго дворянства восемь, екатеринославскаго четыре; даровыхъ, на счетъ институтскихъ суммъ—пять, всего 59 пенсіонерокъ, съ которыхъ получалось 53.000 р. въ годъ. „Помѣщеніе института—писала графиня Воронцова—не дозволяетъ принимать болѣе 70-ти воспитанницъ, но это помѣщеніе можетъ быть расширено, ибо если Императрица возьметъ институтъ подъ свое покровительство, то городъ увеличитъ свой расходъ на его помѣщеніе". Какъ видно изъ изложенныхъ въ письмѣ графини Воронцовой подробностей, воспитанницы института содержались даже роскошно: въ будни имъ полагалось по четыре блюда, въ праздники—пять. Отпуски домой разрѣшались въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, и графиня прибавляла, что этотъ обычай, по общему мнѣнію, надо сохранить.

Спрошенный, по повелѣнію государя, о средствахъ помѣшать паденію института, графъ Воронцовъ предложилъ слѣдующія мѣры, сообщенныя Императрицѣ графинею въ письмѣ отъ 20-го іюля 1824 года: 1) чтобы городъ отпустилъ на уплату долговъ института и на улучшеніе его помѣщенія 30.000 р. единовременно („это справедливо—писала графиня Воронцова,—ибо у

[1]) Арх. IV отд.—Учр. Од. Инст.

города большія средства; это ему и легко сдѣлать для заведенія, которое онъ всегда поддерживалъ; это ему и выгодно, ибо если институтъ будетъ хорошо поставленъ, то родители будутъ селиться въ Одессѣ"); 2) построить для института собственный домъ; для покрытія этого расхода сдѣлать заемъ въ одномъ изъ государственныхъ банковыхъ учрежденій, на счетъ города, въ суммѣ 100.000 рублей (асс.), съ разсрочкой уплаты на нѣсколько лѣтъ; 3) ассигновать къ отпуску изъ доходовъ города ежегодно по 1.892 р. до тѣхъ поръ, пока число воспитанницъ не увеличится такъ, чтобы доходы института покрывали его расходы („это нужно потому — прибавляла графиня Е. Воронцова,—что чрезвычайно трудно собрать пенсіонерную плату съ родителей воспитанницъ Екатеринославской и Херсонской губерній"); и 4) для управленія хозяйственною частью, для уплаты долговъ и для постройки зданія института, назначить новую комиссію, подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника, изъ одесскаго городского головы, херсонскаго губернскаго предводителя дворянства и трехъ членовъ по назначенію генералъ-губернатора.

Всѣ эти мѣры были утверждены государемъ, и 7-го февраля 1826 года графъ Воронцовъ учредилъ новую комиссію, въ число обязанностей которой включилъ управленіе „одесскимъ благороднымъ дѣвичьимъ институтомъ", а также составленіе проекта новаго устава для него. Комиссія сохранила прежнія основныя положенія института, отмѣнивъ только, по предписанію графа Воронцова, преподаваніе нѣмецкаго и греческаго языковъ. Составленный ею уставъ былъ представленъ Императрицѣ Маріи, которая сдѣлала на немъ свои замѣчанія и, по сообщеніи ей графомъ Воронцовымъ объясненій на эти замѣчанія, одобрила проектъ 12-го ноября 1827 года.

Ровно черезъ годъ Императрицы Маріи не стало, а открывшаяся затѣмъ турецкая война отвлекла вниманіе правительства отъ дѣлъ института, уставъ котораго былъ окончательно утвержденъ лишь 28-го іюля 1829 года. Тогда институту было дано наименованіе „Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ" [1]).

---

[1]) Краткій очеркъ.

IV.

Отношеніе Императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ.—Ея переписка съ начальницами.—Отношеніе Императрицы къ воспитанницамъ.—Ея напутствія выпускнымъ.—Характеръ ея наставленій воспитанницамъ.—Улучшеніе матеріальнаго быта начальницъ и классныхъ дамъ.—Инструкція начальницѣ Воспитательнаго Общества.—Отношеніе Императрицы къ родителямъ воспитанницъ.—Заботы о больныхъ воспитанницахъ.—Письма Императрицы о пищѣ воспитанницъ.—Тоска по дому у нихъ.—Отношеніе начальницъ и классныхъ дамъ къ воспитанницамъ.—Условія институтской жизни.—Донесенія начальницъ.—Вѣра Императрицы въ достоинства институтскаго воспитанія.—Помѣщеніе въ женскія учебныя заведенія какъ награда за заслуги родителей.—Устройство судьбы воспитанницъ.—Разсказъ Императрицы Александры Өедоровны.—Любовь воспитанницъ къ Императрицѣ Маріи.—Закрытая система воспитанія.—Собранія.—Приготовленія къ пріему гостей, пріѣзжавшихъ въ институты.—Сужденія объ институтскомъ воспитаніи.—Выпускные экзамены.—Заботы о внѣшности воспитанницъ.—Балетъ въ Воспитательномъ Обществѣ.—Инструкція Императрицы начальницамъ.—Ея взглядъ на внѣшніе знаки отличія для воспитанницъ.—Тѣлесныя наказанія въ институтахъ.—Занятія воспитанницъ хозяйствомъ.—Книга „Отеческіе совѣты моей дочери".—„Нравоученіе" протоіерея Воскресенскаго.—Внутренняя жизнь институтовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Одно обиліе денежныхъ средствъ, которыми при Императрицѣ Маріи были снабжены состоявшія подъ ея покровительствомъ женскія учебныя заведенія, уже должно свидѣтельствовать о горячей ея заботливости о нихъ. Такую же горячую, неустанную и всестороннюю заботливость она проявляла и по отношенію ко всѣмъ другимъ, даже мельчайшимъ ихъ нуждамъ. Надо удивляться, какъ при условіяхъ своего положенія Императрица находила возможнымъ, въ буквальномъ почти смыслѣ слова, лично управлять многочисленными, ввѣренными ей учебными и благотворительными заведеніями. Въ этомъ она являетъ собою единственный примѣръ, ибо никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ ничего подобнаго не было.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ управленіе Воспитательнымъ Обществомъ, Императрица писала помощницѣ начальницы его, Пальменбахъ: „Я буду Вамъ помогать во всемъ, что будетъ отъ меня зависѣть, и буду находить высшее для себя удовлетвореніе въ совмѣстномъ съ Вами трудѣ для благосостоянія нашихъ прелестныхъ дѣтей“ [1]).

Это свое обѣщаніе Императрица сдержала не только по отношенію къ Обществу, но и ко всѣмъ, состоявшимъ подъ ея покровительствомъ, институтамъ. Переписка ея, въ теченіе тридцати-двухлѣтняго управленія ими, была громадна и прервалась, можно по справедливости сказать, лишь наканунѣ ея смерти. Ничто не могло отвлечь Императрицу отъ заботъ о дорогомъ ея сердцу дѣлѣ: будучи уже совершенно больною, она, за четыре дня до смерти, пишетъ начальницамъ Екатерининскаго и Маріинскаго институтовъ, начиная свои письма словами: „я чувствую себя еще чрезвычайно слабою и съ трудомъ могу держать перо“ [2]). Такое событіе, какъ 14-го декабря 1825 года, должно было глубоко потрясти Императрицу-мать, но два дня спустя, 17-го, она уже пишетъ начальницѣ Воспитательнаго Общества и говоритъ съ нею о дѣлахъ заведенія [3]). Когда умерла воспитательница ея дѣтей, княгиня Ливенъ, которую Императрица считала своимъ близкимъ другомъ, она писала начальницѣ московскаго Екатерининскаго института: „Не смотря на все мое горе вслѣдствіе жестокой потери, мною понесенной, я сердцемъ участвовала въ вашихъ экзаменахъ“ [4]). Въ путешествіяхъ за границей, Императрица пользовалась каждою остановкою, чтобы просмотрѣть всюду, по ея приказанію, за нею посылаемые доклады начальницъ и отвѣчать имъ. По этимъ письмамъ можно прослѣдить маршруты ея путешествій [5]).

Въ своихъ распоряженіяхъ Императрица касалась рѣши-

---

[1]) „Р. Стар.“ 1890, мартъ. Ст. барона *Ѳ. Бюлера.* Императрица Марія въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ. 1797—1802. Письмо 27-го февр. 1797.

[2]) Арх. IV отд. Переписка по с.-пет. Ек. уч. Письмо 20-го октября 1828 г., и къ директриссѣ Мар. инст., Баймановской (Переписка по Мар. И.).

[3]) Учр. В. О. бл. д. 1797—1828.

[4]) Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Maria Féodorovna aux tuteurs honoraires et aux Supérieures des instituts de Moscou. 1-re livraison. Lettres de Sa Majesté à m-me de Pewtzoff. Moscou. 1883. Письмо 28-го февраля 1828.

[5]) Императрица писала Брейткопфъ: 1-го сентября 1818 г. изъ Риги, 7-го изъ Остроленки, 9-го и 15-го изъ Варшавы, 27-го изъ Карльсбада, 3-го и 10-го октября изъ Штутгардта, 21-го изъ Кельна, 24-го октября и 8-го ноября изъ Брюсселя, 14-го изъ Франкфурта, 21-го, 24-го ноября и 6-го декабря изъ Веймара, 17-го изъ Бромберга (Переп. по с.-пет. Ек. уч.).

тельно всего, что имѣло малѣйшее отношеніе къ институтамъ, начиная съ программъ преподаванія до свалки снѣга и истребленія таракановъ. Она не только подписывала опредѣленіе каждой воспитанницы, списки которыхъ очень внимательно просматривала, отмѣчая встрѣчавшіяся въ нихъ ошибки, но, по ея требованію, Совѣты институтовъ доносили ей о назначеніи и увольненіи писарей, сторожей, трубочистовъ, прачекъ; ей представляли счеты бѣлья, счеты подрядчиковъ по мелкимъ даже поправкамъ въ институтскихъ зданіяхъ. Прежде чѣмъ заключить контрактъ на поставку овощей и другихъ припасовъ для стола, Совѣты представляли эти контракты Императрицѣ, которая сравнивала выставленныя въ нихъ цѣны съ существующими въ другихъ институтахъ, и если первыя были выше послѣднихъ, то не утверждала контракта. Точно также ей представляли цѣны учебныхъ книгъ; иногда она замѣчала, что книги дороги, и тогда на нихъ дѣлали уступку; однажды, вѣроятно по ея просьбѣ, государь поручилъ академику Шторху узнать, „не дешевле ли купить грамматику Ноэля въ Парижѣ"? Требуя, чтобы начальницы—два раза въ недѣлю во время ея отсутствія и одинъ разъ когда она была въ Петербургѣ,—сообщали ей рѣшительно обо всемъ, что происходитъ въ заведеніи, и въ особенности обо всемъ, касавшемся каждой отдѣльной воспитанницы, Императрицѣ приходилось разбирать и домашнія дѣла воспитанницъ, споры между ихъ родителями при выпускахъ; до нея доводили даже ссоры между служащими въ заведеніи, и ей случалось разбирать ихъ [1]). Она обсуждала съ начальницами цѣну за работы салоповъ и платья воспитанницъ, давала совѣты и приказанія о выборѣ матеріаловъ для ихъ рукодѣлій, сама посылала образчики матерій. Когда въ 1808 году воспитанницы Смольнаго переходили въ новый домъ, Императрица лично заботилась о томъ, чтобы были приняты мѣры противъ сырости, сама давала подробныя наставленія, какъ и когда открывать двери, топить печи и т. п. Она лично распредѣлила комнаты въ новомъ зданіи Екатерининскаго училища. Императрица заботилась и о прислугѣ, которую брали въ институты изъ Воспитательныхъ Домовъ. Когда одну изъ служанокъ Екатерининскаго училища отправили въ больницу для бѣдныхъ, Императрица написала Брейткопфъ, что больную надо было устроить въ училищѣ, „которому она служитъ", и спрашивала, „покойно ли ее перенесли и кто за нею ходитъ?„ Она будетъ чувствовать себя—

[1]) См. Recueil de lettres. 2-e livr. Lettres de Sa Majesté au prince S. M. Galitzine. Moscou. 1885. Publié par S. E. le prince Schakowskoi-Strechneff.

писала Императрица—очень несчастной среди чуждыхъ ей людей, и это меня огорчаетъ“ [1]).

На просмотръ Императрицы представляли тетради, по которымъ преподавали учителя, также сочиненія воспитанницъ. Къ первымъ она дѣлала примѣчанія; сочиненія воспитанницъ, особенно предназначенныя для публичнаго экзамена, сначала представлялись ей съ „сколько возможно исправленными ошибками“, потомъ они исправлялись согласно сдѣланнымъ Императрицею замѣткамъ, при чемъ она отчеркивала карандашомъ тѣ, которыя совсѣмъ нельзя показывать публикѣ, и только окончательно одобренныя ею представлялись на экзаменъ. Передъ наступленіемъ выпускныхъ публичныхъ экзаменовъ, Императрица входила въ обсужденіе всѣхъ ихъ подробностей: кого слѣдуетъ пригласить, кому гдѣ назначить мѣсто, въ какомъ порядкѣ должно происходить торжество; она заранѣе переписывалась съ начальницами о гирляндахъ, которыя обыкновенно доставлялись изъ театра, тамбуринахъ и шаляхъ, съ которыми должны были танцовать воспитанницы. Точно также она дѣлала распоряженія о томъ, что и какъ показывать на экзаменахъ лицамъ, на нихъ приглашеннымъ, какія платья надѣть воспитанницамъ, а въ случаѣ ожиданія государя, сама пріѣзжала и дѣлала при себѣ репетицію того, что должно было происходить въ его присутствіи.

Отношенія Императрицы Маріи къ воспитанницамъ не были такими близкими, какими были отношенія Екатерины, хотя она очень часто навѣщала институты. Если возможно сравнивать отношенія Императрицы къ воспитываемымъ въ находящихся подъ ея покровительствомъ и управленіемъ учебныхъ заведеніяхъ съ отношеніемъ матери къ дѣтямъ, то Императрица Екатерина была матерью-баловницею, любящею дѣтей, умѣющею къ нимъ примѣниться, находящею удовольствіе въ томъ, чтобы съ ними поиграть, повеселиться. Императрица Марія была бы, при такомъ сравненіи, матерью благоразумною, не сближающеюся съ дѣтьми, балующею ихъ издали, но серьезно заботящеюся объ ихъ судьбѣ въ настоящемъ и будущемъ. Кромѣ того, что Императрица Марія не обладала живымъ, веселымъ, общительнымъ характеромъ Екатерины, она не была такъ проста, какъ Екатерина, въ обращеніи съ воспитанницами, можетъ быть и вслѣдствіе неизмѣнно ею соблюдаемыхъ правилъ строгаго этикета, котораго всегда держалась. У нея не было любимицъ среди воспитанницъ; но заботясь обо всѣхъ, ея заботы, также какъ и отношеніе къ различ-

[1]) Письмо отъ 29-го іюня 1808 г.

нымъ учебнымъ заведеніямъ, носили не одинаковый характеръ, смотря по тому, было ли оно назначено для дворянскихъ или мѣщанскихъ дѣтей. Передъ первымъ, происходившимъ при ней, выпускомъ изъ Смольнаго, въ 1797 году, по ея приказанію, въ алфавитномъ спискѣ выходящихъ воспитанницъ, еще до выпуска, рядомъ съ фамиліею первой ученицы, получающей шифръ, было поставлено: „фрейлина Ея Императорскаго Величества, дочь генерала отъ инфантеріи и кавалеріи“ [1]).

Заботы Императрицы Маріи о мѣщанскихъ училищахъ относились къ существеннымъ ихъ нуждамъ и къ пользѣ, а не къ удовольствію воспитанницъ, которыхъ она не баловала. Въ ея письмахъ къ начальницѣ Воспитательнаго Общества очень рѣдко упоминается о мѣщанской его половинѣ, но она очень внимательно наблюдала за тѣмъ, чтобы воспитанницы мѣщанскаго училища, также какъ и кандидатки Воспитательныхъ Домовъ, были хорошо помѣщены послѣ выпуска на мѣста. Передъ наступленіемъ перваго выпуска кандидатокъ, Императрица сама просмотрѣла и утвердила условія, на которыхъ Опекунскіе Совѣты могли соглашаться на ихъ поступленіе въ частные дома наставницами. Въ этихъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписью обѣихъ сторонъ, наставница обязывалась „учить дѣтей женскаго пола, а мужского не далѣе 10-лѣтняго возраста“; въ условіи, или, какъ тогда выражались, въ „кондиціи“, было выговорено, чтобы наставница получала готовый столъ „вмѣстѣ съ дѣтьми, чай и необходимую прислугу, особенно для мытья бѣлья“, чтобы отпускаемой изъ дому наставницѣ давали „пристойный экипажъ до губернскаго города“. Императрица велѣла включить въ условіе, чтобы берущіе къ себѣ въ домъ наставницу, кромѣ жалованья ей „отъ 500 р. и выше“ въ годъ, давали еще заранѣе опредѣленную сумму ежегодно въ видѣ награды [2]). Точно также и относительно жалованья и будущаго положенія выпускаемыхъ изъ мѣщанскихъ училищъ гувернантками, Императрица проявляла большую заботливость и при каждомъ представлявшемся случаѣ помѣстить воспитанницу въ частный домъ, требовала отъ начальницъ, чтобы онѣ обращали вниманіе на предлагаемое жалованье. Въ одномъ изъ писемъ къ Адлербергъ, Императрица указала на то, что одна изъ воспитанницъ московскаго Александровскаго училища получила мѣсто на 1.800 р. годового жалованья. Адлербергъ находила болѣе полезнымъ помѣщать воспитанницъ сначала на маленькое жало-

[1]) Протоколъ Сов. В. О. бл. д. 24-го февраля 1797 г.

[2]) Кондиціи на опредѣленіе въ частные дома наставницъ для дѣтей изъ кандидатокъ С.-Пет. Воспитат. Дома (Арх. IV отд.).

ванье и потомъ, постепенно, на бо́льшее. „Но гдѣ же гарантія, что его прибавятъ?“ спрашиваетъ Императрица, и настояла на томъ, чтобы съ берущихъ къ себѣ въ домъ воспитанницу мѣщанскихъ училищъ требовали письменнаго обязательства увеличить впослѣдствіи сумму назначеннаго ей жалованья. Она огорчалась всякій разъ, когда взявшіе къ себѣ воспитанницу мѣщанскихъ училищъ или Воспитательнаго Дома, возвращали ее обратно. „Должно быть что-нибудь въ нихъ—писала она князю Голицыну о кандидаткахъ—не отвѣчаетъ требованіямъ родителей. Надо строго наблюдать за ихъ нравственностью, характеромъ, ученіемъ и, главнымъ образомъ, французскимъ языкомъ. Ни одна кандидатка не должна идти въ гувернантки, если у нея есть хоть малѣйшій недостатокъ въ характерѣ“ [1]). Въ письмахъ къ начальницѣ московскаго Александровскаго училища, Мелартъ, Императрица проситъ ее обращать вниманіе на то, чтобы воспитанницы хорошо говорили по-французски и чтобы у нихъ былъ хорошій выговоръ; „ибо—пишетъ она—прежде чѣмъ узнаютъ ихъ хорошія качества и способности, французскій выговоръ послужитъ первой рекомендаціей для поступленія на мѣсто... Совершенное французское произношеніе существенно важно для гувернантки“ [2]).

Въ петербургскомъ мѣщанскомъ училищѣ Императрица Марія отмѣнила первоначальное свое распоряженіе о томъ, чтобы воспитанницъ этого училища не обучали французскому языку послѣ того, какъ узнала, что нѣкоторыя благородныя воспитанницы пріема 1797 года были хорошо обучены этому языку бывшими воспитанницами училища, и въ видахъ „доставленія способовъ къ пропитанію таковымъ же еще воспитывающимся“ [3]). Точно также она установила и для мѣщанской половины публичный экзаменъ потому,—какъ она писала графу Завадовскому,—что „при особенномъ испытаніи съ особливымъ удовольствіемъ видѣла нарочитые успѣхи и мѣщанскихъ воспитанницъ... а съ другой стороны для удостовѣренія публики о попеченіи, прилагаемомъ о ихъ воспитаніи и образованіи и для доставленія и имъ самимъ, можетъ быть, выгоднаго состоянія и споспѣшествовать къ ихъ счастью: ибо когда присутствующими усмотрѣны будутъ прилежаніе сихъ воспитанницъ и ихъ успѣхи въ разныхъ знаніяхъ и рукодѣліяхъ, то конечно многіе изъ достаточныхъ людей тѣмъ побуждены бу-

---

[1]) Recueil de lettres de Sa Maj. 2-me livr. Письмо отъ 8-го апр. 1824 г.

[2]) Тамъ же. Письмо отъ 16-го сент. 1824 г.

[3]) Протоколъ Совѣта 4-го іюля 1797 г.

дутъ брать ихъ къ себѣ либо для надзиранія и воспитанія дѣтей, или же для вспомоществованія въ домѣ" [1]).

Для этихъ экзаменовъ Императрица также сама просматривала приготовленныя воспитанницами мѣщанскаго училища сочиненія и рѣшала, какія изъ нихъ можно показать публикѣ и какія нѣтъ. Но даже на выпускныхъ публичныхъ экзаменахъ на мѣщанской половинѣ Императрица не присутствовала, а изъ публики, кромѣ родителей и родственниковъ выходящихъ, приглашались не знатныя особы, какъ это было на экзаменахъ въ дворянскихъ институтахъ, а высшее духовенство. По распоряженію Императрицы, воспитанницы мѣщанской половины не допускались и на празднества, происходившія въ Обществѣ даже по такимъ случаямъ, какъ освященіе церкви или новаго дома.

Воспитанницъ дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома разрѣшалось возить, въ случаѣ надобности, въ наемныхъ каретахъ, и въ просьбѣ директриссы о присылкѣ придворныхъ каретъ Императрица отказала. Но она сдѣлала строгій выговоръ начальницѣ петербургскаго Екатерининскаго училища за то, что воспитанницъ повезли въ Смольный въ наемныхъ, а не придворныхъ каретахъ. „Мнѣ не нравится—писала Императрица,—чтобы воспитываемыхъ подъ моимъ покровительствомъ дѣвицъ возили по городу въ наемныхъ каретахъ" [2]). Когда въ 1812 году пришлось перевозить московскіе институты въ Казань и ихъ, за невозможностью достать нужное количество экипажей, увезли изъ Москвы въ телѣгахъ, Императрица пришла въ отчаяніе и негодованіе, которое и высказала въ письмѣ къ почетному опекуну московскихъ училищъ, М. Нелединскому-Мелецкому. „Какъ вы—писала она,—при тонкости вашихъ чувствъ, могли согласиться на жестокую мѣру—отпустить нашихъ дѣвицъ Института св. Екатерины, которыя всѣ дочери дворянъ, всѣ благородныя, на телѣгахъ? Такая мѣра по отношенію и къ Александровскому училищу печальна; но примѣнить ее къ воспитанницамъ Екатерининскаго Института—это нѣчто могущее привести въ отчаяніе; признаюсь вамъ, мой добрый Нелединскій, я объ этомъ горько плакала. Великій Боже! какое зрѣлище представилось столицѣ Имперіи, когда цвѣтъ дворянства увозили на телѣгахъ" [3])! Императрица винила начальницу въ томъ, что она не заявила формальнаго протеста противъ этого, также какъ и противъ отсылки всѣхъ учителей;

---

[1]) Письмо къ гр. Завадовскому отъ 28-го февр. 1803 г. (Арх. Восп. О. бл. дѣв.).

[2]) Письмо къ Брейткопфъ отъ 29-го авг. 1808 г. (Учр. по С.-Пет. уч. орд. св. Ек.).

[3]) Письмо отъ 26-го авг. 1812 г. Хроника недавней старины. Изъ Архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Петербургъ. 1876 г.

„вы, мой добрый Нелединскій,—продолжаетъ она въ своемъ письмѣ —на котораго дѣло было возложено, вы отправляете Институтъ безъ священника, безъ Инспектора классовъ, безъ учителей, даже безъ учителей иностранныхъ языковъ. Какъ это было возможно?" Не довольствуясь частнымъ письмомъ, Императрица написала Нелединскому оффиціальное, съ выговоромъ за его распоряженія.

Воспитанницъ дворянскихъ институтовъ Императрица баловала; она посылала имъ фрукты, лакомства, игрушки, дѣлала подарки на елку. Въ каждомъ почти ея письмѣ къ начальницамъ этихъ институтовъ есть ласковая приписка, относящаяся къ воспитанницамъ, и вообще проглядываетъ нѣжное къ нимъ чувство; но съ ними самими она не переписывалась, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, находясь въ отсутствіи во время выпусковъ, присылала всему выпускному классу письма, которыя хотя и были исполнены теплыхъ къ вступающимъ въ жизнь воспитанницамъ чувствъ, но имѣли въ то же время характеръ нравоученія и нѣкоторой оффиціальности. „Хотя я въ разлукѣ съ вами — писала Императрица изъ-за границы выпускаемымъ въ 1818 году изъ Общества,—мысли мои съ вами соприсутствуютъ въ сію важную минуту вашей жизни, когда вы готовитесь оставить мирное пристанище вашей юности. Я желаю еще разъ побесѣдовать съ вами черезъ сіи строки, такъ какъ съ предшественницами вашими бесѣдовала лично при подобныхъ случаяхъ, и я знаю, что обращаюсь къ сердцамъ открытымъ къ принятію и храненію наставленій, внушаемыхъ материнскими чувствами... Не бѣдность предосудительна, а постыдно неумѣнье переносить и облегчить оную честными средствами. Она паче служитъ похвалою, когда сопровождается добродѣтелью и трудолюбіемъ, изъ коихъ послѣднее служитъ твердымъ основаніемъ первой... Я увѣрена, что слова мои не изгладятся изъ вашей памяти, такъ какъ и напоминаніе о васъ сохранится въ моемъ сердцѣ. Пріимите въ послѣдній разъ благословеніе мое и теплѣйшія мои моленія о вашемъ благѣ. Прощайте! Да сохранитъ васъ Всевышній во всѣхъ путяхъ вашихъ!" [1])

Такія наставленія, притомъ еще изложенныя письменно, не могли производить на молодыхъ дѣвушекъ впечатлѣнія живого, сердечнаго слова, а должны были казаться имъ сочиненнымъ на данный случай нравоученіемъ. Но сама Императрица вѣрила въ силу подобныхъ наставленій, помня вѣроятно, какъ ей нравились и какое дѣйствіе на нее производили въ молодости наставленія,

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1819).

сочиненныя для нея ея воспитательницею, какъ она читала ихъ и переписывала, чтобы какъ можно больше насладиться ими. Поэтому, можетъ быть, Императрица установила обычай, чтобы, при раздачѣ наградъ выпускнымъ воспитанницамъ, имъ прочитывалась отъ ея имени однимъ изъ членовъ Совѣта рѣчь, въ которой Императрица напутствовала выходящихъ наставленіями; эти наставленія, уже заранѣе написанныя, вручались тутъ же старшей воспитанницѣ съ тѣмъ, „чтобы всѣ ихъ списали и читали, какъ можно чаще, а не для того—какъ выразился кн. Голицынъ,—чтобы они въ шкатулкѣ вашей были всегда заперты и сбережены“ [1]).

Первое наставленіе, послужившее образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ, было составлено въ 1802 году, по случаю перваго выпуска изъ петербургскаго училища св. Екатерины; оно написано по видимому на иностранномъ языкѣ, потомъ оформлено и переведено на русскій, лицомъ, надо думать, духовнаго званія, ибо исторія въ немъ названа „бытописаніемъ“, ариѳметика— „числословіемъ“ и т. п. Но судя по тому, что въ этомъ первомъ наставленіи изложены, мѣстами буквально, мысли, которыя Императрица постоянно высказывала въ многочисленныхъ своихъ инструкціяхъ начальницамъ разныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, есть основаніе предполагать, что первоначальный текстъ на иностранномъ языкѣ былъ сочиненъ самою Императрицею.

Это первое наставленіе очень длинно; впослѣдствіи оно излагалось воспитанницамъ короче; но, не смотря на его длинноту, мы приведемъ его почти цѣликомъ, ибо въ немъ обрисовывается характеръ воспитанія, также взгляды Императрицы на цѣли, которымъ должно было служить даваемое въ институтахъ образованіе. „Въ сей незабвенный для дѣвицъ день—говорится въ рѣчи, прочитанной при выпускѣ изъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины въ 1802 году — Ея Величество изволитъ изъявлять воспитанницамъ материнское наставленіе, дабы онѣ, будучи на своей волѣ, не совратились съ того истиннаго пути, который неусыпными попеченіями и благодѣяніями Ея Императорскаго Величества посредствомъ воспитанія возстановили, памятуя данныя имъ наставленія и употребляя для благоденствія ихъ труды и старанія ихъ Попечителей, Наставницъ и учителей, кои усердствовали въ просвѣщеніи ихъ ума и исправленія сердца и нравовъ. Ея Величество представляетъ имъ со всемилостивѣйшею благосклон-

[1]) Рѣчь кн. Голицына при выпускѣ изъ моск. Ек. уч. (Истор. зап. о моск. уч., стр. 53—55). Самая рѣчь была записана въ журналъ Совѣта училища (7-го марта 1807 года), „для соблюденія такого же порядка при будущихъ выпускахъ“.

ностью наступающее для нихъ время, въ которое онѣ должны произвесть въ дѣйствіе тѣ правила добродѣтели и благочестія, которыя въ душѣ ихъ вкоренить старались; и во всѣхъ связяхъ и отношеніяхъ, въ которыхъ онѣ по выпускѣ находиться будутъ, доказать на самомъ дѣлѣ, что нетщетно употребляли старанія къ образованію ихъ душъ и сердца; что вступятъ онѣ въ состояніе дочерей, супругъ и матерей; что предстоящія новыя должности ихъ возлагаются на нихъ сими отношеніями; и если примутъ онѣ къ руководству данныя имъ въ училищѣ наставленія о должности къ Богу, къ ближнему и къ самимъ себѣ, то найдутъ въ оныхъ всѣ правила къ точному исполненію сихъ новыхъ обязанностей, коимъ слѣдуя, будутъ онѣ въ званіи дочери послушны и почтительны къ своимъ родителямъ и къ тѣмъ, кто мѣсто оныхъ у нихъ заступитъ; будутъ въ званіи супругъ вѣрны, добродѣтельны, нѣжны, скромны, старательны о пользѣ и чести тѣхъ, съ коими соединятъ свою судьбу; будутъ попечительны о порядкѣ, благоустройствѣ и добромъ хозяйствѣ въ домахъ своихъ; въ званіи матери соединятъ горячность къ дѣтямъ своимъ и благоразумными попеченіями о будущемъ сихъ послѣднихъ благополучіи постараются вселить въ юныя ихъ сердца тѣже правила, кои запечатлѣны училищемъ въ ихъ собственныхъ во время младости и которыя составили собственное ихъ щастіе; во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ потщатся онѣ сыскать свое утѣшеніе и веселіе не индѣ, какъ въ самихъ себѣ и ближайшихъ имъ предметахъ, т.-е. въ спокойствіи души, въ удовольствіи своихъ родителей, въ любви и благополучіи своихъ супруговъ, въ благонравіи своихъ дѣтей. Наконецъ, увѣщеваетъ ихъ, чтобы не забыли онѣ, что умъ ихъ просвѣщенъ и полезными знаніями украшенъ не для того, дабы блистали онѣ суемудріемъ или воспользовались бы мнимою ученостью, или же чтобы насмѣхались надъ тѣми, которыя не имѣли щастія пользоваться толико же хорошимъ воспитаніемъ; но чтобъ онѣ, узнавъ могущество и благость Всевышняго, какъ въ душеспасительныхъ истинахъ христіанской вѣры, такъ и въ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ природы, благоговѣйнымъ удивленіемъ и любовью влекомы были къ усерднѣйшему исполненію Его заповѣдей; разумѣя, хотя слабо, связь вещей естественныхъ и видя всюду въ оныхъ благой Его промыселъ, удалялись отъ суевѣрія и полагали все упованіе свое на Провидѣніе; въ бытописаніяхъ выбирали бы себѣ примѣры кротости, цѣломудрія, терпѣнія и всякія добродѣтели; въ познаніяхъ о произведеніяхъ искусствъ и промыслахъ иныхъ странъ искали бы выгоднѣйшіе способы къ изображенію своихъ

хозяйственныхъ распоряженій; изъ числословія извлекали бы правила для содержанія своего домоводства и своихъ стараній въ надлежащемъ порядкѣ и ясности. Помнили бы, что онѣ обучены пріятнымъ искусствамъ и полезнымъ рукодѣліямъ не для того единственно, чтобы искать въ нихъ средства къ забавѣ въ праздности, или чтобы обратить оныя на предметы роскоши и суетной пышности; а дабы, украшая жизнь свою полѣзною дѣятельностію обратили бы искусство свое въ пользу бѣдныхъ родителей или родственниковъ, и поддерживали бы ихъ въ случаѣ нужды своими трудами; иліже обращали бъ оное въ пользу своего хозяйства и дѣтей, облегчая сими способами заботы супруга, о содержаніи ихъ пекущагося. Чтобы онѣ разсуждали, что есть-ли нынѣ неудастся принести пользу собственному ихъ семейству или составить щастіе супруга и дѣтей, то могутъ сдѣлаться полѣзными Обществу и ближнимъ, сообщая свои знанія и искусства малолѣтнимъ, наставляя ихъ въ правилахъ добродѣтели и благонравія и разлолажая такимъ образомъ плоды ими въ училищѣ собранныя. Чтобы онѣ были увѣрены, что въ какихъ бы связяхъ, въ какомъ бы положеніи имъ по выходѣ изъ училища быть ни случилось, онѣ въ полученномъ ими воспитаніи найдутъ способы всюду обрѣсти благополучіе, есть-ли неудалятся отъ правилъ благочестія и нравственности и что единственное отступленіе отъ сихъ правилъ можетъ ввергнуть ихъ въ нещастіе. При окончаніи Августѣйшаго своего наставленія и увѣщанія, изъявлять изволитъ имъ свое увѣреніе въ томъ, что Ея Императорское Величество не будетъ сожалѣть о томъ, что онѣ несутъ на себѣ званіе воспитанницъ Екатерининскаго училища" [1]).

Какъ жаль, что воспитанницамъ не читали и что онѣ не знали того, какъ сердечно говорила Императрица о нихъ въ своихъ письмахъ къ начальницамъ и какъ ярко въ этихъ письмахъ высказывалась ея любовь къ нимъ, ея дѣйствительно материнская заботливость о мельчайшихъ ихъ нуждахъ!

Озаботившись, съ первыхъ же лѣтъ своего управленія женскими учебными заведеніями, улучшеніемъ матеріальнаго положенія начальницъ, инспектриссъ и классныхъ дамъ, увеличеніемъ ихъ содержанія и обезпеченіемъ ихъ будущности пенсіею, Императрица личнымъ примѣромъ и всячески поощряла ихъ къ хорошему исполненію своихъ обязанностей; но за то она и требовала отъ нихъ почти невозможнаго. Императрица хотѣла, чтобы онѣ были дѣйствительно матерями воспитанницамъ, вникая во всѣ

[1]) Утр. С.-Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII. Журналъ Совѣта 24-го апр. 1802 г.

ихъ нужды и вселяя имъ безграничное къ себѣ довѣріе, чтобы онѣ всецѣло отдались заведенію. Вотъ какъ она понимала ихъ обязанности: въ инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества 1802 года сказано: „она (начальница) должна, такъ сказать, сдѣлаться матерью для всѣхъ... надо, чтобы всѣ принадлежащіе Дому (chaque être de la Maison) видѣли и были убѣждены, что начальница исключительно занята исполненіемъ своихъ обязанностей и что, занимая это высокое мѣсто, она дала обѣтъ посвятить всѣ свои нравственныя и физическія способности счастію каждой въ немъ находящейся личности“ [1]). По поводу просьбы начальницы московскаго Екатерининскаго училища, Перретъ, назначить ей помощницу, Императрица писала Брейткопфъ: „если г-жа Перретъ будетъ второю Брейткопфъ или Адлербергъ, то вся ея жизнь принадлежитъ Дому; она не знаетъ общества, не посѣщаетъ его, она вся отдалась заведенію, отказавшись отъ свѣта, и не нуждается въ помощницѣ, а только въ хорошихъ классныхъ дамахъ“ [2]). Сама Брейткопфъ, бывшая прежде классною дамою, рекомендуя такую даму для Екатерининскаго училища, говоритъ о ней Императрицѣ: „она охотно подчинится правиламъ, нѣсколько стѣснительнымъ для тѣхъ, кто не получилъ необходимаго намъ рода воспитанія, состоящаго въ томъ, чтобы полагать свою славу въ послушаніи, а свое счастіе въ точномъ исполненіи своихъ обязанностей, которыя тяжелы для невоодушевленныхъ любовью къ добродѣтели и страхомъ къ Богу“ [3]). Вообще, характеризуя ту или другую классную даму, Брейткопфъ обыкновенно выражалась: „elle a l'esprit de la Maison“, или: „elle n'a pas le goût de notre Maison“.

Императрица требовала отъ начальницъ и классныхъ дамъ, чтобы онѣ близко знали каждую воспитанницу, чтобы еженедѣльно представляли ей характеристики своего класса и чтобы особенно подробно и откровенно сообщали ей свѣдѣнія о воспитанницахъ старшаго класса, передъ выпускомъ. Когда одна изъ инспектриссъ Смольнаго, представивъ Императрицѣ характеристику нѣсколькихъ выходящихъ воспитанницъ, написала, что о другихъ ей нѣчего сказать, Императрица указала на это Адлербергъ, прибавивъ, что каждая классная дама должна вполнѣ хорошо знать всѣхъ ввѣренныхъ ей дѣтей, „а черезъ нея инспектрисса должна имѣть полныя свѣдѣнія о всемъ классѣ... Это не невозможное

---

[1]) Instruction pour Madame la Supérieure de la Communauté des demoiselles nobles. 11 janvier 1802 (*Лядовъ*. Истор. очеркъ 100 л. жизни. Приложеніе).

[2]) Письмо отъ 4-го мая 1806 г.

[3]) Письмо отъ 8-го іюня 1801 г.

требованіе—писала Императрица—а легкое... Особенно лѣтомъ, во время вакацій, классныя дамы должны ближе знакомиться съ воспитанницами и для этого больше разговаривать съ ними" [1]).

Къ начальницамъ Императрица относилась чрезвычайно хорошо и ласково. Адлербергъ, съ которою она переписывалась иногда и по-нѣмецки, Императрица называла „Mütterchen"; но это не мѣшало ей при случаѣ дѣлать Адлербергъ, какъ и другимъ начальницамъ, строгіе выговоры, всегда, впрочемъ, въ самой деликатной формѣ: „Вы знаете—писала она Адлербергъ,—какъ я васъ цѣню и люблю, но именно потому и говорю вамъ откровенно". Такой выговоръ былъ сдѣланъ однажды, когда Императрица узнала, что залу, гдѣ бываютъ родные воспитанницъ, по недѣлямъ не провѣтриваютъ и что тамъ ставятъ умершихъ отъ пятнистаго тифа (Fleckenfieber) [2]). Обыкновенно въ концѣ подобныхъ писемъ стояла приписка Императрицы: „не сердитесь, Mütterchen, что такъ говорю вамъ". Иногда она тонко давала замѣтить начальницѣ неумѣстность ея просьбы. Брейткопфъ, прося Императрицу ходатайствовать у великаго князя Константина Павловича о доставленіи мѣста въ Петербургѣ мужу учительницы рукодѣлія въ Екатерининскомъ институтѣ, писала, что у этой учительницы хорошій вкусъ; но если ея мужъ не получитъ просимаго мѣста, то она должна будетъ уѣхать съ нимъ въ провинцію. „Я еще не сообразила—пишетъ Императрица,—какимъ образомъ мнѣ удастся убѣдить великаго князя въ томъ, что хорошій вкусъ, отличающій работы нашихъ воспитанницъ, служитъ достаточной причиной для перемѣны въ назначеніи военнаго".

Во всѣхъ распоряженіяхъ Императрицы, касавшихся воспитанницъ, проглядываетъ—да она и прямо это высказывала—строгое сознаніе личной отвѣтственности за нихъ передъ родителями. Когда Брейткопфъ, не спросивъ ея разрѣшенія, позволила родителямъ одной воспитанницы оставить ее у себя дома сверхъ срока отпуска и написала Императрицѣ, что сдѣлала это потому, что воспитанницѣ приносятъ большую пользу морскія ванны, которыя она беретъ у родителей, Императрица отвѣтила: „взявъ на себя управленіе заведеніями, я должна имѣть возможность давать отчетъ о принадлежащихъ къ нимъ лицамъ, а это немыслимо, если начальствующіе будутъ имѣть власть разрѣшать имъ отлучаться по желанію" [3]).—„Мы должны давать точный отчетъ при отдачѣ дѣтей родителямъ"—не разъ повторяетъ она въ своихъ письмахъ.

---

[1]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1824 г.

[2]) Переписка по В. О. 1821 г.

[3]) Письмо отъ 20-го авг. 1807 г.

Императрица хотѣла, чтобы родители были убѣждены и въ томъ, что въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются ихъ дѣти, руководствуются одинаковою ко всѣмъ воспитанницамъ справедливостью. Постановивъ правиломъ не давать наградъ тѣмъ, которыя остались въ институтѣ послѣ выпуска еще на три года, а слѣдовательно два раза прошли курсъ старшаго класса, Императрица писала начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища, Шевцовой: „Вы увидите, что мною руководитъ только справедливость; надо быть справедливыми и строго соблюдать ее въ Институтѣ для того, чтобы закрѣпить довѣріе родителей“ [1]). Такъ же она относилась къ тому, чтобы при присужденіи наградъ воспитанницамъ не дѣлали предпочтенія пенсіонеркамъ передъ казенными. „Зачѣмъ среди наградныхъ—писала она князю Голицыну—нѣтъ штатныхъ воспитанницъ? Могутъ сдѣлать упрекъ, что на штатныхъ обращаютъ меньше вниманія. Здѣсь такъ говорили, когда то же случилось въ петербургскомъ училищѣ, и теперь первый шифръ получаетъ штатная“ [2]).

Сознаніе отвѣтственности передъ родителями высказывалось Императрицею съ особенной силою и трогательностью въ случаяхъ болѣзни и смерти дѣтей, на которыхъ она смотрѣла какъ на ввѣренныхъ лично ей самой. Случаи смерти глубоко огорчали Императрицу, и какъ ни старалась Адлербергъ объяснить причину частыхъ смертныхъ случаевъ въ Смольномъ тѣмъ, что, не смотря на докторскій осмотръ, многія дѣти поступаютъ очень слабыми, Императрица на этомъ не успокаивалась. Надо читать ея письма къ начальницамъ о больныхъ дѣтяхъ, чтобы убѣдиться, какъ горячо она принимала къ сердцу болѣзни и смерть дѣтей. О каждой больной она требовала самыхъ подробныхъ свѣдѣній изо дня въ день, и при этомъ не удовлетворялась какимъ-нибудь неяснымъ обозначеніемъ болѣзни, въ родѣ „больна ушибомъ“, а допытывалась причины и точнаго опредѣленія ея. Причину смерти одной воспитанницы ей объяснили тѣмъ, что эта воспитанница танцовала и потомъ выпила нѣсколько стакановъ воды. „Кто ей могъ дать ее?—пишетъ Императрица—что же смотрѣли классныя дамы?“ Если была надежда на выздоровленіе больной, Императрица старалась доставить ей всевозможныя утѣшенія, всячески ободрить ее, приказывала узнавать, не желаетъ ли чего-нибудь больная, и иногда сама исполняла ея желанія. Письма Императрицы о больныхъ воспитанницахъ иногда читали имъ, желая доставить этимъ

[1]) Recueil. 1 livr. Письмо отъ 13-го февр. 1823 г.
[2]) Recueil. 2 livr. Письмо отъ 31-го янв. 1825 г.

удовольствіе. Въ случаѣ ожиданія смерти больной, Императрица приказывала дѣлать все, что могло облегчить послѣднія ея минуты.

При всякомъ извѣстіи о смерти воспитанницы, Императрица глубоко и искренно огорчалась: „Мы очень несчастны въ этомъ году — обыкновенно писала она въ такихъ случаяхъ начальницѣ;—Богъ знаетъ, не слѣдствіе ли это недостаточности нашихъ заботъ о дѣтяхъ"; или: „будемъ молиться Богу, чтобы Онъ умилостивился надъ нами".—„Увѣряю васъ —писала она Брейткопфъ,—что всякій разъ, какъ вы мнѣ говорите, что нашъ добрый Крейтонъ (лейбъ-медикъ, котораго Императрица посылала къ трудно-больнымъ воспитанницамъ) находитъ, что мы дѣлаемъ все, что только возможно для спасенія нашихъ больныхъ, у меня становится легче на сердцѣ". Узнавъ о смерти разомъ двухъ воспитанницъ Екатерининскаго института, она пишетъ начальницѣ: „Какое жестокое извѣстіе вы мнѣ сообщили! до сегодняшняго дня Небо щадило меня отъ подобныхъ испытаній; да возьметъ насъ всѣхъ Провидѣніе подъ свое покровительство и да пощадитъ Оно меня отъ такихъ горькихъ испытаній. Гдѣ родители этихъ бѣдныхъ дѣтей?"

Забота облегчить горе родителей послѣ смерти дочери всегда была первою мыслью Императрицы. Не смотря на увѣренія ея личнаго доктора, что умершую лечили хорошо, Императрица часто, съ согласія родителей, приказывала вскрыть тѣло умершей, чтобы въ этомъ не оставалось сомнѣній. И дѣйствительно для леченія больныхъ, на сколько можно заключать изъ сообщеній начальницъ, прибѣгали ко всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ средствамъ, существовавшимъ тогда въ медицинѣ. Больнымъ дѣлали ванны изъ водки, ванны молочныя, призывали, съ согласія Императрицы, женщину, которая „чудесно лечитъ золотуху"; для оживленія обмершихъ, имъ дѣлали вспрыскиванія изъ табаку. Императрица иногда сама списывала и присылала рецепты. Вотъ одинъ изъ такихъ рецептовъ отъ коклюша: „мелко срубить чеснокъ, потомъ столочь въ ступкѣ и смѣшать съ свѣжимъ масломъ, не соленымъ, сдѣлать мазь, которую намазать на холстъ и положить на день и на ночь между плечъ на спину и на подошвы" [1]). Въ другой разъ она предложила начальницѣ московскаго Екатерининскаго института давать больной воспитанницѣ ослиное молоко. Для предупрежденія болѣзней Императрица приказала, чтобы служанки спрашивали всякій вечеръ

[1]) Письмо къ Брейткопфъ отъ 11-го сент. 1808 г.

у каждой воспитанницы своего дортуара: не болитъ ли у нея голова, не чувствуетъ ли она недомоганія, вообще все ли у нея въ порядкѣ; въ случаѣ еслибы отъ какой-нибудь воспитанницы получился неудовлетворительный отвѣтъ, о немъ служанка должна была сказать классной дамѣ; еслибы два дня сряду получался такой же отвѣтъ, классная дама обязана была переговорить сама съ воспитанницей и затѣмъ передать все доктору. Точно также служанкамъ было предписано замѣчать перемѣны въ расположеніи духа той или другой воспитанницы [1]).

Согласно господствовавшему тогда въ медицинѣ взгляду, Императрица также была склонна приписывать бо́льшую часть болѣзней простудѣ; но она понимала и необходимость для дѣтей хорошей пищи, хорошаго воздуха и достаточнаго движенія.

Пища воспитанницъ составляла предметъ самыхъ настойчивыхъ и постоянныхъ заботъ Императрицы. Она просматривала меню́, которыя, по ея требованію, еженедѣльно посылались ей начальницами всѣхъ институтовъ, и почти во всякомъ своемъ письмѣ къ нимъ дѣлала свои замѣчанія, желая, чтобы воспитанницъ кормили не только достаточно сытно и чтобы припасы были доброкачественны, но чтобы пища была и разнообразная. По этимъ мѣстамъ ея писемъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ тогда кормили въ институтахъ. Къ этому предмету своихъ заботъ Императрица относилась строго и сама писала Адлербергъ: „какъ бы я ни была къ вамъ расположена, но когда дѣло идетъ о пищѣ воспитанницъ, то не могу этого такъ оставить“, и почти во всякомъ письмѣ, сравнивая меню́ одного института съ другими, она дѣлала вопросы и замѣчанія начальницамъ, особенно о постномъ столѣ, который сначала давался воспитанницамъ два раза въ недѣлю, кромѣ установленныхъ постовъ. Впрочемъ Императрица сдѣлала въ этомъ отношеніи облегченіе сначала для „новенькихъ“, а потомъ и для всѣхъ воспитанницъ, отмѣнивъ постную пищу въ обыкновенное время, а во время постовъ разрѣшила давать рыбу. „Зачѣмъ — пишетъ она Адлербергъ — въ обѣдѣ воспитанницъ габеръ-супъ съ изюмомъ, а на второе блюдо вареный черносливъ [2])?.. зачѣмъ два дня сряду одно и то же кушанье?.. зачѣмъ два, а не три кушанья за обѣдомъ?.. зачѣмъ картофель за обѣдомъ?.. надѣюсь — прибавляетъ она, — что дали прошлогодній, ибо молодой еще вреденъ“ [3]).

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1826).

[2]) На это Адлербергъ отвѣтила, что вмѣсто вареннаго чернослива дали хлѣбъ съ масломъ.

[3]) Письмо отъ 9-го авг. 1807 г.

...Что за странный ужинъ—пишетъ она въ другой разъ—только тартинки съ двумя сортами мяса!.. зачѣмъ даютъ грибы, отъ нихъ дѣлается разстройство желудка... зачѣмъ такъ часто даютъ сухіе фрукты въ постные дни?“ [1])...

Какъ можно заключить по одному изъ писемъ Брейткопфъ, воспитанницамъ Екатерининскаго института давалось жаркое только по воскресеньямъ и праздникамъ; но, должно быть, въ остальные дни подавалось вареное мясо, потому что въ одномъ изъ своихъ писемъ Императрица дѣлаетъ замѣчаніе, что „супъ варится слишкомъ долго, 10 часовъ, до тѣхъ поръ, пока кости становятся мягкими“. На каждую воспитанницу полагалось 1/2 ф. говядины, а на классную даму по 1 ф. [2]). Въ Смольномъ монастырѣ столъ обходился постомъ менѣе 20 коп. на человѣка, а въ Екатерининскомъ—болѣе 25-ти, и на это Императрица указала Брейткопфъ, говоря, что „ничего не надо жалѣть для здоровья дѣтей, но необходимо соблюдать аккуратность въ счетахъ“.

Она поручила доктору наблюдать за лазаретнымъ столомъ воспитанницъ, и когда однажды докторъ Екатерининскаго института въ своемъ „рапортѣ“ отмѣтилъ, что супъ „порядочный“ (ziemlich gut), Императрица написала, что супъ долженъ быть всегда „очень хорошъ, въ особенности для больныхъ“. Точно также Императрица сдѣлала выговоръ Брейткопфъ, узнавъ изъ донесенія доктора, что поданное воспитанницамъ пирожное было дурно испечено. По ея приказанію была увеличена порція хлѣба въ лазаретахъ. Вообще всѣ мелочи стола воспитанницъ обращали на себя вниманіе Императрицы, которая посылала иногда въ институты, преимущественно въ Смольный и Екатерининскій, такія принадлежности стола, которыя вѣроятно не полагались въ институтскомъ бюджетѣ: сарептскую горчицу, пирожки, яблоки, и однажды была очень недовольна, что все ею присланное отдали однѣмъ классымъ дамамъ. „Это послано—писала Императрица —для воспитанницъ вмѣстѣ съ классными дамами“ [3]).

Когда въ 1812 году Адлербергъ написала Императрицѣ, что воспитанницы отказались отъ бѣлаго хлѣба на все время, пока будетъ продолжаться война, Императрица велѣла поблагодарить воспитанницъ, но прежде спросить доктора,—можно ли лишить ихъ бѣлаго хлѣба.

Она часто напоминала начальницамъ, чтобы дѣти не были скучены въ дортуарахъ, чтобы комнаты достаточно провѣтри-

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек.

[2]) Письмо Брейткопфъ отъ 13-го марта 1807 г.

[3]) Переписка по Восп. Общ. 1816 г.

вались, чтобы дѣтей водили гулять въ садъ или на дворъ, а въ случаѣ дурной погоды, чтобы они дѣлали движенiе въ комнатахъ; она требовала, чтобы лѣтомъ имъ давали меньше сидячихъ занятiй. Когда зимой увеличилось число больныхъ въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, Императрица писала начальницѣ: „Это конечно очень жаль; но вамъ нечего пугаться и въ особенности не приписывайте этого прогулкамъ въ хорошую, хотя бы и холодную погоду".

Только одного рода болѣзней Императрица не допускала у воспитанницъ и относилась къ такимъ болѣзнямъ даже строго: это болѣзнь нервами. „Я съ сожалѣнiемъ вижу — пишетъ она начальницѣ московскаго Екатерининскаго института, — что Текутьева (воспитанница) все еще нездорова; но, главное, мнѣ не нравится родъ ея болѣзни: молодая дѣвушка не должна страдать нервами, болѣзнью, которая не допускается ни въ одномъ изъ здѣшнихъ институтовъ, гдѣ, поэтому, ея и не бываетъ. Эта болѣзнь требуетъ, чтобы вы рѣшительно и твердо объяснили Текутьевой, что такая болѣзнь не можетъ быть терпима въ институтѣ, что если она въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь огорчена, то должна имѣть на столько къ вамъ довѣрiя, чтобы сказать причину своего горя, а вы конечно постараетесь ее утѣшить; но ей не слѣдуетъ предаваться воображенiю до такой степени, чтобы отъ этого страдало ея здоровье. Прошу васъ поговорить съ ней объ этомъ очень серьезно, чтобы пресѣчь зло у корня". Въ припискѣ къ этому письму, Императрица собственноручно продолжаетъ: „Слава Богу, у насъ, моя дорогая Пѣвцова, эта болѣзнь неизвѣстна и нетерпима; правда должна имѣть доступъ къ молодымъ, хорошо воспитаннымъ дѣвушкамъ, а воображенiе—сдерживаться въ должныхъ границахъ; полное довѣрiе къ вамъ, которая съумѣетъ дать имъ совѣтъ, участливо отнестись къ ихъ огорченiямъ, склонить ихъ прибѣгнуть, если это въ данномъ случаѣ требуется, къ молитвѣ, все это должно успокаивать ихъ. Еслибы у насъ замѣтили наклонность къ болѣзни нервовъ у какой-нибудь изъ нашихъ молодыхъ головокъ, это повлекло бы за собою исключенiе ея; слава Богу, одна мысль о возможности этого служитъ лекарствомъ, которое намъ всегда удавалось" [1]).

А между тѣмъ тоска по дому, по своимъ, это чувство столь знакомое большинству дѣвочекъ въ институтахъ, особенно тѣмъ, родители которыхъ, привезя дочь, сами уѣзжали изъ города, гдѣ

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 30-го окт. 1827.

ихъ оставили, это весьма естественное и понятное чувство и было часто причиною „болѣзни нервами“ институтокъ. Бывали случаи даже смерти между ними отъ тоски по родному дому. Однажды только-что привезенная отцомъ въ Екатерининскій институтъ „новенькая“ выскочила въ окно и пошла къ отцу, чтобы еще разъ увидѣть его. Когда отецъ привелъ ее обратно, она объяснила свой поступокъ тѣмъ, что не могла заснуть всю ночь отъ тоски. Императрица, успокоенная Брейткопфъ тѣмъ, что никто не успѣлъ узнать о случившемся, велѣла принять мѣры, чтобы слухъ объ этомъ не проникъ въ публику. Этимъ дѣло и кончилось; но вообще Императрица, по видимому, не допускала мысли, чтобы можно было сильно грустить въ институтѣ.

Кромѣ тоски по дому и самая институтская жизнь могла порождать болѣзнь нервами. Какъ бы ни старались начальницы, инспектриссы и классныя дамы исполнить желаніе Императрицы замѣнять воспитанницамъ мать,—на дѣлѣ этого быть не могло, по крайней мѣрѣ по отношенію ко всѣмъ воспитанницамъ. У начальствующихъ лицъ были свои любимыя и нелюбимыя; и въ число первыхъ попадали большею частью чѣмъ-нибудь выдающіяся воспитанницы: или красивою внѣшностью, или знатныя, или отличавшіяся талантами, или наконецъ такія, которыя умѣли поддѣлаться къ нимъ; такихъ институтки называли „подольстихами“. Рѣдко въ „отлички“—какъ мѣтко подруги называли любимицъ—попадалась дѣйствительно хорошая дѣвочка, ибо открытый, живой, правдивый характеръ часто долженъ былъ проявляться нарушеніемъ институтской дисциплины. Такимъ образомъ большинство дѣвочекъ, при отчужденности отъ своей семьи, жили въ институтѣ не согрѣваемыя теплымъ чувствомъ, видя вокругъ себя сухое, формальное отношеніе со стороны начальствующихъ лицъ. И для собственнаго ихъ чувства не было простора при институтской дисциплинѣ, по которой весь день долженъ былъ проходить по разъ на всегда установленному, чинному порядку, отступленіе отъ котораго даже въ такихъ мелочахъ, какъ разговоръ во время попарнаго шествія въ классы или столовую, вызывалъ выговоры и наказанія. Не мудрено, что у институтокъ создавался свой собственный внутренній міръ, проявлявшійся въ такихъ ненормальностяхъ, которыя налагали свой отпечатокъ нерѣдко на всю жизнь дѣвушки.

Начальницы, конечно, знали и понимали это, но, понятно, не сообщали Императрицѣ; а она, дѣйствительно прилагавшая самую горячую заботливость о томъ, чтобы институтъ замѣнялъ дѣтямъ семью, и поэтому, можетъ быть, вѣрившая въ возможность такой замѣны, не могла себѣ и представить, чтобы кто-нибудь изъ вос-

питанницъ чувствовала себя нехорошо въ институтѣ. Она такъ ревниво къ этому относилась, что очень оскорбилась, когда отецъ одной больной дѣвочки, прося отдать ее ему, назвалъ ее „несчастною“. Заблужденіе Императрицы въ этомъ отношеніи проистекало изъ горячей любви къ своимъ учрежденіямъ и имѣло источникомъ искреннее, не подлежащее сомнѣнію, желаніе сдѣлать воспитанницъ какъ можно болѣе счастливыми.

Примѣръ Императрицы долженъ былъ бы вліять на такое же отношеніе къ воспитанницамъ начальницъ, инспектриссъ и классныхъ дамъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ личнаго примѣра, Императрица, можно сказать, учила ихъ въ своихъ письмахъ: „продолжайте—писала она Пѣвцовой—сообщать мнѣ откровенно и не колеблясь всѣ замѣчанія, которыя придутъ вамъ на умъ для усовершенствованія воспитанія нашихъ дѣтей, и я буду отвѣчать вамъ всегда съ тою же откровенностью, все равно—одобряю ли вашу точку зрѣнія, или смотрю иначе: обсуждая вмѣстѣ, съ единственною цѣлью блага нашихъ воспитанницъ, мы найдемъ истину, которую ищемъ, вы и я, совершенно искренно“. И въ другомъ письмѣ: „еслибы я не раздѣляла вашего мнѣнія, я всегда буду вамъ благодарна за то, что вы откровенно высказываете мнѣ вашъ взглядъ и ваше пониманіе дѣла“ [1]).

Къ сожалѣнію, свидѣтельствъ объ этомъ времени со стороны самихъ бывшихъ воспитанницъ въ нашей литературѣ нѣтъ. По всей вѣроятности, уже тогда—нѣкоторыя по крайней мѣрѣ—начальницы пріобрѣли тотъ оттѣнокъ „дидактическій или правоучительный“... тотъ „покровительственный видъ“, о которомъ говоритъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ запискахъ, относящихся къ тридцатымъ годамъ [2]). Изъ писемъ же и донесеній самихъ начальницъ Императрицѣ, не видно, какъ онѣ относились къ воспитанницамъ, и внушали ли имъ столько къ себѣ довѣрія, чтобы тѣ обращались къ нимъ со всѣми своими нуждами, чего желала Императрица. Вообще въ этихъ письмахъ попадаются иногда довольно полныя характеристики нѣкоторыхъ отдѣльныхъ воспитанницъ, но сообщается очень мало подробностей личной, внутренней жизни институтокъ. Для примѣра приведемъ одну изъ характеристикъ мѣщанской воспитанницы Воспитательнаго Общества: „Воспитанница NN—пишетъ инспектрисса мѣщанскаго училища—характера мало общительнаго; иногда въ ней замѣтно упрямство, полная неспособность къ ученію. Манеры и вся внѣшность не въ ея пользу; она можетъ

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письма отъ 30-го ноября 1826 г. и 21-го февр. 1828 г.

[2]) „Р. Арх.“ 1872, 7 и 8. Записки графини А. Д. Блудовой, 1234.

быть употребляема для рукодѣлій. Впрочемъ не порочна“ [1]). Объ одной изъ воспитанницъ Екатерининскаго училища—Брейткопфъ сообщаетъ такія странныя свѣдѣнія: „Мунтенъ (фамилія воспитанницы)—геній (est un génie); ея несчастіе въ томъ, что она два раза, во время своего пребыванія въ институтѣ, теряла разсудокъ; это препятствовало намъ уничтожить совершенно ея недостатки — тщеславіе и небрежность; она была такъ впечатлительна, что для сохраненія ей разсудка надо было поступать относительно ея очень осторожно“ [2]).

Рѣдко въ донесеніяхъ начальницъ попадаются разсказы о дѣтской жизни маленькихъ воспитанницъ, а если они и бывали, то касались внѣшнихъ событій этой жизни, въ родѣ того, что такую-то дѣвочку укусила собака или что для сохраненія времени, дѣтей пріучили вязать чулки повторяя уроки, и что дѣти такъ къ этому привыкли, что повторяютъ уроки съ меньшимъ удовольствіемъ, когда у нихъ нѣтъ чулка въ рукахъ. Еще въ первые годы управленія Императрицы Обществомъ, при начальницѣ Пальменбахъ, сообщались Императрицѣ живые разсказы изъ дѣтскаго міра воспитанницъ. Какъ признакъ добраго сердца одной изъ нихъ, инспектрисса донесла, что эта дѣвочка отрѣзала кусочекъ отъ своего одѣяла, чтобы прикрыть имъ свою куклу, у которой—сказала она—до тѣхъ поръ только и было изъ одежды, что юбка изъ бумаги [3]).

За то начальницы часто въ своихъ донесеніяхъ говорили, можетъ быть зная, что это пріятно Императрицѣ, о внѣшнихъ качествахъ воспитанницъ. Брейткопфъ, обладавшая, по видимому, больше всѣхъ другихъ начальницъ педагогическимъ тактомъ, тѣмъ не менѣе не упускала случая упомянуть о произведенномъ тою или другою воспитанницею на другихъ впечатлѣніи. Описывая собраніе (assemblée) въ Екатерининскомъ институтѣ, она говоритъ, что собраніе было блестящее, что присутствовавшія на немъ графиня Тизенгаузенъ, три фрейлины и много дамъ высшаго круга, при видѣ множества хорошенькихъ воспитанницъ, спросили ее, не нарочно ли ихъ подобрали, что всѣ вынесли такое мнѣніе, что „хорошія манеры, ставшія рѣдкостью въ обществѣ, водворились въ институтѣ“ [4]). На замѣчаніе Брейткопфъ о томъ, что между вновь принятыми въ институтъ штатными воспитанницами нѣтъ хорошенькихъ, что въ ихъ манерахъ и отвѣтахъ отражается пренебреженіе, въ которомъ онѣ до сихъ поръ жили, Императрица

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1828).

[2]) Переписка по С.-Пет. уч. орд. св. Ек. 1808.

[3]) Учр. по В. О. 1797—1828 (1798).

[4]) Письма отъ 1-го и 10-го авг. 1811 г.

выразила надежду, что хотя онѣ и некрасивы, но Брейткопфъ сдѣлаетъ ихъ хорошими, приносящими честь институту.

Полагаясь на сужденія начальницъ и основываясь на представляемыхъ ими характеристикахъ лучшихъ воспитанницъ, Императрица составляла себѣ мнѣніе, которому ей хотѣлось вѣрить, что институтское воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ лучше частнаго и домашняго. „Наши дѣвицы — писала она Адлербергъ — выходятъ съ лучшими правилами изъ нашихъ рукъ. Дай Богъ, чтобы это всегда такъ было [1])!“ Начальницы, по видимому, раздѣляли это мнѣніе: ...„смѣю надѣяться — писала Брейткопфъ — о выходящихъ, что Богъ благословитъ ихъ вступленіе въ свѣтъ, куда онѣ приносятъ надлежащую подготовку и рѣшимость идти по узкому пути правды“ [2]). Если же случалось что-нибудь, не оправдывавшее такого мнѣнія, Императрица сильно огорчалась. Однажды Адлербергъ сообщила ей, что за одну изъ воспитанницъ благородной половины Общества, баронессу фонъ-Бюловъ, сватается камердинеръ и что она дала свое согласіе. Императрица разсердилась и поручила своему секретарю Вилламову спросить баронессу — по волѣ ли она идетъ за камердинера, „что весьма удивительно“. Вилламовъ доложилъ, что начальница, въ присутствіи инспектриссъ, спросила фонъ-Бюловъ: „что заставило ее сдѣлать такой унизительный шагъ?“, прибавивъ, что Императрица очень удивлена и недовольна тѣмъ, что „дѣвица, получившая такое воспитаніе, могла такъ забыться“... „Со слезами на глазахъ — доносилъ Вилламовъ — фонъ-Бюловъ отвѣтила, что согласилась на предложеніе камердинера по неопытности, но узнавъ теперь взглядъ на ея поступокъ Императрицы, а также, что такимъ поступкомъ она поступаетъ противъ началъ полученнаго ею воспитанія, она раскаявается и беретъ назадъ данное камердинеру слово“ [3]).

Императрица такъ оберегала воспитанницъ отъ преждевременнаго знанія жизни, что никогда не соглашалась на помѣщеніе въ институты незаконнорожденныхъ дѣтей. „Я не хочу — писала она Брейткопфъ, — чтобы у воспитанницы института могла явиться даже мысль о какомъ-либо иномъ рожденіи или родствѣ, кромѣ общаго всѣмъ“ [4]).

Подъ конецъ своей жизни Императрица, продолжая, можетъ быть, вѣрить въ то, что институтское воспитаніе, которое при ней

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1824).
[2]) Письмо отъ 19-го февр. 1805 г.
[3]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1804.
[4]) Письмо отъ 14-го марта 1805 г.

оканчивалось въ 16—17 лѣтъ, можетъ привить дѣвушкѣ твердыя и прочныя, на всю жизнь, нравственныя правила, относилась уже спокойнѣе къ такимъ даже случаямъ, какъ похищеніе сыномъ начальницы московскаго Екатерининскаго института воспитанницы этого института.

По поводу этого „печальнаго сюжета", какъ выразилась Императрица въ письмѣ къ начальницѣ, она не обнаружила того негодованія, какое вызвало бы въ ней подобное событіе въ болѣе ранніе годы ея управленія институтами, и къ самой начальницѣ отнеслась снисходительно... „Могу повторить — писала Императрица—только то, что уже сказала раньше: не могу снять съ васъ отвѣтственности въ отсутствіи съ вашей стороны осторожности... однако я испытала, читая ваше донесеніе, одно утѣшительное чувство, а именно, что вы предупреждали княгиню Голицыну о привязанности вашего сына къ ея любимицѣ и что съ этой стороны вы исполнили свою обязанность Она сама мнѣ это подтвердила, прибавивъ, что и молодая дѣвушка ей писала, прося взять ее изъ Института. Осторожнѣе было бы съ вашей стороны, еслибы вы тотчасъ, какъ только замѣтили взаимную склонность молодыхъ людей, помѣшали всякимъ между ними свиданіямъ, и, стало быть, отняли бы у нихъ возможность сговориться. Увѣдомьте меня, какъ это имъ удалось устроить свой побѣгъ такъ, что ни ваши дочери — подруги дѣвицы Агреневой, ни кто-либо въ Домѣ, ничего и не заподозрилъ. Что касается брака, я не могу раздѣлять вашу точку зрѣнія на него. Конечно, онъ снимаетъ отчасти то, что было преступнаго въ этомъ дѣлѣ, но онъ его не оправдываетъ; скандалъ похищенія остается, и союзъ, заключенный такимъ неправильнымъ путемъ, не можетъ ни разрушить неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго, конечно, этимъ грустнымъ событіемъ на публику, ни отвратить отъ вашего сына послѣдствій его поступка, которымъ онъ провинился и передъ Домомъ, которому была ввѣрена молодая особа и начальницею котораго состоитъ его мать, и передъ своимъ начальствомъ, безъ дозволенія котораго онъ не могъ жениться... Какъ ни велико милосердіе государя, на которое, конечно, вы должны возлагать свое упованіе, вы не можете не признать вашего сына виновнымъ. Хотя государь извѣщенъ объ этомъ скандалѣ, онъ предоставляетъ дѣло законному его теченію, и если справедливость предписываетъ ему, какъ законъ, наказывать подобныя нарушенія, которыми оскорблено столько условій, милосердіе его даетъ вамъ право надѣяться, что онъ соизволитъ смягчить наказаніе. Главное въ томъ, чтобы наши воспитанницы не видали при-

мѣра подобнаго увлеченія, и, не желая, конечно, стѣснять васъ въ вашихъ чувствахъ къ виновнымъ, я должна, однако, требовать, чтобы вы навсегда запретили появленіе въ Институтѣ обоимъ супругамъ. Но такъ какъ уже больше невозможно скрыть отъ воспитанницъ этого непріятнаго происшествія, то надо обратить его имъ на пользу и заставить ихъ глубоко почувствовать, къ чему можетъ привести малѣйшее уклоненіе отъ запечатлѣнныхъ въ нихъ строгихъ правилъ нравственности; какъ существенно важно для нихъ глубоко проникнуться этими правилами и всегда ими руководствоваться не только въ своихъ дѣйствіяхъ, но даже въ своихъ мысляхъ. Въ этомъ я разсчитываю на вашу заботливость о нашихъ воспитанницахъ и увѣрена, что вы удвоите старанія, заботы и бдительность для того, чтобы отвратить отъ себя дѣйствіе впечатлѣнія, которое могло быть произведено на публику, и чтобы вновь укрѣпить ея довѣріе. Искренно желаю успѣха вашимъ стараніямъ“ [1]).

Убѣжденіе въ прочности привитыхъ институтскимъ воспитаніемъ правилъ нравственности 16—17-ти-лѣтнимъ дѣвушкамъ должно было въ корнѣ подрываться въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанницы уже послѣ выпуска изъ института не оправдывали такого убѣжденія и начальницы слагали съ себя отвѣтственность, виня во всемъ родителей дѣвушки. „Наши воспитанницы—писала Адлербергъ,—оставшись безъ надзора, очень часто преступаютъ границы порядочности и женственной нѣжности, особенно если попадаютъ въ руки безнравственныхъ родителей. Но нельзя въ этомъ упрекать Воспитательное Общество и его воспитаніе“ [2]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Брейткопфъ, Императрица разсказываетъ, что одна изъ бывшихъ воспитанницъ Екатерининскаго училища бросилась передъ нею на колѣни, когда она садилась въ карету, и подала ей просьбу о томъ, чтобы Императрица дала ей мѣсто камеръ-юнгферы. По этому случаю Императрица пишетъ Брейткопфъ: „я была удивлена и огорчена тѣмъ, что воспитанница училища могла до такой степени забыть правила скромности и осмотрительности, которыя были ей внушены... Мнѣ хотѣлось скрыть отъ присутствовавшихъ при этой сценѣ, что это—бывшая воспитанница Института... Призовите ее къ себѣ и внушите ей, насколько такой поступокъ неприличенъ для хорошо воспитанной дѣвицы... скажите ей, что дѣлать публичную сцену несовмѣстно съ скромностью, которая служитъ

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 16-го апр. 1828 г.

[2]) Переписка по В. О. бл. дѣв. 1828.

лучшимъ украшеніемъ ея пола, и что, наконецъ, мѣста горничной (femme de chambre) не просятъ, а ждутъ, чтобы его предложили... скажите, что она не должна отступать отъ правилъ, лежащихъ въ основѣ воспитанія, получаемаго дѣвицами въ Институтахъ". Въ отвѣтъ на это, Брейткопфъ написала Императрицѣ, что всегда боялась за эту дѣвицу, „у которой нѣтъ благоразумной матери"; что этой матери всегда хотѣлось приблизить свою дочь къ государынѣ, и объ этомъ она просила и ее; но она, Брейткопфъ, была противъ, ибо дочь, бывшая воспитанница, „принесла съ собой въ Институтъ легкомысленный характеръ, который и сохранила во все время своего пребыванія въ заведеніи; она была изъ тѣхъ, которыя стоили намъ наибольшаго труда... Удовлетвореніе, которое она, наконецъ, стала намъ давать, не успокоивало насъ, ибо мы знали, что по выпускѣ она возвратится къ неосторожной и легкомысленной матери, до сихъ поръ пропитанной суетными вкусами" [1]).

Еще въ 1802 году Совѣтъ Воспитательнаго Общества представлялъ Императрицѣ, что требованіе отъ родителей обязательства не брать своихъ дѣтей до окончанія ими полнаго курса ученія было обусловлено уставомъ потому, что при учрежденіи Общества господствовало предубѣжденіе противъ новаго воспитанія и немногіе родители соглашались отдавать дочерей въ Общество; но что теперь столько желающихъ, что не находится для всѣхъ мѣста. Императрица не соглашалась сначала на отмѣну этого правила; когда же въ 1797 году родители одной больной дѣвочки просили Совѣтъ Общества отдать имъ дочь, бывшую ихъ пенсіонеркой, Императрица послала своего лейбъ-медика осмотрѣть больную; а когда и онъ призналъ ее такою, —согласилась на отдачу ея родителямъ, но внесла свои деньги за все время, на которое дѣвочка была отдана въ Общество. Потомъ, когда число желающихъ отдавать своихъ дочерей въ институты сильно увеличилось, Императрица стала смотрѣть на пріемъ дѣтей на штатныя вакансіи какъ на награду за заслуги родителей. Дочерей умершаго генерала отъ инфантеріи, князя Багратіона, бывшихъ его пенсіонерками, она велѣла перевести въ комплектныя, „въ уваженіе къ отличнымъ заслугамъ отца". Подобные случаи бывали довольно часто, особенно по отношенію къ дѣвушкамъ, принадлежавшимъ къ знатнымъ фамиліямъ; ихъ и принимали пенсіонерками, часто и не „по лѣтамъ", отдавая подъ надзоръ одной изъ инспектриссъ, съ обѣщаніемъ допустить къ

---

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1803.

первой же баллотировкѣ въ штатныя. Съ другой стороны отказывали въ пріемѣ дѣтей такихъ родителей, которые были въ чемъ-либо заподозрѣны. Императрица сама вычеркивала такихъ изъ списковъ и однажды вычеркнула дочь прапорщика Вахтина, „за дурное поведеніе отца, если онъ тотъ самый, что былъ при деревняхъ графини Скавронской"; точно также она не велѣла принять дочь отца, который былъ сосланъ при Екатеринѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, Императрица стала соглашаться на отдачу родителямъ не только больныхъ пенсіонерокъ, а и здоровыхъ, но плохихъ воспитанницъ; ихъ возвращали и съ благородной половины, и съ мѣщанской, при чемъ иногда родителямъ послѣднихъ возвращали внесенную ими впередъ за дочь плату; возвращали даже передъ самымъ выпускомъ, если воспитанница не была помѣщена въ спискѣ наградныхъ. Но Императрица очень неохотно разрѣшала отдачу до срока лучшихъ по знаніямъ или талантамъ воспитанницъ. „Я постараюсь — писала она Брейткопфъ передъ выпускомъ изъ Екатерининскаго института, — чтобы всѣ необходимо нужныя для пѣнія и танцевъ остались до конца" [1]).

Въ болѣе раннемъ письмѣ она мотивировала нежелательность возвращенія дѣтей родителямъ до срока тѣмъ, что „Институтъ долженъ оградить себя отъ упрека въ неудавшемся воспитаніи, едва начатомъ и сейчасъ же прерванномъ" [2]), а Совѣты ссылались въ своемъ отказѣ на то, что отдача до срока противна узаконеніямъ Общества.

Подъ конецъ своей жизни Императрица пришла къ убѣжденію, что какъ ни досадно отдавать родителямъ ихъ дочерей — пенсіонерокъ, „но — писала она Пѣвцовой — я думаю, что будетъ почти невозможно этому помѣшать" [3]).

Бывали однако случаи, когда сама Императрица охотно нарушала это правило. Это дѣлалось тогда, когда воспитанницѣ, еще въ бытность ея въ институтѣ, представлялась возможность выйти замужъ или какъ-нибудь иначе хорошо устроиться. Собирая справки о лицахъ, посѣщающихъ воспитанницъ, и узнавъ однажды, что одну изъ нихъ навѣщаетъ купецъ, котораго она называетъ своимъ родственникомъ, Императрица велѣла Адлербергъ узнать, женатъ ли онъ, какого возраста и — „подъ рукою" — есть ли у него состояніе. Такого рода порученія она давала довольно часто, пользуясь каждою возможностью устроить будущность воспитанницъ.

---

[1]) Письмо отъ 10-го янв. 1811 г.

[2]) Письмо отъ 24 го іюня 1807 г.

[3]) Письмо отъ 6-го марта 1828 г.

Въ случаяхъ сватовства за воспитанницу во время ея нахожденія въ институтѣ, Императрица поступала осторожно. Иногда сватающіе воспитанницу обращались съ предложеніемъ прямо къ Императрицѣ, иногда къ начальницѣ института, гдѣ дѣвушка воспитывалась. Тогда Совѣту института поручалось, собрать справки о женихѣ, также спросить воспитанницу, согласна ли она выйти за него замужъ, и представить обо всемъ Императрицѣ, отъ которой зависѣло окончательное рѣшеніе. По случаю одного предложенія, сдѣланнаго воспитанницѣ Екатерининскаго института черезъ начальницу, послѣдняя, донося объ этомъ Императрицѣ, писала о женихѣ: „онъ капитанъ въ отставкѣ, имѣетъ мать, у которой 50 душъ; но ихъ придется, послѣ ея смерти, раздѣлить на четыре части... По моему мнѣнію,—прибавляла Брейткопфъ— онъ надѣется этимъ бракомъ пріобрѣсть себѣ хлѣбное мѣсто, ибо у него хлѣба нѣтъ“ [1]). Когда за воспитанницу Екатерининскаго же института посватался извѣстный въ свое время Григорій Глинка, о которомъ Карамзинъ писалъ какъ о „феноменѣ въ своемъ родѣ“, потому что Глинка, дворянинъ и помѣщикъ, „имѣющій столько достатку, что могъ бы содержать себя и безъ профессорскаго жалованья“, промѣнялъ однако гвардейскій мундиръ на каѳедру русской словесности въ дерптскомъ университетѣ [2]), Императрица подарила невѣстѣ 300 рублей, но написала начальницѣ: „Что касается до того, что Глинка мѣняетъ свой гвардейскій мундиръ на профессорскую одежду, я конечно считаю послѣднюю очень почтенною, но тѣмъ не менѣе такой обмѣнъ не можетъ не казаться страннымъ“ [3]). Это мнѣніе о странности поступка Глинки она раздѣляла со всею тогдашнею публикою, передъ которою Карамзинъ счелъ нужнымъ даже оправдывать Глинку; перечисляя его литературные труды, Карамзинъ указалъ и на „Опытъ реторики“, изданный Глинкою „въ пользу благородныхъ дѣвицъ“.

Въ видахъ устройства судьбы одной изъ воспитанницъ, Императрица согласилась на просьбу ея отца отдать дочь княгинѣ Лобановой, „ибо — писалъ онъ — дочери уже 16 лѣтъ и время наступаетъ приготовлять ее къ свѣту“. Онъ прибавлялъ, что княгиня Лобанова беретъ его дочь къ себѣ въ домъ, гдѣ, „образовавъ ея нравственность, дастъ ей возможность кончить науки въ глазахъ и подъ присмотромъ друга ея матери“. Такъ же поступала Императрица, когда дѣло касалось и мѣщанскихъ воспитанницъ. Одну

[1]) Письмо отъ 19-го дек. 1803 г.

[2]) „Вѣстникъ Европы“. 1803. Ч. 9, № 11.

[3]) Письмо отъ 27-го марта 1806 г.

изъ нихъ она велѣла до выпуска отпустить къ княгинѣ Кантакузенъ, „которая обязуется устроить будущее счастіе своей крестницы и обезпечить ее въ случаѣ своей смерти“, а другую—къ сестрѣ, „ибо мужъ ея (сестры) купецъ, имѣетъ состояніе, что и для воспитанницы не безъ пользы“ [1]).

Свои заботы о воспитанницахъ Императрица простирала не только во время пребыванія ихъ въ институтѣ, но и послѣ выпуска. Совѣты, какъ это было и при Екатеринѣ, опекали имѣніе, достающееся воспитанницѣ по наслѣдству, сносились для этого съ разными присутственными мѣстами, защищали интересы бывшихъ воспитанницъ, въ случаѣ разногласій ихъ съ мужьями. Обо всемъ этомъ доводили до свѣдѣнія Императрицы, которой пришлось однажды ходатайствовать передъ государемъ о томъ, чтобы бывшей воспитанницѣ Смольнаго возвратили взятые у нея при описи имѣнія шифръ и аттестатъ, которые, „Монаршею волею бывъ пожалованы, не могутъ быть отняты гражданской властью и не могутъ входить въ составъ имѣнія и поэтому не подлежатъ взысканію и запрещенію“ [2]).

Если вѣрить словамъ одной изъ „знатныхъ дамъ“ [3]), любовь Императрицы Маріи къ своимъ учрежденіямъ, ея постоянныя заботы и мысли о нихъ не встрѣчали сочувствія въ ея ближайшемъ кругу. „При дворѣ—передаетъ дама слова, слышанныя ею отъ Императрицы Александры Ѳедоровны, — была мода насмѣхаться надъ „maman“ и ея разговоромъ, вертѣвшимся на учебныхъ заведеніяхъ и больницахъ. Однажды въ Москвѣ — разсказывала Александра Ѳедоровна—maman показывала моему отцу свои учрежденія. Императоръ Александръ велъ меня подъ руку и повторялъ: снисхожденія, снисхожденія (de l'indulgence, de l'indulgence!)!—Но я въ этомъ не нуждаюсь—отвѣчала я:—я восхищаюсь, нахожу все великолѣпнымъ, это мнѣ нравится и меня трогаетъ.—Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Императрица Елизавета давала тонъ такимъ насмѣшкамъ; въ сущности она была непріятная“ (aigre).

Сопровождавшія Императрицу Марію, въ ея посѣщеніяхъ различныхъ заведеній, фрейлины также тяготились ея неутомимою дѣятельностью [4]); съ утра одѣтая въ корсетъ, она всякій день объѣзжала свои заведенія, не зная устали и не подозрѣвая

[1]) Протоколы Сов. В. О. 1803 и 1804.

[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1805.

[3]) Изъ записокъ знатной дамы. „Р. Арх.“ 1882, кн. 1, стр. 212.

[4]) См. „Р. Арх.“ 1882. Приложеніе къ II и III книгамъ. Переписка Фердинанда Кристина съ фрейлиной княжной Туркестановой.

ея, по видимому, въ другихъ. „Но за то нигдѣ такъ не цѣнили Императрицу—пишетъ облагодѣтельствованная ею бывшая воспитанница одного изъ институтовъ, княгиня Хилкова [1]), урожденная княжна Волконская,—какъ въ многочисленныхъ заведеніяхъ и институтахъ, состоявшихъ подъ ея высокимъ покровительствомъ... Она любила бывать въ нихъ каждый день, и ея посѣщенія были источникомъ счастья для дѣтей. Прежде всего она обходила классы, и самыхъ маленькихъ дѣвочекъ всегда ласкала. Потомъ садилась слушать отвѣты взрослыхъ дѣвицъ на задаваемые имъ учителями вопросы. Она замѣчала и высказывала удовольствіе, видя успѣхи въ пониманіи и развитіи воспитанницъ, заинтересовываясь тѣми изъ нихъ, которыхъ ей часто приходилось хвалить; такія были ей пріятны, и по окончаніи ими воспитанія, Императрица брала ихъ ко двору, къ себѣ или къ одной изъ великихъ княгинь. Ту же материнскую заботливость она проявляла къ нимъ и тогда, когда онѣ вступали въ свѣтъ. Если это были бѣдныя сироты, она давала имъ приданое, когда имъ предстояло замужество... Если въ одномъ изъ ея заведеній случалось что-либо необычайное или какая-нибудь трудная болѣзнь, ее тотчасъ же увѣдомляли. Если докторъ опасался за жизнь воспитанницы, Императрица пріѣзжала, подходила къ ея постели, чтобы улыбнуться или ободрить въ послѣднюю минуту... Императрица проводила обыкновенно лѣто на дачѣ... тамъ можно было отдохнуть отъ городской усталости, и однако Императрица каждый мѣсяцъ отрывалась отъ этой необходимой для здоровья покойной жизни, чтобы объѣхать всѣ свои заведенія въ Петербургѣ. Тамъ она оставалась сутки. Выѣзжала она съ дачи въ семь часовъ утра и въ девять была въ городѣ... Чтобы не терять времени въ переѣздахъ, она сначала отправлялась въ ближайшее къ заставѣ заведеніе, именно въ солдатскую школу семеновскаго полка; потомъ ѣхала въ институтъ военныхъ сиротъ, помѣщавшійся у Калинкина моста; оттуда пріѣзжала въ Воспитательный домъ и, на Мойкѣ же, въ училище глухонѣмыхъ; затѣмъ въ солдатскую школу преображенскаго полка на Конюшенной, въ больницу для бѣдныхъ на Литейной и Екатерининскій институтъ на Фонтанкѣ, и наконецъ, около 5 часовъ, пріѣзжала въ Смольный, гдѣ обѣдала, позавтракавъ гдѣ случится около 12-ти часовъ“...

Система воспитанія въ институтахъ, особенно въ первую половину управленія ими Императрицею Маріею, оставалась строго закрытою, и до конца своей жизни Императрица неохотно со-

[1]) „Р. Арх.“ 1873. 7. Воспоминаніе объ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ.

глашалась отпускать воспитанницъ на время, съ тѣмъ, чтобы онѣ потомъ опять возвращались въ институтъ. Она находила вообще вреднымъ „и для репутаціи заведенія“, и для самихъ воспитанницъ, чтобы онѣ выѣзжали изъ института, и отказала даже митрополиту въ его просьбѣ отпустить къ нему двухъ его племянницъ, бывшихъ его пенсіонерками.

Свой взглядъ на временные отпуски воспитанницъ Императрица высказала въ письмѣ къ Брейткопфъ: „Это совершенно противно духу нашихъ учрежденій — писала она, — и никогда недозволенные (отпуски) нечувствительно ввелись вслѣдствіе нѣсколькихъ оказанныхъ милостей; отпуски, по моему мнѣнію, очень вредны духу институтскаго воспитанія, независимо отъ нарушенія порядка, производимаго этимъ въ точномъ, разъ принятомъ и долженствующемъ всегда оставаться однообразномъ планѣ воспитанія; это порождаетъ—въ умахъ неучаствующихъ въ этомъ исключеніи изъ общаго правила—мысли о предпочтеніи и о привилегированныхъ воспитанницахъ, а такія мысли никогда не должны бы являться“ [1]). На эту тему Императрица часто писала начальницамъ, прося ихъ не передавать ей даже подобныхъ просьбъ. „Подумайте немножко обо мнѣ — писала она однажды Брейткопфъ,—какъ непріятно мнѣ постоянно давать отрицательные отвѣты“.

Это правило соблюдалось во всѣхъ институтахъ. Директрисса дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, Васмутъ, вторя мыслямъ Императрицы по поводу отказа ея отпустить одну изъ воспитанницъ съ родителями за границу для леченія, писала, что очень рада этому отказу, ибо „думаю — говорила Васмутъ въ письмѣ къ Императрицѣ,—что путешествіе и масса постороннихъ вещей дадутъ воспитанницѣ идеи, несогласныя, быть можетъ, съ простымъ воспитаніемъ въ Институтѣ, и дѣвочка, чувствующая теперь себя здѣсь счастливою, пожалуй, по возвращеніи не будетъ такою“ [2]).

Но мало-по-малу и въ этомъ Императрица склонилась на уступки; къ концу своей жизни, она стала разрѣшать воспитанницамъ временные отпуски, впрочемъ непродолжительные и по такимъ случаямъ, какъ болѣзнь родителей или родственниковъ, также свиданія съ сестрами, находившимися въ другихъ институтахъ; тогда воспитанницъ отпускали не иначе, какъ въ сопровожденіи классныхъ дамъ.

---

[1]) Учр. С.-Пет. Ек. уч. 1809 г.

[2]) Арх. IV отд. Переписка по дѣвичьему училищу. Письмо отъ 14-го мая 1808 г.

Въ стѣнахъ заведенія родители могли навѣщать своихъ дѣтей въ опредѣленные дни и въ присутствіи классныхъ дамъ. Они приглашались и на собранія (assemblées), происходившія при Императрицѣ Маріи съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какія были установлены Екатериною. Узнавъ, что въ московскомъ институтѣ допускаются нѣкоторыя отступленія отъ порядковъ, введенныхъ въ петербургскихъ, Императрица написала начальницѣ, Пѣвцовой, что „такіе порядки не должны быть терпимы, ибо они не согласны съ точною правильностью, которая должна соблюдаться въ такихъ заведеніяхъ, какъ институты. ...Напримѣръ,—пишетъ она—у васъ воспитанницамъ позволяется въ ихъ праздники давать маленькіе, частные, балы у своихъ дамъ, на которые допускаются и приглашенія; на балахъ, даваемыхъ воспитанницамъ отъ моего имени, позволяютъ принимать родныхъ мужского пола, братьевъ и кузеновъ; наконецъ, на публичныхъ собраніяхъ родные даже мужского пола, братья и кузены, впускаются въ средину зала и смѣшиваются съ воспитанницами... вы знаете, что ничто изъ этого не дозволяется въ петербургскомъ институтѣ. Прошу васъ ввести такой же порядокъ и ту же правильность, какіе соблюдаются въ здѣшнемъ институтѣ, и вслѣдствіе этого: когда воспитанницы желаютъ потанцовать въ день своего праздника, что я нисколько имъ не запрещаю, это должно происходить не иначе, какъ съ вашего разрѣшенія; собираться должны въ большой залѣ или въ рекреаціонной, когда она у васъ будетъ; на эти балы никогда не слѣдуетъ пускать ни одного молодого родственника. Точно также нельзя пускать никого изъ родственниковъ мужского пола на даваемые въ большіе праздники отъ моего имени воспитанницамъ балы и вообще никого изъ постороннихъ мужчинъ, развѣ только учителей. Что касается публичныхъ собраній, то однѣ воспитанницы вмѣстѣ съ классными дамами должны занимать середину зала, всѣ родители размѣщаются вокругъ, за балюстрадой, къ которой воспитанницамъ дозволяется подходить, чтобы разговаривать съ родителями въ виду классныхъ дамъ. Только небольшое число стульевъ ставится внутри балюстрады, для знатныхъ особъ, пожелавшихъ почтить своимъ присутствіемъ собраніе. Полагаюсь на ваше рвеніе и заботливость въ введеніи и поддержаніи такого порядка, который, какъ вамъ извѣстно, соблюдается въ нашихъ петербургскихъ институтахъ, и я увѣрена, что благоразумные родители первые его одобрятъ“ [1]).

Однимъ изъ первыхъ распоряженій, сдѣланныхъ Императри-

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 29-го сент. 1826 г.

цею Маріею при принятіи ею на себя начальствованія надъ Воспитательнымъ Обществомъ, была отмѣна театральныхъ представленій, предписанныхъ даже уставомъ Бецкаго. Когда, въ первый годъ учрежденія московскаго Екатерининскаго института, начальница его завела-было такія представленія, Императрица сдѣлала строгій выговоръ Брейткопфъ, управлявшей въ то время и московскимъ институтомъ. Брейткопфъ оправдывалась передъ Императрицею, видимо симпатизируя недозволяемому болѣе обычаю, и писала, что, можетъ быть, она сама виновата въ винѣ начальницы московскаго института.

„Я также—писала Брейткопфъ—заставляла лучшихъ воспитанницъ выучивать пьесы Беркена и часто повторять ихъ въ классѣ; но у меня не было театра, не было и зрителей, кромѣ классныхъ дамъ и Леліо (учителя французскаго языка), которые помогали мнѣ исправлять произношеніе, направлять интонацію голоса и учить манерѣ, какъ войти, какъ поклониться и какъ стоять или садиться. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы развязать воспитанницамъ языкъ, который былъ у нихъ нѣсколько тугъ для французскаго, и пріучить ихъ къ разговору. Можетъ быть, наши московскія классныя дамы припомнили добро, которое имъ это когда-то принесло, а г-жа Перретъ не разсчитала границъ, въ которыхъ имъ слѣдовало оставаться“ [1]).

Императрица, любившая вообще „mises en scène“, торжества и празднества, запретила однако всякія публичныя и торжественныя проявленія чувствъ воспитанницъ по отношенію къ ней и не хотѣла, чтобы воспитанницы произносили при выпускѣ рѣчи, особенно въ похвалу ей. Когда въ московскомъ Александровскомъ училищѣ одна изъ воспитанницъ произнесла на выпускномъ экзаменѣ хвалебную Императрицѣ рѣчь, она написала почетному опекуну московскихъ институтовъ, кн. Голицыну, письмо, въ которомъ говорила: „Хотя мнѣ пріятно видѣть въ ихъ сердцахъ это чувство (благодарности), я желаю, чтобы впредь оно не выражалось съ такою торжественностью и чтобы экзамены не заканчивались похвальными мнѣ привѣтствіями. Къ тому же это не принято въ нашихъ институтахъ „de demoiselles“. Поэтому прошу Васъ, князь, сдѣлать мнѣ удовольствіе больше этого не дозволять... Я довольствуюсь чувствами привязанности и благодарности со стороны дѣтей, и лучшимъ для меня вознагражденіемъ будетъ, если они докажутъ эти чувства своимъ хорошимъ поведеніемъ“ [2]).

---

[1]) Письмо отъ 1-го дек. 1803 г. (Переп. по Ек. уч.).

[2]) Recueil. 2 livr. Письмо отъ 26-го авг. 1823 г.

Но въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ давались въ честь Императрицы праздники, на которыхъ дозволено было проявлять такія чувства воспитанницъ въ аллегорическихъ картинахъ, во время танцевъ. На выпускномъ экзаменѣ 1807 года въ Екатерининскомъ институтѣ все собраніе, какъ доносила Брейткопфъ, залилось слезами (fondue en larmes), когда воспитанницы, въ вѣнкахъ изъ розъ, съ цвѣтами и гирляндами положили ихъ къ подножію бюста Императрицы [1]). Одинъ изъ такихъ праздниковъ, происходившій въ день именинъ Императрицы въ 1797 году, по случаю посѣщенія ею и Императоромъ Павломъ Смольнаго, описанъ и воспѣтъ Державинымъ [2]).

Запрещая всякія торжественныя проявленія чувствъ по отношенію къ себѣ со стороны воспитанницъ, Императрица съ удовольствіемъ видѣла выраженія восторга, высказываемаго ей самой или о которомъ ей передавали начальницы, лицами, посѣщавшими съ ея разрѣшенія институты. Ее всегда радовало теплое отношеніе къ воспитанницамъ, и она охотно давала такія разрѣшенія; въ особенности иностранцы, желавшіе привлечь благосклонность Императрицы, пользовались этой ея „слабостью". Французскій агентъ, генералъ Савари, посланный въ Россію Талейраномъ послѣ заключенія тильзитскаго мира, съ цѣлью, между прочимъ, образовать въ столичномъ высшемъ обществѣ французскую партію, былъ принятъ Императрицею Маріею очень сухо. Считая важнымъ пріобрѣсти ея милость, Савари послушался даннаго ему совѣта и обратился къ ней съ просьбою позволить ему посѣтить Смольный монастырь, Екатерининскій институтъ и другія заведенія, „которымъ она оказывала особое покровительство" [3]). Воспользовавшись даннымъ ему разрѣшеніемъ, Савари донесъ своему правительству, что употребилъ это средство, какъ одно изъ тѣхъ, которыми можно снискать благорасположеніе Императрицы Маріи. Понятно, что онъ отозвался о видѣнныхъ имъ институтахъ съ восторженными похвалами ихъ „основательницѣ, главной директриссѣ и главному администратору" [4]).

Обыкновенно къ пріѣзду посѣтителей, въ институтахъ дѣлались приготовленія; увѣдомленныя заранѣе начальницы принимали мѣры, чтобы показать заведеніе въ возможно лучшемъ видѣ. Когда однажды англичанинъ Свэнъ пріѣхалъ въ московскій Ека-

---

[1]) Письмо отъ 14-го февр. 1807 г.

[2]) Соч. Державина съ прим. Я. Грота. Изд. Имп. Ак. Наукъ. С.-Пет. 1865. Т. 2 стр. 77. „Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря". 1797. XII.

[3]) „Императр. Марія Ѳеодоровна". 1807. Сообщ. бар. Бюлера („Р. Стар.", окт. 1890).

[4]) Тамъ же. Изъ донесенія Савари императору Наполеону.

терининскій институтъ, не предупредивъ заранѣе о днѣ своего пріѣзда, Императрица написала Пѣвцовой: „надо простить англичанину невѣдѣніе этихъ, принятыхъ въ нашихъ институтахъ порядковъ“ [1]). Передъ пріѣздомъ Савари въ Екатерининскій институтъ, Брейткопфъ писала Императрицѣ: „не велѣть ли, хотя будетъ праздникъ, придти учителямъ французскаго языка, какъ будто бы они были въ Домѣ, главнымъ образомъ г. Будри для взрослыхъ, которыя подъ его руководствомъ будутъ путешествовать на французскомъ языкѣ по картѣ водяныхъ сообщеній; онѣ это уже переводили и хорошо передаютъ. Воспитанницы перваго отдѣленія будутъ отвѣчать изъ риторики по-французски и переводить съ русскаго на французскій; потомъ онѣ что-нибудь споютъ и затѣмъ послѣдуетъ хорошенькій общій танецъ“ [2]). Должно быть Императрица дала свое согласіе, ибо два дня спустя Брейткопфъ сообщила ей, что пріѣзжалъ Савари со свитой и все при немъ такъ и было, какъ она предлагала сдѣлать.

По поводу ожидаемаго пріѣзда въ Смольный графа Остермана-Толстого, Адлербергъ просила у Императрицы позволенія показать ему только благородную половину, а мѣщанскихъ воспитанницъ собрать въ большой залѣ, „ибо — писала Адлербергъ —оба лазарета и мѣщанская половина не презентабельны“ [3]), Обыкновенно въ Смольномъ показывали посѣтителямъ физическій кабинетъ, и инспекторъ классовъ просилъ Императрицу разрѣшить ему поставить туда болѣе красивые шкафы, мотивируя это тѣмъ, что въ физическій кабинетъ „вводятся посѣтители“.

При Императрицѣ Маріи такія посѣщенія институтовъ, особенно Смольнаго и Екатерининскаго, бывали очень часто. Въ числѣ посѣтителей были капитанъ Франклинъ, греческій вождь Ипсиланти, какіе-то мексиканцы и перувіанцы, квакеры, французскіе морскіе офицеры, англійскій министръ Каннингъ, Ротшильдъ. По поводу послѣдняго, Императрица писала Адлербергъ: „Отъ его посѣщенія мы не многимъ воспользуемся“. Во время пребыванія въ Петербургѣ извѣстной Каталани, ей показывали Смольный и воспитанницы исполнили при ней церковное пѣніе, которому обучались, и пѣли обѣдню подъ руководствомъ Бортнянскаго.

Большинство посѣтителей выносили пріятное впечатлѣніе изъ видѣннаго ими въ институтахъ. Г-жа Сталь, посѣтившая Екатерининскій институтъ въ 1812 году,—при чемъ воспитанницы говорили ей стихи, пѣли и танцовали,—нашла, что ихъ „содержатъ

[1]) Recueil. 1 livr. Письмо отъ 21-го окт. 1826 г.

[2]) Письмо отъ 4-го и 6-го сент. 1807 г.

[3]) Учр. по В. О. бл. д. 1822.

роскошно" [1]). На оборотъ, маркизу Вестминстеръ, посѣтившую Смольный и Екатерининскій институты въ 1827 году, поразила бѣдная и казарменная обстановка классовъ и дортуаровъ [2]). Она нашла, что всѣ воспитанницы этихъ институтовъ „поразительно похожи манерами на старую княгиню Ливенъ, держатся такъ же прямо и принужденно; нѣкоторымъ изъ нихъ—говоритъ маркиза —задавали при насъ тонкіе вопросы метафизики, и онѣ отвѣчали безъ малѣйшей запинки".

Когда ожидались болѣе высокіе посѣтители, Императрица сама назначала, что слѣдуетъ имъ показывать. По случаю посѣщенія Смольнаго принцемъ Карломъ прусскимъ въ 1820 году, Императрица велѣла „показать всѣхъ въ сборѣ, хорошо одѣтыхъ, и составить маленькій концертъ;... по возрасту принца—прибавляла она въ письмѣ къ Адлербергъ, — другія детали его не интересуютъ". При англійскомъ лордѣ, посѣтившемъ Смольный въ 1817 году, воспитанницы должны были отвѣчать изъ геометріи, и „лордъ—доносила Адлербергъ—восхищался знаніями дѣвицъ". Сама Императрица назначила, какіе экзамены въ Смольномъ должны были производиться въ присутствіи наслѣднаго принца веймарскаго и его супруги, дочери Императрицы. „Эти экзамены должны происходить—писала Императрица—на языкѣ понятномъ ему; но изъ русской литературы дочь можетъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ при помощи Битурскаго" (учителя русской словесности и переводовъ, бывшаго учителемъ и принцессы). Она не велѣла спрашивать изъ закона Божія и геометріи, „которую—писала Императрица—воспитанницы прошли еще мало", и выразила желаніе, чтобы учителя спрашивали при этихъ посѣтителяхъ только воспитанницъ старшихъ классовъ, чтобы экзаменовали ихъ изъ иностранной литературы, умственнаго вычисленія и естественной исторіи „коротко" и чтобы на другой день принцу и принцессѣ показали таланты воспитанницъ [3]).

Когда ожидали государя, воспитанницъ обыкновенно одѣвали въ бѣлыя платья, предназначенныя для торжественныхъ случаевъ. Императрица предварительно сама прослушивала то, что учителя въ его присутствіи будутъ спрашивать воспитанницъ, сама назначала, гдѣ кто долженъ стоять, какіе учителя и чиновники должны быть на лицо, какія кушанья будутъ за обѣдомъ, и выразила удовольствіе, когда однажды къ обычному обѣду воспитанницъ Смольнаго, въ день пріѣзда государя, были прибавлены

[1]) Mémoires de Mad. de Stael. Dix années d'exil. Paris. 1843.

[2]) Дневникъ маркизы Вестминстеръ („Историч. Вѣстн.", 1880, іюнь).

[3]) Учр. по В. О. 1822.

блины [1]). Извѣщая Нелединскаго-Мелецкаго о томъ, что государь, проѣздомъ черезъ Москву, пріѣдетъ въ „mes chers instituts“,—Императрица писала: „У меня сердце бьется не отъ безпокойства, но отъ участія, любви и заботливости объ этихъ дорогихъ мнѣ предметахъ“. Говоря, что государь желаетъ видѣть институтокъ, она прибавляетъ: „забавляйте ихъ въ этотъ день тѣмъ, что можетъ заинтересовать и понравиться императору... не нужно рѣчей, ничего подобнаго: низкій реверансъ при входѣ государя въ классы; показать ему, какъ пишутъ, также сочиненія и рисунки дѣвицъ; можетъ быть пожелаютъ сдѣлать имъ вопросы изъ исторіи или географіи, или по переводамъ, или изъ физики; если у васъ есть хорошіе голоса, то можно лучшихъ изъ нихъ заставить что-нибудь спѣть; надо, чтобы все это было недлинно: въ рукодѣльной надо предложить государю какую-нибудь работу и для этого выбрать одну изъ отличнѣйшихъ воспитанницъ“ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица писала Нелединскому, что въ случаѣ если государь сдѣлаетъ замѣчаніе о неудовлетворительности помѣщенія института, то чтобы онъ сказалъ „о бѣдности Дома“.

На выпускные экзамены, происходившіе въ дворянскихъ институтахъ два раза—одинъ въ присутствіи лишь Императрицы, а другой передъ публикой и обставлявшіеся въ этихъ институтахъ большою торжественностью, приглашались знатныя особы обоего пола, дипломатическій корпусъ, въ томъ числѣ и иностранные послы. Въ 20-хъ годахъ на этихъ экзаменахъ бывали Жуковскій и Карамзинъ, который самъ экзаменовалъ воспитанницъ изъ русской исторіи [3]).

Такъ же пышны и многолюдны бывали собранія (assemblées), особенно въ Смольномъ, гдѣ, по донесеніямъ полиціи, на этихъ собраніяхъ бывало иногда до 250-ти каретъ.

Вообще внѣшняя жизнь воспитанницъ дворянскихъ институтовъ и при Императрицѣ Маріи проходила такъ же весело и даже веселѣе, чѣмъ при Екатеринѣ. Такъ же, какъ было при ней, ихъ вывозили два раза въ годъ на качели въ придворныхъ каретахъ; кромѣ того возили во дворецъ и въ другіе институты. Каждый вечеръ онѣ танцовали „запросто и безъ музыки... Танцы—презервативъ отъ всѣхъ господствующихъ болѣзней“ —писала Брейткопфъ Императрицѣ; два раза въ мѣсяцъ бывали болѣе блестящія, чѣмъ при Екатеринѣ, собранія съ танцами подъ му-

---

[1]) Учр. по В. О.—1826.

[2]) Письмо отъ 27-го ноября 1809 г. (Хроника недавней старины).

[3]) Учр. В. О., 1822.

зыку. По большимъ праздникамъ,—а такихъ тогда бывало много, почти каждый мѣсяцъ,—давались балы съ угощеніемъ.

На танцы, также какъ и на внѣшность воспитанницъ, при Императрицѣ Маріи обращалось большое вниманіе. „Существенно важно—говорится въ ея инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества—заботиться о внѣшности воспитанницъ, объ ихъ осанкѣ, о томъ, чтобы придать грацію ихъ тѣлу. Эти послѣднія качества, какими бы они ни казались пустыми, всегда придаютъ пріятность въ жизни и иногда доставляютъ прочное и продолжительное благосостояніе“ [1]). По поводу перемѣны въ прическѣ воспитанницъ московскаго Екатерининскаго училища, сдѣланной вслѣдствіе замѣчанія князя Голицына, Императрица писала Пѣвцовой: „Замѣчаніе князя было справедливо; но надо было начать съ того, чтобы спросить моего согласія на перемѣну прически, о которой идетъ рѣчь; я охотно соглашаюсь, чтобы въ будничные дни, когда воспитанницы не должны терять много времени на такой второстепенный предметъ, онѣ носили волосы спереди гладкими, лишь бы по воскресеньямъ и въ дни собраній онѣ были въ букляхъ“ [2]).

Въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ танцамъ обучала знаменитая Дидло. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ воспитанницы, по желанію Императрицы, составляли настоящіе балеты. Такое торжество происходило въ Смольномъ въ 1808 году, по случаю перехода благородныхъ воспитанницъ въ новый домъ. Въ этотъ день, 18-го сентября, утромъ, прибыла вся царская фамилія и приглашенныя Совѣтомъ особы первыхъ двухъ классовъ обоего пола. Обѣдню служилъ митрополитъ Амвросій; затѣмъ былъ завтракъ, во время котораго кушанья подавали нѣкоторыя изъ воспитанницъ. Въ шесть часовъ опять съѣхались приглашенныя особы, а въ восемь прибыла вновь царская фамилія. Дѣвицы пѣли кантату въ похвалу государя; потомъ онѣ протанцовали небольшой балетъ и поднесли государю подарки собственной работы. Затѣмъ начался балъ, во время котораго царская фамилія уѣхала въ 9 часовъ [3]).

На публичныхъ экзаменахъ воспитанницы также танцовали и присутствовавшимъ раздавались афиши съ фамиліями исполнительницъ танцевъ; на афишѣ 1821 года танцовали: Menuet simple, de la cour, la gavotte de Vestris, французскую кадриль,

---

[1]) Инструкція отъ 11-го янв. 1802 г. (*Лядовъ*. Истор. оч. Приложеніе).
[2]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 19-го ноября 1826 г.
[3]) Протоколъ Совѣта В. О. 19 авг. 1808 г. (Арх. В. О. бл. д.).

les folies d'Espagne, la petite cosaque [1]). На праздникѣ, устроенномъ въ Смольномъ монастырѣ въ честь короля и королевы прусскихъ, посѣтившихъ столицу послѣ тильзитскаго мира, воспитанницы танцовали балетъ, „оставившій за собою—по словамъ графа Рибопьера—все, что ставилось на Большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе по родству своему съ знатными особами и восхищали зрителей дѣвственною своею граціей" [2]).

Такое свѣтское и аристократическое воспитаніе, дававшееся въ предназначенныхъ для дворянокъ институтахъ, не соотвѣтствовало скромнымъ требованіямъ, предъявлявшимся къ нему самою Императрицею какъ въ приведенныхъ уже нами наставленіяхъ, которыми она обыкновенно напутствовала выходящихъ воспитанницъ этихъ институтовъ, такъ и въ ея инструкціяхъ начальницамъ, гдѣ она еще съ большею силою выражала эти требованія.

При учрежденіи ли новаго института или при преобразованіи существовавшаго до нея, Императрица Марія, вмѣсто устава, давала инструкцію начальницѣ. Всѣ эти инструкціи во многомъ съ перваго взгляда похожи одна на другую; но въ нихъ есть тонкіе, едва уловимые, оттѣнки, отличающіе характеръ воспитанія и, еще болѣе, отношеніе къ воспитанницамъ дворянскихъ и не дворянскихъ институтовъ. Это различіе стало выступать въ первыхъ же ея инструкціяхъ, а такою по времени была данная въ 1797 году инструкція „первой главной Надзирательницѣ Воспитательнаго Дома". На черновой этой инструкціи, подписанной: „Сергѣй Плещѣевъ", сдѣланы собственноручныя поправки самою Императрицею. Въ первоначальномъ своемъ видѣ она была составлена въ духѣ „Генеральнаго плана" Бецкаго; цѣль воспитанія питомицъ полагалась въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ „добродѣтельными, полезными и пріятными обществу"; говорилось, что воспитаніе должно быть „простымъ", и что назначеніе питомицъ должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ „единственно художницами". Императрица зачеркнула это и написала: „быть добрыми женами, матерьми и художницами". Обязанности главной надзирательницы опредѣлялись въ слѣдующихъ, теплыхъ по отношенію къ питомицамъ, и въ духѣ же уставовъ Екатерининскаго времени выраженіяхъ: „Главная надзирательница какъ мать, должна знать, что священная должность ея въ томъ состоитъ, чтобы съ кро-

[1]) Учр. по В. О. 1821.

[2]) Записки гр. Рибопьера („Р. Арх.", 1877, № 4, 506).

тостію и съ испрошеніемъ силъ у Господа образовать дѣтей не для нихъ только собственно, но чтобы полезны были Дому, себѣ и обществу и какъ нѣтъ врожденныхъ пороковъ, а производятъ ихъ только дурные примѣры, слѣдовательно всякая вина ея питомицъ съ самаго юношества ей ввѣренныхъ будетъ не ихъ, а собственное преступленіе потому что не умѣла или не хотѣла вѣсти ихъ по истинному разуму физическаго и моральнаго воспитанія". Вмѣсто этого Императрица написала: „и какъ добрымъ воспитаніемъ можно даже и худой нравъ исправить, то стараться узнать характеръ каждой питомицы и поступать съ нею сообразно оному". Въ такомъ измѣненномъ видѣ инструкція подписана почетнымъ опекуномъ княземъ Николаемъ Вяземскимъ [1]).

Для мѣщанскаго училища при Воспитательномъ Обществѣ Императрица не давала особой инструкціи; но въ той, которую она дала въ 1802 году начальницѣ Общества для благородныхъ воспитанницъ, она указала, что воспитаніе мѣщанскихъ должно быть еще болѣе примѣнено къ ихъ состоянію и что онѣ должны „преимущественно заниматься рукодѣліемъ, единственнымъ средствомъ къ существованію, ожидающимъ ихъ по выходѣ" [2]).

Свои взгляды на воспитаніе и образованіе мѣщанскихъ воспитанницъ Императрица подробно изложила въ единственномъ, данномъ ею въ 1811 году, уставѣ основанному ею самою „сиротскому" училищу или Маріинскому институту [3]). Главною цѣлью воспитанія сорока „бѣдныхъ сиротъ" поставлено уставомъ то, чтобы сдѣлать изъ нихъ „честныхъ и добродѣтельныхъ супругъ, хорошихъ и понимающихъ экономокъ, заботливыхъ нянь, гувернантокъ и въ случаѣ необходимости довѣренныхъ лицъ, вѣрныхъ и ревностныхъ". Воспитанницы второго класса, составлявшагося изъ неспособныхъ къ ученію, должны были, съ согласія родителей, заниматься преимущественно хозяйствомъ, при чемъ суть этихъ занятій изложена съ величайшими подробностями; сказано даже, что во время занятій на кухнѣ воспитанницы должны надѣвать на обыкновенное платье еще верхнюю одежду. Указано также (§ 16), что воспитанницы должны мѣнять на ночь рубашку и не оставлять ее на себѣ днемъ, ходить въ баню, два раза въ недѣлю мѣнять ношебное бѣлье и одинъ разъ въ мѣсяцъ постельное. Обязанности директриссы опредѣлены также, какъ для дворянскихъ институтовъ: „она должна обращаться съ воспитанницами какъ

[1]) Учрежденія с.-пет. и моск. Восп. Домовъ. 1797—1803. VI.

[2]) *Лядовъ.* Истор. оч. Приложеніе, стр. 91.

[3]) Переводъ съ копіи устава, написаннаго по-французски. 1811 г., марта 30-го (Арх. Маріинскаго института).

нѣжная мать со своими дѣтьми"... Далѣе слѣдуетъ: „при бдительномъ надзорѣ и обращаясь съ воспитанницами мягко, конечно не придется употреблять строгость и въ особенности тѣлесныя наказанія... Но въ случаѣ еслибы, къ сожалѣнію, были принуждены прибѣгнуть къ этой крайности, надо пользоваться ею не иначе, какъ съ большою умѣренностью, чтобы не зачерствить сердце воспитанницъ и чтобы одинъ примѣръ такого рода могъ произвести величайшее дѣйствіе на всѣхъ" (§ 21).

Наконецъ въ инструкціи директриссѣ дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, въ которомъ воспитывались и дворянскія и недворянскія дѣти, Императрица, повторивъ мѣстами буквально свое напутственное наставленіе выходящимъ воспитанницамъ Екатерининскаго института, добавила его нѣкоторыми наставленіями, оттѣняющими родъ заведенія, для котораго инструкція назначалась. „Хотя—между прочимъ сказано въ этой инструкціи—воспитанницы и разнаго происхожденія, но овѣ всѣ бѣдны; поэтому надо заблаговременно пріучать ихъ не токмо къ мысли о бѣдности, *но и къ мысли о зависимости*; надо внушить имъ, однѣмъ чтобы въ познаніяхъ и искусствахъ, а другимъ — особенно въ работѣ рукъ и личномъ служеніи,—находили главное и можетъ быть единственное свое пособіе, почитая повиновеніе первѣйшимъ своимъ долгомъ. Поселяя въ нихъ глубокое благоговѣніе къ закону Божію, надо запечатлѣть въ сердцахъ ихъ правила нравственности, въономъ заключающіяся. Снабдивъ ихъ *нужными для состоянія ихъ* свѣдѣніями, содѣлать въ нихъ привычкою безпрестанно заниматься въ полезныхъ упражненіяхъ. Всѣмъ вообще вселить ужасъ къ пороку и праздности, ея источнику, а въ особенности дѣвицамъ перваго отдѣленія—ревностное желаніе употребить познанія и талантъ ихъ къ пользѣ и къ облегченію бѣдныхъ ихъ родителей или будущихъ супруговъ и дѣтей, или же въ пользу общества, посвящая оныя воспитанію юношества... Упражнять дѣвицъ второго отдѣленія во всѣхъ рукодѣліяхъ и работахъ, входящихъ въ кругъ хозяйства, пріучить ихъ, чтобы никакое честное средство пропитанія, никакую службу, совмѣстную благопристойности и добродѣтели, не почитали низкою и подлою, но чтобы напротивъ всякое удаленіе отъ сей, приличной ихъ состоянію простоты въ обращеніи, въ одѣяніи и убранствѣ, всякое покушеніе суетнаго тщеславія наряжаться съ пышностію и щегольствомъ превыше сего состоянія являло имъ пагубную сѣть, могущую совратить ихъ съ пути добродѣтели. Такъ бѣдныя сіи дѣвицы пріуготовятся ко всякимъ затруднительнымъ положеніямъ, и при всей бѣдности ихъ, примѣръ порока и прелести разврата, коими увидятъ себя окру-

женными, никогда не возмогутъ содѣлаться для нихъ опаснѣйшими. Такъ дѣвицы обоихъ отдѣленій могутъ нѣкогда быть добрыми супругами, добрыми матерями, добрыми наставницами или хорошими хозяйками и мастерицами, искусными горничными или служанками". И въ этой инструкціи повторены далѣе нѣкоторыя правила изъ устава Бецкаго [1]).

Съ правилами, изложенными въ этихъ инструкціяхъ, гармонировало даваемое въ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ они написаны, воспитаніе.

Но многія изъ этихъ правилъ и тѣ же скромныя требованія отъ институтскаго воспитанія Императрица предъявляла и къ воспитанію въ Смольномъ, самомъ аристократическомъ изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, учрежденномъ, по опредѣленію Императрицы, съ цѣлью давать воспитаніе дѣтямъ высшаго дворянства [2]). Въ инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества, она говоритъ между прочимъ о благородныхъ воспитанницахъ: „Не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду ихъ состоянія и будущаго назначенія. Поэтому надо стараться тщательно отстранять отъ нихъ все, что противорѣчило бы этому состоянію и этому назначенію; все, что могло бы имъ внушить вкусъ къ призрачному міру, химерическимъ существамъ и экзальтированнымъ чувствамъ, къ этому „прекрасному идеалу" (beau idéal), который такъ часто вредитъ „дѣйствительному благу" (bien réel). ...Къ чему бы послужило блестящее воспитаніе, которое только увеличило бы непріятности ихъ положенія и привело бы къ тому, что это положеніе стало бы для нихъ невыносимо? Большинство этихъ дѣвицъ бѣдны: надо заранѣе пріучать ихъ къ мысли о бѣдности. Многія будутъ жить въ деревняхъ: надо приготовлять ихъ къ уединенію. У нѣкоторыхъ могутъ оказаться родители, не получившіе хорошаго воспитанія,—пусть онѣ будутъ убѣждены, что надо научиться жить со всякаго рода людьми, лишь бы они были честны. Всѣ, по выходѣ изъ Общества, увидятъ себя окруженными примѣрами порока и соблазнами искушеній: поэтому надо такъ ихъ приготовить, чтобы въ критическую минуту испытаній, опасности и лишеній всякаго рода, онѣ не были захвачены врасплохъ, находя въ самихъ себѣ, благодаря запечатлѣнному въ нихъ глубокому уваженію къ религіи, основу добродѣтелей, опирающихся на вѣрѣ, и которая сдѣлаетъ

---

[1]) Учрежд. Павл. И. 1807—1855. XVIII. Инструкція Директриссѣ дѣв. уч. военно-сир. дома. 1807 г., 25-го іюня.

[2]) Учр. по уч. орд. св. Ек. Опытъ плана воспитанія благ. дѣвицъ орд. св. Ек. Mémoire.

ихъ способными восторжествовать надъ препятствіями, встрѣченными ими на пути своей карьеры... Великое искусство воспитанія заключается въ томъ, чтобы научить ихъ такому способу мышленія, который позволялъ бы имъ находить въ самихъ себѣ и вокругъ себя всѣ свои удовольствія и всѣ свои радости" [1]).

Кромѣ полнаго разлада между этими требованіями и свѣтскимъ воспитаніемъ, какое давалось въ дворянскихъ институтахъ, при этомъ неизбѣжно должны были нарушаться и нѣкоторые другіе принципы, которые Императрица проводила въ своихъ письмахъ къ начальницамъ. Однимъ изъ такихъ принциповъ было устраненіе неравенства въ отношеніяхъ къ воспитанницамъ.

Признавая соревнованіе полезнымъ, Императрица установила для нихъ знаки отличія, кромѣ тѣхъ, которые имъ выдавались при выпускѣ; но всячески старалась устранить при этомъ неизбѣжныя послѣдствія такого отличія однѣхъ воспитанницъ передъ другими, входя по этому поводу въ самыя тонкія подробности. „Одобренія и маленькія отличія—писала она начальницѣ московскаго Екатерининскаго института—могутъ только сильно содѣйствовать соревнованію между воспитанницами. Но еслибы вы, прежде чѣмъ ввести знакъ, выбранный вами для этой цѣли, предупредили меня и подождали моего рѣшенія, я указала бы вамъ на другой, дорогая г-жа Пѣвцова: вмѣсто большого банта изъ голубыхъ лентъ, который, признаться вамъ откровенно, слишкомъ напоминаетъ орденъ и можетъ дать поводъ къ нелѣпымъ толкованіямъ... я совѣтовала бы вамъ въ будущій разъ давать отличившимся воспитанницамъ другой, напримѣръ пунцовую ленту вокругъ головы, съ маленькимъ бантомъ или безъ банта, или маленькій шнурочекъ вокругъ шеи въ видѣ ожерелья, разнообразя всякій разъ знаки для того, чтобы отнять у нихъ характеръ постояннаго отличія и сдѣлать ихъ лишь временнымъ поощреніемъ для отличающихся воспитанницъ. Не могу еще не замѣтить, что я желала бы, чтобы производимое на воспитанницъ дѣйствіе, какъ присужденіемъ знака, такъ и страхомъ наказанія, было бы менѣе сильно, чѣмъ это по видимому случилось: ибо если въ высшей степени полезно пробуждать соревнованіе дѣтей, то съ другой стороны нужно остерегаться, чтобы не слишкомъ раздражать ихъ чувствительность, „которая обнаружилась стонами", что легко переходитъ въ экзальтацію, и я увѣрена, что вы понимаете, какъ важно соблюдать въ этомъ отношеніи должную середину. Въ

---

[1]) Лядовъ. Истор. оч. Приложеніе. Инструкція имп. Маріи 11-го янв. 1802 г. (Инструкція написана по-французски).

этихъ видахъ я также рекомендую вамъ разнообразить всякій разъ знаки отличія и не придавать имъ слишкомъ яркую форму“ [1]).

Въ другомъ письмѣ Императрица говоритъ Пѣвцовой: „Благо и польза нашихъ воспитанницъ должны быть единственной нашей цѣлью, а не желаніе блистать нѣсколькими отдѣльными личностями и такимъ образомъ пускать пыль въ глаза къ ущербу большой массы дѣтей... Конечно, пріятно видѣть въ молодой дѣвушкѣ соединеніе главныхъ достоинствъ, знаній и пріятныхъ талантовъ; но такіе примѣры не часты и лишь бы нравственность нашихъ дѣтей была такова, какою мы должны ее желать, и какова, надѣюсь, она есть, и лишь бы къ этому онѣ присоединяли полезныя знанія — главная цѣль ихъ воспитанія достигнута, ихъ будущее благополучіе обезпечено“ [2]).

Когда инспекторъ классовъ Общества, Германъ, предложилъ Императрицѣ ввести, всюду у насъ тогда вводимую, бывшую въ 1819 году въ большой модѣ, ланкастерскую систему съ тѣмъ, чтобы ему было предоставлено выбрать по десяти воспитанницъ изъ каждаго класса, съ которыми онъ занимался бы самъ, а этимъ десяти ввѣрить для обученія извѣстное число воспитанницъ, за которыхъ онѣ отвѣчали бы, Императрица долго на это не соглашалась. Она видѣла зло въ томъ, что избранныя десять „могутъ возгордиться и можетъ случиться, что остальныя не станутъ ихъ слушатьcя, а у первыхъ не будетъ власти противъ своихъ подругъ (Gespielerinnen), какъ у классныхъ дамъ... Въ кофейномъ классѣ — писала Императрица Адлербергъ — это можетъ породить мысль о томъ, что десять избранныхъ съ этого уже класса предназначаются для полученія шифра“. Она дала свое согласіе на примѣненіе предложенной Германомъ системы лишь въ „настоящемъ бѣломъ классѣ“, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы эта организація была введена не какъ приказаніе, а какъ предложеніе (Auftrag), которое исполнялось бы обѣими сторонами по дружбѣ (freundschaftlich) [3]). Въ другой разъ, когда Германъ предложилъ разрѣшить воспитанницамъ дѣлать свои замѣчанія въ тѣхъ случаяхъ, если учитель поступилъ съ одною изъ ихъ подругъ несправедливо, Императрица написала: „воспитанницы не должны думать, что съ ними могутъ поступать несправедливо“ [4]).

А между тѣмъ на собраніяхъ, въ балетахъ, дававшихся при выпускныхъ экзаменахъ, во время посѣщеній институтовъ посто-

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 10-го ноября 1826 г.
[2]) Письма отъ 30-го ноября 1826 и 28-го января 1828 г.
[3]) Учр. по В. О. 1819.
[4]) Учр. по В. О. 1820.

ронними лицами, неминуемо должны были выдвигаться не лучшія по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ воспитанницы, а болѣе привилегированныя по происхожденію, или по внѣшнимъ даннымъ.

По деликатному вопросу о наказаніяхъ, Императрица также много высказывалась въ письмахъ къ начальницамъ. Взглядъ ея на этотъ предметъ ясно выраженъ въ письмѣ отъ 24-го февраля 1819 года къ начальницѣ московскаго Александровскаго училища. „Любезная моя Мелартъ!—пишетъ Императрица—съ сердечнымъ сожалѣніемъ читала я донесеніе ваше отъ 21-го декабря, врученное мнѣ княземъ Голицынымъ, о непріятномъ происшествіи съ маленькою Р. [1]). Но благодареніе Богу, что безразсудность дитяти не имѣла никакихъ несчастныхъ послѣдствій, а еще принесла пользу, показавъ при столь важномъ случаѣ, сколь великую бдительность и осторожность должно имѣть при всякихъ даже малѣйшихъ обстоятельствахъ, когда наиболѣе почитаемъ себя безопасными. Сердечно соболѣзную, что бѣдное дитя отъ небрежности получило столь худые склонности и навыки; но въ томъ-то и состоитъ честь хорошаго воспитательнаго заведенія, чтобы благоразумными средствами порочныя расположенія и привычки искоренять и замѣнять ихъ добрыми качествами и добродѣтелями. Очень легко воспитывать благонравныхъ дѣтей и труды немедленно вознаграждаются; напротивъ, весьма трудно хорошимъ воспитаніемъ образовать бѣдное, заброшенное дитя и пріучить его къ нравственности и добродѣтели,—за то какая небесная награда сопровождаетъ таковый подвигъ! И такъ, не страшитесь никакихъ трудовъ и материнскихъ попеченій употребить въ пользу бѣдной Р. Она еще очень молода и не должно терять вовсе надежду въ разсужденіи ея. Спросите только совѣта у материнскаго своего сердца и оно вѣрно укажетъ вамъ наилучшее средство; оно вамъ скажетъ, что врожденное различіе свойствъ человѣческихъ требуетъ и различнаго въ разсужденіи ихъ обращенія, что рѣдко бываетъ нужно прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, что большею частью кроткіе способы, материнское и нѣжное увѣщаніе и возбужденіе чувства честолюбія производятъ лучшее дѣйствіе, даже въ разсужденіи пренебреженныхъ дѣтей, которыхъ часто ранняя или преждевременная строгость еще болѣе ожесточаетъ; напротивъ того, исполненное любви обращеніе возбуждаетъ въ нихъ заглушенное чувство и дѣлаетъ ихъ склонными къ добру. Поэтому испытайте материнскую свою нѣжность

---

[1]) Двѣнадцатилѣтняя воспитанница училища.

надъ симъ ребенкомъ, не поскучайте терпѣніемъ и опытомъ, снеситесь съ г. Саблинымъ (членъ Совѣта), который, какъ мнѣ извѣстно, по природѣ любитъ дѣтей, и можетъ быть удастся вамъ изъ испорченнаго дитяти образовать доброе и любви достойное существо. Вообразите себѣ сладостное удовольствіе, которое произойдетъ отъ счастливыхъ послѣдствій, и вы, конечно, предпримите трудный и, можетъ быть, продолжительный подвигъ охотно и съ мужествомъ. Наконецъ препоручаю бѣдную Р. вашему сердцу и увѣрена, что я хорошо ее препоручила.

P. S. Напрасно, любезная Мелартъ, грозили вы напередъ Р. розгами; пусть поступки ея были таковы, что эта строгость (которая, однако, очень рѣдко должна быть употребляема) была нужна, вы бы ее и употребили, не сказывая о томъ напередъ ребенку, ибо страхъ предстоящаго наказанія производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели самое наказаніе. Я желаю и надѣюсь, что кротость и материнская любовь соединены будутъ съ строгостію и справедливостію, и потому таковыя тѣлесныя наказанія рѣдко будутъ нужны. Я прошу сказать вашимъ дамамъ, чтобы онѣ отъ сего правила не отступали, и возлагаю на вашу совѣсть попеченіе обратить дѣвочку на хорошую дорогу" [1]).

Въ другомъ своемъ письмѣ къ начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища Императрица говоритъ: „Я одобряю постепенность, которую вы соблюдаете въ наказаніяхъ, оставляя для болѣе важныхъ случаевъ ярлыкъ, прикалываемый къ плечу; не надо слишкомъ часто употреблять средство, которое должно сохранять всю свою силу, и я хочу себя убѣдить въ томъ, что вамъ никогда не придется прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ". Въ собственноручной припискѣ къ этому, продиктованному Императрицею письму, она возвращается къ тому же и говоритъ: „конечно необходимо соблюдать самую большую сдержанность (ménagement) въ пріискапіи наказаній дѣтямъ, и употреблять ихъ лишь тогда, когда истощены всѣ средства; въ особенности если ребенокъ чувствуетъ себя униженнымъ наказаніемъ, его слѣдуетъ употреблять лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ" [2]). — „Зачѣмъ ставятъ въ уголъ 12-ти — 14-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ голубого класса? — писала она Адлербергъ: — этого я не могу одобрить". Вообще Императрица всегда рекомендовала начальницамъ и класснымъ дамамъ мягкость въ обращеніи съ воспитанницами; но въ институтахъ употреблялись, вѣроятно съ ея вѣдома, и такія на-

---

[1]) Истор. зап. о моск. учил., стр. 43.

[2]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 6-го сентября, 1827 г.

казанія, какъ прикалываніе розги къ плечу, и даже тѣлесныя. Бывали случаи, что воспитанницъ сѣкли публично „со всевозможною торжественностью“ (mit aller möglichen Feierlichkeit), какъ выразилась Адлербергъ въ своемъ донесеніи объ этомъ событіи по поводу побѣга одной воспитанницы изъ заведенія [1]).

Пріученію воспитанницъ всѣхъ институтовъ къ занятію хозяйствомъ Императрица придавала очень большое значеніе. Особенно она требовала, чтобы „бѣднѣйшимъ“ воспитанницамъ постоянно давались практическія знанія по хозяйству и во всемъ, что нужно для образованія хорошей хозяйки. Адлербергъ въ этомъ отношеніи вполнѣ и искренно раздѣляла взглядъ Императрицы. „Въ качествѣ хозяйки, — писала она, — женщина достойный и полезный членъ государства“ [2]). Но видя вѣроятно трудность установить какъ слѣдуетъ это дѣло въ институтѣ, Адлербергъ указала Императрицѣ на необходимость составить особую книжку, изъ которой воспитанницы могли бы научиться предмету. Императрица велѣла пріискать составителя такой книги и, когда она была написана, сама сдѣлала на рукописи замѣчанія: чтобы въ главѣ о воспитаніи дѣтей не было никакихъ объясненій по поводу материнскихъ обязанностей, „а лишь то, что подлежитъ вѣдѣнію дѣвицы“, велѣла сократить главу объ экипажѣ и о кормленіи лошадей, какъ о предметахъ, „не лежащихъ на обязанности хозяйки“, и прибавить „о необходимости умѣть обходиться безъ экипажа“ [3]). Совѣты, по ея повелѣнію, должны были внушать воспитанницамъ, чтобы онѣ „не гнушались занятіями хозяйствомъ, но здѣлали бы оныя привычкою“ и чтобы заботились о нихъ, „какъ о дѣлѣ, требующемъ вниманія и съ такими мыслями возвращались бы въ родительскіе домы“ [4]). Для приданія бо̀льшаго значенія этимъ занятіямъ, назначеніе дежурною по хозяйству стало впослѣдствіи дѣлаться въ видѣ награды, а лишеніе этой обязанности—наказаніемъ.

Также какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ воспитанія, Императрица дала начальницамъ институтовъ особую инструкцію относительно занятій воспитанницъ хозяйствомъ, и надо думать, что при ней эти занятія достигали результата.

Надо думать также, что и другія цѣли институтскаго воспитанія достигались при ней путемъ примѣра окружавшихъ воспитанницъ лицъ и разговоровъ съ ними.

---

[1]) Переписка по Восп. Общ. 1809.

[2]) Переписка по В. О. Письма Адлербергъ къ Императрицѣ. 1811.

[3]) Учр. по В. О. 1811.

[4]) Тамъ же. 1818. Выс. повел. моск. учр. орд. св. Ек.

Не довольствуясь этимъ, Императрица, съ первыхъ же лѣтъ своего управленія институтами, ввела для чтенія воспитанницамъ въ классахъ книгу, въ которой излагались ихъ будущія обязанности и вообще давались наставленія. Такою книгою была: „Отеческіе совѣты моей дочери", переведенная съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и измѣненіями переводчика, а также примѣчаніями неизвѣстнаго лица, можетъ быть самой Императрицы, которой книга и была посвящена [1]). Въ посвященіи „Той, которая съ материнскою любовью призрѣла юныхъ дщерей Россіи", переводчикъ говоритъ, что книга „Отеческіе совѣты" принята въ Германіи „со всеобщей похвалою и даже одобреніемъ Высокихъ Особъ".

Этою книгою Императрица замѣнила читавшуюся при Екатеринѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и въ Смольномъ, „Книгу о должностяхъ человѣка и гражданина". Такъ какъ при Императрицѣ Маріи воспитаніе, даваемое въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, должно было удовлетворять спеціально-женскимъ цѣлямъ, приготовлять изъ воспитанницъ „добрыхъ супругъ, хорошихъ матерей и хорошихъ хозяекъ", то и потребовалась такая книга, въ которой излагались бы не обязанности человѣка и гражданина вообще, какого бы пола онъ ни былъ, а именно эти, нужныя лишь женщинамъ обязанности [2]). И не только въ этомъ, но и въ другихъ правилахъ, эти двѣ книги представляютъ совершенную противоположность одна другой.

Теперь кажется непонятнымъ, какъ могла такая книга, какъ „Отеческіе совѣты", быть допущенною къ чтенію воспитанницамъ. Не говоря о томъ, что она полна противорѣчій, всякихъ нелѣпостей и написана напыщеннымъ языкомъ, многіе изъ совѣтовъ, даваемыхъ авторомъ дочери, просто безнравственны. Авторъ имѣлъ очевидно въ виду полемизировать съ обнаружившимся въ началѣ нашего столѣтія, даже между нѣмецкими женщинами, стремленіемъ къ умственнымъ занятіямъ и къ улучшенію своего образованія. Такъ какъ подобныя стремленія могли тогда проявляться лишь у женщинъ высшихъ классовъ, то они и служатъ предметомъ нападокъ автора.

---

[1]) Отеческіе совѣты моей дочери. *Кампе.* Съ нѣм. перевелъ Григ. Яценковъ. С.-Пет., 1801—1804. 2 части. Типографія кадетскаго корпуса.

[2]) Единственное мѣсто, гдѣ въ „Книгѣ о должностяхъ" упоминается о женщинахъ отдѣльно отъ мужчинъ, есть глава: О супружескомъ союзѣ (гл. 2, стр. 74). Тамъ, въ § 3, на основаніи евангельскаго текста, сказано: „мужъ есть глава, жена же помощница мужу, она должна мужа почитать и бояться, быть ему подчиненной и въ домоводствѣ помогать („Жена да боится своего мужа". Посл. къ Ефес., гл. 5, ст. 33)"—и § 4: „Мужъ съ женою своею долженъ не строго поступать, власти своей надъ нею во зло не употреблять, но любовью съ женою обходиться"...

Основную свою мысль о томъ, что женщина всегда должна быть въ зависимости отъ мужчины, онъ не доказываетъ, а прямо рѣшаетъ: „Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина была слабѣе мужчины; поэтому ясно и неоспоримо, что женщина должна имѣть въ высшей степени добродѣтель скромности нежели мужчина... Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина зависѣла отъ мужчины, чтобы она ограничила кругъ своей дѣятельности домомъ, чтобы мужъ былъ защитникомъ своей жены, а она прилѣпилась бы къ мужу, чувствовала бы и признавала свою слабость, а преимущество мужа во всякомъ случаѣ и снискала бы его любовь и пріязнь скромностью и покорностью“ [1]).

Назначеніе женщинъ авторъ ставитъ въ томъ, въ чемъ его ставила Императрица, т.-е. онѣ должны быть, говоря языкомъ переводчика, „супругами для щастія мужей, матерьми для образованія дѣтей и мудрыми расположительницами домашняго хозяйства“. Упрекнувъ женщинъ высшихъ классовъ въ томъ, что онѣ не хотятъ подчиниться своему назначенію, авторъ извиняется передъ „тѣми дамами вышшаго состоянія, которымъ это противно покажется“, и проситъ ихъ не забывать, что онъ пишетъ свою книгу для „средняго сословія дѣвицъ“, которое вездѣ называетъ „щастливымъ“ [2]).

„Первое и нужнѣйшее, что я тебѣ здѣсь объявить долженъ,— между прочимъ говоритъ онъ дочери,— естьли ты сама давно того не примѣтила, есть слѣдующее: тотъ полъ, къ которому ты принадлежишь, находится въ зависимости состоянія, и притомъ все споспѣшествуетъ къ ослабленію силъ его какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ... Но не предавайся унынію, дочь моя!“ —восклицаетъ онъ и даетъ совѣты, какъ „избѣгнуть общей участи твоихъ сестеръ и избрать для себя достойнѣйшій кругъ дѣятельности, каковой только мы, такъ называемые владыки всѣхъ тварей, себѣ присвояемъ“.

Какъ общее правило, какимъ слѣдуетъ руководствоваться женщинѣ въ жизни, авторъ рекомендуетъ дочери: „ожидай не самаго худшаго, но и не самаго лучшаго; а готовься къ тому, что есть среднее между тѣмъ и другимъ... приготовляйся жить въ дѣйствительной зависимости, хотя и прикрытой наружною маской почтенія, однако тѣмъ не менѣе существенной и даже можетъ быть нѣсколько тягостной“. Онъ совѣтуетъ дочери уклоняться не

---

[1]) Ч. 1-я. Характеръ благородный и совершенно сообразной съ званіемъ жены.

[2]) Ч. 1-я. Истинное достоинство и отличія женщинъ.

отъ того, что „само по себѣ и дѣйствительно худо, порочно и безчестно“, но, ради сбереженія „неувядаемымъ нѣжный цвѣтъ твоей дѣвичьей и женской чести, а съ нею и соблюденія всего твоего щастія“, при всякомъ шагѣ, при всякомъ малѣйшемъ даже поступкѣ, смотрѣть „не только на существенную нравственность онаго, но и на то—что скажутъ о тебѣ люди?“.

Это авторъ поясняетъ, между прочимъ, такими примѣрами: „положимъ,—говоритъ онъ—ты чувствуешь и видишь изъ ежедневнаго опыта, что для здоровья, для росту, для крѣпости тѣлесной необходимо нужно здѣлать тѣло грубымъ частыми тѣлодвиженіями, ежедневною привычкою ко всякой погодѣ и безпрестаннымъ свободнымъ упражненіемъ всѣхъ твоихъ силъ; но всесильная мода принуждаетъ тебя во многихъ случаяхъ дѣлать совсѣмъ противное тому, а тиранская политика отгоняетъ тебя желѣзнымъ скипетромъ отъ премногихъ спасительныхъ упражненій тѣлесныхъ и душевныхъ и повелѣваетъ тебѣ быть нѣжной, чувствительной, слабой и болѣзненной“. Чтобы помочь бѣдѣ, онъ учитъ дочь „сколько то позволяетъ тебѣ тиранство благопристойности“, укрѣплять таки тѣло и душу, но только такъ, чтобы это не было принято за отступленіе отъ обычаевъ и обыкновенной жизни женщины. Для этого онъ указываетъ ей средства, въ которыхъ она должна полагать „всю свою честь и удовольствіе“, а именно, чтобы она сама исполняла всѣ работы по хозяйству, была бы „безпрестанно на кухнѣ, въ амбарахъ, на дворѣ и въ саду“ и чтобы не „укрѣпляла свое воображеніе непристойными упражненіями въ изящныхъ искусствахъ“ [1]).

Въ числѣ доводовъ противъ послѣднихъ авторъ приводитъ то, что занятія изящными искусствами „ослабляютъ нервы, дѣлаютъ насъ слишкомъ чувствительными ко всему, что раздражаетъ слухъ разногласіемъ или мерзитъ глазамъ отвратительными красками и гнусными видами, а прочія чувства оскорбляютъ сильными или противными впечатлѣніями... А хорошая хозяйка — прибавляетъ онъ — должна быть менѣе чувствительна къ таковымъ непріятностямъ, ибо въ домоводствѣ не избѣжишь ихъ, особливо въ кухнѣ и въ дѣтской, главныхъ мѣстахъ, гдѣ ея присутствіе необходимо нужно“. Кромѣ того занятіе изящными науками и искусствами, по его мнѣнію, вредно для женщины и потому, что для успѣха всякаго дѣла онъ справедливо считаетъ нужнымъ и „пристойное ему“ расположеніе духа, „а всего болѣе бываетъ

[1]) Ч. 1-я. Средства, которыми женщина можетъ поправить сіи неблагопріятныя отношенія и черезъ то достигнуть своего опредѣленія.

несходно расположеніе духа, которое рождается въ насъ отъ упражненій въ изящныхъ наукахъ и художествахъ, и то, которое нужно для важнаго званія хозяйки".

Вообще авторъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы убѣдить свою дочь въ томъ, что для женщинъ вообще, а для супруги и хозяйки въ особенности, совсѣмъ не нужны науки и „ученыя свѣдѣнія", если она не хочетъ навлечь на себя „справедливое нареканіе и презрѣніе". — „На что—спрашиваетъ онъ—женщинѣ обширныя и глубокія свѣдѣнія, естли она не можетъ употребить ихъ на пользу ни въ кухнѣ, ни въ кладовой, ниже въ кругу своихъ пріятельницъ и наконецъ ни въ какомъ мѣстѣ политическаго и ученаго свѣта; естли она даже не смѣетъ высказать ихъ, развѣ учиниться предметомъ общаго посмѣянія"?—Можетъ быть,—спрашиваетъ онъ—это помогло бы самой женщинѣ „просвѣтить свой разумъ въ предметахъ, относящихся до общественной жизни, и чрезъ то сдѣлать ее способною исправлять въ точности все, что принадлежитъ до ея подлиннаго званія"? На это въ книгѣ нѣтъ отвѣта, и авторъ утверждаетъ, что „не было примѣра, чтобы ученость женщины въ семъ случаѣ послужила ей на пользу и я могу объяснить — прибавляетъ онъ — не одну причину, по которой, думаю, что таковаго примѣра мы ввѣки не наживемъ". Мужу такой жены не нужно. „Онъ—говоритъ авторъ своей дочери—будетъ обожать тебя, чтобы послѣ лишить тебя даже нѣкоторыхъ правъ человѣчества... и не потому, что онъ лживый, коварный, злой, а потому, что онъ долженъ тебя охладить". И вообще мужъ, по мнѣнію автора „не можетъ, не будетъ и не долженъ быть уступчивымъ къ женѣ".

Къ этому мѣсту книги сдѣлано слѣдующее примѣчаніе неизвѣстнымъ лицомъ: „это ужъ слишкомъ жоско, несправедливо. *Быть не долженъ?* — Нѣтъ, онъ *долженъ* быть уступчивъ, ласковъ и снисходителенъ къ своей супругѣ и что онъ рѣдко бываетъ таковъ, это его собственная вина" [1]).

Въ числѣ доводовъ почему жена на злыя выходки мужа должна отвѣчать кротостью, авторъ приводитъ тотъ, что „разсерженная женщина безобразитъ лицо свое и всѣ свои мины и обороты, такъ что всякій, имѣющій тонкое нравственное чувство, гнушается ею и ее отвращается; а лицо сердитаго мужа бываетъ иногда неотвратительно".

Такого мужа, который „на столько былъ бы помѣшанъ умомъ, что измѣрялъ бы достоинства супруги ученымъ масштабомъ по

[1]) Ч. 1-я, стр. 177.

длинѣ, ширинѣ и толщинѣ ея свѣдѣній въ литературѣ“, авторъ и не желаетъ дочери; онъ увѣряетъ ее, что всякому мужу гораздо пріятнѣе въ часы отдохновенія, „вмѣсто всякихъ диссертацій и ученыхъ разговоровъ, слышать щетъ, который жена ему предложитъ о своихъ экономическихъ распоряженіяхъ, и похвалять тѣ причины, которыя побудили ее поступать въ домашнихъ дѣлахъ такъ, а не иначе“. Для женщины, какъ матери, нужна, по взглядамъ автора, не ученость, подъ которою онъ вездѣ понимаетъ почему-то ненавистную ему литературу, а здравый смыслъ „при совѣтахъ благомыслящаго мужа“.

И такъ, ученость безполезна для женщины во всѣхъ отношеніяхъ; мало того, ученость даже вредна не только для женщины, но и для мужчины, ибо „ученые слабы здоровьемъ“. Но мужчина обязанъ жертвовать своимъ здоровьемъ общему благу, да онъ и легче переноситъ неблагопріятныя условія жизни, ибо укрѣпилъ воспитаніемъ свое тѣло. „А для васъ — обращается авторъ къ дочери—гнетущій васъ панцырь, сіи вредоносныя шнуровки, усугубляютъ вредныя слѣдствія продолжительной сидячей жизни“. Кромѣ того ученость—„эта подлинная язва душевная“—служитъ, по мнѣнію автора, „непримѣтнымъ препятствіемъ щастливой жизни супружества и хорошаго воспитанія и ужъ погубила премногія фамиліи, особливо вышнихъ состояній“. Видѣть это — говоритъ онъ — „огорчительно“. Оттого, что мужчины и женщины высшихъ классовъ читаютъ много и безъ разбора, у нихъ является разочарованіе въ жизни, а у женщинъ—разочарованіе въ мужѣ, „гипохондрическая унылость, безпокойство, грусть, нерѣдко и безуміе... Женщины ищутъ титловъ сочинительницъ, писательницъ, романистокъ, рецензировщицъ и Богъ знаетъ чего!“

Такія женщины, по увѣренію автора, обходятся презрительно съ мужьями, часто достойными и заслуженными людьми, „только не поэтическими и не романическими“. А „безсмысленная публика“ взираетъ—по его словамъ—на такихъ женщинъ, какъ на „чудесъ свѣта, рецензенты почитаютъ себя щастливѣйшими изъ смертныхъ, удостоившись облобызать прахъ ихъ ногъ и пустоголовые панегиристы сыплютъ возами ѳиміамъ на жертвенники ихъ славы“... Но за то „скорбящій супругъ или скрываетъ печаль свою и увядаетъ прежде времени, или ищетъ разсѣянности внѣ дома и въ туманномъ распутствѣ старается забыть мученія домашнія... Увидитъ онъ своихъ дѣтей оставленными, домашнее состояніе приходящимъ въ упадокъ, пока наконецъ скорбь о угнѣтающихъ долгахъ, о развратныхъ дѣтяхъ и о всеобщемъ поношеніи отъ всѣхъ честныхъ людей исполнитъ мѣру мученій не-

щастнаго супруга, и съ терзаніями и болѣзнями сведутъ его во гробъ"!

Нарисовавъ такую ужасную картину послѣдствій учености жены для ея мужа, авторъ спрашиваетъ: „и въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина, всѣ мысли которой заняты литературою, ставить высочайшее свое благополучіе въ одобреніи и любви мужа, когда она съ алчностью ищетъ хвалы цѣлой публики?.. Можетъ ли она заниматься своимъ хозяйствомъ, дѣйствовать согласно съ своимъ опредѣленіемъ на воспитаніе дѣтей своихъ и на нравы служителей, когда она желаетъ дѣйствовать на все общество, на все человѣчество"?

Къ этой главѣ [1]) сдѣлано примѣчаніе переводчикомъ, что авторъ „Отеческихъ совѣтовъ" пишетъ для своихъ соотечественницъ и весьма основательно осуждаетъ ихъ за то, что онѣ, „забывши свои существенныя обязанности, прилѣпились къ излишнему чтенію книгъ часто безполезныхъ, вздорныхъ и вредныхъ; осуждаетъ весьма благоразумно, что онѣ ищутъ увѣковѣчить имя свое учеными произведеніями и блистать въ кругу Авторовъ не получивши къ тому права отъ Природы. Но мы, — прибавляетъ переводчикъ—имѣя въ виду нашихъ соотечественницъ, находимъ больше причины жаловаться совсѣмъ на противный порокъ: онѣ вовсе ничего не читаютъ и даже пренебрегаютъ чтеніемъ, не зная истинной его пользы. Никакъ не должно пренебрегать чтеніемъ, надобно только знать цѣну книгъ и занявшись чтеніемъ не забывать своихъ существенныхъ обязанностей".

Въ заключеніе авторъ „Отеческихъ совѣтовъ" приходитъ къ тому, что, для благополучія мужа, женщина должна быть прежде всего „совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлить свое существованіе между дѣтскою, кухнею, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и садомъ; должна цѣлый день лѣтать съ одного мѣста на другое... Угощая гостей мужа, не должна сидѣть на софѣ какъ прикованная... должна быть совершенная щетчица, особенно хорошо считать въ умѣ, чтобы при покупкахъ не обманываться". А затѣмъ, „если останется время", благовоспитанная женщина можетъ развивать и другія свои способности и силы душевныя, „какія нужны къ собственному ея благополучію, къ удовольствію просвѣщеннаго ея супруга, къ благоразумному надзиранію надъ малолѣтными дѣтьми обоего пола и особенно къ совершенному воспитанію будущихъ ея дочерей".

Онъ рекомендуетъ и книги, изъ которыхъ дочь можетъ

[1]) „Истинное достоинство и отличія женщинъ". Ч. 1-я, стр. 69.

„научиться жить“, а именно: Шпалдингово сочиненіе: о опредѣленіи человѣка, Базедова: Practische Philosophie für alle Stände, Фенелона: О воспитаніи дѣвицъ и „Отеческіе совѣты“ [1]). Прежде же всего ей необходимо познать истины религіи. „Больше ничего читать не нужно“—прибавляетъ онъ,—ибо „изъящныя науки“, т. е. стихи и литература, „безнравственны“. Но кромѣ чтенія онъ считаетъ существенно важнымъ для женщины пріобрѣсть „астрологическія свѣдѣнія“, въ которыхъ она увидитъ человѣка во всѣхъ его частяхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ; также изъ натуральной исторіи, исторіи всеобщей и логики „для познанія духовной натуры человѣка“.

Подъ астрологическими свѣдѣніями авторъ понимаетъ такую науку, изъ которой женщина узнаетъ и „правила объ образованіи человѣка, почерпнутыя изъ прямого знанія свѣта и людей, особенно наставленіе и упражненіе въ томъ, какъ правильно судить о характерахъ людскихъ и какъ обходиться съ каждымъ въ особенности, если хочешь снискать его благоволеніе, управлять его волею и дать желанное стремленіе его натуральнымъ или пріобрѣтеннымъ наклонностямъ и побужденіямъ“.

Кромѣ этихъ знаній авторъ допускаетъ еще „третій классъ познаній для опредѣленія женщины“. Сюда онъ включаетъ свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, но лишь всеобщее знакомство съ происшествіями древняго и новаго времени, а также „гдѣ и когда какое приключеніе случилось, однако, не съ совершенною историческою и географическою точностію, ибо это женщинѣ весьма рѣдко понадобится“. Для пріобрѣтенія такихъ знаній онъ рекомендуетъ собранія частныхъ исторій, напримѣръ „Анекдотическія и характеристическія повѣсти“ въ „Théâtre du monde“, par Richer [2]).

Изъ другихъ наукъ—естественной исторіи, физики, а равно изъ художествъ—авторъ позволяетъ дочери знать то, что нужно „для вседневныхъ нуждъ жизни“. Изученіе иностранныхъ языковъ онъ признаетъ не только безполезнымъ для нея, „ибо такое знаніе не нужно для супруга и для хозяйства“, но даже вреднымъ, ибо требуетъ много времени и можетъ развить тщеславіе.

Здѣсь русскій переводчикъ „Отеческихъ совѣтовъ“ сдѣлалъ опять примѣчаніе, что „для русской дѣвицы средняго состоянія это изученіе необходимо. ...Россійская литература—говоритъ онъ—еще такъ бѣдна, что должна много почерпать отъ иностран-

[1]) Всѣ эти книги находились въ библіотекѣ Смольнаго монастыря.

[2]) Эта книга также находилась въ библіотекѣ Общества.

цевъ. Не упоминая о введенномъ у насъ обычаѣ, по которому французскій языкъ сдѣлался почти необходимымъ въ свѣтскомъ обращеніи, могу сказать, что Россія недавно только стала освѣщена зарею просвѣщенія, между тѣмъ какъ въ иныхъ земляхъ возсіялъ ужъ ясный полдень. Но утѣшься, Россъ, любящій свое Отечество!—восклицаетъ переводчикъ—съ тѣхъ поръ, какъ вѣнчанныя Главы приняли въ высокое свое покровительство Науки и Художества, скоро, скоро благотворное Свѣтило Просвѣщенія въ полномъ блескѣ возсіяетъ надъ россійскимъ Горизонтомъ!!“ [1]).

Изъ искусствъ авторъ „Отеческихъ совѣтовъ“ позволяетъ дочери заниматься музыкой и рисованіемъ „въ той степени, чтобы не пренебрегала ради нихъ болѣе нужными и не въ ущербъ занятіямъ своего опредѣленія“.

Занятія дочери музыкой и рисованіемъ, „если останется для нихъ время“, авторъ допускаетъ съ тѣмъ, чтобы она „была способною утѣшать саму себя и услаждать жизнь будущаго супруга, прогонять печали и заботы и оживлять всю фамилію невинными забавами“. Онъ готовъ бы разрѣшить для нея и танцы, потому что это полезно для здоровья; „но такъ какъ танцы часто служатъ къ удовлетворенію суетности и тщеславія, къ возбужденію безчестныхъ страстей“, то ихъ не надо. „Желаю,—говоритъ онъ дочери—чтобы ты держала порядочно корпусъ, благопристойно стояла и ходила и при важномъ торжествѣ умѣла бы протанцовать Минуэтъ и польскій“.

Считая въ числѣ необходимѣйшихъ „для опредѣленія женщины“ знаній, „познаніе людей“, авторъ совѣтуетъ дочери „посвятить себя этой наукѣ“, и съ этой цѣлью указываетъ ей на вторую часть своей книги, которую онъ озаглавилъ: „Начертаніе всеобщей картины человѣчества“ [2]).

Цѣль, съ которою онъ считаетъ нужнымъ ознакомить дочь съ „различными характерами людскими“, заключается въ томъ, чтобы она „ни отъ кого не ожидала болѣе, нежели онъ можетъ учинить, чтобы не почла волка за агнца, коршуна голубемъ и, слѣдовательно, чтобы осторожно обращалась съ людьми и не ввѣряла бы своего благополучія тѣмъ, которые утѣшаются разрушая его“. Въ этихъ видахъ онъ совѣтуетъ ей предполагать обо всѣхъ людяхъ, которыхъ она хорошо не знаетъ, что они могутъ ее „обмануть, провести и привлечь въ убытокъ есть-ли найдутъ случай здѣлать то тайно и незнаемо“; поэтому она должна за-

---

[1]) Ч. 1-я, стр. 124. „Мнѣніе переводчика“.

[2]) „Отеческіе совѣты“. Ч. 2-я, гл. 4-я.

ранѣе принять мѣры, чтобы они „не успѣли хотя бы и хотѣли" это сдѣлать. Давая такой совѣтъ молодой дѣвушкѣ, авторъ чувствуетъ себя неловко передъ нею и оправдывается тѣмъ, что „хотя это и тягостно", но онъ обязанъ ей дать такой совѣтъ.

Она должна также, по его мнѣнію, знать, что „всѣ мы, умный, и глупый, добродѣтельный и порочный, никогда ничего не дѣлаемъ, не имѣя при томъ въ виду какой-либо награды, какой-либо выгоды... [1]), а большая часть людей слѣдуетъ не правиламъ, а темпераменту". Поэтому онъ совѣтуетъ дочери соблюдать обычаи и этикетъ „ибо—говоритъ онъ—какъ необходимо должны быть различія между состояніями, то надобно быть и знакамъ, по которымъ всякъ изъявить можетъ, что онъ признаетъ сіи различія" [2]). Но кромѣ „обычайныхъ почтительныхъ знаковъ ранга", выражающихся въ поклонахъ, поздравленіяхъ, разговорахъ, тонахъ, „тихости или громкости голоса и почтительности вида", сообразно съ рангомъ человѣка, онъ совѣтуетъ вообще показывать всякому даже „нѣсколько болѣе чести, нежели сколько приличествуетъ по его состоянію и заслугамъ, ибо каждый думаетъ о себѣ и своихъ заслугахъ и состояніи выше, чѣмъ они дѣйствительно стоятъ въ обществѣ человѣческомъ"... Болѣе же всего почестей она должна, по его совѣту, оказывать глупцамъ всякаго состоянія и съ большою осторожностію соблюдать при обращеніи съ ними „всѣ церемоніи и весь этикетъ".

Этотъ совѣтъ авторъ поясняетъ тѣмъ, что „есть неправды, которыя не постыдны ни для какого и добродѣтельнаго человѣка; иногда даже долгъ насъ обязываетъ не только умолчать истину, но на ея мѣсто подставить дѣйствительную неправду". И эта неправда, по его мнѣнію, безвредна и неизбѣжна для всѣхъ живущихъ въ человѣческомъ обществѣ.

Подъ такой неправдой онъ понимаетъ „то безчисленное число учтивствъ и обычаевъ, о которыхъ всякъ знаетъ, что они суть одинъ пустой звукъ или движеніе тѣла ничего не означающее, но только показываютъ, что мы понимаемъ введенные знаки чести, принадлежащіе каждому званію въ гражданствѣ... Въ томъ, что они ложны, увѣрены сердечно и тотъ, кто ихъ изъявляетъ, и тотъ, кому они изъявляются. Да никто и не хочетъ—утверждаетъ авторъ—

[1]) Въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина" сказано: „почтительность въ томъ состоитъ, дабы мы о другихъ ничего, кромѣ добра, не помышляли и имъ почтеніе наше при всякомъ случаѣ и словомъ и дѣломъ оказывали".

[2]) Въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина": „Честность надо болѣе дѣлами и сердцемъ, нежели словами и лицомъ показывать". Ч. 1-я, гл. 2-я, стр. 21. О должностяхъ къ ближнему.

выдавать ихъ за истинные". Свою мысль онъ поясняетъ примѣромъ: „естли кто говоритъ другому: какъ я радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ! то это значитъ не иное что, какъ: для меня все равно, здоровы вы или нѣтъ. Иногда это имѣетъ и такой смыслъ: дай Богъ, чтобы вы были нездоровы. Когда говорятъ: прощайте, желаю вамъ счастливо оставаться! то это значитъ: „я хочу идти домой". Все это, по его мнѣнію, „не ложно и не безчестно".

Вообще онъ совѣтуетъ дочери „быть недовѣрчивой ко всему", предостерегаетъ ее отъ людей, зараженныхъ „модной чувствительностью", и указываетъ признаки, очень своеобразные и нелѣпые, по которымъ она сейчасъ же можетъ узнать „мечтателей и фанатиковъ". „Выговори только—рекомендуетъ онъ—сіе невинное слово: *Просвѣщеніе!* и примѣчай внимательно, какое дѣйствіе оно произведетъ надъ собесѣдникомъ. Есть ли ты увидишь, что онъ съ яростнымъ негодованіемъ изольетъ ядъ своей рѣчи на сіе слово и злобно повторитъ:—Просвѣщеніе! Просвѣщеніе! какое Просвѣщеніе? какой разумъ? — то перестань ужъ сомнѣваться и не опасайся тѣмъ его обидѣть. Ибо невозможно, чтобы тотъ, кто презираетъ просвѣщеніе и противъ него враждуетъ, не былъ купно мечтатель и фанатикъ, развѣ только онъ будетъ самая тупая голова" [1]).

Далѣе авторъ рисуетъ типы благотворителей и благотворительницъ, святыхъ, лицемѣровъ и писателей. „Въ послѣднихъ—говоритъ авторъ — легко ошибиться, если судить о нихъ по ихъ сочиненіямъ. Только немногіе говорятъ правдиво и ихъ-то гонитъ неистовая толпа Критиковъ, Сатириковъ, Завистниковъ и Лжесвятошъ". Онъ учитъ дочь, какъ различать людей „глупыхъ отъ природы и глупыхъ отъ обстоятельствъ", отдавая предпочтеніе первымъ, ибо они „услужливы, не вредныя твари... нужны въ жизни, и человѣчеству на ихъ услужливость можно положиться".

Онъ даетъ дочери совѣтъ отдаляться отъ „чувствительныхъ молодыхъ людей" и въ особенности предостерегаетъ ее отъ „изнѣженныхъ и слабыхъ твореній, т.-е. людей свѣтскихъ, но имѣющихъ титулъ важнаго, многотруднаго званія", говоритъ молодой дѣвушкѣ, что „праздполюбіе такихъ людей намъ выгодно; еслибы сіи питомцы нѣги и праздности вздумали укрѣпить свои силы тѣлесныя и душевныя, и стали способными сами отправлять свои должности, то тогда бы... я страшусь!.. Тогда пропало бы уваженіе къ нашему трудолюбивому посредственному состоянію, про-

[1]) Ч. 2-я, стр. 123.

пала бы та зависимость, въ которой они теперь отъ насъ находятся... Пока есть хромые и увѣчные, до тѣхъ поръ палка и костыль будутъ въ чести“!.. Сказавъ, что отъ такихъ людей нельзя ждать ни „человѣколюбія, ни искренняго участія ни въ общемъ, ни въ частномъ дѣлѣ“, авторъ все-таки даетъ совѣтъ дочери, какъ „пріобрѣсть благосклонность такихъ баръ“. Для этого она должна стараться „увеличить кругъ ихъ веселостей пристойными забавами и веселымъ характеромъ“. Тутъ его заботитъ вопросъ: „какъ это сдѣлать, если у тебя нѣтъ веселаго характера“? Но средство найдено. „Береги здоровье,—говоритъ онъ—берегись излишняго напряженія духа, всѣми силами противься первымъ искушеніямъ демона унылости и меланхоліи, когда онъ дерзнетъ поселиться въ твоемъ сердцѣ“.

Свою книгу авторъ кончаетъ обращенными къ дочери словами: „поступай честно и не бойся никого“!

И такая книга читалась въ классахъ воспитанницамъ институтовъ! А что она читалась, на это есть несомнѣнныя доказательства въ еженедѣльныхъ донесеніяхъ инспекторовъ классовъ Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ; въ своихъ „рапортахъ“ Совѣтамъ этихъ институтовъ инспекторы постоянно, до 1813 года, отмѣчали, изъ какой главы „Отеческихъ совѣтовъ“ и сколько пройдено съ воспитанницами за недѣлю.

Въ 1813 году „Отеческіе совѣты“ были замѣнены другою книгою, также посвященною Императрицѣ Маріи и составленною Іаковомъ Воскресенскимъ, законоучителемъ Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, подъ названіемъ: „Нравоученіе для благородныхъ воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ и института ордена св. Екатерины“. Въ „Нравоученіе“ вошли мѣстами почти цѣликомъ многія изъ правилъ автора „Отеческихъ совѣтовъ“ на назначеніе женщины, кругъ ея дѣятельности и др., а вся четвертая часть „Нравоученія“ есть не что иное, какъ сокращеніе второй части „Отеческихъ совѣтовъ“.

„Нравоученіе“ читалось воспитанницамъ въ классахъ до конца жизни Императрицы Маріи.

Какъ сложилась внутренняя жизнь въ институтахъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, какъ тамъ шло воспитаніе, какъ относилась къ этимъ заведеніямъ Императрица — объ этомъ мы встрѣтили очень мало указаній. Только въ воспоминаніяхъ бывшей воспитанницы петербургскаго Дома Трудолюбія, Алабьиной, авторъ разсказываетъ, что Императрица Елизавета часто пріѣзжала въ Домъ, присылала „моимъ милымъ дѣтямъ“ рыбу, икру, фарфоровыя яйца, „вообще была

добра"—говоритъ Алабьина. Прощаясь передъ своимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, Императрица сказала воспитанницамъ: „Молитесь, чтобы я выздоровѣла, и я возвращусь къ вамъ! тогда все будетъ иначе; я перестрою домъ, вы всѣ станете учиться по-французски" [1]).

Судя по тому, что въ Домѣ Трудолюбія, гдѣ воспитывались дѣвицы „разночиннаго состоянія", давались, по словамъ Алабьиной, балы, надо думать, что они давались и въ Патріотическомъ институтѣ. Вообще, по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя сохранились за время Императрицы Елизаветы объ этихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, бытъ воспитанницъ ихъ былъ проще, нежели въ институтахъ Императрицы Маріи. Но и въ Патріотическомъ институтѣ обращали большое вниманіе на то, чтобы воспитанницы говорили по-французски. По этому поводу одна изъ нихъ разсказываетъ, что когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 года и въ институтѣ была слышна пальба изъ орудій, начальница стала говорить институткамъ: „это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и точно кухарки болтаете все по русски". „Въ страшномъ перепугѣ,—сообщаетъ авторъ разсказа—мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ передъ иконами съ горькими слезами раскаянія тогда же поклялись начальницѣ вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны; пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились и долго послѣ того въ спальняхъ и залахъ Патріотическаго института не слышалось русскаго языка" [2]).

Императрица Елизавета стояла къ этимъ заведеніямъ гораздо дальше, чѣмъ Императрица Марія къ своимъ; она не входила въ подробности быта, воспитанія и ученія воспитанницъ, мало заботилась о нихъ, какъ во время пребыванія ихъ въ заведеніи, такъ и по выходѣ изъ него. По видимому ея распоряженія начальствующимъ лицамъ ограничивались рескриптами въ тѣхъ случаяхъ, когда она считала это нужнымъ.

---

[1]) Воспоминанія институтки. Соч. Ел... Ал... Печатано съ Выс. Ея Имп. Вел. соизволенія. С.-Пет. 1834.

[2]) 14 ое декабря 182˙ года въ Патріот. инст. *С. А. Пелли* („Р. Стар.", 1870, авг.).

V.

Взглядъ Императрицы Маріи на образованіе. — Начертанный ею планъ ученія въ Обществѣ. — Сравненіе програмы плана съ програмою Комиссіи народныхъ училищъ. — Учители и ихъ жалованье. — Записка инспектора объ учителяхъ. — Програма ученія въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. — Програма мѣщанскихъ училищъ. — Планъ ученія для дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома. — Затрудненія при введеніи плана Императрицы.—Донесенія инспектора классовъ.—Преподаваніе физики и учителя.—Требованія Императрицы отъ учителя физики.—Взглядъ инспектора на обученіе мѣщанокъ.—Предметы, преподававшіеся на иностранныхъ языкахъ.—Повышеніе требованій при помѣщеніи воспитанницъ въ институты.—Инспекторъ классовъ Лодій.—Его докладъ Императрицѣ.—Его поиски учителя физики на французскомъ языкѣ. — Учебныя руководства въ женскихъ заведеніяхъ. — Печатаніе фамилій учителей въ Адресъ-календарѣ.—Третные рапорты учителей.—Отмѣтки воспитанницамъ.—Учебный планъ Лодія.—Повышеніе програмы мѣщанскаго училища.—Знанія воспитанницъ.—Заботы Императрицы объ ученіи.—Присылаемыя ею книги.—Инспекторъ классовъ Германъ.—Его донесенія.—Приглашеніе лучшихъ учителей.—Комитетъ по учебной части.—Отмѣна экзаменовъ при переводѣ изъ одного класса въ другой.—Табель о жалованьѣ учителей.—Правила о наградахъ и пенсіяхъ имъ.—Особенныя требованія отъ учителей для женскихъ учебныхъ заведеній. — Програма курса для пепиньеръ.—Сочиненія воспитанницъ.—Огражденіе на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по мужскому образованію. — Цѣль учрежденія Комитета по учебной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Учебный Комитетъ при главномъ правленіи училищъ. — Руководство по исторіи.—Диктованіе въ классахъ.—Бесѣды въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Библіотека Общества. — Самостоятельное отношеніе Императрицы Маріи къ мѣрамъ правительства по мужскому образованію.—Положеніе учебнаго дѣла въ Патріотическомъ институтѣ и петербургскомъ Домѣ Трудолюбія.—Програма полтавскаго института.—Донесеніе Гулакъ-Артемовскаго объ ученіи въ этомъ институтѣ.

Императрица Марія смотрѣла на роль образованія въ жизни такъ же, какъ на него смотрѣла Екатерина, т.-е. она подчиняла его воспитанію. „Прошу инспектриссъ — писала Императ-

рица Адлербергъ — приглашать дѣвицъ, особенно способныхъ, употреблять эти способности не только для образованія ума, но работать для образованія сердца и характера". Но она расходилась съ Екатериной во взглядахъ, какъ на цѣль даваемаго воспитанницамъ образованія, такъ и на характеръ его. Императрица Марія хотѣла, чтобы дѣвушки выходили изъ институтовъ не людьми вообще просвѣщенными, что̀ имѣла въ виду Екатерина, а хорошими женами, матерями и хозяйками. „Если будутъ любить ученіе, трудъ и порядокъ, — писала она въ 1804 году о воспитанницахъ Смольнаго — то могутъ надѣяться быть счастливыми женами и матерями, особенно если къ талантамъ и познаніямъ, какія имъ даются въ заведеніи, присоединятъ хорошій характеръ".

Тотчасъ послѣ своего вступленія въ управленіе Обществомъ, Императрица собственноручно составила новый планъ ученія для этого, единственнаго тогда (въ 1797 г.), правительственнаго женскаго учебнаго заведенія [1]).

Новымъ планомъ воспитанницы каждаго возраста раздѣлялись, по степени успѣховъ въ ученіи, на три отдѣленія, въ которыхъ оставались по году въ каждомъ. Уроки, утромъ съ восьми до двѣнадцати часовъ, и послѣ обѣда съ двухъ до шести, назначены были двухчасовые. Въ младшемъ возрастѣ на ученіе было опредѣлено 30 часовъ въ недѣлю, изъ которыхъ по три урока въ недѣлю назначалось на чтеніе и письмо на каждомъ изъ трехъ языковъ и кромѣ того впослѣдствіи, для болѣе успѣвшихъ, еще по одному уроку на грамматику русскую, французскую и нѣмецкую.

Слѣдовательно на обученіе языкамъ въ младшемъ возрастѣ было отведено болѣе 18-ти часовъ изъ 30-ти; остальные часы назначались на преподаваніе закона Божія, географіи, исторіи и ариѳметики, по одному уроку на каждый предметъ. Два часа въ недѣлю посвящались танцамъ, а десять — музыкѣ и рукодѣлію. Въ среднемъ возрастѣ предметы преподаванія оставались тѣ же, что и въ младшемъ, но число учебныхъ часовъ было увеличено до 34. Въ старшемъ возрастѣ къ этимъ предметамъ были прибавлены: логика, геометрія, натуральная исторія и опытная физика. Учителямъ и класснымъ дамамъ предписывалось заботиться о привитіи дѣтямъ привычки къ чтенію книгъ.

Въ программу ученія мѣщанской половины входили: законъ

---

[1]) Планъ ученія въ предметахъ Высочайше предписанныхъ для Восп. Общ. бл. дѣв. и мѣщанскаго отдѣленія, 1797 г., 9-го января (Учр—ія Общ. бл. дѣв. 1767—1820 гг. XII).

Божій, ариѳметика, на сколько это нужно въ домашнемъ хозяйствѣ, русская исторія и рисованіе. На всѣ эти предметы было положено 24 часа въ недѣлю, а остальное время посвящалось рукодѣліямъ [1]). Преподававшіеся при Екатеринѣ на мѣщанской половинѣ музыка и танцы, а также иностранные языки, были сначала отмѣнены новымъ планомъ, но скоро опять введены [2]).

Въ первый же мѣсяцъ послѣ того, какъ начали примѣнять новую программу, изъ нея Высочайшимъ повелѣніемъ было исключено преподаваніе натуральной исторіи, которую долженъ былъ обучать учитель русской исторіи и географіи [3]).

Сравнивая новую программу для благородныхъ воспитанницъ съ программою комиссіи народныхъ училищъ 1783 года, разница между обѣими замѣчается въ томъ, что новою программою отмѣнялось преподаваніе архитектуры и геральдики, которыя, впрочемъ, входила вѣроятно, по принятому тогда обыкновенію, въ преподаваніе исторіи; кромѣ того, вводился новый предметъ — логика. Въ распредѣленіи предметовъ обѣихъ программъ, новымъ планомъ увеличивалось общее во всѣхъ классахъ число уроковъ закона Божія; всего же болѣе часовъ, опредѣленныхъ на учебныя занятія, отводилось въ немъ преподаванію языковъ, которое стояло на первомъ мѣстѣ.

Каждый годъ должны были производиться въ присутствіи начальницы и одного изъ членовъ Совѣта экзамены, и кромѣ того назначались еще полугодичныя испытанія въ присутствіи лишь одной начальницы. О результатахъ экзаменовъ предписывалось представлять самой Императрицѣ, а инспекторъ классовъ долженъ былъ ежедневно доносить высшему начальству о прилежаніи воспитанницъ и ежемѣсячно объ ихъ успѣхахъ [4]).

Скоро послѣ присылки новаго плана, Императрица одобрила составленное Совѣтомъ Общества „распоряженіе какъ произвести въ дѣйствіе новый планъ ученія, избѣгая сколь можно лишнихъ издержекъ“. Этимъ „распоряженіемъ“ преподаваніе новаго предмета, логики, возлагалось на учителя россійскаго слога, а геометріи—на учителя „физическаго“. Французскому чтенію и чистописанію на благородной половинѣ, также и русскому на мѣщанской, должна была обучать бывшая мѣщанская воспитанница, дѣвица Крепейнъ, назначенная еще при Екатеринѣ для обученія французскому чтенію и письму, съ жалованьемъ по 75 р. въ

---

[1]) *Лядовъ*, стр. 29—33.

[2]) Протоколъ Сов. 4-го іюля 1797 г. (См. Гл. IV, стр. 132).

[3]) Протоколъ Сов. 13-го авг. 1797 г.

[4]) *Лядовъ*, стр. 33.

годъ; за новые уроки ей прибавили 70 р. въ годъ. Для обученія ариѳметикѣ и русской грамматикѣ въ низшихъ классахъ былъ приглашенъ актуаріусъ иностранной коллегіи, бывшій прежде учителемъ въ Александровской семинаріи. Отъ учителя русской грамматики требовалось знаніе и иностранныхъ языковъ, „дабы кромѣ грамматики былъ въ состояніи обучать русскому языку и посредствомъ переводовъ". Ему, за 26 часовъ въ недѣлю, назначалось 500 р. жалованья въ годъ, и на квартиру, „пока не будетъ казенной", 100 рублей. Для „верхняго французскаго класса" Императрица велѣла принять изъ горнаго корпуса учителя, которому платить жалованья „на собственномъ его экипажѣ" по 700 р. въ годъ за 16 часовъ въ недѣлю. Для преподаванія исторіи и географіи на благородной половинѣ „распоряженіемъ" предписывалось взять учителя изъ учительской семинаріи; ему за 26 часовъ въ недѣлю полагалось жалованья по 400 р. въ годъ и 100 р. на квартиру съ дровами.

Но за такое жалованье хорошіе учителя не соглашались идти на службу Обществу; инспектору было особенно трудно найти учителя, который взялся бы преподавать исторію и географію, 26 часовъ въ недѣлю, за 500 рублей. „Учитель въ таковой части — доносилъ инспекторъ Совѣту — нуженъ особливо искусной и въ преподаваніи опытной, на такое жалованье несогласенъ, а польза Общества требуетъ лучше имѣть во всякой части человѣка извѣстнаго и опытнаго есть ли то возможно" [1]). Поэтому инспекторъ предлагалъ поручить преподаваніе исторіи и географіи учителю геометріи, прибавивъ ему за нихъ 200 рублей. Вообще, инспекторъ настаивалъ на „непреложномъ правилѣ, чтобы при воспитаніи благороднаго юношества, а особливо чувствительнаго женскаго пола, наставники отличались не только знаніемъ, но и благоразуміемъ и благонравіемъ... Это и трудная должность, — писалъ онъ Совѣту, — каждый день по четыре и по шести часовъ преподавать ученіе возвышеннымъ голосомъ и съ напряженнымъ умомъ". Для привлеченія лучшихъ учителей, инспекторъ предложилъ Совѣту давать имъ чины и „поставить это въ начертаніи о классахъ".

Сначала планъ Императрицы Маріи примѣнялся только въ Воспитательномъ Обществѣ; въ другихъ институтахъ, за исключеніемъ московскаго Екатерининскаго и дѣвичьяго училищъ, для которыхъ сама Императрица составила программу ученія, близко

---

[1]) Протоколъ Совѣта 26-го іюня 1797 г.

подходившую къ ея плану 1797 года, програмы составлялись инспекторами классовъ вмѣстѣ съ начальницами.

Первоначальная програма петербургскаго Екатерининскаго училища была гораздо ограниченнѣе программы Общества; въ нее не былъ включенъ французскій языкъ, а лишь нѣмецкій, который долженъ былъ преподаваться учителемъ ариѳметики; уроки танцевъ полагались лишь въ старшемъ классѣ, передъ выпускомъ [1]).

Но мало-по-малу всѣ програмы институтовъ были сравнены и болѣе или менѣе приближены къ „плану ученія“ Императрицы 1797 года, съ тою разницею, что въ Воспитательномъ Обществѣ, гдѣ воспитанницы оставались девять лѣтъ, курсъ былъ обширнѣе, нежели въ другихъ институтахъ, и кромѣ того въ послѣднихъ не преподавались: геометрія и словесность трехъ языковъ, преподававшіяся въ Смольномъ на благородной половинѣ.

Такимъ образомъ въ курсъ институтовъ для дворянъ входили, кромѣ закона Божія и нравоученія, слѣдующіе предметы: языки русскій, французскій и нѣмецкій, риторика, логика, ариѳметика, исторія всеобщая и русская (въ 1-мъ отдѣленіи дѣвичьяго училища только русская, тоже и географія), географія всемірная и русская, физика, танцы, пѣніе, музыка за особую плату. Вездѣ на обученіе иностраннымъ языкамъ было отведено самое большое число уроковъ [2]). Програма мѣщанскихъ училищъ включала предметы: законъ Божій, три языка (чтеніе, письмо и грамматика), ариѳметику, русскую исторію и русскую географію [3]).

Судить объ объемѣ и духѣ, въ какомъ должны были преподаваться эти предметы въ институтахъ съ шестилѣтнимъ курсомъ, можно по составленному въ 1808 году, согласно порученію Императрицы, директриссою дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, Васмутъ, „плану ученія“ [4]). По этому „плану“, одобренному Императрицею, воспитанницы, поступавшія неграмотными должны были обучаться чтенію и письму на трехъ языкахъ классными дамами [5]), которыя и по переходѣ дѣтей къ учителю, обучавшему ихъ лишь механизму чтенія, продолжали свои занятія съ этими воспитанницами, объясняя имъ смыслъ прочтеннаго съ учителемъ,

[1]) Расположеніе ученія въ уч. орд. св. Ек. Донесеніе кн. Куракина Императрицѣ (Учрежденія С.-Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII).

[2]) Планъ ученія инспектора Малоземова, 1802 г. (Учр. по С.-Пет. уч. орд. св. Ек.).—Ист. зап. о моск. уч. 9—10.—Истор. очеркъ 50-ти-лѣтія Павл. инст.

[3]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1802 г.—Ист. зап. о моск. уч., стр. 159, 178.

[4]) Plan d'études des classes nobles de l'Institut Impérial d'orphelines militaires présenté à Sa Majesté Impériale l'Impératrice-Mère (Арх. IV отд.).

[5]) Въ моск. Александр. училищѣ такихъ воспитанницъ обучалъ русской грамотѣ дьячокъ (Истор. зап., стр. 177).

„образуя ихъ мысли, просвѣщая ихъ умъ и насколько возможно прочно кладя фундаментъ предполагаемаго къ возведенію зданія". Правописанію долженъ былъ обучать учитель чистописанія.

Преподаваніе географіи начиналось во второмъ классѣ съ общаго описанія земного шара; затѣмъ, перейдя къ географіи физической, надлежало знакомить воспитанницъ съ произведеніями земли. „Это —сказано въ „Планѣ" — вызоветъ у воспитанницъ любопытство узнать какъ человѣкъ ими пользуется и тутъ передъ учителемъ открывается широкое поле для поддержанія этого любопытства... Онъ будетъ говорить имъ о торговлѣ, о технологіи, объ искусствахъ, объ естественной исторіи... онъ дастъ новыя идеи воспитанницамъ и будетъ занимать ихъ воображеніе полезными предметами".

При перечисленіи событій, которыя учитель исторіи будетъ излагать воспитанницамъ, „Планъ" предписываетъ указывать имъ на вліяніе, какое такія событія, какъ крестовые походы, открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія оказали на усовершенствованіе и на счастіе человѣческаго рода. „Чувствительной женщинѣ—говорится въ „Планѣ"—мало дѣла до того, сколько человѣкъ погибло въ томъ или другомъ сраженіи; но молодымъ дѣвушкамъ въ высшей степени полезно, и имъ слѣдуетъ знать то, что повліяло на домашнюю жизнь, и такъ преподаваемая исторія вполнѣ будетъ отвѣчать цѣли ихъ воспитанія". Уроки исторіи и географіи должны были происходить въ формѣ бесѣдъ учителя съ воспитанницами; задаваніе уроковъ наизусть не дозволялось планомъ Васмутъ; отъ учителя требовалось, чтобы онъ старался заинтересовать умъ, сердце и воображеніе воспитанницъ разсказами, также задавая имъ вопросы для письменныхъ на нихъ отвѣтовъ... „Надо дѣйствовать—говоритъ Васмутъ—на умы молодыхъ дѣвушекъ посредствомъ чувства; онѣ всегда будутъ внимательны и прилежны, если ихъ сердце заинтересовано предметомъ, которому ихъ учатъ; но именно объ этомъ учителя совсѣмъ не думаютъ"—прибавляетъ она.

Въ старшемъ классѣ воспитанницы—по мнѣнію Васмутъ—уже не дѣти, требующія заботъ учителя: „это молодыя четырнадцати и пятнадцати-лѣтнія дѣвушки,—говоритъ она—хорошо воспитанныя, хорошо образованныя, но желающія еще усовершенствоваться". Для этого, вмѣсто переводовъ, онѣ пишутъ сочиненія, письма, берутъ темы изъ исторіи, изъ домашней жизни, дѣлаютъ извлеченія изъ книгъ и стараются привыкнуть письменно выражать свои мысли красиво (avec grâce) и свободно. Потомъ ихъ научатъ понимать стихи и читать ихъ со вкусомъ и съ чувствомъ. Изъ географіи онѣ будутъ проходить политическую въ связи съ исторіей XVIII вѣка,

узнаютъ, какія измѣненія въ раздѣлѣ государствъ послѣдовали за рядомъ войнъ, и послѣдствія этихъ измѣненій; имъ скажутъ о вновь изобрѣтенныхъ искусствахъ, о знаменитыхъ людяхъ, тогда жившихъ, и о великихъ короляхъ, тогда царствовавшихъ. Но преимущественно онѣ будутъ изучать исторію и географію Россіи, подробно ознакомятся съ своимъ отечествомъ, „чтобы живо почувствовать представляемыя имъ преимущества (avantages) и счастіе ему принадлежать".

Такъ какъ, согласно „Учрежденію" дѣвичьяго училища, туда принимались дѣти отъ семи до одиннадцати лѣтъ, а выходить онѣ должны были шестнадцати и семнадцати-лѣтними, то вступившія въ болѣе раннемъ изъ назначенныхъ возрастовъ—оканчивали бы предписываемый „Планомъ" курсъ наукъ раньше требуемаго для выпуска. Такія, оставаясь въ училищѣ до узаконеннаго возраста, занимались бы, по предложенію Васмутъ, рукодѣліями, хозяйствомъ, повтореніемъ нѣкоторыхъ уроковъ и слушали бы, подъ ея надзоромъ, курсъ литературы на трехъ языкахъ.

Введеніе въ дѣйствіе новаго плана ученія въ Обществѣ встрѣтило на первыхъ же порахъ затрудненіе въ недостаткѣ учебныхъ книгъ и пособій, которыхъ, по донесенію инспектора въ 1800 году, въ Обществѣ совсѣмъ не было, хотя учебныя книги постоянно печатались нарочно для него. Въ силу учебнаго плана, онѣ должны были печататься почти по всѣмъ предметамъ „въ сокращенномъ видѣ" [1]). Но такъ какъ книги печатались въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ это время листы, по мѣрѣ ихъ отпечатанія, брались для раздачи воспитанницамъ въ классахъ, то иногда не оставалось ни одного полнаго экземпляра книги. Малоземовъ предложилъ Совѣту поручить составить и книгу для нѣмецкаго чтенія, спеціально для воспитанницъ Общества, говоря, что такія книжки существуютъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, но въ каждомъ сообразно полу и возрасту учащихся; „да и этихъ книгъ — прибавлялъ онъ — нельзя получить въ такомъ количествѣ, сколько нужно для Общества" [2]). Хотя переводы съ одного языка на другой составляли главный предметъ всего преподаванія, но и словарей въ Обществѣ не было, и Малоземовъ просилъ у Совѣта разрѣшенія купить по одному экземпляру сло-

[1]) Въ представленномъ инспекторомъ Малоземовымъ Совѣту спискѣ значились напечатанными для Общества съ 1798 г.: Сокращеніе изъ всемірной исторіи и географіи, также русской географіи, изданій комиссіи народныхъ училищъ. „Описаніе россійскаго государства", напечатанное полнымъ заводомъ въ 1.100 экземплярахъ; Сокращеніе по географіи—въ 900 экземплярахъ.

[2]) Прот. Сов. В. О. 20-го іюня 1800 г.

варей французскаго и нѣмецкаго на отдѣленіе, и то лишь для двухъ старшихъ классовъ.

Совѣтъ назначилъ на удовлетвореніе всѣхъ требованій Малоземова 281 рубль.

Малоземовъ былъ, какъ и его предшественникъ, Киріакъ, инспекторомъ классовъ не только въ Обществѣ, но и въ училищѣ ордена св. Екатерины. Онъ обучалъ логикѣ, ариѳметикѣ, россійскому слогу; иностранныхъ языковъ онъ не зналъ и даже по-русски писалъ неправильно, напр. „етово"; но, какъ преподаватель россійскаго слога, излагалъ свои ежемѣсячныя донесенія Совѣту объ успѣхахъ воспитанницъ изысканнымъ языкомъ. „Благородныя воспитанницы 1-го и 2-го отдѣленія,—писалъ онъ въ 1800 году —чувствуя довольно, что однимъ добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ могутъ пріуготовить себѣ истинное щастіе и воздать за всѣ благодѣянія на нихъ изливаемыя, прилежатъ къ ученію и въ немъ успѣваютъ... Слушая преданнымъ сердцемъ усердныя внушенія учителя закона Божія, прошли весь пространный Катехизисъ и священную исторію, и повторяя ихъ, проходятъ нравоученіе... Любя достохвальныя дѣянія и прославившихся оными мужей прошедшихъ вѣковъ, съ мая сего 1800 года прошли всю исторію о Европѣ вообще и окончили почти всѣ европейскія государства изъ географіи... Разумѣя, что много образуется и обогащается разумъ Математическими науками, прилѣжатъ къ онымъ, а особливо къ геометріи... Входя во вкусъ литературы, охотно переводятъ и начинаютъ дѣлать на россійскомъ и французскомъ языкѣ небольшія сочиненія... Нѣкоторыя дѣвицы рисуютъ цѣлыя картины".

О второмъ возрастѣ онъ сообщалъ между прочимъ: „благородныя воспитанницы не отступаютъ никогда отъ добраго порядка, какой заведенъ въ классахъ. При слушаніи закона Божія никогда не разсѣеваются ни умомъ ни сердцемъ. Учители, видя наставленій своихъ достодолжное вліяніе на умъ воспитывающихся, всѣ отправляютъ должность свою не упустительно" [1]).

Какъ видно изъ послѣдующихъ, составленныхъ въ такихъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ, донесеній инспектора, учебное дѣло въ первое время введенія новаго плана трудно налаживалось въ женскихъ институтахъ, между прочимъ и вслѣдствіе недостатка въ учителяхъ. Въ Екатерининскомъ училищѣ въ 1802 году не было учителя нѣмецкаго языка (13½ часовъ въ недѣлю), а въ первомъ отдѣленіи дѣвичьяго (для благородныхъ)

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1767—1820 гг., XII.

преподаваніе исторіи и географіи было возложено на священника, который,—писала Васмутъ Императрицѣ—„еще не рѣшается взять на себя эти уроки, ибо уже давно не занимался науками и долженъ сначала приготовиться“ [1]). Вслѣдствіе недостатка учителей, а также частой ихъ смѣны, и распредѣленіе предметовъ часто мѣнялось. На русскую географію и исторію въ Обществѣ приходился въ 1802 году всего одинъ урокъ въ три недѣли, потому что одинъ и тотъ же учитель преподавалъ эти предметы и еще, особо, по желанію Императрицы, миѳологію, посвящая на каждый изъ предметовъ по одному уроку въ недѣлю.

О преподаваніи геометріи въ Обществѣ, Малоземовъ писалъ въ 1802 году Совѣту: „нѣкоторымъ дѣвицамъ изъ перваго отдѣленія, имѣющимъ склонность наблюдать непрерывную связь доказательствъ математическихъ, проблемы нетрудныя, слѣдующія изъ соображенія предъидущихъ предположеній, безъ предварительнаго отъ учителя объясненія, рѣшать случалось. Но вообще дѣвицъ, къ сему терпѣнію расположенныхъ, число не велико. Впрочемъ всѣ, наукѣ сей обучающіяся, можетъ быть имѣютъ о ней довольныя понятія относительно къ своему полу“ [2]).

Кромѣ геометріи, въ старшемъ классѣ Общества, съ 1804 года, преподавали и начала алгебры, по одному уроку въ недѣлю; это было введено потому, что ариѳметика, по донесенію инспектора, „идетъ медленно и изучая алгебру, воспитанницы успѣютъ и въ ариѳметикѣ“. Но и въ слѣдующемъ году онъ доносилъ, что „ариѳметика и алгебра туга“; приводя въ оправданіе отчасти то, что въ одномъ классѣ учатся 57 воспитанницъ, а главнымъ образомъ приписывая неуспѣхи ихъ въ геометріи (также и въ физикѣ) тому, что онѣ не расположены къ этимъ наукамъ, Малоземовъ испросилъ позволеніе преподавать ихъ только способнымъ. Желающихъ слушать геометрію оказалось однако 45 воспитанницъ, а физику 67, которыя въ третій разъ проходили одинъ и тотъ же курсъ.

Преподаваніе физики въ институтахъ съ самаго начала было обставлено особенными трудностями. Изъ нея, по составленному Малоземовымъ въ 1802 году для Екатерининскаго училища плану, должна была преподаваться лишь одна „ѳеорія о свойствахъ тѣлъ, ибо инструменты неисправлены“.

Въ то время и вообще не сознавали важнаго значенія физики въ дѣлѣ общаго образованія, а въ женскихъ институтахъ

[1]) Учр. по дѣв. уч. в.-сир. дома 1807—1855 (XVIII). Письмо отъ 28-го сентября 1807 г.

[2]) Докладъ инспектора классовъ В. О. бл. дѣв. объ ученіи и экзаменахъ въ старшемъ возрастѣ. 1802 (Арх. IV отд.).

смотрѣли на нее какъ на развлеченіе или украшеніе, которымъ можно щегольнуть. Поэтому, когда въ 1802 году Адлербергъ предложила, чтобы физика преподавалась по-русски только въ среднемъ классѣ, а въ старшемъ по-французски, Императрица это одобрила, и преподаваніе этого предмета, какъ въ Обществѣ, такъ и въ Екатерининскомъ училищѣ, было поручено учителю французскаго языка Юрво [1]).

„Физика слаба... умы воспитанницъ къ физикѣ не обыкшіе"—каждый годъ доносилъ Малоземовъ, прибавляя къ этому, что преподаваніе ея на иностранномъ языкѣ затрудняетъ успѣхи; наконецъ онъ рѣшился предложить Совѣту сократить уроки физики съ трехъ часовъ въ недѣлю, какъ было положено, до полутора. „Изъ опыта надзиранія за ученіемъ — мотивировалъ онъ свое предложеніе въ 1807 году — примѣчено, что учить физикѣ, гдѣ много дѣвицъ малолѣтныхъ и необразованныхъ столько, чтобы могли истины, требующія зрѣлаго и развергнувшагося болѣе разсудка, — совсѣмъ почти безполезно" [2]). Императрица сначала даже выразила Адлербергъ свое удовольствіе по поводу замѣны физики уроками изъ исторіи и географіи, однако сама взялась пріискать учителя „физическаго" на мѣсто Юрво, который ужъ давно не приходилъ на уроки, а до тѣхъ поръ велѣла совсѣмъ прекратить преподаваніе физики. Оно было возобновлено лишь черезъ годъ, когда для Смольнаго былъ найденъ учитель, преподававшій французскій языкъ; кромѣ физики онъ, по рекомендаціи Малоземова „имѣя потребныя знанія", соглашался давать еще уроки географіи, исторіи, литературы и математики пепиньеркамъ. За преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, по шести часовъ въ недѣлю на всѣ, онъ согласился получать 400 рублей, а за физику (четыре часа въ недѣлю) особо 600 рублей въ годъ. Но къ этому же времени и Императрица пріискала учителя физики; „это—писала она Брейткопфъ—надворный совѣтникъ Вольмаръ, нѣмецъ 50-ти лѣтъ, легко говорящій по-французски; онъ много лѣтъ давалъ публичные и частные уроки физики эксперементальной и математики даже дѣвицамъ" [3]). Ему и были поручены уроки физики въ Обществѣ и Екатерининскомъ училищѣ.

Отъ преподавателя физики въ институтахъ требованія были особенныя; Императрица поручила академику Крафту просмотрѣть тетради, по которымъ преподавалъ Вольмаръ, и сообщить

[1]) Протоколъ Сов. В. О. 3-го іюня 1802 г.

[2]) Прот. Сов. 27-го марта, 1807 г.

[3]) Письмо отъ 13-го іюля 1808 г.

послѣднему—„для соображеній“—сдѣланныя Крафтомъ на его тетради замѣчанія. Какъ видно изъ письма Императрицы къ Адлербергъ, Крафтъ нашелъ, что Вольмаръ „сообщаетъ дѣвицамъ слишкомъ много по физикѣ, больше, чѣмъ имъ нужно... Мы бы желали—писала Императрица—чтобы онъ ограничился нѣкоторыми свойствами тѣлъ и явленіями въ природѣ, которыя могутъ пригодиться молодымъ дѣвушкамъ въ обыденной жизни... Такія свѣдѣнія о дождѣ, снѣгѣ, градѣ и т. п. полезны дѣвицамъ и при воспитаніи будущихъ дѣтей“. Она просила Адлербергъ внушить Вольмару, чтобы онъ на это обратилъ все свое вниманіе, „а не на преподаваніе наукъ, какъ механика, статика и гидростатика, изъ которыхъ дѣвицы впослѣдствіи не будутъ дѣлать употребленія“. Вольмаръ не согласился слѣдовать указанному Крафтомъ методу и просилъ объ увольненіи.

Преподаваніе другихъ предметовъ шло не лучше. О познаніяхъ воспитанницъ старшаго возраста въ иностранныхъ языкахъ Малоземовъ сообщалъ, что языки—„труднѣйшая часть ученія... Нѣмецкій идетъ медленнѣе французскаго, но и для французскаго три мѣсяца не было учителя“. Въ донесеніи 1806 года онъ говорилъ, что „долго не ходилъ и уволенный теперь учитель исторіи и русскаго языка“. Только въ рисованіи воспитанницы дѣлали успѣхи; онѣ, по словамъ Малоземова, рисовали историческія картины съ лучшихъ оригиналовъ.

Во всѣхъ своихъ донесеніяхъ инспекторъ указывалъ и на то, что „занимались чтеніемъ и толкованіемъ книги „Отеческіе совѣты“. Въ 1805 году было прочтено „до свѣдѣній, которыя надо знать женщинѣ въ разсужденіи общаго всѣмъ людямъ опредѣленія и частнаго ихъ, женщинъ, назначенія“, также „объ осторожности отъ вольнодумничества и книгъ исполненныхъ онаго“ [1]).

При такомъ ходѣ ученія не удивительно, что, донося Совѣту о выпускаемыхъ съ благородной половины Общества въ 1805 году, Малоземовъ заранѣе подготовлялъ къ тому, что „большую часть третьяго отдѣленія и нѣкоторую часть второго, Начальство и публика найдутъ слабыми. Въ оправданіе—говорилъ онъ—многія могутъ пожаловаться на неблагосклонность къ нимъ природы, другія на самихъ родителей или попечителей, которые ихъ отдали противу совоспитанницъ ихъ очень малолѣтными. Но отъ перваго отдѣленія можно ожидать, что онѣ выйдутъ изъ Дому съ достаточнымъ просвѣщеніемъ и съ добрымъ сердцемъ, принесутъ утѣ-

[1]) См. также донесенія инспектора за январскую треть 1810 г. (Учр. В. О. 1805—1810).

шеніе своимъ родителямъ и пріобрѣтеніемъ себѣ собственно таковыхъ выгодъ, сдѣлаютъ удовольствіе, честь и благодарность о воспитаніи ихъ промышлявшему Начальству". Говоря о томъ, что въ успѣхахъ воспитанницъ разница „и разница большая", Малоземовъ объяснялъ это „большими разницами" въ ихъ лѣтахъ и природныхъ талантахъ. Въ первой онъ винилъ родителей, захотѣвшихъ слишкомъ рано учить своихъ дѣтей; относительно разницы въ талантахъ, благодушно прибавлялъ: „кто судія?" [1]).

Къ воспитанницамъ мѣщанскаго училища Малоземовъ относился съ пренебреженіемъ, какъ будто отъ нихъ нечего и ожидать въ смыслѣ ученія. Неудовлетворительность послѣдняго онъ приписывалъ отчасти тому, что работы отнимаютъ у воспитанницъ много времени; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ предложилъ еще усилить занятія рукодѣліями, освободивъ неспособныхъ къ ученію отъ слушанія уроковъ исторіи, географіи и нѣмецкаго языка.

О мѣщанскихъ воспитанницахъ старшаго класса онъ писалъ въ 1810 году: „третья доля мало что знаютъ и даже впредь большею частью по тупости дарованій не обѣщаютъ ничего, кромѣ что напрасно въ классахъ будутъ терять свое время... Осмѣливаюсь сказать—говорилъ онъ о выпускныхъ—что сіи воспитанницы, пользуясь гораздо меньшими способностями и образованіемъ себя, нежели благородныя, и можетъ быть по предназначеніямъ судьбы своей не имѣя въ блистательныхъ знаніяхъ надобности, далеко въ оныхъ, а потому можетъ быть и умѣя, отстали отъ первыхъ. Но многія очень при добромъ сердцѣ, послушаніи и посредственныхъ своихъ знаніяхъ можетъ статься по достоинству будутъ пользоваться (сіе говорю изъ многихъ примѣровъ) лучшею несравненно участью, нежели онѣ, изъ какой щедротами Высочайшей Покровительницы своей пріяты, и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ исполнятъ благотворительныя Ея намѣренія о ихъ благосостояніи". Представляя Императрицѣ въ 1811 году, по ея приказанію, тетради, по которымъ учителя преподавали риторику воспитанницамъ Общества, Малоземовъ объяснялъ, почему въ этихъ тетрадяхъ „для благородныхъ одинъ, а для мѣщанокъ—другой курсъ... Эта тетрадь—говорилъ онъ—для мѣщанокъ написана совсѣмъ отличнымъ образомъ отъ первыхъ. Того требовалъ образъ воспитанія и понимания воспитанницъ".

Не смотря, однако, на отсутствіе учителей и вообще на неуспѣшный ходъ ученія въ первое десятилѣтіе введенія „Плана"

[1]) Донесеніе 1808 г.

Императрицы Маріи, воспитанницы каждые три года публично экзаменовались изъ всѣхъ предметовъ, предписанныхъ „Планомъ", и притомъ—въ Смольномъ и Екатерининскихъ—училищахъ изъ такихъ важныхъ, какъ исторія, естественная исторія, геометрія, географія, на французскомъ языкѣ [1]). Это можно объяснить тѣмъ, что воспитанницъ институтовъ, какъ это дѣлалось и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, особо подготовляли къ публичному экзамену. Сообщая Императрицѣ объ удачномъ окончаніи экзамена въ Екатерининскомъ училищѣ, Брейткопфъ хвалилась тѣмъ, что: „Малоземовъ хотѣлъ показать собранію, что воспитанницы знаютъ географію не какъ попугаи, и самъ ихъ экзаменовалъ не такъ, какъ обыкнованно это дѣлается (sans suivre la marche ordinaire), но открывая книгу на удачу для каждой воспитанницы" [2]). Императрица сама велѣла учителю риторики въ Обществѣ сдѣлать извлеченіе изъ книги „Leçons de rhétorique de Blair" которое „руководило бы воспитанницъ въ ихъ отвѣтахъ на публичныхъ экзаменахъ".

По всей вѣроятности Императрица знала настоящее положеніе учебнаго дѣла въ женскихъ институтахъ; желая его улучшить она принимала разныя мѣры, казавшіяся ей дѣйствительными. Въ 1807 году она ввѣрила наблюденіе за учебною частью въ каждомъ институтѣ особому члену Совѣта, назначая для этого болѣе образованныхъ людей; велѣла представлять себѣ тетради, по которымъ учителя преподаютъ свои предметы, сама просматривала нѣкоторыя изъ нихъ и дѣлала свои замѣчанія, а другія передавала на просмотръ академикамъ и вообще компетентнымъ, по ея мнѣнію, лицамъ; сама отыскивала учителей, положеніе которыхъ старалась улучшить, поощряя ихъ трудъ наградами, увеличеніемъ жалованья, пенсіею; заботилась о составленіи библіотекъ для институтовъ и сама нерѣдко присылала для нихъ книги; наконецъ, въ 1811 году, она повысила уровень знаній вступающихъ, повелѣвъ принимать въ Общество и Екатерининскіе институты лишь умѣющихъ хорошо читать на какомъ-либо языкѣ; а на мѣщанскую половину, куда воспитанницы поступали двумя, тремя годами старѣе, чѣмъ на благородную, хорошо читать и писать по-русски. Но до 1815 года не предпринималось никакихъ крупныхъ реформъ по учебной части.

Въ 1813 году умеръ Малоземовъ и на его мѣсто былъ назначенъ сначала кандидатомъ въ инспекторы учитель Соколовъ; но, по докладу

[1]) Программа публичныхъ экзаменовъ воспитанницамъ 12-го пріема (Учр. В. О. бл. д. 1809).

[2]) Письмо отъ 11-го марта, 1805 г.

Адлербергъ, что у него „нѣтъ достоинства во внѣшности", онъ не былъ утвержденъ въ должности, на которую Императрица пригласила ординарнаго профессора философіи при Педагогическомъ институтѣ, Лодія. Лодій былъ иностранецъ, вызванный нашимъ правительствомъ въ 1803 году для учреждавшейся тогда въ Петербургѣ учительской гимназіи, а до тѣхъ поръ онъ былъ профессоромъ логики, метафизики и нравственной философіи въ львовскомъ университетѣ [1]). При его назначеніи инспекторомъ Общества и Екатерининскаго училища, ему было положено то же жалованье, какое получалъ Малоземовъ, т.-е. 1.700 руб. въ годъ и квартира въ зданіи Общества [2]).

Ознакомившись съ положеніемъ учебнаго дѣла въ обоихъ заведеніяхъ, Лодій донесъ Совѣту, что воспитанницы при поступленіи распредѣляются по отдѣленіямъ, на основаніи ихъ успѣховъ въ языкахъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ по 54 воспитанницы. Въ старшемъ классѣ Общества, гдѣ должны были преподаваться логика и русская словесность, учитель имъ не училъ, а занимался только переводами съ французскаго на русскій языкъ. Нѣмецкій языкъ также не преподавался въ старшемъ классѣ. Французскую грамматику на французскомъ языкѣ, въ среднемъ классѣ и въ младшемъ отдѣленіи старшаго, преподавала учительница. Учителя физики и въ 1813 году не было ни въ Обществѣ, ни въ Екатерининскомъ училищѣ.

Пріисканіе новаго учителя—при чемъ Императрица подтвердила свою волю, чтобы и новый учитель непремѣнно преподавалъ физику на французскомъ языкѣ—было возложено на Лодія. Найти такого учителя было дѣломъ не легкимъ.

„Милостивая государыня, Анна Ивановна, — писалъ Лодій Брейткопфъ—съ того времени, какъ г. Вольмаръ объявилъ желаніе о увольненіи своемъ отъ учительской должности, Вы, милостивая государыня, безпокоитесь приближеніемъ выпуска дѣвицъ со славою Института, а я наравнѣ съ Вами безпокоюсь и тѣмъ, и еще пріиска-

[1]) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, 1803 г.

[2]) Какая квартира отводилась тогда инспектору, можно судить по письму Лодія Совѣту. Прося очистить сосѣднюю съ этой квартирой квартиру портного, Лодій писалъ, что и вообще назначенная ему „комната тѣсна, въ ней нельзя заниматься дѣлами при неблагопристойныхъ громкихъ разговорахъ, пѣніи и разнаго рода шумовъ подмастерьевъ и мальчиковъ, которыхъ—писалъ Лодій—я нынѣ вижу, какъ птицъ, бѣгающихъ по крышѣ, то ходящихъ вокругъ дома, то заглядывающихъ въ окна... Я не могу—прибавлялъ онъ—дѣтямъ моимъ доставить другого богатства, кромѣ того, которое доставляется хорошимъ воспитаніемъ; но при такомъ народѣ всѣ мои усилія въ воспитаніи дѣтей сдѣлаются тщетными... Одинъ примѣръ къ разврату портитъ десятилѣтніе труды" (Учр. В. О. бл. д., 1813).

ніемъ хорошаго учителя, который могъ бы замѣнить мѣсто г. Вольмара въ преподаваніи физики на французскомъ языкѣ. Но тщетны всѣ мои развѣдыванія по всему Петербургу досель предпринятыя, ибо учителя съ такими качествами, который могъ бы обучать физикѣ въ обоихъ мѣстахъ, не нахожу въ цѣломъ Петербургѣ. Предлагалъ я сію должность Адьюнктъ-профессору Соловьеву, служащему въ Педагогическомъ Институтѣ Адьюнктомъ профессора Шерера, который и въ семъ Институтѣ кончилъ курсъ наукъ съ похвалою и сверхъ сего въ Германіи три года усовершенствовывался въ физикѣ. Онъ хотя и знаетъ французскій языкъ основательно, но по различности физическихъ предметовъ не осмѣливается принять на себя преподаваніе оныхъ по-французски, развѣ со временемъ могъ бы усовершенствоваться. Но и ему едва ли позволитъ г. Министръ Просвѣщенія обучать въ нашихъ заведеніяхъ и вмѣстѣ служить при Педагогическомъ Институтѣ, ибо онъ предполагаетъ, что чиновники, служащіе на разныхъ мѣстахъ, не могутъ въ точности исполнять своихъ должностей. При сихъ развѣдываніяхъ моихъ узналъ я объ одномъ французѣ, имѣнуемомъ Ферріе и нынѣ находящемся въ Москвѣ, который тамъ даетъ приватные уроки въ физикѣ; я исправлялся о немъ у Министра Просвѣщенія (какъ Вамъ извѣстно). Онъ, будучи нездоровъ, препоручилъ доктору Реману мнѣ сказать, что Ферріе знаетъ физику хорошо и человѣкъ хорошаго поведенія, но на свой счетъ не рѣшится ѣхать въ Петербургъ, ибо крайне разоренъ французами, грабившими Москву. По сему покорнѣйше прошу Васъ, милостивая государыня, не благоугодно ли будетъ для приглашенія Ферріе къ преподаванію физики въ нашихъ двухъ училищахъ съ положеніемъ въ годъ жалованья, предварительно учинить всеподданный докладъ Ея Императорскому Величеству" [1]).

Этотъ учитель, Ферри, согласился взять на себя уроки физики въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ. Извѣщая о своемъ согласіи, онъ между прочимъ писалъ Лодію: „какая честь преподавать въ заведеніяхъ, покровительствуемыхъ добродѣтельною Государынею! Какое удовлетвореніе объяснять законы природы и ея явленія молодымъ дѣвицамъ, снабженнымъ уже столь различными знаніями, излагать неопровержимые доводы мудрости, доброты Провидѣнія, Творца вселенной, сердцамъ чистымъ и религіознымъ!" [2])

---

[1]) Письмо отъ 26-го сентября, 1813 г. (Переписка по учр. орд. св. Екат.).

[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1813.

Въ слѣдующемъ году Ферри началъ свои уроки, открывъ ихъ рѣчью, произнесенною воспитанницамъ по-французски. Восхваляя Императрицу, онъ сказалъ: „она по собственному опыту знаетъ, что просвѣщенная и добродѣтельная мать образуетъ своихъ дѣтей для добродѣтели, что она побуждаетъ ихъ къ пріобрѣтенію знаній и что она содѣйствуетъ успѣхамъ, которые они должны имѣть въ обществѣ; она напередъ знаетъ, какъ велико будетъ ваше вліяніе на славу и счастіе націи... Все, что ведетъ къ развитію вашего ума и сердца, ее живо интересуетъ, въ то время какъ ограниченные люди упорствуютъ въ мнѣніи будто науки математическія и физическія должны оставаться чуждыми вашему полу“... Ферри кончилъ свою рѣчь защитою математики и физики противъ обвиненія этихъ наукъ въ томъ, что онѣ распространяютъ невѣріе въ умахъ [1]).

Но Ферри умеръ въ началѣ 1815 года и какъ нарочно передъ самыми публичными экзаменами. Императрица никакъ не соглашалась, чтобы экзамена изъ физики не было, и Лодію было поручено отыскать учителя, хотя на время, чтобы онъ „приготовилъ дѣвицъ къ публичному экзамену изъ физики на французскомъ языкѣ“. Лодій опять обратился къ адъюнктамъ профессоровъ Педагогическаго института, но они отказались, потому что „не владѣютъ французскимъ языкомъ такъ свободно, чтобы могли объяснять физику по-французски“. Извѣщая объ этомъ Адлербергъ, Лодій говорилъ, что онъ обращался къ полиціймейстеру Клингеру и спрашивалъ его: нѣтъ ли въ корпусахъ такого учителя; но тотъ отвѣчалъ, что физика и математика во всѣхъ корпусахъ преподаются на русскомъ языкѣ и совѣтовалъ идти въ корпусъ водяного сообщенія къ генералу Бетанкуру. Послѣдній сказалъ, что у нихъ физикѣ не учатъ, а нѣкоторые кадеты изъ любопытства слушаютъ физику у Роспинія частнымъ образомъ. Лодій пошелъ къ Роспинію, но узналъ, что и Роспиній преподавалъ физику по-русски. Тогда Лодій отправился къ французскому священнику, который также не могъ ему никого указать, сказавъ, что „многіе способные французы по причинѣ бывшей войны принуждены были вернуться во Францію“ [2]). Такъ экзамена изъ физики и не было.

Какъ видно изъ донесеній Лодія, исторія преподавалась въ институтахъ по книгѣ Кайданова, которую Лодій находилъ не-

---

[1]) Письмо Брейткопфъ Императрицѣ, отъ 21-го апрѣля, 1814 г.

[2]) Учр. В. О. бл. д. 1815.

подходящею для дѣвицъ, „ибо—говорилъ онъ—эта книга писана для молодыхъ людей, готовящихся къ службѣ, слогомъ немного возвышеннымъ, отступающимъ отъ простоты историческихъ происшествій, необходимо нужной для дѣвицъ, начинающихъ обучаться". Кромѣ этого руководства, въ Обществѣ были еще: по всемірной исторіи—переводъ съ французской рукописи, составленной для великой княжны Анны Павловны, изданный потомъ въ Москвѣ для употребленія въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ; также сокращенная всемірная исторія профессора Галетти, переведенная съ нѣмецкаго; а по русской исторіи „Начертаніе россійской исторіи", составленное прежнимъ учителемъ этого предмета. Лодій предложилъ учителю русской исторіи „принаровить всемірную исторію къ тремъ возрастамъ дѣвицъ".

Въ видахъ поощренія учителей, Лодій представилъ Совѣтамъ Общества и училища св. Екатерины о необходимости распространить на учителей женскихъ институтовъ одну, кажущуюся намъ теперь очень скромною, привилегію, которою пользовались учителя правительственныхъ заведеній. „Заведенія для образованія женщинъ въ Россіи, состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества,—писалъ Лодій въ своемъ представленіи—составляютъ образецъ для иностранныхъ державъ и своими успѣхами восхищаютъ иностранныхъ посѣтителей. Въ сихъ успѣхахъ при Высочайшемъ Правленіи содѣйствуютъ господа учители, посвятившіе жизнь свою наукамъ, въ коихъ даютъ дѣвицамъ наставленія; посему я почитаю ихъ достойными, чтобы они были извѣстными публикѣ, вслѣдствіе чего всепокорнѣйше прошу высокопочтенный Совѣтъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на помѣщеніе учителей сихъ училищъ въ Адресъ-календарѣ, тѣмъ болѣе, что учители уѣздныхъ и приходскихъ училищъ помѣщены въономъ". При этомъ онъ просилъ, чтобы фамиліи учителей женскихъ институтовъ были помѣщены на соотвѣтственномъ ихъ значенію мѣстѣ, и доказывалъ это по всѣмъ правиламъ логики тѣмъ, что „двѣ части составляютъ сіи (женскія) заведенія, а именно: ученая и экономическая; часть ученая имѣетъ предметомъ цѣль, экономическая—средства; цѣль предпочитается средствамъ, посему часть ученую должно помѣстить передъ экономическою" [1]).

Учителя при Лодіи должны были представлять ему третные рапорты о своихъ занятіяхъ съ воспитанницами, а онъ дѣлалъ

[1]) Представленіе инспектора Лодія Совѣту Ек уч. 13-го октября 1813 г. (Переп. по уч. орд. св. Ек.).

аттестація учителей Совѣту. Среди нихъ у Лодія встрѣчались такія: „хорошъ, но простъ въ обращеніи“, „хорошъ, но не смѣлъ“ и друг.

Отмѣтки объ успѣхахъ воспитанницъ, по его предложенію, дѣлались не словами: хорошо, удовлетворительно и пр., а цифрами, начиная отъ 40, при чемъ хорошіе успѣхи по каждому предмету отмѣчались 60, 70, 80, такъ что въ общей сложности отмѣтки у хорошей ученицы могли доходить до цифры 725 [1]). Эта система, только нѣсколько упрощенная, была примѣнена и къ московскимъ училищамъ [2]).

Передъ самою реформою учебнаго дѣла въ столичныхъ институтахъ, Лодій представилъ Совѣту Екатерининскаго училища рапортъ о занятіяхъ учителей; всего болѣе они занимались обученіемъ переводамъ; воспитанницы переводили съ французскаго на нѣмецкій изъ присланной Императрицею книги: „Esprit des moralistes“, а съ русскаго на французскій изъ книги: „Нума или процвѣтающій Римъ“, Хераскова; писали и разбирали французскій переводъ всемірной исторіи; французъ Делошъ преподавалъ физику по-французски; ариѳметику и всеобщую исторію преподавалъ Плетневъ. Въ числѣ занятій было упомянуто и о томъ, что протоіерей Воскресенскій кончилъ вторую часть „Нравоученія“ и изъ третьей объяснялъ „о различіи состояній, о супружествѣ и добродѣтеляхъ женскому полу приличествующихъ“ [3]).

Въ Обществѣ преподавались даже „понятія о химіи, поколику они относятся къ частной физикѣ“.

Въ концѣ 1815 года Лодій подалъ Императрицѣ составленный по ея повелѣнію „планъ ученія“ для Екатерининскаго училища „на подобіе уже даннаго Обществу“ [4]). Въ сущности же Лодій составилъ новый планъ и для Общества, предпославъ плану обширное объясненіе и изложивъ въ немъ не только предметы ученія, но и методы ихъ преподаванія. Какъ человѣкъ, по свидѣтельству А. Никитенко, „весь проникнутый схоластикой XIII-го вѣка“ [5]), Лодій подробно изложилъ свои взгляды на сущность воспитанія и ученія, на ихъ цѣли и средства къ достиженію этихъ цѣлей, на превосходство „публичнаго наставленія передъ домашнимъ“ [6]).

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1816 г.

[2]) Истор. зап. о моск. уч., 47.

[3]) Третной рапортъ инспектора сентябрской трети. 1815 г. (Учр. по В. О. бл. д.).

[4]) Проектъ по Выс. повелѣнію предписанный по Ек. Инст. о расположеніи ученія на подобіе уже даннаго Обществу, 1815 (Учр. по В. О. бл. д. 1797—1820).

[5]) Дневникъ проф. А. Никитенко. „Р. Стар.“, 1889, февраль, стр. 301.

[6]) Всѣхъ главъ 8: 1) предметы сего плана; 2) сущность воспитанія и настав-

Въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, всего болѣе часовъ и этимъ планомъ назначалось на обученіе языкамъ [1]), причемъ сказано, что „грамматическія правила, свойственныя всѣмъ вообще языкамъ, должны предшествовать всему ученію, ибо безъ правильнаго знанія языка нельзя ожидать успѣха и въ объясняемыхъ предметахъ“... Тѣмъ, что воспитанницы, поступавшія прежде неграмотными, не знали грамматики, Лодій объяснялъ ихъ непониманіе силы слога; поэтому онѣ затверживали все наизусть; отъ этого у нихъ являлся и распѣвъ при отвѣтахъ. По новому плану грамматика каждаго языка должна была начинаться въ младшемъ же возрастѣ и на томъ же языкѣ, т.-е. французская на французскомъ, нѣмецкая на нѣмецкомъ; но учитель этихъ языковъ долженъ былъ объяснять по-русски все, сказанное имъ на иностранномъ языкѣ.

Для упражненія въ правилахъ словосочиненія, учителямъ рекомендовался методъ комиссіи народныхъ училищъ, т.-е. они должны были задавать письменныя на русскомъ языкѣ задачи, и надъ каждымъ русскимъ словомъ обозначать начало французскаго или нѣмецкаго его перевода; „смотря на смыслъ россійскаго сочиненія“, учащіяся должны были измѣнять иностранныя слова по правиламъ этихъ языковъ, „приводить слова въ свойственный имъ порядокъ и чрезъ то давать имъ совершенный смыслъ“. То же долженъ былъ дѣлать и учитель русскаго языка, задавая задачи на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ и надписывая надъ ними начало соотвѣтствующаго русскаго слова [2]). Темы для такихъ

ленія; 3) цѣль наставленія; 4) плоды публичнаго воспитанія; 5) препятствія симъ плодамъ въ домашнемъ наставленіи, 6) средства къ достиженію сей цѣли; 7) толкованіе грамматики должно предшествовать всему ученію, и 8) ученіе языковъ.

[1]) Въ Обществѣ на переводы назначалось: въ среднемъ классѣ по 18-ти часовъ въ недѣлю, въ старшемъ по 12-ти; на французскій языкъ въ среднемъ классѣ по 12 часовъ, на французскую словесность въ старшемъ классѣ по $11^1/_2$ часовъ; на нѣмецкій языкъ въ среднемъ классѣ 6 часовъ; на нѣмецкую словесность въ старшемъ 9 ч. Въ Екатерининскомъ училищѣ: на переводы по $7^1/_2$ часовъ въ недѣлю, на словесность трехъ языковъ по 3 часа на каждую. Изъ остальныхъ предметовъ въ Обществѣ полагалось: на русскую словесность, куда входило преподаваніе риторики и логики, $10^1/_2$ часовъ; ариѳметики $7^1/_2$ ч., а въ старшемъ классѣ и геометріи, всего 6 часовъ; всемірной исторіи 6 часовъ, русской въ среднемъ классѣ $4^1/_2$, въ старшемъ 3; всемірной географіи въ среднемъ 6 ч., въ старшемъ $4^1/_2$; русская въ среднемъ 3 часа. Въ Екатерининскомъ училищѣ не преподавалась геометрія; на физику полагалось $1^1/_2$ ч. въ недѣлю въ старшемъ классѣ; на русскую исторію по $1^1/_2$ часа въ старшемъ классѣ; на ариѳметику, географію и всемірную исторію по 3 ч. на каждый предметъ.

[2]) Планъ ученія въ предметахъ Высочайше предписанныхъ для Воспитательнаго Общества благ. дѣвицъ и мѣщанскаго отдѣленія и училища орд. св. Екатерины (Арх. IV отд. Упр. В. О. 1797—1820. XII).

упражненій должны были выбираться изъ краткихъ повѣстей, почерпнутыхъ изъ всеобщей, русской или естественной исторіи.

Въ среднемъ классѣ предписывалось переходить къ сочиненіямъ на разныхъ языкахъ, къ чтенію лучшихъ авторовъ, „для показанія, какъ они *красиво* выражаютъ свои мысли и какъ тѣ же мысли могли бы быть выражены *просто*. Воспитанницы должны были упражняться въ сочиненіи писемъ, при чемъ имъ показывали, какъ ихъ надписывать, какую форму соблюдать по отношенію къ различнымъ особамъ. Для переводовъ въ этомъ классѣ должны были выбираться такіе, въ которыхъ „слогъ возвышеннѣе и красивѣе“ и въ которыхъ изображены добродѣтели, „могущія образовать нравы воспитанницъ“. Какъ образцы такихъ сочиненій указаны: для переводовъ съ нѣмецкаго: Grosse und gute Handlungen Russischer Regenten, Feldherrn, Staatsbeamten und Anderer, von Claussen (Великія и добрыя дѣянія русскихъ правителей, полководцевъ, государственныхъ чиновниковъ и другихъ); съ французскаго — Moralistes français; съ русскаго на нѣмецкій и французскій — Сокращеніе всеобщей исторіи, изданное для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. „Сіи послѣдніе—сказано въ „Планѣ“ Лодія о переводахъ—имѣютъ еще ту пользу, что воспитанницы будутъ въ состояніи отвѣчать изъ исторіи по-французски и по-нѣмецки“.

Учителямъ словесности трехъ языковъ, а также риторики, „соединенной съ начальными правилами логики, а потомъ и поэзіею“, въ старшемъ классѣ, предписывалось сначала кратко излагать правила краснорѣчія и стихотворства, заставлять воспитанницъ писать сочиненія, дѣлать разборъ лучшихъ писателей и „приготовлять воспитанницъ къ экзамену“.

Вообще же отъ всѣхъ учителей требовалось, чтобы они не заставляли воспитанницъ вытверживать уроки наизусть, и чтобы воспитанницы „въ молчаніи и по смыслу учили ихъ“.

Планъ Лодія былъ примѣненъ и къ московскому Екатерининскому училищу.

Благодаря тому, что въ военномъ отдѣленіи, только-что тогда учрежденномъ при мѣщанской половинѣ Общества, программа ученія была почти та же (за исключеніемъ физики), что въ Екатерининскомъ училищѣ, программа и собственно мѣщанскаго училища значительно расширилась въ сравненіи съ тою, какая была для него опредѣлена планомъ Императрицы 1797 года.

До 1815 года воспитанницы этого училища, какъ видно изъ донесенія Лодія, „по прежнему обучались первые $2^1/_2$ года чтенію и письму на трехъ языкахъ, не касаясь грамматики. Но

какъ выше—говорится въ планѣ—многія изрядно при пріемѣ читаютъ и по-русски и по-французски, то онѣ могутъ быть обучаемы какъ благородныя младшаго возраста, а именно, имъ могутъ преподаваться: сокращенный катехизисъ и священная исторія, математическая географія со вступленіемъ во всеобщую; изъ всемірной исторіи по крайней мѣрѣ вступленіе въ нее, общее обозрѣніе исторіи, опредѣленіе, раздѣленіе, цѣль, пользу, эпохи, періоды. По Высочайшему учрежденію, эти науки—говоритъ Лодій — не предназначались къ прохожденію на мѣщанской половинѣ. Но какъ Ея Императорское Величество повелѣла принимать дѣтей военныхъ чиновниковъ, кои при защитѣ отечества изувѣчены или даже пожертвовали ему жизнью, то и эти предметы нужны, чтобы сіи безпомощныя сироты могли получить благородное воспитаніе и благороднымъ образомъ искать себѣ пропитанія въ жизни, а тѣмъ самымъ благодарить Провидѣніе Божье за данное имъ подепное пристанище и Всемилостивѣйшую Монархиню". Находя, вѣроятно, что эти мотивы недостаточно говорятъ за необходимость повысить программу мѣщанскаго училища, Лодій отдѣльно мотивируетъ пользу преподаванія имъ всеобщей географіи и исторіи. „Географія — говоритъ онъ — есть вспомогательная наука исторіи, находящаяся въ неразрывной съ нею связи. Исторія же, заключая въ себѣ многіе примѣры и благородства и добродѣтели, удобно можетъ привести дѣвицъ къ таковой желанной для нихъ цѣли. Онѣ же могутъ быть классными дамами или гувернантками, а для этого нужно не только знать Россійскую, но и всемірную географію и исторію".

При введеніи въ дѣйствіе новаго плана, Лодій просилъ ввести въ употребленіе печатныя книги, особенно по грамматикѣ языковъ, ибо „до сихъ поръ—доносилъ онъ Совѣту—преподаваніе грамматики происходило только письменно: учитель писалъ грамматическія правила по своему порядку, переводилъ техническія слова по своей волѣ и отдавалъ учащимся тетради свои для списыванія, а дѣвицы переписывали сіи тетради неправильно съ утратою бумаги, времени и здоровья".

Такъ какъ главное вниманіе въ институтскомъ преподаваніи было обращаемо на обученіе языкамъ, то и при введеніи въ дѣйствіе новаго плана ученія обнаружилось, что даже среди предназначенныхъ къ выпуску воспитанницъ знанія ихъ въ другихъ предметахъ были крайне слабы. Въ Смольномъ только одна треть воспитанницъ выпускного класса могла хорошо рѣшать задачи изъ ариѳметики, и Лодій предложилъ усилить ея преподаваніе, отнявъ $1^1/_2$ часа отъ уроковъ геометріи, на которую осталось

всего $1^1/_2$ часа въ недѣлю. „Поелику—писалъ Лодій — ариѳметика есть такая наука, которая женскому полу во всю жизнь при разныхъ расчетахъ необходимо нужна". Геометрія преподавалась на французскомъ языкѣ, также какъ и естественная исторія, уроки которой были введены только въ одномъ старшемъ классѣ Общества по два часа въ недѣлю. Для этихъ уроковъ сама Императрица обѣщала выписать изъ Парижа картины. Вообще, съ назначеніемъ Лодія инспекторомъ, Императрица стала обращать еще больше вниманія на ученіе въ столичныхъ институтахъ и даже отступила отъ нѣкоторыхъ своихъ взглядовъ на него.

Будучи хотя и нѣмецкаго происхожденія, она не считала знаніе нѣмецкаго языка важнымъ для воспитанницъ, и въ этомъ смыслѣ постоянно высказывалась начальницамъ [1]). Но въ 1818 году она велѣла ввести въ институты правиломъ, чтобы воспитанницы два дня въ недѣлю говорили по-нѣмецки; однако назначенный въ этомъ году экзаменъ изъ нѣмецкой литературы Императрица приказала сдѣлать тогда, „когда еще немного публики и какъ можно спѣшить его окончить". Она велѣла также наблюдать за тѣмъ, чтобы воспитанницы учили уроки вслухъ и „съ декламаціей", а нѣсколько лѣтъ раньше даже разсердилась, когда членъ Совѣта московскаго Екатерининскаго училища, завѣдывавшій учебной частью, извѣстный въ свое время поэтъ Ю. Нелединскій-Мелецкій, предложилъ замѣнить уроки чистописанія въ старшемъ классѣ уроками декламаціи.

Императрица велѣла докладывать себѣ о манкировавшихъ учителяхъ; ей присылали доклады и о содержаніи уроковъ начинающихъ учителей; она согласилась назначить учителю французскаго языка въ Обществѣ, за 21 урокъ въ недѣлю, 2.000 р. въ годъ жалованья, квартиру съ дровами и освѣщеніемъ и производство въ чины. Въ числѣ присланныхъ ею Обществу и Екатерининскому училищу книгъ, была Исторія Карамзина, переведенная на французскій языкъ [2]). Для переводовъ, по ея повелѣнію, должны были употребляться книги: съ русскаго — сокращенная исторія Карамзина, Греча — „Собраніе россійскихъ образцовыхъ сочиненій"; съ французскаго — „Leçons françaises de littérature et de morale", par Noël et Laplace; съ нѣмецкаго—хрестоматія Ульрихсона (инспектора классовъ московскихъ училищъ и Воспитательнаго Дома), „Grosse und gute Handlungen". Эти книги должны были выдаваться по одному экземпляру на двухъ воспитанницъ.

---

[1]) Recueil de lettres. 1-re livr. Письма отъ 18-го октября и 13-го ноября 1826 г.

[2]) Tappe. Extrait de l'histoire de Karamzin.

Но особенно усиленными заботами объ образованіи воспитанницъ въ институтахъ и особенно оживленною дѣятельностью по учебной части ознаменовалось послѣднее десятилѣтіе жизни Императрицы Маріи. Въ концѣ 1819 года, на мѣсто выбраннаго директоромъ Коммерческаго училища Лодія, она пригласила Германа, профессора статистики въ петербургскомъ университетѣ (бывшемъ Педагогическомъ институтѣ). Германъ былъ ученикомъ Шлецера и извѣстенъ своими научными трудами по статистикѣ. Къ жалованью инспектора въ 1.700 р., съ квартирой, дровами и свѣчами, Императрица прибавила ему изъ кассеты еще 800 р. въ годъ. Не смотря на то, что Германъ былъ въ русской службѣ съ 1795 года, онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ, хотя любилъ на немъ говорить [1]); кромѣ своего родного, нѣмецкаго, онъ хорошо зналъ французскій, на которомъ и писалъ всѣ свои донесенія и проекты.

Въ первыхъ же своихъ донесеніяхъ Совѣту Германъ сообщалъ, что учебному плану Лодія (1815 года) ни въ Обществѣ, ни въ Екатерининскомъ училищѣ не слѣдовали; что въ Обществѣ, за годъ до выпуска, только еще начинаютъ преподавать новую исторію, которая, по плану 1815 года, должна быть преподаваема кратко еще въ среднемъ классѣ, а въ старшемъ — въ полномъ объемѣ. Только немногія воспитанницы, по словамъ Германа, имѣютъ свѣдѣнія вообще изъ исторіи. Русскую литературу имъ начали преподавать тоже лишь за годъ до выпуска; ни одинъ учитель не успѣлъ кончить курса; въ 1820 году не было учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ. Приглашенный Германомъ для преподаванія географіи и статистики въ Смольномъ, адъюнктъ-профессоръ Арсеньевъ нашелъ ученицъ „очень отсталыми въ географіи“. Грамматику же нѣмецкаго языка преподавали согласно съ требованіями плана 1815 года, по таблицамъ.

Вѣроятно по предложенію Германа, Императрица Высочайшимъ повелѣніемъ 27-го февраля 1820 года учредила „для вящшаго усовершенствованія учебной части“ въ Обществѣ и Екатерининскомъ институтѣ, особыя „совѣщанія [2]) черезъ каждые четыре мѣсяца объ успѣхахъ уже сдѣланныхъ постановленій и предположеніяхъ къ лучшему достиженію цѣли ихъ“, или, какъ эти совѣщанія тогда же стали называться, „Комитетъ по учебной части“. Въ составъ перваго комитета вошли: начальницы, членъ Совѣта, завѣдывающій учебною частью, секретарь Императрицы Вилла-

[1]) Дневникъ А. Никитенко. „Р. Стар.“ 1889, іюль.

[2]) Такія совѣщанія были введены въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ уставомъ 1803 года.

мовъ, академикъ Шторхъ и инспекторъ классовъ, на котораго были возложены доклады комитету о томъ, какъ исполняется учебная часть, въ чемъ ея недостатки, какія могутъ быть приняты мѣры для ихъ исправленія и т. п.

Первою мѣрою комитета была отмѣна ежегодныхъ во всѣхъ классахъ экзаменовъ при переводѣ воспитанницъ изъ одного отдѣленія въ другое. Отмѣну ихъ Германъ мотивировалъ тѣмъ, что на каждый годичный экзаменъ требовалось три мѣсяца на классъ въ 150 воспитанницъ; а такъ какъ всѣхъ классовъ въ Обществѣ пять (три на благородной и два на мѣщанской), то инспекторъ долженъ бы былъ экзаменовать сряду 15 мѣсяцевъ и ничѣмъ другимъ въ это время не заниматься. Онъ предложилъ замѣнить эти экзамены ежемѣсячными донесеніями учителей и „главною о прилежаніи и поведеніи дѣвицъ книгою". Экзамены же должны были производиться лишь при переходѣ воспитанницъ изъ одного класса въ другой, т.-е. каждые три года и передъ выпускомъ. На эти экзамены также уходило очень много времени. При переходѣ воспитанницъ Общества изъ средняго класса въ старшій, экзаменъ въ 1820 году начался 16-го сентября, былъ прерванъ 1-го ноября, по случаю выпуска, потомъ возобновился 22-го апрѣля и кончился 24-го іюня; въ промежутокъ между 1-мъ ноября и 1-мъ апрѣля того же года, т.-е. въ теченіе пяти мѣсяцевъ, происходилъ, по приказанію Императрицы, „подробный и строгій экзаменъ" среднему классу.

Комитетъ разсмотрѣлъ и одобрилъ представленный Германомъ планъ ученія, мало отличавшійся отъ плана 1815 года, и поручилъ Шторху примѣнить новый планъ къ курсу Екатерининскаго училища.

Императрица принимала живое участіе въ ходѣ учебнаго дѣла и радовалась, что Германъ относится къ нему не механически. Она, раньше внушавшая начальницамъ, что прежде всего надо воспитывать дѣвицъ, а потомъ уже ихъ учить, теперь писала Адлербергъ: „Мы должны, Mütterchen, хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность" [1]).

При распредѣленіи предметовъ по плану Германа, комитетъ составилъ и табели о жалованьѣ учителямъ. Послѣ многихъ замѣчаній и возраженій, представленныхъ на нихъ Германомъ, эти табели были въ окончательной формѣ утверждены Императрицей 15-го апрѣля 1821 года. Плата учителямъ была опредѣлена по количеству часовъ и смотря по отдѣленію и классу, въ которомъ

---

[1]) Письмо отъ 1-го декабря 1821 г.

учитель преподавалъ [1]). Комитетъ призналъ нужнымъ имѣть особаго учителя „въ исчисленіяхъ на память“ или, какъ тогда выражались, „исчисленіяхъ въ головѣ“. Императрица сама пріискала „извѣстнаго въ семъ искусствѣ“ учителя Винберга, которому было назначено 1.500 рублей въ годъ жалованья и 100 рублей на экипажъ, за девять часовъ преподаванія въ недѣлю.

Одновременно съ урегулированіемъ платы учителямъ, комитетъ представилъ на утвержденіе Императрицы правила о денежныхъ наградахъ имъ при выпускахъ. Основаніемъ для размѣра награды должно было служить полное жалованье учителя; но во всякомъ случаѣ она не могла быть менѣе 100 и болѣе 300 рублей. Награду могли получать только тѣ учителя, которые кончили начатый ими полный курсъ ученія, заключавшійся въ трехлѣтіи отъ выпуска до выпуска, и при томъ если изъ общаго числа воспитанницъ по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$, при строгомъ и подробномъ экзаменѣ, будутъ имѣть отмѣтку „très bien“. Не получали награды тѣ учителя, которые такъ часто манкировали, что сложность пропущенныхъ ими часовъ составляла четвертую часть годового количества ихъ, а также приходившіе изъ трехъ разъ по одному спустя болѣе нежели $^{1}/_{4}$ часа послѣ звонка [2]). Въ 1823 году Германъ сдѣлалъ комитету представленіе и о томъ, чтобы учителя Общества и Екатерининскаго училища считались: младшіе, т.-е. чистописанія и искусствъ, въ десятомъ классѣ, а старшіе—въ девятомъ, мотивируя это тѣмъ, что „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и Екатерининскій Институтъ не могутъ быть поставлены ниже гимназій“, учителямъ которыхъ, по уставу 1804 года, были присвоены эти классы должностей.

Права учителей женскихъ учебныхъ заведеній на пенсію были

---

[1]) Высшая плата—125 р. за годовой часъ съ квартирой, или 200 р. безъ нея—была назначена только одному учителю—физики и естественной исторіи въ Обществѣ; по 100 р. съ квартирой и 150 р. безъ нея—учителямъ русскаго языка, французскаго, нѣмецкаго (по настоянію Германа), исторіи, географіи и геометріи (по настоянію Германа) въ старшихъ отдѣленіяхъ старшаго класса Общества; а въ Екатерининскомъ училищѣ эту плату могли получать только учителя физики, естественной исторіи и французскаго языка въ высшемъ классѣ. По остальнымъ предметамъ, какъ въ Обществѣ, такъ и въ училищѣ, высшая плата была опредѣлена въ 100 р. безъ квартиры и 70 р. съ нею; низшая (законъ Божій)—40 р. годовой часъ безъ квартиры и 32 р. съ квартирой. За учителями, не имѣвшими квартиры въ учебномъ заведеніи, посылался экипажъ. Въ московскихъ училищахъ, высшая плата за годовой часъ была опредѣлена въ 1823 году въ 80 рублей; только учителю физики и естественной исторіи (въ Екатерининскомъ училищѣ) было назначено 100 р. за часъ.

[2]) Прот. Сов. В. О. 11-го декабря 1820 и 6-го мая 1821 г.

узаконены еще въ 1816 году [1]). Высочайшимъ повелѣніемъ 1825 года это право было распространено и на вдовъ учителей; если мужъ, прослуживъ 20 лѣтъ и болѣе, умеръ на службѣ, то ей должна была выдаваться послѣ его смерти половина его жалованья; если же онъ, послѣ 40-лѣтней въ общей сложности службы, былъ уволенъ съ пенсіей, то вдова получала право на половину его жалованья, но лишь въ томъ случаѣ, если она была за нимъ замужемъ по крайней мѣрѣ послѣднія 25 лѣтъ [2]). Эти права на пенсію были даны при Императрицѣ Маріи лишь учителямъ Общества.

Составъ учителей при Германѣ значительно улучшился, особенно въ Обществѣ. Кромѣ приглашеннаго имъ адьюнктъ-профессора Арсеньева, взяли на себя преподаваніе: русской словесности и переводовъ въ старшемъ отдѣленіи старшаго класса на благородной половинѣ экстраординарный профессоръ Бутырскій; Плетневъ и Срезневскій—исторіи и россійской словесности въ другихъ отдѣленіяхъ этого класса; Плетневъ преподавалъ и въ Екатерининскомъ училищѣ съ 1818 года ариѳметику въ старшемъ классѣ и всеобщую исторію въ младшемъ; нѣмецкую словесность въ старшемъ отдѣленіи старшаго класса Общества преподавалъ докторъ философіи Эртель. Для преподаванія географіи и статистики, на мѣсто отказавшагося въ 1823 году Арсеньева, былъ приглашенъ учитель гимназіи и Учительскаго института, Ободовскій, который вмѣстѣ съ учителемъ Тимаевымъ, взявшимъ на себя преподаваніе русской словесности и переводовъ въ Обществѣ, были посланы въ 1817 г. за границу для изученія ланкастерской методы взаимнаго обученія. Оба, по словамъ Воронова [3]), „славились педагогическими способностями и опытностію, какъ люди спеціально изучавшіе педагогію за границей". Нѣсколько лѣтъ спустя, Ободовскій былъ назначенъ помощникомъ Германа сначала въ Обществѣ, а потомъ инспекторомъ классовъ Воспитательнаго Дома, и его, какъ преподавателя, замѣнилъ Шульгинъ.

Обыкновенно, учителей выбирали изъ кончившихъ университетскій курсъ студентовъ, по списку, присылавшемуся по приказанію Императрицы, министромъ народнаго просвѣщенія Вилламову, который назначалъ учителей, соображаясь съ мнѣніемъ Гер-

---

[1]) За 15 лѣтъ службы учитель получалъ половину своего жалованья въ пенсію, а за 25 „и болѣе"—полное жалованье (П. Собр. Т. XXXIII. 26429).

[2]) Журналы Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. 1847.

[3]) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пет. учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Пет. уч. окр. т. сов. М. Н. Мусина-Пушкина. С.-Пет. 1849, стр. 133.

мапа. Про одного изъ стоявшихъ въ спискѣ 1824 г. учителей Германъ отозвался, что это очень умный, образованный, особенно по математическимъ наукамъ, что у него много живости при преподаваніи, вообще, что онъ былъ бы превосходнымъ учителемъ, но „очень малъ ростомъ и толстъ“. Германъ прибавилъ: „было бы желательно воспользоваться имъ тамъ, гдѣ его фигура не входитъ въ разсчетъ“ [1])

Императрица одобряла почти всѣ представленія Германа и согласилась отмѣнить установившійся на мѣщанской половинѣ обычай отдѣлять неспособныхъ въ особый классъ для занятій преимущественно рукодѣліями; изъ такихъ ученицъ Германъ предложилъ образовать особое отдѣленіе съ приспособленнымъ для нихъ методомъ преподаванія.

Къ сожалѣнію, Германъ поддерживалъ Императрицу въ ея взглядахъ на полезность преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ. Даже при преподаваніи русской словесности пепиньеркамъ, онъ совѣтовалъ учителю выбирать примѣры преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, „дабы можно было обойтись безъ особеннаго наставника онаго“. И по его плану два низшихъ отдѣленія младшаго класса должны были обучаться только языкамъ, въ третьемъ начиналось преподаваніе географіи и исторіи; въ слѣдующій классъ переводили лишь успѣвшихъ въ языкахъ. Въ Екатерининскомъ училищѣ былъ учитель ариѳметики, который могъ ее преподавать только по-нѣмецки [2]).

Германъ потребовалъ, чтобы воспитанницы писали сочиненія въ классѣ на тему, развитую учителемъ, а не такъ, какъ это всегда дѣлалось, т.-е., что воспитанницы приготовляли сочиненія внѣ классовъ, а учитель бралъ ихъ для исправленія на домъ. Темы сочиненій „для публичнаго экзамена“, какъ и самыя сочиненія, представлялись Императрицѣ. Въ 1826 году она обратила вниманіе учителей на то, что въ сочиненіяхъ лучшихъ ученицъ выпускного класса Общества „идеи недостаточно въ порядкѣ слѣдуютъ, въ нихъ нѣтъ логической связи, содержаніе не отвѣчаетъ предпосланнымъ посылкамъ“ и въ видѣ примѣра почему-то указала на одно французское сочиненіе, гдѣ про бурю было совершенно вѣрно сказано: „que sa puissance est grande, son courroux est terrible et ses bontés infinies“, и на другое, гдѣ стояли рядомъ „голыя скалы и плодородныя долины“ [3]). Просматривавшій по ея порученію сочиненія воспитанницъ, ба-

[1]) Учр. по В. О. 1824.

[2]) Докладъ сов. Ек. уч. Императрицѣ 22-го мая 1827 г.

[3]) Учр. по В. О. 1826.

ронъ Мейендорфъ сдѣлалъ на нихъ общее, язвительное замѣчаніе (на французскомъ языкѣ): „совѣтую—писалъ онъ въ 1827 г.— дѣвицамъ писать проще до тѣхъ поръ, пока онѣ сочтутъ возможнымъ соперничать съ Фенелономъ и Шатобріаномъ". Онъ вынесъ, по видимому, не высокое мнѣніе о знаніяхъ воспитанницъ выпускного класса Общества во французскомъ языкѣ, ибо указалъ не только на несоотвѣтствующія, по его мнѣнію, выраженія и „логическія ошибки, ошибки въ употребленіи глаголовъ" въ ихъ сочиненіяхъ, но и на такія невѣрности перевода, какъ въ передачѣ французской фразы „maison en défaillance" словами „домъ въ обморокѣ" [1]).

Хотя женскія учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ Императрицъ, стояли особнякомъ отъ мужскихъ и были совершенно независимы отъ министра народнаго просвѣщенія, но и на нихъ отражались нѣкоторыя вѣянія времени и мѣры, принимавшіяся правительствомъ по учебному дѣлу. Этому содѣйствовало и то, что многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ различныхъ правительственныхъ комитетахъ по устройству учебнаго дѣла вообще, были въ то же время и членами Совѣтовъ женскихъ институтовъ. Изъ этихъ мѣръ Императрица Марія принимала только тѣ, которымъ сочувствовала. Такъ, когда было основано Библейское Общество, она велѣла ввести во всѣхъ женскихъ институтахъ правиломъ, чтобы всякое утро, до начала уроковъ, воспитанницамъ читали главу изъ Евангелія, а каждый вечеръ послѣ ужина—главу изъ Посланій Апостоловъ. По прочтеніи этихъ двухъ частей Новаго Завѣта до конца, предписывалось начинать ихъ опять съ начала [2]). При выпускѣ 1817 года, въ числѣ назначенныхъ для раздачи воспитанницамъ книгъ, были присланы Императрицею въ Екатерининское училище 19 экземпляровъ Новаго Завѣта съ надписью на каждомъ: „для укрѣпленія вѣры и благочестія, просвѣщенія ума и сердца и утѣшенія души словомъ Божественной истины, книга сія св. Писанія, при благословеніи Всевышняго, дана воспитанной въ с.-петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины и выпущенной февраля... дня 1817 г." [3]). Въ это время особенное вниманіе въ институтахъ было обращено на преподаваніе закона Божія, и по поводу экзамена въ московскомъ Александровскомъ училищѣ, Императрица писала Брейткопфъ: „Законъ Божій вызываетъ удивленіе" (est à étonner).

---

[1]) Учр по В. О. 1827.

[2]) Письмо отъ 17-го ноября 1816 г.

[3]) Письмо отъ 26-го февраля 1817 г.

Учрежденіе комитета по учебной части въ женскихъ столичныхъ институтахъ было, можетъ быть, вызвано учрежденіемъ за два года передъ тѣмъ при Главномъ Правленіи училищъ Учебнаго Комитета, въ числѣ обязанностей котораго было и разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и пособій. Эта обязанность, такъ же какъ и контроль надъ преподаваніемъ, были возложены и на комитетъ по учебной части въ институтахъ. Но мотивы для учрежденія обоихъ комитетовъ были совершенно различны; въ институтахъ причины, вызвавшія такую мѣру правительства, были просто невозможны, и при этомъ не могло быть тѣхъ цѣлей, въ виду которыхъ эти мѣры были установлены для мужскихъ учебныхъ заведеній. При разсмотрѣніи книгъ и руководствъ въ институтахъ по такимъ предметамъ, какъ русская и иностранная словесность, дѣло могло касаться только развѣ грамматическихъ достоинствъ или недостатковъ представляемыхъ комитету курсовъ, составленныхъ, по предписанію Императрицы, преподавателями.

Въ руководствѣ, составленномъ для Общества учителемъ геометріи, былъ высказанъ вѣрный взглядъ на предметъ. „Основательность,—писалъ авторъ—нечувствительно пріобрѣтаемая отъ долговременныхъ занятій геометріею и остающаяся съ нами на всегда и по забытіи всѣхъ теоремъ и задачъ, дѣлаетъ ее полезною для женщинъ еще болѣе, пожалуй, чѣмъ ариѳметика“ [1].

Книга по зоологіи, которая преподавалась въ институтахъ на французскомъ языкѣ французомъ Делошемъ, была издана Обществомъ „съ другими институтами“ [2]. Самъ авторъ говоритъ, что его книга „покажется весьма несовершенною во всемъ, что касается собственно науки. Ученые найдутъ ея методъ не точнымъ, не строгимъ и ошибочнымъ (défectueux). Надо, чтобы эта наука была прочувствована, а не сведена къ методѣ. Авторъ имѣлъ въ виду не обучать наукѣ, а внушить къ ней вкусъ и облегчить изученіе ея впослѣдствіи“. Цѣль обученія естественнымъ наукамъ воспитанницъ институтовъ онъ ставитъ въ томъ, чтобы „расширить ихъ идеи, усовершенствовать языкъ и мышленіе (raisonnement), занимая умъ полезными предметами, и посѣять въ сердцахъ любовь къ этимъ знаніямъ, природѣ и ея Творцу“.

Изъ сдѣланныхъ на эту книгу Делоша замѣчаній членомъ комитета по учебной части Вилламовымъ, можно нѣсколько узнать ея содержаніе. „У кошки нѣтъ обонянія“—указываетъ Вилламовъ

---

[1]) Учр. по В. О. 1824.
[2]) Учр. по В. О. 1827-1828.

—а ниже у автора сказано, что кошки любятъ духи и позволяютъ ласкать себя надушеннымъ людямъ. „Бѣлый медвѣдь находится въ Grande Tartaire Moscovite“. На это Вилламовъ говоритъ: „Tartaire Moscovite не должно стоять въ издаваемомъ въ Россіи сочиненіи“. Вообще, по его отзыву, „всѣ свѣдѣнія автора о Россіи приблизительныя, а въ Россіи—прибавляетъ Вилламовъ —надо точно ихъ знать“. Вмѣсто Минервы онъ поставилъ Юнону; растеніе pissenlit Вилламовъ предложилъ назвать иначе. Онъ нашелъ даже неправильности въ употребленіи французскихъ словъ, напримѣръ „prive“ какъ глаголъ отъ apprivoiser и рекомендовалъ автору справиться во французскомъ академическомъ словарѣ [1]).

Къ сожалѣнію, намъ не встрѣтилось въ бумагахъ Архива замѣчаній на руководства по другимъ предметамъ, изъ которыхъ можно было бы получить понятіе о томъ, что̀ преподавалось воспитанницамъ институтовъ подъ названіемъ исторіи, статистики и другихъ предметовъ. Впрочемъ относительно исторіи, еще при Лодіи, былъ представленъ ему учителемъ Наумовымъ разборъ руководства, по которому, до назначенія Лодія инспекторомъ, преподавалась исторія. „Ежели— писалъ Наумовъ—исторія вообще есть повѣствованіе достопамятныхъ происшествій и дѣяній... то она должна имѣть достовѣрность, основанную на свидѣтельствѣ своихъ или послѣдующихъ времепъ. Если исторія должна служить наставленіемъ, представлять предметъ для нашего разсужденія, склонять сердца наши примѣрами и подражаніемъ дѣламъ добродѣтельнымъ и къ отвращенію отъ пороковъ... то книга сія не годится... она ничего, кромѣ родословія, не заключаетъ“... Кромѣ того, Наумовъ нашелъ, что въ ней „индѣ помѣщаются весьма нескромно“ нѣкоторые разсказы и между прочимъ привелъ такой примѣръ: „Святополкъ первый названъ Ярославичемъ, но потомъ онъ же выставляется какъ сумнительный сынъ Владиміра или Ярополка отъ Предславы...“ [2])

Въ 1827 году члены комитета просматривали и книги, выдававшіяся для чтенія не только воспитанницамъ, но и класснымъ дамамъ. Баронъ Мейендорфъ потребовалъ, чтобы изъ Плутарха исключили нѣкоторыя мѣста, а Императрица, узнавъ, что одна изъ классныхъ дамъ впала въ меланхолію „съ религіозной подкладкой“, приписала это чтенію книгъ и велѣла слѣдить за книгами, читаемыми и классными дамами.

До 20-хъ годовъ преподаваніе въ институтахъ, согласно из-

[1]) Учр. по В. О. 1827.
[2]) Учр. по В. О. 1818.

давна установившейся и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ практикѣ, велось путемъ диктованія учителемъ въ классѣ уроковъ, которые воспитанницы записывали сначала на-черно, а потомъ переписывали по нѣскольку разъ на-чисто. Императрица Марія не была безусловно противъ примѣненія этого метода въ институтахъ, и даже вслѣдъ за циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, подтвердившаго въ 1810 году запрещеніе 1803 года, „обременять учениковъ перепиской курсовъ", Императрица, въ Высочайшемъ повелѣніи 1811 года для класса наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ, писала: „Тетради воспитанницъ, которыя онѣ пишутъ въ классѣ подъ диктованіе учителей исторіи, географіи, грамматики, риторики, физики, геометріи и проч., послужатъ имъ со временемъ какъ для собственной ихъ памяти, такъ и лучшимъ руководствомъ при преподаваніи нѣкогда сихъ наукъ собственнымъ ихъ воспитанницамъ". Она требовала только, чтобы тетради были тщательно просмотрѣны и исправлены учителями и послѣ этого на-чисто переписаны воспитанницами во время урока чистописанія. А самыя тетради, изъ которыхъ учителя предполагали диктовать въ классахъ, должны были передъ началомъ курса представляться ей на утвержденіе [1]). Но когда Арсеньевъ, поступивъ въ Общество, сталъ диктовать воспитанницамъ „главнѣйшія предложенія" по географіи, Императрица конфиденціально сообщила Адлербергъ, что Шторхъ и она сама этого не одобряютъ, потому что Арсеньевъ, „заставляя воспитанницъ писать уроки въ тетради, этимъ отнимаетъ у нихъ время... Съ такимъ трудомъ—прибавляла Императрица—искорененное злоупотребленіе писанія и ученія наизусть опять этимъ вводится". Она просила Адлербергъ никому объ этомъ не говорить, но внушить класснымъ дамамъ и инспектриссамъ, чтобы онѣ наблюдали за учителями и не позволяли бы возвращаться къ прежней методѣ [2]). Не удовлетворившись объясненіемъ Германа, что совсѣмъ безъ тетрадей обходиться нельзя, она поручила тогда Совѣту пріискать руководства, по которымъ учителя преподавали бы свои предметы; „а то—писала она—все ученіе сводится на затверживаніе наизусть".

Точно также, введенныя въ 1820 году въ мужскихъ гимназіяхъ бесѣды, на которыхъ воспитанникамъ старшихъ классовъ читались, подъ руководствомъ директора и учителя русской словесности, русскіе авторы, были введены и въ столичные инсти-

---

[1]) Учр. по С.-Пет. и Моск. Восп. Домамъ. 1804—1817. VII. Выс. пов. 26-го апрѣля 1811 г.

[2]) Переп. по В. О. бл. д. 1820.

туты. Классныя дамы должны были разъ въ недѣлю собирать у себя по 40 и 50 воспитанницъ, но для чтенія имъ не русскихъ, а иностранныхъ авторовъ. Вѣроятно и при учрежденіи бесѣдъ главная цѣль состояла въ упражненіи воспитанницъ въ иностранныхъ языкахъ. Обыкновенно бесѣды происходили по субботамъ. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Адлербергъ писала Императрицѣ, что учитель нѣмецкаго языка прочелъ „Орлеанскую дѣву" Шиллера, „и все шло превосходно, дѣвицы бесѣдовали съ удовольствіемъ".

Въ числѣ присланныхъ, по большей части самою Императрицею, книгъ, въ библіотекѣ Общества, откуда ихъ брали и въ другіе институты, въ 1828 году значились уже такія, какъ „Essai philosophique" par Locke, „Essais" de Montaigne, „la Morale" par Hellert, исторія Карамзина по-французски, „les Devoirs de l'homme", Oeuvres de Delille, „Traité de l'éducation des femmes" par m-me de Campan, „l'Uthopie" de Thomas Morus, „l'Allemagne" par m-me de Staël и много путешествій на иностранныхъ языкахъ. Между нѣмецкими книгами было сочиненіе Шопенгауера: „Ueber den Umgang mit den Menschen" (объ обхожденіи съ людьми). На русскомъ языкѣ были: „Обязанности домашняго общества", „Логика" Кондильяка; „О должностяхъ человѣка", Якоби; „Лѣтопись о многихъ мятежахъ"; „Статистическій журналъ" К. Германа; „Государь и министръ". Послѣднія три книги значились подъ рубрикой: „по части наукъ политическихъ" [1]).

Въ спискѣ книгъ, „Отеческіе совѣты" были отмѣчены Германомъ какъ книги „безъ употребленія".

Въ томъ, что Императрица считала хорошимъ или полезнымъ для женскихъ институтовъ, она не подчинялась взглядамъ и распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія. Когда, послѣ университетскаго суда 1821 года, Германъ и Арсеньевъ были уволены изъ университета, взведенныя на нихъ Руничемъ обвиненія нисколько не поколебали къ нимъ довѣрія Императрицы, хотя оба профессора только за годъ передъ тѣмъ начали свою службу въ женскихъ институтахъ. Такое отношеніе къ нимъ Императрицы подчеркнулъ Магницкій въ представленныхъ имъ въ 1822 году князю А. Голицыну замѣчаніяхъ на послужившую поводомъ къ обвиненію Арсеньева книгу „Статистика россійскаго государства". Указывая на Германа, какъ на учителя Арсеньева, Магницкій прибавилъ: „сей учитель автора книги нынѣ надзираетъ за воспитаніемъ благородныхъ дѣвицъ, а изъ университета по Высочайшему

[1]) Каталогъ библіотеки Восп. Общества (Учр. по В. О. 1828).

повелѣнію выгнанъ послѣ обличенія въ самомъ открытомъ невѣріи студентскими тетрадями“ [1]).

И въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ Императрица до конца своей жизни руководствовалась собственными взглядами, шедшими въ разрѣзъ съ взглядами правительства. Не говоря о преподаваніи миѳологіи, какъ самостоятельнаго предмета, отмѣненнаго въ гимназіяхъ по представленію Ученаго комитета и введеннаго, по желанію Императрицы, въ женскихъ институтахъ [2]), она ни мало не поколебалась въ своемъ убѣжденіи о первостепенной важности изученія французскаго языка, этого, по выраженію Императора Николая, „рода необходимости“, противъ котораго, однако, возставалъ правительственный комитетъ 1824 года по устройству учебной части въ Имперіи. Не смотря на то, что въ числѣ правилъ, которыми долженъ былъ руководствоваться этотъ комитетъ, было, чтобы русскій языкъ былъ поставленъ главнымъ предметомъ ученія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, это не коснулось женскихъ институтовъ, гдѣ главнымъ предметомъ по прежнему остался французскій языкъ.

Къ концу своей жизни Императрица могла съ удовольствіемъ видѣть, что принципъ, положенный ею съ самаго начала въ основаніе устройства женскихъ институтовъ, былъ принятъ правительствомъ при переустройствѣ мужскихъ учебныхъ заведеній. Учрежденному въ 1824 году, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, А. С. Шишкова, Комитету по устройству учебной части въ Имперіи было предписано примѣнить программы ученія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ званію учащихся, т.-е. то, что было введено Императрицею съ первыхъ же лѣтъ вступленія ея въ управленіе женскими учебными заведеніями.

Въ общемъ, образованіе, дававшееся при Императрицѣ Маріи въ женскихъ институтахъ, вполнѣ отвѣчало требованіямъ правительства конца двадцатыхъ годовъ, предъявленныхъ имъ къ мужскому образованію: „образовать молодыхъ людей вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей преданныхъ Богу и Царю, потому что въ этомъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный можетъ быть названъ благовоспитаннымъ“ [3]). Въ этомъ

[1]) Историческія бумаги, собранныя Конст. Иван. Арсеньевымъ, приведены въ порядокъ и изданы академикомъ П. Пекарскимъ. Спб. 1872. Приложеніе II, стр. 69.

[2]) Прот. Ком. по уч. части 1826 (Учр. по В. О.).

[3]) Предложеніе министра нар. просв. Шишкова объ устройствѣ двухъ временныхъ комитетовъ для соображенія перемѣнъ въ устройствѣ учебной части. 1824.

смыслѣ институтки были вполнѣ просвѣщенными и благовоспитанными людьми.

Другія, существовавшія въ первой четверти нашего столѣтія, женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, еще не успѣли при ней вполнѣ организоваться. Курсъ ученія въ Патріотическомъ институтѣ былъ ограниченнѣе, нежели въ институтахъ Императрицы Маріи [1]), а въ Домѣ Трудолюбія – ниже чѣмъ на мѣщанской половинѣ Общества и въ московскомъ Александровскомъ училищѣ [2]). Что касается полтавскаго института, то курсъ его былъ даже выше, чѣмъ въ Обществѣ, если основываться на публичномъ экзаменѣ 1825 года, когда воспитанницы экзаменовались изъ закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, географіи россійской, всеобщей и древней, статистики, исторіи россійскаго государства и естественной, физики, начальныхъ познаній въ астрономіи, миѳологіи, риторики, музыки, пѣнія. Въ дѣйствительности же, какъ оказалось изъ донесенія приглашеннаго по приказанію Императрицы Александры Ѳеодоровны для устройства учебной части въ институтѣ, извѣстнаго въ свое время писателя и профессора харьковскаго университета, Гулакъ-Артемовскаго, въ полтавскомъ институтѣ воспитанницы не получали никакого образованія. Устраивавшій передъ тѣмъ, въ качествѣ инспектора классовъ, учебную часть въ харьковскомъ институтѣ, Гулакъ, ознакомившись съ ея положеніемъ въ полтавскомъ, донесъ, что „всѣ части учебнаго устройства Полтавскаго института, за исключеніемъ одной музыки, требуютъ или рѣшительнаго преобразованія, или значительнаго исправленія“ [3]).

Изъ его донесенія видно, что до 1830 года во главѣ института стояла француженка Ревьи, пансіонъ которой и былъ преобразованъ въ 1819 году въ институтъ. Учебная часть была ввѣрена особой инспектриссѣ „ученія и порядка“. Курса ученія собственно не было; воспитанницы распредѣлялись по классамъ безъ всякаго отношенія къ ихъ способностямъ, успѣхамъ и даже

---

[1]) Въ Патріотическомъ институтѣ преподавали: законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, „полную“ ариѳметику, исторію и географію вообще, и въ особенности отечественную, рисованіе, танцы, пѣніе и рукодѣлія (Приб. къ „С.-Пет. Вѣд.“ 1825 г. № 18).

[2]) Въ Домѣ Трудолюбія въ 1825 г. обучали: закону Божію, русскому и нѣмецкому языкамъ (французскому только пенсіонерокъ), первымъ правиламъ ариѳметики, началамъ рисованія и рукодѣлію „примѣнительно къ состоянію воспитываемыхъ дѣвицъ“ (Засѣд. Сов. патр. Общ. 30-го мая 1825 г.).

[3]) Донесеніе Гулакъ Артемовскаго статсъ-секретарю Лонгинову. 16-го сентября 1830 года (Дѣла бывшей канцел. ст.-секр. Лонгинова).

времени поступленія въ институтъ; онѣ переводились изъ класса въ классъ по успѣхамъ во французскомъ языкѣ. Въ старшемъ классѣ нѣкоторыя воспитанницы оставались по нѣскольку лѣтъ и сидѣли вмѣстѣ съ только-что поступившими въ институтъ. Такъ какъ воспитанницы были различныхъ возрастовъ и способностей, то и преподаваніе въ одномъ и томъ же классѣ было разнообразное: „однѣмъ—писалъ Гулакъ—читаютъ о трагедіи и хріяхъ, другимъ о предложеніяхъ, третьимъ о періодахъ". Русскій языкъ, по словамъ Гулака, хотя и преподавался, но „ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи почти не существуетъ... Состояніе сего предмета — говоритъ онъ — столь жалостно, что пособить оному я не нахожу иного средства, какъ усилить преподаваніе онаго, перемѣнивъ по сей части настоящаго учителя, который, кромѣ русскаго языка, преподаетъ еще: россійскую исторію и географію, естественную исторію и ариѳметику; всѣ эти предметы преподаются на французскомъ языкѣ французомъ Маланъ". Объ этомъ учителѣ, пользовавшемся особымъ уваженіемъ попечительницы, княгини Репниной, Гулакъ отозвался какъ о достойномъ уваженія „по своимъ извѣстнымъ лѣтамъ и примѣрному поведенію".

Преподаваніе нѣмецкаго языка Гулакъ нашелъ „еще того хуже". Его преподавалъ дивизіонный пасторъ, который съ тѣмъ и договорился, чтобы ему было позволено въ теченіе года отлучаться изъ Полтавы по дѣламъ его духовнаго званія не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Русскую словесность преподавалъ протоіерей Кійковъ; но „преподаваніе этого предмета, — говоритъ Гулакъ — при всѣхъ личныхъ достоинствахъ учителя, ни мало не соотвѣтствуетъ ни полу, ни назначенію учащихся, ни нынѣшнимъ понятіямъ въ образованныхъ обществахъ о семъ предметѣ и въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ". Убѣдился въ этомъ Гулакъ изъ отвѣтовъ воспитанницъ и еще болѣе изъ записокъ, служащихъ имъ руководствомъ при изученіи россійской словесности. „Ничего не было страннѣе,—говоритъ онъ—какъ съ одной стороны видѣть учителя россійской грамматики", который, по словамъ Гулака, „не зналъ чистаго русскаго языка въ семъ (среднемъ) классѣ, едва только приступающаго къ объясненію ученицамъ первыхъ понятій о раздѣленіи глаголовъ на дѣйствительные, страдательные и пр., а съ другой—приходящаго учителя россійской словесности, усиливающагося познакомить ученицъ съ тайною витійства, къ величайшей для нихъ скукѣ и къ самой неблагодарной потерѣ времени".

Остальные предметы, въ томъ числѣ миѳологію, какъ науку

самостоятельную, и математическую географію, помѣщаемую въ росписаніи учебныхъ предметовъ, подъ названіемъ „Globe“, преподавали на французскомъ языкѣ классныя дамы. Руководства, по словамъ Гулака, и „образъ преподаванія“ были дурные. Объ одномъ изъ руководствъ „Leçons de Chronologie d'histoire“ par Gaultier, онъ говоритъ, что „независимо отъ самой автоматической, такъ сказать, своей формы — вопросной и отвѣтной, по одному предмету содержанія своего въ нѣкоторыхъ статьяхъ, никогда не должно бы быть въ рукахъ юношества“. О способѣ преподаванія классными дамами Гулакъ отзывается, что онъ „ничего не слышалъ, кромѣ самаго утомительнаго выслушиванія двухстрочныхъ почти уроковъ, что и называется лекціею“.

Предлагая разныя мѣры для приведенія въ порядокъ учебной части въ институтѣ, Гулакъ высказался очень опредѣленно противъ преподаванія научныхъ предметовъ на иностранномъ языкѣ. „Мѣра пользы, получаемой отъ изученія сихъ предметовъ (исторіи и географіи) на французскомъ языкѣ, никогда не будетъ равняться мѣрѣ вреда, даже нравственно понимаемаго, отъ пренебреженія языка отечественнаго“. Затверживаніе на французскомъ языкѣ собственныхъ именъ, не зная ихъ по-русски, „а по-русски—говоритъ Гулакъ—до сихъ поръ ни одинъ предметъ и ни въ одномъ классѣ не былъ преподаваемъ“, пріучаетъ воспитанницъ къ такому произношенію, которое дѣлаетъ ихъ смѣшными. Французскій языкъ преподавался въ полтавскомъ институтѣ, какъ видно изъ донесенія Гулака, такъ же какъ и въ институтахъ Императрицы Маріи, т.-е. въ одномъ и томъ же классѣ онъ дробился на нѣсколько отдѣльныхъ частей: особо преподавалась французская орѳографія, спряженіе французскихъ глаголовъ, разборы на французскомъ же языкѣ, синтаксисъ французскаго языка, разговоры на немъ и пр.

Въ числѣ предложенныхъ Гулакомъ мѣръ была перемѣна „какъ можно скорѣе учителя танцевъ, зараженнаго самою предосудительною страстію“.

Послѣ всего этого можно безъ ошибки заключить, что единственное знаніе, какое воспитанницы полтавскаго института могли изъ него выносить, было знакомство съ французскимъ языкомъ.

VI.

Отношеніе литературы къ образованію въ институтахъ.—Сужденія о воспитанницахъ ихъ.—Требованія общества отъ образованія вообще и въ частности отъ воспитанія и образованія женщинъ.—А. Никитенко объ образованіи институтокъ.—Условія, предъявлявшіяся къ преподаванію въ институтахъ.—Возрастъ, въ которомъ институтки кончали свое образованіе.—Знанія, съ какими онѣ выходили изъ заведенія.—Метода Песталоцци.—Показная сторона институтскаго образованія.—„Сѣверный Вѣстникъ" о знаніяхъ воспитанницъ.—Стихотворныя сочиненія ихъ.—Рецензія П. Калайдовича.—Письма бывшихъ воспитанницъ.—Начало педагогическаго образованія женщинъ.—Пепиньерки.—Приготовленіе гувернантокъ въ бѣлорусскія губерніи.—Императрица объ ученіи пепиньерокъ.—Курсъ пепиньерскихъ классовъ.—Классы наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ.—Планъ ихъ ученія, начертанный Императрицею.—Помѣщеніе наставницъ на мѣста.—Программа инспектора классовъ Фусса.—Музыкальные классы при Воспитательныхъ Домахъ.—Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи въ дѣлѣ женскаго образованія.—Ея заслуги по обезпеченію судьбы воспитанницъ.—Отношеніе къ ней бывшихъ воспитанницъ.—Цѣль большинства родителей при отдачѣ дѣтей въ женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы.—Награды воспитанницамъ при выпускахъ.—Форма свидѣтельствъ.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились при Императрицѣ Маріи женскія учебныя заведенія, критики даваемаго въ нихъ образованія и воспитанія въ литературѣ быть не могло; напротивъ, всѣ, говорившіе о немъ, современные журналы отзывались съ величайшею похвалою объ институтахъ, съ которыми писатели знакомились на публичныхъ экзаменахъ; по поводу этихъ экзаменовъ и высказывались сужденія объ институтахъ. Конечно, при этомъ значительная доля похвалъ основывалась на внѣшнемъ впечатлѣніи, производимомъ на посѣтителей экзаменовъ „стройною прелестною толпою невинныхъ дѣвицъ" [1]), и всего подробнѣе описывались танцы, пѣніе, музыка, наружный видъ воспитанницъ;

---

[1]) „Отечественныя Записки", издаваемыя П. Свиньинымъ. 1829. Ч. 37.

но рядомъ съ этимъ выставлялись иногда, правда рѣдко и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, достоинства и ихъ образованія.

„Науки преподаются имъ—сказано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1823 г. [1]) о воспитанницахъ Екатерининскаго института — по самымъ яснымъ системамъ; онѣ имѣютъ достаточное и правильное понятіе не только о предметахъ общеполезныхъ, но и о самыхъ отвлеченныхъ истинахъ науки“... Вообще же, по мнѣнію „Отечественныхъ Записокъ“, „сему безпримѣрному заведенію (также и Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ) нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ—благотворительностію и совершенствомъ воспитанія“. По поводу экзамена класса наставницъ при Воспитательномъ Домѣ, журналъ одобряетъ, что географія и исторія преподаются—на нѣмецкомъ языкѣ, а физика и естественная исторія—на французскомъ [2]). Издатель „Благонамѣреннаго“ восторженно отзывается о воспитаніи и образованіи въ „училищѣ благородныхъ дѣвицъ при Патріотическомъ Обществѣ“ и приводитъ въ журналѣ обширныя выписки изъ представленныхъ на экзаменѣ сочиненій воспитанницъ, въ стихахъ и прозѣ [3]).

По словамъ Измайлова, три дочери котораго воспитывались въ институтахъ, одна въ Смольномъ, другая въ Екатерининскомъ, а третья въ Патріотическомъ, образованіе въ послѣднемъ было несравненно лучше, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Это онъ приписывалъ тому, что въ Патріотическомъ институтѣ воспитанницы читаютъ книги, а въ Смольномъ и Екатерининскомъ или вовсе не читаютъ, или читаютъ очень мало [4]).

Общій взглядъ на дававшееся при Императрицѣ Маріи въ институтахъ образованіе и воспитаніе всего полнѣе былъ высказанъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти, въ первой книжкѣ Пушкинскаго „Современника“, гдѣ, по поводу выпускного экзамена изъ Смольнаго въ 1836 году, въ большой статьѣ безъ подписи между прочимъ сказано: „...Имя Императрицы Маріи въ теченіе сорока лѣтъ является у насъ залогомъ чистоты нравственной и лучшей образованности прекраснаго пола... И преимущественно воспитаніе дѣвицъ, столь тщательное и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, во сколькихъ семействахъ утвердило добрые нравы и настроило души къ новой прекрасной жизни! Въ каждомъ изъ заведеній, Императрица возрастила три поколѣнія. Еслибы хоть одно изъ чистыхъ началъ Ея ученія не привилось къ первому, оно

[1]) Ч. 13.

[2]) 1822. Ч. 10.

[3]) „Благонамѣренный“. Журналъ, издаваемый А. Измайловымъ. 1822 г. VIII.

[4]) Письма А. Е. Измайлова къ И. П. Дмитріеву. 1826 г. („Р. Арх“. 1871, кн. 7).

еще могло подѣйствовать надъ вторымъ, и несомнѣнно утвердилось въ третьемъ. Теперь половина Россіи благороднѣйшими своими чувствованіями одолжена единственно Ей. Свѣтлая жизнь наша, домашнія удовольствія, вкусъ, господствующій въ избранныхъ обществахъ, лучшія потребности ума и лучшія движенія сердца —все это Ея созданіе. И все это сдѣлалось необходимою стихіею нашей жизни. Никакія обстоятельства не властны теперь остановить и даже измѣнить этого нравственнаго направленія... У насъ много частей въ государственномъ управленіи разными лицами въ разныя эпохи доведено до видимаго совершенства. Но исключительно одно можно назвать законченнымъ. Въ ней все должно сохраниться въ томъ видѣ, въ какомъ оставила ее Императрица Марія. Устройство заведеній для женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія. Поверхностные судьи, не входящіе во всѣ подробности этого дѣла, не умѣющіе обнять его со всѣхъ сторонъ, могутъ сомнѣваться. Молодая особа, вышедшая изъ какого нибудь института, состоящаго въ вѣдѣніи Императрицы Маріи, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребуетъ будущая жизнь ея. Знатная и богатая украситъ кругъ свой; бѣдная обезпечитъ себя или принесетъ помощь семейству родителей; одаренная талантомъ, смотря по своему состоянію, развила ихъ или для блеска, или для пріобрѣтенія житейской выгоды; не получившая отъ природы отличныхъ способностей обучена всѣмъ рукодѣліямъ, необходимымъ для женщины. Однимъ словомъ: возраженія исчезаютъ, когда сообразимъ безчисленное множество поступающихъ въ заведенія сіи, безконечную разность въ состояніяхъ и способностяхъ этихъ лицъ и равенство ихъ правъ на одинаковое воспитаніе, возможность способовъ, опредѣляемыхъ для содержанія заведеній, и наконецъ общій выводъ изъ этого многосложнаго дѣлопроизводства. Юношество, воспитывающееся въ другихъ заведеніяхъ, получаетъ хорошія начала, но при поступленіи въ свѣтъ часто не находитъ въ своихъ познаніяхъ самаго необходимаго... Въ одномъ мѣстѣ недостаетъ разнообразія свѣдѣній, въ другомъ—основательности, въ третьемъ—удобопримѣняемости. Здѣсь все возможное предупреждено. Полный объемъ предмєтовъ не въ противорѣчіи съ бережливостію времени; теорія не препятствуетъ изученію практическому; удаленіе отъ свѣта не закрываетъ жизни. Одно и то же лицо, наканунѣ видѣнное въ пріютѣ воспитанія, плѣнительно простосердечіемъ своимъ и дѣтскою заботливостію, на другой день является въ блистательномъ кругу Двора или частнаго многолюднаго общества, или мирнаго семейства; вездѣ оно изумляетъ васъ благородствомъ, пристойностію и

непринужденностію. Воспитаніе такого достоинства здѣсь только и видишь".

Отдѣльные, впрочемъ рѣдкіе, примѣры бывшихъ воспитанницъ институтовъ, засвидѣтельствованные современниками, подтверждаютъ такое мнѣніе о нихъ журнала. Вигель разсказываетъ, что въ 1802 году въ Пензѣ жила бывшая воспитанница Смольнаго, „умная, воспитанная, съ вензелемъ; ...занятія ея жизни были новостію для пензенскихъ барынь; она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ выписывая рѣдкія растенія. Но..." — Вигель приводитъ это „какъ примѣръ разницы между просвѣщеніемъ и образованностію" — она была „груба, ибо не подчинилась и ей казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони заведенное въ губернскихъ городахъ, съѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ" [1]).

О женѣ малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, бывшей воспитанницы Екатерининскаго института выпуска 1817 года и потомъ классной дамы въ харьковскомъ, племянникъ Квитки говоритъ въ 1820 году, что Квитка „совѣтовался съ женою въ литературныхъ работахъ, слѣпо довѣрялъ ея мнѣніямъ, а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности, то рѣшительно подчинялся ея приговорамъ" [2]). Другой современникъ, также лично знавшій жену Квитки, описываетъ ее какъ женщину добрую и образованную. Она, по его словамъ, „слѣдила за французской литературой и даже политикой, отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ... Постоянно можно было застать ее за чтеніемъ легитимистскаго журнала „La Mode", хотя она вовсе не была femme à la mode... Она гордилась славою своего мужа" [3]). Вообще, о воспитанницахъ женскихъ институтовъ при Императрицѣ Маріи, Вигель говоритъ, что благодаря имъ, почти ежегодно внутреннія губерніи населялись „примѣрными супругами и матерями", что онѣ „распространяли добрые нравы въ семействахъ" [4]).

Въ обществѣ представленіе о воспитанницахъ институтовъ, особенно въ первое время ихъ учрежденія, было связано съ понятіемъ о чемъ-то изящномъ, утонченномъ. Одинъ учитель оренбургскаго главнаго народнаго училища, жалуясь на то, что директоръ пришелъ въ классъ „не имѣя ничего на себѣ кромѣ ха-

---

[1]) Губернаторшей въ то время была мать Вигеля (Воспоминанія. Ч. 1-я, стр. 224).

[2]) *Г. П. Данилевскій.* Основьяненко (Г. Ф. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы („Отеч. Зап." 1855 г., ноябрь и декабрь).

[3]) Тамъ же. Изъ письма Н. П. Ка—рова о жизни Основьяненко.

[4]) Воспоминанія, Ч. 7, стр. 123.

лата, рубашки и порванныхъ башмаковъ, кривлялся, произносилъ непристойныя выраженія", прибавлялъ, что это ему еще болѣе чувствительно потому, что онъ „женатъ на воспитанницѣ заведенія, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества" [1]).

Въ качествѣ воспитательницъ, институтки также удовлетворяли своими знаніями требованіямъ публики. „Должно признаться —говоритъ о нихъ „Московскій Телеграфъ",—что изъ нашихъ отечественныхъ писателей рѣдко кто знаетъ правила россійской грамматики лучше сихъ питомицъ Монаршаго великодушія" [2]).

Если вникнуть въ требованія тогдашняго общества, то именно такое образованіе, какое давалось въ институтахъ, при „изящномъ", какъ выразился одинъ князь въ письмѣ къ Императрицѣ, воспитаніи, должно было казаться тогда идеаломъ и вполнѣ удовлетворять современнымъ взглядамъ. Этимъ требованіямъ отвѣчали и подробности институтской системы воспитанія и образованія; въ нихъ Императрица только слѣдовала общественному мнѣнію. За сословность въ дѣлѣ образованія стояли не только родители, но и литература, въ лицѣ даже лучшихъ своихъ представителей, а дворяне не отдавали своихъ сыновей въ гимназіи главнымъ образомъ потому, что туда допускались дѣти всѣхъ сословій. Что касается огромной важности, какую придавали обученію дѣтей иностраннымъ языкамъ, то этого требовали даже провинціальные жители. Въ черниговскомъ народномъ училищѣ ученики и ученицы затверживали на память „Зрѣлище вселенныя" по-нѣмецки [3]). Директоръ благороднаго пансіона при вологодской гимназіи уже въ 1828 году писалъ попечителю: „для того, чтобы пріохотить дворянъ, надо на первый разъ имѣть хотя двухъ, при хорошемъ произношеніи, хорошо знающихъ французскій и англійскій языки надзирателей", а также „устранить изъ гимназіи дѣтей мѣщанъ, почтальоновъ и т. п.". Дворянство поставило непремѣннымъ условіемъ существованія пансіона — нахожденіе въ немъ „иностранца съ чистѣйшимъ французскимъ произношеніемъ и танцмейстера" [4]).

Показная сторона ученія вездѣ и въ провинціи играла

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1865 г.

[2]) „Московскій Телеграфъ". Журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. Москва. 1828 г. Ч. 25.

[3]) *Сухомлиновъ*. Школы въ черниг. губерніи (Ж. М. Н. Пр. 1864).

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1865 г.

15

большую роль. Публичные экзамены въ гимназіяхъ и даже въ главныхъ народныхъ училищахъ были похожи на театральныя представленія; на нихъ директоры и учителя изощрялись въ изобрѣтеніи чего-нибудь такого, что могло бы произвести на публику впечатлѣніе. Въ 1816 году директоръ училищъ саратовской губерніи высказалъ мнѣніе, что такъ какъ учитель русской словесности болѣе всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе публики, то надо требовать, чтобы онъ зналъ французскій языкъ и свободно на немъ говорилъ; а на русскомъ не только съ живостью читалъ бы лекціи, но имѣлъ бы даръ сочинять и публично произносить рѣчи, говорить чисто русскимъ языкомъ, а не провинціальнымъ; кромѣ того ему нужна ловкость, пріятная наружность и чистый голосъ [1]).

По всей вѣроятности даже сѣченіе розгами въ институтахъ было допущено Императрицею отчасти и потому, что за розги открыто высказывались какъ воспитатели, такъ и сами родители; тѣлесныя наказанія розгами примѣнялись и въ казенныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ частныхъ пансіонахъ [2]).

Что касается собственно образованія, дававшагося въ институтахъ, то не только публика, но и просвѣщенные люди того времени, въ числѣ которыхъ былъ профессоръ А. Никитенко, находили, что воспитанницы, особенно Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, „гораздо образованнѣе барышень, воспитанныхъ въ гостиныхъ“ [3]).

Вообще же характеръ институтскаго образованія, по преимуществу литературный, былъ совершенно въ духѣ тогдашнихъ аристократическихъ нравовъ общества, когда вопросы эстетическіе стояли на первомъ планѣ. Такое же образованіе давалось дома, и въ частныхъ пансіонахъ, и дворянскимъ юношамъ. „Чтобы считаться благовоспитаннымъ,—говоритъ „Московскій Телеграфъ“ [4])—

---

[1]) Е. Шмидъ. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Ж. М. Нар. Пр. 1877).

[2]) Это выяснилось изъ оффиціальной переписки министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго въ 1811—1814 гг. съ попечителями учебныхъ округовъ (Ж. М. Н. Пр. 1864).—И. Снигиревъ говоритъ о своемъ воспитаніи въ московской университетской гимназіи (1805—1810): „Метода сѣченія въ училищахъ не только свѣтскихъ, но еще болѣе въ духовныхъ, тогда была общеупотребительная. Она входила въ кругъ преподаванія и занятія учителей... Намъ привелось слыхать благодарность отъ испытавшихъ ее въ школѣ“ („Р. Арх.“, 1866 г., стр. 742).

[3]) Дневникъ А. В. Никитенко („Р. Стар.“, 1889 г., іюль).

[4]) О системѣ и методахъ въ педагогіи. 1832 г. Ч. 4-я, стр. 71.

достаточно пройти обычный тогда курсъ домашняго или пансіоннаго воспитанія, состоявшій изъ чтенія, письма, катехизиса, считанія, исторіи, географіи, основаній словесности по выборкамъ изъ Лагарпа, миѳологіи по выборкамъ Ліонне или Шомпрэ, рисованія (немножко) танцованія въ обширномъ смыслѣ, музыки (немножко), иностранныхъ языковъ, т.-е. французскаго до составленія записочки на немъ, нѣмецкаго до выученія наизусть нѣсколькихъ стиховъ и фразъ изъ діалоговъ, латинскаго до хрестоматіи, для вступленія, если то понадобится, на университетскія лекціи".

Но если основываться на программахъ женскихъ учебныхъ заведеній послѣдняго десятилѣтія жизни Императрицы Маріи при условіи, конечно, что предписанный программами курсъ проходился серьезно [1]), если имѣть въ виду усиленныя заботы Императрицы въ это десятилѣтіе объ ученіи воспитанницъ, хорошій выборъ инспекторовъ и учителей, то можно было бы ожидать, что воспитанницы институтовъ будутъ выходить изъ нихъ не только литературно образованными, но и съ достаточнымъ среднимъ общимъ образованіемъ.

Конечно, подъ громкимъ названіемъ „статистика" имъ вѣроятно сообщались тѣ свѣдѣнія (о числѣ жителей, пространствѣ и т. п.), которыя входятъ теперь въ элементарные учебники географіи. Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ, какъ преподавались, и какія имѣлись въ виду цѣли при преподаваніи воспитанницамъ научныхъ предметовъ. Объ этомъ можно нѣсколько судить по оставленному профессоромъ А. Никитенко, въ его дневникѣ, свидѣтельству, относящемуся хотя и къ 1830 году, т.-е. два года спустя послѣ смерти Императрицы Маріи, но когда въ учебномъ дѣлѣ институтовъ не произошло еще никакихъ перемѣнъ, и начальницами и инспекторами оставались тѣ же лица, которыя были при ней.

Приглашенный преподавать русскую словесность въ старшемъ классѣ Екатерининскаго училища, а потомъ и Смольнаго, Ники-

[1]) На послѣднемъ при Императрицѣ Маріи экзаменѣ воспитанницы Общества экзаменовались изъ слѣдующихъ предметовъ: на благородной половинѣ—закона Божія и нравоученія, всеобщей географіи математической, физической и политической, географіи и статистики россійской имперіи, статистическихъ данныхъ о главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, исторіи древней, средней, новой и русской, словесности трехъ языковъ, геометріи и головного исчисленія, физики, естественной исторіи; на мѣщанской половинѣ, кромѣ закона Божія, изъ: словесности трехъ языковъ, ариѳметики, всеобщей и россійской географіи, всеобщей и россійской исторіи.

тенко серьезно взглянулъ на свои обязанности и заслужилъ сначала одобреніе инспектриссы за то, что онъ „заботится не объ одномъ томъ, чтобы дѣвицы умѣли проболтать на экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизусть правилъ риторики и піитики“ [1]). Хотя Никитенко нашелъ, что его ученицы, которымъ оставался только одинъ годъ до выпуска, почти ничего не знаютъ изъ словесности, такъ что въ этотъ годъ,—говоритъ Никитенко,—„надо сдѣлать то, на что обыкновенно полагается три года“, но онъ увлекся мыслью „вселить хоть одну изъ своихъ идей въ сердца матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества“ [2]). Начальница совѣтовала ему затвердить фамиліи лучшихъ воспитанницъ, „чтобы при случаѣ показывать ихъ чужимъ людямъ“; но онъ не захотѣлъ послѣдовать этому совѣту и тѣмъ не менѣе оставался сначала очень доволенъ и своими ученицами, и своими занятіями съ ними. Не прошло, однако, и двухъ мѣсяцевъ, какъ Никитенко замѣтилъ перемѣну въ обращеніи съ нимъ Германа, который наконецъ прочелъ ему „длинное наставленіе о томъ, что его лекціи въ институтѣ должны быть, сколь возможно, кратче; что, читая ихъ, не должно слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотою или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености и т. д.“... Это такъ подѣйствовало на Никитенко, что онъ сталъ думать объ отставкѣ; но объясненіе съ инспектриссой нѣсколько успокоило его. Она ему сказала, что онъ, „какъ и господинъ Плетневъ, какъ и законоучитель“, слѣдовавшіе одной методѣ съ Никитенко, не разъ будутъ подвергаться непріятностямъ; но просила его „идти своей стезей“, говоря, что ученицы его понимаютъ, что онъ „возбудилъ ихъ энтузіазмъ, а съ этимъ и экзаменъ не страшенъ“.

Скоро Никитенко узналъ и отъ Плетнева, долго при Императрицѣ Маріи преподававшаго въ нѣсколькихъ институтахъ, объ ихъ порядкахъ „такую правду, что хуже всякой лжи“. Затѣмъ и самому Никитенко пришлось убѣдиться, что для того, чтобы, преподавая въ институтѣ, не подвергаться непріятностямъ, нужно не столько знать хорошо свое дѣло, сколько удовлетворять требованіямъ отъ преподаванія со стороны присутствовавшихъ на урокахъ классныхъ дамъ, а также преподавать по руководствамъ, составленнымъ помощникомъ инспектора, на что онъ не хотѣлъ согласиться. Кон-

[1]) Дневникъ А. В. Никитенко. 1830—1832 („Р. Стар.“ 1889 г., іюль).
[2]) Тамъ же.

чилось тѣмъ, что Никитенко рѣшился отказаться отъ преподаванія и въ Смольномъ, и въ Екатерининскомъ институтахъ, хотя ему казалось, что „главное достигнуто... души ихъ (дѣвицъ) раскрылись къ принятію тѣхъ идей, которыя—говоритъ Никитенко—я желалъ бы вдохнуть въ нихъ; между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ“ [1]).

Изъ разсказа Никитенко можно видѣть нѣкоторыя изъ условій женскихъ институтовъ, при которыхъ инспекторамъ классовъ, назначавшимся въ послѣднее время Императрицею большею частью изъ профессоровъ и вообще людей съ научнымъ образованіемъ, было бы невозможно, еслибы они того и хотѣли, поставить учебное дѣло въ институтахъ какъ слѣдовало. Едва ли Германъ, дѣлая внушеніе Никитенко о томъ, какъ онъ долженъ преподавать воспитанницамъ, руководствовался собственными взглядами, а не тѣмъ общимъ направленіемъ, какое было дано образованію въ институтахъ самою Императрицею. Къ тому же начальницамъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать за духомъ преподаванія [2]), а начальницами назначались, въ большинствѣ случаевъ, преимущественно иностранки, отъ которыхъ не требовалось иного образованія, кромѣ умѣнья говорить на иностранныхъ языкахъ, хотя бы даже на одномъ французскомъ. Имъ же предоставлялось право не только совѣщательнаго, но рѣшающаго голоса въ подробностяхъ учебнаго дѣла. На представленный Императрицѣ въ 1806 году планъ ученія въ Екатерининскомъ училищѣ, она сдѣлала замѣчаніе, что въ старшемъ классѣ на преподаваніе исторіи назначено всего два урока въ недѣлю, а на нѣмецкій языкъ четыре. „Мнѣ кажется—писала Императрица,—что исторія полезнѣе для воспитанницъ, нежели нѣмецкій языкъ, но предоставляю это на вашу волю“ [3]). Это такъ оставалось и послѣ реформы учебнаго дѣла 1815 года.

Настоятельное требованіе Императрицы, чтобы нѣкоторые предметы, и при томъ изъ наиболѣе важныхъ, преподавались на французскомъ языкѣ, не противорѣчило, правда, тогдашней практикѣ, когда и въ университетахъ большинство профессоровъ были иностранцы, не знавшіе русскаго языка и читавшіе лекціи на

---

[1]) Дневникъ. 1833 г. „Р. Стар.“ 1889 г., августъ.

[2]) Собственноручная инструкція Императрицы Совѣту моск. Ек. уч. 1803 г. (Ист. зап. о моск. уч., стр. 17).

[3]) Письмо отъ 28-го іюля 1806 г. (Переп. по Ек. уч.).

иностраннымъ. Но это условіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитанницы не имѣли никакихъ способовъ пополнять внѣ классовъ свои свѣдѣнія инымъ путемъ, должно было сводить къ нулю ихъ знанія въ наукѣ, преподававшейся имъ не по-русски. Хотя французскій языкъ былъ главнымъ предметомъ всего институтскаго курса, но едва ли большинство воспитанницъ даже старшихъ классовъ на столько хорошо его знали, чтобы свободно понимать изложеніе на немъ такихъ наукъ, какъ географія, исторія, геометрія, физика. Впрочемъ главная при этомъ цѣль заключалась не въ томъ, чтобы воспитанницы усвоили себѣ эти науки, а чтобы онѣ усовершенствовались во французскомъ языкѣ. Эта цѣль ставилась совершенно прямо и открыто. Совѣтуя начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища ввести такую систему, Императрица писала: „Мы ввели здѣсь очень хорошее средство усовершенствовать воспитанницъ во французскомъ языкѣ; это—преподавать на немъ одинъ изъ предметовъ, напр. физику и естественную исторію, и успѣхъ оправдалъ наши ожиданія. Желательно, чтобы вы послѣдовали этому примѣру относительно тѣхъ же наукъ или какой-либо другой“ [1]).

Наконецъ ранній возрастъ, въ которомъ воспитанницы институтовъ должны были оканчивать свое образованіе,—тотъ возрастъ, 16—17 лѣтъ, когда только и могло начинаться развитіе ихъ ума и усвоеніе научныхъ знаній,—также долженъ былъ неблагопріятно отзываться на окончательномъ результатѣ всего ихъ ученія. Бывали, и притомъ не особенно рѣдко, случаи, что вслѣдствіе ли того, какъ объясняли начальницы, что родители, при отдачѣ дѣтей, невѣрно показывали ихъ года, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но воспитанницъ выпускали тринадцати-лѣтними.

И въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ тогда рано кончали курсъ; но тѣ изъ бывшихъ воспитанниковъ, которые желали продолжать ученіе, имѣли къ тому полную возможность; между тѣмъ образованіе воспитанницъ въ женскихъ институтахъ не имѣло уже при Императрицѣ Маріи характера подготовительнаго къ будущему ихъ самообразованію, какъ это было при Екатеринѣ, а должно было считаться совершенно законченнымъ. Сама Императрица Марія такъ на него смотрѣла и при второмъ пріемѣ въ Екатерининское училище, когда Совѣтъ принялъ нѣкоторыхъ дѣвочекъ, имѣвшихъ болѣе одиннадцати лѣтъ, писала графу Завадовскому: „Не хотѣла я однако отмѣнить выборъ Совѣта и одобряю

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 2-го сентября 1827 г.

оный симъ, почитая, что даже полезнѣе по шестилѣтнемъ пребываніи въ училищѣ выпускать дѣвицъ совершенныхъ лѣтъ, окончившихъ уже совсѣмъ свое образованіе, нежели слишкомъ молодыхъ, не утвердившихъ еще довольно нравъ и разсудокъ" [1]. Крайній возрастъ для выпуска изъ всѣхъ институтовъ былъ опредѣленъ семнадцатью годами, при чемъ, въ послѣднюю половину жизни Императрицы Маріи, изъ институтовъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, выпускали и ранѣе, „если дѣвица достаточно успѣла въ предметахъ, которые изучала".

Надо взять во вниманіе еще и то, что въ институтахъ праздники, вакаціи, частные экзамены передъ выпусками, самые выпуски, поглощали столько времени, что, по исчисленію Германа, въ 1824 году „въ трехлѣтнемъ курсѣ приходилось всего 100 учебныхъ недѣль" [2]. Докладывая Императрицѣ о затрудненіяхъ при осуществленіи ея желанія, чтобы въ младшемъ классѣ Екатерининскаго училища были отдѣлены, какъ это дѣлалось въ московскихъ, часы для уроковъ по хозяйству („leçons d'Economie"), Брейткопфъ писала въ 1818 году: „большинство воспитанницъ вступаетъ плохо читающими по-русски и не имѣющими ни о чемъ понятія (n'ayant notion de rien). Онѣ вступаютъ въ апрѣлѣ и, слѣдовательно, остается только пять съ половиною лѣтъ на изученіе всего... Четыре вечера въ недѣлю, отъ пяти до восьми часовъ, посвящаются на пѣніе и танцы".

При всѣхъ этихъ условіяхъ нельзя было и требовать, чтобы воспитанницы выходили изъ институтовъ съ сколько-нибудь основательнымъ общимъ образованіемъ. Лучшія изъ нихъ могли еще на нѣкоторое время послѣ выпуска удержать въ памяти заученныя наизусть хронологическія данныя, могли, даже внезапно разбуженныя ночью, сказать наизусть всю таблицу умноженія, или, какъ разсказываетъ одна изъ бывшихъ институтокъ, при словѣ „бостонъ" (игра въ карты), отвѣтить скороговоркой: „Бостонъ—главный городъ провинціи Массачузетсъ въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣетъ гавань, корабельныя верфи, разныя учебныя и благотворительныя заведенія и 40.000 жителей" [3].

Не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ геометрія, физика, естественная исторія, изъ которыхъ воспитанницамъ предлагались лишь обрывки свѣдѣній безъ всякой системы, преподава-

---

[1]) Письмо отъ 16-го іюля 1802 г. (Переп. по Ек. уч.).

[2]) Учр. по В. О. 1824 г.

[3]) *Закревская*. Институтка. Романъ въ письмахъ („Отеч. Зап.", 1841 г., кн. XIX).

ніе и словесности сводилось къ однимъ стилистическимъ упражненіямъ.

Понятно, что объ умственномъ развитіи, о какомъ-нибудь запасѣ идей, который воспитанницы выносили бы изъ пройденнаго институтскаго курса, не могло быть и рѣчи.

А между тѣмъ въ самомъ началѣ нашего столѣтія уже была извѣстна не только въ Европѣ, но и у насъ, метода Песталоцци, изложенная въ его сочиненіяхъ [1]), а также въ цѣломъ рядѣ учебниковъ, облегчавшихъ учителямъ и учительницамъ примѣненіе этой методы. Казалось бы, что метода Песталоцци, приноровленная къ цѣли развитія и укрѣпленія всѣхъ способностей и дарованій будущаго человѣка, основанная на наглядности въ обученіи, тѣмъ болѣе должна была отвѣчать требованіямъ Императрицы Маріи отъ воспитанія въ институтахъ „хорошихъ матерей, хорошихъ супругъ, хорошихъ воспитательницъ, хорошихъ хозяекъ", что обученіе по ней „было проникнуто воспитательной идеей, для которой метода служила только средствомъ въ примѣненіи къ тому или другому учебному предмету" [2]). Она упрощала и учебное дѣло, правильная постановка котораго, во все время управленія Императрицы Маріи женскими институтами, сопровождалась большими трудностями.

Примѣненіе у насъ этой методы облегчалось тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ журналовъ печатались переводы сочиненій Песталоцци [3]), а Мартыновъ, лично извѣстный и пользовавшійся довѣріемъ Императрицы, излагалъ его методу въ своемъ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ" [4]), относясь къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Наконецъ, съ 1800 года уже существовалъ основанный на средства швейцарскаго правительства Бургдорфскій институтъ, гдѣ учились дѣти и знатныхъ родителей и въ курсъ ученія входили: отечественный и французскій языки, геометрія, ариѳметика, отечественная исторія, музыка [5]). Отъ воли Императрицы всецѣло зависѣло примѣнить эту методу къ преподаванію въ институтахъ; но Императрица, очевидно, имѣла при об-

[1]) „Лингардтъ и Гертруда", „Книга матерей", „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей" и др.

[2]) Л. *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. С.-Пет., 1887. Ч. 2-я, 32.

[3]) *Аглая*, издав. К. П. Шаликовымъ. Москва. 1809. Ч. V. „Письмо къ нѣжной матери при посылкѣ Песталоцціевой книги о воспитаніи".

[4]) 1804. Ч. IV.

[5]) *Модзалевскій*, стр. 18.

разованіи воспитанницъ не тѣ цѣли, какія преслѣдовалъ Песталоцци.

Объяснить направленіе, какое было дано женскому образованію не только въ институтахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ Императрицы Маріи, но и въ находившихся подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы, а также полтавскомъ, которымъ всецѣло управляла княгиня Репнина, можно, конечно, тѣмъ, что въ первой четверти нашего вѣка вообще имѣли очень смутное понятіе о томъ, въ чемъ должно заключаться хорошее образованіе и какимъ путемъ оно можетъ вліять на умъ, сердце и характеръ человѣка, о чемъ такъ много тогда говорили. Но еще болѣе такое направленіе обусловливалось особыми обстоятельствами, при которыхъ возникали и организовывались женскія учебныя заведенія.

Императрица Марія гораздо болѣе, чѣмъ Екатерина, держалась въ дѣлѣ женскаго образованія принципа сословности, которому неуклонно слѣдовала, не смотря даже на то, что правительство, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, организовало мужскія учебныя заведенія „для всѣхъ сословій“ [1]). Хотя она очень заботилась о томъ, чтобы воспитанницы разныхъ институтовъ получали воспитаніе и образованіе соотвѣтственно ихъ будущему состоянію, но такъ какъ большинство ею основанныхъ институтовъ предназначалось для дочерей дворянства, то, при организаціи учебной части въ институтахъ по личной инаціативѣ Императрицы, она имѣла главнымъ образомъ въ виду воспитаніе дворянскихъ дѣтей; а образованіе мѣщанскихъ должно было имѣть характеръ профессіональный, т.-е. приготовлять воспитательницъ и учительницъ въ дворянскихъ домахъ. Руководствуясь искреннимъ желаніемъ дать дворянкамъ самое лучшее образованіе и воспитаніе, Императрица должна была естественнымъ образомъ находить это „лучшее“ въ томъ, какое получали дѣвушки, принадлежавшія къ высшему кругу общества. Идеаломъ образованной дѣвушки этого круга была такая, которая отлично говорила пофранцузски и имѣла вообще литературное образованіе; въ остальномъ у нея не только могли, но должны были быть самыя поверхностныя знанія, ибо въ воззрѣніяхъ этого круга на первомъ мѣстѣ стояла боязнь учености, подъ которою и теперь часто понимается сколько-нибудь основательное образованіе, — учености, бросающей, въ глазахъ людей свѣтскихъ, тѣнь смѣшного и скуч-

[1]) Уставъ 1804 г.

наго на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на женщину. Такое образованіе было совершенно достаточно для той жизни, къ которой готовились дѣвушки высшаго круга; но въ институтахъ, даже въ Смольномъ, онѣ составляли совсѣмъ ничтожное меньшинство, а большинству предстояла не только жизнь „въ свѣтѣ и обществѣ", но и болѣе трудныя задачи. Вотъ для нихъ казалось бы необходимымъ образованіе, направленное на воспитаніе внутренняго человѣка, такое, которое, развивая ихъ мыслительныя способности, пріучало бы ихъ думать и понимать окружающіе ихъ предметы, цѣнить не внѣшнюю ихъ сторону, а вникать въ ихъ сущность, однимъ словомъ, имѣющее цѣлью умственное развитіе воспитанницъ.

Все это не считалось, однако, устроительницами первыхъ женскихъ учебныхъ заведеній дѣломъ первостепенной важности, хотя именно такія качества особенно требовались для главной цѣли, которую Императрица Марія поставила женскому образованію. По крайней мѣрѣ она ни разу не высказала даже намекомъ такой мысли въ своихъ многочисленныхъ письмахъ и инструкціяхъ начальницамъ. Императрица часто въ нихъ говорила о необходимости привить воспитанницамъ такія свойства, которыя сдѣлали бы ихъ способными найтись при трудныхъ обстоятельствахъ жизни, находить счастье въ самихъ себѣ и т. п.; но достигнуть этого она считала возможнымъ привитіемъ воспитанницамъ скромности, покорности судьбѣ, довольства малымъ. Мысль о благотворномъ, именно въ этомъ смыслѣ, вліяніи развитого знаніемъ ума—ей не являлась, и данное ею направленіе женскому образованію прочно и на долго привилось въ институтахъ.

Въ то время и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ показная сторона играла большую роль; воспитанниковъ гимназій, такъ же, какъ это дѣлалось въ институтахъ, особо подготовляли къ публичнымъ экзаменамъ; на выпускныхъ актахъ они говорили рѣчи на иностранныхъ языкахъ; даже губернаторы сочиняли при такихъ случаяхъ стихи, которые воспитанники пѣли и объ этомъ печаталось въ оффиціальномъ журналѣ [1]). Но въ институтахъ не на однихъ только экзаменахъ, выражаясь словами Никитенко, „все дѣлалось для парада и показа", а вообще, въ теченіе всего учебнаго года, преслѣдовались цѣли внѣшнія; зная это, сами учителя

[1]) Открытіе екатеринославской гимназіи (Періодическое сочиненіе о успѣхахъ нар. просвѣщенія. 1805).

держались такой системы въ преподаваніи воспитанницамъ и не смотрѣли на дѣло серьезно.

Одинъ изъ лучшихъ преподавателей Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, Мартыновъ, описывая въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" выпускной экзаменъ въ Екатерининскомъ училищѣ и перечисливъ предметы, изъ которыхъ воспитанницы экзаменовались, говоритъ: „во всѣхъ учебныхъ предметахъ представлены были превосходные опыты успѣховъ, особливо-жъ въ предметахъ, составляющихъ исключительныя занятія прекраснаго пола... Нужно только наименовать учителей, чтобы представить до какой степени очарованіе могло быть доведено въ пѣніи и танцахъ. Первому обучаетъ г. Кавосъ, который и управляетъ хоромъ; танцамъ — знаменитая Розъ-Колинетъ". Онъ перечисляетъ представленныя воспитанницами картины, изображающія: исторію Стратоники и Селевка—черными карандашомъ; „Англинскаго" короля Едуарда и лэди Грей съ дѣтьми, просящую его о возвращеніи ей имѣнія умершаго ея мужа — красками; Виргилія, читающаго Энеиду передъ Августомъ и Ливіею, которая падаетъ въ обморокъ — красками; человѣка, показывающаго дѣтямъ оптическое зрѣлище въ саду—черными карандашомъ и цвѣтными красками. И, наконецъ, рукодѣлія воспитанницъ: большой коверъ, на которомъ вышита картина, взятая изъ баней Титовыхъ; большія кресла въ египетскомъ вкусѣ, „вышитой вазъ съ 4 антиками", щитъ для камина [1]).

Такъ какъ въ литературное образованіе входило тогда непремѣннымъ условіемъ умѣнье сочинять стихи, то это очень поощрялось въ институтахъ. Даже въ харьковскомъ институтѣ, со времени поступленія его подъ покровительство Императрицы, воспитанницы должны были читать на выпускныхъ актахъ стихи собственнаго сочиненія [2]). А въ столичныхъ, онѣ читали стихи на трехъ языкахъ и въ присутствіи Жуковскаго [3]), который, по просьбѣ Императрицы, и самъ писалъ для нихъ стихи, исполнявшіеся воспитанницами хоромъ.

Два стихотворенія, сочиненныя въ 1804 году воспитанницами московскаго Екатерининскаго училища на смерть почетнаго опекуна, князя А. М. Голицына, были представлены Императрицѣ,

---

¹) „Сѣв. В.", 1805 г. Ч. V.

²) „Укр. В.", 1819 г., іюль. Отчетъ по харьковск. институту.

³) Воспоминанія А. О. Смирновой о Жуковскомъ и Пушкинѣ („Р. Арх.", 1871 г., декабрь).

которая поручила Вилламову дать ихъ прочесть графу Завадовскому. Послѣдній отвѣтилъ Вилламову письмомъ, въ которомъ говорилъ: „стихи, сочиненные воспитанницами Каменевою и Роговою, воспалили мое воображеніе до того, что я, не будучи стихотворецъ, наслаждаюсь парнасскимъ пѣніемъ и духомъ зрю будущее время, какъ россійскія дѣвы стройными пѣснями заглушатъ Сафы гремящую лиру". Завадовскій, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, велѣлъ напечатать эти стихи въ издававшемся при главномъ правленіи училищъ журналѣ: „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ Россіи" [1]).

Такой отзывъ графа Завадовскаго могъ быть вызванъ желаніемъ его сдѣлать удовольствіе Императрицѣ. Но образчикомъ крайне снисходительнаго отношенія учителей къ стихотворнымъ упражненіямъ воспитанницъ можетъ служить слѣдующій разборъ одного стихотворенія, сдѣланный преподавателемъ русской словесности въ Екатерининскомъ училищѣ, Петромъ Калайдовичемъ въ 1821 году:

РЕЦЕНЗІЯ

Стихотворенія *Варвары Михайловны Симоновской*, „Мысли воспитанницы Екатерининскаго Института при приближеніи ея выпуска".

Сіе стихотвореніе принадлежитъ къ лирическому роду Поэзіи. Первое, что должно показать при разборѣ всякаго сочиненія, есть планъ его.

„Какъ быстро протекаютъ годы!"

Вотъ мысль, служащая основаніемъ стихотворенія! Она развертывается мало-по-малу. Прошло мое младенчество; я вступила въ святилище наукъ; здѣсь я получила воспитаніе; годы, проведенные въ ученіи, уже протекли и наступаетъ время выхода. Сочинительница прощается съ своими подругами и съ мѣстомъ своего воспитанія и симъ оканчивается стихотвореніе.

Планъ натуральной и прекрасной и выдержанъ отъ начала до конца. Мысль о скоротечности жизни внушаетъ Сочинительницѣ горестное чувство, которое усиливается отъ представленія скорой разлуки; но Сочинительница сама себя утѣшаетъ *мысленнымъ* свиданіемъ съ подругами—и горесть уступаетъ мѣсто благодарности, которую Сочинительница, прощаясь, изъявляетъ мѣсту своего воспитанія. Что можетъ быть натуральнѣе и прекраснѣе такого расположенія? Все сказано въ свое время и все на своемъ мѣстѣ. Единство чувства

[1]) „Р. Старина". 1875 г., декабрь. Стихи институтокъ и отзывъ о нихъ гр. Завадовскаго. 1807 г.

соблюдено строжайшимъ образомъ; восторгъ, господствующій въ стихотвореніи, есть тихій: иначе и быть не можетъ. Горестное чувство разлуки, конечно, сильное чувство и могло бы внушить высокій восторгъ; но оно растворяется утѣшеніемъ — и горесть превращается въ унылое чувство меланхоліи.

Теперь очевидно, что въ отношеніи къ плану, качеству чувства и степени восторга сіе стихотвореніе выдерживаетъ самую строгую критику. Войдемъ въ подробности.

„Какъ быстро протекаютъ годы!
„Давноль съ безпечностью дѣтей
„Играла жизнію моей
„Я на рукахъ самой природы?"

Безподобно! Здѣсь жизнь представлена дѣтскою игрушкою, которою младенецъ забавляется на рукахъ природы-матери. Въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ младенца жизнь, которой цѣны онъ еще не знаетъ, есть игрушка. Мысль истинно піитическая! Это такъ прекрасно, что я забываю упомянуть о маленькихъ погрѣшностяхъ. Вмѣсто съ *безпечностію дѣтей* надлежало бы сказать: съ *дѣтскою безпечностію*, по крайней мѣрѣ, съ *безпечностію дитяти*. Мѣстоименіе *самой* пустое слово и ничего не придаетъ мысли. Но Сочинительница щедро награждаетъ за малые недостатки. Пойдемъ далѣе.

„Давно ли отъ своихъ Пенатъ
„Вошла въ жилище благодатно,
„Въ сей безмятежный вертоградъ,
„Надъ коимъ Солнце *беззакатно*?"

Прекрасная Аллегорія и величественная картина! Солнце въ полномъ блескѣ сіяетъ надъ цвѣтущимъ вертоградомъ и живитъ его благотворными своими лучами. Слово *беззакатно* прекрасно изображаетъ никогда не престающую попечительность Чадолюбивой Монархини. Это слово, мнѣ кажется, новое и весьма удачное. Пиндаръ и Державинъ также творили новыя слова.

„Гдѣ [1]), какъ лоза, живима имъ,
„Росла, отъ праха возвышалась,
„И *возъюнѣвъ* образовалась
„Подъ надзираніемъ благимъ
„Наставницъ бдительныхъ, избранныхъ,
„Царицей-Солнцемъ намъ посланныхъ".

Аллегорія продолжается. Сочинительница изображаетъ собою благое дѣйствіе воспитанія: подобно виноградной лозѣ, оживляемой теплотою солнечною, я возростала въ семъ безмятежномъ вертоградѣ и *возвышалась отъ праха*. Прахъ въ піитическомъ языкѣ означаетъ ничтожество. Въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ безъ воспитанія?

Здѣсь встрѣчается еще новое слово *возъюнѣть*! Теперь я не дѣлаю о немъ рѣшительнаго приговора. Я увлекаюсь красотою слѣдующихъ стиховъ:

---

[1]) Въ вертоградѣ.

„Давноль въ Святилищѣ наукъ
„Среди возлюбленныхъ подругъ
„Всю сладость дружбы я познала?
„И вотъ мнѣ скорбь ея предстала:
„Рокъ всѣхъ готовъ насъ разлучить —
„И близокъ, близокъ день прощанья!“

Какое смѣлое и счастливое выраженіе: *скорбь дружбы!* Ежели есть сладость дружбы, когда друзья вмѣстѣ, то есть и скорбь ея въ разлукѣ. Какъ кстати здѣсь фигура усугубленія

„И близокъ, близокъ день прощанья!“

Слѣдуетъ лирическій порывъ; ибо чувство горести усилилось, а сильное чувство способно произвести его. Разстояніе времени между настоящимъ и будущимъ исчезло въ глазахъ Сочинительницы; для нея уже насталъ день прощанія. Вотъ что имѣла Сочинительница въ умѣ: „я съ вами разстаюсь, можетъ быть, на вѣки, но разлука не охладитъ моей къ вамъ дружбы, я никогда васъ не забуду, ибо можно ли позабыть любезныхъ подругъ моего дѣтства?“

„Но можно-ль милыхъ позабыть?“

Стихъ нѣжный и трогательный! Слѣдующіе стихи золотые: сама Муза ихъ диктовала.

„Но къ нимъ всегда мои мечтанья
„И отвсюду полетятъ,
„И съ ними мысленны свиданья
„Тоску разлуки утолятъ“.

Мысленныя свиданья: новое и прекрасное выраженіе. Можетъ быть слишкомъ строгой критикъ замѣтитъ, что свиданіе мало употребляется въ числѣ множественномъ; но Вы сами, ММ. ГГ., можете видѣть, какъ много потеряетъ мысль, ежели перемѣнить число. Языкъ долженъ покорствовать поэту!

Наконецъ, обращеніе къ Институту:

„А ты, о кровъ для насъ священный!
„Къ тебѣ признательность мою
„Въ желаньи пламенномъ пролью:
„Цвѣти красою неизмѣнной!
„Преемницъ нашихъ осѣняй,
„Рости, лелѣй и просвѣщай
„И сѣнью будь благословенной!“

Въ семъ обращеніи я замѣчу двѣ черты, дѣлающія честь характеру Сочинительницы: признательность къ мѣсту воспитанія и желаніе, чтобы и другія воспользовались въ немъ образованіемъ, которое она сама получила. Доброе сердце любитъ дѣлить свои блага; оно и другимъ желаетъ того же счастія, которымъ наслаждается. Какъ хорошо здѣсь слово *признательность:* благодарность показала бы гордое чувство. Благодѣянія воспитанія можно только

чувствовать; а нельзя достойно возблагодарить за оныя. Но Сочинительница хочетъ показать знакъ своей признательности: черта благородная! Въ чемъ же состоитъ онъ? въ пламенномъ желаніи:

„Цвѣти красою неизмѣнной!
„Преемницъ нашихъ осѣняй,
„Рости, лелѣй и просвѣщай
„И сѣнью будь благословенной!"

Прекрасно, превосходно! безподобно! Можетъ быть обвинять меня въ пристрастіи, почтутъ мои похвалы неумѣренными и докажутъ тѣмъ, что Аллегорія въ обращеніи къ Институту неправильна; ибо, ежели дѣлать повѣрку значенія словъ метафорическаго съ собственнымъ, то кровъ (т.-е. кровля) не можетъ *ростить, лелѣять и просвѣщать*, онъ можетъ быть только сѣнью. Еще могутъ замѣтить, что въ семъ же обращеніи встрѣчается тавтологія (тождесловіе):

„Преемницъ нашихъ *осѣняй*!
„*И сѣнью* будь благословенной!"

Все это правда; но, ММ. ГГ., простимъ охотно сіи погрѣшности Госпожѣ Сочинительницѣ и окажемъ уваженіе къ юному таланту.

„Сей нѣжный цвѣтъ—говоритъ нашъ Карамзинъ—отъ знаковъ холодности и невниманія часто безъ всякаго плода увядаетъ".

Я съ своей стороны поздравляю съ такимъ стихотвореніемъ и Госпожу Сочинительницу, и всѣхъ ея соучениц, и самого себя.

Петръ Калайдовичъ.

15-го марта, 1821 г.
Вторникъ.

Поощряемыя къ писанію стиховъ, воспитанницы часто выходили (по крайней мѣрѣ такъ было до 1820 года) съ самымъ жалкимъ знаніемъ русскаго языка, на которомъ писали безграмотно, даже для тогдашняго времени. Вотъ письмо бывшей воспитанницы Екатерининскаго училища къ Императрицѣ: „иеподая костапамъ Вашего Императорскаго Величества коавгустейшей царицѣ... воспитанъница Екатеринеръскава училища... мая прозба какъ мать мая приежала впетербурхъ 1808 года въ феврале... дажидатца да марта месеца...—Подъданьная Раба Марья Каломнина [1]).

Письмо бывшей воспитанницы Общества не многимъ грамотнѣе. Извѣщая свою, находившуюся еще въ Обществѣ, сестру о томъ,

[1]) Письмо отъ 24-го ноября 1809 г. (Упр. по уч. орд. св. Ек.).

что мать не можетъ взять ее при выпускѣ 1812 года, бывшая воспитанница Смольнаго пишетъ: „...старайся себя устроить. Можетъ быть какая знатнѣйшая особа или какая богатая захочетъ взять къ себѣ, а то проси Вдовствующую Императрицу чтобъ она приняла тебя въ свой штатъ. Можетъ быть черезъ тебя всѣ будемъ щастливы... Не огорчайся, Богъ все къ лутчему делаетъ... Нетли у тебя канвовыхъ или что по кисеи вышиваютъ узоровъ... Пожалуста старайся устроить; повѣрь милая что маменькѣ тягосно и одну меня содержать, чтоже мы будимъ съ тобой въ стенахъ сидѣть чему и знали, то все забудѣмъ... Ежели получишь награжденіе при выпускѣ, т.-е. деньги, то здѣлай что тебѣ понужнѣе хотя шынельку или салопъ навати чтобъ не стыдно было тебѣ выѣхать ежели куда случится" [1]). Въ 1819 уже году бывшая воспитанница Смольнаго посвятила Императрицѣ свой переводъ съ французскаго на русскій книги, составленной учителемъ французскаго языка Жоффрэ и просила Императрицу велѣть напечатать этотъ переводъ. Просматривавшій его, по порученію Императрицы, Лодій отозвался, что не нашелъ въ переводѣ „ничего противнаго нравственности. Сравнительныя метафоры — писалъ онъ — хороши, но надо переводчицѣ нѣкоторыя выраженія и смыслъ поправить и наблюдать правописаніе" [2]).

На сколько можно судить по сохранившимся въ архивѣ IV-го Отдѣленія письмамъ нѣкоторыхъ воспитанницъ, знаніе и французскаго правописанія было не лучше. Даже выпущенныя изъ Смольнаго съ благородной половины съ золотою медалью писали по-французски съ большими ошибками. Вѣроятно въ отвѣтъ на замѣчаніе объ этомъ Императрицы, Брейткопфъ оправдывалась, говоря: „мы и теперь не можемъ отвѣчать, что всѣ будутъ правильно писать по-французски; у насъ есть такія, которымъ никакъ не удается понять грамматику" [3]).

Что касается мѣщанскихъ воспитанницъ, то онѣ сами были очень скромнаго мнѣнія о своихъ знаніяхъ вообще, и одна изъ нихъ въ письмѣ къ Императрицѣ охарактеризовала свои знанія словами: „соотвѣтственныя полу нашему для общежитія познанія" [4]).

Не смотря на то, что учрежденіемъ институтовъ родителямъ предоставлялась возможность дать дочерямъ образованіе, при томъ

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1812 г.
[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1819 г.
[3]) Письмо отъ 7-го декабря 1809 г.
[4]) Учр. по В. О. бл. д. 1813 г.

даровое, а можетъ быть вслѣдствіе того, что въ отдаленные углы глухихъ уѣздовъ не доходили, разсылавшіяся Совѣтами по всѣмъ губерніямъ, къ предводителямъ дворянства, а гдѣ ихъ не было— къ губернаторамъ, объявленія объ условіяхъ пріема въ институты; но было много губерній, въ которыхъ не оказывалось родителей, желавшихъ отдать туда своихъ дочерей. Въ 1806 году, когда еще нигдѣ, кромѣ Петербурга и Москвы, не было институтовъ и вообще никакихъ женскихъ учебныхъ заведеній, не оказалось желающихъ отдать дѣтей въ Общество и Екатерининское училище въ одиннадцати губерніяхъ [1]), и кромѣ того не получено отвѣтовъ отъ предводителей 18-ти. Почти то же повторилось и въ 1809 году, и при томъ въ числѣ губерній, гдѣ не оказалось желающихъ отдать дочерей въ институты, была московская. Но въ 1809 году уже существовали два училища въ Москвѣ, и надо думать, что 140 вакансій въ этихъ двухъ училищахъ удовлетворяли требованіямъ цѣлой московской губерніи.

Судя по этимъ даннымъ, можно сказать, что въ первой четверти нашего столѣтія только Петербургъ и ближайшія къ нему губерніи воспользовались случаемъ дать дочерямъ образованіе, предлагавшееся имъ безплатно и обставленное всевозможными выгодами.

Еще въ самомъ началѣ своего управленія женскими институтами, Императрица Марія пыталась положить начало педагогической подготовкѣ воспитанницъ учрежденіемъ пепиньеръ. Мысль объ ихъ учрежденіи возникла у нея въ 1803 году, когда при выпускѣ изъ Общества оказалось много бѣдныхъ и способныхъ воспитанницъ, а съ другой стороны уже выяснилась трудность пріискивать хорошихъ классныхъ дамъ для институтовъ. Въ первоначальномъ планѣ Императрицы о пепиньеркахъ предполагалось, чтобы онѣ иногда, въ случаѣ отсутствія учителей, могли замѣнять ихъ [2]). Но скоро она, по видимому, отказалась отъ этой мысли. Впослѣдствіи Императрица считала пепиньерокъ способными обучать въ низшихъ и среднихъ возрастахъ чтенію на трехъ языкахъ, письму „съ голоса", чистописанію; хотя въ 1816 году и была одна учительница переводовъ съ русскаго на французскій и нѣмецкій языки во второмъ классѣ старшаго воз-

[1]) Тамбовской, пензенской, слободо-украинской, орловской, полтавской, калужской, томской, кавказской, екатеринославской, херсонской.

[2]) Projet d'un établissement qui servira de pépinière pour les Instituts. 28-го февраля 1803 г. (Арх. IV Отд.).

раста Общества, но на предложеніе Совѣта поручить пепиньеркѣ преподаваніе французскаго языка въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ старшаго возраста на мѣщанской половинѣ, Императрица согласилась неохотно: „Я подписала предложеніе Совѣта — писала она Адлербергъ—о назначеніи Сафроновой, но не могу воздержаться отъ сомнѣнія: можетъ ли она и будетъ ли, какъ дѣвица (Frauenzimmer), удовлетворительно замѣнять учителя“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, при учрежденіи пепиньеръ, въ виду первоначальной цѣли Императрицы, она велѣла особо обучать ихъ математикѣ, исторіи и географіи по одному уроку въ недѣлю на каждый изъ этихъ предметовъ, которые должны были преподаваться на французскомъ языкѣ [2]). Въ классѣ пепиньеръ воспитанницы должны были оставаться одинъ годъ, послѣ чего могли поступать или въ классныя дамы, или гувернантками и учительницами въ частные дома, или же, въ случаѣ желанія, могли возвращаться къ родителямъ. Число пепиньеръ въ Обществѣ было опредѣлено двѣнадцатью „изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ воспитанницъ“ благородной половины. Три года спустя былъ учрежденъ пепиньеръ и на мѣщанской половинѣ изъ шести воспитанницъ. Имъ также положены были уроки изъ географіи и исторіи, на французскомъ языкѣ, по шести часовъ въ недѣлю на всѣ [3]).

Мало-по-малу, пепиньеры были учреждены почти при всѣхъ институтахъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Маріи, кромѣ дѣвичьяго училища, изъ котораго, по ея приказанію, одна изъ кончившихъ курсъ въ первомъ отдѣленіи воспитанницъ могла поступать въ пепиньеръ Общества. Число пепиньеръ въ петербургскомъ Екатерининскомъ училищѣ было ограничено шестью, въ московскомъ — пятью, въ московскомъ Александровскомъ — тремя. Предметы, имъ преподаваемые, были почти тѣ же, что и въ Обществѣ, т.-е. исторія, географія и математика, и также на французскомъ языкѣ. Въ московскомъ Александровскомъ имъ преподавали еще по два раза въ недѣлю французскую литературу, миѳологію и „краткое теоретическое объясненіе физики“ [4]).

Съ 1808 года на пожертвованный митрополитомъ римско-католическихъ церквей, Сестренцевичемъ, капиталъ въ 20.000 р. должны были приготовляться четыре воспитанницы, кончившія курсъ на мѣщанской половинѣ Общества, для поступленія въ гувернантки въ

[1]) Учр. по В. О. 1810 г.

[2]) Запасное отдѣленіе изъ 12 дѣвицъ для опредѣленія въ классныя дамы (Учр. по В. О. 1803 г.).

[3]) Протоколы Сов. В. О. 1806 г.

[4]) Ист. зап. о моск. уч., стр. 177.

частные дома бѣлорусскихъ губерній. Ихъ должны были обучать и музыкѣ, знаніе которой непремѣнно требовалось отъ гувернантки, а для усовершенствованія въ наукахъ Императрица велѣла, чтобы эти воспитанницы, смотря по знаніямъ, слушали курсъ или въ мѣщанскомъ пепиньерѣ, или въ старшемъ классѣ мѣщанскаго училища. Условіе ихъ поступленія непремѣнно въ бѣлорусскія губерніи, было впослѣдствіи отмѣнено по предложенію Совѣта и съ согласія Сестренцевича, который написалъ Императрицѣ, что его желаніе, также какъ и ея, состоитъ лишь въ томъ, чтобы „знать воспитанницъ щастливыми и среди семействъ по благонравію извѣстныхъ“ [1]).

Желающихъ оставаться въ пепиньерѣ, въ первое время его учрежденія, было не много, такъ что въ Обществѣ не было полнаго комплекта. Можетъ быть этому и надо отчасти приписать измѣненіе первоначальной цѣли, съ которою Императрица учреждала въ 1803 году пепиньеръ при Обществѣ. По крайней мѣрѣ, не одобривъ въ цѣломъ представленный ей Германомъ въ 1824 году новый планъ ученія пепиньерокъ, Императрица писала Адлербергъ: „Еслибы наши пепиньерки предназначались быть гувернантками, могли бы замѣнять учителей и давать уроки, то его (Германа) планъ былъ бы цѣлесообразенъ и полезенъ. Но немногія изъ нихъ остаются даже классными дамами, а для этихъ обязанностей не нуженъ такой курсъ; поэтому онъ былъ бы напраснымъ (vergeblich). Надо только усилить нѣмецкій языкъ, хотя я признаю французскій болѣе нужнымъ“ [2]).

Къ концу жизни Императрицы комплектъ пепиньеръ не только уже наполнился, но въ Обществѣ на благородной половинѣ были даже своекоштныя, не смотря на то, что плата съ нихъ была очень высока; въ 1828 г. она составляла 994 рубля въ годъ [3]). Это надо приписать вѣроятно тому, что пепиньерки, благодаря Императрицѣ и Совѣтамъ, помѣщались на мѣста при очень выгодныхъ условіяхъ, а также, что въ Обществѣ имъ опредѣлено было жалованье по 200 руб. въ годъ за ихъ занятія, состоявшія въ помощи класснымъ дамамъ, обученіи маленькихъ воспитанницъ и присутствованіи въ классахъ во время уроковъ учителей; въ другихъ институтахъ пепиньерки не получали жалованья, кромѣ экстренныхъ случаевъ, напр. когда имъ поручались особые уроки въ классахъ—чистописанія или пѣнія.

Цѣль учрежденія пепиньеръ въ смыслѣ снабженія институ-

---

[1]) Учр. по В. О. благ. дѣв. 1819 г.

[2]) Учр. по В. О. 1824 г.

[3]) Прот. Сов. В. О. 1828 г.

товъ классными дамами была достигнута вполнѣ; онѣ стали занимать эти мѣста и въ Воспитательныхъ Домахъ, и въ провинціальныхъ институтахъ, гдѣ пепиньеръ не было, а потомъ дѣлались инспектриссами; онѣ же назначались и учительницами музыки и пѣнія въ институты. Нѣкоторыя поступали учительницами въ частные пансіоны и гувернантками въ частные дома, при чемъ имъ было поставлено условіемъ обязательство прослужить въ одномъ домѣ не менѣе двухъ лѣтъ [1]).

Но въ смыслѣ улучшенія институтскаго образованія курсъ, который проходили пепиньерки въ особо учрежденныхъ для нихъ классахъ, имѣлъ очень мало значенія, потому что и этотъ курсъ былъ главнымъ образомъ направленъ къ усовершенствованію пепиньерокъ во французскомъ языкѣ.

Не одобренный Императрицею во всемъ его объемѣ, проектъ Германа курса для пепиньерокъ состоялъ въ томъ, чтобы языки были главнымъ предметомъ ученія ихъ, „ибо — писалъ Германъ — это знаніе облегчаетъ средства пріобрѣтать всякія другія, и чрезъ него пепиньерки могутъ быть полезны заведенію, которому обязаны своимъ воспитаніемъ“ [2]); Германъ предлагалъ еще, кромѣ исторіи, географіи и математики, преподавать пепиньеркамъ и русскую, французскую и нѣмецкую литературы особымъ для каждой учителемъ, а на мѣщанской—только одну нѣмецкую; это въ виду того,—писалъ Германъ—что „нѣмецкій языкъ въ послѣднее время сдѣлалъ значительные успѣхи“. Подъ уроками литературы долженъ былъ проходиться, по проекту Германа, не новый курсъ, уже пройденный воспитанницами и который онѣ легко могутъ расширить чтеніемъ, а „практическое упражненіе въ языкахъ, усовершенствованіе въ произношеніи, въ свободномъ выраженіи мыслей, въ выработкѣ стиля посредствомъ чтенія, переводовъ и сочиненій, которыя учитель будетъ поправлять и разбирать въ классѣ“.

Относительно преподаванія исторіи и географіи, Германъ полагалъ нужнымъ, „на томъ основаніи, что эти науки суть собраніе фактовъ и данныхъ, сохраняемыхъ памятью и могущихъ легко изъ нея улетучиться“, доставлять пепиньеркамъ случаи и способы возобновлять ихъ въ памяти „столько же для собственнаго ихъ блага, сколько и въ видахъ доставленія имъ возможности быть полезными чрезъ эти науки воспитанницамъ голубого и бѣлаго

[1]) Учр. по В. О. 1825 г.

[2]) Protocole de la séance du Comité des études établi à la Communauté des demoiselles nobles et de l'Institut de S-te Catherine tenue le 28 d'Avril 1824 (Учр. по В. О.).

класса, отстававшимъ отъ другихъ и слабымъ". Съ этою цѣлію учителя литературъ должны были чаще брать темы для сочиненій пепиньерокъ изъ исторіи и географіи. При этомъ учитель долженъ былъ всегда предварительно требовать, чтобы ученица разсказала о событіи или „памятномъ дѣйствіи", или сдѣлала краткій сводъ исторіи какого-нибудь народа въ политическомъ отношеніи или въ отношеніи цивилизація, его нравовъ, литературы или статистической картины государства, физическаго или политическаго состоянія земного шара, или отдѣльнаго государства.

Къ этой части проекта Германа, по всей вѣроятности, и относится приведенное выше замѣчаніе Императрицы въ письмѣ къ Адлербергъ о безполезности такого курса для пепиньерокъ.

Гораздо основательнѣе, чѣмъ въ пепиньерахъ, было поставлено учебное дѣло—и въ смыслѣ педагогической подготовки воспитанницъ—въ классахъ наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 1811 года было предписано усилить курсъ въ классахъ наставницъ преподаваніемъ имъ „главнѣйшихъ познаній изъ геометріи и физики, не съ тѣмъ, чтобы были въ сихъ частяхъ учеными, но чтобы могли растолковать будущимъ своимъ воспитанницамъ употребительнѣйшія названія, какъ-то: кругъ, трехугольникъ, квадратъ и пр., съ главнѣйшими ихъ свойствами, и объяснить обыкновенныя воздушныя и естественныя явленія для искорененія ложныхъ и суевѣрныхъ понятій". Преподаваніе должно было вестись путемъ диктованія учителей воспитанницамъ „существенныхъ правилъ, положеній, дѣяній, примѣровъ, а не подробнаго изложенія какой-либо науки" [1]).

По новому плану ученія, составленному Императрицею въ 1816 году, всѣхъ классовъ для питомицъ Воспитательныхъ Домовъ было пять, въ каждомъ изъ которыхъ питомицы оставались по два года, и по окончаніи десятилѣтняго общеобразовательнаго курса переходили въ высшій, практическій классъ. Здѣсь воспитанницы, называвшіяся „кандидатками" къ выпуску, занимались преподаваніемъ въ младшихъ классахъ подъ руководствомъ учителей; а для того, чтобы онѣ не забыли пройденнаго курса, имъ должны были, каждый день по два часа, преподавать „энциклопедическіе уроки наукъ"; на этихъ урокахъ особо выбранные учителя должны были указывать кандидаткамъ „руководства для чтенія полезныхъ книгъ". Для практическаго же навыка въ преподаваніи онѣ опредѣлялись на нѣкоторое время классными да-

---

[1]) Учр. по С.-Пет. и Моск. В. Домамъ 1804—1817 гг., VII.

мами въ другіе институты; а для пріученія ихъ къ обращенію съ людьми, главной надзирательницѣ не только разрѣшалось, но рекомендовалось брать по очереди нѣкоторыхъ изъ нихъ въ хорошіе частные дома, также на экзамены въ частные пансіоны по извѣщенію директора училищъ.

По окончаніи одиннадцатилѣтняго курса ученія, наставницы помѣщались черезъ Опекунскіе Совѣты на мѣста. Въ объявленіи, напечатанномъ въ 1817 году, о первомъ выпускѣ изъ класса наставницъ, значилось, что онѣ могутъ обучать: закону Божію и нравоученію, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, физикѣ, искусствамъ, входящимъ въ составъ благороднаго воспитанія, и женскимъ рукодѣліямъ [1]).

До 1827 года, и наставницамъ нѣкоторые предметы, напр. физика, естественная исторія, географія, преподавались только на иностранномъ языкѣ; но за годъ до смерти Императрицы, въ 1827 году, по предложенію инспектора классовъ Фуса, было постановлено повторять эти уроки и на русскомъ [2]). По предложенію же Фуса, въ программу курса наставницъ было включено преподаваніе въ старшемъ классѣ „самоважнѣйшихъ политико-экономическихъ понятій о народонаселеніи и народномъ богатствѣ“.

Кромѣ классовъ наставницъ, Императрица, Высочайшимъ повелѣніемъ 1817 года, предписала, при переводѣ въ старшій классъ, образовать особый музыкальный классъ изъ десяти питомицъ Воспитательныхъ Домовъ, проявившихъ способности къ музыкѣ, предназначая ихъ къ занятію мѣстъ учительницъ музыки.

Наставницы назначались для поступленія на мѣста исключительно въ губерніяхъ; учительницамъ музыки разрѣшалось оставаться въ столицахъ, „такъ какъ частные люди не берутъ обыкновенно въ дома учительницъ единственно для музыки, а учителя и учительницы сего художества пропитаніе имѣютъ отъ уроковъ, въ разныхъ домахъ и заведеніяхъ даваемыхъ“ [3]).

Учрежденіемъ классовъ наставницъ Императрица Марія положила прочное основаніе педагогическому образованію женщинъ. Эти наставницы или, какъ ихъ чаще называли, „кандидатки“ были при ней самыми образованными дѣвушками во всей Россіи; онѣ распространяли среди молодого поколѣнія, въ теченіе почти полустолѣтія, полученное ими образованіе совершенно въ томъ же объемѣ и духѣ, какое сами получили въ учебномъ заведеніи, гдѣ воспитывались. По всей вѣроятности, еще при Императрицѣ Маріи

---

[1]) Объявленіе къ „С.-П. Вѣдомостямъ“, № 36. 1817 г.

[2]) Арх. IV отд. Дѣла Опек. Сов., мартъ, 1827 г.

[3]) Положеніе 1817 г.

изъ нихъ выработался, часто потомъ изображавшійся въ нашей литературѣ, типъ „гувернантки съ музыкой", долго сохранявшійся во всей своей неприкосновенности.

Такимъ образомъ Императрица Марія, не стремившаяся вообще руководить общественнымъ мнѣніемъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія, а скорѣе желавшая удовлетворять современнымъ ей требованіямъ русскаго общества, тѣмъ не менѣе вліяла на него. Установленнымъ ею кругомъ занятій и дѣятельности, отведеннымъ для женскаго образованія, приданнымъ этому образованію характеромъ, она на долго опредѣлила норму, за предѣлы которой никто и не мечталъ перейти.

Императрица Марія является истинной благодѣтельницею тѣхъ воспитанницъ институтовъ, которыя, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, должны были собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Не говоря о денежномъ вознагражденіи при выпускахъ, дарованное институткамъ и наставницамъ право во всѣхъ случаяхъ своей жизни обращаться за помощью къ Совѣтамъ и прямо къ Императрицѣ, часто ограждало ихъ отъ посягательствъ лишить ихъ возможности зарабатывать свой хлѣбъ уроками. Въ мрачную эпоху нашего просвѣщенія, въ 1820 году, казанскій университетъ, „ревнуя о народномъ просвѣщеніи", хотѣлъ изгнать изъ Тамбова двухъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанницею московскаго Екатерининскаго училища. Эта учительница отстояла себя, написавъ тамбовской полиціи: „чтобы не вздумали воспретить мнѣ воспитаніе дѣтей, единственный способъ моего пропитанія, съ нынѣшнею почтою препровождаю просьбу къ вдовствующей Императрицѣ по праву всякой воспитанницы института и позволенію Императрицы относиться къ ней во всякой личной обидѣ" [1]).

Особенно Императрица старалась оградить наставницъ отъ всякихъ случайностей. Обязанныя прослужить, по окончаніи курса, шесть лѣтъ гувернантками въ частныхъ домахъ, онѣ, въ случаѣ потери или неимѣнія мѣста, могли на время помѣщаться на полномъ содержаніи въ Воспитательномъ Домѣ; то же право было дано и учительницамъ музыки. Даже при пріѣздѣ наставницы „съ хозяевами" въ столицу, Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома былъ обязанъ „оказывать ей всю нужную въ семъ случаѣ помощь" [2]). Точно также, въ случаяхъ неуплаты взявшими къ себѣ въ домъ наставницу слѣдуемыхъ ей денегъ, Опекунскіе

---

[1]) Древняя и новая Россія. 1878 г., № 12. Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. *Н. Дубасова.*

[2]) Дѣла Опек. Сов. 1816 г.

Совѣты должны были требовать должную сумму черезъ министра полиціи. Иногда такія дѣла доходили до самой Императрицы, которая всегда принимала участіе въ судьбѣ наставницы. Плоды заботъ Императрицы Маріи въ этомъ отношеніи и донынѣ отчасти сохранились для воспитанницъ состоявшихъ подъ ея покровительствомъ учебныхъ заведеній.

Не отрицая того, что и въ то время были родители, отдававшіе своихъ дочерей въ институты съ цѣлью дать имъ образованіе, для чего дома не имѣли средствъ и способовъ, большинство ихъ все-таки имѣло въ виду главнымъ образомъ возможную перспективу обезпечить будущность своихъ дочерей. Впрочемъ такъ же смотрѣла на дѣло и сама Императрица. Преобразовывая Общество, она истолковала, въ 1797 г., Совѣту указъ Екатерины, 5-го мая 1764 года, такъ, что „главный предметъ его учрежденія заключается въ томъ, чтобы доставить настоящему бѣдному россійскому дворянству способы къ воспитанію дѣтей и облегченію черезъ то ихъ состоянія“ [1]). Поэтому родители имѣли даже нѣкоторое право смотрѣть на институты какъ на благотворительныя заведенія. Нѣкоторые изъ нихъ не сразу брали своихъ дочерей домой, все надѣясь, что Императрица устроитъ ихъ судьбу, о чемъ писали не только дочерямъ, но и начальницамъ, прося ихъ избавить дочь „отъ горестнаго положенія снискивать ненадежную постороннюю помощь“. Другіе прямо просили Императрицу взять ихъ дочь ко Двору. Въ одномъ письмѣ мать говорила, что совсѣмъ „уступаетъ начальницѣ свои права на дочь“, ибо не можетъ содержать ее „по приличію, согласно полученному ею въ Обществѣ воспитанію“. Даже среди воспитанницъ находились такія, которыя, соглашаясь остаться въ пепиньеркахъ, и стало быть продолжать еще на годъ учиться, дѣлали это не ради собственнаго блага, а ожидая вознагражденія за такое согласіе. Особенно въ первое время учрежденія пепиньера въ Обществѣ, было нѣсколько случаевъ, что непробывшія и полугода въ пепиньеркахъ, уходя изъ него по собственному желанію, ходатайствовали у Императрицы о назначеніи имъ получавшагося въ пепиньерѣ жалованья, 200 р. въ годъ, въ пенсію. Въ такихъ случаяхъ Императрица обыкновенно отказывала, но просительницамъ всегда при этомъ подтверждала, что въ случаѣ нужды онѣ могутъ поступить въ одинъ изъ институтовъ классными дамами.

[1]) Въ указѣ Екатерины 1764 года эта цѣль была объяснена такъ: „Для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества. Равное имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли Мы учредить такое жъ воспитаніе“ (П. Собр. XVI. 12154).

При Императрицѣ Маріи почти во всѣхъ, состоявшихъ подъ ея покровительствомъ, институтахъ, за исключеніемъ дѣвичьяго училища и класса наставницъ, выдавались воспитанницамъ при выпускахъ знаки отличія или шифры. При Екатеринѣ было назначено всего шесть шифровъ въ Обществѣ; при Императрицѣ Маріи число ихъ было увеличено до десяти. Въ Екатерининскихъ училищахъ шифровъ было шесть, въ харьковскомъ—два. Съ полученіемъ трехъ первыхъ шифровъ въ Обществѣ была соединена пенсія въ 200, 150 и 100 рублей въ годъ, которую, до 1825 года, можно было получать лишь до выхода замужъ, а съ этого года разрѣшалось даже передавать другому лицу по смерть воспитанницы, которой она первоначально была назначена [1]). Кромѣ того во всѣхъ институтахъ выдавались медали, и — чего не было при Екатеринѣ—медали выдавались и воспитанницамъ мѣщанскаго училища, по 15-ти серебряныхъ при каждомъ выпускѣ; также похвальные листы, книги, а въ 1827 году нѣкоторымъ воспитанницамъ Общества было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Денежныя награды выдавались во всѣхъ безъ исключенія институтахъ, въ томъ числѣ и „наставницамъ", при чемъ Опекунскимъ Совѣтамъ было вмѣнено въ обязанность вносить на имя каждой изъ нихъ по 300 рублей въ сохранную казну на приращеніе. Эти деньги выдавались наставницѣ лишь по прошествіи шести лѣтъ отъ времени выпуска, а при самомъ выпускѣ она получала особо 300 рублей, изъ которыхъ 50 р. на руки, а 250 р. должны были употребляться на одежду и бѣлье, какъ сказано въ повелѣніи Императрицы 2-го октября 1816 года—„по даннымъ отъ меня образцамъ", также и на книги.

Форма свидѣтельствъ, выдаваемыхъ воспитанницамъ по окончаніи ими курса, осталась, за небольшими измѣненіями, прежняя. Но Императрица Марія установила три рода аттестатовъ: лучшимъ воспитанницамъ они выдавались на пергаментѣ, съ приложеніемъ большой печати заведенія; слѣдующимъ за ними—на бумагѣ, съ приложеніемъ печати; третьимъ—безъ печати.

---

¹) Прот. Сов. В. О. 7-го апрѣля 1825 г.

VII.

Образованіе женщинъ въ первой трети нашего столѣтія.—Частные женскіе пансіоны.—Женское училище въ Харьковѣ на общественныя средства.—Женскія училища.—Пансіонъ графини Чернышевой.—Женское образованіе въ западномъ краѣ.—Дѣятельность Эдукаціонной коммиссіи по женскому образованію.—Генеральныя визитаторки.—Проектъ женской учительской семинаріи въ Кременцѣ.—Система кн. Чарторыйскаго.—Институтъ для приготовленія гувернантокъ.—Народныя училища въ западномъ краѣ.—Училища по уставу 1804 года.—Число учащихся дѣвушекъ въ народныхъ школахъ.—Общее число ихъ въ имперіи въ 1824 году.—Домашнее воспитаніе и образованіе женщинъ.—Вопросъ объ образованіи въ литературѣ.—Сословность въ дѣлѣ образованія.—Отношеніе журналовъ первыхъ годовъ нашего столѣтія къ женщинамъ и ихъ образованію.—Участіе женщинъ въ литературѣ.—Образованіе женщинъ высшихъ классовъ общества.—Ученая женщина.—Отношеніе Карамзина къ женщинамъ и ожидаемая имъ польза отъ ихъ участія въ литературѣ.—Пріемы журналовъ по отношенію къ писательницамъ.—„Московскій Телеграфъ" и его отношеніе къ нимъ.—Вопросъ о женскомъ образованіи въ рѣчахъ профессоровъ.—Публичныя лекціи въ московскомъ университетѣ.—Женщины на лекціяхъ профессоровъ.—Участіе женщинъ въ обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи.—Образованіе женщинъ среднихъ классовъ общества.—„Дамскій журналъ".—„Московскій Телеграфъ" о журналѣ для женщинъ.—Число писательницъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ.—Нравы тогдашняго общества.—Сужденія иностранцевъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія о немъ русскаго общества.

Сказавъ, что воспитанницы институтовъ гораздо образованнѣе, нежели барышни, воспитанныя въ гостиныхъ, А. Никитенко этимъ сказалъ не много. Въ началѣ первой трети нашего столѣтія большинство дворянокъ, особенно въ провинціи, не получало никакого образованія. Объ этомъ есть непосредственныя заявленія отъ нѣкоторыхъ женщинъ, имѣвшихъ потомъ случай говорить о себѣ въ литературѣ. Онѣ чистосердечно и наивно признавались, что не получили никакого образованія. Въ приведенномъ уже нами изъ „Сѣвернаго Вѣстника" 1805 года письмѣ

женщины, предлагавшей обложить всѣхъ получающихъ жалованье пятипроцентнымъ сборомъ въ пользу вдовъ и сиротъ, авторъ письма говоритъ, что рѣшается на этотъ шагъ только потому, что „сильно чувствуетъ", а то никогда не осмѣлилась бы выдать въ свѣтъ своихъ мыслей, сознавая свои „слабыя познанія грамматическихъ и Авторскихъ правилъ" [1]).

Харьковская писательница, Кричевская, сочиненія которой были изданы Квиткою въ пользу харьковскаго института [2]), говоритъ о себѣ: „не науки и познанія настраивали мою лиру; даже и сіе, самое обыкновенное, выраженіе: „я училась на мѣдныя деньги" нейдетъ ко мнѣ, потому что я ни за какія деньги не училась. Сокращенный Катехизисъ, преподанный мнѣ нѣжною, доброю матерью, составлялъ всѣ мои науки. Слава Богу,—прибавляетъ она—я чувствую, что сего довольно для истинно-христіанской жизни; но какъ мало для того, кто захотѣлъ бы присвоить себѣ громкое названіе писателя"! [3])

По мѣрѣ того, какъ въ столицахъ, вслѣдствіе все усиливавшейся эмиграціи французовъ обоего пола въ Россію, явилась возможность выбора между ними; отвергнутые тамъ учителя и учительницы размѣщались въ провинціи, благодаря чему даже небогатые люди глухихъ уголковъ Россіи имѣли иногда случай приставить къ дочери француженку, которая должна была выучить ее говорить по французски и обучить манерамъ. Это считалось достаточнымъ для того, чтобы вывозить дочь въ гостиныя, гдѣ она и получала окончательное образованіе.

Въ концѣ первой трети нашего столѣтія, кромѣ институтовъ, харьковскаго и полтавскаго, были въ провинціи и частные пансіоны для дворянокъ, а также правительственныя низшія учебныя заведенія, куда, впрочемъ, дворяне не охотно помѣщали своихъ дочерей, такъ какъ эти заведенія предназначались для дѣтей всѣхъ сословій. Всѣ эти заведенія, также какъ и частные пансіоны, по уставу 1804 года, были подчинены надзору директоровъ училищъ.

Большая часть и пансіоновъ находилась въ столицахъ. Въ 1803 году въ Петербургѣ ихъ было 28, — въ томъ числѣ были пансіоны для обоего пола; съ запрещеніемъ, въ 1804 году, такихъ пансіоновъ, число женскихъ постоянно колебалось: въ 1808 году ихъ было 38; учившихся въ нихъ, а также въ частныхъ школахъ—625. Изъ общаго числа 45-ти пансіоновъ въ 1820 году

---

[1]) „Сѣв. В." 1805 г. Ч. V.

[2]) Они продавались по 5-ти рублей за экземпляръ и, по словамъ Квитки, расходились хорошо („Укр. В." 1817 г., декабрь).

[3]) „Укр. В." 1817 г., апрѣль.

женскихъ было 25; въ 1824—30 изъ 49-ти; въ 1828—45 изъ 69-ти [1]). Въ Москвѣ въ 31-мъ пансіонѣ и частныхъ училищахъ было въ 1808 году всего 238 учащихся дѣвушекъ [2]), а въ 1820 году—362.

Провинціальные пансіоны находились преимущественно въ губернскихъ городахъ; но они не были прочны и немногіе изъ нихъ существовали долго. Большинство содержателей и содержательницъ пансіоновъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, были иностранцы, преимущественно французы. Изъ 23-хъ женскихъ и для обоего пола пансіоновъ, содержатели которыхъ въ встрѣтившихся намъ извѣстіяхъ названы по фамиліямъ, было только четыре русскія: маіоръ Константиновичъ (въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ 1803 году), поручица Гиммелева (въ Петербургѣ), Аничкова и Логиновская (въ Москвѣ) [3]). Въ числѣ содержателей пансіоновъ былъ отставной капитанъ Компаньонъ (въ Кіевѣ) и—бывшій частнымъ приставомъ, а потомъ содержателемъ манежа и берейторомъ—Пото (въ Казани).

Конечно, были и хорошіе пансіоны. Какъ о такомъ „очень хорошемъ" пансіонѣ въ Елисаветградѣ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Е. фонъ-Брадке. Пансіонъ этотъ содержался весьма почтенной, по его словамъ, француженкой Бурковской [4]). Но такихъ, да и вообще женскихъ пансіоновъ, въ провинціи было очень мало. Въ 1808 году во всемъ харьковскомъ округѣ было 8 пансіоновъ, въ казанскомъ—3. Къ концу первой трети нашего столѣтія частные пансіоны были почти во всѣхъ губерніяхъ, но женскіе—лишь въ немногихъ изъ нихъ.

Понятно, что при трудности, особенно въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, помѣщать дочерей въ институты, которые существовали тогда только въ столицахъ, при недостаточномъ числѣ частныхъ пансіоновъ, при томъ слишкомъ дорогихъ для небогатыхъ людей, большинству родителей оставалось только или пригласить къ себѣ въ домъ гувернантку,—между которыми тогда было мало хорошихъ,—или обходиться домашними средствами при обученіи дѣтей, а то и совсѣмъ не обучать ихъ.

---

[1]) *Вороновъ.* Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній с.-пет. уч. округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. С.-Пет. 1849, стр. 153.

[2]) Вѣдомость, составленная по послѣднимъ донесеніямъ, вступившимъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о числѣ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи м—ва состоящихъ. 1808 г. (Арх. М. Н. Пр.).

[3]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія.—Журналы деп. нар. пр. 1803—1822 г.

[4]) Автобіографическія записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке („Р. Арх." 1875 г., кн. 1-я).

Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" [1]) помѣщено письмо одной помѣщицы, любопытное и потому, что въ немъ она дѣлится съ издателемъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее столицею въ 1804 году, а также высказываетъ свой взглядъ на образованіе женщинъ. По ея словамъ, до пріѣзда въ Петербургъ, она прилагала всевозможныя старанія, чтобы пріискать хорошую воспитательницу и учителя для своихъ дочерей, но напрасно, ибо губернія, гдѣ находилось ея имѣніе, „весьма скудна въ таковыхъ людяхъ". Видя, что время идетъ, а дѣти остаются безъ образованія, она рѣшилась ѣхать въ Москву, въ надеждѣ помѣстить ихъ въ институтъ или даже въ пансіонъ. Проживъ въ Москвѣ два года и не добившись ничего, она пріѣхала въ Петербургъ. „Странствовать такимъ образомъ—говоритъ она—съ дѣтьми, питаться неизвѣстностью, терпѣть безконечныя неудовольствія и безпокойства, сопряженныя съ величайшими издержками, все это если не вовсе истребляетъ желаніе пещись о воспитаніи дѣтей, то конечно нисколько уже не возбуждаетъ и не воспламеняетъ сего желанія. Должности, безъ сомнѣнія, имѣютъ великую силу надъ благородными душами, незнающими никакихъ мѣръ въ пожертвованіяхъ; но за то надобно, чтобы возможность всегда предшествовала исполненію оныхъ, не приводила человѣка въ уныніе и не отнимала у него духа".

Петербургъ поразилъ автора письма тѣмъ, что „въ большей части благородныхъ обществъ" говорятъ не по-русски, а по-французски, а также что французскій театръ всегда полонъ, а русскій пустъ, за исключеніемъ представленій „Русалки". Послѣднее глубоко возмущаетъ автора [2]). „Наблюдательный путешественникъ,—говоритъ она—увидя сію піесу и такое множество зрителей, можетъ заключить справедливо о вкусѣ и характерѣ здѣшней публики. Я не понимаю, какъ возможно позволить играть такую вздорную, нелѣпую сказку; въ ней столько оскорбительнаго для зрѣнія и слуха, для цѣломудрія и невинности, что если чаще представлять будутъ подобныя ей піесы, то напрасно будутъ уже стараться внушать молодымъ невиннымъ дѣвицамъ правила скромности и стыдливости, сихъ любезнѣйшихъ и украшеніе женскаго пола составляющихъ добродѣтелей". Къ этому она прибавляетъ: „... Согласна, что „Русалка" приноситъ доходъ театру, но ни-

---

[1]) 1804 г. Ч. IV.

[2]) Это была дѣйствительно нелѣпая опера, въ которой, по словамъ Жихарева, „главная роль составлена большею частью изъ вальсовъ, національныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ и танцевъ, гдѣ „полунагая вертлявая нимфа" изображала русалку" (Записки Ст. Ив. Жихарева, 1805 г., январь).

когда не соглашусь, чтобы государственный доходъ могъ собираться на счетъ нравственности и чтобы Правительство желало развращенія“...

За то автора порадовали „повсечасно возростающіе успѣхи нашей словесности“. — „Сколько журналовъ въ одно время! — восклицаетъ она — какая дѣятельность вдругъ умы возбудила!.. Всѣмъ состояніямъ открывается свободный путь въ храмъ наукъ; и самый земледѣлецъ, столько вѣковъ несправедливо презираемый, наконецъ получаетъ ключъ въ сіи святилища!.. Какое сердце матери можетъ быть чуждо признательности, видя какъ Правительство прилагаетъ старанія по части воспитанія!.. Какъ мать, могу ли не благодарить за сіе Правительство, какъ россіянка, могу ли не восхищаться, что Геніи просвѣщенія и блаженства вскорѣ поселятся между нами и сдѣлаются гражданами нашего Отечества... Но... сколь ни приятно смотрѣть на новыя постановленія, касающіяся до мужского воспитанія... сколь ни ощутительны пользы таковыхъ заведеній“, они, по мнѣнію автора письма, всегда будутъ несовершенны, потому что правительство, обращая все свое вниманіе на образованіе мужчинъ, не довольно удѣляетъ его на образованіе женщинъ. „Если образованные граждане — говоритъ авторъ — нужны государству, то не менѣе того нужны для него и образованныя женщины... Образованіе тѣхъ и другихъ должно быть равноцѣнно для Правительства“...

Далѣе авторъ высказываетъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ „благонамѣренныхъ соотечественниковъ нашихъ, чувствуя всю важность, всю необходимость женскаго воспитанія, и тронувшись несчастнымъ положеніемъ бѣдныхъ матерей, обремененныхъ семействомъ и душевно соболѣзнующихъ, что не могутъ дать дочерямъ, по бѣдности своей надлежащаго воспитанія, представилъ Правительству по сему предмету планъ съ изображеніемъ въ немъ всѣхъ существенныхъ и величайшихъ выгодъ, могущихъ произойти Государству, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ учреждены будутъ для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ общественныя училища на такомъ основаніи, какъ оныя учреждены въ обѣихъ столицахъ“ [1]). Тотъ, кто занялся бы такимъ „трудомъ, получилъ бы благодарность женщинъ и розовый вѣнокъ въ награду“.

„Домашнее воспитаніе женщинъ — говорится въ томъ же письмѣ

[1]) Выноска редакціи „Сѣв. Вѣстника“: „Есть Геній, который печется и о сей любезной половинѣ человѣческаго рода. Сочинительницѣ сего письма конечно извѣстно, что чадолюбивая Марія желаетъ открыть таковыя училища въ нѣсколькихъ губерніяхъ“.

—всюду недостаточно и пренебрежено... оно находится между двухъ крайностей: между *совершеннымъ невѣжествомъ и пагубнѣйшею суетностію*".

Свое письмо авторъ кончаетъ обращеніемъ къ издателямъ журнала: „Въ прочемъ, вамъ, милостивые государи мои, отдаю я на судъ, позволительно ли женщинѣ, находящейся въ моемъ положеніи, разсуждать о необходимости женскаго воспитанія, о учрежденіи обществъ для дѣвичьихъ училищъ, въ которыя бы безъ дальнѣйшихъ затрудненій можно было бы опредѣлять ихъ и наконецъ о томъ, что порядокъ въ цѣломъ не иначе существовать можетъ, какъ когда части, его составляющія, будутъ оному соотвѣтствовать" [1]).

Вигель разсказываетъ о московскомъ пансіонѣ француженки Форсевиль, гдѣ онъ учился еще въ царствованіе Императора Павла. Пансіонъ былъ для дѣтей обоего пола; дѣвочки жили отдѣльно, но обѣдали и учились вмѣстѣ съ мальчиками; между ними были 14—15-ти-лѣтнія. Ученіе въ пансіонѣ, по словамъ Вигеля, было хуже, чѣмъ въ народныхъ школахъ; но въ первомъ преподавали иностранные языки. Учителя народныхъ училищъ обыкновенно спѣшили скорѣе кончить урокъ въ пансіонѣ, разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ... „Мы были настоящее училище попугаевъ"—прибавляетъ онъ [2]).

Програмы всѣхъ женскихъ пансіоновъ были болѣе или менѣе одинаковы; вездѣ, особенно послѣ 1811 года, когда было предписано содержателямъ пансіоновъ знать русскій языкъ и преподавать на немъ всѣ науки, преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій (не во всѣхъ пансіонахъ), русскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, исторія, географія, музыка, танцы, рукодѣлія, чистописаніе (не во всѣхъ), рисованіе. Въ немногихъ, преимущественно столичныхъ, пансіонахъ, къ этой обычной программѣ прибавлялись: миѳологія, естественная исторія, эстетика, итальянскій и англійскій языки, пѣніе. Плата колебалась между 250 и 800 рублями въ годъ для полныхъ пансіонерокъ и 60 р. и 300 р. для приходящихъ.

Въ двадцатыхъ годахъ была напечатана афиша съ програмою вновь открываемаго г-жею Руссетъ женскаго пансіона въ Нѣжинѣ. Послѣ перечня предметовъ преподаванія, въ числѣ которыхъ была и „мифтологія", а также перечня вещей, которыя

[1]) На это издатели „Сѣвернаго Вѣстника" отвѣтили въ выноскѣ: „Чувствительно благодаримъ особу, подарившую нашихъ читателей этой піэсою".

[2]) Воспоминанія, Ч. 1-я, стр. 113.

должна была съ собою принести каждая пансіонерка, было сказано: „выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ неженатыхъ господъ, а во время классическаго преподаванія никто такъ же не принимается“ [1]).

На публичныхъ экзаменахъ и въ частныхъ пансіонахъ, женскихъ и мужскихъ, преобладалъ декоративный элементъ; воспитанницы пѣли, играли въ четыре руки, танцовали, читали стихи, чужіе и собственнаго сочиненія.

Къ концу двадцатыхъ годовъ самыми блестящими изъ женскихъ пансіоновъ были московскіе: Дежарни, Вошэ и Шумахеръ. Въ первомъ изъ нихъ преподавались почти тѣ же предметы, которые стояли въ программѣ институтовъ. По крайней мѣрѣ на публичномъ экзаменѣ 1826 года воспитанницы отвѣчали изъ закона Божія, русской грамматики и словесности, исторіи, географіи, ариѳметики, логики, риторики, изъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Присутствовавшій на экзаменѣ, попечитель московскаго округа, предлагалъ, по словамъ „Дамскаго Журнала“, въ которомъ время отъ времени помѣщались извѣстія объ этихъ трехъ наиболѣе аристократическихъ пансіонахъ, вопросы „о нѣкоторыхъ знаменитыхъ Женахъ нашей Исторіи и, какъ нѣжный отецъ посреди интереснаго семейства, веселился удовлетворительными отвѣтами“ [2]). Кромѣ того воспитанницы декламировали стихи изъ русской, французской, нѣмецкой литературы. „Это — говоритъ „Дамскій Журналъ“ — было самымъ цвѣтущимъ полемъ для разцвѣтающихъ Грацій, на немъ отличались онѣ преимущественно: не служитъ ли такой успѣхъ яснымъ доказательствомъ вообще ихъ врожденной способности къ сему роду искусства, столь восхитительнаго въ существахъ, одаренныхъ особенною живостью чувствъ и воображенія?“ Тутъ же были представлены рисунки воспитанницъ и образцы ихъ рукодѣлій. Экзаменъ окончился ужиномъ.

На публичномъ экзаменѣ въ пансіонѣ Шумахеръ воспитанницы декламировали преимущественно басни на трехъ языкахъ и играли въ четыре руки. Одна изъ нихъ, княжна Шаликова, прочла сочиненные ею стихи къ попечителю, наставникамъ и наставницамъ. Въ пансіонѣ Вошэ воспитанницы играли передъ извѣстнымъ піанистомъ Фильдомъ и пѣли итальянскія аріи, также танцовали характерные танцы „всѣхъ или почти всѣхъ націй“. Объ экзаменѣ изъ научныхъ предметовъ въ послѣднихъ двухъ пансіонахъ въ отчетѣ „Дамскаго Журнала“ ничего не сказано;

---

[1]) „Кіевская Старина“, январь, 1884 г.

[2]) „Дамскій Журналъ“, издаваемый княземъ Шаликовымъ. Январь. 1826 г.

за то упомянуто, „что свѣжесть лица и красота туалета воспитанницъ доказываютъ попеченіе о здоровьѣ и о вкусѣ будущихъ матерей-наставницъ“ [1]).

Болѣе серьезное образованіе давалось дѣвушкамъ въ петербургскомъ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, подчиненномъ, наравнѣ со всѣми частными пансіонами, уставомъ 1804 года, надзору директора училищъ округа. Въ 1811 году въ курсъ женскаго отдѣленія этого училища входили: законъ Божій, языки русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, физика, исторія, миѳологія, географія, чистописаніе, рукодѣлія; кромѣ того были особые классы, гдѣ ученики и ученицы упражнялись въ разговорѣ на нѣмецкомъ языкѣ, учились танцамъ и рисованію [2]).

Въ 1820 году въ Харьковѣ была сдѣлана попытка организовать общественными средствами училище для дѣвицъ. Инціатива дѣла принадлежала обществу харьковскихъ учителей и „другихъ чиновниковъ“ [3]). Это общество открыло „частное училище дѣвицъ“ въ Харьковѣ, съ цѣлію доставить „легчайшіе способы и посредственнаго достатка гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ прилично образовать дочерей своихъ“. Въ училище допускались дѣти и духовныхъ, также купцовъ; стало быть оно предназначалось для дѣтей всѣхъ сословій. Бѣдныхъ предполагалось обучать даромъ, а съ другихъ была назначена плата по 200 рублей въ годъ. Учителя и учительницы преподавали безплатно.

Съ самаго начала были открыты два класса съ курсомъ уѣздныхъ училищъ, съ прибавленіемъ къ нему языковъ французскаго и нѣмецкаго и словесности этихъ языковъ. Музыкѣ обучали за особую плату. При поступленіи отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, ученицы должны были умѣть читать и писать по-русски. Училище состояло въ вѣдѣніи дирекціи училищъ слободско-украинской губерніи. Хозяйственная часть была ввѣрена особому комитету, состоявшему изъ учителей, попечителя, членовъ изъ дворянъ, духовенства и купечества; этому же комитету ввѣрялся надзоръ за порядкомъ ученія и нравственностію. Ему было предписано строго наблю-

---

[1]) „Дамск. Журн.“, январь 1827 г.

[2]) Період. соч., № XX.

[3]) Вообще учителя въ началѣ нашего столѣтія проявляли безкорыстное желаніе содѣйствовать успѣхамъ образованія; одинъ изъ учителей владимірской гимназіи даже представилъ, въ 1809 г., проектъ обложенія „вольныхъ“ учителей и учительницъ налогомъ въ 1/20 получаемыхъ ими доходовъ для содержанія при гимназіяхъ бѣдныхъ воспитанниковъ. Главное правленіе училищъ отклонило это предложеніе на томъ основаніи, что домашніе учителя, учительницы и дядьки воздаютъ Государству личными способностями и трудами, но не составляютъ особаго класса гражданъ, и не могутъ быть облагаемы новыми повинностями (Арх. М. Н. Пр. Дѣла Гл. Пр. учил.).

дать, чтобы избытки отъ поступавшихъ съ учениць и отъ пожертвованій суммъ были обращаемы на умноженіе учебныхъ пособій и улучшенія по училищу съ тѣмъ, чтобы оно „мало по малу дошло до такого состоянія, чтобы наставники и наставницы со временемъ получали постоянное жалованье и училище стало бы прочнымъ“ [1]). При открытіи, въ училище поступило всего 10 дѣвочекъ и было собрано 2.643 рубля, пожертвованныхъ разными лицами; но это училище удержалось и на будущее время.

Мѣстами сами обыватели въ началѣ нашего вѣка, въ виду вѣроятно трудности и дороговизны помѣщенія дѣтей въ институты и частные пансіоны, открывали училища для своихъ дочерей, необходимость образованія которыхъ уже, очевидно, входила въ сознаніе нѣкоторой части общества. Въ Архангельскѣ, городѣ по преимуществу торговомъ, гдѣ тогда еще не было дворянства, но преобладало иностранное купечество,—благодаря чему, а также сношеніямъ съ Англіею и другими европейскими торговыми государствами, и наше купечество усвоило себѣ нѣкоторые европейскіе взгляды,—было еще въ 1800 году нѣсколько нѣмецкихъ пансіоновъ [2]), а впослѣдствіи и училище для приходящихъ дѣвицъ, существовавшее до 1811 года при мѣстной гимназіи, а потомъ и самостоятельно [3]).

Въ другихъ мѣстахъ училища открывались благодаря содѣйствію начальствующихъ лицъ. Такъ въ Одессѣ было учреждено въ 1817 году, по мысли графа Ланжерона, городское дѣвичье училище на средства города, обязавшагося ежегодно отпускать на его содержаніе по 10.000 рублей. Оно назначалось для приходящихъ дѣтей всѣхъ „свободныхъ“ сословій отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ; ученіе было даровое, но учебныя пособія должны были доставлять родители. Въ училищѣ преподавались: законъ Божій и священная исторія, чтеніе на русскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, русская грамматика, начальныя основанія всеобщей географіи и географіи русской, обозрѣніе всеобщей исторіи и краткая исторія россійскаго государства, чистописаніе, рисованіе, рукодѣліе. Курсъ долженъ былъ продолжаться четыре года [4]). При торжественномъ открытіи этого училища, 12-го марта 1817 года, директоръ одесской коммерческой гимназіи Флуки произнесъ рѣчь о необходимости воспитанія дѣвицъ, доказывая это тѣмъ, что „дитя проводитъ время больше съ матерью, нежели съ отцомъ“, а также

[1]) Журналъ Деп. Нар. Просв. 1821 г. (Арх. Мин. Нар. Просв.).

[2]) А. Я. *Бутовская*. Разсказы бабушки („Р. Стар.“, декабрь, 1884 г.).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1869 г.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1836 г.

„для образованія ума и сердца... чтобы сдѣлать ихъ (дѣвицъ) добродѣтельными и полезными членами общества" [1]).

Въ Витебскѣ было открыто въ 1811 году училище для бѣдныхъ дѣвицъ при содѣйствіи герцога Виртембергскаго, бывшаго тогда бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ. Мѣстная городская дума обязалась отпускать училищу по 280 р. ежегодно; плата съ учащихся была опредѣлена въ 20 р. въ годъ. Этому училищу гражданскій губернаторъ подарилъ фортепіано въ 300 р., а герцогиня Виртембергская, покровительница училища, внесла 100 р. за двухъ своихъ пенсіонерокъ [2]).

Въ Дерптѣ, гдѣ вообще было всего больше женскихъ пансіоновъ и частныхъ училищъ, въ 1805 году, въ день рожденія Императрицы Маріи, торжественно было открыто новое училище для дѣвицъ, на средства города. Программа училища состояла изъ закона Божія и нравоученія, исторіи, географіи, естественной исторіи, нѣмецкаго языка, ариѳметики, рукодѣлій [3]).

Движимыя, можетъ быть, желаніемъ содѣйствовать Императрицѣ Маріи въ ея стремленіи распространить женское институтское образованіе и въ провинціи, а можетъ быть и изъ собственнаго рвенія содѣйствовать успѣхамъ женскаго образованія, были и частныя лица, учреждавшія, въ началѣ нашего столѣтія, маленькіе, иногда даровые пансіоны для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. Такой пансіонъ устроилъ въ своемъ домѣ, въ Полтавѣ, Кочубей въ 1808 году. Подъ надзоромъ его жены 12-ть благородныхъ дѣвицъ, сиротъ отъ семи до одиннадцати лѣтъ, даромъ обучались закону Божію, чтенію и письму, нѣмецкому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію [4]).

Нѣсколько позже, въ 1821 году, князь Ѳ. С. Голицынъ учредилъ въ своемъ имѣніи, саратовской губерніи, въ селѣ Зубриловкѣ, пансіонъ для благородныхъ дѣтей обоего пола, съ платою по 600 р. въ годъ съ каждаго учащагося. Во время осмотра этого пансіона директоромъ народныхъ училищъ, въ немъ жили и воспитывались 66 мальчиковъ и 46 дѣвочекъ, въ отдѣльныхъ для каждаго пола флигеляхъ. Женскимъ отдѣленіемъ завѣдывала иностранка, православнаго исповѣданія, г-жа Мансардъ. Дѣтямъ преподавали: законъ Божій, исторію, географію, чистую матема-

---

[1]) „Укр. Вѣстн." 1816 г., апрѣль.

[2]) Дѣла Гл. Пр. уч. 1811.

[3]) Період. соч. № IV.

[4]) Період. соч., № IV. Впослѣдствіи этотъ пансіонъ перешелъ къ француженкѣ Реньи, а въ 1819 году преобразованъ въ полтавскій институтъ.

тику, русскій, французскій и нѣмецкій языки, пѣніе, танцы. Пансіонъ закрылся со смертью князя, въ 1825 году [1]).

Графиня Чернышева (вдова фельдмаршала, урожденная Редель), еще при Екатеринѣ, устроила въ своемъ имѣніи, могилевской губерніи, пансіонъ для 24-хъ дѣвочекъ и нѣсколькихъ мальчиковъ, которыхъ учитель, учительница и музыкантъ обучали русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, хронологіи, миѳологіи, географіи, ариѳметикѣ, рисованію, музыкѣ (играть на гитарѣ и на фортепіано), танцамъ, рукодѣліямъ.

Въ 1805 году, по просьбѣ графини Чернышевой, государь далъ свое согласіе на учрежденіе — „по множеству бѣдной шляхты въ Бѣлоруссіи“ — училища въ Могилевѣ для дѣвицъ, подъ названіемъ Александровскаго. На его содержаніе графиня Чернышева обязалась „на вѣки“ выдавать по 6.000 рублей въ годъ и въ обезпеченіе выдачи этой ежегодной суммы отъ себя и своихъ наслѣдниковъ представила залогомъ недвижимыя имѣнія „съ крестьянами“ въ разныхъ губерніяхъ, приносившія дохода, „при обыкновенномъ оброкѣ“, до 15.000 р. въ годъ. При этомъ графиня Чернышева выразила волю, чтобы послѣ ея смерти крестьянамъ была дана свобода, но при условіи, чтобы они вносили ежегодно 6.000 рублей на училище. Въ своемъ письмѣ къ графу Кочубею, она писала, что могла бы представить теперь же въ училище болѣе ста дѣвицъ, которымъ она должна постоянно отказывать въ помѣщеніи въ своемъ пансіонѣ. По желанію графини, при училищѣ должны были находиться разные мастеровые для обученія „приличнымъ благородной дѣвицѣ искусствамъ и рукодѣліямъ, необходимымъ въ хозяйствѣ“ [2]).

Вообще въ западномъ краѣ, еще до присоединенія его къ Россіи, были женскія школы, низшія и среднія, содержимыя разными духовными орденами, и маленькіе монастырскіе пансіоны, содержавшіеся на фундуши, завѣщанные, съ цѣлію воспитанія дѣвицъ, женскимъ монастырямъ разныхъ духовныхъ орденовъ. Въ этихъ пансіонахъ Визитки, Сакраментки, Базиліанки и др. сами учили. При Императорѣ Павлѣ, по его повелѣнію, Визиткамъ, въ пансіонахъ которыхъ воспитывались преимущественно дѣвушки высшихъ классовъ общества, отпускалось по 3.000 р. въ годъ изъ доходовъ поіезуитскихъ имѣній. Кромѣ того были свѣтскія школы и пансіоны, устроенные по образцу монастырскихъ, конгрегаціями свѣтскихъ женщинъ, въ числѣ которыхъ наи-

[1]) „Р. Арх.“ 1873 г., кн. 2-я.

[2]) Письмо гр. Кочубея гр. Завадовскому, 1805 г. (Арх. М. Нар. Пр.).

болѣе дѣятельною была конгрегація Марьявитокъ, посвятившая себя воспитанію убогихъ дѣвицъ и обращаемыхъ въ христіанство евреекъ [1]). Были и совсѣмъ свѣтскіе частные пансіоны. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ женскихъ школахъ, не исключая и монастырскихъ, дѣвушкамъ давалось самое поверхностное образованіе во французскомъ духѣ и вкусѣ, т.-е. ихъ обучали французскому языку и знакомили съ французскою литературою.

Съ учрежденіемъ, вслѣдъ за упраздненіемъ ордена іезуитовъ въ 1773 году, Эдукаціонной Комиссіи, бывшей первымъ въ своемъ родѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Европѣ, этой комиссіи были подчинены, какъ по надзору, такъ и по управленію, всѣ безъ исключенія училища и школы, свѣтскія и духовныя, правительственныя и частныя, мужскія и женскія. Послѣднія, по составленному комиссіею плану народнаго образованія, были поставлены наравнѣ со всѣми другими *отдѣленскими* (тоже, что гимназіи) школами въ главныхъ городахъ, подъ власть завѣдывавшихъ всѣми учебными заведеніями округа, Совѣтовъ краковскаго и виленскаго университетовъ, въ лицѣ ректоровъ.

Какъ видно изъ отчетовъ визитаторовъ, назначавшихся университетами изъ среды профессоровъ и почетныхъ своихъ членовъ для обозрѣнія и женскихъ школъ, на ряду съ другими училищами округа, визитаторы вынесли неблагопріятное о нихъ впечатлѣніе, а о свѣтскихъ частныхъ пансіонахъ въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ визитаторъ Гуго Колонтай отозвался, что въ этихъ пансіонахъ воспитываются „комедіянтки и танцорки“ [2]). Поэтому комиссія предписала цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія женскаго воспитанія и образованія, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ школахъ, давъ при этомъ инструкціи не только въ томъ, какіе предметы должны быть преподаваемы въ этихъ школахъ, но даже какъ ихъ слѣдуетъ преподавать. Въ предписанную комиссіею программу женскаго обученія вошли: чтеніе и письмо на польскомъ языкѣ, ариѳметика, исторія, географія, религія, мораль, рукодѣлія. Содержательницами пансіоновъ должны были допускаться лишь подготовленныя къ дѣлу лица; вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія постановила не разрѣшать учрежденіе такихъ пансіоновъ, въ которыхъ обучали бы только французскому языку, танцамъ, рисованію, музыкѣ, рукодѣліямъ, какъ это до нея обыкновенно было.

---

[1]) Большая часть приводимыхъ о западномъ краѣ свѣдѣній взята изъ 2-го тома сочиненія I. Лукашевича: Historya szkoł w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. Poznań. 1849—1852.

[2]) Лукашевичъ. Ч. 2-я, стр. 437.

Такъ какъ постановленія комиссіи встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны содержательницъ частныхъ пансіоновъ и, частью, духовнаго начальства, то она рѣшила возложить наблюденіе за исполненіемъ своихъ предписаній въ женскихъ пансіонахъ и школахъ на женскій „эфоратъ", составленный изъ извѣстныхъ въ каждомъ воеводствѣ своею образованностію и разумностію, высокопоставленныхъ дамъ, по приглашенію завѣдывавшей народнымъ образованіемъ власти.

Послѣдовавшій затѣмъ, въ 1794 году, послѣдній раздѣлъ Польши прекратилъ существованіе Эдукаціонной комиссіи, не успѣвшей довершить начатаго дѣла. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ произведенныхъ ею реформъ по народному образованію сохранились въ отошедшихъ къ Россіи (также и къ Пруссіи) частяхъ и подъ русскимъ владычествомъ. Въ числѣ намѣченныхъ комиссіею по женскому образованію мѣръ, которыя она не успѣла осуществить, была принята и введена при Александрѣ I въ герцогствѣ Варшавскомъ и Царствѣ Польскомъ организація женскаго эфората, членамъ котораго, подъ именемъ визитаторокъ, былъ ввѣренъ надзоръ за всѣми женскими учебными заведеніями края.

Обративъ главное свое вниманіе на устройство учебнаго дѣла въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Эдукаціонная комиссія успѣла издать и уставъ для учителей этихъ заведеній; въ женскихъ, за которыя комиссія принялась лишь за годъ до своего упраздненія, эта сторона оставалась нетронутою даже въ первые годы послѣ учрежденія виленскаго учебнаго округа въ 1803 году [1]).

При попечителѣ округа князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ былъ составленъ визитаторомъ Гуго Колонтаемъ проектъ женской учительской семинаріи съ пансіономъ въ Кременцѣ; это встрѣтило противодѣйствіе со стороны римско-католическаго духовенства, и въ женскихъ школахъ, остававшихся по прежнему въ вѣдѣніи монастырей, продолжали учить монахини. Но въ уставѣ 1807 года для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ волынской, кіевской и подольской, было сохранено учрежденіе для приготовленія учительницъ этихъ училищъ. При этомъ было положено открывать при уѣздныхъ училищахъ, по выбору училищнаго начальства, особое заведеніе, во главѣ котораго должна была стоять „начальствующая" уѣздная учительница, выбираемая изъ приходскихъ; пробывъ въ заведеніи три года, она должна была завер-

---

[1]) Въ составъ округа вошли 9 губерній: виленская, минская, ковенская, витебская, могилевская, волынская, подольская, кіевская и гродненская, а съ присоединеніемъ къ Россіи, въ 1810 г., и Бѣлостокская область.

шать свое образованіе въ Кременцѣ, „въ особо предназначаемомъ для сего домѣ, въ вѣдомствѣ школы гувернантокъ". Уѣздной учительницѣ были подчинены всѣ приходскія училища губерніи и всѣ учительницы ихъ [1]). Для приготовленія учительницъ и гувернантокъ въ частные дома и пансіоны, князь Чарторыйскій прибѣгъ къ системѣ частныхъ женскихъ пансіоновъ, которые и были открыты въ большихъ городахъ.

Слѣдуя этой системѣ, русское правительство уже въ 1825 году разрѣшило г-жѣ Вильчковской открыть въ Варшавѣ училище для приготовленія гувернантокъ, которыхъ обучали даромъ. Это училище было преобразовано въ 1827 году въ казенный институтъ „для образованія гувернантокъ" съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 37.000 злотыхъ; при этомъ было положено имѣть въ институтѣ десять воспитанницъ на счетъ казны, двадцать приходящихъ даровыхъ, а бѣднѣйшимъ еще полагалось пособіе отъ института; кромѣ того допускались пенсіонерки съ платою по тысячѣ злотыхъ въ годъ [2]). Послѣ смерти Вильчковской, правительство поручило главный надзоръ надъ институтомъ генеральной визитаторкѣ высшихъ учебныхъ заведеній, полковницѣ Матильдѣ Абрамовичъ [3]).

Со включеніемъ и пансіоновъ западнаго края, во всѣхъ частныхъ женскихъ пансіонахъ Россіи, въ 1824 году, было всего 3.420 учащихся, изъ которыхъ 1.284 находились въ училищахъ дерптскаго учебнаго округа, 511—въ западномъ краѣ, 235—въ нѣмецкихъ училищахъ св. Петра и Анны. Такимъ образомъ на долю чисто русскихъ губерній приходилось 1.390 учащихся въ пансіонахъ дѣвушекъ [4]).

Кромѣ институтовъ и частныхъ пансіоновъ, родители могли обучать своихъ дочерей въ народныхъ училищахъ, которыя, по уставу 1804 года, были раздѣлены на гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Гимназіи должны были замѣнить бывшія при Екатеринѣ главныя народныя училища съ значительно повышеннымъ курсомъ, вслѣдствіе чего два высшихъ класса главныхъ училищъ должны были служить двумя низшими классами гимназій. Послѣднія предназначались только для мальчиковъ. Уѣздныя училища, преобразованныя изъ малыхъ, хотя и имѣли цѣлію

1) П. Собр. Т. XXXIX, 22605.

2) Александрійскій институтъ воспитанія дѣвицъ въ Варшавѣ (Учрежденія институтовъ XXXVIII. Арх. IV Отд.).

3) Тамъ же.

4) Вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній по вѣдомству департ. нар. просв. 1824 г. (Арх. М. Н. Пр.).

приготовленіе желающихъ къ поступленію въ гимназію, но рядомъ съ этимъ они предназначались для „доставленія дѣтямъ разнаго состоянія необходимыхъ познаній, сообразно ихъ состоянію и промышленности“ [1]). Курсъ уѣздныхъ училищъ былъ также шире, чѣмъ малыхъ, и былъ почти равенъ курсу прежнихъ главныхъ училищъ, такъ что второй (высшій) классъ малыхъ училищъ преобразовывался въ первый уѣздный. Наконецъ приходскія училища, замѣнившія малыя, имѣли цѣлію приготовленіе въ уѣздныя, а также „доставленіе дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній приличныхъ свѣдѣній, чтобы сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, столь вредные ихъ благополучію, здоровью и состоянію“.

Преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи и малыхъ въ уѣздныя началось тотчасъ же послѣ изданія устава 1804 года; но оно продолжалось почти двадцать лѣтъ, отчасти вслѣдствіе недостатка въ учебныхъ пособіяхъ и преподавателяхъ гимназическаго курса [2]), а также потому, что во многихъ гимназіяхъ совсѣмъ не находилось учениковъ, желавшихъ въ нихъ поступить, ибо въ гимназіи, также какъ въ уѣздныя и приходскія училища, принимались дѣти всѣхъ сословій.

Изъ поименованныхъ въ уставѣ 1804 года трехъ разрядовъ училищъ, только о приходскихъ было прямо сказано, что туда принимаются и дѣвочки. Но такъ какъ при преобразованіи однихъ училищъ въ другія, старшіе два класса отдѣлялись въ училище высшаго разряда, а низшіе классы въ училище низшаго, то учившіяся до тѣхъ поръ въ главномъ народномъ училищѣ дѣвочки попадали не только въ уѣздныя училища, но и въ гимназіи. Назначавшіеся университетами визитаторы рѣдко, особенно въ первое время послѣ изданія устава 1804 года, обозначали въ своихъ донесеніяхъ полъ учащихся; въ дѣлахъ же главнаго правленія училищъ сохранилось нѣсколько свѣдѣній, показывающихъ, что дѣвочки въ провинціи нѣкоторое время учились вмѣстѣ съ мальчиками и въ уѣздныхъ училищахъ, и въ гимназіяхъ. Въ 1808 году въ гимназіи новгородской ихъ было три, въ псковской—семь, въ могилевской—тринадцать, въ витебской—двадцать [3]).

Но большинство учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ училось въ приходскихъ училищахъ, т.-е. получало лишь элемен-

[1]) Уст. 5-го ноября 1804 г.

[2]) *Вороновъ*. Ист. стат. обозр., стр. 139.

[3]) Вѣдомость, составленная по послѣднимъ донесеніямъ, вступившимъ въ деп. мин. нар. просв. о числѣ учебныхъ заведеній. 1808 г. (Арх. М. Н. Пр. XXIII).

тарное образованіе. Число ихъ также было невелико, даже по сравненію съ учившимися мальчиками. Въ 1802 году всѣхъ учившихся въ народныхъ училищахъ, частныхъ пансіонахъ и школахъ дѣвочекъ было въ 29-ти губерніяхъ 2.007 (мальчиковъ 22.057); изъ нихъ 344 учились въ главныхъ народныхъ училищахъ, 1.446 —въ малыхъ [1]). Въ 1820 году число учившихся дѣвочекъ возросло до 5.791 (мальчиковъ 56.127); въ 1824 году ихъ было 5.835 (мальчиковъ 55.021) Въ этомъ числѣ 338 учились въ уѣздныхъ училищахъ, 1.482—въ приходскихъ, 3.420—въ частныхъ пансіонахъ, остальныя—въ училищахъ взаимнаго обученія, дѣвичьихъ и городскихъ [2]).

Такъ какъ въ пансіонахъ воспитывались почти исключительно дворянскія дѣти, а въ нихъ число учившихся дѣвочекъ составляло болѣе, нежели половину общаго числа учившихся женскаго пола въ имперіи, и такъ какъ большинство пансіоновъ находилось въ столицахъ, то отсюда ясно, что получавшія въ то время образованіе женщины принадлежали преимущественно къ дворянскому сословію, а для другихъ его почти не существовало.

Это подтверждаетъ и Вороновъ, отмѣчая въ таблицѣ числа учащихся въ періодъ 1810—1828 годовъ, что за это время въ Петербургѣ и его губерніи число учащихся женскаго пола замѣтно увеличилось; но это онъ приписываетъ тому, что, особенно съ 1820 года, значительно возросло число женскихъ пансіоновъ въ столицѣ. „Собственно въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ —говоритъ онъ о числѣ учащихся женскаго пола — оно постепенно уменьшилось даже въ столицѣ, а въ гимназіи совсѣмъ не принимали дѣтей женскаго пола, между тѣмъ какъ прежде онѣ поступали въ главныя народныя училища“ [3]).

Конечно если судить объ успѣхахъ женскаго образованія по числу учившихся въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ пансіонахъ дѣвушекъ, то можно бы сказать, что его въ первой четверти нашего столѣтія почти не было. Это число, считая и воспитывавшихся въ институтахъ, не превышало къ 1828 году 12.000 — цифра, по отношенію къ народонаселенію имперіи, совсѣмъ ничтожная [4]). Но къ концу двадцатыхъ годовъ,

[1]) Вѣдомость за 1802 г.

[2]) Вѣдомость о состоящихъ по вѣд. деп. н. п. уч. зав. за 1824 г. (Арх. М. Н. Пр.).

[3]) Ист. стат. обозр. Ч. 1-я, стр. 167.

[4]) Въ 1834 году народонаселеніе Россіи исчислялось въ 50.585.857 душъ (Таблицы уч. зав. всѣхъ вѣдомствъ Росс. Имп., съ показаніемъ отношенія числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высоч. повелѣнію отъ министерства нар. просв. С.-Пет. 1838).

по крайней мѣрѣ въ столичныхъ достаточныхъ семьяхъ, обученіе дочерей было уже не рѣдкимъ исключеніемъ; очень многіе родители прилагали заботы о томъ, чтобы дочери ихъ не оставались безъ тѣхъ знаній, которыя понимались тогда подъ образованіемъ.

При учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году, въ средѣ образованныхъ сотрудниковъ Императора Александра велись споры о томъ, что надо понимать подъ образованіемъ [1]). Въ обществѣ и литературѣ высказывались по этому поводу самыя смутныя понятія; многіе находили просвѣщеніе вообще опаснымъ и вреднымъ, приписывая ему развращеніе нравовъ; другіе находили его просто лишнимъ и ненужнымъ. Графъ Завадовскій писалъ въ 1804 году графу С. Воронцову: „напрасно ты загребаешь въ кучу *безплодныхъ* расходовъ и чинимыя издержки для просвѣщенія народнаго“... Защищая необходимость учрежденія народныхъ училищъ, онъ писалъ: „злословіе всегда устремляется и на самые полезнѣйшіе подвиги. Не спорю, что мало учениковъ, но потому, что еще малъ у насъ вкусъ къ наукамъ. А чѣмъ поселить вкусъ къ наукамъ, какъ не заведеніемъ общественныхъ училищъ“? [2]) Посылая министру народнаго просвѣщенія произнесенную при открытіи харьковскаго университета рѣчь, попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Потоцкій, писалъ, что говорилъ ее по просьбѣ профессоровъ и „сообразуясь съ настроеніемъ мѣстныхъ жителей.., а съ ними—прибавлялъ онъ—нужно быть крайне осторожнымъ, чтобы не отвратить ихъ отъ наукъ, которыхъ они и безъ того не долюбливаютъ“ [3]). Въ 1815 году митрополитъ Евгеній жаловался, что „просвѣщеніе дешево, а жизнь дорога“. Были и такіе, которые, не отрицая пользы просвѣщенія, признавали однако вредными нѣкоторыя науки.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ даже въ 1821 году разбирался вопросъ: нужна ли математика въ жизни? „Какая нужда судьѣ, министру, гражданскому и духовнымъ состояніямъ, до свойства круга и треугольника?—говоритъ авторъ статьи: *Какая наука нужнѣе прочихъ для мыслящаго человѣка?*—земледѣльцу, что земля состоитъ изъ частицъ или однородныхъ или разнородныхъ, дровосѣку, что дерево состоитъ изъ вещества горючаго? Одна краснорѣчивая страница Боссюэта о нравственности полезнѣе цѣлаго тома фило-

---

[1]) *В. Стоюнинъ.* Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія („Др. и Нов. Р.“ 1878 г., № 1).

[2]) Арх. кн. Воронцова. Т. 12.

[3]) *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1865 г., октябрь).

софскихъ отвлеченностей... Математика есть не иное что, какъ общіе знаки понятій, которые избавляютъ насъ отъ труда имѣть свои понятія... Если учить ребенка одной математикѣ, сей наукѣ, раскрывающей столь мало понятій, то источникъ его собственныхъ понятій изсякнетъ; вы испортите лучшее природное расположеніе, обуздаете силы умственныя, пріучите довольствоваться только уже даннымъ при каждомъ шагѣ руководствомъ какою-то теоріею, не знать и не любить ничего, кромѣ сихъ строгихъ правилъ и непремѣнныхъ истинъ, которыя нарушаютъ спокойствіе общества".

Въ такомъ же духѣ произносились публичныя рѣчи при разныхъ торжественныхъ случаяхъ попечителями учебныхъ округовъ и даже, иногда, профессорами университетовъ.

Въ литературѣ разсуждали и о томъ, нужно ли вообще образованіе; съ нимъ мирились лишь ставя ему утилитарную цѣль. Дворянину оно признавалось нужнымъ для государственной службы, купцу для торговыхъ дѣлъ, и т. д., и сообразно съ этимъ назначались тѣ или другія науки, изъ которыхъ могли быть получены нужныя каждому сословію свѣдѣнія. Женскому образованію также была поставлена цѣль — сначала, въ пору господства сантиментальнаго направленія въ обществѣ и литературѣ, — широкая: женщина, это чудесное созданіе, которому тогда удивлялись, должна вліять облагораживающимъ образомъ на все общество, на все человѣчество. Поэтому, не отрицая способностей женщины къ наукамъ, но ограждая ее отъ вреднаго ихъ вліянія, ей отводилась по преимуществу область эстетики и изящныхъ искусствъ, къ чему и должно было быть направлено ея образованіе. Для достиженія этой цѣли признавалось достаточнымъ знакомство съ словесностью, преимущественно французскою, и занятія искусствами: музыкою, пѣніемъ, танцами.

Въ Карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы" 1802 года набросанъ портретъ женщины, отвѣчавшей требованіямъ лучшей части тогдашняго общества. „Такая женщина—по изображенію автора—никого не ослѣпитъ съ перваго взгляда. Умъ ея не столько блестящъ, сколько тонокъ и основателенъ; однакожъ довольно живъ, пріятенъ и способенъ къ острымъ отвѣтамъ; но все это покрывается безпримѣрною скромностью". У нея есть склонность къ романамъ, но „она знаетъ и всѣхъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и почерпнула изъ разныхъ сочиненій правоучительныхъ и принадлежащихъ до воспитанія все то, чѣмъ только можетъ пользоваться пріятная въ обществѣ женщина, добрая жена и нѣжная мать. Она никогда не упражнялась въ авторствѣ, но ея письма

украшены легкимъ слогомъ, исполнены чувствительности, философіи; христіанская набожность, безъ суевѣрія, есть первая ея добродѣтель. Вы примѣтите въ церкви на глазахъ ея слезы, которыя она украдкой обтираетъ... Но не думайте, чтобы не было въ ней и кокетства; напротивъ, и она любитъ тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе... Она соединяетъ свою судьбу съ другомъ не по выбору своего сердца, но покорствуя обстоятельствамъ. Супругъ не зналъ на комъ онъ женится; она не знала за кого выходитъ; видѣла только мущину молодого, красиваго и не безъ разума; но довольно ли сего для той, которая мечтала объ Аркадіи? Хотя послѣ открылись въ немъ и другія достоинства, но со всѣмъ тѣмъ нравы ихъ несходны. „Нужды нѣтъ,— сказала она — мнѣ должно почитать и любить мужа; есть ли я не въ силахъ перемѣнить его, такъ постараюсь сама перемѣниться", и съ той минуты удалила навсегда романическія мечтанія, начала примѣняться къ его обычаю и ни въ чемъ ему не противорѣчила; оставила для него прежнія свои связи, любимыя свои упражненія, словомъ: отказалась отъ собственныхъ склонностей, вкусовъ, желаній; одна только воля его стала пружиной всѣхъ ея дѣйствій... Къ увѣнчанію похвалы ея скажу—говоритъ авторъ, — что она совершенная послѣдовательница *Оптимизма*; какая бы ни случилась ей непріятность, задумается... и всегда скажетъ потомъ: „можетъ быть это къ лучшему" [1]).

Другіе журналы первыхъ годовъ нашего столѣтія, изъ которыхъ бо̀льшая часть посвящалась женщинамъ, „Московскій Меркурій" [2]), „Журналъ для милыхъ" [3]) шли гораздо дальше „Вѣстника Европы"; эти журналы, а также болѣе поздніе: „Аглая" [4]) „Дамскій Журналъ", вплоть до тридцатыхъ годовъ, рядомъ съ высказываемыми на женщинъ, кажущимися теперь намъ пошлыми, комическими и обидными для нихъ взглядами, много занимались и вопросомъ объ ихъ образованіи.

Въ первой своей книжкѣ „Московскій Меркурій", одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени, обратился къ женщинамъ съ воззваніемъ, чтобы онѣ, по примѣру француженокъ, „перенесли тронъ философіи въ свои будуары... сдѣлали бы свои дома лучшими школами вкуса и просвѣщенія, въ отборныхъ собраніяхъ судили бы Авторовъ"; въ этихъ собраніяхъ „безъ гордости, безъ чванства всякій старался бы превзойти другого не нарядомъ, не

---

[1]) „В. Европа" 1802 г. „Портретъ милой женщины".

[2]) Издавался Макаровымъ въ Москвѣ въ 1805 г.

[3]) „Журналъ для милыхъ". Издаваемый молодыми людьми. Москва, 1804 г.

[4]) Издавался К. П. Шаликовымъ. Москва, 1808 г.

экипажемъ, не грубою наглостью, но блескомъ ума — естественнаго и пріобрѣтеннаго". Еслибы русскія женщины послѣдовали примѣру француженокъ, то онѣ, по мнѣнію автора, „безъ сомнѣнія" заставили бы всѣхъ учиться, а то молодые люди, „рано окончивъ свое ученіе и вступивъ въ свѣтъ, не находятъ побудительныхъ причинъ обогащать свой умъ, ибо общество, которое они посѣщаютъ, не требуетъ отъ нихъ знаній, а видъ отдаленной пользы слабо дѣйствуетъ на ихъ сердца".

Авторъ думаетъ, что женщины, „овладѣвъ единожды полемъ литературы, пошли бы скорыми шагами и повлекли бы всѣхъ за собою", а сами быстро сдѣлались бы „нашими учительницами". Въ благодарность за это, „воздвигли бы имъ алтари и слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ". Этого мало; еслибы женщины послушались такого совѣта, то можетъ быть „къ щастію человѣчества возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ!!" И нравы измѣнились бы, ибо „воспитанные въ святилищахъ двадцатилѣтнихъ Музъ, образованные подъ ихъ вліяніемъ, привыкшіе мыслить, дѣйствовать и говорить по ихъ правиламъ — не имѣли бы конечно развращеннаго сердца нынѣшнихъ молодыхъ Діогеновъ".

Но для того, чтобы женщины съ успѣхомъ могли выполнить такое дѣло и, говоря словами автора, „найти ту щастливую средину, на которой Добродѣтель и Любезность соединяются и взаимно одна другой сообщаютъ прелести свои, нужно Просвѣщеніе". Оно нужно имъ и потому, что „самыя слабости женщины просвѣщенной, всегда прикрытыя колоритомъ ума и нѣжности, имѣютъ какой-то особливый характеръ, который дѣлаетъ ихъ любезными". Удивляясь, что, перенимая всѣ французскія моды, русскія женщины не переняли моды посѣщать лицеи, музеи, лекціи профессоровъ, авторъ сожалѣетъ, что у насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни „дружескихъ ученыхъ собраній", но все бы это, думаетъ онъ, явилось, еслибы женщины захотѣли. „Ахъ! — восклицаетъ онъ — какихъ чудесъ не произвели бы сіи всемогущія Феи! Онѣ и въ грубую душу Камчадала вложили бы склонности Лафара или Сент-Эвремонта". За это авторъ обѣщаетъ женщинамъ и славу!.. „славу — говоритъ онъ — женскому сердцу столь милую, почтеніе всѣхъ людей благомыслящихъ, благодарность современниковъ и потомства!!!" Тѣхъ, кто не раздѣляетъ этихъ взглядовъ, кто не желаетъ, чтобы женщины были просвѣщенными, „Московскій Меркурій" называетъ врагомъ ихъ; такой человѣкъ, „эгоистъ-любовникъ онъ или мужъ, хочетъ удержать себѣ право сказать

нѣкогда женѣ своей, въ которой онъ искалъ ключницу, няньку. „я тебя умнѣе“.

Женщинъ онъ убѣждаетъ еще тѣмъ, что хотя „имперія красоты не имѣетъ предѣловъ, но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука Времени обезобразитъ ангельскія, небесныя черты, что будетъ съ женщиною, привыкшею къ сладости видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинѣ лица своего, не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость?“

Въ способностяхъ женщины къ изученію наукъ авторъ не сомнѣвается. „И почему не быть ей столько же ученою, сколько и мущина“? — спрашиваетъ онъ. Женщину онъ признаетъ даже выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ мужчину: „ея способности превышаютъ наши,—говоритъ авторъ—но ей не достаетъ развитія этихъ способностей, а между тѣмъ для женщины это легче, чѣмъ для мущины, потому что пятнадцатилѣтній мальчикъ уже разстается съ мирными Пенатами и летитъ за границу“, или „искать вѣнка среди бурь военныхъ“, а въ двадцать продолжаетъ то же ремесло или „держитъ Ѳемидины вѣсы“. Но сестра его, „подъ тихимъ небомъ любезнаго отечества, подъ дружественною кровлею родительскаго дома, окруженная всѣмъ, что мило сердцу, безъ должностей, безъ заботъ, имѣетъ ли другое дѣло, кромѣ того, чтобы сохранять и нѣжить юныя свои прелести, чтобы украшать въ себѣ дары природы — физическіе и нравственные, чтобы приготовлять себя быть кроткою, благоразумною владычицею и полезною наставницею?“

Женщинѣ нечего и бояться выступать въ литературу, потому что „тоже самое упражненіе, — говоритъ авторъ, — которое весьма часто тиранитъ насъ острѣйшими иглами, представляетъ для женщинъ однѣ только розы безъ шиповъ... ибо какой педантъ, какой варваръ осмѣлится не похвалить того, что нѣжная, бѣлая, прекрасная рука написала?“ Приводя, согласно обычному тогда въ такихъ случаяхъ пріему, имена и примѣры великихъ женщинъ всѣхъ вѣковъ въ опроверженіе мысли, будто пріобрѣтая знанія женщина теряетъ „всѣ пріятности пола своего“, авторъ заключаетъ: „женщины всегда были и будутъ первою, хотя иногда невидимою пружиною всего изящнаго и великаго; какъ скоро власть ихъ ослабѣетъ, какъ скоро почтеніе къ нимъ уменьшится—не будетъ честолюбія, не будетъ великихъ добродѣтелей, не будетъ истиннаго геройства и, смѣемъ сказать, не будетъ истинной любви къ отечеству: сухой, обнаженный эгоизмъ, даже неукрашенный и мишурою нынѣшней модной филантропіи, по-

грузитъ свѣтъ опять въ прежнее варварство... Любезныя, милыя повелительницы! вы, которымъ сама натура поручила щастіе людей и блистательную должность украшать собою свѣтъ! коснитесь нѣжной струны сердецъ вашихъ и услышите божественные звуки лиры Аполлоновой, скажите одно слово — и храмъ Литературы вмигъ воздвигнется. Тамъ—на нетлѣнныхъ памятникахъ—напишутся ваши имена для Вѣчности; тамъ — на основаніяхъ непоколебимыхъ — утвердится ваше владычество, тамъ — преклоняя передъ вами колѣна свои — мы въ восторгѣ благодарности скажемъ: *женщины просвѣтили Россію!*" [1])

Такъ же восторженно относились къ женщинамъ и другіе журналы перваго десятилѣтія нашего вѣка. Только „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ", едва ли не единственный изъ всѣхъ, отрицалъ въ то время (1800 г.) даже способность женщинъ къ изученію наукъ. Впрочемъ, онъ утверждалъ это голословно, безъ доказательствъ, а просто говоря: „женщина сотворена единственно для того, чтобы нравиться мущинѣ... углубленіе въ наукахъ совсѣмъ ей не принадлежитъ". Ученіе женщинъ, по мнѣнію журнала, должно состоять въ томъ, чтобы „слѣдовать положеннымъ мущинами правиламъ и все познаніе, неотносящееся къ должностямъ женщинъ, должно состоять въ распознаніи мужского права и свойства или въ предмѣтахъ вкуса... Свѣтъ для женщинъ книга, а потребныя для нихъ науки — присутствіе духа, проницаніе и тонкое замѣчаніе" [2]).

Но и преклонявшіеся передъ женщиною журналы, за небольшими исключеніями, предупреждали ихъ о вредномъ дѣйствіи для нихъ науки. Статьи въ такомъ духѣ брались преимущественно изъ французскихъ источниковъ. Въ журналѣ „Патріотъ" [3]) помѣщенъ рядъ переводныхъ статей, въ которыхъ говорилось о вредѣ набивать женщинѣ голову наукой, ибо книги и учителя „помрачаютъ еще на зарѣ тотъ душевный цвѣтокъ, который такъ радуетъ любимца молодой дѣвушки—невинность чувствъ и мыслей"; также, что мужъ „не любитъ находить въ женѣ соперника или профессора и что всѣ ученыя женщины были въ любви нещастливы" [4]).

Въ одной изъ переведенныхъ съ французскаго статей, помѣщенныхъ „Патріотомъ" — о воспитаніи дѣвицъ и объ ученыхъ

---

[1]) „Московскій Меркурій" 1805 г. Ч. 1-я. Смѣсь. „Нѣкоторыя мысли издателей".

[2]) „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ". Еженедѣльное изданіе Ник. Осипова. Суббота 20-ая, стр. 310.

[3]) „Патріотъ". Журналъ Воспитанія, издаваемый Влад. Измайловымъ. Москва.

[4]) „Патріотъ". Т. I, январь, февраль, мартъ.

женщинахъ [1])—авторъ, въ формѣ письма матери къ дочери, говоритъ, что смертельно боится, какъ бы она не воспитала изъ своей дочери „рѣдкой женщины“ и особенно писательницы. „Я не понимаю, — пишетъ мать — какъ можно желать разговора женщины, которая сказала конечно все, что имѣла лучшаго въ книгѣ, напечатанной числомъ до двухъ тысячъ экземпляровъ, которой чувства самыя тонкія продаются за сходную цѣну во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; ...и для самаго мужчины, восхищеннаго болѣе другихъ живостью ея идей и откровенностью ея характера, не лестно думать, что, разставшись съ нимъ, она войдетъ, можетъ быть, въ такое же свободное сообщеніе со всею публикою черезъ своего типографщика... Женщина въ печати тоже, что женщина въ худой славѣ, которой приключенія извѣстны; странно если она показываетъ себя робкою; едва позволительно для нея быть даже скромною“. Поэтому авторъ совѣтуетъ дочери обратить склонности своего ребенка на „основательныя наслажденія, а самолюбіе на успѣхи блестящіе; пусть она наряжается для свѣта, а занимается только для своего удовольствія“. Помѣстивъ это письмо, издатель „Патріота“ сдѣлалъ къ нему примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что „хотя это и не касается до насъ, ибо мы не имѣемъ еще 150-ти женщинъ-Авторовъ, какъ теперь во Франціи по исчисленію любопытныхъ, но не худо упредить зло, которое, можетъ быть, насъ ожидаетъ скоро“.

„Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго (1811 г.), признавая „разумъ“ мужчины и женщины одинаковымъ, задумывается надъ практическими послѣдствіями, могущими произойти отъ занятій женщинъ наукою. „На какое употребленіе дала натура разумъ женщинамъ? — спрашиваетъ онъ.—Упражненіе въ наукахъ и словесности есть ли необходимая принадлежность женщинъ? Не охладитъ ли любовь къ словесности въ женщинѣ любви супружеской? Захочетъ ли ученая женщина заниматься мелочами хозяйства? Имѣя мужа, не столь просвѣщеннаго, не нарушитъ ли иногда законъ, предписывающій ей подчиненіе и покорность?“ [2])

Кромѣ журнальныхъ статей, въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка появлялись и отдѣльныя, большею частью переводныя изданія по вопросу объ образованіи женщинъ. Въ нихъ высказывались тѣ же мысли. Одна изъ такихъ книжекъ, „Другъ женщинъ“, была издана въ 1806 году женщиною. „Это не пе-

[1]) 1804 г., сентябрь.

[2]) „В. Европы“, 1811 г., сентябрь. По поводу книжки г-жи Жанлисъ: „De l'influence des femmes sur la littérature Française comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes Françaises les plus célèbres“.

реводъ, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — а изложеніе французскаго сочинителя съ присовокупленіемъ собственныхъ моихъ мыслей, казавшихся мнѣ соотвѣтствующими мнѣнію Автора, а болѣе моимъ чувствамъ" [1]). Какъ во всѣхъ подобныхъ французскихъ произведеніяхъ, и въ „Другѣ женщинъ" проводятся взгляды на вредъ, происходящій для женщинъ отъ занятій науками, которыя „притупили бы остроту, дѣлающую женщинъ столь превосходными". Но авторъ удѣляетъ имъ область, въ которой онѣ могутъ даже превзойти мужчинъ. Къ этой области онъ относитъ физику и естественную исторію, живопись, музыку, поэзію, домашнія рукодѣлія, „но не узелки и спурочки". Географія, исторія, миѳологія и ботаника, по его мнѣнію, могутъ служить женщинамъ забавою. Вообще же авторъ выражаетъ желаніе, чтобы онѣ, „прибѣгнувъ къ своимъ правамъ и почерпнувъ изъ наукъ полезные совѣты, почерпали правила къ пріятному препровожденію времени и щастливой жизни". Онъ желаетъ, чтобы женщины занимались указанными имъ науками еще и потому, что онѣ имѣютъ даръ разговаривать пріятно, „а присоединивъ къ этому познанія, — говоритъ онъ — будутъ разсуждать съ нами о глубокомысленныхъ матеріяхъ съ милою своею простотою и возбудятъ тѣмъ наше краснорѣчіе, котораго мы никогда не имѣемъ въ нашихъ кабинетахъ".

Къ концу перваго десятилѣтія, сантиментальное направленіе, господствовавшее у насъ почти двадцать лѣтъ, стало замѣтно исчезать, а вмѣстѣ съ этимъ стало измѣняться отношеніе литературы къ образованію женщинъ, которыми переставали восхищаться; голоса противъ ихъ образованія, а уже въ особенности противъ ихъ „учености" стали раздаваться свободнѣе, призывы къ старымъ воззрѣніямъ на нихъ повторялись чаще.

Ученыхъ женщинъ у насъ, впрочемъ, и не было, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ единицъ, но уже были женщины — въ тогдашнемъ смыслѣ образованныя, а главное, онѣ, конечно не всѣ, не въ массѣ, стали проявлять стремленіе къ умственнымъ интересамъ и къ литературѣ. Такія стремленія сосредоточивались по преимуществу въ высшихъ классахъ общества. Изъ этихъ классовъ являлись большею частью и женщины-писательницы. Еще при жизни Екатерины, въ журналѣ „Муза", издававшемся Мартыновымъ, великая княжна Александра Павловна помѣщала свои переводы [2]), а позже, Императрица Елизавета Алексѣевна

[1]) „Другъ женщинъ", 1806 г. С.-Петербургъ. Переводъ съ французскаго одной знаменитой особы изъ прекраснаго пола.

[2]) *Колбасинъ*. Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Пет., 1859 г., стр. 47.

и великая княгиня Екатерина Павловна занимались литературою, отдавая свои произведенія на просмотръ Карамзину [1]). Среди женщинъ этихъ классовъ были и такія, которыя, слѣдуя завѣту Екатерины, продолжали ея традиціи, и въ своемъ образованіи шли въ уровень съ временемъ, не уступая мужскому ни въ объемѣ, ни въ направленіи, носившемъ у нихъ, какъ и у мужчинъ, исключительно литературный характеръ.

Образчикомъ такого образованія можетъ служить изображенная въ запискахъ одной русской высокопоставленной дамы, напечатанныхъ въ „Современникѣ" Пушкина [2]), ея подруга. Разсказъ относится къ 1811 году и описываетъ—какъ говоритъ авторъ — быль, а не вымыселъ. Эта подруга, которую онъ назвалъ княжной Полиной, была, по его словамъ, впослѣдствіи „подлинная героиня романа Загоскина: „Рославлевъ". Она принадлежала къ высшей аристократіи; отецъ ея былъ заслуженнымъ человѣкомъ, „т.-е.,—говоритъ авторъ записокъ,—ѣздившій цугомъ и носившій ключъ и звѣзду". Мать Полины была „дама степенная, отличавшаяся важностью и здравымъ смысломъ". Полина очень много читала и безъ всякаго разбора. Библіотека ея отца состояла изъ сочиненій писателей восемнадцатаго вѣка, съ которыми Полина, „начиная съ Монтескьё до романовъ Кребильона", была знакома, а Руссо знала наизусть. Но въ библіотекѣ не было русскихъ книгъ, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не развертывала; „она признавалась,—говоритъ авторъ записокъ—что съ трудомъ разбирала русскую печать и, вѣроятно, ничего по-русски не читала, не считая и стишковъ, подносенныхъ ей московскими стихотворцами".

Дочь Сперанскаго (родилась въ 1799 году), получившая подъ руководствомъ отца самое тщательное образованіе, изучала, кромѣ французскаго, еще нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки съ ихъ литературами, но плохо знала русскій и писала на немъ съ большими ошибками, которыя отецъ ей поправлялъ. Онъ не особенно и настаивалъ на ея занятіяхъ русскимъ языкомъ и въ одномъ изъ писемъ 1816 года, стало быть когда дочери было уже 17 лѣтъ, говорилъ ей, чтобы она „не заботилась слишкомъ о невѣрностяхъ русскому языку и чтенію вообще" [3]) Будучи еще дѣвушкой, она писала сочиненія, и между прочимъ на темы „размышленія о славѣ женщины и размышленія вообще", также

---

[1]) *Галаховъ*. Ист. р. слов., др. и новой. Т. II, стр. 81 и 86.

[2]) „Современникъ", 1836 г. Т. 3. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы.

[3]) Письма М. М. Сперанскаго къ его дочери („Р. Арх.", 1868 г. №№ 7 и 8). Письмо отъ 4-го декабря 1816 г.

стихи. Впослѣдствіи, будучи уже замужемъ, за сенаторомъ Фроловымъ-Багрѣевымъ, много писала на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [1]).

Французскій языкъ и французская литература, преимущественно романы и стихи, очень долго составляли у насъ необходимое условіе для всякаго претендовавшаго на образованіе человѣка, мужчины или женщины, къ какому бы кругу онъ ни принадлежалъ. Татьяна Пушкина, не принадлежавшая по происхожденію къ аристократіи и жившая въ деревнѣ,

По-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ [2]).

Она зачитывалась Грандиссономъ, Руссо, романами мадамъ Cottin, Крюднеръ.

Описывая дочери пензенское общество, Сперанскій говоритъ, что почти всѣ женщины и многіе мужчины говорятъ по-французски „и—прибавляетъ онъ—что еще горестнѣе, говорятъ весьма изрядно" [3]).

Въ видѣ исключеній, еще въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, были женщины, если не серьезно образованныя, то, можетъ быть изъ подражанія модѣ, интересовавшіяся не одними литературными, но и другими вопросами. Въ „Аглаѣ" князя Шаликова помѣщено письмо одной дамы, жалующейся на то, что „свѣтъ, куда она стала вывозить племянницу, сталъ требователенъ и хочетъ, чтобы женщина была не только хороша, но и умна". Почтенная дама недовольна этимъ и объясняетъ такія требованія тѣмъ, что „женщины ужъ немолодыя стараются распространять ихъ среди мужчинъ, чтобы самимъ нравиться болѣе молодыхъ". Но и издатель „Аглаи" высказался противъ тѣхъ женщинъ, которыя „полагаютъ умъ и пріятности въ явномъ презрѣніи закона и почли бы себя слабоумными, еслибъ не были одного мнѣнія съ Гельвеціемъ и авторомъ „Системы натуры". Онъ хотѣлъ бы, чтобы его жена читала Грандиссона и Жильблаза, „который—говоритъ онъ

---

[1]) *Кн. Н. Н. Голицынъ.* Библіографическій словарь русскихъ писательницъ (Журн. М. Нар. Пр. 1889, апрѣль).

[2]) „Евгеній Онѣгинъ". Глава 3, стр. XXVI. Эту главу Пушкинъ писалъ въ 1825 году.

[3]) 65 писемъ М. М. Сперанскаго къ его дочери изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь („Р. Арх." 1868. 7 и 8).

о послѣднемъ—представляетъ ей въ картинахъ слабости и дурачества существъ, свѣтъ составляющихъ“ [1]).

Вообще, женщина, рѣшавшаяся говорить въ свѣтскомъ обществѣ вмѣсто „des petits riens“ о серьезныхъ, а тѣмъ болѣе о научныхъ предметахъ, не только тогда, но и долго потомъ, считалась явленіемъ ненормальнымъ, нарушающимъ установленные кѣмъ-то для нея законы, несимпатичнымъ и даже смѣшнымъ. Всѣмъ извѣстны строфы Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ—
Съ семинаристомъ въ черной шалѣ,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ [2])!

Но въ то время, когда Пушкинъ писалъ Онѣгина, въ 1823—1827 годахъ, онъ вообще находилъ скучнымъ большой свѣтъ, „высшій тонъ“ и разговоры дамъ въ этомъ свѣтѣ.

Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама,
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ [3])

—говоритъ онъ о „причудницахъ большого свѣта“.

Несомнѣнно однако, что такія женщины были и что Пушкинъ бралъ ихъ изъ жизни.

Какую диковину въ то время представляла ученая женщина, видно изъ примѣра А. А. Турчаниновой, которую описали знавшіе ее Вигель и князь И. М. Долгоруковъ. По словамъ Вигеля, Турчанинова, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, избѣгала общества, одѣвалась небрежно, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки, собиралась учиться по-еврейски и „даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно“.—„У насъ—говоритъ Вигель—ее знали подъ именемъ философки“. Свое образованіе Турчанинова получила, по словамъ его, у профессоровъ кіевской духовной Академіи; она сохраняла связи съ профессорами московскаго университета и „хвалилась любовью и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой“ [4]).

Вигель, какъ и князь И. Долгоруковъ, сходятся въ томъ, что у Турчаниновой не было и тѣни педантства, что она была всегда веселая, любила шутить, „объяснялась съ дѣтской простотой“, а

[1]) Ч. III. 1808 г., сентябрь.
[2]) Гл. 8. XXVIII.
[3]) Тамъ же. XLII.
[4]) *Вигель*. Воспоминанія. Ч. I, стр. 119.

князь Долгоруковъ, видѣвшій Турчанинову въ 1810 году, говоритъ, что она „пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно, ...бесѣда ея занимательна“ [1]). Вообще онъ признаетъ Турчанинову „достойною быть извѣстною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености“. По его словамъ, „память ея исчерпала всѣ источники Словесности; иностранные языки, даже Академическіе, греческій и латинскій, ей не незнакомы“ [2]). Рисуя портретъ такой необыкновенной дѣвушки, онъ разсказываетъ, что она такъ любитъ уединеніе, что начинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ или трехъ сдѣланныхъ ею тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ знакомствъ, и чтобы дальше уѣхать отъ людей, собиралась совершить путешествіе въ Грецію и Италію. Турчанинова жила въ лучшей части Одессы, хотя почти внѣ города; „домъ ея—говоритъ князь Долгоруковъ — хорошо прибранъ, въ немъ есть тѣнь и убѣжище, прямо отборная, не огромная библіотека, нѣсколько картинъ, передъ которыми любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ. Словомъ,—заключаетъ князь Долгоруковъ — въ домѣ госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце“.

Вообще же князь Долгоруковъ, много видѣвшій и много писавшій о женщинахъ, отзывался очень пренебрежительно о даваемомъ имъ образованіи: „Очарованіе сердецъ — единственная наука женщинъ — писалъ онъ въ 1813 году. — Онѣ воспитываются только для любви, только какъ „невѣсты, до чахотки“ [3]). Но рядомъ съ такой общей характеристикой, въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются отзывы о знакомыхъ ему женщинахъ, въ тогдашнемъ смыслѣ образованныхъ, т.-е. умѣющихъ пріятно вести разговоръ на французскомъ языкѣ, обладающихъ „хорошими поверхностными знаніями, умомъ достаточнымъ для общежитія, начитавшихся романовъ, стихотвореній“. Такихъ женщинъ онъ встрѣчалъ даже въ провинціальныхъ захолустьяхъ.

Изъ біографій нѣкоторыхъ женщинъ того времени, т.-е. перваго десятилѣтія XIX вѣка [4]), видно, что многія изъ нихъ сами довершали едва начатое образованіе чтеніемъ, изученіемъ ино-

---

[1]) „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда“. 1810 года. Соч. кн. И. М. Долгорукаго, стр. 134.

[2]) О Турчаниновой см. *Кн. Н. Н. Голицынъ*: Библіографическій словарь русскихъ писательницъ (Журн. М. Нар. Просв. 1889, мартъ).

[3]) Путешествіе въ Нижній. 1813.

[4]) Ишимовой, Волковой и др. („Др. и Нов. Р.“ 1878.—*Макаровъ*. Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ).

странныхъ языковъ или учились подъ руководствомъ отцовъ, пріятелей, знакомыхъ, вообще окружавшей ихъ среды. Въ семьѣ, гдѣ выросъ нашъ поэтъ Жуковскій, во главѣ которой стояла М. Г. Бунина, ея внучки А. П. Зонтагъ и А. П. Кирѣевская (во второмъ бракѣ Елагина) хотя и воспитывались подъ руководствомъ гувернантки-француженки, но, вращаясь въ средѣ Жуковскаго, Карамзина, Дмитріева, Дашкова, Блудова, заинтересовывались не только литературою, но и вообще тѣмъ, что занимало тогдашнее образованное общество [1]).

Еще при жизни Екатерины, Карамзинъ, въ издаваемомъ имъ „Московскомъ Журналѣ", всячески поощрялъ женщинъ къ занятіямъ литературою и одобреніе ихъ считалъ „драгоцѣннымъ своимъ вѣнкомъ" [2]). Такое отношеніе его къ женщинамъ объясняется отчасти личнымъ его характеромъ, склоннымъ ко всему нѣжному и чувствительному, а также вліяніемъ французскаго общества и литературы XVII вѣка—вѣка расцвѣта салоновъ, въ которыхъ французскія женщины играли выдающуюся роль, не оставшуюся безъ вліянія на выработку языка и литературы, а также на нравы современнаго имъ общества.

Сантиментальное направленіе, водворенное у насъ Карамзинымъ, истекало не изъ пустого подражанія французскимъ образцамъ; у Карамзина оно исходило изъ убѣжденія въ томъ, что участіе женщинъ въ литературѣ полезно для всего общества въ смыслѣ распространенія образованности, вѣжливости, большей утонченности вкусовъ, облагораживающаго вліянія на нравы. Съ этимъ было связано условіе, чтобы литературныя произведенія были написаны не книжнымъ языкомъ, доступнымъ однимъ ученымъ, а языкомъ легкимъ, разговорнымъ, доступнымъ и женщинамъ. Въ этомъ смыслѣ названіе „дамскаго писателя" было тогда лестнымъ. Дѣлая отзывъ о сочиненіяхъ князя И. Долгорукова, „Московскій Меркурій" приводитъ въ числѣ похвалъ автору его „величайшую преданность къ любезному полу, которому всѣ стихотворные досуги нашего Автора были исключительно посвящаемы".

Послѣдователи Карамзина: Макаровъ, въ „Московскомъ Меркуріи" и „Журналѣ для милыхъ", Остолоповъ въ „Любителѣ словесности" и другіе, поддерживали его традиціи, доводя свою любезность къ дамамъ до каррикатуры. На оберткѣ „Журнала для милыхъ" стоялъ эпиграфъ: „Прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ насъ отъ злыхъ насмѣшекъ критики".

---

[1]) См. „Авдотья Петровна Елагина". Біографическій очеркъ („Р. Арх." 1877 г. № 8).
[2]) „Аглая". 1794 г. Книжка 1-я.

Приводя стихотвореніе князя Долгорукова:

„Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеньи каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit jour.
Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей нибудь да щотъ.
Вотъ въ ней-то подлинно ведется
И лисій хвостъ и волчій ротъ“...

„Меркурій“ восклицаетъ: „говоря о женщинѣ!!...“ [1])

Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ „Журнала для милыхъ“ была напечатана поправка одной дамы на помѣщенную раньше статью другой. По этому поводу издатели объясняютъ: „милая женщина говоритъ, что піэса, помѣщенная въ нашей книжкѣ подъ заглавіемъ „Любимъ и Катерина“, есть тотъ же парень, только въ вывороченномъ тулупѣ. Мы не смѣемъ противорѣчить нашимъ милымъ... Правда, Любимъ и Катерина, мы сами знаемъ, есть переводъ французской піэсы „Пирамъ и Тизбе“, но ее переводила прелестная дѣвица и просила, чтобы мы ее помѣстили такъ, какъ ей было угодно съ перемѣненными имянами. И ей, любезный критикъ, надобно было отказать? Это будетъ противно нашему обѣщанію служить, угождать прекрасному полу... Въ заключеніе скажемъ то: намъ пріятно что вы, любезная, критикуете нѣкоторые мѣста нашего журнала; это служитъ къ усовершенствованію нашихъ талантовъ“. Къ помѣщаемымъ въ журналѣ статьямъ женщинъ издатели часто дѣлали примѣчаніе, что „піэса сія помѣщена въ удовольствіе и по приказанію“ такой-то.

Отдѣломъ критики въ „Журналѣ для милыхъ“ завѣдывали двѣ сестры, княжны Трубецкія (или Трубескà; старшая изъ нихъ по мужу Безнина). Онѣ полемизировали съ „Вѣстникомъ Европы“. „Намъ дѣлаетъ большое занятіе „Вѣстникъ Европы“,—говоритъ женщина-критикъ—мы рѣшились, есть ли не попрепятствуетъ что либо непредвидѣнное, его разсматривать и дѣлать нѣкоторыя свойственныя женскому разуму замѣчанія. Надѣясь вѣрно, что вы будете помѣщать ихъ въ издаваемомъ для насъ журналѣ“ [2]). Къ своимъ обязанностямъ журнальнаго критика женщины относились властно, какъ повелительницы. „Я женщина, — говоритъ Е. Тр—я въ одной изъ своихъ статей — ваша читательница, и вы обязаны

[1]) „Моск. Мерк.“ 1805 г., августъ.
[2]) „Журналъ для милыхъ“. 1804 г., іюль.

мнѣ повиноваться!" О стихахъ князя Шаликова онѣ отказались дать отзывъ, сказавъ, что „женщины любятъ князя Шаликова и мы не послѣднія его почитательницы... И такъ — откровенно признается Безпина — пристрастіе запрещаетъ разбирать стихи молодого человѣка... Ни я, ни сестра моя, не захотѣли бы находить недостатки въ стихахъ любезнаго Поэта и для того мы ихъ опускаемъ" [1]).

Издатели не только „Московскаго Меркурія" и „Журнала для милыхъ", но и другихъ журналовъ обыкновенно помѣщали къ статьямъ женщинъ-авторовъ какое-нибудь пріятное для нихъ примѣчаніе: „мы съ своей стороны — напечатано въ „Меркуріи" — цѣлуя мысленно сію руку и любя воображать ее прелестнѣе руки Анадіомены Апелессовой, увѣряемъ любезную Сочинительницу, что ко всѣмъ произведеніямъ пера ея наша критика всегда будетъ имѣть самое набожное почтеніе". Почти всегда издатели благодарили женщинъ-авторовъ, поощряли ихъ, поздравляли „съ успѣхомъ въ литературныхъ занятіяхъ", хвалили за выраженныя въ ихъ статьяхъ чувства и мысли. „Кто не поблагодаритъ почтенную незнакомку — говоритъ издатель „Сѣвернаго Вѣстника" — за ея благородныя упражненія въ словесности и нѣжныя чувствованія состраданія къ страждущему человѣчеству" [2]). Позволяя себѣ поправлять грамматическія ошибки въ статьяхъ женщинъ, дѣлали это въ самой деликатной формѣ. „За дѣепричастіемъ въ русскомъ языкѣ имя или мѣстоименіе должно быть въ падежѣ именительномъ" — замѣчаетъ издатель „Аглаи" въ выноскѣ къ помѣщенному въ журналѣ письму женщины, и сейчасъ же прибавляетъ: „благодарю любезную Грацію-Россіянку за прекрасное письмо ея и прошу извиненія въ грамматическомъ замѣчаніи" [3]).

Объявляя въ 1816 году объ изданіи въ пользу харьковскаго института сочиненій Л. Кричевской подъ названіемъ „Мои свободныя минуты", Квитка говорилъ: „Мы видѣли съ какимъ восторгомъ приняты они на ея родинѣ; но одинъ изъ издателей („Украинскаго Вѣстника") имѣлъ случай и въ отдаленіи быть свидѣтелемъ подобныхъ восторговъ такихъ читателей, которые страну нашу знаютъ только по слуху". Въ числѣ достоинствъ сочиненій Л. Кричевской, Квитка указываетъ на то, что она „всегда была водима собственнымъ чувствомъ; у ней нѣтъ ничего заимствованнаго, кромѣ нѣсколькихъ подражаній". Когда, уже въ 1827 году,

---

[1]) „Журн. для милыхъ" 1804 г., іюль.

[2]) Ч. V. 1805 г.

[3]) 1809 г. Ч. VIII, октябрь.

рецензентъ „Московскаго Телеграфа“ поставилъ передъ словомъ „драмма“ въ сочиненіяхъ Кричевской вопросительный знакъ, Квитка выступилъ на защиту автора и напечаталъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ статью, въ которой сказалъ, что хотѣлъ „послать Рецензенту большой вопросительный знакъ, но какъ сочиненія Л. Кричевской раскупаются хорошо, то не сдѣлалъ этого“ [1]).

Такіе пріемы держались въ нашей литературѣ долго, даже тогда, когда участіе въ ней женщинъ высшихъ классовъ ослабѣло и отношеніе ея къ женщинамъ-авторамъ измѣнилось.

Въ первые годы нашего столѣтія сами литераторы искали знакомства съ женщинами-писательницами, стараясь всячески ободрять ихъ. Коронованныя лица охотно принимали посвященія имъ произведеній женщинъ и выражали иногда свою признательность подарками. Императоръ Павелъ назначилъ писательницѣ Волковой пенсію за посвященную ему оду [2]). Поэтессѣ А. Буниной была дана ежегодная пенсія въ 400 рублей за первое изданіе ея стихотвореній „Неопытная Муза“ въ 1809 году [3]). Одна изъ двухъ сестеръ Свиньиныхъ, дочерей сенатора, сочинила „Польской для всерадостнаго прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Благородное Московское Собраніе 29-го апрѣля 1797 года“ [4]). „Этотъ польской,—разсказываетъ Макаровъ—приноровленный, кажется, къ огромной музыкѣ Козловскаго, обратилъ особенное вниманіе государя; когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ:

Громы славы раздаются!
Громы радости несутся! и пр.

государь спросилъ: кто авторъ мотива? и узнавъ, что дѣвица Свиньина, приказалъ изъявить ей свое особенное благоволеніе... Почти шесть тысячъ лучшаго московскаго общества—восклицаетъ Макаровъ — были свидѣтелями сего Высочайшаго благоволенія!“ Императоръ Павелъ изъявилъ благоволеніе и дѣвицѣ Поспѣловой, издавшей въ 1798 году во Владимірѣ-на-Клязьмѣ свои сочиненія: „Лучшіе часы жизни моей“, посвященныя великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

---

[1]) „Московск. Тел.“ 1827 г., ч. 16.

[2]) „Дамскій Журналъ“ 1827 г., октябрь.

[3]) *Кн. Голицынъ.* Словарь (Журн. М. Н. Пр. 1888, авг. и сент.). Въ „Аглаѣ“ кн. Шаликова авторъ „Неопытной Музы“ названъ „истинной Сафо“. „Вамъ, Граціи-Россіянки,—говоритъ рецензентъ—принадлежитъ въ особенности сія книга... въ ней нѣтъ подражанія, но всѣ черты, но всѣ оттѣнки прелестной стихотворицы Лезбійской“ (Ч. VIII. 1809, окт.).

[4]) Тамъ же (1889, февраль).

Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ познакомились съ молодой писательницей и „какъ бы принудили ее—говоритъ Макаровъ—напечатать въ Москвѣ въ 1806 году второе изданіе полнаго собранія ея сочиненій подъ названіемъ „Нѣкоторыя черты природы и истины, или оттѣнки мыслей и чувствъ моихъ“ [1]). Карамзинъ охотно печаталъ „и обращалъ вниманіе“ въ своихъ „Аонидахъ“ на произведенія женщинъ. На одно изъ такихъ произведеній упомянутой выше Свиньиной — „Любезному уединенію“ —отвѣчалъ Херасковъ стихами же, въ которыхъ говорилъ:

Ты, можетъ быть, прелестна,
Ты, можетъ быть, нехороша;
Но мнѣ душа твоя извѣстна;
О! коль мила твоя душа!
Твое Уединенье
Чувствительнымъ сердцамъ
Приноситъ утѣшенье
И дамскимъ честь умамъ.
Цвѣты, цвѣты Парнасски
Въ стихахъ твоихъ цвѣтутъ;
И Грёзовы краски
И кисть видна мнѣ тутъ...

Херасковъ кончаетъ:

Тамъ Сюзы, тамъ Корины,
Мой тамъ лицей гдѣ ты! [2])

Женщины-авторы были очень чувствительны къ такому отношенію къ нимъ писателей. Когда Херасковъ отвѣтилъ на обращенное „къ его бюсту“ стихотвореніе дѣвицы Магницкой (сестры печально прославившагося потомъ попечителя казанскаго учебнаго округа), она и ея сестра, тоже поэтесса, „въ ту же минуту полетѣли къ Хераскову сами и съ личною за себя благодарностью [3]). Онѣ, вмѣстѣ съ двумя другими сотрудницами журнала, издававшагося профессоромъ Сохацкимъ, княгинею Щербатовою и Боске, переводили письма Дюпати [4]). Но Сохацкій, по словамъ Макарова, „полѣнился просмотрѣть этотъ переводъ“, а между тѣмъ въ 1800 году вышелъ переводъ того же сочиненія, сдѣланный И. Мартыновымъ. „Жаль! — прибавляетъ Макаровъ — красоты Дюпати намъ лучше бы могли быть переданы перомъ пламенныхъ и

---

[1]) *Макаровъ*. Мат. для исторіи р. женщинъ-авторовъ („Дамскій Журналъ“ 1830 г., апрѣль). *Кн. Голицынъ*. Словарь (1889 г., февраль).

[2]) Пріятное и полезное препровожденіе времени.

[3]) *Макаровъ*. „Д. Журн.“, апрѣль, 1830 г.

[4]) Французскій авторъ, прославившійся въ XVIII вѣкѣ своими „Письмами изъ Италіи“.

краснорѣчивыхъ юныхъ писательницъ... Нельзя охуждать перевода, изданнаго ученымъ Мартыновымъ, но кто запретитъ сказать, что какъ бы щастливъ былъ Дюпати и многіе изъ другихъ подобныхъ писателей, являясь на чужомъ языкѣ изъ подъ прекраснаго пера прекрасныхъ!"

Чрезвычайно снисходительно относясь, въ первые годы XIX вѣка, къ женщинамъ-писательницамъ, принадлежавшимъ бо̀льшею частію къ высшимъ кругамъ общества, литераторы, продолжая и потомъ расшаркиваться, говорить комплименты и приглашать женщинъ „Грацій-Россіянокъ" въ литературу, стали мало-по-малу относиться къ нимъ неблагосклонно, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которыя, не принадлежа къ высшему кругу, выступали на литературное поприще самостоятельно, не заручившись поддержкою какого-нибудь извѣстнаго въ литературѣ имени, или не указавъ на руководство учителя при составленіи своего труда. „Когда дѣвица Извѣкова—разсказываетъ Макаровъ—пріѣхала въ Москву, то въ городѣ стали говорить, что дѣвица съ весьма достаточнымъ состояніемъ прибыла въ столицу для того только, чтобы издавать свой романъ, писанный во вкусѣ г-жи дё-Жанлисъ. При обыкновенной холодности большей части нашихъ читателей не знаемъ даже кто и между литераторами нашелся преклонить свое вниманіе къ такимъ слухамъ; но пошли, однакожъ, сужденія, догадки и прочее тому подобное, и дѣвица Извѣкова еще не должна была спѣшить изданіемъ своихъ романовъ; ей бы слѣдовало искать связей у двора литературнаго" [1]).

Князь И. М. Долгоруковъ мѣтко замѣтилъ, говоря о своей сестрѣ, писавшей стихи, что она не могла воспользоваться его эпиграфомъ: „угоденъ—пусть меня читаютъ, противенъ—пусть въ огонь бросаютъ", ибо — говоритъ князь — „всякая женщина должна искать похвальной трубы".

Можетъ быть вслѣдствіе такого взгляда на авторство женщинъ, онѣ выступали въ литературѣ робко, жеманясь, извиняясь и оправдываясь въ своей смѣлости какими-нибудь посторонними литературѣ, личными причинами. Подъ своими статьями въ журналахъ онѣ часто подписывались: „ваша покорная услужница—Россіянка". Авторъ приведенной выше книжки: „Другъ женщинъ", говоритъ, что долго не рѣшалась взяться за литературную работу; „не имѣя ни средствъ, ни способовъ—оправдывается она —получить хотя нѣкоторое познаніе въ литературѣ, я удерживала въ себѣ склонность къ переводу и старалась занять себя болѣе

[1]) Макаровъ. „Дам. Ж." 1831 г., окт.

свойственными моему полу упражненіями. Но потеря друга заставила меня прибѣгнуть къ сему занятію, дабы разсѣять грусть, меня снѣдающую".

Упомянутая уже выше дѣвица Извѣкова предпослала своему роману „Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви", посвященному Императрицѣ Маріи, подарившей ей за это перстень, объясненіе, въ которомъ говоритъ: „я увѣрена, что первые труды, выдаваемые мною въ свѣтъ, будутъ приняты не съ строгимъ разсмотрѣніемъ ихъ недостатковъ и что почтенная публика извинитъ великодушно неопытность молодой дѣвушки, которая безъ руководства учителя, но единственно по природной склонности къ литературѣ, написала сей Романъ. Я совсѣмъ не думала выдавать его въ свѣтъ,—прибавляетъ она — но повинуясь волѣ любезнѣйшей и достойнѣйшей матери и уважая просьбу родныхъ и друзей своихъ, рѣшилась подвергнуться, можетъ быть, строгой критикѣ" [1]).

Со временемъ, такихъ пріемовъ стали держаться и покровители женщинъ въ литературѣ. „Не смѣлая увѣренность въ дарованіяхъ своихъ — говоритъ Квитка объ изданіи сочиненій Кричевской въ пользу харьковскаго института въ 1817 году, — чтобы здѣлать извѣстными свѣту свои сочиненія; но единственно благородное желаніе чѣмъ-нибудь вспомоществовать нещастнымъ побудили ее, несмотря на всѣ могущія произойти сужденія о достоинствахъ ея Сочиненій принести жертву сію Обществу" [2]). Къ переводамъ двухъ харьковскихъ писательницъ издатели „Украинскаго Вѣстника", принося въ выноскѣ „искреннюю благодарность почтеннѣйшимъ переводчицамъ, благоволившимъ украсить журналъ своими произведеніями", говорятъ, что если и другія женщины послѣдуютъ примѣру переводчицъ, то обитатели края увидятъ, что и Харьковъ „по многимъ отношеніямъ замѣняетъ столичное воспитаніе". Къ этому они прибавляютъ, что харьковскія барышни, „готовящіяся въ тишинѣ своего семейства въ укромномъ уголкѣ, для бо́льшаго круга, принесутъ туда, кромѣ познаній, и робкую недовѣрчивость къ самимъ себѣ, а не смѣшную самонадѣянность" [3]).

Требованіе скромности и покорности, „робкой недовѣрчивости къ себѣ" отъ женщинъ, распространялось не только по отношенію къ ихъ участію въ литературѣ, но вообще ко всякому ихъ общественному и публичному шагу. Эту мысль, еще въ 1808 году,

[1]) „Дам. Журналъ", 1830 г., іюль.

[2]) „Укр. В.", 1817 г., декабрь.

[3]) „Укр. В.", 1816 г., Ч. I.

выразила, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, лучшая поэтесса того времени. Обращаясь къ своей племянницѣ, А. Бунина говоритъ:

„Еще простой подамъ тебѣ урокъ.
Ты женщина! учись быть съ юности покорна,
Въ своихъ желаніяхъ неупорна;
Упорство въ женщинѣ порокъ;
Упорство ей къ напасти!
Надъ нами всюду власти“.

Когда харьковское Общество благотворенія задумало для усиленія своихъ средствъ устроить концертъ, то затрудненіе явилось въ отсутствіи желающихъ взять на себя исполненіе партіи фортепіано. „Никто не рѣшался— говорится въ отчетѣ о концертѣ [1])— на сію новость, здѣсь еще никогда небывалую“. Наконецъ согласилась играть А. П. Каменская, дочь харьковскаго профессора и доктора медицины, „та самая,—сказано въ отчетѣ—которая извѣстна читателямъ нашимъ по прекраснымъ своимъ переводамъ“... Отрекомендовавъ такимъ образомъ Каменскую, составитель отчета подробно объясняетъ и оправдываетъ ея поступокъ. „Рѣшимость сей дѣвицы — говоритъ онъ — заслуживаетъ всякое уваженіе: не дорожа толками, могущими произойти отъ мнѣній различно понимающихъ ея намѣреніе и отнюдь не отъ самонадѣянности на свой талантъ, а имѣя единственное желаніе вспомоществовать сиротамъ, воспитывающимся въ Институтѣ, она рѣшилась участвовать въ концертѣ. И въ самомъ дѣлѣ многимъ, которые или не любятъ благотворить такимъ образомъ, или не думаютъ о намѣреніи, съ какимъ предпринимается что-нибудь, многимъ казалось неприлично благородной дѣвицѣ играть передъ публикою и еще за деньги. Но эта мысль не заслуживаетъ никакого возраженія и опровергается всеобщею похвалою во всѣхъ подобныхъ случаяхъ“. Далѣе слѣдуютъ указанія „такъ мыслящимъ журналамъ“, на примѣръ г-жи Франкъ, жены „знаменитаго въ Европѣ молодого доктора“, которая „содержала своими концертами цѣлый клиническій Институтъ Виленскаго университета и сей поступокъ доведенъ даже до свѣдѣнія начальства и принятъ съ отмѣнной признательностью“. Въ заключеніе авторъ прибѣгаетъ, въ защиту Каменской, къ высшему аргументу: „И чѣмъ даже мы—спрашиваетъ онъ—можемъ облагородствовать искусства наши, для коихъ при воспитаніи дѣвицъ употребляется теперь столько времени и издер-

[1]) „Укр. В.“, 1816 г., мартъ.

жекъ, какъ не обращеніемъ сихъ искусствъ на дѣла общеполезныя, благотворныя?“

Выставляя на видъ отсутствіе самонадѣянности и тщеславія въ женщинахъ, печатавшихъ свои произведенія или вообще принимавшихъ какое-либо участіе въ общественной жизни, ихъ покровители имѣли цѣлію оградить ихъ отъ слишкомъ строгой критики. Съ другой стороны это позволяло болѣе требовательнымъ рецензентамъ вѣжливо отклонять отъ себя долгъ сказать правду о плохихъ женскихъ сочиненіяхъ. Этимъ пользовался Полевой. Говоря о сочиненіяхъ одной писательницы, объяснившей въ предисловіи, что она издаетъ ихъ „не для того, чтобы снискать славу или имя писательницы, но съ самой благородною цѣлью — въ пользу матери своей“, Полевой ограничивается короткимъ отзывомъ, сказавъ: „для чувствительныхъ душъ довольно сей причины; никто не будетъ взыскивать недостатковъ въ ея сочиненіяхъ и упрекать въ тщеславіи и самонадѣянности“ [1]).

По поводу элегіи одной поэтессы „на смерть супруга и болѣзнь сестры“ Макаровъ, находя элегію слишкомъ длинною, спѣшитъ прибавить: „впрочемъ, какое пространство ограничитъ горесть неутѣшной супруги?“ [2]) Вообще, посвященіе мужу литературнаго произведенія женщины, къ концу двадцатыхъ годовъ, считалось смягчающимъ обстоятельствомъ для автора; этого было довольно, чтобы не судить его строго. Къ этому времени только одинъ „Дамскій Журналъ“ продолжалъ старыя традиціи. Помѣстивъ въ 1830 году статью Маргариты Спиридоновой: „Историческое преданіе объ основаніи Москвы“, издатель замѣтилъ въ выноскѣ: „юная любезная Сочинительница тѣмъ болѣе имѣетъ право на благодарность издателя, что подаетъ юнымъ читательницамъ его журнала прекрасный примѣръ упражненіемъ въ Исторіи“ [3]).

Самый лучшій журналъ конца первой трети нашего вѣка, „Московскій Телеграфъ“ Полевого, относившійся къ женщинамъ и ихъ литературнымъ произведеніямъ серьезнѣе другихъ, благодаря авторовъ за каждую почти помѣщенную въ журналѣ статью и поощряя ихъ, все же болѣе всего цѣнилъ въ женскихъ произведеніяхъ „пламенныя чувства“ и нравственныя побужденія. Даже хваля нѣкоторыя изъ стихотвореній поэтессъ, онъ замѣчалъ, что эти сочиненія „не должно подвергать суду разсудка холоднаго, а надо читать сердцемъ; тогда критика пока-

---

[1]) „Московскій Телеграфъ“ 1826 г. Ч. 12.

[2]) „Д. Ж.“ 1830 г., іюнь.

[3]) „Дам. Журн.“ 1830 г., октябрь.

жется вамъ несообразною привязчивостью" [1]). При оцѣнкѣ „Піитическихъ опытовъ" Елизаветы Кульманъ, изданныхъ въ 1833 году Россійскою Академіею „въ пользу ея семейства, очень бѣднаго", критикъ „Московскаго Телеграфа" руководствовался тѣмъ, что „въ нашъ вѣкъ убійственнаго эгоизма, даже намѣренія и порывы благородные, чистые, поэтическіе, стали такою рѣдкостью, что въ этомъ отношеніи нельзя читать безъ сильнаго чувства „Опыты" Кульманъ... Не всякій созданъ быть поэтомъ,—прибавляетъ онъ—но кто не отдастъ справедливости порывамъ души поэтической?" Впрочемъ „Московскій Телеграфъ" всегда привѣтствовалъ дѣйствительно хорошее произведеніе женщины и сожалѣлъ, что женщина-авторъ сдѣлалась явленіемъ рѣдкимъ.

Вопросъ о женскомъ образованіи обсуждался и въ оффиціальныхъ рѣчахъ, произносившихся профессорами при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. На публичномъ собраніи въ харьковскомъ университетѣ 1810 года, адъюнктъ по каѳедрѣ французской словесности, Паки-де Савиньи, произнесъ рѣчь „объ усовершенствованіи, пріобрѣтаемомъ черезъ упражненіе въ словесныхъ наукахъ молодыми людьми обоего пола" [2]). Указавъ на то, что изящныя науки „препровождаютъ прямо къ истинной славѣ, къ достоинствамъ, почестямъ и выгодамъ, споспѣшествуютъ благосостоянію общества и семействъ, образуютъ сердце для добродѣтели, украшаютъ и обогащаютъ разумъ, умягчаютъ нравы мужчинъ, усовершаютъ врожденную разборчивость женщинъ, наконецъ усыпаютъ цвѣтами удовольствій путь жизни человѣческой", Паки дѣлаетъ такое различіе между науками, нужными мужчинѣ, и тѣми, какія требуются отъ женщины въ силу вліянія ея въ обществѣ и семьѣ. „Свѣдѣнія обширнѣйшія,—говоритъ онъ—глубокія, основанныя на точныхъ сужденіяхъ, нужны мужчинѣ. Пріятности, благопристойность, скромность, тихость нрава, кротость, разборчивость во всемъ добромъ, изящность, благоприличность, словомъ—пріятныя знанія съ хорошимъ разсудкомъ приличествуютъ женщинѣ". Въ условія хорошаго воспитанія женщинъ, кромѣ обученія пріятнымъ искусствамъ, танцамъ и музыкѣ, способствующимъ къ украшенію жизни, должно входить, по мнѣнію Паки, „обученіе и нѣкоторымъ наукамъ, знанію правилъ своего языка и словесности, географіи и исторіи по крайней мѣрѣ своего отечества, ариѳме-

[1]) Ч. 52, 53. Стихотворенія Надежды Тепловой.—Піитическіе опыты Елизаветы Кульманъ.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1812 г., февраль. Рѣчь Паки-де-Савиньи произнесена по-французски. „Переводъ ея—сказано въ „В. Европы", сдѣлалъ одинъ изъ прилежнѣйшихъ его воспитанниковъ, г. Богдановъ".

тики, миѳологіи и достаточнаго разумѣнія какого-нибудь иностраннаго языка, особливо же французскаго, который сдѣлался весьма нужнымъ для всякой благородной женщины въ нынѣшнемъ вѣкѣ". Въ заключеніе, Паки говоритъ: „Скажутъ: не смѣются ли надъ ученостью женщинъ? и не лучше ли желать находить въ нихъ добродѣтели подъ охраненіемъ счастливаго невѣдѣнія и пріятнаго бездѣйствія?.. Оставимъ черни судить о знаніи по своимъ предразсудкамъ... Добродѣтель не есть даръ природы, а даръ науки". Въ такомъ же духѣ говорилъ въ 1816 году и ректоръ с.-петербургскаго университета французъ де-Гуровъ [1]).

Высказывавшійся въ этихъ рѣчахъ взглядъ на характеръ нужнаго женщинамъ образованія ничѣмъ не отличался отъ того, какой высказывался въ литературѣ. Въ первой четверти нашего вѣка элементъ эстетическій и въ мужскомъ образованіи преобладалъ надъ умственнымъ. Въ изящныхъ наукахъ, т.-е. словесности, видѣли высшую науку въ смыслѣ образованія сердца и обогащенія ума, при томъ науку легкую, пріятную и доступную для каждаго. Въ объявленіи 1813 года объ открытіи частнаго мужского пансіона, о словесности даже сказано, что „она-то и есть самый умъ, исходящій изъ устъ и воплощающійся въ словахъ" [2]).

Впрочемъ наше ученое сословіе съ самаго начала XIX вѣка относилось къ женскому образованію безъ предразсудковъ и—въ лицѣ московскаго университета—продолжало традиціи Екатерининскаго времени. Устраивая публичныя лекціи, московскій университетъ приглашалъ на нихъ не только любителей, но и любительницъ. Такія лекціи читались въ 1804 году профессорами: Политковскимъ—по натуральной исторіи, Страховымъ—опытной физики, Геймомъ—коммерческихъ наукъ и Шлецеромъ (на нѣмецкомъ языкѣ)—исторіи европейскихъ государствъ. Въ обращеніи университета къ „почтеннѣйшимъ любителямъ и любительницамъ наукъ" приглашались „кому только угодно будетъ" присылать на лекціи своихъ *дѣтей*, лишь бы они имѣли предварительныя познанія, нужныя къ слушанію лекцій. При этомъ родителямъ разрѣшалось даже самимъ сопровождать своихъ дѣтей на лекціи или посылать съ ними наставниковъ и выражалось желаніе, чтобы всякій, начавшій слушать лекціи, кончилъ весь курсъ, который профессора будутъ читать „въ самомъ удобномъ, краткомъ и

---

[1]) „Моск. Тел." Ч. 9-я, 1826 г. Рѣчь о дѣйствіи просвѣщенія на состояніе народовъ, произнесенная на торжественномъ собраніи Имп. С.-Пет. унив. ректоромъ его, стат. сов. и кавал. де-Гуровымъ 20-го мая 1816 г.

[2]) „Вѣстн. Европы" 1813 г.

ясномъ обозрѣніи" [1]). Можетъ быть, ни одно женское имя не было внесено въ „нарочно приготовленную книгу", въ которую университетъ приглашалъ родителей заносить имена своихъ дѣтей, желающихъ прослушать весь курсъ; но это уже не зависѣло отъ университета.

На отдѣльныя лекціи, напримѣръ профессора Страхова по опытной физикѣ, а также читавшіяся въ 1807 году лекціи профессора Буле по исторіи, археологіи и изящнымъ искусствамъ, дамы ходили, также какъ и на лекціи профессора Мерзлякова о русской словесности, читанныя въ 1812—1816 годахъ. Въ 1823 году было даже десять дамъ, изъ общаго числа 30-ти слушателей, на лекціяхъ академика Шерера, который читалъ на нѣмецкомъ языкѣ курсы „физико-химическій и минералогическій", а „физико-химическій съ технологическимъ примѣненіемъ"—на русскомъ. Эти лекціи были платныя—по 100 рублей за полный курсъ [2]).

Сами женщины не оставались пассивными при обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи. Имъ преимущественно принадлежатъ переводы съ иностранныхъ языковъ (большею частью съ французскаго) статей, касавшихся предмета. Онѣ высказывались и самостоятельно.

Кромѣ приведеннаго уже письма провинціальной дамы къ издателю „Сѣвернаго Вѣстника", была напечатана въ „Аглаѣ" статья Екатерины Пучковой „о женщинахъ" [3]), перепечатанная нѣсколько позже въ „Вѣстникѣ Европы" [4]). Статья написана по поводу рѣчи „о вліяніи женщинъ на изящныя искусства", произнесенной Воейковымъ на литературной бесѣдѣ у княгини Волконской, въ Рязани. Въ формѣ разговора между „Ипполитомъ" и „Всемилой" эта статья представляетъ нѣчто въ родѣ протеста противъ мнѣнія о неравноправности въ умственномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ. Ипполитъ нападаетъ на женщинъ, упрекая ихъ между прочимъ въ томъ, что онѣ управляютъ мужчинами, которые отъ этого порочны; онъ сомнѣвается, чтобы женщины могли образовать вкусъ общества. „И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусомъ? — спрашиваетъ онъ...— Обыкновенныя женщины скучны, просты, сварливы а „сіи" притворны, хитры, мстительны. Вотъ плоды просвѣщенія!" заключаетъ Ипполитъ. Всемила возражаетъ ему съ удивительною кро-

---

[1]) Начертаніе о новоучреждаемомъ при Имп. моск. унив. преподаваніи нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ для почтенной московской публики (Період. соч. 1804).

[2]) „Отеч. Записки", издаваемыя Павломъ Свиньинымъ. 1823 г. Ч. 16.

[3]) „Аглая". 1810 г. Ч. X.

[4]) „В. Европы", 1812 г., май. Изъ первыхъ опытовъ въ прозѣ. Соч. Ек. Пучковой.

тостью и скромностью, признается, что имѣетъ „весьма ограниченныя познанія въ словесности, не философка и не ученая", объясняетъ, почему женщины любятъ вздохи и слезы, въ чемъ упрекнулъ ихъ Ипполитъ: „онѣ ищутъ при чтеніи вымышленныхъ страданій,—говоритъ Всемила—потому что главная ихъ добродѣтель—сострадание". Но вмѣстѣ съ тѣмъ она высказываетъ и такую мысль, что если мужчины обладаютъ твердостью духа и другими качествами, то это потому, что ихъ разумъ обогащаютъ познаніями, „а у насъ—прибавляетъ Всемила—отнимаютъ всѣ способы къ пріобрѣтенію свѣдѣній; можно сказать, что съ первою волею, съ первою каплею молока, поселяютъ въ насъ обо всемъ ложныя понятія и притворство... Напрасно вы зовете насъ—говоритъ она—хитрыми и притворными; рабы и люди угнетенные по неволѣ дѣлаются хитрецами и притворщиками" [1]).

На обвиненіе въ литературѣ женщинъ въ томъ, что онѣ не читаютъ русскихъ книгъ, возражала Шумлянская въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" [2]). „У насъ нѣтъ такихъ книгъ,—говоритъ она—изъ которыхъ можно бы научиться тонкостямъ русскаго языка... Мужъ, которому нѣкогда и который иногда не хочетъ по происхожденію своему заняться образованіемъ вкуса, покупаетъ у разнощиковъ за дорогую цѣну рѣдкости и ставитъ ихъ на полочки въ своихъ шкафахъ.. Жена, которая по большей части разборчивѣе другой своей половины, находитъ книгу, смотритъ заглавіе, перевертываетъ страницу, читаетъ нѣсколько строкъ и, вышедши изъ терпѣнія, бросаетъ. Она берется за другую, третью и т. д... Чтожъ ей дѣлать? Она отдыхаетъ на какомъ-нибудь порядочно переведенномъ романѣ; хорошій французскій, рѣдко, рѣдко нѣмецкій, успокаиваетъ ее; наконецъ при чтеніи нѣсколькихъ лучшихъ піэсокъ русскихъ она мирится съ нашею Словесностью... Но —прибавляетъ Шумлянская—ей негдѣ найти сильный, выразительный и краткій языкъ... Исторіи наши, въ которыхъ читатель и читательница могли бы почерпнуть столько сокровищъ для своего языка, написаны не такъ, чтобы могли льстить слуху и очаровывать его"... Ее не удовлетворяетъ и наша лирика, которую однако авторъ находитъ прекрасною. „Гдѣ-жъ у насъ—спрашиваетъ она въ заключеніе—языкъ простой, натуральный, не богословскій, не юридическій, не лирическій. Гдѣ языкъ сердца?"...

Это было написано въ 1816 году; тогда Карамзинъ только-

[1]) Печатая эту статью, издатель „Аглаи" благодарилъ „съ живѣйшимъ удовольствіемъ сердца любезную, достойную защитницу своего пола за прекрасное наставленіе нашему".

[2]) „Укр. В.", 1816 г., февраль.

что началъ печатать свою Исторію и хотя у насъ была уже оригинальная литература, но она большею частью состояла изъ такихъ произведеній, которыя Шумлянская подводитъ, по видимому, подъ рубрику лирики.

Въ 1802 году Карамзинъ, говоря о томъ, что вкусъ къ литературѣ вошелъ у насъ въ моду и что „по всѣмъ угламъ рапсоды продаютъ книги сельскимъ дворянамъ“ [1]), писалъ: „молодой свѣтскій человѣкъ желаетъ имѣть знанія, чтобы говорить съ пріятностію въ обществѣ и даже при случаѣ философствовать, а нѣжное сердце милыхъ красавицъ находитъ въ книгахъ ту чувствительность, тѣ приливы страсти, которыхъ напрасно ищутъ въ обожателяхъ; матери читаютъ, чтобы исполнить тѣмъ лучше священный долгъ свой“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1815 году, если вѣрить тому же „Вѣстнику Европы“, во многихъ домахъ можно было найти только три книги: календарь въ спальнѣ у отца или матери, сонникъ— въ углу у барышни, „Кумъ Матвѣй“—за перегородкой у сына [2]).

Но еще около 1812 года у насъ стало проявляться сочувствіе къ русской литературѣ; возникли литературныя общества: „Бесѣда любителей русскаго слова“ (1811 года), „Арзамасъ“ (1815 года), были дружескіе литературные кружки; наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ, явились Пушкинъ, Грибоѣдовъ, которые читались всѣми образованными людьми. Ихъ читали и женщины. Слова Пушкина въ 1823 году: „чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ“,—къ чему онъ прибавилъ; „да и жалѣть не о чемъ“ [3]),—были справедливы развѣ по отношенію къ женщинамъ высшихъ классовъ, которыхъ Пушкинъ, какъ и всѣ писатели первой четверти нашего вѣка, преимущественно имѣлъ въ виду. Даже въ 1830 году Загоскинъ въ романѣ „Юрій Милославскій“ упрекалъ женщинъ въ томъ, что онѣ не читаютъ русскихъ книгъ и плохо говорятъ по-русски. Одна высокопоставленная дама отвѣчала въ „Современникѣ“ Пушкина Загоскину, что его упрекъ не заслуженъ и что „автору „Юрія Милославскаго“ грѣхъ повторять пошлыя обвиненія... Мы всѣ прочли его—говоритъ она—и кажется одной изъ насъ онъ обя-

---

[1]) „В. Европы“, 1802 г., № 1.

[2]) „Кумъ Матвѣй или превратности человѣческаго ума“. Москва. 1801 г. Это сочиненіе, въ родѣ „Жильблаза“, было переведено съ французскаго и одобрено директоромъ народныхъ училищъ; московскій гражданскій губернаторъ Аршеневскій долженъ былъ оправдываться передъ московскимъ военнымъ губернаторомъ гр. Салтыковымъ въ томъ, что разрѣшилъ ея изданіе (Арх. кн. Воронцова. Т. 20).

[3]) Письмо къ Дельвигу 1823 г.

занъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ... Мы и рады бы читать по-русски, — говоритъ авторъ, разумѣя очевидно лишь людей своего круга — да нечего. Одними стихами довольствоваться нельзя, въ прозѣ есть только Исторія Карамзина, и переводовъ даже мало. Мы принуждены извѣстія и понятія черпать изъ иностранныхъ книгъ; поэтому — прибавляетъ она—мы и мыслимъ на языкѣ иностранномъ". Авторъ увѣряетъ, что такъ дѣлаютъ и всѣ извѣстные литераторы и образованные люди [1]).

Въ среднемъ кругу женщины, конечно говоря о меньшинствѣ, какъ это было вообще относительно людей читающихъ, не только читали по-русски, но упомянутая уже Пучкова убѣждала ихъ еще въ 1809 году читать и славянскія книги [2]).

Пучкова участвовала въ одномъ изъ частныхъ литературныхъ кружковъ, о которомъ В. Козловъ писалъ кн. Шаликову въ 1819 году. „У насъ завелось занятіе или лучше сказать увеселеніе; мы пишемъ другъ другу записки на славянскомъ языкѣ. Нѣкоторыя выраженія сдѣлались общими въ домахъ, гдѣ мы бываемъ". Между другими, Козловъ приводитъ слова, которыми они замѣнили прежнія: трапеза, вечерять, притещи (придти), сонмище (общество). Въ числѣ членовъ этого кружка онъ называетъ графа Хвостова, моряка Синявина, морехода Крузенштерна и московскаго комика Ильина, который—говоритъ онъ—написалъ комедію „Монастырка" и читалъ въ кружкѣ. Изъ женщинъ были двѣ: Пучкова и Ребиндеръ [3]).

Судя по отрывочнымъ извѣстіямъ, встрѣчающимся въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ, литературныя общества съ участіемъ женщинъ были и въ другихъ домахъ. Одно изъ нихъ собиралось, въ началѣ нашего столѣтія, въ Рязани у жены генералъ-лейтенанта, княгини Е. А. Волконской. Тамъ Воейковъ читалъ свою рѣчь „о вліяніи женщинъ на изящныя искусства", въ которой, ссылаясь на примѣръ француженокъ, убѣждалъ русскихъ женщинъ заниматься русскимъ языкомъ и словесностью, учить мужчинъ языку и вкусу [4]). Вигель упоминаетъ о петербургскомъ салонѣ А. П. Хвостовой, автора „Камина и Ручейка" [5]).

---

[1]) „Современникъ", 1836 г. Т. 3.

[2]) „Аглая", 1809 г. Ч. VIII, октябрь.

[3]) Письма В. И. Козлова къ К. П. И. Шаликову. 29 іюля 1819 г. („Дам. Журн." 1830, мартъ).

[4]) „В. Европы", 1810 г.

[5]) *Вигель*. Ч. I, 233.—О Хвостовой, см.: *Е. Лихачева*, Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи 1086—1796, стр. 269.

У нея, по словамъ Вигеля, великосвѣтскіе авторы читали въ 1806 году свои сочиненія; на этихъ вечерахъ читались и русскія произведенія, въ томъ числѣ стихотворенія А. Буниной [1]). Въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ было нѣсколько литературныхъ кружковъ, между которыми болѣе извѣстны собиравшіеся въ домѣ Оленина, также Пономарева; послѣдній собирался подъ предсѣдательствомъ С. Д. Пономаревой [2]). Въ самомъ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ славился кружокъ, въ которомъ участвовали литераторы и ученые и который собирался въ домѣ Елагиной (по первому браку Кирѣевской). Хозяйка, отличавшаяся, по словамъ ее знавшихъ, умомъ и начитанностью, впослѣдствіи пользовалась извѣстностью, какъ писательница.

Измайловъ писалъ Дмитріеву, что надѣется найти въ своей дочери, воспитывавшейся въ Патріотическомъ институтѣ, помощницу въ литературныхъ трудахъ [3]).

Вообще литературное образованіе женщинъ къ концу первой трети нашего вѣка замѣтно распространялось и въ среднемъ кругу, а рядомъ съ этимъ, и даже можетъ быть вслѣдствіе того, что къ этому времени женщины средняго круга преимущественно выступали въ литературѣ, въ высшихъ кругахъ стали несочувственно относиться къ авторству женщинъ, всего болѣе опасаясь обвиненій въ педантствѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ дочери, употребившей въ своемъ письмѣ фразу: „ничто не мѣшаетъ желать намъ событія того, что имѣемъ въ виду“, Нелединскій-Мелецкій писалъ въ 1817 году: „Сохрани Богъ, коли употребишь слово *событіе*, писавши къ женщинѣ! Назовутъ тебя педанткой“ [4]).

Сперанскій, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за образованіемъ дочери и просматривавшій ея сочиненія, былъ противъ авторства женщинъ, и по весьма страннымъ мотивамъ. „Трудно, любезная моя Елисавета,—писалъ онъ ей въ 1820 году—опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ m-me Staël сидящею за большимъ бюро и за кипою бумагъ. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, которое изъяснить трудно, но нельзя его не чувствовать. Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть быть m-me Sévigné; это ихъ родъ, nec plus ultra женскаго генія; изрѣдка можно написать и пѣсенку и стишки; но все не

---

[1]) Записки Жихарева, 1807 г., мартъ.

[2]) „Современникъ“, 1850 г.

[3]) Письмо 15-го апр. 1826 г. („Р. Арх.“ 1871 г., 7 и 8).

[4]) Хроника недавней старины.

болѣе одного полулиста“ [1]). Онъ одобрялъ занятія дочери музыкою и танцами, хотя относительно первой былъ того мнѣнія, что женщина должна „забавляться и забавлять музыкой, но не дѣлать изъ нея ремесла“.

Поэты двадцатыхъ годовъ воспѣвали женщинъ и посвящали имъ свои произведенія; но когда, въ 1823 году, князь Шаликовъ основалъ особый, имъ посвященный, „Дамскій Журналъ“, на него напали всѣ тогдашніе журналы. Въ объявленіи о „Дамскомъ Журналѣ“ было сказано, что онъ основывается „по желанію нѣкоторыхъ читателей а особливо читательницъ“, и что главная его цѣль будетъ состоять въ томъ, чтобы „замѣнить дорого стоющую выписку подобныхъ журналовъ изъ-за границы и чрезъ то большему числу любезныхъ соотечественницъ доставить удовольствіе знать новѣйшія изобрѣтенія Моды въ истинной ея столицѣ — Парижѣ; а сверхъ того по возможности угодить нѣжному полу хотя минутнымъ, но пріятнымъ чтеніемъ“. Обращаясь къ дамамъ, издатель говорилъ, что „почтетъ себя счастливымъ, если будетъ удостоенъ и отъ любезныхъ писательницъ нашихъ лестнымъ порученіемъ помѣщать въ „Дамскомъ Журналѣ“ произведенія нѣжнаго пера ихъ“. За поднесеніе въ 1824 году журнала Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, она подарила издателю брилліантовый перстень.

„Дамскій Журналъ“ издавался десять лѣтъ; въ немъ помѣщались переводныя повѣсти, преимущественно г-жи де Жанлисъ, много статей о женщинахъ и къ женщинамъ, стихи самого издателя по разнымъ случайнымъ поводамъ: „къ молодой дамѣ, которая спрашиваетъ меня въ какомъ родѣ я пишу“ или „поднесшей мнѣ цвѣты“, или той, которая „получивъ отъ меня экземпляръ журнала, хотѣла непремѣнно подписаться на него“ [2]). Печатались также біографіи западныхъ и русскихъ женщинъ; въ 1827 году „по образцу иностранныхъ списковъ“ былъ напечатанъ дамскій Адресъ-календарь на 1827 годъ [3]). Въ числѣ помѣщенныхъ въ немъ именъ „ученыхъ дамъ и дѣвицъ, споспѣшествовательницъ образованности, благотворительницъ, придворныхъ“, по спискамъ 1826 года „ученыхъ россійскаго Общества“, почетнымъ членомъ „Общества исторіи и древностей россійскихъ“ значилась княгиня З. Ал. Волконская (дочь министра); въ числѣ почетныхъ членовъ Вольнаго Общества Императорской Академіи художествъ — г-жа Лебренъ. Бывшія членами Бесѣды Любителей

[1]) Письмо отъ 27-го ноября 1820 г.

[2]) Эти стихи были посвящены Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

[3]) „Дамск. Журн.“ 1827 г., августъ.

россійскаго слова и С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей россійскаго слова—А. П. Бунина, А. Волкова и Е. Пучкова [1]). Для продолженія этого списка „Дамскій Журналъ“ просилъ самихъ женщинъ доставлять ему свѣдѣнія о себѣ. Можетъ быть, эти свѣдѣнія и послужили Макарову при составленіи имъ „Матеріаловъ для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ“, напечатанныхъ въ журналѣ 1830 — 1831 годовъ. Въ одномъ изъ нумеровъ „Дамскаго Журнала“ напечатана статья женщины-автора подъ заглавіемъ: „Чувства и мысли при чтеніи ручной книжки“ [2]). Эта книжка, подъ названіямъ „Ѳемида, о правахъ женщинъ въ Россіи“, была издана, по словамъ „Дамскаго Журнала“, по мысли попечителя московскаго учебнаго округа, Писарева, и представляла собою выборки изъ свода законовъ статей, касающихся женщинъ.

Но воскресить времена первыхъ годовъ нашей литературы было уже нельзя. Съ выходомъ первой же книжки „Дамскаго Журнала“, „Вѣстникъ Европы“ напалъ на него съ серьезными обвиненіями въ томъ, что онъ распространяетъ „роскошную суетность“, поддерживаетъ привычку подражать иностранцамъ, а въ этомъ „Вѣстникъ Европы“ видѣлъ одну изъ причинъ цѣлаго ряда семейныхъ несчастій, которыя, по его словамъ, часто происходятъ отъ „невиннаго желанія имѣть токъ или блонду“. Авторъ статьи изобразилъ при этомъ цѣлую картину женской свѣтской жизни. „Убивъ—говоритъ онъ—всю молодость котильонами, суета такой женщины въ лѣтахъ зрѣлыхъ приноситъ въ семейство пустоту въ головѣ и сердцѣ... всякія занятія, кромѣ свѣтскихъ, кажутся ей отвратительными... въ старости, когда розовыя уста ужъ не украшаютъ выходящаго изъ нихъ вздора — положеніе такой женщины дѣлается ужаснымъ“. Она молодится „истощаетъ все свое имѣніе, передаетъ въ наслѣдство дѣтямъ одну суетность, дѣлается ужасомъ семейства и въ награду за столь сильное желаніе нравиться получаетъ одно презрѣніе“. Такая женщина въ семьяхъ съ небольшимъ достаткомъ становится еще ужаснѣе. Въ заключеніе „Вѣстникъ Европы“ приходитъ къ тому, что „сколь благородно хотя чѣмъ-либо способствовать исправленію нравовъ, распространенію свѣдѣній полезныхъ, столь не похвально хотя и *малымъ чѣмъ* участвовать въ противномъ“ [3]).

О литературной части „Дамскаго Журнала“ „Вѣстникъ Европы“

---

[1]) Въ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ Н. Греча (1822 г.) помѣщена и кн. Урусова, какъ почетный членъ „Бесѣды“.

[2]) „Дамск. Журн.“ 1827 г., сентябрь.

[3]) „В. Е.“ 1823 г., № 5.

отозвался также съ порицаніемъ. „Какъ рука ваша не дрогнула— обращается онъ къ издателю—переводить изъ Journal des Dames? такіе переводы были хороши въ тѣ времена, когда мы охали и вздыхали подъ тѣнію кусточковъ, при нѣжномъ запахѣ фіалки и прислушивались къ унылому стуку кузнечика“.

Въ защиту издателя „Дамскаго Журнала“ выступила г-жа П. В—ва, которая въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества“ прямо объявила, что вступается за „Автора, который ея полу посвятилъ труды свои и теперь претерпѣваетъ строгое и несправедливое нападеніе“. Въ обвиненіяхъ „Вѣстника Европы“ она видитъ „натяжки и желаніе огорчить новаго Журналиста“. Она согласна съ тѣмъ, что излишняя страсть къ нарядамъ вредна, но спрашиваетъ: „въ чемъ излишество не вредно?“ Страсть нравиться авторъ не только считаетъ врожденною и „въ надлежащихъ предѣлахъ“ простительною, но даже „похвальнымъ свойствомъ всякой женщины“. Что касается модныхъ журналовъ, то они даже способствуютъ экономіи, „ибо—говоритъ П. В—ва—по картинкѣ я сама могу сшить платье“. Она находитъ весьма естественнымъ печатаніе въ „Дамскомъ Журналѣ“ переводовъ изъ „Journal des Dames“. „Неужели—спрашиваетъ она—помѣщать статьи изъ Journal des Savants, изъ Іенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей?“ Не защищая бывшую прежде въ модѣ „приторную чувствительность“, она признаетъ, однако, вреднымъ только ея излишества. „Выиграли ли мы—спрашиваетъ она—отъ того, что эта чувствительность теперь рушилась?.. Теперь явилась другая крайность“. Проводя параллель между прежними и современными ему нравами, авторъ говоритъ: „молодые люди не опрыскиваются духами, но окружаютъ себя вмѣсто того облакомъ сигарнаго дыма; прежде они едва касались полу въ легонькихъ башмачкахъ, а нынѣ стучатъ подкованными каблуками огромныхъ сапоговъ. Бывало дамы изрѣдка признавались, что съ удовольствіемъ читали Повѣсти и Письма Карамзина, Сказки и Басни Дмитріева; нынѣ женщины и дѣвицы, молодыя и старыя, судятъ и рядятъ о Словесности, толкуютъ объ экзаметрахъ, о спондеяхъ, ссылаются на Горація, котораго и въ переводѣ не читали, подписываютъ приговоры новымъ театральнымъ піесамъ и объявляютъ себя если не начальницами, то приверженцами той или другой школы“. Авторъ того мнѣнія, что если въ „Дамскомъ Журналѣ“ будутъ помѣщаемы „пьесы занимательныя содержаніемъ и слогомъ, хорошія повѣсти, любопытные анекдоты, пріятные стихи и—говоритъ она—для чего не прибавить?—интересныя для женщинъ извѣстія о модахъ, то онъ принесетъ и пользу и удовольствіе... Предоставляя мужьямъ нашимъ—заклю-

чаетъ авторъ — ученыя разысканія и важныя статьи по части любомудрія, мы съ благодарностью будемъ читать то, что для насъ не слишкомъ высоко и учено". Кстати отвѣчая и Пушкину, письмо котораго о томъ, что женщины ничего не читаютъ, было помѣщено тогда въ „Полярной Звѣздѣ", В—ва говоритъ: „но что намъ читать? Неужели однѣ шарады? Дайте намъ пищу въ отечественной литературѣ и мы откажемся отъ иностранной" [1]).

Пища въ отечественной литературѣ тогда уже была и именно такая, какой желалъ авторъ приведеннаго письма. Въ двадцатыхъ годахъ, и даже нѣсколько раньше, издавались Альманахи, сборники, журналы, наполнявшіеся именно такими произведеніями (за исключеніемъ хорошихъ повѣстей, которыхъ не было), какія, по мнѣнію г-жи В—вой, могли удовлетворять вкусу женщинъ. Начавшійся издаваться въ 1818 году журналъ А. Измайлова, „Благонамѣренный", былъ посвященъ „Друзьямъ, сотрудникамъ, любительницамъ и любителямъ отечественной словесности". Но содержаніе журналовъ было таково, что Полевой, въ первой же книжкѣ основаннаго имъ въ 1825 году „Московскаго Телеграфа", признался, что ему стыдно бывало читать журналы, особенно для женщинъ назначаемые" [2]).

„Неужели—спрашиваетъ онъ—милая, умная женщина (а кто же не предполагаетъ, что онѣ всѣ умны и милы?) не возвышается понятіемъ далѣе водевильнаго куплета или водяного мадригала?" Но и Полевой желалъ, чтобы журналистъ говорилъ съ дамами не такъ, какъ говоритъ вообще съ читателемъ, а какимъ-то *ихъ* языкомъ, и даже пересказывалъ имъ о парижскихъ театрахъ и модахъ. Къ своему журналу Полевой также прилагалъ моды, съ объясненіями, оправдываясь тѣмъ, что читатель двадцатаго вѣка будетъ въ состояніи по нимъ судить о минувшемъ. Этотъ отдѣлъ журнала назывался: „Лѣтописи модъ".

Къ мысли о журналѣ для женщинъ, и вообще о чтеніи для нихъ, Полевой возвращался нѣсколько разъ. Въ общемъ, его взгляды на предметъ сходились съ взглядами г-жи П. В—ой. „Никто не велитъ — говорилъ онъ въ 1827 году — подчивать милыхъ читательницъ историко-статистическо-Археологическими статьями; но для чего думать, что дамы не прочитаютъ съ удовольствіемъ хорошо написанной повѣсти, изящнаго стихотворенія, не поблагодарятъ издателя за шутку, за анекдотъ умно разсказанный, не взглянутъ на разборъ романа, на извлеченіе изъ

---

[1]) „Сынъ Отечества". Историческій, политическій и литературный журналъ, издаваемый Николаемъ Гречемъ. С.-Пет. 1823 г. Ч. 85. Антикритика.

[2]) „Моск. Тел." 1825 г. Ч. 1. Письмо издателя къ NN.

него?" Такая программа удовлетворила бы, по мнѣнію Полевого, и читателя вообще, а потому Полевой приходитъ къ заключенію: „словомъ,—говоритъ онъ—для чего, вмѣсто *дамскаго* журнала, не издавать просто *литературнаго* изящнаго журнала?" [1]).

Негодуя на пренебреженіе, съ какимъ тогда (въ 1825 г.) относилась къ русской литературѣ публика вообще, и въ особенности женщины, Полевой говоритъ: „пока русская публика будетъ чуждаться русскаго чтенія, пока званіе ученаго будетъ пугать свѣтскія общества, пока большой свѣтъ не сблизится съ русскимъ языкомъ, не будетъ радоваться усиліямъ, успѣхамъ нашимъ въ словесности, наукахъ и художествахъ, до того времени мы не уравняемся съ другими народами и всегда отстанемъ отъ нихъ" [2]). Обращаясь къ женщинамъ, онъ говоритъ: „посмотрите, милыя читательницы, посмотрите на ваши собранія, гдѣ французскія фразы леденѣютъ въ стужѣ большого свѣта, гдѣ скука бьетъ въ тактъ зѣванью; если вы не вѣрите, прочитайте то, что говорятъ о вашихъ обществахъ умные французы, нѣмцы, англичане... Согласитесь, что знакомство съ русскою ученостью необходимо для изгнанія скуки, холода и жалкаго commérage ennobli par les grands noms qu'on prononce, mais qui a pourtant le même fond que celui des gens du peuple"... По его увѣренію, въ обществахъ „малаго свѣта" ничего не читаютъ и скупятся на книги. Однако, онъ самъ сознается, что, „наслышавшись о Пушкинѣ въ большомъ свѣтѣ, куда этотъ малый свѣтъ иногда является, странная скупость малаго свѣта выдумала *списывать* Пушкина и „Кавказскій Плѣнникъ" ходитъ по рукамъ обезображенный ошибками всякаго рода".

Во всѣ тридцать-четыре года, считая отъ смерти Императрицы Екатерины до 1830 года включительно, женщинъ-писательницъ было не много. По словарю князя Голицына, общее ихъ число за это время было нѣсколько болѣе двухъ сотъ. Изъ нихъ всего болѣе поэтессъ (68) и переводчицъ (47). Но и въ это число писательницъ входятъ у князя Голицына пансіонскія сочиненія 12—14-тилѣтнихъ учениць. Къ послѣднимъ принадлежитъ „Плутархъ для прекраснаго пола", особую часть котораго составили, по словамъ Руссова, „молодыя Россіянки ученицы одного благоучрежденнаго заведенія, занимаясь словесностью", подъ заглавіемъ: „Галлерея Россіянокъ, упоминаемыхъ въ Исторіи по достоинствамъ" [3]).

Литературныя произведенія женщинъ этого времени носили характеръ сентиментальности, туманности, отличались цвѣтистымъ

[1]) „Моск. Тел." 1827 г. Ч. XV.

[2]) „Моск. Тел." 1825 г., февраль.

[3]) *Руссовъ*. Библіографическій каталогъ россійскихъ писательницъ. 1826 г.

слогомъ, были пересыпаны французскими словами, что, впрочемъ, было тогда въ модѣ.

Непосредственное участіе женщинъ въ литературѣ первой четверти нашего вѣка прошло безслѣдно для нея. Нѣкоторыя изъ ихъ произведеній въ свое время славились и читались даже на литературныхъ бесѣдахъ; но среди женскихъ произведеній не было ни одного крупнаго, сохранившагося для потомства.

Содѣйствовали ли женщины выработкѣ русскаго языка? — объ этомъ трудно судить; хотя нашъ языкъ началъ вырабатываться еще при Карамзинѣ, но главнымъ образомъ Пушкину и его школѣ всецѣло принадлежитъ эта заслуга.

Оправдали ли женщины ожиданія Карамзина въ отношеніи облагороженія вкусовъ и нравовъ современнаго имъ общества?— Доказать это фактами невозможно. Несомнѣнно, что сами женщины много выиграли, сдѣлавшись образованнѣе; но наши нравы были такъ еще грубы, что въ 1813 году одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени, князь, принадлежавшій къ свѣтскому обществу и весьма высоко ставившій правила общежитія, прибилъ жившую у него въ домѣ „барышню", приведя въ свое оправданіе лишь то, что онъ за картами „лютъ" [1]). Положимъ, единичный случай не можетъ имѣть общаго значенія, но у насъ есть свидѣтельства современниковъ, русскихъ и иностранныхъ, которые подтверждаютъ эту мысль.

Посѣтившая въ 1812 году Россію г-жа Сталь говоритъ о русскихъ, что они гостепріимны, но молчаливы, не умѣютъ и не любятъ разговаривать, а задаютъ лишь пиры [2]). Она разсказываетъ, что на обѣдѣ, данномъ ей однимъ титулованнымъ, высокопоставленнымъ лицомъ, разговоръ не вязался и оживился лишь тогда, когда она сказала двусмысленность, которой всѣ обрадовались. „Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ продолженіе трехъ часовъ"—прибавляетъ она.

Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому говоритъ: „Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича, передъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! Забавляй Гекторку (Датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику" [3]).

---

[1]) Кн. И. М. *Долгоруковъ*. Журналъ путешествія въ Нижній 1813 года, стр. 112.

[2]) Mémoires.

[3]) Письма А. С. Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому („Р. Арх." 1884 г., № 2). Письмо 1826 г., іюнь.

Сперанскій въ своихъ письмахъ къ дочери часто употребляетъ, въ смыслѣ ласкательнаго, выраженіе: „моя дура“, „моя милая дура“, „мои большія дуры“.

О нравахъ литературнаго міра, въ томъ же письмѣ къ князю Вяземскому, Пушкинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы знать, прочитавъ въ газетахъ о пріѣздѣ въ Петербургъ французскаго путешественника и поэта Ancelot, которому „30 словесниковъ“ давали обѣдъ, „кто эти безсмертные“ и проситъ князя „овладѣть Ancelot и не пускать его по кабакамъ отечественной словесности“. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи, Ancelot разсказалъ въ изданной имъ, въ 1827 году, книгѣ „Six mois en Russie“. Онъ нашелъ, что у насъ женщины образованнѣе мужчинъ, потому что многія изъ нихъ говорятъ на иностранныхъ языкахъ и знакомы съ литературою. Къ этому онъ добавляетъ, что „обширность познаній у русскихъ женщинъ, ихъ превосходство нравственное, объясняютъ, можетъ быть, причину одиночества, въ которомъ молодые люди оставляютъ женщинъ въ обществѣ и не желаютъ сближаться съ ними“.

По поводу этой книги издатель „Московскаго Телеграфа“ говоритъ, что онъ радъ тому, что иностранецъ гласно призналъ превосходство образованности женскаго пола надъ нашимъ въ Россіи... „Я всегда былъ этого мнѣнія—прибавляетъ онъ—и увѣренъ, что наши свѣтскія общества холодны и безжизненны отъ нашей братіи. Если просвѣщеніе нашихъ женщинъ и не утверждено на истинныхъ основаніяхъ, то по крайней мѣрѣ согласиться должно, что изящныя искусства, чтеніе иностранныхъ книгъ и отечественныхъ, сколько ихъ есть, входятъ въ число любимыхъ занятій новаго поколѣнія. И если молодыя дѣвицы, поступивъ въ званіе супруги, нерѣдко охлаждаются къ симъ просвѣщеннымъ вкусамъ, то по большей части виноваты мужья, которые нерѣдко не умѣютъ ни поддерживать, ни цѣнить благородныхъ склонностей подругъ своихъ...“ Такое сужденіе Полевой не ограничиваетъ столичными женщинами; напротивъ, говоря, что „довольно ѣздилъ по Россіи“, онъ вездѣ находилъ „безъ всякаго лицепріятія, что сумма, какова бы она ни была, мыслей, утонченныхъ чувствъ, образованности и свѣдѣній, перетянетъ всегда на сторонѣ женской“ [1]).

Эта оцѣнка женскаго образованія конца первой трети нашего вѣка, сдѣланная умнымъ и передовымъ человѣкомъ современнаго ему общества, какимъ былъ Полевой, вѣрна и справедлива. Пуш-

---

[1]) „М. Телеграфъ“, 1827 г. Ч. XV.

кинъ, съ такимъ пренебреженіемъ отозвавшійся въ 1823 году о читательницахъ, нѣсколько лѣтъ спустя „замышлялъ дѣйствовать посредствомъ своего журнала на русскихъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ несравненно болѣе, чѣмъ мужчинъ, признавая нашихъ женщинъ несравненно просвѣщеннѣе“ [1]).

Вообще, въ сужденіяхъ современниковъ разныхъ эпохъ нашей исторіи о женскомъ образованіи, къ формулѣ „хорошо воспитана“ для эпохи Петра,—„мила, любезна, весела“, къ чему иногда прибавлялось: „и образована“ — для времени Екатерины,— въ концѣ первой трети нашего вѣка прибавилась, уже не въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія, формула: „очень хорошо образована“. Примѣромъ такого, дѣйствительно очень хорошаго образованія можетъ служить графиня А. Блудова. Подъ руководствомъ просвѣщеннаго отца и при вліяніи лучшихъ въ умственномъ отношеніи людей своего времени, она получила серьезное образованіе: была хорошо знакома со всѣми европейскими литературами, занималась исторіею и русскою литературою, интересовалась философіею и принимала живое участіе во всѣхъ современныхъ ей общественныхъ и политическихъ вопросахъ.

---

[1]) *Князь П. П. Вяземскій.* А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. („Р. Арх.“ 1884 г., № 4).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1828—1856 гг.

I.

Поступленіе женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство Императрицы Александры Ѳедоровны. — Учрежденіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Завѣщаніе Императрицы Маріи.—Учрежденіе Маріинскаго знака отличія.—Измѣненіе порядка управленія женскими учебными заведеніями.—Увеличеніе числа ихъ.—Положеніе 1827 года.—Одесскій институтъ — Пожертвованіе Курта. — Сиротскіе институты.—Институты: кіевскій, тамбовскій, керченскій, астраханскій, владимірскій, казанскій, нижегородскій, саратовскій.—Пожертвованія Брехова и Кушникова.—Женскія учебныя заведенія въ западномъ краѣ. — Генеральная Визитаторка высшихъ учебныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ. — Образцовые пансіоны. — Институты: закавказскій, восточной Сибири, донской.—Первое женское учебное заведеніе въ Сибири.—Дѣвичьи училища: одесское, кіевское, оренбургское.—Тобольская школа. —Институты: могилевскій, орловскій. —Проектъ костромскаго „Романовскаго" института. — Пожертвованіе ярославскаго дворянства. — Частныя преобразованія по отдѣльнымъ заведеніямъ.—Дома Трудолюбія —Повышеніе должности начальницъ.—Комитетъ 1844 года.— Цѣль, поставленная государемъ женскому воспитанію. — Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Раздѣленіе заведеній на разряды.—Образцовыя кухни.—Введеніе гимнастики.—Учрежденіе главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.—Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.—Измѣненіе правилъ пріема, публичныхъ испытаній и наградъ воспитанницамъ при выпускахъ.—Учрежденіе должности почетныхъ попечительницъ.—Общій уставъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Обозрѣніе учрежденій съ 1828 по 1853 гг.—Число заведеній и учащихся.—Средства.—Пожертвованія. —Маріинскій институтъ.

Когда женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, послѣ ея смерти въ 1826 году, были приняты подъ покровительство Императрицы Александры Ѳедоровны, то устройствомъ институтовъ, патріотическаго и полтавскаго, занялся самъ императоръ Николай. Онъ собственноручно сдѣлалъ поправки и замѣчанія на проектъ По-

ложенія и штата 7-го апрѣля 1827 года для перваго изъ этихъ институтовъ [1]).

Два дня спустя послѣ кончины Императрицы Маріи, состоявшія и подъ ея покровительствомъ заведенія были приняты подъ „непосредственное и особое“ покровительство государя и императрицы.

Въ указѣ 26 октября 1828 года сказано: „желая, чтобы всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ Ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать, какъ доселѣ, на пользу государства и человѣчества, Мы признали за благо, для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить слѣдующій порядокъ: 1) Императорскій Воспитательный Домъ, со всѣми принадлежащими оному заведеніями, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Училища ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи Любезнѣйшей Родительницы Нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особое Наше покровительство. 2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учрежденій, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою, остаются прежнія, безъ всякаго измѣненія. 3) Начальства каждаго изъ сихъ учрежденій представляютъ Намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ долженствовали бы поступить на разсмотрѣніе въ Бозѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей. 4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія Нашихъ по онымъ повелѣній назначается при Насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ Статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи. Мы предоставляемъ себѣ дать сему управленію окончательное образованіе, когда Намъ будетъ вполнѣ извѣстна воля въ Бозѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, изъявленная въ оставленномъ Ею духовномъ завѣщаніи“ [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ указомъ назначался въ тотъ же день статсъ-

[1]) Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго Института. Составилъ Н. Макѣевъ. 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріотическаго института.

[2]) Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. По порученію Начальства составилъ Н. Селезневъ. Спб. MDCCCLXXVIII, стр. 6.

секретаремъ для доклада по дѣламъ учрежденій Императрицы Маріи, состоявшій въ теченіе 28 лѣтъ „у письменныхъ дѣлъ“ въ Ея канцеляріи, тайный совѣтникъ Вилламовъ. Ему, какъ близко знакомому съ исторіею учрежденій покойной императрицы, не разъ при ней осматривавшему ихъ и знавшему, въ какомъ духѣ императрица желала ихъ вести, было поручено принять въ свое вѣдѣніе бывшую ея канцелярію и составить проектъ устройства новой, которую государь наименовалъ „IV отдѣленіемъ Нашей Собственной Канцеляріи“.

Въ числѣ различныхъ учрежденій Императрицы Маріи, было 11 женскихъ учебныхъ заведеній, кромѣ спеціальныхъ, открытыхъ ею при Воспитательныхъ Домахъ.

Духовнымъ завѣщаніемъ, вскрытымъ 4-го декабря 1828 года, Императрица Марія сдѣлала распоряженіе какъ о капиталахъ, которые она назначала разнымъ заведеніямъ, такъ и относительно порядка управленія ими. Она просила Императрицу Александру Ѳедоровну взять въ свое завѣдываніе Воспитательное Общество, училища св. Екатерины, военно-сиротское дѣвичье, харьковскій институтъ и училища для солдатскихъ дочерей. „Я увѣрена, — сказано въ завѣщаніи,—что Императрица будетъ проникнута по отношенію къ этимъ заведеніямъ искреннею любовью и сердечнымъ вниманіемъ, столь для нихъ необходимыми. Въ особенности прошу попеченія объ основанномъ Мною Институтѣ гувернантокъ, который обѣщаетъ принести большую пользу Россіи“ [1]. Говоря о лицахъ, служившихъ этимъ заведеніямъ, императрица повторяетъ въ своемъ завѣщаніи то, что она часто говорила имъ при жизни: „всѣ мы должны быть воодушевляемы одною мыслью— сохранить въ точности и неизмѣнно всѣ правила, начертанныя для сбереженія всѣхъ привиллегій, дарованныхъ заведеніямъ, соединяя всѣ старанія къ тому, чтобы сберечь дѣтскій возрастъ, развивая въ немъ на сколько возможно материнскія чувства, стараться умѣть придти на помощь вдовамъ и сиротамъ, облегчить страждущихъ и что только тогда мы исполняемъ дѣла милосердія, въ которыхъ Божественный Спаситель даровалъ намъ собою примѣръ“.

Воля покойной императрицы была исполнена. Двумя указами 6-го декабря 1828 года, переименованныя въ завѣщаніи женскія учебныя заведенія, согласно желанію Императрицы Маріи, должны были состоять подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳедоровны и управляться на основаніи указа 26-го октября.

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 25.

Другой указъ 6-го декабря касался института повивальнаго искусства съ Родильнымъ госпиталемъ и Маріинскаго института. „Предоставленныя блаженныя памяти Любезнѣйшею Родительницею Нашею Императрицею Маріею Θеодоровною въ пользу Государства, учрежденные и содержимые Ея Императорскаго Величества иждивеніемъ, — сказано въ указѣ объ этихъ заведеніяхъ,—съ составленными для нихъ содержанія капиталами, повелѣваемъ почитать Государственными учрежденіями и, согласно съ желаніемъ, въ духовномъ завѣщаніи Ея Императорскаго Величества выраженнымъ, состоять имъ подъ покровительствомъ Любезнѣйшей Нашей невѣстки Великой княгини Елены Павловны" [1]).

Кромѣ этихъ указовъ, въ томъ же году государь увѣковѣчилъ память Императрицы Маріи учрежденіемъ знака отличія безпорочной службы для лицъ женскаго пола. Именнымъ указомъ 14-го ноября [2]) 1828 года былъ утвержденъ статутъ Маріинскаго знака отличія. „Среди попеченій о благѣ Державы,—сказано въ указѣ,—отъ Бога Намъ врученной, отличая знаками Нашего благоволенія всѣ роды заслугъ и достоинствъ, могущихъ споспѣшествовать ея пользѣ или славѣ, Мы всегда обращали вниманіе Наше и на скромные, но столь важные въ порядкѣ общественномъ подвиги христіанской любви къ бѣднымъ и страждущимъ. Въ числѣ тѣхъ, кои, одушевляясь сею любовію, посвящаютъ всѣ свои силы, способности и все время жизни облегченію участи злополучныхъ или нравственному образованію сиротствующаго юношества, лица женскаго пола донынѣ, на семъ многотрудномъ поприщѣ, не были одобряемы никакимъ торжественнымъ изъявленіемъ общаго уваженія. Довольствуясь вѣрнѣйшею изъ наградъ, благословеніемъ Неба и свидѣтельствомъ совѣсти, онѣ, безъ сомнѣнія, не ищутъ оныхъ; но Мы желаемъ, для Себя и для Отечества, ознаменовать особымъ установленіемъ признательность Нашу къ ихъ полезной дѣятельности; желаемъ въ то же время и для вящшаго доказательства сей признательности, чтобы знаки оной соединялись съ священною памятію въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, Коей дѣла и учрежденія пребудутъ на вѣки совершеннѣйшимъ образцомъ мудрой благотворительности. Для сего, по примѣру, установленнаго Нами въ 22 день августа 1827 года, знака отличія безпорочной службы военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, Мы постановляемъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.

[2]) День рожденія Императрицы Маріи.

учреждаемъ, для лицъ женскаго пола, новый орденскій знакъ, съ наименованіемъ Маріинскаго знака отличія безпорочной службы"[1]).

Маріинскій знакъ учреждался для лицъ женскаго пола, служащихъ преимущественно въ учрежденіяхъ, бывшихъ подъ „главнымъ начальствомъ" Императрицы Маріи; но его могли получать и тѣ, кто служилъ въ другихъ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи государя или членовъ императорскаго дома. На полученіе знака первой степени имѣли право начальницы, инспектрисы, классныя дамы, учительницы (въ томъ числѣ музыки и рукодѣлій), смотрительницы, надзирательницы, настоятельницы разныхъ заведеній, прослужившія не менѣе двадцати-пяти лѣтъ; вторая степень знака давалась за службу отъ 15 до 25 лѣтъ.

При Императрицѣ Маріи, состоявшіе подъ ея покровительствомъ женскіе институты, управлялись мѣстными Совѣтами, которые представляли императрицѣ донесенія о всѣхъ нуждахъ ввѣренныхъ имъ заведеній и сама императрица разрѣшала дѣла. Этотъ порядокъ измѣнился тотчасъ же послѣ ея смерти: донесенія Совѣтовъ должны были поступать не прямо къ императрицѣ, а во вновь образованную по учрежденіямъ Императрицы Маріи канцелярію и докладываться государю статсъ-секретаремъ Вилламовымъ. Такой же порядокъ былъ установленъ и для состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны заведеній, канцелярія которыхъ находилась въ вѣдѣніи особаго статсъ-секретаря, Лонгинова; черезъ него и должны были доходить до императрицы касающіяся этихъ заведеній дѣла. Въ 1831 году, особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, было установлено, чтобы по всѣмъ дѣламъ, касающимся нравственной и учебной части заведеній, доклады представлялись предварительно императрицѣ, а потомъ уже государю, а по части хозяйственной наоборотъ[2]).

Относительно денежныхъ средствъ заведеній Императрицы Маріи, Высочайшимъ указомъ 27 октября 1829 года, было повелѣно прекратить отпускъ изъ государственнаго казначейства суммъ, выдававшихся при ней нѣкоторымъ изъ нихъ, а эти суммы должны были получаться изъ общихъ доходовъ Воспитательныхъ домовъ.

Съ первыхъ же лѣтъ поступленія женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство государя и императрицы, число ихъ

---

[1]) Историч. очеркъ росс. орденовъ. Статутъ Мар. зн. отл. безп. службы.

[2]) Пятидесятилѣтіе, 48.

стало быстро увеличиваться и со смерти Императрицы Маріи по смерть императора Николая (1828—1855) было открыто и положено начало болѣе нежели 24 заведеніямъ, преимущественно въ губернскихъ городахъ.

Цѣль, съ которою они учреждались, была та же, которую поставила женскому общественному воспитанію и образованію Императрица Марія. Согласно § 5 Положенія, даннаго въ 1827 году императоромъ Николаемъ патріотическому институту, она должна была заключаться въ томъ, чтобы образовывать изъ воспитанницъ „добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію“ [1]). Та же цѣль указана и въ Положеніи, данномъ государемъ полтавскому институту въ томъ же году, 17 сентября [2]).

Оба Положенія сходны почти во всѣхъ своихъ частяхъ. Число воспитанницъ въ каждомъ опредѣлялось 120-ю; но въ патріотическій институтъ могли поступать лишь дочери заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Комитета 18 августа 1814 года [3]), а пенсіонерками вообще изъ военныхъ дворянъ; въ полтавскій—принимались въ число пенсіонерокъ на суммы приказовъ общественнаго призрѣнія черниговской, полтавской и кіевской губерній и дочери „христіанскаго купечества 1 и 2 гильдій на томъ основаніи, что капиталы приказовъ составились и при пособіи отъ городовъ“. Но изъ 60 пенсіонерокъ, предоставленныхъ приказамъ, только 10 могли быть изъ купеческихъ дочерей; остальныя 50 должны были быть изъ дворянокъ [4]).

Пріемный возрастъ воспитанницъ опредѣленъ 10—12 годами, чтобы „по выпускѣ на возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ могли уже быть полезными семействамъ, въ кои обращаются, или занимать должности въ частныхъ домахъ и другихъ заведеніяхъ“ [5]).

Возрастъ пенсіонерокъ не опредѣленъ, но родители обязывались не брать дочерей изъ института до истеченія трехъ лѣтъ

---

[1]) Проектъ Положенія и штата 7 апр. 1827 г. съ поправками и замѣчаніями собственной руки Его Имп. Вел. Гос. Имп. Николая Павловича (Краткій очеркъ).

[2]) Учрежденія институтовъ. XXXVIII (Арх. IV отд.).

[3]) Комитетъ для вспомоществованія раненымъ воинамъ въ память Кульмской побѣды учрежденъ императоромъ Александромъ I.

[4]) Выс. утв. правила избранія Приказами воспитанницъ въ институтъ 23 авг. 1827 г. (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова).

[5]) Полож. полт. и. 17 сент. 1827.

со времени отдачи. Срокъ пребыванія въ обоихъ институтахъ полагался шестилѣтній, съ раздѣленіемъ его на два класса. Предметы воспитанія, указанныя Положеніемъ 7 апрѣля 1827 года, слѣдующіе: а) нравственность, основанная на законѣ Божіемъ, б) необходимыя науки, в) полезныя рукодѣлія и г) понятія о домашнемъ хозяйствѣ и порядкѣ.

Императоръ Николай обезпечилъ и матеріальныя средства обоихъ институтовъ. Доходы патріотическаго должны были составляться изъ 80.000 р., ежегодно отпускаемыхъ Комитетомъ 18 августа, изъ платы отъ 45 частныхъ пенсіонерокъ, изъ 10.000 р., ежегодно поступавшихъ по указу 1812 г. въ кассу патріотическаго Общества изъ Кабинета, и изъ процентовъ съ 800.000 рублей, „жалуемыхъ Его Величествомъ, за вычетомъ, сколько потребуется, на постройку дома для института“ [1]). Остальная сумма составляла его неприкосновенный капиталъ. Штатъ полтавскаго института былъ опредѣленъ въ 52.500 р., изъ которыхъ 42.000 р. должны были поступать отъ трехъ приказовъ общественнаго призрѣнія, причемъ плата съ пенсіонерокъ приказовъ, также и пенсіонерокъ государя и императрицы, назначена по 700 рублей въ годъ за каждую; частныя же пенсіонерки должны платить по 800 р. (вмѣсто 1000 р., платимыхъ до 1827 года). Изъ этихъ 800 р., на содержаніе пенсіонерокъ должны расходоваться лишь 600 р., а 200 р. отчисляться въ полтавскій приказъ на проценты, для образованія капитала, который можно было употребить не иначе, какъ по назначенію императрицы [2]). Кромѣ того, на постройку собственнаго дома для института, ему было дано 200.000 р. изъ государственнаго казначейства.

28 іюля 1829 года былъ открытъ одесскій институтъ, въ которомъ, по составленному княземъ Воронцовымъ уставу, должны были воспитываться дочери дворянъ, оберъ-офицеровъ и высшаго купечества. Главное начальство ввѣрялось новороссійскому генералъ-губернатору, а непосредственное — Совѣту подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника. Въ Совѣтъ должны были входить: херсонскій предводитель дворянства, одесскій городской голова, три члена по избранію генералъ-губернатора и инспекторъ

[1]) Эти 800.000 р., также какъ и 500.000 р., данные тогда же петербургскому Дому Трудолюбія, были получены отъ продажи бриллiантовъ, принадлежавшихъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и составившихъ капиталъ въ 1.315.555 р. (Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ. Т. I, 205).

[2]) Выс. утв. 23 авг. 1827 г. докладъ кн. Кочубея (Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова).

института. Допускались и почетные члены Совѣта съ утвержденія императрицы. Надзоръ за воспитаніемъ и образованіемъ дѣвицъ возлагался на начальницу, а наблюденіе за порядкомъ какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части, поручался инспектору [1]).

Плата съ воспитанницъ, число которыхъ не было ограничено и которыя принимались въ возрастѣ отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ, была назначена въ 1.000 р. ежегодно, и 250 р. единовременно, при поступленіи. Имъ не разрѣшалось отлучаться изъ института во время пребыванія въ немъ. Но уставъ разрѣшалъ давать въ институтѣ балы „для доставленія дѣвицамъ пріятнаго, непринужденнаго обращенія въ обществѣ, стройнаго вида, благородной и и пристойной осанки“ [2]).

Курсъ ученія полагался шестилѣтній, раздѣленный на 3 класса, но болѣе обширный чѣмъ въ патріотическомъ и полтавскомъ институтахъ.

Кромѣ платы съ пенсіонерокъ, средства одесскаго института должны были пополняться суммами, ежегодно отпускаемыми: изъ процентовъ съ капитала бессарабской области 6.000 р. [3]), изъ подати, собираемой съ татаръ таврической губерніи 4.000 р., изъ доходовъ городовъ: Таганрога 3.000 р., Кишинева, Измаила и Одессы по 2.000 р., также изъ херсонскаго приказа общественнаго призрѣнія 6.000 р За это городамъ предоставлялось право помѣщать въ институтъ столько пенсіонерокъ, сколько они вносятъ тысячъ рублей, а городъ Одесса, въ вознагражденіе за издержанныя имъ на постройку институтскаго дома суммы, могъ имѣть своихъ пять пенсіонерокъ [4]).

Въ 1835 году полковникъ Куртъ завѣщалъ институту свое движимое и недвижимое имущество, оцѣненное въ завѣщаніи въ 150.000 рублей [5]).

---

[1]) Краткій историч. очеркъ пятидесятилѣтія Одесскаго Инст. благ. дѣвицъ. Одесса. 1879.

[2]) Журналы гл. Совѣта 1845 г. Выписка изъ Уставовъ женскихъ институтовъ.

[3]) П. Собр. 3586. Выс. указъ 1830 г. новор. и бессар. ген.-губернатору.

[4]) Въ 1853 году, по случаю прилива въ Одессу для полученія образованія, молодыхъ людей изъ западныхъ губерній, послѣдовало запрещеніе принимать въ одесскія учебныя заведенія уроженцевъ этихъ губерній. На представленіе министра народнаго просвѣщенія о томъ, что „по особому вниманію, котораго заслуживаетъ женскій полъ въ видахъ искорененія полонизма“, желательно чтобы дочери польскихъ дворянъ, и въ особенности, богатыхъ и извѣстныхъ, получали образованіе въ одесскомъ институтѣ, подготовляясь къ поступленію туда въ одесскихъ частныхъ пансіонахъ, государь не согласился потому, что это послужило бы предлогомъ родителямъ жить въ Одессѣ, какъ въ заграничномъ мѣстѣ (Журналы глав. Совѣта. 1853 г. Отчетъ Т. С. Норова).

[5]) На доходы съ имѣнія должны были, согласно завѣщанію Курта, воспитываться

Въ 1830 году государь велѣлъ учредить, на средства московскаго Воспитательнаго дома, Домъ призрѣнія сиротъ или временной прiютъ дѣтей обоего пола отъ одного года до десяти лѣтъ, оставшихся сиротами послѣ умершихъ отъ холеры родителей. Въ Петербургѣ такiя сироты помѣщались въ существовавшiй ранѣе Сиротскiй домъ, преобразованный также въ Домъ призрѣнія, на подобiе московскаго.

По данному въ 1831 году московскому Дому Положенiю, онъ былъ названъ Александринскимъ Сиротскимъ институтомъ и предназначенъ для воспитанiя 300 дѣтей обоего пола, всякаго возраста, даже грудныхъ, и всякаго званiя: дворянъ, штабъ- и оберъофицеровъ, по военной, статской и придворной службѣ, медиковъ, лекарей, художниковъ и священниковъ (§ 2). Кромѣ сиротъ, лишившихся родителей во время холеры, дозволялось принимать и вообще сиротъ не старше 13-ти лѣтъ.

Цѣль воспитанiя дѣвочекъ полагалась въ образованiи изъ нихъ полезныхъ членовъ общества, способныхъ снискивать пропитанiе собственными трудами. Онѣ предназначались къ поступленiю въ классныя дамы и воспитательницы въ частныхъ домахъ; менѣе способныя къ наукамъ, при переходѣ въ третiй классъ, освобождались отъ уроковъ и посвящали себя занятiямъ рукодѣлiемъ и музыкою [1]). Въ 1834 году дѣвочки были переведены въ учрежденныя, по Высочайшему повелѣнiю, при обоихъ Воспитательныхъ домахъ, убѣжища „для пятидесяти осиротѣвшихъ оберъ-офицерскихъ, военной и гражданской службы, дочерей, или такихъ, родители которыхъ по бѣдности не въ состоянiи дать имъ воспитанiе и которыя, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ быть приняты въ другiя женскiя учебныя заведенiя“.

По принятiи въ убѣжище, воспитанницы, имѣвшiя семь лѣтъ отъ роду, размѣщались въ французскiе классы и, по окончанiи курса наукъ, могли возвращаться къ родителямъ или переходить въ классы кандидатокъ для приготовленiя въ наставницы или классныя дамы; а неспособныя къ наукамъ могли поступать въ музыкальный классъ. Посвятившiя себя профессiи наставницы или классной дамы были обязаны прослужить не менѣе шести лѣтъ.

не менѣе шести дѣвицъ „дочерей заслуженныхъ дворянъ и чиновниковъ херсонской губернiи и преимущественно одесскаго уѣзда“; имъ назначено выдавать при выпускахъ награды по 2.000 р. каждой, а получающей шифръ — 3.000 р. (Сб. свѣд. о капит. Т. I, стр. 385).

[1]) Положенiе Александринскаго Сир. И. 6 декабря 1831 г. (Учрежденiя Моск. Восп. Дома 1827—1858. I. Арх., IV отд.).

При выпускѣ каждой воспитанницѣ „разряда оберъ-офицерскихъ сиротъ“ положено было выдавать по 300 р. [1]).

Указомъ 25 іюня 1837 г. императоръ Николай велѣлъ принимать въ учебные классы при Воспитательныхъ домахъ, опредѣливъ комплектъ учениц этихъ классовъ пятьюстами въ каждомъ, не питомцъ, какъ было до сихъ поръ, а дочерей оберъ-офицерскихъ, военной и гражданской службы чиновниковъ до IX класса включительно и преимущественно круглыхъ сиротъ [2]). Классы эти, названные Сиротскими институтами, были расширены въ 1843 году, когда комплектъ воспитанницъ петербургскаго института былъ увеличенъ до 800, а московскаго до 700. Въ виду трудности воспитывать такое большое количество дѣтей, въ 1851 году были учреждены особыя отдѣленія для малолѣтнихъ, до десятилѣтняго возраста. Институты эти должны были состоять въ вѣдѣніи опекунскихъ Совѣтовъ и подъ начальствомъ почетныхъ опекуновъ, назначаемыхъ государемъ.

Въ 1833 году возникла мысль объ учрежденіи института въ Кіевѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ Левашевъ, представилъ государю, что присмотрѣвшись къ образу жизни мѣстнаго населенія, особенно высшихъ его слоевъ, и тщательно наблюдая за образомъ мыслей жителей юго-западнаго края, онъ пришелъ къ заключенію, что „ни въ училищахъ этого края, ни въ семействахъ, никто не стремится къ пріобрѣтенію полезныхъ для общества знаній, никто не заботится о нравственномъ себя усовершенствованіи; одно только упражненіе ума пріятными искусствами, —писалъ графъ Левашевъ, — составляетъ цѣль образованія; отъ сего гражданскія добродѣтели и государственныя обязанности остаются въ небреженіи или затмѣваются превратными понятіями“ [3]). Для борьбы съ такимъ направленіемъ графъ Левашевъ считалъ необходимымъ поощрять жителей края къ воспитанію дѣтей въ общественныхъ заведеніяхъ и „примѣрному въ нихъ образованію“.

Еще болѣе необходимымъ чѣмъ воспитаніе юношей, графъ Левашевъ считалъ „нравственно и сообразно пользѣ общественной умственное образованіе будущихъ матерей семействъ“, мотивируя

---

[1]) Правила для принятія воспитанницъ Восп. домовъ, осиротѣвшихъ об.-офиц. дочерей. 3 марта 1834 г. (Учр. М. В. Д. 1827—1858).

[2]) Пятидесятилѣтіе С.-Пет. Никол. Сир. Инст. 1837—1887. Историческій очеркъ. Составилъ инспекторъ классовъ В. Тимофѣевъ. С.-Пет. 1887.

[3]) Исторія Кіевскаго института бл. дѣв. 1838—1888. Составилъ членъ Совѣта, инспекторъ классовъ М. Н. Захарченко. Кіевъ. 1889.

это тѣмъ, что „владычество ихъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производитъ“.

Такого же мнѣнія о необходимости русскому правительству взять въ свои руки женское воспитаніе и образованіе въ юго-западныхъ губерніяхъ, былъ и попечитель кіевскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, который, во время своей ревизіи училищъ въ подольской и волынской губерніяхъ, вынесъ убѣжденіе, что женщины въ западныхъ губерніяхъ питаютъ фанатизмъ молодежи и что онѣ имѣютъ большую надъ нею власть [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Левашевъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на скорѣйшее открытіе въ Кіевѣ дѣвичьяго института для кіевской, волынской и подольской губерній. 14 ноября 1833 года состоялось Высочайшее повелѣніе изслѣдовать способы устройства и содержанія института.

Графъ Левашевъ указалъ, что средства на его содержаніе могутъ быть получены отъ трехъ приказовъ общественнаго призрѣнія юго-западныхъ губерній, если имъ будетъ разрѣшено вносить кіевскому институту ежегодно по 14.000 рублей, которые до сихъ поръ они выдавали полтавскому, и кромѣ того, отъ платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ. На устройство же и первое обзаведеніе графъ Левашевъ „возлагалъ всѣ надежды на Царскую милость“.

Въ началѣ 1834 года было Высочайше повелѣно московскому опекунскому Совѣту выдать изъ доходовъ Воспитательнаго Дома 500.000 р. асс. на устройство кіевскаго института, которому повелѣно отпускать и ежегодныя суммы, выдававшіяся до тѣхъ поръ приказами юго-западныхъ губерній институту полтавскому [2]).

При составленіи устава и штата кіевскаго института, графъ Левашевъ руководствовался, присланными по его просьбѣ княземъ Репнинымъ, уставомъ и штатомъ полтавскаго. Цѣль учрежденія кіевскаго института заключалась, согласно утвержденному государемъ въ 1834 году уставу, въ томъ, чтобы „доставить безденежное воспитаніе дѣтямъ дворянъ бѣднаго состоянія губерній Кіевской, Волынской и Подольской и дать возможность за умѣренную плату получить такое же образованіе дочерямъ достаточныхъ родителей сихъ губерній“ [3]). Совѣтъ института долженъ былъ состоять изъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губер-

---

[1]) Автобіографическія Записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, (Р. Арх. 1875. кн. 3. 273).

[2]) Взамѣнъ этого полтавскому институту были даны 200.000 р. изъ московскаго Восп. Дома; на проценты должны были воспитываться въ институтѣ 24 пенсіонерки моск. Опекунск. Совѣта.

[3]) Исторія К. и., стр. 10.

натора, который, въ качествѣ предсѣдателя, былъ непосредственнымъ начальникомъ института во всѣхъ частяхъ его управленія; членами Совѣта назначались: попечитель кіевскаго учебнаго округа, кіевскій гражданскій губернаторъ, членъ по хозяйственной части, избираемый, какъ сказано въ уставѣ, изъ лицъ значительныхъ, кіевскій губернскій предводитель дворянства и три депутата отъ дворянъ юго-западныхъ губерній. Всѣ они должны были утверждаться императрицею, подъ покровительствомъ которой состоялъ институтъ.

Учебная часть поручалась попечителю учебнаго округа, подъ руководствомъ котораго долженъ былъ завѣдывать ею инспекторъ классовъ. Передъ началомъ каждаго учебнаго года инспектору вмѣнялось въ обязанность „требовать отъ учителей конспектовъ статей, предположенныхъ къ прохожденію въ классахъ". По вопросамъ, касающимся нравственной стороны учебнаго дѣла, инспекторъ долженъ былъ сноситься съ начальницею, которой ввѣрялась воспитательная часть и внутреннее управленіе институтомъ. Начальница же, посѣщая классы, должна была „блюсти, чтобы въ преподаваемыя науки не вкралось что-либо противное чистой нравственности". Начальница, также какъ и инспекторъ, избирались Совѣтомъ и утверждались императрицею. При институтѣ полагались пепиньерки, по двѣ на классъ, а всѣхъ классовъ было три, и въ каждомъ изъ нихъ воспитанницы должны были оставаться по два года.

Комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ приказамъ трехъ губерній кіевскаго округа предоставлялось право содержать за свои взносы 60 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, а другія 60, изъ какой бы то ни было губерніи, могли быть своекоштными пенсіонерками съ платой по 800 рублей ассигнаціями въ годъ.

На этихъ основаніяхъ былъ, въ 1838 году, открытъ институтъ; съ переходомъ его въ 1843 году въ собственный домъ, комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 140, а въ 1852 году — до 170.

Первою начальницею кіевскаго института была племянница Державина, П. М. Нилова, о которой онъ сказалъ:

„Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ" [1]),

и которая была одною изъ женщинъ-писательницъ тамбовскаго кружка Державина.

---

[1]) Исторія Кіевскаго инст.

Въ 1834 году дворянство тамбовской губерніи „въ ознаменованіе пламенной благодарности къ государю императору за всѣ его милости и щедроты и дабы увѣковѣчить оную въ памяти потомства", постановило учредить въ Тамбовѣ институтъ для воспитанія 12-ти дѣвицъ, дочерей бѣдныхъ дворянъ тамбовской губерніи и съ этой цѣлью собрать 222000 рублей ассигнаціями [1]).

Утвержденнымъ въ 1843 году Положеніемъ, въ Совѣтъ института, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, должны были входить три члена отъ дворянства и три отъ правительства. Институтъ долженъ былъ состоять подъ главнымъ попечительствомъ гражданскаго губернатора. Онъ былъ открытъ 6 августа 1843 года на 87 воспитанницъ „дочерей дворянъ и высшаго купечества". Изъ нихъ 27 должны были воспитываться на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, 12 на суммы дворянства, 8 были пенсіонерками государя и императрицы, а 40 мѣстъ было оставлено для своекоштныхъ пенсіонерокъ.

На учрежденіе и содержаніе института дворянство собрало сначала до 106000 рублей; но когда, въ скоромъ времени, этихъ средствъ оказалось мало, и государь на докладѣ объ этомъ написалъ: „справедливо было бы чтобы дворянство само изыскало способы покрыть необходимые расходы", дворянство установило новый сборъ изъ доходовъ помѣщиковъ по $1^1/_2$ копѣйки съ души втеченіи 3-хъ лѣтъ. Въ вознагражденіе за это было удовлетворено его ходатайство безплатно помѣщать въ институтъ еще 12 своихъ пенсіонерокъ. Въ 1850 году, для усиленія средствъ института, Совѣту было разрѣшено продавать игральныя карты.

Въ 1835 году Высочайше утверждено Положеніе керченскаго института для воспитанія дѣвицъ [2]). Инціатива учрежденія института принадлежала Керчь-Еникольскому градоначальнику, князю З. С. Херхеулидзеву, который, въ виду недостатка женскихъ учебныхъ заведеній въ Крыму, особенно для лицъ небогатыхъ, задался мыслью объ учрежденіи института въ Керчи. Заручившись согласіемъ учителей керченскаго уѣзднаго училища преподавать въ будущемъ институтѣ за самую умѣренную плату, князь Херхеулидзевъ, ходатайствуя передъ государемъ о разрѣшеніи открыть институтъ, представилъ одновременно проэктъ его Положенія и штата [3]).

---

[1]) Сборникъ свѣд. о кап. Т. I, стр. 439.

[2]) П. Собр. 8227.

[3]) Историч. записка о Керченскомъ Кушниковскомъ дѣвичьемъ институтѣ съ основанія его въ 1836 году до 1885 г. Составилъ законоучитель института священникъ Дмитрій Говоровъ. Керчь. 1886.

Согласно Положенію 1835 года, институтъ предназначался для „воспитанія и образованія дѣвицъ дворянскаго происхожденія, оберъ-офицерскихъ и купеческихъ“. Воспитанницы принимались или полными пенсіонерками, съ платою по 400 р. асс. въ годъ съ иногороднихъ и по 300 р. съ керченскихъ, полупенсіонерками, не получавшими отъ института одежды и жившими у родителей, но обѣдавшими въ институтѣ, по 150 р. въ годъ [1]), или вольноприходящими по 50 р. въ годъ. Полныхъ пенсіонерокъ полагалось 30; комплектъ полупенсіонерокъ и вольноприходящихъ не былъ опредѣленъ въ Положеніи. Кромѣ платы съ воспитанницъ, средства къ содержанію института должны были пополняться суммою 8000 рублей (асс.) въ годъ, отпускаемой городомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы $^2/_3$ всего дохода института, т. е. остатковъ отъ городской суммы и отъ платы съ воспитанницъ, были обращаемы въ доходъ города, а $^1/_3$ поступала бы въ распоряженіе Совѣта для составленія экономическаго капитала института.

Управленіе имъ возлагалось Положеніемъ на новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, которому ввѣрялось главное начальство; ближайшимъ начальникомъ назначался Керчь-Еникольскій градоначальникъ, подъ предсѣдательствомъ котораго находился Совѣтъ, въ составѣ: опредѣляемой генералъ-губернаторомъ директриссы, штатнаго смотрителя керченскаго уѣзднаго училища, городскаго головы, члена отъ дворянства, члена отъ купечества. Послѣдніе два члена избирались изъ своей среды на три года и должны были исполнять обязанности казначея и эконома. Въ Совѣтѣ могли присутствовать по особымъ приглашеніямъ инспекторъ и учителя. По учебной части институтъ зависѣлъ отъ начальства того учебнаго округа, въ составъ котораго входили всѣ учебныя заведенія таврической губерніи. Учебный курсъ полагался трехлѣтній, причемъ воспитанницы должны были оставаться годъ въ первомъ классѣ и два во второмъ.

Институтъ былъ открытъ 8 марта 1836 года. Въ слѣдующемъ году его посѣтилъ императоръ Николай и на представленной ему градоначальникомъ докладной запискѣ о необходимости построить собственный домъ для института въ видахъ увеличенія комплекта воспитанницъ, написалъ: „на ваше усмотрѣніе. Институтъ я видѣлъ, хорошенькое заведеніе, но смѣсь вольноприходя-

[1]) При поступленіи въ институтъ полная пенсіонерка должна была принести съ собою: серебряную ложку, простой ножъ и вилку, 6 салфетокъ и чайную ложку; тоже самое и полупенсіонерка за исключеніемъ чайной ложки. Эти вещи должны были оставаться въ институтѣ и по выходѣ изъ него воспитанницъ.

щихъ съ пенсіонерками не безвредна для нравственности, а лучше было бы сдѣлать для того два разряда заведенія". Вслѣдствіе этого былъ составленъ новый проэктъ, въ которомъ предполагалось, съ постройкой собственнаго зданія института, увеличить комплектъ пенсіонерокъ до 60-ти, а для приходящихъ устроить особое заведеніе, которое состояло бы въ общемъ управленіи съ институтомъ, но отдѣльно отъ пенсіонерокъ. Благодаря ходатайству графа Воронцова, Совѣту было разрѣшено занять нужную сумму на постройку дома для института, съ уплатою процентовъ втеченіи 37 лѣтъ изъ доходовъ города и съ пособіемъ изъ государственнаго казначейства по 2205 р. въ годъ.

Въ 1845 году институту былъ пожертвованъ капиталъ въ 300000 р. (асс.) завѣщанный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кушниковымъ на устройство института въ Θеодосіи, гдѣ имъ уже было куплено мѣсто для зданія предполагавшагося института и составлены правила его устройства. Съ передачею, по ходатайству наслѣдниковъ Кушникова, этого капитала керченскому институту, было разрѣшено переименовать его въ Керченско-Кушниковскій, а выборъ 16-ти пенсіонерокъ имени жертвователя предоставить старшему изъ наслѣдниковъ на основаніи правилъ, составленныхъ Кушниковымъ для института въ Θеодосіи [1]).

Въ томъ же году, когда былъ открытъ керченскій институтъ, было утверждено Положеніе другого института — астраханскаго. Мысль о немъ возникла у астраханскаго военнаго губернатора, который, въ 1835 году, представилъ императрицѣ о томъ, что послѣ утонувшаго въ 1824 году въ Волгѣ астраханскаго купца Колпакова, осталось духовное завѣщаніе, которымъ онъ отдавалъ все свое состояніе, до 90000 р. (асс.), въ полное распоряженіе Императрицы Маріи, на ея богоугодныя заведенія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ утвержденъ представленный губернаторомъ проэктъ Положенія астраханскаго института, которому Императрица Александра Θедоровна велѣла отдать капиталъ Колпакова съ тѣмъ, чтобы въ институтѣ воспитывались 10 бѣдныхъ пенсіонерокъ его имени.

Въ этомъ Положеніи почти буквально повторены основанія, на которыхъ учреждался керченскій институтъ съ тою разницею, что въ астраханскій не допускались приходящія воспитанницы; полупенсіонерки могли поступать съ платою по 250 рублей. Ближайшее начальство надъ институтомъ ввѣрялось директору астра-

---

[1]) На отличіе этихъ пенсіонерокъ отъ другихъ особою одеждою государь не далъ согласія. (Сб. свѣд. о кап. Т. I, 452).

ханской гимназіи, подъ предсѣдательствомъ котораго долженъ былъ состоять Совѣтъ изъ купцовъ. Курсъ ученія назначался четырехлѣтній, раздѣленный на три класса, по одному году въ двухъ низшихъ, и два года въ высшемъ. Для поощренія учителей, Положеніе устанавливало выдачу отъ Совѣта похвальныхъ атестатовъ тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ особенное усердіе въ занятіяхъ съ воспитанницами (§ 20). Городу предписывалось отпускать институту по 8310 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы отчеты въ институтскихъ суммахъ представлялись Думѣ, которой, также какъ и въ керченскомъ институтѣ, должны были отдаваться $^2/_3$ всѣхъ остатковъ отъ институтскихъ суммъ.

На этихъ основаніяхъ астраханскій институтъ былъ открытъ 28 ноября 1837 года.

Новымъ уставомъ, даннымъ ему въ 1848 году, отмѣненъ пріемъ полупенсіонерокъ, а комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 60 (изъ нихъ 40 своекоштныхъ). Денежные остатки отъ институтскихъ суммъ должны были обращаться въ пользу института, а не отдаваться Думѣ. Составъ Совѣта измѣненъ: предсѣдательство въ немъ возлагалось на астраханскаго военнаго губернатора; „непосредственно послѣ него“ должна была присутствовать начальница; завѣдываніе учебною частью поручалось прежнему предсѣдателю Совѣта — директору астраханской гимназіи, а хозяйственною—члену отъ дворянства; отъ купечества долженъ былъ присутствовать городской голова [1]).

При проѣздѣ государя въ 1836 году черезъ Владиміръ, онъ обратилъ вниманіе на то, что городъ не только не улучшается, но приходитъ все въ худшее состояніе, и затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе бывшему товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, собрать и представить подробныя свѣдѣнія о причинахъ упадка города и средствахъ къ его улучшенію.

Графъ Строгановъ, въ своемъ донесеніи указалъ, какъ на одну изъ причинъ, то, что дворяне не живутъ въ Владимірѣ ибо тамъ нѣтъ ни одного женскаго учебнаго заведенія и они принуждены

[1]) Начальница института, въ письмѣ къ статсъ-секретарю Гофману (отъ 28 февраля 1845 г.), жаловалась на то, что ея мнѣнія объ образованіи и улучшеніи института „никакъ не могутъ гармонировать съ понятіями купцовъ“. Она просила назначить предсѣдателемъ Совѣта военнаго губернатора, а въ случаяхъ его отсутствія, поручить ей замѣнять предсѣдателя. Ея же предложеніе о томъ, чтобы воспитанницы на капиталъ Колпакова принимались не изъ купеческихъ дѣтей „которыя — писала начальница — получая несообразное съ званіемъ образованіе и возвратясь въ дома, не приносятъ пользы ни себѣ, ни обществу, ни чести Институту“, а изъ дворянскихъ,—не было принято главнымъ Совѣтомъ.

воспитывать своихъ дочерей въ Москвѣ. Послѣдствіемъ этого было объявленіе Высочайшей воли, чтобы было составлено Положеніе объ учрежденіи въ Владимірѣ института благородныхъ дѣвицъ [1]).

По первоначальному проэкту Положенія, разсмотрѣнному въ комитетѣ министровъ, содержаніе института возлагалось на казну; но государь на это не согласился и статсъ-секретарь Лонгиновъ, которому, по Высочайшему повелѣнію, было передано Положеніе, предложилъ предоставить мѣстному начальству войти въ соглашеніе съ дворянствомъ губерніи объ обезпеченіи средствъ будущаго института. При этомъ Лонгиновъ, ссылаясь на примѣръ полтавскаго института, поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы средства владимірскаго были обезпечены неприкосновеннымъ капиталомъ, а не ежегодными взносами и раскладкою на ревизскія души, а также, чтобы купечество было привлечено къ „участію въ приличномъ воспитаніи дѣтей женскаго пола“, чтобы комплектъ воспитанницъ былъ не менѣе 80 или даже 100, и чтобы вообще институтъ по внутреннему устройству могъ замѣнять столичныя заведенія.

По передачѣ этого проэкта, по Высочайшему повелѣнію, владимірскому губернатору, послѣдній донесъ, что дворянство согласилось содержать институтъ и избрало изъ своей среды комиссію для обсужденія дѣла. Но, повидимому, дворянство не сочувствовало мысли объ учрежденія на его счетъ института, и попечитель гимназіи, состоявшій членомъ комиссіи, составилъ проэктъ устройства во Владимірѣ не института, а „пансіона благородныхъ дѣвицъ“, съ содержаніемъ по 3000 р. въ годъ изъ дворянскихъ суммъ и съ платою дворянствомъ же за помѣщеніе пансіона.

Дѣло тянулось до 1845 года, когда государь, на представленномъ ему проэктѣ Лонгинова, написалъ: „Мѣшать купеческихъ дочерей съ дворянскими не нахожу удобнымъ; поэтому и предлагать купечеству участвовать въ семъ дѣлѣ не должно“ [2]).

Тогда дворянство постановило собрать сумму на институтъ, назначивъ отдѣлять съ этой цѣлью по 4 копѣйки съ души втеченіе 12 лѣтъ. По составленному дворянскою комиссіею проэкту, институтъ учреждался на 13—26 безплатныхъ и 13—26 съ умѣренною платою воспитанницъ, которыхъ положено помѣщать изъ каждаго уѣзда губерніи отъ двухъ до четырехъ, и, кромѣ того, предполагалось принимать большое число своекоштныхъ пенсіонерокъ съ платою по 150 р. сер. въ годъ; надзоръ за

[1]) Дѣла главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. (Арх. IV отд.).

[2]) Журналъ гл. Сов. 28 іюня 1845.

всѣми частями института долженъ былъ принадлежать дворянству.

Но только что учрежденный тогда главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, которому, по Высочайшему повелѣнію, былъ представленъ этотъ проэктъ, отказался его разсматривать до тѣхъ поръ, пока не будетъ собрана вся нужная для устройства института сумма. Между тѣмъ сборъ шелъ медленно; въ 1853 году онъ составлялъ всего 89.832 рубля. Дворянство оправдывалось тѣмъ, что количество дворянскихъ имѣній, отходящихъ въ казну, постоянно увеличивается. Губернскій предводитель представилъ министру внутреннихъ дѣлъ пространную записку, въ которой говорилъ, что съ переходомъ большого числа имѣній въ казну, денежные сборы на общественныя предпріятія разлагаются все на меньшее количество поземельной собственности, что эти сборы становятся для помѣщиковъ все болѣе и болѣе обременительными и что это отразится на сборѣ для института. Поэтому онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы дворянскія имѣнія, отходящія въ казну, никогда, съ цѣлью „прямой пользы Государству", не были бы изъяты отъ сбора [1]). Это ходатайство было отклонено на томъ основаніи, что нельзя взыскивать съ крестьянъ пожертвованій, сдѣланныхъ помѣщиками изъ собственныхъ доходовъ, и въ циркулярномъ предписаніи 1846 года, губернскимъ предводителямъ дворянства предложено обозначать въ договорахъ объ увольненіи помѣщиками крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы—принимаютъ ли на себя крестьяне уплату сборовъ на разные общественные предметы, назначенные по Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ дворянства, съ помѣщичьихъ доходовъ [2]).

По смѣтѣ 1846 года нужная для устройства владимірскаго института сумма была опредѣлена въ 400.000 р.; но такъ какъ она не была собрана дворянствомъ, нѣсколько разъ представлявшимъ въ главный Совѣтъ планы институтскаго зданія и проэкты штата, то эти проэкты и планы не были разсмотрѣны и въ 1851 году было подтверждено комитетомъ министровъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы никакое общественное или частное благотворительное заведеніе не было открываемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечено необходимыми средствами „не разсчитывая на случайные и невѣрные доходы".

---

[1]) Записка о переходѣ двор. имѣній въ казну Губ. Предв. двор. Богданова. 1845 г. (Дѣла гл. Сов.).

[2]) Журн. гл. Сов. 1847,

Въ 1838 году былъ утвержденъ уставъ казанскаго Родіоновскаго института и Совѣтъ, избранный еще при жизни Императрицы Маріи, представилъ планы и смѣту на постройку зданія для института, которая и была произведена на капиталъ въ 300.000 р., образовавшійся изъ доходовъ съ имѣній Родіоновой и продажи ея дома. По окончаніи постройки зданія, институтъ былъ открытъ въ 1841 году.

Доходы его, кромѣ суммы, получавшейся съ имѣній Родіоновой (6.081 р), состояли: изъ 5 000 р. ежегодно отпускаемыхъ семью приказами общественнаго призрѣнія съ правомъ помѣщать 15 своихъ пенсіонерокъ и отъ платы съ своекоштныхъ, въ числѣ которыхъ могли быть и дочери купцовъ 1 и 2 гильдіи, также духовенства [1]).

Въ число штатныхъ, т.-е. на капиталъ Родіоновой, воспитанницъ, которыхъ полагалось 21, въ институтъ могли поступать дочери „родовыхъ и потомственныхъ дворянъ казанской губерніи, служащихъ и служившихъ въ ней и ихъ сироты, дочери чиновниковъ въ службѣ находившихся и поступившихъ въ нее изъ казанской губерніи, за ранами или болѣзнями уволенныхъ и жившихъ въ ней. Въ случаѣ еслибы изъ этой категоріи воспитанницъ не образовалось опредѣленнаго уставомъ комплекта, дозволялось принимать дочерей и личныхъ дворянъ.

Управленіе институтомъ возлагалось на мѣстный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ казанскаго губернатора, въ составѣ: попечителя учебнаго округа, которому поручалось наблюденіе за учебною частью, губернскаго предводителя дворянства, члена, управляющаго хозяйственною частью и принадлежавшимъ институту имѣніемъ, и начальницы. Курсъ ученія опредѣленъ шестилѣтній, съ раздѣленіемъ его на три класса.

Около этого же времени состоялись постановленія дворянствъ: нижегородскаго и саратовскаго о сборѣ на устройство институтовъ въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ.

Постановленіе нижегородскаго дворянства состоялось въ 1839 году, когда, по случаю бракосочетанія наслѣдника Александра Ни-

[1]) По правиламъ избранія пенсіонерокъ приказами, онѣ могли избираться изъ дочерей чиновниковъ, получающихъ не болѣе тысячи рублей асс. въ годъ жалованья и не имѣющихъ недвижимаго имѣнія. (Уставъ Общ. Призр. т. XIII изд, 1842 г.). По ходатайству казанскаго губернатора это правило отмѣнено въ 1853 году на томъ основаніи, что „такое жалованье тогда получали лишь канцелярскіе служители, мало заботящіеся о высшемъ образованіи своихъ дочерей". При пріемѣ въ казанскій институтъ личныхъ дворянокъ было положено руководствоваться не окладомъ получаемаго ихъ родителями жалованья, а семейнымъ положеніемъ и средствами родителей къ воспитанію дѣтей.

колаевича, оно положило сдѣлать сборъ на преобразованіе бывшаго въ Нижнемъ Новгородѣ мужскаго пансіона въ институтъ. Сборъ былъ установленъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, въ размѣрѣ семи копѣекъ (сер.) съ души, въ теченіе восьми лѣтъ [1]). Онъ начался только въ 1842 году, когда на ту же цѣль было сдѣлано пожертвованіе нижегородскимъ помѣщикомъ М. Бреховымъ, который завѣщалъ свое имѣніе въ нижегородской и симбирской губерніяхъ на устройство и содержаніе въ Нижнемъ Новгородѣ института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, „дочерей самыхъ недостаточныхъ дворянъ нижегородской и симбирской губерній на правилахъ, изложенныхъ въ уставѣ казанскаго института. Въ завѣщаніи оговорено, что въ случаѣ еслибы институтъ почему либо не былъ учрежденъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, то оставляемое ему имѣніе должно перейти къ институту казанскому. Имѣніе Брехова состояло изъ 566 душъ. Его завѣщаніе побудило нижегородское дворянство скорѣе открыть институтъ въ Нижнемъ Новгородѣ, установивъ въ его пользу сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ. Этотъ сборъ былъ утвержденъ подъ условіемъ, чтобы онъ „былъ уплачиваемъ порядкомъ, установленнымъ для сбора денегъ, жертвуемыхъ на пансіоны при гимназіяхъ“ [2]).

Въ 1852 году сборъ дворянства, вмѣстѣ съ полученными отъ имѣнія Брехова доходами, составлялъ сумму до 250.000 р. сер. [3]), и хотя эта сумма была недостаточна для содержанія института и для постройки собственнаго его зданія, но институтъ былъ открытъ въ составѣ двухъ низшихъ классовъ. По первоначальному проэкту дворянства онъ назначался для воспитанія дочерей недостаточныхъ дворянъ и чиновниковъ съ цѣлью „доставленія имъ полезныхъ свѣдѣній какъ для общественнаго, такъ и для домашняго быта“ [4]). Изъ 36 штатныхъ воспитанницъ, 20 должны были содержаться безплатно на средства дворянства, а 16 были пенсіонерками Брехова. Въ 1854 году дворянство ходатайствовало о разрѣшеніи замѣщать предоставленныя ему вакансіи дочерьми потомственныхъ дворянъ, убитыхъ или раненыхъ на войнѣ, а остальныя—дочерьми дворянъ, занесенныхъ въ родословную книгу нижегородской губерніи (а не и симбирской, какъ завѣщалъ Бреховъ), но не иначе, какъ изъ кандидатокъ, избираемыхъ всѣмъ дворянствомъ въ собраніяхъ, при-

[1]) Дѣла Гл. Сов. ж. уч. зав. 1844.
[2]) Сб. свѣд. о кап. Т. I. 434.
[3]) Протоколъ губ. двор. собр. 1852.
[4]) Дѣла гл. Сов. 1844.

чемъ отдавать предпочтеніе дѣтямъ тѣхъ дворянъ, которые участвовали въ сборѣ на институтъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускать дворянскихъ дѣтей изъ другихъ губерній, также и личныхъ дворянъ.

Это ходатайство было уважено, но съ тѣмъ, чтобы кандидатки избирались не въ собраніяхъ, а по свидѣтельствамъ губернскихъ предводителей дворянства и чтобы въ случаѣ незамѣщенія всѣхъ вакансій такими кандидатками, какихъ желаетъ нижегородское дворянство, допускались своекоштными пенсіонерками дѣвицы изъ сосѣднихъ губерній, гдѣ нѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній [1]).

Совѣтъ нижегородскаго института долженъ былъ состоять подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, изъ губернскаго предводителя дворянства, директора училищъ и одного члена по выбору дворянства для завѣдыванія хозяйственною частью.

Постановленіемъ 16 декабря 1839 же года саратовское дворянство положило собрать капиталъ со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, по $7^1/_2$ коп. сер. съ души въ теченіи 10 лѣтъ, на устройство въ Саратовѣ института благородныхъ дѣвицъ. Къ 1853 году собранный дворянствомъ капиталъ простирался до 396.000 р. серебромъ (слишкомъ милліонъ ассигнаціями) [2]). Институтъ былъ принятъ подъ покровительство императрицы и, согласно ходатайству дворянства, подъ непосредственное завѣдываніе великой княгини Маріи Николаевны; дворянству было объявлено Высочайшее благоволеніе и разрѣшено назвать институтъ Саратовскимъ-Маріинскимъ. Онъ былъ открытъ въ 1854 году на 30 безплатныхъ воспитанницъ изъ бѣдныхъ дворянокъ.

Кромѣ институтовъ, учрежденныхъ на средства дворянства и городовъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ правительство открыло три института въ западныхъ губерніяхъ и одинъ въ Тифлисѣ.

Еще при преобразованіи полтавскаго института въ 1827 году, императоръ Николай объяснилъ цѣль его основанія обрусѣніемъ страны, „чтобы она не отставала въ образованіи отъ прочихъ областей“ [3]).

Послѣ польскаго возстанія 1831 года правительство обратило особенное вниманіе на воспитаніе женщинъ въ западныхъ гу-

---

[1]) Журн. гл. Сов. 1855.

[2]) Журналы опекунскаго Совѣта учр. Имп. Маріи по С.-Пет. Присутствію. (Арх. IV отд.) Докладная записка Собст. Его Имп. Вел. канцеляріи учр. Имп. М. по разсмотрѣнію смѣтныхъ росписаній отдѣльныхъ учр. вѣд. и его заведеній на 1882 годъ.

[3]) Отчетъ ст. секр. Лонгинова по полт. инст. 1845 (Арх. IV отд.).

беріяхъ и съ цѣлью „распространить просвѣщеніе и русское образованіе на дворянъ этихъ губерній“ учредило цѣлый рядъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1825 года существовалъ близъ Могилева, въ мѣстечкѣ Пропойка, частный женскій пансіонъ, открытый бывшею воспитанницею Смольнаго монастыря, Савичъ, которая сама въ немъ преподавала. Это былъ первый и единственный въ то время въ краѣ пансіонъ, въ которомъ ученіе преподавалось на русскомъ языкѣ. Еще ранѣе 1831 года Савичъ получала изъ государственнаго казначейства по 2.000 р. въ годъ въ видѣ пособія, увеличеннаго въ 1832 году до 4.440 рублей и тогда же, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія „во вниманіе къ пользѣ, приносимой воспитаніемъ благородныхъ дѣвицъ Бѣлорусскихъ губерній“, пансіонъ былъ переведенъ на казенную дачу Пиппенбергъ [1]). Когда, въ 1838 году, могилевское дворянство согласилось построить на свои средства домъ для пансіона, состоялось Высочайшее повелѣніе преобразовать его въ институтъ „по образцу прочихъ“. Будущему институту подарена дача, въ которой пансіонъ помѣщался, и кромѣ отпускавшагося уже денежнаго пособія, выданы изъ казны на постройку собственнаго зданія 17.142 р., изъ которыхъ большую часть могилевское дворянство обязалось возвратить казнѣ черезъ пять лѣтъ. Въ 1840 году былъ Высочайше утвержденъ уставъ и штатъ могилевскаго института, но открытіе его замедлилось ибо, изъ представленныхъ въ разное время на утвержденіе, девяти плановъ институтскаго зданія, ни одинъ не былъ утвержденъ, хотя могилевское дворянство въ 1843 году согласилось сдѣлать новый дополнительный сборъ на эту постройку. Въ 1854 году уже была назначена начальница института, но къ этому времени выяснилось, что установленный дворянствомъ сборъ не покроетъ нужной для постройки институтскаго дома суммы. Поэтому открытіе его было отложено на неопредѣленное время, а до учрежденія института, рѣшено, назначенное ему изъ государственнаго казначейства пособіе, выдавать Пиппенбергскому пансіону, въ которомъ уже преподавался институтскій курсъ наукъ.

Между тѣмъ, графъ Уваровъ, которому еще въ 1834 году государь поручилъ обсудить мѣры къ утвержденію воспитанія женщинъ въ западныхъ губерніяхъ въ духѣ правительства, представилъ проэктъ центральнаго женскаго института для бѣлорусскаго учебнаго округа, въ Вильнѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, на

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1844.

которыхъ былъ учрежденъ кіевскій институтъ. Въ 1837 году были готовы проэкты устава и штата виленскаго института; но государь написалъ на проэктѣ: „нахожу удобнѣе помѣстить заведеніе сіе въ Бѣлостокѣ, гдѣ дворецъ могу на сіе отдать. Какъ начальницѣ, такъ и всѣмъ классным дамамъ быть непремѣнно русскими [1]), иначе цѣль не достигнется, и дабы въ числѣ дѣтей были русскія же, предоставить изъ ста, двадцать мѣстъ дочерямъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, въ сихъ губерніяхъ служащихъ. На прочее все согласенъ" [2]).

Высочайше утвержденнымъ 6 ноября 1837 года уставомъ, бѣлостокскій институтъ, принятый тогда же подъ покровительство императрицы, учреждался на 100 воспитанницъ, не только дочерей бѣдныхъ, но вообще дворянъ, въ видахъ привлеченія въ него дочерей достаточныхъ родителей „дабы распространить вообще между дворянствомъ западныхъ губерній начала русской образованности" [3]). Въ числѣ 30 казенныхъ воспитанницъ первыя шесть вакансій назначались дочерямъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и имъ же предоставлялись 14 изъ 70 ти вакансій своекоштныхъ пенсіонерокъ съ платою по 150 рублей въ годъ. Штатными пенсіонерками могли быть исключительно, а своекоштными преимущественно, дочери дворянъ западныхъ губерній.

Управленіе институтомъ ввѣрялось Совѣту, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ виленскаго военнаго губернатора, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора, входили: попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа, губернскій предводитель дворянства, два депутата отъ дворянства бѣлостокской области, виленской, гродненской и минской губерній и члены по учебной и хозяйственной части. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ засѣданіяхъ Совѣта должны были обсуждаться вопросы, касающіеся внутренняго устройства заведенія, содержанія и одежды воспитанницъ, переводовъ ихъ въ высшіе классы, выпусковъ и наградъ, приглашалась начальница съ правомъ голоса.

Курсъ ученія назначался шестилѣтній, раздѣленный на три класса, по два года въ каждомъ. Программа была та же, что въ кіевскомъ институтѣ. Въ первоначальномъ проэктѣ графа Ува-

---

[1]) По проэкту гр. Уварова полагалось, чтобы начальница была русская, а ея помощница—уроженка западнаго края; изъ 2-хъ классныхъ дамъ, которыя должны были назначаться изъ бывшихъ воспитанницъ столичныхъ институтовъ, одна предполагалась римско-католическаго вѣроисповѣданія, „дабы и въ религіозномъ отношеніи отклонить всякій поводъ къ недовѣрчивости" (Уст. Вил. И. §§ 9 и 10).

[2]) Учр. институтовъ. XXXIII.

[3]) Дѣла гл. Сов. 1854.

рова для виленскаго, предполагалось еще практическое обученіе воспитанницъ домашнему хозяйству, для чего къ институту должны были быть присоединены фольварки изъ ближайшихъ конфискованныхъ имѣній; но императрица нашла это неудобнымъ и безполезнымъ [1]). Она выразила желаніе, чтобы въ бѣлостокскомъ институтѣ „при преподаваніи естественной исторіи, и въ особенности ботаники и зоологіи, при статьяхъ о кормовыхъ растеніяхъ и домашнемъ скотѣ и птицѣ, воспитанницамъ давали нѣкоторое понятіе о садоводствѣ и семейномъ хозяйствѣ, замѣняя этими полезными свѣдѣніями излишнія подробности, въ которыя преподаватели обыкновенно входятъ нащетъ системъ, классификаціи и т. п.“

Для преподаванія научныхъ предметовъ, уставъ предписывалъ приглашать самыхъ лучшихъ учителей „и въ особенности отличнаго преподавателя французскаго языка“, а для обученія музыкѣ, пѣнію, танцамъ и рукодѣлію, вызвать учителей изъ Петербурга. Въ отношеніи религіознаго образованія воспитанницъ, уставъ предписывалъ начальницѣ и русскимъ классымъ дамамъ „необходимость поступать касательно католической вѣры съ большою осторожностью и отнюдь не обнаруживать противодѣйствія религіознымъ чувствамъ воспитанницъ“ (§ 11).

Средства для содержанія института назначались: отъ приказовъ общественнаго призрѣнія: минскаго, гродненскаго, кіевскаго и подольскаго, всего 10.115 рублей серебромъ; отъ платы съ пенсіонерокъ, изъ доходовъ бывшаго дворцоваго бѣлостокскаго имѣнія. Кромѣ того, изъ государственнаго казначейства должны были выдаваться институту 3.000 рублей, отпускавшіеся до 1837 года, еще по повелѣнію императора Павла, монахинямъ-Визиткамъ въ Вильнѣ. Всего на содержаніе института было назначено 24.000 рублей серебромъ въ годъ.

Третій институтъ, въ Варшавѣ, былъ преобразованъ изъ частнаго заведенія для образованія гувернантокъ, взятаго въ 1827 году въ казну. Десять лѣтъ спустя, намѣстникъ царства польскаго „для поощренія достаточныхъ родителей къ воспитанію дочерей своихъ“ переименовалъ это заведеніе въ казенный институтъ для воспитанія дѣвицъ, принятый подъ покровительство императрицы и названный Александринскимъ. Средства института составлялись тогда изъ платы за четырехъ пенсіонерокъ государя по 7.200 злотыхъ въ годъ, отъ десяти частныхъ пенсіонерокъ по 1.500

---

[1]) Учрежд. инстит. XXXIII. Сообщеніе ст. секр. Вилламова гр. Уварову 3 марта 1837.

злотыхъ за каждую—всего 15.000 злотыхъ. Изъ казны выдавалось ежегодно по 132.600 злотыхъ. Казенныхъ воспитанницъ было 30, экономическихъ — 6 и 66 приходящихъ, воспитывавшихся даромъ, но съ обязательствомъ прослужить правительству одинъ годъ въ званіи учительницы [1]). Всѣ же остальныя воспитанницы, кромѣ частныхъ пенсіонерокъ, были обязаны прослужить два года въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ или частныхъ домахъ, за вознагражденіе.

По смерти, въ 1837 году, учредительницы заведенія для образованія гувернантокъ, Вильчинской, намѣстникъ поручилъ надзоръ за институтомъ „генеральной Визитаторкѣ высшихъ учебныхъ заведеній женскаго пола въ царствѣ", полковницѣ Матильдѣ Абрамовичъ [2]). Управленіе было возложено на временную администрацію, состоявшую изъ предсѣдателя Совѣта—главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія той же коммиссіи, члена совѣта народнаго просвѣщенія и генеральныхъ визитаторовъ учебныхъ заведеній. Учебная часть была подчинена Совѣту народнаго просвѣщенія царства; для веденія хозяйства приглашена экономка, обязанная во всемъ сообразоваться съ распоряженіями генеральной визитаторки. Наблюденіе за образомъ преподаванія наукъ было возложено на инспектора, который былъ обязанъ представлять рапортъ Совѣту народнаго просвѣщенія черезъ генеральную визитаторку. Къ ней же должны были относиться начальница, надзирательницы и помощницы во всемъ, касавшемся воспитанія и представлять ей подробные рапорты о воспитанницахъ.

Главный надзоръ за всѣми частями института былъ сохраненъ за генеральной визитаторкой до 1840 года, когда институту былъ данъ уставъ, въ которомъ о ней не упомянуто. По новому уставу цѣль института опредѣлялась доставленіемъ „приличнаго воспитанія на казенномъ иждивеніи дочерямъ недостаточныхъ чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, служащихъ въ царствѣ польскомъ", а также „приготовленіемъ изъ нихъ нѣкотораго числа по педагогическимъ правиламъ для исполненія обязанностей наставницъ дѣтей", и вообще „доставить возможность частнымъ лицамъ воспитать дочерей своихъ за умѣренную плату" [3]). Управ-

[1]) Учрежденіе инст-въ. XXXIII.

[2]) Приведенныя объ институтѣ свѣдѣнія взяты изъ рапорта генеральной Визитаторки, представленнаго, вмѣстѣ съ другими документами, намѣстникомъ, княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ (Арх. IV отд.).

[3]) Уставъ Александрийскаго въ Варшавѣ института воспитанія дѣвицъ. 1840. 15 іюня.

леніе институтомъ ввѣрялось Совѣту, состоявшему подъ предсѣдательствомъ главнаго директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ царства, изъ членовъ: попечителя варшавскаго учебнаго округа, гражданскаго губернатора губерніи, гдѣ будетъ находиться институтъ, и двухъ, особо назначенныхъ, членовъ—одного по учебной, другого—по хозяйственной части. Внутренній надзоръ поручался начальницѣ, относительно обязанностей которой, уставъ сохранялъ характеръ устава Бецкаго. Комплектъ воспитанницъ былъ опредѣленъ въ 200; изъ нихъ 100 штатныхъ и 100 пенсіонерокъ съ платою по 1.200 злотыхъ или по 180 рублей (сер.) въ годъ съ каждой. Въ этомъ числѣ было 12 стипендіатокъ на пожертвованный городомъ въ 1840 году капиталъ [1]). Воспитанницамъ не разрѣшалось отлучаться изъ института, за исключеніемъ особыхъ случаевъ болѣзни или смерти родныхъ. Курсъ ученія оставленъ шестилѣтній; но программа его расширена. При присужденіи наградъ воспитанницамъ (3 шифра, 3 золотыхъ медали и книгъ), уставъ предписывалъ предпочитать успѣхи въ поведеніи успѣхамъ въ ученіи.

Въ 1843 году институтъ переведенъ въ подаренное ему зданіе въ Новой Александріи близъ Варшавы, а десять лѣтъ спустя, число казенныхъ воспитанницъ уменьшено со 100 до 50-ти; число же своекоштныхъ увеличено до 150-ти.

Впредь до открытія предполагавшихся къ учрежденію въ Вильнѣ и Ковно институтовъ, на которые дворянствомъ губерній уже собирались суммы, правительство, въ видахъ устройства женскаго воспитанія въ краѣ соотвѣтственно своимъ цѣлямъ, обратило вниманіе и на частное воспитаніе. Въ 1837 году Высочайше повелѣно было устроить въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гродно, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомірѣ, Ровно и Каменецъ-Подольскѣ образцовые пансіоны съ цѣлью „восполнить недостатокъ учебныхъ заведеній для образованія дѣвицъ въ западномъ краѣ". Каждому изъ нихъ было назначено пособіе по 1.500 рублей (сер.) въ годъ отъ казны, т.-е. изъ процентовъ на капиталъ, прежде принадлежавшій женскимъ римско-католическимъ монастырямъ. Содержательницами такихъ пансіоновъ назначались русскія и преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ.

Въ 1840 году всѣ монастырскія училища въ западномъ краѣ были закрыты по Высочайшему повелѣнію, и, отпускавшаяся на нихъ изъ фундушеваго капитала сумма, обращена на устройство свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній. При этомъ министер-

---

[1]) Журналы опек. Совѣтовъ по учрежд. Имп. Маріи. 1879 (Арх. IV отд.).

ству народнаго просвѣщенія вмѣнено въ обязанность представлять правительству объ открытіи, въ случаѣ надобности, учебныхъ заведеній въ родѣ образцовыхъ пансіоновъ, преимущественно для средняго и низшаго классовъ общества, и въ другихъ, помимо указанныхъ въ 1837 году, мѣстахъ. Кромѣ того, Высочайше разрѣшено отдавать подъ помѣщеніе пансіоновъ зданія заштатныхъ римско-католическихъ монастырей, если эти зданія не понадобятся военному вѣдомству.

Но устройство частныхъ образцовыхъ пансіоновъ, даже и съ русскими содержательницами, не вполнѣ достигало цѣли и не представлялось прочнымъ, ибо, какъ объяснено въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова [1]), содержательницы смотрѣли на пансіоны какъ на частную собственность, и существованіе этихъ пансіоновъ зависѣло отъ личныхъ обстоятельствъ частнаго лица. Поэтому, въ 1843 году, Высочайше повелѣно преобразовать находившійся въ Вильнѣ частный образцовый пансіонъ для дѣвицъ средняго состоянія въ казенный, для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, подчинивъ его непосредственному завѣдыванію учебнаго начальства. Главное управленіе пансіономъ ввѣрено, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ, отношеніи, директору виленскаго дворянскаго института подъ наблюденіемъ попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа, а внутренняя часть — начальницѣ и классымъ дамамъ. Въ пансіонѣ полагалось 70 воспитанницъ; изъ нихъ 50 полныхъ, а 25 полупенсіонерокъ съ платою съ первыхъ отъ 70-ти до 80-ти рублей въ годъ, со вторыхъ по 40 рублей. За обученіе музыкѣ была назначена особая плата отъ 30-ти до 50-ти рублей въ годъ. При вступленіи въ пансіонъ, воспитанницы (отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ) должны были принести съ собою столовый приборъ, серебряныя ложки, одну столовую, одну чайную, простой ножикъ и вилку и 6 салфетокъ.

Курсъ ученія опредѣленъ въ 4 года. Въ пансіонѣ должны были преподавать: законъ Божій православнаго и римско-католическаго, а если нужно, то и евангелическаго исповѣданій, языки русскій, французскій, нѣмецкій и польскій (на этомъ языкѣ долженъ былъ преподаваться законъ Божій римско-католическаго исповѣданія и польскій языкъ), всеобщая исторія и географія на французскомъ языкѣ; остальные предметы: ариѳметика, русская исторія и географія — по-русски. Кромѣ того преподавались: чистописаніе, рисованіе, танцы, рукодѣлія. По окончаніи полнаго курса, разрѣшалось выдавать воспитанницамъ свидѣтельства на право

---

[1]) 1844 г. (Арх. М. Н. Пр.).

обучать въ частныхъ домахъ, безъ особаго испытанія, чтенію и письму на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и ариѳметикѣ [1]).

Этотъ пансіонъ долженъ былъ существовать лишь временно, до открытія виленскаго института, на который, къ 1855 году, дворянство виленской, ковенской, гродненской и минской губерній собрало уже сумму, превышавшую 150.000 р. сер., предназначенныхъ для перестройки зданія бывшаго въ Вильнѣ миссіонерскаго монастыря, отданнаго будущему женскому центральному институту.

Закавказскій институтъ въ Тифлисѣ былъ учрежденъ въ 1840 году по Высочайшей волѣ на 60 воспитанницъ, дочерей высшаго дворянства края, которымъ было предоставлено 40 безплатныхъ вакансій, а остальныя 20 могли замѣщаться своекоштными пенсіонерками съ платою по 150 рублей въ годъ. На содержаніе института было назначено 24.500 р, въ годъ изъ государственнаго казначейства и изъ суммъ, находившихся въ вѣдѣніи главноуправляющаго Грузіею, въ томъ числѣ и суммы, выдававшейся до тѣхъ поръ казенному дѣвичьему пансіону въ Тифлисѣ [1]). Главное начальство надъ институтомъ ввѣрялось главноуправляющему Грузіею и черезъ него должны были представляться доклады императрицѣ, подъ покровительство которой институтъ былъ поставленъ.

Годъ спустя, на другой окраинѣ Россіи, въ Сибири, положено начало женскому институту. Это былъ „дѣвичій институтъ восточной Сибири“.

До 1838 года въ Сибири не было ни одного, ни учебнаго, ни воспитательнаго, женскаго заведенія. Въ этомъ году, по мысли и на средства вдовы купца 1-й гильдіи, Елизаветы Михайловны Медвѣдниковой, былъ открытъ, уже послѣ ея смерти, Сиропитательный домъ для воспитанія и образованія сиротъ женскаго пола. Составленнымъ еще въ 1828 году духовнымъ завѣщаніемъ, Медвѣдникова назначала 70.000 рублей (асс.) на устройство въ Иркутскѣ учебно-воспитательнаго заведенія для сиротъ вообще. Но иркутскій гражданскій губернаторъ, Цейдлеръ, убѣдилъ наслѣдниковъ Медвѣдниковой устроить его исключительно для призрѣнія дѣвочекъ, и заведеніе было открыто въ 1838 году [3]).

---

[1]) Положеніе о Виленскомъ казенномъ образцовомъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ (Арх. М. Н. Пр.).

[2]) Записка главноупр. Грузіею, представленная государю 30 дек. 1839 г. (Учр. инст. XXXIII).

[3]) Иркутскій Сиротопитательный домъ Елиз. Медвѣдниковой и учрежденный при немъ банкъ. 1838—1858. Иркутскъ. 1888. Изд. Совѣта Сиропит. дома.

При этомъ наслѣдники (сыновья) Медвѣдниковой отдѣлили 50.000 р. изъ завѣщаннаго ею капитала, на учрежденіе банка Сиропитательнаго дома съ тѣмъ, чтобы на доходы съ этой суммы и на частныя пожертвованія содержать воспитанницъ. Оба эти учрежденія были приняты подъ покровительство императрицы, и тогда же начата постройка зданія для Дома на 20.000 р. капитала Медвѣдниковой и на пожертвованныя ея наслѣдниками суммы. Хотя первоначально въ новое заведеніе поступали дочери мѣщанъ и цеховыхъ, но скоро стали поступать и дочери дворянъ и чиновниковъ, и даже богатыхъ родителей, своекоштными пенсіонерками. Это было первое женское учебное заведеніе въ Сибири.

Въ 1841 году генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Рупертъ, задумалъ устроить институтъ, въ которомъ дворянскія и купеческія дочери могли бы получать среднее образованіе. Онъ обратился съ приглашеніемъ о пожертвованіяхъ къ золотопромышленникамъ и къ учредителямъ банка Сиропитательнаго дома; собравъ такимъ путемъ 30.000 рублей, Рупертъ сейчасъ же приступилъ къ постройкѣ зданія для института, который былъ открытъ въ 1845 году.

По утвержденному еще раньше уставу и штату, институтъ предназначался для воспитанія и образованія дочерей гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ или служившихъ въ восточной Сибири, также дочерей инородцевъ и купцовъ 1 и 2 гильдій. Казенныхъ воспитанницъ назначалось 40, а пенсіонерокъ 30. Въ 1855 году было разрѣшено принимать своекоштными пенсіонерками дочерей лицъ всѣхъ свободныхъ состояній. Курсъ ученія полагался шестилѣтній съ раздѣленіемъ на 3 класса. Средства института составлялись изъ процентовъ съ отчисленнаго ему банкомъ Сиропитательнаго дома небольшого капитала, назначенной отъ казны суммы въ 14.300 рублей, которые должны были отпускаться Кяхтинскою таможнею, за что ей было дано право помѣщать своихъ пенсіонерокъ, и отъ платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ по 250 рублей въ годъ съ каждой.

Въ это же время возникло предположеніе учредить такой же институтъ и въ западной Сибири. По Высочайше утвержденному, въ 1843 году, Положенію объ общественномъ сибирскомъ банкѣ въ Томскѣ, изъ процентовъ съ капитала, принадлежащаго учредителю банка, А. Попову, также съ вкладовъ частныхъ лицъ, было опредѣлено отдѣлять ежегодно по 2.000 рублей на 20 стипендій въ иркутскомъ институтѣ „преимущественно сиротъ гражданскихъ и горныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ томской губерніи“. Остальныя прибыли банка должны были при-

числяться къ его капиталу до тѣхъ поръ, пока доходовъ отъ его оборотовъ будетъ достаточно для устройства института въ Томскѣ и содержанія въ немъ 40 воспитанницъ. Пока шла переписка объ учрежденіи института, дѣла банка ухудшились, и въ 1854 году томскій губернаторъ сообщилъ, что главный источникъ доходовъ банка, при выдачахъ ссудъ подъ залогъ золота, пресѣкся съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ суммы изъ государственнаго комерческаго банка въ алтайское горное управленіе, и что учрежденіе института сдѣлалось невозможнымъ [1]).

Въ 1845 году дворянство войска донского, по приглашенію наказного атамана Власова, ходатайствовало объ учрежденіи въ Новочеркасскѣ института для воспитанія дочерей мѣстныхъ дворянъ, и съ этой цѣлью установило сборъ по 5 копѣекъ съ десятины земли, имѣющей поступить въ надѣлъ донскимъ помѣщикамъ [2]). Представляя объ этомъ ходатайствѣ военному министру, Власовъ говорилъ, что въ землѣ войска донского совсѣмъ нѣтъ способовъ доставить дочерямъ мѣстныхъ дворянъ средняго и недостаточнаго состоянія даже самыхъ необходимыхъ познаній. На проектѣ устава будущаго института, государь написалъ: „Главная цѣль для заведенія на Дону—образовать для края какъ бы разсадникъ благоразумно просвѣщенныхъ женъ, хозяекъ и въ особенности матерей, которыя, будучи первыми наставницами дѣтей, поселили бы въ ихъ юныхъ сердцахъ чувства христіанскаго смиренія и благоговѣнія къ волѣ Господней, искреннюю приверженность къ православной церкви и неограниченную преданность къ Престолу, пріучали бы дѣвицъ къ хозяйству, рукодѣлію и порядку согласно съ бытомъ и обычаемъ казаковъ“ [3]). Въ этихъ видахъ государь нашелъ ненужнымъ обучать воспитанницъ французскому языку, музыкѣ и танцамъ, какъ предметамъ обязательнымъ, а также ненужнымъ и „рѣшительно вреднымъ“ допущеніе въ институтѣ полупенсіонерокъ, которыя, „не находясь постоянно подъ наблюденіемъ наставницъ, не могутъ получить основательнаго образованія, въ особенности въ нравственномъ отношеніи“.

По Высочайшему повелѣнію институтъ долженъ былъ состоять подъ покровительствомъ цесаревны, почему и названъ Маріинскимъ, и въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. По проекту послѣдняго, комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ 36 должны были содержаться на средства войско-

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1854 г.

[2]) Войсковое Положеніе, данное императоромъ Николаемъ 1 янв. 1836 г.

[3]) Журн. гл. Сов. 1850.

выхъ суммъ, а 84 могли поступать своекоштными пенсіонерками, въ числѣ которыхъ, въ случаѣ свободныхъ вакансій, могли быть и дочери служащихъ въ войскѣ чиновниковъ [1]). Совѣтъ института, подъ предсѣдательствомъ наказного атамана войска донского, долженъ былъ состоять изъ начальницы, депутата войскового дворянства, директора новочеркасской гимназіи (членъ по учебной части) и особаго, по избранію атамана, члена для управленія хозяйственной частью. Курсъ ученія полагался шестилѣтній, раздѣленный на 3 класса, кромѣ класса приготовительнаго.

Средства института должны были составляться: изъ пошлинъ съ отводимыхъ въ потомственное владѣніе донскимъ дворянамъ земель, по $1^1/_2$ копѣйки сер. въ годъ съ десятины, что составило 23.400 рублей, изъ процентовъ съ жертвуемой дворянствомъ суммы, по 2 копѣйки съ каждой десятины земли въ теченіе десяти лѣтъ, процентовъ съ 4.285 рублей, завѣщанныхъ институту умершимъ атаманомъ Власовымъ и платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, по 150 рублей въ годъ съ каждой. На постройку институтскаго зданія и первоначальное обзаведеніе, дворянство ходатайствовало объ отпускѣ изъ войскового строительнаго капитала 100.000 рублей, которые обязывалось возвратить въ теченіе десяти лѣтъ изъ одного земельнаго сбора. На этихъ основаніяхъ институтъ былъ открытъ въ 1852 году.

Въ этотъ же періодъ времени, 1828—1855, преобразованы и вновь учреждены еще дѣвичьи училища на средства городовъ и частныхъ обществъ. Изъ нихъ, одесское дѣвичье училище существовало еще съ 1817 года на городской счетъ и было подчинено приказу общественнаго призрѣнія по хозяйственной, а Ришельевскому лицею по учебной части. Оно предназначалось для дѣвицъ недостаточнаго состоянія всѣхъ классовъ общества. Число ученицъ, которыя всѣ были приходящими, ежегодно бывало не менѣе 120. По случаю посѣщенія училища Императрицею Александрою Ѳедоровною, графъ Воронцовъ представилъ о необходимости подчинить его Совѣту одесскаго института, и тогда училище поступило подъ покровительство императрицы, ему былъ данъ уставъ, которымъ расширялась первоначальная его программа и удлиннялся курсъ ученія. Посѣщеніе училища оставлено попрежнему безплатнымъ [2]), а содержаніе его оплачивалось городомъ, отпускавшимъ ему и ранѣе, по 10.000 рублей въ годъ [3]).

Другое училище „для бѣдныхъ дѣвицъ, круглыхъ сиротъ всѣхъ

---

[1]) Уставъ и штатъ Мар. Донск. инст. благ. дѣвицъ. С.-Пет. 1852.

[2]) При поступленіи каждая ученица вносила 10 рублей асс.

[3]) Учр. институтовъ. XXIX. Одесскій инст. 1824—1862.

сословій" было основано въ 1834 году въ Кіевѣ, Обществомъ вспоможенія бѣднымъ, предсѣдательницею котораго была графиня Левашева. По данному ему въ 1840 году уставу, которымъ оно было передано въ завѣдываніе Совѣта кіевскаго института и поступило подъ покровительство императрицы, цѣль его опредѣлялась „призрѣніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ всѣхъ свободныхъ состояній, доставленіемъ имъ содержанія и нѣкотораго образованія до того возраста, когда онѣ сами будутъ въ состояніи добывать себѣ пропитаніе честно и благородно" [1]). По окончаніи курса, воспитанницы могли поступать надзирательницами за домашнимъ хозяйствомъ въ частныхъ домахъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Съ этой цѣлью въ программу училища входило и ознакомленіе воспитанницъ съ хозяйствомъ во всѣхъ его частяхъ, также „понятія о хожденіи за дѣтьми". Уставомъ допускались и своекоштные пенсіонерки съ платою по 100 рублей (асс.) въ годъ, но ихъ не было, и это приписали тому, что такая программа, съ элементарнымъ курсомъ, не отвѣчаетъ потребностямъ общества. Дѣйствительно, когда главная надзирательница училища, француженка, стала преподавать французскій и нѣмецкій языки, явились пенсіонерки изъ дочерей военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и это дало училищу средства покрывать всѣ свои расходы. Но на докладѣ государю о постройкѣ собственнаго училищнаго зданія, онъ написалъ: „Прекрасное заведеніе, но курсъ наукъ вовсе не сходенъ съ предназначеніемъ и происхожденіемъ воспитанницъ; необходимо вовсе измѣнить, гораздо упростивъ противъ Александринскаго здѣсь". Тогда было прекращено въ училищѣ преподаваніе иностранныхъ языковъ; но въ 1854 году оно было преобразовано въ заведеніе для 80 воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ кіевской, подольской и волынской губерній. Изъ 80 воспитанницъ, 50 могли быть лишь своекоштными пенсіонерками изъ дочерей и личныхъ дворянъ, потомственныхъ почетныхъ и личныхъ гражданъ, купцовъ 1 и 2 гильдій. Цѣль училища заключалась въ приготовленіи домашнихъ учительницъ для края, и, поэтому, въ программу ученія были включены иностранные языки.

Оренбургское дѣвичье училище, существовавшее съ 1832 года въ видѣ особаго отдѣленія Неплюевскаго кадетскаго корпуса, для дочерей низшихъ воинскихъ чиновъ и бѣдныхъ родителей всякаго званія, которыя могли быть лишь приходящими, было преобра-

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1852.

зовано въ 1848 году въ училище для дочерей штабъ- и оберъ-офицеровъ войскъ, расположенныхъ на оренбургской линіи и тамошняго казачьяго войска, а также гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ въ краѣ, священниковъ и купцовъ 1-й гильдіи. Оно предназначалось для „утвержденія и распространенія образованія женщинъ въ краѣ". Сначала предполагалось преобразовать его прямо въ институтъ, но, по настоянію генералъ-губернатора Перовскаго, указывавшаго, между прочимъ, и на то, что закрытое заведеніе не отвѣчаетъ мѣстнымъ потребностямъ, это преобразованіе было отложено и совершилось лишь въ 1855 году, причемъ училище названо оренбургскимъ институтомъ для воспитанія дѣвицъ. Изъ 75 комплектныхъ воспитанницъ, 40 должны были содержаться на суммы уральскаго войска, 1/10 доходовъ Неплюевскаго корпуса, процентовъ съ принадлежавшаго училищу капитала въ 15.000 рублей и отъ сбора съ тептярей. 35 могли быть лишь своекоштными пенсіонерками за плату по 130 рублей въ годъ съ каждой. Институтъ учреждался съ цѣлью „доставить образованіе дѣтямъ служащаго класса людей въ степныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ [1]).

Въ 1837 году, по случаю посѣщенія наслѣдникомъ Тобольска, тамошнее городское общество рѣшило учредить школу для образованія дѣвицъ всѣхъ сословій. На это была собрана сумма, достигшая къ 1851 году 20.289 рублей; изъ нихъ 2.000 съ небольшимъ были даны тобольскою и омскою Думами, до 8.000 р. —купечествомъ и 300 р. поступили отъ мѣщанства. Школа была открыта въ 1854 году для приходящихъ ученицъ. Первое ея отдѣленіе предназначалось для 100 дочерей мѣщанъ и другихъ низшихъ сословій, а второе для 40 дочерей духовенства и купцовъ. Тобольскій гражданскій губернаторъ былъ почетнымъ попечителемъ школы и ему было предоставлено право ввѣрить ближайшій надъ нею надзоръ одной изъ почетныхъ въ городѣ дамъ; почетнымъ блюстителемъ назначался городской Голова, инспекторъ гимназіи завѣдывалъ учебною частью, учителя гимназіи и уѣзднаго училища преподавали даромъ. Управленіе школою во всѣхъ отношеніяхъ было поручено директору училищъ тобольской губерніи [2]).

Кромѣ этихъ училищъ для приходящихъ, въ 1848 году, по мысли принца Ольденбургскаго, былъ учрежденъ женскій пансіонъ при гатчинскомъ Сиротскомъ институтѣ для 35 ученицъ, дочерей

[1]) Журн. Опек. Сов. 1861.
[2]) Журн. гл. Сов. 1852.

чиновниковъ института и гатчинскаго дворцоваго правленія. За право посѣщенія уроковъ взималась плата отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ.

Изъ предположенныхъ къ открытію, но къ 1855 году еще не открытыхъ, институтовъ, могилевскій былъ задуманъ еще въ 1837 году по мысли тамошняго гражданскаго губернатора, который, находя, что одного, существовавшаго тогда въ Могилевѣ, пиппенбергскаго пансіона, мало для воспитанія женскаго населенія сообразно цѣлямъ правительства, предложилъ преобразовать этотъ пансіонъ въ институтъ, на 100 воспитанницъ. Это предложеніе было тогда же принято министромъ народнаго просвѣщенія, который исходатайствовалъ у императрицы, чтобы она приняла будущій институтъ подъ свое покровительство; послѣ этого и дворянство изъявило согласіе на сборъ въ пользу института. Была составлена уже смѣта и штаты, но преобразованіе пиппенбергскаго пансіона въ институтъ замедлилось.

Въ Орлѣ также былъ задуманъ, еще въ 1848 году, институтъ, по волѣ государя на доходы съ завѣщанныхъ „на общую пользу“ графинею Орловою-Чесменскою ея имѣній въ орловской, московской и ярославской губерніяхъ, составлявшихъ въ общей сложности 1425 душъ. Но такъ какъ доходовъ съ этихъ имѣній было показано тогда лишь 7.500 рублей (сер.) въ годъ, а на содержаніе 100 воспитанницъ (въ томъ числѣ 5 пенсіонерокъ) требовалось 20.500 рублей въ годъ, то государь велѣлъ, въ случаѣ еслибы у четвертаго отдѣленія Собственной Его канцеляріи, недостало средствъ для пополненія недостающей суммы, обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ: нельзя ли эту сумму получать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія? [1]) По отзыву министра внутреннихъ дѣлъ, отъ приказовъ нельзя было ожидать ни постояннаго, ни единовременнаго пособія, ибо сумма отпускаемыхъ ими на разные институты пособій превышаетъ 63.000 рублей въ годъ, и они уже просятъ освободить ихъ отъ уплаты этой суммы. Тогда было предложено орловскому дворянству собрать капиталъ въ 220.000 рублей, изъ которыхъ 70.000 предполагалось употребить на постройку институтскаго зданія, а 150.000 рублей обратить въ неприкосновенный капиталъ института.

Постановленіе дворянства собрать нужную сумму изъ доходовъ съ своихъ имѣній, по пяти копѣекъ въ годъ съ каждой окладной души, состоялось лишь въ 1850 году; при этомъ дворянство

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1848 г.

поставило условіемъ, чтобы институтъ былъ учрежденъ исключительно для дочерей дворянъ орловской губерніи. Сборъ начался въ 1852 году.

Одновременно съ Высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи орловскаго института, въ 1848 году состоялось постановленіе костромского дворянства объ учрежденіи „Романовскаго" института въ Костромѣ на суммы, собранныя дворянствомъ „изъ доходовъ помѣщиковъ, а не съ крестьянъ", считая по семи копѣекъ съ души въ годъ, въ теченіе десяти лѣтъ. Изъ этого сбора, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, двѣ копѣйки изъ семи должны были отдѣляться на преобразованіе существовавшаго съ 1838 года въ г. Нерехтѣ дѣвичьяго училища, подъ условіемъ, чтобы въ него черезъ каждые пять лѣтъ поступали 15 дочерей самыхъ бѣдныхъ дворянъ безплатно, а по открытіи института, четыре лучшія ученицы училища переводились бы въ институтъ на безплатное же содержаніе.

Въ 1851 году предполагавшійся костромской институтъ былъ принятъ подъ покровительство императрицы. Онъ былъ разсчитанъ на 50 воспитанницъ, изъ которыхъ 20—дочерей недостаточныхъ дворянъ, содержались безплатно, и 30 пенсіонерокъ съ платою по 200 рублей въ годъ.

Въ 1851 же году и ярославское дворянство, по случаю двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая, постановило пожертвовать единовременно сумму, собравъ съ помѣщиковъ по 20 копѣекъ съ окладной души, для составленія капитала, на проценты котораго должны были воспитываться пенсіонеры въ Демидовскомъ лицеѣ, а пенсіонерки въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ, съ платою по 240 рублей въ годъ за каждую.

Кромѣ того, въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ предполагались еще институты въ Витебскѣ и Смоленскѣ [1]; но крымская война и послѣдовавшія за нею крупныя перемѣны въ русской жизни, произвели коренное измѣненіе во взглядахъ русскаго общества, между прочимъ, и на воспитаніе и образованіе женщинъ.

По отношенію къ существовавшимъ при жизни Императрицы Маріи женскимъ учебнымъ заведеніямъ, за періодъ времени отъ ея смерти по смерть императора Николая, были сдѣланы нѣко-

---

[1]) Дворянство смоленской губерніи еще въ 1849 году предоставило почетному попечителю смоленской губернской гимназіи открыть подписку для добровольныхъ пожертвованій на устройство дѣвичьяго института въ Смоленскѣ. Но тогда было собрано всего 325 р. 50 к. Въ 1852 году дворянство предназначило для будущаго института купленный имъ для благороднаго пансіона при гимназіи домъ и просило попечителя продолжать сборъ на институтъ. (Арх. мин. нар. просв. 1853 г.).

торыя отдѣльныя распоряженія. Дѣвичье училище военносиротскаго дома переименовано въ Павловскій институтъ, въ память императора Павла; бывшее при немъ отдѣленіе солдатскихъ дочерей въ 1850 году присоединено къ Александринскому сиротскому дому; въ Павловскомъ институтѣ должны были воспитываться дочери военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ до чина полковника или капитана 2-го ранга, а пенсіонерками могли быть дочери и гражданскихъ чиновниковъ; комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 240, изъ которыхъ 140 полагалось своекоштныхъ [1]). Петербургскій, московскій и симбирскій Дома Трудолюбія переименованы въ Елизаветинскія училища въ память императрицы Елизаветы Алексѣевны. По ходатайству петербургской Думы, отпускавшей, по Высочайшему повелѣнію 1827 года, по 7.142 рубля серебромъ (25.000 р. асс.) въ годъ на содержаніе петербургскаго Дома, было, въ 1850 году, разрѣшено ей помѣщать шесть своихъ пенсіонерокъ не только изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, но и изъ штабъ-офицерскихъ, также медиковъ, учителей и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ.

Хотя всѣ Дома Трудолюбія были предназначены для воспитанія дѣвицъ свободнаго состоянія, но пенсіонерками могли поступать и дочери бѣдныхъ дворянъ и классныхъ чиновниковъ. Имъ, кромѣ элементарнаго образованія, преподавались добавочные предметы: иностранные языки, географія и исторія, а въ московскомъ Домѣ — музыка и танцы, за особую плату. По окончаніи курса, пенсіонеркамъ выдавались атестаты на званіе домашней наставницы безъ особаго экзамена [2]). Вслѣдствіе ходатайства Совѣта московскаго Дома Трудолюбія въ 1833 году, о повышеніи курса и для штатныхъ воспитанницъ, на томъ основаніи, что пенсіонерки легко, тотчасъ же по окончаніи курса, помѣщаются на мѣста, а штатныя, образованіе которыхъ ограничивается элементарными предметами, трудно пристраиваются, курсъ былъ уравненъ для всѣхъ одинаково. Число пенсіонерокъ во всѣхъ Домахъ было велико. Въ 1843 году въ московскомъ, вмѣсто положенныхъ уставомъ 1829 года пятидесяти комплектныхъ воспитанницъ, ихъ было 127, причемъ отъ пенсіонерокъ, платившихъ по 450 рублей въ годъ, было получено 36.800 руб.; вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ году, попечительный Совѣтъ Дома ходатайствовалъ о разрѣшеніи принимать пенсіонерокъ только такихъ членовъ благотворительнаго Общества, которые внесли въ

---

[1]) На докладѣ этого проекта, государь написалъ: „согласенъ лишь бы не вовлекло въ новые расходы, которыхъ мнѣ нечѣмъ покрыть“. (Журн. гл. Сов. 1849 г.).

[2]) Уставъ симб. Д. Труд. § 50.

его кассу единовременно 2.000 рублей серебромъ [1]) и плата съ пенсіонерокъ была увеличена до 525 рублей въ годъ.

Въ 1836 году императоръ Николай посѣтилъ симбирскій Домъ Трудолюбія и, уѣзжая, сказалъ о немъ губернатору: „ничего лучше онаго я не нашелъ“ [2]).

Въ рязанскомъ Домѣ, состоявшемъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, до 1846 года получали элементарное образованіе дѣти обоего пола. Бывшій тогда рязанскимъ губернаторомъ, Прокоповичъ-Антонскій, представилъ докладъ, въ которомъ говорилъ, что въ Рязани до 237 мальчиковъ воспитываются въ разныхъ заведеніяхъ на благотворительныя суммы, а для дѣвочекъ существуетъ лишь одинъ Домъ Трудолюбія, гдѣ ихъ воспитывается всего 20; поэтому онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы въ Домъ принимались только однѣ дѣвочки, на что императрица дала свое согласіе.

Мѣщанское училище при Воспитательномъ Обществѣ названо Александровскимъ, по примѣру московскаго. Бывшее при немъ военное отдѣленіе упразднено, а пріемъ въ Александровское ограниченъ дочерьми штабъ и оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, также священниковъ, „съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ сословій“ [3]). Нѣкоторымъ изъ заведеній были даны уставы и штаты, опредѣлены новые источники средствъ [4]).

Относительно внутренняго управленія институтовъ, была, въ числѣ другихъ мѣръ, принята одна, общая для всѣхъ, а именно повышена должность начальницъ и директриссъ. Увидѣвъ, что на докладѣ Совѣта харьковскаго института подписи членовъ стояли выше подписи начальницы, государь велѣлъ, чтобы вездѣ, гдѣ, по уставу, начальница присутствуетъ въ засѣданіяхъ Совѣта, она подписывалась выше всѣхъ членовъ, въ какихъ бы чинахъ они

---

[1]) До тѣхъ поръ право на помѣщеніе своихъ пенсіонерокъ имѣли члены Общества, внесшіе въ его классу 3000 р. асс. единовременно или вносившіе ежегодно не менѣе 300 р. асс.

[2]) Записки Ивана Степановича Жиркевича (Р. Стар. 1890 г. іюль).

[3]) Всепод. докладъ Сов. Восп. Общ. благ. дѣв. 1842 г. Въ этомъ докладѣ Совѣтъ представилъ, что въ 1842 году въ мѣщанскомъ училищѣ было только 3 мѣщанки комплектныхъ и 7 пенсіонерокъ и что изъ 160 прошеній о допущеніи къ баллотировкѣ, отъ лицъ мѣщанскаго сословія было лишь 21; большинство же воспитанницъ мѣщанскаго училища въ 1842 году составляли дочери военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и личныхъ дворянъ (Учр. Восп. Общ. 1828—1841).

[4]) С.-Пет. Дому Трудолюбія было пожаловано 500.000 р. асс. изъ капитала отъ продажи принадлежавшихъ императрицѣ Елиз. Алек. брилліантовыхъ вещей и, кромѣ того, Высоч. указомъ 1827 г. повелѣно С.-пет. городской Думѣ выдавать ему по 25.000 р. асс. (7.142 р. сер.) ежегодно, съ предоставленіемъ Думѣ права помѣщать въ Домъ Трудолюбія шесть своихъ пенсіонерокъ.

ни состояли [1]). А въ 1838 году было дано Высочайшее повелѣніе, которымъ всѣмъ начальницамъ и директриссамъ женскихъ учебныхъ заведеній предписывалось быть непремѣнными членами Совѣтовъ съ правомъ присутствовать во всѣхъ ихъ засѣданіяхъ.

Вообще, за это время были производимы частныя преобразованія по управленію и другимъ частямъ отдѣльныхъ институтовъ, но, кромѣ приведенной выше, общихъ для всѣхъ заведеній, мѣръ, не принималось. Между тѣмъ, при быстромъ увеличеніи числа женскихъ учебныхъ заведеній и при условіяхъ ихъ возникновенія въ разныхъ мѣстахъ имперіи, естественно не могло быть единообразія ни въ управленіи и программахъ, ни въ уставахъ, которые составлялись примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ края, гдѣ учреждались заведенія. Въ 1842 году государь поручилъ статсъ-секретарю Гофману постепенно ознакомиться съ губернскими женскими учебными заведеніями вѣдомства, „вникнуть во всѣ подробности ихъ устройства и можетъ быть предложить нѣкоторыя къ улучшенію ихъ мѣры“ [2]). Въ слѣдующемъ же году, послѣ осмотра варшавскаго, кіевскаго, бѣлостокскаго, харьковскаго и московскихъ институтовъ, Гофманъ представилъ государю отчетъ объ этихъ институтахъ „преимущественно со стороны нравственнаго воспитанія и духовнаго образованія дѣвицъ“. Послѣдствіемъ этого было порученіе, данное въ 1844 году особому комитету подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ составѣ: министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Лонгинова, почетнаго опекуна Ланского и статсъ-секретаря по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи, принаровить учебную часть въ женскихъ заведеніяхъ къ главной цѣли женскаго воспитанія, „образованію добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ, дабы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться къ будущему важному ихъ назначенію“ [3]). При этомъ государемъ было выражено желаніе, чтобы комитетъ разсмотрѣлъ уставы всѣхъ женскихъ заведеній.

Упомянувъ здѣсь въ первый разъ имя принца Петра Геор-

[1]) Сообщая объ этомъ начальницѣ харьк. инст., Вилламовъ указалъ ей какъ на „разительнѣйшій примѣръ“ строгаго исполненія этого правила, на Совѣтъ С.-пет. Екатерининскаго училища, въ которомъ начальницею вдова надворнаго совѣтника, а въ числѣ членовъ состоятъ: Д. Т. Сов. и Предсѣдатель Госуд. Совѣта князь Кочубей, оберъ-камергеръ гр. Головкинъ, адмиралъ Шишковъ и другіе перворокласные чины „но всѣ они,—писалъ Вилламовъ,—подписываются ниже начальницы, уступая ей, яко Дамѣ, мѣсто-выше себя“ (Письмо 1831 г. Арх. IV отд.).

[2]) Пятидесятилѣтіе IV отд. С. Е. И. В. Канц., стр. 64.

[3]) Пятидесятилѣтіе, стр. 65.

гіевича Ольденбургскаго, мы должны на немъ остановиться, ибо въ его лицѣ женскія учебныя заведенія пріобрѣли преемника Императрицы Маріи по неутомимой дѣятельности на пользу женскаго образованія въ Россіи, во главѣ котораго принцъ впослѣдствіи былъ поставленъ, по неусыпнымъ заботамъ о нуждахъ женскихъ учебныхъ заведеній, по гуманному и доброму отношенію къ воспитанницамъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ родился въ Россіи. Отецъ его, еще до пріѣзда въ Россію, получилъ образованіе за границею, сначала подъ руководствомъ извѣстнаго тогда педагога и ученаго Крузе а потомъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ [1]). Мать принца, великая княгиня Екатерина Павловна, получила необыкновенное въ концѣ прошлаго вѣка для женщины образованіе. Ей преподавали не только иностранные языки, въ томъ числѣ латинскій и итальянскій, но и науки, даже такія, какъ наука права и политики, которую читалъ ей ученый Шторхъ. Когда отецъ принца Петра Георгіевича былъ назначенъ тверскимъ, ярославскимъ и новгородскимъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ путей сообщенія, вся семья его переселилась въ Тверь. Здѣсь родители принца продолжали заниматься литературными и художественными предметами и ихъ маленькій дворъ сдѣлался средоточіемъ умственныхъ и литературныхъ интересовъ. Великая княгиня вела переписку съ Карамзинымъ, который, какъ и многіе другіе замѣчательные люди того времени, пріѣзжалъ въ Тверь и читалъ великой княгинѣ свою „Исторію государства россійскаго".

Первые годы своего дѣтства принцъ Петръ Георгіевичъ провелъ въ Штутгартѣ, гдѣ великая княгиня Екатерина Павловна, овдовѣвъ, вторично вышла замужъ за наслѣднаго принца виртембергскаго, на слѣдующій же, послѣ женитьбы, годъ сдѣлавшагося королемъ. Хотя во время пребыванія въ Штутгартѣ принцъ Петръ былъ еще очень малъ, но въ душу его могли запасть видѣнныя имъ въ то время бѣдствія, вызванныя сначала войною, а потомъ необычайною, вслѣдствіе всеобщаго, въ 1816 году, въ Европѣ неурожая, дороговизною всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Онъ могъ быть свидѣтелемъ заботъ его матери-королевы объ облегченіи нуждъ населенія, для чего Екатерина Павловна организовала въ Штутгартѣ благотворительное общество, въ дѣлахъ котораго сама принимала дѣятельное участіе. Общество широко распространило свои дѣйствія; оно устраивало народныя кухни для бѣдныхъ,

[1]) Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго Ко дню 50-тилѣтія Имп. училища правовѣдѣнія составилъ А. Папковъ. С.-Пет. 1885.

учреждало школы для дѣтей, которыми особенно интересовалась королева, ежедневно ихъ посѣщавшая. По миновании бѣдствія, въ 1817 году, Екатерина Павловна занялась устройствомъ на собственныя средства въ Штутгартѣ женскаго института по образцу нашихъ; институтъ, названный Екатерининскимъ, былъ открытъ въ 1818 году.

Всѣ эти впечатлѣнія, несмотря на ранній возрастъ принца, могли оставить слѣдъ въ его душѣ тѣмъ болѣе, что Екатерина Павловна, при воспитаніи сыновей, руководствовалась правиломъ „сдѣлать изъ нихъ людей и не щадить въ нихъ принцевъ“— слова, которыя королева нерѣдко говорила воспитателямъ ихъ.

Лишившись матери когда ему пошелъ восьмой годъ, принцъ Петръ, вмѣстѣ съ братомъ, былъ перевезенъ въ Ольденбургъ къ дѣду, также образованному и гуманному человѣку, подъ руководствомъ котораго и получилъ воспитаніе и образованіе. Онъ занимался и русскимъ языкомъ, на которомъ писалъ сочиненія, и русскою исторіею. Кромѣ обычныхъ предметовъ средняго образованія, принцъ, впослѣдствіи, началъ заниматься и юридическими науками по обширной программѣ германскихъ университетовъ.

Для характеристики нравственнаго направленія мыслей принца, авторъ его біографіи приводитъ фактъ, что, потерявъ въ 1829 году своего старшаго брата, принцъ, которому въ то время было 17 лѣтъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тѣло покойнаго было предано землѣ безъ пышности, а сбереженная при этомъ сумма въ 11.000 талеровъ была распредѣлена частью на пособіе институту глухонѣмыхъ въ Вильдесгаузенѣ, а частью на образованіе капитала для выдачи пенсій учителямъ города Ольденбурга, лишившимся, по болѣзни или старости, возможности продолжать трудиться.

По пріѣздѣ въ Россію, куда принцъ былъ вызванъ императоромъ Николаемъ въ 1830 году, онъ былъ зачисленъ въ преображенскій полкъ, которымъ временно и командовалъ. И здѣсь принцъ проявилъ свою гуманность распоряженіями по полку, а также обративъ вниманіе на малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, для которыхъ устроилъ школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ продолжалъ свое образованіе, слушая лекціи у академика Арсеньева по русскому праву и въ то же время читалъ Пушкина. Назначенный въ 1834 году присутствовать въ Сенатѣ, принцъ скоро пришелъ къ мысли о необходимости учредить высшее учебное заведеніе для спеціальной подготовки молодыхъ людей къ юридическимъ занятіямъ и осуществилъ эту мысль пожертвовавъ болѣе милліона рублей изъ собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе дома и первое обзаведеніе учрежденнаго имъ училища правовѣдѣнія. Въ 1835 г.,

принцъ былъ назначенъ членомъ Совѣта военноучебныхъ заведеній и временно исправлялъ должность главнаго ихъ начальника. Здѣсь, впервые, онъ могъ проявить свои способности на педагогическомъ поприщѣ.

Четыре года спустя началась его дѣятельность по женскому образованію: въ 1839 году онъ былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ въ петербургскомъ Совѣтѣ, также членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества и училища св. Екатерины, гдѣ, въ теченіе 13 лѣтъ, управлялъ хозяйственною частью; въ это время, въ 1844 году, состоялось его назначеніе предсѣдателемъ комитета по пересмотру уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній, а въ слѣдующемъ, предсѣдателемъ вновь учрежденнаго главнаго Совѣта этихъ заведеній. Наконецъ, въ 1860 году, послѣ смерти Императрицы Александры Ѳеодоровны, принцъ былъ назначенъ главноуправляющимъ четвертымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, причемъ ему было ввѣрено управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Эту обязанность онъ исполнялъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, до конца своей жизни, послѣдовавшаго въ 1881 году.

Приступая къ возложенному на него порученію, комитетъ 1844 года подвергъ обсужденію самый вопросъ о возможности согласовать женское воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ съ поставленною ему государемъ цѣлью. Эту цѣль—образованіе хорошихъ женъ и полезныхъ матерей семействъ—комитетъ призналъ „общею для всякаго воспитанія дѣвицъ и домашняго и общественнаго", но пути къ ней ведущіе, по мнѣнію комитета, „должны быть различны, смотря по мѣсту, которое дѣвица готовится занять въ обществѣ" [1]). Относительно осуществленія ея на практикѣ, комитетъ высказалъ убѣжденіе, что „нѣтъ возможности положить такія границы, которыя позволяли бы соразмѣрять образованіе каждой воспитанницы съ будущимъ ея назначеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно не можетъ быть твердо и положительно опредѣлено, завися преимущественно отъ замужества и положенія мужа ея".

Не отрицая нѣкоторыхъ неудобствъ, представляемыхъ общественнымъ воспитаніемъ для женскаго пола, „назначеннаго самою природою для семейной жизни, для которой семейное воспитаніе есть лучшее приготовленіе", комитетъ, тѣмъ не менѣе, пришелъ къ заключенію, что въ Россіи общественное воспитаніе необходимо, вслѣдствіе обширнаго пространства, занимаемаго имперіею, что дѣлаетъ еще болѣе ощутительною недостаточность средствъ къ домаш-

[1]) Засѣданіе ком. 6 іюля 1844 г. (Дѣла гл. Сов.).

нему воспитанію дѣтей, особенно „при скудости жалованья многихъ служащихъ лицъ, необразованности, безпечности и бѣдности многихъ родителей“. Поэтому, считая рѣшеннымъ, что „нѣтъ и не можетъ быть мѣрила, которымъ можно было бы безошибочно руководствоваться въ дѣлѣ женскаго воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ“, комитетъ помирился на томъ, что „отцы семействъ, которые не имѣютъ средствъ исполнить лежащую на нихъ священную обязанность, обращаясь къ благодѣянію Правительства, этимъ объявляютъ себя несостоятельными и не имѣютъ права требовать такого-то или иного воспитанія, а должны съ благодарностью принимать то, которое имъ даютъ“.

Задача, по мнѣнію комитета, была бы легче, еслибы заведенія раздѣлялись на платныя и даровыя, ибо это „давало бы болѣе возможности опредѣлить будущее назначеніе дѣвицы“. Но допустить такое дѣленіе въ содержимыхъ правительствомъ заведеніяхъ, „куда принимаются лишь дочери недостаточныхъ родителей, за особыя заслуги, и гдѣ пенсіонерки составляютъ меньшинство“, комитетъ не счелъ возможнымъ. Съ другой стороны, если образованіе свыше состоянія, по мнѣнію комитета, вредно, то иногда это бываетъ и полезно, ибо служитъ источникомъ благосостоянія воспитанницъ, „доставляя имъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы вѣрный способъ къ существованію или обращая на нихъ, какъ на благовоспитанныхъ дѣвицъ, вниманіе умѣющихъ цѣнить сіи достоинства мужей“.

Рядомъ съ этимъ, комитетъ призналъ нужнымъ руководствоваться и общею цѣлью—смягченія, путемъ женскаго образованія и воспитанія, нравовъ въ семьяхъ и въ то же время оказать послѣднимъ помощь, такъ какъ уже обнаружилось, что при пріемахъ въ институты дѣтей, многія изъ нихъ поступаютъ подготовленными своими матерями, получившими образованіе въ этихъ заведеніяхъ.

Для согласованія умственнаго образованія воспитанницъ съ ихъ состояніемъ и будущимъ назначеніемъ, комитетъ постановилъ опредѣлить прежде всего программы разныхъ заведеній и затѣмъ перейти къ выработкѣ правилъ нравственнаго и физическаго воспитанія въ нихъ.

На докладной запискѣ по этому журналу комитета, государь написалъ: „все справедливо; оно трудно, но есть труднѣе задачи, и тѣ разрѣшены. Заняться прилѣжно и мнѣ потомъ представить“ [1]).

Комитетъ окончилъ свои занятія въ шесть мѣсяцевъ и 20-го

---

[1]) Засѣданіе комитета 24 іюля 1844 г.

января 1845 года представилъ на Высочайшее утвержденіе проектъ раздѣленія всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній на четыре разряда, сообразно съ званіемъ и происхожденіемъ воспитанницъ. Для каждаго разряда была составлена особая программа учебнаго курса „соотвѣтственно особому назначенію воспитывающихся въ томъ или другомъ заведеніи дѣвицъ“. Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, „какъ высшее въ своемъ родѣ заведеніе“, по своей программѣ, болѣе обширной, „но не выходя однако за предѣлы потребности познаній женскаго пола“, было выдѣлено комитетомъ въ особое, первое, отдѣленіе заведеній перваго разряда. При этомъ предполагалось, что воспитанницы Общества принадлежатъ къ высшему дворянству и что ихъ родители могутъ по своему состоянію лучше обезпечить будущность своихъ дочерей.

Второе отдѣленіе перваго разряда, съ нѣсколько сокращенною, противъ Общества, программою, но приноровленною къ тому, чтобы воспитанницы получали приличное дворянству образованіе, состояло изъ двухъ училищъ ордена св. Екатерины и институтовъ: патріотическаго, харьковскаго, одесскаго, казанскаго, кіевскаго, бѣлостокскаго, закавказскаго, могилевскаго (еще тогда не открытаго), полтавскаго, Александринскаго въ Тамбовѣ и Александринскаго въ Пулавахъ (бывшаго варшавскаго).

Ко второму разряду, программа котораго была значительно сокращена противъ заведеній перваго, для того, чтобы оставалось больше времени для занятій искусствами и рукодѣліемъ, были причислены: 1-е отдѣленіе Павловскаго института, оба Александровскія училища, петербургскій, московскій и симбирскій Дома Трудолюбія, астраханскій институтъ и дѣвичій восточной Сибири.

Въ заведеніяхъ третьяго разряда было положено преподавать лишь „необходимые для бѣдныхъ дѣтей“ предметы, а всѣ занятія должны были сосредоточиваться преимущественно на рукодѣліяхъ, какъ главномъ средствѣ будущаго назначенія воспитанницъ. Въ этотъ разрядъ входили: Александринскій сиротскій домъ, солдатское отдѣленіе Павловскаго института, два училища солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи, одесское городское училище, кіевское для бѣдныхъ дѣвицъ графини Левашевой, николаевское и севастопольское училища для дочерей нижнихъ чиновъ черноморскаго флота, оренбургское дѣвичье училище, иркутскій сиропитательный домъ, школы патріотическаго Общества, школы человѣколюбиваго Общества въ Петербургѣ и Москвѣ, кронштадтскій сиротскій домъ и отдѣленіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ при демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся.

Четвертый разрядъ составляли специальныя заведенія: сиротскіе институты Воспитательнаго дома въ Петербургѣ и Москвѣ, Александринскій сиротскій институтъ и повивальныя училища— петербургское и московское.

Кромѣ принаровленія программъ ученія къ указанной государемъ цѣли женскаго воспитанія, комитетъ подъ предсѣдательствомъ принца обратилъ вниманіе и на нравственное и физическое воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ тѣмъ, чтобы и эти стороны были согласованы съ главной его цѣлью.

Убѣдившись, при разсмотрѣніи уставовъ различныхъ заведеній, въ томъ, что вездѣ приведены одни и тѣ же правила нравственности, что во всѣхъ уставахъ предписывались начальствующимъ „насаждать въ юныхъ сердцахъ ввѣренныхъ попеченію ихъ воспитанницъ христіанское благочестіе, кротость, повиновеніе, любовь къ ученію, трудамъ и порядку", также вездѣ введены однѣ и тѣ же мѣры поощреній и исправленій, комитетъ нашелъ ихъ достаточными; онъ призналъ лишь нужнымъ усилить въ нѣкоторыхъ изъ заведеній занятія воспитанницъ домашнимъ хозяйствомъ и вообще установилъ правиломъ „удалять всякій ложный блескъ, который можетъ дать воспитанницамъ неправильныя понятія объ ихъ будущемъ назначеніи". Для пріученія и усовершенствованія воспитанницъ въ домашнемъ хозяйствѣ, комитетъ нашелъ полезнымъ устройство, по мѣрѣ возможности, въ институтахъ образцовыхъ кухонь, гдѣ воспитанницы сами приготовляли бы кушанье подъ руководствомъ опытной хозяйки, а для болѣе успѣшнаго исполненія этой задачи, начальницамъ было вмѣнено въ обязанность включать въ свои срочныя донесенія императрицѣ отчеты и о занятіяхъ воспитанницъ домашнимъ хозяйствомъ.

Для улучшенія физическаго воспитанія въ институтахъ, комитетъ предложилъ ввести занятія воспитанницъ гимнастикою, и съ цѣлью приготовленія, особенно для губернскихъ институтовъ, учительницъ гимнастики, устроить въ обоихъ сиротскихъ институтахъ особые классы изъ наиболѣе способныхъ къ этому питомицъ Воспитательнаго дома; изъ ихъ же среды, нѣкоторыя должны были приготовляться въ учительницы танцевъ, преимущественно для губернскихъ институтовъ. Вопросъ о гимнастикѣ былъ переданъ на обсужденіе медицинскаго Совѣта, который долженъ былъ высказаться о томъ, пригодны ли упражненія гимнастикою для женскихъ учебныхъ заведеній?

Въ ряду предположенныхъ для улучшенія физическаго воспитанія въ женскихъ заведеніяхъ мѣръ, комитетъ намѣтилъ устройство для воспитанницъ лѣтомъ купаленъ, а зимою, по указанію

врача, душъ или комнатныхъ ваннъ. На этомъ пунктѣ заключенія главнаго Совѣта государь написалъ: „Эта статья Мнѣ кажется лишней и прихотливой“ [1]).

Комитетъ измѣнилъ и пріемный возрастъ воспитанницъ; въ предназначенныя исключительно для сиротъ заведенія, онѣ могли поступать отъ 8 до 13 лѣтъ, а круглыя сироты и моложе; въ институты съ шестилѣтнимъ курсомъ должны были приниматься дѣти не моложе десяти и не старше двѣнадцати лѣтъ. Это было мотивировано тѣмъ, чтобы изъ этихъ институтовъ воспитанницы выходили съ „оконченнымъ полнымъ образованіемъ“ не ранѣе 16-ти и не позже 18-ти лѣтъ. На пенсіонерокъ эти правила не распространялись.

При поступленіи въ заведенія перваго разряда, отъ воспитанницы требовалось знаніе важнѣйшихъ молитвъ и заповѣдей, умѣнье читать и писать по-русски и знакомство съ нумераціею или счисленіемъ; въ удостовѣреніе этихъ знаній должны были представляться свидѣтельства, подписанныя приходскими священниками, директорами гимназій или уѣздными учителями.

Эти мѣры комитета были утверждены государемъ, выразившемъ лишь волю, чтобы правила относительно пріемнаго возраста и вступительныхъ познаній не были распространяемы на заведенія, учрежденныя для сиротъ.

Еще до окончанія занятій комитета 1844 года, государь поручилъ статсъ-секретарю Гофману составить проектъ Положенія Совѣта „о женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ за годъ передъ тѣмъ былъ утвержденъ Совѣтъ о военноучебныхъ заведеніяхъ“. Эти основанія, примѣненныя къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, имѣли бы послѣдствіемъ упраздненіе ихъ мѣстныхъ Совѣтовъ и замѣну ихъ однимъ, высшимъ. Получивъ такое порученіе, Гофманъ счелъ долгомъ представить государю, что измѣненіе существовавшаго до тѣхъ поръ порядка управленія женскими учебными заведеніями повело бы къ тому, что они „не стояли бы болѣе такъ близко къ непосредственному Монаршему вниманію и покровительству, которыя производятъ самое благотворное вліяніе на нравственное ихъ достоинство, главную основу цвѣтущаго ихъ благоустройства, не лишая ихъ благоволенія, которымъ отъ Монарха удостоены, и того уваженія, которымъ пользуются въ обществѣ“ [2]). Въ пространной запискѣ, статсъ-секретарь Гофманъ изложилъ

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 161.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 80.

свой проектъ, въ которомъ предлагалъ сохранить при женскихъ заведеніяхъ ихъ мѣстные Совѣты; но для вопросовъ, общихъ всѣмъ заведеніямъ, учредить высшій Совѣтъ, какъ высшее совѣщательное собраніе „съ цѣлью утверждать духъ и порядокъ воспитанія дѣвицъ на общихъ началахъ и руководствовать общимъ ихъ направленіемъ“. Этому Совѣту, по плану Гофмана, были бы подчинены всѣ женскія учебныя заведенія какъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, такъ и состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы.

Въ такомъ духѣ былъ составленъ проектъ учрежденія главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и поднесенъ на утвержденіе государя при запискѣ Гофмана. Но государь вновь подтвердилъ ему, чтобы всѣ женскія учебныя заведенія были непосредственно подчинены главному Совѣту и чтобы съ его учрежденіемъ были упразднены всѣ мѣстные Совѣты какъ при столичныхъ, такъ и при губернскихъ институтахъ.

На новомъ представленіи Гофмана, о томъ, между прочимъ, что съ упраздненіемъ мѣстныхъ Совѣтовъ всѣ ихъ обязанности перейдутъ къ начальницамъ, которыя, независимо отъ увеличенія круга ихъ занятій, что̀ отвлечетъ ихъ отъ главныхъ ихъ обязанностей, не будутъ въ состояніи исполнять новыя уже потому, что хозяйственное управленіе и переписка съ высшими властями требуютъ знанія законовъ и порядка производства дѣлъ, государь положилъ резолюцію: „приступить къ начертанію проекта Положенія о Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ Положеніе о Совѣтѣ Военно-учебныхъ заведеній“. Въ составленномъ затѣмъ, Гофманомъ, проектѣ, было однако сохранено мѣстное управленіе при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но Совѣты предполагалось ограничить тремя лицами: начальницею заведенія и двумя членами, одного по учебной, другого по хозяйственной части [1]).

По желанію государя, въ губернскихъ институтахъ Совѣты должны были состоять подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника края или губерніи „для того, чтобы заведеніе всегда пользовалось его покровительствомъ“. Членами Совѣта по учебной части предполагалось назначать попечителей учебныхъ окру-

---

[1]) Для Александровскихъ училищъ въ Петербургѣ и Москвѣ предлагался одинъ Совѣтъ—въ Петербургѣ при Воспитательномъ Обществѣ, въ Москвѣ—при училищѣ ордена св. Екатерины, но начальницы обоихъ училищъ имѣли право голоса въ Совѣтѣ, каждая по дѣламъ своего заведенія. При Павловскомъ институтѣ, также при патріотическомъ, которому былъ подчиненъ Домъ Трудолюбія, проектомъ предполагалось учредить Совѣты, которыхъ прежде не было.

говъ или директоровъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, государь разрѣшилъ оставить попрежнему членами Совѣтовъ губернскихъ институтовъ губернскихъ предводителей дворянства „какъ бы посредниками между институтомъ и дворянствомъ, отъ котораго заведенія бо̀льшей частью получаютъ пособія“ [1]). Эти правила не были распространены на институты: закавказскій, восточной Сибири, астраханскій и Александрійскій въ Пулавахъ. Подвѣдомственныя опекунскимъ совѣтамъ заведенія въ Петербургѣ и Москвѣ, оставлены, согласно предложенію Гофмана, въ управленіи почетныхъ опекуновъ, но съ тѣмъ, чтобы по учебной и воспитательной части, они зависѣли отъ главнаго Совѣта, въ составъ котораго управляющіе или почетные опекуны входили бы членами. Остальныя женскія учебныя заведенія были, по учебной и воспитательной части, подчинены главному совѣту, на разсмотрѣніе котораго должны были вноситься всѣ дѣла, касающіяся какихъ-либо важныхъ въ нихъ перемѣнъ.

Утверждая этотъ докладъ Гофмана, государь замѣнилъ слова: „заведенія состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ“ словами: „подъ Личнымъ высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества“ [2]). Кромѣ того, на представленныя статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ возраженія противъ включеннаго въ проектъ Гофмана, предложенія поручать инспектриссамъ ревизовать женскія учебныя заведенія, а для осмотра ихъ посылать особыхъ инспекторовъ, какъ это постановлено для военно-учебныхъ заведеній, государь написалъ: „Подробное наставленіе инспекторамъ для ревизованія институтовъ должно будетъ еще составить; здѣсь упомянуть однѣ главныя черты“; а относительно ревизій заведеній инспектриссами, государь приписалъ на докладѣ: „Мысль эта Жены Моей и ежели найдутся на это способныя лица, будетъ весьма полезно“.

Въ концѣ 1844 года этотъ проектъ Положенія былъ утвержденъ въ видѣ опыта на два года, и въ началѣ 1845-го состоялся указъ императрицы о назначеніи членовъ Совѣтовъ во всѣ женскія учебныя заведенія, причемъ, согласно выраженной государемъ волѣ, министръ народнаго просвѣщенія всегда долженъ былъ состоять членомъ главнаго Совѣта и, какъ это было раньше уста-

---

[1]) До тѣхъ поръ въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ институтовъ, въ Совѣтѣ участвовали два члена *для совѣщанія* по выбору дворянства черезъ каждые три года и два кандидата къ нимъ.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 86.

новлено обычаемъ, онъ долженъ былъ завѣдывать учебною частью въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ. Въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Екатерининскаго (петербургскаго) училища, членомъ по хозяйственной части былъ назначенъ исполнявшій эту обязанность и ранѣе, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

20 января 1845 года главный Совѣтъ открылъ свои засѣданія въ составѣ: принца, какъ предсѣдателя, министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, П. Тучкова, Н. Лонгинова, графа Віельгорскаго (почетнаго опекуна, управлявшаго петербургскимъ Воспитательнымъ домомъ), А. Гофмана, С. Ланского и Я. Ростовцева, а въ концѣ слѣдующаго года, было окончательно утверждено, съ небольшими измѣненіями, предложенными главнымъ Совѣтомъ, Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.

По Положенію, всѣ эти заведенія были поставлены подъ личное Высочайшее покровительство императрицы. Изъ нихъ 9 въ С.-Петербургѣ, 6 въ Москвѣ и 17 въ губерніяхъ (въ томъ числѣ два еще не открытыхъ института, могилевскій и саратовскій) принадлежали къ учрежденіямъ Императрицы Маріи, а два въ Петербургѣ, одно въ Москвѣ и три въ губерніяхъ, состояли подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳедоровны. Главному Совѣту была присвоена власть совѣщательная, наблюдательная и распорядительная (§ 12). Всѣ дѣла по заведеніямъ первой категоріи, поступающія отъ мѣстныхъ Совѣтовъ, а второй — отъ статсъ-секретаря по управленію ими, въ IV отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, должны были вноситься ею въ главный Совѣтъ, который представлялъ, черезъ статсъ-секретаря по учрежденіямъ Императрицы Маріи, доклады государю и императрицѣ „по всѣмъ частямъ воспитанія и хозяйства, гдѣ замѣчено будетъ отступленіе отъ установленнаго по заведеніямъ порядка и отъ существующихъ законоположеній“.

Въ Москвѣ полагалось отдѣленіе главнаго Совѣта для ближайшаго управленія московскими заведеніями. Всѣмъ членамъ главнаго Совѣта было предоставлено право посѣщать заведенія по особымъ инструкціямъ отъ главнаго Совѣта, съ обязанностью представлять ему свои донесенія по воспитанію нравственному, умственному и физическому, а также по управленію и хозяйству. Отчеты инспектора, назначаемаго изъ членовъ Совѣта по Высочайшему повелѣнію, должны были представляться государю и императрицѣ черезъ главный Совѣтъ, съ заключеніемъ послѣдняго.

Предсѣдатель и члены мѣстныхъ Совѣтовъ (три въ столичныхъ

заведеніяхъ, а въ губернскихъ, кромѣ нихъ, еще военный или гражданскій губернаторъ и губернскій предводитель дворянства), утверждались императрицею. Мѣстные Совѣты имѣли право представлять всеподданнѣйшіе доклады государю и императрицѣ по дѣламъ, которыя не подлежали ни рѣшенію мѣстнаго, ни представленію въ главный Совѣты [1]). Къ концу каждаго года они были обязаны представлять главному Совѣту свои отчеты по данной формѣ.

Какъ предсѣдатель и члены главнаго Совѣта, такъ и предсѣдатель и члены мѣстныхъ, были обязаны присутствовать при экзаменахъ воспитанницъ.

Ближайшій надзоръ за всѣми женскими заведеніями государь возложилъ на принца Петра Георгіевича, сказавъ ему при этомъ, что принцъ въ этомъ дѣлѣ замѣняетъ его самого [2]).

Дѣятельность главнаго Совѣта съ самаго начала была чрезвычайно разнообразна. Озабочиваясь точнымъ исполненіемъ трудной задачи, на которую государь постоянно самъ обращалъ вниманіе, требуя, чтобы всѣ части женскаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ были вполнѣ согласованы съ указанною ему цѣлью, главный Совѣтъ прежде всего составилъ правила пріема въ разныя заведенія, которыя и были тогда же приведены въ дѣйствіе по нѣкоторымъ институтамъ. Но при выпускѣ 1851 года изъ Общества, съ благородной половины, оказалось, что одна изъ выпущенныхъ воспитанницъ, дочь совершенно бѣдныхъ родителей, по полному отсутствію какихъ-либо знаній, не могла быть помѣщена на мѣсто и не имѣла права остаться пепиньеркою. По докладѣ объ этомъ государю, онъ велѣлъ статсъ-секретарю составить новыя правила пріема, выразивъ при этомъ непремѣнную свою волю, чтобы воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было „какъ можно больше приноровлено къ будущему назначенію воспитанницъ согласно съ званіемъ, состояніемъ и образованіемъ родителей“ [3]). Государь высказалъ статсъ-секретарю свое мнѣніе о неудобствѣ принимать въ институты дочерей такихъ родителей, которые „не имѣютъ способовъ устроить ихъ сообразно съ полученнымъ ими воспитаніемъ, отъ чего дѣвицы сіи не только лишаются возможности пользоваться приличнымъ содержаніемъ, но по несоотвѣтственности семейнаго и общественнаго положенія ихъ со степенью предоставленнаго имъ образо-

[1]) Къ такимъ дѣламъ относились: опредѣленіе, увольненіе и награды служащимъ обоего пола, пріемъ, увольненіе, выпускъ, награды воспитанницамъ.

[2]) Жизнь и труды, стр. 92.

[3]) Журналы гл. Сов. 1851 г.

ванія, впослѣдствіи почти всегда теряютъ плоды послѣдняго, при недостаткѣ средствъ къ сохраненію и дальнѣйшему развитію своихъ познаній". Кромѣ того, онѣ, по замѣчанію государя, „заграждаютъ путь кандидаткамъ, которыя могли бы примѣнить высшее образованіе къ условіямъ общественной ихъ жизни по выпускѣ изъ заведенія" [1]).

Примѣняясь къ волѣ государя, статсъ-секретарь представилъ на Высочайшее разсмотрѣніе проектъ правилъ, по которымъ было признано неудобнымъ помѣщать въ институты дочерей такихъ дворянъ, которые: 1) или вовсе не служили, или служили короткое время, а посему лично не пріобрѣли права на оказываемую имъ милость; 2) не имѣютъ состоянія и слѣдовательно не могутъ содержать приличнымъ образомъ своихъ дѣтей по окончаніи ими высшаго курса наукъ; 3) лишенныхъ способностей дѣтей, которыя, по выпускѣ изъ заведенія, не могутъ поступить ни наставницей, ни оставаться пепиньеркой. Подобные случаи, впрочемъ, по словамъ Гофмана, были рѣдки.

Статсъ-секретарь Лонгиновъ представилъ государю, что если въ Общество будутъ принимать только дочерей высшихъ чиновъ и титулованныхъ лицъ, записанныхъ въ пятую книгу, и не принимать дочерей дворянъ, записанныхъ въ шестую, то сто вакансій не будутъ заняты, ибо высшіе чины и титулованныя лица даютъ воспитаніе дочерямъ на собственныя средства; назначенныя же для дворянъ шестой книги и для штабъ-офицерскихъ дѣтей, Екатерининскія училища, имѣютъ слишкомъ мало вакансій. Поэтому онъ предлагалъ увеличить комплектъ воспитанницъ Екатерининскихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы туда помѣщались дочери родителей чиномъ отъ полковника до маіора и отъ коллежскаго совѣтника до коллежскаго ассессора, къ какому бы дворянству они ни принадлежали, а своекоштными пенсіонерками—и высшихъ чиновъ. „Дарованіе способовъ воспитанія дочерей на счетъ казны" по предложенію Лонгинова — должно было быть наградой за службу родителей, „безъ всякаго отношенія къ ихъ происхожденію".

На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „Полагаю, что первое мѣсто должны имѣть дочери кавалерственныхъ дамъ ордена св. Екатерины, затѣмъ дочери всѣхъ служащихъ отъ маіорскаго чина и надворнаго совѣтника и выше, а пенсіонерками какъ полагается". На предложеніе сравнять оба Александровскія училища такъ, чтобы въ нихъ воспитывались дочери слу-

---

[1]) Журн. гл. Сов. 1851 г.

жащихъ до чина подполковника и коллежскаго совѣтника, также протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, государь сдѣлалъ замѣтку: „да, но военныхъ не ниже штабсъ-капитана, а гражданскихъ—титулярнаго совѣтника". На замѣчаніе, сдѣланное императрицею относительно Александровскихъ училищъ, что, въ такомъ случаѣ, оберъ-офицеры будутъ лишены возможности воспитывать дѣтей на счетъ казны, а между тѣмъ число дочерей родителей низшихъ чиновъ всегда бываетъ больше числа высшихъ—государь вновь написалъ: „пріемъ во всѣ заведенія, содержимыя казною, долженъ быть наградою за службу, почему думаю, что при предполагаемой мною мѣрѣ остаться полезнѣе; для лицъ нижнихъ чиновъ есть Елизаветинскія училища, а здѣсь Маріинское".

Въ сиротскіе институты должны были поступать сироты оберъ-офицерскаго званія. Противъ этого пункта доклада государь отмѣтилъ: „разумѣется, прежде всего круглыя сироты, но потомъ и лишившіяся матерей, ибо на службѣ военной нѣкогда дѣтьми заниматься, а иногда и дѣвать ихъ некуда".

Въ губернскіе институты, какъ основанные на суммы дворянства, слѣдовало, по мнѣнію статсъ-секретаря, принимать дочерей лишь мѣстныхъ дворянъ, а пенсіонерками „по правиламъ Екатерининскихъ училищъ, съ которыми губернскіе институты перваго разряда состоятъ на одинаковой степени". Губернскимъ институтамъ полагалось сохранить ихъ мѣстное назначеніе, опредѣленное для каждаго изъ нихъ особыми уставами. Государь къ этому прибавилъ: „по губерніямъ свои заведенія, куда пріемъ предоставленъ быть долженъ по предложеніямъ предводителей дворянства".

Въ Обществѣ, гдѣ ко времени составленія новыхъ правилъ пріема, уже были окончены всѣ распоряженія и прекращенъ пріемъ прошеній, было отмѣнено постановленіе, чтобы прошенія родителей, желающихъ отдать своихъ дочерей на благородную половину, представлялись черезъ губернскихъ предводителей дворянства. Это было сдѣлано вслѣдствіе положенной государемъ на проектѣ статсъ-секретаря резолюціи: „устранить затрудненія, происходящія отъ сношеній съ губернскими предводителями дворянства". Главный Совѣтъ, которому, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ проектъ статсъ-секретаря, мотивировалъ разрѣшеніе самимъ родителямъ непосредственно представлять прошенія о пріемѣ дочерей въ Общество тѣмъ, что передача ихъ черезъ предводителей дворянства была установлена въ то время, когда „оказывалось еще нужнымъ особое вліяніе со стороны самого

Правительства къ побужденію родителей привозить дочерей изъ губерній для образованія въ С.-Петербургѣ“ [1]).

Въ то же время было отмѣнено въ Обществѣ дѣленіе при пріемахъ вакансій между дочерьми военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а въ Александровское училище постановлено принимать только оберъ-офицерскихъ дѣтей отъ 10½ до 12½ лѣтъ. Въ числѣ мотивовъ такой перемѣны пріемнаго возраста было, между прочимъ, приведено, что дѣти, поступающія моложе 10½ лѣтъ, въ ученіи должны напрягать всѣ свои силы для того, чтобы идти въ уровень съ болѣе взрослыми воспитанницами, что онѣ рѣдко бываютъ въ состояніи сами шить для себя платье и бѣлье, что возрастъ ихъ при выпускѣ даетъ родителямъ поводъ просить объ оставленіи дочерей въ заведеніи еще на три года.

Кромѣ того, по представленію начальницы Общества въ 1853 году, что съ учрежденіемъ институтовъ и въ губерніяхъ, нѣтъ болѣе затрудненій помѣщать въ Общество на штатныя вакансіи двухъ родныхъ сестеръ, а между тѣмъ „было бы отрадно для воспитанницъ, а для родителей утѣшительнѣе и удобнѣе“, еслибы ихъ дѣти находились въ одномъ и томъ же заведеніи, было отмѣнено прежнее правило, по которому это не дозволялось.

Новыми, утвержденными государемъ въ 1851 году, правилами пріема въ разныя женскія учебныя заведенія было постановлено: въ Воспитательное Общество, на штатныя вакансіи, принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, а пенсіонерками дочерей потомственныхъ дворянъ, хотя бы они и не имѣли этихъ чиновъ, но были записаны въ пятую или шестую часть родословной книги. Въ штатныя воспитанницы училищъ ордена св. Екатерины должны были приниматься дочери кавалерственныхъ дамъ ордена и лицъ, чины которыхъ не ниже маіора и надворнаго совѣтника, а пенсіонерками—дочери вообще потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ третью, пятую и шестую части родословной книги. Въ Александровскія училища, на штатныя вакансіи — дочери лицъ, чиномъ отъ подполковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, также священниковъ и евангелическихъ пасторовъ; пенсіонерками могли быть и дочери дворянъ, внесенныхъ въ третью часть родословной книги, не выше чиновъ подполковника и коллежскаго совѣтника. Въ Елизаветинскія училища, на штатныя вакансіи — дочери оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, а пенсіонерками — и штабъ-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 146.

офицеровъ, также медиковъ, учителей и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ, священниковъ, евангелическихъ пасторовъ и купцовъ. Въ сиротскіе институты—сироты штабъ- и оберъофицеровъ военной и гражданской службы, преимущественно круглыя сироты. Въ Павловскомъ и патріотическомъ институтахъ, спеціально назначенныхъ для дочерей лицъ военнаго званія, правила пріема остались безъ измѣненій.

Желаніе государя упростить бытъ воспитанницъ институтовъ выразилось въ Высочайшемъ повелѣніи разсмотрѣть въ главномъ Совѣтѣ вопросъ: нужны ли публичныя испытанія при выпускахъ и нельзя ли ограничиться одними частными? Въ докладѣ статсъ-секретаря по этому вопросу было указано, что публичныя испытанія имѣютъ особенное назначеніе: они поддерживаютъ соревнованіе какъ учителей, такъ и учащихся, способствуютъ распространенію въ обществѣ довѣрія къ заведеніямъ, послѣдствіемъ чего является желаніе родителей помѣщать своихъ дочерей своекоштными пенсіонерками, плата съ которыхъ составляетъ, въ большей части заведеній, главный источникъ дохода. Главный Совѣтъ высказался за сохраненіе публичныхъ испытаній, но полагалъ на будущее время приглашать на нихъ только высшее духовенство, родителей или близкихъ родственниковъ воспитанницъ, членовъ мѣстныхъ Совѣтовъ и мѣстное начальство въ губерніяхъ, а въ столичныхъ заведеніяхъ еще и членовъ главнаго Совѣта.

Рядомъ съ этимъ послѣдовало измѣненіе и въ выдачѣ наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. Согласно выработаннымъ учебнымъ комитетомъ правиламъ, главный Совѣтъ постановилъ давать шифры, золотыя и серебряныя медали лишь въ заведеніяхъ 1-го разряда, а въ заведеніяхъ 2-го только серебряныя медали и похвальные листы. Въ институтахъ астраханскомъ и восточной Сибири сохранены шифры и золотыя медали съ цѣлью „привлекая дѣвицъ, распространять женское образованіе въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ“.

Для лучшаго наблюденія за нравственнымъ воспитаніемъ и вообще за воспитаніемъ въ институтахъ, была въ 1846 году, учреждена должность почетныхъ попечительницъ, назначаемыхъ императрицею, которой онѣ должны были представлять доклады о состояніи заведеніи. Четыре года спустя, рескриптами на имя цесаревны Маріи Александровны и великой княгини Маріи Николаевны, императрица, оставляя за собою высшее управленіе женскими учебными заведеніями, но, какъ сказано въ рескриптѣ, не будучи въ состояніи посѣщать ихъ такъ часто, какъ бы этого

желала, просила цесаревну и великую княгиню взять на себя наблюденіе за физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ въ институтахъ съ тѣмъ, чтобы онѣ доводили до ея свѣдѣнія всѣ свои замѣчанія.

Кромѣ попечительницъ, постоянно наблюдавшихъ за губернскими институтами, производились, еще съ 1828 года, періодическіе осмотры ихъ статсъ-секретаремъ, а со времени учрежденія главнаго Совѣта, его членами, также и непринадлежащими къ его составу лицами по особому, каждый разъ, порученію.

Въ 1853 году, послѣ осмотра статсъ-секретаремъ нѣкоторыхъ институтовъ, онъ представилъ государю докладъ, въ которомъ, находя, что условія воспитанія недостаточно точно изложены въ отдѣльныхъ уставахъ разныхъ заведеній, а въ уставахъ, изданныхъ до 1844 года, „не соблюдена постепенность относительно устройства каждаго изъ трехъ разрядовъ заведеній“, предложилъ составить одинъ, общій для всѣхъ женскихъ заведеній, уставъ, на началахъ выраженныхъ государемъ „объ устройствѣ въ институтахъ по всѣмъ частямъ одного общаго порядка на единообразныхъ началахъ“. Тогда, всѣ уставы разныхъ заведеній были сличены и провѣрены, и составленъ проэтъ новаго устава, разсмотрѣнный главнымъ Совѣтомъ и утвержденный, 30 августа 1855 года, уже императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Изъ составленнаго, ко дню двадцатипятилѣтія принятія Императрицею Александрою Ѳедоровною подъ свое покровительство учрежденій Императрицы Маріи, „Обозрѣнія“ этихъ учрежденій съ 1828 по 1853 годъ [1]), видно, что въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ, число женскихъ учебныхъ заведеній возросло съ 14-ти до 38-ти (сюда вошли 7 предположенныхъ, но еще не открытыхъ институтовъ). Изъ открытыхъ къ 1853 году, было 2 въ Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерніяхъ. Къ учрежденіямъ Императрицы Маріи были, послѣ смерти статсъ-секретаря Лопухинова въ 1853 году, присоединены и находившіеся въ его вѣдѣніи институты: патріотическій, тамбовскій и полтавскій, три Елизаветинскихъ училища, Дома Трудолюбія въ Рязани и Пензѣ, школы патріотическаго Общества въ Петербургѣ, школы для бѣдныхъ въ Москвѣ тамошняго благотворительнаго Общества 1837 года. Такимъ образомъ, включая сюда и сиротскіе Дома, въ вѣдѣніи главнаго Совѣта находилось до 46-ти женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Въ этомъ числѣ было 39 закрытыхъ и

[1]) На представленномъ императору Николаю проэктѣ этого „Обозрѣнія“, онъ написалъ: „читалъ съ большимъ любопытствомъ“. (Дѣла гл. Сов. 1854 г.).

7 открытыхъ; 1-го разряда 14 заведенiй, 2-го—11, 3-го—13, спецiальныхъ 8.

Изъ общаго числа учащихся, 6.860, большинство (6.298) воспитывались въ закрытыхъ заведенiяхъ, причемъ на казенномъ содержанiи было 3.626, а пенсiонерокъ 3.234. Болѣе двухъ третей всего числа учащихся, а именно 4.755, воспитывались въ столичныхъ заведенiяхъ; въ заведенiяхъ 1-го разряда—2.511, 2-го—1.376, 3-го—279, въ спецiальныхъ 1.694 [1]).

Несмотря на постоянно выражаемую императоромъ Николаемъ волю, чтобы при помѣщенiи воспитанницъ въ разныя заведенiя строго сообразовались съ званiемъ ихъ родителей, къ концу его царствованiя купеческiя дочери первой и второй гильдiй были постепенно допущены, хотя и своекоштными пенсiонерками, даже въ институты перваго разряда [2]).

Въ эти 25 лѣтъ почти всѣмъ заведенiямъ были даны постоянные штаты, причемъ „важнѣйшимъ источникомъ“ пособiя для содержанiя институтовъ было повелѣно считать плату съ пенсiонерокъ [3]).

Сумма на содержанiе отдѣльныхъ заведенiй, по сравненiю съ тою, какая отпускалась въ годъ смерти Императрицы Марiи, увеличена почти въ два раза [4]); въ 1853 году на всѣ, и вновь

[1]) Отчетъ о женскихъ уч. зав. за 1853 годъ. (Дѣла гл. Сов. 1854 г.).

[2]) Уставъ ж. уч. зав. вѣд. Имп. Марiи. 1855 г. 1-е Приложенiе къ § 82. Купеческихъ дочерей не было въ 11 заведенiяхъ: Восп. Общ., двухъ училищахъ орд. св. Екатерины, двухъ Александровскихъ, и въ институтахъ: бѣлостокскомъ, закавказскомъ, донскомъ, патрiотическомъ, Павловскомъ и Александринскомъ.

[3]) Журналъ гл. Сов. 20 янв. 1845. Эта плата постоянно, съ 1828 года, повышавшаяся, въ годъ смерти императора Николая была опредѣлена: въ 350 р. ежегодно для Воспит. Общества, 300 р.—петерб. Екатер уч., 286 р. и единовременно при вступленiи 70 р.—одесскаго инст.; 250 р. восточной Сибири (и кромѣ того пенсiонерка должна была имѣть свой столовый приборъ, полдюжины постельнаго бѣлья и 3 салфетки), полтавскаго и патрiотическаго институтовъ, 245 р. харьковскаго, 240 р. моск. Екат. училища, 200 р. кiевскаго инст. (требовалось свое бѣлье, даже рубашки, и столовый приборъ), Павловскаго, казанскаго, тамбовскаго пет. Александровскаго и Елизавет. училищъ; тоже для пенсiонерокъ донскаго инст., родители которыхъ не принадлежали къ войсковому дворянству; кромѣ того онѣ должны были вносить при поступленiи 50 р.; 180 р.—Александринскаго инст. въ Новой Александрiи и керченскаго; въ послѣднемъ еще 60 р. единовременно; 170 р.—моск Александр. училища и нижегор. института; 150 р. для институтовъ: бѣлостокскаго (и единовременно 21 р. 79 к.), закавказскаго (и единовременно 50 р.), донскаго (и единовременно 50 р.), саратовскаго и моск. Елизав. училища; 130 р. — оренб. дѣвичьяго (и единовременно 30 р.), 35 р. и единовременно 30 р. для училищъ солдатскихъ дочерей (Уст. ж. уч. зав. вѣд. учр. Имп. Марiи. 1855. Приложенiе 1).

[4]) Въ 1828 г. на нихъ расходовалось 364.135 р. (сер), въ 1853—718.515 р.

открытыя, женскія учебныя заведенія, отпускалось 1.089.561 р. [1]). Съ прекращеніемъ въ 1829 году отпуска изъ государственнаго казначейства суммъ, выдававшихся до тѣхъ поръ нѣкоторымъ заведеніямъ, имъ были отчислены изъ прибылей сохранныхъ казенъ обоихъ Воспитательныхъ домовъ постоянные неприкосновенные капиталы, которые, вмѣстѣ съ отчислявшимися съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію 1847 года, изъ экономическихъ суммъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній (отъ 50 до 75%) суммами, къ 1854 году составили въ общей сложности капиталъ въ 8.360.657 р. Для покрытія сверхштатныхъ расходовъ по заведеніямъ, въ дополненіе къ ихъ, отдѣльныхъ по каждому, доходамъ, было въ 1848 году Высочайше повелѣно составить общій запасный капиталъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ отчисленіемъ въ него пятой части прибылей обѣихъ сохранныхъ казенъ. Къ 1853 г. этотъ капиталъ простирался до 3.508.271 р. [2]) Кромѣ того былъ составленъ общій же, для всѣхъ заведеній вѣдомства, пенсіонный капиталъ для выдачи пенсій служащимъ и ихъ семействамъ.

Пожертвованій женскимъ учебнымъ заведеніямъ, при императорѣ Николаѣ, было довольно много. Наиболѣе крупныя (свыше 10.000 р.) поступили: отъ купца Губина, въ 1827 году, 260.000 р. асс. (изъ нихъ 100.000 р. на содержаніе десяти пенсіонерокъ въ московскомъ Домѣ Трудолюбія и 50.000 р. на выдачу имъ изъ процентовъ приданаго); отъ П. Демидова въ 1829 году 50.000 р. асс., (въ пользу состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы заведеній); 85.800 р., внесенныхъ душеприкащикомъ А. Баташевой въ неприкосновенный капиталъ петербургскаго Дома Трудолюбія; (на проценты должны были воспитываться восемь пенсіонерокъ ея имени) [3]); 60.000 р. асс. (въ 1830 г.) отъ князя Оболенскаго (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ); 311.789 р. (въ 1831 году) отъ душеприкащиковъ надворнаго совѣтника Калинина [4]); имѣніе, завѣ-

---

[1]) Обозрѣніе. Прилож. III. Въ эту сумму не включены расходы по содержанію институтовъ при Воспитательныхъ домахъ.

[2]) Въ 1854 году состоялось распоряженіе, чтобы изъ этого же капитала выдавались суммы, до тѣхъ поръ выдававшіяся изъ кабинета (на денежныя награды при выпускахъ и за поднесенныя членамъ царской фамиліи рукодѣлія воспитанницъ), также 27.000 р., которые императрица ежегодно, до 1854 года, жертвовала разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ (Дѣла г. Сов. 1854 г.).

[3]) Арх. патріотич. инст. № 58, Елиз. уч.

[4]) Изъ этой суммы 171.340 р. были даны, по распоряженію императрицы, петербургскому Дому Трудолюбія въ неприкосновенный капиталъ, а на проценты должны были въ немъ воспитываться девять пенсіонерокъ благороднаго званія (Арх. патр. инст. № 86. Елиз. уч.).

щанное въ 1835 году полковникомъ Куртомъ одесскому институту, оцѣненное имъ въ 150.000 р. асс.; (на проценты должны были содержаться пенсіонерки его имени); 12.000 р. асс. пожертвованы въ 1837 году княгинею Е. Р. Вяземскою въ неприкосновенный капиталъ московскаго Дома Трудолюбія (на проценты должна была содержаться одна пенсіонерка и ей, при выпускѣ, выдаваться награда); 300.000 р. асс. (въ 1838 г.) отъ отставного маіора Колокольцева (въ пользу восьми богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, также на пособія при выпускахъ воспитанницамъ Павловскаго и Маріинскаго институтовъ и петербургскаго Александровскаго училища); 40.000 р. асс. (въ 1838 г.) отъ госпожи фонъ-Мертенсъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ); пустопорожнее мѣсто въ Петербургѣ, завѣщанное вдовою подполковника Логиновою патріотическому институту и петербургскому Елизаветинскому училищу; 43.200 р. (сер.), ассигнованные въ 1840 году, въ воспоминаніе о Высочайшемъ пребываніи въ Варшавѣ, бывшею муниципальною управою на содержаніе въ Александринскомъ институтѣ восьми пенсіонерокъ по коллегіальному ея опредѣленію, изъ семействъ, принадлежащихъ къ постоянному населенію Варшавы; 20.000 р. (асс.) пожертвованы въ 1841 году дѣвичьему институту восточной Сибири (на содержаніе изъ процентовъ одной пенсіонерки и выдачи ей при выпускѣ награды); имѣніе въ 566 душъ, завѣщанное въ 1842 году помѣщикомъ Бреховымъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ нижегородскомъ институтѣ); 30.000 руб. асс. (въ 1843 г.) отъ барона Штиглица (на заведенія, состоящія подъ покровительствомъ императрицы) [1]; 28.600 р. серебромъ отъ ярославскаго дворянства (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскихъ, Екатерининскомъ и Елизаветинскомъ, училищахъ); 16.500 р. завѣщанные въ 1844 году титулярнымъ совѣтникомъ Левинскимъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ казанскомъ институтѣ); 300.000 р. (асс.) завѣщанные въ 1845 году дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кушниковымъ на учрежденіе института въ Ѳеодосіи и переданные наслѣдниками керченскому; 100.000 р., пожертвованные въ 1845 г. почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ на постройку зданія института восточной Сибири; 12.000 р., внесенныхъ въ 1849 году

---

[1]) Изъ этой суммы 15.000 р. были, по Высочайшему повелѣнію, отданы училищамъ солдатскихъ дочерей, доходы которыхъ, съ упраздненіемъ въ 1839 году училищнаго комитета, члены котораго жертвовали на содержаніе училищъ изъ собственныхъ средствъ, сократились, а другія 15.000 р.—Павловскому институту (Учр. Павл. инст. 1807—1855. XVIII).

одною изъ учредительницъ московскаго Дома Трудолюбія, княгинею Трубецкою (на содержаніе въ немъ пенсіонерокъ ея имени); 90.000 р. (сер.) отъ графа Шереметева въ 1852 году, (на содержаніе 20 пенсіонерокъ изъ числа бывшихъ воспитанницъ закрытой въ этомъ году аннинской школы въ Москвѣ); 11.500 р. сер. отъ купеческой вдовы Ушаковой (на содержаніе въ московскомъ Елизаветинскомъ училищѣ пенсіонерокъ изъ дочерей купцовъ рода Ушаковыхъ „вслѣдствіе упадка записанныхъ въ мѣщанство"); 11.000 р. 97 к. (сер.), завѣщанные въ 1854 году княгинею Радзивиллъ (на содержаніе въ кіевскомъ институтѣ двухъ пенсіонерокъ, сиротъ латинскаго исповѣданія) и 5.000 р. (на содержаніе двухъ сиротъ латинскаго исповѣданія въ училищѣ графини Левашевой); 19.000 р. (сер.), завѣщанные въ 1853 году барономъ Пирхомъ (на содержаніе четырехъ благородныхъ пенсіонерокъ его имени).

Въ общей сложности, сумма крупныхъ пожертвованій, поступившихъ отъ частныхъ учрежденій и лицъ въ царствованіе императора Николая, простиралась приблизительно до 1.731.589 рублей ассигнаціями и 224.800 рублей серебромъ, не включая сюда имѣнія въ 566 душъ [1]. Кромѣ того было довольно много пожертвованій болѣе мелкими суммами на содержаніе пенсіонерокъ въ разныхъ заведеніяхъ.

Если къ этому присоединить суммы, пожертвованныя дворянствомъ разныхъ губерній на устройство и содержаніе институтовъ, также городами и обществами, то итогъ пожертвованій на женское общественное образованіе, въ періодъ времени отъ 1827-го по 1855 годъ, получится весьма внушительный.

Совершенно отдѣльно отъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, стояли институты: Маріинскій и повивальный въ Петербургѣ, ввѣренные великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. До 1834 года все въ нихъ оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставила покойная императрица [2]. Въ этомъ году Маріинскому институту было дано новое Положеніе, которымъ первоначальная цѣль его учрежденія— приготовленіе изъ воспитанницъ „честныхъ и добродѣтельныхъ супругъ, хорошихъ и разумныхъ экономокъ, старательныхъ нянь, гувернантокъ и, въ случаѣ необходимости, довѣренныхъ лицъ, вѣрныхъ и преданныхъ" [3]) была измѣнена. По Положенію

[1]) Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ взяты изъ архивовъ: IV отд. и патріотич. института, также изъ Сборника свѣдѣній о капиталахъ вѣд. учр. Имп. Маріи. Т. I.

[2]) Архивъ управленія заведеніями состоящими подъ покровительствомъ государыни великой княгини Елены Павловны.

[3]) Уставъ 1811 г., § 2.

1834 года воспитанницы должны были получать „такого рода религіозно-моральное образованіе, сверхъ обученія въ разныхъ рукодѣліяхъ, которое доставляло бы имъ возможность быть воспитательницами или пріобрѣтать безбѣдное содержаніе“. Вообще, согласно § 1 Положенія, воспитаніе ихъ должно быть направлено къ той цѣли, чтобы онѣ современемъ могли „свято исполнять обязанности образованныхъ супругъ и матерей семействъ“.

Комплектъ воспитанницъ былъ увеличенъ до 120-ти; но число штатныхъ оставлено прежнее (40); число же пенсіонерокъ увеличено до 80-ти, вмѣсто 10-ти, бывшихъ при Императрицѣ Маріи [1]). Курсъ ученія полагался шестилѣтній, съ раздѣленіемъ на 4 класса, въ каждомъ изъ которыхъ воспитанницы оставались по $1^1/_2$ году. Для тѣхъ изъ штатныхъ воспитанницъ, которыя, пробывъ три года, останутся въ одномъ и томъ же классѣ, учреждалось особое, *рабочее* отдѣленіе, куда должны были поступать „всѣ безъ изъятія дѣти низкаго происхожденія“ (§ 17), а пенсіонерки лишь съ согласія родителей.

Средства института получались изъ процентовъ съ завѣщаннаго ему Императрицею Маріею капитала въ 804.469 р. 60 к. ассигнаціями (229.848 р. $45^3/_4$ к. серебромъ) и отъ платы съ частныхъ пенсіонерокъ, которыя, по Положенію 1834 года, должны были вносить по 500 рублей ассигнаціями въ годъ, а съ 1841-го — по 180 рублей серебромъ. Кромѣ того, Маріинскому институту, также какъ и повивальному, давались, съ разрѣшенія государя, въ разное время значительныя суммы изъ остатковъ отъ процентовъ съ капитала, оставленнаго Императрицею Маріею для выдачи пенсій вдовамъ офицеровъ [2]). По докладу великой княгини Елены Павловны, въ 1834 году, о недостаточности институтскихъ средствъ, государь согласился на ея просьбу о выдачѣ изъ сохранныхъ казенъ заимообразно, на 37 лѣтъ, 360.000 рублей для устройства института и на постройку новаго дома [3]), и, кромѣ того, велѣлъ отпустить 120.000 рублей изъ остатковъ отъ суммы, назначенной на довершеніе зданія Собора всѣхъ учебныхъ заведеній. Когда, въ 1836 году, отпущенной на постройку институт-

---

[1]) Въ 1848 году число воспитанницъ увеличено до 180-ти.

[2]) Въ 1833 и 1834 годахъ изъ этого источника было выдано 146.135 р. 60 к. (Докладъ вел. кн. 1 сент. 1834 г. Арх. упр. зав.).

[3]) По просьбѣ великой княгини, всѣ распоряженія по постройкѣ дома дѣлались министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ „по любви его ко всѣмъ архитектурнымъ произведеніямъ, а равно по отличающимъ его по сей части знаніямъ“. (Докладъ вел. княгини 1 сент. 1834 г.).

скаго дома, суммы, оказалось мало, государь, указомъ опекунскому Совѣту, повелѣлъ зачислить изъ прибылей сохранныхъ казенъ 150.000 рублей въ счетъ 360.000-ти, а остальную сумму выдать великой княгинѣ [1]). По ея же просьбѣ было разрѣшено помѣщать въ Маріинскій институтъ 20 пенсіонерокъ капитула россійскихъ орденовъ, изъ дочерей кавалеровъ, но съ тѣмъ, чтобы „родители были чиномъ не выше оберъ-офицеровъ или девятаго класса" [2]).

Въ 1853 году неприкосновенный капиталъ Маріинскаго института простирался до 318.902 рублей 5½ копѣекъ серебромъ.

---

[1]) Выс. указъ 1 апр. 1836 г.

[2]) Сообщеніе ст. секр. Вилламова. Т. С. Татаринову 21 апр. 1835 г.

II.

Отношеніе Императрицы Александры Өедоровны къ воспитанницамъ.—Перемѣна сношеній ея съ институтами.—Улучшеніе положенія должностныхъ лицъ женскаго пола. — Прекращеніе переписки императрицы съ начальницами. — Донесенія начальницъ.—Собственноручныя резолюціи государя на докладахъ статсъ-секретарей.—Осмотры заведеній.—Отчеты Вонлярлярскаго, Лонгинова, Норова.—Предполагаемыя мѣры.—Образцовыя кухни.—Характеристика институтокъ.—Подчиненіе умственнаго воспитанія нравственному.—Мѣры поощренія и наказанія.—Власть начальницъ.—Столкновенія ихъ съ генералъ-губернаторомъ и членами Совѣтовъ.—Мѣры главнаго Совѣта.—Инструкціи начальницамъ и классным дамамъ. —Бытъ воспитанницъ. - Балы. — Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ.—Занятія хозяйствомъ.—Пища.—Повелѣніе государя относительно пищи воспитанницъ.—Измѣненіе распредѣленія дня въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Принцъ П. Г. Ольденбургскій.

Въ первые годы своего управленія женскими учебными заведеніями, Императрица Александра Өедоровна довольно часто посѣщала ихъ, но всѣ распоряженія по нимъ дѣлались не непосредственно ею самою, а черезъ канцелярію. Эта перемѣна въ сношеніяхъ императрицы съ институтами отразилась и на существѣ дѣла.

Вотъ въ какой формѣ былъ переданъ Совѣту патріотическаго Общества отказъ въ его просьбѣ о наградахъ нѣкоторымъ учителямъ патріотическаго института: „Государыня Императрица — писалъ статсъ-секретарь Лонгиновъ предсѣдательницѣ Совѣта — за нужное поставляетъ внушить Совѣту Патріотическаго Общества, что училище онаго въ началѣ учреждено въ видѣ частнаго заведенія, зависящаго отъ Общества, равномѣрно частнаго... Для сего не нужны другія доказательства, какъ то, что оба не состоятъ въ распоряженіи правительства, въ слѣдствіе чего Ея Величество неприличнымъ почитаетъ обременять правительство испрашиваніемъ наградъ учителямъ. А какъ изъ неоднократныхъ при-

мѣровъ явствуетъ, что и самое безкорыстіе въ подобныхъ случаяхъ есть въ послѣдствіе притязаніе на возмездіе другаго рода или упрекъ нисколько не соотвѣтствующій ни сущности постановленій, ни достоинству Патріотическаго Сословія, снискавшаго трудами и пожертвованіями своими всеобщее уваженіе, то Ея Величество признаетъ лучше увеличить учителямъ жалованье"... [1]).

Въ ноябрѣ 1828 года поступили подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны и заведенія Императрицы Маріи. Эти заведенія, въ особенности Смольный и Екатерининскій, Императрица Александра Ѳеодоровна не только часто навѣщала, но и присутствовала на ихъ экзаменахъ, сама, какъ это дѣлала Императрица Марія, назначала кого на нихъ слѣдуетъ пригласить, передъ экзаменомъ пріѣзжала слушать пѣніе и видѣть танцы воспитанницъ съ тѣмъ, чтобы рѣшить что̀ должно быть исполнено при публикѣ. Передъ первымъ при ней публичномъ экзаменомъ въ Смольномъ, въ 1830 году, императрица просмотрѣла вмѣстѣ съ Жуковскимъ, сочиненные инспекторомъ прощальные стихи, которые воспитанницы должны были произнести на выпускномъ актѣ; она выразила желаніе, чтобы въ нихъ было упомянуто о покойной императрицѣ, согласилась на то, чтобы слова: „о, монастырь", какъ вызывающія „мрачное, а не пріятное и не поэтичное" представленіе, были замѣнены другими, и указала, что выраженіе: „сама добродѣтель передаетъ свой вѣнецъ Императрицѣ" слишкомъ сильно и имѣетъ смыслъ „будто Императрица добродѣтельнѣе самой добродѣтели" [2]).

Въ свои пріѣзды въ институты, императрица очень ласково относилась къ воспитанницамъ, но всѣ ея распоряженія и по заведеніямъ Императрицы Маріи сразу стали не непосредственными, а передавались черезъ статсъ-секретаря Вилламова. По ходатайству инспектриссъ, должностнымъ лицамъ женскаго пола, имѣвшимъ право на полученіе Маріинскаго знака отличія, было положено и денежное вознагражденіе, выдававшееся при Императрицѣ Маріи тѣмъ, кто получалъ при ней оранжевый бантъ „за труды"; классным дамамъ была назначена прибавка жалованья черезъ каждые пять лѣтъ, а по выслугѣ 25-ти лѣтъ — удвоенная пенсія въ размѣрѣ до тысячи рублей (асс.) въ годъ [3]).

Первое время императрица переписывалась съ начальницами нѣкоторыхъ институтовъ. Въ одномъ изъ очень немногихъ, со-

---

[1]) Арх. патр. инст. 1826 г., № 52.

[2]) Учрежд. Восп. Общ. бл. дѣв. 1820—1841. XIII.

[3]) Учр. по Восп. Общ. 1830 г.

хранившихся ея писемъ [1]), написанномъ въ отвѣтъ на сообщенное графинею Адлербергъ намѣреніе высѣчь, въ присутствіи всего класса, одну изъ маленькихъ воспитанницъ, императрица совѣтовала начальницѣ замѣнить это наказаніе выговоромъ передъ классомъ. Но съ 1833 года императрица перестала сама писать начальницамъ, и на ихъ письма отвѣчалъ Вилламовъ, а въ слѣдующемъ году, графиня Адлербергъ, извѣщая Вилламова, что императрица, по нездоровью, не желаетъ заниматься бумагами, обращалась уже прямо къ нему.

Можетъ быть поэтому, рѣдкія за это время письма начальницъ, безсодержательны и наполнены общими фразами, что все обстоитъ благополучно или передачею просьбъ служащихъ въ заведеніи лицъ. Тѣмъ не менѣе онѣ продолжали посылать императрицѣ свои срочныя донесенія (Annotationshefte), тонъ которыхъ, однако, былъ уже не прежній; въ нихъ попадается выраженіе „einige Faule“, жалобы на дурное поведеніе и незнаніе воспитанницами уроковъ; о подробностяхъ внутренней жизни заведенія, объ ученіи, въ этихъ донесеніяхъ говорилось мало; но на внѣшнее воспитаніе обращалось, повидимому, большое вниманіе. „D'une petite fille sans éducation—писала начальница Смольнаго объ одной изъ воспитанницъ—elle est devenue une jeune personne qui a du comme il faut“. Послѣ происходившаго во дворцѣ выпускного экзамена воспитанницъ Смольнаго, императрица благодарила начальницу какъ за успѣхи „во всѣхъ отрасляхъ наукъ“, такъ и за „cette noble tenue, appanage exclusif des personnes bien elevées“ [2]).

Гимнастическія упражненія воспитанницъ, введенныя въ институтахъ при Императрицѣ Маріи, послѣ ея смерти были отмѣнены по представленію начальницы Общества, которая признавала гимнастику не нужною, дорого стоющею и отнимающею много времени у воспитанницъ.

Но если скоро послѣ смерти Императрицы Маріи прекратились прямыя сношенія начальницъ съ императрицею, то самъ государь занимался дѣлами институтовъ и дѣлалъ собственноручныя резолюціи на докладахъ статсъ-секретарей. По особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ производились осмотры столичныхъ и губернскихъ заведеній статсъ-секретарями, которые обо всемъ доносили государю и императрицѣ.

Съ назначеніемъ въ 1842 году Гофмана статсъ-секретаремъ по

[1]) Письма Имп. Ал. Өед. были взяты въ Эрмитажъ тотчасъ же послѣ ея смерти, по приказанію государя Александра II.

[2]) Учр. по Восп. Общ. 1845 г.

учрежденіямъ Императрицы Маріи, онъ каждый годъ, а иногда и по нѣсколько разъ въ году, осматривалъ губернскіе институты, обращая, какъ это дѣлалъ и статсъ-секретарь Вилламовъ, преимущественное вниманіе на нравственное воспитаніе и религіозное образованіе воспитанницъ. Такіе же осмотры по заведеніямъ, находившимся подъ непосредственнымъ управленіемъ императрицы, производилъ статсъ-секретарь Лонгиновъ, а по всѣмъ заведеніямъ вообще—принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Кромѣ того, по Высочайшимъ повелѣніемъ, назначались разныя лица для осмотра того или другаго института. Эти лица представляли свои отчеты государю, который и на нихъ дѣлалъ собственноручныя замѣчанія. Почти всѣ замѣчанія государя указываютъ на его желаніе упростить бытъ воспитанницъ, особенно губернскихъ институтовъ, принаровить образованіе ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, пріучить къ хозяйству.

Въ 1844 году, чиновнику особыхъ порученій при IV отдѣленіи, Вонлярлярскому, было поручено осмотрѣть институты: закавказскій, харьковскій и полтавскій. Въ своемъ отчетѣ о первомъ изъ нихъ, Вонлярлярскій предложилъ ограничить пріемъ въ институтъ однѣми дворянками „родители которыхъ—писалъ онъ—дорожатъ образованіемъ, а не однимъ прокормленіемъ“ своихъ дѣтей, а также принимать ихъ моложе 11—12-ти лѣтъ, что по его мнѣнію „неудобно и даже опасно“, въ виду знойнаго климата Грузіи и потому, что тамъ, согласно обычаю, дѣвушки выходятъ нерѣдко замужъ десяти лѣтъ [1]). Онъ сообщалъ, что начальница устроила въ институтѣ „образцовый очагъ“, на которомъ воспитанницы, подъ ея руководствомъ, упражняются поочереди въ приготовленіи кушанья.

На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „прекрасно и хорошо бы вездѣ завести“. Съ тѣхъ поръ образцовыя кухни были постепенно устроены почти во всѣхъ заведеніяхъ.

О матеріальномъ положеніи губернскихъ институтовъ, осматривавшій ихъ въ 1845 году статсъ-секретарь Лонгиновъ, вынесъ заключеніе, что эта сторона институтовъ вообще крайне скудна, что при этомъ условіи у нихъ не можетъ быть самостоятельности „соотвѣтствующей полезнымъ и благодѣтельнымъ предначертаніямъ правительства“. Обращаясь къ только что тогда учрежденному главному Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, Лонгиновъ выражалъ надежду, что Совѣтъ не допуститъ институты до упадка и поддержитъ „на степени соразмѣрно тому вліянію, которое они

[1]) Отчетъ Вонлярлярскаго по зак. инст. 21 марта 1844 г. (Арх. IV отд.).

имѣютъ на общее просвѣщеніе... Не надо щадить пожертвованій— писалъ онъ въ своемъ отчетѣ—впрочемъ несравненно меньшихъ нежели щедро даруемыя мужскимъ заведеніямъ вѣдомства Военнаго и министерства народнаго просвѣщенія, если всѣ убѣждены, что дѣвичьи учебныя заведенія приносятъ истинную, несомнѣнную пользу".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лонгиновъ предлагалъ главному Совѣту вмѣнить губернскимъ предводителямъ дворянства, состоявшимъ членами институтскихъ Совѣтовъ, въ обязанность сообщать дворянству въ каждомъ собраніи о состояніи института, „чтобы отвратить невыгодное впечатлѣніе о холодности дворянства къ заведенію, дѣлающему честь ихъ странѣ и принесшему пользу ихъ дѣтямъ".

„По части правственной" постоянно сообщались свѣдѣнія какъ въ отчетахъ осматривавшихъ заведенія лицъ, такъ и въ ежегодно представлявшихся мѣстными Совѣтами главному; но эти свѣдѣнія ограничивались общими, стереотипными фразами: „ежедневная молитва утромъ и вечеромъ, за обѣдомъ и ужиномъ — говорится въ отчетѣ Вонлярлярскаго—посѣщеніе церкви, добрый примѣръ начальницы и классныхъ дамъ, безотлучное пребываніе въ институтѣ во время учебнаго курса и постоянное наблюденіе за поступками, словами и всѣми дѣйствіями воспитанницъ, чтеніе нравоучительныхъ книгъ, особенно въ старшихъ классахъ, посѣщеніе больныхъ воспитанницъ и дѣла человѣколюбія въ раздаваніи милостыни бѣднымъ подъ надзоромъ дежурной дамы—вотъ мѣры, принимавшіяся для укрѣпленія нравственности въ воспитанницахъ". Въ доказательство успѣшности тѣхъ же почти мѣръ, о которыхъ говорилъ Вонлярлярскій, Совѣтъ казанскаго института приводилъ то, что „такой заботливый надзоръ имѣлъ столь счастливое вліяніе на поведеніе воспитанницъ, что 62 изъ нихъ получили отличные баллы, 40 — хорошіе и только 6 — посредственные" [1]).

Въ своемъ отчетѣ о полтавскомъ институтѣ, статсъ-секретарь Лонгиновъ говорилъ: „въ свѣтѣ воспитанницы всегда встрѣчаемы были похвалами [2]). Не было примѣра, чтобы хоть одна совратп-

[1]) Отчетъ Совѣта каз. Род. инст. 1844 г.

[2]) Но воспитывавшіяся въ патріотическомъ институтѣ сестры Гоголя, окончившія курсъ въ 1839 году и привезенныя имъ въ Москву, произвели неблагопріятное впечатлѣніе на его друзей. „Какія деревяшки сестры Гоголя!" говоритъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, что онѣ „въ новыхъ длинныхъ платьяхъ совершенно не умѣли себя держать, путались въ нихъ, безпрестанно спотыкались и падали, отъ чего приходили въ такую конфузію, что ни на одинъ вопросъ ни слова не отвѣчали. Жаль было смотрѣть на бѣднаго Гоголя!" прибавляетъ онъ. (*Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Пет. Ч. пятая 1892 г.).

лась съ пути непорочности, добродѣтели и благовоспитанности. Всѣ, кому суждено было стать на чреду матерей, сдѣлались таковыми въ полномъ смыслѣ, охранивъ все достоинство своего призванія". Дѣлая общую характеристику институтскаго воспитанія, онъ прибавляетъ: „особаго рода свѣжесть въ лицѣ воспитанницъ, благопристойность и приличіе, можно сказать, изысканны и распространяются даже на дѣтскія игры".

Умственное воспитаніе въ институтахъ было подчинено нравственному. Это предписывалось и уставами нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ Положеніи о Маріинскомъ институтѣ 1834 года сказано: „предпочтительное вниманіе должно быть обращено на образованіе нравственное и религіозное, такъ какъ знаніе безъ нравственности безполезно. Для этого, кромѣ безпрерывнаго надзора классныхъ дамъ, должно внушать воспитанницамъ искреннее почтеніе Бога. Въ праздники и воскресенья онѣ, въ сопровожденіи классныхъ дамъ, должны посѣщать церковь, гдѣ въ особенную обязанность вмѣняется имъ набожность и спокойствіе души" (§ 19 Приб. къ Пол.). Чтобы дать родителямъ возможность дѣйствовать на дѣтей увѣщаніями или поощреніями, предписывалось (§ 22) сообщать имъ каждые три мѣсяца записки, содержащія въ себѣ свѣдѣнія „о повиновеніи, скромности, любви къ истинѣ, порядку и чистотѣ, о благоправіи и успѣхахъ, оказанныхъ воспитанницами" [1]). При изданіи въ 1846 году инструкціи объ общихъ обязанностяхъ институтскаго управленія, начальствующимъ лицамъ предписано „пещись объ устраненіи въ преподаваніи наукъ такихъ предметовъ, которые не сообразны съ будущимъ назначеніемъ воспитанницъ и служатъ болѣе къ удовлетворенію одного тщеславія". Въ правилахъ о наградахъ воспитанницамъ при переходѣ изъ класса въ классъ, непремѣннымъ условіемъ было поставлено принимать во вниманіе баллы по поведенію и если у воспитанницы „въ трехлѣтнемъ результатѣ менѣе одиннадцати балловъ по поведенію, ей награды ни въ какомъ случаѣ не назначать" [2]).

Начальница Общества, говоря въ своемъ донесеніи 1841 года императрицѣ, о сочиненіяхъ воспитанницъ, писала, что это „de très jolies petites compositions ou elles ont énoncé de bons sentiments" или „les compositions sont correctes, le style est bon, mais surtout les bons sentiments" [3]) Желая смягчить дурной отзывъ инспектриссы объ одной изъ воспитанницъ, начальница пи-

---

[1]) Арх. упр. зав., сост. подъ покр. Гос. Вел. княгини Елены Павловны.

[2]) Журналы гл. Сов. 1853 г.

[3]) Учр. по В. Общ. 1820—1841 г.

сала императрицѣ, что во время урока закона Божія она замѣтила „une vive émotion“ на лицѣ этой воспитанницы.

Какъ мѣру нравственную, главный Совѣтъ призналъ и соединеніе въ одномъ классѣ лучшихъ воспитанницъ съ слабыми, хотя бы такое соединеніе и мѣшало правильному ходу ученія. „Главное и существенное преимущество общественнаго воспитанія—сказано въ постановленіи главнаго Совѣта по поводу предложенія Совѣта харьковскаго института о параллеляхъ—возбуждать и поддерживать соревнованіе дѣтей... Надо всѣми возможными способами содѣйствовать возрожденію и постоянному укрѣпленію духа соревнованія между учащимися... Поэтому не надо отдѣлять посредственныхъ отъ лучшихъ... Такая мѣра, полезная для умственнаго образованія всѣхъ учащихся, имѣетъ благотворное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи, сравнивая ихъ во всѣхъ условіяхъ воспитанія, черезъ что однѣ лишены повода къ кичливости и высокомѣрію, а другія къ зависти и чувству собственнаго униженія“.

Въ видахъ нравственнаго воздѣйствія на окончившихъ уже курсъ воспитанницъ, главный Совѣтъ постановилъ не платить жалованья пепиньеркамъ „дабы не предоставить произволу юныхъ дѣвицъ, притомъ еще недостаточнаго состоянія, денежные расходы и заботы по туалету, могущіе отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій и усовершенствованія себя въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣліяхъ для поступленія современемъ въ классныя дамы и домашнія наставницы“ [1]).

Мѣрами поощренія служили разнаго цвѣта шнурки и банты, которые воспитанницы надѣвали на голову. Въ Маріинскомъ институтѣ назначались награды по числу полученныхъ воспитанницею въ теченіе трехъ лѣтъ кокардъ разной величины.

Въ 1853 году учебный комитетъ предложилъ оставить шнурки и банты тамъ, гдѣ они введены, но вновь ихъ не вводить „какъ отличія, вредныя въ нравственномъ отношеніи... Нѣкоторыя — говорилъ комитетъ—увлекаясь мыслью о своемъ отличіи, не избѣгнутъ опасности питать въ себѣ чувство тщеславія при видѣ полученнаго ими знака превосходства передъ сверстницами, отъ каковаго чувства надлежитъ оберегать юное сердце дѣвицы“ [2]).

Мѣры наказанія или исправленія, кромѣ замѣчаній и выговоровъ, употреблялись: лишеніе шнурковъ, недозволеніе причесать волоса такъ, какъ всѣ воспитанницы причесаны, замѣна обыкно-

---

[1]) Журналы гл. Сов. 1845 г.

[2]) Тамъ же, 1853 г.

веннаго платья старымъ, уже брошеннымъ, снятіе передника, лишеніе права дежурить по хозяйству, постановка за отдѣльный „черный“ столъ во время общаго обѣда или ужина. Въ керченскомъ институтѣ было „всегда употреблявшееся“, по словамъ предсѣдателя Совѣта [1]), наказаніе: обернутую въ мокрую простыню воспитанницу въ такомъ видѣ приводили въ классъ во время урока. Въ Маріинскомъ институтѣ Положеніемъ 1834 года допускались и тѣлесныя наказанія, но только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и для воспитанницъ не старше двѣнадцати лѣтъ. Эти наказанія употреблялись до начала пятидесятыхъ годовъ и въ другихъ институтахъ, даже въ Смольномъ.

Начальницамъ была предоставлена безграничная власть, особенно во всемъ, что касалось воспитанія въ заведеніяхъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 1839 года по полтавскому институту, начальницѣ „*одной*, какъ особѣ избранной Ея Величествомъ, ввѣрялось преимущественно материнское попеченіе о дѣтяхъ, и полное образованіе ихъ въ правилахъ христіанской добродѣтели и доброй нравственности“ [2]). О чрезвычайныхъ случаяхъ въ заведеніи, она должна была доводить до Высочайшаго свѣдѣнія и испрашивать разрѣшенія. Послѣ осмотра нѣсколькихъ институтовъ, Воплярлярскій предложилъ еще усилить власть начальницъ, передавъ распорядительную часть по хозяйству мѣстному начальству губерніи, и ослабить власть Совѣтовъ, оставивъ имъ лишь почетъ [3]). При изданіи Высочайше утвержденнаго въ 1847 году Положенія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и инструкціи начальницамъ, главный Совѣтъ считалъ повелѣніе 1839 года отмѣненнымъ, но императрица выразила волю, чтобы начальницы „по предоставленному имъ прежде праву, продолжали входить непосредственно къ ней съ донесеніями, какъ срочными, такъ и особыми, во всѣхъ случаяхъ, когда ими признано будетъ необходимымъ для блага и пользы управляемыхъ ими заведеній“ [4]). Поэтому, при столкновеніяхъ, довольно частыхъ въ губернскихъ институтахъ, между начальницею и другими должностными лицами, даже и генералъ-губернаторами, дѣло кончалось, въ большинствѣ случаевъ, въ пользу начальницъ.

Въ 1850-мъ году черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, Кокошкинъ, бывшій въ то же время и

---

[1]) Дѣла г. Сов. 1850 г.

[2]) Выс. повел. 22 ноября 1839 г. (Журналы гл. Совѣта).

[3]) 12 окт. 1845. (Арх. IV отд. Опись дѣламъ, невошедшимъ въ сдаточныя экспедиц. описи. Лит. Б.)

[4]) Журналы Ком. для пересмотра уставовъ ж. уч. зав. 1846 г.

членомъ Совѣтовъ харьковскаго и полтавскаго институтовъ, донесъ главному Совѣту, что онъ сдѣлалъ запросъ Совѣту полтавскаго института по поводу присланнаго ему въ Харьковъ протокола, въ который было занесено объ увольненіи „по извѣстнымъ госпожѣ начальницѣ причинамъ", одной изъ казенныхъ воспитанницъ, немедленно отправленной къ родителямъ „съ человѣкомъ не имѣвшимъ довѣренности отъ нихъ". Статсъ-секретарь Лонгиновъ оправдывалъ передъ главнымъ Совѣтомъ начальницу, говоря, что „кто знаетъ начальницу, никогда не позволитъ себѣ думать, чтобы она была способна оказать несправедливое и, еще менѣе, незаслуженное гоненіе на молодую дѣвицу, ибо она (начальница) заслужила имя матери чужихъ дѣтей ей ввѣренныхъ"; что воспитанница о которой идетъ рѣчь, по объясненію начальницы, „строптивая, буйная, можно сказать бѣшеная, гонялась за подругами съ ножемъ", и что именно для избѣжанія позора изгнанія, начальница не рѣшилась войти съ представленіемъ въ Совѣтъ, гдѣ „по принятой формѣ, сдѣлалось бы гласнымъ такое поведеніе и звѣрскій характеръ воспитанницы".

Совѣтъ института отвѣчалъ генералъ-губернатору, что онъ и не считалъ нужнымъ знать причины, которыя заставили начальницу уволить воспитанницу и что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ руководствуется чувствомъ глубокаго уваженія и неограниченнаго довѣрія къ начальницѣ, какъ къ особѣ, избранной по Высочайшему довѣрію Ея Императорскаго Величества, а равно и изъ сознанія прямыхъ своихъ по званію члена Совѣта обязанностей, опредѣленныхъ указанною имъ Высочайшею волею Государыни Императрицы, объявленною въ отношеніи статсъ-секретаря Лонгинова 1839 года, 22-го ноября... Ея Императорскому Величеству—писалъ Совѣтъ—благоугодно было повелѣть объявить Совѣту свою волю: ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать двухъ различныхъ предметовъ: воспитанія благородныхъ дѣвицъ и управленія Институтомъ. Первый — неотъемлемая принадлежность дарованная собственно Начальницѣ по личному Ея избранію удостоенной Высочайшаго довѣрія, несущей тяжкія обязанности матери болѣе полусотни ввѣренныхъ ей чужихъ благородныхъ дѣтей и не менѣе трудную отвѣтственность за нравственное ихъ образованіе... Увольненіе воспитанницы касается до воспитанія; поэтому достаточно если Начальницѣ были извѣстны причины почему оно необходимо". Совѣтъ прибавлялъ, что къ такимъ мѣрамъ начальница прибѣгаетъ рѣдко „единственно въ видахъ охраненія нравственности дѣтей и съ крайне душевнымъ

для нея прискорбіемъ". Желая оправдать поступокъ начальницы, полтавскій Совѣтъ находилъ правильнымъ, что она ему не объявила причину увольненія воспитанницы, „тѣмъ болѣе, что родители неохотно въ подобныхъ случаяхъ, уступаютъ убѣжденіямъ въ необходимости подать прошеніе".

Сообщая это главному Совѣту, генералъ-губернаторъ высказывалъ свое мнѣніе, что такія дѣла „надо подчинить нѣкоторымъ формамъ, какія признаны въ уставѣ харьковскаго института, ибо можетъ случиться, что неограниченное довѣріе поведетъ къ произволу, несогласному съ правилами кротости, материнской попечительности и милосердія". Онъ ссылался и на то, что подобные поступки возбудятъ въ родителяхъ недовѣріе къ институту. „Трудно допустить — писалъ онъ — чтобы дѣвица втеченіе Институтскаго курса, при бдительномъ надзорѣ и вниманіи наставницъ, пріобрѣла столь дурныя наклонности, что удаленіе ея изъ Института, въ видахъ нравственнаго воспитанія дѣвицъ, вдругъ оказалось бы столь нетерпящимъ отлагательства, что Совѣтъ, безъ сношенія съ кѣмъ бы слѣдовало, нашелъ вынужденнымъ немедленно отправить ее изъ Института съ первою представившеюся оказіею".

По докладѣ дѣла императрицѣ, она одобрила увольненіе воспитанницы и поэтому главный Совѣтъ принялъ лишь къ свѣдѣнію предложеніе генералъ-губернатора [1]).

Три года спустя членъ Совѣта харьковскаго института, губернскій предводитель дворянства, обратился къ главному Совѣту съ жалобой на то, что засѣданія Совѣта не назначаются впродолженіи полугода, что опредѣленія по протоколамъ составляются безъ засѣданій и исполняются прежде чѣмъ подписаны членами, что онъ подалъ въ Совѣтъ особое мнѣніе, которое принято лишь къ свѣдѣнію, а не представлено главному Совѣту; въ этомъ мнѣніи губернскій предводитель дворянства указывалъ на то, что при покупкѣ матеріаловъ для экипировки воспитанницъ, безъ подряда, все было предоставлено начальницѣ. Въ протоколѣ институтскаго Совѣта сказано, что прочтено особое мнѣніе предводителя дворянства, „но такъ какъ протоколъ подписанъ предсѣдателемъ, начальницею и членами, и какъ уже сдѣланы закупки, то рѣшено принять мнѣніе къ свѣдѣнію [2]).

Впрочемъ, такіе порядки допускались самими генералъ-губернаторами, которые, при обширности другихъ, лежавшихъ на нихъ, болѣе важныхъ, обязанностей, не могли удѣлять институтскимъ дѣ-

---

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1850 г.

[2]) Дѣла гл. Совѣта. 1853 г.

ламъ много времени. Когда членъ по хозяйственной части харьковскаго института, въ 1854 году, жаловался главному Совѣту на то, что для подписи членовъ представляются протоколы, „по которымъ не было никакого сужденія въ Совѣтѣ“, то генералъ-губернаторъ просилъ главный Совѣтъ оставить этотъ порядокъ, „освященный употребленіемъ и единственный, при которомъ онъ, генералъ-губернаторъ, считаетъ возможнымъ исполнять обязанности по Совѣту института, не отвлекая ни себя, ни членовъ, отъ другихъ обязанностей по званіямъ, ими носимымъ, и, въ особенности, при настоящихъ обстоятельствахъ края, требующихъ важныхъ и неотложныхъ распоряженій административныхъ, по Высочайшему повелѣнію предложенныхъ“ [1]). Главный Совѣтъ высказался за то, что дѣла, касающіяся хозяйственной части, должны разсматриваться въ присутствіи члена по хозяйственной части, а тѣ, которыя разрѣшаются на основаніи уставовъ и Положеній, могутъ предлагаться прямо къ подписи членовъ Совѣта.

Хотя, прося главный Совѣтъ объ оставленіи прежняго порядка веденія институтскихъ дѣлъ, генералъ-губернаторъ Кокошкинъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, чтобы „не отвлекать по неважнымъ дѣламъ членовъ Совѣта отъ ихъ обширныхъ занятій“, но онъ не допустилъ до разсмотрѣнія Совѣта и записку, представленную губернскимъ предводителемъ дворянства о „ходящихъ въ городѣ слухахъ, будто бы начальница харьковскаго института велитъ сѣчь даже взрослыхъ воспитанницъ рукою служанокъ“ и что когда у нея бываютъ гости, она велитъ будить дѣвицъ для того, чтобы онѣ при гостяхъ танцовали [2]).

Съ учрежденіемъ главнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго, было обращено вниманіе на всѣ стороны, какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни женскихъ учебныхъ заведеній. Одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ для достиженія поставленной государемъ цѣли женскаго воспитанія и введенія въ этомъ отношеніи однообразія, было составленіе общихъ инструкцій всѣмъ начальницамъ, класснымъ дамамъ и членамъ мѣстныхъ Совѣтовъ. Инструкціи были утверждены императрицею въ 1847 году. Изложенныя въ нихъ правила воспитанія начертаны въ гуманномъ духѣ правилъ Бецкаго, но образованію ума придано должное значеніе; въ нихъ вошли многія изъ правилъ Императрицы Маріи, но нѣкоторыя изъ послѣднихъ инструкціею 1847 года отмѣнялись. Такъ были отмѣнены введен-

[1]) Дѣла гл. Сов. 1854 г.
[2]) Дѣла гл. Сов. 1855 г.

ные Императрицею Маріею разговоры инспектриссъ и классныхъ дамъ съ воспитанницами, имѣвшіе цѣлью „преподать воспитанницамъ нужныя свѣдѣнія объ ихъ семействахъ и нечувствительнымъ образомъ приготовить къ жребію, ожидающему ихъ послѣ выпуска". Разговоры классныхъ дамъ, по новой инструкціи, должны были служить „необходимымъ дополненіемъ преподаваемыхъ воспитанницамъ уроковъ и наставленій", направлены къ развитію умственныхъ способностей воспитанницъ, что признано инструкціею однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія. „Дѣти неразвитыя, сказано въ одной изъ инструкцій [1]), а потому тупыя и вялыя, благонравны только съ виду; безпомощныя въ минуту испытанія, онѣ лишены той важной опоры, какую доставляетъ живость хорошо направленнаго соображенія... Безъ образованія ума невозможно истинно достойное человѣка образованіе и прочихъ духовныхъ способностей... Воспитанницы должны быть проникнуты убѣжденіемъ какъ тяжко не имѣть необходимыхъ знаній, а, напротивъ, какъ отрадно бываетъ, когда кругъ нашего зрѣнія съ каждымъ днемъ болѣе расширяется... Въ общественномъ женскомъ заведеніи, гдѣ дѣвицы остаются постоянно нѣсколько лѣтъ, необходимость развитія и направленія ихъ умственныхъ способностей тѣмъ ощутительнѣе, что дѣвицамъ представляется къ размышленію мало побужденій по недостатку внѣшнихъ впечатлѣній и практическихъ уроковъ домашняго быта, что̀ здѣсь должно замѣняться по возможности живостію представленій и отчетливостью сознанія".

Согласно инструкціи 1847 года, классныя дамы должны были развивать въ воспитанницахъ самостоятельность, понятливость, пытливость, разсудительность, основательность сужденій; онѣ должны были вкоренять въ дѣтяхъ нравственную идею справедливости, здравый смыслъ, но *не подавлять и воображенія, а направлять его ко всему истинному, высокому и прекрасному*, не внушая, однако, презрѣнія къ обыкновенному и полезному, не теряя изъ виду будущее назначеніе воспитанницъ, пріучая ихъ не гнушаться и самой скромной бѣдной доли (§§ 58 и 59).

Эти правила находились въ противорѣчіи съ инструкціею Императрицы Маріи начальницѣ Общества, которою предписывалось отдалять отъ дѣтей все, что могло бы имъ внушить стремленіе къ „beau idéal, такъ часто вредящему bien réel" [2]).

---

[1]) Относящіяся къ обязанностямъ классныхъ дамъ правила физическаго и нравственнаго воспитанія дѣвицъ.

[2]) Instruction pour Madame la Supérieure de la Communauté des demoiselles nobles. 11-го янв. 1802 г. (*Лядовъ*. Истор. оч. 100 л. жизни Имп. Восп. Общ. бл. дѣв.. Приложеніе).

Инструкціею 1847 года класснымъ дамамъ вмѣнялось въ обязанность „укрѣплять воспитанницъ, по мѣрѣ развитія ихъ умственныхъ способностей, въ сознаніи, что онѣ назначены для дѣятельности на поприщѣ домашняго быта“, внушать имъ „всю святость брака, основаннаго на взаимномъ уваженіи супруговъ, высокое значеніе материнской любви, свойственную женскому полу обязанность пещись о хозяйственной сторонѣ жизни, наконецъ проистекающую изъ сознанія собственнаго достоинства готовность быть полезною безъ различія въ супружествѣ или дѣвичествѣ, но преимущественно въ кругу семьи, при подлежащей скромности и самоотверженіи“ (§ 91).

Побужденіемъ къ дальнѣйшему образованію и усовершенствованію, должно было служить „сознаніе значенія женщины какъ воспитательницы и убѣжденіе, что воспитаніе собственныхъ или чужихъ дѣтей невозможно и грѣшно безъ основательнаго приготовленія къ оному наукою и опытомъ. Въ этомъ-то побужденіи и живомъ сочувствіи къ тихимъ радостямъ семейной жизни, равно къ общечеловѣческимъ интересамъ образованія и общественной пользы, долженъ заключаться для дѣвицъ вѣрнѣйшій залогъ благополучія и надежнѣйшій оплотъ противъ слабостей и прельщеній“ (§ 94).

Сущность обязанностей какъ начальницъ, такъ и классныхъ дамъ объяснена въ инструкціяхъ такъ, что онѣ должны замѣнять воспитанницамъ „попеченія образованной, любящей матери о возможномъ ихъ усовершенствованіи во всѣхъ отношеніяхъ“, должны быть помощницами родителямъ, не препятствуя вліянію ихъ на дочерей, „исключая только горестныхъ случаевъ, гдѣ это представилось бы необходимымъ для пользы самаго воспитанія“ (§ 102).

Мѣрами наказанія полагались: замѣчанія, выговоры, угрозы, лишенія („но не предметовъ существенной необходимости въ пищѣ, движеніи или ученіи“), принужденіе и пристыженіе. При наказаніяхъ предписывалось соображаться съ „развитіемъ душевныхъ способностей дѣвицъ, природными ихъ наклонностями и обстоятельствами, при которыхъ былъ совершенъ проступокъ“. Въ видахъ устраненія наушничества, инструкція признавала небезвреднымъ существовавшее во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе передачи одною воспитанницею другой „видимыхъ знаковъ“ за разговоръ не на томъ языкѣ, на какомъ было опредѣлено говорить въ тотъ день. Было обращено вниманіе и на то, чтобы классныя дамы заботились обо всѣхъ воспитанницахъ, и въ особенности о болѣе слабыхъ, а не сосредото-

чивали бы своихъ ласкъ и похвалъ тѣмъ, „кои отмѣчаются только природными талантами, или внѣшними достоинствами“.

Поощренія должны были „пробуждать въ дѣвицѣ съ малолѣтства голосъ собственной ея совѣсти и сознанія“. Присужденіе, притомъ изрѣдка, внѣшнихъ знаковъ отличія могло, по словамъ инструкціи, „безъ особеннаго вреда возбуждать похвальное соревнованіе“ въ воспитанницахъ; „но—сказано въ § 140—полезнѣе не прибѣгать къ сей мѣрѣ, въ особенности если оная сколько-нибудь состоитъ въ связи съ свойственнымъ дѣвицамъ пристрастіемъ къ украшеніямъ въ уборахъ и платьѣ“. Въ заключеніе, инструкція указываетъ класснымъ дамамъ дѣйствовать во всемъ, касающемся воспитанія, нравственнаго и физическаго, ввѣренныхъ имъ дѣтей, по соглашенію съ инспекторомъ классовъ, преподавателями и врачами, а также заботиться о собственномъ усовершенствованіи „безъ коего онѣ не могутъ быть истинно полезными ввѣреннымъ имъ дѣтямъ“.

Вмѣстѣ съ правилами нравственнаго воспитанія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, были составлены по указаніямъ медицинскихъ инспекторовъ, лейбъ-медика Арендта и доктора Эвеніуса, правила и физическаго воспитанія дѣвицъ. Въ нихъ, съ подробностями, напоминающими изложенныя въ уставѣ Бецкаго, разсмотрѣны всѣ стороны физической жизни воспитанницъ, опредѣлено время для сна, движенія, ученія, причемъ указывалось на необходимость обращать вниманіе на темпераментъ каждой отдѣльной воспитанницы и рекомендовалось „не требовать отъ нихъ принужденнаго хожденія по парамъ“, не принуждать ихъ къ занятіямъ или играмъ, поддерживать между ними веселость „какъ важное условіе для сохраненія здоровья“, позволять имъ разговаривать другъ съ другомъ во время обѣда, „какъ средство для поддержанія аппетита“, не заставлять ихъ долго стоять, отвѣчая уроки, вообще разрѣшать имъ время отъ времени принимать во время уроковъ непринужденное положеніе „съ соблюденіемъ только надлежащаго приличія“ (§ 24).

Эти правила вошли въ уставъ 1855 года, при разсмотрѣніи котораго въ главномъ Совѣтѣ большое участіе принималъ членъ его, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, по настоянію котораго, всѣ правила нравственнаго, умственнаго и физическаго воспитанія были соединены въ одну главу. „Это отниметъ—писалъ онъ въ своей замѣткѣ на уставъ—шаткій произволъ въ нравственномъ воспитаніи каждаго новаго лица, поступающаго начальницею въ заведеніе... Эта глава есть самая важная изъ всего устава... Попробуйте—прибавлялъ

онъ въ заключеніе—право будетъ хорошо и сами вы останетесь довольны. Это будетъ Монументъ!" [1]).

Въ числѣ увеселеній и общихъ игръ, инструкція указывала и на декламированіе отдѣльныхъ драматическихъ сценъ. Но еще ранѣе, чѣмъ это было разрѣшено, въ институтахъ давались театральныя представленія, отмѣненныя Императрицею Маріею. Въ 1843 году была даже напечатана книжка, составленная учителемъ французскаго языка Риффе и озаглавленная: Théatre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoy ou Recueil des pièces arrangées ou composées dans différentes circonstances pour les classes inférieures de cet Etablissement.

Во всѣхъ институтахъ по праздникамъ устраивались балы, музыкальные и танцовальные вечера. Хотя главный Совѣтъ вообще стремился устранять „ложный блескъ" въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но старыя традиціи держались прочно и переходили даже къ сравнительно молодымъ институтамъ. Совѣтъ бѣлостокскаго института просилъ въ 1849 году разрѣшенія отправить въ Варшаву или „другіе города имперіи" учителя танцевъ для того, чтобы присмотрѣться тамъ къ болѣе употребительнымъ въ настоящее время въ собраніяхъ танцамъ, составить приличный воспитанницамъ балетъ и обучить ихъ характернымъ танцамъ... Тогда можно надѣяться—писалъ Совѣтъ,—что родители при выпускахъ увидятъ въ своихъ дѣтяхъ не менѣе успѣховъ въ танцахъ, нужныхъ для наружнаго образованія дѣвицъ, какъ и въ познаніяхъ, служащихъ къ нравственному и умственному ихъ воспитанію. Но главный Совѣтъ съ этимъ не согласился, найдя не нужнымъ приготовленіе особаго балета изъ воспитанницъ для выпуска, и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „на публичномъ экзаменѣ родители должны видѣть не особенное какое либо представленіе, но успѣхъ воспитанницъ въ тѣхъ предметахъ, коимъ ихъ обучали" [2]).

Однако характернымъ танцамъ продолжали обучать не только въ столичныхъ, но и въ губернскихъ институтахъ. Осматривавшій въ 1853 г. одесскій институтъ, А. С. Поровъ, съ восторгомъ описалъ въ своемъ отчетѣ аллегорическій танецъ, исполненный воспитанницами на Рождествѣ. „Хороводъ дѣвицъ,—говоритъ онъ,—танцуя съ гирляндами цвѣтовъ, свернувшись внезапно въ группу, образовалъ изъ этихъ цвѣточныхъ гирляндъ вензелевое имя государыни императрицы, передъ которымъ всѣ другія воспитанницы мигомъ явились на колѣняхъ съ радостнымъ, живымъ выраженіемъ

[1]) Дѣла гл. Сов. Замѣтка ген.-ад. Ростовцева 18-го марта 1855 г.

[2]) Журн. гл. Сов. 1849.

на всѣхъ лицахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздался стройный гимнъ „Боже, Царя храни".

Повидимому, на даваемые въ институтахъ балы дозволялось приглашать и постороннихъ лицъ, даже молодыхъ людей, что строго запрещалось Императрицею Маріею. Въ 1854 году кіевскій и подольскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ обратился къ статсъ-секретарю Гофману съ вопросомъ: угодно ли императрицѣ, чтобы на балы въ бѣлостокскомъ институтѣ начальница приглашала до двадцати офицеровъ преображенскаго полка для танцевъ? Гофманъ отвѣтилъ уклончиво: „на балахъ въ залахъ института,— писалъ онъ, — могутъ быть лишь состоящія при заведеніи лица, а на танцы въ комнатахъ начальницы, куда приглашаются лишь нѣкоторыя изъ воспитанницъ, она можетъ приглашать кого хочетъ на свою отвѣтственность". Къ этому Гофманъ прибавилъ, что императрица вообще желаетъ, чтобы подобныя увеселенія происходили порѣже и не препятствовали бы успѣшному прохожденію учебнаго курса. Тогда военный гродненскій губернаторъ, баронъ фонъ-деръ-Ховенъ, объяснилъ Гофману, что осенью прибылъ на квартиру въ Бѣлостокъ гвардейскій кирасирскій полкъ. „Всѣ сословія,—писалъ Ховенъ,—старались принять ихъ радушно" давали имъ обѣды и между прочимъ, дворянство бѣлостокскаго уѣзда дало оффиціальный обѣдъ преображенскому полку, гдѣ былъ и онъ самъ. Въ этотъ день, который былъ днемъ вступленія на престолъ государя, былъ назначенъ и балъ въ бѣлостокскомъ институтѣ. „Занимая мѣсто предсѣдателя Совѣта Института,—говорилъ Ховенъ,—и соревнуя отличному процвѣтанію его при усиленныхъ заботахъ превосходной Начальницы", онъ, „узнавъ, что дѣвицы разучили характеристическій танецъ въ костюмахъ и желая представить прекрасное состояніе Бѣлостокскаго заведенія Гвардейскимъ Начальствующимъ лицамъ", отправился съ Генералъ-Лейтенантомъ Моллеромъ и командиромъ полка, графомъ Барановымъ, къ Начальницѣ, и оттуда въ танцовальную залу „съ единственною цѣлью показать представителямъ Гвардіи, что мѣстное заведеніе, при попечительствѣ Начальства, нисколько не отстаетъ въ образованіи и вообще содержаніи отъ образцовыхъ столичныхъ; а такъ какъ при генералахъ была ихъ свита изъ офицеровъ ихъ штабовъ, то генералъ Моллеръ и графъ Барановъ успокоили начальницу, что эти образованные молодые люди изъ первыхъ фамилій, будучи въ Институтѣ, слишкомъ хорошо понимаютъ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній и за ихъ скромность ручаться вполнѣ можно. Поэтому, налюбовавшись на прекрасно исполненные танцы съ рѣдкимъ искусствомъ и граціей", Ховенъ

и генералы съ ихъ свитой сдѣлали нѣсколько туровъ вальса „для доставленія удовольствія маленькимъ дѣтямъ и поощренія тѣхъ, которыя имѣли кокарды"... „Не воображаю,—прибавлялъ Ховенъ — чтобы дѣло могло быть представлено преступленіемъ и чтобы генералъ-губернаторъ края рѣшился тревожить ничтожнымъ дѣломъ Священную Особу Ея Величества, о возстановленіи здоровья которой мы, вѣрноподданные, нынѣ возносимъ молитвы къ Всевышнему". Въ заключеніе Ховенъ говорилъ, что генералъ-губернаторъ, не требовалъ у него объясненія „недоброжелательнаго" къ нему и къ начальницѣ, теперь же, получивъ отвѣтъ статсъ-секретаря, прислалъ ему „предписаніе съ замѣчаніемъ".

На это Гофманъ отвѣчалъ Ховену, что генералъ-губернаторъ не доносилъ императрицѣ, а что, онъ Гофманъ, въ приглашеніи офицеровъ на балъ видитъ лишь желаніе военнаго губернатора, барона Ховена, „показать имъ цвѣтущее состояніе заведенія, состоящаго подъ Вашимъ начальствомъ, о благосостояніи коего Вы постоянно прилагаете попеченіе" [1]).

Въ своемъ отчетѣ объ одесскомъ институтѣ, А. С. Норовъ разсказывалъ, что наканунѣ новаго года „по принятому обыкновенію, перешедшему изъ Греціи", за нѣсколько минутъ до двѣнадцати часовъ ночи, воспитанницы берутъ перья и должны написать краткую молитву, окончить которую слѣдуетъ съ послѣднимъ ударомъ часовъ. Затѣмъ воспитанницы зашиваютъ эту молитву въ присланныя имъ императрицею ладонки, которыя разсылаютъ родителямъ и близкимъ. Норовъ прибавлялъ, что полученную имъ ладонку онъ всегда будетъ хранить „вмѣстѣ съ памятью объ усладительныхъ минутахъ, которыя провелъ въ семъ дѣтскомъ вертоградѣ".

Несмотря на обнаруженную въ инструкціяхъ начальницамъ и класснымъ дамамъ заботливость главнаго Совѣта о томъ, чтобы воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было направлено ко благу воспитанницъ, и тутъ повторилось то, что было почти сто лѣтъ назадъ при изданіи устава Бецкаго и даже при Императрицѣ Маріи, которая сама слѣдила за исполненіемъ своихъ инструкцій. За весьма небольшими исключеніями, начальницы и классныя дамы не были подготовлены къ предстоявшей имъ трудной роли. Между тѣмъ отъ нихъ почти всецѣло зависѣло благосостояніе цѣлаго маленькаго, оторваннаго отъ всего остального міра, мірка.

Письменныя и устныя свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ того времени, говорятъ о такихъ фактахъ институтской жизни,

---

[1]) Дѣла гл. Совѣта 1854—1855.

которые должны были не только причинять много горя воспитанницамъ во время ихъ пребыванія въ заведеніи, но и навсегда оставить въ нихъ горькое воспоминаніе о проведенныхъ тамъ годахъ и даже отразиться на характерѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Случившійся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, стало быть уже послѣ изданія гуманныхъ инструкцій главнаго Совѣта, маленькій эпизодъ, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что какъ ни хороши были предписанныя ими правила воспитанія, они могли оставаться мертвою буквою на бумагѣ, если среди начальствующихъ лицъ были люди злые, произволу которыхъ были предоставлены воспитанницы. Лѣтомъ, въ Смольномъ, какъ и во всѣхъ институтахъ, воспитанницъ съ утра уводили въ садъ, гдѣ большую часть времени онѣ проводили за шитьемъ пелеринокъ, передниковъ, рукавчиковъ и пр. Эти занятія прерывались обѣдомъ и ужиномъ въ столовой и рекреаціей послѣ обѣда, когда воспитанницы могли бѣгать и играть въ разныя игры. Малѣйшее нарушеніе такого порядка не дозволялось и воспитанницъ ни по какимъ причинамъ не выпускали изъ саду. Ужъ одного этого было достаточно, чтобы у нихъ являлось страстное желаніе, подъ какимъ нибудь предлогомъ, хоть на минуту, уйти изъ саду, побыть на волѣ въ дортуарѣ или классной комнатѣ. Для этого, такъ же какъ и для многихъ случаевъ, въ институтскомъ кодексѣ уже давно было придумано, передаваемое отъ выпуска къ выпуску, традиціонное средство, заключавшееся въ томъ, чтобы вызвать кровотеченіе изъ носа посредствомъ особой жесткой травы, которою набивали носъ.

Это средство часто удавалось; но на немъ попалась одна изъ воспитанницъ бѣлаго, т.-е. старшаго класса. Однажды, во время говѣнія, какъ разъ въ тотъ день, когда воспитанницы исповѣдывались и послѣ исповѣди засѣли за обычное занятіе въ саду, эта воспитанница, К., набила себѣ носъ травою и, держа у лица носовой платокъ, попросила у классной дамы позволенія выйти изъ сада. Не успѣла она проговорить обычной фразы: „permettez moi de sortir“, какъ классная дама, вообще отличавшаяся злымъ отношеніемъ къ воспитанницамъ, отдернула носовой платокъ отъ лица К. и закричала на нее: „вы заслуживаете быть высѣченной, я васъ не пущу изъ сада“... Бѣдной К. было приказано оставаться весь остальной день съ торчащими изъ носу кусками травы, а на другое утро, въ 8 часовъ, она должна была явиться къ классной дамѣ, въ ея комнату. Когда на другой день К. явилась къ классной дамѣ, та, заперевъ за нею дверь своей комнаты, достала заранѣе приготовленныя розги и несмотря на то,

что въ то же утро К. должна была, вмѣстѣ со всѣмъ классомъ, идти къ причастію, классная дама собственноручно, съ глазу на глазъ, съ яростью высѣкла ее.

Не говоря уже о другихъ сторонахъ такого поступка, онъ показываетъ, какъ воспитательница мало придавала значенія религіозному чувству воспитанницы, а между тѣмъ религіозное воспитаніе должно было всегда стоять въ институтахъ на первомъ планѣ.

Аппелировать на классныхъ дамъ инспектриссѣ, а тѣмъ болѣе начальницѣ, которая всегда представлялась воспитанницамъ недосягаемымъ существомъ, имъ и въ мысль не приходило, ибо, совсѣмъ не зная людей и ихъ характеровъ, не имѣя понятія объ институтской іерархіи, не сознавая за собою никакихъ правъ на протестъ противъ дѣйствій отдѣльнаго начальствующаго надъ ними лица, онѣ чувствовали лишь, что надъ ними всюду и со всѣхъ сторонъ стоитъ грозное, солидарное между собою начальство, готовое карать ихъ каждую минуту и отъ котораго имъ скрыться нѣкуда.

„Съ начальствомъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшая воспитанница одного изъ провинціальныхъ институтовъ [1]),—у насъ всегда былъ какъ бы вооруженный миръ... натянутость, неискренность, затаенная вражда въ отношеніяхъ между воспитанницами и классными дамами“. Съ первыхъ же дней поступленія въ институтъ, въ сердце ребенка закрадывалось чувство вѣчнаго страха, порождаемое „сухимъ, холоднымъ, оффиціальнымъ тономъ начальства... Нравственная и умственная муштровка личности со стороны и товарищества, отсутствіе всякаго теплаго, согрѣвающаго душу элемента, нравственная безпомощность“—все это производило подавляющее дѣйствіе. „Поцѣловать классную даму,—говоритъ авторъ „Очерковъ“,—было бы такимъ же нарушеніемъ дисциплины, какъ солдату потрепать по плечу офицера“...

Такія же впечатлѣнія вынесъ изъ института и другой авторъ записокъ, бывшая воспитанница московскаго Екатерининскаго училища [2]). „Живой, нѣжный ребенокъ,—говоритъ она,—лѣзущій ко всѣмъ съ ласками, представляетъ собою что-то невоспитанное, что̀ съ него стараются скорѣе стереть и привести все въ одну общую форму... Вѣчный страхъ отъ одного тона и физіономіи нѣкоторыхъ классныхъ дамъ, ихъ олимпійская недоступ-

---

[1]) *А. Бѣльская.* Очерки институтской жизни („Заря“ 1870 г., авг.).

[2]) *N.* Воспоминанія институтской жизни („Р. Вѣстникъ“ 1861 г., т. 35, сент.).

ность, нежеланіе сблизиться съ воспитанницами, убивалъ въ зародышѣ желаніе пошалить... чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, классная дама, не возвышая голоса, наказываетъ... Насъ доходили тишиною“,—прибавляетъ авторъ.

„Чинность, безгласіе, наружная добропорядочность и повиновеніе во что бы то ни стало“—все это, при полномъ разобщеніи воспитанницъ съ внѣшнимъ міромъ, создавало имъ такую обстановку, при которой ихъ личность мало-по-малу стиралась, а передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе институтскіе нравы, формы быта, нелѣпыя понятія, очень скоро и неизбѣжно втягивали въ общій строй даже самыхъ живыхъ и хорошихъ дѣтей. „Солгать, обмануть, намъ ровно ничего не стоило“—говоритъ авторъ „Воспоминаній“. Ничто не будило заснувшаго сознанія дѣвочки. Вся обстановка содѣйствовала этому: въ дортуарахъ желтыя стѣны, на которыхъ не висѣло даже зеркала; воспитанницамъ не позволяли повѣсить „ни образка, ни портрета матери“, нельзя было поставить горшка съ цвѣтами, за которыми воспитанницы сами ухаживали бы. Автоматическая выправка, мертвящая, формальная обстановка, угнетали впечатлительныхъ дѣвочекъ; онѣ очень скоро послѣ своего вступленія „отвыкали рѣзвиться“, становились апатичными и равнодушными ко всему.

Въ старшихъ классахъ, гдѣ учителя читали иногда произведенія русскихъ писателей, чтеніе даже Гоголя не оставляло никакого впечатлѣнія. „Отрывка изъ Гоголя, — говоритъ авторъ „Воспоминаній“,—котораго тогда читалъ учитель въ классѣ, мы не поняли. А онъ читалъ описаніе деревни Плюшкина (къ красотамъ природы вообще у институтокъ полное равнодушіе,—прибавляетъ авторъ) и визитъ Чичикова къ Собакевичу“. О равнодушіи институтокъ къ красотамъ природы говоритъ и г-жа Дол—ева въ своемъ разсказѣ о пребываніи въ Смольномъ, относящемся къ тому же времени (до середины 50-хъ годовъ), какъ и оба, приведенные выше [1]).

Противъ системы институтскаго воспитанія, „отрѣшенной отъ всякой жизненности“, высказалась и извѣстная писательница Кохановская, вышедшая изъ харьковскаго института въ 1840 году съ первымъ шифромъ. „Шорохъ женскаго шелковаго платья,—разсказываетъ она,—просто наводилъ на меня трепетъ; я уничтожалась; я не могла еще свергнуть съ себя ига тѣхъ сильно принятыхъ впечатлѣній, когда этотъ великолѣпный шорохъ торжественно слышался намъ на королевскихъ, большихъ и малыхъ,

[1]) *М. Дол—ева.* Институтки („Эпоха“, 1864 г., октябрь).

выходахъ нашей институтской начальницы, и, вмѣстѣ съ ея голосомъ и жестомъ властительной руки, онъ замораживалъ намъ дѣтскую горячую кровь и мы блѣднѣли, тупѣли до идіотства" [1]).

Въ письмѣ къ своей пріятельницѣ она говоритъ: „Вы помните, какой бѣдной, загнанной дѣвочкой росла я въ институтѣ. Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку, уединенную въ самое себя. Какъ не ожесточили мнѣ моего дѣтскаго, бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ — это чудо Его. Но во мнѣ убили свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ, беззаботнымъ лепетомъ ясную, дѣтскую душу... Что можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робѣющею, недовѣрчивою къ самой себѣ".

Разсказывая о маленькихъ кружкахъ, на которые дѣлились воспитанницы, Кохановская говоритъ, что въ ея кружкѣ было все, что характеромъ или „живымъ, молоденькимъ умомъ" выходило изъ общаго институтскаго уровня. Этотъ кружокъ классная дама „съ насмѣшливой досадою называла *des beaux esprits*" [2]).

Всѣ эти описанія институтской жизни въ разныхъ заведеніяхъ, сходятся даже въ мелочахъ. Авторы писали ихъ много лѣтъ спустя послѣ своего выхода изъ института, писали не съ какими-либо цѣлями отомщенія за вынесенныя въ дѣтствѣ отъ классныхъ дамъ обиды, а, напротивъ, прощая ихъ, „какъ прощаютъ люди, когда сами поживутъ на свѣтѣ". Онѣ понимали, что и классныя дамы „вѣдь не по доброй волѣ, а изъ нужды" несли свои тяжелыя обязанности. „Двадцать лѣтъ тому назадъ,— говоритъ авторъ „Воспоминаній", — и не знали, что такое воспитаніе". Стало быть, единство сужденій всѣхъ трехъ авторовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, должно быть объяснено тѣмъ, что причина описанныхъ ими явленій институтской жизни, лежала въ корнѣ ненормальныхъ условій воспитанія въ строго закрытомъ заведеніи.

Къ числу этихъ ненормальныхъ условій, М. Дол—ева относитъ и то, что институтки получали все свое содержаніе „въ такомъ видѣ, будто бы онѣ жили какъ какія-нибудь сказочныя героини... столъ съ предложеніемъ садиться и кушать являлся передъ ними четыре раза въ день, приготовленіе кушаньевъ совершалось безъ вѣдома, безъ участія, безъ надзора институтки, которой

[1]) *Давняя встрѣча*. Повѣсти Кохановской. Москва, 1863 г., т. II.

[2]) Н. С. Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо къ петербургской пріятельницѣ отъ 3 ноября 1851 г. (Р. Арх. 1885 г., № 4).

все давалось какъ бы по мановенію волшебницы... Живя вдали отъ общества,—говоритъ авторъ,—отъ семейства, незнакомая съ бѣдностью, съ тяжкимъ трудомъ, какимъ, можетъ быть, достаютъ себѣ хлѣбъ ея родители, институтка принимала то, что ей такъ легко достается, съ величайшимъ легкомысліемъ, какъ нѣчто должное, и не думала считать казенное содержаніе за особое себѣ благодѣяніе".

Лишенная своей воли, такъ какъ институтка не могла распорядиться собою ни на одну минуту, ибо за все, что она сдѣлала бы не по приказанію и не по заведенной программѣ, она подверглась бы наказанію, — ничему не радуясь, ничего не ожидая,— не мудрено, что у институтокъ создавался свой особый внутренній міръ. Самые нелѣпые разсказы передавались отъ выпуска къ выпуску съ незапамятныхъ временъ; въ ихъ числѣ были разсказы о привидѣніяхъ, о дьяволѣ, съ которымъ институтки заключали договоръ, подписанный кровью изъ порѣзанной руки; онѣ „ради Бога" глотали иголку, завернутую въ бумагу и обвязанную ниткой, задумывали всевозможныя шалости, чтобы какъ-нибудь нарушить томившую ихъ скуку отъ однообразной жизни: по нѣскольку дней на пари ничего не ѣли и не спали или, наоборотъ, на пари съѣдали неимовѣрное количество булокъ, пирожковъ или другихъ лакомствъ, которыя имъ привозили родители; на пари же обязывались не произносить ни слова въ теченіе иногда цѣлой недѣли, дразнили классныхъ дамъ, которымъ не прощали неумѣнья привязать ихъ къ себѣ, обожали учителей и т. п. Все это дѣлалось преимущественно воспитанницами старшихъ классовъ. Онѣ радовались какъ празднику, когда имъ приходилось дежурить въ образцовой кухнѣ.

Объ этихъ занятіяхъ велись особыя вѣдомости, которыя за подписью начальницы каждую недѣлю представлялись императрицѣ. Воспитанницы должны были записывать въ особыя книжки, какъ онѣ приготовляютъ кушанье, сколько употребляютъ на нихъ припасовъ и пр. Но въ сущности, эти занятія были пустою формальностью и пріучиться къ хозяйству такимъ путемъ было невозможно. Правда, воспитанницы должны были сами заказать съ вечера обѣдъ, но приходили готовить его тогда, когда провизія уже была закуплена и все было приготовлено кухаркой. „Готовому срубленному мясу,—разсказываетъ А. Бѣльская,—институтки придавали форму котлетъ или приготовленное для пирога тѣсто загибали сами; но откуда взялось тѣсто или какое мясо было передъ ними, имъ не показывали; сколько времени пироги будутъ стоять въ печи и въ какой именно—этого онѣ также не знали. За то

воспитанницы, дежурившія въ кухнѣ, въ теченіе цѣлой недѣли не ходили въ классъ; а въ кухнѣ ѣли обѣдъ, который былъ лучше обыкновеннаго, дававшагося въ общей столовой, и, кромѣ того, имѣли право въ слѣдующее, за дежурной недѣлей, воскресенье, заказать себѣ на казенныя деньги кухаркѣ обѣдъ, цѣною въ 1 рубль" [1]).

О пищѣ, какую давали въ институтахъ, всѣ, писавшія о нихъ, единогласно отзываются какъ объ „отвратительной". До 1850 года въ столичныхъ институтахъ отпускалось отъ 13 до 14 копѣекъ (сер.) на воспитанницу; въ полтавскомъ по 10 копѣекъ, въ харьковскомъ по 12. При большомъ количествѣ воспитанницъ, можно было бы на эти деньги кормить не роскошно, а сносно; но кормили дурно; обычною пищею въ посту были грузди, снятки, клюквенный или черничный кисель. Въ скоромные дни „мясо синеватое, — говоритъ г-жа N, — печенка, крупеникъ съ горькимъ масломъ, прогорклый творогъ—все это подавалось на оловянныхъ блюдахъ. Иногда,—разсказываетъ она,—мы подмѣнивали на свою, ставившуюся на край стола, на случай пріѣзда членовъ Совѣта, пробную порцію" [2]).

Этой бѣдѣ институтки кое-какъ помогали сами. Онѣ устраивали себѣ огромные потайные карманы, въ которые опускали картофель, черный хлѣбъ съ масломъ, сбитымъ на тарелкѣ изъ подававшагося за столомъ растопленнаго масла, подбавивъ въ него квасу. Эти ломти хлѣба онѣ сами поджаривали въ дортуарной печкѣ.

Можетъ быть вслѣдствіе недостаточнаго питанія, и вообще отъ ненормальности ихъ жизни, во всѣхъ институтахъ было въ употребленіи ѣсть бумагу, глину, мѣлъ, уголь, грифеля; воспитанницы жевали резинку и потомъ какъ-то особенно щелкали ею, держа между пальцевъ, пили уксусъ, духи, глотали лимонныя и апельсинныя зерна.

Въ 1850 году, на одномъ изъ докладовъ статсъ-секретаря, государь написалъ: „прикажите камергеру Лярскому еженедѣльно невзначай объѣзжать по заведеніямъ въ обѣденное и ужинное время и наблюдать за добротою продовольствія и приготовленія" [3]). Это приказаніе, конечно, было немедленно исполнено; но когда государь самъ посѣтилъ въ 1853 году одно изъ женскихъ заведеній, то онъ остался недоволенъ обѣдомъ и написалъ на докладѣ

---

[1]) *А. Бѣльская.* Очерки инст. жизни.

[2]) Воспоминанія инст. жизни.

[3]) Пятидесятилѣтіе, стр. 162.

статсъ-секретаря: „Г. а. (генералъ-адъютанту) Ростовцову взять съ собою г. Лярскаго и показать ему: какъ кормятъ кадетъ; нѣтъ сравненія между обѣдомъ ихъ и дѣвичьимъ; желалъ бы дойти до того, чтобы дѣвицы получали столь же обильную и вкусную пищу". Въ представленномъ затѣмъ Вонлярлярскимъ докладѣ о посѣщеніи стола кадетъ, онъ доложилъ, что на столъ кадетамъ отпускалось по 13 копѣекъ въ день на человѣка; обѣдъ состоялъ изъ говядины и каши, причемъ говядина бралась хотя и черкасская, по мороженная; тѣмъ не менѣе Вонлярлярскій восхитился здоровымъ видомъ кадетъ и приписалъ это тому, что они всегда въ движеніи, вслѣдствіе чего у нихъ развивается хорошій аппетитъ, не позволяющій имъ быть разборчивыми въ пищѣ; но и кадетамъ было бы мало 13 копѣекъ въ день на человѣка, еслибы ихъ не роспускали по праздникамъ и воскресеньямъ домой.

Пища воспитанницъ институтовъ, по мнѣнію Вонлярлярскаго, болѣе утонченная и разнообразная; довольно часто, по его словамъ, имъ даютъ свѣжую рыбу, дичь, пирожное; „но,—прибавляетъ онъ,—живя взаперти, рѣдко пользуясь свѣжимъ воздухомъ, по слабости и нѣжности организаціи, онѣ употребляютъ гораздо меньше пищи и въ выборѣ ея часто прихотливы, какъ я самъ въ томъ убѣдился. Напримѣръ, онѣ не любятъ ухи изъ свѣжихъ ершей, суповъ, щей и пр. [1]).

Вонлярлярскій ходатайствовалъ объ увеличеніи отпускаемой на столъ воспитанницамъ суммы для того, чтобы онѣ могли получать утромъ и вечеромъ чай съ хорошимъ вареньемъ, молокомъ и булкою. На этомъ докладѣ государь написалъ: „Сообразить, не будетъ ли достаточно прибавить сумму, равняющуюся той, которая остается по кадетскимъ корпусамъ отъ роспусковъ и каникулъ? Разумѣется, не упуская изъ виду, что не всѣ кадеты отпускаются по домамъ, взявъ среднее число по всѣмъ корпусамъ. Думаю, что съ этою прибавкою очень можно будетъ сдѣлать столъ дѣвицъ не хуже кадетскаго. Согласенъ и чай давать, ежели суммы и на это станетъ" [2]).

Тогда, къ отпускавшейся на столъ воспитанницъ суммѣ, было прибавлено по двѣ копѣйки въ день на каждую, а въ 1854 году, когда въ обществѣ обнаружилась большая заболѣваемость, такъ что съ 1-го января по 16-е апрѣля переболѣли около $^{7}/_{9}$ общаго ихъ числа, императрица велѣла изслѣдовать причину этого явленія. Врачи (Арендтъ, Шпереръ, Здекауеръ) приписали ее непитатель-

---

[1]) Дѣла гл. Сов., 1853.

[2]) Пятидес., стр. 164.

ности пищи, дававшейся воспитанницамъ, излишнему соблюденію постовъ и несогласнымъ съ требованіями гигіены распредѣленіемъ учебныхъ и рекреаціонныхъ часовъ, а также и тому, что воспитанницы слишкомъ мало пользуются свѣжимъ воздухомъ.

Послѣдствіемъ этого было постановленіе: составлять табели о пищѣ воспитанницъ согласно правиламъ діэтетики при участіи главнаго доктора заведенія, съ утвержденіемъ ея медицинскимъ инспекторомъ; устраивать для воспитанницъ прогулки на свѣжемъ воздухѣ не только лѣтомъ, но и зимою; уменьшить число часовъ для занятій рукодѣльями и не назначать ихъ внѣ опредѣленнаго вообще для учебныхъ занятій времени; до чая или ужина устраивать танцы и измѣнить распредѣленіе дня въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Заключеніе врачей о пищѣ воспитанницъ императрица велѣла передать на разсмотрѣніе медицинскаго Совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и когда Совѣтъ призналъ вреднымъ для здоровья отсутствіе, въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ въ году, мясной пищи въ столѣ воспитанницъ, то императрица, по соглашенію съ митрополитомъ, приказала, чтобы во всѣхъ петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ постную пищу давали не въ теченіе всего поста, а только на первой, четвертой и седьмой недѣляхъ; кромѣ того воспитанницы должны были ѣсть постное двѣ недѣли во время Успенскаго поста, по средамъ и пятницамъ постовъ: Великаго, Рождественскаго и Петровскаго, и еще четыре дня, въ которые опредѣлены посты. Но въ московскихъ и губернскихъ институтахъ все было оставлено попрежнему на томъ основаніи, что тамъ „нѣтъ особыхъ затрудненій въ приготовленіи постной пищи и обыкновеніе соблюденія постовъ болѣе, чѣмъ здѣсь (въ Петербургѣ) распространено въ частныхъ домахъ“ [1]).

И въ губернскихъ заведеніяхъ было постановлено ввести новый порядокъ распредѣленія времени, предложенный врачами, съ разрѣшеніемъ отступать отъ него не иначе, какъ съ согласія главнаго Совѣта.

На этомъ постановленіи, государь положилъ слѣдующую резолюцію: „представить мнѣ сравнительное распредѣленіе времени въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и военно-учебныхъ, равно и дни, въ которые въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ ѣдятъ постную пищу“.

По новому порядку, воспитанницамъ дозволялось осенью, зимою и ранней весною, вставать получасомъ позже и ложиться полу-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 181.

часомъ ранѣе; вмѣсто обѣда и ужина, согласно предписанію врачей, было положено давать завтракъ въ 12 часовъ, обѣдъ въ 4, и за часъ до сна чай или молоко, а зимою—одно легкое блюдо. На рекреацію прибавленъ 1 часъ, а лѣтомъ, по особенному требованію врачей, назначено полчаса на прогулку утромъ натощакъ. Учебныя занятія положено начинать получасомъ ранѣе и на нихъ назначены преимущественно утренніе часы; а приготовленія къ урокамъ должны были начинаться лишь черезъ $2^1/_2$ часа послѣ обѣда.

Число постныхъ дней оставлено въ институтахъ бо̀льшее нежели въ корпусахъ, на томъ основаніи, что „если отъ лицъ, несущихъ военную службу и подвергающихся всѣмъ случайностямъ военной жизни, нельзя требовать строгаго соблюденія постовъ, то для будущихъ матерей и воспитательницъ, едва ли было бы удобнѣе допускать бо̀льшія въ семъ отношеніи отступленія: почему дѣвицы съ ранняго возраста должны по возможности исполнять всѣ церковные обряды, которые имѣютъ для нихъ особую важность" [1]).

Во всѣхъ мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію, какъ нравственнаго и умственнаго, такъ и физическаго быта воспитанницъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій принималъ самое горячее участіе. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи не можетъ быть подтверждена такими документальными свидѣтельствами, какими были письма Императрицы Маріи къ начальницамъ институтовъ и почетнымъ опекунамъ; къ тому же принцъ и не управлялъ женскими учебными заведеніями единолично, даже тогда, когда, въ 1860 году, былъ назначенъ главноуправляющимъ четвертымъ отдѣленіемъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, стало быть, стоялъ во главѣ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Но не говоря объ его личной добротѣ, заботливости и вниманіи, съ которыми онъ относился къ воспитанницамъ, принцъ много и непосредственно трудился для нихъ.

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 184.

III.

Первыя мѣры Императрицы Александры Θедоровны по учебной части женскихъ заведеній.—Сокращеніе курса.—Дарованіе правъ воспитанницамъ на полученіе званія домашней учительницы.—Положеніе 1834 года.—Учебный комитетъ при IV отдѣленіи.—Инспектора и учителя женскихъ заведеній.—Ешевскій, Шульгинъ, Бунге, Гоголь. — Отношеніе Гоголя къ своимъ занятіямъ въ патріотическомъ институтѣ.—Правила для испытанія учителей по министерству народнаго просвѣщенія.—Отступленія отъ нихъ для учителей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Плата учителямъ.—Званія воспитанницъ.—Отчеты Вонлярлярскаго и замѣчанія на нихъ императора Николая. — Сочиненія воспитанницъ. — Особенности учебнаго курса Маріинскаго института.—Записка князя В. Θ. Одоевскаго.—Власть начальницъ и по учебной части институтовъ.—Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ о преподаваніи въ институтахъ. — Новые учебные планы.—Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ. — Учебныя руководства и пособія.—Спеціальные классы при Александровскихъ училищахъ. —Преобразованіе курса сиротскихъ институтовъ.—Музыкальные классы.—„Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній".—Примѣненіе къ нему программъ этихъ заведеній.

Первыми мѣрами по учебной части въ поступившихъ подъ покровительство Императрицы Александры Θедоровны женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, было улучшеніе положенія служащихъ: инспекторамъ классовъ и учителямъ тѣхъ изъ нихъ, которыя состояли прежде подъ покровительствомъ Императрицы Маріи, были даны права на чины и преимущества, какими пользовались учителя мужскихъ гимназій, пажескаго и кадетскихъ корпусовъ; четыре года спустя эти права были даны и учителямъ женскихъ заведеній, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы. Но въ ходатайствѣ начальницы Общества и инспектора классовъ объ увеличеніи учителямъ жалованья было отказано. Поэтому, въ докладѣ о выпускѣ 1830 года Совѣтъ Общества говорилъ, что и не смѣетъ ходатайствовать объ орденахъ и подаркахъ для учителей; онъ даже находилъ „достаточ-

нымъ имъ вознагражденіемъ ужъ то, что они за каждый часъ своихъ трудовъ получаютъ особое жалованье и притомъ изъ разныхъ мѣстъ, чего лишены всѣ прочіе чиновники при гораздо большей отвѣтственности". По словамъ Совѣта, нѣкоторые учителя, занимая по три и даже по пяти должностей, получаютъ отъ трехъ до шести тысячъ рублей въ годъ, кромѣ частныхъ уроковъ.

Впрочемъ, вскорѣ затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное начальницамъ Вилламовымъ, о томъ, чтобы онѣ не дѣлали никакихъ представленій объ изъятіи изъ существующихъ законовъ и правилъ при наградахъ даже оставляющимъ службу въ заведеніи лицамъ, не ссылаясь „на прежде бывшіе примѣры" и, вообще, представляя годовыя росписанія расходовъ по институтамъ, не подносили росписаній, превышающихъ доходы [1]).

Что касается собственно ученія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ 1830 году комитетъ по учебной части въ Обществѣ и Екатерининскомъ училищѣ разрѣшилъ, по предложенію инспектора Германа, примѣнить методу Базедова, усовершенствованную Песталоцци, къ первоначальному обученію языкамъ въ этихъ двухъ институтахъ въ видѣ опыта и сначала при преподаваніи лишь нѣмецкаго языка, какъ самаго труднаго. Но этого не пришлось осуществить, такъ какъ хорошаго учителя по этой методѣ нельзя было найти, платя ему даже, по заявленію инспектора, 100 рублей за годовой часъ [2]).

Съ 1830 года началось сокращеніе курса въ разныхъ институтахъ: отмѣнены особые уроки пепиньеркамъ на томъ основаніи, что пепиньерки имѣютъ другія должности и выбываютъ черезъ каждые два-три года. Отпускавшіеся до тѣхъ поръ на плату учителямъ пепиньерокъ 1.100 рублей въ годъ, обращены на увеличеніе библіотеки, которая, по донесенію инспектора, въ Обществѣ состояла изъ книгъ „превосходящихъ понятія дѣвицъ и ихъ возрастъ". По Высочайшему повелѣнію въ томъ же году, отмѣнено преподаваніе геометріи въ харьковскомъ институтѣ, гдѣ она преподавалась „съ приложеніемъ къ хозяйственной архитектурѣ" [3]); по Высочайшему же повелѣнію 1831 года, отмѣнено преподаваніе физики и естественной исторіи въ одесскомъ и полтавскомъ институтахъ. Въ послѣднемъ, физика была введена въ программу лишь за годъ передъ тѣмъ, по предложенію инспектора классовъ, Гулака-Артемовскаго, который мотивировалъ свое предложеніе говоря, что преподаваніе физики полезно „не съ цѣлью сдѣлать

[1]) Письмо 9-го авг. 1832 г.

[2]) Засѣданіе учеб. ком. 26-го іюня 1830 г.

[3]) *Щелковъ*. Харьковъ. Историко статистическій опытъ. 1881 г. стр. 78.

изъ преподаванія онаго предмета, предметъ блестящей суетности, но единственно съ цѣлью усилить въ юныхъ сердцахъ чувство благоговѣнія къ Творцу природы посредствомъ разсматриванія главнѣйшихъ его законовъ и искорененія суевѣрія и предразсудковъ на счетъ нѣкоторыхъ явленій" [1]).

Гулакъ-Артемовскій, бывшій въ то время профессоромъ въ харьковскомъ университетѣ и инспекторомъ классовъ въ харьковскомъ институтѣ, былъ приглашенъ въ Полтаву для устройства учебной части и въ полтавскомъ институтѣ, послѣ того, какъ при посѣщеніи его императрицею въ 1830 году, эта часть была найдена „требующею соотвѣтствующаго цѣли учрежденія института преобразованія." Извѣщая объ этомъ попечительницу института, княгиню Репнину, Лонгиновъ писалъ ей, что хотя въ Положеніи о полтавскомъ институтѣ 1828-го года исчислены предметы „въ такихъ только познаніяхъ, которыя существенно необходимы для женскаго пола, но и эти немногіе предметы должны быть преподаваемы при надлежащемъ учебномъ порядкѣ, на правилахъ, принятыхъ въ другихъ заведеніяхъ и признанныхъ способными къ достиженію цѣли воспитанія съ успѣхомъ." Онъ предлагалъ пополнить составъ учителей выписавъ ихъ изъ Харькова, если не найдется въ Полтавѣ, но прибавлялъ, что способности учителей, должны состоять не только въ однихъ познаніяхъ, но наипаче въ ихъ нравственности и въ благовоспитанномъ приличіи обращенія."

Главнѣйшія изъ предложенныхъ Гулакомъ-Артемовскимъ мѣръ для улучшенія учебной части въ институтѣ, не были, однако, утверждены императрицею и въ числѣ такихъ мѣръ, на которой особенно настаивалъ Гулакъ, не было утверждено преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ „по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ". Императрица велѣла „оставить преподаваніе всемірной исторіи и географіи на французскомъ языкѣ учителю французской словесности Малану" [2]) и исключить изъ росписанія предметовъ физику, „главнѣйшія основанія которой должны быть объясняемы въ теченіе курса естественной исторіи по тому уваженію, что физика не состоитъ въ числѣ Высочайше утвержденныхъ предметовъ преподаванія" [3]).

Вмѣсто уроковъ физики и естественной исторіи, въ одесскомъ институтѣ, въ 1831 году, повелѣно было сверхъ итальянскаго языка, ввести еще нѣмецкій.

---

[1]) Донесеніе Гулака-Артемовскаго ст. секретарю Лонгинову 16-го сент. 1830 г. (Арх. IV отд.).

[2]) См. *Е. Лихачевой*. Мат. по ист. ж. обр. 1796—1828 г., стр. 219.

[3]) Сообщеніе Лонгинова Совѣту полт. инст. 23-го окт. 1830 г.

Высочайшимъ повелѣніемъ 1832 года, прекращено въ Обществѣ и Екатерининскихъ институтахъ преподаваніе геометріи и головнаго исчисленія. Передавая это повелѣніе начальницамъ, Вилламовъ сообщалъ, что „Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы часы, употребляемые на преподаваніе этихъ предметовъ, обращены были на другой, полезнѣйшій для воспитанницъ, предметъ“ [1]).

Уроки геометріи, преподававшейся въ Обществѣ съ самаго его основанія, были распредѣлены на усиленіе уроковъ ариѳметики, нѣмецкой литературы и французскаго языка и, главнымъ образомъ, на „lecture raisonnée“, а въ Екатерининскомъ — закона Божія и ариѳметики. Для того, чтобы избѣжать повтореній, часто противорѣчащихъ одно другому, учителями литературъ, учебный комитетъ [2]), согласно предложенію Германа, предписалъ, чтобы учитель русской литературы занимался только теоріею прозы и поэзіи, общею исторіею литературы, за исключеніемъ Германіи и Франціи, и русскою литературою. Учителя французской и нѣмецкой литературъ должны были „избѣгать всякихъ теоретическихъ разсужденій и ограничиться лишь практическими упражненіями языка, избранными кусками сочиненій, характеризующихъ языкъ. Исторію этихъ литературъ предписано сократить въ древнихъ періодахъ и развить въ позднѣйшихъ. Вообще Германъ рекомендовалъ учителямъ обращаться съ исторіею иностранныхъ литературъ „съ бо̀льшею осмотрительностью“ (avec plus de circonspection). Въ число учебныхъ руководствъ высшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній, было принято въ 1832 году „нравственное или правоучительное богословіе“ протоіерея Бажанова; это были лекціи, читанныя послѣднимъ въ петербургскомъ университетѣ и изданныя отдѣльною книгою подъ названіемъ: *обязанности христіанина.*

Такимъ образомъ, мало-по-малу, учебный курсъ всѣхъ институтовъ приравнивался къ тому, который былъ установленъ въ просмотрѣнномъ и собственноручно исправленномъ императоромъ Николаемъ Положеніи 1827 года, данномъ патріотическому институту. Въ него входили: законъ Божій, грамматическое познаніе языковъ россійскаго, французскаго и нѣмецкаго, чистописаніе, словесность, географія и исторія всеобщая, древняя и новая, ариѳметика [3]).

Въ 1834 году воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній,

---

[1]) Письмо 11 го апр. 1832. (Арх. IV отд.).

[2]) Засѣд. учебн. комитета 10 іюня 1832 г., въ составѣ: двухъ начальницъ (См. и Ек. инст.), директора экономіи и инспектора классовъ.

[3]) § 21 Положенія 7 апр. 1827 г.

состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы, были предоставлены только что тогда Высочайше утвержденныя права на званіе домашнихъ учительницъ, безъ особаго, при университетахъ и гимназіяхъ испытанія, на основаніи лишь свидѣтельствъ, выдаваемыхъ заведеніемъ, гдѣ воспитанница получила образованіе [1]. Такъ какъ эти званія учреждались съ цѣлью „обезпеченія родителей въ избраніи благонадежныхъ ихъ дѣтямъ руководителей и для содѣйствія видамъ Правительства“ [2]), то всѣ, въ томъ числѣ и женщины, желающія заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, допускались Положеніемъ 1834 г. лишь при имѣніи свидѣтельства на званіе домашняго наставника, учителя или учительницы.

Въ это время правительство было озабочено, какъ сказано въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1834 г. [3]), тѣмъ, чтобы „навсегда утвердить связь домашняго воспитанія съ публичнымъ... Такимъ образомъ—писалъ министръ—въ нѣдра нашихъ семействъ призываются благонадежные, уполномоченные отъ Правительства образователи съ значительными преимуществами (считаются на государственной службѣ) и съ соразмѣрною отвѣтственностью“. На Положеніе о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ, министръ указывалъ какъ на законъ, „приспособленный къ Вѣрѣ, правамъ и обычаямъ нашимъ... учрежденіе, не заимствованное изъ чуждыхъ намъ законодательствъ, но созданное, такъ сказать, въ духѣ Россіи по размѣру настоящихъ требованій, по уваженію имѣющихся способовъ... Смѣю думать—говорилъ онъ въ заключеніе — что изданіемъ Положенія разрѣшена, по крайней мѣрѣ въ теоріи, задача, не перестававшая со времени Императрицы Елизаветы Петровны озабочивать попечительную предусмотрительность русскихъ государей“.

Для полученія званія домашняго учителя или учительницы, требовалось испытаніе изъ тѣхъ языковъ и предметовъ, въ которыхъ ищущее званія лицо „окажетъ отличныя, и не менѣе хорошихъ, познанія, и буде, сверхъ того, имѣетъ *общія*, необходимыя для начальнаго обученія свѣдѣнія какъ въ грамматикѣ русскаго языка или другаго природнаго, такъ въ ариѳметикѣ, исторіи и географіи“.

Подъ общими свѣдѣніями, согласно разъясненію министерства народнаго просвѣщенія на запросъ о томъ попечителей учебныхъ

---

[1]) Положеніе о дом. наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ, Высоч утвержд. 1 іюля 1834 г.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1834 г., кн. 3-я.

[3]) Журн. мин. нар. прос. 1835, кн. 2-я.

округовъ, должно было пониматься: грамматическое знаніе русскаго или природнаго языка, ариѳметики, полное знаніе которой требовалось лишь отъ учителей, а отъ учительницъ только одна, первая, часть, и общія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи [1]).

Эти правила были предъявлены и къ воспитанницамъ женскихъ заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы [2]).

При жизни Императрицы Маріи, бывшія воспитанницы институтовъ учили въ частныхъ домахъ болѣе нежели элементарному курсу; но для полученія на то права, онѣ должны были держать экзаменъ. Тотчасъ послѣ ея смерти, по ходатайству попечителя петербургскаго учебнаго округа, онѣ были освобождены отъ такого экзамена и могли заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ лишь по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ имъ отъ института или заведенія, въ которомъ онѣ воспитывались. Но въ этихъ свидѣтельствахъ не отмѣчались, въ большинствѣ случаевъ, успѣхи въ предметахъ, которымъ онѣ обучались. Такія свидѣтельства выдавались только воспитанницамъ Воспитательныхъ домовъ и Павловскаго института; но и тутъ, если успѣхи воспитанницы въ какомъ-либо предметѣ были слабы, то объ этомъ не упоминалось, а просто перечислялись предметы. Въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтѣ, наоборотъ, обозначались успѣхи въ томъ или другомъ предметѣ, но не перечислялись всѣ предметы, которые воспитанницамъ преподавались [3]).

На это обратилъ вниманіе ректоръ петербургскаго университета, Дегуровъ. „Я не думаю—писалъ онъ министру народнаго просвѣщенія—что всѣ сіи воспитанницы въ состояніи были обучать" и просилъ сообщить ему: какія именно воспитанницы могутъ получать безъ экзамена званіе домашней учительницы и какіе именно атестаты даютъ имъ на это право. Тогда было постановлено, чтобы въ атестатахъ, выдаваемыхъ женскими учебными заведеніями, означались „по крайней мѣрѣ успѣхи воспитанницъ въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онѣ оказали хорошія и отличныя свѣдѣнія".

По уставу 1855 года (§ 134), воспитанницамъ заведеній пер-

---

[1]) Ж. мин. нар. пр. 1834 г. окт. Циркулярное предложеніе мин. нар. пр. попечителямъ уч. окр. о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе домашняго учителя.

[2]) Положеніе 1834 года было распространено въ 1839 году на Маріинскій институтъ и женское отдѣленіе нѣмецкаго училища св. Петра; съ 1852 года на училище св. Анны, съ 1855 года на училище принцессы Ольденбургской.

[3]) Сообщеніе ст. секр. Вилламова министру нар. просв. Уварову. (Арх. мин. нар. просв.).

ваго разряда, по окончаніи ими полнаго курса, должны выдаваться свидѣтельства на званіе домашней наставницы [1]) безъ особаго экзамена, на основаніи лишь выданнаго при выпускѣ атестата. При выдачѣ попечителями учебныхъ округовъ свидѣтельствъ на право обученія бывшимъ воспитанницамъ институтовъ, занимавшихся обученіемъ до изданія Положенія 1834 года, было, согласно волѣ императрицы, повелѣно ссылаться на уставъ этихъ заведеній „гдѣ поименованы предметы ученія, при указахъ правительствующаго Сената во всеобщее свѣдѣніе“.

Въ 1845 году было учреждено центральное управленіе учебною частью женскихъ заведеній—учебный комитетъ при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по примѣру такого же комитета, незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго при военно-учебныхъ заведеніяхъ. На комитетъ IV отдѣленія была возложена детальная разработка программъ и, вообще, наблюденіе за ходомъ ученія во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи [2]).

Кромѣ этихъ, общихъ для всѣхъ заведеній, мѣръ, принимались и частныя, направленныя съ одной стороны къ сокращенію объема преподаванія, а съ другой къ улучшенію его.

При учрежденіи въ 1845 году главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы министръ народнаго просвѣщенія всегда состоялъ членомъ этого Совѣта. А такъ какъ еще при Императрицѣ Маріи установился обычай, по которому министръ народнаго просвѣщенія, въ качествѣ члена Совѣта Воспитательнаго Общества и Екатерининскаго института, завѣдывалъ ихъ учебною частью, то это распространилось и на другіе институты.

Въ періодъ времени съ 1830 по 1855 годъ графъ Уваровъ завѣдывалъ учебною частью въ Смольномъ; князь Ширинскій-Шихматовъ, будучи еще товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, завѣдывалъ ею въ патріотическомъ и Павловскомъ институтахъ, а по назначеніи министромъ, состоялъ членомъ Совѣта по учебной части и въ Обществѣ, товарищъ министра А. С. Норовъ—въ Екатерининскомъ и Павловскомъ институтахъ [3]).

---

[1]) По Положенію 1834 г. званіе домашняго наставника давалось лишь лицамъ окончившимъ, съ одобрительными свидѣтельствами, курсъ въ университетѣ.

[2]) Председателемъ комитета былъ назначенъ непремѣнный секретарь Академія наукъ, Фуссъ, а членами: принцъ П. Г. Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, П. Тучковъ, Н. Лонгиновъ, гр. Віельгорскій, А. Гофманъ, С. Ланской и Я. Ростовцевъ.

[3]) Докладъ ст. секр. Гофмана императору Николаю. (Дѣла г. Совѣта 1852 г.).

Между инспекторами классовъ и учителями разныхъ женскихъ заведеній того времени, встрѣчаются лица, имена которыхъ сдѣлались впослѣдствіи извѣстными въ наукѣ, литературѣ и педагогикѣ. Въ періодъ времени (съ конца тридцатыхъ по 1855 годъ) инспекторами классовъ были: Гулакъ-Артемовскій (въ харьковскомъ и потомъ полтавскомъ институтахъ, гдѣ онъ въ качествѣ члена Совѣта завѣдывалъ учебною частью и по назначеніи его ректоромъ харьковскаго университета), Плетневъ (въ патріотическомъ институтѣ), Рѣдкинъ (въ московскомъ Александринскомъ сиротскомъ), Чистяковъ (въ петербургскомъ Николаевскомъ), Иванишевъ, деканъ кіевскаго университета (въ кіевскомъ институтѣ), Шульгинъ (тамъ же); нѣсколько позже Н. И. Пироговъ завѣдывалъ, въ качествѣ члена Совѣта, учебною частью въ кіевскомъ институтѣ. Почти всѣ они и преподавали какой нибудь изъ наиболѣе важныхъ предметовъ.

Въ числѣ учителей того времени были: Никитенко, Гоголь, Галаховъ, Ешевскій, Шульгинъ, Стасюлевичъ. Особенно счастливъ въ отношеніи учителей былъ кіевскій институтъ, куда преподававшій сначала тамъ всеобщую исторію, профессоръ Шульгинъ, по назначеніи его въ 1850 году инспекторомъ классовъ, привлекъ лучшія педагогическія силы Кіева: профессоровъ Бунге, Иконникова, Костомарова, Петрушевскаго и другихъ.

Объ отношеніи къ дѣлу многихъ изъ этихъ лицъ имѣются свидѣтельства, оставленныя ими самими (Никитенко, Галаховъ) или другими компетентными лицами.

Ешевскій, бывшій въ 1850 году преподавателемъ исторіи въ младшихъ классахъ московскаго Николаевскаго института, смотрѣлъ, по словамъ профессора Бестужева-Рюмина, на свои занятія „серьезно, старался внушить ученицамъ любовь къ занятіямъ, давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки“ [1]).

О В. Я. Шульгинѣ одна изъ бывшихъ его учениць говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „хочется убѣдить, какъ съумѣю, что хорошій педагогъ всегда овладѣетъ симпатіями дѣтей. Теперь я, мать взрослыхъ дѣтей, способная отличать добро отъ зла, помню то нравственное вліяніе, которое имѣлъ на насъ Виталій Яковлевичъ, и сознаю, что я у него почерпнула многое, что пригодилось мнѣ въ жизни; и всякій разъ, когда я съумѣла найтись, дать отпоръ, достигнуть того, къ чему стремилась — мнѣ всегда казалось, что я обязана этимъ ему; умѣлое, разум-

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики. 1882, стр. 303, 304.

ное преподаваніе мы чутко признавали въ первомъ классѣ... В. Я. отличался рѣдкимъ даромъ выражать всю суть въ сжатой и вмѣстѣ эффектной формѣ, симпатичностью голоса, способностью изобразить цѣлую картину предмета, о которомъ идетъ рѣчь въ классѣ, а закончить урокъ такъ, что послѣднее слово буквально сопровождалось звонкомъ. Такого умѣнья выпустить насъ — учевицъ, изъ класса подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, такой преподавательскій талантъ трудно встрѣтить, и потому-то мы благоговѣли передъ В. Я." [1]).

Та же воспитанница кіевскаго института говоритъ о Н. Х. Бунге, преподававшемъ географію: „мы считали за честь, что Николай Христіановичъ согласился читать намъ лекціи, и потому боялись уронить себя въ его глазахъ. Вспоминая, я теперь только способна цѣнить, и удивляюсь, какъ при его ученыхъ трудахъ и многочисленныхъ обязанностяхъ, онъ могъ удѣлять намъ столько вниманія, задавая сочиненія по географіи и разбирая ихъ въ классѣ; автора Н. Х. не называлъ, но авторъ самъ себя выдавалъ волненіемъ, иногда даже слезами, такъ какъ Н. Х., не оскорбляя, умѣлъ довольно чувствительно задѣть самолюбіе ученицы, не потрудившейся надъ заданною работою. Поэтому мы много думали надъ всякимъ словомъ, которое вписывали въ тетрадь и осрамиться по сочиненію у Н. Х. считалось большимъ несчастіемъ". Такимъ же добросовѣстнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ съ воспитанницами отличались, по словамъ автора „Воспоминаній", Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, преподававшій физику, А. А. Яновичъ — естественную исторію, А. Ф. Жаненъ — французскій языкъ.

Гоголь поступилъ преподавателемъ исторіи въ младшихъ классахъ патріотическаго института „вмѣсто двухъ учительницъ, получившихъ другіе уроки" [2]) въ 1831 году. Тогда онъ только что начиналъ свое литературное поприще. Объясняя свой переходъ изъ департамента удѣловъ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ служилъ, на должность учителя, Гоголь писалъ матери: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ [3]). Впрочемъ вы не думайте, чтобы это много

---

[1]) Исторія кіевскаго института бл. дѣв. 1838—1888 гг. Составилъ членъ Совѣта инспекторъ классовъ Кіевскаго инст. М. М. Ващенко-Захарченко. Кіевъ 1889 года, стр. 43.

[2]) *В. Шенрокъ.* Н. В. Гоголь въ періодъ „Арабесокъ" и „Миргорода" 1832—1835 г. (В. Евр. 1835, авг.)

[3]) Въ другомъ письмѣ, отъ 19 сент. 1831 г., Гоголь говоритъ матери, что его книга, первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ" (только что тогда появившаяся въ про-

значило. Вся выгода въ томъ, что лекціи мои мало по малу заставляютъ говорить обо мнѣ и, главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ какъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для души удовольствія. Осенью поступитъ ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду заниматься 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго. Но между тѣмъ занятія мои, которыя еще бо́льшую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ: для нихъ теперь времени много" [1]).

Воспитаніе, дававшееся дѣвушкамъ въ столичныхъ институтахъ, нравилось Гоголю. „Еслибы вы знали, моя безцѣнная маминька,— пишетъ онъ матери 9 октября 1831 года,—какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время.—Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ и вовсе не выходятъ тѣми вѣтреными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты... Два здѣшніе института, Патріотическій и Екатерининскій, самые лучшіе и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькіе сестрицы будутъ помѣщены".

Позже, въ 1833 году, когда его сестры уже были въ институтѣ, онъ успокаиваетъ мать, жалѣвшую что онѣ не учатся музыкѣ, говоря: „будьте увѣрены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить имъ все нужное. Всѣ пріятныя искусства, необходимыя для дѣвицъ, будутъ имъ внушены". Къ этому онъ прибавляетъ: „сдѣлайте милость, моя безцѣнная маминька, воспитывайте такимъ же образомъ Олю... отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила" [2]), и проситъ „подтвердить мадамѣ" въ пансіонъ которой мать хотѣла отдать Олю, чтобы она держала ее при себѣ и заставляла заниматься рукодѣліемъ, практикою языковъ, музыки, „особенно танцами: это укрѣпляетъ члены" [3]).

О содержаніи уроковъ Гоголя въ институтѣ, сохранились извѣ-

дажѣ) понравилась императрицѣ. (Соч. и письма Н. В. Гоголя. Т. пятый. Изд. П. А. Кулиша. С.-Пет. 1857 г.).

[1]) Тамъ же, письмо отъ 16 апр, 1831 г.

[2]) Письмо отъ 2 октября 1833 г.

[3]) Письмо отъ 22 ноября 1833 г.

стія. Свои лекціи Гоголь составлялъ самъ, а воспитанницы ихъ записывали. Сначала онъ былъ доволенъ ими и, по словамъ Погодина, разсказывалъ ему „много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ Патріотическомъ женскомъ институтѣ, въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей". [1]). Заинтересованный этими разсказами, Погодинъ просилъ Плетнева прислать ему для просмотра тетради воспитанницъ. На это Плетневъ отвѣчалъ: „не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что нибудь пригодиться. Ихъ разсказъ уроковъ его очень пріятенъ, потому что Гоголь останавливаетъ вниманіе ученицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, т. е. съ ошибками грамматическими, логическими и пр. и пр. Что касается до порядка въ Исторіи или какого нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія—этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ какъ писатель, т. е. силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе".

Самъ Гоголь на просьбу Погодина доставить ему записки воспитанницъ, отвѣчалъ: „журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: *Земля и люди*. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете мои мысли объ этихъ наукахъ" [2]). Нѣсколько дней спустя, извиняясь передъ Погодинымъ, что не прислалъ ему „журнала дѣвицъ", Гоголь говоритъ, что „приводилъ его въ порядокъ, и его-то совершенно преобразивши, хотѣлъ издать подъ именемъ: *Земля и люди*. Но,—прибавляетъ онъ, — я не знаю отчего на меня напала тоска" [3]).

Въ 1834 году Гоголь преподавалъ исторію и въ старшихъ классахъ патріотическаго института; но въ слѣдующемъ году на-

[1]) *Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, IV, стр. 113—114.—*Витбергъ*. Гоголь какъ историкъ. (Истор. В. 1892, авг.).

[2]) Письмо къ М. П. Погодину отъ 1 февраля 1833 г. (Соч. Т. V).

[3]) Письмо отъ 20 февраля 1833 г.

чальница, Вистенгаузенъ, сообщая Лонгинову, что уѣхавшій въ отпускъ Гоголь, „будучи одержимъ болѣзнью, можетъ пробыть въ отпуску весьма долгое время“, просила исходатайствовать Высочайшее повелѣніе объ увольненіи Гоголя и о назначеніи на его мѣсто учителя изъ Воспитательнаго Дома, Соколовскаго [1].

Еще не зная о состоявшемся назначеніи на его мѣсто Соколовскаго, Гоголь писалъ Жуковскому изъ Полтавы: „Вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ Институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно потому, что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ“ [2].

Въ числѣ клонившихся къ улучшенію учебной части и въ женскихъ заведеніяхъ мѣръ, были правила для испытанія учителей, составленныя въ 1836 году министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ. При испытаніи учителей, служащихъ по министерству отъ желающаго занять мѣсто учителя, между прочимъ требовалось: въ присутствіи ректора университета и собранія одного изъ факультетовъ рѣшить словесно пять вопросовъ, а письменно два, которые избираются по жребію изъ многихъ, вмѣстѣ смѣшанныхъ, объемлющихъ всю науку (§ 4). Не выходя изъ собранія, написать на русскомъ или другомъ природномъ языкѣ разсужденіе на заданную испытателемъ тему, прямо относящееся къ предмету испытанія. „Отъ разсужденія сего, — сказано въ § 2, — не требовать однако особенной полноты и учености, какія бы могли имѣть сочиненія, писанныя при другихъ обстоятельствахъ и съ другою цѣлію (§ 3). Дать пробную лекцію въ присутствіи ректора того же факультета. „Здѣсь Испытатели обращаютъ особенное вниманіе на простоту, ясность, связь и легкость, съ какими испытуемый можетъ преподавать предметъ своимъ слушателямъ (§ 3). Испытаніе должно быть кончено въ три засѣданія. Желательно, чтобы между засѣданіями было сколь можно меньше промежутка (§ 4). Если испытуемый неудовлетворительно на первомъ засѣданіи отвѣчалъ на словесные или письменные вопросы, то къ дальнѣйшему испытанію не допускается, и не прежде шести мѣсяцевъ можетъ вновь предстать на оное.

По поводу сдѣланнаго попечителемъ московскаго учебнаго округа, графомъ Строгановымъ, запроса: какими правилами долженъ руко-

---

[1]) Архивъ патр. инст. № 105.

[2]) Письмо отъ 15 іюля 1835 г. (Р. Арх. 1871 г., стр. 949).

водствоваться московскій университетъ при испытаніи желающихъ поступить въ учителя заведеній Императрицы Маріи? министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ послалъ проектъ правилъ для испытанія учителей министерства, статсъ-секретарю Вилламову. Послѣдній одобрилъ правила, за исключеніемъ § 2, „не потому —объяснялъ онъ министру,—чтобы условіе это было несправедливо и не соотвѣтствовало цѣли, а потому, что я почитаю оное еще у насъ преждевременнымъ. Написать экспромтъ разсужденія не выходя изъ собранія требуетъ способности и навыка владѣть перомъ, котораго многіе изъ хорошихъ нашихъ учителей практиковъ не имѣютъ, какъ мнѣ изъ опыта весьма извѣстно... Многіе учителя пріобрѣли въ довольно высокой степени способность преподаванія болѣе отъ упражненія, сопряженнаго съ естественнымъ остроуміемъ, нежели отъ академическаго ученія и образованія“ [1]). По повелѣнію императрицы, ея именемъ было предложено „установить для учителей женскихъ заведеній два рода испытанія — одинъ для инспекторовъ классовъ и старшихъ учителей на правилахъ, составленныхъ министерствомъ, а другой — для прочихъ учителей, который можетъ ограничиться исключительно однимъ предметомъ преподаванія, не требуя письменнаго разсужденія“.

Хотя § 2 былъ принятъ какъ общее правило по министерству даже при испытаніи учителей въ уѣздныя училища, съ цѣлью, —какъ писалъ графъ Уваровъ, — „чтобы экзаменаторы видѣли грамматическія познанія и способность выражаться кандидата на языкѣ, на которомъ онъ будетъ преподавать свой предметъ“, но министръ согласился на то, чтобы отъ иностранцевъ,—учителей женскихъ учебныхъ заведеній, требовали лишь краткаго разсужденія на природномъ языкѣ „хотя,—прибавлялъ графъ Уваровъ— званіе младшаго учителя даетъ право на 12-й и даже 10-й классъ, и въ этомъ они имѣютъ преимущество не только въ сравненіи съ учителями уѣздныхъ училищъ, но даже съ младшими учителями гимназій, получающихъ 10-й классъ послѣ четырехлѣтней службы“. Инспектора классовъ и старшіе учителя заведеній Императрицы Маріи утверждались въ этихъ должностяхъ лишь по представленіи диплома на ученую степень отъ одного изъ русскихъ университетовъ или атестата на званіе дѣйствительнаго студента, или, наконецъ, свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ“. Въ такомъ видѣ правила были одобрены императрицею [2]).

[1]) Арх. мин. нар. просв.

[2]) Правила для испытанія учителей въ учебныхъ заведеніяхъ при учрежденіяхъ блаженныя памяти Императрицы Маріи и состоящихъ подъ покровительствомъ Ея

Въ Положеніи объ учебной части для Общества и Екатерининскаго института, составленномъ въ 1839 году членомъ Совѣта по учебной части въ этихъ двухъ заведеніяхъ, министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ, инспектору классовъ было вмѣнено въ обязанность „имѣть свѣдѣнія объ отличныхъ преподавателяхъ въ заведеніяхъ столицъ и таковыхъ имѣть въ виду при открывающихся вакансіяхъ". Приглашенному инспекторомъ учителю назначался четырехмѣсячный опытный срокъ, въ теченіе котораго инспекторъ долженъ наблюдать: 1) пріобрѣтена ли самимъ учителемъ ясность въ преподаваемыхъ познаніяхъ; 2) строго ли онъ слѣдуетъ предписанной программѣ; 3) выражается ли легко, чисто, ясно и опредѣлительно; 4) не уклоняется ли безъ нужды при преподаваніи отъ главнаго предмета; 5) имѣетъ ли живость, непринужденность и приличіе въ пріемахъ. Свои наблюденія инспекторъ долженъ былъ представлять члену Совѣта по учебной части и начальницѣ, которымъ предоставлялось право или самимъ постановлять по нимъ рѣшенія, или внести ихъ на обсужденіе учебнаго комитета.

Въ случаѣ еслибы испытуемый учитель оказался неудовлетворительнымъ, то удаленіе его, также какъ и утвержденіе въ должности могло состояться лишь съ разрѣшенія начальницы и члена Совѣта. Точно также ихъ разрѣшеніе требовалось при выборѣ инспекторомъ учебныхъ книгъ, причемъ онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы преподаватели въ высшихъ классахъ, „развивая руководство науки, не измѣняли много въ составѣ" [1]). Тогда же былъ назначенъ особый инспекторъ классовъ въ Екатерининское училище и помощникъ инспектора въ мѣщанское при Обществѣ; главнымъ требованіемъ при назначеніи послѣдняго было поставлено знаніе имъ новѣйшихъ языковъ [2]). Должность инспектора была признана чрезвычайно важною и для того, чтобы привязать инспектора къ заведеніямъ, ему было положено такое же жалованіе какъ въ сиротскихъ институтахъ, т.-е. по 3.000 р. въ годъ и пятилѣтнія прибавки, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія.

До 1827 года учителя Екатерининскаго института получали по 60 копѣекъ (асс.) за часъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ младшаго класса и по 50 коп. въ самомъ младшемъ отдѣленіи; только учителямъ иностранныхъ языковъ платили по 60, 65, 70

Величества Государыни Императрицы Александры Ѳедоровны (Арх. мин. нар. просв. 1836 г.).

[1]) Полож. объ уч. ч. въ В. Общ. и Ек. уч. 1839 (Учр. В. Общ. бл. д. 1828—1841).

[2]) Засѣданіе учеб. ком. 31 янв. 1839.

копѣекъ и по рублю за часъ. Въ 1827 году имъ было назначено жалованье по 75 рублей (асс.) за годовой часъ [1]). Въ Обществѣ плата была отъ 70 рублей (въ низшихъ классахъ) до 150 (въ высшихъ). Въ 1836 году начальница Общества въ письмѣ къ Вилламову говорила, что учителя получаютъ слишкомъ малое жалованье и выгоды сравнительно съ учителями военно-учебныхъ заведеній; она прибавляла, что лучшіе учителя уже ушли изъ Общества и въ подкрѣпленіе своихъ словъ представила записку инспектора Германа, который указывалъ на то, что при Императрицѣ Маріи учителей удерживали при Обществѣ знаки отличія, чины, подарки; „теперь,—писалъ онъ,—это бываетъ рѣдко. Капиталъ учителя—его время, а года уходятъ. Мы скоро потеряемъ всѣхъ хорошихъ учителей и должны будемъ довольствоваться второстепенными; ученіе понизится въ заведеніяхъ, которыми любовались иностранцы, которыя распространяли свѣтъ въ семьяхъ, составляли удивленіе чужихъ правительствъ, не имѣвшихъ во всей Европѣ равныхъ нашимъ заведеній". Для того, чтобы сравнять Общество съ новыми или преобразованными заведеніями, Германъ предлагалъ увеличить жалованье учителей перваго отъ 150 до 200 рублей, лучше обставить учителей низшихъ классовъ, „какъ вѣтвь, откуда выходитъ цвѣтокъ", и вообще поставить въ этомъ отношеніи Общество наравнѣ съ университетами и педагогическимъ институтомъ.

Это ходатайство не было удовлетворено. „Такой регламентъ, —писалъ Вилламовъ, — какъ доказалъ опытъ, не долго служитъ закономъ; онъ измѣняется и все crescendo. Правила бывали переступлены всякій разъ, когда надо было пріобрѣсть или удержать хорошаго учителя. Всѣ учителя потребуютъ себѣ высшаго награжденія. . Можно пріобрѣсть и теперь хорошаго учителя за малое вознагражденіе". Въ видѣ примѣра Вилламовъ указалъ на учителя французскаго языка „извѣстнаго французскаго литератора", который взялся усовершенствовать воспитанницъ сиротскаго дома, давая имъ уроки французскаго языка по 18 часовъ въ недѣлю за 2.000 рублей въ годъ и квартиру, между тѣмъ какъ по проекту Германа ему слѣдовало бы платить 3.600 рублей [2]). Въ 1839 году были разрѣшены особыя дополнительныя прибавки къ жалованію учителей „по усердію, достоинству и относительной важности учебныхъ предметовъ"; но и съ этими прибавками такой учитель, какъ профессоръ русской словесности Никитенко, получалъ въ

[1]) Protocole sur la séance du comité pour les études à l'Institut de St. Cath. qui a eu lieu le 21 mars 1827.

[2]) Письмо отъ 26 авг. 1836 г.

Смольномъ за 6 часовъ въ недѣлю 428 р. 17 коп. (сер.) безъ экипажа, что, въ виду дальности разстоянія заведенія отъ города, составляло значительный расходъ. Въ другихъ заведеніяхъ, плата была гораздо ниже, а въ нѣкоторыхъ, до 1845 года, учителямъ ничего не платили. Ревизовавшій въ 1846 году астраханскую губернію, членъ государственнаго Совѣта, князь Гагаринъ, предложилъ керченскому институтскому Совѣту ходатайствовать о томъ, чтобы учителя и впредь преподавали въ институтѣ даромъ и чтобы при опредѣленіи учителей въ мужскую гимназію, имъ это ставилось въ обязанность „какъ часть своей должности".

Даже въ 1853 году Совѣтъ кіевскаго института, въ составленныхъ имъ правилахъ, полагалъ не платить жалованья учителямъ училища графини Левашевой, а предоставить имъ право быть дѣйствительными членами кіевскаго Общества для помощи бѣднымъ, безъ взноса денегъ. На это главный Совѣтъ справедливо замѣтилъ, что лучше давать учителямъ жалованье, нежели это преимущество; впрочемъ онъ полагалъ предоставить рѣшеніе вопроса самимъ учителямъ [1]).

Вопросъ о жалованьѣ учителямъ вызвалъ вниманіе самого государя, когда въ 1848 году московскій опекунскій Совѣтъ представилъ росписаніе жалованья, получаемаго учителями Александринскаго сиротскаго института, причемъ годовая плата учителю, за полуторачасовой урокъ полагалась въ 70 рублей въ общихъ классахъ, въ спеціальныхъ—по 100 рублей „за предметы юридическіе" и 90 рублей за другіе.

Противъ этой статьи государь написалъ: „нахожу, что плата за уроки чрезмѣрно дорога и согласенъ только въ томъ случаѣ, ежели не превышаетъ платы въ прочихъ заведеніяхъ". Тогда московскій опекунскій Совѣтъ, въ новомъ представленіи, объяснилъ, что преподавателямъ наукъ въ сиротскомъ институтѣ и московскомъ Екатерининскомъ училищѣ плата назначена въ 65 р. за годовой часъ въ классахъ общаго курса и по 85 рублей въ спеціальныхъ; „но такъ какъ, — говорилъ Совѣтъ,— для юридическихъ предметовъ требуются отъ учителя спеціальныя свѣдѣнія и трудно найти способныхъ лицъ", то за эти, исключительно, предметы, опекунскій Совѣтъ считалъ необходимымъ назначить по 100 р. сер. за одинъ урокъ въ недѣлю или за 50 уроковъ въ цѣлый годъ. На этомъ докладѣ государь написалъ: „отнюдь нѣтъ, подобная цѣна срамъ и я сего нигдѣ не допущу и поставить о семъ въ извѣстность министра народнаго просвѣщенія" [2]). Тогда

[1]) Дѣла гл. Сов. 1853 г.

[2]) Журн. гл. Сов. 1848.

графъ Уваровъ донесъ государю, что всѣ учителя, служащіе по министерству, получаютъ оклады по штатамъ, безъ дробнаго примѣненія къ числу уроковъ, большей частью опредѣленнаго въ уставахъ и, такимъ образомъ, всѣ учителя, независимо отъ количества содержанія, обязаны проходить ежегодно вполнѣ положенный въ каждомъ классѣ по учебной программѣ курсъ своихъ предметовъ. На это государь сдѣлалъ помѣтку: „слѣдуетъ держаться вездѣ того же правила, о чемъ и сообщить вамъ кому слѣдуетъ, такъ какъ вы членъ Совѣтовъ учебныхъ заведеній“.

Въ представленномъ министромъ новомъ объясненіи, онъ изложилъ основанія, почему въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ плата учителямъ производится не по штатному положенію, какъ въ министерствѣ, а по особымъ, измѣняющимся, росписаніямъ. Женскія заведенія, также и военноучебныя, должны обращаться къ постороннимъ преподавателямъ, „которые,—объяснялъ графъ Уваровъ,—при недостаточномъ вообще числѣ хорошихъ, у насъ, учителей, бывъ обременены занятіями въ другихъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ, не иначе соглашаются какъ по добровольному съ ними соглашенію“. Иногда невозможно найти учителя, который взялся бы преподавать все число уроковъ, назначенныхъ въ программѣ и тогда приходится поневолѣ раздѣлять преподаваніе предмета между двумя и даже нѣсколькими учителями. Иногда, чтобы удержать или привлечь особенно извѣстныхъ по познаніямъ, опытности и методѣ преподавателей, такимъ, въ видахъ существенной пользы учащихся, назначаютъ высшій передъ прочими окладъ. Кромѣ того, по министерству всѣ учителя состоятъ въ главной службѣ и только по усмотрѣнію начальства или съ его дозволенія могутъ преподавать въ заведеніяхъ другого вѣдомства. Въ женскихъ, особенно губернскихъ, учителя, не находясь въ государственной службѣ, имѣютъ только всѣ свои выгоды отъ производимой имъ платы. Членъ главнаго Совѣта, Я. Ростовцевъ, заявилъ, что всѣ эти уваженія были приняты при составленіи Положенія по учебной части въ военноучебныхъ заведеніяхъ и въ 1836 году утверждены государемъ.

Главный Совѣтъ къ этому присоединилъ подробный разсчетъ, по которому предположенная московскимъ опекунскимъ Совѣтомъ плата учителямъ сиротскаго института, составляла отъ одного до двухъ рублей серебромъ за полуторачасовый урокъ, а за часъ—отъ 67 копѣекъ до 1 р. 35 коп. Раздѣливъ годовые оклады въ 50 и 100 рублей за часъ по числу недѣльныхъ уроковъ (50 въ годъ), каждый полуторачасовый урокъ обошелся бы въ 1 рубль изъ 50-рублеваго оклада и въ два рубля изъ ста-рублеваго. Глав-

ный Совѣтъ ходатайствовалъ передъ государемъ, чтобы производство жалованья учителямъ женскихъ заведеній оставалось на прежнихъ основаніяхъ и это правило было включено въ уставъ 1855 года.

При введеніи въ 1845 году новыхъ програмкъ, Совѣтъ московскаго Елизаветинскаго училища, въ видахъ экономіи, пригласилъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ учительницъ, за меньшее, сравнительно съ учителями, вознагражденіе; имъ платили за уроки французскаго и нѣмецкаго языка 15—20 рублей за годовой часъ. Къ той же мѣрѣ предлагалъ въ 1849 году прибѣгнуть предсѣдатель Совѣта харьковскаго института, генералъ-адъютантъ Кокошкинъ, поручивъ преподаваніе въ низшихъ классахъ пепиньеркамъ и особой учительницѣ французскаго языка изъ кандидатокъ московскаго сиротскаго института. Противъ этого возсталъ членъ Совѣта по учебной части, находя, что пепиньерки еще сами нуждаются въ руководствѣ и что преподаваніе даже въ низшихъ классахъ было бы свыше ихъ силъ. Но главный Совѣтъ согласился съ Кокошкинымъ, однако, „въ видѣ временной мѣры, до пріисканія денежныхъ способовъ".

Послѣ смерти Императрицы Маріи начальницы и инспектриссы гораздо рѣзче и откровеннѣе высказывались въ своихъ донесеніяхъ о знаніяхъ и прилежаніи воспитанницъ. „Въ третьемъ отдѣленіи голубого класса, — писала графиня Адлербергъ въ 1833 году,—ариѳметика шла нехорошо; три воспитанницы были невнимательны; все третье отдѣленіе старшаго возраста мѣщанской половины заслужило порицаніе своею невнимательностью".

О знаніяхъ, съ какими выходили воспитанницы, въ донесеніяхъ часто встрѣчается выраженіе: „образованіе, достаточное для нашего пола". Но даже новая начальница Общества, Леонтьева, всегда старавшаяся смягчить слишкомъ строгіе отзывы инспектриссъ, доносила, въ 1844 году, что на экзаменѣ естественная исторія шла плохо; а хуже всего ариѳметика... воспитанницы ея не любятъ и имъ она неинтересна; выпускныя знаютъ лишь общія правила". О нѣмецкомъ языкѣ инспектрисса писала, что воспитанницы выходятъ, дѣлая немного грамматическихъ ошибокъ, но видно, что у нихъ нѣтъ привычки обращаться съ языкомъ... Въ исторіи и географіи ихъ знанія неудовлетворительны... хуже другихъ прошелъ экзаменъ,—по словамъ начальницы,—изъ русскаго языка и литературы; лучше всего изъ физики (опыты), закона Божія и французскаго языка. Въ голубомъ классѣ успѣхи нѣкоторыхъ дѣвицъ, по ея выраженію „presque nuls". По словамъ инспектриссы, воспитанницы этого класса не

заняты ученіемъ. О знаніи иностранныхъ языковъ въ 1847 году сообщалось, что нѣкоторыя изъ выпускныхъ воспитанницъ съумѣютъ объяснить правило языка, но не въ состояніи поддержать на немъ разговора, большинство же наоборотъ.

О воспитанницахъ Александровскаго училища инспектрисса его, Кассель, говорила вообще какъ о дѣтяхъ плохо одаренныхъ (mal doués)... что у нихъ замѣчается вялость ума (un certain engourdissement d'esprit)... „Мы стараемся, — писала она въ 1844 году,—сдѣлать изъ нихъ хорошихъ работницъ, но это не всегда удается, закоренѣлая ихъ лѣность (paresse invétérée), упрямство и, часто, гордость, противодѣйствуютъ всѣмъ предпринимаемымъ нами мѣрамъ для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ нѣсколько болѣе искусныхъ швей". Онѣ, по словамъ инспектриссы, вообще неспособны оцѣнить пользу образованія... знанія ихъ не важны. „Почти всѣ, — писала она въ 1845 году, — знаютъ настолько языки русскій, французскій и нѣмецкій, чтобы обучать началамъ ихъ, главнымъ образомъ грамматикѣ. Литература лишь намѣчена (n'est qu'ébauchée)". Даже въ 1850 году, послѣ цѣлаго ряда реформъ въ учебномъ дѣлѣ, инспекторъ классовъ писалъ о знаніяхъ выходящихъ изъ Александровскаго училища воспитанницъ: „изъ ариѳметики — сносно для тѣхъ, кто, вступая, не умѣлъ сосчитать до двадцати; изъ исторіи—заучить могутъ, но понять смыслъ — нѣтъ; изъ русскаго языка знаютъ только грамматику; литературу и не проходили; изъ французскаго—говорятъ, но пишутъ съ ошибками. Нельзя,—прибавляетъ онъ, — въ такой періодъ (6 лѣтъ) съ дѣтьми, способностей слабыхъ, достигнуть бо́льшаго". Вообще же онъ признавалъ, что далеко не всѣ выходятъ съ оконченнымъ образованіемъ. А между тѣмъ главный Совѣтъ настаивалъ на томъ, чтобы казенныя воспитанницы выходили изъ институтовъ 16-ти и не старше 18-ти лѣтъ.

Осматривавшій въ 1844 году харьковскій институтъ Вонлярлярскій, нашелъ учебную часть въ хорошемъ состояніи: „отличное преподаваніе,—писалъ онъ,—и очень хорошіе успѣхи воспитанницъ"; но объемъ преподаванія, по его мнѣнію, весьма пространенъ. „Лучше было бы, — предлагалъ Вонлярлярскій, — болѣе употреблять времени на пріученіе дѣвицъ практическому занятію хозяйствомъ и шитьемъ" [1]).

На этомъ мѣстѣ доклада Вонлярлярскаго, государь написалъ: „весьма справедливо". На замѣчаніе Вонлярлярскаго о томъ, что

[1]) Дѣла Гл. Сов. 1845 г. Отчетъ Вонлярлярскаго по хар. инст. за 1844 г.

въ харьковскомъ институтѣ воспитанницъ не обучаютъ пѣнію, государь написалъ: „зачѣмъ не поютъ? хотя церковное пѣніе"; что у воспитанницъ дурное произношеніе какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, что онѣ не имѣютъ „особеннаго благородства въ пріемахъ и граціозности въ танцахъ", государь сдѣлалъ надпись: „старый ихъ порокъ". На основаніи этихъ замѣчаній государя, главный Совѣтъ постановилъ сообщить предсѣдателю харьковскаго Совѣта, князю Долгорукому, чтобы воспитанницъ обучали пѣнію и чтобы было обращено вниманіе на ихъ произношеніе, пріемы и танцы. Князь Долгоруковъ объяснилъ, что причины дурного произношенія у воспитанницъ кроются, между прочимъ, въ ихъ „провинціализмѣ, природномъ устроеніи язычныхъ органовъ, навыкахъ, пріобрѣтенныхъ еще въ домахъ родительскихъ". Совѣтъ прибавлялъ, что начальницамъ и класснымъ дамамъ вмѣнено въ обязанность много разговаривать съ воспитанницами и что онъ озабоченъ пріисканіемъ классной дамы изъ француженокъ или швейцарокъ. Что же касается до неграціозности въ танцахъ и пріемахъ, то въ этомъ виноватъ, по мнѣнію Совѣта, учитель и на его мѣсто пріискивается новый.

Почти тѣ же замѣчанія и предложенія сдѣлалъ Вонлярлярскій по осмотрѣннымъ имъ тогда же институтамъ: закавказскому и полтавскому. Преподаваніе въ первомъ, по его мнѣнію, велось безъ системы, слишкомъ пространно; „оно должно имѣть цѣлію,—писалъ Вонлярлярскій,—постепенное сліяніе тамошнихъ нравовъ съ русской гражданственностью". На этомъ мѣстѣ доклада государь сдѣлалъ надпись: „необходимо начертать планъ учебнаго курса, сообразивъ съ мѣстными потребностями". На предложеніе доклада упражнять разсудокъ воспитанницъ, при сообщеніи имъ необходимыхъ поверхностныхъ свѣдѣній изъ словесности, чтеніемъ и анализомъ русскихъ писателей, государь написалъ: „справедливо". Находя неудовлетворительнымъ преподаваніе исторіи и географіи въ институтѣ учителемъ русской словесности тифлисской гимназіи, который заставлялъ воспитанницъ выучивать наизусть по книгѣ, Вонлярлярскій предлагалъ преподавать исторію такъ, чтобы ученицы, „храня въ памяти хронологію и важнѣйшія происшествія, могли обрисовывать своими словами духъ времени и вліяніе нравовъ и обычаевъ на образованность народовъ и государствъ"; государь на это замѣтилъ: „да, но все вкратцѣ и безъ лишнихъ подробностей". На предложеніе доклада преподавать воспитанницамъ, съ цѣлью усовершенствованія ихъ во французскомъ языкѣ, исторію и географію по-французски, государь написалъ: „съ этимъ я несогласенъ, ибо нѣтъ большой

пользы въ томъ, чтобы хорошо болтали по-французски, а по-русски хорошо не умѣли говорить, а потому надо всячески стараться ихъ болѣе утверждать въ русскомъ языкѣ“.

Полтавскій институтъ былъ найденъ Вонлярлярскимъ вообще въ цвѣтущемъ состояніи „по содержанію, воспитанію дѣвицъ, успѣхамъ въ наукахъ и искусствахъ, особенно въ танцахъ и методѣ преподаванія ариѳметики“. Онъ указалъ лишь на одинъ недостатокъ, тотъ же, что и въ харьковскомъ, т.-е. дурное произношеніе у воспитанницъ какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, и предложилъ сократить объемъ ученія, а усилить занятія хозяйствомъ [1]).

Но осматривавшій его годомъ позже, статсъ-секретарь Лонгиновъ, пришелъ къ другому заключенію и писалъ, что его „блескъ весьма обманчивый, скрыть умѣющій свою жалкую обстановку“. Скудостью матеріальныхъ средствъ Лонгиновъ объяснялъ и нѣкоторые изъ указанныхъ Вонлярлярскимъ недостатки, однородные съ тѣми, какіе онъ нашелъ и въ харьковскомъ институтѣ. Дурныя манеры и неграціозность воспитанницъ Лонгиновъ приписывалъ тому, что хорошему учителю танцевъ надо было платить очень дорого, да и трудно было найти до 1842 года, когда учитель полтавскаго кадетскаго корпуса согласился обучать воспитанницъ института за 2.500 р. сер., сумму, равную той, которую онъ получалъ въ корпусѣ; „а то, — писалъ статсъ-секретарь Лонгиновъ,—выписанная изъ Петербурга учительница танцевъ изъ уволенныхъ отъ дирекціи императорскихъ театровъ, умерла, оставивъ на попеченіе института мужа, мать и дѣтей. Другая учительница — воспитанница Дома Трудолюбія, сирота, нарочно образованная въ танцахъ для полтавскаго Института, вскорѣ по пріѣздѣ вышла замужъ и Институтъ два года долженъ былъ довольствоваться весьма посредственнымъ учителемъ танцевъ изъ Харькова, и притомъ отставнымъ поручикомъ нравственности незавидной“. Поэтому пріобрѣтеніе учителя кадетскаго корпуса, француза S. Martin, Лонгиновъ считалъ „безцѣнною случайностью, чтобы не сказать необыкновеннымъ счастіемъ, какого нѣтъ у другихъ институтовъ“.

Вообще, въ половинѣ сороковыхъ годовъ было очень трудно найти хорошаго учителя въ Полтавѣ, гдѣ, до учрежденія кадетскаго корпуса, была лишь мужская гимназія и учителю нельзя было разсчитывать на частные уроки, ибо дворянство въ городѣ не жило. Этой трудности Лонгиновъ приписывалъ и то, что все-

---

[1]) Отчетъ Вонлярлярскаго по полт. инст за 1844 г. (Дѣла гл. Сов. 1845 г.).

міриая исторія и французская словесность въ полтавскомъ институтѣ преподаются однимъ учителемъ и притомъ на французскомъ языкѣ. „Это дѣло случая — говоритъ Лонгиновъ въ отчетѣ, — а еще болѣе необходимости, и освящено, если можно такъ сказать, временемъ“. Учитель, о которомъ идетъ рѣчь, былъ вызванъ 20 лѣтъ тому назадъ изъ Нѣжинскаго лицея послѣ тщетныхъ стараній пріискать хорошаго учителя французской словесности, который согласился бы преподавать свой предметъ за положенное жалованіе. Тогда институтскій Совѣтъ придумалъ средство привлечь хорошаго учителя француза, предложивъ ему преподавать еще какой-нибудь предметъ и такимъ образомъ получать двойное жалованье. „Трудъ его доказалъ на опытѣ—писалъ Лонгиновъ— что для правильнаго изученія французскаго языка и словесности, полезно обучать какимъ-нибудь наукамъ на семъ языкѣ“. Лонгиновъ обязывался даже представить главному Совѣту доказательства необходимости этого для институтовъ. По причинѣ же трудности пріискать учителя итальянскаго пѣнія, воспитанницы полтавскаго института ему не обучались; въ Полтавѣ былъ учитель этого предмета, но, по словамъ Лонгинова, не очень извѣстный и требовавшій себѣ жалованье по 6.000 рублей (асс.) въ годъ.

Самое отрадное впечатлѣніе вынесъ Вонлярлярскій о казанскомъ институтѣ. Онъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что законъ Божій составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ воспитанницъ. Преподаваніе русскаго языка, по его мнѣнію, неудовлетворительно, но это потому, что учитель былъ нехорошъ. „Сочиненія же дѣвицъ—писалъ Вонлярлярскій—отличаются однакоже богатствомъ мыслей и краснорѣчивымъ изложеніемъ оныхъ, что и доказываетъ счастливое развитіе ихъ умственныхъ способностей“. Точно также хороши ихъ успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; онѣ объясняются на первомъ прекрасно и сочиняютъ очень хорошо; на второмъ нѣкоторыя воспитанницы говорятъ свободно. Преподаваніе ариѳметики не удовлетворило Вонлярлярскаго: „здѣсь нѣтъ—писалъ онъ—той живости преподаванія и легкой методы, введенной въ полтавскомъ институтѣ“. Успѣхи въ исторіи и географіи во всѣхъ классахъ превосходны. „Дѣвицы знаютъ все отлично и основательно, пріучены къ разсказу и къ строгому отчету за каждое слово, за каждое событіе“. Пѣніе воспитанницъ Вонлярлярскій нашелъ удивительно гармоническимъ [1]).

Кромѣ преподаванія обычныхъ въ институтахъ предметовъ, въ

---

[1]) Отчетъ Вонлярлярскаго о состояніи каз. Род. инст. 15 ноября 1845 г. (Арх. IV отд.).

казанскомъ институтѣ преподавали еще „раціональное сельское хозяйство". Уроки по этому предмету давалъ управляющій образцовою фермою въ казанской и вятской губерніяхъ, а учитель французскаго языка, знающій, по словамъ Вонлярлярскаго, „практически садоводство, вызвался приводить свѣдѣнія управляющаго въ исполненіе и подъ личнымъ надзоромъ начальницы занимается съ воспитанницами обработываніемъ образцоваго огорода и сада".

Основываясь на этомъ отчетѣ, главный Совѣтъ призналъ, что „воспитаніе дѣвицъ въ казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ соотвѣтствуетъ цѣли, предназначенной для институтовъ благородныхъ дѣвицъ" [1]).

Въ столичныхъ заведеніяхъ на учебную часть, какъ и на всѣ другія, обращалось больше вниманія, чѣмъ въ губернскихъ институтахъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, часто пріѣзжалъ въ Смольный и Екатерининскій институты во время классовъ, самъ экзаменовалъ воспитанницъ, задавалъ имъ сочиненія па тэмы: *sur la Charité*, или: *les sentiments qu'excite en nous le prochain retour de Sa Majesté Impériale*, самъ просматривалъ ихъ. Нѣкоторыя сочиненія посылались императрицѣ; въ одномъ изъ нихъ воспитанница, прощаясь съ Смольнымъ, говорила: „adieu ma tranquille Communauté!.. Oh! si jamais je t'oublie, que la main de la Providence s'appesantisse sur moi car c'est que je ne serai plus digne de toi, saint souvenir" [2]).

Всего болѣе графъ Уваровъ интересовался уроками русской исторіи и литературы, также декламаціи (на трехъ языкахъ), которая была опять введена скоро послѣ смерти Императрицы Маріи.

По его приглашенію, московскій профессоръ Давыдовъ прочелъ въ 1842 году по одной лекціи исторіи русской литературы въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ. Объявляя объ этихъ лекціяхъ, графъ Уваровъ предупредилъ воспитанницъ, что онѣ услышатъ „русскаго Вильмэна" [3]) и о произведенномъ этою лекціею на воспитанницъ впечатлѣніи, писалъ М. Погодину, что лекторъ „восхитилъ всѣхъ дѣвицъ своимъ словомъ и нѣсколько изъ нихъ мысленно завидовали его невѣстѣ" [4]). Но, по словамъ Никитенко, лекція Давыдова въ Смольномъ не произвела ожидаемаго

---

[1]) Журналы гл. Сов. 1845 г.

[2]) Прощай, мое мирное Общество!.. О, если я когда-нибудь тебя забуду, пусть поразитъ меня рука Провидѣнія, ибо это можетъ случиться лишь тогда, когда я буду недостойна тебя, святое воспоминаніе.

[3]) Дневникъ А. В. Никитенко, 1842—1843 гг. (Р. Стар. 1889 г. дек.).

[4]) Къ біографіи С. С. Уварова. (Р. Арх. 1871 г. XII).

эффекта. „Дѣлая тамъ—говоритъ Никитенко—обзоръ русской литературы, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть „Лукулла“. Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это—говоритъ Никитенко—въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что „если онъ сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ“ [1]). Въ 1847 году графъ Сюзоръ прочелъ воспитанницамъ столичныхъ заведеній лекціи о французской литературѣ.

Большими особенностями отличался курсъ Маріинскаго института, состоявшаго подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. До 1834 года программа его оставалась та же, какая была при Императрицѣ Маріи; въ этомъ году она была такъ расширена, что, по количеству предметовъ, равнялась программѣ Общества. Воспитанницамъ преподавали: законъ Божій, церковную исторію, россійскій, французскій, нѣмецкій языки, ариѳметику, географію, общую и русскую, тоже и исторію, основныя начала литературъ трехъ языковъ, естественной исторіи и физики, рисованіе, церковное пѣніе, рукодѣліе и искусство кроить платья, поваренное искусство. Танцамъ и музыкѣ могли обучаться только пенсіонерки на свой счетъ. Изъ исторіи и географіи, воспитанницамъ старшаго класса предписывалось читать творенія классическихъ писателей и начиналось преподаваніе на французскомъ языкѣ всеобщей исторіи, начальной физики и обозрѣнія литературъ русской и французской. Во время уроковъ рукодѣлія классныя дамы были обязаны читать воспитанницамъ вслухъ. Лучшимъ изъ нихъ были предоставлены права на званіе домашнихъ наставницъ, а двѣ или три самыхъ первыхъ, должны были оставаться еще на три года въ институтѣ, для обученія начинающихъ, подъ руководствомъ классной дамы [2]).

Въ 1846 году, членъ совѣщательнаго комитета по учебнымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ управленіемъ великой княгини Елены Павловны, извѣстный писатель и страстный любитель химіи, князь В. Ѳ. Одоевскій, въ особой запискѣ изложилъ под-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Прибавленіе къ Положенію о Мар. инст. 1834, § 12. (Арх. управл. заведеніями сост. подъ покров. Гос. вел. кн. Елены Павловны).

робную програму, по которой воспитанницамъ слѣдовало преподавать предметы. Кромѣ трехъ языковъ, на которыхъ онѣ должны были не только читать и писать, но и говорить, предписывалось обучать ихъ: понятію о природѣ и окружающихъ предметахъ, въ границахъ книги *Wilmsen's Kinderfreinde* (въ русскомъ переводѣ) и *Cours élementaire de Technologie* par M. Lustenau; русская и всеобщая исторія должна была преподаваться въ самомъ сжатомъ видѣ, не какъ особый предметъ, а какъ чтеніе въ русскомъ классѣ; къ ней присоединялось и понятіе о географіи въ границахъ книги Макларена, наглядное знакомство съ глобусами и картами; особенно подробно должна была проходиться ариѳметика: кромѣ первыхъ четырехъ правилъ, цѣлыхъ чиселъ, также простыхъ и десятичныхъ дробей и взаимнаго обращенія однѣхъ въ другія, а также именованныхъ чиселъ, знанія вѣсовъ и мѣръ, воспитанницамъ предписывалось сообщать знаніе монетъ и переложеніе ассигнацій на серебро, и обратно, изложеніе времени съ приложеніемъ къ календарю, часамъ солнечнымъ и простымъ, пропорціи и тройное правило, учетъ простыхъ и сложныхъ процентовъ, понятіе о страхованіи, правила домашней бухгалтеріи; „все сіе—сказано въ запискѣ—съ безпрерывнымъ примѣненіемъ къ случаямъ изъ дѣйствительной жизни"; линейное черченіе и элементарное правило перспективы, рисованіе для способныхъ, хоровое пѣніе для всѣхъ, а сольное для желающихъ, за особую плату, также музыка и танцы, гимнастика, „огородныя занятія съ тѣмъ, чтобы въ лѣтнее время служить для учителя естественной исторіи и домашней технологіи поводомъ для нагляднаго объясненія формъ и свойствъ растеній и законовъ произрастанія", рукодѣлія „во всемъ пространствѣ" [1]).

Два старшихъ класса Маріинскаго института имѣли спеціальное назначеніе: одинъ, составлявшійся изъ неспобныхъ къ продолженію общаго курса ученія, продолжавшагося въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, предназначался для образованія изъ воспитанницъ хорошихъ нянь или надзирательницъ; другой, въ который переходили, по окончаніи четырехлѣтняго общеобразовательнаго курса, способныя воспитанницы — для образованія изъ нихъ наставницъ. „По весьма малому просвѣщенію, — говоритъ князь Одоевскій въ своей запискѣ,—большей части нашихъ матерей семействъ и по нелѣпымъ понятіямъ, которыя онѣ составляютъ о будущемъ назначеніи своихъ дочерей, словомъ, при томъ особен-

¹) Протоколъ совѣщательнаго комитета по учеб. зав. 20 окт. 1845 г. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл.).

номъ ихъ характерѣ, который можно назвать полудикою спесью, можно ожидать, что нѣкоторыя изъ сихъ матерей почтутъ неприличнымъ, чтобы ихъ дочь получила образованіе, нужное для няньки или надзирательницы, а напротивъ, будутъ требовать отъ воспитанія вреднаго и ненужнаго блеска... Очевидно, что относительно казенныхъ воспитанницъ, Правительство имѣетъ все право распорядиться ими по своимъ просвѣщеннымъ преднамѣреніямъ. Думаю, что сюда принадлежатъ и пенсіонерки Императорской фамиліи и капитула, ибо сіи пенсіонерки, подобно казеннымъ, пользуются благодѣяніями Правительства... Что касается своекоштныхъ, то, конечно, институтъ не можетъ явно противорѣчить желаніямъ матерей, вносящихъ за своихъ дѣтей деньги, и въ семъ отношеніи, впредь до большаго распространенія просвѣщенныхъ понятій между матерями, должно соблюсти нѣкоторую осторожность; но таковое снисхожденіе должно имѣть границы— въ Отечественной формѣ Русскаго правленія — и Правительство, сообразно съ своими дѣйствіями во всѣхъ отношеніяхъ Государственной Администраціи, никогда не должно лишать себя права направлять воспитаніе къ избранной имъ цѣли, даже помимо переходящихъ и исчезающихъ съ каждымъ днемъ полудикихъ повѣрій и предразсудковъ".

Поэтому, князь Одоевскій, думая, что „многое зависитъ отъ наименованія" предлагаетъ „середину", т.-е. не пугать „неразумныхъ матерей" названіемъ третьяго класса классомъ нянекъ, прислужницъ или рукодѣльнымъ, а назвать его просто *учебнымъ*. Въ немъ воспитанницы, „по спеціальному назначенію сего класса", должны были обучаться: домашней гигіенѣ, „такъ называемой маленькой хирургіи", наукѣ о сохраненіи дѣтскаго здоровья; всему этому по руководству книги *Народная медицина*, и кромѣ того, практическимъ занятіямъ поваренным искусствомъ. Эти четыре предмета должны быть обязательными какъ для казенныхъ воспитанницъ, такъ и для пенсіонерокъ императорской фамиліи и капитула. Относительно своекоштныхъ, по окончаніи ими общаго курса, князь Одоевскій предлагаетъ спрашивать у матерей: желаютъ ли онѣ, чтобы ихъ дѣти обучались рисованію или музыкѣ, или чтобы онѣ поступили въ классъ „гигіеническій и поваренный".

На этомъ мѣстѣ записки великая княгиня сдѣлала замѣтку (по-французски): „это не нужно, это должно сдѣлаться безъ спроса потому что эти знанія должна имѣть всякая женщина".

По проэкту князя Одоевскаго, главными предметами общаго курса должны быть языки. На это великая княгиня замѣтила:

„совершенное знаніе грамматики, въ литературѣ только перечень и экзаменъ должно производить лишь изъ грамматики, изъ исторіи поверхностно, изъ географіи и ариѳметики очень хорошо“. Въ классѣ „гигіеническомъ и поваренномъ“ воспитанницы должны были оставаться три года, также, какъ и въ классѣ „педагогическомъ“ для образованія наставницъ.

Великая княгиня нашла, что трехъ лѣтъ мало для выполненія программы, предложенной княземъ Одоевскимъ. По его проэкту воспитанницамъ класса наставницъ слѣдовало преподавать: физику и химію въ сокращенномъ видѣ по методѣ Віолета, „Manipulations“, т.-е. наученіе воспитанницъ искусству самимъ дѣлать „простѣйшіе физическіе и химическіе снаряды... Сія метода—поясняетъ князь—уже введена въ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ публичныхъ заведеній. Она необходима ибо сіи науки безъ снарядовъ невозможны, а снаряды можно найти только въ столицахъ“. Въ курсъ этого класса должны были еще входить: исторія литературъ, русской, французской и нѣмецкой, основанія логики при русскомъ классѣ, исторія педагогики по книгѣ, съ указаніемъ самыхъ педагогическихъ пріемовъ въ приготовительномъ классѣ, въ которомъ учительницами должны быть назначаемы по два раза въ недѣлю воспитанницы педагогическаго класса за отличіе.

Для преподаванія естественной исторіи и домоводства, былъ приглашенъ въ Маріинскій институтъ прусскій референдарій, докторъ Швиттау. Передъ тѣмъ онъ устроилъ въ Гатчинѣ, подъ наблюденіемъ Вольно-экономическаго Общества, практическую земледѣльческую школу, которою и завѣдывалъ [1]). Не зная русскаго языка, Швиттау преподавалъ эти предметы на нѣмецкомъ. Донося въ 1847 году великой княгинѣ о томъ, что принцъ Ольденбургскій случайно экзаменовалъ воспитанницъ изъ Technologie domestique, князь Одоевскій объяснялъ, что подъ этимъ названіемъ понимается все то, что̀ насъ лично окружаетъ. „Это—писалъ онъ—вполнѣ отвѣчаетъ желанію Его Величества, который высказался противъ пустыхъ опытовъ того, что̀ обыкновенно называютъ физикой въ институтахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствительной жизни... Швиттау учитъ воспитанницъ приготовлять у себя на кухнѣ различныя кушанья, на которыхъ онъ будетъ демонстрировать въ классѣ законы физики и химіи, примѣненіе которыхъ встрѣчается ежедневно. Швиттау хочетъ практически показывать воспитанницамъ какъ приготовлять разные продукты

---

[1]) Протокол. совѣщ. ком. 3 марта 1846 г.

молока, квасу, уксусу и пр. [1]). ...Беру смѣлость формулировать мысль Вашего Императорскаго Высочества, — заключаетъ князь Одоевскій — которую хотѣлъ бы прокричать на крышахъ: а) мы не хотимъ сдѣлать изъ воспитанницъ ни булочницъ, ни швей, ни кухарокъ, еще менѣе физиковъ или химиковъ; б) мы будемъ обучать ихъ хозяйству не какъ наукѣ и не думаемъ, чтобы воспитанница тотчасъ по выходѣ изъ института оказалась хорошею хозяйкою; в) но если преподаватель хорошъ и воспитанница хорошо училась, она вынесетъ изъ института духъ наблюдательности, столь необходимый матери семейства, безъ котораго духъ послѣдовательности невозможенъ, ибо мы ее пріучаемъ упражнять духъ наблюдательности на предметахъ, находящихся подъ рукою и окружающихъ ее всякій день; г) мы думаемъ, что раціональное изученіе естественныхъ явленій доставитъ ей не только нѣсколько полезныхъ указаній въ семейной жизни и поможетъ найтись въ трудныхъ случаяхъ дѣйствительной жизни, но привьетъ привычку отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не слишкомъ вѣрить эмпирическимъ и суевѣрнымъ, часто весьма опаснымъ, рецептамъ; д) мы думаемъ, что привычка вникать въ мельчайшія подробности домашней жизни болѣе укрѣпитъ ея разсудокъ нежели изученіе всякой другой науки, менѣе реальной, менѣе удобной къ примѣненію и почти невозможной для матери семейства; е) мы думаемъ, что умственный интересъ, который мы стараемся вложить въ отправленія домашней жизни, предохранитъ ее отъ предубѣжденія, которое, къ сожалѣнію, существуетъ у насъ противъ занятій хозяйствомъ; ж) мы думаемъ, что этотъ интересъ, который мы хотимъ привить занятіямъ хозяйствомъ, отвратитъ воспитанницу отъ занятій менѣе невинныхъ и что, слѣдовательно, это изученіе будетъ имѣть нравственное дѣйствіе, независимо отъ практическаго“ [2]).

Въ 1845 году сдѣлано преобразованіе въ учебной части и повивальнаго института, также состоявшаго подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. Элементарные классы, въ которыхъ преподавались языки и другіе предметы, отмѣнены потому, что воспитанницы „поступаютъ 18-ти лѣтъ, а въ эти годы ужъ поздно изучать элементарные предметы“ [3]). При по-

[1]) Князь Одоевскій у себя на дому производилъ такіе опыты и угощалъ, по словамъ современниковъ, своихъ пріятелей такими, имъ самимъ химически приготовленными, соусами и кушаньями, которыя казались обѣдавшимъ отвратительными и вредно вліяющими на здоровье. (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Ист. Вѣст. 1886, апр.).

[2]) Письмо кн. Одоевскаго великой княгинѣ Е. П. 6 сент. 1847. (Арх Мар. инст.).

[3]) Протоколъ совѣщ. ком. 2 окт. 1845 г. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл.).

ступленіи въ число казенныхъ воспитанницъ повивальнаго института [1]), постановлено требовать отъ нихъ знанія русскаго языка, катехизиса и священной исторіи, четырехъ правилъ ариѳметики, первоначальныхъ понятій о естественныхъ произведеніяхъ природы и умѣнія безъ затрудненій объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ эти свѣдѣнія можно было получать въ состоявшемъ подъ покровительствомъ великой княгини училищѣ взаимнаго обученія дѣтей; великая княгиня выразила даже желаніе, чтобы изъ этого училища преимущественно поступали въ повивальный институтъ [2]).

Хотя, постепенно, во всѣхъ почти институтахъ, даже губернскихъ, были назначены инспектора классовъ, но они не были самостоятельны; не будучи членами мѣстныхъ Совѣтовъ, они не имѣли права голоса и были только докладчиками; надъ ними стояли: членъ по учебной части и начальница, власть которыхъ и въ учебномъ дѣлѣ была очень велика.

Въ 1845 году императрица, по донесенію начальницы кіевскаго института, выразила волю, чтобы инспекторъ классовъ, профессоръ Иванишевъ, „подъ благовиднымъ предлогомъ" былъ уволенъ за то, что „не успѣлъ въ личныхъ сношеніяхъ съ начальницею и воспитанницами, вполнѣ примѣнить обращенія своего къ тому порядку, который въ женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ существуетъ" и что онъ мало наблюдаетъ за учителями. Сообщая объ этомъ попечителю учебнаго округа, князю Давыдову, Гофманъ прибавлялъ, что „надо содѣйствовать начальницѣ и ея сотрудницамъ въ устройствѣ и сохраненіи общаго порядка въ заведеніи" [3]).

И въ инструкціи начальницамъ 1847 года постановлено, что онѣ должны наблюдать за тѣмъ, чтобы инспекторъ слѣдилъ за учебною частью; при составленіи инструкціи начальницѣ петер-

[1]) Такихъ воспитанницъ въ 1845 году было 19, а вольноприходящихъ 33.

[2]) Попечительницею училища была княгиня Одоевская, жена князя В. Ѳ. Изъ 170 учащихся было 40 штатныхъ; остальныя пенсіонерки (въ томъ числѣ 10 государя, 2—императрицы, 5—великой княгини, 8—другихъ особъ царской фамиліи, 20—капитула росс. орденовъ. За полное содержаніе пенсіонерки платили 80 р. сер. въ годъ, полупенсіонерки—по 3 рубля въ мѣсяцъ. Большинство воспитанницъ были приходящими за плату по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ и по 8 рублей въ годъ. Имъ преподавали: законъ Божій, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, ариѳметику, чистописаніе, начальныя основанія исторіи, географіи и естественной исторіи, рукодѣлія. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл. Протоколъ Совѣта 22 февр. 1847 г.).

[3]) Конфиденціальное письмо ст. секр. Гофмана къ кн. Давыдову.—Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ, опровергая сообщаемыя начальницею свѣдѣнія и говоря, что Иванишевъ — первый профессоръ университета св. Владиміра, объяснилъ дѣло тѣмъ, что начальница стремится подчинить все своему управленію. (Дѣла гл. Сов. 1845 г.).

бургскаго сиротскаго института въ 1851 году, въ первоначальномъ проэктѣ было сказано, что „неудобно было бы инспектора классовъ, лицо, по общему всѣмъ учебнымъ заведеніямъ порядку подчиненное, оставлять единственнымъ и независимымъ отъ начальницы распорядителемъ учебной частью“ [1]).

Объ ученіи въ институтахъ за это время, сами бывшія воспитанницы трехъ разныхъ заведеній, оставили разсказы, написанные ими въ зрѣлыхъ годахъ „не для осужденія“, какъ говоритъ одна изъ нихъ, а „надѣясь принести пользу“. Авторъ разсказа „Институтки“ повидимому бывшая смолянка, ибо она говоритъ, что провела въ институтѣ восемь лѣтъ. По ея словамъ, ученіе у нихъ шло „не слишкомъ-то успѣшно“; она прибавляетъ, что въ этомъ едва ли виноваты учителя и ихъ методы, потому что дѣвочки „въ этомъ отношеніи еще менѣе мальчиковъ разборчивы и невзыскательны. Изъ-за 12 балловъ онѣ готовы долбить одну номенклатуру изъ географіи Ободовскаго или нѣмецкія слова. Если учитель французскаго языка возьметъ обыкновеніе разсказывать по субботамъ—на томъ условіи, что всю недѣлю уроки будутъ идти исправно—интересныя повѣсти и сказки, то его маленькія ученицы будутъ заучивать ему со всѣмъ прилежаніемъ отрывки прозы и стиховъ. Если русскій учитель читаетъ хоть сколько-нибудь сносно и тоже въ недѣлю разъ доставляетъ имъ удовольствіе прочитать что нибудь, то онѣ будутъ въ восторгѣ отъ такого учителя, рѣшатъ хоромъ, что быть не можетъ, чтобъ кто нибудь читалъ лучше его, и не только весьма порядочно разсказываютъ письменно прочитанное имъ, но и прилежно переписываютъ и заучиваютъ его записки по грамматикѣ. Даже и у взрослыхъ воспитанницъ поколебать авторитетъ учителя трудно; напр., если любимый учитель русскаго языка преподаетъ устарѣлую реторику и піитику, только подъ болѣе благоприличнымъ названіемъ „Русской Словесности“, то увѣрить институтку, даже изъ сравнительно болѣе развитыхъ, что это заучиванье безполезно и такая метода преподаванія рутинна, почти невозможно; до такой степени она вѣрила въ любимаго учителя и готова учить если придетъ охота, все, чтобы онъ ни далъ“ [2]).

Обыкновенно за этою порой, которая кончается вмѣстѣ съ дѣтствомъ, для дѣвочки наступаетъ другая, когда „подготовленная, заинтересованная научными свѣдѣніями, уже начинающая понимать пользу и цѣль образованія — она начи-

---

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1851 г.

[2]) *М. Дол—ева:* Институтка. (Эпоха 1864 г. октябрь).

наетъ учиться сознательно". Но этой-то поры, по словамъ автора, для институтки „вовсе и не наступало; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, она въ большинствѣ случаевъ такъ и оставалась ребенкомъ до конца. Съ такою однако разницею, что институтка теперь учится уже не такъ охотно. Прежнія приманки уже теряли для нея свою прелесть, а между тѣмъ, ни цѣли, ни пользы, ни слѣдствій образованія — что можно видѣть только на практикѣ, въ жизни, и чего никакъ не внушить простыми словами — ничего этого институтка, живя взаперти, не знала. На ученье, съ мыслью о которомъ у институтки соединена мысль о 7—8 лѣтнемъ затворничествѣ, она смотрѣла какъ на что-то, противъ ея воли, навязанное ей извнѣ, какъ на какое-то испытаніе, которое она должна выполнить въ извѣстное число лѣтъ". Были конечно рѣдкія исключенія изъ этого правила, но вообще „научныя занятія институтокъ можно охарактеризовать выраженіемъ: ученье для ученія".

Въ оправданіе институтокъ, авторъ говоритъ, что „мудрено учиться какъ слѣдуетъ, когда вся жизнь ихъ сводилась на заучиваніе уроковъ, да на физическій отдыхъ". Кромѣ того, дѣйствительно заинтересовывавшіяся какимъ нибудь предметомъ институтки, иногда подвергались непріятностямъ. Авторъ разсказываетъ, въ видѣ примѣра, что учитель географіи, своими интересными, изложенными художественнымъ и простымъ языкомъ, лекціями, увлекъ воспитанницъ такъ, что между его отмѣтками не было менѣе десяти. Но классныя дамы „стали попрекать воспитанницъ, что онѣ учатъ только одну географію, а другіе уроки и знать не хотятъ", объяснили это обожаніемъ учителя и стали всячески притѣснять воспитанницъ. Все разыгралось очень грустно послѣ того, какъ классная дама застала одну изъ воспитанницъ старшаго возраста за перепиской лекціи учителя географіи въ то время, когда классъ долженъ былъ заниматься нѣмецкими переводами. Она выхватила листки, принесенные учителемъ, и разорвала ихъ. Воспитанница бросила свою тетрадь на полъ и заплакала; учитель узналъ объ этой исторіи, потому что данные имъ для переписанія воспитанницамъ, листки его лекціи были разорваны классною дамою. Дѣло кончилось объясненіемъ учителя съ инспекторомъ классовъ, послѣдствіемъ чего былъ выходъ въ отставку учителя, а воспитанницу, обвиненную въ томъ, будто она бросила тетрадь въ лицо классной дамы, родители взяли изъ института.

Точно также преслѣдовалось въ институтѣ и чтеніе. „Гдѣ нибудь, — говоритъ авторъ, — въ завѣтномъ уголкѣ, подальше отъ дамы, или ночью подъ лампой, съ замираніемъ сердца прочиты-

ваются *Капитанская дочка*, *Монастырка*, *Юрій Милославскій* и на ряду съ этимъ *Два брата* Зотова, *Таинственный монахъ* и пр. Все, что только ни попадается подъ руку, проглатывается съ жадностью. *Евгеній Онѣгинъ* и многія поэмы Пушкина и позже Лермонтова—выучиваются многими наизусть отъ доски до доски".

И такое чтеніе, безъ руководителя, непонятое или, чаще, понятое совершенно превратно, все-таки, по свидѣтельству автора, оказываетъ благотворное вліяніе. „Воспитанницъ много читавшихъ тотчасъ отличишь отъ воспитанницы читавшей мало. Соображеніе у нихъ дѣйствуетъ гораздо быстрѣе, живѣе. Ихъ сочиненія на заданную тэму лучше, ихъ отвѣты, напр., по исторіи, гдѣ требуется плавный разсказъ, тоже лучше". Но попытка взглянуть на ученіе серьезнѣе и у такихъ воспитанницъ такъ и остается попыткой. „Наносныя сужденія,—говоритъ авторъ,—т.-е. такія, до которыхъ воспитанницы дошли не сами, а которыя имъ стараются внушить окружающіе—сужденія въ родѣ того, что вотъ теперь вы большія дѣвицы, пора вамъ самимъ понять пользу ученія, пора приняться за него серьезно — такъ и остаются наносными и ими не усвоиваются. Сначала онѣ какъ будто поддаются этимъ внушеніямъ, вѣрятъ имъ на слово, принимаются учиться прилежнѣе, но потомъ, не видя примѣненія науки къ жизни, не видя никакой другой цѣли ученія, кромѣ сдачи экзаменовъ, никакой пользы, кромѣ хорошихъ отмѣтокъ, а главное— начиная тяготиться однообразіемъ своей жизни, онѣ скоро охладѣваютъ; ихъ пылъ, ничѣмъ не поддерживаемый, проходитъ".

Охота и къ чтенію скоро бы опостылѣла, еслибы она не поддерживалась гоненіемъ классныхъ дамъ на чтеніе. Чаще другихъ, любимыми предметами институтокъ, по словамъ автора, бываютъ исторія, географія, литература и физика. „Что же до естественныхъ наукъ,—говоритъ онъ,—то онѣ преподавались въ институтахъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что никакъ не въ состояніи заинтересовать институтокъ. Все это сжато, кратко, лишено всякаго интереса. Да къ тому же природа со всѣми ея явленіями, право, какъ-то чужда институткѣ, этому цвѣтку, произростающему въ теплицѣ, незнакомому ни съ тѣмъ климатомъ, въ которомъ растетъ, ни съ дождемъ, ни съ солнечнымъ лучемъ, ни съ росой. Что за интересъ смотрѣть институткамъ на животныхъ, изображенныхъ на картинкахъ, когда онѣ можетъ быть ужъ лѣтъ пять не видали даже коровъ и козъ, даже, пожалуй, собакъ и кошекъ". При такихъ условіяхъ понятно, серьезное занятіе науками было невозможно.

Самое грустное обстоятельство, по словамъ автора, заключалось въ томъ, что многія воспитанницы, и именно тѣ, у которыхъ были превосходныя способности, охладѣвали къ ученію по мѣрѣ того, какъ приходили въ болѣе зрѣлый возрастъ. „Эти лѣнивицы,—говоритъ авторъ,—одаренныя блестящими способностями, пошли бы далеко въ иномъ случаѣ", а между тѣмъ онѣ какъ будто даже хвалились своею безпечностью и лѣностью, выставляя ее напоказъ. „Бывало такъ, что встать, когда учитель вызоветъ, и сказать коротко и ясно: „я не знаю, потому что не учила", да еще пояснить на слѣдующій затѣмъ вопросъ учителя: отчего не учила — положительнымъ отвѣтомъ: „лѣнь было" — считалось какою-то остроумной и граціозной выходкой".

Другая воспитанница, московскаго Екатерининскаго института, кончившая курсъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ, говоритъ, что у нихъ преподаваніе наукъ вообще было „сухое, ограниченное". Естественная исторія имъ преподавалась по-французски французомъ. „Онъ диктовалъ,—говоритъ г-жа N,—руководство по всѣмъ отраслямъ своего предмета... подарилъ ящикъ съ небольшимъ гербаріемъ, образчиками минераловъ, двѣ-три чучелы птицъ и чучелу маленькаго крокодила. Половина ящика скоро опустѣла; что было можно, мы съѣли; перышки наклеились на бумажки въ видѣ вензелей" [1]).

Учитель физики приносилъ огромные листы, которые воспитанницы должны были списать и выучить; но у воспитанницъ, по словамъ г-жи N, не было ни терпѣнія ни понятія, ни времени; „три четверти класса,—говоритъ она,—такъ и вышли, не желая смекнуть, что̀ такое физика и зачѣмъ ей учатъ... Въ шкапу было въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ руководство къ физикѣ Двигубскаго; книги были истрепаны, во многихъ оставался одинъ корешокъ. Это предшествовавшій выпускъ сдѣлалъ". Въ шкапу „съ физикой" (другой былъ „съ ботаникой") была электрическая машина и „крашеныя стеклянныя куколки въ видѣ бѣсиковъ".

Третья воспитанница, оставившая записки о своемъ пребываніи въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ [2]), говоритъ, что нѣкоторые учителя, русскаго языка и физики, были хороши. Математику воспитанницы плохо знали, и начальство, по словамъ автора, ставило ее ни во что. Естественную исторію преподавалъ по-французски швейцарецъ, плохо говорившій по-русски. Вообще

[1]) Воспоминанія институтской жизни. N. (Р. Вѣстникъ 1861, окт.).

[2]) *Бѣльская.* Очерки институтской жизни. Воспоминанія старой институтки (Заря 1870, авг.).

образованіе, по словамъ автора воспоминаній, носило характеръ „орнаментальный", но воспитанницы выходили „хоть съ мыслью, что знаніе вещь почтенная; самыхъ же знаній институтъ не давалъ".

Все это вѣрно относительно большинства воспитанницъ; но, конечно, среди нихъ бывали такія, которыя, благодаря хорошему преподавателю, заинтересовывались предметомъ, пріобрѣтали любовь къ знанію и умѣли цѣнить его. Воспитанницы Смольнаго, по словамъ Никитенко, восторженно выражали ему благодарность „за чувства добра и любви къ изящному и честному", которыя онъ „впервые вызвалъ въ нихъ", давая при этомъ обѣщаніе никогда не измѣнять идеямъ чести и добра" [1]).

Русская писательница Кохановская (псевдонимъ Сохапской), воспитывавшаяся въ харьковскомъ институтѣ и вышедшая изъ него съ первымъ шифромъ въ 1840 году, въ составленной ею, по просьбѣ Плетнева, коротенькой автобіографіи, говоритъ, что на развитіе ея природныхъ способностей самое большое дѣйствіе произвели въ институтѣ уроки русской словесности. „До сихъ поръ, — пишетъ Плетневъ князю Вяземскому въ 1861 году, — она вспоминаетъ о нихъ съ восхищеніемъ. Надобно предполагать, что преподаватель (Ильенко), хоть и не принадлежитъ къ разряду писателей нашихъ, проникнутъ былъ чувствомъ всего прекраснаго и умѣлъ сообщать его слушательницамъ" [2]).

Галаховъ, преподававшій русскій языкъ и словесность въ московскомъ Александровскомъ училищѣ, гдѣ воспитывалась жена Бѣлинскаго, говоритъ, что она и другія воспитанницы отличались любознательностью и интересовались современною литературою, съ которою онъ ихъ знакомилъ не только путемъ своихъ лекцій, но и принося имъ лучшіе журналы сороковыхъ годовъ [3]). Онъ читалъ воспитанницамъ по вечерамъ въ квартирѣ начальницы сочиненія Гоголя „разумѣется,—говоритъ Галаховъ,—съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежавшихъ вѣдѣнію дѣвицъ" [4]).

Никитенко отзывался о нѣкоторыхъ изъ своихъ учепицъ какъ о „мыслящихъ и образованныхъ" и находилъ бесѣду съ ними пріятною [5]). Но говоря его же словами, образованіе въ институтахъ было вполнѣ предоставлено случаю [6]).

---

[1]) Дневникъ, 1839 г. (Р. Стар. 1889 г. окт. и 1842 г. дек.).

[2]) Письмо отъ 30 ноября 1861 г. (Соч. и переписка П. А. Плетнева. По порученію второго отдѣленія Имп. Ак. Наукъ издалъ Я. Гротъ. С.-Пет. 1885 г. Т. 3).

[3]) *А. Д. Галаховъ.* Воспоминанія. I—VI. (Исторія. В. 1892, январь).

[4]) Тамъ же, февраль.

[5]) Дневникъ 1833—1834 гг. (Р. Ст. 1889 г. авг.).

[6]) Тамъ же, 1835 г. (Р. Ст. 1889 г. сент.).

При учрежденіи въ 1844 году комитета для пересмотра уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній, государь изъявилъ волю, чтобы были пересмотрѣны и программы ихъ и чтобы учебная часть, особенно въ губернскихъ институтахъ, была болѣе соразмѣряема съ состояніемъ учащихся, а сіи послѣднія болѣе приготовлялись къ будущему ихъ назначенію“ [1]). Это было поручено комитету, учрежденному еще въ 1838 году для начертанія проэкта уставовъ о службѣ по учебной части въ учрежденіяхъ императрицы Маріи, съ причисленіемъ къ нему инспекторовъ классовъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины и патріотическаго института.

Составивъ сокращенную программу, заключавшую въ себѣ лишь наименованія предметовъ ученія, комитетъ 1838 года оставилъ для Общества ту же программу, какая была при Императрицѣ Маріи, и нѣсколько сократилъ объемъ ученія въ другихъ заведеніяхъ съ шестилѣтнимъ курсомъ. Онъ предложилъ учредить при Александровскихъ институтахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особый педагогическій курсъ и причислилъ по объему преподаванія сиротскіе институты къ Обществу на томъ основаніи, что наставница должна имѣть „высшее образованіе“. Къ этому курсу присоединено было преподаваніе педагогики и дидактики и положено приглашать особыхъ учителей для наблюденія за чистымъ и правильнымъ произношеніемъ иностранныхъ языковъ. Въ институтахъ: одесскомъ оставлено преподаваніе италъянскаго языка, вмѣсто нѣмецкаго; кіевскомъ и бѣлостокскомъ—польскаго; закавказскомъ — грузинскаго и армянскаго; въ Пулавскомъ (бывшемъ Александринскомъ варшавскомъ) польскаго языка и его словесности.

Предсѣдательствуемый принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ комитетъ 1844 года предложилъ включить нѣкоторые изъ выпущенныхъ, въ новыхъ таблицахъ, предметы; въ томъ числѣ было включено сообщеніе воспитанницамъ понятій о явленіяхъ и произведеніяхъ природы. Преподаваніе этого предмета было признано полезнымъ даже въ среднихъ и низшихъ классахъ, такъ какъ „знакомить дѣвицъ съ важнѣйшими произведеніями трехъ царствъ природы, объяснять имъ пользу сихъ земныхъ даровъ, съ указаніемъ на безпредѣльную благость и премудрость Творца, ихъ созидающаго, открывать имъ причины естественныхъ явленій физическаго міра, съ удаленіемъ всякаго суевѣрнаго о происхожденіи ихъ толкованія, значитъ усиливать въ юныхъ сердцахъ истинное Богопочитаніе, значитъ способствовать нравственно-религіозному

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 66.

ихъ образованію" [1]). Этотъ предметъ былъ названъ: *нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики.* Точно также при преподаваніи французской и нѣмецкой словесности, изъ которыхъ по новымъ таблицамъ должны были даваться лишь указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей, комитетъ принца прибавилъ „и ихъ важнѣйшія творенія". Мнѣніе о томъ, что въ Александринскомъ сиротскомъ домѣ долженъ преподаваться нѣмецкій языкъ, такъ какъ воспитанницы его большей частью поступаютъ надзирательницами въ нѣмецкіе дома въ остзейскихъ губерніяхъ, комитетъ принца нашелъ неправильнымъ и высказался, что „если нѣкоторыя изъ воспитанницъ сего заведенія и поступаютъ въ нѣмецкія семейства, то главная, ожидаемая отъ нихъ польза есть пріученіе дѣтей къ объясненію на русскомъ языкѣ и потому полезнѣе имъ вовсе не знать нѣмецкаго".

Число учебныхъ часовъ было опредѣлено въ заведеніяхъ перваго разряда по $28^1/_2$ въ недѣлю, второго—$25^1/_2$, третьяго—$16^1/_2$; на занятія искусствами, рукодѣліемъ и хозяйствомъ назначено: въ первыхъ $7^1/_2$ часовъ въ недѣлю, вторыхъ—$10^1/_2$, въ третьихъ—$19^1/_2$. Но комитетъ 1844 года призналъ это количество часовъ „высшимъ размѣромъ на преподаваніе опредѣляемыхъ" и полагалъ нужнымъ предоставить начальству заведеній уменьшать по возможности время на уроки, въ видахъ увеличенія его для прочихъ упражненій [2]).

По утвержденіи этой таблицы государемъ, комитетъ поручилъ только-что тогда учрежденному при IV отдѣленіи учебному комитету, составить подробные учебные планы, опредѣлить объемъ и методу преподаванія, также учебныя руководства по каждому отдѣльному предмету.

Составленіе плана преподаванія русскаго языка и словесности учебный комитетъ возложилъ на инспектора классовъ петербургскаго Екатерининскаго училища, Ободовскаго; иностранныхъ языковъ — на инспектора московскаго сиротскаго института, Армфельда; ариѳметики и естественныхъ наукъ—инспектора московскаго Екатерининскаго училища, Брашмана; исторіи—инспектора Воспитательнаго Общества, Тимаева; географіи—инспектора петербургскаго сиротскаго института, Ободовскаго. Въ 1848 году всѣ программы были разсмотрѣны въ учебномъ комитетѣ и внесены послѣднимъ въ главный Совѣтъ.

Въ нихъ, изъ общаго числа учебныхъ часовъ, всего болѣе,

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 71.

[2]) Пятидес., стр. 72.

и одинаково для учебныхъ заведеній первыхъ двухъ разрядовъ, было отведено на преподаваніе иностранныхъ языковъ и словесности (по $4^1/_2$ часа въ недѣлю на каждый), на преподаваніе закона Божія и россійской словесности было назначено по три часа на каждый; на уроки: „о произведеніяхъ природы“ и „о явленіяхъ природы“ — три часа на оба предмета; то же на исторію всеобщую и русскую, географію всеобщую и русскую, рисованіе и чистописаніе; на ариѳметику и понятія объ измѣреніяхъ—всего полтора часа въ недѣлю.

Въ заведеніяхъ второго отдѣленія перваго разряда не преподавалось „о произведеніяхъ природы“; этотъ предметъ, также „о явленіяхъ природы“ и иностранные языки, не преподавались въ заведеніяхъ третьяго; на русскую словесность въ этихъ заведеніяхъ было опредѣлено $4^1/_2$ часа въ недѣлю, на всѣ другіе предметы—по полтора, но на рисованіе и чистописаніе по $4^1/_2$ часа въ недѣлю.

Въ спеціальныхъ училищахъ, съ программой перваго отдѣленія перваго разряда, т.-е. Общества, было положено по 18-ти часовъ для классныхъ занятій и по 18-ти—для практическихъ, въ классѣ кандидатокъ или наставницъ. Разница въ программѣ Общества и другихъ заведеній перваго разряда заключалась въ томъ, что въ первомъ преподавались: „замѣчанія о литературѣ древнихъ и среднихъ временъ и исторія русской литературы“, а въ послѣднихъ только исторія русской литературы; тоже и по французской словесности; по нѣмецкой — во второмъ отдѣленіи вмѣсто исторіи литературы преподавались „указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія“, по географіи – географія Россіи безъ статистическихъ дополненій, а въ Обществѣ—съ ними.

Въ заведеніяхъ второго разряда преподавалась россійская словесность съ исторіей русской литературы; изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ — грамматика и указаніе на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія, ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, всеобщая географія сокращенно, изъ всеобщей исторіи — исторія важнѣйшихъ событій по хронологическимъ таблицамъ, исторія Россіи, географія Россіи.

Въ заведеніяхъ третьяхъ разряда, кромѣ закона Божія, преподавались: изъ русскаго языка—чтеніе и писаніе, главныя правила грамматики, чтеніе церковное, четыре первыя дѣйствія ариѳметики, „чтеніе географіи Россіи“, „чтеніе исторіи Россіи“.

Въ курсъ сиротскихъ институтовъ при Воспитательныхъ Домахъ и московскаго Александринскаго института были включены

педагогика и дидактика теоретически и практически; въ особомъ классѣ, при Александринскомъ сиротскомъ домѣ, для образованія надзирательницъ малолѣтнихъ дѣтей, должны были „сообщаться нѣкоторыя педагогическія наставленія"; тоже и въ Александринскомъ институтѣ въ Пулавахъ; а въ предположенныхъ спеціальныхъ классахъ при Александровскихъ училищахъ, съ программой второго разряда, учреждался дополнительный двухлѣтній курсъ по программѣ Общества и „для пріобрѣтенія педагогическихъ свѣдѣній" [1]).

Немедленное примѣненіе новыхъ программъ, какъ требовалъ главный Совѣтъ, встрѣтило во всѣхъ институтахъ затрудненія. Въ заведеніяхъ, гдѣ преподавались физика и естественная исторія, надо было прекратить преподаваніе этихъ предметовъ; Совѣты ходатайствовали объ оставленіи ихъ, но главный Совѣтъ настаивалъ на „единствѣ хода учебной части" и не разрѣшалъ преподаванія предметовъ, не включенныхъ въ изданныя имъ „нормальныя" таблицы. Школы патріотическаго Общества также должны были ввести у себя новую программу по третьему разряду. Совѣтъ патріотическаго Общества просилъ не требовать преподаванія „особо тщательнаго рисованія узоровъ и церковнаго пѣнія"; но главный Совѣтъ находилъ послѣднее необходимымъ, „ибо церковное пѣніе производитъ особенное вліяніе на развитіе религіознаго чувства, составляющаго главнѣйшее основаніе нравственнаго воспитанія дѣтей".

Введеніе новыхъ программъ затруднялось и тѣмъ, что для платы учителямъ новыхъ предметовъ у нѣкоторыхъ заведеній не было средствъ, а въ другихъ, гдѣ до тѣхъ поръ учителя преподавали даромъ, въ свободные отъ служебныхъ занятій часы, теперь, при точномъ распредѣленіи учебныхъ часовъ въ институтахъ, учителя не могли взять на себя уроковъ, ибо тѣ же часы были у нихъ заняты въ главномъ мѣстѣ ихъ службы.

Какъ выяснилось изъ представленій мѣстныхъ Совѣтовъ, во многихъ губернскихъ институтахъ не только исторія, физика и естественная исторія преподавались на французскомъ языкѣ, но даже „общія понятія о словесности, сообщаемыя учителемъ русской словеснотти", повторялись воспитанницами на французскомъ языкѣ.

Совѣтъ бѣлостокскаго института, сообщая о сдѣланныхъ имъ, въ силу предоставленнаго мѣстному начальству права сокращать общее число учебныхъ часовъ для усиленія занятій воспитанницъ

[1]) Пятидесятилѣтіе. Примѣчаніе № 2.

искусствами, хозяйствомъ и рукодѣліями, измѣненіяхъ противъ нормальныхъ таблицъ комитета, говорилъ, что вмѣсто трехъ уроковъ французскаго языка, назначенныхъ комитетомъ, въ институтѣ лишь два; „недостатокъ третьяго урока,—писалъ Совѣтъ,— вознаграждается преподаваніемъ на французскомъ языкѣ географіи, естественной исторіи и физики". Совѣтъ полтавскаго института просилъ у главнаго Совѣта разрѣшенія прибавить къ назначенному нормальною таблицею одному уроку всеобщей исторіи, которая преподавалась на французскомъ языкѣ, и то только въ высшемъ классѣ, еще одинъ, говоря, что воспитанницы въ первый годъ еще не свободно владѣютъ французскимъ языкомъ. Этотъ лишній урокъ всеобщей исторіи, Совѣтъ предлагалъ отдѣлить отъ назначенныхъ въ таблицѣ двухъ уроковъ естественныхъ наукъ, потому что опытъ показалъ, что воспитанницы „и при одномъ урокѣ въ недѣлю успѣваютъ ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ главными началами этихъ предметовъ" [1]).

Главный Совѣтъ нашелъ, что не слѣдовало бы допускать преподаваніе всемірной исторіи на французскомъ языкѣ, ибо „историческія истины сколько съ одной стороны даютъ направленіе образу мыслей, столько, и въ особенности, дѣйствуютъ на сердце и характеръ, а слѣдовательно, непремѣнно должны быть сообщаемы на отечественномъ языкѣ". Но въ виду того, что преподаваніе всемірной исторіи на французскомъ языкѣ было введено по необходимости и что опытъ оказался удачнымъ, главный Совѣтъ разрѣшилъ оставить все попрежнему въ видѣ исключенія, „по благонадежности учителя", который хорошъ и учитъ двадцать лѣтъ, а также потому, что воспитанницы „и при слушаніи уроковъ всемірной исторіи на французскомъ языкѣ свободно объясняются объ историческихъ предметахъ на языкѣ отечественномъ" [2]).

Въ Екатерининскомъ (петербургскомъ) училищѣ алгебра преподавалась до 1845 года на нѣмецкомъ языкѣ, потому что учитель не зналъ другого; въ Обществѣ на этомъ языкѣ преподавалась географія; въ Павловскомъ институтѣ „свѣдѣнія изъ географіи" и въ 1849 году сообщались воспитанницамъ на обоихъ иностранныхъ языкахъ. Въ московскомъ сиротскомъ институтѣ были особые уроки „французской конверсаціи", одобренные главнымъ Совѣтомъ потому, что „для приготовленія въ гувернантки нужно знать французскій языкъ въ высшей степени" [3]).

[1]) Журн. гл. Сов. 1845 г.

[2]) Журн. гл. Сов. 1846 г.

[3]) Журналы гл. Сов. 1847 г.

Несмотря на выраженное, въ 1845 году, государемъ мнѣніе по поводу предложенія Вовлярлярскаго, вредный обычай преподавать нѣкоторые предметы на иностранныхъ языкахъ держался въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ пятидесятыхъ годахъ; въ Обществѣ, въ началѣ этихъ годовъ, преподавали на французскомъ языкѣ французскую словесность и физику, а на нѣмецкомъ всеобщую географію и исторію, хотя преподавалъ ее русскій инспекторъ классовъ, Тимаевъ.

Понятно, что воспитанницы заучивали эти уроки наизусть, слово въ слово, по запискамъ учителя или по книгѣ, а суть предмета отъ нихъ ускользала и такое заучиванье не могло имѣть вліянія на ихъ развитіе.

Собственно на ученіе приходилось въ институтахъ всего пять мѣсяцевъ въ году, съ августа по январь, да и то съ перерывами. Въ январѣ начинались репетиціи и продолжались до Пасхи. Публичные экзамены производились не по всѣмъ предметамъ, а изъ заранѣе опредѣленнаго круга ихъ, въ томъ числѣ непремѣнно изъ декламаціи на иностранныхъ языкахъ.

Успѣшному ученію мѣшала и многочисленность воспитанницъ въ классахъ. На это обратилъ, еще въ 1842 году, вниманіе комитетъ по учебной части, существовавшій тогда при двухъ столичныхъ институтахъ: Смольномъ и Екатерининскомъ. Въ составъ его входили: принцъ П. Г. Ольденбургскій, начальницы, графъ Уваровъ и статсъ-секретарь Гофманъ. Въ старшемъ классѣ петербургскаго Александровскаго училища было 170 воспитанницъ, распредѣлявшихся во время уроковъ по тремъ отдѣленіямъ. Видя въ этомъ обиліи воспитанницъ свидѣтельство о довѣріи родителей къ училищу, комитетъ постановилъ прибавить еще одно, четвертое, отдѣленіе и по этому поводу высказалъ свой взглядъ на ученіе въ институтахъ. „При всѣхъ усиліяхъ, искусствѣ и знаніи дѣла, учитель,—сказано въ протоколѣ комитета отъ 25 ноября 1842 года, —не можетъ слѣдить за успѣхомъ каждой воспитанницы... нельзя предположить равенства успѣховъ... разность лѣтъ и способностей въ столь многочисленныхъ отдѣленіяхъ неизбѣжны". Все это вредитъ успѣхамъ и „если мы видимъ при испытаніяхъ блистательные, часто изумительные успѣхи, то это доказываетъ только то, до чего воспитательницы и наставники могли довести своихъ избранныхъ питомицъ. Наука, если мы ждемъ отъ нея пользы, какъ бы мы ее ни сокращали, должна остаться наукою, систематическимъ цѣлымъ. Она требуетъ зрѣлости ума, постояннаго вниманія и даже не-дѣтскаго возраста. При многочисленности въ классѣ все это перепутано неравенствомъ и наука не можетъ проник-

нуть массу разноообразную, разносильную, разновозрастную. Благодѣтельное вліяніе воспитанія распространяется неравномѣрно на каждую воспитанницу... При послѣднемъ экзаменѣ въ кофейномъ классѣ оказалась половина хорошихъ и половина посредственныхъ и слабыхъ. Поэтому въ бѣломъ, когда науки будутъ преподаваемы въ бо̀льшемъ объемѣ и съ бо̀льшею точностью, результатъ будетъ еще менѣе удовлетворителенъ. Вотъ какая перспектива открывается въ будущемъ".

Недостатокъ въ учебныхъ руководствахъ, учебныхъ пособіяхъ и книгахъ для чтенія былъ такъ великъ, особенно въ губернскихъ институтахъ, что когда въ 1845 году начальница кіевскаго института и членъ Совѣта по учебной части нашли нужнымъ выписать журналъ „Звѣздочка" въ двухъ экземплярахъ, то объ этомъ предсѣдатель Совѣта, генералъ-губернаторъ Бибиковъ, долженъ былъ просить разрѣшенія у главнаго Совѣта и по этому поводу велась цѣлая переписка.

Учителя составляли по своимъ предметамъ руководства. Учитель Буссе, напечатавшій въ 1833 году „Ариѳметическія записки для дѣвицъ", представляя книгу въ учебный комитетъ 1845 года, спрашивалъ: „сообразна ли моя книга съ общими идеями образованія дѣвицъ и не можетъ ли служить руководствомъ во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ"? Предсѣдатель комитета, П. Фусъ, разсматривавшій книгу, писалъ о ней: „авторъ самъ назвалъ ее записками для дѣвицъ; слѣдовательно, нельзя отъ нея требовать ни полной системы учебнаго руководства, ни строгой послѣдовательности въ выводахъ. И дѣйствительно, въ ней такія несообразности и недостатки, которыхъ въ учебникахъ допускать нельзя" [1]). Объ этой же книгѣ инспекторъ классовъ Общества, Тимаевъ, въ 1852 году отозвался какъ о слишкомъ „трудной для дѣвицъ". Ректоръ харьковскаго университета Артемовскій-Гулакъ, представляя въ главный Совѣтъ книгу профессора Лапшина: „Бесѣды о различныхъ физическихъ явленіяхъ", просилъ разрѣшенія напечатать ее на казенный счетъ, указывая при этомъ на „неудобство преподавать физику дѣвицамъ отъ неимѣнія соотвѣтственнаго ихъ полу и возрасту печатнаго руководства". До тѣхъ поръ физика преподавалась въ харьковскомъ институтѣ по руководству, напечатанному въ 1829 году для морского кадетскаго корпуса; тамъ, по словамъ Гулака, совсѣмъ не было статьи объ электричествѣ.

Учебный комитетъ не нашелъ возможнымъ печатать книгу

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1845 г.

Лапшина, гдѣ, по замѣчанію Фуса, „шуточные обороты и остроумныя прибаутки... Если,—писалъ Фусъ,—и не слѣдуетъ пугать дѣвицъ строгими и сухими системами, то все же въ руководствѣ система должна до нѣкоторой степени быть на виду, чтобы, по крайней мѣрѣ, по окончаніи курса, учащіяся могли легко обозрѣть связь пройденныхъ свѣдѣній" [1]).

Въ числѣ одобренныхъ въ этотъ періодъ времени, до 1855 года, учебнымъ комитетомъ книгъ и руководствъ для женскихъ учебныхъ заведеній, были: разсмотрѣнныя по повелѣнію императрицы: *Ярцовой.* Параша, дочь сельскаго священника, Théatre des demoiselles par m-me B. (Буагутье-Буатузе), которая получила отъ императрицы и подарокъ, „Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы по Россіи въ 1845 году" *Шишкиной.* Комитетъ нашелъ эту книгу написанною „простымъ слогомъ и одушевленною возвышенными чувствами—благоговѣнія къ Творцу, преданности къ престолу и пламенной любви ко всему русскому"; „Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ" изданіе бывшаго воспитанника Павловскаго кадетскаго корпуса Фридебурга, полное собраніе сочиненій Жуковскаго.

Самимъ комитетомъ одобрены: хрестоматія Галахова, однимъ изъ достоинствъ которой комитетъ призналъ то, что „авторъ руководствовался однимъ образованнымъ вкусомъ и опытностью, а не пристрастіемъ и духомъ партій, раздѣляющихъ нынѣ (въ 1845 году) нашу литературу", карта восточной части древняго міра *Зуева*, журналъ Чистякова, журналъ „Гирлянда", издаваемый Плюшаромъ, „постепенныя бесѣды о различныхъ предметахъ для употребленія въ пансіонахъ благородныхъ дѣвицъ" *Де-Планъи*, „Entretiens des jeunes personnes par Sophie Baltus, „Мысли и повѣсти, посвященныя юношеству" *М. Корсини*, бывшей институтки. Эту книгу комитетъ одобрилъ къ чтенію воспитанницъ „за благородную цѣль—указать дѣтямъ счастье въ добродѣтели", но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что слогъ автора не простъ и что авторъ употребляетъ риторическія украшенія. Поэтому комитетъ допустилъ сочиненіе Корсини только для чтенія съ учителемъ русскаго языка въ среднемъ и старшемъ возрастахъ женскихъ заведеній 1-го и 2-го разрядовъ.

Одобряемые комитетомъ курсы, представлявшіеся ему учителями женскихъ учебныхъ заведеній въ рукописи, иногда печатались на счетъ суммъ вѣдомства съ вознагражденіемъ автора за извѣстное число экземпляровъ [2]).

[1]) Дѣла гл. Сов. 1848 г.

[2]) Въ 1848 году состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ назначаемыя въ

Въ 1852 году главный Совѣтъ постановилъ составить „съ большою осмотрительностью“ нормальные каталоги книгъ на трехъ языкахъ для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а императрица велѣла, чтобы составленные въ главномъ Совѣтѣ каталоги были переданы на предварительное соображеніе графа Уварова, затѣмъ вновь разсмотрѣны въ главномъ Совѣтѣ и только потомъ представлены на Высочайшее утвержденіе [1]). Но послѣ осмотра въ слѣдующемъ году нѣкоторыхъ губернскихъ институтовъ, статсъ-секретарь Гофманъ представилъ государю докладъ о томъ, что въ этихъ институтахъ воспитанницы сами составляютъ со словъ учителя записки, ибо почти нигдѣ нѣтъ печатныхъ руководствъ „вполнѣ примѣненныхъ къ потребностямъ женскаго воспитанія“. Только въ немногихъ институтахъ были, по словамъ Гофмана, необходимыя пособія для нагляднаго обученія: глобусы, ландкарты, важнѣйшіе инструменты для объясненія явленій природы, изображенія животныхъ и пр., „которыя особенно нужны— писалъ Гофманъ въ отчетѣ—потому, что, оставаясь постоянно въ институтѣ, дѣвицы не видятъ часто и самыхъ обыкновенныхъ предметовъ“. На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „весьма дѣльно: хорошо бы всѣ эти предметы литографировать и разослать“ [2]).

Тогда учебнымъ комитетомъ были истребованы отъ инспекторовъ классовъ какъ столичныхъ, такъ и губернскихъ институтовъ, списки употреблявшихся въ нихъ учебныхъ руководствъ. При разсмотрѣніи ихъ учебный комитетъ нашелъ, что между ними нѣкоторыя, напр., по теоріи русской словесности и всемірной исторіи, до такой степени не отвѣчаютъ требованіямъ программъ женскихъ учебныхъ заведеній, что примѣненіе этихъ руководствъ затруднило бы и учителей и учащихся. По естественной исторіи и педагогикѣ совсѣмъ не было на русскомъ языкѣ руководства, которое, по мнѣнію комитета, „соотвѣтствовало бы требованіямъ образованія дѣвицъ“.

Въ 1854 году комитетъ заявилъ главному Совѣту, что по всѣмъ предметамъ общаго курса, кромѣ теоріи русской словесности, всемірной исторіи и курса „о произведеніяхъ природы“,

---

руководство литографированныя записки разрѣшались не иначе, какъ съ обозначеніемъ на листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи съ полною отвѣтственностью за ихъ содержаніе; такія лекціи, наравнѣ со всѣми печатными произведеніями, должны были доставляться въ публичную библіотеку.

[1]) Журн. гл. Сов. 1852.

[2]) Дѣла г. Сов. 1854 г.

онъ можетъ указать руководства. Но для спеціальнаго курса чувствуется, по словамъ комитета, ощутительный недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ, необходимы „географическія и историческія карты, глобусы, планетаріи, изображенія разныхъ предметовъ природы, промышленности, искусствъ, коллекціи растеній, минераловъ, физическій кабинетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ призналъ необходимымъ устроить при институтахъ библіотеки, которыхъ у бо̀льшей части ихъ совсѣмъ не было. „Такъ какъ въ число учебныхъ пособій и книгъ для чтенія самими дѣвицами, нельзя — писалъ комитетъ—включить многихъ классическихъ произведеній и важнѣйшихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, частью по особымъ условіямъ женскаго воспитанія, частью по обширности изданій и дороговизнѣ ихъ“, то слѣдуетъ составить особый отдѣлъ книгъ, отрывки изъ которыхъ читались бы преподавателями въ классахъ и внѣ ихъ классными дамами, по назначенію инспектора.

Главный Совѣтъ согласился съ этими предложеніями и постановилъ купить для заведеній первыхъ двухъ разрядовъ коллекціи изображеній и костюмовъ разныхъ племенъ нашего отечества, также изображеній царства животнаго, изданныхъ художниковъ Гейзеромъ [1]).

Съ 1847 года были открыты Высочайше утвержденные еще въ 1845 году, по проэкту комитета подъ предсѣдательствомъ принца, спеціальные педагогическіе классы при Александровскихъ училищахъ. Въ петербургскомъ полагалось 32 воспитанницы этихъ классовъ, а въ московскомъ 24. Въ число первыхъ назначались: 10 пепиньерокъ Общества, 7 Александровскаго училища и 15 окончившихъ полный курсъ „изъ лучшихъ по способностямъ, прилежанію, благонравію“ воспитанницъ этого же училища. Въ московскіе классы должны были поступать: 4 пепиньерки, 20 преимущественно штатныхъ воспитанницъ училища, но могли быть и изъ своекоштныхъ. Непремѣннымъ условіемъ поступленія въ спеціальные классы было поставлено собственное желаніе воспитанницы, также согласіе родителей или имѣющихъ на нее право, лицъ.

Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться два года; въ его составъ входили: законъ Божій не въ видѣ уроковъ, а въ видѣ „назидательныхъ бесѣдъ о важнѣйшихъ предметахъ христіанскаго ученія“ [2]), русская, французская и нѣмецкая словесность, исторія

---

[1]) Журналы гл. Сов. 1854 г.

[2]) *Лядовъ*, стр. 51.

и географія съ статистическими дополненіями, нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, педагогика и дидактика теоретически и практически, рисованіе, музыка. На словесность двухъ иностранныхъ языковъ и педагогику было опредѣлено по три часа въ недѣлю на каждый предметъ; на остальные предметы—по одному уроку; физика должна была преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ, а естественная исторія—на французскомъ. „Эти предметы—говоритъ Лядовъ—были включены въ программу не вслѣдствіе убѣжденія въ ихъ важности, а скорѣе для бо̀льшей практики на иностранныхъ языкахъ“ [1]). Въ 1850 году, послѣ перваго выпуска изъ спеціальнаго класса, программа его была измѣнена и вмѣсто двухъ уроковъ исторіи и географіи назначенъ былъ одинъ на оба предмета; взамѣнъ другого урока предписано было преподавать ариѳметику и начальныя основанія геометріи. Изъ 36-ти учебныхъ часовъ въ недѣлю, 18-ть должны были посвящаться практическимъ занятіямъ воспитанницъ спеціальнаго класса съ ученицами младшихъ классовъ. По окончаніи курса и выдержаніи экзамена изъ всѣхъ предметовъ, причемъ особенное вниманіе должно было обращаться на педагогику, воспитанница получала дипломъ на право преподаванія, безъ особаго свидѣтельства отъ университета, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ казенныхъ заведеніяхъ, также на пенсію изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, причемъ обязательный для каждой домашней учительницы взносъ 12-ти рублей на составленіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія капитала для пенсій и пособій домашнимъ учителямъ и учительницамъ, главный Совѣтъ отнесъ на счетъ остатковъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе спеціальныхъ классовъ. Выпущенныя изъ этихъ классовъ воспитанницы-сироты были поставлены подъ покровительство мѣстныхъ Совѣтовъ наравнѣ съ воспитанницами сиротскихъ институтовъ.

Въ 1854 году число желавшихъ поступить въ спеціальные классы Общества было такъ велико, что пришлось многимъ отказать, а въ число пепиньерокъ едва набрался комплектъ въ 12 воспитанницъ [2]). Въ московскомъ спеціальномъ классѣ, напротивъ, число желающихъ туда поступить уменьшилось; въ 1850 году ихъ было 24, а въ 1853 году всего 14 [3]).

Педагогика и дидактика, а также естественныя науки, пре-

---

1) *Лядовъ*, стр. 51, выноска.

2) Докладъ инспектора классовъ учебному комитету при выпускѣ 18-го пріема въ 1854 году.

3) Истор. зап. о моск. училищахъ, стр. 191.

подавались и въ Павловскомъ институтѣ, курсъ котораго съ 1850 года отличался отъ курса другихъ институтовъ тѣмъ, что, состоя во второмъ разрядѣ, онъ раздѣлялся на семь годичныхъ классовъ, изъ которыхъ послѣдній, седьмой классъ, имѣлъ спеціальное назначеніе — приготовлять въ наставницы и давать окончившимъ его воспитанницамъ право на званіе домашнихъ наставницъ.

Одновременно съ преобразованіемъ учебной части въ женскихъ заведеніяхъ, были преобразованы и классы при сиротскихъ институтахъ. До 1843 года курсъ этихъ институтовъ продолжался 17 лѣтъ. Въ этомъ году онъ былъ сокращенъ до 13-ти; были классы: кандидатокъ, приготовительный или опытный, музыкальный и рукодѣльный. Главное вниманіе при обученіи воспитанницъ было обращено на изученіе языковъ на томъ основаніи, что знаніе ихъ прежде всего требуется родителями отъ гувернантки. Въ этихъ видахъ воспитанницамъ сиротскихъ институтовъ преподавали исторію, даже русскую, географію, физику и естественныя науки на иностранныхъ языкахъ; на педагогическое образованіе былъ опредѣленъ всего одинъ годъ въ классѣ кандидатокъ, гдѣ повторялся и обобщался весь пройденный курсъ въ „энциклопедическихъ“ урокахъ. Въ 1847 году къ учебнымъ предметамъ въ классѣ кандидатокъ было прибавлено преподаваніе педагогики и дидактики. Выпускныхъ кандидатокъ, до помѣщенія ихъ на мѣста, посылали въ разные институты на два или три мѣсяца для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи.

Въ 1849 году былъ учрежденъ еще гимнастическій классъ, воспитанницамъ котораго, набиравшимся изъ менѣе способныхъ къ дальнѣйшему образованію, преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, еще „необходимыя свѣдѣнія изъ анатоміи“, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ; это призналъ нужнымъ учебный комитетъ въ виду того, что эти воспитанницы предназначались и учительницами танцевъ.

Курсы въ двухъ сиротскихъ институтахъ были неодинаковы; въ 1851 году, по желанію императрицы, было приступлено къ ихъ уравненію по образцу московскаго. Новый планъ ученія для петербургскаго сиротскаго института былъ, по порученію главнаго Совѣта, составленъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ, графомъ М. Віельгорскимъ. Планъ былъ утвержденъ въ 1851.

По новому плану курсъ петербургскаго сиротскаго института раздѣлялся на 4 отдѣла: малолѣтній, куда поступали дѣти моложе 10-ти лѣтъ, приготовительный, общій и спеціальный—педагогиче-

скій. По окончаніи четырехлѣтняго курса въ приготовительномъ классѣ, неспособныя къ дальнѣйшему образованію воспитанницы переводились въ Александринскій сиротскій домъ [1]) въ классъ для образованія надзирательницъ за маленькими дѣтьми или рукодѣльный, или классъ гимнастики и танцевъ. Способныя, но „не подающія надежды на способность къ высшему общему и спеціальному курсу въ полномъ объемѣ“ помѣщались въ низшее отдѣленіе общаго курса, для приготовленія въ домашнія учительницы; имъ, въ трехъ постепенныхъ классахъ, преподавались предметы въ сокращенномъ объемѣ, а въ высшемъ, четвертомъ, и главныя понятія по педагогикѣ практически и теоретически; лучшія помѣщались въ высшее отдѣленіе общаго курса для приготовленія въ кандидатки. Тамъ, втеченіи четырехъ лѣтъ, имъ преподавали учебные предметы по программѣ Общества, а въ два послѣдніе года — спеціально педагогическія науки также теоретически и практически, съ дополненіемъ прежняго курса ученія“ [2]).

На эстетическое образованіе воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній было обращаемо особенное вниманіе и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Декламація на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ, преподавалась не только въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ, но и въ сиротскихъ институтахъ, гдѣ до 1845 года на нее было назначено по 4½ часа въ недѣлю для каждаго изъ языковъ въ классѣ кандидатокъ и въ двухъ старшихъ классахъ общаго курса. По предложенію инспектора классовъ петербургскаго сиротскаго института, „основываясь на доказанной пользѣ сего предмета“, декламація на французскомъ языкѣ была введена и въ музыкальный классъ общаго курса; для разучиванія небольшихъ драматическихъ представленій, „которыхъ—сказано въ примѣчаніи къ учебной табели—теперь находится уже довольно во французской дѣтской литературѣ“ [3]) былъ отдѣленъ особый урокъ и въ среднемъ классѣ общаго курса.

Музыкѣ обучали во всѣхъ институтахъ первыхъ двухъ разрядовъ; наблюденіе за ея преподаваніемъ въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ было возложено на извѣстнаго піаниста и композитора Гензельта. Авторъ русскаго гимна „Боже Царя храни“ наблюдалъ, по приказанію императора Николая, за обученіемъ воспитанницъ этихъ двухъ заведеній хоровому церков-

---

[1]) Женская половина его присоединена въ 1847 году къ Воспитательному Дому.

[2]) Журн. гл. Сов. 1851 г.

[3]) Учебная табель, утвержденная 21 окт. 1842 г. для сир. инст. (50-тилѣтіе С.-Пет. Ник Сир. И.) Приложеніе.

ному пѣнію; Глинка самъ руководилъ репетиціями въ Екатерининскомъ училищѣ написаннаго имъ въ для выпуска 1841 года хора [1]). Воспитанницы не только Смольнаго и Екатерининскаго училища, но и сиротскихъ институтовъ, обучались, по повелѣнію императрицы, и итальянскому пѣнію, хотя оно не полагалось по программѣ комитета 1844 года для спеціальныхъ заведеній. Въ 1852 году предсѣдательствовавшій въ московскомъ отдѣленіи главнаго Совѣта, князь Трубецкой, предложилъ умножить число уроковъ музыки въ спеціальномъ классѣ московскаго Екатерининскаго училища съ семи часовъ въ недѣлю до 18-ми, и въ видахъ развитія музыкальныхъ способностей воспитанницъ, учредить классы сольфеджіо. Почетный опекунъ петербургскаго сиротскаго института, славившійся, также какъ и принцъ Ольденбургскій, любовью къ музыкѣ, составилъ планъ музыкальнаго образованія воспитанницъ, изъ среды которыхъ 15 по выбору учителя музыки, оставаясь въ учебныхъ классахъ, освобождались, согласно плану, отъ внѣклассныхъ занятій, чтобы удѣлять на музыкальныя упражненія по три часа въ день.

По проэкту графа Віельгорскаго, для уроковъ музыки въ спеціальномъ музыкальномъ классѣ должны были приглашаться первоклассные артисты. По окончаніи всего курса въ музыкальныхъ классахъ, воспитанницы, въ случаѣ неполученія казеннаго мѣста учительницы музыки въ одномъ изъ институтовъ вѣдомства, могли жить въ сиротскомъ институтѣ на полномъ содержаніи „не болѣе трехъ лѣтъ“ и затѣмъ, „снабженныя мебелью и фортепіано“ отпускались для самостоятельной жизни.

По § 4 проэкта графа Віельгорскаго общее обученіе воспитанницъ музыкальнаго класса подчинялось особо для этой цѣли назначенному инспектору музыки, состоящему подъ непосредственнымъ начальствомъ почетнаго опекуна и „дѣйствующему по своей части независимо отъ инспектора классовъ сиротскаго института“ [2]). Это не было одобрено учебнымъ комитетомъ, который высказалъ по этому поводу, что задача женскихъ учебныхъ заведеній заключается въ образованіи изъ воспитанницъ добрыхъ женъ, полезныхъ матерей, „соразмѣряя объемъ учебныхъ занятій съ состояніемъ учащихся и будущимъ ихъ назначеніемъ“, что эта задача очень трудная особенно въ спеціальныхъ заведеніяхъ, гдѣ приготовляются наставницы и воспитательницы высшаго и низшаго разряда, учительницы музыки, гимнастики и танцевъ. Воз-

---

[1]) Записки М. И. Глинки 1804—1854 г. Ч. III. (Р. Стар. 1870, окт.).

[2]) Проэктъ гр. Віельгорскаго 1853 г. (Дѣла гл. Совѣта).

ставая противъ специализированія себя воспитанницами, учебный комитетъ прибавилъ, что нельзя чтобы изъ одного желанія сдѣлаться кандидаткою, наставницею, или учительницею музыки, танцевъ и т. д., воспитанницы забывали о „высшемъ, первоначальномъ своемъ назначеніи — сдѣлаться христіанкою, русскою, вѣрноподданною своего Государя, доброю женою и полезною матерью“.

Предложенный въ проэктѣ, особый, курсъ эстетики, преподаваніе котораго возлагалось на инспектора музыки, тоже встрѣтилъ возраженіе со стороны учебнаго комитета, признавшаго такой курсъ не нужнымъ, какъ науки „неопредѣленной и не установившейся“, также какъ логика, риторика и статистика. Практическій курсъ эстетики, по мнѣнію комитета, начинается „съ первой минуты, когда воспитанницы почувствуютъ красоту или безобразіе какой-либо формы; онъ безпрерывно продолжается во все время ученія, присоединеннаго къ чтенію разбора образцовъ и стилистическихъ упражненій, и оканчивается подробнымъ обзоромъ всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи и прозы, а практически — заготовленными объясненіями главнѣйшихъ законовъ и правилъ для каждой изъ этихъ многоразличныхъ формъ... Преподаватель эстетики — писалъ комитетъ — обращаясь къ молодымъ людямъ мало видѣвшимъ и слышавшимъ, и еще менѣе производившимъ, выдастъ имъ за истинное много произвольнаго, много формъ безъ содержанія, много словъ безъ настоящаго значенія, и если то, что онъ говоритъ, не ложно, то въ настоящую минуту и самая истина превращается въ ложь ибо выдается преждевременно, повторяется со словъ учителя безъ сознанія и убѣжденія, заключаетъ въ себѣ готовую формулу для выраженія неготоваго, неиспытаннаго чувства“. Поэтому комитетъ полагалъ назначить для музыкальнаго класса не инспектора музыки, а наблюдателя, который стоялъ бы подъ непосредственнымъ начальствомъ инспектора классовъ и вообще держаться всегда существовавшаго въ сиротскомъ институтѣ правила, по которому ни одна воспитанница не должна выходить изъ института учительницею музыки не выходя, вмѣстѣ съ тѣмъ, или кандидаткою или домашнею учительницею. Внутреннее значеніе институтскаго воспитанія комитетъ видѣлъ въ приготовленіи не специальныхъ, какого бы то ни было рода, учительницъ; „настоящую цѣну имѣетъ только то специальное образованіе—говорилъ онъ,—которое зиждется и укрѣпляется на твердомъ основаніи общаго“; выше чѣмъ быть учительницею музыки—быть орудіемъ всего образованія ввѣряемыхъ дѣтей, а еще выше — исполнить „общее назначеніе всѣхъ, безъ

изъятія, воспитанницъ Государыни, вынести изъ Института полную мѣру того умственнаго, нравственнаго и религіознаго образованія, которое одно дѣлаетъ добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ“ [1]).

Въ своемъ проэктѣ музыкальнаго класса, комитетъ предлагалъ помѣщать туда ученицъ не по выбору учителя музыки, а неспособныхъ къ наукамъ и имѣющимъ музыкальныя способности съ тѣмъ, чтобы эти воспитанницы занимались музыкою въ свободное время; главное же, чтобы онѣ прошли весь курсъ наукъ, который для нихъ долженъ быть короче, чѣмъ для другихъ воспитанницъ.

Проэктъ музыкальнаго класса былъ Высочайше утвержденъ 11 августа 1854 года [2]). Комплектъ ученицъ былъ ограниченъ шестнадцатью, которыя въ теченіе восьми лѣтъ должны были обучаться предметамъ общаго преподаванія: закону Божью, ариѳметикѣ, педагогикѣ, чистописанію, рисованію, танцамъ, церковному и свѣтскому пѣнію; и, кромѣ того, предметамъ отдѣльнаго, въ музыкальномъ классѣ, преподаванія.

Согласно примѣчанію главнаго Совѣта къ нормальной таблицѣ, составленной учебнымъ комитетомъ въ 1845 году, мѣстнымъ начальствамъ было предоставлено право сокращать общее число учебныхъ часовъ для усиленія занятій искусствами и рукодѣліями; на эти занятія, также, со времени учрежденія образцовыхъ кухонь при всѣхъ почти институтахъ, на занятія хозяйствомъ, отводилось вездѣ много времени.

Совѣтъ бѣлостокскаго института писалъ въ главный Совѣтъ, что онъ встрѣчаетъ затрудненіе отдѣлить назначенное нормальною таблицею время для занятій воспитанницъ рукодѣліемъ и прибавлялъ, что родители „наиболѣе заботятся о томъ, чтобы ихъ дочери успѣвали въ наукахъ и языкахъ, музыкѣ и другихъ искусствахъ“, что занятія рукодѣліемъ они считаютъ занятіемъ придаточнымъ, которое можно усовершенствовать дома. Главный Совѣтъ согласился увеличить число часовъ, свободныхъ отъ ученія, на занятія музыкою, а рукодѣлія усилить во время лѣтнихъ каникулъ.

Вообще, въ подобныхъ случаяхъ, главный Совѣтъ обыкновенно высказывался за то, чтобы занятія рукодѣліемъ не назначались въ ущербъ учебнымъ занятіямъ воспитанницъ.

Въ 1852 году, по повелѣнію императрицы, были отмѣнены

---

[1]) Дѣла гл. Сов. 1853 г.

[2]) Монографія, стр. 383.

во всѣхъ институтахъ дорогія и роскошныя работы воспитанницъ для поднесенія ей, а также для выставки на экзаменахъ при выпускѣ; взамѣнъ этого, было усилено обученіе шитью и кройкѣ бѣлья и платьевъ.

Еще въ 1845 году, когда въ учебномъ комитетѣ составлялись програмы для женскихъ учебныхъ заведеній, членъ главнаго Совѣта, Я. Ростовцевъ, представилъ програмы военно-учебныхъ заведеній „въ мысли, что онѣ могутъ служить пособіемъ къ составленію подробныхъ учебныхъ плановъ наукъ и языковъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ". Програмы учебнаго комитета были напечатаны для разсмотрѣнія ихъ каждымъ, порознь, членомъ Совѣта въ 1849 году и въ 1851-мъ внесены въ главный Совѣтъ, причемъ принцъ Ольденбургскій сообщилъ свои замѣчанія на программы всеобщей исторіи, а Ростовцевъ высказалъ мнѣніе о необходимости составить, кромѣ программъ, общее наставленіе о духѣ и методѣ преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По возвращеніи, въ томъ же году, принца изъ поѣздки на югъ Россіи, гдѣ онъ осматривалъ институты: кіевскій, одесскій, керченскій, полтавскій и харьковскій, онъ остался недоволенъ ихъ учебною частью, о чемъ и доложилъ государю. Въ своемъ докладѣ принцъ просилъ государя поручить ему составленіе программъ для женскихъ заведеній, такъ какъ составленныя учебнымъ комитетомъ программы, признаны главнымъ Совѣтомъ неудовлетворительными. При этомъ принцъ просилъ государя разрѣшить ему руководствоваться при составленіи программъ женскихъ заведеній программами военно-учебныхъ заведеній „примѣнительно къ женскимъ заведеніямъ" [1]). На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „считаю очень полезнымъ" и тогда принцъ былъ назначенъ предсѣдателемъ учебнаго комитета.

Приступая къ принятому на себя труду, принцъ прежде всего составилъ „Наставленіе для образованія воспитанницъ"; въ немъ онъ изложилъ общія начала воспитанія и образованія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и 22 февраля 1852 года представилъ на утвержденіе государя проэктъ „Наставленія", предпославъ ему объясненіе, въ которомъ говорилъ: „когда Вашему Императорскому Величеству благоугодно было назначить меня предсѣдателемъ Учебнаго комитета, занимающагося составленіемъ программъ для Женскихъ Учебныхъ заведеній, то я почелъ первѣйшею необходимостью сперва начертать наставленіе для образо-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 176.

ванія воспитанницъ по примѣру, которое издано для Военно-учебныхъ заведеній, дабы опредѣлить съ точностью тѣ начала, на которыхъ образованіе воспитанницъ должно быть основано. Окончивъ теперь сію работу, въ которой, по крайнему разумѣнію, старался изложить чувства, долженствующія оживлять каждаго, призваннаго, по Высочайшему довѣрію Вашего Величества и Государыни Императрицы, чтобы участвовать въ священномъ дѣлѣ воспитанія, осмѣливаюсь повергнуть составленный мною проэктъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе".

На этомъ представленіи государь написалъ: „Прекрасно; и душевно благодарю за полезный трудъ" [1]).

Главный Совѣтъ и учебный комитетъ одобрили „Наставленіе", найдя, что оно „содержитъ въ себѣ общія начала умственнаго образованія дѣвицъ, изложенныя сообразно съ существенными потребностями женскаго воспитанія... О каждомъ учебномъ предметѣ и искусствѣ въ особенности показано: въ какомъ духѣ и объемѣ они должны быть преподаваемы для достиженія цѣли" [2]).

Составленное начальникомъ штаба Я. Ростовцевымъ „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній" было одобрено государемъ въ 1848 году. Въ немъ, по замѣчанію А. Галахова, „замѣтно отразилось вліяніе внѣшнихъ политическихъ событій на понятія и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя завѣдывали образованіемъ юношества. Эти понятія, будучи перенесены въ область педагогики, не имѣвшей съ ними ничего общаго, могли потребовать такого изложенія науки, которое очутилось бы въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительными ея фактами, съ истинною ея сущностью" [3]).

Грановскій, по словамъ А. Галахова, открыто говорилъ объ инструкціи для преподаванія исторіи, что по этой инструкціи нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства. „Ученіе отрицало бы современное значеніе и достоинство историческаго знанія".

Въ „Наставленіи" Я. Ростовцева цѣлью воспитанія будущихъ воиновъ поставлено требованіе отъ воспитанниковъ слѣдующихъ качествъ: „христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, надежный товарищъ, добрый сынъ, скромный и образцовый юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ"... Съ этими качествами воспитанникъ „долженъ переходить со школьной скамьи

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 177.

[2]) Засѣд. 23 февр. 1852 г. (Журналы гл. Сов.).

[3]) Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ. 1850—1858 гг. Воспоминанія А. Галахова. (Р. Стар. 1879 г., февраль).

въ ряды императорской арміи, съ чистымъ желаніемъ отплатить государю за его благодѣянія честною службой, честною жизнью и честною смертью" [1]).

„Наставленіе" принца было утверждено императрицею 27 февраля 1852 года.

Въ немъ также отразилось вліяніе тогдашняго времени и взгляды, изложенные въ „Наставленіи" Я. Ростовцева. Въ основу „Наставленія" принца положены слова, написанныя государемъ на журналѣ 26-го іюня 1844 года комитета для пересмотра уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній: „образованіе добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ есть главная цѣль сихъ заведеній". Но воспитанію дѣвицъ поставлена въ „Наставленіи" двоякая цѣль. 1) Воспитанница учится сама для себя, какъ будущій членъ общества и 2) она учится для того, чтобы впослѣдствіи могла быть наставницею дѣтей своихъ или тѣхъ, которыхъ она призвана будетъ обучать [2]).

Главная же цѣль воспитанія — сказано далѣе — должна быть религіозно-нравственная. „Женщина должна быть воспитана съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ той мысли, что вѣрованіе въ Бога и преданность къ откровенной намъ Вѣрѣ Воплощеннаго Сына Его и къ святой Церкви, суть единственное средство для спасенія души отъ всѣхъ соблазновъ земного бытія, для достиженія счастья въ сей и блаженства въ будущей жизни, и что однимъ лишь симъ путемъ можно сдѣлаться хорошею дочерью, полезнымъ членомъ семейства и общества и вѣрноподданною, готовою безукоризненностію всей жизни возблагодарить Государя и Государыню за всѣ оказанныя ей благодѣянія и передавать дѣтямъ, съ самаго лепетанія младенца, правила благочестія, добродѣтели и непоколебимой преданности къ Престолу и Отечеству".

Главное назначеніе женщины, сказано въ „Наставленіи", есть семейство; „женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою быть въ зависимости отъ другихъ, должна знать, что ей суждено не повелѣвать, а покоряться мужу, и что строгимъ лишь исполненіемъ обязанностей семейныхъ она упрочитъ свое счастіе и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе, какъ въ кругу семейномъ, такъ и внѣ онаго".

Въ виду того, что воспитанницы, поступая въ заведеніе десяти—двѣнадцати лѣтъ, кончаютъ свое ученіе „иногда 16-тилѣтними и даже моложе", и что поэтому курсъ преподаванія въ

[1]) *К. Л.* Военноучебныя заведенія въ Россіи. (Истор. Вѣстн. 1880 г., май).

[2]) Пятидес. Примѣчаніе № 6. „Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній".

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть сжатъ, но образованіе ими даваемое „основательно, самосознательно, съ избѣжаніемъ всего излишняго, поверхностнаго“, „Наставленіе“ предписываетъ слѣдующія общія правила: 1) Избѣгать всего, что могло бы оскорблять скромность пола и возраста и что было бы противно понятію о нравственности. 2) Не увлекаться умозрительными теоріями, а примѣняться къ возрасту и понятіямъ дѣвицъ, излагая все преподаваемое кратко, ясно и занимательно. 3) Развивать у воспитанницъ болѣе силы нравственныя и умственныя, чѣмъ обременять одну память излишними подробностями. 4) Стараться возбуждать въ воспитанницахъ любовь къ наукамъ, такъ, чтобы онѣ, по выходѣ изъ заведеній, могли усовершенствовать себя далѣе и безъ помощи посторонней. 5) Строго держаться данныхъ наставленій и программъ, соразмѣряя распредѣленіе курса съ числомъ уроковъ. 6) Не заниматься одвѣми лишь воспитанницами даровитыми, пренебрегая неимѣющими способностей, но стараться подвигать всѣхъ, по возможности, ровно. 7) Никогда не требовать болѣе, чѣмъ дѣвицы, по силамъ, возрасту и назначенному для занятій времени, восполнить могутъ. 8) При должной твердости, соблюдать всегда вѣжливость; не наскучать воспитанницамъ педантизмомъ и суровостью; ибо личное расположеніе учащихся къ преподавателю имѣетъ вліяніе на успѣхъ предмета.

Особенное вниманіе „Наставленіе“ предписывало обращать на русскій языкъ (это постановлено и въ „Наставленіи“ Ростовцева). „Къ сожалѣнію—говоритъ принцъ—правильное изученіе его, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, досслѣ еще недостаточно развито“; поэтому надо стараться, чтобы „будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности“.

При преподаваніи иностранной словесности, предписывалось „избѣгать излишнихъ подробностей, какъ біографическихъ, такъ и реторическихъ, и особенно всего того, что можетъ оскорблять приличіе; такъ напримѣръ въ исторіи древней словесности не упоминать даже объ Анакреонтической поэзіи“.

На урокахъ географіи, при описаніи каждой страны, слѣдовало говорить и о жителяхъ, произведеніяхъ почвы, промышленности, климатѣ и образѣ правленія „упоминая о семъ послѣднемъ предметѣ какъ можно короче“.

Изъ естественныхъ наукъ должны были преподаваться: физика, ибо „объясненіе главныхъ явленій природы необходимо для

всякаго образованнаго человѣка“, также для искорененія вредныхъ предразсудковъ, для хозяйства и домашняго быта, „довольствуясь объясненіемъ употребительнѣйшихъ снарядовъ, какъ-то: термометра, барометра, колодцевъ, удобнѣйшаго устройства печей, очаговъ, что полезно по занятіямъ воспитанницъ въ образцовыхъ кухняхъ, и указаніемъ тѣхъ фактовъ и явленій, которые составляютъ необходимыя условія для жизни и здоровья, какъ напримѣръ: отчего въ комнатѣ, въ которой много людей и свѣчей, портится воздухъ и часто заводится сырость? которая часть жилища теплѣе и холоднѣе? отчего происходитъ угаръ?“ При преподаваніи физики, „Наставленіе“ предписывало объяснять и нѣкоторыя гигіеническія правила, также дать понятіе объ организмѣ человѣческаго тѣла, о дыханіи, обращеніи крови, пищевареніи „ибо будущая мать семейства тѣмъ можетъ сберегать не только собственное свое здоровье, но и здоровье дѣтей“. Кромѣ того, признано необходимымъ объяснять „все то, что касается до земледѣлія, главныхъ приономъ орудій, до упражненія домашняго хозяйства и приготовленія употребительнѣйшихъ предметовъ въ ономъ“. Ботаника, какъ „изъ всѣхъ естестественныхъ наукъ наиболѣе свойственная дѣвицамъ“ ибо онѣ „естественно должны любить и лелѣять то, что необходимо для жизни и въ особенности, при суровости нашего климата въ зимнее время, доставляетъ столь невинное утѣшеніе“, должна была преподаваться болѣе нагляднымъ, нежели теоретическимъ образомъ; зоологія—въ главныхъ очеркахъ и описывая преимущественно домашнихъ животныхъ, минералогія — лишь „понятія о раздѣленіи, признакахъ, свойствахъ и употребленіи тѣхъ предметовъ, сей наукѣ подлежащихъ, которые встрѣчаются въ общежитіи“.

Ариѳметика признается „Наставленіемъ“ необходимою наукою, гимнастикою для ума, „мѣриломъ точности и опредѣлительности понятій“; но она—сказано въ „Наставленіи“—часто преподается такъ сухо и безжизненно, „что невольнымъ образомъ вселяетъ въ воспитанницахъ отвращеніе“. Между тѣмъ „узнаніе четырехъ правилъ ариѳметики даже съ дробями весьма не трудно; для сего не нужно ни девятилѣтняго, ни даже шестилѣтняго курса“; но хорошій преподаватель можетъ развивать въ учащихся способность мыслить.

По поводу преподаванія исторіи „Наставленіе“ говоритъ, что „политическое“ назначеніе женщины состоитъ въ распространеніи области добра въ качествѣ супруги и матери и что „исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ“.

Преподаваніе исторіи, если руководствоваться „Наставленіемъ", должно было имѣть въ виду не изложеніе науки, а достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя всегда, и въ особенности въ то время, ставились образованію въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ предпосланномъ „Наставленію" введеніи сказано: „мудрое правительство постигло всю важность дѣла (женскаго образованія) и Самодержавная власть приняла Женскія Учебныя заведенія подъ непосредственное Свое покровительство, согрѣвая любовью отца и матери юныя сердца воспитанницъ въ той увѣренности, что хорошія жены и добрыя матери семействъ суть твердыя опоры Престола и благоденствія Государства. ...Любовь Царей къ женскимъ воспитательнымъ заведеніямъ нераздѣльна съ Престоломъ: она наслѣдственна въ царствующемъ родѣ; безпредѣльная же дѣтская любовь и преданность къ Вѣнценоснымъ, Богомъ дарованнымъ виновникамъ счастія ихъ, есть и будетъ навсегда удѣломъ заведеній и залогомъ ихъ счастья и преуспѣянія".

Преподавая исторію воспитанницамъ, учителямъ предписывалось „Наставленіемъ" указывать имъ на все высокое и прекрасное, „на ту неопровержимую истину, что безнравственность ведетъ къ разрушенію, что Провидѣніе наказываетъ преступленія, какъ индивидуальныя, такъ и цѣлыхъ народовъ, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ поколѣніи".

Древняя исторія должна была излагаться короче новѣйшей. „Ложный блескъ, въ которомъ представлялись древнія Республики, Римская и Греческая, долженъ—сказано въ „Наставленіи"—замѣниться точнымъ объясненіемъ положенія сихъ государствъ со всѣми ихъ неустройствами и несовершенствами, и поясненіями того, что Исторія именно служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости Монархическаго Правленія, къ которому, послѣ продолжительныхъ смутъ и безпорядковъ, всегда возвращались народы. Преподаватель не долженъ представлять высшихъ сословій въ Государствѣ, какъ-то: патриціевъ у Римлянъ, только гонителями низшихъ сословій или плебеевъ, ибо сіи послѣдніе, достигши высшихъ мѣстъ, нерѣдко дѣлались самыми неистовыми карателями аристократовъ и народа".

Въ виду того, что большинство институтовъ было назначено для воспитанія дворянскихъ дѣтей, „Наставленіе" предписывало указывать при преподаваніи исторіи „на важность значенія дворянства въ Россіи, назначеннаго для службы Государю и исключительно имѣющаго права владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть отцемъ, а помѣщица матерью. При этомъ слѣдовало „вообще

объяснять, что уравненіе всѣхъ сословій и состояній есть химера несбыточная—попытка разныхъ временъ и народовъ, имѣвшая всегда одни и тѣже плачевные результаты, и что проповѣдники мнимой свободы, подъ личиною благодѣтелей народа, дѣлались всегда то притѣснителями его, то жертвами своихъ лжеученій".

Примѣненныя къ „Наставленію" подробныя програмы по каждому предмету были внесены въ главный Совѣтъ въ 1853 году и имъ одобрены, но въ видѣ опыта на три года и съ тѣмъ, чтобы инспектора классовъ представили „подробное заключеніе какъ объ изложенной въ каждой программѣ общей методѣ преподаванія, такъ, и въ особенности, о тѣхъ перемѣнахъ, какія бы оказалось нужнымъ произвести" [1]). Къ каждой отдѣльной программѣ была приложена объяснительная записка и указаны учебныя руководства. По запискамъ учителя разрѣшалось преподавать лишь нѣкоторыя части закона Божья, именно: „объ обязанностяхъ христіанки".

Эта часть должна была преподаваться при изъясненіи заповѣдей. Такъ, при изъясненіи пятой заповѣди слѣдовало указывать „главныя обязанности благородныхъ дѣтей въ отношеніи къ Государю и отечеству", а седьмой—давать „понятіе о дѣвствѣ, достоинствахъ и обязанностяхъ дѣвства, о достоинствѣ супружескаго состоянія и обязанностяхъ супруговъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, качествахъ доброй жены, по ученію слова Божія". Объясняя „пять главныхъ обязанностей христіанина въ отношеніи къ тѣлу" въ запискахъ законоучителя должно было, между прочимъ, говориться объ обязанности возстановлять разстроенное здоровье и соблюдать внѣшнюю чистоту, а также высказано осужденіе излишнему попеченію объ убранствѣ" [2]). По программѣ преподаванія исторіи французской литературы, точно-историческое изученіе лучшихъ ея памятниковъ должно, по мнѣнію составителя программы, оканчиваться началомъ XII вѣка; фактическія свѣдѣнія изъ болѣе поздней, также изъ новой литературы, должны были почерпаться изъ хрестоматіи, путемъ чтенія образцовыхъ сочиненій, указаній и оцѣнокъ учителя [3]).

Цѣль преподаванія ариѳметики, на которую, какъ на предметъ второстепенный въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ назначенъ только одинъ урокъ въ недѣлю, ограничивалась обу-

[1]) Зас. гл. Сов. 19 февр. 1853 г.

[2]) Программа преподаванія закона Божія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. С.-Пет. 1857 г.

[3]) Програмы препод. иност. языковъ въ ж. уч. зав. С.-Пет. 1853 г.

ченіемъ воспитанницъ дѣйствіямъ надъ числами „которыя могутъ имѣть прямое приложеніе къ будущему ихъ назначенію". Поэтому изъ нея исключались, по программѣ „всѣ употребляемые въ ариѳметикѣ пріемы, правила и доказательства, кои не соотвѣтствуютъ сей цѣли". Весь математическій курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ былъ состоять изъ „выкладки надъ числами цѣлыми и дробными, какъ простыми такъ и именованными, включая сюда и тройныя правила съ присоединеніемъ наглядныхъ понятій о трехъ родахъ протяженностей" [1]).

При изложеніи исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ общемъ значеніи этой науки, необходимо, по мнѣнію составителя программы, примѣнять ее болѣе другихъ предметовъ къ полу учащихся и къ составу учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ. „Одна исторія—сказано въ программѣ преподаванія этого предмета—можетъ представить полное доказательство и практическое примѣненіе тѣхъ началъ, на коихъ должна быть основана дѣятельность женщины въ кругу семейномъ". Цѣль и духъ преподаванія исторіи должны быть преимущественно направлены „къ внушенію воспитанницамъ благоговѣйнаго уваженія къ тремъ кореннымъ основаніямъ государственнаго устройства: Религіи, Правительству и Закону, равно къ объясненію истинныхъ началъ и взаимнаго отношенія семейной и общественной жизни". Поэтому отличительное свойство способа преподаванія исторіи воспитанницамъ, должно состоять не столько въ сообщеніи имъ политическихъ фактовъ, сколько фактовъ, относящихся къ внутренней жизни.

Вмѣсто пространныхъ описаній войнъ и подробнаго изложенія мирныхъ договоровъ, исторія должна представить воспитанницамъ преимущественно постепенное развитіе нравовъ и обычаевъ, наукъ, искусствъ и промышленности, а „равно указать на положеніе и дѣятельность женскаго пола, въ особенности на тѣ случаи, когда женщины представляли собою примѣры добродѣтели, самоотверженія и патріотизма". Въ программу преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ русской исторіи, было включено: современный составъ управленія въ Россіи; права различныхъ сословій; состояніе промышленности и торговли; плоды постоянныхъ попеченій правительствъ о народномъ просвѣщеніи, самобытная литература и національное искусство; развитіе общественной благотворительности подъ непосредственнымъ покрови-

---

[1]) Программа препод. ариѳ. и понятій объ измѣреніяхъ въ ж. уч. завед. С.-Пет. 1853 г.

тельствомъ Августѣйшихъ Членовъ Императорской фамиліи; распространеніе женскихъ учебныхъ заведеній и важное вліяніе ихъ на образованіе женскаго пола [1]).

Какъ руководство для преподаванія русской исторіи, въ программѣ было указано сочиненіе академика Устрялова, также и „изданный для военноучебныхъ заведеній курсъ отечественной исторіи“, но съ тѣмъ, чтобы преподаватели дополняли эти книги разсказами изъ лѣтописей и извѣстій современниковъ, также извлеченіями изъ сочиненій Карамзина, Полеваго и Михайловскаго-Данилевскаго, а равно другихъ монографій. Но для преподаванія всеобщей исторіи всѣ существовавшія тогда руководства признаны учебнымъ комитетомъ невполнѣ соотвѣтствующими требованіямъ женскихъ учебныхъ заведеній, потому что они составлялись „безъ спеціальнаго примѣненія къ воспитанію дѣвицъ“ [2]). Поэтому было признано существенно необходимымъ составленіе особой книги для чтенія по исторіи, „гдѣ на важнѣйшіе предметы, заключающіеся въ программѣ, находилось бы объясненіе изъ лучшаго писателя“.

Программа курса о произведеніяхъ природы была составлена, по порученію учебнаго комитета, профессоромъ Куторгою, который руководствовался въ своемъ трудѣ тѣмъ мнѣніемъ, что изученіе естественной исторіи дѣвицами можетъ быть лишь элементарнымъ и должно имѣть цѣлью не приготовленіе воспитанницъ къ самостоятельнымъ въ этой наукѣ изслѣдованіямъ, ибо „отъ нихъ—говоритъ Куторга—не ожидается въ области естественныхъ наукъ новыхъ опытовъ и открытій“ но внушеніе имъ правильнаго понятія о природѣ. Поэтому преподаваніе физическихъ и естественныхъ наукъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ должно было имѣть, по мнѣнію Куторги, особое назначеніе, сообразное съ условіями воспитанія дѣвицъ и будущимъ ихъ назначеніемъ. „Вслѣдствіе общаго у дѣвицъ — говоритъ онъ развитія чувствительности, науки нравственныя и изящныя искусства понимаются гораздо больше ихъ чувствомъ, нежели разумомъ“. Поэтому, при обученіи дѣвицъ естественнымъ наукамъ, Куторга признаетъ нужнымъ обращать особое вниманіе на пріученіе ихъ къ размышленію, „главнѣйшее побужденіе коего — стремленіе къ истинѣ — всего лучше возбуждено быть можетъ изученіемъ непреклонности законовъ природы“. Но такъ какъ дѣвицы назначаются для жизни въ тѣсномъ семейномъ кругу и для домашняго быта, то необхо-

---

[1]) Программа препод. всеобщей и русской исторіи въ ж. уч. з. С.-Пет. 1853 г.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

димо привить имъ привычку обращать вниманіе на окружающіе ихъ предметы и умѣть находить въ нихъ пищу для соображенія и разума.

Имѣя въ виду ограниченное время, отведенное въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ на преподаваніе курса о произведеніяхъ природы (по одному уроку въ недѣлю втеченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ), Куторга предлагалъ сообщать воспитанницамъ лишь главнѣйшіе результаты знаній о природѣ, не объясняя постепенныхъ открытій, помощью которыхъ они были достигнуты, и излагать сравнительно свойства минераловъ, условія существованія растеній и устройства животнаго организма; отдѣльно же сообщить необходимѣйшія свѣдѣнія преимущественно о тѣхъ только минералахъ, растеніяхъ и животныхъ, которые находятся у насъ въ отечествѣ или имѣютъ важнѣйшее употребленіе.

Учебный комитетъ призналъ, что всѣ эти основанія въ полной мѣрѣ соблюдены въ представленной Куторгою программѣ „съ спеціальнымъ примѣненіемъ къ особымъ условіямъ воспитанія дѣвицъ“ [1]), и предложилъ Куторгѣ составить по этой программѣ учебную книгу, причемъ было опредѣлено, что она должна заключать тридцать листовъ убористой печати и до двухсотъ политипажныхъ рисунковъ.

„Наставленіе“ принца было напечатано въ видѣ приложенія къ общему уставу женскихъ учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденному 30 августа 1855 года.

---

[1]) Засѣданіе гл. Совѣта 31 мая 1855 г.

IV.

Женскія духовныя училища.—Епархіальныя училища.—Училища для спеціальнаго образованія женщинъ.—Община сестеръ милосердія.—Дѣтскіе пріюты.—Кавказскія училища.—Училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій.—Архангельское женское училище.—Число учащихся женщинъ.—Проэктъ высшаго женскаго училища для приходящихъ.—Начальное народное образованіе.—Женскія, отдѣльныя отъ приходскихъ, училища. — Плата въ женскихъ училищахъ.—Учащіяся въ городскихъ приходскихъ училищахъ дѣвочки.—Сельскія приходскія женскія училища.—Временное увеличеніе числа учащихся въ нихъ дѣвочекъ.—Московское Общество сельскихъ хозяевъ.—Женская крестьянская школа Стремоухова. — Проэктъ непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, о женскихъ крестьянскихъ школахъ.—Его книга: *о всенародномъ распространеніи грамматности въ Россіи.*—Открытіе женскихъ крестьянскихъ школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, удѣльныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ частныхъ лицъ. — Письма и отзывы на брошюру Маслова. — Заботы объ эстетическомъ образованіи крестьянокъ. — Отношеніе къ проэкту Маслова нашихъ журналовъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. — Приготовленіе наставницъ въ женскія крестьянскія школы.—Частныя школы грамотности.—Число учащихся въ женскихъ частныхъ пансіонахъ и школахъ.—Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рѣчь профессора Фишера по поводу Положенія о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ.—Число учительницъ, учителей и наставниковъ.—Частные женскіе пансіоны.—Училище принцессы Терезіи Ольденбургской. — Частные женскіе пансіоны въ западномъ краѣ. — Число женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ 1834 году. — Число ихъ въ 1856 году.

Система сословности въ дѣлѣ женскаго образованія была завершена въ царствованіе императора Николая учрежденіемъ женскихъ духовныхъ училищъ.

Училища при монастыряхъ у насъ, какъ и на западѣ, существовали съ древнихъ временъ; но даваемое въ нашихъ монастыряхъ воспитаніе имѣло цѣлью приготовленіе воспитанницъ не къ мірской жизни, а къ жизни въ монастырѣ.

Высочайше утвержденными въ 1832 году правилами о при-

10*

нятіи въ монастыри и постриженіи въ монашество, было предписано принимать въ женскіе монастыри малолѣтнихъ сиротъ женскаго пола для воспитанія и обученія рукодѣліямъ и отпускать ихъ изъ монастыря тогда, когда онѣ „найдутъ случай благонадежно пристроиться внѣ онаго“ [1]). Обученіемъ этихъ воспитанницъ чтенію, письму и молитвамъ, должны были заниматься священники, дьяконы и дьячки, по Высочайше утвержденнымъ въ 1836 году правиламъ, безплатно.

Секретнымъ указомъ Синода епархіальнымъ преосвященнымъ, 12 мая 1837 года, было подтверждено Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дѣти женскаго пола обучались при монастыряхъ, также подъ надзоромъ священническихъ и дьяконскихъ женъ или вдовъ.

До 1843 года училищъ, или, лучше сказать, пріютовъ для дѣтей женскаго пола, было немного; воспитанницы содержались на мѣстныя средства монастырей и, иногда, на пособія отъ мѣстныхъ попечительствъ о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія.

Въ 1843 году статсъ-секретарь Гофманъ, по приказанію великой княжны Ольги Николаевны, переслалъ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, графу Протасову „уже извѣстную“ ему, написанную по-французски, записку, въ которой неизвѣстный авторъ говорилъ, что „сельскій священникъ долженъ жениться рано, тотчасъ по выходѣ изъ семинаріи, брать невѣсту своего состоянія, которой приданое даетъ возможность пріобрѣсть домъ и снарядить хозяйство“. Далѣе, указывая на то, что въ провинціи дѣвицы духовнаго званія большею частью не получаютъ никакого образованія и, что не менѣе важно, имѣютъ дурные примѣры передъ глазами, авторъ записки говорилъ, что многіе сельскіе священники „сокрушаются о своемъ несчастіи имѣть женъ глупыхъ и упрямыхъ, неспособныхъ быть имъ другомъ“, что такія жены доставляютъ имъ одно мученіе, не умѣютъ воспитывать дѣтей. А между тѣмъ сельскіе священники „подвергаются искушеніямъ если не находятъ счастья въ домашней жизни“; они посѣщаютъ прихожанъ по праздникамъ, „выпьютъ сначала рюмку вина, чтобы не обидѣть отказомъ, потомъ привыкаютъ и начинаютъ пить“ [2]). Хорошая жена могла бы,—говоритъ авторъ,— удержать мужа и своимъ обществомъ, а это хорошо вліяло бы и на дѣтей, содѣйствовало бы улучшенію мѣстныхъ нравовъ или,

---

[1]) § 8 Выс. утв. правилъ, распубликованныхъ по дух. вѣд. при указахъ св. Синода. (Арх. св. Синода).

[2]) Арх. св. Синода, № 1, 1843.

по крайней мѣрѣ, нравовъ того класса, на которомъ обыкновенно сильно отражается вліяніе священника.

По всему этому, авторъ считаетъ необходимымъ устройство особыхъ учебныхъ заведеній для дочерей сельскихъ, а также живущихъ въ маленькихъ городахъ, священниковъ. Но воспитаніе этихъ дѣтей не должно, по его мнѣнію, быть такимъ, какъ воспитаніе благородныхъ дѣвицъ, которыя воспитываются „не только для счастья семьи, но и для удовольствій общества". Онѣ должны воспитываться исключительно для семьи и весьма рѣдко отлучаться изъ дому. Цѣль ихъ воспитанія должна заключаться въ образованіи изъ нихъ „истинныхъ христіанокъ, способныхъ составлять пріятное для мужа общество, помогать ему поддерживать порядокъ и чистоту въ церкви, приготовлять лекарства, которыя они захотятъ отнести больному, хорошо воспитывать своихъ дѣтей, держать хозяйство со всевозможнымъ совершенствомъ". Въ предполагаемомъ заведеніи воспитаніе священническихъ дочерей должно быть такимъ, чтобы всякій семинаристъ „видѣлъ себѣ вознагражденіе, выгоду, жениться на нихъ, а каждая изъ нихъ легко найдетъ случай выйти замужъ тотчасъ по окончаніи воспитанія". Поэтому авторъ считаетъ безполезнымъ развивать въ воспитанницахъ тѣ внѣшнія качества, которыя „въ виду трудности пристраивать дѣвицъ, стараются въ нихъ развивать съ цѣлью привлечь къ нимъ вниманіе мужчинъ".

Для того, чтобы не пріучать ихъ къ роскоши, которой онѣ впослѣдствіи не будутъ имѣть, авторъ предлагалъ построить для предполагаемаго учебнаго заведенія деревянный домъ на 30 воспитанницъ отъ 10 до 12 лѣтъ, раздѣленныхъ на 3 класса, по десяти въ каждомъ; курсъ ученія, по проэкту автора замѣтки, долженъ продолжаться шесть лѣтъ. Предметы ученія въ младшемъ классѣ предполагались слѣдующіе: чтеніе, письмо, религія, грамматика настолько, чтобы правильно писали, и четыре дѣйствія ариѳметики; кромѣ того: церковное пѣніе, рукодѣліе, работа „для порядка и чистоты въ домѣ", также въ саду и огородѣ. Въ среднемъ классѣ: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, всеобщая географія и исторія кратко, русская исторія и географія болѣе подробно. Въ этомъ классѣ воспитанницъ слѣдовало пріучать къ уходу за нѣкоторыми растеніями, употребляемыми въ медицинѣ, и приготовленію наиболѣе употребительныхъ лекарствъ. „Хорошо — говоритъ авторъ — чтобы начальница брала по воскресеньямъ и праздникамъ нѣкоторыхъ дѣвицъ къ посѣщенію бѣдныхъ, для которыхъ онѣ приготовляли бы въ случаѣ нужды лекарства и примѣняли бы ихъ". Изъ рукодѣлій воспи-

танницы средняго класса должны обучаться не только шитью, но и кройкѣ платья и бѣлья, шить священническую одежду (ризы, одежду на престолъ, воздухи и всякое шитье для церкви); кромѣ того полагались работы въ огородѣ, на кухнѣ, уходъ за коровой, птицей, приготовленіе масла; вообще воспитанницы должны были знакомиться со всѣмъ, что должна знать хорошая хозяйка. Въ старшемъ классѣ къ этому присоединялись занятія съ маленькими воспитанницами, заботы о нихъ, примѣненіе на практикѣ пріобрѣтенныхъ познаній. Доходы съ птичника и огорода должны были употребляться на приданое воспитанницамъ, которыя сами приготовляли бы его себѣ до выхода изъ заведенія.

Съ разрѣшенія императрицы, графъ Протасовъ представилъ ей докладную записку, въ которой говорилъ, что мысль устроить приличнымъ образомъ воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія постоянно озабочиваетъ духовное начальство „тѣмъ болѣе, что женское образованіе распространено на всѣ сословія, кромѣ одного лишь духовнаго, имѣющаго въ томъ преимущественную нужду“ [1]). Оберъ-прокуроръ прибавлялъ, что духовное начальство уже открыло нѣсколько школъ при женскихъ монастыряхъ въ епархіяхъ тульской, херсонской и иныхъ, и приступило къ учрежденію такихъ училищъ при женскихъ первоклассныхъ монастыряхъ западнаго края „недавно получившихъ приличное содержаніе отъ щедротъ Монаршихъ“. При монастыряхъ же духовное начальство предполагало учреждать училища и въ другихъ епархіяхъ потому, что „съ одной стороны это представляетъ возможность готоваго помѣщенія для дѣвицъ, приличный за ними надзоръ и самые способы обученія, а съ другой — въ этой мѣрѣ состоитъ единственное средство дать всему женскому духовному воспитанію въ имперіи общую и единообразную систему, соотвѣтствующую церковнымъ правиламъ, обычаямъ и общему мнѣнію русскаго духовенства“.

Въ изложенныхъ при докладной запискѣ соображеніяхъ, оберъ-прокуроръ указывалъ на то, что общая система такого воспитанія „касаясь священническихъ дочерей въ тридцати тысячахъ селеній и долженствующая имѣть вліяніе на первое домашнее образованіе всего духовнаго класса, требуетъ всевозможной осторожности, ибо ошибочное направленіе его будетъ опаснѣе, чѣмъ настоящій недостатокъ образованія“. Ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ, по мнѣнію графа Протасова, слу-

---

[1]) Докл. зап. оберъ-прокурора св. Синода 16-го іюня 1843 г. Выс. утвержденная 27-го іюня.

жить образцомъ для духовнаго женскаго училища, такъ какъ назначеніе дѣвицъ духовнаго званія—быть женами и матерями служителей церкви, совершенно отлично отъ назначенія всѣхъ другихъ состояній и сопровождается обстоятельствами, какихъ нѣтъ во всякомъ другомъ быту. „Извѣстная степень худого поведенія жены священника разрушаетъ въ немъ священство". Кромѣ того „твердость іерархическаго порядка и правилъ церкви требуютъ, чтобы всѣ лица духовнаго званія во всѣхъ личныхъ и семейственныхъ отношеніяхъ, для соблюденія необходимаго единства въ духовномъ направленіи, не выходили изъ духовнаго вѣдомства". Поэтому и воспитаніе священническихъ дочерей должно состоять подъ надзоромъ духовнаго начальства, ибо при малѣйшей отъ него независимости священническія дочери „столь легко могутъ принимать впечатлѣнія чуждыя духовному званію и той безусловной покорности іерархической власти, въ коемъ онѣ должны пребывать всю жизнь; а слѣдствіемъ того, — говорится въ докладной запискѣ, — было бы непремѣнное охлажденіе къ настоящему ихъ предназначенію, послѣ чего уже немногія бы изъ нихъ соглашались вступать въ бракъ съ обрекшими себя на служеніе алтарю". Того же единства требуетъ и образъ мыслей русскаго духовенства и самый навыкъ народный. „Иначе,—писалъ оберъ-прокуроръ, — не только надо опасаться упрековъ со стороны раскольниковъ, неусыпно слѣдящихъ за всѣми измѣненіями въ быту духовнаго сословія, но и бо̀льшая часть православныхъ прихожанъ простого, необразованнаго класса, стали бы чуждаться пастырей, имѣющихъ женъ съ воспитаніемъ, лишеннымъ строгаго духовнаго направленія".

Вся общность воспитанія дѣвицъ духовнаго званія съ воспитаніемъ дѣвицъ прочихъ сословій должна, по мнѣнію оберъ-прокурора, состоять единственно въ „томъ животворномъ ободреніи, какое можетъ происходить отъ Августѣйшаго вниманія Государыни Императрицы". Поэтому онъ полагалъ поставить училища для дѣвицъ духовнаго званія подъ ея покровительство, подъ особымъ попечительствомъ великой княжны Ольги Николаевны и подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго духовнаго управленія и епархіальныхъ властей и, прежде всего, учредить въ вѣдомствѣ петербургскаго епархіальнаго начальства образцовое воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія въ видѣ опыта, на средства, какія духовное начальство само изыщетъ. Такъ какъ вблизи Петербурга нѣтъ приличной для училища обители, то графъ Протасовъ предлагалъ устроить его въ Царскомъ селѣ (это предлагалъ и неизвѣстный авторъ записки), пріискавъ для этого домъ

съ садомъ и огородомъ, а въ случаѣ еслибы такого дома не нашлось, то „быть можетъ—писалъ оберъ-прокуроръ — Государь дастъ землю въ Царскомъ селѣ“ и тогда можно выстроить на ней деревянный домъ.

При докладной запискѣ былъ представленъ проэктъ устава училища для дѣвицъ духовнаго званія. 15-го августа 1843 года онъ былъ Высочайше утвержденъ въ видѣ опыта на два года и съ тѣмъ, чтобы оберъ-прокуроръ „по наблюденіямъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, по соображеніи отзывовъ о немъ духовенства, представилъ проэктъ окончательнаго устройства какъ царскосельскаго училища, такъ и другихъ женскихъ училищъ, уже существующихъ или вновь открываемыхъ, дабы „все женское духовное образованіе какъ въ обителяхъ, такъ и въ семъ заведеніи, совершалось нераздѣльно въ единомъ духѣ, согласно съ уставами православной церкви и съ настоящими потребностями духовнаго званія“.

По уставу 1843 года воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія должно было вполнѣ соотвѣтствовать двоякому ихъ назначенію: 1) быть достойными супругами служителей Алтаря Господня, на коихъ лежитъ священная обязанность назиданія прихожанъ въ вѣрѣ и нравственности и кои по сему должны отличаться преимущественно благочестивою жизнью и 2) быть попечительными матерями, которыя возращали бы дѣтей своихъ въ правилахъ благочестія и добронравія, умѣли бы развивать въ нихъ способности и сообщать имъ всѣ нужныя первоначальныя познанія, могли бы приготовлять сыновей ко вступленію въ училища и наблюдать за полезнымъ употребленіемъ ими вакантнаго времени. Поэтому имъ должны были преподаваться только тѣ предметы, изученіе которыхъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейственныхъ обязанностей. „Главнѣйшая же забота училищнаго начальства,—сказано въ § 4 устава—должна состоять въ томъ, чтобы укоренять въ учащихся чистое православное ученіе и христіанское благонравіе, духъ кротости, подчиненности, благотворительности, любовь къ порядку, приготовлять ихъ къ будущему ихъ состоянію и преимущественно въ простомъ сельскомъ быту“. Предметы ученія были назначены тѣ, какіе предложилъ авторъ записки. Комплектъ былъ опредѣленъ въ 60 воспитанницъ; но допускались и пенсіонерки, исключительно духовнаго званія; въ штатныя воспитанницы могли поступать только сироты или дочери священно и церковно-служителей бѣдныхъ, или обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ. Выпуски полагались черезъ каждые два года и кончившимъ курсъ выдава-

лись свидѣтельства. Штатныя воспитанницы могли, по особымъ уваженіямъ, оставаться въ училищѣ еще нѣкоторое время послѣ выпуска, а способнѣйшія изъ нихъ поступать надзирательницами или ихъ помощницами.

Правленіе училища полагалось, по уставу, изъ начальницы, Благочиннаго, по назначенію митрополита, и смотрителя. Ближайшее завѣдываніе всѣмъ относящимся къ внутреннему благоустройству, ввѣрялось начальницѣ подъ вѣдѣніемъ петербургскаго митрополита. Назначеніе начальницы, а также трехъ наставницъ (онѣ же и надзирательницы) должно было утверждаться императрицею по представленію великой княжны Ольги Николаевны. Надзоръ за соотвѣтствующимъ духовному званію преподаваніемъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, возлагался на Благочиннаго „получающаго нужныя для сего наставленія“ отъ митрополита. Отчеты и вѣдомости о расходахъ училища должны были представляться въ духовное учебное управленіе на общемъ о духовныхъ училищахъ положеніи, точно также и дѣла, восходящія на усмотрѣніе императрицы и великой княжны, должны были идти по общему для духовнаго вѣдомства порядку, черезъ оберъ-прокурора св. Синода. Годовой отчетъ о состояніи училища во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ подноситься императрицѣ, а великой княжнѣ — ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи училища, поведеніи и успѣхахъ воспитанницъ.

На обзаведеніе училища съ садомъ, огородомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, также на одежду воспитанницъ, учебныя пособія, мебель, оберъ-прокуроръ просилъ у государя разрѣшенія употребить изъ духовно-училищныхъ капиталовъ 1.500 рублей. Годовое, полное, содержаніе одной воспитанницы было опредѣлено въ 60 рублей.

18-го августа 1843 года состоялся именной указъ святѣйшему Синоду и Высочайшее повелѣніе выдавать на содержаніе училища по 10.169 рублей ежегодно изъ духовно-училищныхъ капиталовъ.

Въ указѣ было сказано: „обращая Монаршее вниманіе Наше на священно и церковно-служителей, не имѣющихъ средствъ къ приличному воспитанію дочерей, и желая, дабы оное совершалось согласно съ прямымъ назначеніемъ духовнаго состоянія и съ истинными его потребностями, согласно Уставамъ нашей Православной Церкви, Мы положили съ сею цѣлью учредить въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства образцовое училище, которому состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Любезнѣйшей Супруги Нашей Государыни Императрицы Алек-

сандры Θедоровны и подъ главнымъ попечительствомъ Любезнѣйшей Дщери Нашей Великой Княжны Ольги Николаевны“ [1]). При указѣ тогда же были разосланы всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ Высочайше утвержденные уставъ и штатъ царскосельскаго училища.

Начальницею его была назначена вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Н. Шульцъ [2]). Представленіе кандидатокъ изъ дочерей духовенства петербургской и новгородской епархій на штатныя вакансіи, было предоставлено оберъ-прокуроромъ митрополиту Антонію.

Царскосельское училище открыто 22 октября 1843 года, въ присутствіи государя, императрицы, всѣхъ великихъ князей, княгинь и княженъ; освященіе дома и молебствіе совершилъ митрополитъ. Великая княжна Ольга Николаевна пожертвовала 4.285 рублей (15.000 р. асс.) на награды воспитанницамъ“ [3]).

Первые два года своего существованія, училище пользовалось особеннымъ вниманіемъ какъ со стороны членовъ императорской семьи, которые часто его посѣщали, такъ и высшихъ властей; великая княжна Ольга Николаевна пріѣзжала въ училище даже зимой, а лѣтомъ бывала всякій день.

Черезъ два года оберъ-прокуроръ доложилъ государю, что училище „въ умственномъ и нравственномъ образованіи дѣвицъ, и въ хозяйственной части, достигло такого благоустройства, что можетъ служить образцомъ для учрежденія другихъ училищъ“ [4]). Тогда былъ окончательно утвержденъ уставъ царскосельскаго училища и разосланъ по всѣмъ епархіямъ. Въ 1850 году училище перешло въ собственный домъ, выстроенный на сумму въ 119.584 рубля, отпущенную изъ духовно-училищныхъ капиталовъ [5]); духовно-училищное управленіе постоянно отпускало на его содержаніе дополнительныя суммы. Императрица, начиная съ 1851 года, дарила на награды воспитанницамъ при выпускахъ 2.000 рублей.

Три года спустя послѣ открытія царскосельскаго училища, было открыто такое же училище въ Солигаличѣ, костромской епархіи, съ разрѣшеніемъ принимать дѣтей и изъ епархій вологодской и ярославской, а также пенсіонерокъ, сколько позволитъ помѣщеніе, съ платою по 45 рублей въ годъ.

---

[1]) Объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія. С.-Пет. 1866 г.

[2]) Ей приписываютъ сочиненіе записки, поданной великой княжнѣ.

[3]) Отчетъ по царскос. уч. 4 апр. 1844 г. (Арх. св. Синода).

[4]) Представленіе гр. Протасова 21 мая 1845 г.

[5]) Объ уч. дѣв. дух. зав.

Училище учреждалось въ Солигаличѣ потому, что тамъ имѣлись въ виду лица, способныя ему служить, а также пріисканъ домъ за умѣренную цѣну и что, вообще, тамъ жизнь дешевле, чѣмъ въ губернскомъ городѣ. Солигаличское училище, устроенное вполнѣ по образцу царскосельскаго, но съ сокращеннымъ штатомъ и на 45 воспитанницъ [1]), также было принято подъ покровительство императрицы. Начальницею его была назначена г-жа Шипова, сестра начальницы царскосельскаго училища. Въ 1848 году оно было переведено въ Ярославль.

Кромѣ этихъ училищъ, до 1855 года, еще два были приняты подъ покровительство императрицы и поставлены подъ главное попечительство цесаревны, которой великая княжна Ольга Николаевна, вышедшая замужъ и уѣхавшая изъ Россіи въ 1846 году, передала свои обязанности по управленію женскими духовными училищами: одно—въ Иркутскѣ, другое—въ Казани. Оба обязаны своимъ возникновеніемъ волѣ императора Николая, который, на докладѣ въ 1847 году генералъ-губернатора Восточной Сибири, Руперта, ходатайствовавшаго о дозволеніи помѣщать дочерей духовенства въ институтъ, на равныхъ правахъ съ дочерями дворянъ и чиновниковъ, собственноручно написалъ: „на первый разъ согласенъ, но полезнѣе было бы учредить для нихъ особую школу на подобіе царскосельской“ [2]). Тогда Синодъ поручилъ иркутскому преосвященному сообразить способы къ открытію хотя небольшого училища для дѣвицъ духовнаго званія и въ отвѣтъ на это преосвященный увѣдомилъ, что почетный гражданинъ Кузнецовъ жертвуетъ для устройства училища въ Иркутскѣ капиталъ въ 44.000 рублей и, кромѣ того, беретъ на себя доставку матеріала для постройки училищнаго дома. Въ вознагражденіе за это преосвященный ходатайствовалъ, чтобы училище было названо именемъ жертвователя, Евфимія Кузнецова.

Комплектъ штатныхъ воспитанницъ иркутскаго училища былъ опредѣленъ 24-мя и столько же допускалось своекоштныхъ пенсіонерокъ.

Тремя годами позже, на докладѣ о томъ, что изъ завѣщанныхъ графинею Орловою на монастыри суммъ, остались свободными 100.000 рублей вслѣдствіе того, что къ 1850 году нѣкоторые изъ монастырей закрылись, государь положилъ собственно-

---

[1]) Содержаніе каждой изъ нихъ должно было, по штату, обходиться въ 45 р. въ годъ.

[2]) Моск. Филаретовское епархіальное женское училище. Историческое изложеніе его судьбы въ 50-ти-лѣтній періодъ 1832—1882 гг. Съ портретомъ митрополита Филарета. Москва. 1883 г.

ручную резолюцію: „считаю гораздо полезнѣе всѣ свободные 100.000 рублей назначить на женскія училища духовнаго вѣдомства, но не при монастыряхъ, а по образцу царскосельскаго, ибо они должны готовить дѣвицъ для свѣтской жизни, а не для затворнической“ [1]).

Въ исполненіе воли государя, духовное начальство постановило устроить училище въ Казани на 30 штатныхъ воспитанницъ и 30 пенсіонеровъ.

Состоявшія подъ покровительствомъ императрицы училища. учреждались на основаніи устава 1845 года для царскосельскаго Они получали содержаніе изъ суммъ духовнаго вѣдомства; должностныя лица считались на государственной службѣ, начальницы утверждались императрицею.

Этими правами не пользовались открытыя за тотъ же періодъ времени (1845—1855 гг.), женскія духовныя училища въ разныхъ епархіяхъ. Они открывались бо̀льшею частью при женскихъ монастыряхъ и обителяхъ, состояли въ вѣдѣніи св. Синода, подъ управленіемъ епархіальныхъ архіереевъ и были ввѣрены попеченію мѣстнаго духовенства. Начальницею училища обыкновенно назначалась настоятельница монастыря, при которомъ оно открывалось; она, также какъ и преподаватели, служили безмездно и не считались на государственной службѣ. Епархіальныя училища содержались на мѣстныя средства духовенства, на выдаваемыя имъ мѣстными попечительствами о бѣдныхъ духовнаго званія пособія и на частныя пожертвованія. У епархіальныхъ училищъ не было одного, общаго для всѣхъ, устава: они руководствовались тѣми, какія, при учрежденіи училища, составляли преосвященные по одобреніи ихъ Синодомъ.

Большинство этихъ училищъ преобразовывались въ епархіальныя изъ существовавшихъ раньше при монастыряхъ пріютовъ, устраивавшихся главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости призрѣть сиротъ, причемъ обученіе послѣднихъ стояло на второмъ планѣ. Такъ какъ въ пріютахъ содержались дѣти не только духовнаго, но и другихъ званій, то это было допущено и при преобразованіи пріютовъ въ епархіальныя училища, куда воспитанницы не духовнаго званія принимались пенсіонерками.

Самымъ значительнымъ изъ такихъ пріютовъ, былъ московскій, существовавшій съ 1832 года въ видѣ воспитательнаго отдѣленія при Горихвостовскомъ Домѣ Призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, устроенномъ на 400.000 р. (асс.), пожертвованныхъ

---

[1]) Объ уч. дѣв. дух. зв.

капитаномъ Горихвостовымъ [1]). Это отдѣленіе стояло выше монастырскихъ пріютовъ, ибо оно давало воспитанницамъ нѣкоторое умственное образованіе; ихъ обучали: чтенію, письму, катехизису, священной исторіи, русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, начаткамъ всеобщей исторіи, географіи и словесности [2]). Въ составленномъ для него митрополитомъ Филаретомъ „Начертаніи", цѣль отдѣленія опредѣлялась тѣмъ, чтобы „доставить истинно бѣднымъ сиротамъ женскаго пола разныхъ званій, преимущественно духовнаго, образованіе, приготовляющее ихъ ко вступленію въ общество". Оно предназначалось для сиротъ духовнаго званія и для дочерей вдовцовъ „бѣдныхъ и неустроенныхъ въ домашней жизни", а также для „безпомощныхъ дочерей родителей, исключенныхъ изъ духовнаго званія за пороки". Кромѣ того, допускались сироты и другихъ званій „по усмотрѣнію истинной безпомощности или по предложенію благотворителей" [3]). Выпуски воспитанницъ могли быть во всякое время „если представится случай выдать воспитанницу замужъ или какъ нибудь иначе ее пристроить"; но, во всякомъ случаѣ, онѣ могли оставаться въ отдѣленіи лишь до достиженія 17-ти-лѣтняго возраста.

Воспитательное отдѣленіе при Горихвостовскомъ Домѣ призрѣнія было заведеніемъ строго закрытымъ. Согласно § 12 „Начертанія" митрополита Филарета, воспитанницамъ запрещалось получать и отправлять письма „развѣ черезъ надзирательницъ прочитывающихъ ихъ". Запрещались также разговоры съ прислугою. На содержаніе воспитанницъ полагалось по 64 рубля (асс.) въ годъ каждой и при выпускѣ ей выдавали 150 рублей.

Въ 1863 году митрополитъ Филаретъ, донося Синоду о состояніи отдѣленія, писалъ, что воспитанницы живутъ „въ малыхъ комнатахъ и непросторно... Кто придетъ въ сіе заведеніе — говорилъ онъ — изъ подобныхъ свѣтскихъ, тотъ не похвалитъ видимаго, потому что найдетъ только чистоту и опрятность, а не занимательный и блистательный видъ. Но это — прибавляетъ онъ — сообразно съ положеніемъ воспитываемыхъ, которыя пришли сюда изъ тѣсныхъ и скудныхъ жилищъ и въ такія же по всей вѣроятности должны возвратиться. Блистательное жилище во время воспитанія сдѣлало бы для нихъ непріятными будущія ихъ жилища, простыя и скудныя" [4]).

---

[1]) Московское епархіальное Филаретовское женское училище.

[2]) Донесеніе моск. митр. Филарета на запросъ оберъ-прокурора св. Синода. 1857 г. (Арх. Синода).

[3]) Начертаніе §§ 3 и 4.

[4]) Объ уч. дѣв. дух. зв., стр. 10.

Учебная часть поставлена была подъ надзоръ смотрителя Дома; воспитанницы распредѣлялись по тремъ отдѣленіямъ, въ каждомъ изъ которыхъ оставались по два года. Ихъ обучали: священникъ, два учителя изъ приходскаго духовенства и три надзирательницы, которыя, однѣ изъ всѣхъ учащихъ, получали за свой трудъ вознагражденіе въ размѣрѣ 111 рублей 50 копѣекъ въ годъ на троихъ [1]).

Въ 1841 году былъ Высочайше утвержденъ уставъ духовныхъ консисторій, которымъ епархіальному начальству вмѣнялось въ обязанность „располагать и поощрять приходское духовенство къ заведенію и поддержанію при церквахъ училищъ въ видѣ простомъ и приспособленномъ къ народному быту, для обученія дѣтей поселянъ чтенію, письму, молитвамъ и начаткамъ катехизиса". Такія училища предписано заводить преимущественно при монастыряхъ — мужскихъ для мальчиковъ, женскихъ для дѣвочекъ [2]). Пять лѣтъ спустя, указомъ Синода вновь предписано епархіальнымъ архіереямъ заводить училища при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, для обученія штатно-служительскихъ и поселянскихъ дѣтей, заботиться объ увеличеніи числа училищъ, „располагая дѣятельность къ тому духовенства и приглашая къ участію гражданское начальство и помѣщиковъ" [3]).

Тогда епископы стали усиленно заботиться объ устройствѣ въ своихъ епархіяхъ училищъ, причемъ изъ донесеній нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснилось, что при нѣсколькихъ женскихъ монастыряхъ такія училища, въ видѣ пріютовъ, уже существовали. Епископъ нижегородскій сообщалъ въ 1848 году, что въ третьеклассномъ крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ учреждено, на основаніи указа Синода 12 мая 1837 года, училище для дѣвицъ разныхъ сословій; что онѣ живутъ въ монастырѣ, имѣютъ общую монастырскую трапезу и одежду; но что игуменья Арзамасскаго монастыря, на его предложеніе завести при монастырѣ училище, донесла, что не имѣетъ къ тому способовъ. Преосвященный просилъ оберъ-прокурора предназначить крестовоздвиженское женское училище (единственное при монастыряхъ во всей нижегородской епархіи) [4]) исключительно для дѣвицъ духовнаго

---

[1]) Моск. еп. Филар. ж. уч.

[2]) § 14 устава Выс. утв. 27 марта 1841 г.

[3]) Указъ Синода 27 февр. 1846 г.

[4]) Вѣдомость, представленная преосв. нижег. объ училищахъ, учр. при монастыряхъ и церквахъ его епархіи за 1848 г. Всѣхъ училищъ при церквахъ было 35 и одно при монастырѣ, именно крестовозд. женскомъ, съ 13-ю воспитанницами. (Арх. св. Син.).

званія, съ тѣмъ, чтобы онѣ, въ числѣ десяти, содержались на счетъ монастыря, частью изъ суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, а частью на добровольныя приношенія, чтобы училище находилось въ вѣдѣніи епархіальнаго Архіерея, а курсъ ученія и все его направленіе было приноровлено къ курсу царскосельскаго и ярославскаго училищъ. Духовно-училищное управленіе признало учрежденіе такого училища полезнымъ; но такъ какъ женское училище при крестовоздвиженскомъ монастырѣ было учреждено по Высочайшему повелѣнію, и подобныхъ училищъ при другихъ монастыряхъ нижегородской епархіи не было, а съ преобразованіемъ его въ училище исключительно для дѣвицъ духовнаго званія, оно было бы закрыто для всѣхъ другихъ сословій, то рѣшеніе этого дѣла было предоставлено усмотрѣнію Синода.

На предложеніе послѣдняго преосвященному нижегородскому прежде всего составить проэктъ устава будущаго училища, преосвященный увѣдомилъ, что, по отзыву игуменьи, у монастыря нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія для училища, а монастырскихъ келій едва достаетъ для монахинь; что хотя и содержатся въ немъ 10 ученицъ, но онѣ помѣщаются по одной и по двѣ въ келіяхъ вмѣстѣ съ монахинями, а для классовъ имъ даны комнаты сестеръ „малыя и тѣсныя“. Еслибы попечительство и дало средства на постройку новаго корпуса для училища, то встрѣтилось бы, по словамъ игуменьи, новое затрудненіе въ томъ, что монахини не могутъ обучать воспитанницъ, ибо сами тѣхъ предметовъ не знаютъ. „Всѣ вообще,—передавалъ преосвященный слова игуменьи—отъ ухода за воспитанницами отказываются тѣмъ, что посвятили себя монашеской жизни и молитвѣ, а во вседневныхъ сношеніяхъ съ воспитанницами, приносящими съ собою въ училище иногда и не слишкомъ одобрительные навыки, нельзя воздержаться отъ неудовольствія и гнѣва; большая же часть послушницъ имѣютъ хожденіе за престарѣлыми и немощными монахинями, коихъ въ монастырѣ до семидесяти“ [1]). Поэтому игуменья просила оставить училище въ его прежнемъ видѣ. „Съ прискорбіемъ“ донося объ этомъ, преосвященный сообщалъ, что находящіяся въ училищѣ 10 воспитанницъ обучались: краткому катехизису, краткой священной исторіи, русской грамматикѣ, первымъ тремъ дѣйствіямъ первой части ариѳметики, церковному и гражданскому чтенію и чистописанію, а изъ рукодѣлій—золотошвейному вышиванію по канвѣ.

---

[1]) Донесеніе Преосв. нижег. 22 іюня 1851 г. (Арх. св. Синода).

Въ училищѣ для дѣвицъ бѣдныхъ родителей и сиротъ при галичскомъ Успенскомъ монастырѣ, учрежденномъ въ 1841 году, было изъ шести воспитанницъ только двѣ духовнаго званія; изъ остальныхъ: двѣ дворянки, одна мѣщанка, одна купеческая дочь; послѣдняя была своекоштною пенсіонеркою. Въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищахъ допускались вольноприходящія.

Какъ открытіе новыхъ училищъ, такъ и преобразованіе пріютовъ въ епархіальныя, шло довольно медленно вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, нежеланія монастырей открывать у себя училища, а также, особенно въ первые годы, предубѣжденія духовенства противъ новыхъ училищъ [1]).

При пріемѣ въ царскосельское училище, куда было положено допускать 20 пенсіонерокъ съ платою по 60 рублей въ годъ, были разосланы циркулярныя извѣщенія митрополиту московскому и епископамъ: тверскому, полоцкому, владимірскому и псковскому; каждой епархіи предоставлялось по двѣ вакансіи. Митрополитъ отвѣчалъ, что такъ какъ желающихъ помѣстить своихъ дѣтей въ училище будетъ больше изъ городовъ, то пусть консисторія, черезъ Благочиннаго, оповѣститъ бѣлое духовенство; затѣмъ онъ увѣдомилъ о желаніи двухъ дьяконовъ отдать своихъ дочерей въ училище, прибавивъ, что кромѣ нихъ, ни въ Москвѣ, ни въ прочихъ городахъ епархіи, желающихъ не нашлось. Тверской преосвященный представилъ обращенное къ цесаревнѣ прошеніе одного священника о принятіи его дочери на казенный счетъ; то же сообщилъ и псковской преосвященный; отъ преосвященнаго владимірскаго получился отвѣтъ, что нѣтъ желающихъ, а отъ полоцкаго—что одинъ священникъ изъявилъ желаніе, но не представилъ прошенія. Къ 1846 году всѣхъ пенсіонерокъ было 18-ть; изъ нихъ 6 своекоштныхъ.

Въ отчетѣ ярославскаго училища за 1853 годъ было сказано, что только послѣ перваго выпуска „исчезло предубѣжденіе у многихъ изъ духовныхъ лицъ противъ воспитанія дѣвицъ въ училищѣ, особенно когда увидѣли прекрасные примѣры супружества молодыхъ священниковъ съ воспитанницами, которыя, при умственномъ развитіи, сохранили простоту сердца и сдѣлались достойными спутницами своимъ мужьямъ, а между тѣмъ, оказались свѣдущими и въ домашнемъ хозяйствѣ“.

Такъ какъ главная цѣль учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ заключалась въ образованіи изъ воспитанницъ хорошихъ женъ сельскихъ священниковъ, то при первомъ же выпускѣ изъ

---

[1]) *М. Красновъ.* Епарх. ж. уч. (Образованіе, 1892 г., дек.).

царскосельскаго училища, оберъ-прокуроръ св. Синода сообщилъ преосвященнымъ разныхъ епархій волю цесаревны, чтобы духовное начальство позаботилось объ устройствѣ участи выпускаемыхъ воспитанницъ выдачею ихъ замужъ за окончившихъ по первому разряду семинаристовъ, поступающихъ на священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, и чтобы лучшія мѣста были предоставлены тѣмъ перворазряднымъ семинаристамъ, которые захотятъ жениться на воспитанницахъ царскосельскаго училища [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Протасовъ просилъ митрополита употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы выданныя воспитанницамъ при выпускѣ деньги, по 75 рублей каждой (и кромѣ того, всѣ нужныя вещи „долженствующія составлять главное ихъ приданое"), не были употреблены ихъ родственниками по произволу, а были оставлены воспитанницамъ до ихъ замужества. Епархіальное начальство постановило хранить эти деньги въ какомъ-либо кредитномъ учрежденіи и сдѣлать распоряженіе, чтобы копіи съ билетовъ учрежденія были отсылаемы родителями или родственниками въ консисторію, о чемъ они были бы увѣдомлены черезъ Благочинныхъ.

Относительно замужества воспитанницъ, митрополитъ увѣдомилъ графа Протасова, что онъ отослалъ сообщенные ему списки штатныхъ воспитанницъ, выпускаемыхъ въ 1849 году изъ царскосельскаго училища, въ петербургскую и новгородскую духовныя консисторіи для предъявленія ихъ окончившимъ курсъ ученикамъ мѣстныхъ семинарій, и что свободныя священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, если не представятся уважительныя причины къ отдачѣ этихъ мѣстъ въ пользу осиротѣвшихъ семействъ умершихъ священниковъ, будутъ удержаны для тѣхъ учениковъ, которые изъявятъ согласіе жениться на воспитанницахъ училища [2]).

На сдѣланный графомъ Протасовымъ епископу рижскому запросъ о томъ: есть ли въ виду двѣ вакансіи при православныхъ церквахъ сельскихъ приходовъ въ лифляндской губерніи, епископъ отвѣчалъ, что по его вызову два, кончившихъ курсъ въ духовной Академіи, воспитанника, согласились принять условіе, на которомъ имъ предлагались мѣста; но что при открытіи еще новыхъ трехъ священническихъ вакансій въ Лифляндіи, не имѣется въ виду кандидата, желающаго занять вакансію съ условіемъ жениться на воспитанницѣ царскосельскаго училища [3]). Епископъ винницкій

[1]) Сообщеніе гр. Протасова митрополиту 15 іюля 1849 г.

[2]) Сообщеніе митрополита С.-пет. и новг. графу Протасову 10 іюля 1849 г. (Арх. св. Синода).

[3]) Отвѣтъ епископа рижскаго 24 окт. 1849 г.

написалъ, что и въ его епархіи не нашлось желающихъ принять эти условія [1]).

Изъ представленнаго 20 ноября 1849 года списка „устроенныхъ замужествомъ" воспитанницъ перваго выпуска, видно, что такихъ было девять; къ 20-му февраля вышли замужъ еще три; осталось непристроенными шесть; но 15 февраля 1851 года Благочинный царскосельскаго училища донесъ графу Протасову, что „не осталось ни одной воспитанницы перваго выпуска, которая бы не была устроена замужествомъ". Къ этому онъ прибавлялъ, что „всѣ благословляютъ Бога и благодарятъ попечительное Начальство".

Въ 1849 году, послѣ перваго выпуска изъ царскосельскаго училища, цесаревна велѣла принимать воспитанницъ не иначе, какъ по строгомъ медицинскомъ освидѣтельствованіи врачемъ заведенія и по письменномъ его удостовѣреніи, что желающія поступить въ училище не имѣютъ физическихъ недостатковъ и „по здоровью и тѣлосложенію не подаютъ повода къ опасенію развитія въ нихъ упорныхъ или неизлечимыхъ болѣзней, несовмѣстимыхъ съ предстоящимъ имъ воспитаніемъ и съ будущимъ ихъ предназначеніемъ къ супружеской жизни".

Напоминанія епископамъ о желаніи цесаревны, чтобы они всѣми мѣрами старались выдать замужъ выпускаемыхъ изъ царскосельскаго и ярославскаго училищъ воспитанницъ, повторялись передъ каждымъ выпускомъ. Митрополитъ и епископы предписывали правленіямъ духовныхъ семинарій рекомендовать лучшимъ воспитанникамъ невѣстъ изъ воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ, и о желающихъ доносить имъ. Тверской епископъ прислалъ оберъ-прокурору подробный отчетъ о сдѣланныхъ имъ по этому предмету распоряженіяхъ. Онъ предписалъ консисторіи: 1) въ ея присутствіи „предъявить отцу дѣвицы милость и благоволеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Цесаревны, оказанную дочери его"; 2) спросить его: удовлетворительно ли будетъ для его дочери предоставленное въ пользу ея священническое мѣсто въ селѣ NN; 3) если онъ признаетъ это мѣсто удовлетворительнымъ, то и предоставить ему самому „не безъ посредства моего" избрать для дочери достойнаго ея жениха изъ студентовъ.

Когда одинъ священникъ, находя предлагаемое будущему мужу его дочери мѣсто удовлетворительнымъ, сказалъ, что, не имѣя еще при себѣ дочери и не зная, согласится ли она выйти замужъ за

---

[1]) Отвѣтъ епископа винницкаго, 15 дек., 1849 г.

предлагаемаго ей жениха, не можетъ распорядиться ея судьбой, то епископъ отдалъ мѣсто другому, а отцу невѣсты выдалъ паспортъ и далъ отпускъ на 28 дней, чтобы онъ съѣздилъ за дочерью.

Несмотря, однако, на старанія училищнаго и духовнаго начальства „пристраивать замужествомъ“ выпускаемыхъ изъ женскихъ духовныхъ училищъ воспитанницъ, съ каждымъ выпускомъ это становилось труднѣе. Правленіе царскосельскаго училища представило въ 1854 году отчетъ, изъ котораго было видно, что въ 1853 году выпущено изъ училища 29; изъ нихъ вышли замужъ 13; кромѣ того, еще не пристроены шесть воспитанницъ выпуска 1851 года, а между тѣмъ въ 1855 году должны быть выпущены еще 29. Основываясь на томъ, что въ училище весьма рѣдко поступаютъ пенсіонерки на счетъ родителей, а также, что въ епархіяхъ новгородской и петербургской не всегда есть священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, что остающіяся послѣ умершихъ священниковъ семейства также требуютъ со стороны епархіальнаго начальства заботъ объ устройствѣ ихъ судьбы тѣмъ же способомъ, т.-е. выдачею замужъ, причемъ мужъ обязанъ содержать и прочихъ членовъ осиротѣвшаго семейства, духовно-училищное управленіе признало, что епархіальному начальству трудно устраивать воспитанницъ царскосельскаго училища. Поэтому оно постановило испросить Высочайшее разрѣшеніе принимать въ царскосельское училище дочерей священнослужителей и изъ другихъ епархій, чтобы этимъ облегчить епархіальнымъ начальствамъ выдачу замужъ воспитанницъ.

Мало-по-малу, встрѣчаемыя на первыхъ порахъ затрудненія къ устройству въ епархіяхъ женскихъ духовныхъ училищъ, устранялись; къ 1855 году было открыто 8 училищъ кромѣ пріютовъ при монастыряхъ. Изъ нихъ четыре состояли подъ покровительствомъ императрицы.

Наиболѣе значительными изъ училищъ губернскихъ епархій были симбирское и харьковское.

Первое было основано преосвященнымъ симбирскимъ, который въ 1847 году увѣдомилъ оберъ-прокурора, что настоятельница симбирскаго Спасскаго дѣвичьяго монастыря вызвалась помочь ему въ осуществленіи давнишней его мысли — устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія, предложивъ, за умѣренную плату, помѣщеніе его въ монастырѣ, а также свой надзоръ за нимъ; обученіе воспитанницъ „приличнымъ духовному званію и необходимымъ въ кругу общественной жизни рукодѣліямъ, а отчасти и домоводству“ брали на себя монахини, а мѣстные священнослу-

жители вызвались обучать предметамъ, означеннымъ въ 14 статьѣ устава духовныхъ консисторій, т.-е. чтенію, письму, молитвамъ и церковному пѣнію. Кромѣ того, нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи предложили епископу даромъ преподавать и другіе предметы, а штатный врачъ семинаріи и аптекарь—даромъ лечить и отпускать лекарства.

Епископъ прибавлялъ, что образованная православная дѣвица, родомъ нѣмка, проживающая между сестеръ Спасскаго монастыря, предложила свои услуги въ качествѣ гувернантки будущихъ воспитанницъ; что многіе изъ паствы готовы давать посильныя приношенія и „расположили его воззвать ко всей Богоспасаемой паствѣ", послѣдствіемъ чего было составленіе капитала въ 6.844 р. 52 к., да „одна благородная особа, коллежская совѣтница Е. И. Пазухина", обѣщала вносить ежегодно по 14 рублей. „Сейчасъ же,—сообщалъ преосвященный,—явились и сироты; жалкій видъ и слезы ихъ" заставили его спѣшить открытіемъ училища, которое и состоялось 12 октября 1847 года.

Сначала оно было открыто въ видѣ пріюта на 12 сиротъ въ купленномъ у монастыря для училища за 300 р. деревянномъ флигелѣ, на ремонтъ котораго и все первоначальное обзаведеніе употреблено 1070 р. Игуменьѣ было опредѣлено 214 р. въ годъ на содержаніе училища. За это Синодъ выразилъ епископу свою признательность и въ особомъ указѣ разослалъ объ этомъ печатное извѣщеніе преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ [1]). Въ слѣдующемъ году епископъ писалъ оберъ-прокурору, что училище принято населеніемъ хорошо, что онъ еще не знаетъ, какъ и называть его: училищемъ или пріютомъ [2]), но что ободренный выраженною ему Синодомъ признательностью, онъ опять обратился къ паствѣ, и „благородное дворянство, почтенное купечество и даже смиренное духовенство" отозвались на его воззваніе; кромѣ вещей было собрано и деньгами столько, что съ прежде бывшими, у училища составился капиталъ въ 13.662 рубля и онъ, несмотря на холерную эпидемію, перестроилъ флигель, расширивъ его такъ, что въ немъ могутъ помѣщаться 20 воспитанницъ; кромѣ того устроены двѣ больничныя кровати. За всѣми расходами остался капиталъ въ 10.000 рублей.

Въ этомъ новомъ видѣ училище было открыто 19 сентября 1848 года и тогда же произведено публичное испытаніе двѣнадцати прежде поступившимъ воспитанницамъ, въ присутствіи „весьма

---

[1]) Арх. св. Синода. Постановленіе 31 дек. 1847 г.

[2]) Донесеніе 29 сент. 1848 г.

многихъ почетнѣйшихъ лицъ изъ дворянства, купечества и духовенства... Отрадно было слышать—писалъ епископъ—лестные отзывы благонамѣренныхъ, просвѣщенныхъ и даже, нерѣдко, утонченныхъ во вкусѣ, цѣнителей касательно удобства помѣщенія. Еще отраднѣе было видѣть самихъ малютокъ сиротъ, пріученныхъ къ регулярности, цвѣтущихъ (благодаря милости Божіей и усердію безмезднаго, опытнаго врача, медикохирурга Ивановскаго и содержателя вольной аптеки Маттиссона) здоровьемъ, съ пристойной развязностью въ обращеніи. Но несравненно отраднѣе весьма удовлетворительные отвѣты изъ предметовъ ученія".

Священникъ Спасскаго монастыря и наставники семинаріи преподавали учебные предметы; игуменья обучала церковному пѣнію и подъ ея надзоромъ „благородная гувернантка" дѣвица Долиньи, учила рукодѣліямъ, которыя были тутъ же представлены публикѣ. Четыре воспитанницы получили въ награду книги.

По просьбѣ жертвовавшихъ на училище лицъ, епископъ просилъ оберъ-прокурора исходатайствовать, чтобы оно было принято подъ покровительство кого-нибудь изъ Высочайшихъ особъ, а также обратить вниманіе на трудящихся въ заведеніи, и особенно на игуменью.

Въ слѣдующемъ году, для преподаванія воспитанницамъ географіи былъ приглашенъ инспекторъ симбирскихъ духовныхъ училищъ, который взялся преподавать даромъ.

Перечисляя вновь поступившія на училище пожертвованія, епископъ упомянулъ о томъ, что симбирское городское общество пожертвовало 150 рублей, купеческій сынъ Сапожниковъ—140 аршинъ голубого шелону на 100 рублей, что, по мнѣнію епископа, свидѣтельствуетъ „сколько о вниманіи симбирскихъ жителей къ сему учебному заведенію, столько же и о существующемъ въ немъ порядкѣ". Кромѣ того, за пожалованіе золотой медали самарскому 2-ой гильдіи купцу, онъ пожертвовалъ училищу 200 р.

На повторенное и въ этомъ году ходатайство о принятіи училища подъ Высочайшее покровительство, оберъ-прокуроръ отвѣчалъ, что „отношенія подчиненности состоящихъ подъ покровительствомъ цесаревны училищъ, равно и обязанности, возложенныя на начальницъ оныхъ по уставу, не могутъ быть совмѣщены ни съ помѣщеніемъ симбирскаго училища въ духовной обители, ни съ званіемъ начальствующей надъ онымъ настоятельницы монастыря, состоящихъ въ полной и непосредственной подчиненности мѣстнаго епархіальнаго начальства" [1]). Повиди-

[1]) 29 сентября 1849 г.

мому, и просьба преосвященнаго о вниманіи къ трудящимся въ училищѣ не была тогда удовлетворена, ибо 10 сентября 1849 г. онъ писалъ, что трудящіеся въ его училищѣ „будутъ довольны изъявленіемъ имъ на сей разъ благодарности“ отъ оберъ-прокурора, и въ отвѣтъ на это наставникамъ и трудящимся было объявлено благословеніе св. Синода.

Въ 1849 году были приняты въ училище двѣ пенсіонерки съ платою—въ первый годъ по 100 рублей за каждую, а въ послѣдующіе по 50 рублей. Сообщая объ этомъ, преосвященный говорилъ, что желавшихъ было много, но выбраны дочери достойнѣйшихъ и притомъ вдовыхъ отцовъ.

Въ составленномъ, по приглашенію оберъ-прокурора въ 1850 году, симбирскимъ преосвященнымъ проектѣ устава училища, цѣль его „сообразно съ намѣреніями благотворителей“ была двоякая: 1) дать пріютъ сиротамъ дѣвицамъ, и 2) образовать изъ нихъ достойныхъ супругъ служителей алтаря Господня и впослѣдствіи добрыхъ матерей, или, по крайней мѣрѣ, черезъ образованіе открыть имъ средства къ безбѣдному содержанію себя въ будущемъ. Сироты принимались не моложе десяти, но не старше двѣнадцати лѣтъ; преимущество отдавалось дочерямъ священнослужителей передъ церковнослужительскими. Казенныхъ воспитанницъ, т.-е. содержимыхъ на проценты съ пожертвованнаго (въ 20.000) капитала, полагалось двадцать; кромѣ того допускались три пенсіонерки и четыре вольноприходящія.

Предметы ученія были назначены тѣ, „что для нихъ, какъ христіанокъ, будущихъ супругъ священниковъ, добрыхъ матерей и домохозяекъ“ нужны, т.-е. русская грамота, законъ Божій, катехизисъ, священная исторія, изъясненіе православнаго богослуженія и преимущественно литургіи, ариѳметика до тройного правила и вычисленіе на счетахъ, русская грамматика, всеобщая исторія и географія кратко, преимущественно же русскія, рукодѣліе, чистописаніе, рисованіе, сколько нужно для составленія узоровъ и шитья, церковное пѣніе. Воспитанницъ предписывалось обучать хожденію за больными въ устроенной при училищѣ больницѣ „при кроватяхъ своихъ сверстницъ“, опытному домохозяйству. Библіотека должна была состоять изъ книгъ нравственнаго содержанія и относящихся къ хозяйству. Наставники семинаріи и низшихъ духовныхъ училищъ, преподававшіе учебные предметы, также и монахини, обучавшія рукодѣлію, должны были трудиться безмездно „изъ послушанія или благотворенія“, но это обозначалось въ ихъ послужныхъ спискахъ. Въ случаѣ еслибы не нашлось желающихъ взять на себя эти обязанности безплатно, раз-

рѣшалось приглашать и за плату. Курсъ полагался шестилѣтній, но можно было „и болѣе и менѣе, смотря по лѣтамъ и степени образованія воспитанницы". По окончаніи курса, тѣ, у которыхъ есть достаточные родственники, должны были отпускаться къ нимъ, а неимѣющія такихъ родственниковъ—въ дома достаточныхъ священнослужителей „и другихъ благородныхъ особъ, которыя пожелаютъ имѣть ихъ руководительницами своихъ дѣтей". Прочія же могли быть оставляемы въ училищѣ для занятій, какія опредѣлитъ имъ начальница. Епархіальному начальству вмѣнялось въ обязанность заботиться о судьбѣ всѣхъ воспитанницъ; выходящимъ замужъ оно должно было выдавать пособіе.

Преосвященному, какъ попечителю училища, уставъ предоставлялъ полныя права по всѣмъ частямъ; онъ долженъ былъ одобрять руководства для преподаванія и назначать плату съ своекоштныхъ пенсіонерокъ. Ближайшій надзоръ возлагался на настоятельницу, которая могла сама выбирать гувернантку или изъ благородныхъ особъ постороннихъ, или изъ монахинь, или изъ кончившихъ курсъ воспитанницъ. Старшія воспитанницы должны были заниматься съ младшими [1]).

Харьковское училище было открыто въ 1853-мъ году епископомъ Филаретомъ, который еще въ 1848-мъ году, по полученіи указа Синода 31 декабря 1847 года, объ открытомъ въ Симбирскѣ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, учредилъ комитетъ изъ членовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, для изъисканія средствъ къ устройству такого же училища въ Харьковѣ. Къ 1853-му году было собрано до 23.000 рублей и поступило много пожертвованій вещами. Городской голова пожертвовалъ матеріалы и капиталъ для возведенія трехъэтажнаго дома, который и построенъ на городскомъ кладбищѣ съ тѣмъ, чтобы строющійся кладбищенскій храмъ служилъ и для училища, „а кладбище было учителемъ о суетѣ всего земного". Донося объ этомъ, преосвященный просилъ у Синода благословенія открыть училище на основаніи устава 1843 года и примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Такъ какъ кромѣ капитала въ 16.000 рублей, оставшагося послѣ постройки дома для училища, комитетъ попечительства ежегодно собиралъ въ его пользу до трехъ тысячъ рублей, то Синодъ разрѣшилъ открыть училище, указавъ только на то, что училище на кладбищѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на дѣвицъ, „какъ по впечатлѣнію, такъ и по нечистому воздуху". Поэтому

---

[1]) Проэктъ устава симб. дух. уч. 8-го февр. 1850 г.

онъ предложилъ промѣнять этотъ домъ на другой. Но это оказалось невозможнымъ потому, какъ писалъ преосвященный оберъ-прокурору, что благотворители, городской голова и его родственники, не иначе жертвовали какъ съ условіемъ, чтобы домъ для училища былъ именно на кладбищѣ, „дабы въ сооруженной близъ него кладбищенской церкви возносимы были молитвы объ успокоеніи усопшихъ ихъ родныхъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ и ихъ самихъ, когда они умрутъ". Мѣстность кладбища, по словамъ преосвященнаго, самая возвышенная и считается самою здоровою въ городѣ и самою красивою по видамъ; тутъ помѣщены и лучшія городскія зданія: харьковскій институтъ, высшее ветеринарное училище; домъ для женскаго духовнаго училища отдѣленъ отъ кладбища значительнымъ пространствомъ пустого мѣста, оградою и обширнымъ храмомъ. Въ заключеніе епископъ сообщалъ, что онъ на опытѣ убѣдился въ невозможности надѣяться на полученіе другого городского мѣста для училищнаго дома и что училище уже открыто [1]).

Въ 1851 году были запрещены сборы на училища для дѣвицъ духовнаго званія среди духовенства. На донесеніе епископа рязанскаго о томъ, что побуждаемый жалкой участью сиротъ, число которыхъ увеличилось послѣ холеры 1848 года, онъ пригласилъ духовенство епархіи къ пожертвованіямъ на устройство въ Рязани училища для дѣвицъ духовнаго званія и постройку для него собственнаго дома, и что оно изъявило согласіе и уже собрало 12.000 рублей, Синодъ постановилъ благодарить епископа, но нашелъ, что ежегодный взносъ мѣстнымъ духовенствомъ суммы въ 2.325 рублей [2]) на содержаніе воспитанницъ „непроченъ тѣмъ болѣе, что законъ не дозволяетъ производить подобный сборъ съ лицъ служащихъ и, слѣдовательно, съ духовныхъ подчиненныхъ лицъ". Поэтому Синодъ „для устраненія недоразумѣній и жалобъ" предписалъ отмѣнить этотъ сборъ [3]).

Синодъ не разрѣшалъ употреблять на устройство женскихъ духовныхъ училищъ и суммъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія; они могли выдавать лишь ежегодныя пособія въ не-

[1]) Сообщеніе преосв. Филарета гр. Протасову 24-го авг. 1854 г.

[2]) *Вѣдомость пожертвованіямъ на ряз. уч. 10 авг. 1850 г.* Въ этой суммѣ ежегодныхъ взносовъ отъ духовенства показано 1.871 р. и, кромѣ того, единовременныхъ отъ него же 6.425 р. 30 к. Отъ монастырей епархіи получено единовременно 1.247 р. 25 к. и обѣщано ежегодныхъ 380 р.; отъ архіепископа рязанскаго—40 р. ежегодно и 60 р. единовременно; отъ архіерейскаго дома 30 р. ежегодно и 99 р. единовременно. Отъ свѣтскихъ лицъ получено 1.830 р. 76 коп. единовременно; изъ нихъ 1.500 р. пожертвовано однимъ купцомъ.

[3]) Опредѣленіе Синода 3 сент. 1851 г.

большомъ размѣрѣ на содержаніе воспитанницъ. Въ 1855 году рязанскій епископъ, представляя Синоду отчетъ о суммахъ попечительства, говорилъ, что онѣ „ростутъ ежегодно, а потребности въ нихъ не предвидится“. Поэтому онъ просилъ разрѣшенія взять изъ процентовъ этихъ суммъ пять тысячъ для окончательнаго устройства женскаго училища съ тѣмъ, чтобы занятая сумма была возвращена попечительству черезъ десять лѣтъ безъ процентовъ. Синодъ согласился на это только послѣ настойчивыхъ просьбъ епископа, который писалъ оберъ-прокурору: „испрашивается не чужое, а свое и для своихъ; капиталъ попечительства могъ составиться и не составиться... Между тѣмъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ — прямое назначеніе попечительства“ [1]).

Училище было открыто въ 1855 году. При открытіи у него былъ капиталъ въ 16.000 рублей, 2.700 рублей на содержаніе изъ процентовъ пенсіонерокъ и обѣщано еще 4.300 рублей. Учителя согласились преподавать даромъ.

Доходы попечительствъ, составлявшіеся изъ пожертвованій, кружечныхъ сборовъ, кладбищенскихъ доходовъ, взысканій по духовному вѣдомству, штрафныхъ денегъ и ежегодно отчисляемыхъ, согласно Высочайше утвержденному въ 1823 году положенію св. Синода, изъ духовно-училищныхъ капиталовъ 42.858 рублей для призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія [2]) возрастали болѣе чѣмъ на 100.000 рублей въ годъ.

Въ числѣ крупныхъ пожертвованій духовному вѣдомству было, сдѣланное въ 1838 году, пожертвованіе шапочнымъ мастеромъ Макушиновымъ; по духовному завѣщанію онъ оставилъ „бѣднымъ и нищимъ“ капиталъ, возросшій къ 1852 году до 75.294 рублей, изъ которыхъ 31.428 рублей были завѣщаны одиннадцати монастырямъ новгородской, петербургской, псковской и кіевской епархій.

По распоряженію Синода капиталъ Макушинова былъ переданъ въ завѣдываніе комитета по назначенію митрополита и въ 1850 году изъ него, въ память Макушинова, было отдѣлено 5.000 рублей царскосельскому училищу, на содержаніе изъ процентовъ двухъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ и выдачи имъ при замужествѣ приданаго, а въ 1852 году Синодъ отдѣлилъ этому училищу еще 25.000 рублей и 10.000 р. ярославскому [3]).

---

[1]) Частное письмо 31-го окт. 1855 г. (Арх. св. Синода).

[2]) Отпускъ этой суммы былъ прекращенъ въ 1863 году, такъ какъ къ этому году собственный капиталъ попечительствъ составлялъ въ сложности до двухъ милліоновъ рублей. (Опредѣленіе Синода 21 авг. 1863 г.).

[3]) Опредѣленіе Синода 12 янв. 1852 г. (Арх. св Син.).

Послѣднему было назначено душеприкащиками маiорши Азанчеевой 1.200 руб. въ годъ изъ капитала въ 20.000 рублей; на проценты съ этой суммы должна была содержаться въ училищѣ одна пенсiонерка, сирота или бѣднѣйшаго отца дочь духовнаго званiя ярославской епархiи. Извѣщая объ этомъ правленiе училища, душеприкащики (протоiереи) просили его „по духу благочестиваго воспитанiя внушать воспитанницѣ, чтобы благодѣтельное имя Надежды было у нея на цѣлую жизнь въ памяти и на молитвѣ, и чтобы углубить и усвоить это имя памяти и сердцу пенсiонерки, ходатайствовать (о томъ чтобы) или къ ея фамилiи прибавить, или одну дать,—Надеждиной“ [1]).

Пожертвованiе Азанчеевой заключалось въ пустоши въ 87 десятинахъ 695 саженяхъ и деревянномъ домѣ; все это имущество она завѣщала продать, движимость роздать „по душѣ ея“ на богоугодныя заведенiя, тюремные замки и т. п., а капиталъ въ 20.000 рублей, по усмотрѣнiю душеприкащиковъ, раздать бѣднымъ и нищимъ.

Крупное пожертвованiе духовному вѣдомству было сдѣлано камеръ-фрейлиною графинею Орловою-Чесменскою, умершею въ 1849 году. По ея духовному завѣщанiю было предоставлено въ непосредственное распоряженiе попечительствъ епархiальнаго вѣдомства, на вспомоществованiе вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ православнаго грекороссiйскаго исповѣданiя, въ каждую епархiю по 6.000 рублей и, кромѣ того, 340 монастырямъ, мужскимъ и женскимъ, по 5.000 рублей каждому. Полоцкому Спасо-Ефимьевскому монастырю графиня Орлова завѣщала 11.000 рублей.

Еще при учрежденiи этого монастыря въ 1833 году, Синодъ разрѣшилъ открыть при немъ небольшое училище для священническихъ дочерей, преимущественно круглыхъ сиротъ. Оно было открыто въ 1844 году на 21 воспитанницу, изъ которыхъ 13 содержались пособiемъ отъ попечительства, выдававшимся въ размѣрѣ 15-ти рублей въ годъ на каждую воспитанницу, 4—на средства монастыря, 4 были своекоштными съ платою отъ 20-ти до 25-ти рублей „по возможности“ [2]). Помѣщались онѣ въ особыхъ комнатахъ въ монастырѣ; монахини обучали ихъ закону Божiю, священной исторiи, краткой всеобщей исторiи и географiи, церковному пѣнiю и рукодѣлiямъ; духовникъ обители преподавалъ ихъ русское и славянское чтенiе, начала ариѳметики и краткую русскую грамматику. Воспитанницы готовили кушанье, доили ко-

[1]) Арх. св. Син. 7 марта 1851 г.

[2]) Репортъ Архiепископа полоцкаго и витебскаго 13 авг. 1845 г.

ровъ, разливали молоко, дѣлали масло, работали въ саду и огородѣ, пріучались распознавать качества пахотной земли, занимались удобреніемъ и обработкой ея, наблюдали время посѣвовъ и уборки разнаго хлѣба. Средствъ у училища было мало и архіепископъ полоцкій нѣсколько разъ обращался къ Синоду съ просьбою назначить изъ духовноучилищнаго капитала сумму на содержаніе двадцати сиротъ по 30 рублей въ годъ на каждую, и десяти полупенсіонерокъ по 15-ти рублей. Эта просьба была уважена въ 1849 году на томъ основаніи, что „въ западномъ краѣ такихъ женскихъ училищъ еще не было, а они могутъ содѣйствовать къ улучшенію семейнаго и нравственнаго быта возсоединеннаго духовенства и поддержанію должнаго къ нему уваженія иновѣрцевъ“ [1]).

Въ представленномъ, по требованію духовноучебнаго управленія, полоцкою духовною консисторіею проэктѣ устава, она полагала давать училищу и проценты съ пожертвованныхъ полоцкому попечительству графинею Орловою шести тысячъ рублей; но Синодъ нашелъ несправедливымъ употреблять всю сумму процентовъ на женскихъ сиротъ, такъ какъ капиталъ пожертвованъ вообще на бѣдныхъ духовнаго званія. Содержаніе воспитанницъ предполагалось уставомъ весьма скромное; изъ 30 рублей, опредѣленныхъ на каждую воспитанницу, на пищу ей было назначено по 5 копѣекъ въ день, и то „по дороговизнѣ въ витебской губерніи продовольственныхъ предметовъ“, на одежду 9 рублей 53 коп. въ годъ, 2 р. 47 копѣекъ — на учебныя пособія [2]).

Къ наиболѣе обезпеченнымъ въ концѣ царствованія императора Николая женскимъ училищамъ, принадлежало смоленское, открытое въ 1848 году при вяземскомъ Аркадьевскомъ монастырѣ на 20 воспитанницъ, содержавшихся на суммы епархіальнаго вѣдомства (по 35 рублей на каждую); кромѣ того допускалось, по удобству помѣщенія, нѣкоторое число дѣвицъ духовнаго и другихъ званій па счетъ родителей и благотворителей. Уставъ его, согласованный духовно-учебнымъ управленіемъ съ уставами царскосельскаго и ярославскаго училищъ „насколько можетъ быть совмѣщено съ состояніемъ новаго училища въ духовной обители и подъ ближайшимъ монастырскимъ подначальствомъ“, былъ утвержденъ тогда же Синодомъ въ видѣ опыта на два года и впослѣдствіи служилъ образцомъ для другихъ, открывавшихся при

---

[1]) Въ западномъ краѣ при женскихъ греко-уніатскихъ монастыряхъ было 6 училищъ съ 108 учащимися, для свѣтскихъ дѣвицъ. (Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1837 г.).

[2]) Отч. Архіеп. полоцкаго графу Протасову 22 сент. 1850 г.

обителяхъ училищъ. Но въ 1851 году игуменья вяземскаго монастыря, предоставившая училищу при его открытіи двухъэтажное помѣщеніе и предложившая въ надзирательницы одну изъ сестеръ обители, отказала въ помѣщеніи училища въ монастырѣ и тогда оно было переведено въ Смоленскъ, гдѣ, на отведенной настоятельницею Вознесенскаго монастыря землѣ, былъ выстроенъ для училища собственный домъ. Въ 1855 году число воспитанницъ простиралось до 65-ти (20—на средства попечительства, 18 полупенсіонерокъ, 18 приходящихъ, 9 даровыхъ). Изъ нихъ 60 были духовнаго званія, 4 — дочери чиновниковъ, одна — мѣщанка [1]). У училища былъ капиталъ въ 14.000 рублей.

Рядомъ съ такими, нѣсколько обезпеченными, женскими духовными училищами, въ 1855 году продолжали существовать училища въ видѣ пріютовъ. По донесеніямъ преосвященныхъ, въ пріютахъ дѣти жили по семи лѣтъ и болѣе, до замужества „при содѣйствіи епархіальнаго начальства". Воспитанницы содержались плохо, спали иногда до 15 человѣкъ въ одной кельѣ на полу, терпѣли лишенія въ пищѣ и одеждѣ, а иногда не получали и никакого образованія" [2]).

Тѣмъ не менѣе женскія духовныя училища, хотя бы и въ видѣ пріютовъ, въ первые 12 лѣтъ своего существованія (1843—1855) распространялись по всей имперіи, даже по окраинамъ: въ Екатеринбургѣ, Каргополѣ, Перми, Астрахани. Но учебная часть была организована, и преподаватели, состоявшіе бо́льшей частью учителями гимназій, получали за свой трудъ вознагражденіе, только въ училищахъ, находившихся подъ покровительствомъ цесаревны, и, въ особенности, царскосельскомъ и ярославскомъ.

Программа публичнаго испытанія, происходившаго въ 1853 году въ царскосельскомъ училищѣ, въ присутствіи цесаревны, митрополита, оберъ-прокурора Синода и начальницы Воспитательнаго Общества, заключала въ себѣ слѣдующіе предметы: законъ Божій въ обширномъ объемѣ, русскій языкъ и теорію словесности; историческое обозрѣніе русскихъ писателей: духовные писатели современные Петру, а также второй половины 18-го столѣтія. Воспитанницы прочли наизусть стихотворенія: *Утреннее размышленіе о Божьемъ величіи* Ломоносова, изъ Державину оду *Богъ* и *Фелица.* Духовные писатели при Александрѣ I, Карамзина стихотвореніе: *Къ бѣдному поэту*; Дмитріева: *Размышленіе*

[1]) Арх. св. Синода. Донесеніе бывшаго смоленскаго архіепископа Тимофея 1859 г.

[2]) Донесеніе пензенскаго епископа Синоду. 1855 г.

по случаю грома; Крылова басни: *Орелъ и Пчела, Волкъ и Лисица*; Жуковскаго: *Младенецъ*; Батюшкова: *Тѣнь друга.* О состояніи современнаго просвѣщенія общественнаго и духовнаго. Современные намъ духовные писатели. Пушкина стихотворенія: *Брожу ли я, Отцы пустыни, Слова Пимена*, отрывокъ изъ *Бориса Годунова.* Языкова: *Подражаніе псалму 14-му.* Князя Вяземскаго: *Молись, святая Русь*; Лермонтова: *Вѣтка Палестины, Когда волнуется желтѣющая нива;* Кольцова: *Молитва.* Женщины-писательницы: стихотвореніе графини Растопчиной: *Крестъ—хранитель.* Изъ географіи: обзоръ Европы въ физическомъ и политическомъ отношеніи; раздѣленіе Россіи на губерніи и епархіи, водяныя сообщенія. Древняя и средняя исторія: крестовые походы, реформація, царствованіе Людовика XIV. Изъ исторіи Россіи: сверженіе ига монгольскаго; избраніе на царствованіе Михаила Ѳедоровича Романова, юность Петра Великаго, полтавская битва, паденіе Польши, событія 1812 года, усмиреніе польскаго мятежа въ царствованіе императора Николая.

Русскій языкъ въ царскосельскомъ училищѣ преподавалъ профессоръ духовной Академіи Лучицкій, а исторію и географію въ иркутскомъ—профессоръ иркутской семинаріи Загоскимъ. Въ иркутскомъ училищѣ воспитательница и ея помощница преподавали воспитанницамъ начальныя правила русской грамматики и ариѳметики [1]). При выпускахъ воспитанницамъ выдавались денежныя награды и аттестаты за подписью училищнаго начальства.

Въ отчетѣ царскосельскаго училища за 1854 годъ было сказано, что бывшія воспитанницы „доставляютъ много отрады мужьямъ, которые благословляютъ Бога, внушившаго имъ при выборѣ спутницъ обратить вниманіе на дѣвицъ, имѣющихъ главнымъ достоинствомъ своимъ душевную красоту съ образованіемъ, совершенно приличнымъ женамъ служителей Олтаря Господня". Многія изъ бывшихъ воспитанницъ ярославскаго училища, уже будучи замужемъ, завели школы и сосѣдніе крестьяне, по словамъ отчета этого училища, „обращаются къ начальницѣ прося исходатайствовать у преосвященнаго, священника, женатаго на воспитанницѣ училища [2]). Преосвященный симбирскій писалъ оберъ-прокурору, что по его наблюденію и отзывамъ благородныхъ лицъ „христіанскою жизнью своею бывшія воспитанницы подаютъ примѣръ благотворный для прихожанъ въ обращеніи и бесѣдахъ назидательны, особенно для крестьянокъ и ихъ дѣтей" [3]).

[1]) Отчетъ за 1854 г.

[2]) Отчетъ за 1855 г.

[3]) Донесеніе Архіепископа бывшаго смол., теперь симбирскаго, Тимофея 1859 г.

Что касается спеціальнаго образованія женщинъ, то, кромѣ повивальнаго искусства, онѣ могли изучать и зубоврачебное съ правомъ практиковать его. Для полученія этого права онѣ должны были, наравнѣ съ мужчинами, представить свидѣтельство, утвержденное подписью мѣстнаго медицинскаго начальства, въ томъ, что „обучались зубному искусству съ хорошимъ успѣхомъ не менѣе трехъ лѣтъ и что производили разныя зубныя операціи на живыхъ людяхъ съ надлежащимъ искусствомъ и знаніемъ; выдержать экзаменъ о строеніи человѣческихъ челюстей, зубовъ и десенъ, о болѣзняхъ въ сихъ частяхъ и способѣ ихъ леченія мѣстными средствами; подвергнуться практическому экзамену въ клиникѣ и сдѣлать нѣсколько зубныхъ операцій на трупахъ и живыхъ лицахъ“ [1]). При патріотическомъ институтѣ и Елизаветинскомъ училищѣ съ 1833 года состояла на службѣ дантистка Віолье; но она не выдергивала зубы, а лишь наблюдала за хорошимъ ихъ состояніемъ у воспитанницъ и лечила ихъ, за что получала 142 рубля 85 копѣекъ въ годъ [2]).

Въ послѣдній годъ жизни императора Николая было учреждено при петербургскомъ Воспитательномъ домѣ отдѣленіе для приготовленія фельдшерицъ. Въ него могли поступать только посороннія лица вольнослушательницами, для которыхъ читались курсы, сообщавшіе желавшимъ получить свидѣтельство на званіе фельдшерицы, необходимыя для исполненія этихъ обязанностей, научныя знанія. Курсы были устроены съ тою цѣлью, чтобы имѣть ежегодный контингентъ научно подготовленныхъ фельдшерицъ для Воспитательнаго дома и другихъ учрежденій Императрицы Маріи [3]).

Но еще ранѣе учрежденія этихъ курсовъ, именно въ 1844 году, по инициіативѣ принцессы Терезіи Ольденбургской и при участіи великихъ княженъ Маріи и Александры Николаевенъ, была основана въ Петербургѣ община сестеръ милосердія, принятая подъ покровительство императрицы. Община находилась подъ попечительствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и состояла изъ семи отрядовъ; въ ихъ числѣ былъ отрядъ сестеръ, на которыхъ былъ возложенъ уходъ за больными въ устроенной при общинѣ больницѣ и исполненіе всѣхъ фельдшерскихъ обязанностей [4]). Сестры завѣдывали и находившеюся при Обществѣ ап-

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1845 г.

[2]) Журналы гл. Совѣта 1854 г.

[3]) *Златковскій.* Женское спеціальное образованіе въ Петербургѣ. С.-Пет. 1875 г., стр. 34.

[4]) Отчетъ Общ. сестеръ милосердія за 1845 и 1849 годы. (Отеч. Зап. томы XLI и LXXI).

текою, въ которой сами приготовляли лекарства, а съ 1854 года ежедневно занимались перевязкою ранъ въ петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ подъ руководствомъ врача [1]).

Въ 1836 году состоялось важное преобразованіе петербургскаго повивальнаго института; существовавшій отдѣльно отъ него, родильный госпиталь, за годъ передъ тѣмъ былъ къ нему присоединенъ и всему учрежденію дано общее наименованіе Родовспомогательнаго заведенія. По данному ему Положенію, нѣмецкій классъ Воспитательнаго дома, изъ котораго воспитанницы поступали въ повивальный институтъ, упраздненъ и вмѣсто бывшихъ прежде 60-ти, положено принимать въ институтъ всего 40 воспитанницъ, которыя, пробывъ въ немъ два года (а не четыре, какъ было ранѣе) опредѣлялись затѣмъ на казенныя мѣста. Кромѣ того было положено принимать въ это заведеніе 20 воспитанницъ крестьянскаго сословія съ платою за каждую по 250 рублей ассигнаціями въ годъ. Изъ нихъ долженъ былъ образоваться контингентъ сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя, возвращаясь по окончаніи курса въ свою среду, обязаны были оказывать помощь крестьянскимъ роженицамъ. Тогда же были допущены къ безплатному слушанію курса повивальнаго искусства женщины всякаго званія и состоянія, отъ 18-ти до сорокалѣтняго возраста въ качествѣ вольноприходящихъ. При заведеніи была открыта даровая амбулаторная лечебница, въ которой слушательницы могли ближе знакомиться съ женскими болѣзнями. Число безплатныхъ вольноприходящихъ слушательницъ было такъ велико, что съ 1839 года былъ прекращенъ пріемъ питомицъ Воспитательнаго дома въ казенныя воспитанницы, а на штатныя вакансіи могли поступать дѣвицы всякаго званія [2]).

Въ 1844 году были учреждены курсы повивальнаго искусства въ Кіевѣ, при университетѣ св. Владиміра. Слушательницы принимались не моложе 18-ти и не старше 30-ти лѣтъ приходящими и своекоштными; при поступленіи отъ нихъ требовалось умѣнье читать, писать и ясно понимать по-русски, „а сверхъ того, чтобы имѣли умъ сколько-нибудь образованный, суевѣріями и предразсудками не зараженный, память хорошую, представленіе живое и сложеніе тѣла соотвѣтствующее будущимъ ихъ занятіямъ“ [3]). Курсъ ученія полагался двухлѣтній; по теорію пови-

---

[1]) Историческій очеркъ свято-троицкой общины сестеръ милосердія въ Петербургѣ за 50 лѣтъ. 1844—1894 гг. С.-Пет. 1894 г.

[2]) *Злотковскій*, стр. 67.

[3]) Положеніе объ учр. при унив. св. Влад. курса повив. искусства для женщинъ. 21 дек. 1844 г. (Ж. мин. пр. 1845 г., кн. 45-я.

вальнаго искусства, примѣненнаго къ надобностямъ повивальной бабки, имъ преподавали лишь въ теченіи одного полугодія, особо отъ студентовъ; остальныя три полугодія были назначены на практическія упражненія подъ руководствомъ клинической повивальной бабки подъ надзоромъ профессора или адъюнкта по кафедрѣ акушерства. Теоретическій курсъ повторялся во второмъ полугодіи второго учебнаго года, въ концѣ котораго начальство собирало свѣдѣнія о поведеніи ученицъ. Окончившія полный курсъ ученія допускались къ экзамену въ засѣданіи медицинскаго факультета [1]) и выдержавшія его, получали отъ Совѣта университета атестатъ на званіе повивальной бабки.

Для элементарнаго образованія дѣтей женскаго пола съ 1837 года существовали въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи дѣтскіе пріюты и, кромѣ того, были школы женскаго патріотическаго Общества въ Петербургѣ и разныхъ благотворительныхъ Обществъ въ Москвѣ и губерніяхъ.

Основанные по мысли оберъ-камергера графа Г. А. Строганова въ 1837 году, дѣтскіе пріюты стали быстро распространяться по всей Россіи; для завѣдыванія ими были учреждены въ столицахъ Совѣты, а въ губерніяхъ Попечительства, подъ общимъ для всѣхъ надзоромъ Высочайше учрежденнаго въ 1839 году комитета главнаго попечительства, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ сначала графа Строганова, а потомъ—графа Блудова.

Пріюты, также какъ и школы патріотическаго и московскаго благотворительнаго Обществъ, находились въ завѣдываніи статсъ-секретаря Лонгинова подъ названіемъ *Благотворительныя и Учебныя заведенія подъ непосредственнымъ Государыни Императрицы покровительствомъ*, и послѣ его смерти, въ 1853 году, были присоединены къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. При передачѣ, всѣхъ пріютовъ было 81; изъ нихъ 19 въ Петербургѣ, 9 въ Москвѣ, 53 въ губерніяхъ.

Школъ патріотическаго Общества въ 1853 году было 15; московскаго благотворительнаго 14 [2]). Кромѣ того вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи были переданы школы человѣко-

---

[1]) Св. законовъ, изд. 1842 г. Т. 13.

[2]) Моск. благотв. Общество основано въ 1837 году по желанію великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевенъ съ цѣлью „доставить бѣднымъ дѣвицамъ свободнаго состоянія соотвѣтственное ихъ положенію образованіе. Оно имѣло во всѣхъ частяхъ города школы, куда принимались и пенсіонерки съ платою по 60 р. въ годъ и 5 р. единовременно при поступленіи. Въ 14-ти школахъ, въ 1858 году воспитывалось 240 дѣвицъ и 66 пенсіонерокъ. Капиталъ Общ. простирался до 173.843 р. (Дѣла г. Совѣта).

любиваго Общества въ обѣихъ столицахъ, а также, основаннаго въ 1844 году дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ [1]).

Для элементарнаго же образованія дѣтей женскаго пола существовали на Кавказѣ женскія училища, основанныя на благотворительныя средства. Первымъ изъ нихъ, послужившимъ образцомъ для другихъ, было училище св. Нины въ Тифлисѣ; оно учреждено въ 1846 году княгинею Е. Воронцовою, бывшею предсѣдательницею благотворительнаго Общества св. Нины. Училище было открыто съ цѣлью давать „необходимое образованіе на первый разъ 29-ти дѣвицамъ недостаточнаго состоянія". Въ 1850 году ученицъ было уже 89 и, кромѣ него, открыто второе училище въ Кутаисѣ на 15 безплатныхъ ученицъ; пенсіонерки, которыхъ въ 1850 году въ этомъ училищѣ было 73, платили по 80 рублей въ годъ. Благотворительное Общество св. Александры содержало четыре училища: въ Ставрополѣ, Кутаисѣ, Шемахѣ и Эривани. Тифлисскому училищу, по приказанію императрицы, выдавали по 150 рублей въ годъ изъ запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

Кромѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ вѣдѣніи котораго состояли почти всѣ среднеобразовательныя женскія учебныя заведенія, съ закрытою, кромѣ весьма немногихъ, системою воспитанія, въ царствованіе императора Николая были женскія училища и въ другихъ вѣдомствахъ.

Старѣйшее изъ нихъ, основанное еще при Петрѣ, нѣмецкое училище св. Петра съ женскимъ при немъ отдѣленіемъ, въ 1854 году состояло изъ восьми классовъ для мальчиковъ и пяти для дѣвочекъ, которымъ преподавали: законъ Божій, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій (за особую плату), ариѳметику, географію, исторію, опытную физику, естественную исторію, чистописаніе, рисованіе (за особую плату), рукодѣліе, танцы и гимнастику (за особую плату). Всѣ ученицы были приходящими и платили, смотря по классамъ, отъ 6 рублей 50 копѣекъ до 12-ти рублей каждые три мѣсяца. Въ 1839 году имъ было дано право на полученіе званія домашней учительницы безъ особаго экзамена [2]).

Приблизительно съ тѣмъ же курсомъ было женское отдѣленіе и при училищѣ св. Анны, основанномъ въ 1736 году въ Петер-

---

[1]) Въ числѣ заведеній дамскаго попечительства, кромѣ школъ, были два женскихъ училища: Маріинское (бывшее Ермолаевское) и Александро-Маріинское съ курсомъ среднеучебныхъ заведеній.

[2]) *Вороновъ*. Ист.-статист. обозрѣніе уч. зав. С.-Пет. уч. округа съ 1829 по 1853 г. С.-Пет. 1854 г.

бургѣ. При немъ былъ и пансіонъ для желающихъ; плата съ пенсіонерокъ (300 рублей въ годъ) была выше нежели съ пенсіонеровъ (240 р. въ г.). Въ 1852 году воспитанницамъ были предоставлены тѣ же права, какъ и въ училищѣ св. Петра.

Въ 1840 году было открыто женское отдѣленіе и при римско-католическомъ училищѣ св. Екатерины, основанномъ въ 1769 году, съ болѣе сокращеннымъ курсомъ и въ составѣ трехъ классовъ.

Женскія отдѣленія съ курсомъ приходскихъ училищъ, но съ прибавленіемъ иностранныхъ языковъ, были въ училищахъ и при другихъ церквахъ иностранныхъ исповѣданій. Большинство учащихся во всѣхъ такихъ училищахъ, куда принимались дѣти и православнаго исповѣданія, принадлежали къ сословію купцовъ и мѣщанъ [1]). Училища состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этомъ вѣдомствѣ было еще нѣсколько, но очень немного, женскихъ училищъ съ курсомъ выше элементарнаго, въ губерніяхъ; министерству принадлежалъ только надзоръ за учебною частью въ этихъ училищахъ, такъ какъ они были учреждены и содержались частными лицами, дворянствомъ или городскими обществами. Одно изъ такихъ училищъ было въ Архангельскѣ; мысль объ его учрежденіи возникла въ 1845 году среди учителей архангельской гимназіи; они предложили свой безвозмездный трудъ, но не могли найти средствъ для устройства и содержанія училища. Въ 1848 году городское общество согласилось отпускать съ этой цѣлью по 1.650 рублей ежегодно и тогда, по ходатайству губернатора, состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи въ Архангельскѣ „училища для образованія дѣвицъ“. По данному 1848 году Положенію, цѣль училища полагалась въ томъ, чтобы дочери бѣдныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ могли получать приличное, современное образованіе [2]). По учебной части оно было подчинено министерству народнаго просвѣщенія, а по хозяйственной — министерству внутреннихъ дѣлъ. Непосредственное начальство надъ нимъ было возложено на начальника губерніи, а ближайшее на Совѣтъ, въ составѣ: попечительницы, утверждаемой начальникомъ губерніи, директора училищъ и городскаго Головы. Курсъ ученія полагался четырехлѣтній съ раздѣленіемъ на два класса, въ которыхъ преподавались: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, ариѳметика и общія понятія изъ геометріи, исторія всеобщая и русская, географія тоже, общія понятія изъ естественной исторіи и физики, языки:

---

[1]) А. Вороновъ. Ист.-ст. обозр. съ 1829 по 1853, стр. 258, 261, 267.

[2]) Отчетъ Арх. уч. для образов. дѣвицъ за 1849/50 годъ. (Арх. мин. нар. просв.)

французскій и нѣмецкій, чистописаніе, рукодѣліе, рисованіе и танцы. Всѣ ученицы были приходящими съ платою по три рубля въ годъ и особо за уроки французскаго языка и музыки. Хотя по Положенію было опредѣлено платить учителямъ по 30 рублей за годовой часъ, но они (священникъ каѳедральнаго собора и учителя гимназіи) преподавали даромъ, благодаря чему, а также пожертвованнымъ при открытіи училища купечествомъ 900 рублямъ, къ 1855 году у училища образовался небольшой капиталъ. Но, по донесенію архангельскаго военнаго губернатора въ 1855 году, ходатайствовавшаго объ увеличеніи платы съ ученицъ до 12-ти рублей въ годъ, училище находилось въ неудовлетворительномъ состояніи. Изъ учебныхъ пособій у него были лишь географическія карты пяти частей свѣта, да и тѣ впродолженіи семи лѣтъ стали негодны къ употребленію [1]).

Всѣхъ ученицъ въ 1854/55 учебномъ году было 65; изъ нихъ 28 дочерей потомственныхъ дворянъ, 26 личныхъ, 1 — дочь священника, 9 — купцовъ, 1 — мѣщанка..

Кромѣ этихъ училищъ, другихъ женскихъ учебныхъ заведеній для средняго образованія, не считая институтовъ и частныхъ пансіоновъ, во все время царствованія императора Николая, не существовало. Учащихся женщинъ въ петербургскомъ учебномъ округѣ, въ восьми, составлявшихъ его губерніяхъ, въ 1853 году было только 63 (въ архангельскомъ училищѣ), да въ двухъ нѣмецкихъ: св. Петра и св. Анны (съ курсомъ среднеучебныхъ заведеній) 397 [2]). Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, при учрежденіи женскихъ гимназій, вездѣ собирались свѣдѣнія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ большинства губерній начальство доносило, что въ цѣлой губерніи нѣтъ ни одного учебнаго заведенія для дочерей небогатыхъ семействъ [3]), а во многихъ нѣтъ даже и частныхъ женскихъ пансіоновъ.

На запросъ главнаго Совѣта, по предложенію Высочайше учрежденнаго въ 1852 году Сибирскаго комитета (по устройству Сибири), генералъ-губернаторъ восточной Сибири увѣдомилъ, что дѣвичій институтъ, сиропитательный домъ Е. Медвѣдниковой и дѣтскіе пріюты удовлетворяютъ потребностямъ края „тѣмъ болѣе— прибавлялъ онъ—что и средствъ нѣтъ“ [4]).

---

[1]) Отчетъ Арх. уч. для обр. дѣв. за 1854/55 годъ. (Арх. мин. нар. пр.).

[2]) *Вороновъ*, стр. 257 и 284.

[3]) По донесеніямъ губернаторовъ не было ни одного женскаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Севастополѣ и смежныхъ съ нимъ городахъ, Самарѣ, Вяткѣ, Вологдѣ, одесскомъ округѣ, Черноморіи, Петрозаводскѣ.

[4]) Дѣла гл. Совѣта, 1853.

Такое печальное положеніе дѣла женскаго образованія, особенно тяжело отражавшееся на недостаточныхъ семьяхъ средняго класса, не имѣвшихъ способовъ давать образованіе дочерямъ, обратило на себя вниманіе „людей опытныхъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ воспитанія, давно занимающихся или надзоромъ, или обученіемъ въ воспитательныхъ и учебныхъ заведеніяхъ для дѣвицъ“, *по совѣту и указаніямъ* которыхъ, бывшій въ 1846 году попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, представилъ графу Уварову проектъ устройства „высшаго“ училища для дѣвицъ въ Петербургѣ [1]).

Представляя этотъ проектъ, попечитель объяснилъ, что мысль о необходимости такого училища возникла у него вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что большая часть частныхъ школъ, особенно женскихъ, преслѣдуютъ свои коммерческія цѣли и не обращаютъ вниманія на умственное и нравственное развитіе и образованіе воспитанницъ. „Въ городѣ столь многолюдномъ какъ Петербургъ —писалъ попечитель—нѣтъ ни одного заведенія, гдѣ бы дочери небогатыхъ дворянъ и чиновниковъ могли получать образованіе, соотвѣтственное состоянію ихъ родителей и за умѣренную плату“ и которое находилось бы подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ учебнаго начальства. „Безъ сомнѣнія — сказано въ объясненіи попечителя—одного училища мало, но скоро такія училища, безъ всякаго пособія отъ правительства, явятся въ разныхъ частяхъ Петербурга, а потомъ и въ губернскихъ городахъ“.

Цѣль училища, по проекту, должна была заключаться въ воспитаніи дѣвицъ „соотвѣтственно ихъ назначенію: быть добрыми женами и полезными матерями семейства“. Оно предназначалось для дочерей дворянъ, чиновниковъ и купцовъ 1-й гильдіи и исключительно для ученицъ приходящихъ. Это мотивировалось въ проектѣ тѣмъ, что „воспитаніе внѣ круга своихъ семействъ не можетъ и не должно имѣть общаго приложенія, но необходимость и польза его измѣряется частными потребностями“.

Училище должно было содержаться главнымъ образомъ на плату съ ученицъ, комплектъ которыхъ предполагался въ 150, а плата была опредѣлена въ 60 рублей въ годъ съ каждой. Недостающіе, по составленному въ суммѣ 11.370 рублей ежегодному штату, 2.370 рублей въ годъ, попечитель испрашивалъ у министерства народнаго просвѣщенія.

Завѣдываніе училищемъ возлагалось на попечителя учебнаго

---

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1846.

округа, которому предоставлялось избрать директриссу для надзора за нравственною частью; ей же, но вмѣстѣ съ инспекторомъ, ввѣрялся надзоръ и за учебною и хозяйственною частями.

Всѣ мѣры по учебной части инспекторъ долженъ былъ принимать не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ директриссою; по хозяйственной онъ могъ распорядиться самъ, безъ разрѣшенія попечителя, только въ случаѣ, если сумма расхода не будетъ превышать 30 рублей.

Инспекторъ назначался попечителемъ, преимущественно изъ учителей; онъ былъ членомъ училищнаго Совѣта, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ директриссы, изъ нѣсколькихъ членовъ по назначенію попечителя. Учителя опредѣлялись и увольнялись имъ же, а классныя дамы, на которыхъ возлагалось и преподаваніе въ низшихъ классахъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ онѣ „имѣютъ основательныя познанія", избирались директриссою и утверждались попечителемъ.

Хотя проектированное училище было названо высшимъ, но по программѣ оно было ниже институтовъ. Курсъ ученія полагался пятилѣтній, раздѣленный на пять классовъ, по одному году въ каждомъ. Такое дѣленіе не существовало до тѣхъ поръ ни въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній. Преподаваться должны были слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, географія и исторія всеобщая, но въ особенности русская, нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, чтеніе книгъ педагогическихъ, рисованіе, чистописаніе, церковное пѣніе, рукодѣліе и танцы.

Хотя въ этомъ, новомъ для тогдашняго времени, типѣ женскаго училища, основаніемъ всего ученія полагался русскій языкъ, но „для доставленія ученицамъ возможности основательнѣе изучать иностранные языки" было постановлено, чтобы нѣкоторые предметы, „напримѣръ всеобщая исторія", преподавались на французскомъ, а географія на нѣмецкомъ языкѣ, учителями этихъ языковъ. Изученіе естественной исторіи и физики, по проекту попечителя, такъ же какъ въ институтахъ, не должно было быть строго систематичнымъ, изъ нихъ должны были сообщаться ученицамъ лишь самыя общія свѣдѣнія и преподаваніе этихъ предметовъ, а также „нѣкоторыя понятія о геометрическихъ протяженіяхъ" поручалось учителю ариѳметики, который долженъ былъ имѣть въ виду преимущественно „умственное развитіе ученицъ и ихъ обогащеніе полезными и необходимыми для общественной и домашней жизни свѣдѣніями".

Директрисса должна была читать съ ученицами педагогиче-

скія сочиненія и объяснять ихъ, но и тутъ „изложеніе педагогическихъ началъ не должно было быть систематичнымъ“. Учителямъ не дозволялось диктовать въ классахъ за исключеніемъ уроковъ иностранныхъ языковъ, когда это разрѣшалось для изученія правописанія. На занятія рукодѣліями, признавая всю ихъ важность, было признано невозможнымъ назначать много часовъ и задача начальства училища должна была ограничиться возбужденіемъ въ ученицахъ охоты къ этимъ занятіямъ. Обученіе пѣнію признавалось нужнымъ „для пріобрѣтенія знаній въ музыкѣ, способствующихъ эстетическому развитію“. Уроки музыки, также англійскаго языка, могли брать желающія имъ обучаться за особую плату; танцы, хотя и были включены въ составъ общаго курса, но отъ обученія имъ могли быть освобождены дѣвочки по желанію родителей.

Проектъ предписывалъ не назначать болѣе двухъ недѣль въ году на производство экзаменовъ.

Для усовершенствованія въ пріемахъ преподаванія, ученицы старшаго класса, особенно тѣ, которыя остались бы въ немъ на второй годъ, могли упражняться подъ надзоромъ директриссы, учителей и классныхъ дамъ въ преподаваніи въ низшихъ классахъ.

Ученицы, не оказавшія *достаточныхъ* успѣховъ въ законѣ Божьемъ или русскомъ языкѣ, не могли переходить въ слѣдующій классъ, а тѣмъ, которыя на выпускномъ экзаменѣ не оказали бы *хорошихъ* успѣховъ, не выдавался аттестатъ на право быть домашней учительницею безъ особаго экзамена.

Въ проектъ включено было правило, что при „взысканіяхъ должно избѣгать излишнихъ пристыженій, которыя часто ожесточаютъ юныхъ воспитанницъ и подаютъ поводъ къ упрямству. Излишнее снисхожденіе также не должно быть допускаемо“.

Графъ Уваровъ нашелъ, что проектъ устава училища „соображенъ съ общими правилами и цѣлью женскаго образованія въ Россіи“. Но прежде чѣмъ представить докладъ о немъ государю, графъ Уваровъ внесъ его въ главный Совѣтъ для обсужденія мысли о необходимости такихъ училищъ, о правахъ директриссы и классныхъ дамъ, также кончившихъ курсъ ученицъ.

Главный Совѣтъ обратилъ прежде всего вниманіе на то, что училище предназначается только для приходящихъ ученицъ и призналъ это полезнымъ какъ потому, что образованіе ихъ будетъ обходиться дешевле, такъ и потому, что для дѣвицъ средняго состоянія нѣтъ учебныхъ заведеній. „Съ высшими училищами—сказано въ журналѣ Совѣта—устроются всѣ пути жен-

скаго общественнаго воспитанія, изъ коихъ каждый имѣетъ свое особое назначеніе судя по нуждамъ и обстоятельствамъ семействъ".

Въ частности, Совѣтъ предложилъ слѣдующія измѣненія: принимать въ училище не только дѣтей купцовъ 1-й гильдіи, но и 2-й, возложить предсѣдательство въ Совѣтѣ училища на одного изъ высшихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства по назначенію министра народнаго просвѣщенія, а не на директриссу, такъ какъ „предсѣдательство должно быть соединено съ знаніемъ порядка и формъ дѣлопроизводства, также отвѣтственности за законное ихъ наблюденіе". Предположеніе проэкта награждать служащихъ въ училищѣ лицъ женскаго пола Маріинскимъ знакомъ отличія, Совѣтъ нашелъ неудобнымъ, такъ какъ этотъ знакъ установленъ только для лицъ служащихъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Высочайшимъ покровительствомъ императрицы. Главный Совѣтъ нашелъ также неудобнымъ дозволеніе класснымъ дамамъ училища держать у себя пансіонерокъ, ибо это „нарушило бы единство порядка и цѣли учрежденія и слѣдовательно измѣнило бы его характеръ внесеніемъ посторонняго элемента, принадлежащаго особымъ заведеніямъ для полнаго воспитанія дѣвицъ учрежденнымъ". Вмѣсто пятилѣтняго учебнаго курса Совѣтъ предложилъ шестилѣтній, а также принимать учениц въ такомъ возрастѣ, чтобы онѣ выходили 16—18 лѣтъ. Совѣтъ высказался и противъ допущенія безплатныхъ учениц [1]).

Такимъ образомъ ровно за десять лѣтъ до учрежденія женскихъ гимназій, мысль о нихъ возникла въ средѣ педагоговъ, можетъ быть тѣхъ же самыхъ, которымъ, десять лѣтъ спустя, при измѣнившихся условіяхъ русской жизни, удалось осуществить ее. Но тогда, въ 1846 году, дѣло кончилось тѣмъ, что министръ народнаго просвѣщенія, препровождая попечителю учебнаго округа копію съ журнала главнаго Совѣта, сообщилъ, что не видитъ возможности теперь удѣлить сумму изъ министерства и не находитъ удобнымъ ходатайствовать объ отнесеніи этого расхода на государственную казну [2]).

Начальное народное образованіе въ царствованіе императора Николая развивалось крайне медленно. Число народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, даже для мальчиковъ, было, по отношенію къ населенію, ничтожно. Особыхъ училищъ для дѣвочекъ почти совсѣмъ не существовало, а были женскія отдѣленія при

---

[1]) Журналъ гл. Сов. 1846 г. 14 іюля.

[2]) (Арх. мин. нар. пр.) 3 авг. 1846 г.

нѣкоторыхъ изъ мужскихъ училищъ, въ которыхъ дѣвочки учились послѣ обѣда.

Народныя училища не состояли въ одномъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, особыхъ директоровъ или инспекторовъ этихъ училищъ не было и никакихъ о нихъ свѣдѣній, кромѣ отрывочныхъ и неполныхъ цыфровыхъ, не доставлялось. Въ отчетахъ о нихъ число учащихся рѣдко обозначалось по поламъ, а объ учащихся дѣвочкахъ большей частью совсѣмъ не упоминалось, можетъ быть именно потому, что это число было крайне незначительно даже по сравненію съ числомъ учащихся мальчиковъ.

По уставу 1828 года дѣвочки допускались только въ приходскія училища [1]), цѣль которыхъ заключалась въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ, свѣдѣній и между людьми низшихъ состояній, а курсъ ограничивался преподаваніемъ закона Божья, чтенія по книгамъ гражданской и церковной печати и рукописей, письма и четырехъ дѣйствій ариѳметики.

Приходскія училища должны были, по уставу 1828 года, содержаться на счетъ городскихъ и сельскихъ обществъ, а въ имѣніяхъ помѣщиковъ—на счетъ послѣднихъ. Открывать училища предписывалось „повсюду, гдѣ представятся къ тому средства". Уже одно это условіе, при тогдашнемъ равнодушіи нашего общества къ образованію вообще, а къ женскому въ особенности, должно было невыгодно отражаться на дѣлѣ. Сборы съ городскихъ обществъ были такъ трудны, что когда въ 1847 году московскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи получать 500 рублей, нужные на содержаніе устроеннаго въ 1837 году въ Коломнѣ женскаго, отдѣльнаго отъ приходскаго, училища, не отъ городского общества, какъ требовалось уставомъ, а изъ городскихъ доходовъ, и министръ на это не согласился, то городская Дума Коломны отказалась выдавать требуемую сумму и отвѣтила, что городское общество не находитъ возможнымъ извлекать такую „довольно значительную" сумму изъ собственныхъ вѣрныхъ источниковъ, которыхъ въ виду не имѣетъ.

[1]) Хотя въ параграфѣ 52 устава, объ уѣздныхъ училищахъ, предназначавшихся только для дѣтей мужского пола, и было сказано, что мѣстныя начальства обязаны содѣйствовать всѣми, зависящими отъ нихъ средствами учрежденію „равныхъ онымъ по степени преподаванія" училищъ для дѣвицъ, но такъ какъ женскія уѣздныя училища должны были содержаться не на суммы казны, и никакихъ опредѣленныхъ средствъ на ихъ содержаніе не было указано, то такія училища и не открывались. Содержаніе же мужскихъ уѣздныхъ училищъ было отнесено на средства государственнаго казначейства и на доставляемыя Думами и приказами общественнаго призрѣнія.

Тогда состоялось Высочайшее повелѣніе о дозволеніи въ городахъ, гдѣ общества, по бѣдности, не могутъ содержать приходскаго училища, отпускать нужную сумму изъ городскихъ доходовъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ [1]).

Но и на этотъ источникъ дохода женскія училища не всегда могли разсчитывать. Въ Рыбинскѣ въ 1849 году было открыто такое училище съ курсомъ приходскаго; его посѣщали до 70 учепицъ, принадлежавшихъ къ низшимъ и бѣднѣйшимъ классамъ города. На его содержаніе, кромѣ сбора съ ученицъ, получались 200 рублей въ годъ отъ рыбинской городской Думы. При посѣщеніи училища въ 1864 году чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія Могилянскимъ, ему было заявлено, что городское общество не разъ высказывало желаніе о повышеніи курса въ училищѣ, и что съ этой цѣлью состоялось даже постановленіе Думы о назначеніи ему 2.500 рублей въ годъ изъ городскихъ доходовъ, но это не было утверждено губернскимъ правленіемъ на томъ основаніи, что и безъ того ежегодные расходы города превышаютъ его доходы на 3000 рублей [2]).

При обсужденіи въ 1856 году вопроса о томъ, на какія средства будутъ содержаться женскія училища, согласно только что тогда состоявшемуся Высочайшему повелѣнію объ ихъ учрежденіи, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что за послѣднее десятилѣтіе, т.-е. съ 1846 года, когда было разрѣшено назначать приходскимъ училищамъ пособіе изъ городскихъ доходовъ, сумма этихъ пособій возросла до 100.000 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ городскія общества жертвуютъ на училища не болѣе 41.300 рублей въ годъ [3]).

Разсчитывать на добровольныя пожертвованія частныхъ лицъ, женскія училища также не могли. Такія пожертвованія были до чрезвычайности рѣдки, хотя правительство поощряло ихъ. Когда тульскій почетный гражданинъ Маликовъ, по предложенію директора училищъ тульской губерніи, согласился взять на себя издержки по первоначальному обзаведенію и содержанію на первый годъ начальнаго женскаго училища въ Тулѣ, то для Маликова было учреждено званіе почетнаго блюстителя [4]) этого училища, причемъ тогда же было предоставлено военному и гражданскому губер-

---

[1]) Проектъ устава учрежденнаго въ г. Коломнѣ отдѣльнаго женскаго училища. (Арх. мин. нар. просв.).

[2]) Отчетъ Могилянскаго. 1864 г. (Арх. мин. нар. просв.).

[3]) Сообщеніе мин. внутр. дѣлъ министру нар. просв. 2 сент. 1856 г. (Тамъ же).

[4]) Положеніемъ 1 ноября 1839 года о гор. начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, установлено званіе почетныхъ попечительницъ женскихъ училищъ.

натору города Тулы право утверждать въ этомъ званіи лицъ, избираемыхъ училищнымъ начальствомъ съ согласія городского общества [1]).

Тульское училище было предположено на 35 ученицъ, съ платою отъ благотворителей по 25 рублей въ годъ за каждую. Маликовъ взялъ на себя взносъ платы за 15 ученицъ; за десятерыхъ согласились платить нѣкоторые дворяне, а плату за остальныхъ десять обязалось вносить, по предложенію тульскаго начальника губерніи, городское общество.

За пожертвованіе въ 1845 году смотрителемъ пронскаго уѣзднаго училища, Барыковымъ, дома для рязанскаго женскаго училища, было разрѣшено назвать училище Барыковскимъ. Волостному старшинѣ, пожертвовавшему деревянный домъ открытому въ 1841 году раменскому училищу съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ, была дана медаль.

Хотя по уставу 1828 года обученіе въ приходскихъ училищахъ должно было быть безплатнымъ, но во многихъ женскихъ отдѣленіяхъ съ ученицъ брали плату. Въ серпуховскомъ женскомъ отдѣленіи число ученицъ, платившихъ отъ 17-ти до 36-ти рублей серебромъ въ годъ, по словамъ осматривавшаго его въ 1844 году попечителя московскаго учебнаго округа, постоянно увеличивалось; поэтому онъ предложилъ министру народнаго просвѣщенія ввести плату съ ученицъ во всѣ женскія отдѣленія, что и было разрѣшено съ тѣмъ, чтобы бѣдныя обучались даромъ [2]). Тогда было опредѣлено взимать плату отъ 2 до 4-хъ рублей серебромъ въ годъ, смотря по состоянію родителей ученицы. Нѣкоторыя Думы, находя этотъ расходъ обременительнымъ для бѣдныхъ, взяли его на себя. Осташковская Дума пожелала, чтобы всѣ учились безплатно и къ прежде отпускавшимся ею на содержаніе училища 250 рублямъ въ годъ, прибавила еще 200.

По положенію 1839 года о городскихъ училищахъ въ Москвѣ, предназначавшихся преимущественно для мѣщанскихъ дѣтей и дѣтей ремесленниковъ, но куда могли поступать дѣти и всѣхъ состояній, съ дѣвочекъ всякаго званія была положена плата по 2 рубля 30 копѣекъ въ годъ „такъ какъ ученіе дѣвицъ требуетъ особыхъ трудовъ со стороны учителя, за которые онъ имѣетъ право на особенное вознагражденіе“ [3]). Между тѣмъ особеннаго помѣщенія для дѣвочекъ не было; онѣ должны были учиться

[1]) Указъ Сенату 7 окт. 1843 г.

[2]) Отчетъ попеч. моск. уч. окр. товарищу мин. нар. просв. 24 сент. 1844 г. (Арх. мин. нар. пр.).

[3]) Журналъ мин. нар. пр. 1839 г. книга XXIV.

послѣ обѣда по окончаніи классовъ мальчиковъ, для которыхъ плата была назначена всего по 1 рублю 45 копѣекъ въ годъ и то только для дѣтей дворянъ, оберъ-офицеровъ и разночинцевъ. Дѣти же купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ учились даромъ.

Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось право открывать городскія училища для дѣвочекъ на свои средства. Поэтому неудивительно, что въ Петербургѣ, къ концу царствованія императора Николая, въ 16-ти приходскихъ училищахъ, содержавшихся на счетъ Думы, изъ 798 учащихся, было только 100 дѣвочекъ [1]); въ губерніяхъ ихъ должно было быть еще меньше.

Въ какомъ положеніи и въ какой обстановкѣ находились эти училища, можно судить по составленному въ 1865 году окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа, П. Максимовичемъ, описанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ [2]). Изъ существовавшихъ къ 1865 году въ округѣ 14-ти женскихъ училищъ, (въ томъ числѣ и гимназій), учрежденныхъ на средства обществъ, было три приходскихъ, основанныхъ въ сороковыхъ годахъ и продержавшихся до 1855 года. Другія, открывавшіяся мѣстами въ этотъ періодъ времени, женскія школы, держались недолго и закрывались по недостатку средствъ. Изъ сохранившихся къ 1855 году, Яренское приходское двуклассное женское училище было открыто въ 1843 году съ курсомъ болѣе сжатымъ, нежели въ мужскомъ уѣздномъ и безъ преподаванія геометріи. Для этого училища штатный смотритель, по почину котораго оно и возникло, выстроилъ на свои средства (104 рубля 65 коп.) деревянный флигель; преподаваніе было даровое; только за первоначальное обученіе чтенію надзирательница получала 17 рублей въ годъ, которые жертвовались разными лицами, преимущественно чиновниками училища. Въ Великомъ Устюгѣ на содержаніе единственной женской школы городъ отпускалъ по 30 рублей въ годъ. У женскаго отдѣленія, открытаго въ 1840 году въ Грязовцѣ, совсѣмъ не было средствъ.

Однако, объ этихъ училищахъ въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1855 годъ сказано: „женскія приходскія училища въ Вологдѣ, Грязовцѣ, Кадниковѣ и Яренскѣ служатъ истиннымъ благодѣяніемъ для края, будучи содержимы заботливостью и отчасти средствами штатныхъ смотрителей, а въ Яренскѣ — единственно на счетъ штатнаго смотрителя [3]).

---

[1]) *Д. Семеновъ.* Первое десятилѣтіе С.-Пет. гор. нач. училищъ на почвѣ столичнаго общественнаго управленія. (Р. Стар. 1887 г., окт.).

[2]) Женскія училища вѣд. мин. нар. просв. въ губерніяхъ С.-Пет. учеб. округа. Составлено по порученію начальства С.-Пет. уч. округа.

[3]) Жур. мин. нар. просв. 1856 г.

Къ 1 январю 1853 года, въ восьми губерніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, число учащихся въ приходскихъ городскихъ училищахъ простиралось до 7.613-ти; изъ нихъ дѣвочекъ было 1.172, т.-е. менѣе $1/5$ числа учащихся мальчиковъ [1]). Но и это отношеніе покажется благопріятнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чтò было двадцать лѣтъ назадъ, въ 1834 году, когда по оффиціальнымъ даннымъ, собраннымъ по всей имперіи, общее число учившихся въ городскихъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, дѣвочекъ, ограничивалось 1.225 на населеніе въ 50.585,857 человѣкъ [2]).

Сельскія приходскія училища были еще въ худшихъ условіяхъ чѣмъ городскія. По уставу 1804 года они должны были открываться во всѣхъ селеніяхъ, такъ чтобы каждый приходъ, или по крайней мѣрѣ два вмѣстѣ, имѣли по одному училищу, содержаніе которыхъ было отнесено на средства прихожанъ въ казенныхъ имѣніяхъ и помѣщиковъ—въ помѣщичьихъ. Въ первые годы послѣ изданія устава 1804 года было открыто нѣсколько такихъ училищъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Одной изъ послѣднихъ, г-жѣ Тиньковой, сдѣлавшей въ своемъ имѣніи черниговской губерніи пристройку къ дому священника для помѣщенія приходскаго училища и взявшей на себя всѣ расходы по содержанію его, императоръ Александръ I прислалъ брилліантовый перстень, а священнику, безплатно обучавшему въ училищѣ, выдано 300 рублей изъ кабинета [3]). Но всѣ эти училища продержались очень недолго, и къ 1808 году изъ нихъ не осталось ни одного [4]) въ губерніяхъ, кромѣ входившихъ въ составъ петербургскаго учебнаго округа, гдѣ нѣкоторыя, очень впрочемъ немногія, училища просуществовали до смерти императора Александра I [5]).

Открытыя затѣмъ, въ 1830 году, волостныя училища были предназначены для мальчиковъ, такъ какъ эти училища должны были приготовлять способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей. Но двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1842 году, цѣль эта была рас-

---

[1]) *Вороновъ*. 1828—1853, стр. 226.

[2]) Таблицы учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи съ показаніемъ числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высочайшему повелѣнію отъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пет. 1838 г. (Данныя собраны только до 1836 года включительно).

[3]) Сѣверный Вѣстникъ. 1804 г. Ч. IV.

[4]) Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи. Составлено по порученію Высоч. учрежденной коммиссіи по устройству всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ 1882 г. Подъ редакціею А. Г. Небольсина. С.-Пет. 1884 г.

[5]) *Вороновъ*. 1828—1853 г. Стр. 147.

ширена; училища должны были „распространять и утверждать между государственными крестьянами религіозно-нравственное образованіе и первоначальныя для каждаго сословія болѣе или менѣе необходимыя начальныя свѣдѣнія“ [1]). Тогда было постановлено открыть, по мѣрѣ средствъ, 2.000 сельскихъ училищъ, для которыхъ было издано особое „Наставленіе“, данное въ руководство палатамъ государственныхъ имуществъ. Обученіе въ нихъ крестьянскихъ *дѣтей* было возложено на сельское духовенство подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстной палаты государственныхъ имуществъ [2]) „съ сохраненіемъ вліянія духовенства и училищнаго начальства министерства народнаго просвѣщенія“. Содержаніе сельскихъ училищъ было отнесено на счетъ общественныхъ сборовъ по опредѣленному на каждое изъ нихъ штату.

Двумя годами позже учрежденія волостныхъ училищъ, въ 1832 году, состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ въ каждомъ приказѣ удѣльнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ по одному училищу, содержаніе которыхъ было отнесено на удѣльныя имѣнія [3]).

Къ 1853 году число послѣднихъ училищъ простиралось до 204-хъ съ 7.477 учащимися; но все это были мальчики. Для дѣвочекъ было два училища въ имѣніяхъ: алатырскомъ и симбирскомъ; въ обоихъ было 66 учениць, и кромѣ того въ этихъ же имѣніяхъ, а также въ саратовскомъ, оренбургскомъ и пермскомъ, 1.000 дѣвочекъ обучались у мѣстныхъ приходскихъ священниковъ чтенію и молитвамъ. Всего же, вмѣстѣ съ учившимися въ сельскихъ удѣльныхъ училищахъ, въ 1852 году было 9.279 учащихся; но изъ нихъ дѣвочекъ только 1.066 [4]).

„Замѣчательный фактъ—говоритъ Вороновъ—при разсматриваніи состоянія сельскихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, представляетъ постепенное увеличеніе въ нихъ числа учащихся женскаго пола“. Въ 1847 году изъ общаго числа учащихся, 125.165-ти, дѣвочекъ было около 2.000; а къ январю 1853 г. сельскихъ училищъ было 2.795 съ 153.117-ю учащимися, въ числѣ которыхъ было 11.645 дѣвочекъ.

Стремленіе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ обучать въ сельскихъ училищахъ и дѣвочекъ, обнаружи-

---

[1]) *Вороновъ*. 1828—1853 г. Стр. 228.

[2]) Выс. пов. министру гос. имущ. 27 іюля 1842 г.—Указъ на имя министра 23 ноября 1842 г.

[3]) Ист.-стат. очеркъ, стр. 31.

[4]) *Вороновъ*, 1828—1853, стр. 236.

лось въ 1844 году. Тогда мѣстнымъ управленіямъ было предписано открывать особыя женскія школы въ селеніяхъ, гдѣ число учащихся дѣвочекъ достигнетъ двадцати пяти. Въ 1845 году во всѣхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, исключая девять западныхъ губерній, посѣщали школы только 100 дѣвочекъ, а въ 1848 ихъ было до 2.000; для нихъ были открыты девять параллельныхъ классовъ и нѣсколько отдѣльныхъ женскихъ школъ. Число учащихся дѣвочекъ продолжало увеличиваться довольно быстро до 1850 года; затѣмъ оно остановилось; но и въ самые благопріятные годы число учащихся дѣвочекъ, по отношенію къ къ числу всего женскаго народонаселенія въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, было крайне незначительно, а въ девяти западныхъ губерніяхъ учащихся дѣвочекъ было всего 25 на все населеніе этихъ губерній [1]).

Временному увеличенію числа учащихся въ сельскихъ училищахъ дѣвочекъ, содѣйствовало участіе, которое въ этомъ дѣлѣ приняло московское Общество сельскихъ хозяевъ. Въ годичномъ собраніи этого общества 1845 года, оно обратило вниманіе своихъ членовъ на учрежденную еще въ 1823 году однимъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, Н. С. Стремоуховымъ, въ своемъ имѣніи харьковской губерніи, Лебедянскаго уѣзда, школу для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ. Признавъ „такой подвигъ въ дѣлѣ народнаго образованія единственнымъ въ своемъ родѣ и заслуживающимъ поощренія по важности пользы, уже принесенной школою", Общество поручило одному изъ своихъ членовъ собрать подробныя о ней свѣдѣнія, которыя и были напечатаны отдѣльною брошюрою [2]).

Въ ней авторъ, Омельяненко, сообщалъ со словъ самого Стремоухова, что при учрежденіи школы онъ руководствовался убѣжденіемъ, что „мы даемъ какое-то поверхностное или, лучше сказать, отрывочное образованіе своимъ дворовымъ людямъ и крестьянскимъ мальчикамъ, которое ни къ чему не ведетъ. Мы обучаемъ ихъ грамматѣ, какъ бы какому ремеслу, нисколько не заботясь объ ихъ нравственномъ образованіи, послѣдствіемъ чего бываетъ то, что грамматный крестьянинъ нерѣдко употребляетъ во зло пріобрѣтенныя имъ познанія и граммата въ рукахъ безнравственнаго человѣка становится опаснымъ орудіемъ". Чтобы отвратить это, надо, по мнѣнію Стремоухова, обратить вниманіе

---

[1]) *А. Раевъ.* Нѣсколько данныхъ о крестьянскомъ образованіи. (Журналъ мин. гос. имуществъ. 1858 г. т. 67).

[2]) О женскихъ крестьянскихъ школахъ или о распространеніи между крестьянами грамматности на религіозно-нравственномъ основаніи. Москва. 1845 г.

на образованіе женщинъ, „которыя всегда и вездѣ имѣли сильное вліяніе на образованіе мужчинъ... Приготовьте прежде—говоритъ онъ—образованныхъ матерей, и увидите, какъ легко и скоро распространится просвѣщеніе; но прежде всего женщина должна быть истинною христіанкою, т.-е. получить религіозно-нравственное образованіе".—„Замѣчательно—прибавляетъ Омельяненко—что мысль эта проявилась за четверть столѣтія, когда немногіе думали о важности ея значенія".

Сначала школа Стремоухова была учреждена только для дѣвочекъ; но по прошествіи десяти лѣтъ въ нее начали принимать и мальчиковъ, преимущественно изъ семей, гдѣ уже были грамотныя женщины. Учили въ школѣ чтенію и письму, закону Божію, начальнымъ правиламъ ариѳметики, церковному пѣнію и женскимъ рукодѣліямъ, въ томъ числѣ плетенію соломенныхъ и корневыхъ шляпъ и разныхъ издѣлій. Старшія ученицы практически изучали домоводство... „Словомъ—сказано въ брошюрѣ—имъ дается полное женское образованіе, принаровленное къ потребностямъ улучшеннаго крестьянскаго быта".

Ученицы приходили въ школу съ ранняго утра, получали отъ помѣщика провизію для обѣда, который сами готовили; во время отдыха отъ классныхъ занятій онѣ занимались рукодѣліями или чтеніемъ книгъ, которыя брали изъ сельской библіотеки, составленной изъ „собранія духовныхъ, хозяйственныхъ и другихъ назидательныхъ сочиненій".

Съ заходомъ солнца всѣ расходились по домамъ, причемъ ученицы, до самой деревни, хоромъ пѣли духовные и сельскіе гимны и народныя пѣсни „такого однако содержанія, которое не можетъ воспламенить страстей и порождать романическія мечты въ юномъ сердцѣ" [1]).

Лѣтомъ занятія продолжались утромъ часъ или два, а послѣ завтрака работали въ саду и огородѣ. Обѣдали на воздухѣ, въ рощѣ, среди которой былъ водруженъ крестъ, а вокругъ него устроены дерновые столы.

Сообщая эти подробности о школѣ Стремоухова, Омельяненко говоритъ: „если мы съ уваженіемъ произносимъ имя Фелленберга за услуги, оказанныя имъ народному воспитанію, тѣмъ не менѣе должны гордиться подвигомъ своего соотечественника и сочлена, трудомъ великимъ, тяжкимъ, быть можетъ не согрѣтымъ ничьимъ теплымъ участіемъ и до сихъ поръ не оцѣненнымъ по достоинству... Утѣшаюсь мыслью—заключаетъ онъ—что потомство бу-

---

[1]) О ж. крест. школахъ.

детъ признательнѣе къ трудамъ г. Стремоухова; оно воспользуется его примѣромъ и впишетъ имя его въ исторію народнаго образованія въ Россіи" [1]).

Узнавъ изъ газетъ о „лестномъ для него вниманіи" московскаго Общества, Стремоуховъ и самъ доставилъ ему „достовѣрнѣйшій фактъ" существованія школы и ея состоянія, а именно, тетради учащихся за десять слишкомъ лѣтъ, прося при этомъ Общество „удостоить сіе едва ли не первое въ этомъ родѣ приношеніе, по разсмотрѣніи опредѣлить ему мѣсто въ общественномъ архивѣ".

Тетради, писанныя ученицами школы съ 1823 по 1845 годъ, заключали въ себѣ: 1) упражненія въ письмѣ съ прописей русскихъ и латинскихъ; 2) церковные писанные календари; 3) ноты разныхъ концертовъ. Списываніе съ латинскихъ прописей Стремоуховъ, по его объясненію, ввелъ „какъ средство къ побужденію ученицъ внимательнѣе всматриваться въ почеркъ не столь знакомаго характера буквъ и въ предположеніи со временемъ обучать ихъ понятіямъ изъ ботаники, нечуждой земледѣлію и притомъ хотя элементарно объясняющей и медицинскія свойства растеній".

Подъ каждою страницею урока чистописанія въ тетрадяхъ означено: годъ, число, мѣсяцъ, имя празднуемаго въ тотъ день святого, состояніе погоды: ясно, пасмурно и т. д., какого разряда ученицы и ученики пѣли передъ обѣдомъ и какіе именно концерты, имя и прозваніе ученицы и одобреніе рукою самого Стремоухова: „хорошо", „изрядно", „надобно лучше".

Кромѣ этихъ тетрадей, московскому Обществу было, по его желанію, представлено свидѣтельство священника села въ томъ, что „крестьянскія дѣти господина Стремоухова, въ особенности женскаго пола, отъ 8-ми до 32-хъ-лѣтняго возраста выучены всѣ въ хозяйственно-ремесленной школѣ: читать, писать, заповѣдямъ Христовымъ, нотному духовному пѣнію и началамъ ариѳметики".

Учителями въ школѣ Стремоухова были семинаристы, „а въ небытность ихъ—говоритъ Стремоуховъ—учатъ уже и свои женщины, старшія ученицы сей же школы" [2]).

Вмѣстѣ съ сообщеніемъ о школѣ Стремоухова, въ брошюрѣ *о женскихъ крестьянскихъ школахъ* была помѣщена статья члена и непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, который предлагалъ образовать при обществахъ сельскаго хозяй-

---

[1]) О ж. крест. школахъ, стр. 8.

[2]) О всенародномъ распространеніи грамматности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Книжки I, II, III, IV. Изд. 2-е отъ Имп. моск. Общ. сельскихъ хозяевъ. Москва, 1849 г.

ства комитеты для распространенія грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и просить всѣхъ членовъ экономическаго Общества, также помѣщиковъ, чтобы они сообщали ему свои взгляды на это дѣло. Исходя изъ мысли, что „нравственность русскаго народа видимо ослабѣваетъ съ приливомъ новыхъ понятій, новыхъ потребностей, съ постепеннымъ удаленіемъ народа отъ простой сельской и земледѣльческой жизни въ жизнь фабричную и промышленную“, Масловъ предлагалъ ввести и у насъ мѣру лорда Росселя, „внесшаго въ англійскую палату билль о необходимости распространять начала религіозно-нравственнаго образованія среди народа“. Особенному вниманію помѣщиковъ Масловъ рекомендовалъ образованіе женскаго пола, „неотлучающее отъ семействъ, развѣ для найма въ ключницы или нянюшки“. Другой аргументъ въ пользу образованія крестьянокъ Масловъ видѣлъ въ томъ, что „женщина не станетъ писать ложныхъ паспортовъ и счетовъ, какъ это случается съ безнравственными грамматѣями, ибо это не ея кругъ дѣятельности“.

Относительно способа обученія крестьянокъ грамотѣ Масловъ полагалъ нужнымъ обратиться къ тому, „по которому когда-то учился весь русскій народъ... способъ, соединяющій грамматность съ практической жизнью“, по книгамъ, въ то время для этого изданнымъ, въ которыхъ „соединяли каждую букву, каждое слово, съ живыми, высокими и вѣрными религіозными понятіями“. Въ статьѣ выписано предисловіе къ одной изъ такихъ книгъ, „заслуживающей — говоритъ Масловъ — болѣе нежели Монтіоновскую премію“, присужденную тогда, въ 1845 году, одному швейцарскому пастору за изданіе книги для первоначальнаго обученія дѣтей. Въ своей статьѣ Масловъ не сказалъ о какой книгѣ говоритъ „будучи увѣренъ, что многіе или вовсе ея не знаютъ, или, зная, принимаютъ ее не за то, за что должно“.

Эта статья была напечатана сначала въ 6-мъ номерѣ *Журнала сельскаго хозяйства* 1845 года и затѣмъ перепечатана въ брошюрѣ *о женскихъ крестьянскихъ школахъ*.

Мысль о распространеніи грамотности въ народѣ черезъ матерей разнеслась, какъ говоритъ Масловъ, „во всеуслышаніе въ Россіи; она была нова для многихъ, даже весьма добрыхъ и умныхъ хозяевъ; нужно было ее пояснить“ [1]). Поэтому онъ написалъ вторую статью въ 10-мъ номерѣ *Журнала сельскаго хозяйства* 1845 года, потомъ издалъ обѣ статьи отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: *о всенародномъ Распространеніи Граммат-*

[1]) О всен. распр. грам. въ Р. Изд. 1849 г.

ности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Первое изданіе этой книжки, напечатанное въ количествѣ тысячи экземпляровъ „разлетѣлось—по словамъ Маслова—въ нѣсколько недѣль" и къ концу года онъ получилъ изъ разныхъ губерній „самые сердечные отзывы о пользѣ, приносимой ею". По представленіи этихъ отзывовъ Обществу сельскихъ хозяевъ, оно одобрило основную мысль Маслова и образовало комитетъ для распространенія церковной грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а Масловъ напечаталъ второе изданіе своей статьи вмѣстѣ съ полученными о ней отзывами. Затѣмъ, до 1849 года включительно, т.-е. въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ каждый годъ издавалъ новыя книжки подъ общимъ заглавіемъ *о всенародномъ распространеніи грамматности въ Россіи.*

Объявляя въ 1847 году о своемъ намѣреніи, Масловъ писалъ, что будетъ раздавать свои книжки безплатно. „Мнѣ пріятно будетъ—говоритъ онъ—сдѣлаться *редакторомъ* добрыхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій нашихъ хозяевъ на пользу крестьянъ" [1]).

Въ своихъ изданіяхъ Масловъ все болѣе и болѣе разъяснялъ свою мысль. Различая *всенародное* воспитаніе отъ *частнаго* воспитанія народа, т.-е. распространеніе въ народѣ грамотности отъ учрежденія для него школъ, въ которыхъ, какъ у Стремоухова, обучали бы на религіозно-нравственномъ основаніи не одной только грамотѣ, Масловъ рѣшилъ, что крестьянокъ надо сначала обучать лишь одной грамотѣ и притомъ церковной, а не гражданской, ибо первая дѣйствуетъ на сердце, вторая „содѣйствуетъ развитію разумичныхъ способностей" [2]). Для распространенія грамотности во всемъ народѣ онъ рекомендуетъ ту книгу, заглавіе которой не назвалъ въ своей первой статьѣ. Эта книга - *Часословъ съ Богомъ Святымъ* или *Часовникъ*, который, вмѣстѣ съ церковной Азбукою и Псалтыремъ, составлялъ *курсъ грамотности* въ древней Руси; этимъ курсомъ Масловъ и совѣтовалъ ограничиться при обученіи крестьянокъ. Возрастъ, съ котораго, по его мнѣнію, слѣдуетъ начинать ихъ ученіе, онъ опредѣляетъ отъ 10 до 12-ти лѣтъ и рекомендуетъ учить ихъ не всякій день, а лишь три раза въ недѣлю по утрамъ и не болѣе двухъ, а уже много, трехъ часовъ въ день.

Для поощренія дѣвочекъ учиться, Масловъ находилъ полезнымъ, чтобы священникъ во время церковной службы ставилъ грамотныхъ впереди, а помѣщикъ дарилъ бы имъ „какіе-нибудь

---

[1]) О всен. распр. грам. 1849 г., стр. 19.

[2]) О всен. распр., стр. 42.

праздничные фартучки для отличія отъ другихъ", съ тѣмъ, что если которая нибудь изъ нихъ сдѣлаетъ что-нибудь дурное, она будетъ стоять въ церкви безъ фартучка.

Учить крестьянокъ грамотѣ можетъ, по мнѣнію Маслова, всякій грамотный человѣкъ, и вездѣ. Онъ согласенъ, что чѣмъ лучше учитель и чѣмъ удобнѣе помѣщеніе для ученія, тѣмъ дѣло будетъ поставлено „приличнѣе", но такъ какъ самая главная забота, по его взгляду, должна быть направлена на распространеніе церковной грамотности всѣми доступными, имѣющимися подъ рукой средствами „не дожидаясь ни отличныхъ учителей, ни новыхъ букварей", то не надо откладывать дѣла въ дальній ящикъ и не надо представлять его труднымъ. Выучившись грамотѣ, крестьянки должны продолжать свое образованіе чтеніемъ такихъ книгъ, которыя могли бы служить имъ примѣромъ въ жизни; для этого Масловъ рекомендуетъ Четьи-Минеи. „Остается — говоритъ онъ — съ любовью къ человѣчеству приступить къ дѣлу *просто*. Для перваго поколѣнія матерей достаточно одного чтенія „съ усвоеніемъ чистыхъ понятій о вѣрѣ, обязанностяхъ христіанскихъ, а впослѣдствіи граматныя матери можетъ быть сами захотятъ, чтобы ихъ дочери выучились бы и письму, и счетоводству". Но главная цѣль обученія крестьянокъ заключается — говоритъ Масловъ — въ *всеобщемъ* черезъ нихъ распространеніи грамотности въ народѣ, которая есть первая ступень для всеобщаго народнаго просвѣщенія и безъ которой нельзя идти къ свѣту.

Начиная со второй книжки, Масловъ сталъ печатать въ видѣ приложеній полученные имъ изъ разныхъ мѣстъ письма и отзывы. Къ этой книжкѣ было приложено письмо министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго къ Маслову, съ извѣщеніемъ, что, согласно желанію послѣдняго, въ только-что тогда отрытомъ въ Алатырѣ училищѣ для дочерей удѣльныхъ крестьянъ, уставомъ училища предписано обучать ученицъ по указаннымъ Масловымъ книгамъ: букварю, часослову и псалтырю.

Кромѣ того было приложено письмо къ Маслову князя А. Шихматова объ учрежденной имъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ 1825 году, въ своемъ имѣніи школѣ для мальчиковъ и составленное имъ въ 1838 году *Завѣщаніе моимъ крестьянамъ*, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ, уволилъ, въ числѣ 88-ми изъ 127-ми, изъ крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы.

Рядомъ съ этимъ было напечатано извѣщеніе члена Общества сельскаго хозяйства Реброва объ учрежденной имъ еще въ 1822 году въ своемъ имѣніи школѣ и для крестьнскихъ дѣвушекъ, число которыхъ не должно было, по волѣ помѣщика, пре-

вышать одну треть общаго числа учащихся въ школѣ. Ребровъ писалъ Маслову, что статья *о женскихъ крестьянскихъ школахъ* возбудила у нихъ много толковъ. Вообще эта статья, судя по напечатаннымъ въ книжкахъ Маслова отзывамъ и письмамъ разныхъ лицъ, произвела впечатлѣніе и подъ этимъ впечатлѣніемъ довольно многіе помѣщики и помѣщицы открыли въ своихъ имѣніяхъ школы для обученія дѣвочекъ грамотѣ. Министерство государственныхъ имуществъ и министерство удѣловъ выписали для своихъ школъ по большому количеству экземпляровъ книжекъ Маслова; требованія на нее поступали и изъ консисторій, вольно-экономическаго Общества, главнаго управленія коннозаводства. Три книжки, изданныя вмѣстѣ въ 1848 году, посвященныя „всему Россійскому Православному Духовенству", были разосланы отъ Общества сельскихъ хозяевъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и тогда же напечатано вновь 12.000 экземпляровъ этого изданія.

Съ выходомъ каждой новой книжки, Масловъ представлялъ ее государю, императрицѣ и великимъ княгинямъ: Ольгѣ Николаевнѣ и Еленѣ Павловнѣ, и въ слѣдующей, печаталъ изъявленную автору, черезъ статсъ-секретаря Лонгинова, благодарность и благоволеніе. На представленномъ московскимъ Обществомъ сельскихъ хозяевъ министру государственныхъ имуществъ отчетѣ за 1845 годъ для поднесенія государю, государь написалъ: „читалъ съ особымъ удовольствіемъ" [1]). Въ этомъ отчетѣ было сказано, что комитетъ для распространенія грамотности учрежденъ 8 декабря и въ сотрудники его положено приглашать духовныхъ особъ и священниковъ.

Въ числѣ напечатанныхъ въ трехъ послѣднихъ книжкахъ Маслова сочувственныхъ его мысли писемъ, были письма: министра внутреннихъ дѣлъ, архіереевъ, президента вольно-экономическаго Общества, начальницъ институтовъ и царскосельскаго женскаго духовнаго училища, членовъ ярославскаго и другихъ губернскихъ Обществъ сельскихъ хозяевъ и частныхъ лицъ, въ особенности помѣщиковъ и помѣщицъ. Многіе изъ послѣднихъ говорили Маслову, что благодаря его книжкамъ и побуждаемые его убѣжденіями въ пользѣ для всего народа распространенія грамотности между крестьянками, они открыли у себя школы для дѣвочекъ и разсказывали при этомъ подробности объ этихъ школахъ. Князь В. Львовъ писалъ въ 1845 году, что получивъ „не только согласіе, но увидѣвъ радость и сочувствіе неподдѣльные" своихъ

[1]) О всен. распр. 1849 г., стр. 124.

крестьянъ при сдѣланномъ имъ предложенiи открыть въ имѣнiи школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, они сообща рѣшили на первый разъ пригласить для преподаванiя грамоты дѣвочкамъ „одну тутошную“ женщину, и раньше бравшую дѣтей на выучку за 20 рублей ассигнацiями съ каждаго, а для мальчиковъ сами крестьяне прiискали клинскаго мѣщанина „пользовавшагося нѣкоторою извѣстностью въ имѣнiи“; онъ взялся учить и дѣвочекъ за 20 рублей серебромъ въ годъ и помѣщенiе въ школѣ, которая и была открыта въ 1845 году. Дѣвочекъ училось всего 12; онѣ ходили въ школу утромъ отъ 8 до 10 часовъ, а мальчики отъ 10 до 12 ти. „Никакъ не удалось мнѣ уговорить—пишетъ князь Львовъ — чтобы дѣти учились черезъ день; отцы просили учить ихъ ежедневно. Видя добрую волю ихъ, мнѣ не хотѣлось употреблять власть“ [1]).

Помѣщикъ калужской губернiи Лисевичъ, „практическiй земледѣлецъ“, какъ онъ себя называлъ, извѣщалъ, что открылъ у себя въ имѣнiи „грамотную избу“. Когда онъ сказалъ крестьянамъ о своемъ намѣренiи обучать ихъ дѣтей грамотѣ, „именно, чтобы знали какъ молиться Богу, потомъ приняться за Часовникъ, далѣе за Псалтирь, а тамъ далѣе, какъ Богъ на разумъ наставитъ“, то они „повидимому—писалъ Лисевичъ—сначала меня не поняли, или, лучше сказать, отъ удивленiя не собрались съ мыслями“. Когда же онъ подробно объяснилъ въ чемъ дѣло, „надобно было видѣть радостныя ихъ лица и слезы признательности“. Учителемъ былъ выбранъ крестьянинъ Лисевича, обучавшiйся въ практической земледѣльческой школѣ графини Строгановой „человѣкъ хорошей нравственности“. Лисевичъ прибавлялъ, что ходившiя учиться въ избу дѣти „въ домахъ своихъ, куда уходятъ обѣдать и ночевать, приняты какъ отличные члены семейства и домашнiе съ удовольствiемъ слушаютъ ихъ, когда они читаютъ выученныя молитвы“.

Изъ присылавшихся Маслову писемъ видно, что въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ и раньше существовали школы, но только для мальчиковъ, въ чемъ теперь учредители каялись и благодарили Маслова за внушенную имъ мысль учить и дѣвочекъ. Въ имѣнiи вдовы генералъ-маiора Рѣпнинской, открытою въ 1846 году женскою школою, завѣдывала дочь помѣщицы и ея компанiонка, бывшая воспитанница московскаго Воспитательнаго Дома. Въ этой школѣ учили и началамъ ариѳметики. Въ письмѣ къ члену вольно-

---

[1]) О первой, вновь открытой школѣ для ученiя граматѣ крестьянскихъ дѣтей обоего пола въ имѣнiи князя В. В. Львова. (О всен. распр. гр. 1849 г.)

экономическаго Общества, Лашкареву, г-жа Рѣпнинская высказала совѣтъ поручать первоначальное обученіе дѣтей женщинамъ, „оставляя высшій надзоръ и строгія указанія и побужденія мужчинамъ. ...Московскій Воспитательный Домъ—писала она—богатъ дѣвицами способными преподавать чтеніе и необходимыя знанія для крестьянки". По ея мнѣнію не всѣмъ нужно умѣть писать; „христіанское чтеніе и, въ особенности, изученіе заповѣдей Божіихъ и молитвъ, вотъ что необходимо для всѣхъ крестьянокъ. Этому — писала она — онѣ и будутъ у меня учены подъ руководствомъ моей С..., которой въ помощь даны учитель и дѣвицы для обученія: церковной грамотѣ, работамъ и ремесламъ, полезнымъ въ крестьянскомъ быту". Графъ Комаровскій, извѣщая Маслова о начавшемся въ имѣніи его жены обученіи дѣвочекъ, писалъ, что ихъ немного потому, между прочимъ, что ученицы „принимаются не иначе, какъ по собственной, доброй волѣ родителей". Сказавъ, что курсъ ученія дѣвочекъ ограничится программою, въ сочиненіи В. П. начертанною" графъ Комаровскій прибавилъ: „дальнѣйшее образованіе дѣвочекъ, я, совершенно раздѣляя мысли В. П., признаю необходимостью весьма лишь второстепенною".

Харьковскій предводитель дворянства, П. Шабельскій, извѣщая Маслова объ открытой въ его имѣніи школѣ для 20 дѣвочекъ и 10 мальчиковъ, писалъ, что учебную часть онъ хочетъ поручить непремѣнно духовной особѣ для правильнаго изученія религіи „и при томъ для отвращенія могущихъ быть недоумѣній отъ мѣстнаго учебнаго начальства".

Во время своихъ поѣздокъ по Россіи, Масловъ самъ осматривалъ школы въ лежавшихъ у него на пути имѣніяхъ. Онъ экзаменовалъ ученицъ „грамотной избы" устроенной и въ имѣніи князя Львова и остался очень доволенъ. „Спрашивается — говоритъ онъ по этому поводу—нужно ли мудрить и ломать голову надъ изобрѣтеніемъ легчайшихъ методъ къ чтенію и надъ сочиненіемъ новыхъ руководствъ, когда крестьянская, 12-ти-лѣтняя дѣвушка, въ три мѣсяца, ходя въ грамотную избу ежедневно по два часа, подъ руководствомъ немудренаго граматнаго учителя, отысканнаго самими крестьянами для ихъ дѣтей, выучилась такъ хорошо читать, какъ я самъ того былъ свидѣтелемъ" [1])?

Въ имѣніи княгини Барятинской былъ учрежденъ дѣтскій пріютъ для дѣтей обоего пола. Дѣвочки, принимавшіяся въ возрастѣ отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, помѣщались въ верхнемъ этажѣ

[1]) О всен. распр. грам. 1849 г., стр. 154.

нарочно выстроеннаго для пріюта дома; ихъ обучали грамотѣ и закону Божью, пряденію льна и шерсти на улучшенныхъ прялкахъ, ткацкому искусству по новѣйшимъ способамъ, обработкѣ огородовъ и вообще всему домашнему хозяйству „сообразно съ бытомъ поселянъ".

Донося въ 1847 году московскому Обществу сельскихъ хозяевъ объ успѣхахъ распространенія грамотности среди крестьянокъ и перечисляя вновь полученные отъ Высочайшихъ Особъ и разныхъ лицъ отзывы и письма, Масловъ привелъ письма начальницъ Смольнаго монастыря и царскосельскаго женскаго духовнаго училища; первая говорила, что почтетъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ внушать воспитанницамъ желаніе „быть со временемъ полезными, по мѣрѣ силъ ихъ, въ томъ кругу, гдѣ онѣ находиться будутъ". Вторая благодарила отъ себя и отъ воспитанницъ за присланный экземпляръ книжки Маслова и писала: „само Провидѣніе внушило вамъ издать ее для вспомоществованія воспитанницамъ ввѣреннаго мнѣ училища въ достиженіи будущаго ихъ назначенія; ласкаю себя надеждою, что и учрежденіе училища для дѣвицъ духовнаго званія, съ своей стороны, не мало споспѣшествуетъ къ осуществленію столь благодѣтельнаго желанія и неусыпныхъ стараній вашихъ, чтобъ водворить въ народѣ истинное просвѣщеніе, основанное на чистѣйшихъ правилахъ Святой нашей Вѣры".

Въ числѣ благодарственныхъ заявленій, помѣщенныхъ въ третьей книжкѣ Маслова, было благодарственное заявленіе, присланное Стремоухову отъ слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда. Оно было подписано священникомъ, обучавшимъ въ приходскомъ училищѣ, волостнымъ старшиною, засѣдателемъ по части полицейской, сельскимъ старшиною и сборщикомъ податей [1]). Въ ней говорилось, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ Ахтырскомъ округѣ было открыто три школы для крестьянокъ; для обученія въ одной изъ нихъ, Стремоуховъ прислалъ бывшую ученицу своей школы, которою подписавшіеся остались очень довольны и выдали ей вознагражденіе „по возможности". Они говорили, что изъ 30-ти учившихся дѣвочекъ, три, при публичномъ испытаніи, получили присланные изъ палаты государственныхъ имуществъ похвальные листы.

Отъ управляющаго нижнетагильскими заводами Демидова, было прислано извѣщеніе, что „попеченіемъ просвѣщеннаго помѣщика"

---

[1]) О всен. распр. гр. 1849 г., стр. 202.

въ 1847 году было на заводахъ 13 училищъ съ 580-ю учащихся, въ числѣ которыхъ 70 дѣвочекъ [1]).

По словамъ Маслова, нѣкоторыя петербургскія дамы посвятили себя дѣлу распространенія церковной грамотности между крестьянками и онъ видѣлъ „у одной скромной воспитательницы своихъ крестьянокъ“ донесеніе священника и учителей о томъ, что въ ея имѣніяхъ учащихся до 900, въ томъ числѣ 370 дѣвочекъ.

Товарищъ министра государственныхъ имуществъ писалъ въ 1847 году Маслову, что желая усилить мѣры, принимаемыя министерствомъ для распространенія грамотности среди крестьянокъ, оно вновь пояснило прежнее циркулярное предписаніе управляющимъ палатами, чтобы они внушали крестьянамъ пользу грамотности для дѣвочекъ и допускали ихъ въ школы, учрежденныя для мальчиковъ, а также открывали параллельные классы въ тѣхъ школахъ, гдѣ будетъ 25 дѣвочекъ.

Въ 1847 году вольно-экономическое Общество присудило Маслову большую золотую медаль. Разсылавшіяся прежде безплатно книжки „о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи“ со втораго уже года продавались по 10 копѣекъ серебромъ (200 экземпляровъ раздавались безплатно) и была открыта подписка на будущія. Она шла такъ успѣшно, что въ 1848 году всѣ расходы по изданію трехъ книжекъ были покрыты и все это изданіе разошлось безъ объявленія о немъ въ газетахъ. Имена подписчиковъ были напечатаны при послѣднемъ, второмъ, изданіи всѣхъ четырехъ книжекъ вмѣстѣ, въ 1849 году.

Хотя этимъ изданіемъ закончилось печатаніе книжекъ Маслова, но и послѣ того, въ „Журналѣ сельскаго хозяйства“, „Земледѣльческой газетѣ“ и другихъ подобныхъ органахъ, время отъ времени печатались отрывочныя извѣщенія помѣщиковъ объ открываемыхъ ими у себя въ имѣніяхъ школахъ, но такихъ извѣщеній объ открытыхъ для дѣвочекъ школахъ, встрѣчалось уже меньше. Одинъ помѣщикъ, разсказывая въ „Земледѣльческой газетѣ“ о своей школѣ, взывалъ къ русскому дворянству, которое, по его мнѣнію, должно взяться за дѣло образованія земледѣльческихъ классовъ „откинувъ въ сторону всѣ мелкія придирки трусливаго обскурантизма“ [2]). Въ его школѣ, открытой въ 1852 году, ученикамъ и ученицамъ, не выдержавшимъ экзамена въ знаніи грамоты или ремесла, которому дѣвочекъ обучали въ третій, по-

[1]) Первая школа была учреждена въ 1806 году и тогда въ нее съ трудомъ могли набрать отъ 30 до 40 учениковъ. (О всен. распр. гр., стр. 230).

[2]) Земледѣльческая газета. 1856, № 65.

слѣдній, годъ ихъ ученія, не разрѣшалось жениться или выходить замужъ.

Къ этому времени, т.-е. за пять лѣтъ до великой реформы освобожденія крестьянъ, вопросъ ставился уже не только объ обученіи крестьянскихъ дѣвушекъ грамотѣ, но объ ихъ эстетическомъ воспитаніи, въ смыслѣ вѣжливыхъ манеръ и внѣшняго благообразія. Въ „Разсказахъ изъ вседневной жизни поселянъ", напечатанныхъ въ „Земледѣльческой газетѣ" 1856 года [1]), авторъ, помѣщикъ пензенской губерніи, обратилъ вниманіе на различіе между мужикомъ и бабой. Первый, по его мнѣнію, больше развитъ; онъ ѣздитъ въ городъ, на базаръ, слышитъ то и другое; баба сидитъ дома, никого и ничего кромѣ поля да печи не видитъ; „ничто ее не привлекаетъ, не разсѣеваетъ, не интересуетъ, не развиваетъ... ей бы только поѣсть да поспать... она не знаетъ даже потребности *нравиться*, столь сродной женскому характеру". Дурно одѣтая, безобразная, не привлекательная, она „ничѣмъ не можетъ занять мужа, потому что глупа и несвѣдуща". Въ этомъ авторъ, Великосельцевъ, видитъ „огромную нравственную, хозяйственную, и даже, если хотите—говоритъ онъ—общенародную важность", ибо въ этомъ, по его мнѣнію, причина того, что мужъ убѣгаетъ изъ дома, пренебрегаетъ хозяйствомъ и дѣтьми. Поэтому, ради благосостоянія страны, онъ требуетъ, чтобы и крестьянская женщина „въ извѣстной степени была красива, развита умомъ и даже... прошу не прогнѣваться—прибавляетъ онъ — хорошо одѣвалась, т.-е. не то, чтобы въ богатыя ткани, а и въ свои бѣдныя, но съ нѣкоторою заботливостью объ опрятности и даже со вкусомъ не какимъ-либо калмыцкимъ или китайскимъ, а общеславянскимъ". Онъ желалъ бы, и высказываетъ „ради дѣла, а не ради шутки", чтобы крестьянка, хотя до 30-ти лѣтъ, заботилась и о своей тальѣ. „Женщина безъ тальи—говоритъ онъ—тоже, что мужчина въ халатѣ; женщина съ таліею тоже, что мужчина въ сюртукѣ".

Въ другой своей статьѣ: *Замѣтка о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту* [2]), тотъ же авторъ, доказывая необходимость для крестьянина „пріобрѣсти влеченіе къ изящному", предлагаетъ и средства для того, чтобы ввести въ отношеніяхъ между мужикомъ и бабою „учтивыя, вѣжливыя" формы. Онъ говоритъ, что достигнуть этого можетъ каждый „благонамѣренный и способный чело-

---

[1]) № 24.

[2]) Земл. газета, 1856 г., № 25.

вѣкъ“ однимъ своимъ сообществомъ съ крестьянами. Всего же лучше могли бы въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать „умныя, молодыя помѣщицы, окружая себя крестьянками хоть въ видѣ дворовыхъ дѣвушекъ“, еслибы развивъ ихъ разговорами, выдавали ихъ замужъ за крестьянъ. Въ разговорахъ же, помѣщицы передавали бы крестьянкамъ и сущность образованія, которую авторъ полагаетъ въ „понятіяхъ о всемъ видимомъ мірѣ, въ знакомствѣ съ человѣческою дѣятельностью на пространствѣ всей вселенной“. Тутъ, по его мнѣнію, нужно знаніе исторіи и „хорошей“ географіи; „не худо—прибавляетъ онъ—прочесть нѣсколько хорошихъ романовъ“. Что же касается до „матеріальнаго“ образованія, до математики свыше ариѳметики, то „подобныя вещи — говоритъ онъ—женщинамъ почти не нужны“. Для сохраненія здоровья и красоты, необходимыхъ сельскому классу, и въ особенности женщинамъ, какъ матерямъ и образовательницамъ будущихъ поколѣній, онъ совѣтуетъ улучшать пищу крестьянокъ и нѣсколько облегчать ихъ въ самыхъ тяжелыхъ работахъ, „которыя, въ такомъ случаѣ, мужчины должны брать на себя“.

Въ одномъ изъ довольно многихъ возраженій на эти статьи, высказано сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было найти среди помѣщицъ такихъ преподавательницъ, какихъ желаетъ Великосельцевъ. „Умныя помѣщицы — говоритъ авторъ его — къ тому же образованныя до такой степени, что не по учебнику, а въ простыхъ разговорахъ съ крестьянками могутъ передать имъ свѣдѣніе изъ исторіи и географіи—да гдѣ онѣ? много ли ихъ?“. По его мнѣнію, тутъ помочь могутъ только школы [1]).

Почти всѣ журналы сороковыхъ годовъ обратили вниманіе на книжки Маслова. *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія* посвятилъ имъ двѣ большія сочувственныя статьи [2]). *Современникъ* ограничился пересказомъ содержанія первой брошюры, въ которой были напечатаны свѣдѣнія о школѣ Стремоухова, и упомянувъ о предложеніи Маслова учредить комитеты для распространенія грамотности среди народа, закончилъ свою рецензію на книжки Маслова словами: „та и другая часть возбуждаютъ справедливое вниманіе къ предмету необыкновенно важному въ государствѣ, когда вообразить это дѣло въ надлежащемъ размѣрѣ“ [3]).

Отечественныя Записки посвятили вопросу нѣсколько статей. Относясь съ сочувствіемъ къ предложенію Маслова, журналъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы религіозно-нравственное образо-

[1]) Земл. газета, № 62.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1846 г. Т. Т. 49 и 50.

[3]) Современникъ 1845 г.

ваніе крестьянъ, приноровленное къ потребностямъ улучшеннаго крестьянскаго быта, „не вывело бы ихъ изъ ихъ быта".—Не существуетъ предѣловъ для удовлетворенія умственныхъ и душевныхъ потребностей человѣка—говоритъ рецензентъ брошюры—при которыхъ можно бы было сказать ему: „довольно съ тебя! полно! ты запасся теперь на всю жизнь и съ этимъ запасомъ проведешь жизнь счастливо, оставаясь тѣмъ, чѣмъ ты былъ! Истинное образованіе возбуждаетъ новыя и новыя желанія, предлагаетъ новые и новые вопросы. Оно выводитъ насъ не только изъ тьмы невѣжества, но показывая сходство и различіе разныхъ общественныхъ состояній, даетъ намъ намѣреніе (если не средство) выйти изъ одного, худшаго, быта въ другой — лучшій. Не видитъ человѣкъ, что̀ хуже и что̀ лучше — онъ не истинно образованъ, видитъ и не хочетъ—это неестественно. А развѣ можно быть счастливымъ при безсиліи выполнить, разумѣется законныя, намѣренія? Конечно, въ дѣлѣ ученія, которое простирается отъ нуля до безконечной величины, есть возможность удовольствовать и удовольствоваться одною азбукою; но такое образованіе неистинно, слѣдовательно, рѣшительно безполезно... Мы увѣрены, что произнесши слово *образованіе*, г. Масловъ разумѣлъ образованіе истинное". Рецензія кончается словами: „мы обязаны благодарить г. Маслова за его благонамѣренную статью, но болѣе всего благодарить г. Стремоухова за его истинно-христіанское дѣло, прекрасно-человѣческій поступокъ. И не только мы, но всѣ благородно мыслящіе вблизи и издалека пошлютъ ему братскій привѣтъ и горячее спасибо" [1]).

Въ это время увлеченія идеею объ образованіи крестьянокъ, рядомъ съ азбуками и книгами для чтенія сельскимъ классамъ, появлялись книжки со всякаго рода наставленіями крестьянкамъ: чтобы онѣ не ходили босыми, а то простудятся, чтобы всякій день умывали дѣтей, чаще стирали мужу наволоки и т. п. [2]).

Для приготовленія наставницъ въ женскихъ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, было признано полезнымъ образовывать ихъ изъ крестьянскихъ дочерей, которыя, подъ руководствомъ приходскаго священника, должны были обучать дѣвочекъ и наблюдать за ихъ поведеніемъ. Съ этой цѣлью въ 1850 году было разрѣшено отдать священникамъ для обученія грамотѣ 30 дѣвушекъ въ губерніяхъ: вятской, черниговской и харьковской, а нѣсколько позже и въ губерніяхъ: екатеринослав-

---

¹) Отеч. Зап. 1845 г. Т. XLI. Библіографическая хроника.

²) Соврем. 1847 г. Т. 4.

ской, новгородской и нижегородской, съ платою изъ училищнаго капитала отъ 15-ти до 30-ти рублей въ годъ за каждую. Къ 1855 году число приготовлявшихся въ наставницы крестьянокъ простиралось до 79-ти.

Учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было: въ 1849 году—3.855, въ 1850—4.336, въ 1851—4.948, въ 1852—4.605. Въ слѣдующемъ году было признано, что многія училища, вслѣдствіе малаго числа посѣщающихъ ихъ, не приносятъ ожидаемой пользы, и тогда всѣ сельскія училища были раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены тѣ, гдѣ было отъ 50 до 100 учащихся; ко второму, гдѣ число ихъ не превышало 50-ти. Въ первыхъ положено устраивать два параллельныхъ класса и, кромѣ наставника, имѣть еще помощника, а въ училищахъ, гдѣ много дѣвочекъ—наставницу.

Въ 1855 году число учащихся дѣвочекъ простиралось уже до 5.667-ми; но было замѣчено, что многія училища оставались наполовину пустыми, и для отвращенія этого, было положено назначать въ каждое училище извѣстное число постоянныхъ учениковъ изъ сиротъ обоего пола. Въ 1857 году во всѣхъ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было 670 постоянныхъ учениць и 5.514 приходящихъ.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ существовали маленькія частныя школы грамотности, содержимыя духовенствомъ, а также вѣдомствами государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ Полныхъ свѣдѣній объ этихъ школахъ нѣтъ; но судя по отрывочнымъ извѣстіямъ о нихъ, печатавшимся иногда въ журналахъ конца пятидесятыхъ годовъ, число учащихся дѣвочекъ въ сравненіи съ учащимися мальчиками было еще даже менѣе, нежели въ приходскихъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ *Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ*, издававшемся въ 1857 году профессоромъ Н. А. Вышнеградскимъ, помѣщенъ отчетъ объ этихъ школахъ въ рязанской губерніи. Изъ 33-хъ школъ грамотности, состоявшихъ на попеченіи духовенства рязанской епархіи, были только три женскія (въ домахъ священниковъ). Всего же учащихся дѣвочекъ во всѣхъ школахъ епархіи—140, а мальчиковъ 991 [1]). Въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ 1857 году училось 259 дѣвочекъ (2.638 мальчиковъ) и въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 45 дѣвочекъ (42 мальчика). Стало быть всего въ этихъ школахъ въ 1857 году было

---

[1]) Вѣдомость о прих. училищахъ ряз. епархіи, состоящихъ на собственномъ попеченіи духовенства за 1857 г. (Р. Пед. Вѣст. 1858 г. Т. III).

304 учащихся дѣвочекъ и 2.680 мальчиковъ, а вмѣстѣ съ состоявшими на попеченіи духовенства, 444 дѣвочки (3.671 мальчиковъ), т.-е. учащіяся въ рязанской губерніи дѣвочки составляли менѣе 1/8 числа учащихся мальчиковъ. Такое отношеніе, вѣроятно, было и въ другихъ губерніяхъ.

Болѣе всего учащихся дѣвочекъ было въ частныхъ пансіонахъ и школахъ, большинство которыхъ находилось въ Петербургѣ. Въ петербургскомъ учебномъ округѣ [1]) въ 1853 году было всего 6.984 учащихся въ общественныхъ заведеніяхъ, не считая институтовъ, дѣвочекъ (мальчиковъ 30.461); изъ нихъ 5.379 учились въ частныхъ пансіонахъ и школахъ, причемъ только 1365 приходилось на пансіоны перваго разряда. Въ другихъ округахъ число пансіоновъ перваго и второго разрядовъ было крайне невелико и притомъ непостоянно, такъ какъ бо̀льшая часть пансіоновъ должны были скоро закрываться по недостатку средствъ.

Въ 1833 году запрещено было открывать новые частные пансіоны въ столицахъ, а въ другихъ городахъ они могли открываться лишь „въ случаяхъ крайней въ томъ надобности". Въ слѣдующемъ году запрещены частные пансіоны для дѣтей обоего пола вмѣстѣ [2]). Можетъ быть отчасти и вслѣдствіе этихъ ограниченій, число пансіоновъ первыхъ двухъ разрядовъ въ 1853 году едва доходило до ста во всей имперіи [3]). По словамъ Воронова, бо̀льшая часть женскихъ пансіоновъ въ этомъ году ограничивалась элементарнымъ курсомъ ученія, „такъ какъ средства для высшаго женскаго образованія недостаточны и въ столицахъ" [4]).

По Положенію о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 1835 года всѣ частные пансіоны и школы должны были по курсу ученія приближаться къ соотвѣтственнымъ имъ казеннымъ заведеніямъ. Мужскіе были раздѣлены на три разряда подходящихъ къ разрядамъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Женскіе „которые—сказано въ отчетѣ министра за 1834 годъ—по числу предметовъ и объему ученія не представляютъ ощутительнаго различія и слѣдовательно не могутъ подходить подъ упомянутое раздѣленіе", должны были обозначаться по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, основательности ученія, попеченія о нравственности и фи-

---

[1]) Въ него входили восемь губерній: петербургская, новгородская, псковская, вологодская, архангельская, олонецкая, витебская, могилевская.

[2]) *А. Вороновъ*. Ист. стат. обозр. 1828—1853 г.

[3]) Матеріалы для новаго Положенія о женскихъ училищахъ вѣд. мин. нар. просв. Записка о женскихъ училищахъ. Составлена предсѣдателемъ ученаго комитета мин. нар. просв. А. С. Вороновымъ. (Ж. мин. нар. пр. 1865 г. Ч. 125).

[4]) Тамъ же.

зическомъ воспитаніи, разрядами: отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ".

Для надзора за частными пансіонами и школами, въ 1834 году были назначены особые инспектора, главная обязанность которыхъ заключалась въ наблюденіи, „чтобы воспитаніе въ пансіонахъ утверждено было на основныхъ началахъ Русской жизни: Православія, Самодержавія и народности" [1]). О заслуживающихъ, по мнѣнію правительства, довѣрія публики пансіонахъ, объявлялось въ столичныхъ газетахъ. „Всѣ эти распоряженія—сказано въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1834 годъ—имѣютъ цѣлью слить воедино воспитаніе юношества въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ съ воспитаніемъ въ правительственныхъ заведеніяхъ" [2]).

Десять лѣтъ спустя, въ 1844 году, министръ уже говорилъ въ своемъ отчетѣ: „подъ живительнымъ вліяніемъ сокровенной силы, Учебныя Заведенія Министерства, поглотивъ невозвратно почти все воспитаніе частное, привлекаютъ все болѣе ищущихъ образованія; во всѣ слои общества проникаетъ эта потребность" [3]).

Домашнее воспитаніе также было подчинено надзору правительства. 25 марта 1834 года былъ изданъ Высочайшій указъ Сенату, въ которомъ говорилось: „при умноженіи всѣхъ средствъ, для публичнаго воспитанія необходимыхъ, считаемъ за благо обратить вниманіе и на домашнее воспитаніе. Во всей Имперіи строго воспрещается принимать въ дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ, иностранцевъ обоего пола, не получившихъ атестатовъ отъ русскихъ университетовъ, учителями, наставниками или гувернерскаго званія, не имѣющихъ свидѣтельства о нравственности и поведеніи, требуемыхъ указомъ 12 іюля 1831 года. Если это будетъ нарушено, то отвѣтственность будетъ падать даже на лицо родителя, принявшаго въ свой домъ иностранца безъ атестата".

Положеніемъ о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, Высочайше утвержденнымъ 1 іюля 1834 года и составленнымъ министромъ народнаго просвѣщенія подъ непосредственнымъ руководствомъ императора Николая [4]), въ первый разъ было постановлено, что воспитаніе, „гдѣ бы оно совершаемо ни было, въ общественномъ ли заведеніи или подъ родительскимъ кровомъ, если только, слѣдуя данному направленію, стремится къ единому началу, равно составляетъ неразрывное цѣлое, одно великое Госу-

---

[1]) *А. Вороновъ*, стр. 241.—Положеніе о ч. уч. зав.

[2]) Журн. мин. нар. пр. 1835, кн. 2.

[3]) Журн. мин. нар. пр. 1845, кн. 46.

[4]) *А. Вороновъ*. Ист. стат. обозр. 1828—1853 г. Стр. 248.

дарственное дѣло, близкое къ сердцу всѣхъ, важное въ глазахъ Правительства" [1]).

По этому Положенію, обученіемъ въ частныхъ домахъ могли заниматься лишь лица, выдержавшія испытаніе въ университетѣ, а гдѣ его не было, въ гимназіяхъ. Только воспитанницы, кончившія курсъ съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ въ женскихъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы, а также въ училищахъ св. Петра и св. Анны, могли преподавать и получали званіе домашней учительницы безъ особаго экзамена. Но всѣ были обязаны каждый годъ представлять директору училищъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и свидѣтельства о поведеніи отъ уѣздныхъ предводителей дворянства и лицъ, въ домѣ которыхъ онѣ обучали. Домашніе учителя пользовались правами государственной службы, наградами, чинами и орденами, особыми медалями и пенсіями; домашнія учительницы только правомъ на пенсію.

При введеніи въ дѣйствіе Положенія 1834 года попечитель московскаго учебнаго округа обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ вопросомъ: можно ли выдать свидѣтельство на званіе домашней учительницы французскаго и нѣмецкаго языковъ принадлежащей къ податному состоянію, московской мѣщанкѣ, представившей свидѣтельство, выданное ей въ 1824 году въ томъ, что она знаетъ эти языки. Министръ отвѣчалъ, что принадлежащія къ податному состоянію лица женскаго пола допускаются къ пріобрѣтенію званія домашней учительницы „тѣмъ безпрепятственнѣе, что онѣ, по существующимъ постановленіямъ, не будучи обложены никакою податью, не состоятъ въ подушномъ окладѣ и не имѣютъ даже надобности при вступленіи въ должность домашней учительницы брать увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ, требуемыхъ Положеніемъ 1834 года отъ лицъ мужскаго пола, для которыхъ съ званіемъ наставниковъ и учителей сопряжены преимущества государственной службы" [2]).

Положеніе 1-го іюля 1834 года было переведено на иностранные языки и разослано во всѣ посольства, хотя дарованныя имъ права не распространялись на иностранцевъ, не состоявшихъ русскими подданными. Дарованіе этихъ правъ было привѣтствовано въ торжественномъ собраніи петербургскаго университета 20 сентября 1834 года. Въ произнесенной на этомъ собраніи профессоромъ философіи Фишеромъ рѣчи „о ходѣ образованія въ

---

[1]) Отчетъ мин. нар. просв. 1834 г. (Ж. мин. нар. пр. 1835 г.).

[2]) Отвѣтъ мин. нар. пр. 7 ноября 1834 г. (Арх. мин. нар. пр.).

Россіи и участія, какое должна принимать въ немъ философія“, включеніе домашнихъ учителей „въ классъ чиновниковъ и подчиненіе ихъ дѣйствій надзору властей общественныхъ“ было названо закономъ „безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ гражданской образованности“... Этотъ законъ—сказалъ Фишеръ—возвыситъ званіе учителя, слишкомъ мало уважаемаго донынѣ въ общественномъ мнѣніи, и сдѣлаетъ это званіе почтеннымъ, его будутъ искать природные русскіе“. И самъ учитель, „возвышенный въ собственныхъ глазахъ, не согласится уже ни на какое безчестное дѣло, которое унизило бы его въ мнѣніи другихъ, и чистота нравовъ, имѣющая столь сильное вліяніе на успѣхи воспитанія, будетъ теперь спасать чаще прежняго“ [1]).

Къ дѣятельности женщинъ въ качествѣ учительницъ, министерство народнаго просвѣщенія относилось, повидимому, сочувственно. Въ Журналѣ министерства была напечатана въ 1834 году переведенная съ французскаго статья „о народномъ воспитаніи дѣвицъ“. Въ ней проводилась мысль, что все дѣло народнаго образованія должно сосредоточиваться въ рукахъ правительства, которое имѣетъ возможность „и больше, и лучше сдѣлать и все лучше знать“. Въ женскихъ заведеніяхъ, по мнѣнію автора статьи, должны преподавать женщины, а такъ какъ до тѣхъ поръ нельзя было найти обладающихъ для этого достаточнымъ образованіемъ женщинъ, то необходимо учредить женскую нормальную школу. Въ ней приготовлялись бы женщины, могущія современемъ замѣстить профессоровъ. Отъ учрежденія такой школы произошла бы и для государства выгода, еслибы кончившихъ курсъ въ нормальной школѣ женщинъ „распространили бы по всему пространству государства для свободнаго управленія публичнымъ и домашнимъ воспитаніемъ и для озаренія своими познаніями всѣхъ классовъ общества... Силою естественнаго дѣйствія женщинъ, получившихъ это воспитаніе“, вліяніе ихъ распространилось бы и на все гражданское общество. „Какъ легко было бы правительству—говорится въ концѣ статьи—подчинить нравы своей власти и управлять ими [2])!

Со времени изданія Положенія 1834 года стали собирать свѣдѣнія о числѣ домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ. Изъ печатавшихся въ журналѣ министерства отчетовъ видно, что число учительницъ постоянно превышало число наставниковъ и учителей. Въ 1838 году ихъ было 110 (наставниковъ 42, учи-

---

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1835, кн. VI.
[2]) Журн. мин. нар. пр. 1834, кн. 3.

телей 66); въ 1839-мъ учительницъ 136 (наставниковъ 44, учителей 75); занимающихся обученіемъ грамотѣ и ариѳметикѣ женщинъ 326 (мужчинъ 292); въ 1840: учительницъ 149 (наставниковъ 41, учителей 77); въ 1841: учительницъ 156 (наставниковъ 41, учителей 83); въ 1842: учительницъ 198 (наставниковъ 47, учителей 115); въ 1846: учительницъ 257 (наставниковъ 55, учителей 211); занимавшихся обученіемъ грамотѣ и ариѳметикѣ женщинъ 635 (мужчинъ 485). Въ этомъ году пріѣхало въ Россію всего 25 иностранцевъ—учителей и учительницъ [1]).

Воспитаніе и обученіе въ частныхъ пансіонахъ этого времени (1828—1853 гг.) шло по обычной, рутинной, колеѣ. Какъ въ лучшихъ, такъ и среднихъ, на первомъ мѣстѣ стояло обученіе французскому языку, выправкѣ и манерамъ. Открывая пансіонъ, содержательницы завѣряли, что будутъ внушать воспитанницамъ правила „чистѣйшей нравственности при самомъ строгомъ надзорѣ“ [2]). Бывшая воспитанница Смольнаго, просившая въ 1836 году о разрѣшеніи открыть въ Курскѣ благородный пансіонъ для дѣвицъ, въ представленной харьковскому университету программѣ говорила, что „получивъ сама отъ щедротъ Державно-благотворнаго Престола первыя впечатлѣнія воспитанія, не умѣетъ иначе чувствовать и не желаетъ иначе понимать воспитаніе какъ сообразно съ святыми законами вѣры и благодѣтельнымъ желаніямъ Правительства, отечески пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ“ [3]).

Въ бо̀льшей части тѣхъ городовъ, въ которыхъ существовали женскіе пансіоны, это были единственныя общественныя въ цѣлой губерніи заведенія, гдѣ могли получать образованіе дѣвочки. Если основывать свое сужденіе о нихъ только на программахъ, то многіе изъ тогдашнихъ пансіоновъ могли удовлетворять требованіямъ средняго общаго образованія. Большинство содержательницъ все-таки были иностранки. Въ 1842 году въ Вяткѣ былъ открытъ пансіонъ купеческою женою Луизою Диттель; это было первое по времени женское средне-учебное заведеніе во всей губерніи [4]). Въ вологодскомъ пансіонѣ госпожи Дозе, бывшемъ также первымъ по времени женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ губерніи, въ 1843 году было всего 20 учащихся. Кончившая въ этомъ

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1847 г.

[2]) Въ изданномъ въ 1836 году главнымъ правленіемъ училищъ Положеніи о благородныхъ пансіонахъ, дозволялось наказывать розгами въ случаѣ, еслибы другія мѣры оказались бы недѣйствительными. (Журн. мин. нар. просв. 1865 г.).

[3]) Архивъ мин. нар. пр.

[4]) Столѣтіе Вятской губ. 1780—1880. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Изданіе Вятскаго губ. статист. Комитета. Вятка. 1880 г., стр. 460.

пансіонѣ курсъ, дѣвица Соколова, была первою въ губерніи женщиною, державшею (въ 1842 году) экзаменъ въ вологодской гимназіи на званіе домашней учительницы. Въ пансіонѣ съ 1846 года преподавалось краткое обозрѣніе физики и краткій обзоръ всеобщей исторіи на французскомъ языкѣ, также риторика по книгѣ Кошанскаго. Программа харьковскаго пансіона г-жи Ларешъ, открытаго въ 1847 году, включала не только обученіе иностраннымъ языкамъ (и англійскому), но и словесность этихъ языковъ, также и русскую, математику, физику. Содержательница просила позволенія назвать свой пансіонъ „образцовымъ". Но въ этомъ ей было отказано на томъ, въ числѣ другихъ, основаніи, что „всѣ почти частные женскіе пансіоны въ Харьковѣ въ весьма хорошемъ состояніи и образцомъ для нихъ служитъ харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ" [1]).

Въ Петербургѣ существовалъ хорошій пансіонъ, открытый въ 1847 году г-жею Чистяковою, женою извѣстнаго въ свое время педагога. Содержательница получила образованіе въ дерптскомъ пансіонѣ, выслушала потомъ полный курсъ наукъ отъ профессоровъ дерптскаго университета, и, выйдя замужъ, изучала педагогику. Въ ея пансіонѣ на первомъ мѣстѣ стояло преподаваніе русскаго языка, но воспитанницы должны были говорить въ опредѣленные дни на иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскомъ, ученіе которому въ пансіонѣ было обязательно [2]).

Женскій пансіонъ въ Пензѣ, открытый въ 1842 году частнымъ лицомъ, г-жею Кондратьевою, въ слѣдующемъ же году былъ поддержанъ дворянствомъ губерніи, которое на выборахъ 1843 года постановило учредить сборъ по копѣйкѣ серебромъ съ каждой владѣльческой души на содержаніе въ пансіонѣ двадцати воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ дворянъ, по двѣ отъ каждаго уѣзда, по выбору предводителей дворянства. За каждую изъ нихъ положено было платить по 128 рублей 57 копѣекъ въ годъ, хотя своекоштныя пенсіонерки платили по 172 рубля. На томъ основаніи, что въ пансіонѣ содержатся 20 воспитанницъ отъ дворянства, было разрѣшено ходатайство губернскаго предводителя о подчиненіи этого пансіона директору пензенскаго дворянскаго института. Къ отпускаемой на содержаніе двадцати воспитанницъ ежегодной суммѣ въ 2.664 рубля 24 копѣйки серебромъ, дворянство прибавило въ 1851 году еще 755 рублей; тогда пансіонъ былъ преобразованъ и для него издано Положе-

[1]) Донесеніе управляющаго харьк. округомъ, генералъ-адъютанта Кокошкина министру нар. пр. (Арх. мин. нар. пр. 1851 г.).

[2]) Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXV. Смѣсь.

ніе, которымъ для завѣдыванія пансіономъ учреждался особый Совѣтъ изъ почетной попечительницы, губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя пензенской гимназіи и дворянскаго института. Директору послѣдняго было поручено ближайшее завѣдываніе учебною частью. Полупенсіонерки и приходящія, до тѣхъ поръ допускавшіяся въ пансіонѣ, Положеніемъ 1852 года были отмѣнены. Въ 1855 году, по представленію новой содержательницы о томъ, что многіе дворяне и чиновники не въ состояніи платить по 172 рубля въ годъ за содержаніе своихъ дочерей полными пенсіонерками, были вновь допущены полупенсіонерки съ платою по 120 рублей въ годъ за каждую.

Въ пансіонѣ преподавались: законъ Божій, священная и церковная исторія, русская грамматика, словесность и логика, первая и вторая части ариѳметики, географія и исторія всеобщая и русская, французскій языкъ (нѣмецкій былъ отмѣненъ Положеніемъ 1852 года), чистописаніе, рисованіе, музыка, танцы. Въ 1855 году было введено преподаваніе краткой естественной исторіи [1]). Преподаваніе естественныхъ наукъ было разрѣшено въ 1853 году и въ одесскомъ женскомъ пансіонѣ, содержавшемся г-жею Лапа.

Плата въ женскихъ пансіонахъ была различна. Въ существовавшемъ въ 1835 году въ Царскомъ селѣ пансіонѣ, содержательницею котораго была жена придворнаго камеръ-музыканта, Губертъ, платили по 13 рублей въ мѣсяцъ. Въ харьковскомъ пансіонѣ, гдѣ преподавали математику и физику — 286 рублей въ годъ и кромѣ того особо за обученіе англійскому языку, пѣнію и за прислугу. Въ пензенскомъ пансіонѣ съ полупенсіонерокъ до 1855 года брали по 86 рублей, за музыку была особая плата и, кромѣ того, пенсіонерки платили за прислугу по 18-ти рублей въ годъ. Въ вологодскомъ пансіонѣ Дозе полныя пенсіонерки платили по 450 рублей въ годъ, а полупенсіонерки половину этой суммы. Въ черниговскомъ перворазрядномъ пансіонѣ, открытомъ въ 1837 году, плата съ пенсіонерокъ равнялась 150 рублямъ въ годъ, полупенсіонерокъ — 75-ти, за музыку платили особо. Въ 1847 году были 23 пенсіонерки изъ дворянъ; онѣ платили по 450 рублей въ годъ и 11 полупенсіонерокъ по 250 рублей каждая. Но содержательница писала въ этомъ году попечителю учебнаго округа, что она „изъ опыта узнала, что кромѣ разстройства ея состоянія послѣ девятилѣтняго содержанія, пансіонъ ей ничего не можетъ принести“ и просила разрѣшенія преобразовать его на степень приходскаго училища [2]).

1) Арх. мин. нар. пр.

2) Частный благородный женскій пансіонъ въ Пензѣ. (Арх. мин. нар. пр.)

Въ очень многихъ, даже губернскихъ городахъ, до 1855 года совсѣмъ не было не только общественныхъ или правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, но и частныхъ пансіоновъ.

Въ Петербургѣ въ 1841 году принцесса Терезія Ольденбургская открыла на свои средства небольшое закрытое училище для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній. Цѣль училища состояла въ томъ, чтобы обезпечить ихъ будущность „трудомъ честнымъ и благороднымъ". Кромѣ пенсіонерокъ принцессы, допускались пенсіонерки и частныхъ лицъ, съ платою по 300 рублей ассигнаціями въ годъ. Училище помѣщалось въ купленномъ принцессою каменномъ домѣ на петербургской сторонѣ. Курсъ ученія назначался четырехлѣтній, элементарный, но воспитанницы обязаны были обучаться иностраннымъ языкамъ. На обученіе музыкѣ было обращено большое вниманіе и съ этой цѣлью былъ приглашенъ Гензельтъ въ качествѣ инспектора музыки. Наблюденіе за учебной частью было возложено на ректора петербургскаго университета, Плетнева. Сама принцесса принимала близкое участіе въ дѣлахъ училища. Желающихъ поступить въ него было такъ много, что въ 1853 году было выстроено новое четырехэтажное зданіе. Въ 1855 году воспитанницамъ училища было дано право на полученіе званія домашнихъ учительницъ наравнѣ съ воспитанницами женскихъ учебныхъ заведеній второго разряда [1]).

Что касается частныхъ женскихъ пансіоновъ въ западномъ краѣ, то еще въ 1831 году, сейчасъ же послѣ усмиренія польскаго возстанія, было сдѣлано распоряженіе, чтобы находившіяся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ римско-католическими монахинями, воспитанницы греко-уніатскаго исповѣданія, были оттуда выведены и чтобы это было распространено и на кіевскій учебный округъ. Вслѣдъ затѣмъ было упразднено значительное число римско-католическихъ монастырей и принадлежавшія имъ имѣнія взяты въ казну съ тѣмъ, чтобы получаемые съ нихъ доходы были употребляемы на богоугодныя заведенія и, въ особенности, на содержаніе училищъ, бывшихъ при этихъ монастыряхъ. Изъ этихъ средствъ 70.000 рублей были назначены исключительно для устройства женскихъ учебныхъ заведеній и школъ.

Графъ Уваровъ, въ представленной имъ въ 1835 году, по повелѣнію государя, запискѣ о частныхъ женскихъ пансіонахъ въ западномъ краѣ, указалъ на то, что „послѣднія событія въ гу-

---

[1]) Ж. мин. нар. пр. 1891 г. іюнь. Пятидесятилѣтіе ж. уч. Ея Имп. Выс. принцессы Ольденбургской.

берніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, показали не одинъ примѣръ непріязненныхъ противъ Россіи порывовъ и между женскимъ поломъ“ [1]). А такъ какъ правительство учредило надзоръ не только надъ частными учебными заведеніями въ Россіи, но обратило вниманіе и на обученіе дѣтей въ домахъ родителей, то графъ Уваровъ предложилъ распространить такой надзоръ и за воспитаніемъ дѣвицъ въ женскихъ монастыряхъ западнаго края. Онъ прибавлялъ, что приметъ мѣры къ тому, чтобы этотъ надзоръ былъ не стѣснителенъ для монастырей и чтобы онъ всегда оставался „въ границахъ благовиднаго наблюденія“. На этой запискѣ государь написалъ: „исполнить немедленно“.

По собраннымъ тогда свѣдѣніямъ выяснилось, что въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ было 27 женскихъ пансіоновъ при монастыряхъ, изъ которыхъ три могли быть причислены къ высшему разряду, три къ среднему и 21 элементарныхъ, для бѣдной шляхты и низшихъ слоевъ общества. Во всѣхъ этихъ пансіонахъ ежегодное число учащихся колебалось между 460 и 780, и значительная ихъ часть содержалась на средства монастырей. Свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній было около сорока съ 1.100 учащимися, въ числѣ которыхъ были и приходящія. Изъ нихъ 10 могли быть отнесены къ высшему разряду, 21 къ среднему и 9 элементарныхъ. Но общее число учащихся дѣвушекъ какъ въ монастырскихъ, такъ и въ свѣтскихъ пансіонахъ, составляло лишь $^1/_6$ часть общаго числа учащихся въ публичныхъ школахъ мальчиковъ, и огромное большинство дѣвушекъ могли получать лишь домашнее воспитаніе [2]). Нѣкоторые изъ частныхъ женскихъ пансіоновъ, съ давнихъ поръ основанныхъ женскими монашескими орденами, состояли въ вѣдѣніи духовной власти и училищное начальство, какъ сказано въ запискѣ графа Уварова, никогда не могло имѣть на нихъ вліянія, ибо правила монастырскихъ клау-

---

[1]) Записка гр. Уварова о подчиненіи частныхъ ж. пансіоновъ, содержимыхъ ж. монастырями, надзору свѣтскаго училищнаго начальства. (Арх. М. Н. Пр. 1835).

[2]) Въ внесенномъ, по Высочайшему повелѣнію въ 1845 году, на разсмотрѣніе комитета министровъ, рапортѣ виленскаго губернатора о состояніи губерніи, гдѣ онъ говорилъ, что въ ней нѣтъ казенныхъ учебныхъ заведеній для образованія дѣвицъ, государь сдѣлалъ замѣтку: „сообразить можно ли учредить учебныя заведенія для дѣвицъ, хотя въ видѣ малыхъ пансіоновъ“. Изъ представленныхъ тогда попечителемъ виленскаго учебнаго округа свѣдѣній оказалось, что и въ 1847 году во всемъ округѣ было 49 женскихъ учебныхъ заведеній (изъ нихъ 5 образцовыхъ пансіоновъ) съ 1.500 учащимися и что $^4/_5$ населенія, и въ томъ числѣ все высшее дворянство, остается при домашнемъ воспитаніи „гдѣ—писалъ попечитель—нѣтъ ничего русскаго ни по языку, ни по понятіямъ и чувствамъ“. (Къ статсъ-секретарю Гофману изъ министерства народнаго просвѣщенія 13 сент. 1847 г.—Арх. IV отд.)

зуръ такъ строго наблюдались, особенно въ женскихъ монастыряхъ, что попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа могъ осмотрѣть эти пансіоны лишь съ разрѣшенія и въ сопровожденіи епископа. Въ другихъ допускались визитаторы; но и въ этихъ пансіонахъ по прежнему учили монахини, не имѣвшія на то дозволенія отъ училищнаго начальства и назначавшіяся по распоряженіямъ римско-католическаго духовенства. Небольшое число пансіоновъ къ 1835 году уже подчинилось училищному начальству.

Витебскимъ монахинямъ ордена Маріавитокъ въ 1839 году было оказано пособіе въ тысячу рублей, для основаннаго ими, на пожертвованные въ 1831 году княгинею Ловичъ 4.000 червонцевъ, „въ память великаго князя Константина Павловича" пансіона для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Этотъ пансіонъ былъ тогда преобразованъ изъ маленькой элементарной школы, которую княгиня Ловичъ, по просьбѣ Маріавитокъ, взяла подъ свое покровительство. Осматривавшій пансіонъ въ 1837 году министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, нашелъ въ немъ 62 воспитанницы, платившихъ за полное содержаніе 350 рублей въ годъ, 20 даровыхъ и 12 приходящихъ за плату по 200 рублей въ годъ. Преподавателями въ пансіонѣ были лучшіе учителя гимназіи. Русскій языкъ, по донесенію графа Уварова, преподавался хорошо; гувернантками были русскія и нѣмки; на экзаменѣ воспитанницы пѣли „Боже Царя храни". Тѣмъ не менѣе государь не согласился на просьбу Маріавитокъ о дозволеніи просить великую княжну Марію Николаевну принять пансіонъ подъ свое покровительство, хотя ей была уже подана объ этомъ записка, подписанная двѣнадцатью уѣздными предводителями дворянства и 66 дворянами, собравшимися для выборовъ.

Начальница ордена съ своей стороны подала прошеніе цесаревнѣ о томъ, чтобы пансіонъ и школы ордена не были закрыты. На это отчасти соглашался и графъ Строгановъ, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но учрежденный тогда особый Комитетъ для разсмотрѣнія мѣръ о передачѣ въ казну имѣній, принадлежавшихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ, указалъ на вредное вмѣшательство ордена Маріавитокъ въ дѣло женскаго воспитанія и государь положилъ на этомъ журналѣ Комитета собственноручную резолюцію: „при новыхъ пансіонахъ не допускать монахинь; женскія монастырскія заведенія закрыть чрезъ сіе тѣмъ болѣе возможно, что въ Могилевѣ открывается благородный Институтъ подъ покровительствомъ жены Моей" [1]).

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1840 г.

Въ первое время послѣ того, какъ состоялось Высочайшее повелѣніе 1835 года, правительство не только разрѣшало, но даже поощряло открытіе въ западномъ краѣ новыхъ свѣтскихъ частныхъ пансіоновъ. Но желающіе учредить пансіонъ должны были дать подписку въ томъ, что они будутъ употреблять при ученіи лишь дозволенныя училищнымъ начальствомъ книги и будутъ воспитывать дѣвицъ „съ водвореніемъ въ сердца ихъ правилъ вѣры, преданности къ престолу, любви къ Россіи; будутъ охранять ихъ невинность какъ нравственную, такъ и физическую, и со всею прозорливостью наблюдать за преподаваніемъ учителей", что учителями они будутъ приглашать лишь имѣющихъ право преподавать по свидѣтельствамъ, выданнымъ имъ послѣ предварительнаго испытанія въ гродненской гимназіи, даже и въ томъ случаѣ, если учитель имѣетъ свидѣтельство отъ какой нибудь другой гимназіи.

Подробныя свѣдѣнія о числѣ женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ были въ первый разъ собраны въ 1834 году. Поводомъ къ этому было, какъ писалъ въ своемъ отчетѣ министръ народнаго просвѣщенія, то, что „иностранцы заключаютъ о числѣ учащихся въ Россіи единственно по отчетамъ министра народнаго просвѣщенія и такимъ образомъ въ Revue Germanique за 1834 годъ, при сравнительномъ обозрѣніи всемірнаго просвѣщенія, сдѣланъ ложный выводъ, будто на 700 человѣкъ жителей имѣется одинъ учащійся" [1]). Тогда министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало, по Высочайшему повелѣнію, распоряженіе о доставленіи ему начальствами учебныхъ заведеній статистическихъ свѣдѣній о числѣ этихъ заведеній и учащихся въ нихъ, и въ 1838 году эти свѣдѣнія были напечатаны [2]).

Согласно имъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, включая сюда царство польское и Финляндію, учащихся женщинъ въ 1834 году было 30.964 (мужчинъ 214.387). Изъ нихъ 8.544 учились въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, 4.864—въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, подъ непосредственнымъ управленіемъ императрицы и великой княгини Елены Павловны, 17.146 — въ заведеніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ (въ томъ числѣ и въ школахъ колоній въ окрестностяхъ Петербурга и уѣздахъ), 204—въ школахъ человѣколюбиваго Общества [3]), 126—въ школахъ императорскаго двора и

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1836 г. Кн. X.

[2]) Таблицы учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи съ показаніемъ отношенія числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высочайшему повелѣнію отъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1838 г.

[3]) Эти школы назывались тогда „Опыты воспитанія бѣдныхъ дѣтей женскаго пола".

107 — въ школахъ военнаго министерства (училища солдатскихъ дочерей и старорусское городское училище военныхъ поселеній); въ частныхъ пансіонахъ и школахъ — 6.890. Со включеніемъ 16.789-ти дѣвочекъ, учившихся въ школахъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, также человѣколюбиваго Общества, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (за исключеніемъ учрежденій Императрицы Маріи) училось 18.478 дѣвочекъ; въ уѣздныхъ училищахъ 104.

Общее число учащихся обоего пола во всѣхъ заведеніяхъ имперіи показано въ оффиціальной таблицѣ въ цыфрѣ 244.993; при населеніи въ 50.585.857 человѣкъ, отношеніе числа учащихся къ числу жителей составляло 1 : 210, а число учащихся женщинъ—нѣсколько болѣе 1/7 части числа учащихся мужчинъ.

Въ пятнадцати губерніяхъ [1]) въ 1834 году не было общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, кромѣ институтовъ, а были лишь частные пансіоны; тоже въ Москвѣ и цѣлыхъ учебныхъ округахъ: казанскомъ, харьковскомъ и бессарабской области. Въ 13-ти губерніяхъ [2]) не было ни общественныхъ, ни частныхъ учебныхъ заведеній.

Въ 1856 году въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, завѣдывавшихъ народнымъ образованіемъ, было 482.802 учащихся, изъ которыхъ 51.632 женскаго пола, составлявшихъ такимъ образомъ нѣсколько болѣе 1/9 части общаго числа учащихся. Стало быть, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ (1834—1856), число учащихся дѣвочекъ возрасло почти на 22.000. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ министра народнаго просвѣщенія послѣ 1834 года, число учащихся показывалось въ общей цыфрѣ, безъ обозначенія ихъ по поламъ, и о женскихъ училищахъ, за исключеніемъ образцовыхъ пансіоновъ въ западномъ краѣ, совсѣмъ не упоминалось. Поэтому неизвѣстно какъ распредѣлялись 51.632 учащихся дѣвочекъ ко времени вступленія на престолъ императора Александра II-го.

---

[1]) Олонецкой, ярославской, калужской, пензенской, астраханской, воронежской, курской, полтавской, тамбовской, могилевской, витебской, кіевской, подольской, херсонской, екатеринославской.

[2]) Вятской, пермской, нижегородской, саратовской, рязанской, минской, орловской, тобольской, томской, енисейской, землѣ донскаго войска; въ симбирской былъ одинъ Домъ трудолюбія и въ кавказской области—казенный пансіонъ съ 24 учащимися въ Закавказьѣ.

V.

Отношеніе общества къ институтскому образованію. – Отношеніе къ нему самихъ институтокъ.—Отношеніе къ нему литературы.—Отношеніе общества къ женскому образованію вообще.—Отношеніе къ нему литературы.—Ея требованія относительно образованія женщинъ. — Особые курсы наукъ для женщинъ. — Движеніе идей въ пользу улучшенія женскаго образованія.—Отношеніе женщинъ къ вопросу. — Новые женскіе типы въ литературѣ. — Образованіе женщинъ въ различныхъ слояхъ общества въ половинѣ 50-хъ годовъ.– Отношеніе писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Отношеніе литературы къ женщинамъ-писательницамъ.– Положеніе ихъ въ обществѣ.—Отношеніе литературы къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ.—Женщины-писательницы до-гоголевскаго періода.—Измѣнившіяся въ концѣ 40-хъ годовъ требованія критики отъ литературныхъ произведеній.—Удовлетворяли ли имъ женщины-писательницы 40-хъ и начала 50-хъ годовъ?—Характеръ ихъ литературныхъ произведеній.—Отношеніе этихъ писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи. – Причины пассивнаго отношенія женщинъ къ нему.—Условія ихъ жизни въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Ихъ роль въ движеніи на пользу женскаго образованія.—Слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны отряда сестеръ милосердія.

Развитіе, какое было дано въ царствованіе императора Николая женскому институтскому образованію, распространеніе институтовъ по всей имперіи, вниманіе и любовь къ нимъ двора, характеръ институтскаго образованія и воспитанія, отвѣчавшій требованіямъ и вкусамъ большинства тогдашняго общества, полезная дѣятельность многихъ изъ бывшихъ институтокъ въ качествѣ воспитательницъ и учительницъ въ своихъ и чужихъ семьяхъ, — все это привлекало къ нимъ вниманіе общества и литературы, особенно въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія.

Институтки часто тогда избирались героинями романовъ, главнымъ образомъ какъ представительницы невинности, чувствительности и того наивнаго міросозерцанія, которое очень нравилось въ дѣвушкахъ. Къ тому же, изображеніе первыхъ впечатлѣній такого тепличнаго растенія, какъ институтка, при столкновеніи

ея съ дѣйствительною жизнью, само по себѣ давало богатую и интересную тему авторамъ.

Сами институтки поддерживали достоинство заведеній, въ которыхъ получили воспитаніе. Когда Погорѣльскій, въ своемъ романѣ *Монастырка*, посмѣялся надъ французскимъ языкомъ „кессе-кессе-кесселя" своихъ героинь-малороссокъ, то бывшая институтка „Екатерина Институтина" возразила ему, даже въ ущербъ правдѣ, что „видно господинъ Погорѣльскій не знаетъ, что у насъ для воспитанія дѣвицъ есть Институты Полтавскій и Харьковскій и кромѣ того множество пансіоновъ не только въ губерніяхъ, но и въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ" [1]).

Но средній уровень образованія русскаго общества тридцатыхъ годовъ былъ не высокъ; говоря о враждебномъ отношеніи тогдашней литературы къ просвѣщенію, князь В. Одоевскій писалъ въ 1836 году: „два-три человѣка занимаются у насъ Агрономіею; два-три человѣка собираются толковать о философскихъ системахъ, по слуху извѣстныхъ нашимъ литераторамъ; такъ называемые „ученые" (т.-е. между литераторовъ) съ грѣхомъ пополамъ щечатся вокругъ словарей и энциклопедій, а наши правописатели толкуютъ о вредѣ излишней учености, пишутъ романы и повѣсти, въ которыхъ выводятся какіе-то господа Верхоглядовы, не только не существующіе, но и невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители —какъ будто существованіе этихъ лицъ было характерною чертою въ нашемъ обществѣ" [2]).

Неудивительно, что женскіе институты считались тогда разсадниками не средняго, а высшаго образованія, и въ обществѣ, особенно въ глухихъ городахъ провинціи, главныя и почти единственныя тогда представительницы женскаго образованія—институтки, не пользовались сочувствіемъ и не встрѣчали себѣ поддержки. Во время своей поѣздки для осмотра учебныхъ заведеній нашихъ сѣверныхъ губерній, Никитенко встрѣтилъ въ Олонцѣ свою бывшую ученицу-институтку. „Она—пишетъ Никитенко въ въ своемъ дневникѣ — до слезъ мнѣ обрадовалась: грустно живется ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвицы называютъ ее въ насмѣшку „ученою" и распускаютъ на ея счетъ разныя сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними" [3]). Но лучшіе изъ образованныхъ людей тогдашняго вре-

---

[1]) *Галатея.* Журналъ литературы, новостей и модъ. Изд. Раичемъ. Москва. 1830 г.

[2]) О враждѣ къ просвѣщенію въ нашей литературѣ. (Современникъ 1836 годъ. Т. II).

[3]) Дневникъ А. В. Никитенко. 1834 г. (Р. Ст. 1889 г. авг.).

мени относились къ женскому образованію безъ предубѣжденія. Гоголь разсчитывалъ найти себѣ въ выпущенныхъ въ 1839 году изъ института сестрахъ, помощницъ по своимъ литературнымъ работамъ, также для задуманнаго тогда журнала „Москвитянинъ“ [1]). Пушкинъ, Жуковскій, А. Тургеневъ прямо и безусловно высказывались за образованіе, ученость, и даже за занятія политикою, женщинъ. Вотъ одно изъ многихъ, высказанныхъ по этому предмету въ кружкѣ А. О. Смирновой, Пушкинымъ мнѣній: „Мольеръ смѣялся надъ *Ridicules*, но въ концѣ концовъ, если женщина пренебрегаетъ хозяйствомъ для того, чтобы ѣздить на балы и вечера, если она не занимается дѣтьми, а всю жизнь проводитъ съ портнихами, съ модистками и съ утра бѣгаетъ по магазинамъ—въ какомъ отношеніи будетъ она лучшей женой и матерью, чѣмъ та, которая не занимается своимъ домомъ и дѣтьми, а переводитъ Эвклида или читаетъ Гомера? Можно быть образованной, даже ученой, и исполнять свои обязанности. А я думаю, что имѣть возможность бесѣдовать съ своей женою большое удовольствіе“ [2]).

Наши журналы тридцатыхъ годовъ печатали время отъ времени хвалебныя статьи правительственнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ. „Отечественныя Записки“ 1830 года, въ обращеніи къ родителямъ, говорили: „если для выполненія главныхъ условій воспитанія мы не имѣемъ еще достаточно русскихъ учителей, которые бы могли обучать въ совершенствѣ французскому языку, то благодаря превосходнымъ Институтамъ для женскаго пола, въ нихъ образовалось уже достаточно молодыхъ дѣвицъ, кои могутъ замѣнить совершенно выписныхъ мамзелей и мадамъ, вывозящихъ (не говоря ничего другого) изъ Россіи золотыя горы въ чужіе края. Равномѣрно много есть изъ мѣщанскаго сословія дѣвицъ отличнаго поведенія, образовавшихся также въ патріотическихъ заведеніяхъ, кои въ совершенствѣ знаютъ разнаго рода рукодѣлія и желали бы занять мѣста камеръ-юнгферъ за весьма умѣренную цѣну“! Издатель „Отечественныхъ Записокъ“ Свиньинъ, даже „съ удовольствіемъ“ предлагалъ родителямъ и ищущимъ занятій женщинамъ, свое посредничество, выражая надежду, что рекомендуемыя имъ лица „вполнѣ оправдаютъ его участіе и желаніе быть обоюдно полезнымъ“ [3]).

Въ первой книжкѣ пушкинскаго *Современника* Плетневъ на-

[1]) Соч. и письма Гоголя. 1857, V. Письмо къ Погодину 4 ноября. 1839 г.

[2]) Записки А. О. Смирновой. Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 г. (Сѣв. Вѣст. 1893 г. іюнь).

[3]) Отеч. Зап. 1830 г. Ч. 45. Смѣсь.

печаталъ исполненную преувеличенныхъ похвалъ институтскому воспитанію и образованію статью [1]).

О женскомъ образованіи вообще, наша литература прямо не говорила; но иногда въ журналахъ сообщались заграничныя извѣстія о немъ и по этому поводу наши журналы высказывали свои взгляды на воспитаніе и образованіе женщинъ. *Вѣстникъ Европы*, всегда серьезно относившійся къ вопросу, помѣстилъ въ 1829 году переведенную съ нѣмецкаго статью начальницы одного изъ нѣмецкихъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ которой авторъ доказывалъ необходимость ввѣрять направленіе женскаго образованія женщинамъ, а не мужчинамъ. *Московскій Наблюдатель*, приводя статьи изъ *Ladie's Magazine* и *Revue britannique*, высказался за самостоятельное развитіе женской личности и противъ стѣсненія ея при воспитаніи разными условными ограниченіями: „не думайте, дѣлайте то, что всѣ дѣлаютъ“ и т. п. [2]).

До конца тридцатыхъ годовъ почти вся наша періодическая литература была въ рукахъ трехъ, солидарныхъ между собою во взглядахъ и направленіи, редакторовъ: Греча, издававшаго *Сынъ Отечества*, Булгарина—*Сѣверную Пчелу* и Сенковскаго—*Библіотеку для чтенія*. Эти органы относились съ глумленіемъ къ только что тогда провозглашенной во Франціи сен-симонистами идеѣ женской эмансипаціи. Булгаринъ съ яростью нападалъ на Жоржъ-Зандъ, обзывая ее „чудовищемъ“ и „нравственнымъ уродомъ“ [3]) Въ *Библіотекѣ для чтенія* отмѣчались наиболѣе выдающіяся сочиненія западныхъ женщинъ. Въ 1834 году появился въ печати ученый трудъ лэди Сомервилль „о связи физическихъ наукъ“ (Connection of physical sciences), и журналъ отнесся къ этому сочиненію съ одобреніемъ, но и съ ироніею. Въ своей статьѣ объ Елизаветѣ Кульманъ, Никитенко счелъ нужнымъ защищать ее отъ званія „ученой женщины“ [4]). Бѣлинскій, разбирая въ „Отечественныхъ Запискахъ“ вышедшій въ 1840 году переводъ англійскаго сочиненія „Призваніе женщины“ похвалилъ автора за то, что „признавая великое вліяніе женщины на общество въ качествѣ супруги и матери, порицая глупыя бредни сенсимонистовъ, требующихъ непосредственнаго вліянія женщины на общество какъ гражданина, исправляющаго

---

[1]) См. *Матеріалы для ист. жен. обр.* въ Россіи 1796—1828 г. стр. 222.
[2]) Моск. Набл. 1835 г., ч. 1.
[3]) Библіотека для чтенія, 1836 и 1837 г.
[4]) Библ. для чтенія, 1835 г., кн. VIII.

общественныя обязанности наравнѣ съ мужчиною, онъ смотритъ на предметъ съ истинной точки зрѣнія" [1]).

Но къ Жоржъ-Зандъ Бѣлинскій отнесся восторженно, признавая въ ней женщину геніальную, и въ слѣдующемъ, 1841 году, писалъ: „женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мущинъ — эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Занда и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ" [2]).

Годъ спустя, говоря о сочиненіяхъ Зинаиды Р—вой (псевдонимъ писательницы Ганъ), Бѣлинскій уже писалъ: „женщина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства, создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы человѣческаго существованія... Удивительно ли, что вся сила духовной натуры женщины выражается въ любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а всѣ другія человѣческія права рѣшительно отняты?.. Дѣйствительно, какою ее создало воспитаніе и разныя общественныя отношенія, она — низшее въ сравненіи съ нимъ (мущиною) существо, хотя въ возможности, какою создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше... Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій... считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ искусству, наукѣ, — онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни-стало, найти въ одной любви" [3]).

Этихъ взглядовъ Бѣлинскій держался до конца своей жизни. За годъ до смерти онъ, по словамъ близко знавшаго его П. В.

---

[1]) Сочиненіе В. Бѣлинскаго, Изд. К. Солдатенкова и П. Щепкина. Москва, 1859 года, ч. 4-я, стр. 6.

[2]) Соч. Бѣлинскаго. Т. 5, стр. 302.

[3]) Тамъ же. Т. 7, стр. 176—178.

Анненкова, „мечталъ о воспитаніи дочери на естествознаніи и точныхъ наукахъ“ [1]).

Хотя Жоржъ-Зандъ прямо не касалась въ своихъ произведеніяхъ вопроса о женскомъ образованіи, но ея горячая проповѣдь въ защиту человѣческой личности и ея свободы, даже самое появленіе такой личности, какъ она сама — все это представляло живой протестъ противъ рутинныхъ, вѣковыхъ предразсудковъ, порабощавшихъ женщину.

Эта проповѣдь, вмѣстѣ съ доносившимся къ намъ изъ Франціи движеніемъ идей, отразилась и у насъ. Романы Жоржъ-Зандъ переводились и читались всѣми образованными людьми, хотя въ средѣ даже такихъ людей нѣкоторые ее осуждали. „Пора намъ бросить эту Жоржъ-Зандъ, которая всѣмъ надоѣла съ своей бабьей эманспипаціей—писалъ въ 1843 году извѣстный переводчикъ Введенскій Милюкову [2]). Тѣмъ не менѣе, возбужденный ею интересъ къ положенію женщинъ въ обществѣ и условіямъ ихъ жизни, вмѣстѣ съ другими теоріями, провозглашенными тогда во Франціи, вызвали вниманіе западной литературы, а за нею и нашей, къ вопросу о воспитаніи и образованіи женщинъ [3]).

Въ Московскомъ Наблюдателѣ и Отечественныхъ Запискахъ было напечатано извѣстіе объ африканскомъ женщинѣ-врачѣ, „невиданномъ дотолѣ феноменѣ“ по словамъ посланнаго французскимъ правительствомъ въ Египетъ для ученыхъ изслѣдованій, г. Сегюра-Дюпейрона. Онъ доносилъ, что эта женщина-врачъ невольница, которая „облагородивъ себя наукою, заслужила уваженіе такимъ родомъ знанія, которое въ первый разъ еще встрѣчается въ молодой дѣвушкѣ и въ странахъ, едва начинающихъ выходить изъ грубаго и закоренѣлаго невѣжества“ [4]). По словамъ Сегюра, въ женскомъ отдѣленіи городской общественной больницы въ Каирѣ, всѣ лекаря—женщины, работающія подъ руководствомъ главнаго доктора — дѣвицы Фатьмы. Всѣ онѣ также

---

[1]) Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848 гг. Изъ литературныхъ воспоминаній П. В. Анненкова. (В. Европы. 1880 г., май).

[2]) Отрывки изъ воспоминаній А. П. Милюкова. Иреней Ивановичъ Введенскій. (Истор. Вѣст. 1888 г., сент.).

[3]) Въ 1848 году вышло во Франціи сочиненіе Легуве *Histoire morale des femmes*. Авторъ требовалъ, чтобы женщинамъ былъ поручаемъ надзоръ и уходъ за больными въ госпиталяхъ, надзоръ въ женскихъ тюрьмахъ, предсѣдательство въ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ воспитаніемъ и образованіемъ женщинъ. Но для этого онъ доказывалъ необходимость давать имъ полное образованіе въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, что, говоря его словами „еслибы женщинъ обучали философіи, то онѣ понимали бы Декарта и не понимали бы Пьера Леру“.

[4]) Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.

молодыя дѣвушки, учились въ медицинской школѣ, учрежденной нарочно для нихъ намѣстникомъ Египта, Клоттъ-Беемъ, который, признавая необходимымъ устройство такой школы для оказанія врачебной помощи женскому населенію страны, не рѣшился поручить это дѣло египтянкамъ, а велѣлъ купить десять негритянокъ и десять абиссинокъ, изъ которыхъ образовалъ женскую медицинскую школу. По окончаніи ими курса и сдачѣ экзамена передъ улемами, эти дѣвушки должны лечить женщинъ и прививаютъ оспу.

Помѣщая это извѣстіе, наши журналы отнеслись къ дѣлу серьезно и сочувственно.

Даже въ оффиціальномъ органѣ, *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*, печатались извѣстія о томъ, что въ этой сферѣ происходило на западѣ. Въ первой же его книжкѣ было сообщено объ открытомъ профессоромъ Лери въ Парижѣ женскомъ Атенеѣ, также объ издаваемомъ въ Ліонѣ женщинами „для содѣйствія воспитанію женскаго пола" журналѣ „Conseiller des femmes" [1]).

О курсахъ Лери писала въ Современникъ „русская дама", оставшаяся очень ими довольною потому, что это заведеніе „облечено народностью и образуетъ для Франціи истинныхъ француженокъ" [2]). Поэтому она очень удивилась, что эти курсы посѣщали многія русскія барышни. „Неужели этимъ иностранкамъ— восклицаетъ авторъ письма — всего необходимѣе убѣжденіе въ томъ, что Франція первая страна въ мірѣ и что ее надо любить болѣе всего на свѣтѣ?" Хваля французовъ и француженокъ за пристрастіе ко всему своему, а жизнь парижанки хорошаго общества за то, что она занимается благотворительностью, „господствуетъ умомъ въ салонахъ, гдѣ она непреодолима какъ Гюго, увлекательна какъ Ламартинъ, сильна какъ Одиллонъ-Барро", русская дама все-таки недовольна Парижемъ: „развѣ можно свято грустить—спрашиваетъ она—когда развлеченія со всѣхъ сторонъ увлекаютъ васъ и набрасываютъ всякаго сору на вашу свѣтлую благодатную грусть? Развѣ можно остаться чистымъ и праведнымъ, когда испорченность, недобросовѣстность, внѣшній блескъ, поддѣльное чувство, украшенный обманъ проявляются во всемъ: въ книгахъ, журналахъ, политикѣ, дружбѣ, ненависти, любви?" Она даже сомнѣвается въ томъ, чтобы просвѣщеніе было такъ сильно развито во Франціи, какъ это кажется. „Умъ—говоритъ

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1834 г., кн. I.

[2]) Письма изъ Парижа русской дамы. (Соврем. 1845 г.).

она — такъ занятъ положительнымъ, что нѣкогда заботиться о педагогіи и о нравственномъ воспитаніи“.

Вообще русскія дамы, преимущественно высшаго круга, довольно много тогда корреспондировавшія въ наши журналы, неодобрительно, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, относились къ Парижу и всему французскому. Ихъ огорчало и то, что парижская печать незнакома и не интересуется нашею литературою и вообще Россіею, съ которою онѣ старались знакомить французовъ. Одна изъ нихъ, молодая дѣвушка, въ письмѣ къ издателю одного французскаго журнала, пригласившему ее сотрудничать въ немъ, говоритъ, что уже четыре года, какъ она „оставила снѣга“ и поэтому не можетъ разсказать ему о „положеніи нашей словесности“. Она горюетъ, что принуждена писать по-французски „на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ у насъ только въ семейномъ кругу“, что всякое иностранное сочиненіе становится извѣстнымъ всей Европѣ, а въ Россіи встрѣчаетъ лишь рукоплесканія нѣсколькихъ читателей. „Вѣнецъ въ Петербургской Академіи—говоритъ она — слишкомъ маловаженъ въ сравненіи съ вѣнцомъ, получаемымъ въ Капитоліи“. Впрочемъ корреспондентка сообщаетъ, что у насъ просвѣщеніе идетъ исполинскими шагами, а успѣхи образованія съ каждымъ годомъ становятся очевиднѣе. „Отличное воспитаніе дворянства—говоритъ авторъ письма—истинно-патріархальные нравы народа, представляютъ у насъ разительную противоположность“. Это, по ея мнѣнію, очень выгодно поэтамъ. Другое наше преимущество авторъ видитъ въ томъ, что всѣ наши писатели люди высшаго состоянія и даже люди государственные, а ихъ судьи — также люди высшаго состоянія; по ея словамъ у насъ нѣтъ „несчастныхъ геніевъ, живущихъ на чердакахъ и кропающихъ стихи и прозу на продажу... у насъ не торгуютъ талантами и вдохновеніемъ; у насъ пишутъ для славы, а не для денегъ“ [1]).

Печатая переводъ этого письма, издатель *Галатеи* говорилъ, что имъ онъ надѣется доставить удовольствіе читателямъ, которые увидятъ, что теперь прекрасный полъ у насъ не чуждается, какъ прежде, произведеній отечественныхъ Музъ... „Въ нихъ — прибавляетъ онъ—недостатка не будетъ лишь бы писатели не лѣнились писать какъ писали Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ“.

---

[1]) На это издатель *Галатеи*, помѣстившій переводъ письма русской корреспондентки, замѣчаетъ въ выноскѣ: „это еще вопросъ!“ Ошибку своей соотечественницы онъ объясняетъ тѣмъ, что она уже четыре года не была въ Россіи, а въ это время „многое — говоритъ онъ — въ нашемъ отечествѣ измѣнилось и на все нашлись промышленники“. (Галатея. 1830 г. № 7).

Другая соотечественница, скрывшая свое имя подъ псевдонимомъ *Незнакомки*, сообщаетъ Журналу министерства народнаго просвѣщенія о томъ, что въ парижскомъ журналѣ *Panorama Littéraire de l'Europe* напечатана статья дѣвицы О—чъ, родомъ изъ Волыни, подъ заглавіемъ: *un jugement sur la France*. Въ ней авторъ хвалитъ французовъ за „глубокое чувство народности и живой вѣры въ пользу Монархическаго правленія", но многое во Франціи осуждаетъ. Незнакомка по этому поводу съ гордостью восклицаетъ: „страна, присвоающая себѣ верховный судъ надъ образованнымъ міромъ, въ свою очередь подверглась здѣсь сужденію чужеземки и притомъ Россіянки".

Дѣвица О - чъ изъ Волыни перевела „чрезвычайно отчетливо и вѣрно" по словамъ Незнакомки, одну изъ повѣстей Бѣлкина, за что Незнакомка горячо благодаритъ помѣстившаго этотъ переводъ редактора журнала *Panorama*, который „одинъ изъ всѣхъ французскихъ періодическихъ изданій обращаетъ на русскую литературу просвѣщенное вниманіе; прочіе же, занятые политическими спорами и домашними пересудами, не думаютъ ни о какой, не только о русской литературѣ, да, вѣрно, и не хотятъ знать, что есть русскій умъ, русская письменность". Она указываетъ и на другую, помѣщенную въ томъ же французскомъ журналѣ, статью Е. П. Мещерскаго: *De la satire en Russie*, гдѣ приведены выписки изъ статей „извѣстнаго Брамбеуса" и которая отличается, по мнѣнію Незнакомки, вѣрнымъ взглядомъ на русскій характеръ.

Возникшія въ тридцатыхъ годахъ разсужденія о положеніи женщины въ обществѣ, условіяхъ ея жизни и роли въ семьѣ, болѣе не прекращались въ нашей литературѣ, и къ концу сороковыхъ годовъ почти всѣ, писавшіе о вопросѣ, признавали его важность въ интересахъ человѣчества, общества и семьи. Въ 1850 году вышло сочиненіе кіевскаго профессора Шульгина: *о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра*; въ немъ авторъ говорилъ: „значеніе женщины въ жизни человѣчества вообще, и сильное вліяніе, производимое ею на общество, придаютъ вопросу объ ея судьбѣ важность всемірно-историческую". Выборъ такого предмета для ученаго сочиненія былъ одобренъ почти всѣми нашими журналами. *Отечественныя Записки* признали „важнымъ вопросъ о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мужчинѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни" [1]). *Современникъ* говоритъ, что

[1]) От. Зап. 1850. LXXI.

выборомъ своего предмета авторъ „обнаружилъ ученый тактъ и ясное понимание современнаго состоянія и потребностей русской исторической науки. Это чрезвычайно живой и интересный вопросъ“ [1]).

Но для выполненія высокаго назначенія женщины, наши журналы не считали необходимымъ для нея основательное образованіе. „Пусть женщина трудится надъ своею душою — писалъ рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ*—вообще надъ своею внутреннею жизнью. Для этого она можетъ и образовываться“ [2]).

Отводя женщинѣ почетное мѣсто въ исторіи развитія ума, *Современникъ* находилъ, что русская женщина уже удовлетворяетъ предъявляемымъ къ ней требованіямъ, ибо „каковы бы ни были недостатки ея воспитанія у насъ, нерѣдко она служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорою и мысли высокой и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительной ловкостью воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія существуютъ для нея только въ Россіи, и умѣла внести въ суровые нравы вкусъ къ знанію и смягченныя воззрѣнія“ [3]). „Женщины умѣютъ разговаривать; онѣ во всемъ находятъ силу: въ учености—смягчая ея угловатости, въ ограниченности свѣдѣній—добровольно въ томъ признаваясь; въ ложныхъ идеяхъ—защищая ихъ оригинальнымъ образомъ, въ ничтожности предмета—сообщая ему живость и воспріимчивость своей натуры. Женщины стараются пользоваться искусствомъ разговаривать по мѣрѣ своихъ силъ и поверхностнаго образованія“ [4]).

Признавая за женщиною равное съ мужчиною право на участіе въ развитіи своей духовной жизни, *Отечественныя Записки* объясняли низшую степень нравственнаго развитія женщинъ не ихъ природою, а „полуварварскимъ, немного-восточнымъ устройствомъ общества“ и „сахарнымъ, аркадскимъ воспитаніемъ, которое имъ дается“ [5]).

Поверхностность въ образованіи женщинъ не казалась тогда вредною и нѣкоторымъ людямъ науки, которые старались составить, каждый по своему предмету, особые курсы для нихъ. Въ 1849 году адъюнктъ-профессоръ Александровскаго лицея, Смарагдовъ, издалъ по плану нѣмецкаго ученаго, Эзера, написавшаго особое руководство къ преподаванію исторіи дѣвицамъ, *руководство къ всеобщей*

---

[1]) Совр. 1850. XXVI.

[2]) Отеч. Зап. 1840 г.

[3]) Современникъ. 1847 г. Т. I. (подъ редакціею Н. Некрасова и В. Панаева).

[4]) Современникъ 1849 г. Т. XVII.

[5]) Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.

исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. По мнѣнію Смарагдова „въ существенномъ содержаніи исторіи не можетъ быть различія ни для женщинъ, ни для мужчинъ; искажать факты, давать имъ ложное значеніе, для женщинъ не слѣдуетъ; пусть и для нихъ добро останется добромъ, а зло зломъ. Но есть различіе въ назначеніи исторіи для женщинъ и мужчинъ, такъ какъ есть различіе въ самомъ существѣ и конечномъ назначеніи того и другаго пола. Мужчина долженъ изучать исторію прежде всего для нея самой, для ея абсолютнаго достоинства, а потомъ уже можетъ дѣлать изъ нея приложенія, смотря по обстоятельствамъ жизни. Женщина, которой нужно быть не ученою, а просвѣщенной матерью и воспитательницею юнаго поколѣнія, можетъ довольствоваться однимъ приложеніемъ къ исторіи для женскаго пола“ [1]).

По программѣ Смарагдова, женщинамъ достаточно сообщить, что назначеніе человѣчества есть его развитіе и усовершенствованіе, показать идею, какую Провидѣніе назначило развивать каждому историческому народу, какое участіе женщины принимали въ этомъ развитіи, „что̀ были онѣ въ вѣкахъ протекшихъ дѣйствительно и идеально по воззрѣнію поэтовъ“. Это слѣдуетъ имъ показать для того, чтобы онѣ знали свое собственное достоинство, свое высокое назначеніе въ воспитаніи юныхъ поколѣній, уразумѣли, что появленіе всякаго великаго мужа на историческомъ поприщѣ было слѣдствіемъ просвѣщенной материнской любви и благоразумнаго попеченія въ лѣтахъ его дѣтства.

Рядомъ съ этимъ, женщинамъ слѣдуетъ показать, что „во всякое время, даже во времена самаго грубаго варварства, женщины оставались хранительницами добродѣтели и вѣры и, что порочныя женщины ускоряли погибель цѣлыхъ народовъ“. Вообще уроки исторіи женщинамъ должны „облагородить женскій умъ, возвысить его надъ пошлостями, сплетнями и подобными житейскими мелочами, предохранить ихъ отъ сантиментальности, легкомыслія и мечтательности, которыя нерѣдко совращаютъ лучшихъ женщинъ съ пути ихъ назначенія и ставятъ въ противорѣчіе съ самими собою“.

Имѣя такую цѣль, исторія, въ преподаваніи ея женщинамъ, должна представлять событія „опредѣляющія ходъ развитія, въ связи съ жизнью, и, въ особенности, съ женскою жизнью“. Для того же чтобы ученицы „яснѣе познали Промыслъ Божій не

---

[1]) Руководство къ Всеобщей Исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ адъюнктъ-проф. Алекс. лицея С. Смарагдовъ. Ч. 1-я. Древ. Ист. С.-Пет. 1847 г.

только въ судьбѣ цѣлыхъ народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ", имъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, сообщать, рядомъ съ великимъ событіемъ, біографіи, картины домашней жизни, культуру, нравы, ходъ наукъ и искусствъ, также развитіе религіозныхъ понятій, и только мимоходомъ касаться тѣхъ періодовъ, въ которыхъ человѣчество является болѣе разрушающимъ, нежели созидающимъ. А если нельзя совсѣмъ умолчать о такихъ событіяхъ, то „надо умѣть щадить нѣжное женское чувство: исторія, описывая и ужасы, должна дѣйствовать успокоительно и не разлучаться съ граціею" [1]).

Отечественныя Записки привѣтствовали трудъ Смарагдова какъ новость, какъ „первую попытку на новомъ историческомъ поприщѣ". Но, по ихъ мнѣнію, авторъ неудовлетворительно выполнилъ поставленную себѣ задачу и не далъ на нее отвѣта даже во второмъ выпускѣ своего труда, курсѣ средней исторіи, вышедшемъ въ томъ же году, ибо въ его руководствѣ женщины не выступаютъ на первый планъ [2]). Кромѣ того, вліяніе женщинъ на мужа, семейство и общество, не ограничивается однимъ воспитаніемъ; „у нихъ—говоритъ рецензентъ—есть еще другое царство — красота" и исторія, назначенная для женщинъ, не должна упускать изъ виду этого вліянія ихъ въ теченіе вѣковъ [3]).

Другой курсъ исторіи, также для дѣвицъ и преимущественно для женскихъ институтовъ, печатался въ журналѣ *Звѣздочка*; этотъ курсъ, несмотря на то, что печатался въ журналѣ для дѣтей хотя и старшаго возраста, былъ научнѣе курса Смарагдова [4]).

По геометріи былъ также составленъ особый курсъ для дѣвицъ [5]). Изъ него авторъ, по словамъ рецензента *Отечественныхъ Записокъ*, „сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать изъ геометріи самое нѣжное пристрастіе къ дѣвицамъ; онъ превратилъ ее въ легкое, подобное вышиванію по канвѣ и другимъ женскимъ занятіямъ, искусство употреблять въ приличныхъ случаяхъ геометрическіе термины". По этимъ запискамъ дѣвицы „много, что въ три или четыре урока постигнутъ въ совершенствѣ игру въ

[1]) Введеніе. Стр. VII—X.

[2]) Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXVII.

[3]) Тамъ же. Т. LXIII.

[4]) Опытъ изложенія исторіи для дѣвицъ въ современномъ значеніи этой науки. *Звѣздочка*. Журналъ для дѣтей, посвященный благороднымъ воспитанницамъ Институтовъ Ея Имп. Вел., издаваемый Александрой Ишимовою. С.-Пет. 1847 г.

[5]) Геометрическія записки для дѣвицъ, составленныя В. М. Михельсономъ. С.-Пет. 1849 г.

линіи, плоскости и тѣла, не подвергаясь даже опасности встрѣтиться съ пиѳагоровой теоремою, которая обыкновенно вызываетъ улыбку на лицахъ мальчиковъ“ [1]).

Но время шло, и хотя подъ вліяніемъ совершавшихся на западѣ событій, конецъ сороковыхъ годовъ былъ у насъ самымъ реакціоннымъ временемъ, тѣмъ не менѣе развивавшіяся тамъ идеи, въ томъ числѣ и переходившая уже въ дѣло [2]) идея о необходимости улучшить женское образованіе и воспитаніе, продолжали оказывать вліяніе и на нашу литературу.

Къ тому же, если съ одной стороны, въ концѣ сороковыхъ годовъ у насъ было очень много людей, утверждавшихъ, что и безъ ученія и просвѣщенія можно весело и счастливо жизнь прожить, то съ другой—число образованныхъ или жаждущихъ образованія людей постоянно увеличивалось. Пробуждавшаяся мысль направлялась къ серьезнымъ сторонамъ жизни. Журнальная литература, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, какими были *Отечественныя Записки*, съ 1840 года по 1846-й служившія органомъ кружка Грановскаго и Бѣлинскаго, вокругъ которыхъ группировались лучшіе и наиболѣе даровитые литературные дѣятели молодого поколѣнія, и, съ 1847 года, *Современникъ*, старались удовлетворять нарождавшимся умственнымъ и нравственнымъ запросамъ общества, ближе стать къ жизни и дѣйствительности, уясняя и разрабатывая общественные вопросы, къ которымъ принадлежалъ и женскій.

Въ немъ, и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, на первомъ планѣ все еще стояли теоретическія разсужденія и анализъ женской природы; но съ этимъ такъ тѣсно былъ связанъ вопросъ о женскомъ образованіи и воспитаніи, что касаясь одного, неизбѣжно приходили къ другому.

Въ 1850 году *Современникъ*, съ самаго своего появленія подъ новою, съ 1847 года, редакціею Панаева и Некрасова, занимавшійся вопросомъ, напечаталъ небольшую замѣтку, обратившую на себя вниманіе какъ выраженіе той предѣльной точки

---

[1]) Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXIV.

[2]) Въ 1846 году въ Англіи началось движеніе въ пользу улучшенія образованія дѣвушекъ высшаго и средняго классовъ; въ 1848 году, на частныя средства было открыто первое женское общественное учебное заведеніе Queen's College, санкціонированное въ 1853 году королевскою хартіею, разрѣшавшею организовать корпорацію для поддержки новаго заведенія. Этою хартіею впервые, въ новѣйшее время, былъ формально и публично признанъ принципъ важности образованія женщинъ, не менѣе чѣмъ образованіе мужчинъ (The Woman Question in Europe. A Series of original Essays. Edited by Theodore Stanton, M. A. with an Introduction of Francis Power Cobbe. London. 1884. p. 33).

зрѣнія на вопросъ, который себѣ усвоили передовые люди общества и литературы наканунѣ эпохи реформъ. Послѣ подробнаго анализа женскаго ума и природы, авторъ замѣтки, Мацкевичъ, пришелъ къ заключенію, что въ интересахъ общества и молодого поколѣнія, необходимо давать женщинамъ основательное образованіе, обогащать ихъ умъ серьезными знаніями, а не развивать въ нихъ только пріятные таланты. „Нѣчего бояться — говорилъ онъ — что въ нихъ заглушится наукою женское чувство, природа“ [1]).

Говоря о различіи между мужчиною и женщиною, Мацкевичъ дѣлаетъ такія сравненія: „физіономія мужчины, его жесты, запечатлѣны особою энергіею и полны значенія; но они представляютъ свойства французскаго языка, опредѣлительнаго, сильнаго, но ограниченнаго. Существо женщины представляетъ свойства языка греческаго; оно выражаетъ все. У мужчины десять взглядовъ, у женщины сто; у мужчинъ одна улыбка, у женщинъ тысяча... Женщина умна по вдохновенію, не привыкла къ строгой логической послѣдовательности, неспособна по природѣ къ холодному разсмотрѣнію причинъ. Ей недоступны метафизическія системы, идеи отвлеченныя, понятія общія и политическія; ей присущъ духъ анализа, а не синтеза; чтобы мысль вошла ей въ голову, необходимо провести ее черезъ сердце... Ея вкусы — вкусы массы, ея требованія — не прошедшее, а настоящее“.

Но разница въ умственныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ, по мнѣнію Мацкевича, скорѣе качественная, нежели количественная, а приписываемые женщинамъ недостатки происходятъ отъ ихъ невѣжества; поэтому онъ признаетъ чрезвычайно важнымъ дать серьезное направленіе ихъ воспитанію и образованію. „Науки — говоритъ онъ — должны преподаваться женщинамъ такъ, какъ онѣ преподаются мужчинамъ“ и въ особенности надо ихъ обучать астрономіи, „наукѣ безконечнаго, въ которой генію женщины суждено полное торжество.. Кто можетъ ручаться — спрашиваетъ авторъ — что эти организаціи, столь слабыя, нѣжныя, столь способныя проникать въ будущее, не откроютъ въ природѣ завѣсъ, предъ которыми останавливается нашъ умъ? Онѣ не сдѣлаютъ такихъ открытій, какъ мы — прибавляетъ онъ — но пути которыхъ мы и предвидѣть не можемъ, поведутъ ихъ, можетъ быть, и выше, и далѣе“. Мацкевичъ думаетъ, что женщины „поймутъ науки по своему... что̀ у однихъ (у мужчинъ) послужитъ къ укрѣпленію силы разсудка и мышленія, то

---

[1]) Замѣтка о женщинахъ. *Мацкевича* (Соврем. 1850 г. Т. XX. Смѣсь, стр. VI).

у другой (у женщинъ) будетъ содѣйствовать развитію чувства и изощренію понятій". Но онъ признаетъ, что чѣмъ болѣе умъ женщины просвѣщенъ, тѣмъ она болѣе сохраняетъ превосходство и достоинства своей природы, „а въ области человѣческихъ знаній — говоритъ онъ—нѣтъ ни одной науки, въ которой не нуждался бы умъ женщины".

Прикрывая эти, смѣлыя для тогдашняго времени, мысли, общепринятымъ взглядомъ на единственную, по мнѣнію большинства, цѣль, которой должно служить образованіе женщины, т.-е. чтобы она была въ состояніи „раздѣлять понятія супруга" и руководить воспитаніемъ дѣтей, авторъ, въ интересахъ этихъ цѣлей, требуетъ, чтобы женщинамъ давалось серьезное образованіе, ибо мать, говоритъ онъ, безъ знанія „не въ полномъ значеніи слова мать и не супруга истинная".

Эта статья была напечатана потомъ отдѣльной брошюрою [1]) и вызвала замѣчанія, большей частью сочувственныя, тогдашнихъ журналовъ; а въ *Современникѣ* были, по ея поводу, высказаны такіе взгляды, которые въ настоящее время приняты всѣми образованными людьми. Рѣшать вопросъ о томъ, выше или ниже въ умственномъ отношеніи женщины, по сравненію съ мужчинами, по мнѣнію журнала, невозможно до тѣхъ поръ, пока воспитаніе и положеніе ихъ въ семьѣ и обществѣ неодинаково съ положеніемъ мужчинъ. Вліяніе воспитанія и роль, которую предписываетъ женщинѣ общественное мнѣніе, условія ихъ семейной и гражданской жизни, оказываютъ такое сильное вліяніе, что трудно распознать—какія черты въ характерѣ женщины и, въ особенности, ея умственномъ развитіи, связаны съ ея организаціею и какія слѣдуетъ отнести единственно къ тому исключительному положенію, въ какое поставлены почти всѣ женщины; а поэтому всякія соображенія о томъ, что женщины *по своей природѣ* всегда будутъ оказываться ниже мужчинъ и на любомъ общественномъ поприщѣ, не выдерживаетъ, по мнѣнію *Современника*, безпристрастнаго разбора. „Смѣшно говорить — прибавляетъ онъ — что у женщинъ недостанетъ ума, чтобы постичь мудрость того, что̀ знали бездарнѣйшіе мужчины" [2]).

Фактъ, что женщины не проявляютъ геніальности даже въ искусствахъ, которымъ ихъ обучали, объяснялось въ журналѣ тѣмъ, что искусствамъ обучаются сотни тысячъ мужчинъ и пять-шесть женщинъ. Если изъ этихъ сотней тысячъ выходитъ одинъ

---

[1]) Замѣтки о женщинахъ. *Д. Манкевича.* Кіевъ. 1853 г. Въ пользу кіевскихъ дѣтскихъ пріютовъ.

[2]) Совр. 1854 г. Т. XLVII.

геній, то неудивительно, что изъ шести женщинъ не выходитъ ни одного. Женщину учатъ только для того, чтобы женихъ не забраковалъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе на то, какъ она граціозно танцуетъ или играетъ на фортепіано. Онѣ выходятъ замужъ 18—19 лѣтъ, непріученныя мыслить; въ такомъ возрастѣ и изъ мужчинъ не образуются геніи; понятно, что женщина не успѣваетъ проявить себя до замужества; а выйдя замужъ, она вся должна уйти въ заботы о домѣ и дѣтяхъ.

Почти во всѣхъ замѣткахъ, появлявшихся въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, по вопросу о положеніи женщинъ въ семьѣ и обществѣ, высказывалось порицаніе ихъ тогдашнему воспитанію и образованію, въ которомъ главное вниманіе постоянно обращалось на развитіе памяти, а не мышленія, послѣдствіемъ чего являлись тупость ума и отвращеніе къ наукамъ. При этомъ иногда указывали, хотя и косвенно, намеками, на вредъ институтской системы образованія, въ которой иностранные языки оттѣсняли изученіе русскаго, и этимъ задерживалось развитіе мысли учащихся.

Съ постепеннымъ развитіемъ образованности въ нашемъ обществѣ, у лучшихъ его представителей естественно долженъ былъ измѣниться взглядъ на женщину и въ качествѣ подруги жизни. По крайней мѣрѣ въ литературѣ, начиная съ сороковыхъ годовъ, стали изображаться новые типы людей, можетъ быть существовавшихъ уже въ жизни; эти люди требовали отъ жены не только внѣшнихъ качествъ и нравственныхъ достоинствъ, но и развитія, и образованія. Отсутствіемъ этихъ качествъ въ подругахъ жизни, и вообще, отсутствіемъ образованной семьи, авторы объясняли неудачи личной жизни, и вслѣдствіе того, разочарованности своихъ героевъ.

Въ романѣ Дружинина *Полинька Саксъ*, написанномъ въ 1847 году, мужъ не довольствуется тѣмъ, что его жена „хороша какъ ангелъ, весела какъ птичка“, тиха и любитъ его; онъ страдаетъ, видя, что нелѣпое воспитаніе, въ домѣ родителей и въ модномъ пансіонѣ, задержало „ея младенствующій разумъ“ до такой степени, что поправить дѣло уже нельзя. Онъ хочетъ воспитать Полиньку по своему, „развить ея способности вполнѣ, сообщить ея мыслямъ независимость и настоящій взглядъ на общество, вывесть ее такимъ образомъ изъ ряда хорошенькихъ, но пустыхъ женщинъ... укрѣпить ея душевныя силы, направить ихъ ко всему доброму и разогнать облако сантиментальной безсмысленной невинности“ [1]).

[1]) Сочиненія А. В. Дружинина. С.-Пет. 1865. Т. 1.

Для этого, Саксъ, человѣкъ сороковыхъ годовъ, когда эстетическіе вопросы стояли на первомъ планѣ, прежде всего прилагаетъ заботы къ развитію въ Полинькѣ эстетическаго вкуса, окружаетъ ее предметами искусства, такъ, чтобы „рука ея не коснулась ни до одной вещи, которая бы не была въ полной мѣрѣ изящна". Но картины покрываются пылью, цвѣты сохнутъ; Полинька оказываетъ полное равнодушіе къ изящному убранству комнатъ. Саксъ прибѣгалъ и къ чтенію, но онъ самъ не вѣритъ въ дѣйствительность этого средства. „Признаюсь — пишетъ онъ другу—я столько видѣлъ зла отъ страсти къ книгамъ, что боюсь даже налегать на этотъ предметъ". Однако онъ далъ-было Полинькѣ романы Жоржъ-Занда, думая что „женщинѣ будетъ доступенъ геній женщины". Но Полинька только отъ него узнала, что Жоржъ-Зандъ женщина; она „зѣвала, зѣвала, и — бросила книги съ отвращеніемъ".

Въ неспособности Полиньки къ развитію, Саксъ винитъ прежде всего общество, которое „требованіями своими заставило обращать женщинъ въ ребятишекъ".

Въ романѣ Ольги Н. *Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ* [1]), герой, убѣдившись въ томъ, что его невѣста не хочетъ подвигаться въ своемъ развитіи, перестаетъ ее любить несмотря на то, что она красавица, отличная хозяйка, любитъ его и даже обладаетъ нѣкоторою долею образованія, читаетъ стихи Лермонтова и другихъ поэтовъ.

Но стараясь развить и образовать жену, оба героя задавались этой цѣлью не въ интересахъ жены, а главнымъ образомъ, и согласно тогдашнимъ воззрѣніямъ, ради блага и удовольствія мужа. Саксъ хотѣлъ изъ Полиньки „приготовить милаго и дѣльнаго помощника измученной своей душѣ, которая, безъ шутокъ— пишетъ онъ пріятелю—такъ нуждается въ дружбѣ, въ истинной веселости... въ потребности болтать отъ чистаго сердца".

Тѣмъ не менѣе, если не на дѣлѣ, то въ сознаніи лучшей части русскаго общества, дѣло женскаго образованія, начиная съ сороковыхъ годовъ, сильно подвинулось впередъ. Этимъ женщины обязаны просвѣтительной дѣятельности лучшихъ и наиболѣе образованныхъ людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Пропагандируя и въ литературѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, прогрессивныя идеи, способствовавшія общему развитію русскаго общества, они въ то же время прививали ихъ и женщинамъ своего круга, будя

---

[1]) Современникъ. 1854 г. Т. 48.

въ нихъ вкусъ къ знанію, стремленіе пріобрѣсть его и сознаніе собственнаго достоинства.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ, по словамъ современника[1]), были женщины, „думавшія о разумной жизни въ обществѣ и вліявшія не только на окружающихъ, но по своимъ связямъ, и на круги въ провинціи“; къ началу пятидесятыхъ, если въ жизни еще не существовало цѣльнаго типа Елены Тургенева и Ольги Гончарова[2]), то, вѣроятно, у отдѣльныхъ женщинъ проявлялись характеристическія черты этихъ типовъ, отгаданныя авторами романовъ „Наканунѣ“ и „Обломова“. Но Елена и Ольга могли быть въ то время только рѣдкими исключеніями уже потому, что онѣ росли правильно, нестѣсняемыя въ своемъ развитіи; дѣтство ихъ прошло свободно, воспитаніе не искалѣчило ихъ. На это считаютъ нужнымъ указать оба автора.

Евгенія Туръ, въ первой своей повѣсти „Ошибка“, вышедшей въ 1851 году, также изобразила дѣвушку развитую, съ жаждой знанія, „зрѣлую умомъ и мыслью“, съ сильнымъ характеромъ, самостоятельную въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. По словамъ автора, Ольга (героиня „Ошибки“) развила въ себѣ эти качества „чтеніемъ классическихъ книгъ, новыхъ историческихъ сочиненій, критическихъ разборовъ“ и размышленіемъ надъ тѣмъ, что̀ читала. Въ „Ошибкѣ“ не мужчина развиваетъ женщину, а она его“ [3]).

Въ изображеніи такой дѣвушки въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, *Современникъ* увидѣлъ преувеличеніе со стороны автора, ибо, по его мнѣнію, Ольга идеалъ „которому трудно найти образецъ въ жизни [4]). Впрочемъ и сама Евгенія Туръ говоритъ, что Ольгу всѣ считали „не отъ міра сего“.

Дѣвушка вполнѣ развитая, съ „еще смутнымъ, но сильнымъ стремленіемъ къ свободѣ“, изображена Тургеневымъ въ лицѣ Елены. По свидѣтельству самого И. С. Тургенева, это, совершенно новое въ русской жизни, явленіе, взято имъ однако изъ дѣйствительной жизни [5]).

Что касается собственно образованія, то, конечно, по мѣрѣ того, какъ оно распространялось въ обществѣ, его успѣхи отра-

---

[1]) *П. В. Анненковъ.* Идеалисты 30-хъ годовъ. (Вѣстникъ Европы, апр. 1883 г., стр. 508).

[2]) Первая часть „Обломова“ напечатана въ 1849 году.

[3]) Повѣсти и разсказы Евгеніи Туръ. Москва. 1859 г.

[4]) Современникъ. 1851 г. Т. 25.

[5]) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Посмертное изданіе Глазунова. 1883 г. С.-Петерб. Т. I, стр. L—LII.

жались и на женщинахъ. Изъ многихъ, извѣстныхъ намъ теперь записокъ, оставленныхъ современниками, также изъ біографій замѣчательныхъ почему либо женщинъ того времени, видно, что среди нихъ были очень образованныя и развитыя. Но ихъ образованіе, какъ это было и раньше, продолжало носить характеръ исключительно литературный въ то время, когда въ наиболѣе образованныхъ кружкахъ общества сталъ замѣтно обнаруживаться интересъ и къ политическимъ и къ общественнымъ наукамъ, къ знанію во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Женщины раздѣляли эти интересы; онѣ посѣщали лекціи, бывшія въ сороковыхъ годахъ, по выраженію *Современника*, „болѣе нежели модою, условіемъ общественной жизни".

Т. В. Пассекъ, близко стоявшая къ наиболѣе образованнымъ кружкамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, говоритъ, что въ немъ были и ученыя женщины. Своимъ ученицамъ Грановскій прочелъ нѣсколько лекцій въ кабинетѣ Н. А. Герценъ [1]); онъ читалъ имъ не какой нибудь особый курсъ „для дамъ", а тотъ же, который приводилъ въ восторгъ слушателей его публичныхъ лекцій.

Тѣмъ не менѣе, когда, въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, появились у насъ научные труды по изслѣдованію народной словесности, по исторіи, то женщины, и ранѣе не принимавшія участія въ серьезной литературѣ, развѣ только въ видѣ дѣтскихъ разсказовъ изъ исторіи, могли убѣдиться, что эти отрасли имъ недоступны, ибо и въ нихъ имъ недоставало даже знаній.

Впрочемъ, и среди наиболѣе образованныхъ тогда людей, научнаго образованія отъ женщины не требовалось и ученая женщина не вызвала бы къ себѣ особенной симпатіи или особеннаго уваженія, хотя и не показалась бы существомъ анормальнымъ [2]).

По поводу ученыхъ женщинъ, *Отечественныя Записки* въ 1842 году говорили: „у насъ еще такъ недавно начали появляться истинно-ученые мужчины; слѣдовательно намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ (автора книги: *характеры Шекспировскихъ женщинъ*), изумившей ученую и философскую Германію" [3]).

---

[1]) *Т. В. Пассекъ*. Изъ дальнихъ лѣтъ, ч. 2, стр. 372 и 373.

[2]) Въ 1810 году была напечатана статья Софьи Панюты по философіи и къ ней журналы отнеслись серьезно, а напечатанная въ томъ же году записка Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи, встрѣтила одобрительный отзывъ даже въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. (Кн. XXXI).

[3]) Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.

Образованіе большинства дѣвушекъ, оставаясь на почвѣ сословности, къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ развилось скорѣе количественно нежели качественно. Когда, во второй половинѣ этого десятилѣтія, явилась возможность прямо говорить о недостаткахъ женскаго образованія, то профессоръ Н. А. Вышнеградскій, въ первомъ же номерѣ только что основаннаго имъ журнала *Русскій Педагогическій Вѣстникъ*, помѣстилъ нѣсколько, можетъ быть, каррикатурную, но, въ общемъ, вѣрную картину домашняго воспитанія и образованія, дававшагося до тѣхъ поръ большинству дѣвушекъ разныхъ сословій.

Въ дворянскомъ кругу дѣвушки, по словамъ журнала, воспитываются гувернанткой, главная забота которой состоитъ въ томъ, чтобы ученица какъ можно лучше говорила по-французски, хорошо танцовала и умѣла играть на фортепіано. Русскаго языка и русской исторіи она можетъ и совсѣмъ не знать, а знать ариѳметику ей даже неприлично. Изъ русской литературы ей можно дать кой-какое понятіе о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Лермонтовѣ; но Гоголя, какъ и всю натуральную школу, читать ей предосудительно. Она можетъ выучить наизусть стихотвореніе Бенедиктова „Кудри“ и прочесть „Лейтенанта Бѣловзора“ Марлинскаго.

Въ частныхъ женскихъ пансіонахъ главное вниманіе обращалось, по замѣчанію Гоголя, на французскій языкъ, вязанье кошельковъ и игру на фортепіано.

Въ семьѣ чиновника высшаго разряда дѣвочку, какъ только ей минуло 6 лѣтъ, начинали учить азбукѣ; училъ приходскій учитель, а иногда и мать; этому посвящался годъ, а затѣмъ начиналось обученіе, также въ теченіе года, священной исторіи по „Начаткамъ христіанскаго ученія“ преосвященнаго Филарета. Послѣ того начинается обученіе письму, почитываются басни Крылова, или какой-нибудь томъ Пушкина; образованіе заканчивается преподаваніемъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, также склоненій и спряженій изъ русской грамматики. Затѣмъ начинается обученіе музыкѣ, танцамъ, рукодѣлію; дочь играетъ гаммы, выучиваетъ нѣсколько кадрилей, вальсовъ, полекъ и романсовъ. Въ свободное время она читаетъ романы Дюма, Феваля въ русскомъ переводѣ, Загоскина, Зотова, Булгарина и съ величайшей охотою списываетъ всякіе, какіе попадутся, стихи русскихъ поэтовъ въ особыя тетрадки.

Въ семьяхъ чиновниковъ низшаго разряда, дочь учатъ лишь читать, ставить каракули и шить. Потомъ, самоучкой, она выучивается танцовать и пѣть „Тройку“ Глинки и „Когда разстанусь я съ тобою“ неизвѣстнаго поэта.

Дочь купца первой или второй гильдіи сажають за азбуку лѣтъ семи; она учится или у приходскаго учителя, или у дьячка приходской церкви. Черезъ годъ, когда она окончила азбуку, ее выучиваютъ немного писать, а потомъ начинается самовоспитаніе, состоящее въ чтеніи романовъ Зряхова, Воскресенскаго, Зотова.

Дочерей купцовъ третьей гильдіи и мѣщанъ, или совсѣмъ не учатъ грамотѣ, или онѣ ходятъ къ приходскому дьячку или пономарю, гдѣ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ проходятъ букварь, часословъ, псалтырь и научаются немножко писать.

Въ духовномъ быту, дочь съ 6—7-ми лѣтъ сажаютъ за азбуку, преимущественно церковной печати, и потомъ за часословъ; въ это же время она учится писать и шить; за часословомъ слѣдуетъ псалтырь и затѣмъ ей даютъ какую-нибудь книгу гражданской печати, забытую дома сыномъ, пріѣзжавшимъ на каникулы изъ семинаріи—Логику Кошанскаго или что-нибудь въ этомъ родѣ; научное образованіе дочери этимъ кончается. Но она откуда-то достаетъ пѣсенничекъ какого либо московскаго изданія, Соломона-гадателя и Сонникъ; выучиваетъ случайно романсы „Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ“ или „Заноетъ сердце въ разлукѣ, въ тоскѣ“ и распѣваетъ эти мелодіи. Ея знанія обнимаютъ: кругъ церковной службы, но безсознательно; ей извѣстно, что въ великомъ посту служатъ преждеосвященную обѣдню, но что̀ такое эта обѣдня она не знаетъ; что надо ходить по воскресеньямъ въ церковь, соблюдать посты и хоть разъ въ годъ говѣть; что она выйдетъ замужъ за священника или дьякона и что должна повиноваться мужу во всемъ и всегда. Если у нея есть братъ въ семинаріи или училищѣ, она отъ него узнаетъ, что bene значитъ хорошо, а male—худо и переиметъ отъ него иногда какую-нибудь латинскую пѣсню. Въ послѣднее время, по словамъ журнала, въ провинціи, дѣвицы духовнаго званія самоучкой выучиваются танцовать французскую кадриль и польку и изрѣдка появляются на вечеринкахъ у чиновниковъ, гдѣ танцуютъ съ мѣстными юношами [1]).

Недостатки воспитанія, дававшагося дѣвушкамъ, восполнялись иногда чтеніемъ; во многихъ семействахъ, предоставленныя себѣ, онѣ читали все, что попадалось имъ подъ руку. Это имѣло дурныя, но и хорошія стороны, ибо рядомъ съ Февалемъ и Сю, онѣ читали потихоньку и Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева;

[1]) Русскій Педагогическій Вѣстникъ. Журналъ, издаваемый подъ редакціею Н. Вышнеградскаго. Ея Имп. Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ Всеподданнѣйше посвящаетъ Редакторъ Проф. Вышнеградскій. С.-Пет. 1857 г. Т. I.

такое чтеніе будило иногда мысль, открывало дѣвушкѣ многое въ окружавшей ее обстановкѣ, что вызывало сознаніе пустоты и безсодержательности ея жизни. Въ большинствѣ случаевъ это проходило безслѣдно, ибо съ дѣтства прививаемыя привычки настолько успѣвали къ этому времени окрѣпнуть у дѣвушки, что бороться съ ними у нея не было ни силъ, ни охоты.

Открыто идти наперекоръ господствовавшимъ въ обществѣ взглядамъ, не рѣшались даже тѣ женщины, которыя, живя въ болѣе благопріятной для развитія средѣ и слѣдя за литературою, глубоко проникались убѣжденіями лучшихъ ея представителей, задумывались надъ своею жизнью, тосковали ея пустотою.

И въ литературѣ женщины, за крайне рѣдкими исключеніями, долго не рѣшались выступить на защиту своихъ правъ даже на образованіе. Касаясь въ своихъ романахъ воспитанія героинь, писательницы сообщали, что у нихъ бывали дорогія гувернантки, а иногда и „лучшіе учителя", что онѣ учились французскому языку, музыкѣ, танцамъ, умѣнью обращаться въ свѣтѣ; что матери строго предписывали гувернанткамъ никогда не оставлять дѣвицъ однѣхъ. Все это сообщалось какъ фактъ, и при замѣченной еще Бѣлинскимъ, общей всѣмъ писательницамъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, чертѣ — отсутствію иронiи и юмора, нельзя было понять, какъ относится къ такому воспитанію самъ авторъ.

Едва ли не единственное, въ этомъ смыслѣ, исключеніе, составляетъ г-жа Павлова, которая въ своемъ романѣ „Двойная жизнь", вышедшемъ въ 1848 году, охарактеризовала дававшееся дѣвушкамъ свѣтское воспитаніе словами: „вмѣсто духа имъ даютъ букву, вмѣсто живого чувства — мертвое правило, вмѣсто святой истины — нелѣпый обманъ".

Между тѣмъ въ это время наши первоклассные писатели, Тургеневъ и Гончаровъ, — первый мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ [1]), второй въ подробностяхъ [2]) ясно, опредѣленно, и, въ тоже время, съ какою тонкою иронiею очертили это воспитаніе и образованіе во всѣхъ его разновидностяхъ!

Вообще, выбирая всевозможные сюжеты, писательницы какъ будто умышленно избѣгали самаго богатаго, лежавшаго притомъ у нихъ подъ рукою — ихъ собственной жизни и обстановки, хотя эта ненормальная, полная противорѣчій обстановка, представляла готовый матеріалъ для романа. Чтобы написать его не требова-

---

[1]) *Рудинъ* (1853).—*Фаустъ* (1855).

[2]) *Обыкновенная исторія* (1847).

лось даже особеннаго таланта; достаточно было ума и наблюдательности — качествъ, которыми многія изъ писательницъ несомнѣнно обладали.

Правда, въ то время, до конца пятидесятыхъ годовъ, для женщинъ не существовало иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ любви; наука, искусство, общественная жизнь—все это было не для нихъ. Большинство объ этомъ и не печалилось; но всегда были женщины, которыя чувствовали неудовлетворенность такою жизнью и даже догадывались гдѣ найти выходъ изъ нея; сказать это открыто—онѣ не рѣшались изъ боязни общественнаго мнѣнія, которое не простило бы имъ попытку переступить за черту его ходячей морали. Поэтому, не только въ тридцатыхъ, а даже въ пятидесятыхъ годахъ, наши романистки проповѣдывали въ своихъ произведеніяхъ идеалъ русской женщины тридцатыхъ годовъ—покорной христіанки, живущей исключительно для мужа, ставящей единственною себѣ задачею—нравиться мужчинѣ, жертвовать собою для него.

Въ этомъ приниженномъ направленіи ихъ воспитывала литература тридцатыхъ годовъ, находившаяся почти всецѣло въ рукахъ Булгарина, Греча и Сенковскаго. Даже въ концѣ сороковыхъ нерѣдко появлялись въ печати сочиненія, переводныя и оригинальныя, въ которыхъ авторы-женщины доходили до невозможныхъ нелѣпостей. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій назначеніе женщины опредѣлялось тѣмъ, что она должна „понимать все, не высказывая ничего и любить"... Любить, по пониманію автора, для женщины значитъ „быть тѣмъ, чѣмъ *онъ* есть, предметъ нашихъ мечтаній... Женщина, которая любитъ не должна уже помнить о своемъ отдѣльномъ существованіи; для нея родина, отечество, природа и общество—все это должно быть только крупицами ѳиміама, брошеннаго ею на жертвенникъ сердца" [1]). Въ другомъ говорилось, что женщина не только не принадлежитъ обществу, но даже и самой себѣ. Исключительная цѣль ея существованія, по мнѣнію автора-женщины, должна быть „не жизнь вообще, а жизнь брачная; въ особенности, и только, въ счастіи мужа позволительно ей находить свое собственное счастіе. Если ей не удалось—она погибла! Безъ мужа—она нуль!.. Даже истинный талантъ, образованіе, вкусъ, позволительны только той женщинѣ, у которой есть мужъ" [2]).

---

[1]) Сочиненіе Викторины Л. С. 1848 г. С.-Пет.

[2]) Обязанности замужней женщины и положеніе ея въ обществѣ. Г-жи Е. Еллисъ. 1848 г.

Въ *Современникѣ* (старой редакціи) была помѣщена статья женщины о Жоржъ-Зандъ. Ополчаясь противъ французской писательницы, авторъ статьи восклицаетъ: „какъ жрица Божья на землѣ, женщина обязана съ твердостью и покорностью проходить по терніямъ жизни. Никакія постороннія отношенія, никакія размышленія о собственныхъ страданіяхъ не должны колебать ихъ правилъ. Вотъ истинная тайна ея свободы — другой никогда ей не достигнуть!" [1])

Признавая свое положеніе правильнымъ, женщины, такимъ образомъ, сами поддерживали взглядъ общества на ихъ назначеніе, и при этомъ иногда доходили до такой приниженности, что мужчины возмущались ихъ взглядами и защищали ихъ отъ нихъ же самихъ. Когда извѣстная въ свое время плодовитая писательница сороковыхъ годовъ, М. Корсини, осмѣяла въ своей комедіи [2]) женщину-писательницу, *Отечественныя Записки*, въ разборѣ брошюры Мацкевича, замѣтили, что пріятно было прочесть эту книжку послѣ того, какъ сама женщина-писательница такъ отнеслась къ писательницамъ [3]).

Среди послѣднихъ, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда идея о необходимости измѣнить положеніе женщинъ въ обществѣ и семьѣ вызывала, въ большинствѣ тогдашнихъ журналовъ, глумленіе, нашлись немногія, рѣшившіяся протестовать противъ такого къ нимъ отношенія; но онѣ протестовали робко, не во имя своихъ общечеловѣческихъ правъ, а ради возможности выполнить свое назначеніе—жить для другихъ, жертвовать собою для счастья близкихъ людей.

Возражая на насмѣшки Сенковскаго и Булгарина надъ старыми дѣвами,—моднымъ сюжетомъ авторовъ тогдашняго времени, г-жа А. Ж—ва (Жукова) говоритъ: „дайте женщинамъ одинаковыя нравственныя права съ вами, господа мужчины!.. мы не имѣемъ притязаній ни на эполеты, ни на судейскія кресла, ни — ни даже на авторскія очки: позвольте намъ только не ограничивать цѣли нашей единственно замужествомъ съ его послѣдствіями; позвольте вѣрить, что можно съ честью и правомъ на ваше уваженіе посвятить жизнь отцу, матери, братьямъ, племянникамъ, племянницамъ, стремясь къ усовершенствованію себя".

Если мужчины позволятъ старымъ дѣвамъ (дѣвушкамъ старше

---

[1]) Современникъ. 1846 г. Статья Элеоноры Земенуской.

[2]) *М. Корсини*. Очерки современной жизни. Комедія „Женщина-писательница". С.-Пет. 1849 г.

[3]) Отеч. Зап. 1853 г. T. LXXXIX.

25-ти лѣтъ) пользоваться этими правами, то, по увѣренію г-жи А. Ж—вой, онѣ „повѣрятъ въ счастье сдѣлать изъ своихъ комнатъ училище для сиротъ, въ наслажденіе варить супъ для бѣдныхъ, въ пріятность рыть гряды и садить цвѣты собственными руками“.

Но главною цѣлью жизни дѣвушки, не достигшей еще 25-ти лѣтъ, должна быть, и по мнѣнію Жуковой, любовь и „заключенное въ собственномъ сердцѣ ея“ благополучіе любимаго человѣка. „Эта мысль—говоритъ она—возвышаетъ женщину въ собственныхъ глазахъ ея; она гордится своею участью, гордится сама собою, и нѣтъ жертвы, которую не принесла бы она съ радостью такому благополучію“ [1]).

Въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній, были однако и тогда даровитыя женщины, путемъ анализа вѣчной темы женской жизни—любви, приходившія къ мысли, что въ воспитаніи женщины кроется одна изъ причинъ тяжелаго и унизительнаго ея положенія въ обществѣ, не позволяющемъ ей внести въ свою жизнь какіе-либо другіе интересы, кромѣ желанія „нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ“. Талантливая писательница тридцатыхъ годовъ, Зенеида Р—ва (псевдонимъ г-жи Ганъ), въ своей первой повѣсти „Идеалъ“, говорила: „женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ: „что скажетъ свѣтъ“, и если ея надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ“ [2])....

Ту же мысль, но ясно и опредѣленно, высказала, нѣсколько позже, г-жа Загряжская въ статьѣ: *о предразсудкѣ въ дѣлѣ женскаго образованія*; нѣкоторые ея взгляды и теперь не утратили своего значенія [3]).

Молчаніе большинства писательницъ по существенному для нихъ вопросу можно до извѣстной степени объяснить тѣмъ, что и общество, и господствовавшая тогда часть литературы, относились къ нимъ такъ, что дѣйствительно надо было обладать мужествомъ, чтобы открыто выступить на защиту совершенно новыхъ идей. Достаточно вспомнить какъ сначала смотрѣлъ на назначеніе женщины Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего времени. Къ тому же, если нѣкоторыя женщины и чувствовали тягость условій своей жизни, то именно чувствовали,

---

[1]) *Мои курскія знакомцы*. Сочинительницы *Вечеровъ на Карповкѣ*. (Библ. для чт. 1838 г. Т. 27).

[2]) Библ. для чтенія. 1837 г. Т. 21.

[3]) Журн. мин. нар. просв. 1843 г. Кн. 39.

а не думали о нихъ; поэтому ихъ жалобы на одиночество, разсказы о своихъ сердечныхъ страданіяхъ, не могли расположить къ нимъ общество, которое въ то время не думало и о болѣе важныхъ вещахъ.

Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей литературы тридцатыхъ годовъ, Сенковскій, въ личныхъ сношеніяхъ съ писательницами поощрявшій ихъ занятія литературою [1]), въ то же время печаталъ въ *Библіотекѣ для чтенія* злыя выходки противъ нихъ. Какъ легко относился Сенковскій къ вопросу, видно изъ того, что, помѣщая въ 1837 году въ своемъ журналѣ повѣсть Рахманнаго: „Женщина-писательница", редакція выражала надежду, что русскія писательницы простятъ автору его насмѣшки „за его любезность, веселость, остроуміе" и увѣряла, что сама редакція стоитъ за то, чтобы женщины писали, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ „только дамы могутъ придать пишущему классу примѣръ легкости и тонкаго вкуса".

Въ этой повѣсти, какъ и вообще въ повѣстяхъ такого рода, проводилась мысль, что женщины не должны писать „изъ скромности", ибо писательница „сбрасываетъ съ себя покрывало стыда и этимъ перестаетъ быть женщиною". Ей разрѣшалось участвовать въ литературѣ лишь въ томъ случаѣ, если она своимъ трудомъ можетъ облегчить мужу, для котораго должна жить, добываніе средствъ къ содержанію семьи. Но и тогда ей ставилось условіемъ, чтобы она ничего не писала противъ брака, общества и своего положенія въ немъ, ибо „мужъ справедливо можетъ опасаться, чтобы свѣтъ не подумалъ, что его жена описываетъ въ романѣ свое несчастіе".

Сторонники женщинъ впадали въ другую крайность. Высказывая удовольствіе тому, что сочиненіе герцогини Абрантесъ: „Собраніе назидательныхъ и полезныхъ для юношества повѣстей" переведено женщиною, *Отечественныя Записки* въ этомъ видѣли „великое, блистательное преимущество нашего вѣка и неопровержимое свидѣтельство успѣховъ нашего воспитанія... Если науку— писалъ рецензентъ—полюбятъ женщины, то наука изъ школъ перейдетъ въ семейный кругъ, изъ книги въ жизнь" [2]).

Но и *Отечественныя Записки* держались того мнѣнія, что едва ли женщины когда либо создадутъ что-нибудь геніальное, „ибо ихъ геніальность высказывается въ другомъ родѣ". Имъ

---

[1]) См. *Романъ забытой романистки.* А. В. Старчевскаго. (Истор. Вѣстн. 1886 г., авг.).—*Осипъ Ивановичъ Сенковскій* (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія Е. Н. Ахматовой. (Р. Стар. 1889 г., май и 1890 г., авг.).

[2]) Отеч. Зап. 1839 г. Т. II.

можно, по мнѣнію журнала, предоставить брать сюжеты для своихъ произведеній „въ разумныхъ предѣлахъ сферы, для которой онѣ созданы", т.-е. семейства и индивидуальной жизни. Въ этой сферѣ онѣ могутъ „заявить себя произведеніями, заслуживающими удивленіе и способными быть источникомъ самыхъ живыхъ наслажденій". По поводу сочиненій графини Сарры Толстой *Отечественныя Записки* назвали автора геніальной женщиною, „но не потому, что она геніальный поэтъ, а потому, что это геніальная женщина, никогда не думавшая изъ магической сферы своей робкой и стыдливой женственности выходить на шумную арену похвалъ и поощреній, никогда не думавшая авторствовать, но для себя и своего домашняго круга изливавшая ароматическое благоуханіе своихъ думъ и сладостныхъ мечтаній" [1]). По мнѣнію журнала, истинно великая и геніальная женщина—это „по преимуществу религіозное существо, натура глубоко внутренняя. Ея не видать на аренѣ; она не записываетъ своего имени на скрижаляхъ исторіи; но она живетъ не даромъ... Созерцать ее равносильно животворному чуду духа" [2]).

Такіе взгляды раздѣлялъ и *Современникъ*, писавшій въ 1842 году: „Теперь женщинѣ уже не отказываютъ въ правѣ развивать въ себѣ всѣ человѣческія способности, позволяютъ наравнѣ съ нами искать въ наукѣ способовъ къ самосовершенствованію и свободно употреблять слово на пользу или наслажденіе другимъ". Удивляясь „дамскому таланту, который счастливымъ творчествомъ или изящнымъ словомъ очаровываетъ душу и слухъ", *Современникъ* признавалъ заслуживающею глубокаго уваженія лишь такую писательницу, которая пишетъ для семейства и объясняетъ матерямъ тайны воспитанія [3]).

Бѣлинскій смотрѣлъ на дѣло иначе; въ 1843 году онъ писалъ: „Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Лживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе(въ литературѣ)... Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгнетъ пошлыхъ намековъ и названія синяго чулка, каковъ бы ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный... едва ли кто упустить случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностью женскаго ума, болѣе, будто бы, приноровленнаго для кухни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества". Но хуже всего для женщины-писательницы, по мнѣнію Бѣлинскаго, то,

---

[1]) Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.—Сочиненія Сарры Толстой были изданы послѣ ея смерти и не предназначались для продажи.

[2]) Отеч. Зап. 1840 г. Т. X.

[3]) Современникъ. 1842 г. Т. 27.

что она „осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно — вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже дѣти, но которыя тѣмъ не менѣе считаются почтенными. Нельзя употребить бо̀льшаго насилія надъ женщиною—восклицаетъ онъ — нельзя оказать ей бо̀льшаго презрѣнія!“ — „А вотъ и смѣшное: — говоритъ Бѣлинскій —то же самое общество не читаетъ женщинъ, пишущихъ въ духѣ его же собственной морали и обходитъ ихъ самымъ презрительнымъ невниманіемъ, потому что оно само не вѣритъ своей морали и смѣется надъ нею“.

Относя все это къ западной Европѣ, гдѣ литература есть „выраженіе мысли, служащей источникомъ жизни для общества въ каждую эпоху его историческаго развитія“, между тѣмъ какъ у насъ она служитъ лишь пріятнымъ и полезнымъ, невиннымъ и благороднымъ, препровожденіемъ времени и для писателя и для читателя, Бѣлинскій думаетъ, что у насъ женщина смѣло можетъ писать, ибо если она „не всегда можетъ надѣяться стать слишкомъ высоко, за то никогда не должна бояться затеряться въ заднихъ рядахъ писакъ“ такъ какъ всѣ русскія женщины-писательницы „всегда обладали извѣстною степенью образованности, знаніемъ хоть французскаго языка“; при этомъ — говоритъ Бѣлинскій — имъ „не мало служитъ и врожденный женской натурѣ тактъ приличія и здраваго смысла“ [1]).

Предубѣжденіе противъ женщинъ-писательницъ высказывалось и въ пятидесятыхъ годахъ. Въ 1852 году „наблюдатель надъ литературою“ писалъ въ *Москвитянинѣ*: „Я знаю, что у насъ есть дамы-писательницы съ большимъ дарованіемъ... но, право, мнѣ кажется, что это не ихъ дѣло. Женщина должна быть образована; чѣмъ болѣе она образована, тѣмъ лучше; она должна слѣдить за литературою и наукой, но не должна писать точно такъ же, какъ не должна поступать въ военную службу и ѣздить на мужскомъ сѣдлѣ. Образованіе свое женщина должна употреблять для своего семейства... а не для увеселенія публики“ [2]).

При такихъ взглядахъ на женщину-писательницу, положеніе ея въ обществѣ было вообще тяжелое, а въ провинціи, особенно въ тридцатыхъ годахъ, даже трагическое. Испытавшая его на себѣ, г-жа Ганъ (Зенеида Р—ва), часто изображала это положеніе въ своихъ повѣстяхъ. На такую женщину всѣ смотрѣли какъ на что-то ненормальное; ее представляли себѣ непремѣнно ученою и

[1]) Сочиненія. Т. 7.

[2]) Москвитянинъ. 1852. Т. 5.

педанткою; поэтому, или ожидали отъ нея чего то необыкновеннаго и зачастую разочаровывались, или ея сторонились, особенно женщины, боясь, какъ бы она не описала ихъ; за глаза же ее осуждали и надъ нею надсмѣхались.

Не только въ тридцатыхъ годахъ, но и долго потомъ, женщина, образованіе которой было хоть сколько-нибудь выше общаго женскаго уровня, должна была скрывать свои знанія, какъ бы скромны они ни были, чтобы не прослыть синимъ чулкомъ и не заслужить упрека въ „учености и романтичности".

Положеніе такой женщины въ сороковыхъ годахъ очертилъ Тургеневъ въ повѣсти „Переписка" (1855 г.). Н. Д. Хвощинская говоритъ, что въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ „объявиться писательницей было невозможно". Въ Рязани, гдѣ она жила и начала писать, провинціальное общество находило, что она „слишкомъ умна" [1]).

Первые литературные опыты Кохановской, набрасываемые на рапортахъ своего отца (ротмистра и казначея), были встрѣчены, по ея словамъ, насмѣшками родныхъ [2]).

Къ произведеніямъ женщинъ литература долго относилась такъ, какъ говоритъ Бѣлинскій; за весьма рѣдкими исключеніями ихъ серьезно не разбирали, по большей части автора хвалили за „женственность, тонкость женскихъ наблюденій, прозрачность фигуръ, писанныхъ женской кистью"... Будь даже бездарна иногда писательница — говорилъ *Современникъ* въ 1851 году—на нее смотрѣли какъ на диво, потому что считали всякій трудъ ея, внѣ сферы хозяйства, явленіемъ исключительнымъ, а самую писательницу интересною игрою природы [3]).

Въ такомъ отношенія литературы къ женскимъ произведеніямъ *Отечественныя Записки* винили отчасти самихъ женщинъ. „По самому положенію своему въ обществѣ, принужденная жить въ мірѣ любезностей, комплиментовъ и всякихъ преувеличеній, женщина—писалъ рецензентъ по поводу сочиненій Евгеніи Туръ—поневолѣ глядитъ на указаніе своихъ недостатковъ какъ на злонамѣренность или невѣжливость; съ другой стороны лица, обязанныя высказывать ей, по своему крайнему разумѣнію, правду, и одну правду, не всегда остаются вѣрными своей обязанности. Не въ мѣру рѣзкіе передъ своимъ братомъ-литераторомъ, наши,

[1]) Н. Д. Хвощинская-Заіончковская (В. Крестовскій псевдонимъ). *В. П. Семевскаго*. (Р. Мысль. 1890 г. Окт.).

[2]) Н. С. Соханская (Кохановская). Р. Арх. 1885 г. № 4.

[3]) Современникъ. 1851 г. Т. XXVII.

да и всѣ европейскіе критики, шатки и неоткровенны передъ женщиной-писательницею“ [1]).

Но все-таки, начиная съ сороковыхъ годовъ, наши лучшіе журналы стали мало-по-малу относиться къ женщинамъ-авторамъ не какъ къ „дамамъ“, а какъ къ писателямъ вообще: хвалили, или порицали произведеніе, не справляясь съ поломъ автора.

Правдивое отношеніе критики къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ было очень полезно для ихъ авторовъ; но, съ другой стороны, оно обнаружило прискорбное для женщинъ явленіе—сильную ихъ отсталость и въ беллетристикѣ. Въ эпоху романтизма, когда содержаніе романа или повѣсти, за немногими исключеніями, исчерпывалось описаніемъ сочиненныхъ страстей, изображеніемъ героевъ и героинь съ возвышенными чувствами и мечтами, подвизавшимися исключительно на аренѣ „свѣта“ и „общества“, интересы котораго составляли все содержаніе ихъ жизни, женщины-писательницы, превосходя даже мужчинъ экзальтированнымъ взглядомъ на жизнь, съ успѣхомъ могли состязаться съ ними. Правда и тутъ, ни одна изъ писательницъ не пользовалась такою славою, какъ Марлинскій, нѣкоторыя изъ повѣстей котораго считала, по словамъ Бѣлинскаго, лучшими повѣстями на русскомъ языкѣ и самая даровитая, по его же признанію, на Руси женщина „не только чувствующая, но и мыслящая“, именемъ которой и произведеніями „русская литература по праву можетъ гордиться“ [2])—писательница Елена Ганъ (Зенеида Р—ва).

Это была дѣйствительно замѣчательная женщина. Она родилась въ 1815 году въ Екатеринославѣ, гдѣ едва выучившись грамотѣ, сама пополнила свое образованіе чтеніемъ серьезныхъ книгъ, сочиняла стихи и повѣсти. Выйдя 16-ти лѣтъ замужъ она продолжала свое образованіе несмотря на то, что вынуждена была вести кочевую жизнь постоянно слѣдуя въ походахъ за мужемъ; она изучила нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки (французскій она знала раньше) и прочла всѣхъ великихъ тогдашнихъ (20-хъ годовъ) поэтовъ. Въ то же время она въ совершенствѣ знала музыку и даже сочиняла. По словамъ знавшихъ ее, Елена Ганъ отличалась блестящимъ умомъ, была очень скромна, „таила отъ домашнихъ и въ обществѣ обширныя свои свѣдѣнія, прикрывая ихъ живымъ, легкимъ разговоромъ, который всегда блисталъ остроуміемъ и веселостью“ [3]). Она умерла въ 1842 году, 27-ми лѣтъ отъ роду.

---

[1]) Отеч. Зап. 1854 г. Т. XCIV.

[2]) Сочиненія. Т. 7. Стр. 191.

[3]) Отеч. Зап. 1842 г. Т. XXIII.

За годъ до ея смерти, Сенковскій писалъ въ *Утренней Звѣздѣ*: „Въ эту минуту (въ 1841 году) въ нашей изящной словесности два самые примѣчательные писателя, два лучшія пера, два удивительнѣйшіе и истинно мужественные таланта, первый поэтъ и первый прозаикъ—это двѣ молодыя женщины: графиня Ростопчина и Елена Ганъ“.

По поводу вышедшаго въ годъ смерти Елены Ганъ послѣдняго ея романа „Теофанія Аббіаджіо“, *Отечественныя Записки* отозвались о ней какъ объ одномъ „изъ примѣчательнѣйшихъ въ современной литературѣ талантѣ“. Недостатки въ произведеніяхъ Е. Ганъ вознаграждаются, по мнѣнію рецензента, внутреннимъ содержаніемъ, „присутствіемъ живыхъ общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности, полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя“ [1]).

Послѣ ея смерти, Елена Ганъ была признана первою русскою писательницею, среди которыхъ нѣтъ ни одной, по мнѣнію *Отечественныхъ Записокъ*, которая „достигла бы такой высоты творчества и идеи, и которая, въ то же время, до такой степени отразила бы въ своихъ сочиненіяхъ всѣ недостатки, свойственные русскимъ женщинамъ-писательницамъ“ [2]). Ей, какъ „такому высокому и яркому таланту“ была посвящена въ журналѣ обширная статья, написанная Бѣлинскимъ.

Разбирая произведенія Е. Ганъ, Бѣлинскій говоритъ, что послѣдняя ея повѣсть „Теофанія Аббіаджіо“ должна считаться „однимъ изъ перловъ русской литературы“, и сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ другихъ ея сочиненій, восклицаетъ: „такія строки могутъ вырваться только изъ-подъ пера писателей съ великою душою и великимъ талантомъ...“ Въ произведеніяхъ Е. Ганъ Бѣлинскій особенно цѣнилъ то, что они проникнуты „одной могучей мыслью, которая преслѣдовала ее всю жизнь и не давала ей покоя“. Въ то время, когда писала Ганъ, писателей, по его же выраженію, „возвысившихся до мысли“, было мало, а изъ писательницъ, къ этимъ немногимъ онъ причисляетъ только одну ее.

Воодушевлявшая и мучившая ее мысль, была—любовь, единственная сфера, дозволенная тогда женщинѣ, которая, въ сочиненіяхъ Ганъ, всецѣло отдаваясь чувству, никогда не могла найти въ немъ себѣ удовлетворенія; между тѣмъ всякіе другіе интересы въ жизни были для нея закрыты, по выраженію Бѣлинскаго „ко-

---

1) Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.
2) Отеч. Зап. 1843 г. Т. XXX.

раномъ общественнаго мнѣнія" и соотвѣтственнымъ этому корану, образованіемъ.

Высоко ставя Елену Ганъ въ ряду писателей вообще, и „неизмѣримо выше всѣхъ предшествовавшихъ ей писательницъ", признавая въ ней замѣчательный „выходящій изъ ряда обыкновенныхъ дарованій" талантъ, который, къ тому же, за ранней смертью писательницы, не успѣлъ достигнуть своего полнаго развитія, Бѣлинскій не преувеличиваетъ однако ея достоинствъ; онъ оспариваетъ высказанное *Библіотекою для чтенія* мнѣніе, будто талантъ нашей писательницы равенъ по оригинальности таланту Жоржъ-Зандъ и говоритъ, что такое сравненіе уже потому не вѣрно, что помимо таланта, и самое направленіе его у обѣихъ писательницъ, по необходимости, должно быть различно. „Такая поэзія, какъ поэзія Жоржъ-Зандъ—говоритъ Бѣлинскій—приготовлена огромнымъ общественнымъ развитіемъ, перешедшимъ черезъ многія измѣненія и процессы историческіе; наши же писатели, даже и повыше Зенеиды Р—вой, подобно эху повторяютъ въ своихъ твореніяхъ отблески и отзвуки чуждыхъ намъ цивилизацій и общественностей" [1]).

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ Зенеиды Р—вой Бѣлинскій считалъ отсутствіе и въ ея произведеніяхъ юмора и ироніи.

Кромѣ Зенеиды Р—вой, еще три писательницы до-гоголевскаго періода пользовались вниманіемъ критики; всѣ три были поэтессы: графиня Сарра Толстая, графиня Растопчина и г-жа Павлова. Въ то время еще не завершился въ литературѣ окончательный поворотъ отъ стиховъ къ прозѣ; не говоря о Пушкинѣ и только что начавшемъ печатать свои произведенія, Лермонтовѣ, вся читающая публика и вся литературная критика восхищались вышедшими въ 1836 году стихотвореніями Бенедиктова, которому наши поэтессы не уступали ни въ формѣ, ни въ содержаніи стиха.

Сарра Толстая умерла 18-ти лѣтъ отъ роду; она воспитывалась за границею и плохо знала русскій языкъ, а изъ русскихъ писателей ей былъ извѣстенъ только одинъ Жуковскій, который первый обратилъ вниманіе на талантливость ея стихотвореній, написанныхъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Кромѣ этихъ языковъ она знала еще греческій и латинскій, любила искусство и хорошо рисовала.

Когда, послѣ смерти Сарры Толстой, ея стихи, изданные ея отцомъ, появились въ плохомъ русскомъ переводѣ, то несмотря

---

[1]) Сочиненія. Т. 7.

на это и на то, что они не предназначались для продажи, литература съ восторгомъ привѣтствовала ихъ, находя, что „это не какія-нибудь плаксивыя изліянія дѣтской мечтательности и слабой, болѣзненной чувствительности, но дѣйствительныя, нормальныя стремленія богатой натуры проявить во внѣ сокровища своего духа“ [1]). Бѣлинскій взглянулъ на нихъ какъ на „поэтическую біографію одной изъ самыхъ странныхъ, самыхъ оригинальныхъ, самыхъ поэтическихъ и по натурѣ, и по судьбѣ, и по таланту, и по духу, личностей“ [2]).

Графиня Растопчина начала писать стихи будучи еще совсѣмъ молодою дѣвушкой и ея стихи, ходившіе сначала въ рукописи, сразу привлекли вниманіе не только свѣтскихъ кружковъ, но и образованной молодежи [3]). Въ 1835 году, когда графиня Растопчина была уже замужемъ, ея стихи появились въ печати; ихъ замѣтили Пушкинъ, Жуковскій и Лермонтовъ, который написалъ ей свое стихотвореніе:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены [4]).

Журналы охотно печатали ея стихотворенія, въ которыхъ она преимущественно воспѣвала любовь, свѣтскія удовольствія, мечты; первыя ея стихотворенія, съ оттѣнкомъ грусти и разочарованія, навѣянными поэзіею Лермонтова, которому графиня Растопчина подражала, при музыкальности стиха, очаровывали и публику и образованныхъ людей. Позже, она писала повѣсти, въ которыхъ защищала свободу женщины любить, и протестовала противъ нравовъ большого свѣта; но такой протестъ, какъ и вся ея поэзія, были поверхностны, страдали „отсутствіемъ могучей мысли“, были „лишь отвлеченными понятіями, одѣтыми въ болѣе или менѣе богатый стихъ“ [5]).

Признавая въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной высокій талантъ и, мѣстами, истинную поэзію, проникнутую „душою и чувствомъ“, Бѣлинскій сожалѣлъ, что авторъ избралъ себѣ такую узкую и ничтожную сферу, какъ салонъ [6]).

Образованіе, какое получила графиня Растопчина, можетъ

---

[1]) Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.

[2]) Сочиненія. Т. 7. Стр. 163.

[3]) *Т. В. Пассекъ.* Изъ дальнихъ лѣтъ. Ч. 2-я.

[4]) Сочиненія Лермонтова. Изданіе Глазунова, подъ редакціею П. Ефремова. С.-Пет. 1882 г. Т. I. Стр. 203.

[5]) *Бѣлинскій.* Соч. Т. 7. Стр. 163.

[6]) Сочиненія. Т. 5. Стр. 348.

служить образчикомъ того, какое давалось, въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, дѣвушкамъ богатыхъ семей. У нея были учителя: закона Божьяго (сперва дьяконъ, а потомъ священникъ), русскаго языка, французскаго, нѣмецкаго, рисованія, музыки, танцевъ; исторіи, географіи, математикѣ ее не обучали послѣ того какъ отошла, находившаяся при ней короткое время, гувернанткой, бывшая смолянка, кончившая курсъ съ шифромъ. По словамъ брата графини Растопчиной, эта гувернантка была „дѣвица умная, добрая, благовоспитанная и дѣйствительно много знающая, отъ которой воспитанница ея позаимствовала много хорошаго“ [1]).

Павлова была извѣстна какъ превосходная переводчица стихами съ разныхъ иностранныхъ языковъ (англійскаго, нѣмецкаго, французскаго) на русскій и обратно. Бѣлинскій находилъ ея переводы на русскій языкъ превосходными, но не одобрялъ выбора нѣкоторыхъ изъ переведенныхъ ею вещей, напримѣръ шотландскихъ и англійскихъ народныхъ баллладъ. „Еслибы способность выбора соотвѣтствовала ея таланту — писалъ Бѣлинскій — г-жа Павлова, своими превосходными переводами, усвоила бы себѣ прочную славу не въ одной только русской литературѣ“ [2]).

Художественные переводы Павловой вышли въ Парижѣ, въ 1839 году, подъ заглавіемъ: *Les préludes* par m-me Caroline Pavlof née Jaenish; въ концѣ книги были помѣщены и оригинальные стихи автора; ея переводы русскихъ поэтовъ вышли на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: *Nordlicht* и обратили на себя вниманіе Гёте [3]). Позже, уже въ 1848 году, Павлова написала повѣсть въ стихахъ и прозѣ подъ заглавіемъ „Двойная жизнь“.

По поводу этой повѣсти *Отечественныя Записки* указали, что имя Павловой первое у насъ имя такой женщины-писательницы, которая „съ талантами, дарованными природою, соединяетъ сознаніе литературной дѣятельности, приходящей отъ науки“. Всѣ прочія писательницы наши, прошедшія и настоящія, по мнѣнію журнала, „имѣя одно, лишены другого: есть талантъ, нѣтъ серьезнаго просвѣщенія... У Павловой — любовь къ мысли, сочувствіе къ наукѣ... Литература для нея не есть праздная потѣха, занятіе по модѣ. Она служитъ ей удовлетвореніемъ внутренней настоятельной потребности, дѣломъ лучшихъ минутъ жизни“ [4]).

---

[1]) Къ біографіи графини Е. П. Растопчиной. *Д. П. Сушкова.* (Истор. В. 1881 г., іюнь).

[2]) Сочиненія. Т. 7. Стр. 162.

[3]) К. К. Павлова. (Р. Архивъ. 1894 г. Кн. 1).

[4]) Отеч. Зап. 1848 г. Т. LVIII.

Павлова, живя въ Москвѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ была окружена ученостью въ домѣ отца своего, профессора физики и химіи въ медико-хирургической Академіи, Яниша. Она отличалась необыкновенною способностью къ языкамъ и очень рано начала заниматься словесностью разныхъ языковъ. Гумбольдтъ при своемъ проѣздѣ на Уралъ, проживъ нѣсколько дней въ Москвѣ, любилъ съ нею бесѣдовать. При отъѣздѣ Мицкевича изъ Москвы, Павлова прочла ему хвалебные стихи [1]). Она, также какъ и графиня Растопчина, собирала въ своей гостиной извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Кромѣ поэтессъ и Зенеиды Р—вой, Бѣлинскій, въ перечнѣ женщинъ-писательницъ до 1843 года, останавливается еще на г-жѣ Жуковой, въ повѣстяхъ которой находитъ блестящій талантъ, искусный, увлекательный, разсказъ, „полноту горячаго чувства истины въ изображеніи многихъ чертъ и оттѣнковъ женскихъ характеровъ, прекрасный слогъ“ [2]). Причисляя ея повѣсти къ замѣчательнымъ явленіямъ послѣдняго времени русской литературы и видя въ нихъ стремленіе автора, „вслѣдствіе духа времени искать сюжеты въ современной, дѣйствительной жизни, естественно изображать подробности быта и ежедневной жизни героевъ“, Бѣлинскій находилъ, что въ повѣстяхъ Жуковой эта жизнь изображается не такою, какова она есть, а такою, какою писательница желала бы ее видѣть. Къ недостаткамъ Жуковой онъ относитъ отсутствіе и у ней, какъ почти у всѣхъ женщинъ-писательницъ, юмора и ироніи [3]).

Но когда, къ половинѣ сороковыхъ годовъ, въ литературѣ ярко обозначилось новое, подготовлявшееся еще при Пушкинѣ, направленіе, когда критика стала предъявлять къ роману и повѣсти новыя требованія — самостоятельнаго, вѣрнаго изображенія обыкновенныхъ людей въ ихъ обыкновенной обстановкѣ, а не идеализированныхъ героевъ и героинь, когда, почти въ одно время съ „Мертвыми душами“ Гоголя (1846 г.), у насъ явились такія произведенія, какъ „Бѣдные люди“ Достоевскаго (1846 г.), „Кто виноватъ“ Герцена (1847 г.), „Деревня“ Григоровича (1847 г.), „Обыкновенная исторія“ Гончарова (1847 г.), „Записки охотника“ Тургенева (1847 г.), затронувшія совсѣмъ новыя стороны жизни,—тогда ярко обнаружилась отсталость женщинъ-писательницъ, которымъ, не говоря уже о степени таланта, было, въ

---

[1]) К. К. Павлова. (Р. Арх. 1894. Кн. 1.

[2]) Сочиненія. Т. 4. Стр. 49.

[3]) Сочиненія. Т. 7. Стр. 164.

силу условій ихъ жизни, недоступно в наблюденіе очень многихъ сторонъ русской дѣйствительности.

Нельзя сказать, чтобы онѣ не прислушивались къ голосу критики, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій; напротивъ, большинство тогдашнихъ писательницъ примкнуло къ новому направленію. По крайней мѣрѣ онѣ заявляли это въ прилагаемыхъ къ своимъ сочиненіямъ предисловіяхъ, поясняя, что берутъ содержаніе ихъ изъ дѣйствительной жизни. Но самый языкъ этихъ сочиненій, ихъ дидактическій характеръ, свидѣтельствовали о томъ, что авторы не отрѣшились отъ взглядовъ и пріемовъ старой школы.

По вычурности языка, по склонности къ моральнымъ сентенціямъ, среди писательницъ всегда выдѣлялись бывшія институтки. Вмѣсто того, чтобы сказать: „мнѣ было 9 лѣтъ“, одна изъ нихъ говоритъ: „грозный бухгалтеръ Кронидъ только 9 лѣтъ скинулъ тогда со счета ассигнованнаго мнѣ судьбою вѣка“ [1]). Другая, въ предисловіи къ своему историческому роману „Прокопій Ляпуновъ“ пишетъ, что безкорыстію Ляпунова нельзя довѣрять потому, что онъ былъ дурнымъ мужемъ и не всегда трезво велъ себя [2]).

Этотъ романъ [3]), бывшій продолженіемъ написаннаго Шишкиною въ 1835 году романа „Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія“, появился десять лѣтъ спустя послѣ послѣдняго, но онъ остался, какъ замѣтилъ Бѣлинскій, вѣрнымъ 1835 году „такъ что—говоритъ онъ—не вѣришь 1845 году, выставленному на его заглавіи“. Въ предисловіи къ нему авторъ (Шишкина) говоритъ: „сама нерѣдко удивляюсь, какъ рѣшилась я писать историческіе романы... высокая цѣль оживотворяла меня. Я считала святымъ вдохновеніемъ, призваніемъ Божьимъ, желаніе пробудить въ благородныхъ сердцахъ любовь къ родному... Исторіи надо учиться. Она полезна, необходима... Но и пріятное развлеченіе часто необходимо для ума и сердца“.

Особенно отличалась несимпатичными сторонами тогдашнихъ женщинъ-писательницъ—дидактизмомъ, многовѣщательностью, выставленіемъ собственнаго „я“, пользовавшаяся въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ извѣстностью, писательница М. Корсини, также бывшая воспитанница института. Она писала очень

---

[1]) *Алабьина.* Воспоминанія Институтки. С.-Пет. 1834 г. — 2-е изданіе вышло въ 1846 году.

[2]) *Бѣлинскій.* Сочиненія. Т. 10.—Отеч. Зап. 1845 г. Т. XXXIX.

[3]) Прокопій Ляпуновъ или междуцарствіе въ Россіи, продолженіе князя Скопина-Шуйскаго. Соч. того же автора. С.-Пет. 1845. Четыре части.

много и въ разныхъ родахъ, а въ 1848 году предприняла одно общее сочиненіе подъ заглавіемъ „Очерки современной жизни", которое окончилось только въ 1851 году и составило девять частей. Сюда входило и чтеніе для народа, и повѣсти для дѣтей, и разсказы, и комедіи. Объясняя, почему она выбрала одно, общее для всѣхъ своихъ сочиненій, заглавіе, Корсини говоритъ, что имѣетъ въ виду „представить образъ современной общественной жизни людей разныхъ сословій, не стѣсняясь условіями состоянія, возраста и мѣстности", прибавляя, что не намѣрена созидать, не имѣетъ притязаній на даръ творчества, а будетъ лишь списывать съ натуры то, что у ней находится передъ глазами [1]).

Къ первой книжкѣ „Очерковъ", вышедшей въ 1848 году, авторъ приложилъ литературную програму, которой, по его мнѣнію, долженъ держаться современный писатель. „Повѣствователь о жизни современной—говоритъ Корсини — становясь судьей и критикомъ своихъ собратій, долженъ имѣть въ виду *впечатлѣніе*, которое онъ на нихъ произведетъ и *послѣдствія* представляемыхъ картинъ. Наблюдательность такого человѣка должна сопровождаться доброжелательствомъ и любовью къ людямъ. Онъ долженъ доказать на дѣлѣ, что проникаетъ въ сокровенныя тайны ихъ ежедневной жизни, чувствованій, понятій и привычекъ не для того, чтобы осмѣять ихъ или опозорить, не указавъ никакого выхода изъ жалкаго ихъ положенія. Онъ выставляетъ заблужденія то въ смѣшныхъ и легкихъ, то въ сильныхъ и рѣзкихъ краскахъ для того, чтобы замѣнить ихъ отрадными вѣрованіями, чтобы указать нравственную опору шаткимъ понятіямъ и убѣжище въ душевной силѣ отъ преслѣдованій нужды и бѣдствій. Иначе—для чего же писать и терять драгоцѣнное время"?

Такіе пріемы автора не могли встрѣтить сочувствія образованныхъ людей, и повѣсти Корсини, ходульныя и пропитанныя моралью, не могли удовлетворять ихъ вкусу; но публика ихъ читала и „Очерки" выдержали два изданія. „Явись повѣсти г-жи Корсини въ тридцатыхъ годахъ — писалъ рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ*—въ томъ видѣ какъ теперь, онѣ были бы приняты какъ весьма замѣчательныя произведенія и едва ли не были бы лучшими среди разныхъ повѣстей, украшавшихъ альманахи въ родѣ *Утренней Звѣзды* и страницы тогдашнихъ журналовъ" [2]).

Современникъ отнесся не такъ снисходительно; онъ прямо

---

[1]) Очерки соврем. жизни. Томы V и VI.

[2]) „Отеч. Зап." 1849. Т. LXII.

сказалъ, что въ повѣстяхъ Корсини нѣтъ наблюдательности, что изображаемыя ею лица приводятся въ движеніе какъ куклы съ ярлыками: скромный, честолюбивый и т. д., что они наполнены мыслями и сентенціями, взятыми изъ старыхъ учебниковъ и скучны [1]).

Уже одно заглавіе разсказовъ Корсини для народнаго чтенія: *Гдѣ трудолюбіе, тамъ бѣдности нѣтъ; только лѣнь нищету на себя накликаетъ*, говоритъ о томъ, въ какомъ духѣ они написаны.

О выходѣ каждаго тома „Очерковъ" Корсини объявляла особою афишею. Когда она объявила о своемъ намѣреніи написать книжку для народнаго чтенія, *Отечественныя Записки* отозвались, что „какая бы судьба ни постигла повѣсти, разсказы и комедіи г-жи Корсини, она будетъ извѣстна своими добрыми намѣреніями" [2]).

Такое отношеніе литературы не поколебало самомнѣнія писательницы и въ слѣдующемъ, разосланномъ при афишахъ, объявленіи о выходѣ послѣдняго тома „Очерковъ" съ повѣстью „Рыбакъ", она говоритъ: „безпристрастная и благонамѣренная критика журналовъ и газетъ: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Москвитянина, Сына Отечества, Сѣверной Пчелы, Спб. Вѣдомостей и другихъ, утвердили меня въ намѣреніи посвятить себя отечественной литературѣ... Еслибы я участвовала въ какомъ-нибудь журналѣ или въ одной изъ газетъ, то имѣла бы тамъ и голосъ; но несмотря на желаніе мое войти въ общую дѣятельность нашихъ почтенныхъ литераторовъ, я остаюсь всегда отдѣльной личностью, съ самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ, неподчиняющимся на литературномъ поприщѣ посторонему вліянію... Я занимаюсь литературою не случайно, для препровожденія времени или въ надеждѣ на славу или выгоды; главное мое желаніе—польза и добро... Я иду прямо по пути, мной проложенному, иду одна съ своими твердыми убѣжденіями".

А между тѣмъ Корсини, по словамъ хорошо знавшаго ее Плетнева, была женщина умная [3]).

Несмотря на то, что пріемы, къ какимъ она прибѣгала, были смѣшны и отдавали стариною, въ ея послѣднемъ сочиненіи сказался однако духъ времени: героиня повѣсти „Рыбакъ" (1851 г.), знатная дама, одѣвалась просто, ходила пѣшкомъ „и даже въ

[1]) Соврем. 1850. Т. XXV.

[2]) Отеч. Зап. 1851. Т. LXXV.

[3]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Письмо къ кн. Вяземскому 1859 г. Т. 3.

дурную погоду не просила мужа нанимать ей карету“; она трудилась, занимаясь съ ученицами и „не хотѣла тянуться за другими, во всемъ поступая по собственному убѣжденію“.

Въ 1846 году вышла въ Одессѣ маленькая книжка подъ заглавіемъ „Путевыя замѣтки“ автора, скрывшаго свое имя подъ буквами: Т. Ч. [1]). Но Бѣлинскій сразу отгадалъ, что авторъ—женщина. „Много сердечной теплоты—писалъ онъ—много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишкомъ по женски“, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта жизнь „никогда не набѣленная, не нарумяненная, не преувеличенная, не искаженная, увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ“ [2]).

Изъ двухъ повѣстей, составлявшихъ содержаніе книжки, публикѣ, по словамъ Бѣлинскаго, менѣе понравилась вторая, подъ заглавіемъ *Гувернантка*; но *Современникъ* и другіе журналы отнеслись сочувственно именно къ выбору авторомъ такого сюжета. „Дѣвица-гувернантка, та гувернантка—писалъ рецензентъ Современника—которую въ провинціи называютъ специфическимъ именемъ мамзели, въ отличіе отъ мадамы, или даже, подальше, въ глуши, мадемадамы... Это слово „гувернантка“ обозначаетъ участь жизни, насильно навязанную судьбою“... Гувернантка въ домѣ „не больше какъ учебная книга, грамматика или ариѳметика, одѣтая въ платье... Одни не хотятъ, другіе не умѣютъ ее читать; читаютъ только дѣти, и то поневолѣ“.

Прежде во многихъ романахъ выводились гувернантки, но онѣ всегда стояли на заднемъ планѣ, всѣ надѣлялись одпѣми и тѣми же чертами, такъ какъ всѣ были поставлены въ одинаковыя условія жизни и въ одинаковое отношеніе къ обществу; „въ ея душевный міръ, въ подробности его, въ сердце и умъ, которыми отличается mademoiselle Marie отъ mademoiselle Annette, авторы не входили—говоритъ *Современникъ*—и г-жа Т. Ч. первая отнеслась къ гувернанткѣ съ симпатіей и заглянула въ ея душу [3]).

По поводу этого разсказа *Отечественныя Записки* остановились на участи гувернантки и учителя, на ихъ страдальческой жизни и, при этомъ, коснулись мимоходомъ воспитанія въ закрытомъ учебномъ заведеніи, нарисовавъ идеализированную картину такого воспитанія и участь молодой дѣвушки, которую „въ институтѣ окружали всѣмъ, чтобы развить въ ней истинно человѣческія потребности, просвѣтить ея умъ, пробудить въ сердцѣ

---

[1]) Псевдонимъ писательницы Марченко.

[2]) Соч. Т. II, стр. 425.

[3]) Совр. 1847. Т. 4.

благородныя наклонности. Потомъ—говоритъ рецензентъ — бѣдныя дѣти со слезами оставляютъ благодѣтельный пріютъ и удаляются въ нѣдра семействъ, въ кругъ людей имъ чуждыхъ по мысли, по чувствамъ, по потребностямъ,—людей, которые принимаютъ ихъ подъ власть свою или какъ дѣтей, или какъ супругъ. И въ этомъ печальномъ кругу слабое созданіе, взлелѣянное въ нѣкоторой роскоши, привыкшее удовлетворять благороднѣйшія потребности, обязано было дѣйствовать—и не могло дѣйствовать: ихъ любили отцы и мужья, угождали имъ, исполняли ихъ прихоти, часто вовсе имъ не сочувствуя, покупали имъ книги, фортепіано, слушали музыку, должны были стѣсняться, уважать существо, превосходство котораго надъ собою не могли не чувствовать" [1]). Но участь этихъ молодыхъ дѣвушекъ рецензентъ находитъ завидною въ сравненіи съ тѣми „двигательницами возникавшей цивилизаціи", которыя попадали въ чужой домъ въ качествѣ не женъ или дѣтей, а въ качествѣ гувернантки, жизнь и смерть которой Т. Ч. изобразила тепло и съ талантомъ.

Несмотря на симпатичный талантъ, и Т. Ч. не обошлась безъ предисловія. „Подобно всѣмъ вамъ—обращается она къ читателямъ—я путешествую; подобно всѣмъ вамъ встрѣчаю людей. Но порой въ этихъ лицахъ я доискиваюсь какого-то значенія, непонятаго вами или пропущеннаго безъ вниманія. Невольно останавливаюсь я и слѣжу за ними: то тутъ неуловимо мелькаетъ что-то благородное, то тамъ, сквозь копоть и накипь смѣшного, вспыхнетъ искра прекраснаго, и душа освѣжается явленіемъ нежданнаго, но желаннаго метеора. Но если мнѣ и не суждено видѣть подобные проблески, если все дурное, смѣшное, жалкое, должно мнѣ встрѣтиться на пути, то и въ этомъ много, много любопытнаго" [2]).

Хорошею и заслуженною извѣстностью пользовались, начиная съ тридцатыхъ годовъ, двѣ дѣтскія писательницы: Зонтагъ и Ишимова. Обѣ писали повѣсти, разсказы изъ священной, всеобщей и русской исторіи; написанные яснымъ, легкимъ и простымъ языкомъ, эти разсказы расходились во множествѣ экземпляровъ и даже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ причислялись къ лучшимъ произведеніямъ дѣтской литературы.

Зонтагъ (сестра Авд. Петр. Елагиной) была почетнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности; ея „Священная исторія для дѣтей" выдержала, съ 1837 года по 1871-й, девять изданій.

---

[1]) Отеч. Зап. 1848 г. Т. LIII, Библ. хроника.

[2]) *Путевыя замѣтки.* Т. Ч. Одесса. 1847.

„Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей“ Ишимовой, написанная въ 1837—1840 годахъ, была напечатана на счетъ Академіи наукъ; автору дана пожизненная пенсія въ 300 рублей ассигнаціями и, кромѣ того, присуждена Демидовская премія въ 2.500 рублей ассигнаціями же. Это сочиненіе въ шести частяхъ выдержало шесть изданій, изъ которыхъ послѣднее напечатано въ 1867 году и затѣмъ, въ сокращенномъ видѣ, издано еще четыре раза [1]).

Лучшею характеристикою „Историческихъ разсказовъ“ Ишимовой, служитъ отзывъ о нихъ *Отечественныхъ Записокъ* въ 1841 году: „дайте ребенку прочесть такой разсказъ—пишетъ рецензентъ—и не говорите ему, что добро привлекательно, а зло отвратительно, онъ уже ощутитъ это и безъ вашихъ объясненій и этого ощущенія вы никакъ не внушите ему вашими мертвыми отвлеченными правоученіями, хотя бы они были выражены и въ самыхъ трескучихъ, эффектныхъ фразахъ. Съ этой стороны „Историческіе разсказы“ г-жи Ишимовой неоцѣненны“ [2]). Въ 1842 году Ишимова основала журналъ для дѣтей, *Звѣздочка*, просуществовавшій до 1864 года.

Это была замѣчательная женщина по энергіи, благодаря которой она, дочь бѣднаго чиновника, сама проложила себѣ дорогу въ жизни и, несмотря на самыя неблагопріятныя условія этой жизни, образовала себя чтеніемъ и изученіемъ иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ и англійскаго.

Когда отецъ ея былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Соловецкій монастырь, Ишимова, въ то время пятнадцатилѣтняя дѣвочка, подъ впечатлѣніемъ только что прочтенной повѣсти „Параша-сибирячка“, задумала послѣдовать примѣру послѣдней и пуститься одной, хотя бы и пѣшкомъ, изъ Кеми, гдѣ она тогда жила съ родителями, въ Петербургъ, чтобы лично подать государю прошеніе о помилованіи отца. Получивъ его разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ съ матерью, Ишимова исполнила свое намѣреніе и добилась смягченія участи отца [3]).

Къ числу поэтессъ конца сороковыхъ годовъ принадлежала Юлія Жадовская; вышедшее въ 1846 году собраніе ея стихотвореній было встрѣчено сочувствіемъ почти всѣхъ тогдашнихъ журналовъ. *Отечественныя Записки*, помимо таланта автора, признали ихъ достойными вниманія людей мыслящихъ еще и потому,

---

[1]) Послѣднее изданіе было въ 1879 году.

[2]) Отеч. Зап. 1841. Т. XIV.

[3]) П. В. *Быковъ*. Русскія женщины-писательницы. V. А. I. Ишимова. (Др. и Нов. Россія. 1878 г. № 8).

что въ нихъ выражается „общій характеръ и общественное положеніе женщины", такъ какъ темою всѣхъ стихотвореній Жадовской служитъ „внутренняя борьба женщины, которой душа развита природою и образованіемъ, со всѣмъ тѣмъ, что противодѣйствуетъ этому развитію и что не можетъ съ нимъ ужиться". По мнѣнію рецензента, это „полная и краткая исторія женской души, исполненной стремленія къ нормальнымъ условіямъ жизни, но встрѣчающей на каждомъ шагу противорѣчія и преграды своему стремленію не въ однихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, но и въ собственныхъ недоразумѣніяхъ, колебаніяхъ и самообольщеніяхъ" [1]). Бѣлинскій, не отрицая въ стихотвореніяхъ Жадовской „чего-то въ родѣ поэтическаго таланта", жалѣетъ, что источникъ ея вдохновенія „не жизнь, а мечта"; это онъ объясняетъ отношеніями автора, какъ женщины, къ обществу [2]). Но Добролюбовъ восхищался этими стихотвореніями, вышедшими въ 1858 году новымъ, болѣе полнымъ изданіемъ. Онъ причислилъ ихъ къ „лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени". Ему нравилась ихъ „задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія... уваженіе (автора) къ своимъ чувствамъ, безъ всякой претензіи на возведеніе ихъ въ идеалъ всемірный". Присущій стихотвореніямъ Жадовской характеръ грусти, Добролюбовъ считалъ происходящимъ „изъ источника болѣе глубокаго, нежели какія-нибудь мечтательныя или личныя раздраженія... Ея сердце — говоритъ онъ — ея умъ, дѣйствительно наполнены горькими думами, которыхъ не хочетъ или не умѣетъ раздѣлять современное общество. Ея стремленія, ея требованія, слишкомъ обширны и высоки, и не мудрено, что многіе бѣгутъ отъ поэтическаго призыва души, страдающей не только за себя, но и за другихъ" [3]).

По мнѣнію Добролюбова, стихотворенія Жадовской могли быть оцѣнены и поняты лишь людьми, способными мыслить и переживать тѣ тонкія душевныя состоянія, какія переживалъ авторъ.

Жадовская писала и прозой; но ея повѣсти, также какъ и стихи, до 1857 года, когда вышелъ ея большой романъ „Въ сторонѣ отъ большого свѣта", были мало извѣстны публикѣ, можетъ быть потому, что она ихъ печатала въ мало распространенныхъ изданіяхъ.

Жадовская получила хорошее образованіе подъ руководствомъ своей тётки, страстно любившей литературу и даже занимавшейся

[1]) Отеч. Зап. 1846 г. Т. XLVII.
[2]) Соч. Т. II, стр. 46.
[3]) Сочиненія Н. А. Добролюбова. Т. II. С.-Пет. 1862 г., стр. 193.

ею; потомъ она брала уроки у автора извѣстной хорошей грамматики, Перевлѣсскаго, бывшаго впослѣдствіи профессоромъ Александровскаго лицея [1]) и довершила свое образованіе чтеніемъ философскихъ книгъ [2]).

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ начала писать извѣстная и, по замѣчанію А. Скабичевскаго, „единственная русская писательница, глубоко проникнутая славянофильскими тенденціями“ [3]), Н. С. Кохановская (псевдонимъ Соханской).

Уже въ первой ея повѣсти „Графиня Д**“ [4]) героиня отличается такою изумительною покорностью, что Дружининъ счелъ нужнымъ напомнить автору, что кромѣ женской покорности есть и женская гордость [5]). Славянофильскія тенденціи въ повѣстяхъ Кохановской стали ясно обнаруживаться съ конца пятидесятыхъ годовъ и шли постоянно усиливаясь; но, благодаря крупному и сильному таланту, котораго нельзя было не признать въ ея сочиненіяхъ, она пользовалась извѣстностью не только въ славянофильскихъ кружкахъ, но и у представителей западнической критики.

Воззрѣнія Кохановской можно, до извѣстной степени, объяснить обстоятельствами ея жизни. Воспитанная матерью въ глубоко-религіозномъ духѣ, Кохановская въ дѣтствѣ не знала въ родительскомъ домѣ ни любви, ни ласки; всѣ заботы матери были обращены на сыновей, а съ дочерью она обращалась строго и воспитаніемъ ея пренебрегала. Десяти лѣтъ отъ роду, Кохановская была помѣщена въ харьковскій институтъ, откуда вышла въ 1840 году съ первымъ шифромъ. Въ институтѣ ей жилось тяжело [6]) и хотя, по ея словамъ, тамъ подъ вліяніемъ преподавателя русской словесности, у ней развилась любовь къ литературѣ [7]), но, принужденная, по окончаніи курса, жить въ деревенской глуши, и, вдобавокъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ семейныхъ условій, она не могла найти въ своемъ институтскомъ

[1]) *И. Б. Бычковъ.* Р. женщины-писательницы. Ю. В. Жадовская. (Др. и Нов. Россія 1877 г. Т. III).

[2]) Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской. *И. И. Федоровой.* (Истор. В. 1887 г. ноябрь).

[3]) *А. М. Скабичевскій.* Исторія новѣйшей русской литературы, 1848—1892 гг. 2-е изд. С.-Пет. 1893 г.

[4]) Отеч. Зап. 1848 г. Т. 61, декабрь.

[5]) Сочиненія А. В. Дружинина. С.-Пет. 1865 г., Т. VII.

[6]) См. гл. II, стр. 81.

[7]) Письмо П. А. Плетнева къ кн. Вяземскому отъ 30 ноября 1861 г. (Соч. и переписка. Т. 3).

образованіи достаточно элементовъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія, а это отразилось на всемъ ея міросозерцаніи.

Ея воззрѣнія, доведенныя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ до крайнихъ предѣловъ, въ буквальномъ смыслѣ оправдываютъ сдѣланную Аполлономъ Григорьевымъ ея характеристику *„страшно-талантливой“* писательницы [1]). „Идеалы г-жи Кохановской—говоритъ одинъ изъ рецензентовъ ея сочиненій—не широки: это просто смиреніе, возведенное на степень дѣятельной силы, и прощеніе, какъ единственный путь къ примиренію жизненныхъ противорѣчій... воззрѣнія ея бѣдны и фальшивы... личныя отношенія автора къ изображаемой имъ жизни, отношенія, которыя, къ сожалѣнію, почти вездѣ насильственно выходятъ на первомъ планѣ, крайне односторонни“ [2]). Тѣмъ не менѣе, сила непосредственнаго таланта Кохановской, вѣрный инстинктъ, съ которымъ она „намѣтила — говоритъ тотъ же рецензентъ—тѣ сердечныя боли нашей общественной среды, которыя служатъ для человѣка безконечнымъ источникомъ мучительныхъ и совершенно безплодныхъ тревогъ“, искупаютъ недостатки міросозерцанія автора и вызываютъ къ нему уваженіе. Почти всѣ повѣсти Кохановской могутъ быть прочтены даже теперь, благодаря удивительно искусному, образному разсказу и проникающему ихъ знанію и сочувствію народной жизни.

Самою громкою извѣстностью едва ли не изъ всѣхъ, писавшихъ у насъ женщинъ, пользовалась въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ Евгенія Туръ (псевдонимъ графини Сальясъ де-Турнемиръ). Правда, она начала писать въ такое время, когда въ русской литературѣ царилъ застой, и критика, въ большинствѣ своихъ представителей, отбросивъ завѣты Бѣлинскаго, относилась къ литературнымъ произведеніямъ уже не съ той точки зрѣнія, какая установилась при немъ. Но и это не оправдываетъ того восторга, съ какимъ былъ встрѣченъ романъ „Племянница“, первая часть котораго появилась въ 1850 году, а весь романъ въ четырехъ частяхъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1851-мъ.

Отечественныя Записки признали его удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ романа. Въ немъ, по мнѣнію рецензента, заключена „серьезная мысль, нешуточное воззрѣніе на жизнь, опытъ, вдумчивость въ смыслъ ея разнообразныхъ явленій, характеровъ, положеній... отсутствіе безцвѣтности, безхарактерности содержанія... Не внѣшнія побужденія — говоритъ онъ — были

---

[1]) Сочиненія Ап. Григорьева. Т. I. С.-Пет. 1876 г.

[2]) Современникъ, 1863 г. Т. XCVIII.

совѣтчиками автора; первый интересъ для него—въ отношеніи своихъ лицъ къ общечеловѣческому идеалу, въ ихъ судьбахъ какъ явленій нравственнаго міра. Туръ старается осмыслить каждое явленіе. Фонъ ея произведеній не мечтательный и не призрачный... въ ней извѣстная степень зрѣлости мысли, которая требуется отъ современнаго моралиста". Въ заключеніе *Отечественныя Записки* признали романъ Евгеніи Туръ „однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ нашей литературѣ вообще, и въ отношеніи направленія, какое выбралъ авторъ" [1]), а его талантъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ литературѣ [2]).

Москвитянинъ назвалъ Евгенію Туръ „мыслящею и живочувствующею женскою натурою", и прибавилъ: „лучшее качество этого таланта—способность мыслить и чувствовать по женски" [3]).

Тургеневъ помѣстилъ въ *Современникѣ* большую статью о „Племянницѣ"; но онъ отнесся къ роману строже и въ сущности низвелъ его съ той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ другими журналами. Признавая въ Евгеніи Туръ истинный талантъ, Тургеневъ причисляетъ его къ талантамъ субъективнымъ, болѣе или менѣе связаннымъ съ личностью писателя. Отсутствіе объективности въ талантѣ Туръ онъ объяснилъ тѣмъ, что она „женщина, русская женщина... а мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины—писалъ онъ—все это для насъ дорого, все это намъ близко... и это дорогое, это близкое, едва ли не въ первый разъ заговорило въ области искусства устами г-жи Туръ" [4]).

Ставъ на такую точку зрѣнія, Тургеневъ цѣнитъ въ ея талантѣ „искренность, неподдѣльный жаръ чувства, какую-то стремительность убѣжденій и благородное мужество души". Этими спеціально-женскими свойствами онъ извиняетъ и объясняетъ рѣшимость Туръ написать романъ въ четырехъ частяхъ.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ „Племянницы", Тургеневъ открываетъ цѣлый рядъ недостатковъ: бѣдность или, лучше сказать, отсутствіе въ ней характеровъ, туманность описаній, къ которымъ авторъ прибѣгаетъ для разъясненія характеровъ своихъ героевъ, утомительныя длинноты, отзывающіяся риторикою, полу-восторженный, полу-поучительный тонъ по поводу всѣмъ извѣстныхъ истинъ, которыя она „какъ будто сама только что открыла",

---

[1]) Отеч. Зап. 1852 г. Т. LXXXIX.

[2]) Отеч. Зап. 1851 г. Т. LXXVII.

[3]) Сочиненія Аполлона Григорьева. Т. I. С.-Пет. 1876.

[4]) Современникъ 1852 г. № 1.—Полное собраніе сочиненій П. С. Тургенева. Посмертное изданіе. С.-Пет. 1883 г. Т. I., стр. 358.

небрежный слогъ, болтливую, часто водянистую, рѣчь и общій всѣмъ тогдашнимъ писательницамъ недостатокъ—отсутствіе юмора и ироніи.

И по содержанію своихъ романовъ, за исключеніемъ первой повѣсти „Ошибка", гдѣ личность героини надѣлена такими качествами, какими ранѣе авторы не надѣляли своихъ героинь, Евгенія Туръ принадлежала къ старой школѣ писателей; она описывала большой свѣтъ, свѣтское общество, откуда и брала, по преимуществу, своихъ героевъ и героинь. Ея міросозерцаніе, по словамъ критика *Москвитянина*, было не выше міросозерцанія графа Соллогуба, но у Туръ „большая претензія на серьезность" [1]).

Съ появленіемъ дальнѣйшихъ повѣстей Евгеніи Туръ, критика перестала восхищаться ими и въ 1854 году *Современникъ* уже находилъ, что у Туръ, какъ и у другихъ писательницъ, нѣтъ самостоятельности, что въ „Племянницѣ" много повыдерганныхъ фразъ, нерусскихъ словъ, что проповѣдуя любовь къ простотѣ и ненависть къ экзальтаціи, она, какъ и другія, „чужда простоты и полна холодной, придуманной экзальтаціи" [2]).

Евгенія Туръ, урожденная Сухово-Кобылина, получила въ домѣ своего отца хорошее образованіе; кромѣ иностранныхъ языковъ, которымъ ее обучала гувернантка, у ней были хорошіе учителя: русскую исторію преподавалъ ей профессоръ Мороткинъ, литературу—поэтъ и преподаватель въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ—Раичъ, физику—профессоръ Максимовичъ. Развитію ея таланта способствовала окружавшая ее съ дѣтства интеллигентная среда, такъ какъ въ домѣ ея отца собирались, въ тридцатыхъ годахъ, писатели и профессора московскаго университета [3]).

Почти въ одно время съ Евгеніею Туръ начала писать, извѣстная впослѣдствіи, подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго, Н. Д. Хвощинская. Въ первыхъ же ея произведеніяхъ критика признала образованный взглядъ на общество и людей, благородное направленіе мыслей и таланта, а въ числѣ недостатковъ указала на „идеальныя поползновенія и свѣтскія претензіи" [4]).

Благородное направленіе, характеризующее всѣ произведенія

---

[1]) Москвитянинъ, 1853 г. Т. 2.

[2]) Современникъ, 1854 г. Т. 43.

[3]) Литературная дѣятельность графини Е. В. Сальясъ (Евгенія Туръ). Біографическій очеркъ Д. Языкова (Ист. В. 1892 г. май).

[4]) Отеч. Зап. 1853 г. Т.Т. LXXXVIII и XCVIII—*Соврем.* 1854 г. Т. 31 и 1856 г. Т. 56.

Хвощинской, высказалось въ первыхъ же ея повѣстяхъ, между прочимъ и сочувствіемъ автора къ людямъ обиженнымъ, страдающимъ, забитымъ. Такая участь часто выпадала на долю женщинъ; ихъ преимущественно и выбирала Хвощинская героинями своихъ повѣстей, мастерски изображая жизнь такихъ женщинъ среди хорошо ей знакомыхъ провинціальныхъ нравовъ тогдашняго (30-хъ—50-хъ годовъ) общества. Но тепло и симпатично рисуя своихъ одинокихъ, заброшенныхъ героинь, она не задавалась вопросомъ о причинахъ ихъ печальнаго положенія и не искала для нихъ выхода изъ него.

Такой выходъ представлялся тогда, для всѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, одинъ—замужество или взаимная любовь. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ уже чувствовались, хотя слабо, вѣянія новыхъ требованій жизни, указывавшія и женщинамъ тотъ выходъ, который часто спасалъ мужчинъ отъ ихъ личныхъ несчастій, который, наполняя жизнь, даетъ содержаніе внутреннему міру человѣка, сообщаетъ ему силу въ перенесеніи личныхъ невзгодъ и нѣкоторую независимость отъ окружающихъ его внѣшнихъ условій, т.-е. трудъ, интересъ къ наукѣ, искусству, общественному дѣлу. Этому много способствуетъ образованіе.

Повидимому, Хвощинская это сознавала, но смутно и, какъ женщина своего времени, останавливалась на половинѣ пути. Въ первой ея повѣсти (*Анна Михайловна*), написанной въ 1850 году, героиня, по словамъ автора, много читала и, благодаря этому, была развитѣе окружавшаго ее общества. Позже, подъ вліяніемъ обнаружившагося во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ движенія идей, выдѣлявшіяся изъ общаго уровня своей среды героини повѣстей Хвощинской, читали „не только Жоржъ-Зандъ, но и Пельтана“, умѣли понять и передать дѣловой разговоръ, за что и подвергались насмѣшкамъ въ обществѣ и всякимъ непріятностямъ въ семьѣ. Но такое образованіе не спасало героинь, которыя, не почерпая въ немъ достаточно силъ, чтобы стать въ болѣе независимое положеніе отъ угнетавшей ихъ среды, уступали ей и погибали.

Хвощинская жила въ провинціи, въ средѣ, мало способствовавшей широкому умственному развитію; но она была умна, чутка и по развитію все-таки стояла выше всѣхъ своихъ предшественницъ въ литературѣ. Тѣмъ не менѣе, она не выдѣлялась изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, до шестидесятыхъ годовъ, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ въ общемъ для всѣхъ женщинъ дѣлѣ.

Свою чуткость она обнаружила тѣмъ, что одна изъ первыхъ въ нашей литературѣ подмѣтила слабыя стороны новаго, появившагося въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, типа женщинъ съ претензіями на образованіе и развитіе. Тургеневъ первый изобразилъ такую женщину переходнаго времени въ лицѣ Заднѣпровской (*Два портрета*, 1853 г.), и, позднѣе, въ лицѣ Кукшиной; но онъ отнесся къ нимъ объективно. Хвощинская, можетъ быть не понявъ, что это явленія временныя, случайныя, стала изображать подобныхъ женщинъ сгущая краски, такъ, что можно было думать, будто въ этихъ каррикатурахъ на образованныхъ и развитыхъ женщинъ, съ ихъ смѣшными сторонами, ничего другого, кромѣ смѣшного и уродливаго, не было.

Имъ она противополагала деревенскихъ барышенъ съ „простымъ здравымъ смысломъ", на сторонѣ которыхъ были всѣ ея симпатіи [1]).

Своимъ образованіемъ (исключительно литературнымъ), Хвощинская обязана самой себѣ. Она сама выучилась иностраннымъ языкамъ (кромѣ французскаго, которому ее учила мать), въ томъ числѣ итальянскому, и ознакомилась съ литературою этихъ языковъ, а также русскою, путемъ чтенія всего, что ей попадалось подъ руку. Одно время она брала уроки и латинскаго языка у студента рязанской семинаріи, приготовлявшаго ея младшую сестру къ поступленію въ институтъ. Девятилѣтнею дѣвочкою она писала подъ диктовку отца дѣловыя бумаги и копировала для него планы. Начитавшись Вальтеръ-Скотта и французскихъ романовъ „только не Жоржъ-Занда и не Гюго, которые—разсказывала она—до насъ не достигали" [2]), она, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, начала писать романы, тщательно скрывая это отъ всѣхъ.

Когда, въ 1847 году, были напечатаны въ *Литературной газетѣ* первыя ея стихотворенія и скрыть это отъ родителей было нельзя, то отецъ сочувственно отнесся къ литературнымъ занятіямъ дочери; но мать горько плакала и говорила: „дай Богъ, чтобы это у ней прошло!"

Провинціальное общество, въ нѣкоторой своей части, считало Хвощинскую помѣшанною за ея „литературныя наклонности, нерасположеніе къ выѣздамъ, внимательное отношеніе къ крестьянамъ, приходившимъ по дѣламъ къ отцу, и, наконецъ, нѣкото-

---

[1]) *Испытаніе* (1854 г.).—*Деревенская исторія* (1855 г.).

[2]) *Н. Д. Хвощинская-Заіончковская* (В. Крестовскій псевдонимъ). В. И. Семевскаго. (Р. Мысль, 1890 г., октябрь).

рые взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства, какъ, напримѣръ, несочувствіе крѣпостному праву“.

Основываясь на субъективности женскаго таланта, и разсматривая произведенія женщинъ не съ художественной или литературной точки зрѣнія, а исключительно съ цѣлью ознакомиться изъ этихъ произведеній съ стремленіями, идеалами, ходомъ ихъ развитія, отношеніемъ женщинъ къ собственному, близко ихъ затрогивавшему дѣлу, вообще съ міросозерцаніемъ авторовъ, можно придти къ заключенію, что за все время, отъ тридцатыхъ до половины пятидесятыхъ годовъ, женщины, сознавая тяжелыя условія своей жизни, не раздѣляли взгляда людей, видѣвшихъ въ поверхностности и недостаточности ихъ образованія одну изъ главныхъ причинъ ихъ положенія, или онѣ не рѣшались открыто примкнуть къ такимъ людямъ. Какъ бы то ни было, но „голосъ русской женщины“, такъ радостно привѣтствованный Тургеневымъ при появленіи романа Евгеніи Туръ, не былъ слышенъ въ маленькомъ, но избранномъ, хорѣ голосовъ, требовавшемъ, столько же во имя самой женщины, сколько въ интересахъ общества и семьи, измѣненія и улучшенія женскаго образованія и воспитанія.

Въ этомъ можно, конечно, винить женщинъ; но трудно было и ожидать, чтобы въ дѣлѣ развитія русскаго общества онѣ стояли въ первыхъ его рядахъ, когда въ теченіе всего времени, вплоть до самой эпохи реформъ, женщины находились подъ давленіемъ тѣхъ же условій, которыя съ незапамятныхъ временъ ставили ихъ въ особый, замкнутый міръ. Туда и законы, и нравы, и общественное мнѣніе, и система образованія и воспитанія, не допускали ничего, способствующаго развитію мысли, ширинѣ взгляда, самостоятельности личности. Мимо нихъ прошло все философское, научное, и даже, казалось бы долженствовавшее особенно интересовать женщинъ, педагогическое движеніе; однимъ словомъ все, что имѣло такое сильное вліяніе на развитіе лучшихъ представителей нашего общества въ сороковыхъ годахъ.

Въ окружавшей большинство женщинъ обстановкѣ не было ничего, что пробуждало бы въ нихъ умственные интересы. Мужчины почерпали любовь къ знанію въ общеніи съ просвѣщенными, русскими и западными, людьми, въ университетахъ, русскихъ и иностранныхъ; отсюда они выносили впечатлѣнія и знанія, которыми потомъ дѣлились въ товарищескихъ кружкахъ, гдѣ, разсуждая и споря, выработывали въ себѣ убѣжденія и взгляды, нерѣдко остававшіеся имъ на всю жизнь, и пріобрѣтали ту умственную зрѣлость, которая отвращала ихъ отъ пустыхъ занятій и мелочей свѣтской жизни.

Если немногія женщины, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, участвовали, или, лучше сказать, присутствовали при такихъ бесѣдахъ, и вообще вращались въ кружкахъ просвѣщенныхъ людей, то нравственное вліяніе этихъ бесѣдъ и людей не могло проникать все міросозерцаніе женщинъ, ибо онѣ не были подготовлены настолько, чтобы понимать и углубляться въ то, о чемъ кругомъ нихъ говорили. Полюбить же то знаніе, которое имъ давалось въ пансіонахъ и институтахъ, женщины не могли, а съ окончаніемъ курса въ 17 — 18 лѣтъ кончалось ихъ образованіе и начиналась дѣйствительная жизнь съ ея многочисленными ежедневными, крупными и мелкими, заботами, или съ ея гнетущей свѣтской пустотою. Тогда, за крайне рѣдкими исключеніями, у нихъ не находилось ни времени, ни желанія продолжать начатое образованіе, тѣмъ болѣе, что и приложить свои силы, свой трудъ, свои знанія, еслибы даже все это было въ наличности, женщинамъ было нѐкуда, ибо единственнымъ поприщемъ труда, открытымъ для женщинъ, оставалось и въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, профессія гувернантки или учительницы музыки.

Весь строй жизни, не позволявшій женщинамъ вообще, расширить кругъ своихъ наблюденій, оказывалъ, между прочими причинами, вліяніе и на женщинъ-писательницъ, среди которыхъ не нашлось настолько сильныхъ по развитію и по таланту, чтобы открыто выступить на защиту того, что онѣ должны были считать справедливымъ, и этимъ протестовать противъ господствовавшихъ въ обществѣ взглядовъ.

Все это объясняетъ почему наканунѣ, можно сказать, дня, когда, въ ряду другихъ движеній, однимъ изъ первыхъ, охватило русское общество движеніе въ пользу измѣненія системы и улучшенія женскаго образованія и воспитанія, сами женщины не только не обнаруживали никакихъ къ этому стремленій, а даже оставались, повидимому, равнодушными къ такому движенію. Но застигнутыя врасплохъ, онѣ, однако, сразу примкнули къ нему и стали горячо высказываться за необходимость реформъ въ этомъ дѣлѣ; это показываетъ, что среди нихъ были элементы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не обнаруживавшіеся ранѣе наступленія болѣе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ.

Что такіе элементы были, что начавшееся у насъ, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, движеніе идей, путемъ естественнаго ихъ развитія, привело къ сознанію необходимости измѣнить положеніе женщинъ въ обществѣ, улучшить ихъ образованіе и воспитаніе, что оно не заглохло и въ предшествовавшую крымской

войнѣ эпоху застоя,—на это указываютъ слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны основанной ею Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. „Полагаю, — сказала она Пирогову — что прибытіе сестеръ на театръ войны,—лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства“ [1]).

[1]) *Н. С. Лѣсковъ*. Загробный свидѣтель за женщинъ. Наблюденія, опыты и замѣтки Н. И. Пирогова, изложенныя въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ. (Истор. В. 1886 г. ноябрь).

2007044269